

ИЛЪЯ КИШИН

CRIMSON FEVER

В начале XXI века на мир обрушилась угроза настоящей ядерной войны, и для бегущих от разрушений людей спасительным плотом стала Гармония — одинокий островок посреди Тихого океана. Именно здесь в 2042 году родился мальчик по имени Ашидо, детство у которого с самого начала не задалось: одни издевательства, да недостаток родительской любви. Всему виной были необычные красные глаза, пугающие людей своей редкостью, от которых и сам герой готов был с радостью избавиться, но вскоре судьба подкинула в жизнь новых сложностей, выбросив и без того одинокого ребенка в жестокий мир политиков и кровожадных убийц, где слезы и истошные крики уже стали обыденностью. В борьбе за собственное выживание Ашидо предстоит узнать о причине всех своих неудач, о чудовищной тьме, поселившейся в сердцах граждан, а также о неведомой силе, данной ему с рождения. Кто знает, возможно, мальчик был рожден ради великой цели?

Пролог: Красноглазый мальчик

Вы когда-нибудь задумывались о том, кто же такой человек и чем он так уникален? Самый обычный живой организм нашей планеты, посредственность, точно такой же, как и другие, разве что на порядок умнее. Вы знали, что животные могут умереть от депрессии? Мне было очень смешно, когда я в первый раз об этом услышал: живой организм теряет интерес к жизни, когда из его окружения пропадают ему подобные, со временем краски тускнеют, а то, что когда-то называлось сердцем, наполняется пустотой, пропадает желание принимать пищу и утолять жажду, смерть медленно подбирается к своей несчастной жертве. Так что же отличает меня от животного? — Ничего.

Меня зовут Ашидо Такаги, и я красноглазый — звучит не так уж необычно, верно? Подумаешь, будто рассказал о чем-то удивительном. На деле же, моя жизнь издалека напоминает будние бродячего пса, слоняющегося по улицам в поисках теплого местечка, где ему будет комфортно, но даже при наличии такового, одиночество бы меня не покинуло. Люди боятся того, чего сами не понимают, любое отклонение от нормы уже можно назвать ненормальным, а в нашем мире без отклонений никак, особенно после войны. Пусть она и закончилась более тридцати лет назад, война внутри каждого из нас никогда не закончится. Люди выгорели, теряя свои дома и своих близких, каждое упоминание о войне вызывает дрожь по всему телу, холодок пробегает по спине, слюну удается сглотнуть с необъяснимой тяжестью. Родился бы я в другое время и в другом месте, все могло сложиться иначе, судьба же считает, что все в порядке вещей, все так и должно быть, будто я был рожден в самой глуши самой неизвестной дыры на карте мира для великой цели. Кто поверит в такую несурязицу? Пусть Гармония изначально была местом надежд, где все забывали о тяжести бытия, но в реальности люди по сей день живут в страхе, потому я ни капли не удивлен, что во мне увидели что-то столь же пугающее, что-то отдаленно напоминающее об ужасах прошлого. В детстве не было никого такого, кто мог бы мне объяснить, почему другие дети кидаются в меня камнями и обходят стороной, не говоря уже о моральном давлении — я все еще не знаю причин. Неужели наличие у человека красных глаз дает право глумиться над ним?

Я родился в 2042 году на границе Дрянного района и Трущоб, как уже оговаривалось ранее — в самой глуши. Город наш называется Гармонией, так его назвал еще первый король, который приплыл сюда вместе с огромной кучей людей. Все они бежали от войны с материка на ранее никому неизвестный остров. Кого только не было на этом корабле: русские, немцы, японцы, французы, англичане, даже граждане Штатов-Отступников, проще назвать их бывшими американцами. Мир действительно смог объединиться перед лицом общей проблемы — мировой войны, когда каждый день люди перекидывались ядерными боеголовками, словно играя в футбол на школьном поле, не задумываясь о последствиях. Человечество не могло больше терпеть, народы сплотились под флагом крупного мирового союза, они собирали ковчеги — огромные корабли, способные вместить в себя внушительное количество людей, некоторые такие до сих пор стоят у берегов Гармонии. Мои родители тоже были на одном из этих ковчегов, они тогда были еще совсем молодыми. Пусть моя семья была в числе первых людей, заселявших и строивших город, набивших себе цену во время строительства гордости нового государства — островной дамбы, такой большой вклад не уберег их от бедности. У каждого в жизни есть взлеты и падения, хотелось

бы мне сказать, что это нормально, но, когда ты посвятил более двадцати лет отстройке города, а остался без гроша на границе самого грязного района в городе — это можно назвать лишь зверством.

Родители были подавлены, им пришлось забыть о карьере и выживать в дряхлом домике, вокруг которого лишь железнодорожные пути и другие обделенные бедолаги, даже урожай негде было выращивать — почва не позволяла. Не знаю, что могло сподвигнуть маму и папу пойти на такой отчаянный шаг, но они решили завести ребенка. Так на свет появился я — здоровенький красноглазый младенец. Родителей подбадривали тем, что по статистике 30 % детей Гармонии рождаются мертвыми, и им крупно повезло, что я родился здоровым, но это не спасало ситуацию. Пусть мама и папа старались любить свое чадо, любви никогда не хватало. Я бродил по улицам в одиночестве, без единой возможности завести друга. Такое паршивое чувство, стереотип о необычном цвете глаз совсем не работает, ты не становишься избранным для великих дел героем, способным стрелять лазером из глаз, а, напротив, с каждым днем все больше понимаешь, что ты — изгой. Пока обычные дети наслаждаются своим детством, смеются, получают кайф от жизни, ты лишь медленно утопаешь в этой черной, как смоль, луже, называемой одиночеством.

Тем не менее, для меня не существовало понятия о депрессии, я всегда думал, что такое состояние — удел глупых людей, затерявшихся в самокопани. В большинстве случаев так оно и есть, ведь люди привыкли сравнивать обычный моральный упадок с тем, что и рядом с ним не стоит. Выйти из настоящей депрессии поможет лишь появление чуда, это может быть что угодно: любимый человек, миллион Гармонийских кредитов, или даже час простой болтовни со своими друзьями. Так случилось и в моей жизни, сколько бы ко мне не подходили другие дети, чтобы заплести узел дружбы, все они по неведомым причинам разбегались, не желая водиться со мной, если дело не доходило до издевательств, до того самого дня — когда у меня появился первый друг, такой долгожданный и сразу любимый. Рыжеволосый мальчик с доброй улыбкой, подобно остальным, подошел познакомиться, он никогда раньше меня не видел, можно было предположить, что этот бродяга надолго не задержится. Нелепый тяжелый выдох сопровождал мою инициативу поднять голову, я посмотрел ему прямо в глаза, как делал это с каждым, кто решался со мной заговорить, ожидая последующих шаблонных действий, но этот парень не стал меня гнобить, как остальные, а лишь молча пилил взглядом, после чего произнес те самые долгожданные слова, о которых я мечтал всю свою недолгую жизнь:

— Ну, чего молчишь, станем друзьями?

Он застал меня врасплох, глаза сами собой намокли, а через десяток секунд по щекам уже невольно катились слезы радости — видели бы вы его лицо в этот момент. Так у меня появился первый друг, его звали Ральфом, он был самым обычным мальчиком, совсем неотличимым в толпе других детей, он был тем, кто увидел во мне слабака и одиночку, загнанного в угол недоброжелательными детьми, но не стал надо мной глумиться, протянув вместо этого руку помощи. Его вовсе не волновал цвет бесконечно красных глаз, будто бы Ральф уже сотню раз видел подобных мне людей, что частично соответствовало действительности, ведь я был далеко не единственным, чьи глазки светились от шампуня для взрослых. Ральф познакомил меня свесьма резвой и вечно неугомонной девочкой на два года младше нас обоих, ее звали Лаффи. Она была совсем другой, совсем непохожей на меня — красные глаза совсем не ущемляли ее жизненные принципы. Лаффи вечно навязывалась к любому предмету своего интереса, порой перегибая палку, но это не послужило поводом

отвернуться от своего любимого друга, ведь эта светлая девочка приняла меня таким, какой я есть, точно так же, как это сделал Ральф. Тогда я был действительно счастлив, эти люди вытащили зашуганного щеночка из лужи грязи и принесли в свой теплый дом, такой чистый и атмосферный. Может, для обычного ребенка завести новых друзей в порядке вещей, но для меня это было спасением от самого заклятого врага — одиночества.

Я был действительно счастлив, но в один момент, вопреки всем возможным задуманным планам, друзья пропали из моей жизни, как и предполагала судьба, которая всеми руками и ногами была против моего счастья, если они у нее вообще имеются. У родителей на старость лет совсем уже поехала крыша, они стали относиться ко мне ничем не лучше, чем дети с улицы. Я верил, что предкам всего лишь нужна была разрядка, возможность отдохнуть от никудышного сына и попробовать выбраться с границы Трущоб в люди. В этом плане мне повезло немного больше, ибо в одиннадцать полных лет я попал в клинику вдали от дома, а если выражаться точнее, четвертую исследовательскую лабораторию аномальных явлений имени доктора Стивена Колдена, что находилась аж в Академическом районе.

Это был огромный скачок в моей жизни, я наконец выбрался из грязи и попал в уютную атмосферную комнатку на втором этаже клиники. Там и познакомился с лучшим и самым гениальным творением человечества из когда-либо создаваемых им вещей — компьютером. Будь у меня такой в дошкольном возрасте, я бы закрылся в своей комнате и никогда из нее не выходил, растрачивая свое детство на игры, не задумываясь о жизни в обществе, а, соответственно, никогда бы не познал человеческого горя. Попал я сюда по инициативе родителей — у меня проявилась необычная болезнь глаз, хотя верилось в это слабо, такое решение больше похоже на коварный план предков сплавить свое чадо куда подальше от родного дома, против чего я ни слова не высказал. Моим доктором назначили никого иного, как самого Стивена Колдена, выглядевшего то ли смешно, то ли грустно, а родители нашли в себе силы просто оставить меня с ним наедине, а сами сбежали домой в сопровождении красивого закатного зарева.

И, вот, мне уже семнадцать лет, я вполне взрослый и состоявшийся юноша, если, конечно, говорить о психическом аспекте. За эти долгие шесть лет пришлось вытерпеть множество уколов и порций таблеток, потому иголки уже не пугают, как это было раньше. Я сильно преисполнился и набрался уверенности, тысячи и десятки тысяч видео в интернете сделали из меня умного и грамотного человека. Сегодня уже можно было заранее попрощаться с этой дырой и наконец начать свою взрослую, полную приключений жизнь, ведь завтра у меня последняя процедура, а затем иди на все четыре стороны Ашидо, все дороги для тебя открыты, тем более, что многое изменилось за эти годы, проведенные в скромной комнатке важной клиники. Проводится процедура будет под личным надзором доктора Колдена, потому волноваться не о чем, но, что самое главное — я наконец смогу увидеться с родителями. Уверен, они успели соскучиться и будут рады увидеть своего сына взрослым мужчиной. Крайне прискорбно, что рядом нет Ральфа и Лаффи, я бы всё отдал, лишь бы они сейчас были здесь со мной. С такими тревожными и весьма неуместными мыслями я лег спать, попрощавшись со своей комнатой, которая уже стала мне родной, запомнившись на всю жизнь.

Ночью мне снились кошмары, в привычной пустоте, где не было ничего, я постоянно слышал шепот, который пытался о чем-то предупредить. Вслушиваться в поток смешанной и едва разбираемой информации не представлялось возможным, я лишь ощущал дискомфорт

от пребывания в белом шуме, хотелось поскорее проснуться и сбежать от этого всего куда-нибудь в тишину. К счастью хриплый и в какой-то мере смешной возглас доктора Колдена смог меня пробудить. Ужасное чувство, будто по пьяни уснул где-то на бетоне. Пусть я еще не успел познать вкус алкоголя и его безбашенное послевкусие, однако, полагаю, ощущения сравнимые. Кое-как отодравшись от кровати, я пошел приводить себя в порядок. Доктор выдал мне распоряжения: не есть, не пить, не приходить с плохим настроением, а я изо всех сил старался соблюдать каждый пункт, но, лишь мельком взглянув в зеркало, уже нарушил третий приказ — больно было смотреть на такое растрепанное чудище, как я. Не подумайте, выгляжу я прекрасно, но хотелось бы побаловать себя стилистом. Если говорить о внешних качествах, то я всегда был красавчиком: черные волнистые волосы, красивые пропорции лица, милые красные глазки со своей не очень приятной историей, тело не без мышечной массы, иногда даже невольно задаешься вопросом — чем же я все эти годы болел?

Какой-то отрезок времени ушел на уход за собой, ибо нельзя быть грязным и неухоженным в такой важный день — долгожданный момент моей выписки. Уверен, родители точно не хотели бы меня таким видеть, что подтверждают сюжеты с насильственным принуждением мыться каждый день. Убедившись в своей безупречной красоте, я покинул стены ванной комнаты. В такие дни врасплох может застать лишь волнение, когда неопределенность событий накладывает отпечаток на молодой и здравый ум. Собравшись с духом, я хотел было пойти искать доктора, но застал его прямо в дверях.

— Готов, Такаги? Твои родители уже здесь, — улыбнулся Колден.

— Да! — решительно произнес я, не мешкая ни секунды.

Такой возглас немного отрезвил меня, приведя в чувства — сегодня переживать нельзя!

Мы шли по белым коридорам клиники, стены которых никому не было интересно красить в какие-то успокаивающие цвета. Не могу сказать, как персонал относится к другим пациентам, но ко мне всегда хорошо относились и большую часть времени даже не беспокоили, потому как я сам того не желал. Поворот, снова поворот, лестница, поворот и, вот, наконец-то мы у заветной двери. «Кабинет специальных операций» — так он называется. По словам доктора сегодняшняя операция будет последней, и я очень надеюсь, что никаких игл в глазах не будет. Выдохнув, я уверенно вошел в кабинет, который из-за своего вида больше смахивал на операционную: вдоль стен все возможные приборы, пара людей из персонала, вероятно, хирург и его помощник. Взгляд зацепил большой стеклянный куб, внутри которого располагался стационарный аналог стоматологического кресла, но куда более навороченный, даже сил не пожалели на добавление фиксаторов для конечностей, видимо, для совсем уж буйных пациентов. Пусть все это выглядело очень интересным и немного пугающим, все внимание заострилось на тех, кто стоял немного левее. Вот они — мои никудышные, но, тем не менее любимые родители: Мария — моя скромная и вечно суетная мама, рядом с которой ютится Джиро — мой отец, болеющий синдромом важности, но не менее любимый член семьи. Я хотел поскорее с ними обняться, рассказать обо всем, что удалось пережить и познать, да и сам бы с радостью послушал, как же они все эти шесть лет без меня жили, но доктор Колден распорядился однозначно:

— Сначала операция, потом общение, хорошо? — произнес он, держа меня за плечо.

Такой расклад дел немного расстроил, потому пришлось подчинительно тащиться внутрь того самого куба. Родители стояли прямо напротив кресла, к которому меня старательно прикручивали сотрудники клиники. Вид открывался отличный, потому я мог свободно смотреть на них и предвкушать, как мы вместе выходим из дверей этого Богом

забытого места, но на их лицах почему-то не мелькало ни капельки радости от долгожданной встречи с сыном. В их глазах читался страх, невооруженным взглядом можно было разглядеть легкую дрожь. Неужели они так переживают за удачность операции, что не могут выдать из себя ни слова, ни улыбки? Какие у меня шансы на благоприятный исход? Пусть доктор Колден и выглядит уверенным, как человек своего дела, я невольно начинаю нервничать.

В какой-то момент молодой мужчина в белом халате ввел мне в вены иглы — похоже, все уже началось. Пусть в стенах и висит очень тревожное молчание, сотрудники делают свое дело, вынуждая меня довериться их опыту. Когда все было готово к операции, доктор Колден дал добро на ее начало. Сотрудники как-то нервно суетились, бегая вокруг кресла, пока наконец по трубкам не потекла какая-то прозрачная зеленоватая жидкость. Я отчетливо чувствовал, как температура моего тела падала, ноги будто бы наливались свинцом, зрение мутнело, замедлялся сердечный ритм, глотать воздух становилось все тяжелее и тяжелее.

Я засыпал, хотелось бы верить в то, что это какой-то сильный внутривенный наркоз, но ощущения куда более выраженные, словно это не быстрый способ уснуть и проснуться в кровати с ощущением сухости во рту, а медленно подступающая смерть. Я был готов ко всему, был готов просто уснуть, но за медленным успокаивающим эффектом последовало резкое болевое ощущение, пронесшиеся по всему телу. Было больно настолько, будто тысячи игл одновременно проткнули каждый сантиметр моего тела. Я закричал, начал неистово дергаться, стараясь куда-нибудь скрыться от этой невыносимой боли. Было видно, как все присутствующие в помещении запаниковали — все пошло не по плану? Именно этого опасались родители? Почему я не знал о том, что все может пройти негладко? Доктор специально не сказал мне, потому что не хотел, чтобы я переживал перед операцией? Лучше бы я был к этому готов, ведь такая боль застала меня врасплох, заставив задуматься, не умираю ли я на самом деле.

— Убивайте! Убивайте его! — послышался крик в промежутке между моими истошными воплями.

Что все это значит? Меня реально собираются убить? Доктор Колден выбежал из кабинета, пихнув дверь настолько сильно, что та чуть с петель не слетела — куда же он? В этот момент я был сильно напуган, будучи на пороге признания шокирующей правды, но все еще надеялся, что мои дорогие родители не оставят меня в беде, но то, что последовало вслед за моими мыслями, полностью разрушило всю картину мира, мое стеклянное потрескавшееся сердце в миг раскололось на мелкие осколки, разбилось без возможности склеить его по кусочкам обратно в то любящее сердце, пропитанное добром, которому меня научили мои бесценные друзья.

— Убейте его, пожалуйста! Сделайте хоть что-нибудь! — в панике умоляли сотрудников родители.

В этот момент я не видел в их глазах ни капли родительской любви, ни дольки родительского тепла, мои собственные родители подписали мне казнь, они дали на нее добро, а значит, это была вовсе не последняя операция, после которой я мог с широкой улыбкой пойти домой — это была эвтаназия. Никто не стал спрашивать моего разрешения, они преждевременно закопали меня в могилу, взяв на себя непростительный грех.

Куб вдруг начал заполняться каким-то пепельно-красным дымом, настолько плотным, что проблеску света в нем не нашлось места — они решили быстро добить пациента. Мне

все еще было больно, теперь уже не только от той гадости, которую эти гады влили мне в кровь, но еще и от осознания того, что родители предали своего ребенка с самого рождения. Я всегда был изгоем, думал, что мама и папа просто вечно заняты и им не хватает на меня времени, что они любят меня, но не могут дать того требуемого детскому сознанию тепла — на деле же все куда хуже. Они никогда не любили меня, хотели только поскорее избавиться от лишнего груза, в то время как некогда чуждые мне Лаффи и Ральф любили своего друга по-настоящему, им было все равно, кто я и откуда, они приняли меня таким, какой я есть, научив многому и дав хоть каплю надежды на то, что когда-нибудь одиночество покинет меня.

Сердце раздирает от мысли, что красноглазая девчонка, которая все время раздражала, просто пропала из моей жизни, как и рыжеволосый мальчик, с которым мы всегда весело проводили время, играя в футбол, который всегда подбадривал меня, не давая грустить ни минуты. Мне так вас не хватает, друзья. Сейчас я готов броситься на каждого, кто попадется мне на пути, печаль переросла в гнев. Это такой парадокс, который всегда был и всегда будет: человек сначала грустит и, если его вовремя не вытянуть из пучины отчаяния, он становится злым, холодным, безразличным к окружающим, но в глубине души все равно остается израненным ребенком. Мы подавляем нашу слабость злобой, которую называем сильной стороной, но на деле же просто скрываемся от самых потаенных уголков своей души, убегая от самих себя, в чем нет нашей вины. Во всем виноваты те, кого не оказалось рядом, те, кто предал в критическую минуту. Даже если никого в мире не было, чтобы спасти тебя, это значит только то, что весь мир виноват в том, что ты стал таким.

Я почувствовал, как по моему горлу пронеслось лезвие, дым продолжал заполнять куб, пока в нем не осталось ни лучика света — это конец. Закрыв глаза, я уже было смирился с собственной смертью, но боль резко утихла, а перед глазами стали проявляться едва различимые картины, будто бы я попал в кинотеатр с предсмертным фильмом от первого лица. Киноплёнка показывала, как стены куба залились кровью, разливающейся в абстрактные пятна, внушающие ужас во всех, кто их видит. В густом дыме не было видно ни намека на силуэты предателей и убийц, но я знал, в каком месте они стоят. В этот момент я не чувствовал ничего, хотелось лишь выбраться из этой клетки и выпотрошить все живое вокруг, с чем мне очень подсобил мой собственный фильм.словно самый настоящий главный герой боевика, я голыми руками разбил толстое стекло куба, шагнув наружу. Прошло всего несколько секунд, и куски того, что я когда-то называл родителями, разлетелись в разные стороны. Неужели человек в самом деле перед собственной смертью видит именно то, чего больше всего желал достигнуть при жизни?

Останавливаться на одной лишь свершенной мести не хотелось, потому я поплелся дальше по коридорам, разрушая все на своем пути и убивая каждого, кто попадется на глаза, словно какой-то неведомый монстр. Честно говоря, меня это даже немного забавляло, ведь я никогда не представлял себя в теле маньяка-потрошителя, но в момент перед смертью осознал, почему они стали такими. Не каждый маньяк представляет из себя от замороженного психопата, кто-то из них прошел тот же путь, что и я — тропу без любви и понимания.

Погрузившись в процесс в процесс с головой, я даже не заметил, как оказался на улице. Кругом была лишь темнота и шел сильнейший ливень, капли с грохотом сталкивались с твердой землей. Воздух казался невероятно свежим, высокая влажность внушала ощущение его безмерной чистоты — очень атмосферно и спокойно. Тихим шагом я шел вдоль моста, что служил въездом на территорию лаборатории. Под ним виднелся лишь глубокий

ливнесток, который был совсем не к месту, он лишь портил вид своим нелепым присутствием, когда я так желал лицезреть красивую широкую реку, но поток воды от этого нескончаемого дождя даже отдаленно не был похож на нее.

— Ашидо, — послышался знакомый голос в непосредственной близости ко мне.

Я повернулся к источнику, застав перед собой именно того, кого хотел увидеть больше всего перед своей смертью — Стивена Колдена. В этот момент он казался таким маленьким и никчемным в сравнении со мной, будто бы детская матрешка с сюрпризом — такой хрупкий и уязвимый, а внутри самый настоящий монстр. Я готов умереть, только раздробив его кости в порошок, чтобы он почувствовал всю ту боль, которую пришлось испытать мне, но судьба решила иначе — свинцовая дробь с огромной ударной силой врезалась мне в ребра, от чего едва живое тело перевалилось за перила моста, отправившись в полет.

Похоже, близится финал предсмертного фильма, который обрывается на самом драматичном моменте. Пленка тускнеет, глаза закрываются, мне больше не о чем вспоминать, ведь вся моя жизнь от начала и до самого конца была отвратительной, сколько бы надежд я в нее не вкладывал.

Все, о чем я жалею в этот момент, так это о том, что, несмотря на все мои усилия, в самом конце я так и остался одинок.

Глава 1: Бродячая жизнь

Ощущение от внезапного пробуждения оставляло желать лучшего. Распластавшись на земле, я отчетливо слышал свое едва живое сердце, чувствовал, как моя сдавленная дробью диафрагма двигается в своем привычном ритме. В обстановке холодного и влажного воздуха ни одна мельчайшая вибрация внутренних органов не проходит мимо моего внимания, лишь одна деталь не вписывается в общую картину — отсутствие боли, будто бы все, что со мной приключилось не так давно — всего навсего кошмарный сон. То, что так болезненно въелось в мою память совсем не походило на реальные события, но, если вдуматься, железным аргументом в пользу правдоподобности выступает лежащий прямо на краю ливнесточка мешок с костями, еле обсохший под лучами нежного утреннего солнца.

Я жив — каким-то чудом пережил прямое попадание дроби в грудь. Действительно, отвратительно застать себя живым, когда уже смирился со смертью, отдав себя на растерзание высшим силам. Ливень унес меня в места с позабытой болью — обратно в мир, населенный такими жестокими и непредсказуемыми созданиями, которых мы привыкли называть людьми. Я все еще помню, как кромсал беззащитных людей на пути к выходу из клиники, думая, что вижу предсмертное послание. В голове не укладывается, как все могло так обернуться, ведь всего за один день я лишился всего: родителей, которые, как я считал, вкладывали в меня хотя бы частичку своей любви; крыши над головой, пусть и в глуши, пусть далеко не в жизнеспособном состоянии — но все же дома.

В потоке беспорядочных мыслей внутри головы невольно всплывали воспоминания о друзьях, но пролить слезы в такой ситуации было бы совсем неуместно, ведь никакого положительного эффекта за этим не последует. Меня разрывает не столько от печали, сколько от осознания, что слезами горе не сотрешь. Все, что мне теперь остается — жить и идти дальше, полагаясь только на себя, хоть я и искренне верю, что кто-то однажды вытянет меня из этой трясины.

Место, где я сейчас нахожусь, довольно тихое: рядом лишь что-то отдаленно напоминающее стоянку, небольшой мост прямо надо мной, а кругом лишь забор, да крутые склоны. Интересно, зачем в Гармонии такое место, специально расчерченное под функционал стоянки? Транспорт ведь в дефиците, не многие могут себе его позволить: металл и пластик идут в производство, топливо государство использует точно не для того, чтобы по дорогам гоняли автолюбители, потому мало у кого в личном владении имеется подобное средство передвижения.

Возвращаясь в реальность, я прокручивал у себя в голове один единственный вопрос — в какой же район меня занесло? За всю свою жизнь я ни разу не выходил за пределы Дрянного района, не считая клиники, однако со всеми остальными был прекрасно знаком — все благодаря интернету. Если обратить внимание на истоки нашего города, то еще в первые годы основания король поделил его на одиннадцать основных частей, семь из которых по сей день являются главными городскими районами, которые расположились вокруг королевского дворца, находящегося в центральном Парадном районе. В одном из таких районов и прошло мое детство, вернее на его границе с Трущобами в отдалении от цивилизации — я знал это место, как свои пять пальцев.

Думая о том, в какой же район меня все-таки занесло, ответ казался очевидным — поскольку ничего незнакомого вокруг не наблюдается, меня закинуло обратно в родные

земли, только не в привычное с детства захоlustье, а в самую глубь, где даже с перспективы лежащего в канаве паренька все казалось куда приличнее. Пусть в тот день и лил невероятной мощности ливень, меня все равно не могло далеко унести, ибо ливнесток растянулся от подножия островной горы до водоочистной станции в Трущобах, тем самым в общей сложности проходя через несколько районов.

Коль в сердце еще теплится надежда, нужно поскорее выбираться отсюда, несмотря на то, что плана действий у меня нет, как и места, куда бы я мог пойти, где меня бы ждали. Времени отлежаться не было, продолжи я здесь откисать, забывая и без того трещащую голову лишней информацией — это ни к чему бы не привело, потому я нашел в себе силы встать. Энтузиазма действовать не так много, но, если я сейчас сдамся, воля к жизни иссякнет, а пожить ведь хочется: увидеть мир, познать вкус крепкой дружбы, найти свою любовь и, тогда, я, наконец, возможно, достигну обычного человеческого счастья.

С горем пополам я все же смог подняться, чувство неотвратимости и тоски поменялось местами с чувством невероятной легкости, стоило только оборвать корни между моей спиной и твердым бетоном. Не знаю, стоит ли воспринимать мое неведомое воскрешение, как знак проявления какой-то скрытой силы, но других объяснений я найти не могу, потому придется свыкнуться с фактом, что в мире есть место для сверхъестественного.

Поднявшись по склону ливнесточка, я вышел на стоянку, которая, очевидно, была пустой, хотя некогда забытая машина старой войны на ней присутствовала, стоя прямо в центре, будто ждала только меня. Ее грубая фактура, утонченные грани, простота использования и эффективное потребление энергии в совокупности делали из нее самый величайший из всех возможных видов наземного транспорта — велосипед. Да, это самый обычный велосипед с корзиной, такой и у меня был, правда, куда меньших размеров. Стоило глянуть внутрь решетчатой емкости, в ней обнаружили неожиданные подарки: какие-то шмотки, на новые не особо были похожи. Хозяин велика, вероятно, собирался отвезти их каким-нибудь родственникам, или чего хуже, на продажу, а это значит, что ему не будет обидно, если я их «одолжу».

Я прямо на стоянке сбросил с себя мокрый костюм пациента, больше похожий на комбинацию смирительной рубашки со штанами грузчика, после чего нацепил на себя обновки: черное худи размером чуть больше привычного — не стесняет и не висит, можно сказать, в самый раз, как и вполне стильные штаны того же цвета, которые до войны назывались как-то по-другому, но сейчас их кличут никак иначе, как «змееныши». Для закрепления образа я забрал и кроссовки, только, вот, жаль, что носков не нашлось. Повезло, что я не брезгливый — к одежде не придираюсь: ношу то, что на теле сидит, что глаза не мозолит, а как это выглядит, меня не особо волнует, тем более, что эта одежда неплохо на мне смотрится, даже будучи мятой из-за предшествующего ей состояния скрученного в колбаску комка ткани.

Достигнув удовлетворения образом, я покинул стоянку, не тронув велосипед из-за своей неготовности воровать, после чего направился навстречу неизведанному. Возможно, поплутав некоторое время по улицам, я найду способ выкрутиться из своего положения, пока еще есть время.

***

Пусть я и был воодушевлен и замотивирован на подвиги во имя себя, вся эта мотивация неведомым образом утекла вместе с осознанием того, что прошло уже три дня — теперь меня точно можно было назвать самым настоящим бомжом. Пока я бесцельно бродил по

Дрянному району среди всего этого простого люда нижней прослойки, на улицах нередко встречались плакаты с моим лицом, при чем фото на них было ужасным. Я все еще помню тот день, когда доктор Колден делал этот снимок, я тогда поспал не больше двух часов из-за того, что всю ночь наблюдал за невероятными движениями величайшего киберспортсмена планеты — Антона Эиреала. К моменту, когда появился доктор и заставил позировать, мое лицо было похоже на полуфабрикат: грязное, сонное и недовольное. Мольбы о том, чтобы нигде и никогда это фото не использовалось, видимо, прошли мимо ушей, вследствие чего теперь каждый человек в городе может его увидеть.

Меня искали, отличительными приметам были красные глаза и черные волнистые волосы, что было и против меня, и за. Все потому, что я мог скрыться под капюшоном, как это делают многие замкнутые в себе люди, либо те, кто не успел высушить голову перед работой. Других примет, способных помочь меня опознать, на плакатах не было. Знакомых у меня нет, потому никто не поможет поисковому отряду гвардии на меня выйти, а в реалиях микрорайона с высокой плотностью населения в Дрянном районе найти меня, все равно, что иглу в стоге сена — я спокойно сливаюсь с толпой, грязь по всему телу добавляет убедительности.

Условий, играющих на руку, очень много, но этого недостаточно, ведь совокупность узких улиц, трехэтажных домов, тусклого свечения и вечного присутствия пьяниц на свежем воздухе не позволяла найти никакого временного жилья. Любые свободные нежилые помещения занимали бандиты и наркоманы, которых я бы не смог выставить на улицу, поскольку такого хулигана люди попросту заложат, потому из-за факта неотвратимости в обстановке безвыходной ситуации я вынужден ночевать под открытым небом.

Такой образ жизни вымотал уже за три дня, нужны были хоть какие-то деньги, без них было куда — пустым кошельком голод не одолеешь. Я не нашел ничего лучше, чем шляться по улицам и спрашивать у каждого прохожего, похожего на бандита, где можно заработать хотя бы на еду — должно же быть такое место, где лишние руки не помешают. Любой другой человек, будучи таким же замкнутым интровертом, как я, позабудет о своих принципах в первый же голодный вечер, познав на своей шкуре всю силу денег.

В этот день я опросил многих, но в большинстве случаев за вопросом следовал пинок в живот или удар по морде, лишь иногда я мог отделаться простой словесной перепалкой. Множество раз за просьбой о помощи следовал отказ, будто все здесь таких каждый день видят — что за невезение. Пусть результата мои попытки выкрутиться не давали, но я продолжал верить в лучшее, ссылаясь на одну народную мудрость: «Если долго-долго мучиться, что-нибудь получится».

Уже изрядно замучившись, будучи практически сломленным, я подошел к очередной группе мужчин, которые все так же были больше похожи на бандитов и немного выделялись из массы простых граждан. Стоило комку грязи заговорить, все присутствующие тут же обратили на меня внимание — как приятно.

— Подскажите, — едва слышно произнес я, сглотнув слюну, — вам не нужен работник?

— Деньги нужны? — один из стоящих взял на себя инициативу заговорить со мной.

— Да, хотя бы на еду, — вздохнул я.

— Жить-то есть где? — продолжил опрос лысый мужчина в кожаной жилетке поверх голого торса.

— Нет, — опроверг я, — на улице приходится ночевать.

— Слушай, мелочь, — вклинился другой мужчина, — тебе не у кого больше помощи

просить? Чего ты до нас докопался-то? Иди лесом с такими вопро...

Он замолчал в тот момент, когда лысый мужчина жестом приказал ему заткнуться. Вот, значит, какой вес в этом мире имеет авторитет.

— Ты же знаешь, что твое лицо светится на плакатах о розыске, дружок? — спросил у меня все тот же лысый мужчина, имя которого мне неизвестно.

В этот момент мои зрачки сузились, сердце забилось немного быстрее, я почувствовал, что ситуация накаляется, а мой спонтанный стресс тихо перерастает в панику. Эти люди могли бы просто сдать меня, получив за свой поступок кучу денег, ведь за мою голову пообещали немалую сумму — легкая нажива для бандитов.

— Лицо попроще сделай, все свои, — с усмешкой обнадежил лысый мужик, — нам выгоднее иметь сильного союзника, нежели сильного врага. Раз уж твое лицо на каждом углу висит, значит, есть за что отлавливать.

— Х-хорошо, — промямлил я.

— Идем, оборванец, познакомлю тебя с новым работодателем.

Такие слова из его уст волшебным образом внушали доверие, как будто мне знаком этот взгляд. Борода и мускулатура придают мужчине ощущение серьезности и важности, коих нет у простых бандитов, но почему же вместо дискомфорта тот вселяет спокойствие? Другие присутствующие не выглядели такими брутальными, они были больше похожи на обычных прохожих, сложно было их отличить от живой массы этого района: никакого стиля, никакой уникальности.

Я подчинительно поплелся следом за мужчиной, а его друзья, коих проще было назвать коллегами, остались на том же месте, от чего уровень доверия к неизвестному спасителю поднялся еще выше. Я остался один на один с человеком, желающим мне помочь, однако параноя все еще имела место быть, но, по крайней мере, я все еще верю и надеюсь, что это так, ведь мир не без добрых людей. Порой даже самый отмороженный на вид мужчина может оказаться добрее и благожелательнее улыбчивого прохожего.

Пока я витал в своих мыслях, переулки неблагополучного района пролетали один за другим, пока мы-таки не дошли до места назначения — частного бара «Глотка Гидры» на цокольном этаже одного из четырехэтажных панельных жилых домов.

— Слушай внимательно, — посмотрел на меня вполборота мужчина, стоя перед железной дверью, — скажешь, как я, и тебя впустят внутрь, а если забудешь — проблемы твои.

Это что, он мне скажет какой-то секретный пароль, что-то вроде «карбонара» или «водка с хлебом»? Какой-то промежуток времени он кряхтел, разминая голосовые связки, и, вот, наконец собрался с мыслями:

— Собака не лает без пива, кабан никогда не смеется без джина, хомяк не дышит без водки, Гидра заполнит до верха глотки, — произнес он, после чего дверь отворилась.

Такого бредового пароля я еще никогда не слышал — мало того, что совсем не звучит, так еще и максимально длинный. Вопреки испанскому стыду, я запомнил его от начала до конца — не мое дело, какие у них здесь пароли, я пришел за деньгами. Мы вошли внутрь, я уж было совсем забылся, озираясь по сторонам на веселящихся пьяниц, тогда-то мужчина вдруг обратился ко мне без всякого контекста, от чего я пропустил его слова мимо ушей:

— Чего? — переспросил я, спохватившись.

— Меня зовут Коннор, — повторил он.

— Хорошо, я запомню, Коннор. А меня зовут...

— Ашидо, — перебил он, — я давно знаю тебя и твоих родителей, однажды мне пришлось стряпать с них долги, ты тогда только ползал, но я запомнил все твои приметы. Стоило на днях увидеть в списке погибших в том инциденте твоего батяню Джиро, а потом твою унылую рожу на плакатах, сложить два плюс два было уже не так сложно.

— Унылую рожу? — подумал я про себя.

— Коннор, скажи, почему ты мне помогаешь? — поинтересовался я.

— Не знаю, такой уж я человек, — странный ответ. — Ты далеко не единственный такой уличный котенок, которого я сюда привожу.

— А есть и другие? Где они сей...

— Заходи, — оборвал он, приоткрыв дверь за барной стойкой, не дав мне продолжить.

В этот момент мне стало немного не по себе — кто же эти люди, которых сюда приводили и где они сейчас? Я зашел внутрь, в нос сразу же ударил резкий запах курева — такого не было, пока мы шли вдоль сидячих мест и барной стойки, но, стоило только сунуть нос за злополучную деревянную преграду, из нее сразу повеяло ароматом рака легких.

— Еще увидимся, Ашидо, — сказал Коннор, пока спешно закрывал за мной дверь.

Я даже не успел его поблагодарить, хоть и не знаю, куда он меня привел. Исходя из сказанного ранее, сейчас я нахожусь в кабинете «нового работодателя» — но где же он?

— Так-так, кто этот гость, что заглянул на чай к королеве мафии? — донесся женский голос из-за угла.

Навстречу мне вышла элегантная, подтянутая и обворожительная дама, от вида которой дух замирал... Шучу, это была обычная сутулая женщина в спортивном костюме с сигареткой в зубах — ходячий рак легких и отказ печени, но, по всей видимости, крупная шишка. Такой собеседник внушает больше спокойствия, нежели навязчивого дискомфорта. Приметной деталью были ее короткие светло-рыжие волосы до подбородка, которые дополняли образ на удивление эффектно.

— Представься, гость, — обратилась она ко мне.

— А-ашидо Такаги, — ответил я, немного замешкавшись.

— На плакатах ты выглядишь куда опрятнее, — проговорила она, в очередной раз напомнив мне о собственной популярности, — присаживайся.

Пусть дама и выглядела как продукт с конвейера, коих на улице и без того много, даже так она умудрялась показать свою элегантность: вынимала изо рта сигарету, когда со мной разговаривала, двигалась грациозно, а первое впечатление от ее речи оказалось на удивление положительным, ведь никакой брани в ней не присутствовало.

— Меня зовут Наталья, — представилась она, — заслужишь уважение, буду Наташей. Ну, что, щеночек, рассказывай, как тебя сюда занесло и по какому делу.

— Очень приятно, Наталья, меня сюда привел Коннор, сказав, что вы будете моим работодателем. Мне всего лишь нужны деньги, только бы поесть и переночевать не на улице — вы можете мне помочь?

— Ого, — удивилась она, — работать пришел? Благородно, какой вид деятельности тебя интересует?

— Ну, — задумался я.

— Кражи? Убийства? Шантаж? Шпионаж? Саботаж? Сексуальное рабс...

— Нет-нет, постойте! — засуетился я, перебив ее.

— Бармен? — продолжала она говорить, явно надо мной посмеиваясь.

— Подождите, пожалуйста!

Наталья в ожидании замолчала.

— Я не хочу никому вредить, мне просто нужны деньги, пусть и небольшие, но деньги. У вас не найдется чего-нибудь простого, где не нужно никого калечить?

— Интересный ты кадр, Такаги, — нахмурилась Наталья, сложив руки в замок. — Люди попадают ко мне по большому благу, готовые взяться за любую работу, лишь бы тетя Наташа дала им денюжку и поставила каблук на лицо, а ты так прямо заявляешь, что готов работать за мизерные деньги, лишь бы не вредить людям?

Не знаю, что на это можно ответить, чтобы не заработать себе врага. Если наговорю лишнего — мне конец. Но, вопреки переживаниям, Наталья кинула на меня довольно ехидный взгляд, я мог лишь догадываться, о чем она в этот момент думает, в глазах не читалось осуждения, напротив, похоже, я ее заинтересовал.

— Ты мне нравишься, Такаги! — своим радостным смешком обнадежила меня Наталья. — С этой минуты можешь звать меня Наташей.

— Как скажете, — согласился я.

Она выглядела очень довольной, будто бы я первый, кто хоть как-то выделялся из толпы ее периодических посетителей. Тем не менее, некий дискомфорт все еще присутствует, приходится аккуратно выбивать выражения.

— Итак, посмотрим на то, что мы имеем, — задумалась она, — у меня есть для тебя выгодное предложение, работа сама по себе негрязная, денег с нее особо не поимеешь, но для тебя сделаю исключение и накину надбавку за красивые глазки.

— Звучит как-то, — хотелось сказать подозрительно.

— По-издевательски?

— Нет-нет, что вы! — воскликнул я, немного испугавшись.

— Расслабься, — посмеялась Наталья, — все свои, ты, можно сказать, уже стал мне другом.

— Другом? — задумался я.

Насколько давно я слышал это слово в последний раз? Не могу сказать, что Наташа стала мне другом за такой короткий промежуток времени, поскольку она все еще не внушала исключительного доверия, но, за неимением иного выхода, мне придется ей довериться.

— Что от меня требуется? — продолжил я диалог после небольшой паузы, сопровождаемой ее пристальным взглядом.

— Ох, работенка забавная, видишь ли, вид у тебя довольно страшенький. Не сочти за грубость, но мне это только на руку, будешь доносить мои распоряжения до моих ребят и, может, даже до тех, кто перешел мне дорогу — где-то лично, а где-то в виде коробочки, — объяснила она. — С таким видом к тебе не будет вопросов, все уже привыкли к подросткам с конвертами. Платить буду столько, чтобы хватало на жизнь, прямо из своих рук — согласен?

Заманчивое предложение, работа непыльная, платить будет лично заказчик, но меня смущает факт того, что мне придется иметь дело не только со «своими».

— Идет, — согласился я, отпустив эту деталь.

— Отлично! — радостно воскликнула Наталья. — Можешь начать уже завтра, материал предоставлю.

— Наталья, — хотел было я задать вопрос.

— Наташа, — возразила она, не дав продолжить.

Было видно, что Наталье не по душе, как я произношу ее имя в официальной форме, но просто так обращаться к ней, как к Наташе, было как-то неудобно.

— Хорошо, понял, Наташа, — подхватил я. — Где мне можно ночевать? Я все еще без какого-либо намека на кров.

— Об этом не беспокойся, — утешила она. — прямо над нами стоит дом, в котором имеются свободные комнаты, поживешь там.

— Спасибо большое, я вам очень благодарен.

— Без проблем! — снова смеясь, сказала Наталья, — можешь идти, ребята тебя проводят, только объясни им ситуацию.

— Хорошо, — напоследок сказал я, поднявшись с места и направившись к выходу.

Пол предательски скрипел, добавляя дискомфорта в и без того стрессовую ситуацию. Наталья неожиданно меня окликнула, от чего я вздрогнул.

— Только имей в виду, Такаги, я очень не люблю людей, которые много трепаются, — произнесла она угрожающим тоном. — Ты либо будешь моим другом, которому я пойду навстречу в любом вопросе, либо в один день я пришлю к тебе в гости такого же оборванца с улицы, и доставит он тебе не очень приятное послание — усек?

— Усек, — утвердительно произнес я, — можете на меня рассчитывать.

— Тогда счастливо! — закончила Наталья.

— До свидания.

Это было страшно, ее взгляд резко изменился перед тем, как я вышел. Наталья не из тех людей, терпение которых стоит испытывать, а доверие подрывать, потому я, как человек совести, не могу просто взять и повернуться спиной к тому, кто протянул мне руку помощи. Однажды я верну ей все добро в полном объеме, но для начала нужно выкарабкаться из своего положения.

На выходе из комнаты меня ждал свежий воздух и мой приятный знакомый — Коннор. Думаю, мне нужно обратиться к нему, чтобы передать первые поручения босса.

— Ну, как все прошло? — обратился ко мне Коннор с видимой издевкой, опередив мысли.

— Не знаю, — засомневался я, — хорошо, наверное, она сказала мне обратиться к кому-нибудь, кто мог бы отвести меня в комнату в доме, что находится над нами, а завтра я уже смогу выполнять свою работу.

— Вот как, — опешил Коннор. — Обычно босс выгоняет таких оборванцев, как ты. Они приходят за грязными деньгами, после чего пинком вылетают из бара, а ты, видимо, произвел хорошее впечатление, так держать.

— С-спасибо, — оторопел я.

— Идем, Ашидо, я покажу твою комнату.

Коннор повел меня не на улицу, а к лестнице в конце бара, которую я даже не заметил, когда мы входили — она вела внутрь дома. Судя по всему, бар с домом соединены в монотонную конструкцию, а все, кто живет в этом доме, являются подчиненными Натальи. Любое помещение в здании выглядит опрятным — тут даже свои уборщики есть? Коридоры кажутся абсолютно одинаковыми, фактура сосновой древесины немного успокаивает, ведь она сильно отличается от стен клиники, которые мне очень не хотелось бы вспоминать. Кругом довольнолюдно, как в общепите, где люди на каждом углу болтают друг с другом, делясь эмоциями, так сразу и не скажешь, что среди них есть преступники.

В такие моменты мне становится стыдно, что я позволял себе называть этих людей неблагополучной прослойкой, ведь сейчас я с ними бок о бок, а потому места стереотипу о

разрушителях человеческих судеб в моей голове нет, ведь они вытащили бездомного бродягу с улицы, дав работу, а самое главное — крышу над головой.

Немного погодя я уже стоял напротив двери в свою новую комнату на третьем этаже, которая выглядела так, будто ее только минуту назад поставили. Я все еще считаю, что не заслужил ничего из того, что мне дали, но такую доброту никогда не забуду. Коннор открыл мне дверь и вручил конверт от Натальи, которая, судя по всему, уже успела заранее назначить мне первое задание, инструкции к которому прилагались в комплекте, болтаясь на куске скотча поверх.

— Коннор, спасибо тебе, — заговорил я, — если бы не ты, я бы помер голодной смертью.

— Не знаю, как ответить на твою благодарность, — замялся он. — Просто выручи меня, когда нужна будет помощь, лады?

— Обещаю, — улыбнулся я, приложив кулак к груди.

— Бывай! — улыбнувшись, попрощался Коннор.

Я улыбнулся в ответ уходящему Коннору, после чего умиротворенно просочился внутрь своей комнаты. Тяжело вспомнить, когда в последний раз я так улыбался, наверное, перед своей смертью. Пусть я и выдал этот нелепый смешок, вытекший из моих мыслей прямо в реальность, вспомнил я об этом ой как зря — пусть моментами Ашидо Такаги и стойкий малый, я все еще ребенок и не могу так легко отпустить смерть своих родителей, какими бы гадкими они не были.

Заметавшись в своих мыслях, я совсем позабыл о комнате, в которую только что вошел. Она была совсем небольшой: прихожая, санузел и одна комнатуха, где можно было только переночевать — скудно, однако мне более ничего не нужно, не в том я положении, чтобы жаловаться на жилищные условия.

На тумбочке возле кровати виднелась мятая газетка, которая датировалась десятью днями ранее, заголовок гласил: «Лаборатория «GenTask» была взята штурмом после обвинений в антиправительственной деятельности» — немного похоже на мой случай, тут тоже фигурирует лаборатория, но частная, а не государственная.

Зачитавшись, я даже не заметил второй газеты, которая изначально лежала под этой. Она уже была как раз обо мне, о чем гласил заголовок: «Из ГИЛ № 4 сбежал опаснейший преступник».

— ГИЛ — государственная исследовательская лаборатория? — задумался я.

Вне всякого сомнения, речь идет обо мне, кто еще мог оттуда сбежать? «Накануне в ГИЛ № 4 имени доктора Стивена Колдена произошел инцидент, по результатам которого из принудительной изоляции вырвался на свободу опаснейший преступник, принесший огромный убыток. По предварительным данным пострадало тридцать семь человек, пятнадцать погибли, трое пациентов скрылись в неизвестном направлении, умышленно покинув места своей изоляции. Прочие обстоятельства выясняются» — это был срочный выпуск газеты, написанный на следующее утро после событий.

Не очень хочется все это читать, ведь я даже близко не предполагал тех цифр, которые написаны в газете. Сейчас нужно просто помыться — не гоже оставлять грязь в чистой комнате, в особенности если она не является моей собственностью. Завтра будет новый день — поток свежего воздуха. У меня появился шанс вылезти из моего положения, и я им воспользуюсь, а затем, однажды, добьюсь долгожданного покоя, но сейчас нужно вспомнить о гигиене.

Приводя себя в порядок под струями воды, я случайно порезался бритвой, убирая с лица уже успевшие отрасти усы. Все бы ничего, но порез сразу же начал затягиваться, а из раны валил легкий дымок, похожий на тот, что заполнил куб в лаборатории. Простроив логическую цепочку, я вдруг осознал, что то явление было моим собственным дымом, а не один из способов персонала добить пациента — вот, значит, какая у меня сила. Это многое объясняет, в особенности то, как я выжил после прямого попадания дроби в грудь.

С удовольствием помывшись под струями горячей воды, будто смыв с себя второй слой кожи, я направился в теплую кровать, на которую мое уставшее и измотанное тело рухнуло камнем. Лежа под легким одеялом, я все никак не мог выкинуть из головы этот дым, то ли дело кусая собственный палец, чтобы из раза в раз смотреть на эту своеобразную регенерацию. В один момент мне это надоело, потому я попробовал напрячь извилины, представляя, как дым обволакивает кожу. Стоило лишь представить, вложить капельку воли в задуманное, как оно воплощалось в реальность, дым и вправду появлялся сам собой, пусть и в небольших количествах — такая способность была бы крайне полезна в условиях бегства, но стоит еще немного попрактиковаться.

В этот день я по-настоящему поверил в то, что мои красные глаза в самом деле означали наличие некой силы, но такая деталь все равно не дает ответа на главный вопрос — кто же я такой?

Глава 2: Дети, что слышат шепот

Будние стали лететь беззаботнее — Наталья сдержала свое слово и взяла меня под свое крыло, а взамен я безоговорочно выполнял все порученные мне задачи. Работа была непыльной, в основном я доставлял распоряжения в конвертах другим подчиненным Натальи — своим «безымянным коллегам». Иногда приходилось даже запугивать людей, перешедших ей дорогу, но в основном это были совсем уж безобидные бедолаги. Бывало и такое, что по моему портрету узнавали зверского убийцу, пришедшего ради возмездия за совершенные грехи. Двойной удар по трусливому сердцу: сумасшедший маньяк из газеты, работающий на главу банды. Первое время меня мучала паранойя, но никто за это время так и не заявил о своей находке, боясь бандитской кары. Жаль, что иерархия моего работодателя до конца неизвестна, возможно и она кому-то подчиняется, но мне незачем это знать. Наталья платила, как подобает, потому голодные дни канули в лету, а чувство одиночества потихоньку шло на спад.

Так пролетел почти месяц, каждый день без выходных я усердно трудился на благо своего начальника и скромного круга рабочей силы. Для всех я уже давно стал родным, вроде ребенка какого-то родителя, что вечно бегаёт у него на работе и пристаёт к остальным. Ко мне относились с теплом, баловали вкусностями, рассказывали интересные истории в свободное время за столом. Хотелось бы, чтобы нас связывали не только рабочие взаимоотношения на уровне начальника и уборщика — настоящих друзей все еще не хватает. Какое-то время мне придется скрываться в берлоге бандитов, но, если появится возможность выбраться отсюда, я, пусть и слегка колеблясь, уйду, попрощавшись со всеми.

Сегодня я снова передал конверт с посланием аж на границе Трущоб, пейзажи которых навевают воспоминания, когда я здесь жил. Это очень спокойное место: нелюдное, а вместе с тем довольно мрачное. Будучи ребенком, я этого не замечал, хоть атмосфера и проникала в самое сердце, пронизывая каждую клетку тела своей навязчивостью. Когда-то я бесцельно слонялся по этим улицам, не зная, чем себя занять: ловил ящериц, строил замки из песка, кормил бродячих кошек, коротко говоря, занимался всем, чем угодно, лишь бы отвлечься от реальности — это даже немного спасало. Я никогда не был буйным и волевым мальчиком, обычно так себя ведут дети, которым не хватает внимания. Так ведь и появляются задиры или дурачки, которых все равно никто не любит, но внимание к себе они все же притягивают. Лично мне не по душе такой подход к людям, я более дружелюбный и уравновешенный однолюб, хотя внутри тонна всех возможных переживаний, которые нередко тянут вниз и мешают протраивать отношения.

К Наталье я возвращался по дороге, которая проходила мимо недостроенного театра, который поначалу был долгостроем, а потом его и вовсе забросили — повлияло расположение, никому не были интересны театры в этом районе, застройщик поздно до этого додумался, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Когда-то и я бегал по этому театру со своим другом Ральфом, мы даже таскали туда всякий хлам, который нам детям казался очень полезным. Все это дело мы складывали прямоком в комнату на третьем этаже, это было одно из немногих помещений, которое закрывалось на ключ — на входе во многие из них даже дверей не было. Я не спрашивал у Ральфа, откуда он достал ключ, мне было важно проводить с ним время, а уж такие мелочи не более, чем формальность. Возможно, он все еще там, спрятан где-то в щели между кирпичей. Сейчас же меня безумно тянет к этому

месту, ведь в нем сокрыто огромное количество теплых воспоминаний, греющих душу.

В этот день я решил снова посетить давно заброшенное место и, вот, уже просачиваюсь между прутьями металлического забора, где мог и не пролезть, будь немного толще. Стоило преодолеть преграду, как я уже поднимался по ступенькам к черному входу — через него было удобнее всего попасть в здание. Запах пыли придает этому месту свою незабываемую атмосферу. Войдя внутрь, я повернул к лестнице, что находится прямо за углом от черного входа — удобно. Хотелось просто подняться наверх к нашей с Ральфом комнате, но вдруг на цокольном этаже послышались глухие шорохи — кто еще мог бы здесь находиться помимо меня? Вполне вероятно, обычные бездомные или бродячие животные, однако шорохи были слишком уж частыми, будто бы человека три одновременно катаются по полу.

Мне стало интересно, и я тихим шагом начал спускаться вниз. Внизу не было ни единого источника освещения, солнечный свет дальше лестницы не просачивался, потому уже за полосой дверного проема царила крошечная темнота. Кто бы там не был, он имел это в виду и захватил с собой фонарик — я заметил, как свет от него бежит по стенам, когда шагнул во мрак. Судя по движениям, там какая-то схватка, сопровождаемая едва различимым шепотом.

Шагнув в дверной проем, ведущий в комнату, где находились неизвестные, я обомлел — внутри расположились четверо мужчин и одна девушка в изорванной одежде, истекающая кровью. Двое стояли около нее, двое позади, у одного из них был нож. Все стало понятно с первого взгляда, никаких объяснений не требовалось — это были преступники, решившие, что имеют право решать, как сломать судьбу бедной девочке: изнасиловать или убить, а, может, все вместе. Они спорили за первое место в очереди, пока светловолосая девушка тщетно сопротивлялась — но что она может противопоставить холодному оружию? Я еще могу ее спасти, потому на раздумья времени нет. Резко врывавшись в комнату, я сразу же набросился на первого, кто попался под руку, забыв о собственной безопасности — это мой момент зверства, когда инстинкты сильнее здравого смысла. Пусть я двигался не так грациозно и быстро, как главный герой боевика, но все же смог дать отпор троице неблагополучных граждан.

— Ублюдок! — прорычал последний оставшийся бандит.

Бой мог быть неравным, если бы не арматурный прут, который тихо ждал моего появления, оперевшись на стену. Скорее всего, эти трое уже не встанут, как мог и не встать последний из их компании, если бы я не выронил прут, который сейчас запрятался где-то под телом одного из обидчиков. Стоило замешкаться всего на секунду, как я уже получил глубокий удар ножом, холодное лезвие вонзилось прямо в живот, а затем резким движением вышло наружу, располовинив внутренности.

— Вот и допрыгался, зайчик, — ухмыльнулся он.

Я вспомнил момент, когда мне скальпелем перерезали шею — на этом месте не осталось ни раны, ни шрама, тогда, зачем же мне беспокоиться о простом ножевом ранении? Набравшись смелости, я схватил мужчину за горло и прижал к стене, он кряхтел от недостатка воздуха и продолжал бить меня ножом в бок, его лицо в этот момент нужно было видеть — эта физиономия, когда не понимаешь, почему тебя продолжают душить после стольких ударов ножом. Признаться честно, было очень больно, я определенно залил кровью свои новые штотки, а мои внутренности смешались в кашу, но отпускать его было нельзя. В какой-то момент бандит начал терять хватку, а затем и вовсе закатил глаза, замертво упав на пол, стоило мне его отпустить — этот точно готов.

Ощущения были далеко не из приятных, не говоря уже о виде раны, когда из моего изрешеченного живота демонстративно валил легкий дымок того же пепельно-красного оттенка, как и собственно созданный — значит, это и есть регенерация? Тело регенерирует даже без моего ведома, пусть и медленно, хотя хотелось бы его поторопить. Где-то в глубине души после прочтения газеты я поклялся больше не убивать людей, но такое зверство было невозможно проигнорировать.

Спасенная девушка не подавала признаков жизни, я прощупал пульс и был рад уловить практически здоровую пульсацию, что довольно странно, будто ее сердечный ритм и не думал замедляться. Что же мне с ней делать, если в больницу нельзя?

— Там меня сразу заложат, — опомнился я.

Может, отнести ее к Наталье? Нет — далеко и опасно, кто знает, как босс на это отреагирует. В голову приходило лишь одно решение — дотащить ее до той самой комнаты на третьем этаже, где есть завалившаяся аптечка. Срок годности спирта давно уже истек, пусть он и был вдвое больше довоенного, а это значит, что обеззаразить раны я не смогу, потому нужно хотя бы остановить кровь, а после она уже сама дойдет до больницы, когда поправится, и там ей помогут.

Взвалив девушку на плечи, я сильно закричал, столкнувшись с резкой болью в брюшной полости, однако все равно нашел в себе силы двинуться напрямик на третий этаж. Подниматься было крайне сложно, под весом широких женских бедер ноги то ли дело подкашивались — она весила явно больше шестидесяти килограмм, будучи едва легче меня самого. Жаль, что дойти до комнаты — не более чем одноразовая акция, ведь трупы в подвале рано или поздно найдут, а следы крови девушки, идущие прямо до третьего этажа уткнуться прямо в дверь нашей тайной базы детства. Что ж, ради спасения человеческой жизни я готов пожертвовать воспоминаниями, остается лишь молиться, чтобы ключ от двери оказался на том же самом месте.

Добравшись до пункта назначения, я подошел к стене с небольшой щелью между кирпичами, аккуратно свесил руку девушки и начал нервно рыскать в отверстии пальцами. Казалось, надежды нет, но ключ за более чем шесть лет оказался нетронут, тогда я радостно схватил его и бросился открывать дверь. Замок проржавел, как и ожидалось, но дверь без особых усилий поддалась и отворилась, теплая волна воспоминаний захлестнула меня в виде резкого запаха пыли, ударившего в нос. В такой обстановке слишком легко подцепить заразу, она сразу попадет в открытую рану.

Все так же с девушкой на руках я открыл дверцы старого пыльного шкафчика, где мы когда-то оставляли пакет с большими платками, применяемыми в качестве постельного белья. Отдаю должное себе прошлому, ведь такая, казалось бы, незначительная деталь, как платки в полиэтиленовом пакете, окажется так полезна в будущем. Нелепо орудуя одной рукой, я разорвал пакет, схватил что-то похожее на плед и накинул его на матрац, который мы давным-давно кое-как притащили в комнату, чтобы было на чем сидеть. Его можно было бы назвать ортопедическим лет десять назад, но сейчас он был похож на что угодно, только не на спальное место. Аккуратно положив девушку на постеленное для нее место, я кинулся к тому же самому шкафчику за аптечкой, где точно имелись бинты и жгуты, дабы остановить кровотечение. Немного движений руками и заветная аптечка, которая в детстве нужна была лишь для хранения пластырей, найдена.

Стоило развернуться, как мне в глаза кинулась весьма неожиданная деталь, вид которой не внушал достоверности — раны девушки излучали ярко-зеленое свечение, иногда из них

вылетали маленькие хлопья того же цвета. Я медленно подошел поближе, чтобы внимательно разглядеть процесс — сомнений не было, она регенерирует, ее раны медленно затягивались, но этот процесс заметно отличался от моего.

Глядя на нее, я вспомнил про собственное увечье, после чего приподнял кофту и взглянул на поврежденное место, лицезрев уже практически затянувшуюся рану, но дым все еще шел, а это значит, что процесс, скорее всего, будет продолжаться до тех пор, пока область ранения не приобретет свой первоначальный вид. Что же касается девушки, она немного быстрее преодолевает этапы залечивания, но почему же регенерация началась не сразу? Есть какие-то определенные условия для восстановления клеточной структуры? Я обязательно расспрошу ее, когда она очнется, а пока нужно хотя бы смыть кровь с кожи. Толку от аптечки теперь никакого, хотя и до этого его почти не было — в этой ситуации могло помочь только чудо, и оно произошло.

Девушка была на вид моего возраста, ростом около ста семидесяти сантиметров, на голове виднелись светлые волосы, заплетенные в хвост с помощью черного банта, при этом часть волос была красиво уложена на фронтальной части лица и по бокам свисала до уровня плеч. Она была одета в школьную форму: белая блузка и галстук, темная юбка до колен, чулки и школьные туфли, и все это было зверски изорвано бандитами — какая жалость. Осторожными движениями я снял остатки одежды с ее тела, осталось только нижнее белье, до которого мистер Такаги не сможет дотронуться за недостатком моральной стойкости, пусть даже они аналогично запачканы.

Впервые вижу женщину настолько близко, от одного только взгляда на ее тело становится совсем не по себе. Что же она обо мне подумает, когда очнется? Собравшись с мыслями, я смочил взятый из аптечки бинт водой, которая стояла все в том же шкафчике, тем самым решив смыть с нее кровь. Медленными движениями я начал процесс, робко шоркая по ее гладкой коже, излучающей приятное тепло — с какой грани не посмотри, а ситуация довольно неловкая.

Некоторое время спустя дело было сделано, осталось лишь дождаться, когда она придет в себя — тогда и поговорим.

Этот денек мне запомнится надолго, такой стресс пробуждает затаившийся голод, но уйти в такой ситуации было бы неправильно. Помимо воды мы когда-то складывали сюда и консервы: фасоль, тушеную говядину, рыбу. Пошарив в шкафу я-таки нашел запасы и, выбрав самое безопасное изделие со сроком хранения, истекшим около пяти лет назад, принялся его жадно есть. На вкус разницы никакой, будто бы цифры на банках написаны для галочки. В любом случае, на мой организм такая пища никак не повлияет, раз уж нож не смог. Доев свою заслуженную порцию, я сам не заметил, как, приложившись к стенке, тихо уснул.

***

Оказавшись во сне, я не был так доволен, ведь этот сон снился мне уже не одну тысячу раз. Навязчивое сновидение заставляло меня снова и снова бродить по бескрайней пустоте, в которой лишь изредка раздается шепот, перебивая тишину. Поначалу такие сны казались мне кошмарными, но со временем я привык, а теперь, когда мне известна собственная сила, я понимаю, что такие сны — посредственность, с которой нужно смириться, тем более, что в такой обстановке можно собраться с мыслями, ведь никто не в силах вторгнуться в идеальное личное пространство, не считая кого-нибудь настырного, чей голос в тишине раздавался раскатами грома — как сейчас. В тишине послышался отчетливый женский голос, а это значит, что пора просыпаться.

Открыв глаза, я столкнулся взглядом с девушкой — очень приятно, что она решила не убивать меня во сне. Ее красивые ярко-зеленые глаза смотрели мне прямо в душу, казалось, будто она может заглянуть в любой ее уголок.

— Объясни, пожалуйста, почему я тут сижу голая и у меня на трусах пятна, — заговорила девушка, заметив мой встречный взгляд.

— Вообще-то сначала говорят здравствуйте, — поправил я.

— Привет, ну так? — фыркнула она, пропустив мои слова мимо ушей.

— А ты совсем ничего не помнишь? — опешил я.

— Последнее из того, что я помню, как получила удар ножом в какой-то темной комнате, тебя, кстати, среди обидчиков не было, кто ты такой? — замешкалась она.

— Просто удачно оказался рядом, — поведал я, не поведя усом.

— Может, ты мне уже наконец скажешь, почему я сижу здесь в одном нижнем белье? — завелась она.

— Потому что те четверо разорвали тебе всю одежду, а ты поверх заляпала все своей кровью, я очень любезно снял ее с тебя и даже вытер всю кровь с кожи, — пояснил я.

— А трусы почему не трогал? — брякнула девушка с крайне тупым видом.

— Что за дурацкие вопросы? — возмутился я. — Сама постираешь!

— Как мило, — дразнила она, — ты что, смущаешься?

В такие моменты предельно понятно, как выглядит твое лицо, особенно с такими нелепыми насмешками.

— Давай ты проявишь хоть каплю признательности за спасение и ответишь на пару вопросов? — проворчал я.

— А как ты меня спас?

— Ты что, дурная? — не выдержал я такой наглости. — Я тебя сначала выхватил из лап бандитов, потом три этажа тащил на плечах, пока ты истекала кровью, одной рукой шарил в поисках ключа от двери, покрывала и аптечки, а затем еще крайне любезно вымыл с ног до головы. И это твоя благодарность? — прорычал я.

Мы оба молчали, но раскаяние в глазах этой девушки можно было увидеть отчетливо.

— Спасибо, Ашидо, — опомнилась девушка.

— Пожалуйста, блин, — ответил я по привычке, но, опомнившись, удивился. — Погоди, что?

— Что? — спросила она, не понимая моего удивления.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— В жизни ты не такой уж и плохой, о тебе другое рассказывают, — доложила она.

Я ничего не смог ответить, голову посещали мысли только о том, как мне надоела эта черная популярность, даже какая-то школьница умудрилась меня узнать.

— Значит, ты их убил, — вздохнула она.

Последовала неловкая пауза, я не знал, что ей говорить, до этой секунды у меня была куча вопросов касательно ее регенерации, но все они пропали с осознанием того, что я снова убил человека.

— Знаешь, — решил я немного ей объяснить ситуацию, — я и вправду убил их, как когда-то убил много других людей, сам того не понимая. Пусть я и поклялся больше не губить жизни, но стоило только увидеть, как эти четверо тебя мучают — я уже не мог поступить иначе, ведь ты бы погибла. Просто будь благодарна за то, что я не прошел мимо, и веди себя по-человечески, хорошо?

— Х-хорошо, — пробурчала она тихим голосом.

— Не смотри на меня так, тошно становится, — возмутился я, — мое лицо итак на каждом углу светится, как портрет врага человечества, так еще и в твоих глазах я выгляжу, как враг — неприятно, знаешь ли.

Мы снова замолчали, девушка видела, как я напрягся, явно потеряв настрой разговаривать.

— Хей, ну чего ты? — она настойчиво пыталась вновь завязать диалог.

— Что? — еле желая разговаривать, спросил я.

— Прости меня, пожалуйста, — сказала она с не очень искренним лицом.

Хотелось бы верить, что девушка действительно мне благодарна, но ее поведение не дает ни намека на проблески совести.

— Возможно, я произвела на тебя дурное впечатление, — продолжила она, — потому раскаиваюсь. Если ты действительно меня спас, то я тебе очень благодарна и прошу прощения за свое поведение. Давай поступим так — сейчас расскажу тебе о себе, о том, как тут оказалась, а затем отвечу вопрос любой сложности.

— Валяй, — согласился я.

— Меня зовут Юмико, — представилась она. — Как ты уже понял, я являюсь обычной ученицей старшей школы в Дипломатическом районе, живу на сиротские пособия, сейчас мне шестнадцать полных лет. О себе могу сказать, что я — вполне простая и позитивная девушка, которая в сегодняшний день хорошо усвоила, что никому нельзя доверять. Не подумай, Ашидо — тебе я доверяю, твои глаза говорят за тебя. А тому уроду, подошедшему ко мне утром с жалобами на покупную воду, которая на вкус была как разлитая с крана, точно больше не поверю. Я тогда отпила из бутылки, как следует, и вскоре уснула, проснувшись уже в момент, когда меня раздевали, но тут же получила удар ножом, после чего снова потеряла сознание. Очнулась я уже здесь, без верхней одежды со спящим в углу тобой, поначалу хотела даже задушить тебя во сне, но, когда увидела рядом аптечку и свои заляпаные кровью вещи, я все поняла. Просто прими тот факт, что я тебе очень благодарна за спасение.

Договорив, она как-то мягко улыбнулась, затерявшись в эмоциях. Ее речь немного разрядила обстановку, потому я мог спокойно перейти к главному вопросу:

— Юмико, — окликнул ее я, — посмотри, пожалуйста, сюда.

Ловким движением челюсти я надкусил большой палец так, чтобы у меня пошла кровь, а затем показал Юмико, как из раны начинает сочиться дым, и она медленно затягивается.

— Твои раны тоже так зажили, только быстрее — подметил я. — Ты такая же, как и я?

— Так ты тоже шепот, — опешила она, — как я сразу этого не поняла.

— Шепот? — спросил я с недоумением, услышав новое слово.

— Что ты успел разглядеть?

— Ну, ярко-зеленое свечение, — ответил я.

— Ашидо, разве ты не знаешь, кто такие шепоты? — как-то косо посмотрела на меня Юмико, будто про таблицу умножения спросила.

— Раз ты такая умная — расскажи мне о них.

— Подожди, — прервала Юмико, — дай мне убедиться, что мы оба шепоты.

— Как? — поинтересовался я.

— Какой последний сон ты видел?

— Такой же, как и всегда, — развел я руки в стороны, — бродил по бескрайней пустоте.

— Всем шепотам снятся такие сны, — объяснила она, придав лицу забавный вид.

Неужели это — именно то, чего я так долго ждал? Передо мной сейчас находится человек, способный объяснить мне, кто же я такой на самом деле. Появилась возможность наконец избавиться от чувства, будто красные глаза были дарованы мне только для страданий.

— Юмико, — я схватил ее за плечи, — пожалуйста, расскажи мне, кто такие шепоты! Я не знаю, кто я такой, и эти мысли каждый день беспокоят меня! Пожалуйста!

— Тише, тише! — успокаивала она. — Сейчас все расскажу, только отпусти, блин.

Я ослабил хватку, поняв, что немного погорячился. Надеюсь, я не сделал ей больно, но, похоже, мой напор помог ей подкрепить ход мыслей.

— Фух, ну и хватка у тебя! — изумилась она.

— Прости...

— Все в порядке, давай я все тебе расскажу, — начала Юмико. — Шепоты — это люди, которым свойственно улавливать, накапливать и использовать энергию Бездны. Нужно лишь чуточку воли и воображения чтобы исказить ее в свою пользу.

— Что еще за энергия Бездны?

— Вот, гляди! — крикнула Юмико, резко подпрыгнув.

Она соединила ладони вместе, а затем резко развела их в разные стороны, тогда в промежутке между ладонями что-то появилось. Из-за знакомого ярко-зеленого свечения ничего нельзя было разглядеть. Под конец ее показательного выступления в руках появилась самая настоящая расческа.

— Смотри, расческа! — радостно воскликнула она, подняв ее над головой.

— Как!? — увиденное ошеломило меня.

— Все, как я и говорила — чуточку воли и воображения, вуаля!

— Я тоже так могу? — поинтересовался я.

— Ну... Нужно немного времени, чтобы попрактиковаться и все получится.

Удивительно, она своими руками из ничего создала расческу, значит ли это, что я в любой момент могу создать для себя меч или пушку? Пока я пялился на нее глазами с пятак, она так же ловко расщепила только что созданный предмет — расческа просто исчезла.

— Так, слушай дальше, если тебе все еще интересно, — ухмыльнулась она.

— Конечно!

— Подмечу, что у всех шепотов запас энергии на разном уровне — он больше у того, кто более склонен к ее накоплению, — продолжила Юмико. — Именно по этой причине я быстрее регенерирую, ведь мой запас энергии, судя по всему, больше, чем у тебя, Ашидо.

Эта девушка ведает о каких-то сказочных вещах — хотел бы я так сказать. На деле же все это реально, а мы — ходячее тому подтверждение.

Ах, да, вот еще что, регенерацию можно ускорить, сконцентрировав энергию в одном месте, но для этого нужно учиться контролю, уметь превращать хаос в поток, а иначе энергия будет болтаться как огурчик в банке.

— Юмико, а что такое эта Бездна?

— Не знаю, Ашидо, — вздохнула она, — этого я тебе сказать не могу.

— Погоди, — опомнился я, — это ведь значит, что мы избранные! Мы можем делать, что угодно, и никто не в силах нам что-либо запретить!

— Я тоже так думала, видишь ли, мы далеко не единственные такие, — огорчила меня Юмико. — В Гармонии есть и другие шепоты, многие из которых служат в гвардии.

— Тогда, почему мне потребовалось прожить семнадцать лет, чтобы встретить первого подобного себе?

— Потому что шепотов никто не любит, из-за этого мы вынуждены скрываться, ведь нас либо убьют, либо мы станем куклами в руках короля.

— А при чем здесь король? — оторопел я. — Разве он может подчинить себе человека с такими способностями?

— Не своими руками — так силой гвардии, — фыркнула Юмико. — К тому же ходят слухи, что король сам является шепотом, а его политика уж больно несправедлива по отношению к нам: любого человека со способностями король забирает к себе во дворец под личный контроль в качестве боевой единицы, а если тот сопротивляется, его просто убивают под предлогом угрозы режиму.

— Вот оно что...

— Это очень печально осознавать, — поникла она. — Хотела бы я когда-нибудь свободно ходить по Земле и не бояться, что меня убьют просто за то, что я родилась такой.

Юмико заметно менялась в лице. Сейчас ее настроение колеблется между игривым и унылым, но это не похоже на какое-нибудь биполярное расстройство девочки-подростка, такое поведение больше напоминает попытки натянуть улыбку поверх настоящих чувств, и, честно говоря, получается у нее плохо.

— О моем секрете знают лишь два человека за исключением тебя.

— Твои друзья, да? — моя очередь натягивать улыбку.

— Да, я могу им доверять, потому что они такие же, только другие — не шепоты, — улыбнулась она.

— Ренегаты, верно?

— Ты знаешь про ренегатов? — удивилась девушка.

— Ренегаты — это люди, родившиеся с врожденной мутацией от родителей, когда-то переживших лучевую болезнь, — блеснул я своими знаниями, вытекающими из интернета.

— Такие дети в большинстве случаев появляются на свет мертворожденными, а если и выживают, их настигает та же судьба, что и нас с тобой. Мои друзья умеют хранить секреты, ведь все мы объединены общим горем.

— Хотел бы я когда-нибудь иметь таких друзей, как у тебя, — тяжело вздохнул я.

— У тебя нет друзей? — усмехнулась Юмико.

— Не смешно, — грозно прорычал я.

Я знал, что разговор может затронуть эту тему, но реакция Юмико немного меня напрягла — стоит пояснить ей, почему над такими вещами нельзя смеяться.

— Смотри, — я показал пальцем на легкую детскую курточку из коричневой кожи, — эта куртка когда-то принадлежала моему другу Ральфу, он был тем, кто принял красноглазое чудовище со всеми его минусами и впервые назвал другом, потому я очень любил Ральфа и всегда ценил нашу дружбу.

— И где он сейчас? — поинтересовалась она.

— Умер, — буркнул я, пиля ее взглядом.

После этих слов Юмико слегка побледнела, натягивать улыбку и смеяться в лицо уже не получится. За десять минут, проведенных с ней в одной комнате, я понял, что эта девушка на самом деле способна сопереживать, но не любит показывать другим свою слабую сторону.

— Ох, — поникла Юмико. — Если можешь, расскажи мне о том, каким он был человеком.

— Прекрасным, — поведал я, — всегда веселым и позитивным, мы с ним вместе играли в футбол, строили тайную базу в этой комнате, но все это закончилось в один день, когда мы, как обычно, пинали мяч на поле. В тот день Ральф пнул мяч так сильно, что тот улетел далеко в кусты. Хоть я и был ближе к мячу, раз это его прокол — ему и исправляться. Сейчас я очень жалею, что не пошел за мячом сам.

Юмико тихо села рядом и прислонилась ко мне, чтобы не пропустить детали, которые могли затеряться в моем рассказе, поскольку голос постепенно переходил на шепот. Мне была приятна такая близость — порой всем нам не хватает человека, который не обязательно должен слушать, а всего лишь находится рядом в тяжелую минуту. Нужно было продолжать мой рассказ:

— Ральф побежал за мячом и довольно долго не выходил из густых кустов, я пошел за ним, но в гуще растительности моего друга не оказалось, тогда, я окликнул его и, услышав ответ, пошел навстречу. Мяч долетел аж до железнодорожных путей — за кустами находилась внутрирайонная станция. Ральф подобрал мяч прямо с рельс и поплелся мне навстречу, как вдруг мы оба заметили приближающийся поезд, гудок которого запомнился мне на всю жизнь. Ральф пытался подняться на платформу, но та была слишком высокой, я бросился к нему, чтобы помочь, но не успел — Ральфа сбил поезд, пока он висел на краю платформы, а его тело от удара разбросало по всей платформе. Ужас в глазах маленького мальчика болезненно врезался в память, я и по сей день страдаю, вспоминая о том случае. Честно говоря, даже сейчас мое сердце едва выдерживает эту боль, буквально разрываясь.

Юмико молчала, она никак не могла прокомментировать вышесказанное, скорее потому, что нельзя было вклиниваться в такой душераздирающий рассказ.

— Потом пропала моя единственная подруга, которую я любил так же, как и Ральфа — просто исчезла, ни сказав ни слова, больше я ее никогда не видел. Других друзей у меня больше не было, даже сейчас я совсем один. После смерти Ральфа родители стали ко мне намного хуже относиться, суеверное мышление говорило им: «ваш сын — источник всех бед». Не поверишь, но они повесили на меня вину за смерть любимого друга и пропажу подруги и в конечном итоге решились на такой гнусный поступок, который для родителя непростителен — подписали согласие на эвтаназию или, скорее, казнь без согласия, в которой я выжил и в порыве гнева убил много людей, в том числе и родителей. Мне очень тяжело носить такой груз на плечах, особенно когда его не с кем разделить, так что, давай обойдемся без насмешек, хорошо?

Рассказывая это, я даже не заметил, что слезы уже текли рекой, а Юмико, к моему удивлению, тоже плакала. Приятно осознавать, что тебя есть кому выслушать. Думаю, как только мы найдем ей одежду, она тоже навсегда уйдет из моей жизни, и я вернусь обратно в суровую реальность, буду вынужден скрываться до самой смерти, скорее всего, даже не отыскав своего счастья.

— Ашидо, — подергивала меня за кофту Юмико, пока я плавал в своем навязчивом самокопании.

Она говорила очень тихо, почти что шепотом. Хотелось бы верить, что такой откровенный разговор сблизил нас, но я не знаю, что у этой девушки в голове, даже когда все эмоции словно на лице написаны.

— Что такое? — заговорил я, опомнившись.

— Теперь я понимаю, почему цвет твоей энергии такой черный, похожий на дым, ведь он исходит из твоей души.

— Души, да? — протяжно проямлил я.

— Ашидо, — снова окликнула она меня после короткой паузы.

— Чего? — тяжело вздохнул я.

— Давай станем друзьями.

Глава 3: Друзья

Человеческое сердце одновременно и простой, и сложный аппарат. С одной стороны, это — лишь орган, который способствует циркуляции крови по всему организму, с другой стороны сердце — это ведущий орган чувств. Конечно же это лишь выдумки, влюбляясь и получая нож в спину человек чувствует все сердцем, но эти чувства вызваны ничем иным, как мозгом. Я же склонен верить сердцу, ведь именно оно наполняется таким приятным теплом, когда в твоей жизни появляется друг. В этот день я вновь ощутил это давно позабытое чувство. Сколько же лет уже прошло с того самого дня? Это уже не так важно. У меня наконец появился кто-то рядом, так похожий на меня. Если все именно так, как сказала Юмико, если цвет энергии шепота вытекает из того, какой камень на душе ты носишь, то она, без сомнений, человек светлый. Ярко-зеленое свечение оказывает какое-то успокаивающее действие, это не беспорядочно метаящийся черный дым, который практически непрогляден, красное тусклое свечение которого говорит лишь о затаившемся звере, это нечто иное. Интересно, как выглядят другие шепоты, есть ли среди них кто-то, чья душа чернее чем моя, или светлее, чем душа Юмико. За разговором мы потеряли счет времени, уверен Наталья меня уже потеряла, придется долго объясняться. А пока нужно решить очень важный на данный момент вопрос:

— Юмико, слушай, а что нам делать с одеждой? — задумался я.

— Хороший вопрос, твоя в крови с верху до низу, а у меня ее вообще нету.

— Из запасной одежды у меня только детская под десятилетним слоем пыли.

В голову не приходило ничего, кроме как тащиться до дома, обернувшись в покрывало, но это выглядит слишком глупо и подозрительно. Пришлось безнадежно шарить руками в шкафу, но на этот раз шкаф нельзя было назвать кладовой всего на свете, внутри только детская одежда, запасы еды, сдутый мяч и прочий хлам. Ничего из этого нельзя было нацепить на себя. Я уже было отчаялся, но в голову пришла гениальнейшая идея:

— Результаты неутешительные, но у меня есть мысль как нам поступить.

— Слушаю, — она скрестила руки в ожидании.

В глазах Юмико читался интерес, любой предложенный мной вариант можно было рассматривать как выход из положения.

— Ты можешь создать одежду с помощью своей энергии?

— Ты конечно гений, но... нет, не выйдет.

— Почему? — сказал я с долей обиды от такого нелепого опровержения моей гениальной идеи.

— Представить структуру чего-то твердого намного проще, чем чего-то такого упругого, как ткань, а про жидкое и летучее я вообще молчу.

— Какая-то бесполезная энергия, — брякнул я.

— Если у тебя бесполезная энергия, это значит лишь то, что ты тупица, — она была явно огорчена моей вырвавшейся фразой.

— Будешь обзывать, и я тебя тут оставлю сидеть без одежды.

— Ты сам только что назвал мою способность бесполезной.

— Квиты?

— Квиты.

Я не знал, что нам делать, ситуация практически безвыходная. Снимать одежду с трупов

в подвале совсем не хотелось, ходить нараспашку в детских шмотках не представлялось возможным, я был в тупике.

— Ашидо.

— Есть идеи?

— Есть, только придется поднапрячь извилины.

— Чьи?

— А вот это мы сейчас выясним. Как у тебя с воображением?

— Ну... Нормально.

— Значит так, слушай внимательно. Весь твой организм пропитывается энергией бездны, в том числе и одежда. У нас есть два варианта: либо попробовать испарить кровь, либо восстановить одежду. Думаю, с моей одеждой выйдет туговато.

— Испарить кровь? — я не понимал, как ей пришло такое в голову.

— Да, по сути, раз уж это твоя кровь на кофте, ты мог бы заставить ее испариться.

— Вообще-то там и твоя есть.

— Ну вот! — ее мои слова никак не озадачили. — Могу показать.

— Сначала объясни, — прервал я.

— Хорошо. Смотри, теоретически, раз уж кровь твоя и пропитана твоей энергией, ты мог бы заставить эту энергию настолько сильно активизироваться, чтобы она могла испарить кровь, — поведала она.

— Звучит не очень.

— Давай лучше покажу.

Юмико приложила руки к моей груди, я даже немного отшатнулся от такого резкого толчка.

— Вот, слушай, что я скажу, а то ничего не поймешь. Сейчас мои руки находятся ближе всего к моей крови, этого достаточно, чтобы энергия слилась в один поток. Я даже не знаю, где именно она находится — это даже не важно. Сейчас я представлю, как моя кровь на твоей одежде начинает кипеть.

Юмико закрыла глаза и сконцентрировалась, это выглядело даже немножечко смешно. Она ведь была только в нижней одежде. Мой несдержанный смешок вырвался наружу.

— Я тебе сейчас нос оторву, придурок, — она явно была этим недовольна.

— Извини, извини.

Я не верил своим глазам, но у нее действительно получалось, я как будто сам светился тем же ярко-зеленым цветом. На некоторых местах кровь действительно исчезала, на некоторых оставалась, по всей видимости там находились мои пятна.

— Готово. Ух, я на высоте! — она была собой довольна.

— Потрясно, босс, — похвалил ее я.

— Теперь твоя очередь, — скомандовала Юмико.

Она отошла в сторону. Мне было тяжело представить, как именно кровь испаряется, но вот как она превращается в дым, пустяковое дело. По сути такой процесс представляет собой тоже самое, разница лишь в том, что в одном случае происходит парообразование, в другом горение. Тем не менее у меня получилось, кровь в виде привычного мне дыма отделилась от кофты и исчезла. Юмико восторженно глядела на меня огромными глазами.

— Ура! Ура! Ура! Ура! Получилось! — прыгала она от радости.

Юмико в этот момент даже не задумывалась о том, как это выглядит. Об этой девушке нельзя было сказать, как о той, на чьем теле нет массы — грудь скакала вверх и вниз, она

была как минимум второго, а то и третьего размера. Такое я видел впервые, такой смущающий процесс очень тяжело пропустить мимо глаз и никак не выдать себя. Юмико опомнилась и перестала скакать, как только увидела мое покрасневшее лицо, а затем стыдливо прикрылась:

— Не смотри на меня! — кричала она от смущения.

Почему она в такой ситуации выставляет виноватым меня. Нужно было думать головой, прежде чем прыгать в полуголом виде перед юношей в самом разгаре репродуктивного возраста. Я медленно снял с себя кофту и протянул ей:

— На, оденься, пожалуйста, нам обоим от этого будет лучше.

— Я уже было подумала, что ты собрался раздеваться полностью.

— Хватит меня кошмарить, юная ты садистка, — гаркнул я.

Юмико молча надела мою кофту, затем обулась в свои школьные туфли и громогласно заявила:

— Идем!

Это выглядело очень мило, кофта была достаточной длины, чтобы закрыть ее тело. Ниже кофты сияли стройные молодые ножки, которые утыкались в черные школьные туфли, а невероятный портрет Юмико прекрасно дополнял ее образ. Мне нравится эта девушка, я бы даже сказал, что она в моем вкусе. Еще бы как-нибудь совладать с ее плавающим характером.

— А что будем делать с твоей одеждой?

— Забей, она не именная, когда ее найдут, они будут искать жертву, которой на самом деле нет. Я попрошу Хорнет заказать мне новую, у нас одинаковый размер одежды.

— Хорнет? — это имя было мне незнакомо.

— Я вас познакомлю, она — ренегат, моя подруга. А теперь пойдем уже отсюда.

Ржавая дверь проскрипела, и мы смело шагнули наружу, свежий воздух с ноткой пыли ударил в нос, но это было приятнее, чем душная парилка внутри нашей тайной базы. Я продумал такой вариант, что со всего, к чему я прикасался могут снять отпечатки пальцев, но Юмико развеяла мои опасения: шепоты не оставляют отпечатков, энергия бездны мало того, что не дает поту и жиру отделяться от кожи, она даже не позволяет им выделяться и скапливаться — это многое объясняет. Мне очень горько прощаться с этим местом, я больше не смогу сюда вернуться. Обычный поход за воспоминаниями обернулся кошмарной и забавной историей, из которой я вынес неопределимую выгоду — друга. Проходя через лестничный пролет, мы уловили трупное зловонье, скоро сюда придет гвардия и начнет докапываться до истины, но убедившись в том, что умершие — бандиты, дело закроют: обычный случай для Дрянного района.

На улице был уже вечер, я проводил Юмико до границы Дрянного и Дипломатического районов, пришло время прощаться, но не так, как я себе представлял. Я думал, что больше никогда не увижу Юмико, но факт того, что мы еще встретимся грел душу.

— Так-с, слушай сюда, маленький развратник, — эта девушка, как обычно, надо мной насмеялась.

— Я тебе когда-нибудь придумаю наказание.

— Буду с нетерпением ждать! — сказала Юмико, посмеявшись. — Только запиши мой адрес.

— Разве мне можно вот так показываться в твоём районе? Там как никак сконцентрированы военные, найти меня будет проще.

— Купи себе очки, те что солнцезащитные, а я попрошу Лео заказать на тебя форму. Если будешь ходить в моей школьной форме, к тебе никаких вопросов не будет.

— Мне нравится, договорились.

— Приходи послезавтра ко мне домой, форма как раз будет готова, тогда и познакомишься с моими друзьями. 37-я улица «Ди», дом 17. Обязательно утром, перед школой!

Записывать мне было некуда, но я отлично запомнил, точно так же, как и секретный пароль «Гидры». Я обязательно приду, так поступают настоящие друзья, а я хочу сберечь эту дружбу. Факт того, что Юмико меня познакомит и со своими друзьями не может не радовать, возможно и они станут моими друзьями, если не отшатнутся, узнав кто я на самом деле. Мне нужно спешить к Наталье, чувствую задаст она мне трепку.

— Еще раз, спасибо что спас меня Ашидо, я это надолго запомню, как крепкий аргумент в наших дружеских взаимоотношениях.

— Мне тоже есть за что тебя благодарить.

— Не стоит благодарности! — смеялась она. — Пока, друг!

— До встречи, Юмико!

Она довольно пошагала в сторону дома, надеюсь вскоре вернет мне кофту, без нее как без воздуха. Я уже было прошел какое-то расстояние в противоположную сторону, как снова услышал ее возгласы вдогонку: «Улыбайся побольше! Тебе очень идет!». Глядя в ее сторону, я невольно улыбнулся, это очень непривычно, но как же приятно слышать подобные слова. Время двигаться.

***

Я наконец дошел до «Глотки Гидры», произнес пароль, меня впустили. Чем ближе я подходил к кабинету Натальи, тем страшнее становилось, как будто мышь ползет прямо в пасть ко льву, но отступать некуда, будет только хуже, если я не явлюсь. Оказавшись близ двери, я произвожу нервный стук и осторожно вхожу.

— Такаги! — послышалось с другого конца кабинета, голос был разъяренным, я точно не был к такому готов.

— Д-да, госпожа Наталья? — сказал я, дрожа от страха и напряжения.

— Какого хрена ты шляешься!?

— Простите, пожалуйста, я сейчас все объясню!

— Я тебя внимательно слушаю, — Наталья угрожающе скрестила кисти и оперлась на них подбородком, — если мне не понравятся твои объяснения, я тебе сигарету об лоб затушу, чтобы ты с этим позором еще половину жизни ходил!

Она выглядела невероятно злой, даже сигарету изо рта не вытаскивала, когда меня ругала, курительное приспособление в любой момент могло выпасть, но, видимо, ее это мало волновало.

— Я успешно доставил ваше послание господину Доссолесу, — оправдывался я, — потом пошел обратно и услышал крики в заброшенном здании, потом убил четырех человек и спас девушку, потом пытался найти одежду, чтобы ей было в чем идти домой, поэтому так припозднился...

История звучит правдоподобно, а я выгляжу довольно искренним, хоть и немного приврал.

— У тебя там что, каша овсяная вместо мозга!?! — ответ был неожиданным.

Наталья резко встала из-за стола и побрела в мою сторону, мне было очень страшно. Эта

властная женщина может сделать со мной что угодно, пусть к шраму на лбу я готов, но ведь она и между ног пнуть может, а я, простите, боль чувствую, это будет очень плохим окончанием дня. Наталья подошла ко мне и с очень грозным взглядом встала напротив, я приклонился в ожидании наказания. Были слышны характерные звуки сигаретной тяги, Наталья выдохнула и на удивление спокойным голосом спросила:

— Кто были эти четверо?

— Я не знаю, госпожа...

— Ты тупой или как? — снова она повысила на меня голос. — Наколки у них были?

Какой-нибудь девиз? Одежда какая была?

— У всех были рабочие куртки.

— Синие в белую полоску?

— Да, — дрожащим голосом ответил я.

— Нашивки были?

Я был в ступоре, напор этой женщины невозможно было сдержать, однако что-то такое я припоминаю: на спине у одного из них был нашит Гармонийский пятак, это был тот, на кого я напал сзади, у остальных же ничего подобного не припоминаю.

— Гармонийский пятак, госпожа.

— Еще раз скажешь госпожа и я тебе челюсть с петель снесу, — угрожающе прорычала

Наталья. — Хорошая работа, оборванец, — сказала она, резко смягчив свой тон.

Я не понимал, что происходит, но похоже меня пронесло. Наталья, судя по всему, знала этих людей, надо бы ее расспросить, если не убьет.

— Наталья, вы знаете кто это был?

— Банда «Пятак», те еще говноеды. Я не стану тебя наказывать только потому, что ты выкосил парочку из них — это наши враги.

— Значит я сегодня послужил на благо банде, верно?

— Так точно, Такаги. Давай-ка я тебе объясню, что отличает интеллигентное собрание высокообразованных криминальных гениев от кучки возомнивших о себе лишнего полудурков. «Пятак» помимо своих криминальных делишек промышляет разбоями, кражами, убийствами обычных невинных людей, мы так не поступаем. Доступно?

— Доступно, — подтвердил я.

— Свободен, возьми отпуск, присмотри за девчонкой, мало ли что.

— Что, простите? — спросил я, подумав, что мне послышалось.

— Оглох? Я говорю свободен, придешь через месяц, там и поговорим. Денег тебе на жизнь хватит, держи еще надбавку сверху.

Наталья кинула на стол тысячу Гармонийских кредитов, а затем со злобной миной уселась в свое кресло. Я тихо забрал свое вознаграждение со стола — это была большая сумма, почти как половина средней заработной платы по городу.

— Р-р-р!!! — Наталья злобно дернулась в мою сторону и очень меня напугала, чуть сердце в пятки не ушло.

Она смеялась так, будто ничего в жизни смешнее не видела, но я не понимал, с чего она решила на такой грязный и неожиданный поступок.

— За что вы меня так...

— Шуруй, обалдуй, классный ты все-таки, зайчик! Не бойсь, я на тебя не обижена и не зла, ты молодец и получаешь свой заслуженный отпуск.

— Спасибо большое.

Я развернулся и попятился к выходу по тому же скрипучему полу, чутье подсказывало — она сейчас снова закричит, но вопреки опасениям я спокойно покинул кабинет и пошел в свою комнату. Какой же все-таки тяжелый день, столько переживаний. Хочется просто лечь спать: распластаться по всей кровати и пускать слюни в подушку. Сегодня я точно буду вспоминать о Юмико, я уже успел к ней привязаться, а ведь я мог поступить иначе, оказаться на месте тех бандитов из «Пятака». Разве мой поступок не доказывает то, насколько я на самом деле добр душой, тогда почему я убил так много людей? Был ли иной выход? На эти вопросы не существует ответов, ясно лишь одно — мне нужно продолжать жить, теперь у меня есть повод. Дойдя до комнаты я как обычно помылся под душем, затем камнем рухнул на кровать.

***

Сегодня довольно тепло и солнечно, самый разгар лета, зима в Гармонии тоже довольно теплая — остров расположен близ экватора. В этот день я договорился встретиться с Юмико и чуть было не проспал, с момента моего ухода в отпуск до заветной даты оставалась еще уйма времени, а чем себя занять неизвестно. Выход нашелся — я занял себя разговором с другими членами нашей банды, тогда я впервые попробовал алкоголь. Мужики меня пощадили: сами пили ни с чем не замешивая, а мне заказали коктейль — мохито, смешанный с легендарной русской водкой. Я впервые почувствовал себя пьяным, хотелось пить и не останавливаться, но меня останавливали, мол на утро будешь отвратительно себя чувствовать. Я поверил и не пожалел об этом — пройдя все утренние процедуры я столкнулся в коридоре с тем смельчаком, что выпил больше положенного. Очень забавное зрелище, он безуспешно пытался доползти до комнаты, от других я узнал, что половину ночи он спал в туалете, не хотел бы и я оказаться в таком положении.

Встреча назначена на время до начала школьных занятий, идти до места назначения мне около полутора часа, потому вышел я рано. Перед выходом я выпросил у вчерашних собеседников очки-авиаторы, сменная одежда была, я когда-то купил шапку в цветной палитре как у довоенных хипстеров. В комбинации с белой футболкой и черным низом это выглядело сногсшибательно. Я не спеша побрел в сторону Дипломатического района.

Вскоре-таки добрался до места назначения, по которому бродить было крайне рискованно — кругом гвардия, а где-то неподалеку самое страшное место — исследовательская лаборатория. Но опасения не оправдались, я хорошо сливался с толпой, мой уверенный шаг выглядел вполне естественно, потому на меня даже внимания не обращали. Переулки в этом районе были очень запутанными, улицы узкими, дорогу спрашивать опасно, потому пришлось идти вслепую. Через двадцать минут плутания я вышел на верную улицу и оказался перед заветным домом № 17, надеюсь не опоздал. Это был частный двухэтажный дом, окруженный забором, Юмико должно быть очень одиноко жить в нем, она ведь сирота. Я позвонил в дверной звонок и мне навстречу вышла моя подруга. Когда-то я также ходил к Лаффи, она всегда с разбега врезалась мне в ребра, но Юмико была куда пунктуальнее.

— Ашидо! Заходи скорее, я уже заждалась!

Мы прошли в дом, ремонт в нем был вульгарным, но довольно красивым, в сравнении с моей халупой, такое ложе было пиком совершенства. Я разулся и проследовал за Юмико на второй этаж в ее комнату. Она радостно указала мне на вешалку для костюма, на которой виднелась новенькая школьная форма:

— Вот! Гляди, это твое! — так она представила одежду.

— Сначала говорят здравствуйте, — как обычно поправил я.

— Привет, ну так? — она как обычно меня проигнорировала. — Что скажешь?

Форма была простенькая: белая мужская рубашка, галстук, черные брюки и туфли. Я такую никогда не носил, не приходилось. В школе я учился всего несколько лет, пока не попал в клинику, там меня никто не любил, соответственно не гнобил за отсутствие формы.

— Выглядит блестяще! — мне правда понравилась эта форма.

— Давай, надевай и погнай.

— Куда?

— Меньше вопросов, больше дела!

Юмико начала задираť мою одежду, я оторопел и начал отбиваться — не гоже даме ее возраста лезть парню под футболку.

— Тебе нельзя смотреть! — я не был настроен на постороннее присутствие со мной в одной комнате. — Выйди!

— Ага, что ты тут будешь у меня в комнате вытворять? — она всучила мне шмотки. — На, забирай и в коридоре одевайся.

Юмико выставила меня за дверь. Я отошел в соседнюю комнату и принялся переодеваться. Рубашку и галстук я так уж и быть надел, а вот брюки и туфли выглядят как дикость, лучше оставить свой и без того ювелирный низ. Покончив с делом, я зашел обратно в комнату Юмико, она с изумлением смотрела на меня, после чего схватила за руку, и мы куда-то побежали. Юмико в спешке заперла дом, а затем потащила меня дальше. Она ничего не говорила о месте, куда мы пойдём, только о знакомстве с ее друзьями, потому я искренне не понимал, куда мы бежим и почему так быстро:

— Куда мы бежим?

— В школу, конечно! — воскликнула она.

— Что? Зачем?

— Знакомиться! Не бойся, ты выглядишь прямо как старшеклассник!

Очень неожиданное заявление, делать нечего, придется поддаться. Так мы и добежали до школы менее чем за десять минут — этого хватило, чтобы я выдохся. Территория здания была довольно большой: сюда вмещалось и основное здание, и второй корпус, и стадион, и даже отдельная столовая. Перспективная школа, уверен ученики в ней не такие разношерстные, в таких местах обычно строгие правила. Мы отдышались и Юмико выдала мне распоряжения:

— Занятия начнутся с минуты на минуту, нам лучше всего увидеться на обеденном перерыве, можешь это время подождать в клубе игроманов, они частенько прогуливают, при том никто даже не знает друг друга, если ты конечно любишь игры.

— И сколько мне тебя ждать?

— Около трех часов, — заявила Юмико, даже не думая о том, как это долго.

— Не думаешь, что это долго? Сказала бы, чтобы я приходил позже, а так придется с диким стрессом скрываться от персонала школы, возможно даже от других учеников.

— Так бы и сказал, что не любишь игры.

— Я их обожаю. В лаборатории я днями напролет убивал свое время в песочницах, шутерах, новеллах, да во всех возможных играх! Так уж и быть потерплю, скоротать пару часов за игрой не составит труда. Может даже поболтаю с такими же любителями поиграть, как я.

— Поступай как считаешь нужным, встретимся на лавочках около школьного стадиона. До встречи!

— Угу.

Юмико полетела с такой скоростью, что пятки сверкали. Эта девушка больше похожа на прилежную ученицу, нежели на неуча. Пусть мы и обсудили все детали, как мне казалось, самое главное осталось за кадром — где находятся клубные комнаты. Мне придется идти вслепую, а так шанс быть рассекреченным заметно возрастает. Делать нечего, придется выкручиваться на месте, как когда-то я выкручивался в клинике. Поскольку клубы не являются основной занятостью учащихся, они не могут находиться в основном здании, разумнее всего пойти во второй корпус, что находится рядом.

Это место слишком напрягает своей атмосферой, здесь намного опаснее, чем на улицах города. Обучающиеся в этой школе пусть далеко не самые умные и проницательные люди, но даже они могли бы сложить картинку с плакатов о розыске с моим унылым лицом, получив тем самым паническую атаку от вида преступника, ворвавшегося на территорию образовательного учреждения. Если я буду скрываться от лишних глаз, это вызовет подозрения, остается только ходить под окнами своей непоколебимой уверенной походкой, обливаясь потом от напряжения — иного пути до второго корпуса нет. Я собрал всю свою волю в кулак и двинулся вперед по длинной прямой дороге вдоль основного здания школы. На улице сейчас совсем безлюдно — все на занятиях, а это безусловный плюс, создающий условия для того, чтобы не сталкиваться ни с кем взглядом. Лучший способ снять напряжение — это забить голову чем-то другим, например, подумать о нынешней системе образования, с которой знаком каждый житель Гармонии. Поначалу всем было сложно принять единую систему обучения из-за наплыва населения с разной культурой разных национальностей — на острове проживает множество представителей отличных друг от друга народов. Такой расклад не очень выгоден для единого государства, всем приходится бороться с расовыми предрассудками, не только исходя из нравственности, но и на законодательном уровне. В Кодексе Гармонии на первой странице черным по белому написано о неприемлемости угнетения человека по расовым признакам, однако на сегодняшний день мало кто соблюдает этот пункт, поскольку правонарушение доказать не так уж и просто. Так вот о чем я, образовательная система претерпела множество изменений, пока народ не сошелся на системе десятилетнего обучения в школах общего специального образования. Такие школы подготавливали людей, владеющих набором стандартных знаний во всех отраслях, которые в государстве являются ведущими. Обучающийся мог получить образование и после школы в университете, но попасть туда сложновато, виной всему преимущественные льготы у заслуженных семей: строителей, медиков, военных и прочих отличившихся. Еще будучи в клинике, я читал о скандале, когда одна из самых выдающихся выпускниц не смогла поступить в Государственный Университет Гармонии, тогда ее заслуженное место заняли всякие невежды, не способные сложить два плюс два. Скандал закончился тем, что девушке-таки выделили бесплатное место, но она от него отказалась. Меня отличает отсутствие подобных перспектив, я ведь даже школу не окончил, учился сидя за компьютером на всех возможных социальных платформах. Хотелось бы продолжить обучение с другими людьми, как все, но я не могу, жизнь не дала мне такой возможности. Зато хотя бы опробую местные клубы — я как раз дошел до второго корпуса школы. Мне нужно найти так называемый «клуб игроманов». Пройдя в коридор, я столкнулся взглядом с одним из преподавателей, избежать разговор не представляется возможным, придется импровизировать:

— Молодой человек, кого-то ищете?

— Да, здравствуйте, мне бы пройти к клубу, что по соседству с игроманами, — пошел я на уловку.

— Вы что, из тех дурных культистов? — ужаснулась бабушка. — На вид приличный юноша.

— Нет, нет, что вы, мой клуб с другой стороны.

— А-а-а, вы из клуба моды! Икки, кажется.

— Да, это я.

Не знаю, кто этот парень, но он очень меня выручил.

— А я что-то помню, ходит сюда черноволосый красавец в очках, а это же ты, стильный весь такой! — вспомнила бабуля. — Склероз мучает, уж прости.

— Ничего страшного, я пойду.

— Да, конечно, только это, на обеденном перерыве уборщица придет к вам на второй этаж, — дополнила она, — освободите, пожалуйста, клубную комнату.

— Принято, босс.

Это все упрощает, бабуля в очках на цепочке выдала мне достаточно нужной информации — клуб игроманов следует искать на втором этаже между клубов моды и окултных явлений, если я правильно его обозвал — кто знает, чем они там занимаются. Похоже бабуля приняла меня за какого-то Икки, который уж больно похож на меня, такой расклад мне только на руку. Как только я очутился на втором этаже, найти нужное помещение оказалось совсем уж просто, оно было практически за поворотом от лестницы. Войдя внутрь я увидел кучу других прогульщиков: одни увлеченно играли, другие что-то яростно обсуждали за общим чайным застольем, именно они обратили на меня внимание, пока я стоял на пороге. Какой-то худощавый парень в очках решил ко мне обратиться:

— Чего надо? — пробурчал он.

— Мне бы пару часов скоротать за компом, есть свободные?

— Да, конечно, садись за дальний в углу, там нет никаких сейвов и конфигов, а во что играть будешь?

— Не знаю, что найдется. Есть ли на нем что-то вроде «Space Ark», «Dreaming Assets» или «Rhythm Maze»?

— С песочницами на компах совсем беда — не вывозят, а вот шутеров и ритм-игр завались, располагайся! Как тебя зовут?

— Икки, — уверенно заявил я.

— Не хочешь вступить в наш клуб? Ты — человек, который ведает в играх, мы только таких впускаем в клуб. Либо женщин, правда они сюда никогда не приходят, — поник паренек, — слишком низкий уровень внутренней культуры.

— Нет, — отрезал я, — не люблю шумные компании вроде вашей, я посижу здесь некоторое время и уйду, спасибо.

Я прошел в угол комнаты и удобно расположился перед забытым другом. Немного пошарившись по рабочему столу, я нашел «Ancient Runes» — хорошая игра, чтобы скоротать время, просто кромсая мобов.

Так и прошло время до обеденного перерыва, о чем громогласно заявил звон школьного звонка. Пора идти на место назначенной встречи. Я попрощался со всеми и снова поблагодарил за содействие. Заветные лавочки находились прямо у выхода из корпуса, стоило лишь немного спуститься вниз по склону. Юмико и ее друзья уже ждали меня там, они были повернуты ко мне спиной — не разглядеть. Я подошел к ребятам, предстояло

знакомство, результат которого заранее неизвестен, но я надеюсь, что они тоже станут мне друзьями. Юмико первой решила заговорить со мной:

— Явился не запыхавшись! Почему так долго? Знакомься давай! — так она сказала.

— Можно было проявить хоть капельку уважения к человеку, который ждал тебя три часа.

— Ладно, ладно, — отмахнулась Юмико, — ребята, знакомьтесь, это мой хороший друг, — она замешкалась, — эм...

— Икки, — подхватил я.

— А-а-а, да! Икки! Прости, я не выспалась сегодня, — очень убедительно.

— Приятно познакомиться, меня зовут Хорнет, — с завидным спокойствием сказала девушка, — я из рода Гармонийских аристократов — семьи Ишимару. Наша семья сделала себе имя, помогая людям решать все возможные юридические вопросы. Лео, твоя очередь.

Она кинула ожидающий взгляд на рядом стоящего молодого парня моего возраста.

— Ах, да, — опомнился парень, — Леонхардт Акина, я — простой ученик, не такой важный, как Хорнет. Надеюсь мы подружимся.

Эти двое смотрелись совсем не как ученики одного социального слоя. Леонхардт выглядел совсем как обычный юноша, его школьная форма слегка отличалась от моей: по всей видимости он не из любителей носить гастук и темный низ, вместо брюк он носит каштановые джинсы. Прическа не остается без внимания, ее можно было бы назвать шторами. Его русые волосы неплохо сочетаются с голубыми глазами. Кстати о глазах, у Хорнет они точно такого же цвета, как и у меня — встает вполне резонный вопрос, как к ней относятся окружающие? Эта девушка выглядит довольно важной персоной, что соответствует ее родословной. Хорнет имеет длинные объемные пепельно-белые волосы, которые на висках очень лаконично дополняются небольшими косичками, носит круглые очки. А вот с одеждой дело обстоит куда сложнее: Хорнет носит на себе белую блузку, поверх которой висит что-то вроде пальто темного оттенка, снизу находится черная юбка, белые колготки и задорные сапоги со спиральными вырезами — не знаю, как еще можно такое описать. Похоже и мне стоило бы представиться.

— Меня зовут Икки, настоящее имя скажу, как только мы выйдем за пределы школы, о себе не многое могу рассказать: нигде не учусь, работаю на властную женщину, из друзей у меня только Юмико. Приятно с вами познакомиться.

— Не парься, мы подружимся, можешь звать меня просто Лео.

— Как прекрасно! — радостно завопила Юмико. — Вот видишь, друзей заводить совсем не сложно.

— Похоже на то, — сказал я, выдавив из себя нелепый смешок.

— Икки, — обращается ко мне Хорнет со слегка холодным взглядом и натянутой улыбкой, — не мог бы ты в знак закрепления нашей дружбы немного помочь?

— Да, конечно, что мне нужно сделать?

— Пойдем со мной, — она слегка подзывала меня рукой. — Юми, Лео, увидимся в столовой.

Хорошо! — напоследок воскликнула Юмико.

Хорнет пошла вдоль стадиона, я двинулся вслед за ней. Ребята развернулись и в предвкушении чего-то вкусного побрели в сторону столовой. Дойдя до конца, мы повернули в сторону школьного инвентаря. Интересно, что Хорнет там забыла, наверное что-то тяжелое нужно перетащить. Она приоткрыла дверь и скомандовала: «Заходи». Я зашел

внутри, о свете здесь никто никогда и не заботился, как только я оказался в помещении, дверь резко захлопнулась, от неожиданности я вздрогнул.

— Снимай очки, — послышался дерзкий приказ.

— Что ты задумала? — напрягся я.

— Снимай очки, быстро.

Назревает конфликт — Хорнет о чем-то догадывается. Проницательная девушка, этого я и боялся, но не в моих интересах извиваться и пытаться себя оправдать. Она решительно настроена добиться от меня правды, а что интересно, похоже она даже готова раскрыть мне все свои карты: на ее руке свежий надрез, полученный точно не случайным образом. Что это? Это такой способ активации способности? Похоже я в смертельной опасности, нужно идти навстречу ее условиям. Я медленно снял очки и обратил свой холодный взгляд на Хорнет, ее выражение лица было ничуть не лучше. Красные глаза светились в темноте как фонари, атмосфера царила напряженная. Такую ситуацию нельзя назвать никак иначе, как «ровно в полдень» — она больше всего напоминает дуэль, нежели дружеский разговор. Хорнет нарушила молчание, стоило ей столкнуться со мной взглядом:

— Это можно было предвидеть, Ашидо Такаги, — нахмурившись, прошипела она.

— Теперь уже точно приятно познакомиться, — ехидно съязвил я.

— Ты из этой комнаты живым не выйдешь, я не дам тебе водить за нос ни Юмико, ни Лео. Девушки семьи Ишимару не из глупых простушек. Раз ты знал, на что идешь, значит был готов к последствиям!

Хорнет сделала уверенный выпад в мою сторону, из ее раны на руке кровь хлынула водопадом, и, обернувшись вокруг кисти, приняла форму меча — она собралась убить меня! Такой противник даже близко не стоял с теми, с кем я когда-либо имел дело, эта девушка была ренегатом, при чем сильным. Такое искусство в ее руках может изгибаться как ей угодно — Хорнет управляет своей же кровью, а если захочет, она меня убьет. Мне нужно защищаться, как-то ее обезвредить, но я ведь даже не владею своим искусством! Хорнет уверенно взмахивает мечом, я могу лишь уворачиваться, но в темноте двигаться очень сложно, тем более, что я использую дым, дабы повысить свои шансы на выживание. Мне нужно пустить в помещение свет, а затем создать хотя бы палку — без нее обезвредить Хорнет будет невозможно. Как только выпал момент, я дернул ручку двери, и она распахнулась, поток воздуха, двигаясь в зону отрицательного давления, сдул весь дым внутри помещения, я оказался полностью открыт, чем Хорнет воспользовалась: она замахивалась со спины, направление удара предсказать не выйдет: если я отступлю назад, Хорнет убьет меня, продолжив выпад, если отступлю в любую из сторон вдоль стен, попаду под удар, отступить некуда, остается только одно — парировать. Раз я могу создать дым, смогу и палку. Я представил себе объект длинной цилиндрической формы, как он появляется у меня в руках. Хорнет даже не думала отступать, какие-то доли секунды решали мою судьбу: жить или умереть. Из моих рук начало что-то появляться, отдаленно похожее на рукоять, крепкой хваткой я вцепился за единственный шанс выжить и замахнулся навстречу Хорнет — вот оно, девушка не ожидала ответного удара и перешла в защиту, моя палка столкнулась с ее мечом — у меня получилось! По палке «поползла» кровь, именно поползла, будто щупальца обхватили мое оружие. Хорнет задумала контратаку? Я бросил палку из рук и схватил Хорнет под локоть, тем самым блокировав ее попытку выкрутиться, после чего выполнил бросок через бедро. Хорнет вылетела на улицу, тем самым оказавшись не в том положении, чтобы продолжать бой. Она спрятала свое оружие, заставив кровь вернуться в место пореза,

которое почти мгновенно покрылось кровавой корочкой. Проход в инвентарь перекрыт, теперь можно спокойно поговорить.

— Хорнет! Что ты творишь? Зачем ты на меня напала?

— Потому что ты убийца! — кричала она, даже не думая успокаиваться. — Ты хочешь убить моих друзей!

— Если бы я хотел их убить, я бы это уже давно сделал! — оправдывался я. — Я никого не хочу убивать!

— Врешь! — она мне точно не верила, — Ты врешь!

Что мне делать? Если мы продолжим кричать, это привлечет внимание учеников, обеденный перерыв еще не окончен — погодите-ка, что это за звук? Что-то трещащее, похожее на звериный рев мотора, где-то за забором едет машина?

— Ты пытаешься их обмануть! Я ни за что не отдам их на растерзание такому, как ты!

Похоже Хорнет даже не обращает внимания на раздражитель, ее голова забита только мной, она словно одержима. Голос у нее не самый красивый, высокий и немного глухой, надрывающиеся голосовые связки играют с ней злую шутку. За забором действительно оказалась машина, не электрокар, а четырехместный джип на бензине — такие очень редко встретишь. Транспорт остановился, окно на задних местах медленно опускалось, затем из него выглянул человек и вытянул свою руку в нашу сторону — неужели я попался? В руках человека что-то находилось, что-то похожее на оружие — в нас собрались стрелять? Но в кого, в меня или в Хорнет? Наиболее вероятный вариант — я, но, если это ошибка, пусть я и увернусь, под удар попадет Хорнет, а я не хочу, чтобы она умерла. На размышления не было времени: она не видела людей позади, лишь продолжала на меня кричать. Я бросился в сторону Хорнет, она оторопела, наверное, подумав, что я решил ее убить. Мы вместе рухнули на землю, прогремел звук трескающейся шпукатурки — мое спонтанное решение только что сохранило нам жизнь. Хорнет опомнилась сразу же, как только увидела дыру в стене. После неудачного покушения машина тронулась с места, это могло значить только одно — целью был не я. Нужно было хоть как-то распознать нападавших, оставить хоть какой-то след на уезжающей машине. Я бросился вслед за ней, но транспорт был куда быстрее, догнать не получится. Идея в голову пришла молниеносно: на ходу я создал новую палку, но с небольшими зубьями, чтобы нанести корпусу наибольший урон, замахнулся, после чего отправил ее в полет. Как только я выпустил палку из рук, тут же упал на землю в противоположную сторону от резкого удара в шею. Мой снаряд прилетел прямо в багажник автомобиля, разорвав его обшивку в клочья — именно этого я и хотел.

Машина скрылась за поворотом. В этот момент я уже лежал на земле, задыхаясь и истекая кровью. От недостатка воздуха в легких колело, вдохнуть никак — пронзительная боль сразу же ударяет в шею. Такое ранение не может быть смертельным для шепота, но как же это больно. А что бы почувствовал обычный человек? Он бы как минимум испугался за свою жизнь, чего не скажешь обо мне. Можно ли на самом деле сказать, что я — бессмертный?

Звуки шагов сигнализировали о приближении человека, кто-то увидел произошедшее и отправился выручить меня, он взвалил меня на плечи и потащил в сторону школы. По дороге его ноги подкашивались, находясь у него на спине, я то ли дело сползал вниз — значит меня тащит женщина.

— Такаги, не отключайся! — послышался женский голос. — Слышишь? Все будет хорошо, Юмико тебе поможет!

Так вот оно что, Хорнет опомнилась и вернулась мне помочь, такой голос сложно с чем-то спутать. Интересно, как она отреагирует, когда с ее плеч слезет совсем нетронутый Ашидо, я ведь уже начал регенерировать, как и рассказывала Юмико, сконцентрировав свою энергию на месте ранения. Пусть было очень больно и трудно дышать, эти пронзительные чувства сходили на нет. Благо пуля прошла навывлет. Примечательно то, что звуки выстрела были практически бесшумными, значит стреляли из пневматики: таких сейчас много, пороха в Гармонии практически нет. Хорнет изо всех сил пыталась дотащить меня до школы, это было глупым решением. Как только я пришел в себя, я тихонько постучал ее по плечу и попросил меня опустить на землю. Хорнет с изумлением и искренним непониманием смотрела на меня, не могла даже и слова из себя выдавить, она лишь медленно сползла на землю.

— Ну чего ты молчишь, будто призрака увидела, — усмехнулся я.

— Почему? — спросила она с явным непониманием.

— Что почему? — с тем же непониманием спросил я.

— Почему ты оттолкнул меня? Я же собиралась тебя убить! Я напала на тебя и была готова зарезать, так почему ты спас меня?

— Потому что ты — мой друг.

Хорнет выдохнула, то ли от облегчения, то ли от напряжения. Радовало то, что она усмирила свой пыл.

— У тебя такая же способность, как у Юмико, да? Ты можешь делать любые вещи из ничего, лечить свои раны? Она показывала мне газету, ты правда такой плохой, как о тебе пишут?

— Знаешь, немного напрягает, когда мне пальцами тычут в газеты и плакаты. Потом поговорим, — отмахнулся я, — попроси ребят проводить тебя до дома, с меня хватит на сегодня, кровь с твоей одежды я уже убрал, можешь не переживать. Просто оставь меня, дай собраться с мыслями.

— Хорошо, — пробормотала она, опустив голову, — я приглашаю тебя в дом семьи Ишимару, там я тебя как следует отблагодарю. Всего доброго, друг.

Хорнет поднялась с земли и тихим шагом поплелась в сторону школы. Эта девушка была из тех, кто очень ценит своих друзей, ради них она была готова сцепиться со мной, даже не зная о моих способностях. Такая дружба заслуживает похвалы, за исключением одного но — отдуваться пришлось мне и сейчас я очень раздражен этим фактом. Сегодня красноглазый юноша дважды мог лишиться жизни, спасла реакция и капля удачи, ведь если бы пуля попала мне в голову, я бы, вероятно, уже не восстановился, ведь в основе моей силы лежат мозговые процессы, а если мозг умирает — умирает и тело. Этот день запомнится мне своей очередной сногшибательной историей о завязанном узелке дружбы. Кто знает, возможно эти люди когда-нибудь спасут мне жизнь. Я обязательно зайду в дом семьи Ишимару, а пока лучше просто вернуться домой.

Глава 4: Обратная сторона аристократии

Мне потребовалось несколько дней, чтобы прийти в себя. Такое количество эмоциональной нагрузки за несколько дней превышает тот объем, который можно стерпеть и остаться в строю. Я думал, что правильно называю себя стойким и терпеливым, такое умозаключение от части является верным, но лимиты мои не так уж и далеки. Все это время я жил у Юмико, она любезно выделила мне комнатку напротив своей, только делать там было нечего. Мы общались за чашечкой чая, иногда встречались по пути в туалет, но как факт, разговоров было мало: она загружена своей повседневной рутинной, а я прожигаю сутки взаперти, как это было всегда. Юмико не пускала меня за свой компьютер, там находилось все ее творчество, которое ей почему-то стыдно было мне показывать. Как я понял, Юмико неплохо рисует — она начинала с бумаги, а впоследствии перешла на электронный рисунок. Вся бумага в доме была в моем распоряжении, я тоже попробовал себя в рисовании, но получалось не то, чтобы дико, а скорее даже в «животном» стиле. В таком деле нужен опыт, а он накапливается со временем, пока ты из раза в раз стараешься и становишься лучше, растешь. По крайней мере я не сильно расстроен результатом, такой небольшой экскурс дал мне понимание о том, как Юмико смогла создать столь сложный предмет, как расческа. У этой девушки богатое воображение, как и у меня, но разница лишь в том, что свои внутренние образы она видит куда лучше и четче. Я не могу представить расческу с кучей симметричных зубьев: они либо разбрасываются спонтанно, либо сама ее форма нарушается, потому как я уделяю ей меньше внимания. Если хочешь владеть мечом — нужно всесторонне развиваться, начиная от абстрактного мышления, а заканчивая тяжелыми тренировками, ведь взяв в руки свежетыканый меч единожды, ты точно не станешь мастером меча.

Сегодня выходной день, Юмико как обычно налила мне черный чай, который я на дух не переношу. Рыбья память этой девушки дает о себе знать. К нам в гости зашли Хорнет и Лео, они были в хорошем расположении духа, что не могло не радовать. Уже сидя за столом я вспомнил о том, что Хорнет пригласила меня к себе домой, а я тогда молча ушел. Я бы правда хотел взглянуть на то место, где обитает такое привилегированное сословие, как аристократия.

— Хорнет, а когда я могу заглянуть к тебе? Ты ведь приглашала меня, а я уже несколько дней тут торчу безвылазно.

— В любой день в любое время суток, дядя ждет тебя всегда. Можем все вместе сегодня туда пойти, это хороший шанс для Лео и Юмико побывать у меня дома, просто просочившись вместе с тобой. Мой дядя такой человек — только дай повод, и он отпустит все формальности.

— Точно! Ашидо, ты — наш билет в особняк семьи Ишимару! — радостно обронила Юмико.

— Чему ты так рада? Вы что, ни разу там не были? — спросил я.

— А кто бы нас туда пустил? — влез Леонхардт.

— Верно, — продолжила Хорнет, — ты спас мне жизнь и это куда более весомый повод, чтобы прийти в гости, нежели просто притащить друга на поводке к воротам и нагло заявить о намерении показать дом.

— Твоя правда. Когда пойдём?

— Так-с, давайте так: мы с Юмико пройдемся по магазинам за тортиком, а вы найдете себе одежду попримечнее.

— Чем тебе моя одежда не нравится? — с долей обиды промолвил Леонхардт.

— Знаешь, шел бы ты к другу или к своей любимой даме, такой наряд был бы вполне неплохим, но ты идешь в гости к консервативному дяде-аристократу. Даже если Ашидо придет в стильном смокинге за пятьдесят тысяч Гармонийских кредитов, ты его будешь позорить своим видом. Я не считаю твой наряд каким-то вульгарным или недостойным моего внимания, я просто говорю фактами.

— Доступно, — утвердил я.

— Доступно, — подхватил Леонхардт.

— Встретимся здесь. Когда все будут готовы, тогда и пойдем, — закончила Хорнет.

Мы допили чай, Юмико в сопровождении Хорнет отправилась переодеваться. Мы с Лео уже были одеты и двинулись на поиски магазина одежды. Нам парням не понять, что такого делают эти девушки, что ждать их приходится часами. Пока они примеряют что-то на выход, мы успеем купить костюмы и еще кучу времени проторчим на улице в томительном ожидании. Я привычно напялил свои солнцезащитные очки, наш путь лежал вдоль одной из нескольких торговых площадей района. Если так поразмыслить, сегодня я впервые вижу Лео после того дня. Идти молча было бы не очень уютно, мне стоит поговорить с ним и познакомиться поближе:

— Слушай, Лео, я бы хотел извиниться.

— За что? Не помню ничего такого, за что следовало бы извиняться.

— Когда мы последний раз виделись, я ушел сразу после знакомства, с моей стороны это было очень некрасиво.

— Не бери в голову! — смеялся он. — Хорнет уже всем поделилась, я не держу на тебя зла. Только убедился в том, что ты на самом деле хороший человек, Ашидо.

— Ты правда так думаешь?

— А как же. В отличие от этих двух болтушек, я не читал всякие пакости в газетах, потому ничего не мог сказать о тебе, как о человеке в день нашей первой встречи. В моих глазах ты ничем не отличался от других учеников школы, такой же самый обычный парень, с которым можно подружиться, тем более, что Юмико охотно тебя рекламировала.

— Приятно слышать, мне давно такого не говорили. Ты считаешь меня другом?

— Ну как сказать, другом просто так не становятся, нужно время, чтобы прийти к взаимопониманию и проникнуться этим ароматом дружбы, так я считаю.

— Аналогично, — с ноткой облегчения произнес я, — слушай, а какая у тебя способность? Хорнет мне ее показала во всех красках, точно так же, как и Юмико, а вот про тебя я совсем ничего не знаю.

— Узнаешь рано или поздно, о таком на людях не говорят, я тоже не особо много о тебе знаю. Как представится возможность, я точно ее покажу.

— Не люблю такую навязанную интригу, буду теперь по ночам сидеть гадать, что в меня может воткнуть старина Леонхардт.

— Сосульку в тебя воткну! — смеясь, воскликнул он.

— Хорошая шутка, так держать. Особенно смешная, если брать во внимание, то что зима в Гармонии идет не больше месяца. Ты что, назначил мне дату смерти от сосульки?

— Расслабься, я не собираюсь на тебя кидаться. Я не импульсивная девочка в круглых очках с бредовой манией величия, — сказал Лео, постебавшись над образом Хорнет.

— Очень на это надеюсь. Кстати говоря, это ты заказывал на меня костюм?

— Наверное, Юмико говорила, что нужно заказать костюм для друга, сам он не может. Он был для тебя? Не жмет нигде?

— Все отлично, сидит прекрасно. Я это к тому, что, имея одинаковую комплекцию тела со мной, тебе бы лучше взять два костюма, пока я подожду на улице.

— А, точно, тебе же нельзя так спокойно слоняться по улицам. Хорошо, я возьму, но, если прогадаю с размером — будешь ютиться в узких брюках.

— Заметано.

По дороге мы болтали о многих вещах: друзья, игры, спорт, фильмы. Это было весело, Леонхардт был парнем моего возраста, может чуть младше. Я давно не общался со сверстниками так близко. Душу греет факт того, что вскоре я смогу назвать его своим другом.

Мы наконец дошли до торговой площади, я отдал Лео деньги на костюм за нас двоих — у меня все равно их было больше, спасибо Наталье. Лео проскользнул в магазин строгой одежды, а я остался стоять на углу и разглядывать разного рода плакаты. В этом районе везде царит атмосфера безопасности, улицы внушают некоторый уют, а главное, что в голову почти не лезут дурные воспоминания, которые появляются вместе с грязью и дряхлыми домиками. Долго ждать не пришлось, Лео вышел минут через десять, держа в руках два новеньких костюмчика. Нужно было возвращаться назад. Надеюсь девочки успели купить торт, нам ведь пришлось идти куда дальше. Мы все так же благополучно вернулись домой, Юмико и Хорнет уже ждали нас там с тортиком, что было удивительно. Мы быстро переоделись в новые элегантные костюмы. Поскольку все уже были одеты, а торт тягостно ждал пока его съедят, можно было выдвигаться.

И вот мы вчетвером идем в гости к Хорнет. Кто знает, что этот мужчина хочет мне сказать, но слова благодарности от Хорнет я бы послушал. Эта девушка не из тех, кто кинется тебе в ноги и будет восхвалять за спасенную жизнь, она это сделает за чашкой чая. Кто-то делает тоже самое за стопкой виски, разница лишь в оболочке, а на деле такие, казалось бы, разные люди преподносят свою благодарность одинаково. Мы шли по извилистой дороге в гору, это была граница Дипломатического района, а дальше склон единственной горы в Гармонии, название которой я и по сей день не запомнил — какое-то сложное непроницаемое слово на немецком. Немного погодя мы уткнулись в ворота, расположенные прямо около дороги. Хорнет передала команду в звонок на стене, к которой прилегали ворота, и они отворились. Передо мной предстал потрясающий вид особняка с роскошными пышными садами, в которых хозяйничали горничные. «Много», — подумал я. Только ступив на порог все почувствовали, что попали на землю влиятельного человека, стало немного не по себе. Я снял очки, здесь не от кого скрываться. Нам навстречу шел полный мужчина в белом смокинге. Страх развеялся, как только он попался мне на глаза: этот человек выглядел очень добродушным, его одновременно стильная и небрежная бородка делали его похожим на служителя церкви в отставке. Хорнет шла впереди, а как только мы сблизилась на расстояние для диалога, она нас остановила.

— Господа, представляю вам Кагеяму Ишимару, это — владелец особняка и мой кровный дядя. — представила она человека перед нами, после чего повернулась в его сторону. — Дядя, представляю тебе своих друзей: Юмико Таканаши и Леонхардт Акина, а также своего спасителя и так же верного друга — Ашидо Такаги.

— Приятно со всеми вами познакомиться, особенно с тобой, Ашидо. — сказал толстый

дядя.

— Взаимно, господин Ишимару.

— Ой, брось ты свой этикет! Для тебя просто Кагеяма. У меня к тебе сегодня отличное предложение, ты готов выслушать?

— Да, я внимательно слушаю.

— Я очень признателен тебе за спасение моей племянницы, а в благодарность предлагаю большую сумму денег, но у тебя есть возможность поднять ставки.

— Это как? — заинтересовался я.

— Хорнет, солнце, не расскажешь ему?

— Конечно, дядя. Слушай внимательно, — начала Хорнет, — Ашидо, это очень выгодная сделка, для человека с судьбой, подобной твоей. Семья Ишимару уже более двадцати лет занимает высокую должность в общественном и государственном строе Гармонии, к нам обращаются самые разные люди для решения юридических вопросов, будь то списание долгов или судебное дело. Но у такой популярности есть и обратная сторона — когда-то наша семья была большой и неразлучной, но с появлением противников нашей деятельности она начала уменьшаться, пока не сократилась до нас двоих. У меня нет никого, кроме дяди, а у дяди нет никого, кроме меня. Пусть у нас и были соперники, они никогда не переходили нам дорогу, но все изменилось. Моих родителей убили, когда я была совсем маленькой, жену господина Кагеямы три года назад нашли мертвой на склоне горы, а на мою жизнь то ли дело устраивают покушения. В тот день оно могло оказаться удачным, но нападавшим помешал именно ты, потому дядя готов предложить тебе нечто большее, чем внушительную сумму денег, если ты согласишься на некоторую услугу.

— Спасибо, — поблагодарил ее дядя, — итак, перейдем к делу, Хорнет рассказала мне о твоих способностях, о твоих умениях залечивать раны. Я предлагаю тебе ту самую сумму, дом в Торговом районе и горничную в придачу, если ты узнаешь кто открыл на нас охоту и разделаешься с ними, раз и навсегда, либо ты можешь прямо сейчас забрать деньги и уйти.

— Подумай над этим предложением, оно стоит того, — дополнила Хорнет.

— Это действительно очень заманчивое предложение, но где гарантии того, что я получу все обещанное?

— Подпишем контракт, если придется кровью, а бонусом я даю слово семьи Ишимару, — уверенно заявил Кагеяма.

— С контрактом все понятно, но что значит слово семьи Ишимару?

— Ты в любой момент сможешь подорвать репутацию семьи, если заявишь о нашей неблагосклонности на публике, — произнесла Хорнет.

— Остальное обсудим за столом, прошу вас! — так нас пригласил Кагеяма в дом.

Мы прошли внутрь дома, он не выглядел таким большим, как снаружи, но вид здесь был потрясающий: красивое мраморное покрытие на стенах, пестрые люстры, везде суетливые горничные. Мы прошли в подобие банкетного зала, только маленького, уселись за накрытый стол. Смотря на него, я задаюсь лишь одним вопросом — зачем мы покупали торт? Господин Кагеяма сел рядом со мной, мы продолжили наш диалог, пока остальные наслаждались едой.

— Итак, Ашидо, у тебя есть ко мне какие-нибудь вопросы?

— Да, при чем очень много. Начнем с того, кто эти люди, я лишь мельком видел их: передвигаются на джипе, носят костюмы, используют пневматическое оружие. Разве этой информации достаточно, чтобы выследить их?

— Вполне. На таких машинах запрещено передвигаться кому попало, на них ездят только представители какого-нибудь крупного агентства, таких в городе немало, но машины по пальцам рук можно пересчитать.

— То есть, если таких машин в Гармонии так мало, значит я без особой сложности найду ту, что поцарапал?

— Ты оставил на машине пометку? — удивился он.

— Я пробил багажник машины палкой с зубьями, не думаю, что они такую в скором времени починят.

— Это все упрощает! Конечно, они скорее всего ее где-то спрячут, а может и уничтожат, но, если ты застанешь кого-то рядом с этой машиной, останется только его допросить, а там дело за малым.

— Послушайте, мистер Кагеяма, я не могу обещать успех в этом деле. Я борюсь с монстром внутри себя и не хочу убивать людей. Я могу защитить Хорнет, но, боюсь я не способен выследить и уничтожить группировку, которая на вас охотится.

— Я тебя не заставляю, условия ты слышал, закончишь дело — приходи за наградой, откажешься — уходи, я найду другого. От тебя требуется хотя бы выследить их, я подумаю над тем, как тебя отблагодарить.

— Если от меня требуется лишь выследить их, а не уничтожить, тогда почему вы не наймете профессионалов? Почему сами не выясните, кто на вас охотится?

— Не забывай, что я — тоже жертва, любые сомнительные связи могут меня погубить, а вместе со мной и самого дорого для меня человека — мою племянку Хорнет. Я выбрал тебя, потому что ты — преступник, у тебя нет мотива, чтобы убивать меня, а я могу тебе помочь. Это двусторонне выгодная сделка, не находишь?

— Я понимаю, потому соглашаюсь на эту сделку, сделаю все, что смогу. Если мне на глаза попадется эта машина, я выясню, кто замешан в охоте на семью Ишимару, а дальше все будет зависеть от моего желания продолжить дело, а также от познаний моей собственной силы, которой я все еще не до конца овладел. Если я буду достаточно стойким, чтобы снова пролить кровь и оставить за собой гору трупов, если буду достаточно силен, чтобы выжить в такой схватке — я закончу дело. В противном случае, я лишь предоставлю информацию, не более.

— Договорились! Иона, тащи документы! — радостно воскликнул он.

В комнату вошла горничная, она принесла нам бумагу. Господин Кагеяма принялся что-то в нее вписывать. Как только он закончил, завершающим сценой стал порез пальца, который непоколебимо врезался в бумагу.

— Клянусь кровью семьи Ишимару, что выдам твою награду за труд в случае успеха, контракт действует бессрочно. Твоя очередь оставить «подпись».

— Шепоты не оставляют отпечатков, а кровь, вероятнее всего, исчезнет.

— Достаточно подписи.

Я оставил свою подпись на документе — сколько же лет я ее уже не использовал. Значит вот как все обернулось, я заключил выгодный контракт, но в том же время очень сложный и опасный. Сейчас я точно ничем не смогу помочь семье Ишимару, но упускать такой шанс было бы глупо, тем более, что мне не впервой смотреть на кровь. Может и друзья мне в этом деле помогут, я не против разделить с ними оговоренную награду. Дядя Хорнет был вне себя от радости. По всей видимости, он долго ждал этого момента:

— Ну-с, Ашидо, я очень рад, что ты сегодня зашел к нам в гости вместе со своими

друзьями. Располагайся и ешь, что захочешь, я пойду по своим делам. Когда соберетесь уходить, позовите меня, хочу с вами попрощаться.

— До встречи, господин Кагеяма.

Он смешно поплелся к выходу, тяжело, наверное, носить на ногах такой вес. Мне нужно присоединиться к друзьям, я тоже проголодался и все это время смотрел на то, как жадно Юмико уплетает здешнюю еду. Я встал и передислоцировался на другой конец стола, сев рядом с ней. Едва прожевав она залепетала:

— Ашидо! Ты не представляешь, какая же здесь вкусная курица, — невероятно громко начала свой монолог Юмико, — в ней мало того, что душистые приправы, она еще сделана по какому-то особому рецепту, в ней чувствуются нотки чеснока и лимонного сока! Нежное мясо тает во рту, словно пуддинг, и не застревает в зубах! Пусть на курице виднеются следы поджарки грилем, в этих местах она не отдает никаким дефектом пережарки и точно так же в неминуемой гармонии смешивается со слюной в моем рту! Едва откусив кусочек, я познала всю суть вездесущего, я познала что-то, находящиеся за гранью любого кулинарного искусства, эта курица не от мира сего, она пришла из места по ту сторону Бездны, из другого мира, где существует какое-то сверхразумное существо, без каких-либо ограничений в познании вселенной, оно и приготовило это прекрасное блюдо, оно знало, что я когда-то его попробую и решило захватить мое сердце через курицу!

— Вообще-то, это блюдо приготовила Итаци — одна из горничных семьи Ишимару, — поправила одна из горничных.

— Покажите мне ее! Я хочу видеть того, кто сделал это блюдо!

— Юмико! Угомонись! — стараясь ее успокоить, воскликнул я, — своими запредельными красивыми речами ты ее только напугаешь, давай подойдем к ней после трапезы.

— Я хочу сейчас! Дайте мне эту горничную!

— Подождите немного, сейчас я ее приведу, — проявила инициативу горничная.

— Стоять! Оливия, не надо — это приказ, — отрезала Хорнет.

Значит эту красноволосую горничную зовут Оливия, учту это на будущее.

— Как скажете, госпожа Ишимару, — подчинилась Оливия.

— Нет! — закричала Юмико. — Я хочу ее прямо сейчас! Приведите мне ее!

— Я не в праве оспаривать приказ госпожи, — качая головой, сказала Оливия.

— Хорнет, скажи ей!

— Не просто так говорят: «Путь к сердцу женщины лежит через ее желудок», — сумничал Леонхардт.

— Вообще-то так говорят про мужчин, — поправила Хорнет.

— Это работает в обе стороны, все мы любим вкусно поесть, некоторые в особенности.

— Я просто хочу выйти за эту женщину замуж, — с переполненным радостью лицом произнесла Юмико, принесся нам очередное потрясение.

— Грубо, ей семнадцать, — сообщила Хорнет.

— О! Отлично, такая молодая, а уже женится на мне.

— Юмико, ты прекрасно знаешь, как у нас относятся к однополым бракам, — напомнил Леонхардт, — лучше найди себе столь же умелого мужчину.

— Кому какая разница? Мне не интересно, женщина это или мужчина, мне нужна только курица, — продолжала настаивать Юмико.

— Если у тебя есть желание отвечать по статье за действия вопреки Кодексу Гармонии

— вперед, — отметила Хорнет.

— Чем больше я вас слушаю, тем тупее становлюсь, — пробурчал я.

— Это все потому, что у тебя нет девушки, — заявила Юмико.

— А вот сейчас обидно было...

— Лео, — обратилась к нему Хорнет, — будь добр.

Леонхардт ехидно кивнул Хорнет, пока Юмико уплетала неизвестную по счету куриную грудку. Он положил руку ей на голову и начал легонько поглаживать. Что удивительно, это работает, движения Юмико становятся все медленнее и медленнее, пока она совсем не отрубается, откинув голову на спинку и пуская слюни.

— Что ты сделал? — удивился я.

— Я же обещал показать свою способность при первой возможности. Вот, полюбуйся.

— Ты усыпляешь людей, глядя по головке?

— Я знал, что ты так скажешь, тебя легко обмануть. Нет, я просто слегка подморозил ей голову, тем самым замедлив мозговую активность, вот она и уснула. Не волнуйся, это ей не навредит.

— Очень полезная способность, морозишь значит, или такую способность правильнее назвать «леденящей»?

— Что-то вроде того, — сказал Лео, смеясь.

— Оливия, — воскликнула Хорнет, — передай Итаци, пусть идет отдыхает, я думаю ей лучше сегодня не попадаться на глаза Юмико.

— Будет сделано, госпожа.

— Ашидо, — обратилась она уже ко мне, — тебе лучше поесть, нам скоро уходить.

— Верно, за дело, всем приятного переваривания.

— Еще один, — прошептала она, закатывая глаза, — приятного аппетита.

Забавная ситуация, ни разу еще не видел Юмико такой... перевозбужденной. Ее воодушевленные возгласы помогли мне снять напряжение. Как же смешно это выглядит: как она спит на стуле, а изо рта стекает слюна от дичайшего аппетита. Мне нужно поесть, выбор здесь огромный, но внимание останавливается именно на запеченном картофеле — мое любимое блюдо, мама часто мне его готовила. На столе редко появлялось что-то кроме каши и картошки: район был беден для разнообразия в еде, а может бедной была моя семья. Было очень приятно вновь увидеть это блюдо, тем более в доме аристократа, прямо на его столе, за которым сижу я, только что подписавший выгодный контракт. Сегодня я чувствую себя действительно хорошо. Проведя день в компании друзей, я, пусть и немного, заполнил дыру в своем сердце. Юмико, которую я встретил случайно, стала мне самым близким другом. Хорнет, которая хотела меня убить, сейчас сидит со мной за одним столом в особняке своего влиятельного дяди и называет другом. Леонхардт, который знаком со мной несколько дней, уже успел расположить меня к себе. Не знаю, как долго эти люди пробудут со мной, но эти моменты навсегда останутся в памяти. Ну что, пора собираться, я наелся до отвала, опустошив тарелку картошки, заев удовольствие салатом «Цезарь», который тоже является одним из моих любимых блюд.

— Лео, буди Юмико, — скомандовал я, — пора домой.

— А ты куда скромнее ешь, чем она, — посмеялся он.

— Это точно, — улыбнулась Хорнет. — Собирайтесь, я пойду за дядей, чтобы он вас проводил, встретимся у входа.

Хорнет элегантно прошла салфеткой по своим губам, затем встала из-за стола и пошла

к двери. Я легонько толкал Юмико в плечо, пока та не подала признаки жизни. Она, словно овощ поднялась из-под стола и попятилась к выходу. Мы с Леонхардтом подхватили ее, попрощались с горничными и точно так же пошли на выход. У крыльца уже ждали оставшиеся члены семьи Ишимару, они невольно улыбались, глядя на то, как мы тащим Юмико. На улице уже был темный вечер, долго же мы сидели внутри, даже счет времени потеряли. Дойдя до крыльца, Юмико наконец очухалась и встала в трезвую стойку.

— Ну что, господа, очень приятно было с вами познакомиться. Чувствую, вечер вы провели отлично, — сказал Кагеяма, смеясь, — по барышне все видно.

— Я не пьяная, — возразила Юмико, сделав большие пробелы между словами.

— Вижу, вижу, как стеклышко, — продолжал смеяться он.

— Что с ней? — поинтересовался я.

— Она пила вино, пока вы с господином Ишимару обсуждали важное дело, — объяснил мне Лео.

— Юмико совсем не умеет пить, — иронично сказала Хорнет.

— Так вот почему она так восхваляла кури...

— Цыц! — заткнул меня Леонхардт, не успев закончить реплику. — Молчи лучше.

— А? — едва стоя на ногах и смешно побулькивая, промолвила Юмико.

— Спасибо, что пришли, ребята, увидимся в будние. И тебе отдельное спасибо, Ашидо, — поблагодарила нас Хорнет.

— Не стоит благодарности, я делал то, что посчитал правильным.

— Скромность красит человека, — отметил Кагеяма.

— До свидания, друзья, — попрощалась с нами Хорнет.

— Всего доброго, приходите к нам еще! — улыбаясь, закончил Кагеяма.

Мы попрощались с этой душевной семейкой и двинулись домой. Я уже во второй раз тащил Юмико на себе, благо Лео мне с этим делом очень помог. По темной извилистой дороге мы спустились со склона и попали в привычный район. Как только порог дома № 17 был пересечен, Лео попрощался со мной и в одиночку пошел домой, а я в привычной позе потащил эту увесистую задницу в ее кровать. Чего стоило найти ключи в ее сумочке — нечто. Не хотелось оставлять Юмико в парадной одежде лежать на спальном месте, потому я решил ее переодеть. В этот раз все было не так плохо: я уже привык к виду ее тела, хоть и видел его всего один раз, потому процесс уже не был таким смущающим. Перевернув ее на живот, я расстегнул бюстгальтер и вытянул его окопными путями из-под туши спящей подруги. Смотреть на то, что кроется под нижним бельем я все еще не был готов, тем более в такой нелепой ситуации, когда Юмико беспомощно завывает во сне. Я нацепил на нее ночнушку и оставил наедине со сладким сном про курицу, повесил одежду на вешалку, после чего благополучно отправился в свою комнату. Да, эта комната, можно сказать, уже успела стать моей. Я разделся и рухнул на кровать, меня переполняло чувство удовлетворения, но были некоторые беспокойные моменты. Поначалу я переживал за Леонхардта, как он дойдет до дома, но это беспокойство быстро сошло на нет — он не простой человек, а ренегат. Не знаю, насколько сильный, но вполне способный себя защитить, потому он не стоит моих волнений. Но был еще один момент, который тревожит меня уже не один день — факт того, что мне снова придется убивать. Пусть моя кровотокающая душа борется с монстром внутри, пусть я пытаюсь себе внушить то, что отбирать у человека жизнь — это зверство и я не имею на то право, я все равно рано или поздно к этому приду, я снова убью кого-то, а потом снова и снова. И это не закончится, пока я не умру. Это уже больше походит на болезнь — на

самую настоящую кровавую лихорадку...

Глава 5: Наши маски

И вот я снова здесь, смотрю в пустоту без каких-либо выраженных человеческих чувств, словно реальности не существует: сердце не бьется, дыхания нет, колени после вчерашнего дня не болят, одна лишь твоя душа здесь существует — в этом месте нет никаких иных раздражителей: привыкнув к пустоте внутри и снаружи, ты находишь такое окружение спокойным. Для кого-то сон — это картинка, это фильм, построенный на непонятной тебе суете. Иногда даже можно стать героем этих событий, попав в осознанный сон — такому рад каждый. Но когда тебе снится один единственный сон, который из раза в раз не меняется, можно лишь мечтать о том, чтобы стать простым человеком и желать пощупать мозговую пленку как тебе заблагорассудится.

Во сне я думал лишь о том, как мне поступить дальше — я снова загнал себя в тупик. Редкий шепот в этой тишине мог бы подсказать, но сегодня он и сам спит. Нужен кто-то, способный направить меня в нужную сторону, человек, который научит меня быть сильным. Во что бы то ни стало, я должен закончить начатое — избавить Хорнет от ее врагов. Мне нужен дом — место, где я смогу жить как все, свой собственный дом. Может для Кагеямы раскидываться домами в порядке вещей, он не мог знать о том, что я одной ногой на улице, другой в могиле. Горничная была бы кстати, интересно, кто из них достанется мне — Оливия, может быть? Приятная и послушная девушка, как и подобает людям ее профессии. Нужно будет еще как-нибудь зайти в гости только ради знакомства с горничными, глядишь подберу вариант для себя.

Немного поразмыслив о планах на день, я решил остаток своего времени посвятить тренировкам. Попытки создать меч заканчивались провалом: поначалу он выходил кривым, лезвию не хватало остроты, рукоять была неудобной формы. Часами практики я-таки добился правильной симметричной формы и эргономичной рукояти, но вес такого меча был мне не по силам — его баланс был нарушен, лезвие оказалось тяжелым, а восстанавливать стойку, возвращая меч после удара, казалось просто невозможным. Можно сказать, что я потратил время впустую, создавая клеймор. О чем я только думал со своим телосложением — его хрен поднимешь, ни то что бы размахивать им. Пусть я был расстроен результатом, близился момент пробуждения. Он слегка отличается от того, когда ты просыпаешься не по своей воле — в такие моменты все резко гаснет, и ты открываешь глаза, но, если твой мозг закончил цикл сна, пустота постепенно начинает трескаться, пока полностью не распадется — тогда сон и заканчивается.

Проснувшись, я осознал, что, если бы поспал на минутку больше, мой внутренний мир во сне бы мгновенно погас от тяжелого приземления Юмико на мою грудную клетку. Она стояла в дверном проеме и пилила меня взглядом.

— Доброе утро, — не растерялся я.

— Ты опять меня раздевал? — она все так же смотрела на меня, задавая этот вопрос.

— Ты хотела спать в одежде?

— Нет, — очевидный ответ, — меня интересует воспользовался ли ты моментом, чтобы поглазеть на мои формы.

— Я бы все равно не сознался, если бы смотрел.

— Этого достаточно, у тебя все на лице написано, — сказала, как отрезала. — Спасибо, что не смотрел.

Я даже на секунду испугался, она развернулась и побрела вдоль по коридору. Эта девушка выглядит легкомысленной, но на деле она очень даже умная и серьезная. Это что-то вроде маски, которую Юмико использует, чтобы скрывать свои внутренние переживания. У меня не получается носить такую маску, поэтому она отчетливо видит, когда я вру. Прикинувшись дурачком, я буду выглядеть подозрительно, сделав слишком серьезное лицо, то же самое. Когда я говорю прямо, нет смысла сомневаться — это она уже усвоила. Интересно, есть ли на свете такой человек, который может читать мысли других? Такому человеку невозможно солгать, не говоря уже о том, что он знает все твои сокровенные секреты, например, о том, что ты — серийный убийца или коррумпированный чиновник. Даже если бы такой человек был на этом острове, его бы уже прибрал к рукам король. Я встал с кровати и вслед за Юмико пошел вниз. Она приводит себя в порядок, заняв уборную, было бы неплохо порадовать ее завтраком. Я слабоват в готовке каких-то заумных блюд, но что-нибудь простенькое сготовить способен. Сегодня наш день откроет яичница по моему особому рецепту: помимо обжарки яиц на сковороде, я добавляю небольшие кусочки мякиша и крабовые палочки. С таким способом приготовления ты получаешь самые обычные жареные яйца, но с хрустящим хлебушком в масле и пикантным привкусом. Только главное не забыть перемешать желток с белком и сначала обжарить добавку. Я встал у плиты и взялся за дело. Когда блюдо было готово, Юмико уже закончила свои дела и вошла на кухню.

— Только себе приготовил? — обиженно вздохнула голодная пташка.

Я знаю, что порция была маленькой — виной тому полупустой холодильник. Из четырех яиц не выйдет приготовить такую еду на двоих. Если бы я готовил английские гренки, хватило бы на всех, но мне хотелось, чтобы Юмико оценила мои умения в готовке.

— Это тебе, — обрадовал ее я.

— Как это? — недоумевала она, — а ты что будешь есть?

— Я не голоден.

— Врешь, — вне всяких сомнений, она видела меня насквозь.

— Да, я вру, что не голоден, но завтрак точно для тебя.

— Давай разделим его, — предложила Юмико, — нам хватит.

— Ты не наешься таким объемом, уверяю.

— Можешь не убеждать меня: я либо поделюсь с тобой, либо ничего есть не буду, — Юмико не оставила мне и шанса. — Сделай правильный выбор.

Мы поделили нашу порцию пополам, пусть этого было немного, но аппетитный и сочный завтрак был обеспечен. Глядя на то, как Юмико уплетает свою порцию, я вспомнил вчерашний вечер.

— Ты помнишь, что было вчера? — поинтересовался я у Юмико.

— Еще слово и я тебе вилку в глаз воткну, — прорычала Юмико с набитым ртом.

— Я не про курицу, — такие моменты лучше отсеять.

— Ты про то, как я напилась?

— Именно.

— Могу сказать лишь одно, — она широко улыбнулась, — простите за доставленные неудобства.

— Ничего страшного, ты тоже когда-нибудь меня так тащить будешь.

— Мне на самом деле очень стыдно, я еще ни разу в жизни не пила, а тут такое устроила...

— Все хорошо, ты не сильно буюнила, по крайней мере никого не убила.

Мы немного посмеялись, после чего убрали все за собой и отправились по своим делам: Юмико заняла компьютер, чтобы порисовать, а мне предстояло зайти на чай к Наталье. Пусть для нее воскресенье будет днем отдыха, но для меня сегодня считай рабочий день — есть вопросы, на которые возможно найти ответы. Я оделся в уже привычную одежду, нацепил очки-авиаторы и ушел, напоследок потискав Юмико по голове. Хотелось бы верить, что Наталья или кто-либо из ее знакомых мне помогут — с такими связями они, вероятно, хорошо копают информацию. Самое интересное то, что я все еще не знаю фамилию своего работодателя, хотя работаю на эту женщину уже более месяца, при том получая приличные деньги.

Через какое-то время я добрался до привычного бара и сразу двинулся в кабинет к властной женщине. Подойдя к двери я уже собрался было стучать, но меня неожиданно прервал бармен:

— Босса сегодня нет, — осведомил меня мужчина, — она на встрече.

— Понятно, благодарю.

И что мне теперь делать? Все планы на день пошли коту под хвост, но не должен же я после такого нелепого провала опускать руки, нельзя же всю жизнь рассчитывать на одного влиятельного человека. В такой ситуации я могу обратиться к ее подчиненным — даже если они не помогут, то все равно передадут информацию, если я посвящу их в курс дела. В голову приходило лишь одно — обратиться к Коннору, но для начала его нужно найти. «Этот мужик может быть где угодно», — так я подумал, но стоило мне обратиться к бармену с вопросом, он тут же отправил меня в курилку. Такие места я люблю меньше всего, в них всегда отвратно пахнет, а смок выжигает глаза, но люди продолжают курить, несмотря на то, что они потребляют максимальное возможное количество вредных веществ. Дело — есть дело, потому мне приходится пойти в курилку, где среди толпы накаченных мужчин за тридцать Коннора не оказалось.

— Уважаемые, подскажите, — обратился я к ним, покашливая от плотного дыма, — Коннор давно отсюда ушел?

— Он сюда и не заходил, — ответил мне один из сидящих, — поищи на улице за домом, он сказал, что там покурит.

— Спасибо, — прокричал я и пулей вылетел из помещения.

Если Коннора не окажется на улице, спросить уже будет не у кого, останется только случайно столкнуться с ним в каком-нибудь коридоре, но такой шанс поймать сложно. Я вышел на улицу и поплелся вдоль периметра дома. Как только я повернул за угол, в поле зрения оказался именно тот, кого так хотелось найти — он здесь. Я тихонько подошел к Коннору, который тихо стоял, прислонившись к стене, никак не реагируя на мое приближение. Подойдя вплотную, я встал рядом, тоже прислонившись к стене. Он выглядел грустным, даже голову в мою сторону не поворачивал, лишь смотрел куда-то пустым взглядом. Мне нужна была его помощь, но досаждать ему в такой ситуации не хотелось. Нельзя сразу переходить к делу, нужно его расспросить:

— Привет, Коннор.

— Привет, Ашидо.

Такое начало разговора ставило его в тупик, может Коннор и был настроен на диалог, но не мог выдать из себя ничего такого, что поддержал бы собеседник.

— Слушай, — спросил я прямо, — у тебя что-то случилось?

— Да так, — отмазался он, — ничего особенного.

— В таком случае, я бы хотел к тебе обратиться за помощью. Видишь ли...

— Мне диагностировали рак легких, — перебил меня Коннор, не дав возможности продолжить речь, — сегодня я был в больнице, жаловался на то, что харкаюсь кровью, думал ничего серьезного, но нет, — тяжело вздохнул он, — жить мне осталось не больше месяца.

— Как же так, — не верил я его словам, — Коннор, ты ведь шутишь?

— Ты же видишь, что я стою на улице и дышу свежим воздухом, вместо того, чтобы с компанией сидеть в привычном для нас месте, — пробормотал он спокойным тоном.

— Они тоже знают?

— Нет, — опровергнул он, — им незачем знать, пусть остаются в неведении.

— Ты не хочешь расстраивать своих друзей?

— Хотелось бы мне назвать их друзьями, — он закатил голову и посмотрел в небо, — я работал с этими людьми более шестнадцати лет, но никто из них так и не сумел стать моим другом, как печально.

— Но я ведь тоже для тебя коллега, — подметил я, — разве нет? Почему тогда ты поделился со мной такой плохой новостью.

— Не знаю, — сказал он, — наверное, потому что ты единственный, кто пришел сюда, чтобы поговорить со мной.

— Коннор, мы можем тебя вылечить! — пытался я обнадежить. — Энергия Бездны способна лечить рак, по крайней мере, я так думаю... Но если есть надежда — значит нужно цепляться за любую возможность!

— Помнишь я говорил, — он повернул голову в мою сторону, — чтобы ты когда-нибудь выручил меня в благодарность?

— Да, я помню! Этот момент настал, я...

— Забудь, — заткнул меня Коннор, после чего снова поднял голову.

Я молчал, глядя на то, как по его щекам катилась слеза.

— С меня довольно этой собачьей жизни, — сглотнул он, — я заплатил свою цену за все то, что совершил в прошлом. Я не тот человек, которого нужно спасать, Ашидо.

— Ты уверен? — не сдавался я. — Есть иной выход, ты можешь перекрыть все зло, делая людям как можно больше добра, — я немного замялся, но вскоре продолжил, — для этого не обязательно умирать, у тебя впереди еще много лет жизни, Коннор, так проживи ее по новой! Начни заново, будто ничего не было!

— Перестань меня отговаривать, — сказал он, — я уже все решил. Буду делать людям добро оставшийся месяц, а затем умру где-нибудь в переулке, как и подобает таким людям, как я.

— Не говори так, ты совсем не плохой человек! — возразил я. — Ты спас меня от голодной смерти, сделал большое добро маленькому человеку, и я уверен, есть другие, кто считает так же!

— Ашидо, — он все так же холодно и спокойно мне отвечал, — сопоставь количество спасенных тобой жизней с теми, кому ты всю жизнь загубил. Мой показатель ни капли не лучше, мы оба — плохие люди. Сколько бы благородных поступков ты не совершил, сколько бы на твоей стороне благодарных не было — ты никогда не смоешь все свои грехи.

— Может ты и прав...

— Ашидо, пусть этот разговор останется между нами, я не хочу, чтобы кто-нибудь еще об этом знал.

— Хорошо, друг, — смирился я.

— Ты хотел что-то мне сказать, — опомнился Коннор, или же просто вернулся к моменту, от которого больше не выйдет уходить, — так говори же.

— Коннор, я не могу обращаться к тебе со своими просьбами если ты в таком состоянии.

— Я же говорил, что с сегодняшнего дня я буду делать людям добро до самой смерти, начиная с тебя.

— Ты точно уверен? — колебался я.

— Не обесценивай мои слова, Ашидо.

— Хорошо, я могу перейти к делу? — скованно поинтересовался я.

— Да, к делу.

Такая новость оказалась для меня очень печальной. Я был очень благодарен Коннору за его вклад в мою жизнь, за то, как неравнодушно он ко мне отнесся. Теперь я понял, что он имел в виду, когда говорил о том, что он был таким же — этот человек рос без любви и где-то в моем возрасте оказался на улице. Будучи тем же оборванцем, он попал в «Гидру», посвятив весь остаток своей жизни ей. Не знаю, в чем этому человеку пришлось участвовать, но раз он считает, что его грехи смыть невозможно, значит Коннор убивал, и убивал он много. Думая об этом, я теряю весь свой жизненный настрой: пусть я и спас жизнь Юмики и Хорнет, в противовес я забрал жизни десятков человек, что колоссально перевешивает мой счетчик кармы в отрицательную сторону. Если бы я был на его месте, смог бы я искупить вину? Смог бы я спасти столько людей, чтобы меня отпустили терзания совести? Смог бы я выбрать жизнь на горе трупов вместо смерти? Я понимаю Коннора, ему пришлось сделать трудный выбор, и я не в праве оспаривать его и уж тем более осуждать. Раз Коннор выбрал смерть — я не буду его останавливать.

— Ух, — старался я привести себя в чувства, — к делу, к делу...

— Не переживай, малой, помогу, чем смогу, — поддержал он меня.

— Значит так, Коннор, скажи, — я все еще не привел себя в чувства, — тебе говорит о чем-нибудь фамилия Ишимару?

— Дай-ка подумать, — он сделал паузу, — да, да, работали с такими, это же аристократы из Дипломатического, они нас пару раз вытаскивали из передряг.

— Из каких передряг?

— Однажды один из наших в рамках дела убил гвардейца, за что того судили, но Ариана Ишимару помогла нам доказать, что он просто защищался.

— Ариана? — интересно, кто это: мать, бабушка или тетя Хорнет.

— Ариану убили лет восемь назад, — это было ожидаемо, — какой-то подонок отрезал ей уши, но примечательно то, что она не была первой, кто умер в этой семье. Злопамятный тип попался, либо ее убил кто-то другой, мотив которого мы точно не узнаем.

— Кого-то убили до нее, подробности будут? — продолжил я опрос.

— До этого было еще одно дело, довольно грязное, наш бывший босс собирался судиться с одной из исследовательских лабораторий: у него был компромат на них, который он был готов уничтожить за деньги, но ГИЛ отказалась платить, после чего босс пошел в суд закладывать свою жертву. Он так и не дошел до него — нашли мертвым в обнимку со своим адвокатом.

— Кто был этим адвокатом?

— Кайден Ишимару, — он дал нужный мне ответ, — Ариана умерла через пару месяцев

после него.

— Думаете это ГИЛ с ними расправились? — предположил я.

— Мы так и не смогли доказать их причастность, — вздохнул Коннор, — показания свидетелей расходились, в итоге дело закрыли.

— В каком-то из этих дел упоминалась машина?

— Не знаю подробностей, скорее не помню — всем, чем смог, я тебе помог.

— В таком случае, спасибо тебе, Коннор. Если сможешь, задай Наталье мой вопрос, мне нужен максимум информации, чтобы найти того, кто убил Кайдена, Ариану и других членов семьи Ишимару.

— Хорошо, — ответил он, — это все?

— Да, спасибо тебе, Коннор, за все.

— Просто иди уже домой, — отстранился он.

— Как знаешь, до встречи, Коннор, — с печальным выражением лица произнес я напоследок.

— Береги себя, Ашидо, — с таким же выражением лица произнес Коннор.

Информации было немного, и вся она была отнюдь не хорошей: сначала рак, потом суды, а в заключение — смерти. Из этого можно было бы сложить логическую цепочку, но для этого нужен был Кагеяма, а вместе с ним и Хорнет. Мне нужно обсудить детали этих дел с ними.

Я еле плелся в обратную сторону — этот день нельзя было назвать хорошим или нормальным. Ранее я никогда не испытывал такого чувства безысходности: когда у тебя есть все, чтобы помочь человеку, но тот отвергает твою помощь. Уверен, Юмико избавила бы его от рака, и он бы еще долгое время жил будними здорового мужчины, но воля к жизни иссякла — его с самого начала нельзя было вытащить из пропасти. Мне остается лишь смириться, отпустить и жить дальше. Я шел с опущенной вниз головой, мой вид был не таким естественным, как обычно — не хватало еще подцепить гвардейца на хвост. До дома семьи Ишимару оставалось всего ничего, пройти минут двадцать пешком, а затем подняться по склону. Пока я шел вдоль дороги, в моей голове что-то как будто щелкнуло, я обернулся и увидел, что на меня вполборота смотрит какой-то светловолосый парень в синей одежде — вид у него такой, будто у него тоже «щелкнуло» в голове, но он куда больше напуган, чем в замешательстве. Какие-то несколько секунд мы смотрели друг на друга, пока парень резко не бросился бежать. Я не нашел лучшего решения, чем броситься вслед за ним: скорее всего он просто узнал меня и испугался за свою жизнь, но есть и малая вероятность того, что он причастен к событиям, к которым без хитрости и удачи не подкопаться. «Быстрый», — подумал я. Он ловко обходил все препятствия и не давал мне с ним сблизиться — сократить дистанцию было невозможно. Этот парень точно что-то скрывает, иначе почему я не могу его догнать? После нескольких минут погони он сворачивает в переулок, я — следом. Как только я вылетел из-за угла в конце одного из домов, образующих переулок, меня сбили с ног ошметки бетона, посыпавшиеся со стены. Оправившись от удара, я встал на ноги и осмотрелся: впереди было небольшое открытое пространство, ограниченное домами и стоянкой для транспорта по сторонам. Парень стоял в центре, а рядом находилась розововолосая девушка в причудливом костюме, будто она пародировала Вана Хельсинга. Хотел бы я ей об этом сказать, но на меня был направлен мушкет — такое стародавнее огнестрельное оружие. Сейчас его нигде не достать, точно так же, как и порох к нему, отсюда можно сделать вывод, что девушка — шепот, а вот по поводу парня я все еще

сомневаюсь.

— Оставь нас в покое! — заговорил он, — мы тебе ничего не сделали!

— О чем ты, парень? — я не понимал, почему он начал убегать, и не уйду, не получив объяснений. — Ты бросился прочь, лишь увидев меня, мне показалось это подозрительным.

— Это ты выглядишь подозрительно, преследуя меня через весь район!

— Я не уйду, пока ты мне не расскажешь, кто ты такой, — говорил я на ходу, сокращая расстояние между нами.

— Ни шагу дальше! — пригрозила девушка, — я тебе быстро голову пробью.

— Милена, тише, — успокаивал ее парень, — не похоже, что он собирается нас убить. Я с ним поговорю, а ты не спускай с мушки, окей?

— Я поняла, давай, — подтвердила она.

— И что вы решили, — вклинился я, — поговорим, или будем угрожать друг другу?

— Ты ведь тоже шепот, да? — спросил парень.

Стоило ему задать вопрос, он тут же создал из ничего меч, точно так же, как это делала Юмико, а затем направил на меня. Он был похож на греческий ксифос, но адаптированный под хватку двумя руками — этот парень знает толк в моделировании своего оружия, может мне взять у него уроки? Для наглядной демонстрации своих никчемных умений, я создал мой заученный клеймор, который сразу же, потянув мои руки своим лезвием вниз, с металлическим звоном рухнул на землю.

— Тяжелый, — усмехнулся я, — таким я навряд ли что-то вам сделаю, так может вы сложите оружие? — предложил я.

— Значит все-таки шепот, — подтвердил он свое предположение. — Ты мог специально его утяжелить, чтобы мы ослабили бдительность, — сомневался парень.

— Отнюдь, я не владею своей силой, — опровергнул я, — мой меч не имеет никакого баланса и размахивать им невозможно, а создать другой не выйдет — не пробовал даже.

— Милена, опусти ствол, он нам не враг, — приказал парень.

— С ума сошел? — возмущилась она. — Он же нападет на нас!

— Если нападет — стреляй, — прошептал парень.

Он убрал свое оружие и двинулся в мою сторону, я тоже убрал свою игрушку — нам не нужны недопонимания. Как только он приблизился ко мне на расстояние для диалога, я к нему обратился.

— Слушай, мне нужны объяснения.

— Алан, — перебил он, — Алан Ковинский, теперь ты назовись, — скомандовал он.

— Хорошо, Алан, мое имя — Ашидо Такаги.

— Ты хочешь знать, зачем я от тебя убегал, так? — нахмурился он.

— Да, более ничего мне от тебя не нужно, если ответ устроит.

— Я испугался, — так он ответил.

— Ты просто испугался и все? — спросил я с непониманием.

— Да, у меня в голове произошел «щелк», а когда я обернулся, то столкнулся с твоим убийственным взглядом, который чувствовался даже через очки, и не придумал ничего лучше, чем убежать.

— Я почувствовал тоже самое, этот «щелк» вызвал недопонимания.

— То есть ты не собирался меня кромсать? — хотел Алан удостовериться.

— И в мыслях не было, я тебя впервые вижу: нет ни мотивов, ни возможности, тем более, что ты владеешь своим искусством куда лучше, чем я.

— Тем не менее, ты смог создать меч, — подметил он. — Как долго ты с ним практиковался?

— Несколько часов, — ответил я.

— Всего? — изумился он. — Милена, иди сюда, — подозвал он девушку.

Она все это время стояла в стороне, даже не думая убирать оружие. Как только Алан ее окликнул, она спрятала свой мушкет и пошла на сближение.

— Он не опасен? — спросила она.

— Нет, — уверенно заявил Алан.

Было заметно, что они все еще не очень мне доверяют, но ведь если бы я хотел их убить, я бы не стал оправдываться. Девушка заговорила:

— Милена Гвинвуд, приятно познакомиться, — она сделала небольшую паузу, — эм...

— Ашидо Такаги, — подсказал Алан.

— Алан, — обратился я, — можно тебя спросить?

— Д-да, — замялся он, — спрашивай.

— Я обратил внимание на то, как выглядит твой меч — это ксифос, но ты удлинил его вместе с рукоятью для хватки двумя руками, сделал лезвие шире, как тебе это удалось?

— Погоди, погоди, сначала напомни, — ушел он от ответа, — сколько ты создавал клеймор?

— Несколько часов.

— Что? — Милена была мягко говоря в шоке.

— А что не так? — я не понимал такой реакции.

— Ашидо, ты не мог создать меч за какие-то ничтожные часы, — пояснил Алан.

— Почему?

— У меня ушло на это несколько месяцев! — ответил он. — Милена потратила два года на то, чтобы сделать мушкет, а до этого еще месяц, чтобы сделать лук! А ты сделал меч, пусть не идеальный, всего за несколько часов!

— Вы думаете, что этого мало?

— Я предлагаю сделку, — вмешалась Милена, — мы могли бы обменяться навыками.

— О чем ты? — спросил Алан.

— Ашидо, ты можешь научить нас создавать оружия с нуля так быстро? — поинтересовалась у меня Милена. — Взамен, Алан научит тебя корректировать оружие.

— Это выгодно всем, но можете ли вы мне доверять?

— Встретились бы мы при других обстоятельствах, недоверия можно было бы избежать, — пояснил Алан. — Я все еще сомневаюсь.

— Брось! — прокричала Милена. — Мы столько времени угробили впустую! Нельзя упускать такой шанс!

— Может ты и права. Ашидо, — обратился ко мне Алан, — мы можем начать прямо сейчас?

— Нет, Алан, я не могу.

— Почему? — сказали они одновременно.

— Сегодня я узнал, что у близкого мне человека диагностировали рак, — пояснил я, опустив голову в пол. — К тому же, я расследую одно очень важное дело — оно стоит того, чтобы погнаться за любым подозрительным человеком с улицы, позабыв об эмоциях, но заниматься чем-то таким, когда тебя переполняют смешанные чувства — я так просто не могу, поймите меня, — я сделал паузу, после чего предложил им другой вариант. — Я готов

прийти сюда завтра, если вы согласны.

— Идет, — подтвердила Милена, — завтра на этом же месте после полудня.

— Тогда договорились, я приду.

— В таком случае до завтра, Ашидо, — сказал Алан.

— До свидания, ребята.

Я медленно развернулся и пошел в обратную от них сторону, но вспомнил кое-что, о чем вполне уместно было бы спросить.

— Ребят, — развернулся я.

— Что такое? — спросил Алан.

— Ну, мы не могли бы стать друзьями? — ответ изумил их, будто бы я сказал какую-то чушь.

— Не пойми нас неправильно, — сказала Милена, — но мы еще не готовы с тобой подружиться.

— Понятно, — проскрипел я, — увидимся завтра.

О чем я только думал, когда решил спросить об этом. Сначала я их до смерти перепугал, а теперь еще и опозорился. Надеюсь, они и правда мне помогут, мой меч совсем не подходит для меня: он слишком длинный и тяжелый. Меч Алана выглядит похожим, но он немного короче и тоньше, с его мускулатурой проблем с использованием не будет. Мне нужен другой меч, которым легко орудовать, со своей смертоносной уникальностью. Я даже не заметил, как пошел не по той дороге — я собирался зайти к Хорнет, но шел по дороге домой — к Юмико. Сегодня я совсем не свой, а может быть это и есть настоящий я: рассеянный, унылый, вечно метаясь между хорошо и плохо. Значит быть таким воодушевленным и целеустремленным — это лишь моя маска, которую я периодически надеваю, чтобы не только скрыть свою натуру от других, но аналогично скрыться от самого себя? Такой расклад совсем не радует, я не могу разобраться в своих чувствах, в моем сердце нет никакой великой цели, у меня нет мечты, я желаю лишь одного — выжить. Когда-то я мечтал о друзьях, такие люди в моей жизни все-таки появились — сейчас я в этом уверен, но что делать дальше? Искать свою любовь? — Нет, она не сможет жить с таким мной, мы оба будем выгорать, пока не сломаемся окончательно, а я хочу любви, которую пронесу до конца своей жизни. Реальность не похожа на новеллы — люди непредсказуемы, а не заскриптованы. Не сблизившись с человеком, ты никогда не добьешься его сердца, а любить тебя за просто так никто не станет. Вешая на себя маски, я лишь все усугубляю, но я непреднамеренно этим занимаюсь. Я — очень противоречивый человек: пусть и не желаю убивать людей — я это делаю, внушение радости в жизни всегда заканчивается апатией, стоит чему-то плохому произойти. Сейчас я не знаю, что должен делать, чтобы в старости улыбаться, оглядываясь назад, но я точно знаю, что должен разобраться в себе и стать полноценным человеком, только тогда я смогу заняться своей никчемной жизнью. Лишь когда я стану самим собой, когда я будут хорош не только на словах, но и на деле — тогда и сверну любую гору.

Глава 6: Первые враги

Близилась ночь, солнце уже спряталось за горизонтом, улицы освещал лишь тусклый свет уличных фонарей. Я снова возвращаюсь домой в подавленном состоянии. Что в такой ситуации может быть хуже, чем столкнуться на пороге с Юмико, которая откроет мне дверь? В очередной раз увидев меня таким встревоженным, она сразу все поймет, отвертеться будет невозможно, поэтому я пойду на хитрость. Пусть я задумывал нечто иное, планы изменились в тот момент, когда в дверях белого домика меня встретила не только она, но и ее вечерняя компания — Хорнет. Как и предполагалось, девушки обратили внимание на мой унылый вид и поинтересовались в чем причина. Мне совсем не хотелось говорить ничего о «Гидре», а уж тем более о Конноре, девочкам не обязательно было об этом знать, потому я замылил факт их участия в моем расследовании.

Мы прошли за обеденный стол, где я за чашкой черного чая, который всей душой ненавижу, рассказал Хорнет о деталях смертей ее членов семьи — о тех, которые мне удалось вытянуть из человека, стоящего одной ногой в могиле.

— Спасибо, что рассказал, — поблагодарила меня Хорнет, — Ариана и Кайдэн были моими мамой и папой, — поведала она.

— Как думаешь, этого будет достаточно, чтобы выйти на убийц? — спросила Юмико.

— Маловероятно, — подметил я.

— Ашидо, ты все равно должен рассказать обо всем моему дяде, он мог бы вспомнить другие известные ему детали. Я, например, ни слова не слышала про дело с ГИЛ. Отец рассказывал лишь о том, какие деньги был готов ему заплатить дядя в строгом костюме, если они успешно отсудят деньги у госучреждения.

Хорнет не знала о том, кем был этот дядя, докопаться до истины было куда проще мне, чем ей, но для этого нужно куда больше информации, а мы снова в тупике. Единственный способ продвинуться — начать копать среди костей. Исследовательских лабораторий в городе несколько, а Коннор не уточнял, какая именно была причастна к делу с отцом Хорнет. Если окажется, что все эти черные дела лежат на совести ГИЛ под номером три, я сразу же откажусь от последующих шагов, ведь именно здесь моя история закончилась и снова началась. Предчувствие подсказывает, что во всем виноват Колден, ведь если он так умело водил меня за нос долгие годы, ничего не мешало избавиться от пары-тройки людей, которые что-то на них нарыли. Если бы Кайдэн Ишимару выжил в тот день, я мог бы и не постигнуть всего этого отчаяния.

— Хорнет, я не отпущу тебя домой в такое время суток — это опасно.

— И не придется, Ашидо. Сегодня я ночую здесь, — пояснила она.

— Ого, — удивился я. — Как ты пришла к такому решению?

— Знаешь, иногда хочется поспать в кровати обычного человека, — улыбнулась Хорнет, — я уже не первый раз захожу к Юмико на ночь.

— Погоди, а как мы все будем спать? — опешил я. — В доме только две кровати.

— Ты не мог сегодня пойти туда, где ты обычно спишь? — промямлила Юмико.

— Тише, ты, — буркнула Хорнет, — я лягу с Ашидо в соседней комнате, если тебе некуда его положить.

— Эм, — протянул я.

— Абсурд! — протестовала Юмико. — Он к тебе ночью приставать будет!

— Неужели? — Хорнет широко улыбнулась, — Ашидо же просто душка, ни разу в жизни не трогавший девушку, думаешь хватит смелости? — перевела она свой взгляд на меня, не стягивая ехидной ухмылки.

— Трогал, трогал! Вон, погляди, как он краснеет!

И вправду, мои уши горели, очевидно, я краснел как помидор.

— Вы что-то от меня скрываете? — Хорнет залепетала еще сильнее.

— Т-ты что! — в этот раз уже сама Юмико покраснела. — Не подумай ничего лишнего! Я скромно улыбался, было смешно наблюдать за этой постыдной картиной.

— Он меня не трогал, нет! Я не такая девушка, ко мне нельзя приласкаться! — оправдывалась Юмико.

— А ты что скажешь, Ашидо? — переключилась Хорнет.

— Ну, полуголой Юмико я пару раз виде...

— Заткнись! — оборвала Юмико. — Ни слова больше! Молчи, молчи, молчи, молчи!

Хорнет рассмеялась, а следом за ней и я. Как насмешки надо мной переросли в черный троллинг Юмико? Это подняло мне настроение, я был готов сказать что угодно, лишь бы это было смешно.

— И как тебе, Ашидо? Есть за что пощупать? — продолжила Хорнет.

— Да замолчите уже наконец! — прерывала Юмико. — Он меня не трогал! — уверяла она, пиля взглядом подругу.

— Ладно, девочки, успокойтесь, — я переключил взгляд на Хорнет, дабы объясниться. — Я лишь смывал с нее кровь и переодевал после случая с курицей, не более — не могу вторгаться в личное пространство девушки без любви.

— Ого, — изумилась Хорнет. — А жаль, вы неплохо смотрите вместе.

— К черту, — не выдержала Юмико. — Спите, как хотите! Я пошла к себе в комнату!

Она вышла из стола и обиженно побрела вверх. Хорнет с улыбкой смотрела ей вслед, а вот я подумал, что переборщил. Интересно, что в этот момент находилось у нее в голове.

— Не волнуйся, она такая, — подбодрила Хорнет. Просто смущается тебя.

— Почему?

— Потому что ты мужчина, Ашидо, и очень даже привлекательный, — объяснила она. У Юмико еще не было мужчин, как и у нас с тобой людей другого пола, я вижу, какими глазами она на тебя смотрит.

— Что ты хочешь сказать? — недоумевал я.

— Она к тебе равнодушна, просто ты этого не замечаешь.

Забавно, я даже не думал о Юмико, как о девушке, для меня она была всего лишь другом. Даже когда я смотрел на ее женское тело, у меня в голове не было никаких похабных мыслей, а теперь, когда Хорнет так прямо заявила мне такое, я не знаю, как теперь мне к ней относиться.

— Идем спать, — сказала Хорнет.

— Идем, — ответил я.

Мы убрали со стола и пошли вверх — в комнату, где обычно я спал в одиночку. Хорнет уже зашла в комнату и попросила меня подождать, пока она переоденется. Я в очередной раз томительно ожидаю. Пока я ждал Хорнет, хотелось хоть как-то дать понять Юмико, что мне не все равно. Я легонько постучал в дверь ее комнаты и сказал лишь: «Спокойной ночи, Юми». Позади меня дверь уже распахнулась, и Хорнет позвала внутрь. Мне ведь тоже нужно было раздеться, что мало ее волновало.

— Раздевайся, я отвернусь, — так она сказала.

Я снял с себя одежду, а затем подкованно нырнул под одеяло. Когда-то на этой кровати спали родители Юмико, я все еще не знаю, что с ними произошло. Хорнет тем временем повернулась в мою сторону, ее лицо уже было не таким веселым, как минутами ранее. Она глубоко смотрела на меня, что вызывало небольшой дискомфорт.

— Ашидо, — наконец заговорила она, — скажи, я тебя привлекаю как девушка?

— Почему ты хочешь об этом узнать?

— Мне нужно это знать.

— Хорошо, — поддался я, — могу сказать лишь то, что ты красивая и хороший друг.

— Ты правда так считаешь? — спросила она, ожидая услышать положительный ответ.

— Да.

Хорнет уставилась в потолок и немного изменилась в лице в лучшую сторону, о чем говорила ее, пусть и не большая, но искренняя улыбка.

— Знаешь, иногда мне очень не хватает почувствовать себя женщиной. Статус аристократа мешает жить полноценной жизнью, и я даже не знаю, может ли кто-то сказать что-нибудь хорошее обо мне, может ли кто-то сказать что-то простое, что заставит меня ерзать по ночам, вспоминая об этом.

— Я смог это «что-то» сказать?

— Смог, мне приятно слышать от тебя такие слова. В моей жизни рано или поздно появиться мужчина, и я хотела бы, чтобы им был кто-то столь же близкий, как ты.

— Хочешь сказать, что я тебе нравлюсь? — очередное потрясение.

— Ты тоже красивый, Ашидо, а еще в тебе сокрыт большой потенциал, но я не могу вмешиваться в твою жизнь, зная, как на тебя смотрит моя единственная подруга.

— А что насчет Лео?

— Лео — бабник, за ним всегда хвостиком плетутся девочки помладше, такой человек вряд ли сможет полюбить девушку с таким сложным характером, как у меня.

Кажется, я стал немного лучше понимать Хорнет, ей не хватает не только мужского внимания, но и внимания других, окружающих ее людей. Клеймо аристократа показывает Хорнет с такой стороны, будто она недосыгаема и к ее сердцу никак не подкопаешься. Леонхардт смог сдружиться с ней, потому что у них есть что-то общее — ребята являются ренегатами, а с такой проблемой никакой статус не помешает подружиться. Мы оба молчали, я смотрел на нее, а она в потолок.

— Хорнет, — подозвал ее я.

— Чего?

— Ты не боишься жить такой жизнью — жизнью ренегата?

— Единственное чего я боюсь — это остаться в одиночестве, — выговорила она.

— Как я тебя понимаю.

— Тебе не о чем волноваться, Ашидо, с таким обаянием и искренностью ты никогда не будешь одинок.

Такие слова из уст Хорнет радуют меня больше всего, хоть я и не сильно в них верю.

— И ты не волнуйся, подруга, если кто-то сблизится с тобой, несмотря на то, что ты аристократ, одинокой смертью ты точно не помрешь.

— Спасибо, — улыбнулась она, — спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мы развернулись в противоположные стороны друг от друга. Пора бы и правда уснуть

— завтра у меня намечена встреча. Думая о чем-то перед сном, ты создаешь себе атмосферу, в которой засыпать становится проще, если конечно думать не о чем-то плохом. Чем больше я общаюсь с людьми, тем больше понимаю, что все мы не идеальны. Даже такой человек как Хорнет, имея деньги и влияние, все равно от чего-то страдает. Возможно, даже сам король сейчас лежит у себя в кровати и думает, что что-то в его жизни не так. В это же время я, являясь обычным изгоем, постепенно приобретаю в жизни краски, узнаю много нового и приятного от людей, которые меня окружают. Если все так, как сказала Хорнет, тогда мне нужно стараться сохранить все эти отношения, и я это сделаю.

***

Мое утро началось с треска привычной пустоты в моем сне, Юмико толкала меня в бок, не давая поспать. Оно и к лучшему, ведь сидеть часами и пытаться найти себе занятие немного удручает. Тем не менее я не сидел на жопе ровно, а практиковался с мечом, пробуя создать что-нибудь простое. Открыв глаза, я встретился с грозным взглядом растрепанной зеленоглазой подружки.

— Признавайся, что ты ночью делал с Хорнет? — голосила она.

— Ничего, — сонным голосом ответил я.

— Ага, как же, — она мне не верила, — тогда почему она утром вышла из комнаты с таким радостным лицом, будто вы тут похабщиной занимались?

— Мы просто поговорили по душам перед сном, — оправдывался я.

— Смотри мне, — пригрозила Юмико, после чего в своем привычном стиле вылетела из комнаты.

Опять никакого доброго утра я не услышал. Дурная привычка у этой девушки отпускать все манеры. Я встал с кровати и пошел умываться, благо встал я позже остальных. Уже за завтраком чувствовалось некоторое напряжение, Юмико чего-то суетилась на кухне, пока мы с Хорнет наслаждались завтраком.

— Ашидо, не налегай на еду, мы сейчас пойдем в кафе, — пояснила Хорнет.

— У меня немного другие планы, девочки, — отрезал я.

— Это какие? — поинтересовалась Юмико.

— Надо кое с кем встретиться, а после этого я могу заглянуть к вам, если вы еще не уйдете к тому времени.

— Не переживай, — обнадежила Хорнет, — мы подолгу там сидим. Раз уж тебя там не будет, мы с Юми обсудим несколько вопросов, чтобы развеять недопонимания между друг другом.

— Тебе очень многое придется мне объяснить, подруга, — нахмурилась Юмико.

— Конечно, за этим мы и идем.

— Кафе «Север» находится на торговой площади, которая к нам ближе всех остальных, — пояснила Юмико для меня. — Если надумаешь можешь приходить.

— Я постараюсь.

Я встал из-за стола и собрался идти к Алану и Милене, ведь время уже подходило к десяти часам утра, а мне нужно еще успеть дойти до места встречи. Попрошавшись с девушками, я отправился в путь.

Найти этот переулок было не так просто, потому что я не запоминал дорогу, когда вчера возвращался домой. Тем не менее, я все-таки его нашел, поплутав по району некоторое время. Отсюда до торговой площади не так далеко, потому что я все еще могу успеть зайти в кафе после тренировки в кузнечном деле, если можно так выразиться. Но тут

обнаруживается небольшая проблема — я пришел слишком рано. Делать нечего, подожду их на месте. Я просочился между домов, где все еще валялись вчерашние куски бетона, стоило повернуть за угол, как в глаза бросилась шокирующая картина — машина. Почему шокирующая? Машина как машина, но с одной весьма выраженной отличительной деталью — дырой в багажнике и знакомыми царапинами.

— Что она здесь делает? — подумал я.

Я решительно двинулся к машине — это была именно она, та, которую я пробил своей палкой с зубьями, которую так важно было найти. Внутри машины никого не было, она просто была припаркована кем-то в таком безлюдном месте. Они решили ее здесь оставить? Или же хозяин транспорта приехал сюда по каким-то грязным делам?

— Нашел, что искал? — развеял тишину голос сзади.

Я подумал, что это был Алан, что он меня подставил и заманил в ловушку, но там оказался совсем не он — это был высокий мужчина с длинным хвостом на голове, одетый в какое-то стильное тряпье. Он стоял у стены, скрестив руки и злорадственно смотря на меня.

— Кто ты? — прокричал я. — Это твоя машина?

В ответ он лишь оторвался от стены и двинулся в мою сторону, при этом вертя пальцем и поцокивая, будто я неправильно поставил вопрос. Затем его тело на секунду сверкнуло, а секундой позже я уже получил сильный удар в живот. От боли я скрючился, а он лишь добил меня тем, что швырнул в сторону, прямо на землю.

— Мальчик мой, ты как раз вовремя, я подготовил тебе сюрприз! — все так же со злобной насмешкой говорил он.

Я пытался встать, но на мои тщетные попытки он ответил ударом ногой прямо в челюсть. Это было очень больно, если он продолжит — я просто здесь умру.

— Прекрати! — умолял я. — За что ты меня бьешь?!

Я ожидал очередного удара, но этот мужчина лишь подошел поближе и присел на корточки, слегка наклонившись ко мне.

— Больно тебе? Ты меня уже ненавидишь, да? — насмеялся он. — Милый, милый, Ашидо, как же ты вырос, став еще аппетитнее.

Он меня пугал, этот мужик — больной психопат! Он не слышит меня и не отвечает ни на какие вопросы, он лишь издевается надо мной!

— Наверное столько друзей завел за это время, как они там поживают? — продолжал он.

— Только попробуй их тронуть, и я!

— Убьешь меня? — оборвал он. — Заставишь меня пожалеть?

Я не знал, что ответить. Моя жизнь висит на волоске, без всякого сомнения он — мой враг, который откуда-то меня знает.

— Я хочу, чтобы ты меня убил Ашидо, — дразнил он, но ты такой слабенький... Едва ли сможешь задеть меня...

— Что тебе от меня нужно? — слотнул я.

— Мне? — изумился он. — Ничего. Я сегодня ходил в гости к Ишимару, такая забавная семейка! — смеялся он. — Давно мы с ними так не болтали! Они все лепетали: «Хандзо, не надо! Хандзо, не убивай!».

— Что ты с ними сделал?! — кричал я.

— Да шучу я, — смеялся он, — не знают они, как меня зовут! А вот ты запомнишь, — прекратив насмешку, прорычал он.

— Что ты с ними сделал, мразь?!

— Сходи сам посмотри, — парировал Хандзо, — тебе ой как понравится!

Я так больше не могу, мне нужно бежать! И не куда-то, а к Ишимару. Я поднялся с земли и, держась за бок, двинулся к выходу из переулка.

— Ну чего же ты так медленно? — он все никак не прекращал надо мной издеваться. — Может, ты еще можешь успеть!

Я сконцентрировался на местах удара, залатал ушибы и переломы, теперь уже можно было бежать, но как мне от него скрыться? Этот ублюдок хочет лишь надругаться надо мной, а не убивать. Я оглядывался назад, он просто стоял и махал мне вдогонку. Я, что есть мочи, бросился в сторону кафе — мне нужны девочки, тем более, что Хорнет срочно нужно домой, приключилась беда! При чем очень и очень большая!

Я бежал, позабыв про боль в ногах, бежал быстрее, чем когда-либо до этого! Кафе «Север» на торговой площади сразу кинулось в глаза, я на всей скорости ворвался внутрь. Мои глаза бегали по помещению, словно я какой-то психопат. Хоть бы они были здесь! И вот, наконец я замечаю знакомые белые и светлые волосы, бросаюсь в их сторону.

— Хорнет! Хорнет! Быстрее! — кричал я.

— Что случилось? — спросил привычный ошарашенный голос.

— Беда! Быстрее домой!

Как только я сказал об этом, тут же бросился на выход — я должен добежать до туда первым! На выходе я видел, как Хорнет вылетела из-за стола, опрокинув все, что на нем стояло. Хорошо, я буду не один. До дома семьи Ишимару не так далеко, нужно поднажать. В такие моменты, когда твое тело переполняет адреналином, идеи в голову приходят сами по себе — я сконцентрировался на своих ногах, тем самым ускорив движение. Додумался бы я до этого раньше, смог бы еще в тот раз догнать машину.

До нужного места по склону я добрался за считанные минуты. Ворота не были открыты, пришлось их перепрыгивать, с чем справился я на ура. Стоило мне только ступить на территорию, стало понятно, что уже поздно: прямо вдоль дороги лежали окровавленные тела горничных, некоторые их части тела были разбросаны по дороге. Все эти пятна крови вселяли такой необъяснимый ужас, такое омерзительное чувство страха. Я двинулся в дом, по дороге, уложенной горами трупов, моя обувь хлюпала, пока я шагал по этим чудовищным багровым лужам. Оливия тоже здесь, я узнал ее по зеленым волосам, других таких горничных на глаза не попадалось. Двери в дом были распахнуты и еле висели на выбитых петлях. Прямо на пороге меня встречали другие горничные, а в середине холла, в луже собственной крови лежало главное огорчение — господин Кагеяма. Как же все могло так обернуться? Если их так зверски убили вчера, значит Хорнет сохранила себе жизнь только потому, что решила переночевать у подруги. Хотел бы я сказать, что это хорошо, но зная, как тяжело она это перенесет, язык не поворачивается. Теперь уже точно Хорнет осталась ни с чем — вся ее семья мертва, включая даже несчастных горничных.

Сзади послышались тихие шаги, я обернулся и увидел до боли и ужаса опечаленное лицо, а рядом еще одно такое же. Они оба были полны непонимания, уверен, мое лицо выглядело так же. Мы не говорили ни слова, пока я стоял в дверях, Хорнет тихо, переполняясь эмоциями, не зная, как их выплеснуть, прошла мимо. Здесь и находилась точка кипения — чем ближе она подходила к мертвому дяде, тем больше впадала в истерику. Она вцепилась в него руками и начала истошно кричать. Водопад слез ощущался даже со спины.

— Дядя! Нет! Пожалуйста, дядя, не умирай! НЕТ! — простонала Хорнет.

Юмико тихо отдернула меня за кофту:

— Пойдем поищем других, — прошептала она, еле сдерживая слезы, — может есть выжившие.

Мы оставили Хорнет с ее дядей наедине, а сами двинулись вдоль по коридорам. Тела были везде, на каждом углу нас кто-то встречал, надежды никакой не было.

— Давай разделимся, — предложила Юмико.

Я лишь одобрительно кивнул. У каждого убитого в этом доме человека мы прощупывали пульс, как бы он не выглядел, но все без толку — все они были мертвы. Я зашел на кухню — везде трупы, зашел в прачечную — везде трупы, зашел в покои — там тоже трупы. Зайдя в мастерскую, я увидел все те же трупы, но внимание привлекла одна из горничных, руки которой были зажаты в тиски — долго просидела, они все посинели. Какое же невероятное зверство: вырезать каждого человека в таком большом доме и не забыть над кем-нибудь поизмываться. Я привычно прощупывал сердцебиение всех в этой комнате, пока очередь не дошла до горничной в тисках. Она сидела на коленях в полусогнутом положении. Эти тиски были огромными, больше похожие на пресс, девушка изогнула голову так, как никто бы не смог этого сделать. Примечательно то, что у девушки были какие-то животные уши на голове, а под костюмом виднелся хвост. Неужели убийца решил сделать для нее такое исключение? Я подобрался к ее шее, чтобы прощупать пульс, и, о боже, он есть!

— Юмико! Юмико, скорее сюда! — прокричал я.

От такого громкого крика девушка, которая казалась мертвой, вздрогнула и в страхе забегала глазами. Она жива, хоть кто-то в этом кошмаре выжил. Еще секунда и у нее начнется истерика, нужно успокоить.

— Тише, тише, — шептал я, — все хорошо, мы тебе поможем, только успокойся, хорошо?

Она немного сбавила свой напряженный темп, а затем из ее глаз полились слезы, полные одновременно и боли от пережитого, и радости от того, что ей пришли на помощь.

— Ашидо! Где ты? — послышалось из коридора.

— Мы здесь! Сюда! — звал я Юмико.

Через несколько секунд она ворвалась в мастерскую и первое что я услышал: «О боже». Горничная молчала и ничего не могла сказать, оно и не нужно было. Я встал на ноги и взялся за рычаг тисков.

— Тебя нужно освободить, будет больно, но надо потерпеть, — утешал я девушку.

Хотел было покрутить рычаг, но Юмико меня остановила, резко вцепившись в руку.

— Стой! Нельзя! — приказала она.

— Почему? — возмутился я. — Нам надо ее вытащить!

— Смотри, — она указала на ее синие руки, — ткани давно отмерли, даже если мы вытащим руки, она ими никогда в жизни больше не сможет воспользоваться, только больно сделаем, — уверяла она.

— Так ты же можешь ее вылечить, — возразил я. — Вытащим, а потом залечим и все будет хорошо!

— Я не могу, Ашидо, отмершие ткани уже не получится залечить, как бы я не старалась.

Это очень печально, вот так просто потерять руки. Глядя на девушку, я думаю, как ей не будет туго, ведь она выглядит совсем молодой.

— Что ты предлагаешь? — спросил я, в надежде услышать ответ.

— Нужно перерубить руки, — утвердительно заявила она. — Ты сможешь найти в себе

силы, чтобы сделать это?

— Я... не знаю.

— Рубите, — послышался мягкий голосок горничной, — я приму это.

Она была готова, это хорошо.

— Нам нужно что-то большое и острое, что-то вроде топора, — сказала Юмико.

— У меня есть что-то такое, — уверенно заявил я и начал процесс создания оружия, над которым так долго практиковался во сне.

В моих руках начала приобретать форму рукоять, затем гарда, и наконец, само лезвие — это была катана. Проведя во сне около семи часов, я смог добиться остроты и правильной формы. Пусть баланс меча все еще страдал, но им можно было сражаться, а уж перерубить плоть и кости этот меч точно способен.

— Так, я потом спрошу, когда ты этому научился, — сказала Юмико, — а сейчас — за дело.

Юмико подошла поближе и стала разглядывать горничную, определяя, в каком месте нужно перерубить руки. Она немного посуетилась и, наконец, заговорила.

— Значит так, бей — вот сюда, — она пальцем показала на место чуть ниже плеча, — здесь находится плечевая кость, ее нужно разрубить пополам, тогда будет не так больно, а лезвие не встретит на пути сопротивления — отрубишь одним сильными ударом, но есть проблема.

— Какая проблема?

— Она сидит в таком положении, что две руки сразу перерубить не получится — если заденешь голову, она не выживет. Поэтому придется рубить их по-очереди.

— Ты выдержишь? — обратился я к горничной.

— Вставьте мне тряпку в рот, — приказала она.

Юмико не растерялась и засунула ей в рот свой пояс от платья, мы были готовы. Она задрала голову горничной так, чтобы я случайно не задел ее ударом, и крепкой хваткой зафиксировала ее. Это очень эмоциональный процесс — сейчас я отрублю руку ни в чем неповинной девушки, лишь бы ее спасти, но, если моя цель благая — я это сделаю. Пришлось взять яйца в кулак, чтобы сделать замах, я видел, как напряглась девушка, задрожав от напряжения. Нужно сделать это как можно быстрее. Я вложил в этот удар всю свою волю и вот, лезвие прошло как по маслу, послышались стоны боли, пол залила кровь, хлынувшая водопадом. Юмико крепко держала горничную под плечи, пока та дергалась и вырывалась. Она отодвинула ее так, чтобы я смог нанести второй удар, не сходя с места, дело за малым.

— Давай вторую! — нервничала Юмико. — Быстрее!

Я быстро замахнулся и нанес удар той же силы по второй руке, после чего обе девушки рухнули на пол.

— Все хорошо, милая, — Юмико ее подбадривала, — мы закончили, сейчас я тебя вылечу!

Я еще ни разу не видел, как Юмико лечит чужие раны, хоть и много об этом слышал. Она приставила свою руку к лопаткам горничной, из нее вылезло что-то похожее на несколько щупалец, толщиной с палец руки, эти щупальца будто вросли в ее спину. В некоторых местах они светились цветом энергии Юмико — потрясающая способность. Прямо у меня на глазах кровь остановилась, а руки в местах разреза стали затягиваться, формируя новый мышечный и кожный покров, но восстановить руки вышло лишь с

небольшим выпиранием от ранения. Как и сказала Юмико, все что ниже — давно мертво, потому восстановить руки уже не выйдет. Какие же мы все-таки неидеальные.

По окончании процесс Юмико камнем рухнула на пол, пытаясь хоть как-то поймать ртом побольше воздуха, а горничная полностью успокоилась и выплюнула пояс изо рта. Я тоже упал на стул, который был рядом и расщепил катану. Это было очень тяжело, очень эмоционально, но радуется то, что мы хоть кого-то спасли, пусть и такой ценой.

— Спасибо большое, — нашептывала благодарная горничная, — моя жизнь теперь принадлежит вам, если бы не вы, я бы здесь умерла в муках.

— Не говори так, — отрицал я, — ты принадлежишь только себе, ты ведь тоже человек.

— Я — кошка, — опровергнула она, я могу все объяснить.

— Не надо, — отрезал я, — дома расскажешь. Юмико, — обратился я к лежащей, — поищи еще выживших, а я пока отнесу ее к Хорнет.

— Госпожа Ишимару жива? — опешила горничная.

— Да, с ней все хорошо, — ответил я.

— Идите, я вас догоню, — скомандовала Юмико, еще не отдышавшись.

Я аккуратно взял горничную на руки и пошел в сторону Хорнет. Она была довольно легкой, тем более, что только что сбросила несколько килограмм, как бы это мерзко не звучало. Приблизившись к месту, мы обнаружили лишь след крови, который вел на задний двор. С девушкой на руках я вышел во двор и застал душераздирающее зрелище — Хорнет размахивала лопатой, кидая землю в разные стороны. С одного лишь взгляда все было понятно — она собирается похоронить дядю.

— Хорнет...

Услышав меня, она остановилась, посмотрела высоко в небо и заговорила.

— Мы переезжаем в Торговый район.

Я боялся сказать что-либо еще, потому что понимаю, что она сейчас чувствует. Не нужно смотреть ей в лицо, чтобы знать, как оно в этот момент выглядит.

— Забирайте ключи и уезжайте, — она протянула мне связку, — когда я вернусь, ты очень долго будешь объясняться, — прошипела она.

Я взял связку ключей, на которой был написан нужный адрес.

— А теперь оставьте меня, — приказала Хорнет.

— Но... Хорнет, вдруг он вернется и...

— ОСТАВЬТЕ МЕНЯ!

Я понял, ни слова более. Она прокричала это из самых глубин души, ее лицо в этот момент было еще хуже, чем я себе представлял: оно было полно не только отчаяния, но и зверской ненависти, возможно даже ко мне. Я развернулся и пошел обратно в холл, надеюсь с ней все будет в порядке. В холле мы столкнулись с Юмико.

— Ну как? — с надеждой спросил я.

В ответ она лишь помотала головой, а после небольшой паузы заявила:

— Нам нужно ее переодеть.

— Согласен, — подтвердил я.

Мы пошли в единственное место, где не было никаких тел — в комнату Хорнет. Немного порывшись в вещах, достали зеленую худи, а также удобные ботинки. Юмико переодевала горничную и даже не пилила меня тем, что я на это все смотрю, но ради приличия я все же отворачивался в некоторые моменты. Она нацепила на нее шляпу, а хвост спряла в джинсы, чтобы мы не привлекали лишнего внимания, после чего сама переоделась

в то, что попало под руку, а я сменил только ботинки — на другие предметы одежды ничья кровь не попала.

Закончив с переодеванием, мы медленно двинулись сначала из дома, а затем вниз по склону. Горничная наконец очухалась и попросила поставить ее на ноги. Но ей все равно было тяжело идти, потому я придерживал ее рукой.

— Знаешь, — сказала Юмико, а ведь сегодня у меня был день рождения, — она с болью усмехнулась.

24 июля значит, я запомню эту дату, чтобы в следующий день рождения устроить Юмико такой день, который заставит забыть события сегодняшнего. Значит Юмико сегодня исполнилось семнадцать лет, как и мне. Но через пару месяцев мы все равно уйдем в отрыв, если доживем. Сегодня у нас появился новый враг — Хандзо. Я уверен, что именно он убил всех в этом доме и именно он причастен ко всем остальным смертям в семье Ишимару, а самое странное, что он откуда-то меня знает, хотя никогда ранее мы не встречались.

— Юмико, — обратился я к ней, — а ведь Торговый район далеко от нашего, считай, что на другом конце города, срезать можно лишь обойдя Парадный район, как мы до туда доберемся?

— Поедем на метро, — ответила она, — там есть вагоны для инвалидов, в которые гвардии заходить запрещено, мы сойдем за сопровождающих.

— А если меня узнают на проходной?

— Сядем с надземной станции, на них нет проходных, — уверяла она.

Мы так и поступили — сели на ближайшей надземной станции, после чего благополучно добрались до Торгового района в вагоне для инвалидов. Без этой девушки ничего бы не вышло. Следуя инструкциям горничной, мы быстро нашли нужный нам дом: он был куда больше, чем дом Юмико, здесь могли поместиться человек шесть, имея отдельные комнаты. Неужели именно о нем говорил Кагеяма, как о моей награде? Все дома в Торговом районе выполнены в Викторианском стиле, этот район поистине самый красивый в городе, а еще самый большой. Юмико взяла на себя горничную, дабы привести ее в порядок, а я отправился спать, хотя до сна еще было очень много времени. Вскоре мне придется разговаривать с Хорнет, и разговор будет далеко не из приятных. Пусть Кагеяма и обещал мне деньги, дом и горничную, теперь все это у меня есть, добытое кровью других людей. Я выполню свою часть сделки и расправлюсь с Хандзо, но не сейчас. Вспоминая о том, как он швырял меня из стороны в сторону, я терзаю себя мыслью о собственной слабости. Я научился создавать дым, бегать с огромной скоростью, даже практически освоил катану, но этого недостаточно. Выжить в этом мире одному невозможно, даже имея такие сверхъестественные способности, как у меня — мы должны держаться вместе и помогать друг другу, а иначе все в предначертанный нам день умрем.

Глава 7: Разрядка

Всю ночь меня посещали тревожные мысли. Казалось бы, какие кошмары могут посещать человека, подобного мне, во сне. Худшим сценарием оказались собственные раздумья, которые часами не давали покоя. Я обещал сохранить все свои дружеские отношения, но после жуткой картины вчерашнего дня я очень сомневаюсь, что Хорнет будет ко мне относиться с тем же теплом. Наша дружба дала трещину, не прошло и недели, как я появился в ее жизни, а все мы уже столкнулись с большим трауром. Мне страшно, я боюсь снова утратить всех тех, кто вселил в мое сердце надежду. Мы знакомы совсем недолго, но я уже успел к каждому привязаться, даже к какой-то горничной, которую видел впервые. Скорее всего Алан и Милена были причастны ко всему этому, как бы мне не хотелось в это верить. Я наивен, мое еле различимое эго любой желающий в силах подорвать, обведя уличного щеночка вокруг пальца. В нашем мире и без того сложно найти искреннего и доброжелательного человека, который не будет тобой пользоваться, а в Гармонии таких еще меньше. Я усвоил для себя небольшой урок — не умея разбираться в людях, ты не научишься разбираться в себе.

Утро началось с неожиданной картины, пусть обычно я и просыпался от насильственного вмешательства в мое личное пространство, сегодня оно оказалось более шокирующим. Нет, мне не воткнулся в бок нож и не упала на голову наковальня, напротив, я очнулся от ласковых прикосновений, эдакое нестандартное пробуждение для парня, не видевшего в жизни человеческой нежности.

— Господин Такаги, вам пора вставать, — послышался приятный женский голос сквозь сон.

Я с тяжестью открыл глаза, передо мной стояла горничная, которая поглаживала мою свисающую с кровати руку своими эстетичными ножками в чулках. Я опешил, явно не ожидая такой картины, но для нее все выглядело абсолютно нормальным.

— Хей, — возмутился я, хотя и не был против, — ты что делаешь?

Она убрала свою ножку обратно в черную туфлю, после чего ответила мне самым неожиданным образом.

— Доброе утро.

Почему неожиданным? — Да потому, что я уже очень давно не слышал подобных слов. Юмико ни разу за все время, проведенное со мной бок о бок, не пожелала мне доброго утра, причин тому я не знаю. Пока комочек грязи жил у Натальи, таких слов тоже не было — всех объединяло дело, а не дружба. Если так подумать, последний раз я слышал подобное от одного из самых ненавистных людей — доктора Колдена. Такой расклад вещей лишь пугает, не могут же мои друзья быть настолько непунктуальными, что даже такому ублюдку уступают в вежливости.

— Доброе утро! — ответил я, широко улыбаясь в полусонном состоянии.

Эта девушка так меня обрадовала, что я даже не заметил подвоха. Как только мое внимание пало на приятно пахнущий завтрак, я вспомнил о том, каким пыткам подвергалась горничная.

— Ваш завтрак! — сказала она, не давая мне опомниться.

— Погоди, ты что, сама это приготовила? — спросил я, глядя за то, что когда-то было руками.

— Госпожа Таканаши мне немного помогла на кухне, — пояснила она.

— А как ты это сюда притащила? — продолжал я расспрашивать.

— А с этим мне помог господин Акина и небольшая тележка из кладовки, — все также смело поясняла она.

— Послушай, не надо так себя напрягать! Твоя работа горничной уже в прошлом, подумай о себе, — старался я убедить девушку.

— Господин Такаги, пожалуйста, не пытайтесь меня переубедить. У меня ничего не осталось в жизни, кроме призвания, потеря рук не заставит меня бросить любимое дело, — пояснила она, — потому отнеситесь с уважением к моему бесплатному труду для вашей скромной особы.

— Ох, хорошо, — ответил я, стыдливо опустив голову.

Эта девушка называет меня господином, что совсем не к лицу, а ведь я даже не знаю ее имени.

— Послушай, — обратился я к ней, — ты не могла бы подождать меня на кухне, я хотел бы поговорить.

— Хорошо, — подтвердила она. — Не желаете принять пищу в гостиной на втором этаже?

— У нас есть гостиная? — удивился я.

— В каждом большом доме Торгового района имеется гостиная, рассчитанная на компанию до шести человек, хотя можно и больше, — пояснила горничная. — С вашего позволения я отнесу завтрак туда, тащить его вниз по лестнице было бы сложно.

— Брось, — возмутился я, — не нужно себя так напрягать, жди меня в гостиной, я сам принесу туда завтрак.

— Как пожелаете, господин.

Она откланялась и удалилась из комнаты, мне было стыдно за то, как бывшая горничная ко мне относится. С этой девушкой у меня должны быть исключительно дружеские отношения, а не в стиле «хозяин-собачка». Я встал с кровати и нацепил свои привычные черные шмотки, которые должны были давно уже срастись с моей кожей. Взяв теплый, греющий душу своим необыкновенным ароматом завтрак, я на всей скорости полетел искать гостиную, благо на каждой двери в доме были таблички. Там меня, как и ожидалось, ждала эта девушка. Я поставил завтрак на чайный столик и уселся на мягкий широкий диван напротив нее — она тоже на таком сидела.

— Итак, — начал я, — хотелось бы узнать твое имя.

— Меня зовут Итачи, приятно с вами познакомиться, господин Такаги.

— Хорошо, Итачи, теперь послушай мое пожелание, потому что мне некомфортно так вести с тобой общение.

— Что такое? — испугалась она. — Я вас не устраиваю?

— Нет, нет, что ты, — опомнился я, — я не это имел в виду! Проблема в другом.

— Хорошо, я слушаю.

— Угу, — продолжил я, — не обращай ко мне, как к господину, пожалуйста. Я хочу быть тебе другом, а не хозяином. Просто Ашидо, договорились?

— Как пожелаете, Ашидо.

— Нет, ты не поняла. Никаких «вы», только «ты».

— Как пожелаешь Ашидо, — Итачи улыбнулась.

— Так-то, — улыбнулся я в ответ.

Тяжело разговаривать с девушкой с такими жизненными убеждениями. Она привыкла подчиняться, переубедить этого человека все равно, что переписать программный код, не способный самоизменяться. Судя по результату, я и сам своего рода программист. Мне хотелось узнать побольше об этой девушке, спрашивать про то, как она уживается без рук было совсем неуместно, потому поговорим в общих чертах.

— Расскажи о себе, Итачи, — меня интересовала не столько ее жизнь, сколько факт наличия ушей и хвоста.

— Я немного могу рассказать, просто потому что не помню. Всю осознанную жизнь я работала на господина Ишимару, даже родителей своих не знаю.

— А фамилию свою помнишь? — поинтересовался я.

— К сожалению, нет, — ответила Итачи.

Я не знал, как выйти на разговор о ее телосложении, обычно в таких ситуациях спрашивают прямо, но что-то разумное, а может и не очень, мешает поднять эту тему.

— Ашидо, я вчера так и не рассказала, почему назвала себя кошкой.

Какая удача, эта девушка сама вышла на тему.

— Ах, да, точно, — изобразил я дурачка, — расскажи мне.

— Я являюсь геномом, с того момента, как я стала кошкой, началась та жизнь, которую я сейчас помню.

— Геномом?

— Вы не знаете, кто такие геномы?

— Ты забыла, — поправил я, немного нахмурившись.

— А, точно, извини, — опомнилась Итачи. — Так, вернемся к геномам, — скомандовала она.

— Продолжай.

— Как я поняла, геномы — это все те люди, которые прошли через генную модификацию, вроде так она называется.

— Хочешь сказать, что тебя «сделали» кошкой?

— Что-то вроде того, после этих экспериментов у меня поначалу были болезненные ощущения в тех местах, откуда позже выросли хвост и уши. Там все время кровоточило и отслаивалась кожа, а еще ранки все время чесались. Где-то за два года они приобрели правильный вид, а еще я стала видеть в темноте и сознание притупилось, — она замешкалась, — потому не ругайте меня за мою глупость.

— Не буду, — смеялся я. — А где проводились такие эксперименты над человеческим телом?

— В лаборатории номер три, — ответила она.

— Ты хочешь сказать, что ты была в ГИЛ? — испугался я.

— Я не знаю, что такое ГИЛ.

— Городская Исследовательская Лаборатория, — пояснил я.

— Наверное, я не знаю, — озадачено отвечала Итачи.

— Хорошо, забудь.

Странно, я не думал, что из таких мест кто-то возвращается. Эта лаборатория была другой, не четвертая, а третья, так может в ней не все так плохо? Неужели только Колден творит всякие гадости на своей игровой площадке?

— Ашидо, а ты можешь рассказать о себе? — с горящими глазами спросила она, — Мне очень интересно.

— Мне тоже нечего рассказывать, — парировал я. — Могу сказать лишь то, что свое детство я провел практически в одиночестве, а потом стало только хуже.

— Тогда я не буду спрашивать, — ответила Итачи, не стягивая улыбки.

В комнату вошла Юмико, которая выглядела не очень веселой, в отличие от Леонхардта, который вошел следом за ней. Юмико уселась рядом со мной, а Лео с Итачи.

— Как ты? — спросила Юмико, держа меня за плечо и явно переживая за мое состояние.

— Все в порядке, не волнуйся.

— Ладно, — смирившись с ответом, сказала она.

— Я был шокирован тем, что произошло, — промолвил Лео с другого конца стола. — Мне очень жаль Хорнет.

— Не только ее, мы все пострадали, — подметил я.

— Она здесь, — объявила Юмико.

— Ты не шутишь? — испугался я. — Она что-нибудь говорила обо мне?

— Она просила собраться всем в одном месте, чтобы расспросить тебя, поэтому мы и пришли сюда, услышав ваши разговоры. Сильно не пугайся, мы будем смотреть на твои ответы объективно, — поддержала меня Юмико.

Хотел было я поблагодарить ее за то, что она больше на моей стороне, дверь в комнату распахнулась и в двери с грозным видом нарисовался мой худший кошмар — Хорнет. Она молча шла к дивану, на котором сидели Лео и Итачи, при этом ее грозный взгляд не отрывался от меня. Уверен, в этот момент я выглядел очень испуганным. Все замолкли в напряжении, Хорнет уселась на диван и не стала терять ни секунды времени:

— Ну-с, нам предстоит долгий разговор. Ашидо, тебе разрешено лишь слушать и отвечать на вопросы, понятно?

— Я понял, — дрожащим голосом ответил я.

— Куда ты вчера пошел, когда мы собирались в кафе?

Врать не было смысла, да я и не умею. Придется излагать все как есть, не упуская никаких деталей, может тогда и выйду сухим из воды.

— Я пошел на встречу с Аланом и Миленой, чтобы обменяться опытом по «ковке» меча.

— Так, кто такие Алан и Милена?

— Шепоты, я полагаю, — встряла Юмико, — другого объяснения не найти.

— Шепоты значит, откуда ты их знаешь? — продолжила допрос Хорнет.

— Я столкнулся с Аланом на улице, когда расследовал дела о твоих родителях, он начал убегать, и я подумал, что он меня узнал, что он как-то к этому причастен, потому побежал за ним...

— Так, а как вы тогда пришли к тому, чтобы встретиться? И кто такая Милена? — Хорнет начала повышать голос.

— Подожди, пожалуйста, — старался я ее успокоить, — я все расскажу!

— Я слушаю, — промолвила она, откинувшись на диван и скрестив руки.

— Когда я нагнал его, он уже добежал до Милены. Они подумали, что я агрессивно настроен, потому некоторое время мы пытались прийти к пониманию. Я удивил Алана, когда сказал про то, сколько времени у меня ушло на первый меч, а он удивил меня тем, насколько его меч был качественным. Вот мы и договорились о встрече, чтобы помочь друг другу.

— Это была очень глупая идея, — возмутилась Хорнет. — А теперь главный вопрос — как ты узнал, что случилось в моем доме?

— Хорнет! Я ни в чем не виноват, послушай меня! — я пытался оправдать себя, думая, что она меня в чем-то подозревает.

— Заткнись, придурок! — она подскочила и закричала, ее глаза сверкали, словно она была на грани, чтобы не заплакать. — Сказано было, только слушать и отвечать!

Я молчал, не мог выдавить из себя ни слова, чтобы снова ее не разозлить. Она снова уселась на диван и подставила руки под подбородок.

— Я слушаю, — она грозно пилила меня своим пронзительным взглядом.

— В тот день я вышел рано, идти нужно было к полудню, но я оказался на месте куда раньше. Их еще там не было, но там была та машина, которую я поцарапал.

— Что? — воскликнула Хорнет. — Та самая, из которой в нас стреляли?

— Да, та самая.

— Что было дальше?

— Я решил осмотреть машину, но меня окликнул какой-то мужчина. Я думал, что сейчас его допрошу, но он избил меня, как ребенка, при этом все время насмехался.

— Тебе в итоге удалось его допросить? — Хорнет не могла выстроить логическую цепочку.

— Он сам все рассказал, сказал, что был у тебя дома.

— Это он всех убил? — Хорнет снова завелась.

— Я в этом на все сто процентов уверен! Когда я услышал об этом, тут же попытался убежать, он просто отпустил меня, будто хотел, чтобы я все это увидел своими глазами.

— И тогда ты побежал к нам? — она наконец начала понимать.

— Да, я боялся, что вас там не будет, бежал быстрее, чем когда-либо в жизни! Я надеялся, что успею!

— Ты бы все равно не успел, Ашидо, — парировал Леонхардт.

— Но я верил, что успею!

Мы все замолчали, Хорнет глубоко задумалась, опустив голову. Немного посидев в таком положении, она наконец заговорила:

— Что скажешь, Юми?

— Он не врет, — уверенно заявила Юмико.

Хорнет закрыла глаза и странно ухмыльнулась. В этой ухмылке невозможно было что-либо прочитать.

— Ашидо, он назвал свое имя? — спросила Хорнет в надежде услышать ответ.

— Хандзо.

— Запомни это имя надолго, — сказала Хорнет, — я до конца своих дней буду его помнить и искать мести. Если ты убьешь его, я навсегда останусь на твоей стороне, какой бы путь ты не избрал.

— Зачем ты так, Хорнет?

— Ашидо, — выдохнула она, — я потеряла все, в моей жизни больше нет смысла.

— У тебя есть мы! — утешал я.

— Именно поэтому я все еще не в могиле, — поддакнула она.

Похоже, тревога уходит, Хорнет немного успокоилась и сняла с меня подозрения.

— Значит, все решено, — поинтересовался Лео, — ты убедилась в том, что Ашидо ни при чем?

— Да, — завершила Хорнет. — Ашидо, прости меня такое поведение, оно было немного предвзятым.

— Я все понимаю, ты пережила огромную утрату, потому, несмотря на твой грозный вид, ты все еще мой друг.

— Именно это мне в тебе и нравится, — она улыбнулась. — Я пойду, отдыхайте.

Хорнет встала, после чего поплелась на выход из комнаты. Я слышал глухие всхлипы, которые невозможно было спрятать. Пусть побудет наедине с собой, по крайней мере, разговор закончился благополучно.

— Ребят! Ешьте скорее, завтрак уже совсем остыл! — голосила Итачи. — У вас всех поднимется настроение, если вы покушаете!

И правда, мы совсем позабыли о еде, а ведь сначала так хотелось ее попробовать. Помимо стандартного для каждого утра чая, на подносе стояли тарелки с кашей и салатиками. Как Итачи управлялась одними лишь ногами? Скорее всего за нее все делала Юмико, они просто болтали о жизни, занимаясь готовкой. Мы принялись делить все, что стояло на столе, не уверен, что каждый наелся, но все точно остались довольны.

— Думаю мне лучше вывести Хорнет на прогулку, — подметила Юмико, — мало ли чего она там надумает.

Мы одобрительно кивнули, Юмико ушла с улыбкой, настрой на реабилитацию подруги у нее точно был, а это не может не радовать. В комнате помимо меня остались лишь Лео и Итачи.

— Как насчет и нам пойти прогуляться? — предложил Леонхардт. — Всем нужна разрядка.

— Почему бы и нет, — согласился я.

— Как чудесно! — порадовалась Итачи. — Хорошей вам прогулки!

— Почему нам? — затупил Лео. — Ты идешь с нами.

— Ч-что? — проямлила она.

— Ну как это, не оставлять же тебя здесь одну сидеть. Погуляешь в нашей скромной и душевной компании.

— Х-хорошо, спасибо за приглашение.

Итачи явно не привыкла ко вниманию, работа горничной не предполагала наличие личной жизни, потому она воспринимала инициативу Лео как дикость.

— Тогда идем, — сказал Леонхардт.

Эти двое уже собрались выходить, позабыв об одной детали, которая совсем не вписывалась в картину.

— Итачи, постой, — окликнул ее я.

— Что такое?

— Тебе бы переодеться.

— Точно, я совсем об этом не подумал! — кто бы сомневался, Лео.

— А зачем? — недоумевала Итачи.

— Ты хочешь пойти на улицу в костюме горничной? — точно так же недоумевал Леонхардт.

— Ну... да.

— Нет, Итачи, — отрезал я, — тебе нужно переодеться, чтобы не выглядеть так, будто тебя с работы на обед отпустили, к тому же уши и хвост будут привлекать лишнее внимание.

— Ты прав, но мне очень неудобно в такой одежде, — металась она, — я привыкла

домоседствовать, меня раньше не звали гулять.

— Будем адаптироваться, — подбодрил я.

Мы пошли в некий аналог гардероба. Лео уже успел побывать больше, чем просто в парочке комнат, в отличие от меня — он нас и проводил. Здесь находились бесчисленные кучи шмотья Хорнет, порой задаешься вопросом, на кой черт ей столько вещей, если она носит один единственный костюм. Итачи уже была готова переодеваться, но почему-то не начинала, она лишь стояла, опустив голову вниз и почесывая одну ногу другой. До нас двоих слишком долго доходило очевидное — она ведь сама не сможет переодеться.

— Итачи, — обратился я к ней, — тебе нужна помощь?

— Точно! — воскликнул Лео, когда прозрение наконец дошло до нужного места. — Она ведь не сможет сама переодеться, давай я помогу!

— Н-нет, стойте! — она покраснела. — Я не могу так, позовите девочек.

— Да чего ты, я уже кучу раз девочек переодевал! — с гордостью заявил Леонхардт.

Кто бы сомневался, Лео, сейчас ты только подтверждаешь слова Хорнет. В некоторой степени, я ему даже завидую, хоть я и видел женское тело в непосредственной близости, он, скорее всего, уже давно не является девственником. Допускать его грязные ручища до невинной кошечки точно нельзя, тем более что она никому не пожалуется, если он сделает с ней что-то нехорошее.

— Нет! — возразил я. — Ты подождешь за дверью.

Он кинул на меня ехидный взгляд, словно увидел во мне соперника в борьбе за девушку, но, в отличие от него, у меня не было таких мыслей.

— Итачи, — взглянул он на нее, — кто из нас должен тебя переодеть?

Она заметалась, не зная кого выбрать, но я уже чувствовал исход этих размышлений — все было очевидно.

— Леонхардт, прости, но я выберу Ашидо, — ожидаемо, — я немного больше ему доверяю.

Лео лишь глухо взвыл на такой отрицательный ответ, после чего вышел из гардероба, сказав, что подождет снаружи.

— Не переживай, — подбадривал я Итачи, — я уже переодевал Юмико, и она никому после этого обо мне плохо не отзывалась.

— Х-хорошо, я доверюсь тебе.

Я подошел к Итачи и повернул ее спиной, чтобы снять костюм, расстегнув молнию. Примечательно то, что он уже был отстиран к тому времени, как я проснулся, эта девушка совсем не хочет с ним расставаться. Расстегнув его, я повернул Итачи лицом к себе и потянул костюм за воротник наверх.

— П-подожди! — послышалось из ее уст, но было уже поздно.

Я снял костюм и встретился взглядом с голой грудью. Стоило догадаться, что под такими костюмами лифчик не носят. Какой же стыд: сначала заверить о своей чистоте, а потом так предательски обломаться. Впервые я вижу женскую грудь, мое дыхание на секунду сбилось, когда я увидел ее. Итачи хотела было закрыться, чтобы я не смотрел, но, к сожалению, нечем. Эта девушка могла бы завоевать сердце любого мужчины, не только имея свой привлекательный образ, но и своими формами. У нее были короткие светлые волосы, но чуть темнее, чем у Юмико, длинной была лишь челка, которая беспросветно затмевала ее половину лица, видена была лишь вторая, левая половина, на которой располагался ее оранжево-красный глаз. Поначалу я даже не обратил внимания на ее глаза, хоть они так

были похожи на мои, но цвет зрачка больше напоминал закатное зарево, нежели какие-то багровые грехи за спиной, как у меня. Ее грудь была аккуратной и подтянутой, что характерно для многих молодых девушек, судя по объему, размер третий, не меньше. Аккуратные сосочки хорошо вписывались в цвет ее кожи, не создавая никаких конфликтов в цветовой палитре. Кстати о ней, ее полосатый хвостик немного не вписывался в общую картину, но никак ее не портил, а вот уши идеально сочетались с цветом волос. Мне очень стыдно это описывать, но образ персонажа невозможно передать без полной картины.

— Все в порядке, — пытался я ее успокоить, немного отвернувшись, — сейчас я что-нибудь на тебя нацеплю и забуду увиденное.

— А-ашидо, — прохрипела она, — ты их видел?

— Я не мог не увидеть, — объяснил я, — если тебе некомфортно, я могу позвать Юмико, пока она еще не ушла.

— Все в порядке, продолжай, — уверяла она.

— Точно? — сомневался я.

— Говорю же, все хорошо, просто давай побыстрее.

— Хорошо, с твоего позволения.

Я взял заранее выложенную из шкафа худи, после чего одним ловким движением натянул его на Итачи, оставалось только расправиться с низом. Я усадил ее на скамейку, нужно было снять туфли и чулки. Если с туфлями все понятно, то чулки пришлось снимать в таком же напряжении. Имея стройные ножки, она заставляла меня чувствовать себя неловко, тем не менее, я со своей задачей справился. Я надел ей на ноги носки, затем джинсы, оставался последний шаг — спрятать хвост. Это фрагмент оказался самым абсурдным: стоило мне его тронуть, Итачи застонала, а когда я принялся прятать его в одну из штанин, она еще и подергивалась от контакта между моей рукой и ее ягодицами. Финальным штрихом я застегнул джинсы в сопровождении неловкого молчания и напряженного дыхания, надел и завязал кроссовки, нацепил на голову шляпу. Готово, я переступил через себя, доведя дело до конца и не допустив до нее Леонхардта.

— Все, мы готовы, — я с улыбкой заявил об окончании процесса.

— С-спасибо, — она все еще не очухалась.

— Идем, — сказал я и двинулся к выходу.

— Ашидо, постой! — Итачи врезалась мне в спину от того, что я резко остановился.

Я обернулся, желая узнать, что еще она хотела мне сказать.

— М-можно я буду тебя просить переодевать меня время от времени?

— Почему бы тебе не просить об этом Юмико?

— Юмико может не оказаться рядом, как сейчас, — пояснила она, — ты хорошо держался, и я не пожалела, что позволила тебе меня переодеть.

— Хорошо, если ты настаиваешь, я так уж и быть постараюсь быть полезным иногда.

— Ты не хочешь?

— Дело не в этом, Итачи, я всегда готов помочь, просто меня очень смущает женское тело, тем более оголенное.

Она покраснела и отвела взгляд в пол.

— Все хорошо, ты уже все видел, в следующие разы будет проще, — убеждала она, — я постараюсь больше не издавать таких звуков.

— Хорошо, — я улыбнулся, — тогда договорились.

— Ты не похож на Леонхардта, — подметила Итачи, — он был готов и рвался вперед.

Ты тоже так делал, но скорее потому, что не хотел, чтобы он меня переодевал. Ты знал, что он сделает что-то развратное со мной?

— Скорее предполагал, — поправил я, — у него уже был опыт с девушками, а у меня нет.

— У меня тоже не было опыта с мужчинами, поэтому было страшно, — объяснила она.

— Я понимаю. Я старался действовать поделикатнее, но, как видишь, получилось не особо.

— Все нормально, не волнуйся, — утешала Итачи, — теперь я в тебе уверена и могу подпустить к себе снова.

— Хорошо, это все?

— Да.

— Тогда идем.

Мы вышли из гардероба, подхватили Леонхардта на выходе — надеюсь, он не подслушивал. Этот день должен был запомниться Итачи, как тот, который можно будет назвать ярким воспоминанием. Двигаясь по немытому полу в обуви, мы вышли из дома и отправились в такое прекрасное место, как парк развлечений. Да, у нас был такой, пусть и небольшой, но этого было вполне достаточно. Впопыхах я совсем забыл надеть очки, понял это я уже когда столкнулся взглядом с сотнями людей, но похоже все в порядке. Плакаты с улицы почему-то стали пропадать, я выглядел естественно в компании своих друзей. Люди, которые еще помнили о красноглазом убийце, явно не предполагали, что он станет так свободно разгуливать по улицам, тем более не один. Ко мне относились как к самому обычному человеку: продавали билеты, просили сфотографировать их на красочном фоне. Обычно все используют фотоаппараты, но есть и те, кто выделяется из толпы — люди, которые имеют смартфоны — в нашем городе это настоящий шик, позволить себе который может не каждый. Простолюдины используют пейджеры, через которые очень удобно общаться. У Хорнет, Юмико и Леонхардта тоже такие есть, а вот я до сих пор не заимел из соображений безопасности, не только моей, но и моих друзей.

Сегодня мы посетили практически все, куда можно было пойти, за исключением тех аттракционов, где нужна была моторика рук. Дом-перевертыш, дом страха, карусели, батуты: все это приносило радость и оставляло яркий отпечаток в памяти. Больше всего нашей горничной понравилось колесо обозрения, оно стоит на границе Торгового района, практически около огромной стены, окружающей город. Заглянуть за стену бы никак не получилось, но вид на город отсюда открывался потрясающий: отсюда было видно и вечно яркий Парадный район, и горную возвышенность, начало которой открывали дома аристократов, после чего шли поля урожая, занимавшие почти все подножие, и саму гору, снежный пик которой можно было увидеть из любой точки города. Обратив внимание можно было и на такие мелочи, как дамба и очистительная станция в Трущобах по правой стороне, а также высоченная Академическая башня в одноименном районе по левой стороне. В этот день я как никогда сблизился с Леонхардтом и этой девушкой. Глядя на Итачи, я видел в ее глазах искреннюю радость, будто она никогда в жизни так не гуляла. Кто знает, что за прошлое было у этой девушки, но, думая о том, что она сама помнит, я все больше понимаю, как мы с ней похожи. После лаборатории она была будто в клетке, работая на Ишимару: ни погулять, ни заняться личной жизнью. Не знаю, как эта девушка относится к смерти своего хозяина, тем более не знаю, как она туда попала, но одно я знаю точно — с нами ей лучше. Мы будем теми, кто примет ее со всеми минусами и поддержит во всем,

потому что Игачи уже стала нашим другом.

Глава 8: Дружба и симпатия

Мое окружение постепенно расширилось, и это не могло не радовать. Только лишь благодаря своей удаче я выкарабкался из бедной собачьей жизни в люди. У меня появился дом, друзья, я научился управлять своей силой, хоть и на уровне дилетанта. И все же будущее остается туманным, ведь все мы люди далеко не простые, а с великой силой и великим проклятием. Нельзя точно знать, в какой из солнечных беззаботных деньков может случиться что-то непредвиденное. Все живущие в этом доме нацелены лишь на выживание, но все мы стараемся получать максимум красок от этой жизни: вместе гуляем, вместе принимаем пищу, делим быт между собой. Итачи пытается все взвалить на свои плечи, но никто не позволяет ей этого сделать, она не сможет помыть полы или протереть пыль, потому работает в меру своих возможностей — так решили за нее остальные.

Прошло несколько дней, и мы столкнулись с проблемой — все в этом доме живут за счет Хорнет. Мои запасы еще не иссякли, но стремились к нулю, пособий Юмико мало на что хватало, а про таких бездельников, как Леонхардт, я вообще молчу. На всеобщем собрании было единогласно принято решение сплавить на Лео половину нашего быта. В этот день Итачи как обычно ласково разбудила меня и сообщила о какой-то радостной новости. Я уж было подумал, что кто-то выиграл в лотерею, но быстро опомнился — такие я видел только в видеоиграх. Она приказала привести себя в порядок, после чего прийти в гостиную, куда всех созвала Юмико. Я все гадал, что это за новость такая, ведь она никому ничего не сказала. Будучи заинтригованным, я быстро умылся, привел в порядок свою голову, после чего полетел к гостиной. Юмико уже ждала всех у дверей, Итачи тоже была там. По дороге меня нагнали Хорнет и Леонхардт. Мы подошли к дверям и замерли в ожидании.

— Отлично, все в сборе, — обрадовалась Юмико. — Скорее внутрь!

Мы зашли в гостиную, ожидая услышать от нее что-то интересное, но вместо этого увидели прямо на чайном столике черную кошку с белыми лапками и пятном на мордочке того же цвета.

— Та-дам! — воскликнула Юмико. — Теперь у нас есть кошка!

Стоило мне оглядеться, как я увидел вокруг сияющие от такой радостной и неожиданной новости глаза. По всей видимости, все в этой комнате любят животных, кошек в особенности. Мне тоже она понравилась, особенно расцветка ее шерсти.

— Что такое, Итачи? — озадаченно спросила Юмико.

А ведь я проглядел ее, потому что та стояла позади. Повернувшись на нее, я увидел, как та смотрит на кошку не отрываясь и не моргая, таким напряженным и враждебным взглядом. Стоило полагать, как Итачи отреагирует на появление в доме представителя своего семейства. Кошка тоже напряглась, глядя на Итачи — она встала к ней боком и выгнула спину. Семейство кошачьих — эксперты в области невербального общения, мы можем лишь догадываться, что эти двое хотят друг другу сказать.

Я поймал взгляд Юмико, в котором читался ехидный намек. Если я правильно понял по ее взгляду, сейчас мы попробуем сделать так, как делают одинокие женщины за тридцать, приводя домой очередную кошку. Я принялся гладить Итачи по голове, а Юмико делала тоже самое с кошкой. Хоть мы и поняли друг друга с полуслова, эффекта это не оказывало, они все так же пилили друг друга взглядом, ни разу не моргнув с момента, как столкнулись.

Я встал перед Итачи, загородив обзор, только тогда она опомнилась.

— Ой, простите, я немного это...

— Тебе не нравится эта кошка? — поинтересовался я.

— Нет, нет, — возражала Итачи, — она очень милая, но похоже, я ей не нравлюсь.

— Как ты это поняла? — спросил Леонхардт.

— Не знаю, мне так кажется, — отрезала она.

Видимо генная трансформация подкосила сознание Итачи на уровне инстинктов. Это было забавно, но теперь никто не знает, как ей уживаться с кошкой в доме.

— Юмико, — заговорила Хорнет, — как зовут эту кошку?

— Я еще не решила, поэтому и позвала всех, чтоб мы вместе придумали ей имя.

— Мне очень нравится русское имя Людмила, — заявила Хорнет.

— Мои родители говорили, что такое имя дают бабушкам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, оно больше всего распространено среди бабушек, если так назвать ребенка, ты обрекаешь его на преждевременную старость.

— Хм, — Хорнет задумалась. — Твои родители были русскими?

— Мама была, папа — японец, потому вся вторая половина моих корней осталась за кадром.

— А почему тебя зовут Ашидо? — поинтересовалась Юмико. — Это же вроде фамилия, а не имя.

— Это не редкость, — вклинился Леонхардт. — С момента основания Гармонии было много моментов, когда людям в документы вписывали данные, путая местами имя и фамилию.

— Но ведь Такаги — тоже фамилия, — подметила Юмико.

— Тогда я точно не знаю, — отмахнулся я.

Никогда не задумывался, что назван двумя фамилиями. Ответ на этот вопрос уже никак не узнать, ведь мои родители мертвы. Докопаться до правды можно было бы, спросив у знакомых, но не думаю, что они будут рады меня видеть.

— Вернемся к кошке, — опомнилась Юмико, — мне нравится имя Кирара, оно очень мягкое и доброе.

— Не могу не согласиться, но как-то не очень оно идет кошке, — возразил я.

— Твоя правда, — подхватила Хорнет.

— Как на счет Сильвия? — глухо брякнул Леонхардт.

Все одновременно повернулись в его сторону. После небольшой паузы, на лицах стали появляться одобрительные улыбки — всем понравилось, лишь одна Итачи оставалась безучастной.

— Что думаешь, Итачи? — спросил я, не желая обделять ее вниманием.

— Мне нравится, — она так же одобрительно улыбнулась и слегка наклонила голову к полу.

— Решено, — промолвила Хорнет, назовем кошку Сильвией.

Девушки принялись тискать кошку, она довольно мурчала, катаясь по столу. Никого не напрягало, что мы едим на этом столе, мысли были забыты лишь появлением нового друга в доме.

— Ашидо, — обратился ко мне Леонхардт, — мы не могли бы немного поговорить в моей комнате?

— Конечно, давай.

— Тогда я займусь своими делами, — проинформировала Итачи.

— Если будет скучно — зови, — подмигнул ей Лео.

— Хорошо, — Итачи улыбнулась и вышла из комнаты.

Говорить что-то девушкам не было смысла, они были заняты кошкой, потому мы молча вышли из гостиной и отправились в комнату к Леонхардту. Судя по всему, предстоит какой-то личный разговор, который другие не должны слышать. На каждом этаже дома в коридорах располагалось по четыре комнаты, ложе Лео располагалось в самом конце у окна. У меня тоже было такое, но по другую сторону дома. Мы прошли внутрь, Лео плюхнулся на кровать, а я занял кресло напротив.

— Итак, Ашидо, у меня будет к тебе просьба, но сначала я хотел бы немного посвятить тебя в свою биографию, — пояснил он.

— Я слушаю.

— У меня недавно умерла мама, — начал он с грустного, от чего я немного поник, сопереживая Лео. — Мы разминулись с ней, когда я пошел в школу, тогда мама пристроила меня к своей близкой подруге, у которой я жил, пока не переехал сюда. Мама работала здесь в Торговом районе, в магазине сельскохозяйственных химикатов, а жила на втором этаже магазина в тесной квартирке. Отца я с детства не видел, в моих документах он даже не фигурирует, мама в одиночку меня растила, вкладывая все, что у нее было, за что я ей очень благодарен. Но теперь она отправилась туда, куда заслужила — в рай. По наследству магазин достался мне, я его продал и на вырученные деньги похоронил маму там, где она хотела оказаться в конце своей жизни.

— Соболезную.

— Спасибо, Ашидо, но мне нужно не это, — отмахнулся он. — У меня остался только один родной человек — моя старшая сестра Лия, которую я уже много лет не видел. Она сейчас лежит в больнице, не знаю в каком состоянии, я хотел бы на днях зайти к ней и мне нужна твоя помощь.

— А как я тебе помогу? — недоумевал я.

— Вход для посетителей в больницу закрыт, только в редких случаях, мы проникнем туда ночью.

— Ты с ума сошел? — возмутился я. — Почему бы просто не дождаться ее выписки?

— Ты не понимаешь, Ашидо, — он посмотрел на меня странным взглядом. — Когда она легла в больницу, маме сообщили, что у нее какие-то серьезные проблемы с пищеварением, у нее высокий риск обезвоживания при неправильном питании. Лия всегда была обжорой и приучила свой организм к большому количеству еды, а теперь из-за этого страдает. Если мы вытащим ее из больницы, Юмико поможет ей восстановиться, и она останется здесь.

— Ты хочешь, чтобы я помог выкрасть твою сестру из больницы и привел ее сюда?

— Ашидо, пожалуйста, Лия — очень красивая и добрая девушка. Если она будет здесь жить, вы могли бы завязать отношения.

— Ты думаешь меня этим заманить?

— Я знаю, что тебе это нужно, точно так же, как и ей. Лии никогда не везло в любви, сейчас ей должно быть двадцать три, а она ни разу не была в серьезных отношениях. Я вижу, как вы друг другу подходите, потому предлагаю такую награду за помощь.

— Торгуешься сестрой? — осуждающе посмотрел я на Лео.

— Ашидо, не пойми меня неправильно, но я хочу, чтобы она была счастлива. Ты

хороший парень, который ее не обидит, а она станет тебе спутником жизни, который будет любить тебя и ценить. Я более чем уверен, что поступаю правильно.

Это действительно заманчивое предложение, пусть я с ней еще не знаком, Лео уже успел зарекомендовать Лию.

— Хорошо, я согласен, что мне нужно сделать?

— Ничего сложного, послезавтра ночью я планирую пойти туда, чтобы забрать ее. Это будет ночь понедельника, когда весь персонал отсыпается перед рабочей неделей. Нам нужно просто прийти туда, найти Лию и забрать ее. Ты мне нужен для подстраховки, поможешь если что-то пройдет негладко.

— Что ты подразумеваешь под «негладко»? — поинтересовался я.

— Возможно, нам придется ее тащить, а она довольно тяжелая.

— И это все?

— Остальное я озвучивать не буду, вдруг ты откажешься, — пояснил Леонхардт.

— Ладно, я согласен.

— Спасибо, это очень много для меня значит. У меня не осталось никого, кроме нее, потому я хочу ее сберечь. Я очень люблю Лию, мы всегда были в отличных отношениях, и буду рад, если вы откроете свои сердца друг другу.

— А почему ты не позовешь Юмико и Хорнет? — поинтересовался я. — Вместе было бы проще.

— Я не доверяю женщинам в критических ситуациях, — ответил он.

— Это все?

— Да, но, если ты не против, я бы хотел завтра с тобой прогуляться.

— Договорились, у меня уйма свободного времени.

— Тогда оставь меня, я ночью не спал, — приказал Лео.

— Хорошо, сладких снов.

— Спасибо, — улыбнулся он, провожая меня на выход.

Хотелось бы посмотреть на эту Лию. Как Леонхардт видит красивых девушек? Уверен — это высокие красотки с большой задницей, но зная теперь, что она обжора, встает вопрос — насколько большой. Если Лии двадцать три, значит она родилась в 2036, почему Лео думает, что мне подойдет девушка постарше? Или он так отчаянно цепляется за любого достойного парня, способного сохранить с ней отношения? Что же в этой девушке такого отталкивающего, что она до сих пор не нашла себе партнера? Я вышел за дверь и издали увидел несущуюся в мою сторону Итаци, ее взгляд был бегающим, сама девушка выглядела испуганной. Идя на сближение со мной, она резко закричала:

— Ашидо! Помоги мне, я спалила кухню!

Не став на это отвечать, я бросился в сторону кухни. Чем ближе я подбежал, тем противнее становился запах. Из комнаты отдавало гарью, Итаци не стоило на ней хозяйничать. Вбежав в комнату, я увидел заливающуюся пламенем плиту, огонь жег мебель. Я не знал, что делать, никто не говорил, где у нас стоят огнетушители. В голову не пришло ничего лучше, чем направить поток дыма на огонь, чтобы отогнать от него кислород. Пусть у меня и получилось то, что я опробовал впервые, пламя даже не шелохнулось. На мое счастье в комнату вбежал Лео, который мог исправить ситуацию. Он не стал терять ни секунды — схватившись за кухонный шкаф, тот пустил лед в сторону плиты. Какие-то считанные секунды и на плите уже красовалась ледяная глыба, а огня как не бывало. Впервые вижу способность Леонхардта в действии — очень полезная вещь, потрясающе. Сам Лео покрылся

небольшой наледью, почти незаметной, руки будто подморозило в процессе.

— С вами не поспишь, — пробурчал он и вскоре удалился.

Я посмотрел на Итаци, которая стыдливо опустила голову, чувствуя вину за принесенные неприятности. Присев за кухонный стол, я решил провести с ней профилактическую беседу.

— Итаци, что ты пыталась здесь сделать? — начал я.

— Я хотела сделать всем покушать, — едва слышно ответила она.

— Солнце, — пытался я быть помягче, — я понимаю, что ты хочешь быть полезной, и чтобы тебя хвалили, но ты не можешь быть такой на кухне, пойми.

— Но...

— Итаци, послушай, — перебил я, — ты и так многое для нас делаешь, но готовить в одиночку тебе нельзя.

— Я понимаю, я очень виновата, — раскаивалась, сказала Итаци, — потеряв руки, я потеряла свое призвание, — она была на грани.

Итаци была очень расстроена, еще немного, и она бы заплакала. Нужно было ее утешить, я встал из-за стола, после чего подошел к ней и приобнял. Конечно, такой ход не мог не вывести на эмоции, девушка всхлипывала мне в грудь.

— Итаци, это ведь ты готовила ту потрясающую курицу, когда мы приходили в гости к Ишимару?

— Да, — она посмотрела на меня глазами, полными слез, но в ее взгляде читался интерес, — большую часть времени я готовила для всех.

— Знаешь, она так понравилась Юмико, что та без умолку трещала о том, как это вкусно.

— Правда? — похоже мне удалось ее отвлечь.

— Правда, — обнадежил я, — она даже хотела выйти за тебя замуж.

— Ч-что? — испугалась девушка. — Так же нельзя!

— Не бери в голову, она была пьяна в тот вечер.

— Она меня не любит? — поплыла Итаци.

— Брось, мы все любим тебя, просто тогда она переборщила.

Итаци улыбнулась и снова уткнулась мне в грудь.

— Не волнуйся, мы найдем способ вернуть тебе руки, чтобы ты снова могла приготовить нам ту курицу.

— Разве это возможно? — пробурчала она.

— Нет ничего невозможного, Итаци.

Пусть я и сказал так, зная, что однажды она заживет как прежде, но кое-что невозможное в этом мире было — вернуть мертвых к жизни. Все мы кого-то потеряли, и никто не сможет снова взглянуть в глаза тем родным людям, которых все мы когда-то ценили. Пусть для меня потеря родителей уже была не так велика, Хорнет потеряла всех своих родных, которых она очень любила, Юмико потеряла родителей, о которых я до сих пор не слышал ни слова, Леонхардт потерял маму и может потерять сестру, если я ему не помогу. Итаци тоже многое потеряла, хоть у нее и не было в памяти родни, все те горничные, с которыми она работала, тоже были для нее близкими людьми. Я благодарен судьбе за то, что хотя бы она выжила, но теперь сердце этой невинной кошечки придется долгое время залечивать, и не только его.

— Знаешь, Ашидо, — Итаци развеяла тишину, — ногами не так просто управляться,

особенно в чулках.

— Знаю, солнце.

— Я все время тренирую моторику, но все, как будто нарочно, валится из ног, мне очень сложно адаптироваться к такой жизни.

— Рано или поздно все получится, — подбадривал я, — нужно лишь стремиться и не опускать руки.

— Ашидо, — она нахмурилась.

Что я только что сморозил. С этой девушкой надо уметь выбирать выражения, реплики на уровне привычки могут обернуться оскорблением.

— Прости, я не подумал, что сказал.

— Все в порядке, — размякла она, — я знаю, что ты не специально.

Эта девушка добрее любой из тех, с кем я когда-либо общался, но таких людей, точнее кошек, очень легко обидеть, особенно когда они делают для тебя что-то хорошее, а ты отвергаешь их труд, потому надо поддерживать Итачи во всем и быть с ней помягче.

— Можно с тобой немного поговорить? — обратилась ко мне Итачи.

— Конечно, о чем угодно, только давай пойдем ко мне в комнату.

На кухне все еще пахло гарью, в такой обстановке нормально не поговоришь. Слезы Итачи уже высохли, мы уверенно двинулись ко мне в комнату на второй этаж. На лестнице нам навстречу вышли Хорнет и Юмико, а следом за ними плелась Сильвия. Она была такой пушистой, при движении ее длинная шерсть аккуратно укладывалась от ветра.

— Почему в доме пахнет гарью? — возмутилась Хорнет.

Говорить, что это Итачи во всем виновата совсем не хотелось, потому я приму удар на себя.

— Я спалил кухню.

— Что? — обе девушки ахнули.

— Нет! — закричала Итачи. — Это я ее спалила! Ашидо ни в чем не виноват!

— А ведь я почти поверила, — буркнула Юмико.

— Ашидо, — Хорнет смотрела на меня с упреком, — я конечно понимаю, что ты хочешь оправдать Итачи, но не надо, мы не станем ругаться.

— Правда? — удивилась Итачи.

— Правда, — подтвердила Хорнет, — но в следующий раз позови на кухню кого-нибудь с собой, хорошо?

— Хорошо, — она стыдливо отвернулась.

Никто и не заметил, что кошки даже не завелись, увидев друг друга, видимо, не та обстановка.

— Мы займемся кухней, — сообщила Хорнет, — а вы отдохните.

Они спокойно пошли по лестнице вниз, а мы с Итачи продолжили наш путь до комнаты. Войдя внутрь, Итачи сразу завалилась на мою незаправленную кровать. Такого кресла, как у Лео, у меня не было, потому я присел рядом. Итачи глядела в потолок, не отворачиваясь, было похоже на то, что внутри нее таятся большие переживания, скорее всего по поводу рук.

— Ашидо, — послышалось от нее в тишине.

— Да, я слушаю.

— Как думаешь, кто-нибудь сможет полюбить меня такую? — ее лицо снова приобрело грустный вид.

— Конечно, почему ты об этом думаешь? Ты в себе сомневаешься?

— Я не знаю, чего от женщины хотят мужчины, потому и попросила тебя со мной поговорить. Есть и обычные одинокие женщины, которых никто не любит, а я к тому же безрукая.

— Итачи, брось, — я снова ее подбадривал, — ты очень красивая и добрая девушка, тем более кошка, о таких многие мечтают, а учитывая то, что тебе нет аналогов, переживать вообще не о чем.

— Мне есть о чем переживать, Ашидо, — оборвала она. — В мире не так много надежных мужчин, ровно так же, как и женщин. Я боюсь за свое будущее, боюсь оказаться никому не нужной или чей-то игрушкой. Мы оба уже достаточно взрослые люди, и я понимаю, что если привлекаю кого-то как девушка, это вовсе не значит, что мной не будут пользоваться только для удовлетворения своих фантазий.

— В этом ты права.

— Ашидо, — она повернулась ко мне, — ты бы смог полюбить меня такую, какая я есть? Если бы у меня не было этих ушей, увидел бы ты во мне обычную девушку?

— Я не знаю, — оторопел я.

Этот разговор был похож на признание, пусть Итачи меня привлекала как девушка и располагала к себе, мне всегда казалось, что она думает больше о себе, чем о других. Такой вывод я сделал из всех наших откровенных разговоров. Может она и изменится, оказавшись в семейной жизни, но сейчас я не готов ответить ей взаимностью. Я сам еще не разобрался в своих чувствах, сам все еще не понял, кто такие женщины и что они могут тебе дать. Когда я впервые встретил Юмику, меня безумно к ней тянуло, но это были дружеские отношения, потом Хорнет сказала, что я ее привлекаю как партнер, но она не готова вмешиваться наши с Юмику потенциальные отношения. Сейчас Итачи мягко намекает на симпатию, и я начинаю сомневаться настолько глубоко, насколько это возможно. Если несколько девушек говорят мне о том, насколько я привлекательный и хороший, не значит ли это, что все они что-то недоговаривают? Я не вижу в себе Леонхардта, готового бегать за любой юбкой, мне нужны искренние чувства, человеческая привязанность и верность, готовность вкладываться в своего партнера во всех аспектах. Я не вижу этой готовности ни в одной из этих девушек, все они ведомы чувствами, но не все осознают ответственности.

Тем не менее, раз я вызвался на разговор, нужно разговаривать с Итачи честно и мягко. Ей сейчас нужен человек, который ее выслушает, а возможно и тот, который полюбит ее. Я могу расценивать ее как потенциальный вариант, пока еще рано завязывать какой-либо узел.

— Итачи, тебе когда-нибудь кто-то выражал симпатию?

— Нет, — оборвала она.

— Никто ни разу не говорил тебе, что ты могла быть для него хорошим партнером?

— Зачем ты так говоришь? — у нее наворачивались слезы.

— Скажи мне, чего ты от меня хочешь?

Я понимал, что сейчас ее обижаю, но мне нужно знать.

— Ашидо, ты мне нравишься, и я не знаю, что мне делать.

Я в этом не сомневался, теперь будет тяжело выкрутиться.

— Я задумалась об этом, после того, как ты увидел мою грудь. Ты ведь впервые ее видел?

— Да, — опустив голову, ответил я.

— Тебе она понравилась? — Итачи замерла, ожидая ответа.

Хотелось бы уйти от откровений, но я не в том положении, потому придется смиренно отвечать прямо.

— Да...

— Я знала, — она улыбнулась, уставившись в потолок. — Я следила за тобой и за тем, как ты себя ведешь. Ты всегда был ко мне добр, не пытался за мной ухлестывать, как это делал Леонхардт. Я подумала, что ты мог бы меня однажды полюбить. Если же нет, то я буду завидовать той девушке, которой ты достанешься.

— Ты правда думаешь, что я такой хороший? — сомневался я.

— Да, — без колебаний ответила она, — потому хочу, чтобы ты открылся мне и сказал, что ты чувствуешь.

— Итачи, — вздохнул я, — у каждого есть свои скелеты в шкафу, и я не исключение, у меня за спиной горы трупов. Ты уверена, что готова любить убийцу?

— Ну...

— Быть убийцей не лучше, чем не иметь рук. В обоих случаях ты имеешь клеймо в своей биографии, избавиться от которого тяжело. Ты правда меня привлекаешь, и я могу рассматривать такой вариант, что мы когда-нибудь будем парой, но не сейчас. Люди не становятся друг другу родными, будучи знакомыми несколько дней, для этого нужно время.

— Я понимаю, — согласилась она. — Значит, ты еще не можешь ответить мне взаимностью?

— Меньше всего я сейчас хочу тебя расстраивать, но... нет, прости, я еще не готов.

— Я все понимаю, Ашидо, — смирилась она. — Давай получше узнаем друг друга и тогда будем думать.

— Так будет правильнее, — подтвердил я.

— Но я не приму такой отказ, — ухмыльнулась она, позабыв о слезах.

— Что не так? — я не понимал, что она хочет.

— Я смирюсь и буду ждать, если ты кое-что для меня сделаешь.

— И что же?

— Поцелуй меня.

Вот это потрясение, девушка напрямую просит меня о том, в чем я не имею ни грамма опыта. Что же мне делать?

— И-итачи, я не могу, — замешкался я.

— Расслабься, я тоже не умею, — подбодрила она. — Ну, давай, — Итачи приподнялась с кровати и приблизила свое лицо ко мне.

Я растерялся, в голову не пришло ничего лучше, чем поцеловать ее в щеку. Такой расклад ее удивил, но после она лишь улыбнулась, глядя на меня.

— Я не так хотела.

— Итачи, я боюсь.

Между нами повисла пауза, мы смотрели друг другу в глаза не отворачиваясь, однако ее взгляд был увереннее, чем мой. Глядя на нее, я потерял бдительность, Итачи впиалась своими губами в мои, я мог в любой момент отшатнуться — ей нечем было меня держать, но это было бы очень грубо, а я не хотел ее обижать. Она двигала своими губами, легонько массируя мою нижнюю губу, пусть я не понимал, что делать, все же старался повторять за ней, массируя ее верхнюю. Через десяток секунд она оторвала свои губы и с той же улыбкой глядела на меня. Меня очень смущает подобный процесс, особенно когда ты к нему не готов.

— Ничего не получилось, — обиженно прошептал я.

— Все в порядке, — подбадривала она, — первый блин всегда комом, но у тебя получилось неплохо, а теперь повторим.

Она снова вцепилась в меня, но на этот раз напор был куда сильнее. Итачи засунула мне в рот язык и начала им как-то спонтанно двигать. Время от времени она его вытаскивала, массировала мои губы своими, а затем повторяла предыдущий шаг. На удивление — это очень приятно. Чувствовать, как ваши губы соединяются, ее шершавый язык, который трется о мой, слюни, которые то ли дело вытекают изо рта — чувствую себя потрясающе. Вот, значит, каково это — целоваться с девушкой. Некоторое время спустя она-таки решила прерваться, хоть мне уже и не хотелось. Стоило нам разделиться, между нами растянулся канатик из слюней, которые под своим весом спешно упали на одеяло.

— Спасибо, — прошептала Итачи, дыхание которой то ли дело сбивалось.

— Тебе тоже... спасибо, — прошептал я.

Судя по выражению ее лица, она была всем довольна: и поцелуем, и моим отказом.

— Помни об этом поцелуе, пока не найдешь себе девушку, — начала Итачи. — Ты уже будешь уверен в том, что сможешь ее чему-то научить, а если ты не найдешь такую, — она закрыла глаза и растворилась в улыбке, — я всегда буду тебя ждать.

Итачи встала с кровати и тихонько вышла из комнаты, посмотрев на меня напоследок все с той же улыбкой. Мой первый поцелуй, он такой приятный и запоминающийся. Я не был готов, но все получилось именно так, как она задумала, нам обоим было приятно, какие-то ничтожные минуты оставили такой приятный отпечаток в памяти. Может у Итачи и не было опыта с мужчинами, ей была присуща черта, которая так хорошо развита у девушек — природная обольстительность. Думая о том, что произошло, я понимаю, что таким образом она расположила меня к себе. На что только не пойдут одинокие девушки, чтобы отобрать внимание парня — пусть она и боялась, Итачи смогла скрыть свой страх и отдаться страсти. Теперь я понимаю, почему она пошла на это, сказав, что только так примет мой отказ — она добивалась продолжения. Поцеловав парня, который все еще не питает к тебе любовных чувств, ты автоматически его к себе притягиваешь. Те чувства, которых могло и не быть, тут же появляются, стоит вам скрестить языки. Ее шершавый язык доставил мне максимум удовольствия, а если подумать о том, что у других девушек он гладкий, я завожусь, желая попробовать и его.

У меня все еще нет девушки, и я могу пробовать изнутри каждую, кто будет мне взаимно симпатичен, так я смогу выбрать для себя лучшую, но при этом могу обидеть всех тех, с кем сблизился. Наш поцелуй с Итачи должен остаться в тайне, ведь я не знаю, как на него могут отреагировать другие девушки, которым я симпатичен. Она тоже это понимает и будет молчать, чтобы сохранить дружеские отношения между нами всеми, тем более между мной и Леонхардтом. Эта кошка добилась своего и заставила меня задуматься, но я подойду к этому вопросу со всей осторожностью — я буду искать ту, которой смогу открыть свое сердце и чье сердце приму сам, девушку, которая сможет остаться со мной до конца наших дней, а если такой не будет на всем белом свете — мне есть к кому возвращаться.

Глава 9: Оттепель

Жаркий солнечный день сопровождался запахом приятного океанского бриза, воды сегодня были не так спокойны, как обычно. Для меня всегда было загадкой, почему на острове посреди бесконечной штормовой синевы никогда не бывает цунами. За всю историю существования Гармонии ни разу не упоминались никакие стихийные бедствия, разве что аномально сильные дожди — за свою жизнь я уже не один десяток раз застал такие, но один из них впечатался в память самым болезненным образом. Сегодняшний день радовал своей безмятежностью, я с самого утра был настроен на получение положительных эмоций от времени, которое я проведу с Леонхардтом. Вчера я был переполнен чувствами и бодрствовал весь оставшийся день: помог девушкам с бытом, занялся перестановкой в тех комнатах, куда еще никто не заходил. Всего лишь один мимолетный поцелуй так осчастливил меня, теплые чувства не давали скучать ни секунды. Как следует выспавшись, мы с Лео двинулись навстречу летней суете.

Я был уверен, что он хотел провести этот день только лишь плавая от веселья к веселью, в чем был целиком и полностью прав, так я думал. Но в планы Лео не входило выпить в компании друга и посетить злачные места города, вместо этого он повел меня в безлюдное местечко на склоне горы. Путь предстоял крайне далекий — от цивилизованного Торгового района до глухомани, в которой не живет ни одна живая душа. По дороге мы много разговаривали, в основном о чем-то веселом, но по большей части о девушках. Мне был полезен любой опыт, которым делился Лео, пусть он и откровенно хвастался своими заслугами в отношениях с противоположным полом. Этот парень когда-то был наивным мальчишкой, которого всюду за собой водили за нос, пока не стал настоящим ловеласом. Лео не был каким-то мускулистым или богатым, он вывозил только лишь за счет своей харизмы. Именно этому он меня и учил: адекватным девушкам не важно то, насколько ты хорош собой, достаточно лишь быть интересным и привлекательным, а если ты хочешь хороших и длительных отношений, на помощь придут верность и способность сохранять связь между вами. Я никогда не знал, что такое настоящая любовь, и никто не мог мне о ней рассказать: Леонхардт никогда не любил, он лишь отдавался своим животным инстинктам, попутно узнавая от своих партнерш о вездесущем; Юмико, Хорнет и Итачи не имели ни того, ни другого опыта.

За такими познавательными разговорами мы совсем потеряли счет времени, а я совсем позабыл о месте, до которого был проложен путь. Только оказавшись около дерева с подвешенной на него качелей, я понял, что мы на месте. Леонхардт неспешно уселся на траву перед аккуратно уложенными камушками под деревом, а я занял место на качеле, раз уж она оказалась свободной.

— Мы на месте, — наконец заявил Леонхардт.

— Что это за место, Лео? — поинтересовался я. — Твой маленький секретик?

— Да, — с улыбкой ответил он. — Это было наше с Лией любимое место, когда мы были маленькими, мама нам его показала. Качелю тоже она сделала, мы часто устраивали здесь пикник, но вскоре перестали сюда приходить.

— Почему?

— Мы выросли, Ашидо. С годами все позабыли о былом, но только не мама, она хотела после смерти оказаться именно здесь, я исполнил ее пожелание.

Я наконец понял, что означали эти камни под деревом — это место захоронения, которое правильнее всего назвать могилой, пусть она выглядела очень скромной, но, судя по рассказам Лео, оправдывала ожидания. На камнях был высечен портрет старой женщины, а также выцарапаны надписи: «Анна Акина», «1998–2060 гг.».

— Мама прожила скромную жизнь, — продолжил Лео, — она не купалась в деньгах и не тонула во внимании окружающих, те кто ее знал, очень любили эту женщину. Всю свою любовь она вкладывала в своих детей, потому у нас всегда были теплые отношения.

— А где ваш отец? Он еще жив?

— У нас с Лией были разные отцы, но они не сильно отличались друг от друга — оба бросили свою семью еще до рождения детей. Не знаю где они сейчас, но не думаю, что кому-то до этого есть дело.

— Лео, а как ты думаешь, смог бы ты быть хорошим отцом?

— Нет, — ответ озадачил, — не смог бы.

— Почему же?

— Ты все и без меня знаешь, Ашидо. В отличие от меня и Лии, мама не была ренегатом, потому никто не вмешивался в ее жизнь. Если я стану отцом, то поставлю под угрозу благополучие своей семьи.

Вот оно как, Лео не упоминал, что Лия тоже является ренегатом.

— Ты боишься, что твою семью разрушат?

— Я не боюсь, я точно знаю, что в один день в дверь постучит гвардеец, и наши некогда солнечные деньки обернутся кошмаром.

— Значит, поэтому ты не хочешь длительных отношений, заменяя их девушками на раз?

— Всем нам мужчинам нужно трахаться, чтобы чувствовать себя полноценными, но рано или поздно все задумываются о семье, — Лео стеклянными глазами вглядывался в портрет матери, — пусть я и выгляжу как человек, который доволен своей жизнью, но это не так. Я обречен всю жизнь менять девушек, из раза в раз упуская тех, кто мог быть для меня замечательной женой и столь же прекрасной мамой для моих детей, как моя любимая мама.

Мне становилось больно, когда я глядел на него, но Лео даже не думал пускать в ход слезы — он умело сдерживался. Я никогда не понимал людей, которые годами копят в себе переживания, не выплескивая их наружу, Леонхардт был из числа именно таких. Я знаю, что ему больно, но он не может дать волю своим эмоциям, то ли от боязни показать слабость, то ли из принципа.

— Ашидо, — обратился он ко мне, при этом уставившись в траву, — ты ведь еще ни разу этим не занимался?

— Мне не очень приятно об этом говорить.

— Знаю, потому скажу лишь одно, — он наконец оторвал взгляд от травы и переключился на меня, — девушка пахнет фиалками только тогда, когда ты ее по-настоящему любишь.

Что бы это могло значить? Неужели он хочет сказать, что заниматься сексом с любимым человеком ощущается совсем иначе?

— Хорошо, я запомню твои слова.

Он ухмыльнулся и снова уставился в траву.

— Если вы и правда когда-нибудь сойдетесь с Лией, надеюсь, она будет пахнуть для тебя именно так.

— Сколько там до ночи? — я хотел скорее окончить этот разговор.

Леонхардт неспешно глянул на часы.

— Часов шесть.

— Заглянем кое-куда?

Лео одобрительно кивнул, оторвался от земли и мы двинулись в путь, только на этот раз вел я. Хотелось отогнать подальше все мысли о покинувших нас людях и девушках, тем самым вывести разговор в культурное русло, потому я решил пойти в то место, где нам обоим будет интересно и где мы обо всем этом забудем — музей. Большинство таких располагалось в Академическом районе, где я был лишь однажды в четырех стенах. Этот район выделяется на фоне остальных тем, что внушает атмосферу легкости и серьезности одновременно. Здесь собраны все самые выдающиеся умы и те, кто ими может стать, а помимо гордых носителей всех возможных знаний здесь обитает и простой люд, пришедший провести время с пользой — мы относились как раз к этой прослойке.

После длительной ходьбы по красочным улицам, внимание зацепил музей довоенной техники. Вход в музей был бесплатным для всех желающих, потому народу всегда было много, но нам это не мешало.

— Гляди, — я показывал пальцем на экспонат, — это дисковый телефон, такие использовали лет сто назад, и стояли они на улицах в будках.

— А как по ним звонить? — недоумевал Леонхардт, — зачем нужен этот диск, если на нем и так есть кнопки?

— Это не кнопки, это циферблат, — поправил я. — Чтобы позвонить, нужно вставить палец в отверстие с нужной цифрой, а затем повернуть диск до указателя, пока твой палец в него не упрется.

— Так это же неудобно! — возмутился он. — Куда проще было бы нажать на кнопки.

— Нам все равно не понять, почему их делали именно такими.

Мы пошли дальше, внимание Лео зацепил весьма габаритный аппарат.

— Ашидо, а это что такое?

— Это один из первых ЭВМ.

— Электронно-вычислительная машина второго поколения, — вслух прочитал Леонхардт с таблички.

— Другими словами — второй в мире компьютер.

— А почему он такой большой?

— Первый был еще больше, тогда всю электронику делали на лампах, а этот уже можно было назвать чудом инженерии, потому что в нем стоят не лампы, а диоды и транзисторы.

— Ого, а это что? — он переключил свое внимание на предмет, пускающий небольшие «молнии».

— Это резонансный трансформатор, — в очередной раз я блеснул знаниями.

— Тут написано, что он производит ток высокой частоты и потенциала.

— Так и есть, поэтому и получают «молнии».

— Откуда ты все это знаешь?

— У меня было много времени, чтобы познакомиться с первыми творениями человечества. — с улыбкой ответил я.

Какое-то время мы бродили по музею, Леонхардт с видимым интересом и непониманием рассматривал каждое устройство или прибор, мимо которого мы проходили. Я впервые пришел в этот музей, потому тоже не упускал возможности вживую увидеть то, о чем так много читал в интернете. Хотелось посмотреть все возможное в этом здании, но

подходило время закрытия, потому нас выставили за дверь. Лео уже говорил о том, что больница находится в этом районе, уходить из него куда-то далеко в поисках способов себя занять было совсем неразумно. Мало чего в такое время работает, на ум приходил лишь круглосуточный бар, куда мы в итоге и пошли. Заказав столик на двоих, мы уселись в самом дальнем углу и еще долго обсуждали много интересных вещей, в число которых не входило все предыдущее. Леонхардт был способен разговаривать и на такие серьезные темы, как воспитание детей, я не мог сказать ничего хорошего за неимением опыта, но зато послужил отличным примером плохого воспитания, когда родители спускают тебя на самотек, избегают, а впоследствии хотят убить. Мотив этих людей все еще находится за кадром, я мог бы назвать их психопатами, которых никто не начал вовремя лечить, но больно уж адекватными они были на людях, их сподвигло нечто иное, что-то, о чем я не знаю, или кто-то, о ком я не знаю. Одно ясно наверняка — в наших отношениях уже стояла жирная точка, я бы все равно оказался на улице и никогда бы не вернулся домой, даже если бы они остались в живых.

Леонхардт то ли время поглядывал на часы, пока наконец не заявил: «Пора». Рассчитавшись за ужин мы наконец пошли туда, куда собирались с самого начала. Более восьми часов я провел в компании одного человека и даже не устал от его компании. Мне нравилось общаться с Лео, он был для меня ближе, чем любой другой мужчина, с которым я был знаком. Теперь мы точно могли называться друзьями, куча времени, проведенного вместе, нас объединила, заставила привязаться друг к другу. На улицах города в поздний час нередко отлавливают подобных нам, потому идти приходилось сначала по закоулкам, потом через какие-то деревья. Пару раз мы чуть не столкнулись с гвардейцами, но умело их обошли, скрываясь в тени. Идя по тропинке под плотными верхушками деревьев, можно было наконец выдохнуть — здесь нам нечего опасаться.

— Как долго еще идти? — поинтересовался я.

— Почти на месте, как выйдем под открытое небо, окажемся на заднем дворе больницы.

— Ты изучил план территории?

— Конечно, — похвастался он, — без тщательной подготовки никуда.

Впереди наконец показалось здание, перед которым красовался небольшой сквер для прогулки, огороженный со всех сторон забором. Немного сложно называть такой пустырь сквером, ведь в нем деревья числятся единицами, а всего прочего практически нет, будто при застройке люди планировали лишь развести здесь участок для будущих пристроек, но в итоге передумали что-либо на нем возводить. Приблизившись к забору, Лео прислонил руку к решетке, та стала покрываться льдом, пока не начала издавать странные звуки потрескивания. Всем известный факт — металл становится хрупким под действием экстремально низких температур. Леонхардт приложил некоторую силу и пнул обледеневший забор, который сразу же рассыпался на осколки. Свет уже давно потух, в такое время никого на территории не встретишь, но меня не покидало тревожное чувство, будто я уже был здесь раньше. Несмелыми шагами мы ступили на чужую землю с целью похитить человека, Леонхардту такой поступок видится благим, но у меня другое мнение на этот счет — он пошел на осознанное преступление, а я согласился стать его соучастником.

— Зайдем с черного входа, я захватил отмычки, — скомандовал Леонхардт.

— Ага, вперед, — поддержал я.

В другое время суток нас бы уже заметили, ведь мы шли по пустой местности даже не

стараясь шагать бесшумно. Опытный вор бы со стула рухнул, увидев это. В темноте уже виднелась крепкая металлическая дверь, выходящая на задний двор. Заходим, находим, хватаем, уходим — план предельно прост. Я не знал, насколько хромает его реализация, пока за спиной не послышался хруст какой-то сухой веточки. Сомневаться было не к чему, нас уже обнаружили.

— Прыток кабан в беге, да на поворотах заносит, — послышался до боли знакомый голос сзади.

Стоило услышать этот искривленный мужской басс, мое тело сразу же пронзила дрожь, дыхание сбилось за считанные секунды, я не мог пошевелиться, о развороте в его сторону не могло быть и речи. Буря всех возможных эмоций вспыхнула внутри меня, там был и страх, и ненависть, и боль, и отчаяние. Вся эта каша привела меня в замешательство и ступор, это точно был он.

— Как же нелепо мы попались, — пробурчал Леонхардт. — Может договоримся, док? — сказал он, обернувшись.

— Ммм? — вопросительно промычал мужчина.

— Меня зовут Леонхардт Акина, я пришел сюда за сестрой, какая сумма вас устроит?

Я не понимал, почему Лео пытается с ним разговаривать, я лишь дрожал, все так же стоя к этому человеку спиной.

— Боюсь, не получится, Леонхардт, твоей сестры уже нет в живых. Ты ведь об Амелии говоришь?

— К-как? — голос Лео задрожал.

Я не мог больше стоять и трястись, как какая-то тряпка, я долго ждал этого момента, и пришла пора им воспользоваться. Дрожь прошла, я молниеносно выхватил свою катану и с пронзительным криком кинулся на него — на того, кто отобрал у меня все, того, кто лишил меня будущего — Стивена Колдена. Мои шаги твердо упирались в почву под ногами, он стоял всего в нескольких метрах, ничто меня не остановит! Я был уверен в том, что настигну его, представлял, как мой клинок отсечет ему голову, но, не успев ступить и пары шагов, с грохотом рухнул на землю.

— Ашидо! Что ты творишь? — закричал Леонхардт. — Я не это имел в виду, когда говорил о том, что ты мне поможешь, если все пойдет не по плану!

— Ашидо? — с насмешкой фыркнул доктор. — А ведь это именно он отнял жизнь у твоей сестры.

— Что!?

— Чуть больше месяца назад он сбежал отсюда и...

— Заткнись, ты, лживая псина! — прокричал я.

— Видишь, он меня прекрасно знает, какие еще нужны доказательства?

— Ашидо, он говорит правду? — дрожащим голосом, едва сдерживая слезы, спросил Лео.

— Не слушай его! Этот ублюдок лжет!

— Ашидо и сам не знает об этом, он ведь не разбирает, кого кромсает, — Колден продолжал измываться.

Больше всего пугает тот факт, что он может оказаться прав, ведь я и правда не помню никого из тех, кого убил в тот день. Я думал, что нахожусь в предсмертном сне, просто плескал кровь по стенам, не вглядываясь в изуродованные от страха лица тех, кто оказался у меня на пути.

— Ашидо, это ведь не правда, да? — по лицу Лео катились слезы, — он и правда поверил Стивену. — Скажи мне, что это все ложь!

— Я... не знаю, — ответил я, снизив громкость своего голоса до минимума и уставившись в пол.

— Чего ты ждешь, Лео!?! — прорычал противным голосом Колден. — Убийца твоей сестры и кучи невинных людей прямо перед тобой! ДАВАЙ!

В эту же секунду послышался истошный крик, переполненный болью и яростью. В лежащего на земле меня с бешеной скоростью летел ледяной кол. Я быстро опомнился, испугавшись за свою жизнь, и увернулся от удара, перекатившись на бок, после чего резко подскочил и отпрыгнул в сторону.

— Лео, стой! Опомнись! Я не убивал ее!

— ЗАТКНИСЬ! — в порыве ярости прокричал он.

В руках у Леонхардта появился ледяной меч, который он только что создал. Вид меча внушал страх, я был уверен, что если его грани коснутся моей плоти, тут же ее разорвут. Лео бросился на меня с ударом сверху, я смог парировать удар своей катаной, от чего он немного отшатнулся, но сразу же ответил мне залпом острых сосулков: одну я заблокировал, остальные пролетели по-касательной, разорвав мою одежду и оставив порезы на коже. Лео настроен убить меня, никакой жалости от него ждать не стоит, я могу лишь защищаться!

— Лео, я не хочу навредить тебе! Остановись! — с надеждой кричал я.

— Ты убил ее! ТЫ УБИЛ ЕЕ!

Лео продолжал свой напор, его удары были смертоносными, нацеленными лишь на поражение врага. Блокируя, я каждый раз отшатывался, уворачиваясь, то ли дело получал порез. В этом бою мне не выжить, если буду только защищаться. Отрадив очередной удар, я бросился на пустырь, где могу свободнее передвигаться. Добежав до открытого места, я остановился, после чего обернулся в его сторону: Лео грозно и медленно двигался в мою сторону, слезы без перебоя катились по его гневному и убитому болью лицу. Колдена уже не было в поле зрения, он заставил нас сцепиться, а сам, как и в прошлый, дал деру. Я был всего в шаге от того, чтобы заставить его заплатить за то, что он сделал со мной, если бы я бросился на него чуточку раньше, то сейчас бы не дрался со своим дорогим другом.

— Ты врал мне, Ашидо, — прорычал Леонхардт, — ты скрывал от меня смерть Лии, хотел подружиться, пряча за спиной животное. Я убью тебя!

— Я не врал тебе! Я не знал, что она мертва! — пытался я оправдаться. — Лео, — мой голос дрожал, — мы ведь друзья? А?

— После такого, я больше никогда не смогу назвать тебя другом.

Мы молча стояли порознь, на мое испуганное лицо смотрело в другое, совершенно отличающееся — полное ненависти. Я понимаю Леонхардта, на его месте я бы тоже так себя повел, но я не хочу, чтобы наша связь вот так разорвалась, мне нужно его ранить, а когда он будет не в силах сопротивляться, я расскажу ему все, что произошло в тот день, после чего на собственных плечах дотащу до Юмики, которая его вылечит. Теперь это будет полноценный бой, эмоции не должны мешать мне, иначе я не выживу.

В этот раз в нападение перешел я, сделав выпад в сторону Лео. Он заблокировал мой неумелый удар, но за ним последовал следующий, а затем еще и еще. Выждав момент, Лео перешел в контрнаступление, теперь уже я защищался, уворачиваться приходилось не только от меча, но и от периодически вылетающих из его рук сосулков, а также колев внушительного размера. Леонхардт был действительно сильным противником, не за счет

своих навыков в обращении мечом, а благодаря своей изначально сильной способности. Такого человека лучше иметь на своей стороне, чем во врагах, столкнувшись с ним однажды, ты можешь и не вернуться домой. В пылу дуэли появился шанс на атаку, я замахнулся и отправил свой меч навстречу Лео, но тот сделал тоже самое, от сильнейшего удара мечей друг о друга мы отшатнулись, нужно было продолжать атаку, но в этот раз я нанесу колющий удар. Леонхардт тоже замахнулся, но удар был сверху, и направлен он был точно в середину головы, мне нужно уйти вправо, чтобы увернуться, мечом уже не выйдет заблокировать. Стараясь уйти от удара, я позабыл о собственной атаке — лезвие моей катаны было направлено точно в сердце, я не могу вот так убить своего друга! Распределив внимание на два фронта, я попытался быстро расщепить меч, начиная от лезвия. Какие-то считанные секунды, и его меч глубоко вошел мне в плечо, перерубив ключицу и ребра, разрезав мою плоть до самых легких, если бы этот удар был сильнее, он бы достал до сердца. Мой меч вонзился Лео в грудь, но из-за того, что я его укоротил и снизил силу удара, он лишь сломал ему пару ребер, не дойдя до сердца. По моему телу пронеслась дикая боль, я чувствовал, как левую половину моего тела тянет в сторону, как надрываются мои мышцы, стараясь ее удержать. Я больше не мог сражаться, силы покинули меня, я рухнул на колени, а следом за мной рухнул и Леонхардт. Мы сидели на земле, не выпуская из рук свои мечи, отдышка не давала покоя, в особенности у меня, я буквально задыхался, стараясь дышать хотя бы одним легким. Лео изменился в лице, в нем читалась вина за содеянное, только после того, как он нанес мне смертельный удар, наступило раскаяние.

— Ашидо, — всхлипнул он, — зачем ты укоротил меч? Ты бы убил меня, если бы этого не сделал.

— Я... не могу... убить... друга.

— Почему? Я ведь своими собственными руками чуть тебя не убил!

— Лео! Лео! — послышался приближающийся женский крик.

По лицу своего друга я все понял, он только что наколот дров, а теперь осознал, что натворил.

— Какой же я идиот.

Со спины Лео к нам приближалась взволнованная девушка, она была одета в яркое белое кимоно сверху и яркую красную юбку снизу. Сокращая расстояние, она будто бы подожгла свои руки, в глазах читался агрессивный настрой.

— Амелия, стой! — прокричал Леонхардт, вытянув руку в ее сторону.

Она сбавила скорость, потушила огонь и тихо подошла к нам. Вот так семейка — пламенные ручки и сосульки. Оказавшись в непосредственной близости, она взялась с ужасом нас рассматривать. Эта девушка и впрямь была такой красивой, как о ней говорил Лео.

— Не трогай его, — приказал он, — я сам во всем виноват.

— Что здесь случилось? — испуганно спросила девушка.

— Я поверил в бредни этого чертового доктора и чуть не убил своего дорогого друга, — раскаивался Леонхардт. — Ашидо, ты ведь сможешь залечиться?

— Я... попробую, — прохрипел я.

Сестра Лео осторожно присела рядом с ним, положив руки ему на спину.

— Ты в порядке?

— Да, все хорошо, не волнуйся, лучше побеспокойся об Ашидо, он, в отличие от меня, не пытался убить друга.

— Нам... срочно нужно... домой, — пытался я говорить.

— Мы отнесем тебя, не разговаривай, если слишком больно, — подбадривал Лео.

С помощью Лии он осторожно вынул меч из того мяса, в которое превратилось мое тело, когда я был наконец свободен от инородного предмета, можно было залечиться.

— Ну, вставай, — Амелия попыталась поднять брата на ноги.

— Стой! Мне больно! — отдернул он.

Во время боя, переполняясь эмоциями, Лео не чувствовал порезы, которые я оставил у него на ногах, но сейчас, когда он успокоился, вставать было уже сложно. Лия снова наклонилась и принялась поглаживать его по голове. Я попробовал сконцентрироваться на ранении, оттуда пошел привычный мне дым, а это значит, что скоро я приду в себя.

— Лия, возьми мой пейджер и напиши Юмико, нам нужна ее помощь.

Она взяла в руки устройство и поднялась из положения сидя, после чего принялась нажимать на кнопки. В ночной тишине, где были слышны лишь отзвуки пейджера, резко послышался громкий удар. Я не сразу понял, что произошло, но увидев то, как Амелия отскакивает от земли, удаляясь от нас, по спине пронесся холод. За спиной у Лео стоял тот самый ублюдок, который вырезал всю семью Ишимару — Хандзо. Он демонстративно оттряхивал руки, будто замарал их о какую-то гадость, Амелия бездыханно валялась в стороне. От такого удара она мгновенно потеряла сознание. Хандзо с ухмылкой посмотрел в мою сторону.

— Кого я вижу! Да это же Ашидо! А еще какой-то придурковатый пацан! — он схватил Лео одной рукой за голову, а другой за челюсть. — Как тебя зовут, малыш?

— Хандзо... не трошь его!

Он снова повернулся на меня, отпустил Лео и уселся рядом со мной на корточки.

— Ммм? Почему это? Он что, твой друг? — этот ублюдок снова надо мной насмеялся.

— Так это ты убил дядю Хорнет, — сказал Леонхардт.

— Ага, — обернулся Хандзо, — там еще парочку людей зацепило, если что. Жаль только дочурку этого паразита не грохнул! Она удачно в этот день загуляла.

— Ты за все ответишь. И за Амелию тоже! — угрожал Лео.

— Ммм? Я должен был испугаться?

Лео оскалил зубы, глядя на то, с каким мерзавцем он разговаривает. Хандзо поднялся на ноги и тихим шагом зашел Лео за спину, в этот момент Амелия закашляла и открыла глаза.

— Ух ты, как много зрителей! — посмеялся Хандзо.

— Оставь нас! — я уже достаточно залечился, чтобы говорить. — Что еще тебе нужно?

— Оу, мой дорогой Ашидо, мне нужен только ты.

Он схватил Лео за волосы, в его руках ярко-синим цветом засветилась основа меча, секундой позже он уже держал катану, которую подставил к горлу Леонхардта.

— Мне нужно, чтобы ты страдал. Доктор постарался неплохо, но оставил мне еще кучу грязной работы.

— Я убью и тебя, и Колдена! — закричал я.

— О, именно это мне и нужно, — его лицо расплылось в злорадственной улыбке. — Скажи своему другу «сайонара».

Он дернул рукой вверх, одно маленькое движение, и по шее Лео потекла кровь. Глаза моего любимого друга начали закатываться, его руки безжизненно болтались на весу. Хандзо только что отнял жизнь у дорогого мне человека, так просто отобрал ее прямо у меня на глазах. Мое дыхание задрожало, с каждой секундой лицо приобретало все больший

убитый горем вид.

— ЛЕО! — издали надрывалась Амелия.

Я не мог сказать ни слова, мое тело дрожало, сердце разрывало от утраты, я был парализован теми чувствами, которые нахлынули от увиденного.

— Упс, — назло посмеялся Хандзо.

Его животное поведение отрезвило меня.

— Ублюдок, я выпотрошу тебя!

— Валяй, с нетерпением буду ждать нашей следующей встречи.

Он бросил бездыханное тело Леонхардта на землю, развернулся и пошел в темноту, издевательски помахиывая рукой на прощание.

— Я убью тебя! Не оставлю ничего живого! Искромсаю каждый сантиметр твоего тела! Я буду рвать твою плоть голыми руками! В клочья изорву все твои внутренние органы и скормлю собакам!

Он, лишь посмеиваясь, продолжал уходить в темноту.

— Я ненавижу тебя, тварь! Я приду и убью тебя, слышишь!?! Я стану сильнее, а затем выпотрошу тебя! Урод!

Мои голосовые связки работали на своем пределе, но я уже давно кричал в пустоту, Хандзо не слышал меня. Ручей слез катился по моему лицу, эмоции переполняли сердце, нестерпимая боль не давала покоя. Не в состоянии ходить, я подполз к телу Лео и еще долго рыдал. Амелия смогла подняться на ноги и уселась рядом с ним, приобняв. Мы оба прекрасно понимали боль друг друга, ее длинная каштановая коса валялась в грязи. Только сейчас я мог хорошо ее разглядеть: у этой девушки были прекрасные веснушки под глазами, и они без остановки мокли в слезах. С первыми лучами рассвета мы наконец успокоились. Амелия передала мне в руки пейджер, нервно тыкая по кнопкам, я нашел в контактах Юмико, после чего оставил ей сообщение: «Лео мертв, мы с его сестрой похороним его, простите». Нам нужно было как-то перенести тело Леонхардта.

— Лия, ты можешь идти? — спросил я тихим голосом.

— Да, все в порядке, я не ранена.

Пусть она и говорила так, но ссадины, надрывы кожи и порезы ее выдавали. Она несколько метров прокатилась по земле, возможно даже сломала ребра. Но раз уж она могла ровно стоять, то ноги и позвоночник не были повреждены, повезло.

— За той большой дверью есть носилки, — Амелия показала в сторону здания. — Ты можешь их принести?

— Да, конечно.

Я уже залечил свою рану и мог выполнить ее поручение. Встав с земли, я двинулся в сторону двери, на которой висел большой замок. Своей катаной я перерубил преграду и распахнул двери, носилки были аккуратно уложены прямо на входе, потому искать их не пришлось. Схватив верхние, я понес их к Лии.

— Вот, — я положил носилки на землю. — Куда мы его потащим?

— Туда, где мы любили играть в детстве — к дереву на склоне горы, там его и похороним.

— Рядом с мамой?

— Ч-что? — ошеломилась она.

— Ты, наверное, еще не знаешь...

— Мама тоже умерла, да? — она отвела взгляд в сторону.

— Соболезную.

— Ашидо, да? — эта девушка ведь первый раз меня видит.

— Все верно — Ашидо.

— Ашидо, нам нужно идти, пока не рассвело.

— Да, идем, Лия, — подтвердил я.

Схватив тело Леонхардта за руки и ноги, мы положили его на носилки, взялись за ручки и потащили. Эта лаборатория, которую Лео называл больницей, находилась на границе Академического района — дальше только гора. В сопровождении утренних алых лучей солнца мы несли тело дорогого друга и любимого брата вверх по склону, пока наконец не дошли до того самого дерева. За всю дорогу никто из нас не выдавил ни слова, Амелия шла впереди, и мне не приходилось даже спрашивать у нее дорогу. Увидев высеченный на камне портрет матери, Лия уселась рядом и, по всей видимости, простилась с мамой, чью смерть она не застала. Пока девушка копалась в своих чувствах и лила слезы, я копал яму лопатой, которую на скорую руку создал из своей энергии: ее форма была простой, грани не требовали заточки, баланс инструменту был ни к чему. Хоронить Лео пришлось без гроба, Амелия не была против такого решения. Как только я выкопал яму, мы аккуратно погрузили Леонхардта вглубь. Предстояло сказать много вещей, дабы отправить его в последний путь. Мы с Лией стояли рядом, прямо перед ним.

— Мой дорогой брат, — так начала Амелия свое прощание с ним, — я всегда любила тебя, с самого детства мы были неразлучны, я ни секунды не жалею о времени, которое с тобой разделила. Я любила ухаживать за тобой, всегда интересовалась твоей жизнью, твоими успехами, неудачами. Ни один факт из твоей биографии не прошел мимо меня. Мой любимый младший братик, ты навсегда останешься в моей памяти, как самый лучший, самый любимый из всех мужчин на всем свете. Прости меня за все, что я сделала, и за все, чего не смогла сделать. Прощай, пусть земля будет тебе пухом, а мама встретит тебя на небесах.

Договорив, она уткнулась мне в грудь и начала истошно лить слезы. Я плакал, даже не успев начать свою речь, а мне было, что сказать. Я дал Амелии знак, она немного отошла в сторону, сложив руки на сердце. На Лео было очень тяжело смотреть, его бездыханное тело лежало в земле, кожа уже побледнела, но из уважения к близкому к сердцу человеку я не мог отвести взгляд.

— Мой дорогой друг, — начал я, — пусть мы не так давно с тобой знакомы, ты уже успел стать мне родным. Ты был из числа тех людей, кто принял меня, из тех, кто не закидал камнями при первой встрече. Глядя на тебя, я вспоминал Ральфа — своего первого друга, которого любил так же сильно, как и тебя. Время, которое мы провели вместе, навсегда останется в моей памяти, я буду помнить о тебе до самой смерти, буду беречь твою любимую сестру и, обещаю, я отомщу Хандзо за всех: за семью Хорнет, за тебя, за все те невинные жизни, которые он забрал. Прости меня за то, что я не смог тебя уберечь. Пусть земля тебе будет пухом, а небо — домом. Прощай, Леонхардт.

Прощай, друг.

Глава 10: Почва для роста

Потеря Леонхардта обернулась тяжелой трагедией для каждого, но тяжелее всех переносить такое горе выпало на мою долю. Круглые сутки я проводил в кровати, думая обо всем, что было, а также о том, что вскоре будет. Я пообещал Лео расправиться с Хандзо, но сейчас понимаю, как же на самом деле слаб: не смог найти в себе сил, чтобы встать, не говоря уже о том, чтобы дать отпор. Меня снова избили, как ребенка, сначала друг, а за ним и враг. Я не был противником для Хандзо, мои вялые, слабые и неточные удары не могли нанести ему никакого вреда, если бы этот человек всерьез пытался убить меня, я бы уже был мертв.

В комнате висел многодневный душняк, сухость в воздухе пропитывала мою душу ощущением опустошенности, в этой тесной комнатке пустоты больше, чем в каждом моем сне. Раньше я слышал крики девушек друг на друга по разным причинам, но в последние дни стояла только гробовая тишина. По возвращении домой я ожидал тех громовых расспросов в стиле Хорнет, но она лишь молча смотрела в мою сторону, не отрывая своего необъяснимого взгляда. Юмико смотрела на меня с той же бурей скрытых эмоций, ничего не говоря. Встретившись с ними взглядом единожды, я более ни с кем не пересекался. Амелия вернулась домой вместе со мной, сомневаюсь, что ей было куда идти, потому теперь сестра моего дорогого друга будет жить с нами, так безопаснее для нее. Не знаю, где она сейчас, возможно уже устроилась в комнате брата и лежит на его кровати, не в силах выйти обратно в цивилизацию, точно так же, как я.

Такую мертвую тишину никто не решался развеять, кроме кошки, которая настырно шкрябала мою дверь, не желая успокаиваться. Мое терпение вскоре лопнуло, тело с колоссальной тяжестью оторвалось от кровати, с подкашивающимися ногами я побрел по скрипящему полу, дернул ручку двери, за которой показалась одичавшая от скуки Сильвия. Посидев несколько секунд, она поднялась и бросилась к моим ногам, эту кошку настолько обделили вниманием на несколько дней, что она от безысходности пришла ко мне, впервые за несколько дней я улыбнулся. Поговаривают, что кошки способны чувствовать людей и определять их состояние: порой домашний питомец идет знакомиться с пришедшими в дом гостями, дает себя потискать и довольно мурлыкает, но бывают и случаи, когда кошка бросается на гостя. Интернет объясняет такое поведение тем, что кошка прекрасно знает в каком настроении человек, насколько он добр душой и какой груз его отягощает. Сильвия пришла меня подбодрить, мы вместе улеглись на кровать, и я принялся вдоль и поперек чесать это милое создание. Люди сопереживают друг другу совсем иначе: подбадривая человека, ты аккуратно вторгаешься в его личное пространство, пока он незащищен, гладишь по голове, держишь за руку, расспрашиваешь обо всем. У кошек совсем другой подход, пусть они просто нагло требуют ласки, расчесывая их шерсть, ты получаешь равноценную отдачу.

Сильвия немного меня отрезвила, сейчас я понимаю, что пока я лежал в кровати несколько дней без еды и сна, многое прошло мимо внимания, я будто выпал из реальности, убиваясь по Леонхардту. В такой ясный и жаркий день я наконец открыл окно в своей комнате и вышел в коридор, оставив дверь открытой, дабы весь этот накопленный негатив выветрился прочь. В доме и вправду было глухо, я сразу пошел в гостиную, обычно если ребята разговаривают между собой, они сидят именно там. Стоило мне отворить дверь в эту комнату, я столкнулся взглядом со всеми сразу — каждая из девушек была здесь: Хорнет,

Юмико и Амелия сидели за столом и пили чай, а Итачи, как обычно, корячилась у окна, пытаясь полить цветы, но, услышав звук открывающейся двери, она переключила внимание. Все глядели на меня с умиротворением — они были рады наконец меня увидеть. Я молча зашел в комнату, отобрал у Итачи маленькую лейку и полил цветы за нее, после чего уселся на свободное местечко рядом с Хорнет, откинувшись на спинку дивана.

— Как ты, Ашидо? — поинтересовалась Юмико.

— Дайте попить, сушняк мучает, — все, что я смог из себя выдавить.

— Конечно, держи, — Амелия протянула мне свой чай.

— Постой, зачем ты отдаешь мне свой чай?

— Новый долго заваривать, попей из моей чашки.

Я вкусил изысканный вкус зеленого чая с мятой, только вот он был холодным.

— Почему чай холодный? — возмутился я, хотя такой чай куда лучше утолял жажду, чем горячий.

— Мы разговорились и забыли про чай, — ухмыльнулась Хорнет.

— Ашидо, — заговорила Юмико, — Лия нам все рассказала, мы не хотели доносить тебя расспросами, но несколько вещей еще нужно узнать, все хорошо?

— Да, наверное, спрашивайте.

Амелия как-то нервно терла руки, сидя за столом.

— Ашидо, — обратилась она ко мне, — перед смертью Лео сказал, что ты ни в чем не виноват. Скажи, почему же тогда вы дрались?

— Я лишь защищался, Лия, — ответил я с поникшим видом. — Поняв, что могу умереть, я дал отпор Лео, если бы не остановился вовремя, его кровь была бы на моих руках.

— Кто этот тип, который убил Лео? — поинтересовалась Хорнет. — Из описания Амелии не получается сложить картину.

— Вы уже знаете, кто это.

— Неужели это он? — Хорнет напряглась.

— Именно, убийца Леонхардта — Хандзо.

— Я знала! Это был он! — Юмико ударила по столу и, встав, громко крикнула.

— Сядь, Юмико, — грозно приказал я.

Она повернулась в мою сторону, после чего подчинительно уселась обратно на диван.

— Хандзо не один замешан в его смерти, — утверждал я.

— Что ты хочешь этим сказать? — замешалась Хорнет.

— Он не мог прийти туда, не зная, что мы там. Кто-то сливает ему информацию, и я даже знаю кто.

Девушки смотрели на меня с непониманием.

— Стивен Колден.

— погоди, — прервала Амелия, — ты хочешь сказать, что доктор, о котором говорил Лео — это Колден?

— Ты его знаешь?

— Ашидо, перед тем, как я расскажу о себе, не мог бы ты кое-что сделать?

— Что ты хочешь?

— Покажи дым, — приказала Хорнет, будто знала, чего хочет Амелия.

Я посмотрел на Лию, она лишь пилила меня взглядом, ожидая того, о чем попросила Хорнет. Я вытянул руку, после чего пустил по ней привычный пепельно-красный дым.

— Понятно, — кивнула Амелия, — значит я обязана тебе жизнью.

— Зачем ты так говоришь? Твой брат умер по моей вине.

— Я не шучу, — нахмурилась она, — ты слишком много на себя берешь. Если бы вина лежала только на тебе, ты уже был бы мертв.

— Ты правда считаешь, что я не виноват?

— Послушай, что я хочу тебе сказать, а затем делай выводы.

— Хорошо, слушаю.

— Девочки уже слышали мою историю, но мне есть что добавить. Ашидо, это ведь ты в прошлом месяце сбежал из лаборатории?

— Да, я погубил много жизней в тот день.

— И не зря, — бесчувственно отрезала Амелия.

— Почему?

— Ты уже знаешь, что я ренегат, а значит знаешь и о нашей общей участи. Мы оба неслучайно оказались в этом проклятом месте.

— Ты тоже там была? — озадачился я.

— Да. Благодаря тебе я смогла сбежать.

— Как ты туда попала, Лия? Лео говорил, что у тебя проблемы с пищеварением — высокий риск обезвоживания.

— Это лишь прикрытие, меня загребли силой. Ты уже видел мою способность, со стороны она выглядит как что-то необъяснимое, но все куда проще, чем кажется. С раннего детства я, являясь ренегатом, умела поджигать свое тело. В моем организме вместо потовых желез расположены иные — способные выделять ацетилен.

— Легкий газ с высокой температурой горения, — подметила Хорнет.

— Именно, — подтвердила Амелия. — Сколько бы я ни ела, никогда не толстела — все потому, что питательные вещества уходят на производство ацетилена, когда это требуется. Если слишком налегать на такую способность, это может привести к обезвоживанию. Люди в лаборатории вывернули все так, будто я чем-то больна и мне нужно лечение, но на деле те просто заперли меня и морили голодом, лишь бы оставить парочку записей в блокноте.

— А как тебя поймали? — поинтересовался я.

— Взяли силой. Я работала файерщиком в цирке, радовала публику своими неповторимыми трюками с огнем. В один день после работы меня остановили вооруженные люди. Ослу понятно, что я сопротивлялась, но достигла лимитов, тогда меня и забрали. Не помню, как долго я там находилась, но в один день по всему зданию послышались крики и грохот. Выглядывая через стекло, я увидела тебя, сожженного яростью. Твой дым не был таким спокойным, как тот, который ты мне показал. Тогда он в огромных количествах непрерывным потоком струился из твоего тела, нельзя было даже лица разглядеть. Ты ломал все, что попадалось под руку, один из обломков прилетел в стекло моей камеры. Я уже пробовала ломать его своими стальными наручниками, но никак не выходило, но то, что прилетело в тот день с огромной силой в стекло, заставило его треснуть. Как только ты вышел из поля зрения, я добила его и бросилась бежать.

— Вот значит почему ты говоришь, что обязана мне жизнью.

— Это так, — подтвердила Амелия. — Убегая, я зашла в столовую, где сожрала все, что попало под руку, после чего расплавил наручники и бросилась прочь. В тот день я поклялась вернуться и убить каждого, включая Стивена Колдена.

— Я не вижу ожогов, расплавленный металл не навредил тебе?

— У моей кожи запредельная теплостойкость.

— Понятно, — ответил я. — Думаешь, они специально вылавливают таких, как мы?

— Ашидо, взгляни правде в глаза, они издеваются над нами, проверяют на прочность.

Что с тобой делали в этой лаборатории?

— Ничего серьезного, в основном уколы...

— А ты спрашивал, что в шприце?

— Нет, — опешил я.

— Уверена, тебе кололи яды. Твое тело терпело до поры до времени, в конечном итоге ты закончил именно так, как было в тот день.

— Знаешь, а ведь ты права, — я опустил голову и задумался, — я слепо верил каждому слову доктора, но в тот день он, прямо на глазах у моих родителей, вколол мне яд, а самое ужасное, что родители сами подписали согласие.

— Мы оба выжили в таком ужасном месте, Ашидо, но там есть и те, кто все еще сводят концы с концами, теряют надежду. Мы нужны им!

— Ты права. Но если Стивен и Хандзо работают вместе, нам к нему не подобраться, пока мы не избавимся Хандзо.

— Верно.

Мы замолчали, не зная, что говорить дальше. Хорнет, Юмико и Итачи тоже молчали, боясь вставить лишнее слово, что на них совсем не похоже. За таким разговором мне снова захотелось уединиться.

— Девочки, простите, — промолвил я, — мне все еще нужно немного покоя, чтобы прийти в себя, я, пожалуй, пойду.

— Ашидо, — обратилась ко мне Хорнет, — если тебе нужно с кем-то поговорить — не молчи. Мы тебе поможем.

— Спасибо, не надо, — отказался я, уже направляясь к выходу.

Закрыв за собой дверь и взглядом попрощавшись с девушками, я встретился с Сильвией, которая довольно брела по коридору. Дверь комнаты снова приоткрылась, из нее выглянула Юмико.

— Ашидо, — обратилась она ко мне, — я понимаю, что это нагло с моей стороны, но не могли бы мы поговорить наедине?

Я молча глядел на нее, пока не дал знак согласия, она молча вышла и закрыла за собой, взяла меня за руку и повела к себе в комнату на первом этаже — я еще ни разу там не был. Войдя в комнату, я увидел ухоженное и приличное помещение — Юмико всегда следила за чистотой в доме, в отличие от меня. Мы уселись на диван.

— О чем ты хотела поговорить?

— Ашидо, — шепотом говорила она, прямо как в день нашего знакомства, — мы должны убить Хандзо.

— Юми, — поник я, — мы не сможем.

— Почему?

— Он слишком силен, в его руках я — всего лишь игрушка. Если захочет, он убьет нас всех, а если нет — изобьет до полусмерти и будет насмехаться. Я слишком слаб, чтобы дать ему отпор, остается лишь скрываться и надеяться, что нас не найдут.

— Он все равно рано или поздно нас найдет. Мы должны попытаться!

— Юмико! Как ты не понимаешь? Он на голову выше нас!

Мои глаза вновь слезились от осознания собственной слабости.

— Встань, — приказала Юмико.

Я молча встал, мы стояли друг напротив друга, она глядя в меня, а потом крепко обняла, уткнувшись мне в плечо.

— Ашидо, я все понимаю, ты думаешь, что ты слабый, что ты ничего не стоишь и не сможешь сдержать обещание, данное семье Ишимару и Леонхардту, но слезами горю не поможешь. Убегая от проблемы, ты ничего не решишь — нужно встретиться с ней лицом к лицу. Я верю в тебя, Ашидо, и хочу тебе помочь. Мы вместе станем сильнее и убьем Хандзо, иначе никому из нас не выжить. Хорнет и Амения не понимают его беспредельного потенциала, пусть они и думают, что в силах расправиться с таким противником, они не смогут ничего ему сделать, но мы — можем. Мы — шепоты, наша сила — наше оружие, без стремления и без стараний ее не развить. Хандзо тоже когда-то был слабаком.

— Юмико, ты думаешь, мы сможем?

— Да, я уверена, — без колебаний ответила она, — нам нужно тренироваться, тогда мы станем сильнее и сможем убить его.

— Зачем ты хочешь помочь мне? Я не хочу, чтобы он тебе навредил, никому из вас.

— Ашидо, — угрюмо посмотрела на меня Юмико, — он посягнул на жизни моих друзей и на мою жизнь. Хандзо — наш враг, который не дает никому спокойно жить, мне неизвестны его мотивы, но он уже сделал достаточно, чтобы заслужить смерти. Пока ты страдал в своей комнате, мы копали информацию.

— Что удалось накопать?

— Доктор Стивен Колден и Хандзо — далеко не единственные наши враги. Если мы хотим жить спокойной жизнью, придется бросить вызов королю.

— Что ты имеешь в виду, при чем здесь король?

— Благодаря Амелии и тебе, мы знаем, что исследовательские лаборатории отлавливают шепотов и ренегатов для короля, именно поэтому они остаются безнаказанными — потому что поставляют в гвардию новых бойцов. Сначала вас проверяют на прочность, ведут статистику, если жертва доживает до конца процедур, ее отправляют в Парадный район, откуда уже нет выхода.

— Хочешь сказать, если бы мы с Лией тогда не сбежали, то могли быть порознь с вами?

— Да, вы были бы нашими врагами не по своей воле.

— Это же бесчеловечно! Какое право эти люди имеют принуждать нас служить королю в гвардии?

— Мы живем в бесчеловечном мире, Ашидо, если не мы — никто не разорвет петлю: люди будут в обороте, как рабы, а их хозяева так и останутся безнаказанными. И начнем мы с Ханздо — оставим весточку Колдену, а потом доберемся и до него самого, оставив весточку королю Гармонии, а когда станем сильнейшими — бросим вызов ему самому.

— Юмико, это очень крупные планы, как нам вдвоем такое осуществить? Это же невозможно!

— Никто не говорил, что мы будем вдвоем. Нам нужен большой орден, чтобы отстоять нашу свободу. В городе уже есть такие, они работают в тени, мы тоже так будем. Если объединиться с ними, наша мощь возрастет, и мы сможем перестроить Гармонию! Но пока, нужно лишь сделать первый шаг — убить Хандзо, справишься?

Мне было сложно поверить во все то, что говорит Юмико, но ее речь задела меня за живое. Я хочу, чтобы однажды все мы жили свободно, не опасаясь ничего: без слез, боли и печали. Если же от меня требуется лишь убить Хандзо — я убью его, вместе с Юмико. Мы оба станем сильнее, чтобы свершить обещанное, только тогда на душе станет хоть каплю

спокойнее.

— Да, — уверено и без колебаний заявил я.

***

Так и начались наши с Юмико совместные тренировки. Я об этом не знал, но она уже заранее купила тренировочные мечи из ясеня. Одна из комнат в нашем доме совсем пустовала, а по размеру была куда больше жилых, потому мы организовали в ней додзе, где проходили наши тренировочные поединки на мечах. Начиналось все с испытаний на реакцию, когда один наносил удары, а второй старался заблокировать, позже такая тренировка переросла в практику контратаки. Поначалу получалось плохо, но дни нагрузок взяли свое — мы отточили все возможные навыки в бою на мечах, а также научились отражать некоторые летящие снаряды благодаря Хорнет, которая одолжила нам пистолет и набор резиновых пуль к нему. Отражать пули оказалось не так просто: поначалу мы просто впитывали весь урон по себе, лишь дергая руками ради вида, пока мне в голову не пришла гениальная идея — использовать для этого свою собственную энергию. Суть заключалась в том, чтобы создать что-то вроде «невидимого поля», которое фиксирует контакт с инородным телом и создает «толчок» в его сторону. Таким образом руки и меч сами под действием собственной энергии бездны двигаются в сторону пули, тем самым отражая ее. Я быстро справился и овладел таким умением в короткие сроки, а вот Юмико пришлось долго учиться, чтобы набить руку.

Когда мы были готовы к бою не на деревянных мечах, вскрылась одна непредвиденная и весьма неприятная деталь — сколько бы вещей не создавала Юмико, начиная от расчески и заканчивая сковородкой, она никогда не пробовала создать меч, потому пришлось заново проходить по всем основам, которые я вывел, исходя из собственного опыта. Длина, ширина, перепады, фактура, баланс, толщина, острота: все это предстояло осилить девушке, с чем она прекрасно справилась. Так Юмико и научилась создавать аналогичную мне катану, она даже дала ей имя «Нит», что символизировало ее протест и критический подход к действительности. Я не понимал, зачем давать оружию имя, пока не узнал, что в древности именно меч был лицом война, создающим ему имидж. А ведь и вправду ни с чем не спутаешь «Экскалибур» или «Мурамасу», потому я тоже проникся этой идеей и дал своей катане имя «Нами», в которое был заложен такой смысл: «Неопределенность приводит к дисбалансу, а уверенность — к успеху». «Нами» и «Нит» стали для нас путеводными звездами, которые отражают наши заветные желания, а если эти имена врежутся нам в голову, не останется иного выхода, как добиться своего и оправдать данное мечу имя.

Помимо обычных тренировок во владении мечом, мы также проходили через изнурительные физические тренировки, нагружали мышцы весом собственного тела, тягали тяжести, развивали руки, делая взмахи мечом. Поначалу руки и ноги отсыхали, вестибулярный аппарат работал на пределе, но уже через две недели таких тренировок у меня появилась выраженная мускулатура, мы оба определились со стойками, контроль внутренней энергии был на столь высоком уровне, что можно было ходить по воде, наверное, к тому же ее объем немного возрос, об этом сигнализировало то, что мы с Юмико начали чувствовать присутствие друг друга с расстояния в пять метров, потому я уже мог узнать ее за закрытой дверью, а наше владение мечом было на уровне, ничем не уступающем нашему врагу. В моем сердце наконец зародилась уверенность, что я способен на многое, что я стою куда больше, чем думаю, а все это благодаря Юмико — именно она подтолкнула меня на такой внушительный шаг. Хорнет и Амелия тоже времени не теряли — пусть они и

не стремились к силе, делали все возможное, чтобы мы не отвлекались на всякие мелочи, а параллельно с этим копали информацию о верхушке Гармонии. Итачи наконец ужилась с тем, что осталось от ее рук, даже получила доступ на кухню, но помощь бедной кошечке еще никто не исключал. Скорбь по Леонхардту утихла, но не ушла — все мы были объединены одной не очень благой целью, каждый желал отомстить, и никто не собирался прощать Хандзо все обиды. Кто знает, скольких еще он убил за эти две недели, но одно я знаю точно — скоро все закончится, либо для него, либо для меня.

В день очередной тренировки в голову пришла идея прогуляться, побаловать себя чем-нибудь вкусным, да и просто расслабиться. Так в один вечерний день мы с Юмико пошли в спокойное и приятное место, которое называется парком. Прогулки вдвоем с ней были для меня чем-то новым, раньше я лишь шел бок о бок с девушкой, устремленный в какое-то определенное место, но сейчас мы просто беззаботно гуляем по парку, наслаждаясь погодой и закатным заревом в приятной дружественной компании. За эти дни я заметил, что отношение Юмико ко мне переменялось: она стала говорить «доброе утро», видя меня после пробуждения, я слышал все больше комплиментов, а может дело во мне? Я вырос и телом, и характером, пусть и совсем немного, наверное, тем самым заслужив иного отношения к себе.

Во время прогулки мы транжирили деньги на всякие мелочи, которые приносили нам обоим радость. Когда наконец устали, решили занять лавочку с красивым видом на город, обычно на ней кто-то сидел, но на этот раз она оказалась свободной. Дойдя до лавочки, мы неспешно растеклись по ней в удовлетворении от времени, проведенном вместе.

— Как же тут все-таки красиво, — залепетала Юмико.

— Да, — с улыбкой подтвердил я, — закат так и радуется глаз.

— Без тебя бы не было так красиво, Ашидо.

— Что ты имеешь в виду? — опешил я.

— Если бы я гуляла совсем одна, не подумала бы даже смотреть в сторону заката, а в компании с тобой, он дополняет всю картину.

— Вот оно как, хочешь сказать, что тебе приятно смотреть на закат рядом со мной?

— Как ты догадался? — она повернулась в мою сторону и расплылась в саркастической улыбке.

— Знаешь, мне тоже приятно в твоей компании.

— Знаю, прекрасно знаю, — утверждала она, — иначе не улыбался бы.

— Все-то ты знаешь.

Мы уткнулись в невероятной красоты вид города, оба наслаждаясь моментом беззаботности.

— Поверить не могу, что мы стали такими сильными, — светилась она. — Взгляни на нас месяц назад и сейчас — небо и земля. Ты сильно вырос за эти дни — из беспорядочной плаксы в уверенного в себе парня, а я наконец поборола свою всепоглощающую лень.

— Не сильно уж я и вырос, все еще хочется иногда полить слезы, но что-то во мне точно изменилось, не могу сказать, что.

— Зато я могу, — похвасталась она, — ты стал решительнее, Ашидо, в тебе появились зачатки ведущего, а не ведомого.

— Ты правда так думаешь?

— Ты сильнее, чем сам думаешь, в тебе сокрыт огромный потенциал, который однажды пробудится, а если сам не проснется — я его разбужу, — озарилась от собственных слов Юмико.

Я чувствовал, что мы с Юмико сближаемся, наши взаимоотношения становятся все теплее, мне открываются такие стороны этой девушки, о которых я и не знал. В какой-то момент Хорнет мне говорила, что Юмико ко мне неровно дышит, хоть я и не поверил поначалу, но та ревность все говорила за нее. Способен ли я полюбить эту девушку? Принять ее дурной и властный характер с проблесками женской слабости, краше которой ничего быть не может?

— Хей, о чем ты задумался? — развеяла мои мысли она.

— Да так, о своем.

— Небось в кровать меня уже затащил у себя в голове? — ну вот опять.

— Я не поведусь на такие слабые попытки смутить меня.

— Точно вырос, — ухмыльнулась она.

— Запиши себе в блокнот, для меня в девушке в первую очередь важна любовь и верность, а остальное уже идет как бонус, либо побочный эффект.

— Знаю и без блокнота, Ашидо, — отрезала она, — я придерживаюсь той же позиции.

— А какие парни тебя нравятся, Юми?

— Хорошие, — ответила она, не секунды не раздумывая.

— Понятно, — улыбнулся я, — а как ты бы меня оценила?

— Как хорошего парня, — улыбнулась она. — А что бы ты мог сказать обо мне?

— Ты приятная девушка, но порой немного буйная. Если же удастся усмирить, твой партнер будет тобой доволен.

— Мне всегда нравилась твоя честность, но знаешь, ради хорошего партнера, я и сама могу себя усмирить.

— Неужели? — сомнительно промычал я.

— Не вру.

— Верю, верю.

— Ашидо, можешь мне помочь отпрактиковаться кое с чем?

— И с чем же? — озадачено посмотрел на нее я.

— Ну, я ни разу не пробовала, сейчас покажу, а ты скажи, правильно ли я все делаю.

— Хорошо, валяй.

Юмико пододвинулась немного ближе, было видно, что она немного покраснела, но я поздно догадался, в каком деле она просила помощи — девушка схватила меня за щеки, дабы я не сопротивлялся, а затем неумело соединила свои губы с моими. Такой поцелуй не оставляет ни капли сомнений в том, что она еще ни разу не целовалась, чего не скажешь обо мне. Не знаю, догадывается ли она о том, что я уже однажды практиковал это с Итачи, но такой опыт оказался для меня полезен. Она еще некоторое время двигала губами, после чего оторвалась и приняла смешную смущенную позу, немного отвернувшись от меня.

— П-правильно? — промычала она.

В ответ я лишь улыбнулся, было забавно смотреть на такую картину, когда Юмико не кричит от смущения, а лишь тихо и смиренно сидит, стараясь не сталкиваться со мной взглядом.

— Нет, неправильно, — ляпнул я, уже зная реакцию наперед и предвкушая ее.

— Т-ты что, — она повернулась ко мне и заметалась в уже привычной громкости, — совсем оборзел? Я тут такое сделала, а ты...

Не успела Юмико договорить, я сделал тоже самое, но в этот раз я не подчинительно ожидал результата, а взял на себя инициативу показать ей, как правильно целоваться.

Юмико от неожиданности оторопела, но, когда поняла и признала свои ошибки, тихо смирилась и стала повторять за мной. Так мы и расплылись в страстном поцелуе, он был даже приятнее, чем с Итачи, потому что был закреплен скрытыми чувствами, которые никто не спешил раскрывать. Сомневаться было не к чему, я не просто привлекал ее, как парень, эта девушка видела во мне опору, ее чувства не были одноразовыми или фальшивыми — они давно в ней таились, наверное, еще с самой нашей первой встречи, ей пришлось многое вложить в такой решительный шаг, на момент она даже подумала, что я отверг ее из-за первого неграмотного поцелуя, но это не так, Юмико получит полную отдачу, а я получу шанс на будущее. Если все правильно срастется, если мы переживем все беды, которые свалятся на нашу голову, мы будем прекрасной парой, а до тех пор нужно быть осторожнее. В бою с Хандзо любой из нас может умереть, и я сделаю все возможное, чтобы мы оба выжили, чтобы, не смотря на все невзгоды и недопонимания, прокладывать путь к счастью — вместе.

Глава 11: На пути к свету

Идея о возвышении нашей скромной группы стала набирать обороты. Запасы Хорнет казались бесконечными: ранее траты затрагивали только пропитание и всякие глупые мелочи, вроде пары лишних шмоток или безделушек из интернет-магазинов, сейчас же стал преобразоваться дом. Нет, нет, речь не о ремонте, коврах и красивой подсветке, дело в том, что мы всерьез взялись за создание собственной безымянной организации. Всех нас воодушевила Юмико, которая никак не могла смириться с отсутствием своей человеческой свободы, с насилием в отношении тех, кто не выбирал, кем, как и где родиться. Никто не знает, что происходит за пределами острова, учебники истории Гармонии рассказывают нам о бесконечной пустоши извне, но также упоминают некоторые страны, которые смогли пережить ядерную войну. Никто не знает, каково тем людям, которые живут на материке: как они там выживают, что едят, где спят и как спасаются от радиации.

За период мировой войны на землю было сброшено более десятка ядерных боеголовок, некоторые страны были уничтожены безвозвратно. Последствия таких взрывов отражались везде: возросло число раковых заболеваний, патологий у новорожденных, которые каким-то чудом смогли появиться на свет, животных настигало поражение ДНК, вследствие чего те мутировали, не доживая до момента естественной смерти. В мире стали появляться вспышки эпидемий: сухая ветрянка, иссушающая кожу; холера; вирус Фаузе, дробящий легкие; «Басагдеора», в переводе с Ирландского дословно означающая «смерть от слез». В таких условиях простое мытье рук не могло спасти людей от неминуемой смерти, приходилось массово носить костюмы химзащиты и респираторы, некоторые не выходили на улицу без противогазов.

Из-за выброса радиоактивных частиц в воздух, землю охватили наводнения, как следствие разрушения плотин. Некоторые атомные электростанции оказались разрушенными, что повышало общий уровень радиации. Высотные здания в городах обрушались, оставляя за собой лишь обломки — стойко стояли лишь небольшие дома. Людей из-под завалов никто не вытаскивал — такая нагрузка не оправдывала спасенных человеческих жизней, которые и без того были обречены.

Почти в каждом углу планеты царил голод, из-за радиации пострадали посевы. Сильно пострадал импорт и экспорт продукции между странами: все имеющиеся запасы уходили не на создание привычных всем сладостей, а на продукты первой необходимости и сухпайки. Это я еще не озвучил акты каннибализма, когда люди заживо съедали своих родных, лишь бы выжить, но после все равно умирали. Везде царило беззаконие, из-за пострадавших государственных аппаратов и правоохранительных служб люди стали бороться за собственную жизнь, пренебрегая другими. Мародеры расхищали любое лакомое место, выносили все до последней таблеточки от головной боли.

Человечество медленно вымирало, пока в один день всем это не надоело. Главы нескольких стран, как я и говорил ранее, объединились. Флаг в руки взял император Японии — Сето Изуми, а в компании с ним находились главы Германии, России и одной очень интересной страны — АШО, которая расшифровывалась как «Американские Штаты-Отступники». Дело в том, что раздор между губернаторами привычных штатов Америки накалился настолько, что люди разделились на два лагеря: сторонников традиционной американской демократии и революционеров, желающих отделиться и создать собственное

государство. Именно они примкнули к альянсу «Хофе» под флагом императора Сето. В 2025 году в океане обнаружили большой неизведанный остров, виды которого поражали всякого увидевшего его вживую, но что поражало больше всего — отсутствие радиации. Чистая и нетронутая фауна этого острова привлекла внимание альянса, тогда всего за год люди из груды металла отстроили огромные ковчеги, на которых и двинулись воздвигать цивилизацию в неизведанном месте. Хотя на острове и были проблемы с ресурсами, технологии и медицина не пострадали, а сельское хозяйство шло в гору благодаря пусть и не очень плодородным, но зато нетронутым радиацией почвам. Тогда никаких разногласий между главами не было, все единогласно сошлись на том, что королем Гармонии должен быть именно зачинщик такой инициативы — Сето Изуми.

Такое решение не оставило надежды неоправданными: новый король нового государства делал все возможное, чтобы люди наконец глотнули свежего воздуха и жили беззаботно, а люди в свою очередь приложили максимум усилий для того, чтобы их потомки жили полной жизнью, не зная горя, но все обернулось не так, как все того хотели. Пусть на корабле и не было переносчиков инфекций, были люди, которые перенесли лучевую болезнь. Первые дети Гармонии рождались мертвыми, а здоровые мутировали еще в утробе. Никто не знал, почему их ДНК перестраивался в животе у матери, ведь на материке такого не было, пока кто-то не обнаружил один из подводных камней острова — светящийся разлом где-то в горе, из которого струилась необъяснимая энергия, служащая катализатором для болезней. Те, кто находился близ разлома либо умирали в муках, либо устраивали пикник и с удовольствием кушали свои сэндвичи. Никто не мог объяснить, что это такое и почему оно по-разному влияет на людей, но с появлением первых подтвержденных шепотов, правда начала вскрываться. Тогда и было положено начало всем исследовательским лабораториям в городе, которых насчитывается четыре. Персонал в этих местах занимался изучением разлома и тех, кто находился с ним в контакте, многолетние исследования подтвердили, что некоторые люди способны накапливать энергию в своем теле, в то время как остальные сходили с ума, раздирали себе шею ногтями, бились головой об стену и бросались на других.

Король давал полную свободу этим людям, а шепотам, состоявшим в гвардии, даже некоторые привилегии, но, когда его скосила загадочная болезнь, все резко изменилось. Власть перенял его прямой наследник — Котай Изуми, которому было не по душе, что шепоты беззаботно расхаживают по улице. Тогда в силу вступил закон, не позволяющий жить шепотам в отдалении от Парадного района, людям такой расклад не понравился, и они подняли первое в Гармонии восстание, которое закончилось для них плачевно: бунт был подавлен, участники были убиты — все, за исключением шепотов, которых силой забрали на службу в гвардию в качестве пушечного мяса для всех последующих событий. Король смекнул, что с такой гвардией государству бояться нечего и сделал объявление о том, что для каждого шепота уготована одна судьба — либо служить ему верой и правдой, либо умереть. На тот момент никто еще не знал о ренегатах, пока один из них не попробовал совершить покушение на короля прямо в тронном зале. Известно лишь то, что он умел взглядом погружать людей в кому, но на короле по неизвестным причинам этот трюк не сработал. Горе убийца заплатил жизнью за попытку свержения власти, а король издал новый закон, гласящий о том, что лаборатории отныне имеют право на отлавливание шепотов и ренегатов, коим и являлся заговорщик, и поставку их во дворец. Впоследствии все отличающиеся в глазах общества были лишь грязью, пятнающей гордое имя города. Многие

обделенные свободой стали преступниками, забравшимися только лишь о своей жизни, и я их понимаю. Но беда ведь не приходит одна, верно? Король заикнулся лишь на проблемах извне, тем самым проигнорировав рост коррупции и инфляцию.

С тех самых пор никто не смел бросить вызов королю и его режиму. Гармония, которая была надеждой для человечества, стала для всех новым страхом и местом разрушенных судеб. Для нас, шепотов и ренегатов, весь город — это один большой враг, которому мы бросаем вызов. Но пока наших сил еще мало, чтобы составить хоть какую-то конкуренцию, потому мы тихо мирно начали развивать эту идею в тени. В нашем кругу в электронике мало кто разбирался: одни философы, да юристы — потому закупку оборудования поручили мне, хоть я и сам не особо в ней разбирался. Я купил несколько компьютеров и периферии, расположив их в небольшом уютном подвале дома. Куча времени ушло на то, чтобы собрать их и поставить систему на каждый, но я со своей задачей справился. Однажды в наших кругах появится кто-то более умелый, чем я — он и займется тем, что обезопасит нашу электронику от проникновения извне, а пока эта сеть компьютеров будет не более чем интернет-кафе для своих.

Хорнет занялась наращиванием связей, используя свое влияние и авторитет, как последний представитель и наследник имени семьи Ишимару. Она копалась во всех возможных организациях и копала информацию, но успехами еще рано было хвастаться. Я тоже хотел было объединиться с «Гидрой», но отбросил эту идею, поскольку все в этой организации живут и без того хорошо, а будь они нашими союзниками — точно заработали бы проблем, не столько из-за участия в заговоре, сколько от работы с врагами народа.

На долю Юмико выпала одна из самых ответственных ролей — быть бойцом и медиком в одном теле. Вмешивать ее в опасные дела было совсем неразумно, все мы настаивали на том, чтобы она сидела дома и залечивала наши раны, но та наотрез отказывалась следовать советам. А проблему двойной работы эта девушка решила оригинально: дело в том, что Юмико настолько овладела своим искусством, что могла насыщать свою кровь питательной энергией, заранее настроенной на залечивание ран, потому она стала наполнять лабораторные колбы прямо из рук, а что удивительно — это и вправду работает, хоть и на вкус как суп из железа. Читая научную литературу, я четко усвоил, что энергия бездны способна сводить человека с ума, но в разумных количествах она не только безвредна, но и полезна. Каждый из нас попробовал ее «особое зелье», предварительно поранив себя, и в считанные секунды после нескольких глотков раны затягивались, а нервная система возбуждалась как после пары выпитых чашек кофе. Но такое снадобье было бессильно перед проблемой Итаци — мы не могли вернуть ей руки, как бы сильно не старались, она выглядела так, будто смирилась с тем, что обречена всю жизнь жить вот так.

Амелия была не особо полезна во всех вышеперечисленных делах, но она все равно нашла для себя хорошую работу — круглые сутки девушка сидела в подвале, анализируя последние новости, подводя статистику и выводя некоторые закономерности. На общих вечерних собраниях она делилась всем, что удалось узнать, тем самым посвящая нас во все современные проблемы и недавние события. Особое внимание привлекло событие, заголовок которого я уже видел в газете. Речь идет о «Геномном инциденте» — тогда королевская гвардия ворвалась в частную лабораторию «GenTask» и убила всех ее работников. Причиной послужила антиправительственная деятельность, но никто не знает, чем они там занимались, за исключением одного человека, которого нам нужно найти — Ринну Регер, именно эта девушка занималась освящением тех событий, боролась за огласку

всего, что произошло в тот день, но в один момент затихла, словно навсегда пропала с радаров. Скорее всего, ее уже давно нет в живых, однако я уверен, что она успела оставить за собой зацепки, поскольку работала с типографией. Этим расследованием займусь я, пока у меня еще есть время до окончания своего отпуска, после которого придется вернуться к Наталье и решать вопросы о моей дальнейшей работе в «Гидре».

Сегодня у нас тоже было очередное собрание, на котором присутствовали все, кроме Хорнет, которая припозднилась по важному делу о переговорах, предупредив нас через пейджер.

— Итак, Ашидо, начнем с твоей задачи на завтра, — произнесла Амелия.

В нашем кругу не было командующих — все мы находились на одном уровне в иерархии, каждый уважительно относился друг к другу и одинаково слушал, потому Лия могла раздавать мне распоряжения, а если я откажусь выполнять порученное — за задание возьмется кто-то другой, но обычно никто не спешил отказываться от поручений.

— Ты отправишься в офис газеты «Наш Дом», который находится в Торговом районе на перекрестке главной дороги, потому будь осторожен и не привлекай лишнего внимания. Сначала поговори с управляющей о сотрудничестве, нам нужна от них достоверная информация, поскольку правду обычно замыливают. Потом спроси у них о Ринне Регер, вытяни все, что может оказаться полезным, возьми у них контакты, какие позволят взять, а затем так же тихо уходи, понятно?

— Не поднимать шум и не кидаться в глаза, правильно? — уточнил я.

— Правильно, — подтвердила она. — И не слова о ком-то из нас, можешь представиться сотрудником безымянной организации, но ни в коем случае не упоминай имен! Если спросят о начальнике, ответь, что тебе запрещено разглашать эту информацию.

— Думаешь они станут идти на контакт с такой сомнительной организацией?

— Станут, если у них накипело от лжи и диктатуры в отношении нас, они не станут внедряться в суть.

— Имеет смысл, я попробую, — ответил я.

— Ты красноречивый, справишься, — подбодрила Амелия. — Теперь перейдем к Юмико.

— Я тут! — громогласно заявила Юмико.

— Итак, твоей задачей будет проникновение в один из клубов, где играют в покер и прочую чушь. Место неприятное, но там зависает один интересный человек, имя которого мне неизвестно.

— Постой, а как я узнаю, кто нам нужен и зачем вообще нужен? — озадачилась Юмико.

— Есть яркая примета, этот человек — девушка.

— Очень приметная, — возмутилась Юмико.

— Не возмущайся, она у них самая популярная, не пропустишь. Я уже разговаривала с ней однажды.

— Тогда почему ты хотя бы не опишешь мне, как она выглядит?

— Не все так просто, Юми, — отрезала Амелия. — Она все время меняет свою внешность за пределами клуба, я и сама не знаю, как она выглядит на самом деле.

— Ты в своем уме вообще? Я не возьмусь за это задание.

— Юмико, больше некому, — уговаривала она. — Если я пошлю туда Хорнет, в лучшем случае все закончится резней, никто в этом районе не любит аристократов, а если туда пойдет Ашидо, эта женщина сразу полезет ему в штаны, чего ты точно не одобришь.

— Чего? — ошеломился я.

— Я иду! — заявила Юмико.

Амелия умеет убеждать, просто говоря фактами. Факт того, что мы с Юмико обменялись взаимными чувствами все приняли тепло, Хорнет изначально пообещала не претендовать, а Итачи смирилась. Позже мы поговорили наедине, и она сказала, что только рада за нас, напомнив, что первый мой поцелуй все равно у нее в кармане, потому она ни о чем не жалеет и рада, что оказалась полезной.

— Вот и славно, — Амелия улыбнулась. — Как только найдешь ее в толпе, попробуй уединиться, сказав, что ты от файерщицы, тогда и передашь ей письмо.

Амелия пододвинула поближе к Юмико заранее подготовленный конверт на столе.

— В нем я описала всю ситуацию и что нам от нее нужно, а в конце добавила, чтобы она сожгла письмо после прочтения, так что о конфиденциальности информации заботиться не нужно, если ты конечно его не потеряешь.

— Ты думаешь, что она надежная? — сомневалась Юмико.

— Нам нужен человек, который сможет внедриться в ряды врага, Юми. Не знаю, как она отреагирует на наше вмешательство в ее и без того беззаботную жизнь, но, если на нашей стороне окажется такой союзник, будет куда проще. Если откажется — будет молчать как рыба, это я гарантирую.

— Я поняла, выполню, — подтвердила Юмико.

— Хорошо, клуб находится в Дрянном районе на границе с Промышленным. Спросишь у работяг, где можно поиграть в покер, они тебе подскажут.

Интересный случай. Девушка, способная каким-то образом менять свою внешность, которая каким-то образом ранее пересекалась с Амелией. Нам действительно такая нужна, но меня напрягает то, каким образом у нее могут сложиться отношения с Юмико. Предчувствие подсказывает, что они окажутся кровными врагами в борьбе за парня, что нам совсем не на руку.

— Теперь к домашним делам для меня и Итачи.

— Да, я внимательно слушаю, — откликнулась Итачи, валяющаяся на полу в обнимку с Сильвией.

— На завтра у нас запланировано обустройство подвала, поможешь, чем сможешь, остальное я, так уж и быть, взвалю на свои плечи.

— Хорошо, а что мы будем делать?

— Ну смотри, полом и стенами займемся, когда у нас будет достаточно времени, а пока наставим туда всяких мелочей для жизни, чтобы можно было работать, не отвлекаясь на еду и остальное.

— Хорошо.

— Только компы не трогать! — предостерегла Амелия. — Не хочу, чтобы вышло так, будто Ашидо зря там часами корячился.

— Ни ногой! — подтвердила Итачи.

— Отлично, теперь к мелочам за пределами подвала. Для начала...

Амелия замолчала, услышав звук приближающихся нервных и быстрых шагов, будто кто-то стремительно бежит к нам. Это могла быть Хорнет, которая чем-то сильно взволнована, но если это не она? Амелия встала с дивана и приняла боевую стойку, даже руки подожгла, чтобы не пришлось делать этого в процессе. Какие-то считанные секунды и дверь с грохотом распахнулась и за ней показалась Хорнет.

— У нас проблема! — с ходу заявила она.

Девушка не выглядела раненой, только растрепанной с огромным пятном от разлитого кофе на юбке и колготках. Что же случилось?

— Что такое? — спросила Амелия, не думая ни на секунду тушить руки.

— Никто не напал, сейчас все расскажу, — успокаивала Хорнет.

Амелия наконец вышла из стойки, Хорнет быстрым шагом зашла и плюхнулась на диван, бросив очки на стол.

— Дайте попить, мне нужно прийти в себя, — лепетала она.

Не дождавшись ответной реакции, она нервно схватила бутылку воды со стола и залпом ее опустошила.

— В чем дело? — со странным взглядом расспрашивала ее Амелия.

— Подождите секунду, сейчас расскажу.

Несколько минут мы сидели в тишине, наблюдая за бесконечной отдышкой Хорнет. Когда она наконец пришла в себя, то заговорила.

— Я сегодня была на переговорах с директором завода по производству электронных плат, мне удалось договориться о сотрудничестве, но, когда мы встали, чтобы попрощаться, он случайно толкнул стол и разлил мне кофе на одежду.

— И из-за этого ты переживаешь, — фыркнула Юмико.

— Заткнись и дослушай, — прорычала Хорнет.

Юмико лишь подчинительно замолчала, ожидая продолжения.

— Я пошла в уборную, чтобы хоть как-то смыть следы от кофе, старательно оттирала их с одежды, а потом появился он...

— Кто он? Хандзо? — спросил я, напрягшись.

— Да какой Хандзо! Мужик в рогатом шлеме! — вспылила она.

— Какой еще мужик? — спросила Амелия.

— Я же сказала, в рогатом шлеме!

— И что он сделал? — вновь спросила Амелия.

— Ничего, он просто сказал: «Думаю тебе и твоим ребятам полезно будет знать», тогда я подняла голову и посмотрела в зеркало. Он сказал: «Прогноз Кафки», а когда я резко обернулась, его там уже не было. Все, что я успела увидеть — рогатый шлем и черный плащ. Он просто исчез! Никакого света, дыма или чего-либо еще, просто исчез!

— Думаешь это враг? — спросил я.

— Я не знаю, — Хорнет опустила голову. — Откуда он знает, что я работаю не в одиночку?

— Меня больше заботит «Прогноз Кафки», — отметила Амелия. — Кто-то что-то знает?

В ответ все лишь отнекивались, включая меня.

— Идемте в подвал, сейчас будем разбираться, — приказала Амелия.

Все дружно поднялись и строем направились по коридору в подвал. Минув лестницу и оказавшись перед дверью, Амелия сама уже изрядно нервничая распахнула двери и шагнула вниз. Оказавшись перед включенным компьютером, она уселась за стул и принялась печатать в строку поиска, пока все полукругом расположились позади.

— Я забыла очки, — опомнилась Хорнет.

— Я тебе прочитаю, — остановила ее Амелия.

Поиск не заставил себя ждать, «Прогноз Кафки» находился в лидерах по запросам.

— Так, все, слушайте, — скомандовала Амелия. — На днях генерал Кафка высказался по поводу ближайшего праздника в честь тридцатилетнего юбилея со дня заключения Австралийского пакта. Уже почти ровно тридцать лет назад Гармония вступила в союз с Австралией с целью налаживания торговых путей и международных отношений, которые вот уже сколько лет неразрывны. Австралийский пакт подписывался на период до десяти лет, однако уже три раза продлевался, и вскоре его ждет уже четвертое продление, в честь чего на главной Торговой площади города будет проведен праздник, прийти на который может каждый желающий гражданин великого города Гармонии. Генерал Кафка прогнозировал огромное скопление народа в честь такого знаменательного события, а также уговорил главу государства короля Котая Изуми на объявление в этот день выходного. Каждого гражданина, пришедшего на праздник будет охранять королевская гвардия, чтобы посетители могли не беспокоиться за свою безопасность.

— Не нравится мне все это, — встала Юмико.

— Зачем нам эта информация? — возмутилась Хорнет. — Что этот мужик хотел нам сказать? Может это — ловушка?

— Вполне возможно, — согласилась Амелия.

— А что, если нет? — сказал я.

— Даже если нет, он просто тебя троллит, Хорнет, и нас тоже, — ответила Амелия.

— Мы должны туда пойти, — влезла Юмико.

Все резко повернулись в ее сторону.

— Ты в своем уме? — наехала на нее Хорнет.

— Даже если это ловушка, или простой троллинг, высока вероятность, что там что-то случится. Мы можем поближе разглядеть верхушку, определить если ли среди них шепоты, сколько их среди гвардии, но придется лезть в пасть к зверю ради информации.

— Ни за что не пойду, — отрицала Хорнет, — мне дорога жизнь.

— Тебя никто и не просит. Ашидо, пойдешь со мной?

— Я не знаю, там ведь кругом гвардия, это слишком опасно.

— Ребят, можно я скажу? — послышался глухой голос Итачи.

На этот раз все переключили свое внимание на Итачи.

— Вам не кажется странным, что весь народ пытаются собрать в одном месте?

— Что ты хочешь этим сказать? — поинтересовался я.

— Если куча людей будет в этот день на Торговой площади, разве это не значит, что город будет пустовать за пределами места проведения праздника? Это хороший шанс для рейда по улицам, чтобы найти шепотов, ренегатов и геномов, которые не пришли на праздник.

— А ведь Итачи права, — согласилась Амелия. — Если мы в этот день будем слоняться по улицам, нас поймут, но также могут поймать, если придем на праздник. Это уловка для глупого и одновременно ловушка для умного, что же нам делать?

— Сидеть дома, очевидно, — ответила Хорнет.

— Это разумно, но Юмико тоже права, такой шанс нельзя упускать, — вклинился я. — Если в этот день организуют рейды, значит на празднике будет не так много гвардейцев, мы сможем сбежать, если попадемся им на глаза, или же дать отпор. Ради информации стоит рискнуть.

— Ты идешь со мной? — спросила Юмико.

— Да, я иду, есть еще желающие?

— Нет, мы, пожалуй, посидим дома, — ответила Амелия. — Если будете отступать, не бегите сразу сюда, перебейтесь где-нибудь в другом месте денек-другой.

— Принято, — уверено ответила Юмико.

— Только не умрите, — смиренно ответила Хорнет, — еще одну смерть я не перенесу.

— Никто не умрет, — ответил я, — не волнуйся за нас, мы стали намного сильнее, потому не дадим себя в обиду.

— Хотелось бы верить, — с грустным лицом сказала Хорнет, — я все равно буду за вас волноваться. Ашидо, я достану переговорные устройства, чтобы в этот день вы были с нами на связи.

— Кстати, через сколько дней праздник? — опомнилась Юмико, оперевшись на спинку стула, на котором сидела Амелия.

— Через два дня, — ответила Амелия, потупив в монитор.

— У нас есть два дня, чтобы подготовиться и выполнить поручения, нужно разумно расходовать время, — сказал я.

— Завтрашний день у нас для поручений, послезавтра займемся подготовкой: купим переговорные устройства, продумаем пути отступления и маскировку, разработаем план и изучим местность, — промолвила Юмико.

— Верно, я займусь этим вместе с тобой.

— С подготовкой и я могу вам помочь, — вмешалась Амелия. — Я все детство провела в Торговом районе и знаю эти улицы как свои пять пальцев.

— Отлично! — обрадовалась Юмико.

— Но в день праздника на меня не рассчитывайте, один раз меня уже скрутила гвардия, второго не будет, по крайней мере сейчас я не готова.

— Я буду на связи в любое время, помогу чем смогу, — присоединилась Хорнет. — Попробую вдобавок разыскать план проведения мероприятия.

— А я приготовлю вам вкусно покушать! — вмешалась Итаци, желая тоже оказаться полезной.

— Давай без этого, — отрезала Хорнет, — займемся этим вместе.

— Конечно, госпожа Ишимару, без вас я не справлюсь.

— Вот и решили, а сейчас, все по кроватям, завтра будет тяжелый день для всех, — скомандовала Хорнет.

— Я еще посижу тут какое-то время, а вы идите, — ответила Амелия.

Все за исключением девушки с веснушками со смешанными мыслями пошли по своим спальным местам. Еще на лестнице все пожелали друг другу спокойной ночи. Я добрался до своей комнаты и с пустым желудком завалился на кровать, я долго думал, что же будет дальше — все мы уже выглядели как команда, но надолго ли нас хватит? В душе у Хорнет ползают черные пиявки, высасывающие из нее все живое, стоит ей пережить очередное потрясение. Я не знаю, как она перенесла смерть Леонхардта, а уж тем более не знаю, сможет ли перенести смерть кого-нибудь из нас. Она не так надежна, как хотелось бы, один маленький шаг может заставить ее сдать, если только этот шаг будет не ради мести. Амелия недостаточно сильна, чтобы участвовать в бою, но зато полностью отдает себя работе в тылу, если можно так выразиться.

Я разделся и уже было уснул, как вдруг услышал стук в дверь, гость уже был мне известен, я почувствовал ее еще в коридоре. Отворив дверь, я встретился взглядом с Юмико, целиком завернутой в плед, одни ноги и голова торчали.

— Можно поспать с тобой? — спросила она.

— Заходи, — ответил я, пусть обычно и сплю в одиночестве.

Мы улеглись на мою кровать, где могло поместиться три человека. Юмико пришла со своим, потому делить одеяло не пришлось. Как только девушка улеглась на кровать, почти сразу уснула, не проронив ни слова. В моей компании ей было куда комфортнее, чем в комнате с пустотой или настырной кошкой. Я хорошо замечал, как близко ко мне подобралась Юмико, не в том плане, что мы лежали бок о бок в одной кровати, а в том, насколько мы стали открыты друг другу. С того дня мы больше не целовались, но тепло ощущалось и без этого: она всем видом показывала, как ей хорошо, когда я смотрю в ее сторону, когда делаю комплименты — эта девушка будто тает. Не знаю, можно ли назвать это любовью, но крепкой дружбой — точно. Юмико для меня дороже, чем все остальные, кого я знаю, не только потому, что относится ко мне со всем возможным добром, но и потому что она такая же. Среди нас есть два шепота, два ренегата и один геном — разношерстная компания. Если бы не она, я мог и не встретить этих людей (и кошек), мог и дальше работать на Наталью и бродить по улицам в одиночестве, не познав своей силы и вновь не ощутив аромата дружбы.

Сейчас она лишь тихо сопит, смотря на нее, я думаю не только о том, как я ей благодарен, но и о том, какая она в такой непосредственной близости красивая. Ее фарфоровая кожа не имеет изъянов, ее зеленые глаза всегда смотрят глубоко в душу, так и хочется в них утонуть. Я даже видел ее формы тела, которые мне кажутся весьма привлекательными. Характер этой девушки поначалу казался мне совсем дурным, но сейчас я нахожу его забавным: она не только имеет достаточно харизмы, чтобы влиться в любую компанию, но и достаточно женственности, чтобы проникнуть глубоко в сердце такого человека, как я. Только сблизившись, Юмико показывает человеку то, что таится внутри. Думая об этом, я все больше понимаю, что нас обоих подпитывают скрытые чувства, которые мы все еще боимся признать, боимся показать друг другу. Невозможно утаивать что-то вечно, потому скоро все вскроется, а сейчас, пока она аккуратно, замотавшись в плед, лежит со мной рядом и спит, еще не попав в стадию глубокого сна, когда будет сидеть в пустоте и слышать каждый шорох за пределами бескрайней пустоты, я шепотом скажу ей только одно — слова, способные передать всю мою благодарность и все мои чувства разом.

— Я люблю тебя, Юмико.

Глава 12: Судьба ренегата

«Иногда правильные поступки делают человека одиноким». Я прочитал эту цитату на баннере в Торговом районе, пока двигался навстречу своей сегодняшней цели. Подобные слова заставляют задуматься о многом, втираются в самые отдаленные уголки души, вынуждая задать себе вопрос: «Правильно ли я тогда поступил?». Когда я в последний раз видел своих родителей, они отвергли меня, не желая признавать, что их сын — чудовище. Неужели я, убив их в тот день, избавился от тяжелого груза, который всю жизнь тянул меня вниз? Одиночество было лишь последствием моего выбора? Это также значит, что клеймо изгоя, лежащее на мне еще с далекого детства, оказалось лишь следствием моей собственной слабости, исходящей из детской травмы.

Наверное, Ринна Регер тоже была одинокой, ведь никто ее так и не услышал, а потом она и вовсе затихла. Правильно ли она поступала, когда тратила столько времени и сил, стараясь донести до людей правду? Что же случилось в тот день, почему все эти люди погибли, что они делали в этой лаборатории? Именно на эти вопросы я сегодня должен получить ответ. Типография «Наш Дом» печатала огромный тираж книг для каждого любителя почитать, а также занималась печатью газет, допечатной подготовкой и обработкой печатной продукции. Если бы девушка хотела достучаться до людей — пошла бы именно сюда.

Жизнь в Торговом районе отличается своей наполненностью: на улицах всегда много людей, оживленный поток времени здесь расслабляет, а красивые виды так и манят сделать фото, однако фотоаппарат в моем кармане совсем не для этого — он нужен, чтобы вынести из типографии не только словесную информацию, но также более наглядную, запечатлев на фото какой-нибудь текст или иллюстрацию. Вы спросите, почему же Амелия назвала дорогу, близ которой расположена типография, главной? Ответ прост — из Парадного района по центру каждого вокруг лежащего района расходятся широкие дороги, которые заканчиваются, уперевшись в кольцо. Окна типографии выходят именно на такую дорогу, по которой я петляю уже сколько времени. Стоит сказать спасибо судьбе за то, что не тронула мое зрение, иначе не смог бы увидеть вывески по ту сторону дороги. Растрачивая время на поиск типографии, в один момент я уткнулся в высокий забор, за которым и находилось заветное здание.

Ворота оказались открытыми, я шагнул на территорию печатного дома с опаской, что-то заставляет меня переживать. Наверное, я просто нервничаю от осознания того, какое ответственное задание мне поручили. Пройдя по тропинке до здания, я неуверенно приоткрыл дверь и скрылся за огромным куском резного дерева на петлях. Первое, что бросилось в глаза — ресепшен, за которым сидела толстая тетя в очках, жадно поедая свои бутерброды. Разумеется, в этот день я не забыл надеть очки, опасаясь лишних глаз, потому переживать о том, как заговорить с человеком лицом к лицу, было не к чему. Подойдя к стойке, я обратился к женщине, которая, казалось, не видела ничего, кроме своей еды.

— Здравствуйте, мне нужно попасть к администрации.

— Ой! Вы меня напугали — оторопела женщина.

— Прошу прощения.

— Ничего страшного! Что вы говорите, хотели?

— Мне нужно к администрации.

— А вы по какому поводу? Продукцию на печать принимают в отделе работы с клиентами.

— Я не ради печати пришел, — отрезал я, — нужно обсудить с вашим начальством вопросы о сотрудничестве с нашей организацией.

— А какую организацию вы представляете?

— Конфиденциальная информация, я не в праве ее разглашать, — все как учила Амелия.

— Начальства сегодня нет, можете передать ваше заявление Тамаре Васильевне, нашему администратору, заполнив бланк для партнеров, после чего оставите его у меня.

Знаю я эти уловки — подпишу, отдам, а она забудет бланк в ящике, который найдется только через год.

— Так дело не пойдет, нам нужно решить вопрос сотрудничества лично, никакие бланки я заполнять не буду.

— Тогда приходите в другой день, — фыркнула она. — Говорю же, начальства сегодня нет.

— У меня нет времени. Есть кто-то еще помимо Тамары Васильевны, кто мог бы ей передать контакты нашей организации и детали сотрудничества?

— Можете спросить в печатном цехе.

— Как попасть в печатный цех?

— Поднимаетесь по лестнице на второй этаж, затем налево, по правой стороне будет вход на участок, дверь всегда открыта.

— Спасибо.

Не знаю, поможет ли мне разговор с обычными работягами, но делать нечего, придется выкручиваться из того, что имею. Я двинулся в сторону лестницы, вдогонку слышалось глухое и нервное кряхтение:

— Ходят тут всякие, никакого покоя, ишь ты важный какой! — бухтела женщина.

— Никакой компетентности, — подумал я.

Пройдя по озвученному маршруту, я уткнулся в печатный цех, работа в котором не затихала ни на секунду. Остается лишь найти того, кто занимает должность, едва ниже положения начальника, дабы избежать утечки информации. Отвлекать от работы людей не хочется, они и без того выпадают из жизни, работая на конвейере, но ради одного вопроса можно и вмешаться.

— Здравствуйте, — обратился я к пожилой женщине у станка с какими-то рулонами, — извините, что отвлекаю, подскажите, где я могу найти мастера участка?

— В дальнем правом углу цеха, там, где стена с окном.

— Спасибо.

Значит мне придется идти через весь участок и светить своим портретом. Кстати говоря, сегодня мой образ куда более презентабельный, чем обычно — я надел строгий костюм, который в последний раз был на мне в доме семьи Ишимару. В комбинации с солнцезащитными очками мой образ внушал важность. Проще говоря, выглядел как крупный дядя из крупной организации. По пути я наткнулся на девушку, сидящую в одиночестве на какой-то дряхлой табуретке, опустив голову. Можно было предположить, что она ушла на обед или перекур, но сам ее вид выдавал какие-то переживания, которыми та не спешила делиться с окружающими, а предпочла уединиться со своими проблемами и тихо поплакать. Меня такой порядок дел задел за живое, ноги сами зашагали в ее сторону. Сблизившись с

девушкой, я заговорил.

— Что такое?

От испуга та подпрыгнула и уставилась на меня, можно было хорошо ее разглядеть: на вид девушка лет двадцати, еще совсем молодая, темные волосы с бордовыми кончиками, стройная фигура, заплаканные глаза, полные непонимания. Хотелось выслушать ее, хоть я и не мог ничего дельного посоветовать.

— Все хорошо, ничего такого, — ответила девушка.

— Вы бы не стали плакать без повода, что-то случилось.

— Вам не понять, — отстранилась она.

— А вдруг пойму? Судя по виду, мы с вами одного возраста.

— Мне двадцать один, — в яблочко.

— Мне тоже в этом районе, почему бы не поговорить, как вас зовут?

— Каори, я работаю здесь в печати газет.

То, что нужно, значит наш разговор не будет простым прожиганием времени.

— А меня зовут Ашидо, что у тебя случилось, Каори?

Она смотрела на меня ошеломленным взглядом, поначалу я даже не понял, почему так, пока наконец не дошло — сколько не зацкливайся на чем-то, все равно что-то да упустишь. Моя неаккуратность привела к тому, что я назвал ей свое имя, тем самым нарушив приказ «не оглашать имен». А судя по реакции, она меня узнала, от чего еще сильнее перепугалась. Я понимал, что вся операция в один момент может накрыться медным тазом, потому сразу же закрыл ей рот своей ладонью и потащил девушку в укромное место, благо та уже сидела в таком, прямо рядом с подсобкой для уборщика. Она вырывалась и старалась как-то посильнее меня ударить, но слабые женские руки даже не чувствовались, когда соприкасались со мной. Ввалившись за дверь, я кое-как ее закрыл и, не ослабляя хватки, приказал ей:

— Молчи, я тебе ничего не сделаю, только молчи!

Она лишь нервно мычала в мою ладонь и продолжала вырываться, хорошо, время радикальных решений.

— Молчи, или зарежу! — пригрозил я так, чтобы никто кроме нее не услышал.

Удивительный эффект, но та сразу успокоилась, перестала брыкаться и мычать.

— Вот так, прости, что приходится успокаивать тебя такими методами, давай поговорим.

Я ослабил хватку, но не бдительность, чтобы если она решит закричать, успеть заткнуть ее до того, как она это сделает, но она вела себя на удивление спокойно, будто страх взял верх настолько, что ни слова выдавить не получалось. Она обернулась в мою сторону и смотрела на меня все теми же заплаканными глазами, будто уже привыкла лить слезы по любому поводу.

— Скажи, — она осторожно обратилась ко мне, — ты правда можешь убить меня?

— Нет, я не могу забрать жизнь невинного человека, но я не хочу, чтобы ты поднимала шум.

— Понятно.

— Ты ведь поняла, кто я такой? — осторожно поинтересовался я.

— Ашидо Такаги, да? — с пустым и безэмоциональным лицом уточнила она.

В ответ я лишь снял очки, в потемках показался тусклый красный свет.

— Значит, это правда ты, — она отвернулась от меня в другую сторону.

— Да, меня зовут Ашидо Такаги.

— Тогда ты был прав, когда говорил, что способен понять меня.

— О чем ты?

Вместо ответа, девушка резко обернулась, до какого-то момента я не видел ее глаз, но как только они попали в поле зрения, я увидел не только розоватое свечение, но и то, что ее волосы, будто в невесомости, начали слабо левитировать в воздухе. Предчувствие подсказывало, что я в опасности, потому, не думая не секунды, я ударил ее ногой с разворота так, что та рухнула на пол близ стены подсобки, но что меня удивило больше всего, так это то, что я не чувствовал в девушке энергии Бездны, даже находясь вплотную, а это значит, что она вовсе не шепот, но ее глаза светятся. Логика подсказывала, что именно в них сокрыт секрет ее способности, потому я сразу же, после того, как она упала, бросился на девушку сверху, закрыв глаза одной рукой, а другой подставив только что созданную острую спицу к горлу.

— Успокойся, если не хочешь умереть! — пригрозил я.

— Нет, пожалуйста! — шепотом умоляла она. — Я не хочу умирать, пожалуйста!

— Какая у тебя сила, что ты хотела сделать? Говори!

— Я скажу, скажу! Только не убивай, умоляю!

— Это самозащита, я просто хочу поговорить.

Она лишь молча лежала, не думая сопротивляться.

— Я сейчас отпущу тебя, а ты отвернешься в сторону, и мы нормально поговорим, хорошо? Еще один такой трюк и больше я не дам тебе шанса выйти из этой комнаты.

— Хорошо, я все поняла, — ответила она.

Я в очередной раз ослабил хватку, но не стал убирать руки с глаз. Как только мы оказались в таком положении, что девушка сидит ко мне спиной, можно было разговаривать, не опасаясь нападения — она сама дала понять, что без прямого зрительного контакта ничего не сможет сделать.

— Итак, Каори, значит ты — ренегат, так?

— Да.

— Почему ты думаешь, что я хочу убить тебя?

— Потому что ты — убийца.

— И кто тебе такое сказал?

— Я сама лично печатала газету с твоим именем, мне все известно.

— А кто писал текст для газеты?

— Откуда мне знать, я только печатаю.

— Ты ведь и сама прекрасно знаешь, что пресса врет в своих интересах: приукрашивает, скрывает детали. Нельзя делать поспешных выводов о человеке.

— Тебе повезло, что ты выжил, мне бы дали кучу денег, если бы я тебя убила.

— Если бы я посмотрел тебе в глаза, да?

— Да, я бы заставила тебя погрузиться в клиническую смерть.

— Чем-то напоминает того бедолагу, который покусился на короля — у него тоже не получилось. Послушай, Каори, если бы ты убила меня, ты бы подписала смертный приговор и себе, никто бы не стал выписывать чек за мою голову, ты разве не знаешь, что король делает с ренегатами?

— Знаю, но, вдруг он сделал бы исключение, увидев твой труп.

— Каори, зачем тебе убивать меня ради мимолетного шанса на туманное будущее? Я

защищаю таких как ты не для того, чтобы меня били ножом в спину.

— Зачем ты говоришь мне такие вещи, я все равно не поверю.

— Я не вру, Каори, у меня есть друзья, они такие же, как мы с тобой, все в нашей организации защищают таких, как ты. Порознь ни у кого из нас нет будущего, потому мы сплотились, чтобы бросить вызов системе, чтобы однажды жить без страха. Ты ведь тоже боишься, да?

— Да, — послышался глухой плач, — мне страшно, Ашидо. Я боюсь, что однажды за мной придут, что я не смогу себя защитить.

— Поэтому ты тогда плакала? — предположил я.

— Да, потому что мне страшно.

— Я защищу тебя, Каори — мы... защитим тебя.

— Как вы меня защитите? Разве вы способны что-то противопоставить гвардии?

Я потерял бдительность, Каори резко обернулась, когда решила сказать это, мы столкнулись взглядами, и я уже было попрощался с жизнью, но, судя по всему, она передумала идти в атаку.

— Отвернись, — приказал я, прикрыв свои глаза ладонью.

— Ашидо, кто вы такие, чтобы бросить вызов королю?

— Мы — люди, — ответ был кратким и ясным.

Она в непонимании замолчала, а я продолжил.

— Мы — люди, у которых тоже есть чувства, мы не пустые куклы, у каждого есть своя жизнь, свои мечты и своя судьба, а не та, которую за нас выбрал король, и ради свободы мы будем бороться до последней капли крови. Не важно насколько сильна гвардия — всегда найдется рыбка покрупнее.

— Ты думаешь, вы справитесь? — осторожно спросила она.

— Я верю. Верю в то, что однажды смогу спокойно разгуливать по улицам, не опасаясь за свою жизнь и жизнь себе подобных, не опасаясь за твою жизнь, Каори.

— Ашидо...

— Я пришел сюда с одной целью — узнать о Ринне Регер и договориться о сотрудничестве с твоим начальником, но планы изменились, я хочу, чтобы ты пошла со мной. Туда, где сможешь чувствовать себя в безопасности, если ты конечно уже передумала меня убивать.

— Что ты сейчас сказал? — оторопела она.

— Хочу, чтобы ты пошла со мной, — в глубине души обрадовался я.

— Нет, другое, про девушку, — какой облом, — ты знаком с Ринной?

— Нет, но мне нужно узнать, за что она боролась и о чем не смогла сказать миру.

— Я знаю Ринну, она много раз сюда приходила, все время твердила об одном, но ее никто не слушал.

— О чем говорила Ринна? — всполошился я. — Расскажи мне, это очень важно!

— Ринна была моей подругой, она все мне рассказала — я верю ей куда больше, чем газете. Она стала ходить сюда после «Геномного инцидента», добивалась того, чтобы ее выслушали, ночи напролет спала на крыльце типографии, а с первыми лучами солнца снова бежала к Татьяне Васильевне. Поначалу я считала ее сумасшедшей, но, когда поговорила с Ринной лично — все поняла.

— Умеешь ты делать поспешные выводы.

— Прости, ничего не могу с этим поделать.

— Ничего, продолжай.

— Ринна собиралась выйти замуж, но ее возлюбленного убили в стенах «GenTask», тогда она и побежала в типографию, добиваясь того, чтобы виновных в его смерти судили по всей строгости, но правительство не стало бы наказывать свою же гвардию, потому она пыталась достучаться до народа: выступала на одиночных пикетах, всюду кричала о несправедливости.

— Погоди, в газете было написано, что эта компания занималась антиправительственной деятельностью.

— И да, и нет, — ответила она, закрыв глаза. — Они разрабатывали эликсир молодости, если говорить простыми словами, такой расклад чем-то задел лично короля, потому он прибег к кровопролитию, проигнорировав дипломатию.

— Разве это повод убивать столько людей? — возмутился я.

— Не повод, конечно, но кому вообще интересна судьба «предателей родины». Мы для них такие же предатели, потому гвардия не пощадила бы меня даже с твоим трупом в охапку. Глупо было с моей стороны так наивно поверить в свой же бред.

— А что сейчас с Ринной, где она?

— Я не знаю, Ашидо, — Каори покачала головой. — Когда мы виделись в последний раз, она говорила, что король пригрозил ей смертью за последующие выступления. С тех пор я не видела Ринну.

— Теперь понятно, что там случилось. Спасибо, Каори.

— Жаль ты не застал ее при жизни, она бы стала для вас хорошим и надежным союзником, не то что я, — приуныла она.

— Не говори так, пойдем со мной, — продолжил я свои попытки завербовать в нашу компанию еще одного ренегата.

— Я не могу, мне страшно. Здесь я могу жить обычной жизнью и скрываться, а если пойду с тобой, шанс того, что меня убьют, будет еще больше, прости.

— Тогда, можно кое о чем тебя попросить?

— О чем же?

— Ты можешь поговорить с начальством о том, чтобы они снабжали нас информацией, не прошедшей через редактора и цензуру?

— Ни к чему так поступать, я займусь этим сама, — обнадежила она. — Так будет надежнее.

— Спасибо, Каори, можно обменяться с тобой контактами? У тебя же есть пейджер?

— Есть, подожди секунду.

Каори достала из кармана своего белого халата пейджер, после чего мы благополучно обменялись контактами. Стоит отметить, что современные пейджеры совсем не были похожи на довоенные: сенсорный экран вмещал в себя сообщения длиной до трех сотен символов, к тому же, вместо крепкого корпуса его защищал чехол-книжка, но свою способность крепиться на ремень устройство не утратило, некоторые такие можно было носить на руке, как часы, но не мой, потому обычно он лежал в кармане.

По Каори можно было сказать, что та уже успокоилась и взвесила все то, что сегодня произошло. Эта девушка слишком вспыльчивая, но наравне с тем очень хрупкая и незащищенная. Оставлять ее здесь совсем не хотелось, но раз она против — я не стану настаивать. Отряхнувшись от пыли из подсобки, мы вышли из помещения в слегка потрепанном виде. Я надел свои заляпанные очки, тогда Каори решила проводить меня до

выхода, по дороге на нас глазели любопытные работники типографии, будто на парочку, уходящую со смены домой. Мы остановились перед комнатой с ресепшеном, когда Каори одернула меня:

— Пообещай, что наша встреча не окажется напрасной, — заявила она.

Посыл этой фразы был предельно понятен, Каори пусть и немного поверила в меня и в моих друзей, но боялась это показывать.

— Обещаю, однажды мы...

— Ну что, паренек, — прервала нас женщина с ресепшена, — получил, что хотел?

— Да, спасибо, — ответил я, немного оторопев от такого вмешательства.

— Пока, — с улыбкой сказала Каори.

— Пока, Каори, еще увидимся — аналогично ответил я.

— Обязательно увидимся.

— До свидания, — добавила толстая женщина, желая меня поскорее выпнуть.

Да уж, денек что надо. Интересно, как там дела у Юмико — ее задача казалась куда сложнее, чем моя, с которой я справился на соплях, еле избежав смерти от обычной работницы печатного цеха. Если бы не моя реакция, в могиле могли оказаться сразу два человека — никудышный Ашидо в состоянии клинической смерти на столе у короля, а также Каори, решившая, что такой исход пойдет ей на пользу. Тем не менее я доволен результатом своей вылазки, можно сказать, что задание завершено успешно, пусть и с некоторыми отклонениями от изначального плана. Придерживаясь того, на чем настояла Амелия, я тихо и без лишнего шума покидаю здание и направляюсь в сторону дома. Идя по дороге, я задумался о том, что было в моей голове в начале дня — неужели Ринна осталась в одиночестве, только потому что поступала правильно? Почему никого не оказалось на ее стороне, когда она добивалась правды и справедливости? Где же был я, когда так был ей нужен? Ах, да... тогда я еще не мог ей помочь, ведь сам сбежал лишь за какие-то ничтожные несколько дней до событий «Геномного инцидента».

— Ты слишком много винишь себя, Ашидо, — подумал я вслух.

Когда миновало уже приличное расстояние, позади послышался громкий хлопок — это был взрыв. Я обернулся, не понимая, откуда донесся этот звук, пока не увидел в небе черный смок. Недолго думая, я бросился к источнику по той же самой дороге. Не знаю почему, но мне было страшно: чем ближе я становился к типографии, тем больше не хотел верить в то, что черный дым вылит именно оттуда. Все мои надежды на благоприятный исход оказались тщетны — приблизившись к типографии, я столкнулся с обеспокоенной толпой, наблюдающей за тем, как горит здание, по которому я бродил еще десять минут назад. Глазами я пытался найти в толпе Каори, но никак не выходило.

— Что здесь случилось? — спросил я, приблизившись к одной из женщин.

— Эта девка Каори... Из-за этой крысы вся типография пылает! От этих ублюдков, как их там... одни беды! — ответила женщина, заливаясь слезами.

Я стоял в ошеломлении, не зная, что подумать. Все еще стараясь найти в толпе Каори, мой взгляд зацепили люди в гвардейской форме и полном обмундировании, скрывающие свои лица за масками. Что здесь делает гвардия, почему типография горит? С каждой секундой во мне нарастало чувство тревожности, я чувствовал, как трясутся мои руки, не столько от того, что я нахожусь в такой непосредственной близости к солдатам, сколько от осознания, что из-за меня Каори попала в беду, а вместе с ней и все работники типографии — и все это на моей совести. По телу пробежал холод, ужас в моих глазах невозможно было

описать, когда несколько гвардейцев на носилках начали выносить тела. Один за другим трупы мелькали в глазах, всех этих людей складывали в одно место перед входом в непосредственной близости друг от друга. Я до последнего верил и надеялся, но то, что я вскоре увидел, не оставило никакой надежды на менее неблагоприятный исход — последней из здания вынесли девушку, ее рука безжизненно свисала с носилок, по белоснежной коже тек ручей крови, капая на землю, а уже знакомые волосы сигнализировали о том, что я опоздал. Между двух бесчувственных гвардейцев находилась Каори, которую так неохотно покинула жизнь. Я еще помню, как она кричала о своем желании жить, когда ее горло сжимало острие моей спицы, а сейчас я смотрю на ее мертвое тело со стороны, скованный страхом и ненавистью ко всему миру. Чем эта девушка заслужила своей участи, неужели ее смерть стоила того? А смерть других людей, которые не были ренегатами, чем они ее заслужили? Чем больше я смотрел, тем больше впадал в панику от ощущения своей слабости, от которого только-только избавился. Если бы она пошла со мной, осталась бы в живых, так почему же я не смог ее уговорить? Что со мной не так? В этот момент кто-то положил руку мне на плечо, я замер, не в состоянии что-либо сделать, меня будто парализовало: тело не двигалось, единственное, что я чувствовал в этот момент — ужас.

— Вот она — судьба ренегата, — послышался мужской бас.

Кое-как я смог повернуть голову, чтобы взглянуть в глаза стоящего позади. Стоило ему попасть в мое поле зрения, характерные черты сразу же позволили мне его узнать. Это был он — мужчина в рогатом шлеме. Вблизи мне удалось куда лучше его рассмотреть: как и сказала Хорнет, самым выразительным в его образе был шлем, похожий на череп какого-то животного, но без нижней челюсти. Посмотрев на него какое-то время, я так и не смог определить, чей это череп — он не был похож на голову ни одного из существующих животных: ряд клыков, два из которых были длиннее остальных, глазные впадины хищника, рога, похожие на ветки иссохшего дерева. Его оранжевые глаза были скорее похожи на глаза какой-то рептилии: рисунок зрачка совсем иначе формировался вокруг центра, который был как-то изопренно вытянут по вертикали. Из-под шлема торчали аккуратно собранные в хвост черные волосы, но подвязанные второй раз, создавая эффект «второго хвоста». По виду этого мужчины можно сказать лишь то, что выглядит он одновременно как застрывшая в древности деревенщина и как серьезный и пугающий тип.

Какое-то время он смотрел со мной в одну сторону, показывая лишь одну половину своего лица, но после повернулся и уставился мне прямо в глаза. Я не знал, что думать, что ему сказать, он лишь смотрел мне прямо в душу, намного глубже, чем это делала Юмико. В один момент я почувствовал резкий «шелчок», будто мне закоротило шейный нерв и какую-то абстрактную вспышку в глазах, как после натирания их руками, но не с таким длительным эффектом, к тому же, в ней читался непонятный мне рисунок. От такого ощущения я опустил голову в пол, закрыл глаза и начал их тереть.

— Можешь звать меня Кишин, — промолвил он, — мы еще встретимся, Ашидо Такаги. Рука спала с моих плеч, за спиной послышались удаляющиеся шаги.

— А, вот еще что, — опомнился он, будто забыл что-то добавить, — не смотри в глаза королю.

Чувство скованности наконец покинуло меня, и я решил обернуться. Пусть это было сделано резко — он уже пропал, точно так же, как это описывала Хорнет: ни света, ни дыма. К тому моменту, как я опомнился, гвардия уже сжигала трупы — как бесчеловечно, будто у каждого из них вместо сердца ком грязи. Значит вот она — судьба ренегата? Жить в страхе,

каждый день опасаясь за свою жизнь, чтобы в конечном итоге закончить вот так — в горячей куче трупов, без какого-либо будущего. Все, что я слышал о короле и о гвардии казалось мне преувеличением, пока я вживую не увидел то, как умирают люди, не покорившиеся воле своих правителей, а вместе с ними еще и непричастные. Если до этого момента я сомневался в амбициях Юмико — сейчас я вижу, что она права. Если мы не положим конец тирании короля в отношении подобных нам — смерти продолжатся, никто из нас не доживет до своей естественной смерти, никто не сможет добиться свободы и обрести свое счастье, потому я буду бороться. До самого конца своей жизни, до последней пролитой слезы я буду бороться за всех тех, кого люблю, за всех тех, кто не заслуживает такой смерти. Когда-то Юмико сказала мне, что некоторые шепоты дают себе «второе имя», которое многое говорит о носителе. Теперь, после того, как я понял, почему они это делают, я представляюсь как следует — как тот, кто примирится со своей судьбой стать вершителем истории, чтобы с ней не мирились другие.

Меня зовут Ашидо Такаги и я — шепот примирения, который пройдет по горе трупов на пути к великой цели, и начну я прямо сейчас.

Призвав свою «Нами», сделав уверенный шаг через скорбящую толпу, сбросив с себя эти никчемные очки, я лицом к лицу вышел к гвардейцам.

— Нападайте, ублюдки.

Глава 13: Око и душа

Вечерело, солнечные лучи уже давно не озаряли узкие улицы жилой зоны Торгового района, которые пустовали уже который час. В доме безымянной организации потихоньку нарастало напряжение — девушки, ожидающие возвращения Ашидо с задания уже кусали локти от стресса. Юмико уже давно вернулась, доложив своим союзникам о частичном успехе — загадочный хамелеон был раскрыт и, прочитав послание Амелии, пообещал подумать над предложением, отправив встречное письмо, которое гласило: «Приветствую, файерщица, давно не было от тебя вестей. Я подумаю над твоим предложением, как следует, загляните сюда через неделю, тогда получите однозначный ответ. Целую, Эмбер.» — ни рыба, ни мясо, но все лучше, чем ничего. Юмико ответственно подошла к своей задаче, отыскав среди толпы девушку, играющую в покер и заигрывающую с парнями, а после ловкой фразы: «Я от файерщицы» — уединилась с ней в уборной, где и передала конверт в руки нужного человека. Появился шанс заполучить надежного союзника, если она не сдрейфит. Ашидо же сильно запаздывал, имея куда более простую задачу, пейджер парня молчал даже под напором бесконечных сообщений от нескольких людей сразу, что было совсем на него не похоже. Девушки устроились прямо в холле, ожидая чего угодно, все меньше веря в то, что их верный, надежный и любимый друг вскоре вернется. Терпение иссякало, все были готовы броситься на поиски в такой поздний час, позабыв о своей собственной безопасности.

И вот, наконец, послышался треск замочной скважины, заставивший всех напрячься еще до появления того, кто находится за дверью. Дверная ручка повернулась, дверь открылась, в дом вошел залитый кровью Ашидо — с ног до головы тот был в багровых пятнах, расплываясь в зловещей, непонятной всякому видящему улыбке. Любой бы в этой ситуации бросился навстречу блудному парню, но что-то заставило всех замереть в ступоре, одна лишь Юмико вовремя опомнилась:

— Ашидо, что случилось? — прокричала она.

— Я замарал костюм, нужно его постирать, — хладнокровно ответил я.

Именно так можно было описать мое позднее возвращение домой. Приятно осознавать, что тебя ждут и переживают, особенно в таком жестоком мире.

— Задание провалено, — дополнил я, — удалось лишь узнать, чем занималась Ринна Регер.

— Заходи, как будешь готов, расскажи о том, что там случилось, — от стресса замялась Хорнет. — Мы будем в гостинной.

Я сразу же пошел в нашу скромную прачечную, состоящую из одной лишь стиральной машины в кладовке, следом за мной увязалась Юмико. Моя голова в этот момент не была забита чем-либо кроме исхода сегодняшнего дня, потому ее присутствие не могло помешать мне снять костюм и закинуть в барабан.

— Я еще никогда не видела тебя таким, — осторожно изрекла Юмико.

Я понимаю, как сейчас выгляжу в глазах Юмико. Тот осторожный, эгоистично убитый собственным горем Ашидо остался где-то позади, сейчас перед ней стоял другой человек, терпение которого в миг лопнуло. Оставив свое изуродованное чужой кровью тряпье, я двинулся в свою комнату, где надел на себя привычную черную одежду, без каких-либо вычурных элегантных линий деловой одежды, после чего двинулся в гостинную, собираясь

поведать, что же случилось со мной в этот ясный летний день. Моя уверенная походка волка-одиночки заставляла Юмико плестись за спиной, то ли дело отставая от меня. Войдя в гостиную, я привычно уселся на диван в компании девушек, Юмико уселась рядом со мной, все были готовы выслушать меня, но кое-что стоило обозначить сразу:

— Я не потерплю перебиваний, пока не дам слово — все будут молчать, — холодно заявил я.

По их глазам было понятно, что они искренне не понимают, с кем сейчас разговаривают: мое грубое отношение не давало и шанса на то, чтобы вставить свое слово, взгляд был пропитан чем-то нагнетающим. Сейчас я куда больше был похож на описанного в газете убийцу, отбирающего жизни бесчувственно и без колебаний.

— Итак, начну с того, что же все-таки произошло в типографии, — повествовал я. — Там я встретил девушку-рenegата по имени Каори, еще в тот момент, я мог умереть, но избежал смерти, не навредив ей, а она поведала мне о своей подруге — Ринне Регер. Эта девушка стала жертвой «Геномного инцидента», потеряв возлюбленного в лаборатории «GenTask», которая занималась разработкой эликсира молодости. Их деятельность задела короля за живое, потому он из личных мотивов вырезал всех работников, после чего скрыл правду от народа. Ринна добивалась этой правды, пока в один момент ее не заткнули. На этом все, рассказ Каори дал понять мне то, что король действует не столько в интересах Гармонии, сколько в своих собственных, порой перегибая палку. Когда я договорился о сотрудничестве, взяв контакты Каори, сразу двинулся домой, но дойти до него мне не дал взрыв в типографии. Скажу сразу, туда прибыла гвардия, чтобы бесчеловечно сжечь невинных людей, в том числе и Каори, которая, по всей видимости, оказала сопротивление — и все это моя вина. Излишне светив своим лицом, я привлек чье-то внимание, впоследствии прибыла гвардия, при виде которых Каори впала в панику и поплатилась жизнью. Теперь о сотрудничестве не может быть и речи, как и о любой потерянной информации, я с треском провалил задание, позволив гвардии вмешаться в наши дела. Вы спросите, почему же я вернулся так поздно и весь в крови? Я отвечу — теперь в мире на десяток гвардейцев меньше, король получил от меня послание, никаких больше игр. Пока я не сказал главного, вы можете задать свои вопросы.

По девушкам было видно, что они шокированы произошедшим, не веря в то, что мне хватило решимости, чтобы вступить в бой с гвардией. Сказать честно, я был уверен, что это будет сложно, но на деле все оказалось куда проще, чем на первый взгляд — мой меч рассекал их плоть и броню, словно нож масло, их реакция была заторможенной, после пары смертей те начали паниковать и палить из своих пневматических орудий куда попало. Так вот каково это — быть сильнее своих оппонентов.

— Ашидо, пожалуйста, скажи мне, — обратилась с вопросом Юмико, — что заставило тебя так измениться? Я совсем тебя не узнаю...

— Ты была права, Юми. Поначалу я не верил в твои амбиции, думал, что ты умна на слова, да глупа на дело, но сегодня я понял, что ошибался. Я решил для себя, что именно мои руки положат конец всему тому раздору между народом и властью. Хочу спросить у вас именно сейчас, вы готовы идти со мной по пути, залитому кровью, чтобы однажды оказаться свободными? Если нет — лучше уйти сейчас.

Я кинул ожидающий взгляд на сидящих напротив Хорнет и Амелию.

— Готова, — без колебаний ответила Хорнет, — мне надоело жить в страхе, с самого начала я противилась режиму и отступать не собираюсь. Я буду тебе верным союзником,

Ашидо.

— Хах, знаешь, Ашидо, ты меня немного пугаешь, — сказала Амелия. — Но, знаешь, я верю в тебя, верю в то, что у нас все получится. Если ты исполнишь свое обещание и убьешь Хандзо, клянусь, я до конца своей жизни буду бороться за наше brave дело.

— Я тоже буду с вами! — прокричала Итачи. — В бою я не очень, но я буду стараться помогать вам всем, чем смогу!

Меня радовала такая отдача от преданных друзей, я успел заработать себе авторитет, а придя домой другим человеком, стал лидером в числе нашей безымянной организации.

— А что на счет тебя, Юмико, — уставился на нее я.

Она скованно и молча сидела, пилящие глаза со всех сторон заставляли ее чувствовать дискомфорт, но эта девушка не из тех, кто станет молчать.

— Знаешь, Ашидо, — начала она, — я полюбила тебя за твою невинность, слабость, думала, что именно я заставлю тебя вырасти, заставлю обрести уверенность и стать мужчиной, но видя тебя таким, я совсем не узнаю своего Ашидо, ты стал другим, совсем не похожим на себя прежнего. Я чувствую, что все мы в один миг тебе уступили, сейчас ты сильнее каждой из нас, теперь ты будешь нашим авторитетным лидером, и это меня пугает.

— Юмико, именно ты открыла мне глаза на все, только благодаря тебе я стал таким. Не говори так, будто ничего для меня не сделала. Может я и стал другим, все мои теплые чувства к вам остались прежними, я буду сражаться за всех, кого люблю, в том числе и за тебя, Юми.

— Ашидо...

Она смотрела на меня, расплывшегося в искренней доброй улыбке, сбросившего свой убийственный взгляд, ее мокрые глаза отчетливо сверкали, в них читался и страх, и искренняя любовь.

— Ашидо, я не стану ничего говорить, ты сам все поймешь.

Юмико наклонилась в мою сторону, ласково взяла за щеки, как тогда в парке, после чего вновь соединила свои губы с моими. Впервые мы поцеловались в присутствии других любопытных глаз, Амелия и Хорнет отвернулись, не в силах воспринимать происходящее, Итачи же с блестящим взглядом разинула рот от увиденного. Закончив наш поцелуй, Юмико взяла меня за руку обеими своими ладонями и сказала:

— Я с тобой... до конца.

***

Хорошенько выспавшись, мы были готовы взяться за большое дело — узнать в лицо своего врага. То, что произошло вчера, стало переломным моментом в жизни каждого из нас, и никто не решился отступить. Я встал во главе нашей компании, теперь именно я решал, кто что будет делать, мое слово значилось больше, чем то, что говорят остальные, но это вовсе не повод перестать слушать своих союзников. В первую очередь мы — друзья, потому я не могу командовать своими близкими так, как посчитаю нужным.

— Распределим работу на сегодня, — начал я речь на утреннем собрании. — Я пойду на разведку на место проведения праздника, Юмико, Амелия, вы идете со мной. Хорнет, хочу поблагодарить тебя за переговорные устройства, которые ты вчера закупила, вышло аж в десяток раз больше, чем требовалось. Будь дома на связи, пока мы заняты подготовкой, разузнай план проведения, попробуй раскопать что-либо о присутствующих, как будет, что сказать — не томи.

— Поняла, — подтвердила Хорнет.

— Отлично, теперь еще раз напомню вам о том, что парень в рогатом шлеме, представившийся как Кишин, может оказаться нашим союзником — вчера он четко обозначил то, что королю нельзя смотреть в глаза, а также дал понять, что это не последняя наша встреча. Что-то мне подсказывает, что в будущем он окажется нам полезен, учитывая сколько всего он сделал на данный момент. Если сила короля таится в его взгляде — это объясняет причину, по которой первый покусившийся на его жизнь ренегат не смог завершить начатое.

Да, еще вчера я рассказал девушкам о Кишине. Это парень выглядит слишком подозрительно: приходит, когда вздумается, говорит какую-то ересь, а затем так же неожиданно уходит. Взвесив все за и против, я пришел к тому, что он пытается нам помочь, но действует осторожно. Не знаю, как этот человек узнал о том, кто мы такие и чем занимаемся, но объяснения этому все же есть — этот парень колоссально сильнее всех тех, с кем я когда-либо встречался. Когда Хорнет впервые встретилась с ним, то даже не почувствовала его присутствия, в отличие от меня. Когда я дрожал, глядя на горящие трупы около типографии, я трясся вовсе не от страха, а от его присутствия. Кишин был шепотом, чей объем внутренней энергии превышал мой настолько, что в непосредственной близости меня парализовало от его гнетущего воздействия на психику. Иметь такого врага было бы пагубно для каждого из нас, потому что осознание того, что этот парень на нашей стороне, грело душу и внушало спокойствие.

— Итак, по коням, девочки, встретимся в холле, — скомандовал я.

Уже через десять минут все были в сборе, мы работали как сплоченная команда.

— Проверка связи, прием, Хорнет, слышишь меня? — произнес я в переговорное устройство.

— Чисто и отчетливо, — ответил качественный голос в рацию.

— Прием, — повторила за мной Юмико.

— Вызываю радиостанцию «Восток», это Лия, прием, — подшучивала Амелия.

— Все отлично, слышу вас, — отвечала Хорнет.

Переговорные устройства представляли собой наушник с чувствительным микрофоном, который плотно закреплялся на ухе. Мы далеко не единственные, кто такие использует, они полезны и в повседневной жизни как устройства, заменяющие пейджер. Хорнет удалось урвать целую партию у директора завода, с которым та ранее договорилась о сотрудничестве. Документально наша организация никак не числилась, потому что взаимоотношения строились лишь на словах, не давая никаких гарантий, но Хорнет умела вести дела, потому этого было достаточно, а в случае предъяв в сторону нашего партнера — доказательств не будет.

— Отлично, идем, — приказал я. — Хорнет, будь на связи.

Так мы шагнули в смутно осязаемое сегодня. Наша деятельность началась с изучения местности — оказавшись в самом центре Торгового района, мы столкнулись с оживленной толпой, предвкушающей завтрашний праздник. На главной Торговой площади уже активно собиралась сцена и трибуны, рабочие трудились не покладая рук, а любопытная толпа не давала им заниматься своим делом. Сама площадь была круговой, ее окружали небольшие дома в три-четыре этажа, которые являлись либо административными, либо коммерческими зданиями. С крыши таких домов было удобно наблюдать за происходящим, неплохо бы там расположиться, но, вероятнее всего, их займет гвардия, потому придется сливаться с толпой. Помимо главного экспоната вокруг собирались всякого рода праздничные ларьки, которые

хорошо вписывались в наш незаконченный план отступления. Обычно в таких квадратных палатках продают всякие вкусности или развлекают народ — именно они дополняют колорит праздника.

— Идемте, теперь осмотрим переулки, пройдя по которым можно скрыться от погони, — сказала Амелия.

Стоило выйти за пределы главной Торговой площади, в поле зрения стали появляться обычные жилые дома. Неприятно осознавать, что в то время как обычные жители Гармонии могут дойти до мероприятия, сделав сотню шагов, некоторые и вовсе на него не попадут. Пусть в интернете и было написано, что каждый желающий сможет занять себе место, никто не брал во внимание жителей Трущоб, которые были вынуждены оставаться в своих грязных домах в отдалении от цивилизации. Такая несправедливость тоже царапала мне душу, казалось, будто там живут забытые Богом люди, утратившие в него всякую веру, вынужденные подбирать еду с пола и спать на твердых кроватях. Думая о них, я понимаю, что жил не так плохо: набивал желудок до отвала, слонялся по улицам, не заботясь ни о чем, переживал лишь за свое одиночество.

— Вот, здесь есть люк, — развеяла мои мысли Лия, — если не брезгуете, можете скрыться в канализации.

— Это в крайнем случае, — ответила Юмиго.

Переулки Торгового района казались совсем безлюдными. Во время застройки люди сэкономили каждый метр, чтобы как можно больше домов влезло на отведенную для них территорию. В лучшем случае ширина переулка достигала трех метров, обычно они складывались в сеть длинных закрытых замысловатых проходов, окруженных стенами домов — прекрасный путь отступления. Если двигаться быстро и знать куда бежишь — точно оторвешься от преследователей, хотя мы рассчитываем вообще избежать стычек с кем-либо. Стоя в толпе можно скрыться от лишних глаз, но цена такому решению — ограниченный обзор.

— Вот, это когда-то было моим домом, — вновь заговорила Амелия, указав на скромный двухэтажный дом с магазином на первом этаже. — Когда-то здесь был магазин моей мамы, она продавала здесь сельскохозяйственные химикаты, теперь же вывеска сигнализирует только о магазине одежды, как прискорбно.

Амелии было тяжело смотреть на вид собственного дома, с которым связано так много приятных воспоминаний.

— Лео сделал все за меня, я даже не смогла в последний взглянуть в лицо маме, когда она умерла, даже не знала о ее кончине, пока ты мне об этом не сказал, Ашидо.

— Я не мог не сказать, Лия.

— Да, я знаю, спасибо, — поблагодарила она, опустив голову.

— Лео продал магазин, но что случилось с квартирой? — поинтересовалась Юмиго.

— Пустует, Лео оставил ее для меня, но я там уже давно не живу. Можете забрать себе ключи, — она протянула мне связку, — если придете сюда без хвоста — сможете отсидеться.

— Отдай, ты потеряешь, — Юмиго вырвала ключи у меня из рук.

— Как скажешь, кэп, — без сопротивления сдался я.

— Там очень пыльно, жалобы не принимаю, довольствуйтесь тем, что есть, — фыркнула Амелия.

— Я хочу посмотреть, можно? — спросила Юмиго.

— Пойдем, — подтвердила Лия.

Мы поднялись по лестнице, выходящей на улицу, после чего уткнулись в тупик с двумя лишь квартирами по левой и правой стороне. Юмико своей рукой вставила ключ в замочную скважину, пытаясь открыть дверь, но та почему-то не поддавалась.

— Дай сюда, всему-то тебя учить, — прорычала Амелия.

Отодвинув Юмико в сторону, она всем своим весом надавила на дверь, ключ с легкостью провернулся в замке, после чего дверь отворилась. Мы вошли внутрь, и я сразу почувствовал знакомый аромат скромного тесного жилища, которое могло только мечтать о ремонте. Дом Амелии представлял собой двухкомнатную квартирку, одна из комнат точно принадлежала Анне Акине, в то время как вторую Лео и Лия делили пополам. На полках виднелись семейные фотографии, все без отца, но было забавно смотреть на маленьких брата и сестру, хоть такая картина и пробивала на эмоции.

— Я прожила здесь всю свою жизнь, — раздался голос хозяйки в тишине. — Хорнет не понять, каково это, жить в бедности, она ведь никогда так не жила.

— Я все слышу, — послышался знакомый голос в рации.

— А? Подслушиваешь? — возмутилась Амелия.

— Если бы ты умела выключать микрофон, мне бы не пришлось все это время вас слушать.

— Ах ты, чертовка! — бесилась она.

— Да, да, дома меня поругаешь, — невозмутимо ответила Хорнет. — У меня для вас кое-что есть, слушаете?

— Рассказывай, — сказал я.

— Я раскопала план, праздник начинается в шесть вечера, время проведения варьируется от трех до четырех часов, хороший выбор для рейдов. Город будет бодрствовать до полуночи, фонари отключать никто не планирует, вы все еще думаете, что это хорошая идея?

— Это не обсуждается, — парировал я.

— Поняла, тогда вам будет интересно узнать о тех, кто будет присутствовать.

— Слушаем.

— Начнем собственно с генерала Фридриха Кафки, о котором все уже слышали. Этот мужик — важная шишка в госаппарате, на нем лежит вся структура внутренней полиции Дипломатического района, но есть и кое-кто поинтереснее. Речь идет о генерале Джонатане Морроу, который командует королевской гвардией, этот старик стоит на своем посту еще с начала застройки, при жизни он даже застал первого короля — Сето.

— Хочешь сказать, именно он отдает приказы гвардии? — подметила Юмико.

— С согласия Котая, разумеется, хоть и приукрашивает в своих интересах.

— Тогда у нас есть, что ему предъявить, — произнес я, скрипя зубами.

— Не спешите, впереди фавориты праздника, — заикнулась Хорнет.

— Кто? — оторопел я.

— Котай Изуми и его дочь Аой, они тоже там будут. Врага нужно знать в лицо, не так ли, Ашидо? — дерзнула она.

— Что-то еще?

— Нет, это все. Вы уже закончили?

— Да, осталось только обсудить план, мы возвращаемся, — ответил я.

— Принято, конец связи, — закончила Хорнет.

Да, дело усложняется, скрываться придется крайне умело, иначе все в один вечер окажемся в гробу.

— Что думаете? — обратился я к девушкам.

— Думаю, больше не допущу ошибки оставить микрофон включенным, — лепетала Амелия, нервно нащупывая кнопку на переговорном устройстве.

— Надо все как следует обдумать, Ашидо, — утвердила Юмико.

— Обсудим, идем.

Закрыв на замок пустующую квартиру, Амелия вернула ключи Юмико, после чего мы двинулись домой. На пороге нас встретила Итачи, она передала нам, что Хорнет уже ждет всех в гостиной, которую стоило уже давно переименовать в комнату собраний. Не тратя время на сменную домашнюю одежду и еду, которую так старательно готовила кошечка, мы сразу двинулись на второй этаж, минуя искушение на пути к серьезному разговору. Но что-то было не так, будто бы мы зашли в баню — воздух казался тяжелым.

— Ты тоже чувствуешь, Юмико? — обратился я к ней.

— Да, что-то не так.

По мере того, как мы приближались к гостиной, проявлялись звуки оживленного разговора. В неразберимом потоке отчетливо слышался женский смех. Кто же там разговаривает? Если Итачи встретила нас в дверях, не значит ли это, что в комнате должна быть только Хорнет? Неужели Сильвия научилась разговаривать и нашла себе собеседника по интеллекту? Глупый стеб в моем стиле, пусть я и не считаю ее глупой.

Схватившись за ручку двери, умирая от любопытства, я отворил дверь и столкнулся с тем, кого точно не ожидал здесь увидеть. На диване напротив Хорнет сидел Кишин, но не в привычном образе какого-то придурковатого чудака, а в обычной повседневной одежде: высокие кеды, самые обычные штаны на подобие моих, худи и какая-то легкая объемная куртка. Про шлем в этот день он видимо вообще позабыл, его лицо можно было отчетливо разглядеть. Этот парень отличался своей природной красотой, будь я девушкой — растаял бы на месте. Заметив нас, он переключил свое внимание и даже дерзнул сказать:

— Заходите.

Ошибки быть не может, Хорнет разговаривала с ним все то время, пока мы шли до дома, и, судя по смеху, он ей понравился, но меня этот тип все еще напрягает, не говоря о том, что он излишне подозрительный. То, как он оказался в нашем доме за одним столом с сегодняшним радистом — вообще не поддается никакому объяснению. Мы зашли внутрь, но никто не спешил присаживаться, напряжение не давало расслабиться.

— Ты о нем говорил, Ашидо? — поинтересовалась Юмико.

— Да, это Кишин.

— Илия Кишин, — подметил он, — для вас — мастер Кишин.

— С чего бы нам называть тебя мастером? — возмутился я, не в силах проигнорировать такую наглость.

В ответ Илия встал с дивана, поставив какую-то жестяную банку на стол, после чего подошел ко мне на расстояние метра и уставился прямо в глаза.

— В твоих интересах называть меня не по имени, Ашидо, — пригрозил он.

— Хей! Отойди от него! — влезла Юмико, оголив «Нит».

Илия перевел свой взгляд на нее, не отворачивая голову. Несколько секунд они смотрели друг на друга, после чего я увидел, как в его глазах что-то мелькнуло, Юмико резко дернула, она отшатнулась в противоположную от нас сторону, потеряв равновесие, я

почувствовал враждебность.

— Что ты сделал? — прокричал я.

— Тоже самое, что и с тобой, — хладнокровно и бесчувственно ответил он. — Я сюда не драться пришел, просто относитесь ко мне уважительно, если не хотите заработать себе нового врага. Поговорим?

Юмико уже пришла в себя, снова встав в трезвую стойку. Скорее всего, Кишин сделал со мной тоже самое, когда мы впервые встретились близ типографии. Он снова уселся на диван и принялся распивать свой напиток из алюминиевой банки.

— Зачем ты сюда пришел? — спросил я.

— Пожелать вам удачи в завтрашнем деле.

Завтрашнем деле? Хорнет ему все рассказала? Может она и привела его домой? О чем только эта женщина думала?

— Откуда ты знаешь о том, чем мы занимаемся? — стиснув зубы, произнес я.

— Я все о тебе знаю, Ашидо, о каждом из вас.

— И как давно ты все знаешь?

— О тебе — со вчера. Об остальных — только сегодня узнал.

— Хорнет, это ты его сюда притащила? — наехал на нее я.

— Нет, он сам пришел, я тоже была в шоке, — оправдывалась она.

— Как ты узнал об этом месте, Кишин? — все меньше что-либо понимал я.

— Говорил же, — вздохнул он, — я все о вас знаю, вот и пришел в гости.

— Откуда? — я все больше нервничал.

— Какой же ты назойливый, присядь, я объясню тебе в качестве исключения.

Потакать ему совсем не хотелось, но возражать было не в моих интересах. Я чувствовал, что его терпение иссякает, а что будет, если оно закончится, не знает никто — лучше этого типа не злить. Я сел на диван напротив, Юмико и Амелия остались на ногах, боясь брякнуть лишнее слово и вообще пошевелиться.

— На древнем мелийском такую способность называют «шиирацу», где «шии» означает око, а «рацу» — душа. Если сложить их воедино, получится «взгляд в душу». Такого объяснения тебе хватит?

— Хочешь сказать то, что ты сделал со мной вчера, а сегодня с Юмико, называется «шиирацу»?

— В яблочко, — сказал он, выставив указательный палец и отогнув большой.

— Что у тебя за глаза такие, как у ящерицы, это способность такая? — спросила Хорнет.

— Драконьи, очевидно, но секрет не в них, обойдемся без прочей болтовни, — отрезал он.

Мне он не нравится, слишком высокомерный, хоть и выглядит как сбежавший из психушки. К тому же называет свои глаза драконьими, явно потерявшись в собственном бреде.

— Кишин, скажи, — обратился я к нему, — кто ты, враг или союзник?

— У меня нет врагов, Ашидо, но я вам и не друг, — ответил он, забавляясь от того, как болтается жидкость в банке. — Если ты докажешь мне, что достоин называться шепотом примирения, тогда я встану на твою сторону, а сейчас я пойду, дабы не мешать вам работать над планом.

Он поднялся с дивана и двинулся к двери, около которой стояли Юмико и Амелия.

Остановившись около Юми, он устался на нее, от чего та очень сильно напряглась, но вместо очередного вмешательства в душу, он лишь положил ей на голову руку, после чего принялся поглаживать.

— Однажды ты смиришься и отпустишь их, — сказал он.

Юмико не могла ничего из себя выдавить. Смотря на это, я даже немного приревновал ее к нему, хотя прекрасно понимал, что этот парень не станет впустую тратить свое время на каких-то там женщин.

— Еще увидимся, только хорошенько вбейте мои слова себе в голову — не смотрите в глаза королю или вы все умрете.

Напоследок он лишь помахал рукой и покинул комнату.

— Ашидо, что это было? — спросила Амелия, наконец позволив себе пролить слезу.

— Я не знаю, Лия, я уже ничего не понимаю.

— Он был куда приветливее, пока мы сидели здесь вдвоем, — вклинилась Хорнет. — Ашидо, Илия не враг, он нам помогает, хоть я и не знаю почему. Нам не понять его целей, пока он сам все не объяснит. А пока будем терпеливо ждать и надеяться, что он не разболтает об этом месте кому-нибудь, кому знать не нужно.

— Что-то в нем не так, — опомнился я. — Если его способность заключается в том, чтобы прочитать всю жизнь человека, взглянув ему в глаза, тогда почему мы с Юмико дрожим, стоит нам его почувствовать? Разве шепоты на такое способны? Здесь кроется нечто большее, даже если он спокойно поделился с нами своим секретом — он раскрыл лишь один из множества козырей. Вы так не думаете?

— Похоже на то, — подтвердила Хорнет.

— К тому же он знает о способности короля и предостерегает нас. Зачем? Котай тоже владеет «шиирацу»? Если Кишин сказал, что секрет не в его глазах, тогда в чем? Это какая-то техника шепотов? Что вообще связывает его с королем?

— Слишком много вопросов и слишком мало ответов, нам незачем сейчас об этом размышлять, — старалась она меня отвлечь.

— Ты права, сконцентрируемся на плане.

Что ни день, то потрясение. Пусть никому из нас ничего не понятно, Илия дал понять, что он нам не враг до тех пор, пока один из нас не перейдет ему дорогу. Мотивы этого человека никто не в силах разгадать, сколько не старайся. Благодаря ему мы знаем об одном из козырей короля, который помог ему пережить покушение на свою жизнь. Но если Котай владеет «шиирацу», не значит ли это, что он еще опаснее, чем мы предполагали? Это лишь догадка, но мне кажется, что Илия ищет союзников для воплощения одной из своих эгоистичных целей, с которой не справится в одиночку, потому и положил глаз на меня и моих людей, увидев в нас какой-то скрытый потенциал. Ясно лишь одно — мы в одной лодке, но на разных уровнях и с разным подходом к действительности, как бы мне не хотелось этого признавать, потому любая информация из его уст окажется полезной. Если этот парень точит зуб на короля — нам это только на руку.

Остаток вечера мы уделили планированию. Все было готово, завтрашний день станет ключевым в нашей истории, этот факт заставляет меня изрядно понервничать. Смотря в будущее, я уже не пробиваюсь через бесконечный туман, а отчетливо вижу где-то вдалеке свет, до которого однажды доберусь и протащу за собой всех своих близких. Илия, если мы имеем общую цель — я хочу, чтобы ты стал мне другом, ты появился в моей жизни внезапно, принес с собой пусть и небольшую, но бесценную капельку надежды. Как бы ты не был мне

противен, я не могу отрицать, что благодаря тебе я вырос и пошел по правильному пути.
— Не смотри королю в глаза, Ашидо, не смотри, — нашептывал я, медленно погружаясь в сон.

Глава 14: Карнавал мечников

Наконец заветный день наступил, то, к чему все мы так усердно готовились, вскоре свершится. Для обычных людей тридцатилетие со дня заключения «Австралийского пакта» является самым обычным праздником, но для нас сегодняшняя дата говорит о внушительном шаге навстречу ясному будущему. Сегодня мы взглянем на своих врагов вживую, такой ход не столько полезный, сколько символический, доказывающий нашу решимость преодолеть страх перед своими вышестоящими повелителями. Шум под окнами невозможно было унять, с самого утра люди суетились на некогда пустовавших узких улицах без всякого живого присутствия, кто-то даже играл на музыкальном инструменте, выпрашивая у прохожих лишние гроши в качестве награды за старания. Выйти из дома незамеченными в такой обстановке не выйдет, потому нам придется выходить через боковое окно в конце коридора второго этажа, стараясь приземлиться так, чтобы не замарать одежду. В качестве маскировки я использую всю ту же черную одежду, в основе которой лежит худи с капюшоном, а также привычные солнцезащитные очки, от которых я, вроде как, недавно отказался. Юмико подошла к задаче оригинально, нацепив красивое бежевое пальто и большую фетровую шляпу того же цвета. Я бы не узнал ее в этом костюме, даже пройдя вплотную. Но не стоит думать, что на ее фоне моя попытка скрыть свою личность кажется совсем уж глупой, напротив, самая лучшая маскировка — самая простая. В городе много людей, любящих черную одежду, все мы как продукт с одного конвейера — отличаемся только маркировкой. Как и было оговорено, кроме нас двоих никто не станет лезть в пекло, рискуя своей жизнью. Амелия, Хорнет и Итачи сегодня останутся дома на «карантине», выключив везде свет и заперившись в подвале, где все следы активности электроники подавляются стенами и землей — какая паранойя. Нам не хватает кого-то столь же характерного, как мы с Юмико.

— Вы готовы? — спросила Хорнет.

— Да, вроде ничего не забыли, — ответила Юмико.

— Еще раз пробежимся по деталям плана, — суетилась Амелия. — Так, первым пунктом вы тихонько и без всяких выкидонов проникаете на праздник, сливаясь с толпой. Затем постарайтесь найти среди присутствующих Кафку и Морроу, хорошенько запомните их лица и лица тех, кто будет стоять рядом — они могут оказаться куда большей занозой в заднице. Если я правильно понимаю, у обоих есть свои дети, старики любят таскать затворников по таким крупным событиям. Любого, кто зацепится глазами тоже запомните, после чего уходите. Если сильно чешутся руки — можете грохнуть кого-нибудь из гвардейских зевак. Отсидитесь у меня дома до послезавтра, затем я за вами зайду. Все понятно?

— Еще со вчера запомнил, — усмехнулся я, — только без пункта про «чешутся руки».

— Это на случай если ты решишь, что зря потратил время, — пояснила Хорнет.

— Как скажешь, подруга, но все же попробуем без этого обойтись, — ответил я.

— Тогда удачи, мы будем следить за вами, будьте на связи. Если что-то пойдет не так — уничтожьте ваши переговорные устройства или предупредите нас, чтобы мы оборвали связь.

— Принято, — подтвердила Юмико.

— Удачи! — кричала Итачи, прыгая на месте.

— Ни пуха, ни пера! — крикнула Хорнет, выставив кулак.

— К черту! — раздался всеобщий возглас, заглушивший звук стукнувшихся кулачков.

По очереди сиганув из окна второго этажа, мы с Юмико благополучно мягко приземлились, а затем просочились в общий поток людей, выйдя на параллельную улицу из тесного переулка. Время уже близилось к вечеру, не за горами и начало мероприятия, навстречу которому мы стремительно направлялись. Выставив руку как истинный джентльмен, я вел за собой Юми, мы были похожи на счастливую супружескую парочку. В глазах то ли дело мелькали гвардейцы, устроившие патрули в поисках несчастной жертвы, кто-то даже умудрился пройти бок о бок со мной, но мы разминулись настолько быстро, что этот кто-то не успел ничего заподозрить. Операция накроеется, если мы случайно попадем в радиус чувствительности шепотов — пройдя половину пути, я уже несколько раз почувствовал кого-то сильнее меня, но были и такие, кто еле ощущался. Осмелюсь предположить, что если на празднике будет кто-то столь же сильный по своей ауре, как Илия Кишин, я для него буду букашкой в одном огромном муравейнике — в этот день нужно остерегаться не сильных, а слабых. Чем ближе мы становились к заветной площади, тем больше гвардейцев мелькало в глазах. Они заняли крышу, как мы и предполагали, со вчерашнего дня на площади появились и некоторые обзорные башни со специализированными стрелками — вот же заноза.

Уже на площади к сцене было не пробиться — толпа народа еле помещалась в рамки места проведения, кто-то даже покупал обзорные места в домах по окружности, чтобы не находится в гуще суетливого народа. Благо около ларьков такой толкучки не было, мы чудом заняли пустое место на скамейке около палатки со сладкой ватой. Если так подумать, все мы обязаны Австралии за ее отзывчивость и благосклонность, ведь именно они поставляют нам сахар, чтобы каждый желающий мог насладиться чем-нибудь сладеньким. Все продукты на полках в магазине — по большей части заслуга нашего дорогого партнера, который приносит народу мясо, молочные продукты, муку и все прочее. Что же мы отдаем им взамен? Понятное дело, что можно расплатиться обычными Гармонийскими кредитами, которые стабильно держат свой курс на мировом рынке, но есть ли что-то такое, что Гармония могла бы экспортировать в другие страны? Единственное что приходит в голову: оружие, людей и технологии. Пусть по ресурсам город уступает представителям внешнего мира, но внезапное появление разлома каким-то волшебным образом продвинуло творения людей на совершенно иной уровень. Раньше человечество могло только мечтать о том, чтобы увидеть кого-то подобного Игачи: с красивыми пушистыми ушками и игривым хвостиком. Сейчас же никого этим не удивишь, разве что не ведающего о возможностях генной модификации. Интересно, Илия тоже через такую прошел, заполучив себе новые индивидуальные глаза? Думая о нем, я невольно вспоминаю вчерашнюю ситуацию с Юмико, когда он что-то брякнул о людях, которых она по сей день не может отпустить. Кто эти люди? ее родители? Меня напрягает такая несправедливость — месяцы сближения с Юмико, а она молчит о своем прошлом, сколько не уговаривай, как вдруг появляется всезнайка, прочитавший всю ее жизнь от начала и до вчерашнего дня. Может у него и спросить, или этот придурок так печется о своей чести, что не станет мне ничего рассказывать?

— Дорогой, ты замечтался, мне скучно, — развеяла мои мысли Юмико.

— Дорогой? — оторопел я.

— Ну не по имени же, мы как никак на задании.

— А, хорошо, дорогая, — подыграл я.

Юмико покраснела, что было ожидаемо, ее всегда смущали подобные слова от меня.

— Я хотела у тебя кое-что спросить.

— Конечно, спрашивай.

— Слушай, ты ведь в глубине душе не такой, каким хочешь показаться?

— Что ты имеешь в виду? — непонимающе спросил я.

— Ну, ты пытаешься выглядеть... круто, что ли, такой весь решительный, дерзкий, но стоит перейти к разговору на откровенные темы, ты сразу сбрасываешь эту маску, сразу становишься таким... добрым, любящим.

— Нет, дорогая, человек перед тобой — всегда настоящий. Я не умею врать и тем более вешать на себя маски, моя решительность проросла совсем недавно, а до того момента я и в самом деле был простой плаксой, не способной себя защитить, чего уж о других говорить.

— Хочешь сказать, что пока ты подставляешь нож к горлу всему миру, близким в этот момент вручаешь шоколадку?

— Конечно, таково мое кредо.

— А смог бы ты посочувствовать смерти незнакомого тебе человека? — сказала Юмико, переменившись в лице.

— Иначе я бы не встал на этот путь, сопереживание чуждым тебе людям лежит в основе благородства.

— Хех, значит ты все еще такая же плакса, как и я, — усмехнулась Юмико.

— Может и так, — фыркнул я.

— Мы с тобой такие, стоит котика подвернуть лапку, сразу бросимся лить слезы.

— Это точно, котики точно такого не заслуживают.

— Дорогой, можешь еще кое о чем мне рассказать?

— Не стесняйся, спрашивай, — улыбнулся я.

— Дело в том, что...

Юмико резко остановилась, и я знаю почему. Мы сидели на лавочке между палатками, где никого не должно быть, но одновременно почувствовали едва различимый щелчок. В наш уютный уголок забрел светловолосый паренек, которого я, хоть и не сразу, узнал. Судя по его выражению лица — он меня тоже.

— Ну, здравствуй, мечник, — улыбнулся он.

— Здравствуй, Алан, — поприветствовал я, стараясь не выдать своего напряжения.

— Так это Алан? — опомнилась Юмико.

— Да, это я, Алан Ковинский, — подмигнул он. — Давно тебя не видел, где пропадал все это время?

— Не твоего ума дело, — огрызнулся я.

— Хей, ты чего, обиделся на что-то? Это мы с Миленой должны обижаться, ты ведь так и не пришел в тот день.

— А? — оторопел я.

— Мы несколько часов тебя ждали, подумали даже, что в ловушку нас загнать решил. Кстати, не поверишь! Там стояла самая настоящая машина, как в фильмах!

— Алан, лучше не говори о этом...

— Почему? — опешил он.

— В этот день мы потеряли дорогих людей, машина напрямую с ними связана, — пояснил я.

— Так ты поэтому не пришел? Прости, я не знал.

— Я пришел раньше вас, подумал, что вы устроили ловушку, когда меня в этом переулке отметелил один очень плохой мужик.

— Так ты все-таки там был? Еще и под чью-то руку попал? Я говорил ей, что надо было прийти раньше! Вместе мы бы научили его манерам!

— Он бы убил вас, — возразил я. — Этот мужик, Ханздо, только надо мной насмехается, а вас сразу бы прикончил.

— Он такой сильный? Шепот, что ли? — запомнил Алан.

— Как видишь, мне досталось...

Алан усмехнулся и устремил свой взгляд я в небо.

— Знаешь, друг, а ты сильно вырос с той поры, даже девушку нашел.

Юмико покраснела, услышав эти слова, а затем привычно отвернулась в сторону.

— Стесняется, — подтрунивал он.

— Да, я сильно вырос с той поры.

— Познакомишь хоть? — ехидно поинтересовался он, ожидая одобрение.

— Это Юмико, моя... девушка, — представил я смущенную девушку.

— Приятно познакомиться, если еще увидимся — познакомлю тебя с Миленой. Ты ведь тоже шепот, да?

— Ашидо, так наша операция точно провалиться, давай уйдем, — отстранилась Юмико.

— М-м, операция? — замешался Алан.

— Долгая история, хочешь присоединиться к нам? — ни секунды без вербовки.

— Нет, спасибо, нам и без всяких операций с Миленой хорошо, — отказался он.

— Тогда будь добр, нам нужно уединиться, — прорычала Юмико.

— Да, конечно, простите, что помешал. Бывай, дружище, рад был с тобой увидеться! Тем более тогда, когда ты стал таким сильным, — сказал он, стоя полубоком, — прости, если чем-то обидел. Пока, Юмико!

Алан спешно удалился, улыбнувшись на прощание. С трудом верится в то, что такой легкомысленный и добрый парень мог устроить мне ловушку. Скорее всего, все было именно так, как он это описал: я пришел раньше, чем они, получил несколько ударов и насмешек, а затем спешно скрылся, оставив этих ребят с дурными мыслями на мой счет. Даже стыдно как-то, но радуется факт того, что я вырос настолько, что теперь еле чувствую Алана, который поначалу казался мне знатоком своего дела.

— Дамы и господа! Просим вашего внимания на сцену, праздник начинается! — раздался оглушительный вопль ведущего из колонок у трибун.

Похоже, наш разговор с Юмико прервется на этом моменте, время действовать — вперед. Мы встали со скамейки и двинулись туда, где был бы хороший обзор. Пробиваясь через плотную толпу, мы расположились в гуще народа перед трибунами — отсюда было прекрасно видно и саму сцену, и прилегающие к ней пристройки для VIP-посетителей, которые были немного выше трех метров. В томительном ожидании и тревожном молчании прошло около пятнадцати минут, по прошествии которых голос со сцены снова дал о себе знать.

— Граждане Гармонии, гости из Австралии, добро пожаловать на знаменательное мероприятие в честь заключения «Австралийского пакта», который в сегодняшний вечер уже в четвертый раз ожидает своего продления для продолжения дипломатических и торговых отношений между Австралией и Гармонией! Поприветствуем же наших сегодняшних участников громогласными аплодисментами!

Раздались громкие хлопки ладоней, на сцену двинулся мужчина в причудливом строгом костюме и бородой до живота — по всей видимости он был нашим гостем.

— Президент Австралии — Дерек Риппен! — голос со сцены разрывался в колонках.

Толпа аплодировала.

— Пресс-секретарь президента — Коди Хегман!

Да уж, какие крупные люди здесь собрались, совсем не уровня таких простолюдинов, как мы.

— Король Гармонии — Котай Изуми!

Вот он, наш главный враг, которого все так радостно приветствуют. Он был одет в дорогущее восхитительное одеяние: белая рубашка с золотыми пуговицами в форме ромба, черные брюки, которые прятались за кожаными сапогами с толстой прослойкой меха на голенище, поверх было накинуто королевское одеяние до колен, со стороны похожее на шубу, мех на которой был лишь там, где кончается ткань, на голове виднелась причудливая небольшая корона, а в ушах были серьги с красными драгоценными камнями. Если бы Хорнет не подсунула мне в карман окуляр, я мог и не разглядеть его ярких желтых глаз, которые сверкали на фоне коротких, но пышных черных волос. Помимо окуляра, в моем кармане еще болтался платиновый семейный кулон семьи Ишимару с большой выгравированной буквой «I», который я пообещал вернуть ей, как только с Хандзо будет покончено.

— Секретарь короля и по-совместительству единственная дочь его Величества — Аой Изуми!

А вот и дочурка, выходящие на сцену дяди совсем не знали, что такое нервничать, а вот девушка замаялась, стоило ей ступить по скрипучей сцене на обозрение людей. Насколько бы ярким не был король, на фоне дочери он выглядел совсем серым — ее длинные синие волосы аж до бедер не давали отвести взгляда, в комбинации с примитивным белым платьем с черными вставками, местами с позолотой, формировался сногшибательный образ, потому в тот момент, как она попала в поле зрения толпы, аплодисменты оказались куда громче и активнее, но быстро стихли, когда люди осознали, что тем самым заденут своего правителя. Примечательно то, что у девушки были разные глаза: один синий, другой розовый. Гетерохромия, значит? Довольно редкая болезнь, такие люди встречаются даже куда реже, чем ренегаты, как иронично.

— Граждане великой Гармонии, — обратился к народу Котай, — я рад, что в сегодняшний вечер смог всех вас собрать, чтобы вы смогли лицезреть момент продления пакта, но помимо всей этой политики, вас ждет череда выступлений наших артистов, чтобы этот выходной надолго запомнился каждому, как один из лучших в вашей жизни. С праздником!

На этот раз хлопки достигли пика своей активности, я тоже хлопал, хоть и не хотелось отдавать честь королю, который за маской добряка прячет свою истинную сущность. Все перечисленные заняли свои места на VIP-площадке, где находился еще десяток выряженных людей. Среди них стояли люди в военной форме. Судя по всему, седой бородатый добряк в очках был генералом Фридрихом Кафкой, а вот стоящий бок о бок с ним русский усатый мужчина был генералом Джонатаном Морроу. Помимо них там находились и другие: причудливая русая дама в черно-желтой форме со шрамом на глазу, какой-то парень в синем плаще с серыми волосами, черноволосый мужчина с пышной прической в черном важном костюме, опирающийся на трость. Остальные так в глаза не кидались, тем не менее лицо

каждого на этой площадке я как следует запомнил — дай только причину и буду до конца жизни царапать их портреты.

— Всех запомнил? — одернула меня Юмико.

— Да, каждого, — подтвердил я.

Напротив короля стояла трибуна с микрофоном для последующих выступлений. Я старался не сталкиваться с ним взглядом, пока он озирался на ликующую толпу. С виду не скажешь, что король владеет той же техникой, что и Кишин, но это не повод расслабляться и терять бдительность.

— Спасибо его Величеству за теплую речь, а также нашим уважаемым гостям за то, что присоединились к празднику, тридцатилетний юбилей в честь заключения «Австралийского пакта» можно считать открытым! — голосил ведущий со сцены. — Поприветствуем нашу первую участницу — девочку Алину, которая исполнит национальный гимн Гармонии!

Мы собрались уже было уходить, увидев достаточно, но стоило миниатюрному человечку ступить на сцену, что-то в сердце сжалось, будто мы только что чуть не совершили роковую ошибку. Ее ноги подкашивались от волнения, руки дрожали, держа в руках тяжелый для ребенка микрофон, но стоило ей запеть, как она тут же успокоилась.

— Где-то там за бесконечным океаном, где слух ласкает неизменная симфония, окруженная титаном величавым, на выжженной земле стоит Гармония.

Эта девочка с первых строчек растрогала толпу, такая маленькая, такая невинная — каждый стоящий доставал платочек из кармана, стоило лишь мельком взглянуть на нее.

— Вставай! Гордый народ! Вставай навстречу чуду! Не страшен людям голод, не страшна чума, каждый предан своему цветущему сосуду. Свободу роду принесла бездымная заря!

Я и сам забываюсь, слушая, как поет эта девочка, вкладывая всю себя в слова, думая, что поет о великой Гармонии. Именно ради таких невинных и чистых душ я принял свою судьбу. Когда мальчик по имени Ашидо думал, что родился со своими красными глазами по вселенской случайности и отрицал для себя будущее — он ошибался. Это мой долг — защитить таких, как она, от смутного будущего, которое точно ее огорчит, дать шанс на нормальную жизнь, которую она будет строить сама.

— Трогательно... правда? — промычала Юмико.

— Да... До глубины души пробивает, — подтвердил я.

— Как думаешь, мы справимся? — спросила она, оперевшись на мое плечо.

— Справимся... Главное не терять веру и ничего не бояться.

— Ашидо, я...

Вдруг прекрасное пение девочки прервалось вместе со звуком резкого падения микрофона на пол. По всей площади послышался звон, вернувший людей из облаков обратно на землю. Трагичный финал для карьеры юной певицы — вот так нелепо, на глазах у всей Гармонии обронить свой микрофон. Из-за толкучки разглядеть сцену не удавалось, но стоило появиться проблеску между головами опарашенного народа, меня охватил ужас.

— А-ши-до, вы-хо-ди, — вдруг заговорил протянутый голос в колонках.

Я не мог поверить своим глазам, Хорнет была права, когда говорила нам не идти на праздник, а зепереться дома, тем самым избежав всех возможных проблем, которые именно сейчас у нас появились.

— А-ши-до, я знаю, что ты здесь, выходи, мы все ждем. Ваше Величество, скажите ему, пусть выходит!

На сцене стоял тот, кого вообще здесь не должно было быть, ублюдок, посмевающий вот так нагло показаться на глазах у всего города, отобрав из рук маленькой девочки микрофон, тем самым разрушив ее мечту исполнить гимн для всех нас.

— Назовись, — послышался угрожающий голос короля с трибуны.

— Ни к чему, ваше Величество, — дерзнул он, — прямо сейчас где-то в толпе стоит кровожадный убийца, которого я так томительно жду на сцене, неужто вы хотите, чтобы он кого-нибудь покалечил?

— О ком ты говоришь?

— О трусе, поджавшем свой хвост, пытающемся скрыться среди простых людей. Не можете его найти?

— Человек, зовущий себя Ашидо, покажись, или будешь уничтожен без суда и следствия.

Вот же мразь, что же мне делать? Если останусь в толпе — меня рано или поздно найдут. Если побегу — за мной сразу увяжутся всей гвардией, к тому же я поставлю под удар Юмико. Но ведь это хороший шанс раз и навсегда расправиться с ним — с Хандзо, я ведь поклялся загнать его в могилу любой ценой. Даже если я сегодня умру, мои друзья будут жить, нужно лишь не смотреть в глаза Котаю, тогда он не узнает, где их искать. Стоя в этой толпе и скрываясь от тех, по чьи головы рано или поздно приду — я в действительности выгляжу могу назвать себя лишь трусом.

— А-ши-до, мы ждем, выходи, — продолжал насмехаться Хандзо.

— Ашидо, что случилось? Кто это говорит? — послышался голос Хорнет из рации.

— Хандзо, — ответил я.

— ЧТО? Ашидо, скорее уходи оттуда! Беги! — кричала Хорнет. — Просто беги! Забудь о нем, мы...

Голос Хорнет затих вместе с тем, как я собственными руками раздавил переговорное устройство.

— Я иду, — адресовал я свои слова Юмико.

— Ты уверен? — сомневалась она.

Пока мы говорили в гуще толпы, люди заподозрили нас и стали пятиться в сторону — теперь назад пути нет.

— Да, я покончу с ним раз и навсегда, — уверенно произнес я.

— Это я и хотела услышать, идем, — заявила Юмико, повторив сцену с переговорным устройством.

Мы двигались в сторону сцены, раздвигая своим присутствием толпу, словно Моисей воду — всякий видящий меня отходил в сторону, невинные души расступались перед загадочным монстром.

— О! Смотрите, ваше Величество, идет! — хохотал Хандзо.

Как только толпа освободила мне дорогу, я смелым и непоколебимым шагом двинулся навстречу неизбежному, бок о бок с Юмико, которая не побоялась кары короля за сорванный праздник. Теперь я точно уверен, что эта девушка — именно та, кто шагнет в могилу только вместе со мной. Вокруг сцены люди организовали кольцо, сократив расстояние между друг другом, тем самым оставив нам площадку для «разговора». Дойдя до точки невозврата, шагнув за пределы толпы, я сбросил с себя очки, Юмико освободила свои плечи от веса накидки, а следом за ней запустила свою фетровую шляпу в толпу. Мы шли на сближение со своим заклятым врагом, чтобы показать каждому жителю Гармонии нашу

решимость. Оказавшись в центре круга, я оголил свою «Нами» и замер в ожидании действий от Хандзо, а также реакции Котая.

— Хаха, смотрите! Этот придурок реально вышел, умора! — заливался Хандзо.

— Молчать! — крикнул в микрофон Котай. — Этот человек нашел в себе смелость выйти к тебе лицом к лицу, это поступок чести, и я не потерплю оскорблений в его сторону. Как мило, будь я в другом положении, сказал бы спасибо.

— Подайте ему микрофон, — приказал король.

Какие-то считанные секунды и мальчик на побегушках принес мне средство связи со своими врагами.

— Представься, убийца, — угрожающе сказал он.

— Меня зовут Ашидо Такаги, и я хочу, чтобы каждый присутствующий услышал то, что я хочу вам сказать, — обратился я к народу.

— Говори, Ашидо Такаги, — произнес Котай.

— Пусть меня и называют убийцей, пусть я и вправду унес жизни многих людей, находясь в бреду — я свершил благое дело, избавив мир от монстров, унесших куда больше жизней, чем я. Сегодня Ашидо Такаги, заберет еще одну жизнь, убив человека напротив, который безнаказанно губит невинных людей, не различая среди них ни женщин, ни детей, ни стариков. Хандзо, я убью тебя на глазах у всего города, прекращу кровопролитие, которое принесло много боли самым обычным жителям Гармонии!

— Ох, именно этого я и хотел! — Хандзо дергало от волнения. — Давай же, нападай!

— Вы, оба, посмотрите мне в глаза, — скомандовал король.

В ответ мы лишь непоколебимо стояли, не отрывая взгляда друг от друга, Юмико тоже крепко накрепко усвоила урок, который нам преподал Илия. Раз Котай осмелился заикнуться об этом — значит он не врал, Кишин спас нас от глупостей, которые вполне могли пополнить копилку идиотских решений на сегодня.

— Что ж, раз так, обращаюсь к народу Гармонии, — промолвил король. — В план мероприятия не входила драка на мечах. Я могу в миг наказать стоящих перед вами, но, если вы хотите увидеть бой, только скажите. Вы хотите крови?!

— ДАААА!!! — разрывалась озверевшая толпа.

— Что ж, выстроить вокруг кольцо! — приказал он. — Приступайте, смельчаки!

— Вперед, Юмико! — прокричал я, бросив микрофон на пол.

— Ашидо! — в зловещей улыбке кричал Хандзо, аналогично отбросив микрофон.

Мы бросились навстречу спрыгнувшему со сцены Хандзо. Я и Юмико стали сильнее, мы так усердно тренировались в ожидании именно этого дня — когда сможем наконец отомстить. Свет от появления «Нит» доказывал, что Юмико не отступит и пойдет со мной до конца. Даже если мы оба умрем, останутся те, кто продолжит наше дело, избавившись от тяжелой ноши ненависти, наконец познав послевкусие мести, свершенной моими руками. Хандзо не покинет это место, сегодня умрет либо он, либо мы, потому нужно приложить максимум усилий, чтобы вернуться домой живыми. Трусливого Ашидо больше нет, сейчас я покажу тебе все, чего стою!

Стоило нам сблизиться на расстояние удара, Хандзо снова в сопровождении синего свечения проскользнул через меня, устремив свою катану в сторону Юмико, которую я уже предупредил, что тот может выкинуть такой трюк. Телепортация уже не была такой непредсказуемой, мы были готовы, к тому же я и сам ее освоил. Юмико успешно парировала удар, от неожиданности Хандзо отшатнулся назад, в это время я уже развернулся и был готов

нанести удар, но «Нами» столкнулась с его катаной, которую он выставил за спиной. Хандзо смог заблокировать, но напор атак это не остановило — Юмико начала контратаку, от которой он увернулся, пригнувшись, а затем отступил в сторону, решив, что не стоит находится между нами. Мы продолжали свой напор, не давая Хандзо атаковать, ему оставалось лишь заблокировать и уворачиваться.

В какой-то момент Юмико оказалась к нему ближе, чем я — это хороший шанс удивить оппонента. Я собрал всю свою волю в кулак, представив, как мое тело растворяется в воздухе, а затем переносится туда, где сейчас находится он. Какой-то маленький момент и скачок удался, я вновь оказался на расстоянии удара, которого Хандзо точно не ожидал, хоть и сумел заблокировать.

— Выучил новый трюк, а, Ашидо? — фыркнул он, отступив через телепортацию.

Не произнося ни слова, я продолжил нападение, применяя телепортацию, Юмико старалась подстроиться под мой темп. К сожалению, ей так и не удалось освоить телепортацию — не хватило воображения. Но Хандзо оказался непредсказуемым — делая вид, что собирается отразить мой меч, он телепортировался к ничего не подозревающей Юмико. Если бы не реакция, сейчас бы я ее уже потерял, но та успела пригнуться, словно исполнив «лимбо», тогда меч прошел по касательной с ее подбородком, едва не задев. Нанеся удар, Хандзо продолжил атаку, пнув ее в живот, от чего Юмико согнулась. Я подоспел вовремя и сумел отогнать его, не дав нанести удар. Хандзо отошел в сторону, ожидая, когда Юми очухается.

— Как же мне это нравится! Ты наконец стал достойным оппонентом, Ашидо!

— Тебе конец, Хандзо, — произнес я, направив на него свою катану.

— Мне не будет позорно умереть от твоей руки! Но с этого момента, никаких больше игр, — угрожал он.

— Юми, ты как? Встать можешь?

— Все хорошо, сломал всего одно ребро, слабак, — пафосно усмехнулась она.

— Построение В, — скомандовал я.

— Вперед, Ашидо!

Мы снова бросились в атаку, Юмико держалась позади, я вел ее за собой. Построение В предполагает собой неожиданную атаку, как продолжение руками Юмико моей атаки, но совсем с другой стороны. Наблюдающему могло показаться, что я мешаю ей атаковать, закрывая оппонента, не давая с ним сблизиться. Хандзо тоже должен был об этом подумать, если сработает — победа за нами.

Толпа ликовала, Котай и вся его шайка внимательно наблюдали за происходящим, радуясь тому, в какое шоу превратился праздник. Какое-то время мы атаковали как обычно, но то ли дело старались выйти на удар через построение. Хандзо все так же уворачивался, парировал и атаковал, но в его тактике ведения боя виднелись недочеты, когда он старался отразить удар так, чтобы после отражения нанести ответный. Вот он — ключ к победе, именно тогда мы атакуем. Подобрал удобный момент, Юмико спряталась за моей спиной, следуя за мной шаг в шаг, но так, чтобы из-за меня не было видно, в какой момент она нанесет удар и откуда. Когда я пошел на него прямой атакой в лоб — Хандзо клюнул. Он выставил свой меч над головой, взяв его в обе руки, чтобы отразить мою прямую атаку сверху, осталось только не прогадать с моментом. Счет шел на секунды, чем ближе становился мой меч к нему, тем сложнее было остановить удар вовремя. Когда наконец мое лезвие почти коснулось его, когда мышцы его рук уже были головы отразить удар, я

телепортировался ему за спину. Юмико, которая все это время следовала за мной в тени, сделала выпад навстречу открытому Ханздо. Теперь, если он телепортируется, избежав удар Юмико — тут же наткнется на мой — это и есть построение В.

Юмико замахнулась снизу, устремив свой меч ему в голову, Ханздо не ожидал этой атаки и не знал, как от нее увернуться. Стоило мечу девушки стукнуться о неумелый блок в попытке выкрутиться, Ханздо тут же отступил, телепортировавшись от нас на расстояние в несколько метров. Находясь за спиной, я не заметил, смогла ли она его задеть, но увидев то, как этот ублюдок схватился за глаз, я все понял.

— Ахаха, браво! Ахаха, вы смогли задеть меня! — в истерическом смехе кричал он, убрав руку от лица в сторону. — А я даже царапины не оставил, какой стыд!

Пусть он и говорил так, Ханздо наш бой забавляет, будто живет он только ради таких моментов. Потеряв правый глаз, он лишился части своего поля зрения — теперь будет проще закончить начатое.

— Давно я так не дрался, аж дух захватывает! Я убью тебя, Ашидо! Наслажусь своей победой как следует, обглодав твой труп до косточек! Я очень долго этого ждал! — бредил он.

— Попробуй, слабак, — оскалился я.

Эмоциональное давление — тоже ключ к победе, это я понял благодаря ему.

— Тогда, — он расщепил катану, хлопнул в ладоши и развел руки в стороны, — потанцуем в другом месте, Ашидо Такаги!

Что-то не так, из-за его спины показалась странная волна, расходящаяся по сфере, которая, будто следуя за его руками, пыталась нас накрыть. Машинально, не думая о собственной жизни, я вытолкнул Юмико за радиус действия этой атаки, собрав энергию в руку, а затем резко выпустив ее в сторону девушки. Волна уже пересекла линию, на которой стоял я, Юмико не попала в зону поражения, как я того и хотел. Когда этот темный, практически беспросветный купол почти накрыл нас, Юмико попыталась вернуться в него — она бросилась вперед, вытянув руку, и закричала:

— Ашидо! Я лю...

Купол закрылся раньше, чем я успел услышать недосказанное, все в миг затихло: никаких звуков бушующей от зрелища толпы, никакого ветра. Пусть Юмико и не успела договорить — я все понял.

— Я тоже... люблю тебя, Юмико, — сказал я, обратившись в темную пустоту.

Купол постепенно приобретал абстрактные краски, пока мы наконец не оказались на каком-то парящем в воздухе островке посреди бесконечной пустующей красоты. Кругом не было ничего, кроме нас — везде лишь красивые пейзажи, будто всю палитру акварели холодных оттенков разлили на то, что сложно было назвать небом. Здесь не было ни солнца, ни луны, но было светло, словно мы в террариуме с односторонним стеклом.

— Добро пожаловать в Бездну, — послышался голос Ханздо в мертвой тишине.

Глава 15: Да стихнет шепот

Оказавшись наедине со своим противником в бесконечной пустоте, я почему-то был по-настоящему спокоен. Бескрайние просторы этого места были будто привычны моему разуму, ощущения здесь ничем не отличались от тех, которые посещают меня во сне. В картину не вписывалась лишь реальность происходящего: твердая почва под ногами, заставляющий дрожать холод, пугающий и успокаивающий пейзаж.

— Здесь нам никто не помешает, Ашидо, — произнес Хандзо, заметно успокоившись.

— Так это и есть Бездна? — спросил я, глядя в пустоту.

— Она самая — место потерянных надежд и источник нашей с тобой силы. Отличается от снов, правда? Во сне ты лишь бродишь, будто крот, слепо копающийся в земле, не видя ничего дальше своего носа, а здесь... красота...

— И в этом месте ты хочешь встретить свой закат, верно, Хандзо? — прорычал я.

— Один из нас его точно здесь встретит. Почему бы нам не поговорить перед тем, как ты умрешь? — он говорил это с серьезным лицом.

— О чем? Обменяемся предсмертными словами?

— Шути, сколько влезет, я серьезно. Неужели ты не хочешь знать, почему я преследую тебя, Ашидо?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты все равно сегодня умрешь, так почему бы тебе не узнать о своем противнике побольше? Здесь нам никто не помешает, так почему бы тебе не послушать мою историю перед смертью?

Слушать его совсем не хотелось — будет лишь затирать мне что-то неадекватное, но ради того, чтобы узнать его мотивы, я готов выслушать.

— Говори, Хандзо.

— Хех, спасибо, что почтил меня своим вниманием, Ашидо, — огрызнулся он.

— Не выделяйся, я слушаю.

— Что ж, тогда начну с самого начала — с далекого и безнадежного детства. Как ты думаешь, Ашидо, где я родился?

— Откуда мне знать? — возмутился я.

— И правда, — ответил он, явно вложив в свои слова едва видную насмешку. — Такому как тебе не понять, каково это — жить в грязи, проживая каждый день, как последний. Я читал о тебе в документах, ты родился на границе Дрянного района, даже твоей жизни можно позавидовать, если сравнить с тем, через что прошел я.

— Давай без соплей, я не собираюсь тебе сочувствовать, — прервал я.

— Мне не нужна твоя жалость, я хочу, чтобы ты знал, что мне пришлось пережить, чтобы в один день встретить тебя.

— Продолжай.

— Видишь ли, Ашидо, пускай твоя жизнь и не была такой гладкой, как у остальных людей, набивающих до отвала свое пузо где-то в ресторанчике на Торговой площади, тем не менее у тебя была семья. Мама и папа воспитывали тебя с самого рождения, даже будучи на пороге бедности. У тебя были друзья, пусть их было немного, но они всю душу в тебя вкладывали. У тебя был дом, в котором ты мог беззаботно спать в своей кровати по ночам, есть то, что тебе приготовит мать, читать книжки, греться около печи в холодные зимние

будние. Ты всего этого не ценил, думая, что прожигаешь свою жизнь впустую, слоняясь без дела, пока я из последних сил старался выжить. Я был подкидным ребенком, которого оставили в дверях какого-то пьющего, не просыхая, старика. Не знаю, где именно я родился, но мои родители решили выбросить своего сына в Трущобах, тем самым обрекая на смерть. Старик то ли дело избивал меня, запирали в сарае на ночь, топил в бочке с холодной водой, лишь бы хоть как-то скрыть от окружающих синяки по всему телу. Мне приходилось спать на земле, есть объедки с пола, терпеть побои от старика. Я выходил из дома только чтобы сделать за него всю работу, ковыряясь в свинарнике или таская тяжести, неподъемные для четырехлетнего ребенка. В один день после очередной пьянки его дом загорелся, я был счастлив, наблюдая за тем, как горит это отродье. Он бы выбежал из пылающей избы в тот день, если бы я не воткнул нож в его дряхлую и гнойную ногу. Можно сказать, что я убил своего первого человека, едва мне стукнуло пять, после чего оказался на улице, где изо дня в день бродил по закоулкам в поисках какой-нибудь спящей живности, чтобы было, что поесть, подбирая с земли крошки хлеба, пил из лужи, и все этого только ради того, чтобы не умереть с голоду. Местные не находили ко мне сочувствия, ведь я погубил доброго старика, который только и делал, что ухаживал за мной и выглаживал каждую волосинку на голове. Еще тогда я понял, что все в этом мире решает лишь сила. Ни деньги, ни власть, ни связи, ни удача не вытащат тебя из могилы, только лишь ты сам в ответе за свою жизнь. Годами я проживал свои дни и ночи на улице, все чаще и чаще видя странные сны, в которых был лишь я один посреди бесконечной беспросветной пустоты, без единого звука, способного развеять эту тишину, но однажды в ней послышался шепот. Он был едва разборчивым, больше похожим на шум квадратного телевизора с катушкой внутри, но иногда в этом потоке бесполезной информации читались различимые ухом слова, которые призывали меня убивать. В какой-то момент я начал чувствовать людей, отличавшихся в толпе других, от которых веяло чем-то странным, будто бы запахом запеченной курицы из духовки. Тогда я и понял, чем от них веет — энергией Бездны, которую любой другой человек и не заметил бы, но не я. С самого детства мальчик по имени Хандзо, которого всегда называли лишь оборванцем и дебилем, пока тот сам не дал себе имя, чувствовал эту энергию даже в незначительных количествах. Я не понимал, что все это значит, но зато четко знал, что я — особенный, что у меня есть дар, которого нет у других людей, дремлющий где-то в глубинах моего тела. Я не знал, как им пользоваться, пока голос в тишине не стал мне подсказывать. Он редко что-то говорил, обычно повторял лишь одно единственное слово множество раз, но из всех этих слов я однажды смог сложить предложение, которое гласило: «Убить, пища, сила». Едва поняв его смысл, я снова решился на убийство, но в этот раз жертвой был не одичавший котенок, а человек. Подкараулив на улице зеваку с хорошим объемом энергии, я подозвал его к себе и заставил наклониться, тогда и вонзил ему кусок битого стекла в глотку. Он лишь неистово дергался, пытаясь позвать на помощь, пока я своими детскими ручонками тащил его без минуты мертвое тело туда, где нас никто не увидит, где никто не помешает мне им как следует насытиться. Затащив бедолагу в вечно пустующий переулок, я начал по кусочку отрывать его плоть зубами, пропуская человеческое мясо до самого желудка. Это было отвратительно, но пустому животу неделями голодающего ребенка не прикажешь, что есть.

— погоди, ты что, заживо съел человека? — оторопел я.

— Да, — невозмутимо ответил он. — Устав от грязных и блохастых дворняжек, я нашел для себя пищу попримичнее, которой можно было как следует насытиться.

— Ты — больной ублюдок, — ответил я, скрипя зубами и сжимая кулаки.

— Впереди все самое интересное, Ашидо, слушай внимательно.

Поверить не могу, что Хандзо съел человека. Да, его жизнь и вправду была ужасающей. Но как бытие в Трущобах могло привести к такому? Неужели не было иного выхода? Никто не пришел на помощь бедному мальчику, и из него вырос кровожадный и бесчувственный убийца, да не просто убийца, а самый что ни на есть конченный психопат.

— Сожрав того бедолагу, я открыл для себя будущее, Ашидо, — продолжил он. — Чем больше я набивал свой пустой желудок, тем больше ощущал, что вся та энергия, которую он хранил в своем теле, даже не подозревая о ее существовании, медленно впитывается внутрь меня. Из сырой и мерзопакостной человечины поток устремлялся прямо в мои мышцы, энергия откладывалась где-то в моем теле, и я это прекрасно чувствовал, но не понимал, что бы это могло значить. На этом смерти не прекратились — я продолжил убивать, изо дня в день подкарауливая свою очередную жертву. Как ты и сказал на площади, я не различал среди еды женщин, детей или стариков — я убивал всех без разбору, а затем жадно пожирал их, ел до тех пор, пока в животе еще оставалось место, а потом оставлял их обглоданные тела на улице. С каждым днем моя сила росла, а безнаказанность внушала уверенность в том, что меня не поймают, но в один день мне все же дали отпор.

— Как погляжу — неудачный, — подметил я.

— Верно, тогда я в своем привычном темпе выслеживал очередную жертву, в глаза кинулся крепкий мужчина, на которого было рискованно нападать, но глядя на то, сколько в нем энергии, у меня от аппетита текли слюни. Не думая о своей безопасности, я тогда набросился на него, даже сильно поранил, но он, не получив фатального урона, крепко схватил меня за шею обеими руками и принялся душить. Из моих глаз лились слезы, я беспомощно брыкался под его весом, стремительно теряя воздух в легких. Когда я уже был на грани смерти, почувствовал какой-то щелчок, будто сама старуха с косой сказала мне: «Еще рано, Хандзо». В тот день я всадил ему в грудь свой первый меч, который позже назвал «Сейши», что в переводе с японского означает «Жизнь и смерть». В тот день я понял, какой силой обладаю, понял, что, вообразив себя избранным — я им и стану. Я продолжил убивать, с каждым днем становясь все сильнее и сильнее, чувствуя себя все лучше и лучше. Вкус человечины уже прижился, мои вкусовые рецепторы уже привыкли к своему основному рациону, голод окончательно позабылся где-то в прошлом.

Слушая все это, я с каждой секундой все больше ужасаюсь, внимая слова стоящего напротив, не в силах даже звука проронить. Сколько же невинных жизней он унес, лишь бы насытиться? Сколько же людей он убил на сегодняшний день? Сколько родителей он оставил без детей и сколько детей оставил без родителей? Насколько же на самом деле этот монстр бесчеловечен, и почему до сих пор ходит с нами по одной земле, почему дышит с нами, простыми людьми, одним воздухом? Хандзо не заслуживает никакой пощады, если до этого я хотел прикончить его из личных мотивов, теперь я убью его ради всего человечества, чтобы неупокоенные души его жертв, сжигаемые в пламени собственной ненависти, смогли отправиться туда, где их уже давно ждут — в место на небесах, где таким тварям, как он, не место. Я не могу проиграть, иначе Хандзо выберется на свободу и продолжит свой путь каннибала.

— Я начал убивать ради забавы, стоило мне перестать чувствовать крупинцы энергии в этих людях, но не перестал их жадно поедать. По Трущобам разлетелись слухи о монстре-людоеде, и король направил туда гвардию, потому мне нельзя было больше там оставаться. Я

покинул родную слякоть в поисках наживы где-нибудь в другом месте, но пришлось устроить небольшую голодовку — убивать не более раза в неделю. Я начал совершенствоваться во владении своим искусством, научился телепортации и полному контролю потока энергии в своем теле для залечивания ран. Стал мастером меча, оттачивая свой стиль на манекенах и людях, но такая жизнь мне была совсем не по душе. Обретя свободу, навсегда позабыв о голоде, я потерял тот путеводный огонек, который всегда вел меня вперед, я потерял цель в жизни и все больше становился похож на бездушную куклу, созданную Богом лишь для кары человечества за его грехи. Однажды я познакомился со Стивенем Колденем, который по случайности выжил, споткнувшись о камень прямо во время моего взмаха мечом. Этот трусливый, но хитрый и харизматичный старик смог убедить меня примкнуть к его шайке, стоило мне заикнуться о том, что через несколько секунд его жирные скулы окажутся в моей пасти. Он предложил мне сделку, по условиям которой я буду получать в качестве пропитания его «неизлечимых пациентов», а взамен буду выполнять все его прихоти. Я согласился только потому, что мне уже наскучило убивать всех этих жалких и беспомощных слабаков, не способных постоять за себя. Колден исправно и стабильно «кормил» меня, то ли дело подсыпая аппетитных жертв, но все они были как конфетка на завтрак — вкусно, но мало. Мне нужен был философ, способный увести меня с пути насилия и дать цель в жизни, тогда доктор познакомил меня с Сальвадором — таким же отмороженным психопатом, как я, который днями напролет рисовал у себя в мастерской картины, используя в качестве краски кровь, гной, сопли и все остальное, что можно выжать, измолот ступой человеческое тело.

Какого черта, что еще за Сальвадор? Я думал на свете больше не сыскать человека, который мог быть хуже Ханздо. На их фоне король выглядит совсем душкой, по крайней мере он не пускает людей в расход на краски для картин, или я еще чего-то не знаю?

— Ты спросишь, чем же помог мне этот старик, — без остановки повествовал Ханздо, — да ничем. Он все твердил об искусстве, о безграничной фантазии человека, способной создавать новые миры из ничего. Во мне он увидел своего потенциального подмастерье, который будет хвостиком бегать за ним и просить побольше рассказать о том, как правильно наносить мазки на холст, но я с самого начала не был в этом заинтересован. Этот старпер должен был объяснить мне о сути бытия, но твердил лишь о своем, забывшись в мирке собственных фантазий. Он должен был дать мне цель в жизни, однако с треском провалился с самого начала, но потом я встретил тебя, Ашидо.

— Меня? — удивился я.

— Ты, вероятно, не помнишь, но, когда тебя только привели в клинику, я уже успел запомнить твое лицо. Колден всегда посвящал меня в подробности жизни каждого, кто мог бы стать моей едой, тебя он тоже не обошел стороной. Ты знаешь, с какой проблемой к нам обратились твои родители?

— Да, они говорили, что у меня какая-то болезнь глаз, — ответил я, хоть и сам понимал, что это было слишком наивно.

— Как опрометчиво ты пропустил правду мимо себя, — усмехнулся Ханздо.

— Расскажи мне, я хочу знать правду.

Это была просьба, я не мог приказать ему рассказывать, иначе пришлось бы подставить лезвие к горлу в надежде услышать хоть что-то.

— А волшебное слово? — гаркнул он.

— П-пожалуйста, — я еле сдерживался, стараясь не грубить ему в этот момент.

— Раз уж просишь — я расскажу. Когда тебе было одиннадцать полных лет, а я работал со Стивеном уже больше года, к нам пришла семья Такаги, размахивая руками и твердя, что дали жизнь монстру. Меня заинтересовало, что же в этом маленьком мальчике такого, что собственные родители посмели так обозвать свое чадо. Вместе со своим заявлением на твою изоляцию в лаборатории, они принесли дискету с видеозаписью, которая поразила даже меня.

— Что было на видео? — с нетерпением ждал я ответа на долгожданный вопрос.

— Твой отец, Джиро Такаги, накачал тебя сильнейшим снотворным и обезболивающим, а затем собственными руками, используя нож, вытаскивал твои красные глаза из глазниц по кусочкам, будто ложкой выскребая киви из кожуры. Всю эту кашу он сложил в банку и плотно ее закрутил, а наутро банка оказалась пустой, будто все то, что произошло ночью — лишь страшный сон. Ты тогда, как обычно, вышел навстречу родителям и пожелал доброго утра. Ашидо, ты, наверное, помнишь их взгляд в тот день, как они на тебя смотрели?

— Я... помню, — этот момент в памяти вскрылся с подробностями ужасающей картины, — в то утро я, как обычно, поздоровался с мамой и папой, ты прав, но они тогда почему-то в ужасе на меня смотрели, будто я во сне в девочку превратился. В руках у отца была пустая банка, которую он крепко держал обеими трясущимися руками, по его лбу нервно стекал пот. Я тогда не понимал, почему они так на меня смотрят, но теперь понимаю. Мои глаза ведь показались из-под век невредимыми, верно?

— Да, — подтвердил Хандзо, разоблачив подробности моей жизни, о которых я даже и не подозревал. — Твои глаза пролежали всю ночь в банке — этого достаточно, чтобы отделенная часть тела растворилась в воздухе, а вместе с тем и успела восстановиться.

— Поверить не могу, — отказывался я воспринимать сказанное.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, — произнес он. — У меня нет повода тебе врать, я хочу, чтобы ты узнал всю правду о своей жизни, которую знаю я.

— Что они сказали, когда отдавали заявление на изоляцию? — мне нужна вся правда.

— Если хочешь знать о том, что было написано черным по белому, то вот тебе единственная строчка с требованиями к условиям изоляции: «Делайте с ним, что хотите, если придется — убейте. Ашидо нам больше не сын».

По моим глазам катились слезы, я не мог сдерживаться, услышав эти слова из уст Хандзо. Этот мир прогнил, светлые души уже давно не скитаются по выжженной земле, те, кто подарил мне жизнь, отдали ее в руки бесчеловечных грешников, совершив при этом куда больший грех, чем Колден и его подчиненные. Неужели я заслужил всего этого? Почему они так со мной поступили, погубив жизнь еще не познавшего ее вкуса ребенка? В голове не укладывается, что люди на такое способны, откуда столько злобы, жадности, страха? Порой мне кажется, что я единственная светлая душа в этом мире, которая думает обо всех других людях, как о ближних своих. К чему вообще человечество придумало заповеди Господни, если никто их не соблюдает, иной раз поддаваясь греху?

— Поплачь, друг, я тебя, как никто другой, понимаю, — прошептал Хандзо, обняв меня.

Порой поражаюсь, осознавая то, на какие поступки я способен в пылу позабытых чувств, даже кровного врага подпустил к себе так близко.

— Благодаря тебе, Ашидо, я обрел в жизни цель. Доктор накачивал тебя разными ядами, с которыми ты всегда благополучно справлялся, а вместе с тем росла и твоя сила, пока в один момент не достигла моего уровня. Тогда я задумался: «А зачем же я убивал невинных людей все это время? Разве я не мог поступить по-другому?». Эти мысли мучали меня на

протяжении долгого времени, ночами я не спал, корил себя за свой выбор, но отступить было уже поздно — мои руки по локоть в крови, а сам я — чудовище. Я думал, что познал истину, решив, что сила — это путь к вершине, но встретив тебя, я понял, что миром правит благодетель. Человек, способный повести за собой остальных и поставить грешных на путь истинный — вот он тот, кто достоин звания человека. Ты человечнее любого человека, которого я когда-либо встречал. Поначалу я думал, что ты — лишь одна из ступеней в моей никчемной собачьей жизни, которую я преодолею, как и все остальные, но потом осознал — это я лишь одна из многих ступеней в твоей жизни, потому окончательно решил для себя, что посвящу весь остаток своей жизни тебе. Я убил твоего друга и род Ишимару с одной лишь целью — чтобы ты меня ненавидел, чтобы ты рос, изо дня в день желая мне смерти, а потом пришел по мою голову.

— Ты хотел, чтобы я стал сильным и убил тебя? — спросил я, заливаясь слезами.

— Прости, Ашидо, другого выхода не было. Мою душу загубили еще в раннем детстве, с тех пор я не достоин называться человеком, потому и вершу свой план самым бесчеловечным образом. В конечном итоге я получил, что хотел — достойного оппонента, который разжег в моей душе уже давно потухший огонь. Ты стал сильным и теперь можешь забрать мою жизнь, но не жди, что я буду поддаваться. Я хочу сразиться с тобой в честном бою, хочу, чтобы ты доказал мне, что я в тебе не ошибся. Если ты заберешь мою жизнь — станешь еще сильнее и Гармонии явится ее спаситель, но, если ты проиграешь — я вспорю себе живот собственной катаной, наконец прервав цикл бессмысленных смертей от своей руки. Тогда мы оба умрем, лежа рядом друг с другом в этой бесконечной и безжизненной пустоте, а весь внешний мир окажется обречен.

— Зачем ты все это мне говоришь, Ханздо? — всхлипывал я. — Ты ведь теперь не кажешься мне таким бесчеловечным, каким я тебя считал.

— У каждого человека есть свои внутренние демоны, но и у каждого демона есть свой внутренний человек.

От этих слов я разрыдался еще сильнее, словно ребенок, у которого отобрали игрушку. Я вцепился своими руками в Ханздо, зажав его в чувственных и искренних объятиях. Этот человек убил бесчисленное число людей, не обойдя стороной Леонхадта, Кагеяму, Оливию и других горничных, но эти люди были лишь вынужденной жертвой, заставившей меня стать сильнее и принять собственную судьбу. Он пожертвовал человечностью в обмен на шанс принести в этот мир спасение моими руками. Я все еще не могу простить его за все содеянное, но больше нет той ненависти, которая питала меня все это время. Мне как будто стало... легче, будто я сбросил с плеч и чувство вины, и чувство собственной слабости, и чувство страха перед всем миром. Теперь я точно знаю, что у меня впереди еще много работы, много дел, с которыми мне нужно справиться, чтобы очистить этот Богом забытый город от всех человеческих грехов. Ханздо, я заберу твою жизнь своими собственными руками, омоюсь в твоей крови, чтобы продолжить свой путь.

— Приступим, Ханздо, — уверенно заявил я, еще не дав слезам высохнуть.

— Это я и хотел услышать, вперед, Ашидо.

Мы выпустили друг друга из объятий, после чего разошлись на некоторое расстояние друг от друга. Оголив свои мечи, несущие имена «Нами», отражающее уверенность, и «Сейши», знаменующее заповеди о жизни и смерти, мы были готовы к дуэли, в которой падет либо Ханздо, либо мы оба.

— Мне не будет позорно умереть от твоей руки, Ашидо, — произнес он.

— Для меня будет честью забрать твою жизнь, Хандзо, я навсегда запомню тебя и твой меч — начнем же!

— Да! — прокричал Хандзо.

Мы бросились навстречу друг другу, два уверенных выпада прервались вместе с отзвуком скрестившихся мечей. Стоило лезвиям потерять контакт, завязался яростный бой, в котором два превосходных мечника мерились силами, проводя атаки со всех сторон, блокируя уверенные удары друг друга. Мы оба двигались как фурии, чье тело не знало материального состояния в пылу битвы — оба заходили с разных сторон, стараясь сделать атаки внезапными, но каждая такая атака заканчивалась одинаково. В бою Хандзо ни на секунду не прекращал улыбаться, получая удовольствие от каждого стука меча — в такие моменты он чувствует себя по-настоящему живым, будто ничто другое не разжигает потухший в его сердце огонь. Сколько же эмоций я пережил в этот день, сколько уверенности в себе приобрел — чувствую себя сильнее, чем когда-либо, словно заново родился. Это и значит — получать удовольствие от сражения? Вложив в свой меч не только эмоции, но и великую благодетель, я становлюсь сильнее, моя концентрация достигает пикового значения, сила моих ударов возрастает в десятки раз, мои движения приобретают непредсказуемый характер, о чем говорят несколько неглубоких порезов на теле Хандзо. Его глаз уже успел восстановиться, находясь в бескрайнем бассейне энергии, потому шансы в дуэли снова сравнялись. Если бы я решил убить его, воспользовавшись слабостью, бой бы не оказался таким насыщенным. С каждой секундой Хандзо набирал обороты, даже стал распускать руки и ноги, на чем я его и подловлю.

Проведя очередную серию сильнейших атак, Хандзо выбил меня из равновесия, после чего ударил кулаком в лицо, сейчас я открыт — это конец. Сделав резкий разворот в противоположную сторону, пригнувшись для достижения идеального угла, он вонзил «Сейши» мне в живот, такой удар проткнул не только его, но и мое сердце, а вместе с ним и левое легкое.

— Эх... не такого финала я ожидал, — расстроено произнес он.

Стоило Хандзо договорить, он снова открыл свой рот, но в этот раз из него доносились не пламенные речи, а лишь жалостное кряхтение и кашель. «Нами» медленно рассекала его плоть, входя со стороны ключицы в самые глубины его тела, пронзая легкие и печень. До самого конца я сохранил свою непредсказуемость и не выдал главного козыря — это конец, но не для меня. Я не сидел сложа руки, дни и ночи строил тактику для боя с Хандзо, чтобы точно одержать победу. Главная слабость этого человека — его гордыня, потому победить такого противника можно лишь загнав в ловушку, с чем Ашидо Такаги успешно справился. Тренируясь с Юмико, я освоил не только телепортацию, но также открыл для себя совершенно новую способность, которую назвал «бестелесностью». Суть заключается в том, чтобы заставить отдельные части своего тела «исчезнуть», заместив пустое пространство привычным дымом. Сейчас меня с уверенностью можно назвать бессердечным, ведь мой главный аппарат кровообращения обволакивает лезвие его меча, оставшись нетронутым. Хандзо попался на том моменте, когда поверил в свою победу — в этом бою все с самого начала было предрешено.

— Никогда не поворачивайся к врагу спиной, — произнес я.

— Так вот оно что... я... проиграл? — кряхтел он.

— Прими свою смерть от моих рук, шепот силы, Хандзо.

— С-спасибо... Ашидо, — таковы были его последние слова.

Тело Хандзо замертво рухнуло на безжизненную каменную землю, послышался звон упавшего меча. Он умер с улыбкой на лице, ни секунды не жалея о выборе, который сам для себя сделал. Я победил ценой унесенных им жизней, теперь я могу вернуться домой с хорошими новостями и новыми тревожными чувствами, которые в миг нахлынули на меня вместе с огромной ответственностью. Девочки, наверное, места себе не находят, я ведь так неожиданно отключился, оставив их в неведении о происходящем. Как же там Юмико, смогла ли она сбежать с площади? Отпустил ли ее король, дал ли шанс убежать? Наверняка знать нельзя, потому я все еще ей нужен, надо поторопиться.

Глядя в бесконечную пустошь, ко мне резко пришло осознание одной детали, которая никак не вписывалась в мои планы, от чего я ошарашенно проговорил вслух:

— А как мне отсюда выбраться?

Глава 16: В ритме цветов

Оказавшись на грани реальности и вымысла, человеческое сознание постепенно теряет ту нить, которая связывает его со всем, что он сам помнит. Сколько не смотри в бесконечный океан пустоты, а выход искать тщетно — я вынужден сидеть здесь в одиночестве на пару с трупом некогда живого больного психопата, избравшего кровавый, но благородный путь. Хорошо ему, наверное, лежится, ведь этот пробирающий до костей холод не раздражает умершего, который уже двигается по своей дороге в загробный мир. А что если никакой жизни после смерти не существует? Вдруг человек попадает вовсе не на полянку с бабочками и ягодками, а вместо этого его затягивает в то место, где прямо сейчас нахожусь я — в Бездну. Мне остается лишь гадать, ведь Хандзо ничего мне не скажет с того света, однако его лицо говорит само за себя — он умер с улыбкой. Что бы не находилось по ту сторону реальности, Хандзо добился своего счастья при жизни, потому навряд ли увидит что-то приятнее. Я все еще помню эту ухмылку и оскал в пылу нашей дуэли — именно этого ему не хватало для того, чтобы спокойно умереть без сожалений об опущенном и несовершенном.

— Хорошо тебе, наверное, ты ведь все взвалил на мои плечи, — пробурчал я в пустоту.

Уже долгое время я сижу на одном месте, ломая голову над тем, как же все-таки отсюда выбраться обратно в реальность, где меня все уже заждались, и не могу отделаться от мысли, что мой рассудок медленно помутняется: холод чувствуется все меньше, руки трясутся от стресса, живот крутит от голода. Я уже десяток раз прокрутил в голове все, что сказал Хандзо, от начала и до конца. Вспоминая о том, как он поедал людей, чтобы поднять уровень своей внутренней энергии, я все больше задумываюсь о том, чтобы повторить этот трюк, все равно ведь есть хочется, но разве нет другого пути? Нельзя просто вытянуть ее из его тела, не прибегая к людоедству?

Долгое время я метался между «хорошо» и «плохо», пока наконец не решился попробовать обойтись без свежего человеческого мяса. Расположившись близ обвешенного тряпьем трупа, я взял его ладонь в обе руки — пришло время полной концентрации. Я заострил внимание на своей собственной энергии на кончиках пальцев, ведь почувствовать чужую энергию в полном объеме без прямого вмешательства не представляется возможным, но такой ход не давал никаких результатов, пока я не вспомнил про закон одного великого физика: «любое действие имеет противодействие», как-то так он звучит. Стоило собрать в кисти больше энергии, я тут же почувствовал какой-то «щелчок» и сразу же отдернул руку. Результатом моих действий стало небольшое облако синей бушующей энергии, которое втянулось обратно в руку вперемешку с моей. Неужели у меня получилось? Даже если мне удалось оторвать кусок — он был ничтожно мал. Стоит повторить все сделанные действия, но уделить куда больше внимания деталям, не упустив ничего. При повторном контакте между нашими руками ничего не произошло, даже когда я вновь собрал энергию в пальцах, но в один момент что-то снова мелькнуло, и я попробовал вырвать добычу, но обломался, получив еще меньше, чем в первый раз, тогда до меня наконец дошло. Когда Юмико учила меня испарять кровь, она избавилась от своей, объединив наши потоки энергии в один. Значит ли это, что те «щелчки», которые я периодически чувствовал — наши с Хандзо потоки энергии, которые в один момент пересеклись? Концентрируя свою энергию на кончиках пальцев, я выравниваю ее в один поток, в то время как мертвое тело

Хандзо не может проделать такую операцию, от чего его энергия вынуждена хаотично метаться по телу. Все это значит лишь одно — чтобы вырвать его энергию, я должен слиться с ним, как бы это странно не звучало, тогда и смогу свершить задуманное. Единственное место, где поток протекает спокойно — грудина.

— Стоит попробовать, — вслух произнес я.

Приложив ладонь к его спине между лопаток, я сконцентрировался в ожидании улова, но долго ждать не пришлось, ведь наши потоки находились в непосредственной близости. На этот раз не было никакого «щелчка», мелькнувшего на секунду, я почувствовал отчетливый контакт и вцепился в беспорядочную энергию, которая в миг выровнялась со мной в единый поток. Оторвав руку от тела Хандзо, я увидел витающее в воздухе облако, будто канат, который нужно перетянуть на свою сторону для победы, только вот мой оппонент совсем не собирается сопротивляться. Крепко ухватившись за свой шанс, я начал вытягивать все содержимое из его тела, попутно его поглощая. Сказать честно, было совсем не круто: я чувствовал тошноту, слабость, покалывания в теле, в глазах помутнело и ноги стали подкашиваться, но останавливаться было бы глупо.

Вскоре показался конец этой синей змеи и остатки благополучно втянулись в мое тело — можно было наконец упасть на землю без сил. Я громко рухнул вниз рядом с тем, кого только что обокрал. Он явно не был этим доволен, ведь его кожа натянулась поверх костей так, будто все мышцы из тела в один момент пропали. Теперь у меня действительно получилось, я стал вдвое сильнее, чем раньше, если верить в заявленный Хандзо собственный объем энергии. Значит, с самого начала у него был выбор, иной путь, который он решил в неведении проигнорировать, а вместо этого ел человеческое мясо — как прискорбно. Несмотря на все то зло, которое он причинил мне, моим друзьям и другим невинным людям, я хочу поблагодарить его. Без Хандзо я бы не вырос до того уровня, на котором сейчас нахожусь, и речь не только лишь об энергии без хозяина. Правда после трюка с поглощением тело чувствует себя совсем отвратительно, будто на меня упало что-то большое и плоское, а думать в таком состоянии совсем не получается. Исходя из ситуации, я решил, что лучшим решением на ближайшие несколько часов будет сон, после которого я очнусь в здравом уме, если вообще получится уснуть. Распластавшись на земле, я сомкнул глаза в попытке погрузиться в глубокий и спокойный сон.

***

Уснуть оказалось куда сложнее, а вот просыпаться куда проще — я предполагал сладкий непробиваемый сон, но некто дыхнувший мне в ухо решил совсем иначе. От испуга я сразу же подскочил с места и принял боевую стойку, но никого рядом не оказалось, будто мне все это привиделось. Я был склонен думать, что это сон, ведь Хандзо тоже пропал из поля зрения, но боль от укуса пальца сигнализировала об обратном — мое тело в сознании. Отдышавшись, я огляделся по сторонам и в глаза кинулась дряхлая изба на витающем острове по соседству, который находился метрами пятью выше. Не знаю, сколько времени прошло с момента, как я уснул, но точно знаю, что еще мгновение назад этого дома здесь не было. Как он тут появился, прилетел, что ли? Судя по всему, вместе с ним прилетели и камни, которые образовывали собой дорожку наверх прямо над пропастью между островками. Мой сон уже был потревожен и делать здесь особо нечего, потому не нужно было много думать, стоит ли идти туда. Шагая по камням и цепляясь за любую опору, я задумался, а что же будет с тем, кто вдруг сорвется и упадет в эту бесконечную пустоту? Страшно подумать о смерти в скитании, как будто по открытому космосу в полном

одинокости — нужно быть осторожнее. Хотелось просто телепортироваться наверх, но что-то не давало мне сконцентрироваться — даже дым из себя выдавить не могу.

Благополучно взобравшись по камням, я вцепился в край острова и подтянулся на поверхность. Передо мной оказался самый обычный дряхлый деревянный дом, коих полно в Трущобах и на их границе, но был один не очень приятный фактор, ломающий всю картину реальности, ведь эта изба — мой родной дом. Я все еще помню это крыльцо, эти перекошенные под весом козырька перила, обсыпавшуюся со стен штукатурку — ошибки быть не может. Как же она здесь оказалась? Если мой дом сейчас в Бездне, где же тогда тот, что находится в реальном мире? Что-то тут совсем не так, будто я уже сошел с ума. Ступив на крыльцо дома, я приоткрыл знакомую деревянную дверь и шагнул внутрь. С первых же секунд почувствовался некий дискомфорт от нахождения внутри, но он вдруг усилился, стоило мне провалиться одной ногой в дыру в полу, которой там быть не должно. Дыра оказалась сквозной и уходила в пустоту, будь она немного больше — я бы уже был трупом. Вытянув ногу из злополучной ловушки, можно было наконец спокойно осмотреться. Это и вправду был мой родной дом, только убитый временем и Бездной, чтобы выглядеть максимально заброшенным с самого порога. Дыры были не только в полу, но еще и в стенах, и в потолке, одна из угловых частей дома вообще отсутствовала. Кругом была одна разруха, пыль, да паутина, словно дом пустовал не пару месяцев, а несколько десятилетий.

В процессе осмотра, я то ли дело заворачивал в знакомые комнаты, которые вызывали бурю скрытых эмоций. На сегодняшний день я ненавидел своих родителей больше, чем кого-либо, но зайдя в родную комнату, не мог не расплакаться, вспоминая о минувшем. Вот мои детские игрушки, дискеты с мультфильмами, комиксы под кроватью, рваная детская одежда, незаправленная кровать, семейное фото на столе — все это было дороже любого золота, но только лишь для меня одного. На кухне среди горы немытой и битой посуды, приоткрытого холодильника и разлитого протухшего супа, за столом сидел человеческий скелет в одежде моего отца. Он любил носить кепку-хулиганку и рабочие штаны с ремешками поверх клетчатой рубашки, такой образ выдавал владельца костей за столом. Я подошел поближе и уставился на безжизненный иссохший скелет. Усевшись за стол рядом с ним, я наконец вспомнил, какой грех совершил этот человек.

— Вот и кара твоя, папа, — сказал я, оперевшись на руку.

Еще минуту я смотрел на него, но не выдержал и решил уйти из этого дома, ведь кроме боли он ничего мне не принесет. Стоило отойти от стола и выйти в коридор, позади послышался кряхтящий шепот:

— Прости...

Я испугался и резко обернулся, мне на встречу катился череп, который магическим образом отделился от позвоночника. Он остановился прямо около моих ног так, что глазные впадины смотрели мне прямо в лицо. Еще никогда Ашидо не испытывал такого гнетущего страха, не столько от мистики, происходящей вокруг, сколько от осознания того, что сходит с ума. Из глазниц в черепе показались черви, которые активно выползали наружу — здесь больше нельзя оставаться. Я бросился к выходу, выбежал из дома и остановился у края островка, где камней уже не было — они просто куда-то пропали. Я уже подумал идти назад и обернулся в сторону избы, уставившись в дверной проем. Через несколько секунд там показалась выпавшая из-за двери рука скелета, а это говорит о том, что теперь точно не стоит тратить время на раздумья. Я немного отошел назад, как следует разбежался и прыгнул высоко над пустотой, стараясь долететь до островка. Как только моя нога

оторвалась от края, я понял, что с такой скоростью не долечу даже до края, потому попробовал сконцентрироваться на телепортации, но ничего не выходило, как бы я не старался. Мое тело с огромной силой врезалось в край островка, от чего все мои ребра в миг сломались, органы разорвало от их осколков, руки парализовало, из-за чего все мои шансы ухватиться утекли вместе с надеждой выбраться отсюда. Сейчас мое тело летит вниз, так медленно, что кровь из полученных ран левитирует в воздухе. Вот и пришел конец истории Ашидо Такаги, на этот раз по-настоящему. Паршивое чувство дежавю делает картину еще более трагичной, мои глаза закрываются, и я медленно утопаю в невесомости.

***

Стоит подумать, что конец уже наступил, стоит опустить руки и сдаться, как судьба вновь дает мне шанс. Не помню, в какой момент отключился, но очнулся я уже в приличном и ухоженном доме прямо на полу в каком-то гардеробе. Боль ушла, ребра оказались целыми, а не раздробленными вперемешку с моими внутренностями — все это было будто бы... сном. Я поднялся с пола и осмотрелся: кругом стояла обычная мебель, но какая-то слишком уж старая, подо мной лежал дорогой шерстяной ковер, на стенах висели картины с красивыми пейзажами, из окна в дом пробивался яркий полуденный свет, красные шторы развевались на ветру. Такая картина куда приятнее, чем то, что я видел до этого — здесь совсем другая атмосфера, лишь тишина и гармония. Я отворил резную дверь и покинул комнату, оказавшись в длинном коридоре с красными коврами, вдоль которого стояли причудливые светильники без проводов. Как странно, что это за дом такой? Бродя по коридорам я то ли дело заглядывал в первые попавшиеся комнаты по очереди, там были в основном жилые помещения, рабочие места с кучей бумаг и гостиные, вроде нашей, которая служит комнатой для собраний. Наконец я вышел в холл, где слышались оживленные разговоры на непонятном мне языке. В холле стояли люди в доспехах, словно какие-то рыцари, а также мужчина в какой-то мантии, они активно переговаривались.

— Хей! Здравствуйтесь! — прокричал я, обрадовавшись живому присутствию.

Мужчины обернулись в мою сторону и засуетились.

— Аслан, мон теро! — крикнул один из них.

Что бы это могло значить? Мне придется разговаривать с ними рисунками, как это делали пещерные люди? Я двинулся в их сторону вниз по лестнице, надеясь на плодотворный разговор, но они не выглядели так, будто были мне рады. Человек в мантии вытянул в мою сторону руку в какой-то большой кожаной перчатке, после чего из нее на секунду сверкнула молния, которая ударила мне в бок. Больно не было, но сила от удара заставила отшатнуться и рухнуть на ступеньки. Они были явно агрессивно настроены, я взглянул на место, куда попала молния, моя одежда будто гнила с ужасающей скоростью. Я поднялся и бросился наверх, попробовав оголить «Нами», и в этот раз у меня получилось. Вдогонку беглецу полетела вторая молния, которую я блокировал, перенаправив ее в лезвие меча.

— Дено! — кричал мужчина в мантии, — Каа маш`ин энтропиум та`руни!

— Да пошли вы, придурки! — ответил я.

Пришлось бежать куда глаза глядят, пока я не ворвался в какую-то комнату, заперев дверь на замок, после чего скатился на пол, кряхтя от боли в боку. Казалось, что рана гноится от последствий удара молнии — мою плоть разъедало, пока процесс наконец не прекратился, оставив кровоточащую дыру. Я оказался в каком-то большом кабинете, не похожем на все предыдущие, воля заставила тело отодраться от пола, пока еще не слишком

поздно. На стене виднелся портрет какого-то старика в монокле с седой бородой и лысиной, на столе валялись лишь какие-то бумажки и канцелярия, вроде перьевой ручки и набора для печатей из сургуча. Я решил взглянуть на записи, которые лежали на столе, там была какая-то записка с подписью, язык в которой различить было невозможно, хоть он и был похож на привычную кириллицу с кучей апострофов, однако некоторые слова были похожи на названия современных химических элементов, но это мало что давало. Выбросив бумажку, я заглянул в какую-то небольшую записную книжку бордового цвета, в которой были все те же непонятные символы, написанные уже женской рукой — автора выдавали каракули на каждой странице, вроде сердечек и музыкальных ключей. В тот момент, когда я решил хоть что-то различить в этих записях, в дверь начали ломиться. Я уже подумал было бросить бумаги и бежать, но в глаза кинулось одно очень знакомое слово, которое было легко отличить в объемном тексте — Кишин. Что за чертовщина?

— Надо показать ее Или, — подумал я.

Вырвав страницу из записной книжки, которую правильнее было бы назвать дневником, я засунул ее в карман и с разбегу выпрыгнул в окно. Стекла разбились в тот же момент, как мои преследователи выломали дверной замок. Я приземлился на дорогу из плитки под домом, которая резко провалилась, и я рухнул под землю, будто снизу ничего и не было — в черную пустоту. Как же мне надоело все время лететь вниз, не чувствуя под собой дна и не зная, куда вообще я лечу. Ничего не поделаешь, придется смириться и снова сомкнуть глаза.

***

На этот раз пришлось проснуться в кромешной темноте, кругом ничего не было видно, будто меня посадили в комнату без окон и дверей, а главное — без освещения. Гнилая рана на боку магическим образом пропала, я мог привычно встать, но прежде пришлось прощупать свои карманы, чтобы убедиться, что страница из дневника все еще со мной. Следующей жертвой мозолистых рук был пол, который должен был намекнуть мне, где именно я нахожусь, однако плитка в качестве покрытия мало о чем говорила — я могу быть где угодно. Пока я был занят важными делами, в паре метров от меня загорелась плоская подвесная лампа, которую обычно используют в больницах. Источник света в темноте не мог не радовать, но факт того, что я нахожусь в морге, не сильно грел душу. Половина привычных для этого помещения шкафчиков были открыты, в некоторых лежали скелеты, с которыми я хотел бы вообще никогда в жизни больше не сталкиваться. На пальцах ног некоторых из них висели бирки, остальные же были безымянными, без единого намека на знакомого человека. Мне было очень страшно находиться в помещении с такой удушающей атмосферой смерти, где нет ничего, кроме трупов. Я собрал волю в кулак, рассчитывая на этот раз дать отпор каким-то там скелетам, и стал изучать лежащих в шкафчиках людей. Один за другим они сменяли друг друга, но имена казались совсем незнакомыми: Генри Уайт, Оливер Кокаин, Ланцелот Клифтон, Джордан Харрис, Мухаммад Клифтон — даже родственники здесь есть, или это тёзки? Последним человеком в шкафчике был Якоб Фостер, и труп его сжимал в руках какую-то большую книгу. Мне стало интересно, что же он так не хотел отпускать до самой смерти и я полез прямо в шкафчик, чтобы своими руками вырвать предмет интереса. Его кости с трудом двигались и пришлось их ломать, после чего она все же оказалась у меня в руках. На обложке книги виднелась большая надпись: «Энтропология. Энтропотургия и ее аспекты». Что-то такое уже говорил тот мужчина в мантии, может все они как-то связаны и Бездна хочет что-то мне сказать? Я должен забрать с собой книгу, которую тоже следует показать Кишину, который явно знает больше, чем

парень, в приступе страха убегающий от скелетов.

Какое-то время я вглядывался в резную обложку, но книга резко пропала из моих рук, забрав с собой целую комнату. По всей видимости, это произошло в тот самый момент, когда я непроизвольно моргнул. На этот раз я оказался в привычной Бездне, где вместо неба была разлита акварель, а где-то посреди небосвода текла вода, падая в противоположном направлении от вектора гравитации. Я уже совсем ничего не понимаю, законы физики совсем не работают в этом измерении, унося в пустоту бесконечную воду, которая вынуждена падать в неизвестном направлении. Люди говорят, что вечно можно смотреть только на три вещи: на горящий огонь, на текущую воду и на звездное небо, но я бы добавил в список воду, которая течет вверх ногами. В какой-то момент спокойный поток начал плескаться и прерывисто течь, тогда я перевел свой взгляд на источник, откуда течет вода, пока не заметил около него девушку, которая старалась наполнить свою садовую лейку, перевернув ее вверх дном. От такого забавного зрелища я был готов рассмеяться, но решил скрыть свой смешок, от чего получилось очень глупое похрюкивание. Примечательно то, что она была без единого предмета одежды, будто тряпье создано для того, чтобы заключить человека в оковы из хлопка.

Когда вода начала вытекать из краев и падать в пустое небо, как бы это смешно не звучало, девушка переключила свое внимание на что-то другое и пошла с перевернутой лейкой в сторону небольшой цветочной поляны, я пошел следом за ней. Сблизившись с цветами, она уселась на корточки и принялась поливать их, я подошел вплотную и уселся рядом.

— Привет, — обратился я к ней, скромно помахав рукой.

Ответа не последовало, она даже не посмотрела в мою сторону, будто рядом лишь пустое место. Я старался получше разглядеть девушку, игнорируя факт того, что ее интимные места сейчас ничем не прикрыты и я могу лицезреть то, чего никогда вживую не видел. Пусть она и выглядела совсем молодо, волосы говорили совсем об обратном: они были седыми, будто иссушенные возрастом, к тому же растрепанные и лохматые. Под глазами виднелись мешки, говорящие об очень длительном отсутствии сна, а вот сами глаза сияли красивым сиреневым цветом. Она старательно поливала цветы, подставив лейку под них. Глядя на эту картину, ежу понятно, почему они завяли — почву ведь никто не пропитывает, вода течет вверх, одни только бутоны всегда влажные, что не особо помогает цветам жить. Стоило воде в лейке снизить напор, как девушка встала с места, перевернула ее в привычное для людей в здравом уме положение и стала трясти, пытаясь понять, осталось ли в ней хоть что-то. Как бы я ни старался не смотреть на ее интимные места, стоило ей встать, как все оказалось на виду — это поражение для моей воли. Я ожидал увидеть то, что уже когда-то видел, но вместо груди у нее было лишь подобие ее формы: никаких намеков на здоровую женскую грудь, да и на мужскую она не была похожа, только кожа, да кости. Между ног та же история — никаких половых признаков, одна лишь кожа. Значит ли это, что передо мной гуманоид? Внешне она похожа на человека, коим совсем не является, только отдаленно его напоминает.

Из лейки еще лилась вода, потому этот гуманоид решил, что можно продолжить дело и уселся на корточки. После осознания истины мне теперь совсем непривычно обращаться к ней не как к девушке и описывать ее в мужском роде, потому буду следовать первому впечатлению.

— Ты не умеешь разговаривать, да? — спросил я, не надеясь услышать ничего в ответ.

К моему удивлению, она повернула голову в мою сторону, наконец заметив помеху садоводству. Она смотрела мне прямо в глаза, не отрывая взгляд ни на секунду и не моргая, от чего невольно появлялся дискомфорт. Наконец она перестала пилить меня взглядом и отвернулась обратно к цветам, но не забыв обо мне. Девушка указывала пальцем на цветок, ожидая от меня каких-либо действий, которые не в силах была описать.

— Цветок, — оторопев, сказал я.

— Ц...т..., — закричала она.

Неужели она все-таки умеет говорить? За последние несколько часов я впервые так обрадовался.

— Цве-ток, — подсказывал я.

— Ве. ок, — старалась она повторить.

— Цве-ток.

— Цве-ток? — наконец у нее получилось.

— Да, цветок! Молодец! — обрадовался я.

— Цветок, цветок, цветок, — повторяла она ленивым голосом с большими паузами, пляясь на свою поляну.

Такого взаимодействия было мало, потому я взял на себя инициативу рассказать ей о предмете, из которого она старается поливать цветы, указав на него пальцем.

— Лейка, — пояснил я.

— Лейка, — повторила она, потупив на нее несколько секунд.

В этот момент девушка заметила, что вода в лейке окончательно закончилась, тогда она снова уставилась на меня и стала тыкать пальцем в емкость.

— Вода закончилась, — подметил я.

— Вода закончилась, — повторила она, — лейка, цветок, вода закончилась, лейка.

Девушка встала из сидячего положения и направилась к водопаду-перевертышу, дабы снова наполнить лейку. Смешно было наблюдать за тем, как она старается держать ее одной лишь трясущейся рукой в перевернутом положении. Судя по всему, общение со мной ей понравилось, потому девушка спешно двинулась к месту назначения, а не в привычном для себя унылом темпе — настолько быстро, что в какой-то момент перед ней появилось какое-то овальное явление. Поначалу я даже испугался, но, когда увидел, как она зашла в него и вышла из такого же в непосредственной близости к воде, до меня дошло, что это не простое явление Бездны, а самый настоящий портал, который создала именно она. У меня появился шанс выбраться отсюда, если объясню ей, что нужно сделать, но не думаю, что это будет так легко. Пока я думал над планом, девушка уже вернулась и привычно уселась поливать эти бедные увядшие цветы. Подумав о них, я вдруг вспомнил про фото, которое лежит в моем кармане еще с первого дня покупки камеры, когда Хорнет в компании Итачи таскалась с цветами по всему дому, стараясь пристроить их в каждый угол. Рука нырнула в карман и нащупала фотографию, на которой виднелись обе девушки на лестнице в холле и небольшой цветок в горшке. Я выпрямил мятые грани фотобумаги, как смог, а затем всячески стал привлекать внимание моего нового друга-гуманоида.

— Цветок, цветок, цветок, — повторял я, тыкая пальцем в фото.

Она быстро откликнулась и стала всматриваться в картинку в моих руках, не понимая, что мне от нее нужно.

— Цветок, вода, лейка, понимаешь? — нервничал я. — Мне нужно туда, там цветок, туда!

— Цветок? — она наклонила голову в непонимании.

— Да, цветок, туда, вода, лейка, — старался я хоть как-то добиться результата.

— Цветок, вода, лейка, — повторила она, после чего встала из положения сидя.

Я уже было вновь потерял надежду, как вдруг она открыла портал, а затем уставилась на меня.

— Цветок, туда, — сказала она, показывая пальцем на портал.

Он был довольно большим, настолько, что я бы влез целиком, не нагибаясь и не отрывая ног от земли. Но эта штука как-то пугающе искрилась по своим границам, а в черной пелене посередине невозможно было разглядеть конечную остановку.

— Там точно цветок? — оторопел я.

— Цветок, — подтвердила она.

Девушка была решительно настроена затащить меня внутрь, но я боялся затеряться в пространстве, так и не вернувшись домой. В любом случае, делать нечего, нужно воспользоваться таким призрачным шансом. Пока я старался взять себя в руки, она подошла ко мне на расстояние метра и начала тыкать пальцем. Я не понимал, чего хочет это создание, пока она наконец не заговорила.

— Цветок, — сказала она, показав на поляну, — лейка, — повторила она тот же трюк, а затем направила палец на меня.

— Ашидо, — ответил я.

— Ашидо, — повторила она.

По ее лицу нельзя было понять, радуется она или грустит, ведь ее мимика затерялась где-то во времени, но что-то мне подсказывает, что сейчас она счастлива. Я вытянул свою руку, указав пальцем на нее, после чего произнес.

— Войд.

— Войд? — оторопела она, по крайней мере, так я думаю.

— Ашидо, — сказал я, указав на себя, — Войд, — указал я уже на нее.

— Ашидо, Войд, — повторила она, проделав ту же операцию с указательным пальцем.

Так держать, Войд, именно так теперь я буду тебя называть, ведь ты — дите Бездны, у которого нет эмоций и человеческого тела, но это не делает тебя бездушной куклой. Сегодня ты пойдешь со мной, и мы найдем тебе местечко среди нас, в горе цветов, которые ты так любишь и за которыми так старательно ухаживаешь, хоть и не особо получается.

— Идем, Войд, — произнес я, взяв ее за руку, после чего мы оба шагнули в черную пелену искрящегося в цвете сирени портала.

Глава 17: Цена свободы

Яркая вспышка света в темноте, волна мурашек по телу, резкий поток свежего воздуха, врезавшегося в мое уставшее лицо, такой спектр всех возможных ощущений говорил лишь об одном — мы дома. Всего лишь какое-то мгновение смешанных чувств и вот мы оба стоим на пороге родного мне дома. Радость в такие моменты передать невозможно, когда после десятка часов пребывания в холодной и вечно пустой Бездне ты наконец возвращаешься в реальность, ощущая каждую пылинку в душном холле, слыша каждый шорох в доме и за его пределами. Войд смогла перенести нас именно в то место, которое было на фотографии — удивительно. Вот лестница, на которой в тот день стояли Хорнет и Итаци, а сейчас на том же самом месте стоим мы вдвоем.

— Цветок? — произнесла Войд в скрытом замешательстве.

Она ожидала увидеть здесь предмет своего интереса, но не думала, что мне придется ее обмануть, дабы наконец вернуться домой. Мне даже немного стыдно за свой поступок, ведь Войд так сильно мне помогла, а осталась совсем без награды за свои труды. Я спустился с лестницы ко входу в дом, где в горшках около двери были подвешены красивые хризантемы, хотя еще недавно там находились любимые цветы Хорнет — целозии. Я хорошо запомнил эти названия, потому как эта женщина прожужжала мне все уши, пока выбирала декор для каждой комнаты, не обойдя стороной даже туалет. Достать цветы в городе сейчас нелегко, только имея связи можно заполучить что-то необычное, а не скучнейшие в своем великолепии одуванчики или ромашки. Еще до мирового катаклизма парочки любили обмениваться подарками, преподнося партнеру что-то не очень интересное, но символическое. В качестве подарка девушке выступали именно цветы, которые тогда никто так сильно не ценил — люди собирали огромные букеты всех возможных оттенков и раскидывались ими направо и налево по любому поводу и без него, пока все человечество в миг не лишилось такого рода подношений. Сейчас же цветы в сотни раз дороже, чем астронит — обычный радужный камень, найденный в недрах Гармонийских земель, не имеющий практического применения, как такового, однако получивший себе место в ювелирном деле. Именно астронит сейчас используют в бижутерии, потому он очень популярен в качестве подарка второй половинке. Подойдя к горшку, я осквернил старания садовника, который так старательно выращивал эти хризантемы, вырвав с корнями цветок, чтобы в конечном итоге он попал в руки какого-то гуманоида из Бездны на растерзание.

— Держи, — произнес я, протянув цветок Войд.

— Цветок, — взяла его она в руки без каких-либо эмоций, как бы ей не хотелось их показать.

Дом казался отличным от того, каким я его запомнил — это место претерпело перестановку: совсем другие шторы, ковры, мебель. Неужели девочкам совсем нечем было заняться в мое отсутствие? Кстати говоря, никого из них я до сих пор не увидел, лишь журчание воды в аквариуме, которого здесь тоже не было, выдавало в холле хоть какую-то живность. Где же все, неужели начали собрание без меня? Я ступил вверх по лестнице, двигаясь в направлении гостиной, тогда мне в глаза кто-то попал, шагнув навстречу. Я поднял глаза, которые привычно смотрели в пол и увидел совсем незнакомое лицо.

— Ты кто такой? — произнес противный женский голос. — Ну-ка быстро пошел отсюда! Вон из моего дома! Освальд, милый, выгони его!

— Какого черта? — возмутился я. — Вы в моем доме! Сами выметайтесь!

— Чего? — оторопела она. — Заткнись, хам! Проваливай отсюда!

Она схватила веник, удобно расположенный рядом, или скорее забытый на лестнице, после чего принялась меня им мутузить.

— Окаянный! Забрался в чужой дом среди бела дня, еще и права качает! Получай! — кричала она.

На крик вслед за ней вышел огромный мужчина, ростом точно не меньше двух метров и мускулатурой втрое больше моей руки, тут-то я точно понял, что лучше уйти. Я мог бы вмиг расправиться с обоими, но проливать кровь невинных противоречит моему кредо.

— Что за хрень? Где Хорнет? — протестовал я.

— Мисс Ишимару больше здесь не живет! Мы купили этот дом и тебе здесь не рады. Оборванец! — пояснила женщина, продолжая избивать меня веником.

Войд с интересом наблюдала за этой картиной, не желая вмешиваться. Странно, что новые хозяева дома обратили внимание именно на меня, а не на голое подобие девушки в холле. Поверить не могу, что Хорнет успела продать дом за то время, пока я находился в Бездне. В голову приходят несколько причин, которые подтолкнули ее на такой шаг — либо паранойя, либо серьезные проблемы. Делать нечего, придется поскорее уйти — нет смысла перечить разъяренной женщине. Бросившись вниз по лестнице, я схватил за руку Войд и потащил ее к выходу, открыл замок, распахнул дверь, и мы оба вывалились наружу под громом хозяйских криков, а затем затаились в переулке с правого торца дома. Как представлю лица этих людей, строящих догадки о том, как мы попали в закрытый на щеколду дом, так сразу хочется смеяться без остановки. Приходя в порядок после такой нелепой картины, я уселся на землю, оперевшись на стену и задумался, что же делать дальше. Сейчас я снова бездомный, только теперь в компании голого гуманоида, не понимающего, что вообще вокруг происходит. Она все время вертит головой и с интересом рассматривает все, что попадется на глаза, будь то кирпич или банановая кожура.

— Нам нужно тебя одеть, — обратился я к Войд.

— М? — промычала она в ответ, не понимая посыла моих слов.

— Черт бы тебя побрал, Войд, — вырвалось у меня. — Что же делать?

— Цветок, — сказала она, показав мне уже знакомую хризантему.

Пускай ее действия не имели никакого смысла, но у меня появилась идея, ради которой придется дважды рискнуть. В гробовом молчании я подошел к мусорке под окном, в которую любила сбрасывать сверху тяжелые мешки наша любимая лентяйка Юмико, и принялся шарить в ней руками в поисках заветной цели. Еще минуту я ковырялся в грудке мусора, пока не нащупал бутылку, в которой осталось немного жидкости. Я дернул улов наружу, заполучив тем самым пластиковую бутылку недопитой минеральной воды — бинго.

— Вода, цветок, — проговорил я, открутив крышку и протянув своеобразную лейку Войд.

— Цветок, лейка? — оторопела она.

— Да, все верно, держи, — подтвердил я.

Мне хватит того времени, которое Войд уделит поливанию цветка, пока я раздобуду хоть какие-то вещи. Оставив ее наедине со своими пристрастиями, я сделал размашистый прыжок в приоткрытое окно на втором этаже, выходящее в коридор. Зацепившись за скат окна, аккуратно подтянулся наверх, дабы разведать обстановку, и, только убедившись в отсутствии лишних глаз, я залез внутрь дома. Ближайшими ко мне комнатами были туалет и

спальня Амелии, а когда-то и ее брата. Первое, что пришло в голову — это пойти в комнату, может там будет что нацепить на Войд. Приоткрыв дверь, я осторожно заглянул внутрь, где никого, судя по всему, не было. Удача оказалась на моей стороне и в глаза кинулась огромная кофта, лежащая на кровати в компании еще не остывшего утюга. Разумно предположить, что она принадлежит тому огромному бородатому мужчине по имени Освальд — сойдет. Схватив кофту с кровати, я сразу ринулся на выход, но, уже переступив через подоконник одной ногой, опомнился, увидев из приоткрытой двери в туалет ботинки, стоящие в одиночестве на сушилке. Схватив еще и ботинки, я наконец мог уйти, потому без задней мысли прыгнул со второго этажа наружу.

— Фух, это оказалось куда легче, — вслух произнес я. — Войд, я раздобыл тебе шмотки.

Стоило мне посмотреть на последнее место дислокации девушки — ее там не оказалось.

— Войд? — окликнул ее я.

Ответа не последовало, она куда-то сбежала за ту минуту, которую я провел внутри. Этого только не хватало, мало того, что из дома выгнали, так еще и зря время потратил. Огорчившись таким раскладом дел, я тихим шагом поплелся вглубь переулка, но стоило завернуть за угол, передо мной предстала весьма забавная картина.

— Мяу, — послышался характерный для котика звук.

— Мяу, — ответил ему женский голос.

Так вот ты где, беглянка. Чувствую себя отцом, потерявшим ребенка, отвернувшись на какой-то момент.

— Ну, что ты, познакомилась с котом? — присел я рядом.

— Мяу, — выдавила она, показывая пальцем на бродящего полосатого котика.

— Это — кот, — пояснил я.

— Мяу, — настырно возразила она.

— Кот, — не сдавался я. — Кот делает «мяу», понимаешь?

— Кот, — повторила она.

— Да, правильно, кот, а теперь встань, — скомандовал я.

Силой подняв Войд с корточек на ноги, я принялся напяливать на нее кофту, которая оказалась настолько огромной, что спрятала целиком руки и шею, а вместе с тем прикрыла все, что находится ниже. Следом были ботинки, но обувь живую куклу оказалось совсем непросто. Она то ли дело брыкалась, пытаясь снять кофту, а держать равновесие в таком положении совсем непросто, потому ее нога все время стремилась обратно на землю, стоило мне ее поднять.

— Угомонись! — приказал я, но эффекта не последовало.

Спустя некоторое время адских мук, Войд наконец оказалась целиком одета, осталось только как-то успокоить бушующего гуманоида, не понимающего, почему я укутал ее свободное тело в тюрьму хлопка и кожи. Взяв ее за руки, я положил их на свою грудь, чтобы она пощупала идентичную кофту.

— Вот, кофта, — пояснил я. — Это надо носить, а не рвать.

— Кофта, — прорычала она.

Стоило мне отпустить ее руки, она сразу же схватилась обратно за одежду и продолжила тянуть ее во все стороны. Изрядно устав от такого брыкания я вlepил ей подзатыльник, от чего Войд сильно опешила, не понимая того, что сейчас вообще произошло.

— Хватит, — злобно произнес я.

Она стояла как вкопанная, но такой расклад куда лучше, чем беспорядочное размахивание руками. Теперь можно вернуться к делам — поиску друзей. Сейчас я прекрасно понимаю, что все резко залегло на дно после событий того вечера, потому отыскать кого-то будет слишком уж сложно, но зацепки все же имеются. Вероятнее всего, Юмико сейчас находится в квартире Амелии, отрезанная от остальных — мы ведь сломали наши переговорные устройства. Мне не остается ничего более, кроме как пойти туда, но, если кто-то на улице узнает меня — дело плохо.

Накинув капюшон и взяв Войд за руку, я двинулся в сторону квартиры Амелии, которая находится не так далеко. Большую часть времени она шла молча, но иногда вспоминала кота, который остался где-то позади, и крошила на куски тишину своей имитацией кошачьего мяуканья, что привлекало слишком много внимания, о котором девушка даже и не задумывалась. По пути мне в глаза кинулся ларек, в котором продавались всякие разные маски, начиная с обликов супергероев для маленьких фанатов и заканчивая брутальными тактическими шлемами. А что если я прикуплю себе такую? Хорошенько взвесив пользу от покупки, я пошел на сближение с продавцом.

— Здравствуйте! Чего желаете? — заговорил продавец. — В моем магазине можно найти маскарадные маски для парочек, есть хороший вариант для девушки!

— Нет, спасибо, ей не нужна, — отрезал я, — а вот мне бы занять такую маску, которая хорошо защищает от встречного ветра.

У меня не было идей, как намекнуть ему на то, что нужно скрыть лицо. Если сказать напрямую — это вызовет лишние подозрения, которые мне совсем не на руку.

— Встречного ветра? — оторопел он. — Вы у нас любитель скорости?

— Можно и так сказать.

— Есть хороший вариант для вас, — он достал со стенки с крючками причудливую черную маску. — Вот, посмотрите.

— Что это? — поинтересовался я.

— Мотоциклетная маска, раритет! — хвастался он. — Такие любили довоенные байкеры, которые разъезжали по дорогам на своих огромных мотоциклах! Только для нее нужен шлем, поскольку маска надевается поверх него. У вас такой есть?

— А зачем шлем тому, у кого нет байка? — подметил я. — В Гармонии таких не сыщешь.

— Тоже верно, — подтвердил он. — Тогда можете взять просто для красоты, она как раз создавалась именно для того, чтобы защищать от ветра.

Мне по душе эта маска, ведь именно такая мне и нужна — она полностью закрывает лицо снизу доверху, от самого подбородка и до верхушки лба.

— Беру, сколько стоит?

— Шестнадцать кредитов.

Хотелось бы спросить, на каком основании так дорого, но не в моих интересах сейчас спорить, потому я протянул продавцу требуемые деньги и забрал маску.

— Спасибо за покупку, до свидания! — радостно лепетал он.

— Всего доброго.

Распрощавшись с продавцом, я сразу же нацепил приобретение на голову, которое очень удобно и плотно на ней сидело. Отныне можно не бояться сверкать лицом, но немного расстраивает факт того, что капюшон все еще нужен для гарантии полной изоляции образа.

***

Некоторое время спустя мы с Войд все же достигли квартиры Амелии. Встав перед дверью, я неплохо так занервничал, опасаясь худшего.

— Юми, открывай, это Ашидо! — произнес я, стуча в дверь.

Но сколько бы не приходилось стучать — в ответ лишь гробовая тишина. Можно было подумать, что Юмико прячется и боится мне открывать, но внутри не мелькало и частички ее присутствия. Либо ее действительно тут нет, либо я стал настолько силен, что больше ее не чувствую.

— Войд, можешь помочь? — обратился я к ней. — Мне надо туда.

— М? — непонимающе наклонила голову она.

— Цветок, кот, туда, — пытался я хоть как-то намекнуть, показывая на дверь.

Войд лишь мычала, не зная, что я от нее хочу, потому пришлось смириться с таким безвыходным положением и сдаться. Что бы это могло значить? Хорнет за такой короткий срок умудрилась продать дом, Юмико не оказалось на квартире Амелии, куда мы договорились бежать после вылазки. Что мне теперь остается? В голову приходят только те варианты, которые не касаются нашей безымянной организации, а именно Илия и Наталья. Если с первым дело совсем плохо, поскольку он как вольная птица, которую сам никогда не поймает, то с Натальей все вполне понятно — нужно вернуться в «Гидру». Если так подумать, то сегодня должен был закончиться мой отпуск, после которого оборванцу с улицы пришлось бы снова взяться за несерьезную работу — хороший сценарий для возвращения блудного бродяги в гнездо к мамочке.

— Идем, Войд.

Таскание балласта за собой добавляло трудностей в и без того мрачную картину безысходности, но благо она хотя бы не жалуется, а лишь подчинительно плетется за мной.

***

Часами петляя по грязным закоулкам мы наконец-таки вышли на финишную прямую — в родной Дрянной район. Путь лежал через аж через Академический и Дипломатический район, по которым пришлось идти пешком — кольцевое метро в этот день не работало по неизвестным причинам. Опасная дорога с далеким пунктом назначения, но кроме как к Наталье, мне больше некуда идти. Оказавшись на позабытых улицах района, я затерялся в окружении, но в конечном итоге смог выйти к заветному бару на цокольном этаже, вывеска которого по какой-то причине была завешана черной матовой пленкой — такую вешают на вывески только в случае грубого нарушения закона владельцем помещения или в связи с неуплатой аренды. Однако рядом виднелись яркие радужные светодиодные столбы и совсем иная вывеска «Х6». Неужели и «Гидра» претерпела изменения, переименовав свой бар? Меня напрягают такие радикальные изменения вокруг, будто все вдруг решили спрятаться от меня.

Ступив на ступени, ведущие ко входу в бар, я оказался перед заветной дверью, остается лишь сказать пароль. Я постучал в железную дверь, после чего в ответ послышался возглас:

— Кто там?

— Кхм... Собака не лает без пива, кабан не смеется без джина, хомяк не дышит без водки...

— Ты что, совсем идиот? — прервал голос за дверью. — Иди отсюда, алкаш!

И что это значит? Я так усердно вспоминал пароль по пути сюда, чтобы меня так нагло отшили? Все же правильно сказал, тогда на каком основании этот мужик меня затыкает?

— Ну держись, придурок, — прорычал я.

Следом за дерзкими словами последовал сильный удар ногой в дверь, которая тут же слетела с петель, а затем рухнула вниз, впечатав вышибалу собой в пол. Стоило мне заглянуть внутрь, передо мной оказался совсем не тот привычный бар с красивой отделкой из сосновой древесины, душевной компанией за каждым столом с мягкими диванчиками, запахом курева и полуживым бедолагой на полу, а какой-то пижонский клуб со сценой посередине, освещенной диско-шаром и прожекторами.

— Эй, эй, что ты творишь? — кричал незнакомец в строгом костюме, который, судя по всему, тоже был вышибалой.

— Какого черта тут происходит? — возмутился я.

Мужчина направил на меня пистолет, который я рефлекторно выбил у него из рук на пол, после чего отправил наглеца в нокаут. В порыве гнева я пинал все и всех, ронял напитки со столов, пока ко мне не подошел какой-то старик. Он выглядел совсем спокойным, что отличало его от взволнованных посетителей этого места. Он подставил свою ладонь мне перед грудью, как бы останавливая, после чего похлопал по плечу и сказал:

— Идем, дружище, выйдем. Я знаю, зачем ты пришел.

Еще бы немного и старик валялся бы среди остальных, но спокойствие удава спасло его от этой участи. Мы вышли наружу, прихватив с собой вечно бесчувственную и отреченную от реальности Войд. Он был одет в длинное темное пальто, в руках трость, а на голове шляпа. Пройдя за угол во двор, он уселся на лавочку, достал сигарету и подозвал меня к себе. Вслед за ним мы с Войд тоже заняли место на лавочке.

— Ты привык видеть это место другим, да? — произнес старик.

— Там когда-то был бар, — спокойным голосом сказал я. — А сейчас какое-то сборище клоунов. Вы знаете, что случилось с «Глоткой Гидры?»

— Ах, ты еще помнишь «Глотку Гидры», юноша, — поддразнивал он. — Ее давно уже нет, с тех пор как сама «Гидра» распалась.

— Что значит распалась? — опешил я. — Что случилось?

— То и значит, «Гидра» распалась, и всем нам пришлось разойтись, — пояснил старик.

— Вы тоже были из «Гидры»? — поинтересовался я.

— Если ты так спрашиваешь, значит и сам когда-то был частью большой семьи — нашей семьи. Меня зовут Уильям, а тебя как, малец?

— Не могу сказать, слишком опасно, — отстранился я.

— Вот как. А чем же так опасно твое имя? Неужели кого-то боишься? — подтрунивал он.

— Скорее из осторожности, не знаю кому можно доверять.

— Понятно. Знаешь, что я тебе скажу, как человек старый и мудрый? Решая, с кем быть, ты должен поступать так, как велит сердце, а не предписывает твое имя, — посоветовал Уильям.

— Плохой способ вытянуть из меня слово, — промямлил я.

— Мне не так важно, как тебя зовут. Достаточно того, что ты — друг мой близкий, моя семья, от которой у меня нет секретов. Раз уж ты такой недоверчивый и ворчливый в своем возрасте, тогда я скажу, кто я такой.

— Обычный старик, разве нет?

— Уильям Дэвидсон, бывший босс «Гидры», ныне обычный старик, тут ты прав.

— Это правда? — удивился я.

Подумать только, сам босс «Гидры» сейчас сидит со мной на одной скамейке. Правда ли все то, что он говорит — могу только догадываться.

— Только тебе решать, во что верить, бродяга, — усмехнулся он.

— Тогда вы, должно быть, знаете фамилию Натальи, которую она от меня тщательно скрывала?

— Наталья? Дай-ка подумать, — Уильям демонстративно схватился за подбородок. — Это та девушка, которая вечно с сигаретой во рту?

— Она самая, — подтвердил я.

— О-хо-хо, помню такую, она всегда злилась, когда я называл ее кроликом, — смеялся старик. — Эх, было время. Наталья Рейх — глава одного из подразделений «Гидры», которое располагалось здесь. Ты ведь на нее работал, а?

— Да, я был посыльным — доносил слова своего босса до остальных членов «Гидры» и до наших врагов.

— Ого, мы таких всегда называли «шнырями» между собой. Денег хоть нормально давала?

— Вполне. На жизнь хватало.

— Знаешь, даже такие, как ты, все равно часть нашей семьи. А девушка с тобой тоже из наших? — поинтересовался Уильям.

— Нет, знаком с ней не больше дня, — пояснил я.

— А как так получается, что вы вместе пришли сюда?

— Лучше не спрашивайте — долгая история, истоки которой лежат по ту сторону реальности.

— О-хо-хо, а вдруг она сговорчивее, чем ты. Имя хотя бы могу у нее спросить?

— Попробуйте, — с саркастической насмешкой сказал я.

— Эй, девушка, как вас зовут? — обратился он к Войд.

Ответа, как и ожидалось, не последовало — она лишь заинтересованными глазами смотрела в небо, наблюдая за пролетающими мимо птицами.

— Ничего толкового она вам не скажет, сколько не старайтесь, — пояснил я. У вас есть вода?

— Вода? Жажда замучила? — оторопел Уильям.

— Не в жажде дело, я сейчас покажу кое-что интересное.

— Вот, конечно, держи, — он протянул мне маленькую пол-литровую бутылочку воды, достав ее из внутреннего кармана пальто.

Пришло время представления для уходящего поколения.

— Войд, — окликнул я витающую в облаках девушку.

Услышав свое имя, она опомнилась и повернулась ко мне. Уильям уже успел удивиться тому, что мне удалось привлечь ее внимание.

— Вот вода, полей цветы вон там, — я показал на одуванчики в паре метров от нас.

— Вода, цветок, полей, — прохрипела Войд, после чего взяла бутылку и взялась за любимое дело.

Уильям внимательно смотрел за происходящим, не понимая, что я этим хотел до него донести.

— Она знает всего несколько слов: вода, лейка, цветок, мяу, кот, кофта, а также свое и мое имя, — объяснил я.

— Что за девушка такая странная? У нее какие-то проблемы с развитием? — осторожно

спросил он.

— Что-то вроде того, она как ребенок, которого многому предстоит научить.

— Интересный случай. А вы, юноша, знаете сколько ей сейчас лет?

— Понятия не имею, она мне точно об этом не скажет, — усмехнулся я.

Глядя на Войд, я заметил, что она встретилась с какими-то трудностями и не может полить одуванчики, потому нервно трясет бутылкой и бьет ее об землю. Какое-то время она так и сидела, размахивая руками, пока наконец не додумалась подойти ко мне.

— Лейка, — прохрипела она, вытянув перед собой бутылку.

— Как же так, совсем забыл про крышку, — опомнился я.

Одно простое движение и бутылка снова оказалась пригодной для роли лейки, тогда я и отдал ее обратно Войд.

— Спасибо, Ашидо, — сказала она, после чего вернулась к делам насущным.

— Ашидо, значит, — повторил Уильям.

Не знаю, как так вышло, что Войд умудрилась запомнить слово «спасибо», так еще и связала его с моим именем, в качестве обращения. Одно ясно точно — она нагло раскрыла инкогнито.

— Что ж, — вздохнул я, — раз уж такие дела, представлюсь, как подобает. Ашидо Такаги — так меня зовут.

— О-хо-хо, не думал, что встречу тебя лично, друг, — усмехнулся старик.

— Вы меня знаете? — вопрос с очевидным ответом.

— Я хорошо тебя запомнил, красноглазый юноша. На празднике ты дал жару, я даже заужавал тебя, послушав все, что ты говоришь.

— Вы думаете, я не вру?

— Не знаю, — ответил Уильям, — но хочу верить, что все сказанное тобой — правда.

— Уильям, скажите, я в тот день был со светловолосой девушкой, вы не знаете, где она может быть?

— Ну и вопрос ты задал, ей-богу, — закашлялся он. — Я ее не видел с того дня ни разу, точно так же, как и тебя. Откуда ж мне, старику, знать где сейчас твоя подружка?

— И то верно, прошу прощения за глупый вопрос.

— Все в порядке. Если ты ее ищешь, это значит только то, что она тебе дорога и ты все еще не утратил надежду.

Это правда, старик — дороже Юмико у меня никого нет, но это не значит, что я обесцениваю остальных своих друзей: Хорнет, Амелию, Итаци. Даже такие, казалось бы, незначительные люди, как Илия, мне дороги. Хочется поскорее с ними всеми увидеться и поделиться тем, что я испытал, одержав победу над Хандзо и побывав в Бездне всем своим сознанием. Но где же мне их искать? У нас не было никакого резервного плана на случай, если мы вдруг разминемся. Узнав о том, что теперь и «Гидры» нет, а вместе с ней в небытие пропала и Наталья, я снова погружаюсь в безнадежное одиночество в компании одной лишь Войд, с которой поговорить толком и не о чем. Пока в сердце еще теплится надежда, нужно цепляться за все, что придет в голову, ведь я еще не был дома у Юмико, не был ни у одного партнера Хорнет, которым она, вероятно, оставила свои контакты. Будь у меня с собой хотя бы пейджер, который остался дома в тот день, я мог бы отправить им сообщение, но они, скорее всего, прихватили его с собой, когда уходили. Номера я никогда не запоминал, потому не могу просто воспользоваться другим устройством. Из дальнейших вариантов развития событий может быть лишь оставленное послание на значимых для кого-то из моих

друзей мест. Это может быть записка на могиле Анны и Леонхардта Акина для Амелии просьба к владельцу кафе «Север», куда обычно ходит Хорнет, а может даже что-то громкое, чтобы привлечь внимание Илии. В любом случае нужно думать, и думать глубоко и пронизательно, вчитываясь в каждый пункт биографии моих друзей. Если я не справлюсь даже с этим, какой тогда из меня шепот примирения и вершитель истории — так и останусь никем.

— Уильям, скажите, вы верите в то, что у меня все получится?

— В каком плане? — уточнил старик.

— Ну, что я смогу пройти по своему пути и не оступиться, не затеряться в чаще, встретившись с преградами жизни?

— Прежде чем задавать сложный вопрос по сомнительному сценарию, сначала спроси себя о чем-то глобальном. Допустим, за что ты борешься, Ашидо?

— За свободу, — без капли сомнения ответил я.

— За свободу? Ты чувствуешь себя птицей в клетке? — изумился старик.

— Вам, простым людям, не понять, каково это, прятаться в тени и проживать каждый день, как последний, боясь лишней раз показаться на глаза прохожим, перебиваться едой с помойки в надежде найти работу, смотреть на смерти друзей от рук бесчинствующих убийц и переживать за жизнь каждого, кто идет по тому же пути. Каково это, быть простым человеком? Спокойно ходить по земле и наслаждаться жизнью? Работать на благо семьи и возвращаться домой к детям и горячему ужину?

— Я тебя понял, друг. Мне и вправду не понять половину из того, что ты перечислил, но и таких человеческих благ, как семья, мне тоже не понять. Какой бы ты не избрал путь, иди по нему с высоко поднятой головой, не озираясь по сторонам. Но раз уж ты выбрал для себя такую судьбу, крепко усвой то, что я сейчас тебе скажу — лишь утратив все до конца, мы обретаем свободу. Куда бы не несли тебя крылья, будь готов к тому, что вмиг можешь все потерять.

— Я запомню ваши слова, Уильям, — пробормотал я, опустив голову.

— Я буду верить в тебя. Прощай, Ашидо Такаги.

Уильям поднялся со скамейки и медленным шагом скрылся за углом дома, а мне на душу лег тяжелый груз осознания того, что я ставлю под угрозу жизнь всех, кого люблю. Старик прав, ведь чем больше людей со мной будет идти бок о бок, тем больше шанс того, что кто-то из них рано или поздно умрет, оставив за собой горечь потери. Я не знаю, что случилось с Юмико, когда я пропал, потому начинаю думать о худшем. Стараясь отбиться от дурных мыслей, я вслед за некогда незнакомым мне человеком поднялся со скамейки, привычно взял Войд за руку и двинулся в единственное место, где мы можем поспать — безлюдный переулок, в котором когда-то любили стоять мои коллеги из «Гидры». За всеми этими похождениями часы пробили полночь, я устал настолько, что был не в силах искать себе ночлег где-то не под открытым небом. Расположившись на твердом асфальте под козырьком на углу двух домов, в компании гнилых досок и картонных коробок, я быстро погрузился в сон.

Глава 18: Ангел Трущоб

Никто на самом деле не знает, к чему я на самом деле стремлюсь, что для этого приходится делать и сколько жертв приходится приносить ради достижения цели. Собираясь чего-то добиться, я должен рисковать настолько, насколько претендую, а силы иссякают и огонь в глазах тухнет, за неимением союзников. Сейчас я понимаю, как сильно завишу от дружеского присутствия рядом. Кто-то скажет, что я не одинок, ведь со мной все время ходит Войд, но она скорее как домашний питомец, которого вывели на прогулку. Наш дуэт больше похож на пару волков-одиночек, которые не могут разделиться, потому что обоим совсем некуда идти — ну вот опять. Стоило мне открыть глаза, очнувшись от глубокого непробиваемого сна, я уже успел задуматься о том, что совсем о ней позабыл, что она куда-то ушла, пока я тихо кувыркался в каких-то грязных тряпках и картоне, но эта девушка меня удивила. Она просто стояла под козырьком, оперевшись на стену, устремив свой взгляд куда-то в пустоту, будто в ней намного больше интересного, чем может показать реальность вокруг. Чувствую стыд за то, что оставил ее одну ночью в одной лишь кофте, которая только слегка прикрывает тело, оставляя ноги открытыми. Хотя, наверное, ей не приходится страдать, ощущая холод, который в Бездне был куда более невыносимым. Тем не менее осознание неприступности этого создания перед температурой и одиночеством поражает меня, но в то же время и ужасает. Войд может и не понимает этого, но быть бесчувственным подобием себя куда тяжелее, чем страдать от жизненных невзгод.

— Доброе утро, Войд, — окликнул ее я.

— Ашидо, — опомнилась она, повернув голову ко мне.

Я наконец улыбнулся, лицезрев такую приятную картину. Сегодня придется продолжить попытки выйти на кого-нибудь из друзей, чтобы после найти остальных. Поскольку мы сейчас находимся в Дрянном районе, по соседству с которым располагается дом Юмико в Дипломатическом, разумнее всего было бы пойти именно туда. Встав с земли и отряхнувшись от всякой липкой гадости, я нацепил сброшенную ночью маску, привычно взял Войд за руку, и мы двинулись в путь. Я уже совсем отвык от этой полуторачасовой ходьбы от «Глотки Гидры» до своей возлюбленной, к которой по началу даже не питал никаких чувств, кроме искреннего дружеского тепла. Не слишком твердо ступая по криво положенному асфальту, я все думал о том, куда бы она пошла, зная, что за ней теперь охотится весь город. Имея такую популярность после нашей выходки, она навряд ли где-то сможет скрыться, разве что в глубинах Трущоб, у подножия горы или за пределами Гармонии, во что совсем не хочется верить. Если взвесить факты, то она бы никак не смогла выбраться за стены, не воспользовавшись метро, которое сейчас в тайм-ауте. Даже я не смог бы забраться на высоченную стену, закрывающую горизонт для жителей низин — чем дальше до горы, тем в большей тени приходится уживаться с повседневным бытом. Люди, которые живут на границе Торгового района бок о бок со стеной, вынуждены всю жизнь проводить в тени, потому что при первой возможности выбирают куда-нибудь ближе к центру, дабы восполнить недостаток витамина D, погревшись под такими недоступными лучами ласкового солнца. Королю не понять их участи, ведь в Парадном районе оно светит круглые сутки, попадая в каждый закоулок большой круглой крепости. Мне же такое положение играет на руку, но если гвардия решит прижать беглеца к стене — шансов сбежать уже не будет.

Пока я витал в облаках, мышечная память ног привела нас к месту назначения — 37-ой улице «Ди», к дому номер семнадцать. Как по мне, иметь одну единственную улицу на весь район, различающуюся лишь нумерацией, глупо, ведь куда разумнее было бы называть улицы разными именами в честь исторических событий или мировых деятелей, как это делали люди в прошлом. Я позвонил в звонок, но никто и не думал открывать даже после повторных издевательств над кнопкой.

— Войд, посиди здесь, — скомандовал я, не подумав, что она все равно не поймет.

Не дождавшись ответа, я перепрыгнул через забор, очутившись на территории дома. Хотелось бы постучать в дверь, но за этим все равно ничего не последует, потому придется искать пути проникновения внутрь. Обойдя дом вокруг, я не заметил никаких признаков жизни, к тому же все окна были закрыты, будто перед сильным ливнем, за исключением окна на втором этаже, которое как раз выходило в комнату Юмико. Под окном как раз находился козырек, потому залезть через него в помещение не составляло труда. Скользя по черепице, я дополз до окна, открыл его настежь, приложив немного усилий, после чего перебросил свою тушу через препятствие. В нос сразу же ударил аромат пыли, как тот, который был на нашей с Ральфом секретной базе в театре, притом слой был чуть ли не сантиметровой, несмотря на то, что она витала в воздухе и осыпалась со шкафа и полка, стоило мне шелохнуться. Меня охватил приступ неконтролируемого кашля, глотка надрывалась, стоило лишь вдохнуть то, что здесь накопилось за время без уборки. Оклемавшись от атаки пыли на легкие, я понял, что Юмико здесь точно не стоит искать, потому что даже она не такая грязнуля, которая могла бы так запустить свою любимую комнату, но уходить еще рано. Единственное, что я мог здесь сделать — залезть в ее компьютер в надежде узнать, какими были последствия нашей вылазки. К моему удивлению он включился, стоило только раз нажать на кнопку. Я протер пыльный экран и на нем показалось приветствие системы, а также требование пароля — вот облом. Она никогда не пускала меня за это устройство, так откуда ж мне знать пароль? Ее профиль носил название «Wings of Freedom», что на нее очень похоже, а еще забавляло то, что Юмико так не любит уделять внимание мелочам, что дата на ее компьютере спешит аж на несколько дней, не говоря о том, что в календаре стоит следующий год. Настенный же календарь остановился на дате нашего переезда в Торговый район — хоть где-то есть частичка правды. От безысходности я выдернул устройство из розетки и спешно покинул родину пыли, прикрыв за собой окно настолько, насколько смог, а затем с разбега перепрыгнул забор, оттолкнувшись от все того же козырька. Мое громкое приземление не заставило Войд даже пошелохнуться — она привычно пялилась в никуда. Меня вдруг осенило, как только я мельком взглянул на нее — мы ведь последние два дня совсем ничего не ели. Со мной все понятно, я просто запустил это дело, заметавшись в важных делах, но, что касается Войд, она могла уже давно не видеть еды. Строение тела гуманоида не предполагает пищеварительного процесса, не говоря уж о выделительном, но попробовать покормить ее стоит.

Нам навстречу шел мужчина, который выглядел как обычный работяга, накупивший мороженого, чтобы скрасить свой долгожданный выходной. Сблизившись с нами, он заговорил:

— Прошу прощения, сигаретки не будет?

— Простите, не курю, — огорчил я.

Он молча продолжил идти дальше, тут-то я вспомнил о Войд, не видевшей сладости уже

невесть сколько времени.

— Пойдите, — окликнул я прохожего.

— Чего? — спросил он, обернувшись.

— Мне нужен ваш рожок мороженого.

— С чего бы? — возмутился он. — Я купил его для себя. Если тебе так надо — иди в магазин.

— Нет, оно мне нужно прямо сейчас, я заплачу.

— Да? И сколько же? — поинтересовался он.

— Сигареты нынче дорогие, — подметил я. — Я оплачу вам целую пачку, если вы отдадите мороженное.

— Хм, — задумался он. — Забились, давай деньги.

Я протянул ему три кредита, не зная, сколько на самом деле стоит пачка его любимых сигарет. Мужчина взамен отдал обещанное мороженное в двойном экземпляре, заметно поднявшись в настроении.

— Спасибо, парень! Приятного вам с девушкой аппетита!

— И вам спасибо, до свидания.

В моих руках оказались два рожка обычного пломбира, который так обожают мужчины за тридцать — безвкусица. Открыв один такой, я протянул его Войд, она схватилась за мороженное обеими руками, не зная, что с ним делать.

— Цветок? — заметалась она.

— Нет, нет, мороженное, — поправил я.

Распаковав второй рожок, я принялся его есть, тем самым показывая Войд, что с ним нужно делать. Какое-то время она наблюдала за мной, пока сама не решилась и не переключила свое внимание на сладость. Стоило ей коснуться заветного пломбира языком, как Войд тут же расцвела, о чем говорила явная мимика на ее лице, показывающая искреннюю, едва видную радость. Впитав всю суть мороженого, она начала жадно его уплетать, откусывая огромные куски, не боясь отморозить мозг в процессе. Такое зрелище передает всю ту боль, которую испытывает ее бедный пищевод, но ей, судя по всему, вполне нормально.

Я уселся у забора дома Юмико, чтобы как следует насладиться едой и подумать, куда идти дальше. Исходя из недавних событий, не думаю, что идти домой к Хорнет было бы хорошей идеей, ведь после кровавой бани это место находится под тщательным контролем служб безопасности, а это мне совсем не нравится. Из других доступных вариантов имеется только удача, ведь больше мне некуда идти, разве что попробовать выцепить Эмбер, которая, наверное, прямо сейчас заливает в покер где-то на границе Промышленного района — далековато, но ничего не поделаешь. Зацепок совсем не имеется, тем более после того, как я побывал дома у Юмико, поняв, что даже если оставлю послание Амелии на могиле ее матери, она все равно нескоро там появится. Доев мороженное и собравшись с мыслями, я поднялся с земли, и мы снова двинулись в путь.

Как ни странно, метро все еще не работало, но причина все же нашлась. Когда мы уже почти дошли до пункта назначения, то заметили кольцевую линию, которая обрывалась в одном месте — там, где что-то повредило железнодорожные пути. Зрелище такое себе, ведь надземный путь метро был обрушен на землю, там даже вмятины на асфальте остались от упавших обломков. Все бы ничего, но на месте обрушения виднелся огромный камень, будто выросший из-под земли, чтобы спасти пассажиров в падающем поезде. А самое

удивительное в этой картине именно то, что я ничего об этом не знаю. Кругом находилась куча прохожих, которых пришлось отвлечь от насущных дел ради информации.

— Прошу прощения, у вас не будет минутки? — обратился я к компании подростков чуть младше меня на вид.

— Да, конечно, что хотел? — проявил инициативу парень в красном худи.

— Вы знаете, что здесь произошло? — поинтересовался я, указав на обрушенные пути.

— Ну, да, все же знают, — усмехнулся парень.

— Я ничего об этом не знаю. Расскажите?

— Тут взрыв был, — вклинилась девушка из их компании, — какой-то террорист решил взорвать пути.

— А как тут этот камень тогда оказался? — оторопел я.

— Ну, так его же мужик какой-то из-под земли достал, гвардеец какой-то, — ответил парень.

— Вы уверены, что это был гвардеец?

— Да брось, — возмутилась девушка, — ты своим фанатением по гвардии людей в заблуждение вводишь. Он не был гвардейцем — из примет только черный плащ и рогатый шлем.

— Настоящий герой, — усмехнулся второй парень в их компании.

— В рогатом шлеме? А вы не знаете, где его можно найти? — завелся я.

— А зачем он тебе? Фанат, что ли? — поинтересовался парень в красном худи. — Тоже маску носишь, странный какой-то.

— Можно и так сказать. Но маску я ношу, потому что лицо изуродовано после пожара, — соврал я. — Ну так?

— Нет, прости, понятия не имеем, где он может быть. Его даже гвардия поймать не может уже сколько времени, не то что мы, — ответила девушка.

— Хорошо, спасибо, ребята, — поблагодарил я. — Всего доброго.

— До свидания, — сказал каждый из компании, удаляясь по своему маршруту.

Подумать только, Илия показался на людях в открытую и даже спас толпу, переполняющую поезд — как благородно. Я думал, что ему чужды судьбы простых людей, однако теперь уважаю его за такой поступок. А вот камень из-под земли звучит очень интересно, поскольку загадочный мужчина в рогатом шлеме ничего не говорил про свои способности, не считая «шиирацу». Даже если Илия является шепотом, тогда как он смог это проверить? Неужели при грамотном использовании носителю такой силы подвластна даже земля? Сомневаюсь, ведь чтобы вырвать кусок камня из недр нужно огромное количество сил и воображения, с чем не справится никто. Слишком много у этого человека секретов, чтобы наверняка знать, остается только гадать или надеяться услышать от него лично всю истину.

Продолжив свой путь, мы наконец достигли Промышленного района. Расспросив людей о коронном месте сбора любителей покера, мы вышли на бар «В гостях у ласточки», который за километр сверкал всеми цветами радуги. Стоило только шагнуть за порог, как мы оказались в большом неразделенном помещении в стиле «мото-бар», которое было забито посетителями. Среди них было много женщин, при том многие имели схожий образ в одежде и прическе. Все они сидели в одинаковых по своему размеру компаниях, потому отличить среди них Эмбер было совсем сложно.

— Вам столик на двоих, или присоединитесь к какой-нибудь компании? — обратился к

нам официант.

— Нам на двоих, пожалуйста, — ответил я.

— Дальний в углу будет свободен, занимайте.

— Ага, спасибо.

Мы прошли вглубь бара, стараясь маневрировать среди веселых и буйных посетителей, наконец заняв место в углу. Я долгое время всматривался в компании людей и вспоминал инструкцию Амелии, пока наконец не нашел для себя несколько цепляющих глаз целей. Я оставил Войд наедине, а сам двинулся к компании, в которой была всего одна веселая девушка. Сблизившись с ними, я оперся на стол и вмешался в разговор.

— Эмбер? — спросил я, глядя на девушку.

— Чего? — опешила она.

— Ты чего, черт, подкатывать вздумал? — сорвался с места крепкий мужчина в одной лишь кожаной жилетке поверх пивного пуза.

— Тише, тише, — успокаивал я, — мне только нужно кое-кого найти.

— И кого же? — прорычал он.

— Девушку по имени Эмбер, она часто здесь играет в покер, вы должны такую знать.

— Эмбер? Какая еще Эмбер? Вали отсюда и не мешай нам, или получишь, — угрожал он.

Самое обидное в такой ситуации не осознание своей слабости, а знание силы, которая могла бы в порошок стереть этого хама. Мне нельзя распускать руки и придется смириться с его самоуверенностью. Я покинул эту компанию и вмешался в разговор другой через пару столиков.

— Простите, могу обратиться к девушке? — более тактично подошел я.

— Да, слушаю, — ответила она.

— Как вас зовут?

— А зачем тебе это знать, лох в маске? — дерзнула она.

Мое терпение и без того иссякало, а после такой наглости держать себя в руках стало еще сложнее.

— У тебя есть три секунды, чтобы сказать свое имя, или я начну ломать твои пальцы, — угрожал я.

— Слышь, ты что, попутал? — вмешался мужчина.

— Закрой рот, выскочка, не с тобой разговаривают, — заткнул его я.

Он, как под копирку, сорвался из-за стола и схватил меня за шиворот.

— Пойдем выйдем, поговорим, — сказал он.

— Повторяю в последний раз, я не с тобой разговариваю, придурок, — огрызнулся я.

— Козел! — прорычал он и отшвырнул меня в сторону.

После броска, который никак не пошатнул мое равновесие, он замахнулся для удара, который я мало того, что парировал, так еще и умудрился уронить его на пол, заломав руку.

— Больно, больно! — кряхтел он.

— Еще хоть слово скажешь, и я сломаю тебе руку.

Ему на помощь подоспели дружки, один из которых пнул меня со всей силы так, что я упал на спину. Хорошо придумали — ударить, пока мои руки заняты. Вот так и старайся снисходительно относиться к дебоширам. Не успел я подняться, как эти двое схватили меня под руки и оторвали от земли, не ослабляя хватки. Девушка за столом лишь ехидно смеялась, не предполагая, какая пытка ее ждет по окончании этого спектакля. Мужик, которого я

заламывал, еле оторвался от пола и встал напротив.

— Ты хоть знаешь, с кем связался, пацан? — заговорил он.

— Мне как будто не плевать, — снова огрызнулся я, все еще себя сдерживая.

— Будто не плевать, говоришь? Сейчас тебе будет урок.

Я был готов к тому, что он решит меня ударить, но тот задумал нечто иное. Он двинулся вглубь зала, куда шли мы с Войд, по дороге обернувшись.

— Ты же с этой шкурой пришел, а? — прокричал он.

— Только попробуй, — прорычал я.

Он подошел к столу, где тихо сидела Войд, схватил ее за волосы так, что ее лицо резко скорчилось от боли, а затем вытащил из угла и поволок в мою сторону так, что у нее то ли дело подкашивались ноги.

— Отпусти ее, или пожалеешь, — угрожал я.

— Да? Отдыхай, сынок, глядя на то, что я с ней делаю.

Он начал расстегивать ее кофту, ни на секунду не отпуская волосы. Войд лишь молча и нервно махала руками, стараясь отделаться от помехи, не зная, что ей делать.

— Надо же, молоденькая девчонка ходит в такой коротенькой одежде, а мальчик даже не может ее защитить, как грустно. Сейчас я попробую тебя изнутри.

Мне хотелось прервать его еще на том моменте, когда тот схватился за собачку на молнии, но интерес перед реакцией на то, с чем он столкнется, был куда больше. Расстегнув кофту наполовину, он сразу же сунул под нее руку, ожидая, что крепко схватится за грудь.

— А, так у тебя плоскодонка, как жаль! — неумело глумился он.

После издевательств Хандзо меня таким не возьмешь, потому что они были не только физически болезненными, но и ужасными по своей сути на деле. На его фоне этот мужчина выглядит совсем ребенком. Разочаровавшись грудью, он расстегнул кофту полностью, после чего сбросил ее на пол, так на обозрение публике показалось тело гуманоида, которое не имело никаких желанных для жадных и грешных глаз половых признаков. Он не видел этого со своей перспективы, потому демонстративно нырнул рукой между ног и затерялся:

— Что это за херня?

С меня хватит, пора бы и мне преподать им урок на всю жизнь. Я пнул одного из державших меня людей по ноге, чтобы тот ослабил хватку, после чего перекинул через себя второго. Не дав встать горе дружку, я сломал ему руку в локте, от чего тот закричал в агонии. Второй уже успел встать и решил пустить в ход кулаки, но я умело увернулся, пригнувшись, после чего по всей силы пнул его в область колена так, что его нога вывернулась в обратную сторону, и он с криками рухнул на пол вновь. Теперь путь открыт и стоит наказать самого дерзкого из этой компании. Я пошел на сближение с ним, от чего тот немного занервничал и поднес к ее горлу нож.

— Какого черта у твоей телки ничего нет между ног? — замешкался он.

— Отпусти ее или я сверну тебе шею.

— Ты может не понял, идиот? Я ей глотку перережу если ты подойдешь еще хотя бы на шаг.

— Валяй, — сказал я, ожидая, что тот струсит.

Я шел навстречу и видел, как тот все больше и больше нервничал.

— Я сказал не подходи! — кричал он.

Я лишь ускорился, перейдя на бег. До заветной Войд и ее обидчика оставалась пара шагов, когда лезвие ножа впилося в ее кожу, но на голое тело не брызнуло ни капли крови,

однако боль оказалась такой сильной, что что-то внутри Войд резко проснулось. Она вскрикнула и в миг одной сильной разрушительной волной запустила все рядом стоящие столы, стулья, посуду и людей в противоположную от себя сторону, включая меня. От такой силы несколько лампочек в зале лопнули, кругом все потускнело, обидчика впечатало в стену. Я с грохотом приземлился на пол, сделав несколько кувыркков и врезавшись в лежащий на боку стол, вокруг поднялась паника, но люди не спешили уходить и с интересом смотрели на нее. Войд отличалась от той, какой я привык ее видеть: ее сутулая спина в миг выпрямилась, глаза засветились намного ярче, чем до этого, а вместе с тем сильнее, чем мои собственные.

Услышав кряхтение покалеченного наглеца, она медленно обернулась в его сторону и пошла на сближение. Под ногами девушки хрустело стекло, она, словно какой-то монстр, медленно подходила к своей жертве.

— Что это? Уберите ее от меня! Спасите! — молил он.

Когда она наконец подошла к нему, то схватила за горло и подняла над землей так, что тому оставалось только беспомощно брыкаться в ее руках. Недолго думая она собственной рукой проткнула его грудину, тогда кровь водопадом хлынула на пол, залив все вокруг, а Войд окрасилась в алый цвет смерти, испачкав свои седые волосы и бледную кожу. Стоило ей вытащить руку, как бездыханное тело рухнуло на пол, а она встала в привычную сутулую позу. Теперь здесь точно ловить нечего — Войд пролила кровь за меня. Если залез в пасть к зверю — будь готов стать его добычей. Я быстро поднялся и бросился к Войд, схватил ее за руку и потащил на выход, подобрав по дороге кофту. Нас сопровождали взгляды замерших в страхе людей, в том числе и той, кто так и не сказал мне свое имя. Пройдя мимо нее, я резко захотел подлить масла в огонь и произнес:

— Вот тебе урок нравственности, сука.

Когда мы наконец вышли из бара, я нацепил на спокойную Войд ее кофту и решил, что нам лучше всего сейчас скрыться в Трущобах, где не будет лишних глаз. Уже вечерело и солнце пряталось за стенами, которые были чуть выше привычного горизонта, потому проблем у нас быть не должно, тем более идти совсем недалеко.

Сегодня я увидел, какой на самом деле может быть Войд, и сомневаюсь, что это вся ее сила. Если эта девушка жила в Бездне, пока не встретила меня, не значит ли это, что она вся пропиталась здешней энергией? Боюсь представить, насколько же она на самом деле сильна и что бы сделала, если бы была намного разумнее, чем сейчас. Вот же клеймо — иметь силу, но смотреть на мир глазами ребенка.

Когда мы наконец дошли до слякоти Трущоб под темным небом, оставалось только найти какую-нибудь воду, чтобы отмыться, а также убежище на ночь. Плутая по безлюдным местам, где нет ни людей, ни домов, мы наткнулись на небольшой водоем, куда бы даже катер не поместился. Почва здесь была хоть немного твердой и ноги не проваливались в грязь, что не могло не радовать. Я снял с Войд ботинки, а затем и кофту, которая оказалась полностью замаранной в крови — теперь ее придется выбросить.

— Здравствуйте, — послышался детский голос.

Помимо меня, обернувшегося мгновенно в нервном испуге, даже Войд повернула голову на источник шума. Перед нами стояла сероволосая девочка ростом не больше ста пятидесяти сантиметров. Кончики ее волос были окрашены в какой-то голубой оттенок, похожий на цвет ее глаз. Несмотря на то, что уже поздно и холодно, она решила прогуляться в одном лишь легком платье по безлюдным местам. Что же у нее в голове?

— П-привет, — проямлил я.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовалась она.

— Моемся, как видишь. Ты лучше скажи мне, что ты делаешь здесь одна в такое позднее время?

— Мама попросила меня принести воды, — пояснила она. — В этом месте самая чистая вода и мы часто набираем ее отсюда.

— Давай мы проводим тебя до дома, хорошо? Не гоже маленьким девочкам таскать тяжести и гулять по ночам в одиночестве.

— Я не маленькая! Мне пятнадцать! — возмутилась она. — И вообще, мне не страшно ходить одной ночью.

— Допустим, как тебя зовут, девочка?

— Хомура.

— Хорошо, Хомура. А ты случайно не знаешь, кто такой Ашидо Такаги?

— Нет, ни разу не слышала о таком.

— Это убийца, которого в городе хорошо запомнили. Что если бы ты с ним сейчас встретила здесь?

— Это ведь ты, да? — заподозрила она, но даже бровью не повела.

— Он самый, боишься? — нагнетал я.

— Нет, — возразила она. — У нас в Трущобах полно убийц, с чего бы мне бояться кого-то нового?

— Хочешь сказать, что если бы я сейчас напал на тебя, ты бы выжила и вернулась домой?

— Да, мне не в первой, — настырно продолжала она перечить.

— Ты безнадежна, — вздохнул я.

— Какая есть, лучше посмотрите на себя и свою подругу. Вы собираетесь смыть кровь с кожи и одежды в воде, которую мы пьем дома. Вам совсем не стыдно?

— Стыдно, — подтвердил я. — Если бы ты пришла чуть позже, мы бы уже это сделали. Где здесь есть еще водоемы, чтобы помыться?

— Зачем вам искать водоемы?

— А как иначе смыть кровь?

— Попросить Хомуру, — усмехнулась она. — Если хорошенько постараетесь, я вам помогу.

— И как же ты нам поможешь? — оторопел я.

— Попросите, как следует, и я покажу, — улыбнулась она.

Что бы это вообще значило? Она пригласит нас к себе домой? А что если она нас сдаст? В любом случае делать нечего, потому попробую поддаться и поиграть в ее игру.

— Многоуважаемая Хомура, можно попросить вас об одолжении? — выдавил я.

— Слушаю, — издевалась она.

— Мою подругу нужно отмыть от излишней грязи, вас не затруднит такая просьба?

— У вас хорошие манеры, Ашидо, — ухмыльнулась она. — Так уж и быть, я вам помогу.

Вдруг из воды послышался громкий всплеск и навстречу Войд вылетел поток воды, который окутал ее тело.

— Вода, вода, вода, — радовалась Войд, не выдавая эмоций.

Поначалу я подумал, что это какая-то скрытая атака, но, видя, как Войд непоколебимо стоит в прежней стойке, до меня дошло. Неужели контроль над водой — это способность

этой миниатюрной девочки? Своими тоненькими ручками она повелевает центнером воды, разве такое возможно? Я не чувствую в ней энергии Бездны, к тому же она смогла подобраться к нам незаметно. Не значит ли это, что Хомура — ренегат?

— Это — твоя способность, да? — решил я уточнить.

— Да, дома меня зовут ангелом Трущоб, но никому больше не говорите об этом, а то у меня будут проблемы, — ответила она, не стягивая доброй детской улыбки.

— Знаю, Хомура, у меня самого уже были проблемы из-за моей способности.

— Значит, тебе легко понять мою осторожность, Ашидо. Можешь вытянуть перед собой кофту и засучить рукав?

Я сделал все в точности, как она сказала, тогда девочка переключилась с Войд на кофту, отдраив ее до чиста так, что ни намек на кровь не осталось. К тому же, она вытянула всю воду из ткани, оставив кофту сухой, будто с ней ничего и не случилось. Закончив с поручением, она выжала эту водяную сферу, словно половую тряпку, оставив всю кровь где-то в траве, а затем вернула воду обратно в водоем.

— Ну, дело сделано, не стоит благодарности, — промолвила Хомура.

— Стоит, — отрезал я, — спасибо тебе, ты очень нам помогла.

— Меня дома ждут мама и папа, но я бы хотела еще с вами поболтать, — говорила она, набирая воду в ведро. — Приходите как-нибудь в гости, буду рада.

— Хорошо, мы придем, — улыбнулся я где-то за маской.

— Тогда пока, Ашидо и...

— Войд, — подсказал я.

— Запомнила. Ашидо и Войд! — воскликнула она.

— Пока, Хомура, — помахал я рукой вслед уходящей девочке. — Будь осторожна!

— Хорошо! — улыбнулась она, обернувшись, после чего скрылась в темноте.

Вот же приключения у нас сегодня вышли. Успели и на земле поспать, и надыхаться пылью, и человека убить, и познакомиться с ангелом Трущоб, надо же. Я сразу напялил на Войд сухую кофту, остается только найти ночлег на сегодня, или придется бродить по ночным Трущобам без сна. В любом случае нам нужно где-то скрыться, а пока придется уживаться с атмосферой и долгим ночным холодом.

Глава 19: Великий безымянный инженер

В беспорядочном метании между пустыми ночными улицами мы заплутали в бесконечном лабиринте заводов Промышленного района. Безумец бы нашел в безлюдных рабочих помещениях и опустошенных цехах укрытие, но я бы не стал рисковать ради ночевки здесь, чтобы наутро меня признали вором. В этом районе Гармонии нет такого укромного уголка, где было бы нечем полакомиться, нечего прибрать к рукам — только тонна дефицитной электроники, химически опасных реактивов и медицинских препаратов. Как бы странно это не звучало, но пищевая промышленность и шитье одежды никогда не касались крупного каскада заводов на грязной окраине города. Любые мелкие и крупные партии вкусной еды и модной одежды выпускаются исключительно в Торговом районе, за что он и получил свое название. Здесь же фигурирует исключительно грязное и стратегически важное производство, потому любого прохожего без железного алиби сразу прибирают к рукам и тщательно проверяют, устанавливая личность и выявляя причину его скитаний. Только настоящие работяги и студенты-стажеры, а также владельцы здешних помещений могут свободно ступать на охраняемую землю.

Мы с Войд пошли сюда исходя из положения — куда ближе, чем где-либо еще. Найти укромный уголок здесь несложно, но никто из нас двоих не может гарантировать благополучное пробуждение в одиночестве, ведь с первыми лучами солнца жизнь заполняет эти улицы. Вместо того, чтобы искать себе убежище на территории спящих заводов, мы бродим по главным дорогам района, высматривая какой-нибудь угловой переулок, куда уже давно не ступала человеческая нога. Забавно, но некоторые заведения все еще работают, и речь идет не только о круглосуточных забегаловках и ночлежках для выпивших, но и о магазинах одежды и техники. Шум телевизоров слышно за версту, пусть звук в них чистый и приятный на слух, но уровень громкости подстроен явно не для тех, кто пытается уснуть. Оказавшись в непосредственной близости с кучей дорогущих широкоформатных жидкокристаллических машин смерти, Войд с интересом уставилась на какое-то ночное шоу, где харизматичный бородатый мужчина в строгом костюме общается с знаменитыми в городе деятелями культуры, коих я поголовно не знаю и ни разу в жизни не видел.

— Что, интересно? — уставшим голосом спросил я у Войд, оперевшись на витрину.

— Да, — вполне необычно ответила она.

— Где ты только успеваешь выучить новые слова? — вздохнул я.

Она с удовольствием наблюдала за диалогами, хотя я лично не вижу в них ни дольки интереса. Ее пристальное внимание к персонажам было бы обоснованно, если бы она хотя бы кого-нибудь из них знала. Всякому фанату человеческого творчества интересно услышать, что может поведать их кумир из своих личных архивов, но если они бессмысленно трепаются ни о чем на протяжении часа — это превращается в цирковое выступление. Нам повезло подоспеть к фрагменту, когда ничем не примечательная бабуля встала с кресла и удалилась, а ее место занял темнокожий мужчина в белом халате и очках, который, судя по всему, вел свою деятельность где-то в Академическом районе.

— Поприветствуем нашего сегодняшнего гостя, главу отдела кибернетических и генных модификаций крупнейшей робототехнической и биоинженерной компании «Vostok.inc» — Руто Биобаку! — произнес ведущий.

— Рад всех приветствовать! — взмахнул рукой забавный африканец.

— Ну, господин Биобаку, о чем вы нам сегодня поведаете?

— Ох, дорогой Гидеон, у меня для вас и вашей аудитории есть прекрасная новость, связанная с сегодняшним днем «Гармонийского академика». Это и мой праздник, как одного из многих гордых ученых, трудящихся днем и ночью на благо каждого жителя Гармонии. А поведать я хочу об истоках такого прекрасного события, о том, что послужило началом.

— Какая замечательная тема для сегодняшнего вечера, но развивать ее без второго гостя было бы совсем бессовестно, верно?

— Конечно, давайте пригласим его! — воскликнул Биобаку.

— Встречайте, глава третьей исследовательской лаборатории отклонений и патологий — Дэниел Фишер! — громогласно прокричал ведущий.

В студию вошел уже светлокожий блондин совсем молодой на вид, будто только недавно окончил учебу и довольной походкой с дипломом о высшем образовании пошел на престижную работу. Факт того, что этот парень напрямую связан с моим кровным врагом играет против него, а ведь такие передачи иногда могут оказаться полезными.

— Здравствуй, Руто, друг мой. Здравствуйте, господин Гидеон, приятно оказаться вашим гостем сегодня, — пожал им поочередно руки Дэниел, после чего занял свое место на удобном кресле.

— Теперь о празднике, господа, — заговорил Руто. — В сегодняшнюю ночь в главной Академической башне проводится сходка известных академиков, принесших в наш город множество новшеств и спасших жизнь многим людям. Каждый гость может поднять тост и разделить крепкий алкоголь со своими коллегами, проведя незабываемый выходной на самой вершине — буквально.

— А почему же вы, дорогие гости, решили уделить время мне, Гидеону, вместо того, чтобы расслабиться в компании академиков? Вот вы, Дэниел, почему сидите в этом кресле? Неужто моя компания вам интереснее?

— Не люблю излишний шум, друг мой, — ответил Дэниел, не поведя бровью. — Каждый празднует свой день, исходя из традиций и интересов, верно ведь?

— Конечно, спору нет! — произнес ведущий. — А вы, господин Руто?

— Я хотел бы туда пойти, но когда узнал, что здесь будет мой хороший друг, тогда изменил принципам! — посмеялся Биобаку.

— Давайте взглянем на то, что вы упустили! — заявил Гидеон.

В углу телевизора появилось окошко, где, по всей видимости, должен был находиться какой-то журналист, вещающий с места событий, но вместо этого перед публикой предстало лицо оператора в кепке, который сильно кашлял в микрофон.

— Что у вас там такое? — обратился к оператору ведущий.

— Мы все умрем! — закашливаясь, прокричал оператор. — Это теракт, нам пустили какой-то газ, люди падают замертво!

— Погоди, друг, вы вызвали гвар...

— Срочный выпуск новостей! — прогремел женский голос, сменивший картинку на экране. — В главной Академической башке Гармонии террористы пустили нервно-паралитический газ в помещение с оживленной толпой академиков! У себя на экране вы можете видеть кадры с дрона, находящегося на высоте гостевого зала.

Экран переключился на съемку с дрона снаружи. То, что мы видели перед глазами — самое натуральное и беспочвенное зверство, ведь даже среди волков в овечьей шкуре есть

хорошие люди, которых прямо сейчас заживо травят.

— Войд! Нам нужно туда! — прокричал я.

— Туда? — невозмутимым голосом ответила она.

— Туда, в башню! Мы должны спасти их!

Эти люди в панике били стекла всем, что попадет под руку, но ничего не выходило. Глоток свежего воздуха был так близко, но так далеко. Я не могу просто смотреть на то, как люди умирают, я должен их спасти!

— Туда? Спасти? — бурчала Войд.

— Да, туда, открой портал, пожалуйста! — умолял я.

— Хорошо, — ответила Войд, после чего не только перед нами, но и на камере дрона показался портал, но он висел в воздухе.

Криво же она его расположила, придется прыгать с разбега. Я отошел в сторону, чтобы набрать достаточную скорость для прыжка после чего бросился в черную пелену. Какое-то мгновение и мое молодое тело уже столкнулось с высотным воздухом, перед глазами показалось огромное стекло, за которым виднелись страдающие люди. Увидев меня лишь мельком, они отбежали от стекла, следуя своим инстинктам самосохранения — это хорошо. Почти долетев до стекла, я оголил «Нами», сделал замах и с бешеной силой врезался лезвием в препятствие, разбив его на осколки, которые разлетелись далеко вперед, поранив некоторых зевак. Инерция заставила меня прокатиться кувырками еще несколько метров, пока я не оказался вплотную к рыжеволосой девушке, которая старательно копалась в каком-то устройстве с баллонами одной рукой, а другой закрывала рот и нос, пока ее глаза страдали от слезотечения. Увидев меня, она испугалась и отшатнулась в сторону.

— Что ты делаешь? — возмутился я. — Быстрее к воздуху, я разобью остальные стекла!

— Нельзя! — возразила она. — Смотри, из заряда выходит дым, нужно его обезвредить!

Приглядевшись, я понял, что это действительно какое-то устройство, распыляющее газ в воздух. Неужели она в силах остановить процесс?

— Ты уверена, что сможешь? Было бы проще скинуть его с высоты!

— Я смогу, а ты разбей стекла! — приказала девушка.

— Хорошо, я верю в тебя, не подведи! — прокричал я.

Рыжеволосая фурия вновь взялась за дело, показывая мне всю свою храбрость и отважность, или глупость. Я поднялся с места и бросился исполнять задуманное, но по дороге зацепил витающего в воздухе новостного дрона своим «крюком», который представлял собой что-то вроде дымного щупальца, но на этот раз он почему-то оказался каким-то голубым, возможно из-за действия газа, который я уже успел вдохнуть, не защитив себя даже маской со слабым встроенным респиратором. Я выучил этот трюк еще во время нашей с Юмико подготовки к бою с Хандзо, но не успел нигде его применить, а вот сейчас как раз его звездный час. Стоило дрону впечататься в стену, я наконец избавился от лишних глаз и можно было перейти к спасению людей. Пробегая мимо стекол, я с размаху бил каждое, и они в щепки разлетались, открывая путь к воздуху замученной толпе. Внутри помещения скопилось достаточно углекислого газа, чтобы здоровый поток вытеснил едкий газ, двигаясь в зону отрицательного давления.

Стоило мне закончить со стеками с одной стороны от середины, которая разлетелась первой, я развернулся, чтобы продолжить бить стекла с другой стороны, и столкнулся взглядом с Войд, которая стояла рядом с рыжей девушкой с поднятыми вверх руками, открыв над собой еще один портал, в который затягивался газ, видимый невооруженным глазом из-

за своего ярко-желтого цвета. Бросившись людям на помощь, я даже не подумал о том, как мне потом вернуться к Войд, но она оказалась умнее и сама пришла, так еще и помогает мне в этом нелегком деле. Этот гуманоид уже знает, что такое слова благодарности, потому точно услышит их из моих уст.

Разбив оставшиеся стекла с другой стороны, я сблизился с девушкой, которая все еще копалась в панели управления заряда. Вера в успех иссякала, и я уже был готов сбросить его с высоты двухсот метров вниз.

— Брось, давай сбросим его! — обратился я к девушке.

— Еще чуть-чуть! Надо обрезать провод, я не могу! Режь синий, давай! — кричала она, держа рукой вытянутый наружу толстый провод.

В этот момент мы могли бы объявить свою победу над неизвестными террористами, а могли выпустить все остатки разом, погубив невинных людей, но я решил довериться незнакомке. Просунув лезвие «Нами» в петлю, я обеими руками схватился за рукоять и обратную от острия сторону, после чего со всей силы потянул катану на себя. Провод поддался и разделился надвое, распыление газа остановилось, девушка с облегчением рухнула на землю, а я вместе с ней уселся рядом.

— Ха-ха, получилось! Ты сегодня в ударе, Мисато! — воскликнула она. — А ты тоже ничего, герой в маске!

— Не называй меня так, — вздохнул я, — никакой я не герой, а всего лишь прохожий, который захотел себя им почувствовать.

— Ну, так вкуси же, погляди вокруг!

Я отвел свой взгляд от нее и увидел людей, которые выстроились вокруг и постепенно складывали ладони воедино, переходя на аплодирующие хлопки в нашу честь.

— Для них ты — герой, — улыбнулась она.

Я встал с пола и продолжил осматривать ликующих людей, выживших только благодаря мне. Здесь были не только академики в халатах, но и женщины в вечерних платьях, а где-то даже дети. В этот момент я почувствовал себя по-настоящему живым, ведь краше нет ничего для героя, чем улыбки тех, кого он спас. Их благодарность, которая так отчетливо читается в заплаканных глазах и проникает в самые глубины застывшего в нескончаемой трагедии сердца, просачивается в каждый его уголок. В эту ночь я не пролил ни капли крови, которая так хорошо утоляет мою жажду уйти в мир иной, но такой исход куда лучше, чем идти по трупам, сбегая от самого себя, каждый раз предаваясь слабости, обращаясь к силе. Сейчас я понимаю, как на самом деле очернено имя Ашидо Такаги, ведь спасенные мной жизни уже давно перевесили все погубленные, но заявлять о себе еще рано, потому придется свыкнуться с мыслью о том, что Ашидо Такаги умер в тот день, когда мир узрел его во всей красе как кровожадного убийцу, пришедшего по голову своей последней жертвы. С сегодняшнего дня я возьму себе новое имя, или скорее позывной, тем самым открыв путь для настоящего героя этого Богом забытого города, а когда в глазах людей загадочный спаситель в маске достигнет пика своей репутации, тогда и вскроется его утаенная личность.

— Зовите меня Тайкон, — пафосно произнес я первое, что пришло в голову.

Да, отныне меня будут звать Тайкон, но тот, кто скрывается под маской никуда не исчезнет, тихо дожидаясь своего часа.

— Уходим, — сказал я, похлопав Войд по плечу.

— Туда? — спросила она.

Я показал пальцем на случайное место где-то в отдалении от башни, лишь бы поскорее

куда-нибудь уйти, и, судя по выражению лица, Войд меня поняла, потому сразу же открыла портал.

— Берегите себя, — сказал я напоследок спасенным людям, после чего шагнул по ту сторону портала, оказавшись в безлюдном переулке.

В Академическом районе куда проще отоспаться, нежели там, где мы совсем недавно плутали. После резвых движений вдоль края огромного зала на высоте птичьего полета сонливость как рукой сняло, но усталость все равно никуда не исчезла. Следом за мной из портала вышла сама Войд, и после короткой паузы закрыла свою фирменную кротовую нору.

— Что ж, Войд, идем, — произнес я.

— Ага, идемте, — послышался женский голос позади Войд.

Из-за спины выглянула та самая рыжеволосая девушка, оперевшись на плечо моего компаньона и застыв в причудливой позе, приставив правую руку к голове, будто отдавая мне честь.

— Чиз, Тайкон! — поприветствовала она меня нестандартным образом. — А твою подружку, значит, Войд кличут, звучит круто.

— И что ты думаешь ты делаешь? — осуждающе пробурчал я.

— Как это что? Я иду с вами, — улыбнулась она.

— Ты хочешь спать с нами на асфальте? — подтрунивал я.

— А зачем на асфальте? — удивилась она. — Можем пойти ко мне.

Я был недоволен таким раскладом дел, ведь она нагло навязывалась в нашу и без того обремененную уличной жизнью компанию, но услышав личное приглашение, задумался, а может все-таки...

— Ты приглашаешь нас? — поинтересовался я.

— Конечно, я всегда рада гостям, потому что они ко мне никогда не заходят, — продолжала ехидно улыбаться она.

— И где же ты живешь?

— Недалеко, отсюда пару шагов, — пояснила она.

— Пару шагов — это где?

— Вот здесь, — она показала пальцем на большую закрытую металлическую дверь гаража, которые нынче адаптировали под мастерские за утратой своего функционала.

— Кончай шутить, — упрекал я.

— Я не шучу, идемте, — похлопала она Войд по плечу в моем стиле.

Эта девушка устремилась к гаражу, и, оказавшись вплотную, зашуршала руками в кармане своих рабочих штанов, достав оттуда тяжелую связку ключей. Волшебная отмычка легко вошла в замочную скважину и дверь отворилась, после чего та уверенно шагнула внутрь. Меня удивил такой расклад дел и какое-то время я стоял в ступоре, пока загадочный собственник не окликнул нас. Так мы и попали в просторное помещение, доверху забитое инструментами и электроникой, освещенное единственной одинокой лампочкой в центре. С первого взгляда не скажешь, что гараж годится для жилья, но стоило в поле зрения появиться кухне и санузелу, сомнения развеялись. Девушка сбросила с себя оранжевую спортивную кофту на удобно расположенный диван, отправив вместе с ней в полет причудливые очки в стиле «стимпанк», которые все это время находились у нее на голове. Из-под кофты показалась обычная черная майка без рукавов, которая хорошо подчеркивала ее бюст и многое говорила о простом характере этого человека.

— Добро пожаловать в логово пустынного червя! — воскликнула она, повернувшись к

нам и расправив руки в стороны.

— Какое-то странное название для дома, в котором живешь, — фыркнул я.

— Я его только что придумала, — отрезала она. — Заходите, падайте на диван, я пока заварю кофе. Будете?

— Не стоит, не люблю кофе, — отказался я.

— Войд, а ты будешь?

Войд промолчала, не зная какой ответ из ее словарного запаса устроит заботливую хозяйку.

— Дай ей попробовать, она ни разу его не пила, — промолвил я.

— Сахар, молоко, сливки?

— Давай все вместе, чтоб послаще было, — подсказал я, глядя на Войд в замешательстве.

Пока девушка возилась с кофеваркой, которая выглядела больше как самодельная, нежели покупная, мы с Войд устало распластались на диване. Куда ни глянь, а здесь везде все самодельное, кроме слишком уж замысловатой электроники вроде ноутбука и нескольких мониторов на его фоне. Любую самоделку выдает отсутствие дизайна, но функционал таких вещей потенциально выше, чем работа людей, навыкам которых не доверяешь.

Покончив с кофе, рыжая девушка прошлась через все помещение к двери, прикрыв ее, а после присоединилась к нам, отдав Войд ее кофе и расположившись напротив в стоячем положении.

— Наверное и мне нужно представиться, да, Тайкон и Войд? — усмехнулась она.

— Было бы неплохо, знаешь ли, — сказал я.

— О-хо-хо, тогда узри же! Пред тобой великий инженер-самоучка Мисато Хагашида, скромно живущая в гараже где-то в переулке! Я еще не достигла своего дебюта, но уже готова к славе и сладкой жизни в особняке где-нибудь на... Эй! Что ты делаешь! — просветила она нас своим «я», прервавшись на моменте, когда Войд начала выливать кофе в цветок.

Это было не так очевидно, но стоило предположить, что она не различает воду и кофе.

— Цветок, вода, — ответила Войд, отвлекшись от процесса.

— Не надо лить кофе мне в цветы! — возмутилась Мисато. — Они итак без светадохнут!

— Мисато, прости ее, она не знает, что это надо пить, — извинился я за Войд, раскрыв корень проблемы.

— Как не знает? — опешила она. — Смотри, Войд, кофе надо пить, вот так, — Мисато начала делать демонстративные аккуратные глотки.

— Пить? — спросила Войд, глядя на меня.

— Это как мороженое, только кофе, понимаешь?

— Мороженое, кофе, пить, поняла, — утвердительно замотала головой Войд, после чего поднесла кружку ко рту и залпом выпила все содержимое.

Мисато своим ошарашенными темно-желтыми глазами смотрела на происходящее, не в силах выйти из ступора, но, как только очнулась, сразу закричала:

— Ты чего? Там же кипяток! Ты себе все внутренности сожжешь!

— Она так же мороженое ела, не поверишь, — сказал я, показывая на Войд большим пальцем исподтишка.

— И что, все нормально после этого было? — с непониманием смотрела она.

— Проще показать, подай нож, — скомандовал я.

Мисато оторопела, но все же дошла до кухни, чтобы взять нож, после чего передала мне его в руки, не вымолвив ни слова. Дабы во всей красе показать всю суть Войд, при этом не разозлив ее, я вытянул левую руку своей подруги вперед, засучил рукав, после чего провел лезвием прямо по венам, да не поперек, а вдоль для наглядности. Кровь даже не думала вытекать — ни капли не показалось, а поврежденные места сразу же затянулись. В эту секунду пришлось наблюдать сразу за двумя реакциями: как спокойно сидит Войд, не чувствуя острой боли, и как на нее смотрит Мисато, утопая в океане потрясений.

— Это что, вы типо фокусники какие-то? — старалась она найти оправдание увиденному.

— Нас называют шепотами, слышала про таких? — поинтересовался я.

— Это те, которые в гвардии служат? Вы гвардейцы? — уточнила Мисато.

— Не сравнивай нас с этими нелюдями.

— Простите, не хотела вас задеть. Даже страшно как-то, вдруг убьете.

— Я не убиваю невинных, тем более таких, как ты, а Войд не трогает тех, кто не ей делает больно, — обнадежил я.

— Значит это вовсе не фокусы, да? Это какие-то сверхъестественные способности?

— И наше проклятие, — вздохнул я.

— Круто, если не светиться лишний раз. Я бы тоже себе такую хотела, — улыбнулась она.

— У тебя нет никаких способностей?

— Ну, разве что в электронике — в ней я гений, которых еще поискать надо.

— А других, сверхъестественных?

— Таких точно нет, я всего навсего обычная затворница, мечтающая о славе.

— Ты правда настолько искусна в своем деле, или только на словах гений? — сомневался я.

— Хей, Тайкон, посмотри вокруг! — возмутилась она. — Я из груды железа могу танк построить с кофеваркой и домашним кинотеатром, могу заставить байк на ногах ходить или сделать ракету из инвалидной коляски! Думаешь великий инженер стал бы разбрасываться такими словами?

— Верю, верю, — открестился я. — Но ты ведь и сама знаешь, что слова нужно доказывать делом, да?

— Конечно! Вот найми меня, и я тебе умный дом сделаю и киберкостюм с пулеметами, если платить будешь.

— Я бы нанял тебя, да только некуда нанимать — наша организация куда-то съехала, а про меня все позабыли.

— Организация? Ты типо какая-то важная шишка там?

— Можно сказать в числе основателей, — подтвердил я. — Среди нас есть бойцы, медик, богатенький избалованный ребенок и гордая домохозяйка.

— Богатенький избалованный ребенок звучит как золотая жила для Мисато! — обрадовалась она.

— Не спеши радоваться. Я потерял с ними связь и все никак не могу никого найти, как бы не старался. Руки сами невольно опускаются, когда не достигаешь желанного результата.

— А есть такие места, где они часто бывают? — поинтересовалась Мисато.

— Есть, но я все уже обошел, а сидеть у порога неделями совсем не хочется, тем более что мне нельзя надолго задерживаться на одном месте.

— Так и не надо, давай подкинем им передатчик, чтобы они сами выдали себя, как тебе идея?

— Что ты подразумеваешь под этим? — оторопел я.

— Ну, смотри, ты вообще знаешь, что такое передатчик?

— Это та штука, которая передает местоположение? Что-то вроде маячка.

— В яблочко, дружище! Мы подкинем такой кому-нибудь из них, а потом посмотрим на их местоположение по карте и найдем!

Идея хорошая, но оборот таких устройств ограничен, поскольку мы обычные люди, не имеющие никакого отношения к власти, чтобы спокойно их где-нибудь достать и впоследствии безнаказанно использовать.

— И где ты такие возьмешь? Думаешь продадут? — огорченно сказал я, вновь опустив руки.

— А зачем покупать? Я сама все соберу — от и до! — хвасталась она.

— А как ты будешь местоположение фиксировать, умник? — осекся я.

— Ты меня недооцениваешь, Тайкон, я соберу приемник на плате и через ноутбук зафиксирую его — проще пареной репы! Только вот с деталями запара, мне бы их откуда-нибудь достать, а такие сейчас в дефиците.

Тут мне вспомнился один из партнеров, с которым Хорнет когда-то наладила связи. Директор завода, производящего печатные платы и электронные устройства — бинго.

— Слушай, а мы ведь можем выкупить их у одного из партнеров нашей организации! У них на заводе должны быть любые радиокомпоненты, в том числе и дефицитные!

— Прямо любые? — удивилась Мисато. — У них найдется все, что я попрошу?

— Точно не знаю, но полагаю, что да.

— Эврика! Тогда завтра же пойдем туда и накупим кучу всего! Так, нам нужны транзисторы, диоды, трансформаторы, жидкокристаллические дисплеи, кварцевые резонаторы и...

— Подожди! — прервал я ее. — Не нужно все это перечислять! Я доверюсь тебе в выборе компонентов, а ты уж, пожалуйста, сама этим займись, договорились?

— Окей, забились, товарищ, — довольно ухмыльнулась Мисато. — Войд тоже пойдет с нами?

— Пусть лучше тут посидит, ее тяжело все время таскать с собой, будто я папочка с ребенком.

— Хочешь сказать, что мы будем похожи на семью в компании Войд? — подшучивала она.

— Что-то вроде того, чувствовать себя точно так будем.

— Кстати, а почему она все время молчит и тихо нас слушает? — поинтересовалась Мисато, недовольно скрестив руки.

— Она не умеет нормально разговаривать, — поведал я, — Войд, словно ребенок, впервые познает алфавит и видит некоторые вещи, вроде еды или кота на улице, потому мне совсем тяжело в ее компании, будто гуляешь с дочерью-интровертом с задержкой в развитии. Если брошу ее одну, то Войд точно кто-нибудь обидит, превратив в конечном итоге в машину для убийств, а я не хочу такого будущего для милой и невинной седой девушки.

— Ну, не все так плохо! — утешала Мисато. — Она ведь уже успела к тебе привязаться, заметил? Всюду плетется следом, повторяет за тобой слова, помогает, как может! С тобой она познает что-то новое, что ей очень нравится, потому можно сказать, что ближе, чем ты, у нее никого нет.

— А ведь ты права, Мисато.

— Не переживай ты так сильно! Любое добро однажды точно вернется и будет, возможно, даже больше, чем то, которое ты сам сделал! Надо только научить ее разговаривать и дать хоть какое-то представление о реальном мире, ты ведь справишься?

— Я попробую, но без помощи друзей будет туго, потому нужно поскорее их найти, тогда Войд останется с нами и будет для всех новым другом. Ты тоже приглашена, Мисато.

— Я? — удивилась она. — А платить будете?

— Не обещаю исправных выплат, но в долгу точно не останемся, — утешил я.

— Я согласна, всяко лучше, чем заниматься самозанятостью в гараже с компанией голодных мышей. Значит, договорились?

— Договорились, но перед твоим окончательным ответом, я бы хотел предупредить, что мы работаем в тени и частенько нарушаем закон, руки по локоть в крови, а само мое существование представляет опасность для каждого, кто имеет со мной дело. Ты все еще согласна?

Я должен был предупредить ее, потому что для человека без способностей такой тернистый путь бок о бок с преступником будет не лучшим решением.

— Хорошо, Тайкон, от твоего ответа зависит мое решение. Ты готов услышать вопрос?

— Задавай, — одобрил я.

— За что вы все боретесь? — спросила она, немного нагнетая атмосферу своими спущенными в сомнениях бровями.

Это очень простой вопрос, если знаешь, чего на самом деле хочет тот, кто его задал. Поговорив с Мисато небольшой промежуток времени, я уже усвоил, что она стремиться к славе обоснованно великого инженера, но подстроить свой ответ под нее, тем самым обманув своего потенциального коллегу, совсем не по мне, потому скажу все как есть, чтобы получить однозначный ответ, основанный на моих целях, как лидера безымянной организации.

— За свободу и справедливость, — уверенно заявил я.

— Я согласна! — молниеносно и не менее уверенно воскликнула Мисато.

— Ого, — испугался я. — Ты разделяешь мои цели?

— Ради справедливости я полезу в адское пекло, потому что ее в Гармонии не существует и никогда не существовало. Даже если работа на тебя опасна для моей жизни, я все равно пойду за тобой ради такой великой цели. Если не ты и твои люди защитят меня, то я сама себе защиту! Мисато не из тех девочек, которые прячутся за спинами мальчиков, сбрасывая на их плечи всю грязную работу. Если нужно что-то решить — я решу. Если надо что-то сделать — сделаю. Таков девиз Мисато Хагашиды, великого безымянного инженера Гармонии!

— Я рад, что ты теперь с нами, коллега, — улыбнулся я где-то под маской. — Но скажи мне, на что же ты так обозлилась, что готова идти на жертвы ради справедливости?

— Предпочитаю термин «товарищ», а что касается твоего вопроса, у меня есть причины ненавидеть этот город и всю его верхушку за ту несправедливость, которую они везде сеют, но расскажу тебе обо всем только завтра, когда хорошо отосплюсь, идет?

— Нам некуда спешить, Мисато. В таком случае, пора бы укладываться, да?

— Да, пора бы, — подтвердила она, — я посплю на матрасе, а вы с Войд разложите диван, будете спать вместе. Только не смей подглядывать за мной, пока я не залезу под одеяло, понял? Не хочу, чтобы гости видели меня в нижнем белье.

— Тоже самое касается и тебя, — добавил я, — не хочу, чтобы хозяйка видела меня без маски.

— Договорились, обещаю не смотреть, даже если очень интересно, — подтвердила Мисато, устремившись к своему спальному месту.

По окончании разговора мы занялись подготовкой ко сну. Пока я раскладывал скрипучий диван, Мисато забивала гвозди в стены, после чего подвесила на них какой-то беспросветный плед, имитируя тем самым стену между любопытными глазами — так будет спокойнее нам обоим. Раз уж она оказалась отрезанной от чудика, именующего себя Тайконом, и Войд, то можно было сбросить с гуманоида оковы из хлопка и кожи, чем я и занялся. Наверяд ли Войд сегодня сможет уснуть, но меня мало волнует то, чем она будет заниматься ночью, ведь я очень хочу спать, потому все, что не касается моего сна, останется где-то за кадром. В эту ночь я заимел действительно полезного союзника, который в скором времени себя полностью раскроет, к тому же Мисато пополнила нашу компанию одиночек, и мне было очень приятно наконец с кем-нибудь поговорить, а не метаться между объяснениями стандартных ситуаций для Войд. Спасибо судьбе за такое послание и спасибо гуманоиду из Бездны, за то, что она вытащила меня из лап смерти, сама того не понимая.

Свет потух и гараж наполнила темнота, долгожданный отдых в теплом помещении на мягком диване наконец до меня добрался. Удобно расположившись с холодной Войд под одним одеялом, я вскоре снял маску и закрыл глаза.

— Сладких снов всем! — послышался голос из-за занавески.

— Спокойной ночи, — подхватил я.

Что ж, спокойной ночи, великий безымянный инженер Мисато Хагашида.

Глава 20: Унесенное время

В глубинах беззаботной темной ночи мое сознание погрузилось в привычный пустой сон, который за долгие семнадцать лет уже успел изрядно наскучить. Изю дня в день слоняясь по этому мрамору реальности в один момент я научился медитировать, отпуская подробности прошедшего во сне времени. Когда-то я уже разговаривал с Леонхардтом о снах, желая узнать, что же видят обычные люди, надолго закрывая глаза. Честно говоря, тогда меня охватила черная зависть, ведь подавляющее большинство человеческого населения смотрит в голове бесплатную кинолентку, с удовольствием или страхом наблюдая за происходящим, в то время как я не испытываю ничего, кроме глубокой печали и тоски по жизни за пределами океана из ничего, притом вынужден медитировать, чтобы добиться того эффекта, которого люди достигают, не делая ничего.

Однако в сегодняшнюю ночь свершилось чудо, и я смог почувствовать каково это — быть человеком. Сомкнув глаза в ожидании очевидного, я внезапно оказался в лабиринте, где вместо стен стояли лишь разбитые зеркала, отражение в которых было настолько размытым, что собственное лицо никак не получалось разглядеть. В осколках серебряного напыления виднелись лишь очертания здорового человеческого тела, а на месте глаз светились только темные впадины, изуродовавшие мое лицо до неузнаваемости. Наверное, это и называется кошмарами, ведь хуже одиночества может быть только присутствие чего-то гнетущего во сне, но я даже рад такому раскладу, потому что наконец попал в свой первый настоящий человеческий сон.

Любой бы на моем месте перепугался, а я, вместо того, чтобы обратиться к стандартному набору эмоций под ситуацию, пошел наперекор, ведь если кругом только битые зеркала, значит где-то есть и целое, нетронутое мозговым генератором реальности и неестественным вмешательством Бездны, потому в такой неразберихе на мгновение радостный Ашидо нашел для себя квест.

Какое-то время я, запыхавшись, бегал по бесконечным проходам, впитывая все, что вижу перед глазами, пока тишину не разрушил смех, исходящий откуда-то извне. Проснувшись, я столкнулся с приятным пряным запахом завтрака, исходящим из противоположного угла, где как раз стоит некоторое подобие кухни. Занавеска все еще одиноко болталась у потолка, разделяя нас с Мисато, которая уже неизвестный час бодрствует.

Встав с дивана, я нацепил на себя привычные пыльные вещи: сначала мое любимое черное худи, затем «змееныши» и высокие кеды, а в заключение и мотоциклетную маску, о которой чуть было не позабыл. Стоило встать с кровати и меня бросило в жар, в глазах потемнело и ноги подкосились, но по прошествии спектра резких безосновательных чувств я испытал такую невероятную легкость, с которой не встречался уже невесть сколько времени. Люди поговаривают, что сны строятся из эмоциональной нагрузки: позитивной или негативной. Исходя из такого умозаключения, можно сказать, что, единожды испытав на себе все возможные позитивные чувства за день, я смог погрузиться в человеческий сон и пробуждаться совсем не хотелось.

Обойдя комнату по кругу, я заглянул на кухню, где уже удобно расположились Мисато и Войд, уставившись в какую-то книжку в ожидании готовности завтрака. Увидев меня, обе девушки так широко улыбнулись, будто желая поделиться чем-то хорошим. Для меня было неожиданно увидеть на лице Войд улыбку, которая лаконично украшала ее и без того милый

образ.

— Чиз, Тайкон! — привычно приставила руку к голове Мисато. — Зацени, что Войд теперь умеет! — сказала она, похлопав сидевшую рядом молчунью по плечу.

— Привет, меня зовут Войд, я люблю цветы и кошек, — связано и без единой ошибки проговорила она.

— Это ты ее научила? — бросил я очевидный удивленный взгляд на Мисато, который читался даже под маской.

— Ага, — она улыбнулась, вытянув руку вперед и показав «класс», — как тебе?

— Честно говоря, я и не думал, что она способна выучить такое сложное предложение и проговорить его без ошибок.

— Все невозможное возможно! — опровергнула Мисато. — Оказалось даже легче, чем учить маленького ребенка, будто она уже умела когда-то говорить, но растратила навыки. И вот, что странно, Тайкон — когда я показала ей английскую и немецкую азбуку, она уже знала в ней несколько букв, но стоило раскрыть японскую и русскую, сразу же накрыл ступор. Не думаешь, что это странно?

— А что в этом странного? — опешил я. — Если бы я не был наполовину японцем и русским — тоже бы в ступоре смотрел на эти буквы и иероглифы.

— Ты меня не понял, вдумайся! Сколькими языками ты владеешь?

— Тремя, можно сказать двумя с половиной — с рождения учил русский и японский, а позже начал осваивать английский.

— Вот! — воскликнула она. — Русский и японский считаются сложнейшими языками в Гармонии, потому люди осваивают их с пеленок, но почему же тогда она знает буквы английского и немецкого алфавита, но при том не знает ни одного японского иероглифа и русской буквы?

— Откуда мне знать? Я удивлен тому, что она хоть какие-то буквы знает.

— Это лишь предположение, но мне кажется, что она уже владела каким-то из языков, который имеет общее происхождение с английским и немецким.

— Хочешь сказать, что она узнала эти буквы, потому что увидела в них отголоски своего родного алфавита?

— В яблочко, товарищ, — подмигнула она. — В любом случае придется учить ее говорить на английском, ведь он мало того, что ближе к ее родному языку, так еще и гораздо проще остальных в освоении. Кстати, она еще кое-что выучила, садись за стол и лицезреешь сие чудо.

Мисато встала из-за стола и приблизилась к печи, где еда все это время уже остывала, а не готовилась. Искусно орудуя огромной деревянной ложкой и сковородкой, она до верху заполнила три тарелки сочной жареной картошкой, после чего расположила их на столе, а также заботливо подала нам столовые приборы.

— Войд, — ехидно подмигнула Мисато ей.

— Приятного аппетита, — произнесла Войд.

— Спасибо, и тебе тоже, — похлопал я в ладоши, после чего жадно схватился за вилку и принялся уплетать содержимое тарелки.

Несколько секунд я наслаждался вкусом мягкой обжаристой картошки с приятной острой ноткой, пока не заметил, что Мисато пристально на меня пялится, не притрагиваясь к еде. На ее лице виднелось неизвестно с чем связанное удивление, будто призрака увидела.

— Что? — спросил я в замешательстве.

— Надоело скромничать? — усмехнулась она, переменившись в лице.

— Ты о чем?

Я не понимал, с чем связана такая реакция, пока не осознал, что на автомате снял маску, отдавшись диву вкусной пищи на столе. К чему же были эти тщетные попытки не светить лицом ночью, если в конечном итоге меня настиг такой облом.

— Догадался наконец? — улыбнулась она.

— Забудь то, что только что увидела, — пригрозил я.

— Так просто забыть не выйдет, знаешь ли. А почему ты прячешь лицо за маской?

— Потому что не хочу, чтобы меня узнавали на улицах, — пояснил я.

— Я бы все равно не узнала, даже без маски. Что так, что так, для меня ты — инкогнито.

— Тебе лучше не знать, кто я такой.

— Если честно, мне по барабану, — отрезала она. — Я уже знаю, что ты тип преступник, и, веришь или нет, мне от этого не горячо и не холодно.

— Окей, забыли, — отстранился я, — расскажи лучше, что такого в этой картошке, почему она такая вкусная?

— Хе-хе, мой фирменный рецепт: обычная жареная на масле картошка, но с кучей приправ, начиная травами и заканчивая паприкой, а вишенкой на торте служит тертый чеснок.

— А соль добавляешь?

— Зачем добавлять соль в еду, когда есть уйма других добавок? — оторопела она. — Добавь майонез, кетчуп, горчицу, чеснок — будет куда лучше.

— Тут я с тобой солидарен, — согласился я, — очень вкусно получилось.

— Ага, спасибо, — обрадовалась Мисато, — нечасто мне такое говорят.

Эта девушка имеет несколько странностей, с которыми я никак не могу свыкнуться. Мисато живет одна в гараже, гостей давно не видит, но почему-то не страдает от этого, а в общении проявляет все явные черты экстраверта. Именно любитель поговорить так нужен одиночкам вроде меня, чтобы развеять неловкое молчание и завести тему для разговора.

— Слушай, а когда мы пойдем на завод за деталями? — сказала она, издавая едва слышные почавкивания.

— Определимся, когда расскажешь мне про то, о чем вчера обещала поведать.

— Ого, я думала ты забыл уже, — удивилась она. — Ну да ладно, это все равно не секрет, потому слушай, — Мисато положила вилку на стол и облокотилась на поверхность руками. — Я не просто так называю себя великим инженером, потому как этот титул предначертан мне с рождения, но реализации мешает система образования.

— Что ты имеешь в виду?

— В школе я была лучшей до самого выпуска, учителя хвалили меня и все время таскали по конкурсам, некоторые даже не могли уже ничему меня научить. Все еще помню выпускное фото, где все мальчики стояли в рубашках, девочки в выпускных платьях, а я в рабочих штанах и любимой майке без рукавов. К экзаменам я не готовилась, потому что и без них все прекрасно знала, пошла тогда и сдала все почти на максимальный балл, что было ожидаемо, но когда пришло время поступать...

Ее лицо внезапно потускнело, улыбка сползла куда-то в небытие, а вместо нее нарисовался злобный оскал.

— Я не прошла, — прорычала она. — Как думаешь, почему?

— Не знаю, — с непониманием ответил я.

— Все бюджетные места заняли дети «героев дамбы» и отпрыски местных чиновников. Я тогда была подавлена и зла на весь мир, изо дня в день била стены в доме, стирая кулаки в кровь, подняла скандал такого уровня, что у самого министра образования руки затряслись. Скажи мне, Тайкон, чем я хуже тех, кто все свое существование сидел на шее у своих папиков? Почему они добились большего, чем я, посвятившая всю жизнь физике?

— Мисато...

— Декан выделил мне место, — продолжила она, — и в один день пришли десятки приглашений на работу государственного уровня, но я отказалась. С того самого дня я проклиная каждого, кто придается своей слепоте, каждого, кто отвергает таланты и способности будущих величайших людей в угоду всему тому сброду, не знающему основ арифметики. С тех самых пор я ушла в самозанятость, но популярность после скандала быстро спала, остались только самые преданные клиенты, но и они вскоре затихли, когда их мастер столкнулся с проблемами дефицита расходников, вот и живу как бомжара где-то в переулке.

Подумать только, какая Мисато на самом деле упертая, раз не поддалась на уступки тем, кто не оценил ее сразу.

— Работа на меня тебя устроит? — вмешался я в промежуток, когда она затихла. — Я могу помочь тебе, а ты мне. Взаимовыручка, понимаешь?

— Я уже сказала, что согласна, деваться мне все равно некуда. Лучше уж бок о бок с преступником, коли в нем больше блага, чем в целой системе.

— Знаешь, а ведь мои родители тоже были «героями дамбы», но я даже школу не окончил, оставшись где-то в пятом классе в свои семнадцать. Познавал школьную программу в белой палате сумасшедшего дома.

— В дурке, что ли? — усмехнулась она.

— Можно и так сказать, только там самыми здоровыми были пациенты, а не персонал, — пояснил я.

— Как по мне, так даже лучше.

— Не поспоришь, в школе меня все равно все избегали и игнорировали, а там, где не у кого искать внимания, можно в одиночестве добиться куда больше.

— В яблочко, товарищ! — согласилась она, резко повеселев. — А знаешь, где еще можно добиться большего?

— Где? — поинтересовался я.

— На заводе! Когда мы уже пойдем туда? — завелась Мисато.

— Сейчас пойдем, только дай доесть.

— К черту! Не протухнет, семеро одного не ждут, когда речь идет о радиодеталях, идем!

Мисато встала из-за стола, оставив свою порцию недоеденной, затем бросилась куда-то за занавеску и принялась громко шуршать в ящике, пока я в ускоренном темпе пытался осилить остатки еды за раз. Когда звуки прекратились, перед нами предстала довольная девушка с каким-то устройством в руках, на котором виднелись кнопки и джойстики, а также отчетливый экран.

— Вот, будешь играть в «God of Frogs», она как раз имеет возрастной рейтинг 3+! — обратилась она к Войд, всучив ей в руки то, что являлось ничем иным, как игровой приставкой, коих я уже лет десять не видел вживую. — Здорово я придумала, а?

— Думаешь, справится? — сомневался я.

— Справится, не маленькая, — без доли сомнения ответила Мисато. — Давай, надевай свою маску, я жду снаружи.

Сгорая от нетерпения, она на ходу схватила свою любимую кофту, подвязав ее на поясе, нацепила любимые очки поверх волос, а ее руки ловко нырнули в черные перчатки. Мне совсем не хотелось оставлять Войд в одиночестве, которое ей роднее любой компании, но, если она что-то здесь натворит — это на совести Мисато. Уже привычно надев свеженькую маску, я пошел следом за вышедшей из гаража хозяйкой, выйдя навстречу невероятному дневному пеклу. Она закрыла большую железную дверь своими тонкими женскими ручками и закинула ключи в бездонный карман — мы готовы.

— Ой, чуть не забыла, — опомнилась Мисато и бросилась обратно внутрь, проделав все те же действия.

Назад она уже вышла с небольшой тележкой на двух парах колес с длинной ручкой, которую неразумно было тащить в такую даль.

— Давай я повезу, — почувствовав, что должен помочь, обратился к ней я.

— Отстань, я сама, — отрезала она.

***

Спустя несколько часов ходьбы с одного конца города на другой, мы наконец оказались в районе заводов, и, что удивительно, я устал даже больше, чем вечно активная и непробиваемая Мисато, которую все это время назад тянул груз, однако желание поживиться дефицитной электроникой было куда сильнее и вело ее вперед, не давая ни секунды на раздумья об уставших ногах. Сегодня мы были покупателями, потому никто не посмеет ничего предъявить бродягам с тележкой и чеком внутри. Петляя по главным улицам и спрашивая у прохожих о местоположении нужного нам завода, мы наконец пришли туда, куда и собирались изначально. У Мисато свои цели для визита, а я пришел сюда за информацией, которая вполне способна заставить меня отказаться от идеи с передатчиками.

— Молодые люди, вы куда? — спросил охранник на входе в здание.

— К гендиректору по партнерскому делу, — объяснил я. — Как к нему попасть?

— Четвертый этаж, смотрите кабинет по правой стороне, можете подняться на грузовом лифте, только масочку снимите, чтобы я смог на вас посмотреть.

Говоря на чистоту, попасть сюда было и без того крайне сложно не только из-за лабиринта заводов вокруг, но и из-за внутреннего лабиринта на территории этого завода, где кругом лишь заборы и рабочие пристройки. Сейчас я рискую подорвать вылазку, если охранник окажется проницательным. Стянув с лица маску, я представил его взору свое лицо, но уса́тый дядька даже не шелохнулся, а лишь непоколебимо проговорил:

— Проходите.

Воспользовавшись лифтом, мы оказалась на заветном четвертом этаже и быстро разыскали нужный кабинет. Благо теперь я могу спокойно расхаживать в маске, не показывая лицо никому более. Еще на входе я чувствовал себя паршиво, разум царапала паранойя, а стоя перед дверью генерального директора я еще больше занервничал.

— Расслабься, — похлопала меня по плечу Мисато.

— Постараюсь, — неуверенно ответил я.

Постучав в дверь, мы вошли, оказавшись внутри стильного помещения с молодым мужчиной внутри.

— Роберто Пассарелли, это вы? — уточнил я.

— Salve, господа, по какому поводу? — поприветствовал он.

— Buongiorno! — подхватила Мисато. — Мы слышали, что у вас есть дефицитные радиодетали.

— Niente, только для партнеров, — опроверг он, снова блеснув своим итальянским происхождением.

— Перед вами партнеры, господин Пассарелли, — сказал я. — Мы от Хорнет Ишимару касательно радиодеталей по оптовой цене.

— Хорнет Ишимару? Sorpresa, давно от нее ничего не слышал, как поживает?

Уже на этом моменте я понял, что Хорнет, скорее всего, не оставила обратных контактов этому мужчине, потому нет смысла вытягивать из него ее номер, вызывая лишние подозрения.

— Вполне нормально, как всегда в суете, — соврал я, хотя доля правды в моих словах все же присутствовала.

— Я так понял, вы закупаете детали для вашей организации?

— Все верно, — подтвердил я. — Наш инженер Хагашида озвучит вам список покупок, — сказал я, жестом показав на нее.

Мисато довольно уселась за стул перед Роберто и попросила достать того листок, чтобы не упустить ни одного пункта.

— Così, Пассарелли, записывайте. Резисторы номиналом 1,0; 1,2; 1,5; 1,8; 2,2; 2,7...

Мисато долгое время перечисляла какие-то цифры, в которых я слабо разбираюсь, такой поток информации мог воспринять только разбирающийся в теме человек, но никак не его скромный проводник.

— Каждых по пятьдесят штук, — продолжала она, — конденсаторы номинального ряда E96 по двадцать; кварцевые резонаторы; понижающие трансформаторы с 220В до 24/12/8/5В, а лучше блоки питания, если есть; диоды; триоды; n-p-n и p-n-p транзисторы. Еще желательно готовый передатчик и модуль цифровых часов, штук десять предохранителей и сорок метров изоляционной трубки для сечения 1мм и 10мм...

Еще несколько минут я утопал в бесконечном потоке неведомого бреда технарей, пока наконец Мисато не замолчала, а вполне спокойный итальянец не дописал последний пункт в большом списке.

— Sara fatto, подождите пятнадцать минут, — спокойно произнес Роберто.

Довольный итальянец вышел из кабинета, захватив с собой нашу тележку. Поначалу я даже не понял, что спас человека, который окажется так нам полезен, ведь Мисато не из тех, кто только и может, что трепать языком — она доказывает все делом. Помнится мне, в подвале нашего бывшего дома стояли компьютеры, система которых никак не защищена, тогда я подумал о человеке, который закончит начатое мной — а вот и он. Сколько голову не ломай, сколько не ищи, а искомое приходит само собой. Может и мне стоит смириться с пропажей друзей, и они сами найдут меня, когда придет время?

По прошествии пятнадцати минут мистер Пассарелли так и не появился, но стоило подождать еще немного, как в распахнутую дверь влетел долгожданный хозяин с доверху набитой тележкой и терминалом для бесконтактной оплаты. Все Гармонийские кредиты производились в виде сплава астронита с другими металлами для экономии ресурсов и грамотного обозначения номинала: медь представляла единицу, серебро десятков, латунь сотню, а золото тысячу. В один момент производить такие оказалось невыгодно, а всюду таскать плоские куски металла населению не нравилось, ведь те сильно царапают прочее содержимое карманов, потому король принял решение об организации в городе

бесконтактных способов оплаты — так и появились банковские жетоны. Они представляли собой пластиковые карты с отверстием и чипом внутри, будто созданные для того, чтобы в конечном итоге оказаться в связке ключей. У Мисато тоже был такой, я заметил его еще тогда, когда она вертела ключом в замочной скважине своего гаража, а вот у меня такого нет и не будет.

Роберто Пассарелли выписал нам чек аж на восемьдесят шесть целых и тринадцать сотых кредитов. На такие деньги можно жить месяц, перебиваясь крупами и полуфабрикатами, а Мисато спустила их за один раз и даже не повела бровью, а лишь довольно улыбалась. После таких покупок у меня скорее всего появится фобия на отзвук успешно проведенной операции по оплате.

Распровавшись с улыбочивым генеральным директором, мы неспешно покинули здание с тележкой в обнимку. Аналогично сказав «до свидания» усатому охраннику, мы наконец оказались на улице, и Мисато от радости бросилась в пляс, то ли дело прыгая и крича на всю улицу.

— Я спасена от голодной смерти! Как же я рада, что ты отвел меня сюда! — взволнованно кричала она, запыхавшись от чрезмерной активности.

— Ты за раз спустила восемьдесят шесть кредитов! — возмутился я. — Что в этой тележке такого, что стоит так дорого?

— Хей, остынь, нам бы это обошлось минимум в сто пятьдесят, не будь вы партнерами! — утешала она.

— Сто пятьдесят? — удивился я.

— Сто пятьдесят, блин, Гармонийских кредитов! Представить себе можешь вообще?

— Окей, не я же деньги спустил, — довольно подколол я Мисато.

— Ты мне все это оплатишь потом, — еще довольнее ухмыльнулась она. — Ты же не думал, что я все это накупила только себе?

— Поговоришь с Хорнет по поводу оплаты, когда я вас познакомлю.

— Я этой Хорнет за свою услугу накину еще полтинник, — пригрозила она.

— Забились, товарищ, — ответил я в ее стиле.

Закончив разговор о деньгах, мы сошлись на компромиссе, договорившись, что по вопросу оплаты отдуваться будет Хорнет, а не я. Хотелось бы видеть ее трескающееся от злобы лицо, когда она узнает, каких дел я успел натворить, пока шастал по улицам в поисках остальных. В любом случае факт о кончине Хандзо перекроет все мои грехи, потому переживать не о чем, ведь, услышав из моих уст заветные слова, она наконец свершит мечь моими руками и растает, словно весенняя сосулька на козырьке одинокого частного домика — медленно и красиво.

Взяв в руки тяжелую тележку, из которой чуть ли не высыпалось все содержимое, я повел Мисато к нашему следующему пункту в списке — квартире Амелии. Мой личный инженер захватил не один передатчик, потому закинуть одну из копий в потенциальное убежище для моих друзей не было бы глупым решением.

***

Некоторое время спустя мы остановились в переулке, на который как раз выходили окна квартиры над магазином, тогда я замер в ступоре, не зная, что делать дальше и как подкинуть передатчик, не говоря уже о том, что сомнения в пользе от операции превысили благоприятные ожидания. Дверь заперта и внутрь никак не попасть, если не выломать ее, но тогда передатчик может попасть не в те руки, а я наткнулся на случайного прохожего или

ворюгу, вместо знакомого лица.

— Ну, чего мы остановились? — устало пробурчала Мисато.

— Мы пришли, смотри, — я показал пальцем на заветную квартиру. — Вон там находится дом Амелии, одной из сотрудниц нашей организации, запертая на десять замков и без намека на живое присутствие внутри.

— Хочешь туда закинуть передатчик?

— Да, но уже сомневаюсь в своем решении, — вздохнул я.

— Чего? И зачем я с тобой тащилась? Мы же крюк сделали, хотя могли идти напрямую! — выговорила Мисато. — Если уж решил, так доведи дело до конца!

— Как? — завелся я. — Как я закину передатчик в запертую квартиру? И если он окажется на столе в середине комнаты, то как они поймут, что это я его послал?

— Ты дурак, или как? — осеклась она. — Возьми и закинь, примотай изоляцией к камню, блин, и брось в окно, накалякой пару слов на бумаге. Ни ума, ни фантазии, ей-богу.

— Думаешь хорошая идея? — все еще сомневался я.

— Так даже лучше, если кто-то пройдет мимо, он точно заметит разбитое окно и зайдет внутрь, а там его будет ждать послание от Тайкона. В яблочко, товарищ! — загорелась своей собственной идеей Мисато.

— Хорошая мысль, что бы я без тебя делал.

— Так-то, — довольно сложила она руки в боки, расплываясь в ехидной улыбке.

— Есть бумага?

— Всегда ношу с собой ручку и блокнот, держи, — она протянула озвученное, пошарив в кармане.

Я вырвал одну страницу из блокнота и принялся писать, но Мисато все время подглядывала, что очень мешало, ведь я собираюсь написать на бумаге свое имя, а озвучивать его слишком опасно в ее присутствии, потому придется выкручиваться. Минутой погодя на бумаге уже виднелся целый текст, который гласил: «Послание безымянной организации. Меня зовут Тайкон, но вы знаете меня под другим именем, я вернулся, друзья. Кто бы не нашел это письмо, нажмите кнопку на устройстве перед вами, чтобы я смог вас найти. Надеюсь, мы скоро увидимся.»

— Говоришь, достаточно только нажать кнопку, и на карте появится точка? — спросил я у Мисато.

— Конечно, кодовую частоту я уже записала, проблем не будет.

— Что еще за кодовая частота?

— На каждом передатчике есть пункт с кодовой частотой, по которой можно его отследить. Закинь ты его в окно, не зная кода, знатно бы обломался, — пояснила она.

— Хорошо, жди здесь, — приказал я.

Подобрав в переулке случайный увесистый камень, я примотал к нему изоляцией передатчик, подложив под него свернутую в несколько раз бумажку так, чтобы она немного торчала, а также прицепив к камню платиновый кулон Хорнет, я двинулся на сближение с квартирой. Выйдя на оживленную улицу, я вновь немного занервничал, но это чувство улетучилось, стоило задуматься о том, что будет, если я этого не сделаю. Встав в стойку для броска, я размашистым движением запустил камень в полет, послышался треск стекла. Дело сделано, камень внутри, дыра в окне большая, теперь кто-нибудь из моих друзей точно проявит себя. Я подложил кулон в целях гарантии, ведь его наличие говорит само за себя, Хорнет отдала его мне перед боем с Хандзо и сказала вернуть, когда все будет кончено — я

исполнил обещание перед ней, Леонхардтом и Амелией.

— Эй, сорванец, что ты творишь? — прокричал случайный озлобленный прохожий на улице.

Мое удовлетворение от свершенного было куда выше, чем страх перед разборками с каким-то выскочкой, потому я лишь показал ему оскорбительный жест, послав куда подальше, а сам двинулся обратно к Мисато. Завернув за угол, я встретился взглядом с томительно ожидающей девушкой, порой сомневающейся в моей решительности.

— Готово? — устало спросила она.

— Готово, идем домой.

***

На обратном пути мы с Мисато поменялись местами, теперь я с легкостью ступал по твердой земле, таща за собой тележку, а она устало плелась позади, то ли дело отставая. Теперь я понимаю, на какие чудеса способно воодушевление от ожиданий, но главное, чтобы они не оказались неоправданными.

Минув десятки улиц в свете ночных фонарей, мы наконец оказались дома. Мисато отворила двери и бросилась закатывать тележку внутрь, но не думаю, что у нее сегодня найдутся силы на распаковку. Войд очень увлеченно играла в «God of Frogs» на приставке, которая по счастливой случайности оказалась у нее в руках. Приятно осознавать, что пока мы занимались взрослыми делами, она спокойно и без происшествий пережила день в одиночестве. Я удобно распластался на разложенном еще с утра диване, но интерес перед тем, во что играет Войд, перевесил желание отлежаться после долгого похода. Я подошел к ней, отодвинул стул, на котором она уже долгое время сидела, поднял ее на руки и дотащил до дивана, где аккуратно положил.

— Покажешь, во что играешь? — спросил я, лежа рядом и оперевшись на руку в ожидании одобрения.

Войд кивнула головой и протянула мне приставку, а сама уселась с интересом наблюдать за происходящим. На ней была включена все та же игра, но прогресс всего в шестнадцать уровней мало впечатлял, будто Войд все это время только осваивалась, а в последние десять минут решила дать жару. «God of Frogs» представляла собой обычную детскую бродилку с препятствиями, которую не особо интересно было проходить, ведь сложности в ней никакой, лучше уж отслеживать прогресс Войд в этой игре, нежели самому бить ее рекорды. Я свернул игру, выйдя в меню, где можно посмотреть на другие более интересные, но мой взгляд остановился не на вариантах на вечер, а на неправильно выставленной дате.

— Хей, Мисато, ты вообще не следишь за датами? Приставка живет на год вперед, — обратился я к ней.

— Я может и теряюсь во времени, но сейчас прекрасно знаю, что сегодня десятое августа 2060 года, нашел к чему придраться, блин.

— Погоди, погоди, — замешался я, — сейчас 2059 год, ты что, в будущем живешь вместе с приставкой?

Мисато отвлеклась от недоеденной в обеденное время еды, встала и подошла ко мне вплотную, усевшись на корточки.

— Не думаешь, что сам живешь в прошлом? — сонным взглядом пилила она меня.

— Ты же шутишь, да? Еще на прошлой неделе я уходил с праздника в честь юбилея со дня заключения «Австралийского пакта», а тут уже тридцать первый год закрывается?

- Еще не закрывается, тридцать первый год будет через несколько дней.
- Мисато, только не говори мне...
- С юбилея прошел уже год, Тайкон.

Глава 21: Пришествие Молота

Жестокую истину труднее всего принять, особенно если она появляется вместе с осознанием собственной глупости. Сколько бы я не провел времени на улице, перед сколькими бы экранами не предстал — я был слеп и наивен. Хорнет не могла продать дом за десяток часов, «Гидра» не могла развалиться за месяц моего отпуска, сантиметровой слой пыли в доме Юмико не мог скопиться меньше, чем за год. Только услышав правду из уст Мисато, я наконец все осознал, моя голова налилась кровью, все тело бросило в беспорядочный жар, руки сами собой затряслись, будто на лютном морозе. Какой же я все-таки идиот, слепой и глупый наивный ребенок, возомнивший себя героем, а не деле не способный отличить глазами изменения во всем, что происходит вокруг.

— Мне... нужно проветриться, — еле выдавил из себя я, обратившись к Мисато.

— Ты куда? На дворе же ночь, может лучше поспи...

Она прервалась на моменте, когда взглянула на меня своими уставшими глазами, которые в миг расширились от увиденного.

— Что случилось? Все хорошо? — обомлела она.

— Присмотри за Войд, прошу, — едва не плача молил я, взяв ее за руку. — Мне всего лишь нужно побыть наедине со своими мыслями, хорошо?

— Тайкон... Будь осторожен, — вздохнула она.

Я молча покинул гараж, отворив железную дверь и оставив ее открытой. Сейчас мне хотелось лишь сбежать куда-нибудь подальше, скрыться от всего мира и страдальчески пролежать всю ночь где-нибудь на крыше, смотря на висящие где-то далеко в небе звезды. Для всех своих друзей я, вероятно, считаюсь мертвым, ведь в тот роковой день я просто пропал, забрав с собой Хандзо, и подставил всех, кого люблю, оставив их без опоры. Я даже не знаю, ушла ли в тот день с площади Юмико, смогла ли где-то спрятаться, или давным-давно лишилась своей головы под весом гильотины, а может чего хуже — попала в гвардию не по своей воле. Она не могла ни на кого рассчитывать в этот момент, ведь я скрылся в небытие, верша мечь, а Юмико тогда осталась совсем одна в окружении врагов, пока самые близкие ее люди тихо отсиживались где-то в подвале. Но все же, раз Хорнет спокойно продала дом, то хотя бы она осталась непричастной и точно сейчас жива, если я не упустил из виду что-то еще. Илия тоже жив и даже участвует в своих геройских играх, спасая обычных людей, но как долго он будет оставаться безнаказанным? Знает ли он вообще, где сейчас мои друзья, знает ли он, где сейчас я? Или же для всех я уже давно умер?

В беспорядочных метаниях в глубинах своих мыслей, я тихо брел по ночным улицам, но хотя бы не позабыл свою маску, которая может скрыть слезы боли. В глазах мелькали яркие вывески магазинов, через каждый шаг меня слепили яркие фонари. Самое ужасное, что в такой обстановке полного эмоционального опустошения, я хочу убивать, хочу пролить кровь первого попавшегося бедолаги, а затем омыться в ней, чтобы хоть немного почувствовать себя живым. Я чувствую, как постепенно становлюсь похож на Хандзо, который всю свою жизнь был одиночкой и находил себе утешение, только убивая людей. На самом ли деле я достоин того, на что претендую, или я простой выскочка, не стоящий ни гроша?

В безлюдной ночной тишине показалась компания выпивших мужчин, которые вели себя вызывающе и громко кричали на всю улицу. Мне было поделом на них, пока из уст одного из них не послышались грубые слова в мою сторону:

— Слышь, ты, чего маску напялил? Крутой, что ли? — дерзнул еле стоящий на ногах мужчина с пивным пузом, торчащим из-под грязной белой майки.

Я промолчал, стараясь хоть как-то сдержать порыв ярости, чтобы он живым дошел до дома, а вместе с ним и вся его неблагополучная компашка.

— Ты че? Я вообще-то с тобой говорю, придурок в маске, — продолжал он докучать мне, пока в один момент не схватил за плечо.

Мне надоело терпеть, и я развернулся, схватив его за руку и мгновенно сломав указательный палец. Улицу пронзил истошный крик, который был лишь бальзамом для моих ушей. Я ударил его в лицо, выбив несколько зубов, а затем отправил бедолагу на землю прицельным пинком, но его дружки почему-то не спешили ему помогать, а только в страхе тряслись в стороне, но один из них все же нашел в себе смелось заговорить:

— Мужик, остановись, пожалуйста, он не хотел! Напился и не понимает, что говорит! Отпусти нас, прошу!

— С чего бы? — прорычал я.

— Тебе нужны деньги? Забери мой кошелек, только отпусти его!

Меня очень злила такая трусость, хоть его дружок и поступал здраво, понимая, что они не вывезут, даже если все разом на меня навалятся, ведь я боец, который убил полсотни людей, который в жестокой дуэли смог выжить и пролить кровь своего врага. Кто они такие, чтобы бросать мне вызов? Я подошел к испуганному мужчине, который уже протягивал в мою сторону кошелек, после чего схватил его за шиворот:

— Оставь свои деньги себе. Убирайтесь с глаз моих, отбросы! — приказал я.

Три человека сразу бросились в бегство, но один из них, который был в компании самым худым и безобидным на вид, остался. Я не понимал, почему тот не убегает, и даже почувствовал угрозу на момент, подумав, что он ренегат, или какой-нибудь слабый шепот, но, как оказалось, это просто был единственный человек с яйцами между ног.

— Почему не убегаешь? — спросил я.

— Прости, мужик, но я тут подумал. Раз уж ты так хорош в драках, почему бы не направить свою силу в нужное русло?

— Например? — оторопел я, не выдавая себя.

— Тут за углом есть бойцовский клуб. Поговаривают, что их чемпиона уже год никто не может сместить, не хочешь опробовать себя в честном бою?

— Бойцовский клуб? — а ведь это хорошее место, чтобы спустить пар и легально выбить всю дурь из оппонента. — Где он?

— В первом переулке за углом.

Я молча пошел на указанное место, уже предвкушая бой на ринге, где не будет пустозвонов и трусов. Завернув за угол, я почти сразу уткнулся в яркую красную вывеску, которая не оставляла в переулке ни одного темного уголочка. Здесь и вправду стоит бойцовский клуб, находящийся где-то на цокольном этаже, куда вела длинная лестница, одиноко стоящая среди сплошных стен без каких-либо других входов. Уверенной походкой я устремился вниз, пока в поле зрения не показалась маленькая открытая дверь, высотой не более полутора метров. Изнутри исходили громкие оживленные разговоры и крики фанатов. В большом помещении посередине комнаты стоял большой ринг, на котором в этот момент как раз шел активный бой, а вокруг открывался вид на подобие бара, где места пустовали, потому что все посетители собирались вокруг фаворита, не желая тратить время на выпивку и закуски.

— Очередная победа в копилку нашего непобедимого чемпиона! Попрошу аплодисменты! — прокричал мужчина с микрофоном, который, судя по всему, был комментатором.

Я подошел поближе, дабы разглядеть этого самого «чемпиона», но увиденное не влезало ни в какие рамки: большой накаченный бородатый мужчина валялся на канвасе и истощенно набирал в легкие воздух, медленно восстанавливая дыхание после боя, над ним же стоял не более грозный на вид мужчина, не тот, у которого мускулы размером с бидоны для молока, а совсем обычная на вид девушка, которая даже на бойца не была похожа, но в ее карих глазах хорошо читался азарт от процесса, к тому же это ведь она только что опрокинула своего оппонента без шансов на победу.

— Господа, делаем ставки, потому что у нас все еще есть желающие попробовать на себе удар кувалды! Ты как, госпожа Молот, не устала?

— Еще спрашиваешь, Альфред, давай следующего, — уверенно произнесла она.

Эта русая длинноволосая красотка обладает характером парня, но на бой вышла с накрашенными ресницами и новенькими красными ногтями. Неужели она настолько в себе уверена, что даже не думает о возможных последствиях?

— Итак, на ринге появляется смельчак, сомневающийся в силе Молота! Мистер Гром, вы готовы к бою? — с насмешкой спросил комментатор.

— Еще как, покажи, на что способна! — сказал очередной крупный мужчина, поднимаясь по лестнице и перепрыгивая через канат.

Пусть он и был уверен в своей силе, но тут же быстро пал от пары метких ударов этой девушки, хотя, он скорее всего уже принял свое поражение, едва ступив на лестницу.

— Завораживает, да? — подошел ко мне странный мужчина в шляпе.

— Не очень, если честно, — поспорил я. — Мне неинтересно смотреть на бой, в котором я не участвую.

— Ох, вот как. Тогда может сделаешь ставочку? Госпожа Молот находится в высоком коэффициенте, все ставят только на нее, потому что она еще ни одного боя не проиграла с самого первого появления в наших кругах. Но раз находятся придурки, которые ставят на низкий коэффициент, можешь поиметь с нее немного гарантированного выигрыша. Будешь ставить?

— Нет, пойду на ринг, — уверенно произнес я. — Только в этот раз рекомендую поставить вам на низкий коэффициент.

— Сколько рвения, мальчик! Она же тебе все кости переломает! — насмехался он.

— Заткнись и смотри, debil, — прорычал я.

Я твердым шагом пошел в сторону ринга, предвкушая действительно интересный бой. Опыта в этом деле у меня немного, ведь я дрался только со слабаками, ни разу не встретив сильного оппонента в кулачном бою, но раз уж парень в маске искусно владеет мечом — с остальным проблем не будет. Я поднялся по ступеням и перепрыгнул канат, представ перед чемпионом этой забегаловки во всей красе, она даже немного удивилась:

— Это шутка какая-то?

— Хей, Молот, этот паренек у нас новенький, но уже очень даже уверен в своей победе. Не надерешь ему зад?

— С радостью, — дерзнула она.

— Итак, ставки очевидны, можно начинать?

— Я ставлю на парня, — прокричал какой-то старик с кубинской сигарой из-за барной

стойки.

— Дерзкий ход, не думаешь, что пускаешь деньги на ветер? — подколот его комментатор.

— Заткнись и начинай бой, умник, ставлю сотню Гармонийских!

— Окей, тогда главное правило для новичка — никаких ударов в пах. В остальном правил нет. Что ж, поехали! — прокричал комментатор, дав начало бою.

Молот сразу встала в стойку, но не стала прикрывать лицо, чтобы защитить его, будто совсем не видит во мне оппонента.

— Ты так уверена в своей победе? — спросил я у нее.

— Еще бы, а ты бы лучше снял маску, сломаю же, — с насмешкой произнесла она.

— Ты ее даже не заденешь. Приступим, Молот, — сказал я заключительное слово, после чего и сам встал в стойку.

Она разбежалась и сразу же вышла на прямой удар, парировать который было проще некуда. Я умело увернулся, контратаковав ее прямо в лицо, но стоило мне задеть его, как она тут же схватила меня за плечо и нанесла прямой сокрушительный удар в грудь такой силы, будто мне в ребра врезался грузовик. Этот удар был единственным, на другие она и не рассчитывала, ведь подловила меня на моей наивности. Я думал, что, если ударю ее в лицо, она дезориентируется и отшатнется, но Молот даже бровью не повела, будто в нее плюшевая игрушка прилетела. Сразу после удара она отпустила меня и отошла в сторону, а я рухнул на колени, думая, что умру после такого удара. Я сидел, оперевшись на одну руку, а другой держался за грудь, стараясь оклематься, она определенно сломала мне несколько ребер, но такая травма для меня не более чем пустяк, но зато хороший урок, что сильнее непобедимого чемпиона может быть только хитрый новичок.

— Мы закончили, кто следующий? — расслабилась она, думая, что победила.

— Твой противник еще на ногах, — подметил комментатор.

Она развернулась в мою сторону и кинула удивленный взгляд, будто привыкла заканчивать бой одним ударом. Мои ребра уже восстановились, потому я, как ни в чем не бывало, встал на ноги и был готов продолжить.

— И это все? — фыркнул я.

— У тебя должны были ребра треснуть, мальчик, ты еще можешь драться? — оторопела она.

— Мы только начали, — усмехнулся я, встав в ее же демонстративную стойку, не закрывающую лица.

— Ну, держись, везунчик, второго шанса уйти не будет.

Она рванула в мою сторону, явно не желая смириться с тем, что я все еще на ногах и могу дать отпор, хотя, честно говоря, я совсем не ожидал от нее такой силы, и теперь серьезно задумываюсь, не ренегат ли она. Молот подошла почти вплотную, сделала замах, от которого я увернулся, затем еще и еще, но все мимо, а я пока не спешил атаковать, выбирая удобный момент. В какой-то промежуток времени она оказалась открытой, полностью перейдя в нападение, тогда-то я сделал резкий выпад вперед, выйдя на этот самый удобный момент для приема дзюдо. Схватив ее за форму в районе груди обеими руками, я подставил свою ногу так, что заблокировал ей путь для восстановления, тогда одним резким движением потянул ее на себя, с грохотом отправив Молот на канвас, но она быстро перекатилась и ответным ударом ноги с разворота ударила мне в руки, которыми я успел закрыть лицо. Этот удар был в разы сильнее предыдущего, я почувствовал, как мои кости сломались надвое,

потому сразу же упал, чтобы скрыть факт их перелома.

— Теперь точно готов, — пробормотала она. — Крепким оказался, а на вид совсем слабенький, прямо как я, ха-ха.

— Обратный отсчет! — прокричал комментатор. — Десять, девять, восемь...

— Ну, давай я тебя подниму, ты проиграл, смиришься, — добрым голосом сказала Молот.

— Уверена? — глухо произнес я.

— Чего? — опешила она.

Было сложно срастить сразу две руки за какие-то считанные секунды, но я уже добился достаточного контроля своей энергии, чтобы сконцентрироваться сразу в двух местах. Когда таймер почти дошел до нуля, я резко перестроился из лежачего положения, начав медленно подниматься.

— Бой еще не окончен! — с изумлением замешкался комментатор. — Парень в маске встает, выдержав уже второй удар Молота!

Все верно, бой еще не окончен, и мы оба играем не по правилам: сверхчеловеческая сила против сверхчеловеческой регенерации. У нее наконец-то появился достойный оппонент, а я наконец-то могу дать волю скопившейся внутри ярости. В такие моменты чувствуешь себя по-настоящему живым, когда по венам течет магма, а в глазах горит огонь, когда те, кто не верил в тебя, раскрывают от удивления рты и замирают в ожидании продолжения. Я снова встал на ноги, но теперь уже не планирую падать, этот бой закончится только на моей победе.

— Хей, хей, стой, я уже дважды должна была сломать тебе кости, что с тобой не так?

— Не можешь смириться с поражением, а? — посмеялся я.

— Больше не буду сдерживаться, — показала она свой довольный оскал, будто давно ждала кого-то, вроде меня.

Молот снова бросилась вперед, полностью сконцентрировавшись на атаке, а я лишь уворачивался, выжидая момент для атаки. Простые удары ее не возьмут, броски тоже не принесут результата, но что если я ударю туда, где будет больнее всего? У каждого человека есть такие места, которые называются болевыми точками, всего таких можно выделить несколько: глаза, основание ушей, плечевое сплетение, трахею, грудину, почки и живот. Если прямой удар в лицо не нанес урона, тогда смысла бить в другие более чувствительные места нет, а тыкать пальцами в глаза было бы совсем грязно, потому выход у меня всего один — сбить ее с ног и нанести удар, после которого она точно не встанет.

Выжидая удобный момент, я наконец разглядел свой шанс, когда мы разошлись на расстояние вне радиуса досягаемости друг друга. Она перешла на бег, устремившись в мою сторону, ожидая очередного парирования, но сейчас для-кого будет сюрприз. Я бросился навстречу, и она приняла оборонительную стойку, но не для того, чтобы закрыться, а для того, чтобы контратаковать — бинго. Не знаю, в какой момент я усвоил для себя, что противников нужно подлавливать на их слабостях и чрезмерной уверенности, но такая тактика ведения боя уже спасла мне жизнь однажды, а сейчас я вновь ей воспользуюсь. Молот ожидала прямой удар, потому совсем не задумывалась о подводных камнях, которые гармонично расположились у меня в голове. Когда мы сблизилась на расстояние удара, она замахнулась, но я резко нырнул вниз, выставив вперед ноги и опустив тело назад, имитируя падение. Мои ноги с силой врезались ей в берцовые кости, от чего та подкосилась и полетела вниз прямо на меня. В такой ситуации она могла сделать две вещи: постараться смягчить падение, выставив вперед руки, или с грохотом рухнуть на меня. Элемент

неожиданности сыграл в мою пользу, потому наиболее вероятный вариант развития событий сыграл как раз мне на руку — она предпочла смягчить падение и оказалась полностью открытой. За какую-то долю секунды я хорошо прицелился и устремил свой кулак ей прямо в трахею, собрав в нем все силы, которые у меня были. Она врезалась в твердые кости, которые попали точно в цель, поразив ее дыхательную систему, от чего та рухнула на канвас и схватилась за горло, истошно надрываясь в непрерывном кашле, а я в этот момент возвысился над лежащим некогда непобедимым чемпионом. Все вокруг стояли в шоке с отвисшей челюстью, в клубе повисла тишина, которую развеял именно мой голос:

— Судья, обратный отсчет.

Мужчина явно не ожидал подобного исхода и сильно заметался, но стоило напомнить ему о времени, как тот сразу же бросился вести отсчет с десяти до нуля, пока он не достиг отметки в ноль секунд.

— Что ж, господа, это большая неожиданность для нас всех, но чемпион свержен, а на его место встал новый боец! Назовись, победитель!

— Тайкон, — пафосно произнес я, не выдавая своей радости.

— Поздравляю, Тайкон, ты — новый чемпион нашего клуба! А теперь зовите медиков для Молота!

— Н-нет, н-не надо, — кряхтела она.

— Хей ты же так задохнешься, — произнес я.

— В-все хорошо, я в порядке, — ответила она, уже оклемавшись и приподнявшись с пола, опираясь на руки.

Подойдя поближе к лежащей без сил девушке, я протянул ей руку, которую она с улыбкой обхватила своей.

— Поздравляю, Тайкон, ты победил, можешь собой гордиться, — похвалила меня Молот.

— Спасибо, мне было приятно сразиться с тобой.

— Поговорим в раздевалке? — шепнула она мне на ухо.

— Зачем? — опешил я.

— Нечасто встретишь тех, кто сильнее тебя, я бы хотела познакомиться поближе, — улыбнулась она.

— Хорошо, тогда увидимся там через пять минут, — согласился я.

— Буду ждать, — закончила она, устремившись как раз в направлении раздевалки.

Я мог бы сразу пойти за ней, но меня интересовал тот мужчина, который поставил на меня довольно крупную сумму, он все еще сидел за стойкой с сигарой в зубах. До того, как мы с Молотом поговорим наедине, сначала я хочу узнать, почему он поставил на меня, а не на нее. Сблизившись с молчаливым стариком, я заговорил первым.

— Слушай, старик, а почему ты поставил на меня, а не на Молот?

— Знаешь, парень, я ведь бывший вояка, — поведал старик. — Как только ты вошел сюда, я сразу тебя заметил. Ты не похож на остальных, и раз уж ты полез на ринг, даже видя, как здоровые мужики падают под весом ее ударов, значит точно не слабак. Я сделал свою ставку и не пожалел, спасибо тебе, Тайкон, ты выиграл мне огромные деньги. Вот, держи, твоя доля, — он протянул мне пять латунных кредитов.

— Не знаю, что и сказать, — в небольшом шоке пробормотал я.

— Забирай, ты их заслужил.

— Спасибо.

Забрав свои пять сотен кредитов, я пошел в раздевалку, где меня уже ждала Молот. Стоило мне войти, как передо мной оказалась уже не та девушка, которая несколькими минутами ранее стояла на ринге, а совсем уж женственная особа, но с пацанским характером. Она уже успела переодеться в повседневную одежду, сбросив с себя форму для боя, нацепив футболку с широким воротником, из-под которого были видны красные лямки ее топа, поддерживающего грудь, а также какие-то черные джинсы в цвет футболки, на ногах виднелись такие же кеды, как у меня. Наверное, такая обувь в Гармонии самая популярная, потому молодежь привыкла носить только их. Она жадно опустошала бутылку воды, но, заметив меня, остановилась и привычно улыбнулась.

— Ринна Регер, будем знакомы, — она протянула мне руку, чтобы пожать.

— Постой, Ринна Регер? — на меня снизошло осознание.

Это именно та девушка, которая год назад потеряла супруга в «Геномном инциденте». Именно она была подругой Каори, которая круглые сутки торчала на пороге типографии, но вскоре затихла, пропав из этого мира, а сейчас я встретил ее здесь, в каком-то второсортном бойцовском клубе.

— Ну, да, что-то не так? — с непониманием спросила она.

— Пойдем, нам не нужны лишние уши, — приказал я.

— Куда? — не успела она и понять происходящего, как я уже тащил ее за руку.

Сразу за раздевалкой была душевая, где можно было уединиться, закрыв дверь на замок. Оказавшись внутри, я затащил Ринну к себе, а затем отрезал нас от остальных.

— Слушай, Ринна, это подарок судьбы — встретить тебя здесь, — говорил я, переполненный эмоциями.

— Может ты уже объяснишь, что происходит, Тайкон? — нервничала она, немного покраснев от моей настойчивости.

— Это ведь ты? Та самая Ринна Регер, которая стала жертвой «Геномного инцидента»? Это ты каждый день ходила в типографию «Наш Дом»?

— Д-да, — все еще в шоке промямлила она. — Кто ты такой?

— Послушай, только не убегай, прошу!

— Слушаю, слушаю, — отстраненно проговорила она.

— Меня зовут Ашидо Такаги, слышала хоть раз о таком?

— Ашидо Такаги? Это ведь ты сбежал из исследовательской лаборатории через десять дней после «Геномного инцидента»?

— Да, Ринна, это был я! Когда меня повели на эвтаназию, что-то внутри проснулось, и я сбежал, не помня, как убил кучу людей. Ты нужна нам, Ринна! Мы с моими друзьями объединились, чтобы положить конец правлению Котая и его шайке ублюдков, тогда я и вышел на тебя, желая узнать, что с тобой случилось, но я думал, что ты мертва!

— Постой, вы что, бросили вызов королю? — обомлела она.

— Да, сейчас мы набираем силу, чтобы однажды прийти во дворец и положить конец всему, что он творит. Только ты знаешь правду, которую можно обернуть против него, придав огласке! Ты же так хотела быть услышанной, днем и ночью добивалась своего. Что же случилось, почему ты затихла?

— М-меня заткнули, — поведала она, — Король сказал, что, если я продолжу, меня просто тихо казнят, и тогда я опустила руки, залегла на дно. Ты правда можешь помочь мне, Ашидо?

— Да, вместе мы сможем заставить Гармонию услышать правду!

Ринна в ступоре стояла и смотрела на меня большими глазами, пока по ним не начали катиться слезы. В этот момент она выглядела совсем слабой и израненной, и я не понимал, что бы могли означать эти слезы.

— Это и правда подарок судьбы, встретить тебя здесь, — проговорила она, хлюпая носом. — Я думала, что до конца жизни буду сидеть в тишине, каждый день утопая в своей ненависти, а потом появился ты, надрал мне зад на ринге, а теперь говоришь такие вещи.

— Ринна, вместе мы сможем, ты пойдешь со мной?

— Я пойду с тобой, Ашидо. Я верю твоим амбициям так же, как когда-то поверила амбициям Артура. Если ты правда намерен убить короля, я помогу тебе.

— Ты не боишься, Ринна?

— Мне нечего терять, Ашидо, — бесчувственно ответила она. — В тот день я все потеряла, человека, которого я так любила, убила гвардия, а потом они добрались и до моей семьи, убили маму с папой. У меня ничего не осталось, кроме моего грошового эго. Я тоже убила много людей, голыми руками положила целый гвардейский отряд, вооруженный до зубов, но это не принесло мне покоя. Умерших нельзя вернуть к жизни, а в памяти народа они запомнятся как изменники, предавшие Гармонию. Я не могу смириться с тем, что людей, которые работали на благо всего человечества, в миг не стало, а теперь их винят в том, в чем они не повинны.

Душераздирающая история, которую так эмоционально пересказывает Ринна, очень похожа на мою, потому у меня самого невольно наворачиваются слезы.

— Ринна, ты ведь ренегат, да? — осторожно спросил я.

— Нет, Ашидо, я не ренегат, я — геном.

— Геном? — удивился я. — Среди нас есть один геном, но она не боец.

— По моим венам течет «Ген Х», который стократно стимулирует физические способности носителя: удар кувалды, скорость машины, нечеловеческая регенерация, кости прочнее стали. Они сделали меня монстром, и теперь обязаны за это заплатить.

— Мне знакомо это чувство, я тебя понимаю, Ринна, — посочувствовал я. — Когда думаешь, что весь мир от тебя отвернулся, все считают тебя монстром. И сколько бы ты не сделал благих дел, без великой цели все равно не найдешь для себя покоя.

— Это так, Ашидо, — вздохнула она. — Я готова пойти с тобой, если есть хоть какой-то шанс наконец сбросить груз с моего уставшего сердца.

— Мы примем тебя, Ринна, как друга и как товарища по беде, — улыбнулся я где-то под маской.

Она утерла слезы о свои черные перчатки без пальцев и наконец улыбнулась. На плечи этой девушки свалилось достаточно, чтобы она пошла против системы, готовая пролить кровь, если придется. Я чувствую, как в моей жизни появляется все больше союзников, готовых посвятить себя единому делу, одной великой и недостижимой цели.

— Идем, переночуем сегодня у меня, ты не против? — она взяла меня за руку.

— Не против, идем, подруга.

Ее глаза немного опухли, и кожа вокруг покраснела, потому мы постарались улизнуть без лишнего внимания, благополучно оказавшись на улице. Свежий воздух освежил нас обоих после душной раздевалки, Ринна в этот момент выглядела самой счастливой девушкой на свете, она молча стояла со мной, держа за руку, и смотрела в небо, расплываясь в искренней теплой улыбке, оно и неудивительно, ведь ни с того ни с сего с неба свалился человек, пообещавший ей однажды свершить долгожданную месть. Я все еще не знаю

подробностей того случая, но она сама все рано или поздно расскажет, потому переживать не о чем. У меня появился новый сильный друг, который проникся моими амбициями и готов идти за мной по головам.

В ночной тишине мы разговорились, затрагивая все возможные темы, будь то школьные годы, детство или даже секс. Ринна говорила свободно, не стесняясь ничего, таких людей в мире немного и мало кто способен жить, имея простой и приятный характер. Они с Мисато точно подружатся, ведь она точно такая же, но имеет совсем другие планы на жизнь. Ринна поведала, что еще в раннем детстве была бунтаркой, но никогда никого не задирала. Она дралась с теми, кто сильнее нее, даже не имея тех сил, которыми владеет сейчас.

Спустя некоторое время мы достигли многоэтажки где-то в Академическом районе. Поднявшись на лифте на шестой этаж, мы вошли в скромную ухоженную квартирку, где с порога нас встретила большая собака породы сиба-ину, которая сразу же бросилась в объятия к хозяйке.

— Знакомься, это Цезарь, — радостно произнесла Ринна.

— Привет, Цезарь, будем знакомы, — поприветствовал я собаку.

— Я постелю тебе в комнате, а сама посплю в гостиной, хорошо?

— Тебе решать, я же гость.

— Тогда располагайся.

Пока Ринна стелила постельное белье в одной из комнат, я немного осмотрелся. В этой квартире когда-то жил кто-то кроме нее, две кровати, два стула на кухне, кружки с сердечками. Добивающим фактором стало фото в гостиной, на котором виднелась сама Ринна и голубоглазый блондин рядом — ее супруг Артур, видимо. Рядом располагалось еще одно фото, но уже семейное с подписью «семья Регер», на нем была маленькая Ринна и супружеская пара родителей. Подумать только, скольких близких она потеряла в один день, как когда-то потерял я, но у меня не было таких теплых отношений с родителями, чтобы хотелось о них вспоминать.

Когда кровать наконец была постелена, Ринна пригласила меня в комнату, где я уютно расположился на мягком матрасе, укутавшись в теплое толстое одеяло, способное согреть в любой холод.

— Спокойной ночи, Ашидо, утром поговорим, — улыбнулась Ринна, стоя передо мной в своем красном топе.

— Спокойной ночи, Ринна.

Глава 22: Метаморфоза

Покой, приятный запах чистоты, мягкая кровать, никакого сигаретного дыма и криков на улицах. Утренний шум утонул по ту сторону реальности, вся мирская суэта отделилась от того мира, в котором в невероятном блаженстве сейчас утопаю я. В сегодняшнюю ночь мой сон с зеркальным лабиринтом повторился, и не скажу, что я ему не рад, но, когда вновь оказываешься запертым среди тусклых очертаний самого себя, плавающих в осколках воссозданных и разрушенных зеркал самой Бездной, становится совсем не по себе. Чувство комфорта слабо перебивало ощущение нарастающего страха, который с каждой секундой все больше и больше пропитывал меня.

Когда-то я уже слышал о таком творении человечества, как сонник, предсказывающий будущие события, исходя из совокупности ключевых факторов, произошедших во сне. Если меня когда-нибудь спросят, какую бы вещь я с уверенностью назвал самой бесполезной из всех когда-либо существовавших на земле, я отвечу однозначно, назвав сонник, ведь на кой черт нужна книжка предсказаний человеку, всю жизнь петляющему по пустоте? Да и зачем она тем, кто видит обычные человеческие сны, которые строятся из эмоционального состояния хозяина мозга? Будущее невозможно предсказать, нельзя просто вписать пару слов на бумагу без отбеливателя и назвать свое творение гарантом свершений.

Поплутав среди мрачных битых зеркал, я вскоре очнулся, но по ощущениям прошло куда меньше времени, чем на самом деле, будто я смог пропустить подробности полного цикла сна, не прибегая к медитации. Встав с кровати, я направился в гостиную, где вчера расположилась Ринна, но к моему удивлению она все еще крепко спала, то ли дело пуская слюни на подушку. Обычно я всегда просыпаюсь последним, а потом не очень стремительно выхожу из комнаты навстречу уже давно начавшейся суете, потому мне совсем непривычно сегодня проснуться раньше кого-то, думая, чем занять себя, пока единственный мой собеседник все еще плавает в каком-то радужном сне.

Пускай я уже сказал, что сонник — это самая бесполезная вещь на всей планете, но интерес к тому, что же по этому поводу говорит автор, сам собой проявился, не оставив мне выбора, кроме как шариться на полке с книгами Ринны. Да, у нее была такая полка прямо в гостиной, прямо над семейными фотографиями, которые я вчера так старательно разглядывал. Библиотека этой девушки собрана весьма своеобразно: подростковые романы, философия, книги о саморазвитии, анатомия человека, генетика — никакого намека на любимый жанр. Пока мои руки скользили по книгам, а глаза метались в поисках сонника, позади послышались шорохи пробуждения:

— Что ты делаешь? — пробормотал сонный голос.

— Ищу сонник, — ответил я. — Доброе утро, Ринна.

— Доброе, Ашидо, а зачем он тебе, кошмар приснился? — протирая глаза рукой, то ли с интересом, то ли сгорая от незримого недовольства, сказала Ринна.

— Можно и так сказать, мне никогда раньше не снились сны, но в последние дни я на протяжении всего цикла брожу по лабиринту из битых зеркал, в которых не вижу своего отражения. Мне просто интересно, что может сказать сонник о таком положении вещей.

Ринна поднялась с дивана и поплелась в мою сторону, открыв дверцу шкафа рядом с полкой, на которой я все еще шарился. Достав из него толстую маленькую книгу фиолетовой палитры, она протянула ее мне. Картина того, как полусонная девушка стоит напротив меня

в одном топе и коротких шортах выглядела сногшибательно. Эту девушку нельзя было назвать просто милой, она выглядела сильной и глаз цеплял не образ скромной девочки, а уверенной в себе женщины. Пока другие тщательно ухаживают за своим пупком, чтобы не было стыдно выставить его на обозрение, Ринна показывает мне свой эстетичный пресс, говорящий не только об ее усердных тренировках, но и выглядящий сексуально. Взяв сонник из ее рук, я принялся рассматривать содержание в поиске ключевых слов, пока наконец не нашел пункт «зеркало».

— Я пойду в душ, расскажешь о сне, когда выйду, — держала в курсе Ринна.

— Хорошо, иди.

Открыв нужную страницу, я принялся читать небольшой абзац со значением сна, но в основном там были случаи, когда в зеркале видно тебя самого, либо твоих близких, однако был и такой пункт, где зеркало обозначалось разбитым. «Увидеть разбитое зеркало — знак насильственной смерти кого-либо из близких людей.». Знаю, что это лишь бред сумасшедшего, но толкование снов все же заставляет прочитавшего занервничать, приводя его к самокопанию.

— Насильственная смерть, значит, — вслух проговорил я с ироничным тоном.

Я все еще не нашел своих друзей, и совсем не знаю, что с ними случилось за год, потому не исключен и факт того, что кто-то из них уже может находиться в могиле, разделенный по кусочкам. Верится в это слабо, но эмоциональная нагрузка от прочитанного склоняет разум к неподтвержденной истине. Если хорошенько взвесить факты и подумать, то самый большой шанс умереть за этот год был у Юмико, в то время как у остальных он плавал среди меньших значений.

— Все, хватит, — снова сказал я вслух, захлопнув книгу и положив ее на место обратно в шкаф.

Как бы там ни было, сейчас мои переживания неоправданны, ведь правда таится где-то в тишине, потому не стоит сейчас об этом переживать. Я пошел на кухню, где непривычно для себя включил чайник и принялся рассматривать содержимое холодильника, который был заполнен преимущественно едой быстрого приготовления, либо уже готовой. Когда термоэлемент чайника громко щелкнул, Ринна уже вышла из душа с полотенцем на голове и присоединилась ко мне.

— Бутеры будешь? — спросила она, глядя в глубины холодильника.

— С чем? — поинтересовался я.

— Тебе в стиле «фитнес» или как ненормальному человеку сделать?

— Как ненормальному, — немного оторопев, ответил я.

— Значит с колбасой, сыром и майонезом?

— Еще чеснок потри туда, — добавил я.

— Хоть что-то здоровое ешь, — фыркнула она.

Ринна достала из холодильника продукты, удобно расположилась перед кухонной столешницей и принялась нарезать содержимое для бутербродов. Пока ее руки были заняты ножом, я решил налить чаю, чтобы не сидеть, будто барин, ожидающий своего шведского стола.

— Чай, кофе? — спросил я.

— Зеленый без сахара, разбавлять не надо.

Неудивительно, что она не пьет кофе, а вместо этого предпочитает обычный зеленый чай, который неплохо сжигает лишний жир — как и подобает спортивному человеку.

Закончив с приготовлениями, мы довольно уселись за стол, начав уплетать свою пищу. Мне достались озвученные ранее бутерброды, подогретые на мини-гриле, чтобы хлеб был хрустящим, а сыр расплавился. Ринна же обошлась каким-то здоровым хлебом без дрожжей, а не тостовым, положив на него лист салата, помидор и огурец. Никогда не понимал людей, которые едят без добавок, спокойно проглатывая не очень вкусную комбинацию продуктов.

— Ну, что по итогу? — прожевав, заговорила Ринна.

— Не очень приятный сон, — ответил я. — Поначалу я был рад оказаться во сне, а не в пустоте, но, когда сон повторился, мне стало не по себе, будто это какой-то плохой знак.

— Что говорит сонник?

— Предвещает насильственную смерть близкого человека.

— Так решил автор книги, который не ручается за правдоподобность? — усмехнулась она.

— Знаю, что это все выдуманный бред, но не могу отделаться от мысли, что кто-то из моих друзей мог умереть.

— Слушай, Ашидо, ты говорил, что тебе раньше никогда не снились сны. Прямо вообще никогда? — поинтересовалась Ринна.

— Никогда, — подтвердил я. — Всю жизнь я бродил по пустоте, которая редко сменялась в цветах. Вокруг ничего не было, но иногда был слышен шепот, который можно было разобрать только раз в тысячу таких снов.

— Я слышала, что пустота снится всем шепотам. Ты ведь шепот, тогда можешь подтвердить, что это так?

— Если говорить по опыту своему, моей возлюбленной и моего кровного врага — то да.

— Не позавидуешь, — вздохнула она с улыбкой. — Твоя любимая, получается, тоже шепот? Как вы познакомились?

— Ох, это был страшный случай, но вспоминая о нем сейчас, я думаю, что это было даже забавно. Я в тот день ходил по рабочим делам на окраину Дрянного района, где прожил все детство. На обратном пути я заглянул на нашу с другом секретную базу, но вместо теплых воспоминаний застал ее в компании бандитов. Они хотели ее изнасиловать, тогда я впервые пошел на осознанное убийство, потом зализывал ее раны, вытирал кровь с кожи, уже был готов бросить, но порезы начали затягиваться на глазах.

— Как у тебя, когда я сломала тебе ребра и руки? — подметила Ринна.

— Не совсем, ее раны были открытыми и заживали в сопровождении яркого свечения, а мои кости переломались внутри, потому я смог незаметно залечиться. Пробей ты мне грудь кулаком насквозь — тогда бы уже не вышло.

— Дай угадаю, она полюбила тебя с первого взгляда, когда ты ее спас?

— Наверное. Я этого не замечал, но она вела себя странно, проявляла знаки внимания, отрицала, что у нее есть чувства ко мне и бесилась, когда я спал на одной кровати с ее подругой.

— Мацал за титьки подружку, пока влюбленная девчонка била подушку? — ехидно улыбнулась Ринна.

— Все не так, никогда еще не трогал женскую грудь, — спокойно ответил я.

— Верю, верю, пай-мальчик. Как ее зовут хоть?

— Юмико.

— Красивое имя, чистокровная японка?

— Не знаю, если честно, она может быть и полукровкой, как я, который наполовину

русский.

— Я понимаю эту девушку, сама же влюбилась в Артура с первого взгляда, когда он меня спас, рассказать?

— Если не секрет, я знаю, что его больше нет, потому, если тебе тяжело об этом говорить, лучше не надо.

— Это не секрет, Ашидо. Я уже рассказывала тебе, что в детстве была бунтаркой и плохо училась, дралась со всеми встречными плохими парнями и никогда не проигрывала. Ты был вторым, кому я проиграла, потому сразу же меня зацепил. Меня всегда тянуло к амбициозным людям, как магнитом, Артур тоже таким был. В старших классах я много прогуливала, предпочитая любимое дело, в тот день ко мне пристал очередной выскочка, думая, что вот-вот поживится молоденьким женским телом.

— Ты тогда его отметелила, как следует, да? — предположил я.

— Если бы, — улыбнулась она. — Я могла дать ему в нос, и он бы сразу убежал, но за меня заступился высокий блондин с голубыми глазами. Это был первый раз в моей жизни, когда кто-то за меня заступился, потому я сразу в него влюбилась. Артур оказался амбициозным генетиком в компании «GenTask», они работали над сывороткой молодости, если можно так ее назвать. На самом деле это был ряд препаратов, улучшающих иммунитет, кровообращение, стимуляцию мышечной массы, стойкость сухожилий и укрепляющих кости. Выйди эти препараты в свет, человек мог бы жить больше сотни лет, забыв о раке и болезнях сердца, но Котаю почему-то пришлось не по душе такая деятельность. Мне тогда еще было семнадцать, это было год назад, я на парусах любви все время бегала к нему на работу, ломилась внутрь, но меня не пускали, пока не смирились и не заключили со мной контракт, по которому я согласилась на введение препаратов, близких к завершению. Тогда мы стали видаться все время, никто друг другу не надоедал, у нас было все: любовь, романтика, деньги, секс, но не было главного — обручальных колец на безымянных пальцах. Тогда Артур пообещал мне, что в день моего восемнадцатилетия он сделает мне предложение.

— Это же прекрасно, Ринна! Ты встретила поистине хорошего человека, — радостно лепетал я, забыв об исходе, пока не увидел, как по ее лицу катятся слезы.

— В тот день, когда мне исполнилось восемнадцать, я потеряла все и стала убийцей, — хлюпая, продолжила она. — Я тогда в очередной раз пришла на работу к Артуру, уже зная, что меня ждет. Мы уединились в конце углового коридора, тогда он встал на колени и достал кольцо, в этот момент я чувствовала себя самой счастливой девушкой на свете и уже была готова сказать «да», но мое счастье разрушили вооруженные гвардейцы, которые вдруг выбежали из-за угла. Артур подставил свою грудь, чтобы закрыть меня от выстрелов, я слышала, как трескаются его ребра от автоматной очереди, слышала, как кричат люди где-то вдалеке. Мы ввалились за двери из пуленепробиваемого стекла, он закрыл их, еле стоя на ногах, а потом рухнул на пол, ударившись спиной об столешницу со склянками. Артур умирал у меня на глазах, хоть я и не хотела этого признавать, пыталась его спасти, бегала в поисках спирта и бинтов, но он лишь отмахивался. Когда я уже заливала его раны, он тихо проговорил мне на ухо о препарате, который мертвого из могилы вытащит. Артур указал мне пальцем на сейф и сказал пароль, тогда я загорелась надеждой, что смогу его спасти, даже слезы на момент обсохли и паника прекратилась. Когда в моих руках оказался огромный шприц, я с трясущимися руками сидела над его телом, никак не могла найти в себе силы, чтобы всадить в него эту иглу, потому он сам взял его из моих рук и тогда...

Она начала истерично рыдать, всхлипы перебивали толковую речь, слезы водопадом падали прямо в тарелку с недоеденным бутербродом. Я не знал, что мне сказать, только искренне сочувствовал ей в ее утрате.

— Ринна...

— Тогда он... с р-размаху... всадил мне иглу в шею, — она еще сильнее заплакала. — Его последние слова я запомнила навсегда: «Не мою жизнь нужно спасать, только ты здесь любишь подраться, так задай же им жару и... живи... Ринна.»

На этом моменте Ринна совсем потеряла контроль над эмоциями. Я предупреждал ее, что лучше оставить эту тему, если вдруг дойдет до такого, но она слишком долго несла этот груз, не в силах выговориться кому-то. Истошный плач перешел на крик боли, пронзающий каждый уголок сердца даже самого черствого человека. Я встал из-за стола, подошел к ней и обнял, подняв со стула, эта сильная на вид девушка не только мускулатурой, но и сердцем, рыдала мне в кофту, словно ребенок, потерявший маму в толпе. Артур мог выжить и сейчас бы он был монстром, а не Ринна, но его сердце твердо решило, что Ринна должна выжить любой ценой, даже если останется совсем одна против всего мира. Теперь я знаю всю правду и еще больше ненавижу короля, который в этот день отдал приказ не оставлять никого в живых, даже не поведя бровью, а затем заткнул Ринне рот, не желая слушать осуждения, не желая признавать, что своими руками погубил жизни людей, которые вносили в этот бранный мир лишь добро. Теперь я понимаю, почему она сразу согласилась пойти со мной, почему готова убивать — из-за гордыни одного человека, в котором человечности меньше, чем в таком отвратительном монстре, как Хандзо.

— Пойдем, Ринна, я познакомлю тебя с Мисато, — шептал я. — Тебе нужно развеяться и отвлечься от мыслей об Артуре.

— Х-хорошо, — мямлила она, отбиваясь от тонны соплей, — пойдем.

Мисато была первой, о ком я в этот момент подумал, ведь она похожа с Ринной характером и так же старается жить, закрывая глаза на прошлое, но не забывая о нем, каждый день разбавляя долей бесконечного позитива.

***

По дороге до гаража Мисато, мы немного поговорили о веселом, я рассказал Ринне о ситуации, когда Итаци спалила кухню, о случае, когда пьяная Юмико тараторила о вкусной курице в доме Ишимару, все это было так давно, что сейчас вспоминается только с улыбкой. Моя новая подруга повеселела, отвлеклась от событий минувшего, наконец вернув себе свой уверенный и харизматичный образ.

И вот, наконец, мы оказались перед заветным гаражом, в котором с самого утра текла жизнь. Мисато сразу же нас заметила, подхватила под руку Войд, занятую игрой, после чего вышла на свет.

— Я уже переживать начала, вижу ты хорошо провел время, — сказала она, бросив довольный взгляд на Ринну.

— Чиз, Мисато! — поприветствовала ее Ринна, идентично подставив руку к голове, даже не зная о фирменном приветствии девушки в рабочей одежде. — Меня зовут Ринна, приятно познакомиться.

— Чиз, Ринна! — утопая в радости от такого приветствия, воскликнула Мисато.

— Привет, меня зовут Войд, я люблю цветы и кошек, — поздоровалась наша скромная подруга.

— И тебе привет, Войд! — подключилась Ринна. — Я конечно не люблю цветы, а еще

предпочитаю собак, нежели кошек, но мы с тобой подружимся.

— Она не поймет, что ты сказала, — ехидно фыркнула Мисато.

— Почему? — оторопела Ринна.

— Задержка в развитии, скажем так, — пояснил я.

— Ох, вот как, — вздохнула она. — Ну, не беда, рано или поздно всему научиться.

Это хорошо, что девочки смогли найти общий язык, увидевшись впервые.

— Тайкон, я тут занялась синхронизацией передатчика с приемником, пока у тебя было ночное randevu — все готово, — обрадовала меня Мисато.

— Тайкон? — вмешалась Ринна. — Ты не говорил Мисато о своем настоящем имени, или ей просто по душе называть позывной?

— Не говорил, скромничает, — пояснила Мисато. — Да мне как-то по барабану.

— Так не пойдет, дай-ка кое-что попробую. Войд, смотри на меня, видишь? Это Ринна, это Мисато, это Войд, а это кто? — Ринна показывала на всех пальцем поочередно, пока он не остановился на мне.

— Ашидо, — пробормотала Войд, в очередной раз выдав меня.

На этот раз мне уже было все равно, так даже лучше, ведь скрывать свое имя от друзей было бы совсем грубо, учитывая то, что все в этой компании его знают, кроме Мисато.

— Ашидо, значит, — довольно улыбнулась Мисато. — Еще один секретик раскрыт, спасибо, Ринна, тебе тоже, Войд.

— Пожалуйста, обращайся, — блеснула знаниями Войд, пока Ринна утвердительным жестом показала что-то вроде «без проблем».

— Что касается приемника, — продолжила Мисато, — он работает и ждет появления сигнала, я оповещу тебя, когда маячок замигает на карте, а пока, вот, возьми, — она протянула мне уже знакомое переговорное устройство, а затем также раздала предмет связи остальным. — Пользоваться умеешь?

— Приходилось, — подтвердил я, — спасибо.

— Ну, значит разобрались, пивка? — Мисато вытянула перед собой алюминиевую банку.

— Не, спасибо, спортивные люди не пьют, — отказалась Ринна.

— А я буду, — скромно ответил я.

— Что ж, товарищи, милости прошу к моему гаражу, — радостно произнесла Мисато, пригласив нас внутрь.

Я был уверен, что Ринне здесь полегчает, и надежды не остались неоправданными — пойти сюда было хорошим решением. Все присутствующие уже видели меня без маски, потому я снял ее сразу, как только Мисато прикрыла двери, и отдался посиделкам в душевной компании молодых девушек. Иногда мне не хватает друга, с которым можно поговорить о «мужских» делах, которые обсуждать с дамами было бы совсем некомфортно, но судьба почему-то подкидывает мне только их, не считая такие исключения, как Илия и Леонхардт.

В такой уютной дружеской атмосфере мы просидели внутри до самой ночи, потеряв счет времени в потоке бесконечного позитива. Когда уже пришло время спать, Ринна собралась уходить домой, но пьяная Мисато уговорила ее остаться на ночь, дав обещание, что освободит ей матрац, а сама будет ютиться на одном диване со мной и Войд — меня, разумеется, никто не спросил. Когда девушки уже собрались укладываться, я решил выйти подышать воздухом в одиночестве, стараясь осуществить то, о чем задумался еще вчера —

взобраться на крышу и посмотреть на звезды. Никто и слова не сказал против, потому я спокойно покинул гараж, устроившись совсем рядом — на крыше дома этого же переулка, куда было легко забраться по ржавой лестнице, поднявшись всего на четыре этажа.

Я расположился на краю здания, усевшись на «коньке», довольно откинулся назад, оперевшись на руки и уставившись на ночные звезды. Когда-то давно я слышал, что на небе есть созвездия — это такие рисунки, сформированные звездами, каждый имеет какое-то значение, которое толкуется в гороскопах. Очередной бред сумасшедшего, возомнившего, что спонтанное появление звезд в результате гравитационного коллапса газовых облаков определяет судьбу, а водород и гелий знают о человеке больше, чем он сам. Звезды могут быть красивыми, но не судьбоносными, на них всегда приятно смотреть, особенно в компании с близким для тебя человеком.

Кстати, о компании, какое-то время я сидел в одиночестве, пока в один момент не почувствовал, как какой-то сильный шепот подошел ко мне со спины. Он стоял прямо позади и пялился на меня, не спеша подходить ближе, а я даже не знал, друг это или враг, потому лучшим решением в такой ситуации мог быть только вопрос, после которого я спрыгну вниз, если получу отрицательный ответ.

— Кто ты такой? — обратился я к инкогнито за спиной.

— Вижу, ты нашел себе новых друзей, Ашидо, — послышался очень знакомый голос, в котором я сразу узнал долгожданного компаньона.

Его появление было лишь предположением, ведь даже сильного шепота не узнать, пока не увидишь его прямо перед собой. Обернувшись, я встретился с многозначной улыбкой хорошо запомнившегося мне мужчины в рогатом шлеме.

— Все-таки нашел меня, вольная ты птичка, — подколот я его.

— Сколько же времени утекло, шепот примирения, — все так же искренне улыбаясь, произнес Илия Кишин.

— Присаживайся, мне есть, о чем тебе рассказать, — подозвал я его поближе.

Илия подошел максимально близко, аналогично усевшись на край и свесив ноги.

— Ну, рассказывай, где же ты пропадал целый год, — с интересом спросил Илия.

— Хороший вопрос, — вздохнул я. — Не поверишь, но когда я вернулся, то даже не знал, что прошел почти год.

— Все думали, что ты тогда умер, Юмико рассказала нам, что на площади вы встретили Хандзо и вступили с ним в бой, а потом он затянул тебя в Бездну. Твои друзья ничего о ней не знают в отличие от меня, потому я предположил, что ты просто попал во временную петлю, это так?

— Что-то вроде того, меня то ли дело перекидывало с места на место десятков часов, пока я не встретил Войд, которая вытащила меня оттуда, — пояснил я. — Значит, Юмико выжила в тот день и вернулась домой. Все остальные тоже в порядке? Ты знаешь, где они сейчас?

— Да, знаю, в последний раз я пересекался с Хорнет в ордене «Юстиция», немного пошарился у нее в голове, узнав, где они теперь обитают, — обрадовал меня Илия.

— Хвала небесам, скажи мне, — молящим тоном озвучил я просьбу.

— Не думаешь, что так будет неинтересно? — он издевался надо мной.

— Пожалуйста, я не могу больше скитаться по улицам, не зная, где мои друзья и что у них сейчас в голове.

— Не переживай, Ашидо, — утешал он. — Амелия последние несколько месяцев ночует

дома, она точно уже успела заметить твой подарочек и притащила его к остальным.

— Откуда ты про него знаешь? — оторопел я, потому что он даже не шарился у меня в голове, о чем бы я точно узнал.

— Разве это не очевидно? — подтрунивал он. — Ты стал сильнее, Ашидо, твоя душа претерпела кардинальные изменения, ты даже не заметил, как я залез тебе в голову.

— Ну и козел же ты порой, — осекся я, осознав, что повел себя неосторожно.

— Ты тоже порой даешь осечки, мысля в рамках ребенка. Даже не заметил, как сильно ты изменился, держи, — его рука нырнула под плащ в небольшую кожаную сумку, откуда он достал некое подобие линзы для лупы, но та была какой-то замыленной, после чего протянул ее мне.

— Что это? — поинтересовался я.

— Взгляни в отражение и скажи, что ты в нем видишь, — скомандовал Илия.

Я внимательно вглядывался в линзу, стараясь подобрать угол, при котором смогу хоть что-то увидеть, пока наконец не проявилось мое отражение. В нем я увидел собственное лицо, не претерпевшее никаких изменений, за исключением одной шокирующей детали — цвет моих глаз изменился.

— Теперь видишь? — подкалывал меня он, зная, что у меня даже в мыслях не было шокирующей правды. — Голубой цвет символизирует твои искренние намерения и критический подход к действительности. Цвет энергии шепота может измениться, если состояние его души переходит из точки «А» в точку «Б», — поведал Илия.

— Хочешь сказать, что теперь я совсем другой? — я не понимал, что именно во мне изменилось, ведь Ашидо Такаги остался все тем же хлюпиком, изо дня в день копающимся в себе.

Я на самом деле даже не обращал внимания на свой цвет глаз: не смотрел в отражение, не заводил речь о глазах с новыми друзьями, которые не видели меня прежнего. Моя рассеянность и недогадливость — порой такая заноза в заднице.

— Ты сильно изменился, Ашидо, стал решительнее и радикальнее, а вместе с тем твое сердце прониклось большим сочувствием к остальным. Я знаю, что тебе пришлось пережить и видел, через что пришлось пройти, чтобы стать сегодняшним тобой.

— Раз уж ты все видел, тогда для тебя не будет сюрпризом подарочек из Бездны? — огорченно промолвил я, протянув ему линзу обратно.

— Сюрприз еще не испорчен, — улыбнулся он, складывая свою стекляшку в сумку, — доставай ее.

Я засунул руку в карман, откуда вытащил аккуратно свернутую страницу дневника, после чего передал ее в руки собеседнику. Илия развернул бумажку и принялся внимательно читать, улыбаясь все время процесса. Когда он наконец закончил, то так же аккуратно свернул ее в исходное состояние и запрятал куда-то под плащ.

— Это страница из дневника самого дорогого для меня человека, — решил объяснить он, понимая, что мне самому интересно узнать, что же там написано.

— Кем написаны эти строки и о чем этот человек пишет? — сгорая от любопытства, спросил я.

— Моей женой, Марией Кишин, — с улыбкой произнес он. — Благодаря тебе я теперь знаю, что она жива и старательно избирает для себя счастливое продолжение жизни. Тебе, наверное, интересно, где же ты оказался тогда?

— Честно говоря, я совсем не понимаю, что произошло в Бездне и что я там увидел, где

оказался и почему.

— Для этого и нужны друзья, вроде меня — чтобы все тебе объяснить.

— Ты уже признал себя моим другом? — подтрунивал я.

— Можешь так считать, начиная с сегодняшнего дня, ты доказал мне, что достоин носить свое имя и на тебя можно положиться в нелегком деле, — похлопал он меня по плечу. — Что касается Бездны, то она любит издеваться над живыми в мире опустошенных душ, подкидывая то ли истину, то ли ложь, дополняя картину чем-то своим, но все, что ты увидел тогда — это была истина.

— Я не понимаю, — слегка отрицательно повертел я головой.

— Когда ты попал в собственный дом, то застал в нем труп своего отца и разруху — это и есть истина. Однако оживший скелет — это лишь трюк Бездны, чтобы помутнить твой рассудок, — объяснил он. — Но то, что было дальше, для меня оказалось в некотором роде шоком.

— Почему?

— Потому что сама Бездна свела нас с тобой. Я никогда не верил в судьбу, но любой, увидев такое, точно бы поверил. Эта пустая сука закинула тебя во временную петлю не единожды, а дважды.

— Что ты хочешь этим сказать? — опешил я.

— Помнишь книгу в морге?

— Да, «что-то там логия», из головы уже вылетело.

— Посмотри мне в глаза, Ашидо, — скомандовал он.

— Я не хочу, чтобы ты снова лез мне в душу, — отстранился я, отведя от него взгляд.

— Сейчас ты полезешь в мою душу, а не я в твою, — обнадежил он.

Илия еще ни разу не врал мне, только лишь говорил загадками, что очень сильно раздражает. Поверить ему было оправданным решением, потому я подчинительно взглянул куда-то глубоко в длинные вертикальные зрачки, почувствовав, как мое сознание куда-то устремилось, будто меня засосало в какой-то фильм, пока наконец не начала проигрываться пленка:

— Мастер Кишин, ваша книга так лаконично изложена! — громко говорил странный лысый мужчина в мантии. — Позвольте поблагодарить вас за такой дар!

— Не стоит, Якоб, я должен оставить что-то после себя, тем более, что вся энтропология от и до написана моей рукой — я не привязан к тому, что знаю наизусть.

— В любом случае, благодарю вас, мастер Кишин! Я уже осилил несколько аспектов и активно практикуюсь в ленсарсии! Мои знания будут переданы вашим последователям, клянусь!

— Тогда мне нужно благодарить тебя, верховный алхимик, Якоб Фостер.

— Приму с честью, мастер Кишин! — поклонился он.

На этом моменте пленка оборвалась, и меня тем же путем вернуло в реальность, перед глазами показался Илия в той же позе полубоком, пристально глядящий на меня.

— Илия, это ты написал энтропологию? — в небольшом шоке спросил я.

— Ты сам все видел, Ашидо, — спокойно ответил он, не дав однозначных гарантий, — а теперь я поведаю тебе, где же ты оказался после того, как упал в пропасть.

— И где же?

— В резиденции графа Абеле где-то в XIII веке.

— В XIII веке? — громко и ошарашенно спросил я.

— Тебе стоит знать правду, раз уж мы теперь друзья, потому прими тот факт, что мне сейчас около восьмисот шестнадцати лет, если отпустить детали.

— Постой, хочешь сказать, что ты жил в то время? — ну и дедуля же этот мастер Кишин, с трудом верится.

— Именно так, я был в числе первооткрывателей алхимии. Попав в резиденцию, ты столкнулся с людьми, говорящими на древнемелийском — государственном языке королевства Меления, в котором я родился. Они были ошарашены тем, что ты контролируешь энтропиум голыми руками. Страница дневника Марии тоже написана на нем, Бездна показала тебе истину, никак не связанную с тобой, но относящуюся ко мне напрямую.

— А что же такое этот энтропиум? — поинтересовался я, ведь уже много раз слышал об этом слове.

— Говоря простым языком, энтропиум — это один из двух верховных аспектов энтропологии, обратный природной эссенции. Вы привыкли называть энтропиум внутренней энергией шепота, или энергией Бездны, но это не совсем правильно, ведь эта энергия существует не только в Бездне, ее можно получить путем преобразований одного аспекта в другой, но в бесконечной пустоте ее больше всего, потому Бездна существует по ту сторону реальности.

— Ты говоришь слишком умно, я половины из сказанного не понял, — возмутился я.

— Рано или поздно поймешь, — отстранился он от упрощения. — Как ты знаешь, в Гармонии где-то в горах находится разлом, из которого энтропиум вытекает в реальность, но, сталкиваясь с огромным сопротивлением природной эссенции, просачивается только нелетальная его часть, а затем откладывается в телах граждан. Это и есть ответ на вопрос, почему ты был шепотом с рождения — твоя семья жила достаточно близко к разлому, чтобы ребенок в утробе пропитался энтропиумом, появившись на свет с красными глазами, как в знак, предсказывающий твое недалекое будущее.

— Это не правда, меня избегали и презирали только из-за глаз! — не желал я признавать все вышесказанное.

— Это правда, Ашидо, над тобой издевались только потому, что ты был слаб. Вспомни Лаффи, почему же с ней так не поступали?

Больше всего мне не хотелось верить в то, что Илия прав, ведь я на самом деле был слабаком, все время опускал руки и рыдал в одиночестве, пока Лаффи довольно прыгала в любой компании даже самых отмороженных и жестоких детей. Если Бездна на самом деле знает судьбу каждого человека, а шепот из нее подсказывает, как не сбиться с пути, тогда мы с Илией и вправду должны были встретиться, чтобы стать друзьями.

— Ты прав, — вздохнул я, — прости, что сомневаюсь в тебе.

— Не бери в голову, даже если я люблю скрывать и не договаривать — я никогда не вру, — уверенно произнес он. — Лучше уж горькая правда, нежели сладкая ложь, по такому принципу живет мастер Кишин.

— Тогда, раз ты такой честный, может расскажешь мне, что из себя представляет «шиирацу»? — демонстративно потребовал я.

— Без проблем, — спокойно согласился Илия. — Ты уже знаком с одной из моих сильнейших способностей, знаешь, что она делает, но не вдавался в суть. Не буду рассказывать все до деталей, но в общих чертах опишу: «шиирацу» применяется только при прямом зрительном контакте, если он зафиксировался хотя бы на секунду, тогда я

погружаюсь глубоко в голову жертвы и отбираю для себя важные фрагменты из его кратковременной и долговременной памяти. Эта способность неидеальна, поскольку я могу узнать только то, что человек помнит сам, к примеру, какой-нибудь законопослушный гражданин всегда помнит, что держит у себя в подвале детей, но не помнит, по какой улице он возвращался домой после пьянки — в таком случае я точно буду знать о детях и его точно настигнет кара закона, но маршрут передвижения останется где-то за кадром.

— Это все равно очень круто, Илия, никто не может тебе соврать или что-то утаить, ведь он всегда помнит о том, что ты знать не должен!

— Это вовсе не круто, Ашидо, это — проклятие, — тяжело вздохнул он. — Я стал совсем черствым, копаясь в потерянных душах, вроде тебя или Хандзо. Каждый раз, смотря человеку в глаза, я думаю, а нужно ли мне это? Стоит ли оно того — смотреть на слезы, смерти, издевательства и человеческую ложь? В этом мире меня держит только страх перед смертью, потому что для меня ее уже давно не существует, за ней кроется нечто куда более ужасное, о чем ты даже не можешь себе представить.

— Прости, я сказал, не подумав, — раскаивался я, даже не предполагая, как выглядит обратная сторона великой силы. — Знаешь, Илия, я рад, что ты так искренен со мной, хоть я тебя и не всегда могу понять. Когда мы встретились впервые, я думал, что ты слишком много о себе возомнил, что ты смотришь на нас сверху вниз, презирая, но сейчас я понимаю, что ты из числа тех людей, которые открываются только близким.

— В этом ты прав, я на самом деле дорожу только близкими людьми и порой перегибаю палку в отношении чуждых мне людей. Я знал, что ты обо мне думаешь, и это не сильно меня напрягало, ведь я сам показал себя с такой стороны, мне не о чем жалеть, потому что для нас с тобой наконец открылась тропа в свет, а имя свое я уж как-нибудь оправдаю перед остальными.

— Мы собираемся убить короля? — уточнил я.

— Вы мне нужны только для того, чтобы добраться до него, а дальше я сам, к тому же никто из вас не способен убить его, даже если все нападете разом.

— Погоди, ты нас используешь? — возмутился я.

— Нет, Ашидо, я разделяю ваши цели о его свержении с трона, но король на самом деле не такой ублюдок, коим вы его видите. Он — такая же потерянная душа, как и ты, и ему нужна помощь.

— Хей, он убил много людей! Король не дает свободы людям, которые не выбрали свою судьбу! Почему мы должны оставить его в живых?

— Я и без тебя знаю все его грехи, которые он будет искупать всю свою оставшуюся жизнь — такое наказание куда хуже смерти.

— В чем-то ты прав, но как ты объяснишься перед Ринной? Перед гвардейцами, которые служат не по своей воле? Перед людьми, чьи родные умирали от рук служителей закона? Думаешь, они тебя послушают?

В эту же секунду в переговорном устройстве послышался радостный голос Мисато:

— Ашидо, черт тебя подери, есть сигнал! Твои друзья вышли на связь, бегом ко мне! — кричала она.

Не верю своим ушам, я наконец-то вернусь домой и приведу с собой кучу новых друзей, мы наконец увидимся спустя долгое время.

— Илия, мы позже вернемся к этому разговору, а сейчас мне нужно к Мисато, девочки включили маячок, — пояснил я.

— Позволишь пойти с тобой? — вопросительно проговорил он, ожидая одобрения.

— Идем, пора домой.

Глава 23: Воссоединение

В свете едва видимых солнечных лучей утро озаряло улицы, изгоняя остатки темной ночи. Мы с Илией, не теряя ни минуты, спрыгнули с крыши дома вниз, я приземлился первым, не ожидая, что такое падение просто-напросто заставит мои ноги сломаться пополам, а он вполне благополучно и мягко приземлился, словно перышко. Глядя на картину, как я валяюсь на земле с вывернутыми наружу ногами, закрывая рот, чтобы не кричать на всю улицу, он тяжело вздохнул и спокойно засунул руку в свою кожаную сумку, вытащив из нее линзу другого оттенка.

— В следующий раз обойдись без падений с высоты, — как-то высокомерно произнес он.

Пусть я уже начал залечиваться, вправляя кости на место, он не стал ждать окончания процесса и просто ускорил его, вставив эту самую красную линзу в какую-то большую перчатку и прикоснувшись ей к моим ногам. Они залечились куда быстрее, какие-то считанные секунды и я уже мог твердо стоять на земле.

— С-спасибо, — стора от стыда, поблагодарил я Илию за помощь.

— Мы вроде спешим, разве нет? — подметил он.

Все верно, мы спешим, но в голове у все еще никудышного Ашидо созрела идея спрыгнуть с крыши, не предполагая последствий. Впервые я спрыгнул с такой высоты, не ожидая, что давление на мои ноги окажется настолько большим, что они просто сломаются, потому разумно предположить, что падение с высоты — слабость каждого шепота.

Когда мы уже подходили к гаражу, двери отворились — Мисато уже была готова нас встретить. Увидев Илию, она как-то странно застыла в одном положении, а потом сложила руки в боки, так и говоря о своем замешательстве и недовольстве, ведь я снова привел к ней домой кого-то, притом это был не обычный приличный человек, а какой-то пижон, одевающийся как древний боевой дед. В этот момент Ринна тоже вышла к нам навстречу, немного оторопев от вида Илии.

— А это кто? — растянуто и кисло спросила Мисато.

— Илия Кишин, — представил я его. — Не смотрите ему в глаза, если не хотите, чтобы он узнал, какой рукой вы шликаете.

— Гадство! — воскликнула Мисато и молниеносно натянула свои прозрачные очки на глаза, рассчитывая защититься линзами в них.

Ринна прикрыла их рукой и немного отвернулась в сторону.

— Твою мать, Ашидо, — разозлился Илия. — Зачем ты меня перед людьми позоришь? Мне же им потом голову промывать, чтобы они забыли!

В ответ я лишь выдавил злорадственную ухмылку и устремился внутрь.

— Извращенец? — вопросительно и осуждающе спросила Ринна.

— Забудьте, что только что слышали, Ашидо иногда забывает о рамках приличного в отличие от меня, — оправдывался Илия. — Можете спокойно смотреть в глаза, в них нет ничего такого.

Забавно, но девушки поверили такому дешевому трюку и опрометчиво столкнулись с ним взглядом. Я внимательно наблюдал за этой картиной, желая узнать, способен ли Илия не только вырывать фрагменты из памяти других, но и заставить их позабыть об услышанном. Хватило и пары секунд для того, чтобы обе девушки поочередно отшатнулись в

знак применения «ширацу», а это значит, что эта способность и вправду может промывать мозги.

— Что это было? — оторопела Ринна, пока Мисато как-то забавно старалась устоять на ногах.

— Все хорошо, девочки? — слащавым голосом спросил Илия. — Меня зовут Илия Кишин, мы с Ашидо уже давно значимся друзьями, приятно с вами познакомиться, Ринна, Мисато, — улыбаясь, говорил он, скрывая факт произошедшего.

— Что-то голова закружилась, прости, — оправдывалась Мисато. — Очень приятно. Илия, идем внутрь.

Все присутствующие в один момент оказались в гараже, девочки устремились отрывать от дивана стесняющуюся Войд, чтобы та тоже познакомилась с Илией, который в это время уже стоял вплотную ко мне и пилил осуждающим взглядом.

— Еще раз выкинешь что-нибудь подобное и я отрежу тебе язык, — грозился он.

— Если пообещаешь не промывать мне мозги, больше не повторится, — с ехидной улыбкой проговорил я.

— Постарайся не нарушить свое обещание, я тебя слышал, — согласился Илия на сделку.

— Привет, меня зовут Войд, я люблю цветы и кошек, — вмешалась набравшаяся смелости Войд.

Илия не торопился отвечать и лишь как-то странно разглядывал ее, пока наконец не заговорил после долгой паузы:

— И тебе привет, Войд, — он с улыбкой протянул руку к ее голове, желая покопаться в волосах, но почему-то резко остановился, не успев коснуться, а затем отвел руку обратно, — меня зовут Илия, я люблю драконов и бить плохих парней.

— Драконов? — с многозначной улыбкой спросила Ринна, уперев одну руку в бок.

— Сейчас не об этом, — отстранился он, — докладывай, Мисато.

— А, точно, — опомнилась она. — Кто-то дал о себе знать, включив передатчик, гляди, Ашидо, — Мисато подошла к своему ноутбуку в куче каких-то проводов, открыв приложение с картой, на которой виднелась красная точка.

— Это точно тот передатчик? — сомневался я.

— Вне всяких сомнений, кодовая частота совпадает, только вот маячок куда-то движется, — подметила она.

— Отдали, — приказал я.

Мисато прокрутила колесико мыши, уменьшая масштаб карты для полноты картины, тогда я смог разобрать примерный маршрут движения, который пролегал так, что, вероятнее всего, закончился бы на кафе «Север».

— Это Хорнет, — уверенно заявил я.

— Как ты это понял? — поинтересовалась она.

— Только она могла пойти на встречу со мной в Дипломатический район, и я даже знаю куда.

— Ну что, по коням? — радостно спросила Мисато.

— Я пойду один, чтобы не спугнуть, будь на связи, если она вдруг изменит маршрут.

— Забились, босс, — подтвердила она. — Мы пока поближе познакомимся с твоим другом.

Что ж, время идти, я схватил с тумбочки близ дивана свою маску, удобно расположил

ремешок на голове, чтобы он не налегал на переговорное устройство, а затем стремительно бросился наружу, но уже на выходе Илия схватил меня за плечо.

— В чем дело? — возмутился я.

— Может лучше попросишь Войд об услуге? — подметил он.

— Она не поймет, куда мне нужно.

— Тогда попроси об услуге мастера Кишина, — на его лице мелькнула ухмылка. — Тебе ведь нужно в кафе «Север»?

— Думаешь, ты сможешь объяснить ей? — сомневался я.

— Не ты ли недавно извинялся за то, что сомневаешься во мне?

— Ладно, — тяжело вздохнул я, — валяй.

— Ашидо, пока ты не ушел, я должен тебя предупредить.

— О чем?

— Будь осторожен с Войд и не зли ее, — угрожающе посмотрел он куда-то вглубь меня, — она намного сильнее меня, а ее голова пуста до того момента, как она встретила тебя, мне очень это не нравится.

— Х-хорошо, — оторопел я, — учту.

— Если ты все понял, то за дело.

Илия сорвался с места и уверенным шагом устремился к Войд. Стоило ему встать перед ней, она тут же подняла свои стеклянные глаза и уставилась прямо на него. Секундой спустя Войд отвлеклась и зашевелилась, и на выходе из гаража появилось привычное пятно, которое в момент своего образования громко втянуло немного воздуха.

— Какого черта? — испугалась Ринна.

— Привыкнешь, — спокойно ответил Илия. — Вперед, Ашидо.

— Спасибо, друзья, — улыбнулся я и шагнул внутрь портала.

***

Выйдя из мутного зазеркалья, я оказался в каком-то переулке, портал закрылся сразу, как только я вышел. Войд могла закинуть меня сразу в кафе, но Илия с осторожностью подошел к задаче, по всей видимости, показав ей фрагмент переулка рядом с кафе при помощи «шиирацу». Этот дуэт был бы крайне полезен в рамках транспортировки: Илия показывает, Войд исполняет.

Если память меня не подводит, то место назначения должно быть как раз за левым углом передо мной, потому не будем терять времени. Стоило мне шагнуть прямо, преодолев всего несколько метров, в поле зрения показалась привычная фигура, спокойно идущая по широкой дороге, которая даже не заметила меня, поскольку я не попал в ее поле зрения. Черный строгий женский костюм с белой рубашкой и колготками, причудливые сапоги, белые волосы — это точно Хорнет.

Она скрылась за углом, а я пошел следом. Повернув за угол, я увидел знакомое оформление кафе «Север», в котором мы достаточно часто бывали, особенно после тренировок. Должно быть, Хорнет уже ждет меня внутри, я даже немного волнуюсь, представляя ее лицо, переполненное шоком. Наконец собравшись с мыслями, я подошел ко входу и потянул на себя большую стеклянную дверь, вновь оказавшись внутри этого прекрасного места. Наша важная подруга любила сидеть за дальним столиком у окна, и этот раз тоже не был исключением — именно там виднелась ее фигура, томительно ожидающая гостя и чашку кофе.

Где-то под маской я улыбнулся и тихим шагом сближался с ней, пока она меня не

заметила. Лицо Хорнет выглядело так, будто она совсем мне не доверяет и готова дать команду на ликвидацию через переговорное устройство, которое едва видно под ее ухоженной шевелюрой. Я уселся на диванчик напротив, довольно откинувшись на спинку.

— Ну, здравствуй, Хорнет Ишимару, — поприветствовал я напряженную подругу.

Она демонстративно и угрожающе подняла ладонь, показав мне, как с нее медленно капает кровь из-за пореза, после чего заговорила:

— Тебе разрешено только отвечать на вопросы, в противном случае я сразу же продырявлю тебе голову, — угрожала она.

— Спрашивай, — ехидно пробормотал я.

Ее забавно перекосило от такого дерзкого ответа, но знакомство со мной, очевидно, стояло выше, чем исполнение обещанного. Хорнет нырнула в карман свободной правой рукой, вытащив из него тот самый семейный кулон семьи Ишимару и показав его мне, держа за цепочку так, что тот нагнетающе болтался:

— Отвечай, откуда он у тебя? — прорычала Хорнет.

— Ты уже забыла о сделке?

— Не понимаю, о чем ты, Тайкон, — оправдывалась она.

— А так?

После своего вопроса, я медленно оттянул ремешок маски, придерживая ее для эффективности, после чего так же медленно отодвинул преграду к истине, оголив перед ней свое лицо. Ее мину в этот момент нужно было видеть, Хорнет застыла в шоковом состоянии, узнав меня, она просто пялилась, не отрываясь, а ее глаз дергался, будто призрака увидела, хотя это очень даже похоже на правду.

— А-а, — старалась она, скорее всего, произнести мое имя, но шок немного препятствовал реализации.

— Рад тебя видеть, Хорнет, — улыбнулся я.

— Н-но как, Ашидо? — проямлила Хорнет. — Мы думали, что ты умер...

— Живой и здоровый, как видишь, правда уже немного не тот, что раньше.

— Где же тебя носило целый год? — уже со скорченным лицом, готовым заплакать, проговорила она.

— Хандзо мертв, — моя голова демонстративно опустилась вниз, но улыбка и прямой взгляд никуда не сползли. — Я сдержал обещание, потому возвращаю тебе кулон обратно.

— Ашидо, твое возвращение раздирает мне душу, — уже точно плакала она, — Я очень рада тебя видеть, правда!

Я еще не видел Хорнет такой, обычно она скрывает свои чувства и не дает волю слезам, но прямо сейчас эта девушка рыдает в моем присутствии, не думая о том, потечет ли ее тушь.

— Не сомневаюсь, подруга. Илия сказал мне, что я попал во временную петлю, — пояснил я. — Пробыв всего десятков часов в Бездне, я пропустил целый год жизни, оставив вас совсем одних, простите меня...

— Тебе не за что извиняться, Ашидо, твоя смерть стала для нас путеводной звездой, мы не сидели на жопе смиренно весь этот год, тебе есть чем гордиться, а я горжусь тем, что ты свершил мст за меня, сдержав обещание и вернувшись домой целым и невредимым, — наконец улыбнулась она.

— Как там все поживают, живы?

— Все хорошо, Ашидо, потерь никаких, Юмико тоже вернулась домой тогда, Амелия

живет не совсем беззаботной жизнью, бегая по делам ордена, а Итачи в идеале овладела своими ногами. Но есть одна загвоздка, которая тебе не понравится.

— О чем ты? Все же в порядке, вы сменили базу, дела пошли в гору, что может быть не так?

— Дела-то пошли в гору, но Юмико ушла от нас...

— Погоди, что это значит? — обомлел я.

— Она сказала, что после твоей смерти совсем не может с собой совладать, потому ушла куда-то, чтобы найти себя.

— И вы не знаете, где она?

— Прости меня, это моя оплошность, — раскаивалась Хорнет, — как глава ордена я должна была следить за состоянием подчиненных, но упустила из виду Юми.

— Илия может знать, куда она пошла?

— Сомневаюсь, в последний раз они виделись за месяц до ее ухода, а сама Юмико ничего нам не говорила. Даже обшарив головы половины города он ее не найдет, а я-то знаю, как ему порой больно в них заглядывать.

— Понятно, — поник я. — Значит, мне всю жизнь придется провести в поисках.

— Мы обязательно найдем Юмико, позволь мне поклясться, что я это сделаю!

— Не обещай того, в чем сама неуверенна.

— Ты тоже пообещал мне убить Хандзо, будучи неуверенным, но ты смог. Теперь дай мне исполнить свое обещание.

— Хорошо, Хорнет, будь по-твоему, — поддался я, не сильно веря в успех.

Как же так вышло, что именно Юмико ушла из ордена? Почему именно она? Я был готов к любым потерям, даже к ее смерти, но такой исход даже хуже, ведь если бы Юмико умерла, я бы не продолжал жить в надежде на ее возвращение.

— Нам нужно идти, Ашидо, тебе пора вернуться домой, — немного нервничая, произнесла она.

— Хорошо, идем, только захватим с собой новых друзей, — ухмыльнулся я, надевая маску.

— Новых друзей? — оторопела она.

— Ваш кофе, — вмешался официант.

— Ничего не надо, — возразила Хорнет, резко поднявшись с места.

Она положила ему в руки пару кредитов и двинулась на выход, подозвав меня головой. Я аналогично встал и пошел следом, так мы и оказались снаружи.

— Хорошие новости, Ашидо, — вдруг заговорила Хорнет, — ты умер не только для нас, но и для города, потому о твоём имени мало кто помнит, а твоё лицо хорошо преобразилось — мы можем спокойно дойти до базы.

— Это отличные новости, но у меня немного другие планы.

— А? Это какие такие планы? — опешила она.

— Идем, — приказал я.

Мы вернулись в тот же переулок, откуда я до этого пришел, в один момент остановившись.

— Что ты задумал? — непонимающе смотрела на меня Хорнет.

— Мисато, на связи? — обратился я к ней, нажав кнопку на переговорном устройстве.

— Да-да, на связи, проблемы? — ответила Мисато.

— Передай Илии, что нам нужен обратный портал по тем же координатам.

— Секундочку, будет исполнено, ждем тебя.

Как и ожидалось, портал не появился мгновенно, а такие задержки были бы нехстати в критической ситуации. Хорнет лишь удивленно и отстраненно наблюдала за происходящим, пока перед нами не показалось ярко-фиолетовое свечение, за которым появилось и привычно беспросветное пятно.

— Что это, блин? — испугалась Хорнет.

— Нам туда, — усмехнулся я.

— Сдурел? Я не пойду! — настаивала она.

— Ты чего, боишься, что ли?

— Ты вообще видишь эту хрень?

— Тебя понести? — подтрунивал я.

— Если хочешь — неси, но сама я точно в это не зайду, — в страхе металась Хорнет.

— погоди секундочку. Мисато, — снова обратился я к средствам связи.

— Ты где? Что-то не так, портал в воздухе висит? — ответила она.

— Тут немного другая проблема, спроси у Илии, что будет, если мы заденем границы портала, например, ногами.

— Секундочку, — Мисато отключилась.

Мы молча стояли и ждали, пока в какой-то момент из портала что-то не вылетело — это была шершавая половина камня, которая обуглилась до неузнаваемости, будто его разрубило что-то неведомо горячее. Думаю, теперь мне все понятно.

— Можешь не отчитываться, сам все вижу, — проговорил я в «рацию». — Попроси увеличить портал в размере, конец связи.

— Ашидо, только не говори мне, что это могли быть мои ноги, — как-то злобно пробурчала Хорнет.

— Идем на ручки, ляля-Хорнет, — настойчиво приближался я к ней.

— Нет! Стой, не трогай меня! — изворачивалась она, стараясь сбежать, но назло ожиданиям уже оказалась у меня на руках.

— Ляля-Хорнет, ляля-Хорнет, — припевал я, сближаясь с уже расширенным порталом.

— Нет, пожалуйста, пусти меня! Умоляю, я пойду пешком! — вырывалась она, закрыв глаза от страха.

Я, неся на руках буйную и испуганную лялю-Хорнет, шагнул в портал и мгновенно оказался в гараже, где нас уже встречали остальные, оторопев от такой картины. Хорнет продолжала кричать и извиваться, пока не открыла глаза, столкнувшись с ошарашенными взглядами, уже готовыми насмеяться, тогда-то она покраснела в приступе испанского стыда и замолчала. Я опустил Хорнет на землю, она твердо на нее ступила, выпрямилась, приняла важный вид и, издав демонстративный звук «кхм», заговорила:

— Здравствуйте, меня зовут Хорнет Ишимару, я прихожусь главой «Безымянного» ордена на время отсутствия в нем Ашидо. Приятно с вами познакомиться, — она поклонилась.

— Ну ты даешь, Хорнет, — усмехнулась Мисато.

— Вот это зрелище, — падая со смеху лепетала Ринна.

— Узнаю нашу Хорнет, — спокойно сказал Илия, будто не в первый раз такое видит.

Ляля-Хорнет в этот момент все еще стояла в позе поклона, скрывая свое красное от бесконечного стыда лицо.

— Ну, я думаю мне нужно представить тебе новых членов нашего ордена, да? —

стараясь спокойно относиться к ситуации, проговорил я.

— Д-да, будь так добр, — промямлила она, восстановив стойку.

— Девушку с рыжими волосами зовут Мисато Хагашида, она будет нашим инженером, плати ей достойно, или упустишь важного сотрудника. Справа от нее стоит Ринна Регер.

— Погоди, что? — замешкалась Хорнет. — Ринна Регер? Та самая девушка?

— Она самая, — ответила Ринна. — Приятно познакомиться, новая подружка.

— Ладно, позже мы поговорим наедине, продолжай, Ашидо.

— Как скажешь. На диване сидит Войд, — продолжил я, — это она выгнала меня из Бездны, потому относись к ней осторожно и во всем поддерживай. Эта девушка является гуманоидом, плохо знает алфавит и не умеет нормально разговаривать, нам придется запрягать Итачи, чтобы она учила ее.

— Хорошо, я перераспределю обязанности Итачи, если Войд действительно это так нужно, — улыбнулась она. — Илия, вопрос к тебе, когда ты научился ставить порталы?

— Это не моя заслуга, — ответил он, головой указав на Войд.

— Это она нас сюда перенесла? — удивилась Хорнет.

— Все верно, — подтвердил я. — Тяжело порой договориться о точке назначения, но со своей задачей Войд справляется отлично.

— Очень полезный человек для ордена, но я больше в портал ни ногой.

Услышав это, я издал нелепый смешок, который превратился в непонятный звук от того, что я попытался его скрыть.

— Складывайся, Мисато, — приказал Илия, отведя внимание от меня. — Я помогу тебе с переездом. Войд, ты тоже пока останься, а вы, Ринна, Хорнет, Ашидо, можете идти, сейчас будет портал в холл.

— Ты, должно быть, издеваешься, — прокряхтела Хорнет.

— Пусть идут вдвоем, — вмешалась Ринна, — я тоже хочу помочь.

— Хорошо, тогда встретимся в ордене, — согласился Илия. — Кстати говоря, Хорнет, ты не думала о том, чтобы изменить его название?

— Изменить? На какое?

— Наше привидение ведь вернулось, так почему бы не назвать его «Спектр»? Думаю, Ашидо будет приятно вернуться к своему главенству в ордене, названный в его честь.

— А что, звучит неплохо, — подхватил я.

— Могу только на словах так сделать, — заспорила Хорнет. — Документально мы числимся даже не как «Безымянный» орден, потому готова только на такое решение.

— Не суть важно, ты согласна, глава «Спектра»? — спросил Илия, ожидая финальный ответ.

— О чем ты? Надо говорить не «согласна», а «согласен», так ведь, Ашидо Такаги, глава «Спектра»? — улыбнулась она, глядя на меня исподлобья.

— Я согласен, — в ответ улыбнулся я.

— Хорошо, тогда, Илия, будь добр отправить нас сначала в орден «Юстиция», хочу познакомиться Ашидо кое с кем.

— Не думаешь, что ему лучше отоспаться? — возразил Илия.

— Сразу после отоспится, это важно, — настаивала она.

— Как скажешь, — сдался он. — Войд, для тебя есть работа, — обратился он к катающейся в скуке по дивану девушке.

Войд откликнулась и уставилась на него, явно привыкнув к такой работе. Уже в

который раз за день в этом гараже появилось пятно.

— Портал должен появиться за углом, чтобы никто его не увидел, идите, — произнес Илия.

Мы оба утвердительно кивнули, после чего зашли в портал, хотя я видел, как Хорнет это не нравится, ее буквально трясло от дискомфорта, но эта девушка все же смогла пересилить себя и решиться. Так мы и оказались в каком-то неизвестном для меня месте, Хорнет сразу повела меня за собой в огромное здание, архитектурная стилистика которого выдавала в нем черты дома в Дипломатическом районе. Этот тонкий Итальянский классицизм хорошо выделялся своей симметрией и пропорциями, высокими колоннами, окнами и потолками. Оказавшись у главного входа, Хорнет спокойно отворила двери, будто к себе домой заходит, там нас встретил ресепшен, за которым сидели несколько мужчин в строгих костюмах.

— Добрый день, вы попали в орден «Юстиция», слушаем вас, — проговорил один из них, заметив наше приближение.

— Хорнет Ишимару, мне нужно к госпоже Юстиции, — спокойно сказала она.

— Рады вас видеть, госпожа Ишимару, проходите.

Хорнет подозвала меня, махнув рукой, я пошел следом за ней, но меня остановил возглас того же мужчины:

— Стоять, впервые вас вижу, юноша в маске. Незарегистрированным людям запрещено посещение ордена.

Хорнет развернулась и злобно рухнула руками на ресепшен:

— Слушай сюда, балабол, — прорычала она. — Этот человек по своему положению стоит выше меня и тебе запрещено разговаривать в таком тоне и еще что-либо запрещать, ты понял?

— Н-но, госпожа Ишимару, я...

— Молчи, придурок, Юстиция сегодня внесет его в белый список, а пока просто заткнись и выполняй свою работу.

Я был немного ошарашен поведением Хорнет, но, судя по всему, она здесь в авторитете и активно злоупотребляет своим положением, наезжая на бедный персонал. Когда вопрос все же был решен, мы двинулись прямо по коридору вплоть до лестницы, поднявшись на второй этаж. Ходить по этому зданию пришлось много, но в конечном итоге мы оказались перед большой дверью где-то над ресепшеном. Почему-то проектировщики не додумались сделать лестницы поближе, за что им бы в идеале настучать по голове. Хорнет без какого-либо стука вломилась в двери, еле справляясь с их весом. Перед нами предстал большой круглый кабинет, из присутствующих в котором виднелись только две женщины: одна в каком-то бело-золотом одеянии со светлыми волосами и неким подобием короны на голове, которая даже больше, чем у короля, а вторая в длинном черном одеянии с волосами какого-то светло-голубоватого оттенка и нимбом над головой, что меня очень удивило. По первому взгляду и не скажешь, кто из них та госпожа Юстиция, назвавшая орден в свою честь, но мне почему-то кажется, что это та девушка с нимбом.

— Хорнет, какой сюрприз! — заговорила женщина в светлой одежде. — Ты мне как раз была нужна, заходи.

— Здравствуйте, госпожа Юстиция, — поздоровалась Хорнет.

Неожиданно, мои предположения с треском разбились, не быть мне детективом.

— Спасибо, Луна, можешь возвращаться к работе, — поблагодарила Юстиция, по всей видимости, свою ассистентку.

Девушка в черном, держа в руках пачку каких-то документов, спешно удалилась, пройдя мимо меня так, что наши взгляды сопровождали друг друга до выхода, пока она не закрыла большие двери, освободив правую руку. Глаза этой девушки почему-то были разными: один оранжевый, другой голубой, прямо как у дочери короля — не такая уж и редкость эта гетерохромия. Теперь в кабинете нас осталось всего трое.

— Отбросим формальности, Хорнет, — скомандовала Юстиция.

— Как скажешь, Юстиция, — согласилась она.

— Перед тем, как я озвучу тебе материалы дела, представь мне того, кого привела, и скажи, по какому поводу сама явилась.

— Два в одном, подруга, — довольно воскликнула Хорнет. — Позволь тебе представить нового главу нашего ордена — Ашидо Такаги.

— Нового главу? — удивилась она, усевшись за стол и скрестив руки. — Ты уходишь в отставку и пришла оповестить меня о новой главе «Безымянного» ордена?

— Давай-ка я тебе напомню, что я значилась временной главой, а теперь, когда наш босс вернулся, я передаю ему все свои полномочия, а сама с этого дня значусь кем-то вроде вице-президента. И да, с сегодняшнего дня мы называемся орденом «Спектр», это тоже учти.

— Что ж, в таком случае приятно с вами познакомиться, Ашидо Такаги, глава «Спектра». Меня зовут Солен Клерико, но это только между нами, за пределами этого кабинета называйте меня Юстицией.

— Очень приятно, Солен, — наконец поприветствовал ее я. — Позвольте поинтересоваться, чем занимается орден «Юстиция»?

— Ну, раз уж вы новый глава, то у меня от вас секретов нет. Орден «Юстиция» служит прибежищем для тех, кому некуда идти со своими проблемами. Мы оказываем психологическую и юридическую помощь всем нуждающимся, но это лишь на поверхности. На самом деле мы сливаем информацию в «Спектр» — то есть в ваш орден. Люди приходят с мольбами о помощи, все их проблемы проходят через меня, мы с моим ассистентом Луной внимательно изучаем содержание обращений, и некоторые из них отправляются в «Спектр».

— Говоря простым языком, — вмешалась Хорнет, — Юстиция где-то в тени разбирает обращения, разделяя те, с которыми они могут справиться и с которыми не могут. Орден «Юстиция» документально так и значит, потому Солен нельзя мараить руки, прибегая к чему-то незаконному — эти дела она передает нам, а взамен мы получаем долю от прибыли.

— Хочешь сказать, что «Спектр» работает инкогнито, выполняя грязную работу, потому что все в нем — преступники? — уточнил я.

— Именно, господин Такаги, — подтвердила Юстиция.

— Касательно этого, Солен, называйте меня Тайкон за пределами этого кабинета, договорились?

— Конечно, Тайкон, кому, как не мне понять вашу осторожность.

— Благодарю, тогда с сегодняшнего дня мы будем работать вместе, но я, пожалуй, оставлю посещение ордена «Юстиция» в рамках обязанностей Хорнет. Всем по душе такой расклад?

— Да, наверное, так будет лучше, — согласилась Хорнет.

— Не считите за грубость, но нам проще и привычнее так работать, — улыбнулась Солен.

— Все нормально, договорились. У меня все, можете изложить Хорнет то, что хотели изложить.

— В таком случае, Хорнет, мы нашли их, — обрадовала ее Юстиция, о чем говорило выражение лица Хорнет.

— Ты не шутишь?

— Я не шучу, Хорнет, анонимный информатор сообщил нам о местоположении охотников за твоей головой.

— Погодите, — вмешался я. — Хорнет, речь идет о тех людях, за которыми охотился я?

— Да, — подтвердила она. — Ты уже внес свой вклад и убил Хандзо, дело за малым — добить выживших. Мы с Амелией этим займемся, а ты как следует отдохни.

— Ого, перед нами стоит сам убийца Хандзо? — удивилась Солен.

— Только не стоит трещать об этом на каждом углу, — осторожничал я. — Да, Хандзо умер от моей руки в честной дуэли, потому о нем больше можно не беспокоиться, но спешу вас немного огорчить.

— Что не так? — спросила Хорнет.

— У Хандзо не было мотивов убивать твою семью, исходя из того, что он мне сам сказал.

— В смысле? — оторопела она.

— Поначалу Хандзо убивал, исходя из инстинктов выживания, а уже потом ради того, чтобы я его ненавидел, потому у него не было цели навредить конкретно семье Ишимару, он делал это, опираясь только на то, чтобы я его ненавидел.

— Хочешь сказать, что эти люди никак не связаны с ним? — уточнила Солен.

— Именно, — подтвердил я. — Прискорбно осознавать, что смерть Кагеямы и его горничных лежит на моей совести. Хорнет, я не знаю, простишь ли ты меня, но мою душу терзает осознание, что это я во всем виноват.

— Брось, Ашидо, это он их убил своими руками, а не ты, — утешала она меня. Даже если бы я на тебя злилась — ты уже искупил свою вину. Потому давай об этом забудем, хорошо?

— Хорошо, спасибо тебе, Хорнет, но это не все.

— Что еще скажешь? — как-то нервно она свела брови вместе.

— Хандзо поведал мне о других членах его шайки. Первый — Стивен Колден, глава четвертой исследовательской лаборатории. Это тот самый ублюдок, от которого я сбежал в тот день, когда в новостях объявили о погроме, он отбирал среди пациентов пригодных для службы в гвардии, а остальных пускал на корм для Хандзо.

— Что ты имеешь в виду, говоря «на корм»? — поинтересовалась Солен.

— Буквально на корм, он их заживо жрал, людоед чертов, — пояснил я.

— Какое зверство, твою мать, — завелась она. — Теперь мы знаем, кто оставлял обглоданные человеческие кости в Трущобах. Спасибо, Ашидо, я займусь тем, что освящу эту информацию на публике, чтобы подорвать репутацию Колдена.

— Не стоит, у меня с Колденом личные счеты, этим займусь я, озвучьте только грехи Хандзо, но меня при этом не упоминайте.

— Тебе виднее, что со вторым?

— Информации мало, но хоть что-то, — вздохнул я. — Художник по имени Сальвадор, он рисует человеческими внутренностями.

— Сколько же еще потрясений мне придется перенести, — еще тяжелее вздохнула Солен.

— Это все, что я о нем знаю. Выйдем на Колдена — выйдем на Сальвадора.

— Я оставлю это на тебя, Ашидо. Если чего еще накопаю — сразу передам Хорнет.

— Это конечно хорошо, что вы уже нашли общий язык, но мы отошли от темы, — влезла Хорнет.

— Еще не отошли, — отрицала Солен. — Информация уточняется нашим разведотрядом, приходи завтра после полудня, и я дам тебе однозначный ответ.

— Это все? — спросила Хорнет.

— Да, пока мне больше нечего сказать, можете идти.

— В таком случае, до свидания, госпожа Юстиция, — попрощалась Хорнет.

— До свидания, госпожа Юстиция, — подхватил я.

— Всего доброго, госпожа Ишимару, господин Тайкон.

Мы вышли из кабинета, плотно закрыв за собой двери. За время моего отсутствия Хорнет завела много полезных связей, за что я ей очень благодарен. Теперь можно вернуться домой и хорошенько отоспаться.

— Дай-ка мне свою говорилку, — обратилась ко мне с просьбой Хорнет.

Я аккуратно вытащил устройство из-под ремешка, сняв его с уха, и протянул ей.

— Мисато, на связи? — проговорила она.

— Да-да, кто это? — доносился едва слышный голос.

— Это Хорнет, передай переговорное устройство Илии.

Некоторое время она молчала, пока снова не послышался голос, но уже мужской.

— Илия, у меня к тебе просьба, нам нужно домой, но не мог бы ты открыть портал прямо от кабинета Юстиции до дома?

Я не слышал ответа, однако его и не нужно было слышать, ведь перед нами появился портал, в который Хорнет сразу же смело зашла, что едва походило на правду, я шагнул следом, оказавшись в холле действительно огромного дома. Он был похож на наш старый дом, но помимо привычной лестницы и коридоров в разные стороны, были еще коридоры с противоположной стороны и длинный балкон прямо над холлом, не говоря уже о том, что здесь было минимум три этажа, не считая подвальное помещение. Я даже снял маску, чтобы как следует разглядеть такую красоту.

— Добро пожаловать домой, Ашидо, — улыбнулась Хорнет.

— Ашидо! — послышались радостные вопли знакомой мне кошечки. — Ты вернулся, Ашидо! — голосила от радости Итачи.

— Так, тихо! — скомандовала Хорнет. — Ашидо очень устал и ему нужно отдохнуть, а утром хоть ноги в кровь стирай, ухаживая за ним.

— Хорошо, госпожа Ишимару, — подчинилась Итачи.

— Я тоже рад тебя видеть, солнце, — помахал я рукой Итачи, чуть ли не плача от такого теплого приветствия.

— Твой кабинет прямо над нами, там есть вход в твою личную комнату. Допрыгнешь?

— Еще спрашиваешь, — довольно ухмыльнулся я.

— Тогда иди спи, я еще сегодня поговорю Амелией, а также получше познакомлюсь с Ринной, Мисато и Войд. Сладких снов.

— Спасибо, — улыбнулся я.

Итачи тоже пожелала мне всего хорошего вдогонку, когда я уже летел вверх, подтянувшись на своем «крюке». Оказавшись на балконе, я вошел в дверь, выходящую прямо на вид лестницы, передо мной оказался ухоженный и пустой небольшой кабинет, который по праву принадлежит мне. Слева от входа виднелась единственная дверь, за которой

находилась уютная угловая комнатка со всеми удобствами.

Недолго думая, я скинул с себя на пол одежду и отправился напрямик в заранее подготовленную кровать. Уверен, никто не ожидал моего возвращения, но то, как старательно Итачи ухаживала за этими комнатами, греет мне душу. Расплывшись в теплой постели, я сомкнул глаза и начал погружаться в сон.

Я вернулся, «Спектр».

Глава 24: Расплата

Что ни день, то потрясение, для такой занятой девушки, как я, каждая неожиданная новость приходит с раскатами грома где-то глубоко в голове. Сначала этот придуток из новостного вдруг выпилился, стоило нам наладить контакты, потом Юмико ушла куда-то, не сказав ни слова напоследок, а теперь еще и Ашидо вдруг восстал из мертвых спустя год. Поначалу я отнеслась к нему с недоверием и была в полной боевой готовности, ожидая, что он кто-то вроде агента из гвардии со способностями, как у Эмбер, но, когда я увидела Кишина, сомнения отпали. Хорошо, когда на твоей стороне есть союзник, которому невозможно солгать, тем более что он доказал нам за это время, что мы на одной стороне.

Благо среди череды разочарований мелькают и хорошие новости, Ашидо вернулся, теперь я могу сбросить с себя немного ответственности и вздохнуть с облегчением, к тому же он привел новых сотрудников, с которыми я уже успела познакомиться. Если с Ринной все оказалось достаточно просто, то Мисато вломилась в двери ордена с огромными и сомнительными требованиями: то ей станки заказывай, то материалы подавай, то помещение выделяй — я что, нефтяной магнат какой-то? Да, мы наладили отношения с орденами «Юстиция» и «Юнити», да, у нас есть десяток деловых партнеров, включая тех, кто готов поставлять запрошенное этой хамкой, да, у нас есть деньги на нужды ордена, но разве это значит, что половина расходов будет лежать на ее совести? Это же какой-то абсурд, мне приходится забивать голову тем, что нужно ей, а не мне: считать деньги, таскаться по городу и договариваться, управлять перевозками и разгрузкой, а вместе с этим я заделалась в воспитатели для всех остальных. Хорошо хоть Войд молчит, как рыба — хоть кто-то в здравом уме здесь присутствует.

Утопая во всех этих делах, я уже давно позабыла о сне, все время перебиваюсь несколькими часами в кровати. Мне нужен отпуск, но сначала придется сплавить кого-нибудь на мое место, а в таком деле ошибки не прощаются. Ашидо не вывезет нагрузки, его и не надо трогать, пусть отдохнет и соберется с мыслями. Амелия вполне могла бы занять мое место, но я прекрасно знаю, как она ненавидит эту работу — будет только мешаться и косячить. Про Илию вообще молчу, он слишком упертый и вольный, попробуй такого чем-то запрячь, что не входит в его интересы.

— Лия, собирайся, мы идем к Юстиции, — громко ворвалась я в двери ее комнаты.

— Ну, что на этот раз? — тяжело вздохнула она, закатив зрачки.

Вчера мы уже поговорили с ней по поводу возвращения Ашидо, надеюсь, ей хватило времени с ним наболтаться перед сном, а сейчас пора работать.

— Пойдем мочить ублютков, — улыбнулась я.

— Ого, неужели хоть что-то интересное, а не эти сраные бумажки? — съязвила Амелия.

— Даю тебе десять минут на сборы, буду ждать в переговорной.

— Приду через пятнадцать, — возразила она.

— Десять, это не обсуждается, — проговорила я, уже покидая комнату.

Снова пришлось ставить ее перед фактом, этот год для всех нас оказался напряженным, мы даже успели немного подпортить отношения между друг другом и разошлись бы, если бы Итачи не вносила долю позитива в нагруженные будни.

— Ринна, — произнесла я в переговорное устройство, — тащи Войд в переговорную, она нам нужна.

— Уже ташу, Хорнет, все будет оки-чпоки, — ответила она в непривычной для меня манере.

Всего за минуту я быстрым шагом дошла до переговорной, столкнувшись с Ринной и Войд в коридоре, после чего мы зашли внутрь.

— Итак, Войд, ты уже научилась пользоваться «говорилкой»? — спросила я, ожидая положительный ответ.

— Вроде бы, — подхватила Ринна, — Илия сказал, что как-то затолкал ей в голову карту и пару кодовых фраз для перемещения, она должна справиться.

— Ну, давай проверим, — дерзко улыбнулась я. — Войд, портал в холл, — сказала я в рацию.

Она все еще толком не умеет говорить, не знает, как отвечать на едва понятные реплики, но, похоже, с работой все же справляется, ведь все-таки открыла портал перед нами, который выходил в холл так, что его можно было разглядеть с балкона.

— Отлично, приятно иметь такого друга, — похвалила я ее.

— Круто, скажи? — улыбнулась Ринна. — Страшновато правда.

— Не то слово, — немного покраснела я, вспомнив о том случае.

Ринна тоже оказалась для меня сюрпризом, мы уже позабыли о ней и о происшествии в «GenTask», как вдруг из гаража выполз очередной восставший из мертвых, с которым мы подружились. Сказать честно, я даже не предполагала, что она далеко не простой человек, но, когда вчера та демонстративно сломала руку костями наружу, а затем залечила ее за считанные секунды — я снова впала в шок. Некоторое время мы расслабленно болтали в переговорной, пока наконец в дверях не показалась Амелия, нацепившая на себя непривычно стильный строгий костюм.

— Наконец-то, явление Христа народу, — упрекнула я ее.

— Отвали, змеюка, — напряглась она, — давай уже пойдём куда надо.

— Хороший настрой, Войд, открой портал в кабинет Юстиции и будь на связи, чтобы принять нас обратно.

— Поняла, — подтвердила Войд.

— Она ничего не поняла, но я если что помогу, — обнадежила меня Ринна.

Портал уже был открыт и ждал нас, пора идти.

— Спасибо, мы пошли, бывай.

— Не прощаюсь, мы же на связи, — улыбнулась Ринна.

Шагнув в портал, от которого меня до сих пор немного трясет, мы очутились перед входом в круглый кабинет — спасибо, что не мимо. Я открыла тяжелые двери, и мы вошли внутрь, где нас уже ждала Солен.

— Добрый день, госпожа Юстиция, — поздоровалась я с ней.

— Действительно, добрый, — поприветствовала она. — Госпожа Ишимару, Амелия, присаживайтесь.

Мы прошли вглубь, усевшись на мягкие стулья напротив.

— Перейдем к делу, — коротко и ясно выразилась Солен. — Разведотряд подтвердил информацию, о которой я вчера тебе говорила.

— Давай к сути, — оборвала я.

— Сильвестр Ремизов, — она кинула на стол папку с документами, — топливный магнат, чиновник при Парадном районе, а также убийца и наркодилер. Наши дроны засекли его в районе вилл в собственном двухэтажном дворце в компании личной охраны по всему

периметру. Внимательно посмотри на снимки с дронов.

Я открыла папку еще в начале разговора, успела разглядеть сам дом и стильного бородатого ублюдка, но в глазах мелькали еще несколько важных деталей: вооруженная охрана с пневматикой и пара черных джипов на стоянке близ дома.

— Информация достоверна? — уточнила я.

— Могу гарантировать ее достоверность, наши шпионы нарыли достаточно, чтобы можно было не сомневаться. Если отталкиваться от тебя, то это точно он убил Кайдена и Ариану Ишимару, по крайней мере выступил заказчиком, а если говорить о других грешках, то этот шалопай точно продавал наркотики детям, в основном это был героин и метадон — синтетика.

— Доказательства?

— Откровения пострадавших, фото, аудио, — спокойно ответила она.

— Хорошо, Солен, ты мне очень помогла, век должна буду.

— Забудь, просто убей его, и мы в расчете, — отрезала она. — Я не могу распускать руки куда попало, а ты можешь, потому никто ни у кого в долгу не останется. Ты — мне, я — тебе.

— Приятно иметь с вами дело, госпожа Юстиция, — улыбнулась я, громко захлопнув папку.

— Перед тем как вы уйдете, я сразу озвучу, что не смогу осветить смерть членов семьи Ишимару, ибо нам все еще неизвестны его мотивы, с наркотиками же все просто — достаточно сфотать его рабочее место.

— Я этим займусь, а вместе с тем попробую вытрясти из него дополнительную информацию.

— Мне нравится твой настрой, Хорнет, — подмигнула Солен. — У меня для вас есть комплект одежды, выдержит несколько прямых попаданий из винтовки, — она достала откуда-то из ящика стола костюмы в пакетах.

— Хочешь сказать, это — тряпки с щитом? — приподняла я бровь.

— Они самые, отдаю вам всего на одну операцию, относитесь к ним прилежно и одевайте только на голое тело, если не хотите, чтобы потом в промежности зудело. Щит имеет функцию перезарядки, внимательно следите за индикаторами заряда на запястье.

— Вопрос! — воскликнула Амелия.

— Слушаю, — переключилась на нее Солен.

— Мои запястья должны быть открытыми, а вместе с ними еще и руки по самые плечи, вы это учли?

— Не переживай, Амелия Акина, тебе достались моднявые очки с индикатором, а рукава обрезаны как раз под плечи, — обнадежила она. — Еще вопросы?

— Не имею, — отрицательно повертела головой Лия.

— Хорнет? — обратилась она уже ко мне.

— Только один — если у него вдруг пропадет парочка купюр, никто же не будет против?

— Да хоть все забирай, мне фиолетово, — отмахивалась она. — Твоя главная задача — хорошенько полить цветочки кровью, а остальное меня не касается.

— В таком случае мы готовы.

— Ни пуха ни пера, дамы, за дело.

— К черту, встретимся после операции, — закончила я, схватив со стола папку и

одежду.

Мы спешно покинули кабинет, выйдя в коридор, после чего тем же путем вернулись назад, обратившись за помощью к нашему бесценному сотруднику Войд. На диване в переговорной удобно расположились все те же две особы, которые, по всей видимости, не собирались уходить.

— Ринна, нам нужно провести деловые переговоры, тебе придется поболтаться где-нибудь, — проговорила я.

— Хей, я может тоже хочу послушать, — возмутилась Ринна.

— Я не хочу тебя в это впутывать, это личное, — пояснила я.

— Что-то настолько личное, чем нельзя поделиться с товарищем по беде?

— Достаточно личное, — подхватила Амелия.

— Как знаете, — вздохнула Ринна. — Я пойду к Ашидо, поболтаем немного, а вы мурчите здесь, сколько душе угодно, только Войд нам верните, как закончите.

— Несомненно, — улыбнулась я, положив ей руку на плечо. — Не подумай, что мы тебе не доверяем, просто не во всех делах можно поучаствовать, я обязательно найду, куда тебя пристроить, хорошо?

— Я не в обиде, — отмахнулась Ринна, — удачи вам.

— Спасибо.

Ринна вышла из переговорной, можно было приступать к обсуждению, закрыв глаза на Войд, которая все равно ничего не поймет, к тому же нам бы пришлось потом ее разыскивать, а сейчас она в шаговой доступности. Я развернула на чайном столе папку, которую нам дала Юстиция, в ней были не только фотографии, но и текст с описанием окружения, информация о входах и выходах, план здания и местоположение вентиляционных каналов на крыше.

— Итак, — начала я, — думаю, лучше всего зайти со стороны лесной зоны, где много деревьев и кустов, а дальше будем отталкиваться от ситуации. У охраны, скорее всего, имеется связь с Сильвестром, надо бы их как-нибудь от нее отрубить.

— Мне обратиться к Мисато? — спросила Амелия.

— Спроси у нее о какой-нибудь ЭМИ-установке, а я пока еще почитаю.

— Окей, пару секунд.

Амелия демонстративно откинулась на спинку дивана и приставила палец к переговорному устройству, будто решает какое-то дело чрезвычайной важности — так оно и есть.

— Вызываю Мисато, это Лия, — проговорила она.

— Да-да, Мисато внимательно слушает, — откликнулась девушка в общем канале.

Стоит подметить, что все члены «Спектра» носили с собой переговорные устройства, подключенные к одному голосовому каналу, потому остальные прекрасно слышали переговоры между другими.

— Нам с Хорнет нужно какое-нибудь ЭМИ-устройство, у тебя имеется такое?

— Ну, ЭМИ не найдется, Хорнет же не соизволила выделить на него деньги, но вот у меня дома стояла глушилка сигнала, однако она портативная, а не стационарная, охват будет куда меньше, пойдет?

— Как это понять? — тупила Амелия.

— Вам не придется тащить на себе несколько кило, влезет в карман, но глушит эта штука примерно в радиусе пятнадцати метров.

— Сойдет, — вмешалась я в переговоры по радию, — тащи ее в переговорную.

— А мне кто-нибудь заплатит за транспортировку? — возмутилась Мисато.

— Это в твоих интересах, на кону большие деньги, — пояснила я.

— Другой вопрос, сейчас прибегу.

Отлично, с этим разобрались, остались только мелочи, не считая того, что нас услышал

Ашидо и решил присоединиться к виртуальному разговору:

— Хей, девчата, зачем вам глушилка? Намечается резня?

— Не бери в голову, просто нужно кое с кем поговорить, а ты пока сиди на жопе смирно и наслаждайся ножками Итачи, — подколола я его.

— Завидуешь, что тебя не будят ножки в колготках? — аналогично подколол он меня.

— Я завидую только тому, что ты успеваешь поспать, конец связи, — закончила я, обрубив переговорную линию.

Не хватало нам только впутывать в это Ашидо — он уже сделал достаточно, чтобы заслужить отдых. Пусть я и стала намного сильнее за время его отсутствия, но с Хандзо все равно бы не справилась, потому очень ему благодарна.

— Это все, или что-то еще нужно обсудить? — заговорила Амелия.

— Остальное на месте, можно переодеваться.

Сейчас нам больше нечего обсуждать, ведь несвежие фото заметно отличаются от реальных условий, в которых придется импровизировать. Мы обе поднялись со своих мест и принялись распаковывать заветную одежду, которая оказалась весьма странной и вульгарной. Костюм был соткан из неизвестной тянущейся ткани, на спине виднелся отсек для портативного дейтериумного аккумулятора с ним же в комплекте — Юстиция не пожалела на нас денег. Сама ткань была достаточно темной, но светлые соты, формирующие поверхность щита, делали образ немного цветастее. Постепенно мы оголили себя до состояния без одежды, после чего обе погрузились внутрь обтягивающих костюмов без головы. Если на меня он сел идеально, то у Амелии возникли некоторые проблемы:

— Почему эта хрень не застегивается? — нервничала она.

— Нечего было рождаться с такими большими сиськами, — усмехнулась я.

— Слышу от плоскодонки, — осеклась она.

— У меня второй размер.

— Отвянь, за своими сиськами следи.

Она-таки смогла застегнуть молнию, после чего прикрыла свои арбузы плотной тканью, которая растягивалась от них до пределов. В этот момент послышался щелчок дверной ручки, было бы прискорбно, если бы Ашидо или Илия застали нас на моменте переодевания, но это была всего лишь Мисато, принесшая нам глушилку.

— Это что за прикид? — засмеялась Мисато. — Вы что, в клуб любителей латекса собрались?

— Давай глушилку, — приказала я, не обращая внимания на ее издевки.

Если так подумать, то одежда и вправду была чрезмерно обтягивающей, она хорошо подчеркивала формы женского тела, что мне совсем не по душе, но раз Юстиция сказала, что костюм должен быть надет поверх голого тела, значит, то, как плотно он к нему прилегает обоснованно.

— Забирай, — Мисато протянула мне устройство. — Небольшая инструкция: в воде не топить, в огне не жечь, нажимаете кнопку и глушилка работает, можете проверить на своих переговорных устройствах.

— Спасибо, я выделю тебе долю от куша на собственные расходы, — обнадежила ее я, — но никому ни слова, ясно?

— Мне нравится такой расклад дел, — заметно повеселела Мисато. — Удачи вам, чем бы вы там не занимались, до встречи.

Мисато удалилась, теперь можно было начинать операцию среди бела дня, не дожидаясь ночи, потому как после случая в Академической башне ночью гвардейские патрули активничают немного больше, чем днем. Я отцепила фотографию лесной зоны возле этого пижонского пентхауса, вытащив ее из-под скрепки, и показала Войд:

— Нам нужно туда, осилишь?

— Войд поняла, — положительно кивнула она головой.

Перед нами открылся портал, в надежности которого мы мало были уверены.

— Лия, будь готова к тому, что мы можем выйти сразу под огонь, — предупредила я.

— Поняла, полная боевая готовность.

— Идем.

***

По ту сторону портала спокойно и протянуто щебетали птицы, солнце освещало каждый уголок, не считая плотные кусты, в которых мы очутились. Опасения оказались напрасными, ведь Войд очень удачно выкинула нас куда-то в тень, откуда открывался хороший вид на пентхаус Сильвестра, и, судя по всему, нас никто не заметил. Мы осторожно выглядывали из кустов, анализируя обстановку.

— Охрана по всему периметру, каждый с пушкой, войти можно либо с главного входа, либо с черного с торца дома, либо с балкона, выходящего на город, — подметила я.

— Нет смысла выбирать, — заспорила Амелия, — нас со всех сторон будут ждать, к тому же к черному входу и балкону будет куда сложнее подобраться.

— Предлагаешь врываться через главный?

— Придется подумать. Ты проверила индикаторы щита?

— Три из трех, — подтвердила я. — Как твои?

— Тоже самое, видимо, работает.

— Отлично, есть идеи, кэп?

— Немного, — перекосилась она. — Если поднимем шумиху, то выдадим себя, глушилка не растянется на всю территорию дома, тут как минимум двадцать метров в диаметре.

— Ты права, если начнем резать людей снаружи — засекут внутри, если поднимется шум внутри — нас засекут снаружи. Единственный выход — отрезать Сильвестра от остальных, чтобы он ничего не заподозрил и не вызвал подкрепление.

— У меня идея, — Амелия стукнула кулаком по ладони. — Мы можем закинуть глушилку в дом, этого хватит, чтобы отрезать охрану внутри от охраны снаружи, тогда мы просто перебьем всех по одному и войдем в дом с главного входа.

— Идея-то хорошая, но как мы закинем глушилку внутрь с такого расстояния? Предлагаешь мне рискнуть и попробовать оправить ее вместе с кровью в вентиляцию?

— У тебя есть другие варианты?

— В том-то и дело, что нет. Думаешь, нам стоило взять с собой Ашидо?

— Ты сама говорила, что мы не будем его в это втягивать, — как-то грозно на меня посмотрела Лия. — Давай ты не будешь давать заднюю, когда уже поздно.

— Ладно, — согласилась я. — Закинем мы глушилку в дом и что дальше?

— Надо как-то выкосить людей внутри, чтобы обойтись без лишнего шума.

Мда, задача, конечно, не из легких, не такие уж мы и специализированные бойцы, чтобы вдвоем на ходу разработать идеальный план, хотя...

— Лия, мне кажется, мы с тобой слишком хорошая команда.

— И с чего бы ты вдруг начала мне льстить? — возмутилась она.

— Слушай сюда, мне в голову пришла гениальная идея, как положить всех разом, кто находится внутри дома.

— Так, что ты задумала?

— Ты уже знаешь, что я могу сделать свою кровь достаточно токсичной, чтобы она парализовала человека, попав ему в кровь. Так вот, о чем я, если нагреть какую-нибудь токсичную жидкость до температуры парообразования, она ведь останется токсичной?

— Погоди, только не говори мне...

— Именно, Лия, мы запустим мою кровь в ту же вентиляцию, куда и глушилку, а ты вдогонку оправишь огненный шар, чтобы та испарилась.

— Твоя гениальность иногда меня пугает, — улыбнулась Амелия.

— Есть один нюанс — главное не перегреть глушилку.

— Тогда давай закинем ее в другое место, все равно она, скорее всего, застрянет где-то в трубе, охват будет меньше.

— Не вариант, — отрицала я, — схема вентиляционных каналов показывает, что вон та средняя труба выходит на внутренний балкончик где-то между холлом и гостиной — в самом центре.

— Значит, решено?

— Решено, так и поступим, сначала глушилка, потом немного кровавого напалма — все в одну дырку. Пока эти придурки задыхаются где-то внутри, мы разберемся с теми, что снаружи. Все понятно?

— Предельно, — подтвердила Амелия. — Приступим?

— Да, вперед.

Наконец-то план перешел в режим исполнения, операцию открываю именно я, сделав порез острым лезвием на ладони, которая была очень кстати открыта — Юстиция все продумала и учла. Собрав в руке небольшую сферу, я уже собралась поместить в нее глушилку, но вдруг вспомнила, что мы ее даже не проверили.

— Лия, нажми кнопку на глушилке и попробуй с кем-нибудь связаться, — приказала я.

Она сделала все в точности так, как я сказала, и, судя по всему, ответа в рацию не последовало после нескольких попыток получить обратную связь.

— Работает, суй в пузырь, — наконец произнесла она, передав мне глушилку.

— Ну, поехали.

Я поместила глушилку внутрь сферы, как следует прицелилась и отправила ее в полет, пока та не столкнулась со внутренней стенкой вентиляционной трубы — бинго.

— Не расслабляйся, — воскликнула Лия, — они могли услышать звук удара о металл, давай следующей залп, я готова!

— Поняла, на счет три!

Я уже подпортила состав следующего снаряда, который будет достаточно токсичным, чтобы при попадании в легкие заставить человека корчиться в конвульсиях.

— Раз, два, три! — прокричала я, после чего мы одновременно отправили наши снаряды в полет так, чтобы они столкнулись друг с другом именно в трубе.

Ужасающая кровавая сфера и огненный шар с бешеной скоростью влетели в трубу, столкнувшись друг с другом на входе, о чем сигнализировал странноватый красный пар, еле выбивающийся наружу из того потока, который уже попал внутрь.

— Вперед, следуем плану! — приказала я, выпрыгивая из кустов.

— Ты только не поранься, детка, — в боевом тоне прокричала Амелия.

Если все сработало, то люди внутри должны были начать задыхаться, будучи отрезанными от остальных без возможности вызвать подмогу. На ходу я хотела создать свои привычные два меча, но раз уж я выпустила слишком много крови «на воздух», то не стоит создавать больше одного, или же я столкнусь с анемией, и Амелии придется выкручиваться самостоятельно.

Люди снаружи заметили наше приближение, пока мы быстро спускались со склона, потому сразу открыли огонь, но Лия нейтрализовала стрелявших, выпустив в них пару огненных шаров. Когда мы наконец спустились, то сразу разделились по разным сторонам, я двигалась по левой, Амелия — по правой. На пути встречались все еще ошеломленные столь внезапным нападением охранники, которых я легко разрубала своим мечом, что не оставлял ни шанса на выживание, стоило ему прорубить плоть.

— Хорнет! Они прут изнутри! — послышался крик Амелии, когда я уже зачистила все с торца дома, выходящего на стоянку.

Я со всех ног бросилась назад, чтобы помочь, но, похоже, Лия и без меня справилась, хорошенько подпалив находчивых охранников, которые додумались нацепить на себя противогазы.

— Не ранена? — спросила я у Лии, приблизившись к ней.

— Пустяки, — проговорила она, задыхаясь и покашливая, — щит пробил, прострелили руку и легкое в нескольких местах, подай «витаминку».

Пусть Юмико и ушла от нас, но стоит отдать ей должное, ведь она оставила в нашем распоряжении несколько комплектов пробирок со своей кровью именно на такой случай, потому мы всегда носим с собой парочку таких в кармане, однако сегодня их было ровно две и висели они у меня на поясе в небольших кожаных кармашках. Я быстро сунула руку в один из них, но обнаружила, что кто-то пробил пулей карман, от чего пробирка лопнула и все содержимое вытекло, но на наше благо вторая оказалась невредимой, ее я и протянула Амелии. Она жадно выпила эту отвратную жидкость с привкусом железа, делая большие глотки, которые очень отчетливо спускались по ее горлу внутрь.

— Чего только, блин, не сделаешь, чтобы не сдохнуть, — ворчала она, допив содержимое.

— Хорошо хоть выжила, — с облегчением вздохнула я, — но у нас больше нет «витаминок», следующее попадание может оказаться летальным, осторожнее, Лия, не подставляйся.

— Постараюсь, прости, Хорнет, — раскаянно промямлила она.

— Все хорошо, бери противогаз с трупа и вперед внутрь, только держись позади меня.

— Поняла.

Как ни крути, а мой собственный яд опасен и для меня, если он витает в воздухе, а для Амелии он еще опаснее. Отодрав противогазы от обгоревших трупов, мы обе защитили себя от отравы, можно было наконец закончить дело. Войдя внутрь, мы ожидали сопротивления, оказавшись полностью открытыми на пороге, но кругом валялись лишь мертвые тела — сработало.

— Ну ты даешь, кэп, — сказала Амелия.

— Не расслабляйся, идем.

Мы прошли чуть дальше, оказавшись под внутренним балкончиком, который представлял из себя арку над проходом из холла в гостиную, внимание зацепила огромная металлическая дверь по правой стороне под ним, которой не было на схеме здания.

— Почему я так уверена, что ублюдок именно там? — усмехнулась Лия.

— На схеме не было этой двери, наверное, там его рабочее место и центнер наркотиков.

— Я займусь дверью, а ты пока побей ему стекла, чтобы жизнь сладкой не казалась.

— Ты имела в виду, чтобы кровь выветрилась? — посмотрела я на нее исподлобья, так и говоря о своем недовольстве.

— Да-да, конечно, ты давай, работай.

Делать нечего, я бы все равно не осилила эту дверь, как ни крути, а вот Лия сейчас устроит ей испытание жаром. Пока она занималась дверью, я прошлась по всем комнатам и выбила окна, по пути встретились пару выживших, но для них все уже было кончено. Большие окна в гостиной оказалось труднее всего разбивать из-за того, что те падали на меня и кромсали щиты, но обошлось без ранений, потому я благополучно вернулась к своему партнеру, которая уже довольно стояла рядом с большой дырой в толстом слое металла, который очень ярко светился, еще не успев остыть.

— Ну, готово, у тебя как? — спросила она.

— Сделано, Сильвестра нигде не было, значит, он сейчас внутри.

— Тогда пойдем и зададим ему трепку! — улыбнулась она.

— Ага, погнали.

За дверью находился спуск куда-то вглубь, лестница упиралась в самую обычную дверь, которая даже на замок не запиралась, а за ней виднелись еще две по правой и левой стороне.

— Я пойду направо, — оповестила я Амелию о своих намерениях.

— Я, очевидно — налево.

— Если ничего не найдешь — приходи ко мне.

— Поступай аналогично в таком случае.

Амелия как-то странно провожала меня взглядом, сняв противогаз, пока я осторожно и все еще в боевой готовности входила в дверь по правой стороне, за которой оказалось ничто иное, как, собственно, лаборатория и склад. Оказавшись внутри, я тоже скинула оковы для легких. На стене висели химические формулы героина и метадона, на столе среди склянок были раскиданы бумажки с алгоритмами «зельевара», а чуть дальше стояли стеллажи с результатом таких грязных деяний.

— Ну вот ты и попался, сученыш, — сказала я вслух, нащупывая камеру в кармашке по другую сторону от «витаминок», которая на удивление оказалась целой.

Достав фотоаппарат, я сразу принялась фотографировать комнату, стараясь запечатлеть все, что можно, пока в один момент не услышала какие-то странные звуки оттуда, куда пошла Амелия. Они были похожи на хриплые женские стоны, в которых читалась нотка страдания. В этот момент я сильно испугалась, подумав, что это Лия могла попасть в беду и сразу же бросилась к ней, оставив процесс фотосъемки и засунув камеру обратно в карман на поясе.

— Ну, давай, сучка, подойди к папочке, я тебе покажу, что такое сказка, — послышался мужской голос на подходе к двери.

Я вбежала внутрь и застала воистину ужасающую картину: кругом были раздетые

догола девушки, все в синяках, ссадинах и порезах, некоторые без конечностей, каждая выглядела напуганной до смерти. Все они сидели близ стены, будто старались скрыться от чего-то или кого-то, забившись как можно дальше в угол, дрожа и подергиваясь, стараясь не смотреть никуда, кроме как в стену. Амелия же находилась в самом центре и стояла ко мне спиной, ее костюм уже не так плотно сидел на ней, будто она расстегнула молнию на фронтальной его части, оголив грудь. Поначалу я даже не заметила, но ее тоже трясло, но как-то странно, будто это не страх, а истинная ненависть.

— Лия, что происходит? — непонимающе спросила я, идя на сближение.

Стоило мне выглянуть из-за угла, в поле зрения показался оголенный мужчина, сидящий в кресле с сигарой в зубах, который оказался никем иным, как Сильвестром Ремизовым — нашей целью. Я прекрасно запомнила его лицо на фотографии, но никак не ожидала увидеть его вживую не корчащимся от боли, а уверенным в себе и в своей неприкосновенности вопиющим садистом.

— Ого, еще одна, — заговорил он. — Свали, корова, мне твоя подружка нравится больше, наконец-то нормальную притащили. А уж какая подача — латекс! — восхищенно голосил он.

Теперь я понимаю куда больше, стоило мне всего лишь раз посмотреть в эти наглые и злобные глаза самой последней от замороженной гниды. Лия даже не думала двигаться в сторону, подчиняясь его приказам, вместо этого она стремительно бросилась на сближение, имитируя какую-то сексуальную походку, которая, похоже, его даже заводила. Либо этот придурок настолько тупой, что не понимает, во что через несколько секунд превратится его мерзотный хер, либо я настолько тупая, что не разглядела в подруге мазохистку.

Лия подошла к нему и настойчиво уселась сверху, раздвинув ноги, он завелся так, будто какой-то ребенок, которому впервые засунула язык в рот женщина, я все меньше хотела верить в происходящее.

— О, да, пусть будет по-твоему, приступай, — растянуто говорил он, предвкушая то, что могла бы сделать моя подруга.

— А теперь, сладкий, — улыбка Лии чувствовалась даже со спины, — я устрою тебе такой жаркий день, что ты до смерти его запомнишь.

— О-хо-хо, ну, давай, покажи мне, что умеешь, киска.

Я уже с ног валилась, но, услышав такие слова из уст Амелии, погрузилась в бесконечный стыд от осознания того, что зря сомневалась в своей хорошей и, наверное, лучшей подруге, у которой есть сила и честь. Вопреки моим первоначальным ожиданиям, она схватила его за горло обеими руками, начав душить, тогда тот наконец почувствовал жареное и попробовал избавиться от нее, затушив сигару об ее руку, но Амелия лишь сильнее стиснула зубы и усилила хватку, а потом и вовсе решила, что пора с этим заканчивать. Его тело резко загорелось ярким бушующим пламенем, в стенах относительно небольшого помещения раздался истошный крик боли горящего заживо человека, он горел прямо в ее руках, не в силах сопротивляться, его руки дрыгались в беспорядочных конвульсиях, ноги дрожали, но его было уже не спасти, а никто и не собирался.

Увидев такую картину, тихо сидящие в углу напуганные и опустошенные девушки вдруг начали кричать, но не от страха, а от злорадства:

— Гори, сука! Умри!

— Умри, урод, умри, умри, умри!

— Жги его, сестра! Убей мразь!

Амелию уже начало трясти от возбуждения, она наслаждалась этим моментом, его крики боли и предсмертные хрипы для всех в этой комнате были как бальзам для ушей, но не могу сказать того же о себе. С одной стороны, он получил по заслугам, его настигла долгожданная многими расплата, но с другой стороны, мы не выполнили задание и не вытянули из него информацию. Я была бы огорчена результатом, если бы не была солидарна с решением Лии, она поступила как настоящая героиня, с крайней жестокостью подошедшая к своей задаче. Что посеешь, то и пожнешь, да? Когда звуки наконец прекратились, Лия отпустила бездыханное тело Сильвестра и встала на ноги, комнату заполнил отвратительный запах горелой плоти и волос, а она лишь выдавила из себя очень длинный выдох облегчения.

— Прости, Хорнет, я не могла поступить иначе, — полупшепотом произнесла она, когда крики девушек стихли.

— Тебе не за что извиняться, Лия, ты поступила правильно и сильно выросла в моих глазах. Прости, если я относилась к тебе как-то грубо, у меня нет никого дороже тебя, все это время ты была рядом и не покинула «Спектр», а я в потоке нервяка только и делала, что отчитывала тебя. Поверь, впредь такого больше не повторится.

— Спасибо, Хорнет, — плачущим голосом произнесла она. — Я пойду найду глушилку, нам нужно связаться с Юстицией, побудь с остальными.

Она развернулась и прошла мимо меня, ее лицо выглядело серьезным, но по нему катились слезы, которые она не хотела мне показывать, потому быстрым шагом вышла из помещения, оставив меня наедине с девушками.

Если взглянуть на тех, кто меня окружает, то мотивы ублюдка, который и слова не успел значимого сказать, становятся ясны, ведь почти все в этой комнате имеют белые волосы, как и я. Сильвестр сказал, что предпочел бы меня, нежели Амелию, даже когда она так страстно оголила перед ним грудь, а это значит, что у этой свиньи был фетиш на белые волосы — это многое объясняет. За моей семьей охотились не потому, что мы кому-то перешли дорогу, а только из-за цвета волос, ведь каждый член моей семьи имел белые волосы, что мужчины, что женщины. Отвратительно признавать тот факт, что смерть моей матери и жены дяди Кагеямы оказалась куда благоприятнее, чем подобная судьба. С давних времен в семье Ишимару чтятся традиции, по которым в супружеской паре могут быть только беловолосые, чтобы передать доминантные гены следующему поколению. Кто бы мог подумать, что наша индивидуальность обернется для нас проклятием.

Пока я витала в своих мыслях, одна из девушек настойчиво толкала меня рукой, привлекая внимание. Когда я наконец ее заметила, то та показала пальцем на сидящую в углу совсем молодую девушку с такими же белыми волосами, выколотыми глазами и отрубленными руками, на которых виднелся какой-то странный рисунок, вроде тату. Если так подумать, то она молчала в тот момент, когда все кричали, лишь тихо сидела в углу, погруженная в какой-то дивный мир своих мечтаний, где она свободно ходит по улицам, никого не опасаясь. Я приблизилась к ней и присела рядом, пытаюсь хоть как-то до нее достучаться, но та молчала и изредка беспорядочно покачивала головой, будто уже совсем тронулась рассудком.

— Не бойтесь, девочки, все кончено, — обратилась я ко всем присутствующим, встав на ноги, — теперь вы все свободны и можете вернуться домой к родным, мы вам поможем, залечим раны, выслушаем все, что у вас накопилось и вы точно сможете вернуться к нормальной жизни.

Странно, но некоторые девушки ликовали, цепляясь за меня, а некоторые забились в

угол в ту же позу, что и прежде, их здесь насчитывалось около пары десятков. В этот момент в переговорном устройстве послышался голос Амелии. Похоже, она отключила глушилку и вышла на связь:

— Говорит Амелия, это очень срочно, все меня слышат?

— Да, конечно, что случилось? — послышался голос Ринны.

— Нам нужно, чтобы кто-то из вас срочно дошел до Юстиции и передал информацию как можно скорее!

— Я как раз у нее, — непривычно раздался в рации голос Илии, — что мне ей передать?

— Трубку передай, блин, — кричала Лия. — Хорнет, передаю слово тебе.

— Принято, — подхватила я. — Солен, ты на связи?

— Да, — подтвердила она, — что у вас там такое случилось?

— Если коротко, то полная жопа, а если развернуто, то тут кругом искалеченные голые женщины — жертвы насилия Сильвестра. Им нужна помощь ордена «Юстиция», мы не сможем всем помочь, пришли людей в дом этого кобеля, пусть заберут их, я буду ждать.

— Ты не шутишь? — все еще сомневалась она. — Там реально уйма голых женщин?

— Твою мать, Солен, — сорвалась я, — хоть убей, я могу отличить женщину от тумбочки за тысячу кредитов. Пришли людей, или они останутся здесь, а потом расскажут миру, как добр был к ним орден «Юстиция».

— Я тебя поняла, мы вышлем отряд из десяти человек и перевезем их на грузовике, ждите. Остальное обсудим потом.

— Спасибо, Солен, ты настоящий эталон правосудия.

— Не льсти мне, конец связи.

— И что это было? — произнес в «говорилку» Ашидо.

— Дома все расскажу, а сейчас иди в переговорную, на столе лежит фото, заставь Войд открыть портал на главном входе в пентхаус, мы возьмем с собой одну из них.

— Принято, уже бегу, — подтвердил Ашидо.

Все время разговора я искоса поглядывала на ту девушку, которая даже не шелохнулась. Без вмешательства Илии она точно не оклемается, ему придется вырвать из ее головы кучу воспоминаний, чтобы она хотя бы имя свое вспомнила. Амелия уже успела спуститься обратно ко мне, ее лицо не сильно сверкало чертами хорошего настроения, как и мое.

— Лия, я останусь здесь до приезда отряда, а ты сейчас должна взять ту девушку в углу и дотащить ее до нашего госпиталя, возьмешься?

— Это мой долг, командующая, — твердо и решительно произнесла она.

Амелия приблизилась к девушке в углу, подхватила ее на руки и понесла к выходу из дома, все это время за ней тянулись руки остальных, умоляя о помощи, но больше одного человека мы взять не сможем, потому возьмем ту, которая больше всех настрадалась, ибо мы способны ей помочь.

— Сделайте портал шире, я захожу, — проговорила в рацию Амелия.

После такого я обязана взять недельный перерыв, или умру от выгорания. Страшно представить, что же пришлось пережить этим девушкам и как долго они здесь пробыли.

Какой же все-таки долбаный денек...

Глава 25: Призраки прошлого

Говорят, что приятных неожиданностей от жизни ждут только те, кто не привык к сюрпризам — это не про меня. Я понимаю заботу Хорнет, она просто не хочет, чтобы я лишней раз напрягался, только-только вернувшись домой, но пойти на опасное и ответственное задание, скрыв этот факт от меня — настоящая наглость. Я знал, что скоро нас ждет карательная миссия, но даже не предполагал, что старт уже объявлен.

Амелия вернулась обратно в одиночку, неся на себе еле живое и искалеченное тело какой-то неизвестной беловолосой девушки. Все уже были готовы встречать ее теплыми объятиями, но она была какой-то чрезмерно нервной и явно пережила несколько ранений, не говоря уже о том, что они увидели на этой миссии.

— Отвернись, дебил, — первое, что я услышал из ее уст.

Не очень-то и дружелюбно звучали такие слова, но я могу пропустить их мимо ушей, если Лия всего-навсего перенапряглась и устала. Первым делом она пошла куда-то вдаль коридора — я еще не выучил план дома, потому не знаю, куда она идет.

— Ашидо, — заговорила она, обернувшись, — вместо того, чтобы плестись за мной, лучше сходи в подвал и захвати с собой парочку банок с кровью Юмико, я буду в конце коридора перед лестницей — там находится медпункт.

— Х-хорошо, — тихо проговорил я.

Не знаю, зачем она притащила к нам эту девушку, но если решение уже не оспорить, то я могу лишь посодействовать в ее лечении. В ускоренном темпе я двинулся в подвал, расположение которого идентично совпадало с планом предыдущего дома в Торговом районе — под главной лестницей. Оказавшись перед заветной дверью, я шагнул вниз по лестнице, которая выглядела куда приличнее предшествующей, а еще она уходила куда глубже вниз, будто на несколько этажей. Когда наконец показался вход в помещение, я был рад отворить дверь, за которой крылась действительно огромная комната, похожая больше на завод, нежели на обычный подвал дома.

Пока я осматривался в поисках заветных баночек, в глазах мелькнула Мисато, которая спешно прикрывала мирно сидящую на стуле Итачи, стараясь что-то от меня спрятать.

— Ой, Ашидо, ты чуть не испортил себе сюрприз! — громко сказала Мисато.

— Что за сюрприз? — поинтересовался я.

— А, эм, ну, знаешь, тут такое дело, — мямлила она.

— Ты заделалась в стилисты? — сказал я, сблизившись с парочкой.

— Ах, да, типо того, вот, украшаю новогоднюю елку! — Мисато указала пальцем на Итачи, которая почему-то была накрыта плотной тканью, которая закрывала все ее тело до колен.

— Понятно, — я сделал вид, что отстал, хотя мне было интересно, что же такое делает Мисато, если не красит ее. — Слушай, а ты случаем не знаешь, где здесь баночки с кровью?

— Ты про «витаминки»? — улыбнулась Итачи. — Госпожа Ишимару держит их в холодильнике вон в той комнате на опорах, — она взглядом указала мне на комнату, подняться в которую можно было только по лестнице.

— Спасибо, Итачи. Я возьму парочку для дамы в медпункте, а потом уйду, так что можете спокойно дальше секретничать.

— Рада, что ты не настаиваешь, — вмешалась Мисато. — Тебе точно понравится то, что

ты скоро увидишь.

— Жду с нетерпением.

Я двинулся в ту самую комнату, преодолел эту проклятую лестницу, после чего оказался в каком-то небольшом кабинете, окна которого выходили как раз туда, где сустились эти двое. В углу стоял большой холодильник с прозрачной дверью, за которой виднелась куча склянок с багровым содержимым. На стекле была приклеенная на скотч записка, которая гласила: «Взяла — распишись». Иронично, ведь кроме меня из мужчин некому было брать их, потому хозяйка записки озвучила требования в женском роде.

Я просто взял в руки две холодные банки примерно на сто пятьдесят миллилитров, решив пренебречь учетом расходов, после чего двинулся обратно к Амелии в медпункт.

По дороге мне встретился Илия, который только вернулся, видимо, через портал, и уже шел по тому же маршруту. Он сразу заметил меня и остановился в ожидании, топая ногой и скрестив руки.

— Что, тоже в медпункт? — спросил я.

— Верно, хочу глянуть на гостью, — пояснил он.

— Тогда пойдем вместе.

Он утвердительно кивнул, и мы бок о бок пошли до самого конца коридора, ступая по длинному красному ковру, как в резиденции того графа, о котором говорил Илия, пока не уперлись в дверь с надписью «Медпункт».

— О, Илия, ты мне как раз нужен, — произнесла Амелия, едва разглядев его за открывающейся дверью.

— И для чего же? — ответил он.

— Ну, смотри, у девки слабое давление, сильное истощение и интоксикация, но может быть и что-то еще. Я не медик, говорю только то, что и дураку понятно, потому хотела попросить тебя о помощи.

Эта самая девушка лежала на кушетке уже в рубашке пациента, которая закрывала ее голое тело, она все еще находилась в каком-то бессознательном состоянии, изо рта на подушку стекали слюни, иногда подергивались ноги от нервного тика. Когда Лия принесла ее в дом, я даже не успел ничего разглядеть, а сейчас вижу, что помимо обрубленных рук на ее теле виднеются порезы и синяки, будто ее каждый день калечили всеми возможными способами, а еще и повязка на лице, закрывающая глаза.

— Давай, я ее осмотрю, — проговорил Илия, сближаясь с пациентом.

— Можно мне понаблюдать? — вклинился я.

— Ты же глава «Спектра», тебе все можно, — подметила Амелия.

— Точно, — снизошло на меня осознание, — в таком случае я просто подойду.

Илия как-то тщательно разглядывал ее, прощупывал в зоне живота, порой даже сильно давил, но она на это не обращала внимания. Потратив на такой осмотр несколько минут, он заговорил:

— Итак, органы повреждены и смещены: печень еле работает, почки больше нормального размера, поджелудочная прощупывается так, будто она уже давно перекрыла желудок, матка повреждена, скорее всего, она уже бесплодна.

Илия немного потоптался на месте, собираясь с мыслями, после чего продолжил, приподняв рукав и оголив остаток руки:

— Плечо разделено пополам каким-то тупым предметом, она выжила только потому, что кровь остановили, но никто не стал обрабатывать рану — скорее всего в крови полно

заразы.

В процессе он приподнял повязку, которая закрывала ее глаза. Под ней показались едва видные очертания того, что когда-то было глазами, на их месте теперь присутствовала только многодневная кровавая корочка. От такого вида во мне проснулся рвотный рефлекс, который я продемонстрировал всем присутствующим.

— Что, не привык смотреть на такую мерзость? — исподлобья спросил Илия.

— Знаешь, когда не видишь такое вплотную, то кажется, что кровь не так противна.

Хорошо, что Войд и Ринны здесь нет, они ушли сразу, как только пришла Амелия, потому что та разогнала любопытные взгляды.

— С глазами ситуация аналогичная, — продолжил Илия. — Вырвали и забили на стерильность, бедная девочка...

— А ведь мы ее полностью не вылечим кровью Юмико, — подметил я. — Общее состояние улучшится, но руки и глаза уже не вернем — так и будет слепым инвалидом до конца жизни.

— Не спеши, умник, — заспорил Илия, — ты на уровне дилетанта в таком деле, потому не чувствуешь, что в ее мышцах есть немного энтропиума.

— Погоди, хочешь сказать, что она очень слабый шепот?

— Не знаю, что насчет шепота, но такого количества хватит, чтобы излечиться полностью — нужно лишь подкинуть катализатор, а дальше она уже сама справится.

— Катализатором будет кровь? — уточнил я.

— Да, и понадобится ее немало, к тому же в разумных дозировках.

— Хочешь сказать, что кровь поможет? — вмешалась Амелия.

— Бери листок и записывай, говорю только один раз, — скомандовал Илия.

Амелия засуетилась и бросилась рыскать в ящиках стола так называемого «больничного надзирателя», вскоре она нашла искомое и подала Илию знак, что готова.

— По пятьдесят миллилитров каждый час, — начал он, — поить будешь через шприц в сидячем положении, а остальное время пусть лежит. Только не поднимай дозировку, или столкнешься с передозом — в лучшем случае она тебе глотку перегрызет. С таким малым количеством энтропиума в организме можно восстановить даже отмершие ткани, учитывай изменения и помечай их в блокноте. Я зайду где-то через пять часов, чтобы повторно ее осмотреть, а пока занимайся девкой сама.

— Хорошо, все пометила, — после короткой паузы заговорила Амелия. — Пятьдесят миллилитров каждый час из шприца в сидячем положении, верно?

— Все верно, — подтвердил он. — Если столкнешься с проблемой — зови.

— Ринна мне поможет, ей, по крайней мере, не страшны порезы.

— Идем, балбес, — обратился ко мне Илия. — поболтаем, пока девушка не придет в сознание.

Илия сорвался с места и устремился к выходу, мне не хотелось оставлять Лию одну, но в диалоге с рогатым дедом я могу узнать куда больше полезного для себя, потому мне пришлось подчинительно плестись за ним до самой гостиной. Да, у нас наконец появилось четкое разделение между гостиной и переговорной, в первой присутствовали привычные диваны и чайный столик, а во второй еще располагался некий аналог конференц-зала с интерактивной доской.

***

Мы провели несколько часов наедине в гостиной, то ли дело разговаривая о «мужском»,

чего мне так не хватало. Илия оказался неплохим психологом, он внимательно выслушивал мои проблемы и давал советы, как мне действовать в той или иной ситуации. В какой-то момент речь зашла о женщинах, в которых он тоже был не промах:

— Спрашиваешь, почему вокруг тебя одни женщины? — повторил за мной Илия для уточнения.

— Да, меня напрягает факт того, что каждый новопришедший — женщина. Ты, конечно, не входишь в это число и мне очень приятно порой поговорить с тобой, а не с ними, но все же.

— Ну, что тебе сказать, Ашидо, ответ, точно так же, как и вопрос, довольно многогранен: если говорить только о круге «Спектра», то здесь собраны девушки со способностями, коих в городе полно, ведь большая часть мужчин служит в гвардии, откуда выхода нет, а остальные либо хорошо скрываются, либо ведут анархический образ жизни, как я.

— Хочешь сказать, что король дает поблажки женщинам?

— Именно так, Котай считает, что им в государственном аппарате делать нечего, потому дает шанс на мирную жизнь, даже если те имеют способности. В случае с Ринной ему разумнее было бы убить ее, потому что она лишила дворец отряда гвардейцев, но смерть Ринны была бы ему не на руку.

— Почему? — оторопел я. — Разве не было бы выгодно убить ее? Может за этим кроется что-то еще?

— Мысли шире, Ашидо, — с серьезным видом проговорил он. — Ринна вовремя спохватилась и успела заработать себе имя, потому Котай не мог убить ее, это бы заставило общество подозревать, что она была права, а король просто решил ее заткнуть — что тоже правда.

— Как-то это все неправильно, почему он дает шанс женщинам, но не дает его мужчинам?

— В этом вопросе все до банальности очевидно, — он громко откинулся на спинку дивана. — Люди кричат, что это все сексизм и король ведет неправильную политику в отношении граждан, но, если исходить из факторов, которые отражают боевой потенциал, женщины с треском проигрывают в этом плане. Девушка может быть хорошим и сильным бойцом, но она биологически склонна к истерикам, а рассудок легко подкосить из-за шаблонного родительского воспитания.

— Кого-то мне это напоминает.

— Я знаю, о чем ты подумал. Как бы прискорбно не было это признавать, но в «Спектре» одни истерички, включая тебя. Даже пережитая скорбь не высасывает из них эту женскую изюминку, а мы, парни, такие существа, которые склонны отречься от человечности за недостатком совокупности благого и чувственного.

— Я не совсем понимаю.

— Хорошо, давай разберем на примере — что ты чувствовал, когда Итаци засунула тебе язык в рот?

— Ну, было приятно, она застала меня врасплох, — пояснил я.

— Вот, видишь, для тебя это было впервые: буря эмоций, движение в штанах. А я бы сразу отправил ее в нокаут за такую выходку, а все потому, что я уже давно остыл к таким чувствам, для меня не существует больше губ, кроме как губы Марии.

— Хочешь сказать, что мы склонны черстветь?

— Именно, Ашидо, для нас все воспринимается иначе: мы быстрее стареем, потому что куда дольше выгораем, скапливая все в себе, а это негативно сказывается на здоровье и сознании — мы становимся черствыми, злыми, будто не от мира сего. Сознание женщины построено совсем по-другому, и тебе не удастся его до конца понять.

— А ты будто понял, дедуля, — подколот я Илию.

— Друже, я был в божке у тысяч женщин и прекрасно знаю, как они устроены.

— Кстати об этом, Хорнет говорила мне, что ты иногда даешь волю эмоциям, если тебе больно копать у кого-нибудь в голове.

— Ты уже слышал, что можно в них найти, — отстранился он. — Я давно привык к судьбам, вроде твоей, но порой в череде кадров мелькают и такие сюжеты, которые выходят далеко за рамки человеческого — тогда-то я и даю слабину.

— И много у тебя таких было? — поинтересовался я.

— Достаточно, — ответил Илия, — со временем я научился отличать тех, к кому в голову лучше не лезть. Самые отвратительные воспоминания именно у тех, кто прожил мученическую жизнь, ведь я будто погружаюсь в их тело, испытываю ту же боль, страдания — это очень тяжело, Ашидо.

— Мученическая жизнь, говоришь, — вздохнул я. — Как у той девушки в медпункте?

— Ей я в голову точно не полезу, — утвердил Илия каким-то злобным тоном.

— А как мы узнаем, что ей пришлось пережить?

— Как вы всегда узнавали до моего появления, если повезет — она сама расскажет.

— Сомневаюсь, что она захочет об этом говорить.

— Я готов помочь, только если ты дашь клятву, что «Спектр» отбросит мысль об убийстве короля.

— Нет уж, спасибо, мои планы все еще не изменились и не собираются меняться, — отказал я.

— Как знаешь, Ашидо, ты все равно рано или поздно смиришься, узнав правду о нем.

— И какая такая правда может заставить меня передумать?

— Я еще не готов говорить об этом, но, когда придет время — я все тебе расскажу до мельчайших подробностей.

— А ты говорил, что никогда не врешь, — осуждающе произнес я.

— Я и не вру, просто скрываю то, чего вам знать не нужно.

— Доскрываешься однажды, врагов себе заработаешь.

— Меня не волнуют эти твои «враги», в Гармонии есть всего один человек, в бою с которым я выложусь на максимум, а кучка детей не сможет меня даже поранить.

— И почему же ты так в себе уверен? — возмутился я. — Может мне прямо сейчас отрубить тебе руку?

— Валяй, — спокойно ответил он, поднявшись с дивана и выставив руку перед собой, — хочешь посмотреть на твое удивление.

— Не говори, что я тебя не предупреждал.

Я оголил «Нами» и занес меч над рукой, после чего со всей силы ударил по ней, но лезвие с громким металлическим отзвуком отлетело в сторону, я даже немного отшатнулся, а Илия лишь непоколебимо стоял в привычной позе.

— Еще? — демонстративно подтрунивал он.

Этот колдун явно меня провоцировал, потому я, не в силах смириться с его превосходством, вышел на следующий удар, который повторил судьбу предыдущего, и мой

меч снова отпружинил в противоположную сторону от его руки. Я заметил, что в момент попадания на месте, куда приходился удар, появляется странное свечение, будто это какой-то незримый щит.

— Еще? — в той же манере продолжал он.

— Знаешь, я, пожалуй, остановлюсь, — оскалив зубы, ответил я.

— Ашидо, я вам не враг и не хочу драться ни с кем из вас, но, если вдруг «Спектр» выставит свои мечи против меня — никто не выживет.

— Послушай, Илия, я понимаю, что у тебя есть «шиирацу», есть щит, есть сила шепота, но разве это делает тебя сильнее?

— Сильным человека делают не его способности, а умение их использовать, — сумничал он. — Я не пользуюсь силой шепотов, потому что она мне не нужна — всю жизнь обходился без нее и сейчас тоже обойдусь.

— погоди секунду, то есть ты хочешь сказать, что «шиирацу» и твой щит никак не связаны с твоей силой шепота? — опешил я.

— Абсолютно никак, — подтвердил он.

— У меня к тебе слишком много вопросов.

— И ответы будут только тогда, когда придет время.

— Илия, дай мне обещание, что ты никогда не перейдешь на другую сторону, — угрожающе посмотрел я на него.

— Мне надоело это повторять, потому говорю в последний раз — я буду на вашей стороне до тех пор, пока вы не направите на меня свои мечи.

— Это — обещание?

— Это — обещание.

Не знаю, что и думать. С одной стороны, Илия очень надежный и сильный союзник, но с другой, он слишком скрытный и непредсказуемый, и я не знаю, чего от него ожидать.

— Пойдем проведаем девушку в медпункте — времени уже прошло достаточно, — отстранился он от темы.

Мне самому не очень хотелось портить отношения со своим единственным другом, потому нам и вправду стоит остановиться.

— Идем, стоит посмотреть на результат.

Тихим размеренным шагом с невероятным напряжением от компании друг друга мы шли от гостиной до самого медпункта, не говоря ни слова, сделав остановку только около моего кабинета, откуда я забрал свою маску. Когда мы наконец дошли до двери в конце коридора, в переговорном устройстве послышался голос Хорнет:

— Илия, вызываю тебя, — проговорила она.

— Слушаю, — ответил он, остановившись и нажав на кнопку.

— Я сейчас у Юстиции и нам нужна твоя помощь, нужно полазить в головах у жертв Сильвестра, чтобы узнать, где их родственники.

— Иди в задницу с такими просьбами, — осекся он. — Обратитесь напрямую к Кафке, он разберется, а меня не надо в это впутывать.

— Ожидаемый ответ. Видишь, Солен, он бы не согласился на такое.

— Это все?

— Нет, — отрезала она, — Луна сказала мне, что ты что-то знаешь о Сальвадоре, о котором поведал нам Ашидо. Не хочешь проявить капельку инициативы и поделиться тем, что скрываешь?

— Ты знаком с Сальвадором? — спросил я, затерявшись в удивлении.

— Иди внутрь и скажи другим, чтобы не подслушивали, я тебе лично потом все расскажу, — ответил он мне. — Слышали? — обратился он уже в голосовой канал. — Снимайте «говорилки» на несколько минут, вам пока не нужно ничего знать.

Опять какие-то секреты, но я готов пойти навстречу, если вопрос стоит о том, как подобраться к Колдену, который сейчас отчаянно скрывается где-то в глуши. Сняв переговорное устройство, я вошел внутрь, где Ринна и Амелия активно переговаривались, позабыв об уже очнувшейся девушке.

— Сороки, вашу мать, она уже проснулась, — наехал я на своих халатных подруг.

На них резко снизошло осознание того, что она действительно находится в сознании и наблюдает за ними, лежа на кушетке. Удивительно, но рецепт Илии оказал чудодейственный эффект, и девушка в самом деле залечилась — руки на месте, взгляд пилит нянек.

— Ого, еще десять минут назад она была без сознания, — опомнилась Амелия.

— Я жду отчет, — пилит я взглядом Лию.

— Отчету быть, — вмешалась Ринна, соскочив со стула с бумажкой в руке.

Она передала мне небольшой листик, на котором были зафиксированы изменения в определенный момент времени: «...скрылись синяки и порезы...руки стали восстанавливаться...руки полностью залечились...пропала кровавая корочка с глазницы...»

— Дозировку не нарушали? — поинтересовался я.

— Все строго по пунктам, — подтвердила Ринна.

— Сколько вы успели влить?

— Судя по всему, хватило пяти порций. Шестая наготове, если что.

— Дай Илии договорить с Хорнет, и он выдаст дальнейшие указания.

— Хорошо, а сейчас мы можем с ней познакомиться? — сгорала от нетерпения Ринна.

— Давай, только не вздумай ее пугать, — предостерег я, — кто знает, что она может выкинуть.

Еще на входе я нацепил маску, чтобы первоначально скрыть от нее свою личность. Мы втроем приблизились к девушке и уселись на кушетки рядом, от чего она немного занервничала, о чем говорило заметно ускорившееся дыхание.

— Тише-тише, все хорошо, ты спасена, — шепотом говорила Амелия, поглаживая ее по голове. — Как тебя зовут?

За вопросом последовала лишь тишина, девушка тряслась в страхе и не могла ничего ответить, ее взгляд метался между нами. Честно говоря, она мне кажется до боли знакомой, но все никак не могу понять, где я ее уже видел: длинные белые волосы, красные глаза, гладкая и блестящая кожа, чрезмерная активность даже в больном лежащем состоянии. Она чем-то похожа на Хорнет, но в то же время кардинально от нее отличается, только вот не пойму чем.

— Хей, не бойся, мы все здесь хорошие, тебя никто не обидит, — подбадривала ее Ринна. — Ты можешь говорить?

— М-мне... страшно, — прохрипела девушка.

— Ура! — резко и громогласно прокричала Ринна, услышав из ее уст первые слова.

Этот ход был критической ошибкой, ведь Ринна очень напугала девушку своим возгласом. Она молниеносно соскочила с кровати, оборвав все медицинские датчики, я даже не успел среагировать, как некогда лежащая девушка уже выкрутила свое тело, схватив ногами Ринну и запустив ее в другой конец комнаты, где та с огромной силой ударилась

головой о край стола, после чего рухнула на пол, залив его кровью.

Ситуация чрезвычайная, я сразу же перешел в боевой режим, отступив назад, а она в это время с разворота ударила Амелии в челюсть ногой так, что та с грохотом рухнула пол, после чего устремилась ко мне, держа в руках скальпель. Я думал, что способен отразить такой прямой удар, но эта фурия была настолько быстрой, что мои глаза не успевали за ней уследить, потому она мгновенно сблизилась со мной, сделав замах, от которого мне удалось увернуться, подставившись только частично, но она все же задела меня, порезав в области виска так, что ремешок маски разошелся и лезвие скальпеля рассекло мою кожу.

Я еще не успел опомниться от первого удара, как она вышла на второй, который точно меня убьет, ведь маска слетела с головы и уже не блокирует мое лицо — лобовой удар в мозг и можно считать меня мертвым. Какая постыдная смерть в награду за благородный поступок. В этот момент у меня перед глазами пронеслась вся жизнь, но, судя по всему, умирать еще было рано, ведь девушка с той же бешеной скоростью проскользила на коленях в обратную сторону, схватившись за живот. Она уселась на карачки, расплывшись в тяжелой отдышке и беспорядочном кашле, порой отхаркивая на пол кровь.

— Все целы? — послышался голос стоящего рядом со мной Илии.

Не хотелось бы этого признавать, но он только что спас мне жизнь. Прибывая в предсмертном шоке, я даже не заметил, как он ударил ее ногой в живот так, что та оказалась полностью нейтрализованной.

— Сильно же ты ее, — очнулся я.

— Минут тридцать не встанет, — пояснил он. — Ринна, Амелия?

— Н-нормально, вроде живая, — послышался голос поднимающейся с пола Ринны.

— Она выбила мне нешkoľко жубов! — разъяренно шипела Амелия.

— Залечивайтесь, идиотки, — прорычал Илия.

Он выглядел как-то странно, я видел, что его руки немного трясутся, то ли от страха, то ли от перенапряжения. Взглянув на Илию, я заметил, что девушка тоже как-то его ранила:

— Илия, у тебя кровь из глаз течет, — подметил я.

— Не обращай внимания, это — побочка, — с невозмутимым лицом пояснил он.

Побочка чего? Она его не задела? Тогда почему он выглядит так, будто плачет кровавыми слезами?

— Смотри, она в бешенстве, — Илия указал пальцем на девушку, — аж слюни на пол капают.

— Подумать только, мы ее напугали, и она едва не убила всех нас, — проговорила Ринна.

— Не мы, а ты, шука! — возмутилась Лия.

— Ну чего ты, выпей «витаминку», успокойся, — утешала ее Ринна.

— Ты мне год жа этот шлучай отрабатывать будешь!

— Молчать! — прокричал Илия. — Потом решать будете, а сейчас нужно ее связать. Ашидо, не поможешь?

— А-ашидо? — проямлила девушка, переменившись во взгляде. — Ашидо... Та...

В этот момент ее руки стали подкашиваться, глаза закрывались — она ослабела и вот-вот отключится. Илия тоже заметил это и, судя по всему, пересилил себя, чтобы применить на ней «шиирацу», от чего того перекосило так, будто перед ним только что промчалась машина.

— Я, сука, больше никогда в жизни не полезу к ней в голову! — проговорил он каким-то

испуганным тоном.

— Что ты там увидел? — замешкался я.

— Тебе лучше не знать, Ашидо, просто закрой свой рот и ни слова больше не говори! — прорычал Илия.

Я замолчал и стал наблюдать за тем, как он себя поведет. Илия еще какое-то время старался отдышаться, пока все мы молча смотрели на эту картину. В какой-то момент он сделал очень глубокий вдох и выдохнул, стараясь восстановить свое дыхание, после чего его лицо снова приняло привычный серьезный и безразличный вид, хотя эти кровавые капли, падающие с его щек, выдавали что-то неладное. Все выглядит так, будто Илия применил какую-то скрытую способность, а свои кровавые слезы обозвал ее побочным эффектом — ничего другого более в голову не приходит.

— Ашидо, — наконец заговорил он, — давай я сейчас успокоюсь, приду в себя и умоюсь, а потом все тебе расскажу, если ты готов выслушать, что этой девушке пришлось пережить.

— Хорошо, Илия, — последовал утвердительный кивок головой, — я понимаю, что ты сейчас не в состоянии, но можешь хотя бы сказать, как ее зовут?

— Ты и без меня знаешь, тебе этот человек прекрасно знаком.

— О чем ты? Она — кто-то из рода Ишимару? — непонимающе гадал я.

— Ответ лежит на поверхности, просто посмотри на ее спину и сам все поймешь. Я пойду, не могу больше здесь находиться.

— Дай знать, когда оклемаешься, — вдогонку сказал я. — Выпьем по баночке «Melon'у Cherry» и перекусим, чтобы разрядить обстановку.

— Ну, раз уж речь идет о «Melon'у Cherry», то я обязательно позову тебя на застолье. А пока, бывай, — он махнул рукой и скрылся за дверью.

Я все думал, что же тогда пил Илия, когда впервые пришел к нам домой. Стоило просто спросить, как я уже подсел на любимые им энергетические напитки. Это что-то вроде простого лимонада, но в составе так же присутствует кофеин, который поддерживает нервную систему в состоянии активности, к тому же он слаще и пьется дольше. «Melon'у Cherry» — это его любимый напиток со вкусом арбуза и вишни, который он частенько распивает в неделовое время.

Ну, хватит об энергетиках, сейчас меня интересует только личность этой беспощадной, но в то же время испуганной женщины. Амелия уже выпила «витаминку» из оставшегося шприца, и ее зубы вновь начали заполнять пробелы во рту, но такой дозы было мало, чтобы восстановить их полностью, потому эстетику улыбки Лии все еще портили зияющие дырки.

— Все хорошо? — спросил я у девушек.

— Вше прошто аху...

— Да-да, все ок, мы снова на ногах! — очень громко перебила Ринна Амелию.

— Если все в порядке, помогите мне перетащить ее на кушетку.

— Давай, бери за ноги, я возьму под руки, —скомандовала Ринна.

Вместе мы перетащили тело в отключке обратно на кушетку, снова подсоединили к ней датчики состояния, оставалось только одно:

— Ринна, я побуду здесь, сбегай за веревкой к Мисато, — приказал я.

— Мишато, — заговорила в рацию Амелия, — тащи веревку в медпункт, это шрочно.

— Одна нога здесь, другая там! — ответила ей Мисато так, что было слышно с другого конца комнаты.

— Вопрос решен, не шведите ш нее глаж, — прошипела Лия.

— Оперативно, — улыбнулась Ринна.

Хорошо, веревка на подходе, а теперь пора понять, о чем мне говорил Илия.

— Переверни ее на живот, — скомандовал я.

— Зачем? — оторопела Ринна.

— Сейчас мы узнаем, кто она такая, — пояснил я.

Ринна молча перевернула девушку на живот, после чего я схватился за низ ее рубашки пациента, которая едва закрывала ягодицы, после чего начал медленно поднимать ее.

— Хей! — Ринна схватила меня за руку. — Что это ты делаешь?

— Дай мне взглянуть ей на спину, или твоя оплошность перед Амелией будет висеть не год, а два, — пригрозил я.

— Валяй, — демонстративно отвернулась она, скрестив руки, будто ничего не слышит и не видит.

Я задрал рубашку до шеи, полностью оголив ее спину. Глядя на это, могу с уверенностью сказать, что у нас две новости: во-первых, у нее идеальная модельная фигура, а во-вторых, теперь я знаю, кто это.

— Ашидо, тебя трясет, что такое? — подметила Ринна.

— В-видишь? — я указал пальцем на родимое пятно под правой лопаткой.

— Ну, и? — она оперлась на руку и как-то грозно на меня посмотрела. — Что теперь?

Родинка что-то говорит о ее личности?

— Она говорит о ней все, я знаю эту девушку лучше, чем кто-либо на всей планете.

— Ну? Убери с лица такой шокированный вид и назови ее имя.

— Л-лаффи...Харуна...

Глава 26: Клеймо принцессы

Где-то в тронном зале королевского дворца:

— Аой, сколько раз тебе еще нужно повторить, чтобы ты поняла? Или до твоей тупой бошки не доходит, что тебе закрыт доступ в лабораторию и ничего там трогать нельзя? Ладно бы только это, но еще за сегодня ты умудрилась смешать стопки бумаг с разными метками! — разъяренно проговорил король.

— Прости, папа, я не хотела, — раскаивалась я.

— Хотела, не хотела — какая разница? Ты хочешь повторить судьбу Нао?

— Нет, прошу, не надо! Я буду стараться изо всех сил и внимательнее относиться к своей работе!

— Очень на это надеюсь, я не хочу разочаровываться в тебе, как когда-то разочаровался в ней.

— Обещаю, что больше не буду давать тебе повода во мне разочаровываться, — едва не плача, мямлила я.

— И еще, Аой, в этой комнате для тебя есть только «Ваше Величество» — формальности никто не отменял. Твой отец существует только за пределами этого трона, ты поняла?

— Да, я все поняла.

— Тогда ступай, Аой Изуми, возьми выходной на сегодня и не мешайся под ногами.

— Благодарю Вас за Вашу снисходительность, Ваше Величество, — сквозь оскал пробормотала я, после чего развернулась и покинула тронный зал.

Кому-то такое отношение к собственной дочери покажется дикостью, но для меня это самые обычные будние — все время приходится терпеть, глядя в лица людям, а потом громко плакать в подушку по ночам. Все эти королевские слуги, они...словно чужие, все какие-то злые и нервные, будто никого из них не учили добру в детстве.

Я все еще помню теплые руки мамы и ее нежный голос, совсем не похожий на тон моего отца. Когда я была совсем маленькой, мама много со мной возилась и все мне прощала без криков — тогда я по-настоящему чувствовала родительскую любовь. Каждое утро начиналось с ласковых прикосновений к моим щекам. Стоило мне вылезти из-под теплого одеяла, как меня на столе уже ждал любимый теплый завтрак — сырники. Я всегда с удовольствием съедала все до конца, объедалась так, что живот тянул все тело вниз, а потом приходилось отказываться от королевского завтрака на шведском столе, ведь там никогда не подавали этого прекрасного блюда славянской кухни — сырники делала только мама. За это она все время получала выговор от отца, мол не пристало матери принцессы готовить, если на кухне работают лучшие повара Гармонии, отобранные лично им. Но мама, назло папе, продолжала каждое утро подавать мне любимое лакомство, так что теперь я вспоминаю ее только с улыбкой.

Как бы не было прискорбно это осознавать, но правда в том, что мама никогда не принадлежала к королевскому дворцу, потому никто не относился к ней с пониманием, все только и делали, что гнобили и осуждали ее. Когда я подседа на подростковые романы, то открыла для себя много нового, но не все содержимое оказалось понятным и приятным. Я не знаю, почему иногда в жизни случается так, что у ребенка есть отец и мать, но они даже не муж и жена — как в моем случае. Разве это правильно? Из-за решения отца принцессе

приходится находиться на перекрестье между теми, кого бояться, и теми, кого запугивают. Это действительно тяжело, ведь меня никто не понимает и не хочет понять — в этом мире я совсем одна.

С уходом мамы все изменилось, вся жизнь пошла под откос, наступила пора слез и боли, мой сосуд принял клеймо принцессы, но душа все еще его отвергает. Знаю, многие за пределом дворца любят меня и даже завидуют, но знали бы они, что же здесь на самом деле происходит. Стоит пройтись по длинным коридорам с высокими потолками, как сейчас по ним иду я, так разум пропитывает дурная атмосфера. Когда-то я бегала по этим коридорам, врзалась в слуг и громко смеялась, а они, боясь гнева короля, только шаловливо подтрунивали надо мной, тщательно выбирая слова, даже если я опрокинула тележку с обеденной едой. У детей совсем другой взгляд на мир, все кажется таким красочным и интересным, кругом любящие тебя люди, везде поддержка и понимание, но с возрастом человек учится распознавать лживые улыбки. Во дворце таких полно, все они врут мне в лицо, показывают свою светлую сторону, а сами скрывают темную половину злобы и лицемерия — даже сейчас.

— Ваша Светлость, — улыбчиво поприветствовала меня знакомая горничная.

— Добрый день, Клавдия, — улыбнулась я в ответ, проходя мимо.

На первый взгляд кажется, что все в порядке вещей и эта старая женщина ведет себя подобающе слуге, но я прекрасно знаю, что она обо мне думает. Как-то раз я краем уха подслушала разговор горничных после смены, тогда и услышала, как она устала менять мои подушки. Пусть старуха и улыбается мне в лицо при каждой встрече, но за спиной кличет меня размазней и человеком без стержня — никакого сочувствия.

Только Нао могла меня по-настоящему понять, потому что она была такой же. Мы были не просто подругами, а настоящим дуэтом плакс, но она все равно была намного сильнее меня внутренне: все время перечила слугам, высшим гвардейцам, даже отцу, за что всегда получала по заслугам. Нао всегда приходила поплакать мне в плечо, но стоило мне обронить неаккуратную слезу, так та сразу же переставала рыдать и бросалась меня утешать, как какая-то нянька. Я не видела своей жизни без нее, как и не вижу сейчас, когда отец выпер ее из дворца без гроша на руках, а потом и вовсе позабыл о ее существовании. Сейчас ей должно быть где-то двадцать два, интересно, жива ли она сейчас?

Конечно, ее уход я перенесла с большим трудом и до сих пор страдаю, но жизнь ведь не останавливается, вот я и нашла новую подругу, которая может быть со мной хоть капельку искренней, потому что сейчас я как раз направляюсь к ней, чтобы вырвать ее со службы, воспользовавшись своим положением принцессы. Выйдя на полигон, где проводится первоначальная дисциплина новеньких элитных гвардейцев, я осторожно спустилась по лестнице, громко стучая по ней своими туфельками. Все сразу меня заметили, потому что командующий сразу же приказал солдатам:

— Упор на колено! Поприветствуем принцессу!

Гвардейцы тут же приняли позу, склонив голову, в знак уважения ко мне. Все бы хорошо, но даже здесь не обойтись без лицемерия, ведь генерал Джонатан Морроу не стал унижаться в отличие от его дочери под боком. В случае с генералом все предельно понятно, он просто считает себя выше меня, даже презирает, но в его обязанности входит воспитание в солдатах патриотизма и уважения к вышестоящим, потому что он вынужден пересиливать себя, чтобы перекрыть лицемерие улыбкой.

— Ваша Светлость, — поклонилась Морроу младшая, искренне улыбнувшись.

Вот она, можете познакомиться — Эмили Морроу, капитан четырнадцатой роты элитной гвардии, единственная наследница генерала Джонатана Морроу и единственный человек во всем дворце, которому я доверяю.

— Здравствуйте, генерал, здравствуй, Эмили, — поприветствовала я их.

— Сияете, как обычно, — льстил мне Джонатан. — Вы к нам по какому-то делу?

— Мне нужна Эмили, я могу ее сейчас забрать?

— В рамках поручения или Его Величество опять выписал Вам внеплановый выходной? — уточнил он.

— У меня выходной, — пояснила я.

— Не люблю я эти Ваши выходные, но делать нечего — забирайте, раз уж это требование принцессы.

— Благодарю. Эмили, идем, — подозвала я к себе подругу, которая радостно оторвалась от земли.

— Я ухожу, а вы не расслабляйтесь, хлюпики, — обратилась она к солдатам. — С этого дня вы подчиняетесь мне и в ваших интересах сохранить со мной хорошие отношения.

— Честь и слава, капитан Морроу! — в один голос прокричали новенькие гвардейцы.

— Честь и слава, солдаты! — прокричала Эмили вслед за ними, после чего развернулась, и мы обе покинули полигон.

Не люблю я вот такие разговоры, ведь генерал Морроу с каждым разом выглядит все злее и злее, будто вот-вот пожалуется на меня отцу — становится все страшнее забирать ее со службы.

— Ну, Аой, куда мы идем? — поинтересовалась она.

— Куда-нибудь, где будет тихо и спокойно.

— В королевский сад, значит? — она уже все наперед знает.

— Да, я хочу посидеть с тобой на лавочке в саду.

— Только бы не встретить твоего отца по пути.

— Да уж, придется быть осторожными.

Благо королевский сад находится по другую сторону полигона и не под окнами тронного зала, потому мы можем спокойно в нем посидеть, но до этого придется преодолеть десяток длинных и людных коридоров. Куда ни ступи — везде засада. Что ни угол, то человек за ним, а самое неприятное, что все здороваются только со мной, игнорируя Эмили, но она, видимо, не сильно от этого страдает. По крайней мере слуги честно выражают свое безразличие, а не врут прямо в лицо.

— Как же жарко в этих тряпках, — проговорила Эмили, снимая свою кофту.

Да уж, не позавидуешь ей. Я хотя бы одеваюсь довольно легко: одно лишь платье и нижнее белье. А вот Эмили вынуждена носить свою служебную одежду: черную рубашку с желтым галстуком под накидкой капитана элитной гвардии, которая представляет собой причудливую накидку на молнии, юбку, колготки и ботинки. Требования суровы, но плевать она на них хотела, потому носит то, в чем удобно ходить, лишь бы присутствовала черно-желтая палитра для соответствия стандартам гвардии.

— Ваша Светлость, позвольте обратиться, — развеяло мои мысли знакомое лицо.

— Слушаю, полковник Айс.

— Где сейчас Его Величество? Шевцов опять накосячил, и я к нему с отчетом.

— Что опять натворил этот придурок? — завелась я.

— Убил несколько чернокожих на задании по ликвидации опасного ренегата, —

пояснил он.

— Эдвард, ты же понимаешь, что за его выходки всем нам придется отдуваться?

— Прекрасно понимаю, Ваша Светлость, но мы ничего не можем с этим поделать. Пока в нем присутствует боевой потенциал, Его Величество Котай готов закрывать глаза на убытки и демографический кризис — увы, я на это никак не повлияю.

— Что в лоб, что по лбу, — вздохнула я. — Отец в лаборатории, сказал его не беспокоить. Если хочешь просидеть день на гвоздях — вперед.

— Ничего страшного, меня он не выгонит, — улыбнулся Эдвард, отстав от нас, и направился дальше.

Этот мужчина тоже входит в число тех, кого я на дух не переношу, но он хотя бы наделен хорошими манерами и относится ко мне с уважением, за которым не сокрыто ничего дурного. Эдвард Айс приходится полковником в нашем нескромном дворце, носит деловой костюм с пышной накидкой, на которой полно меха — удивляюсь, как он в нем не потеет в такую жару. Из приметных деталей можно выделить только его слепоту, ведь Эдвард носит повязку поверх глаз, но все равно как-то умудряется ориентироваться в пространстве и различать вышестоящих в толпе слуг, а еще в глаза кидаются его черные и пышные волосы, которые собраны в хвост за спиной.

У нас вполне хорошие отношения, несмотря на неприязнь, но, что касается Шевцова — это та еще беда. Когда-то он был простым русским киллером, пока на него не вышла гвардия. Сейчас же Камиль Шевцов служит королевским убийцей, который работает в одиночку и блестяще справляется со своей задачей, если не считать огромные убытки, на которые отец закрывает глаза. Он считает себя пупом вселенной, хотя на самом деле простой молодой голубоглазый блондин, коих во дворце полно. Единственная уникальная черта этого человека — отсутствие способностей, как таковых. Ему неоднократно предлагали стать геномом, но он все время отказывался, ссылаясь на то, что ему не нужна грязь в крови.

Какое-то время мы шли по коридорам, пока наконец не вышли в королевский сад, где нас всегда ждал дедуля, ухаживающий за растительностью.

— О-хо-хо, да это же принцесса Изуми в своем прелестном облики, — произнес старик, увидев нас.

— Добрый вечер, дядя Мао, — улыбнулась я.

— Привет, малышка Аой, и тебе привет, Эмили, — аналогично улыбнулся Мао.

— Вот за это я вас и люблю, мистер Мао — за то, что вы видите во мне личность даже тогда, когда я стою рядом с Аой, — подхватила Эмили.

— Да брось, детка, я вас тоже люблю, вы же мои дорогие цветочки, такие же приятные, как в саду. Ну, снова пришли посидеть на лавочке и поболтать?

— Да, — подтвердила я. — Отец снова накричал на меня.

— Вот негодяй, — в смешной манере выставил он кулак. — Заходите, расслабляйтесь!

— Спасибо, дядя Мао, я вам потом занесу вкусностей с королевского стола, — пообещала я.

— Ну, чего ты, не стоит. Все равно никто кроме вас сюда не ходит.

— Не упирайтесь, вы этого заслуживаете.

— Ну, раз уж принцесса настаивает, я не могу отказать, верно?

— Не настаиваю, в этом саду я могу быть простой девушкой, а не принцессой, потому просто примите мою благодарность.

— Хорошо, благодарю, располагайтесь, я не буду подслушивать.

Этот старенький китаец, наверное — самый добрый человек во всем дворце. Он работает здесь садовником, и к нему никто никогда не заходит, кроме людей из королевской службы контроля качества, ведь у короля могут быть только самые лучшие и самые красивые сады. Мао прекрасно справляется со своей задачей и получает удовольствие от жизни за чертой пенсионного возраста, он всегда протягивает мне руку помощи, когда речь идет о посиделках втихушку. Здесь нас никто искать не будет, потому можно дать волю эмоциям и поговорить с Эмили.

— Ну, твой старик опять тебя в чем-то упрек? — спросила она, усевшись на нашу любимую скамейку.

— Да, снова, — вздохнула я. — Когда я проходила мимо лаборатории, то услышала внутри какие-то бульканья, хотя прекрасно знала, что папа сейчас занят другими делами, потому решила заглянуть внутрь, чтобы проверить, нет ли там посторонних, но внутри никого не оказалось. Я тихо вышла и закрыла дверь, ничего не трогая, но он как-то узнал, что я в нее заходила и накричал на меня.

— Вот, всегда так, хочешь, как лучше — получается, как всегда, — пробормотала Эмили.

— Мне кажется, что во мне совсем нет стержня, чтобы дать ему отпор, — слезы сами собой уже катились по моим щекам.

— Хей, ну чего ты, Аой, перестань, — утешала она меня. — Ты — простой непорочный ребенок и тебе не стоит опускаться до его уровня. Лучше уж оставаться такой же доброй плаксой, чем потом бродить по улицам, как Нао, а я уж как-нибудь поддержу тебя.

— Не говори так, будто Нао хуже меня.

— Я не говорю, что Нао хуже, — заспорила Эмили. — Она просто не смогла провести черту и переступила ее, потому Котай ее и выгнал.

— Но она ведь была права, когда говорила, что отец думает только о себе и о своем благополучии. Почему этим миром правят сильные люди, а не добрые сердцем?

— Потому что добрые сердцем порой не могут быть сильными, совсем как ты, Аой, — пояснила она. — Ты молодец, но сама же знаешь, каково это, мириться с обстановкой, где все вокруг смотрят на тебя свысока, несмотря на твою одностороннюю доброту.

— Почему так происходит? — уже рыдала я.

— Потому что за сильными стоит армия, а за добрыми — народ. Простые граждане не могут дать отпор тем, кто ими правит, даже если их ведет сильный, добрый сердцем предводитель, тем более если на троне сидит чуть ли не сильнейший человек в мире.

— Поэтому я его и боюсь. Папе никто не может возразить, потому что все его боятся, а он пользуется нами, как какими-то пустыми игрушками.

— Скажи спасибо, что ты хотя бы не пустая игрушка в буквальном смысле.

— Ты о гвардейцах? — уточнила я.

— Да, я о тех бедолагах, которым он промывает мозг, делая их бездушными, полыми внутри куклами, создавая тем самым идеальных солдат.

— Эмили, ты ведь тоже гвардеец, — подметила я.

— И? — непонимающе спросила она.

— Тебе ведь он не стал промывать голову. Почему так происходит, что некоторые вынуждены беспрекословно подчиняться приказам, утратив свою личность, а некоторые в это время живут обычной жизнью?

— Это — осуждение?

— Нет-нет, не подумай, — оправдывалась я, — просто не понимаю, почему так происходит...

— Эх, Аой, ты еще многого в этом мире не понимаешь, — вздохнула Эмили. — Я родилась в семье потомственных военных Морроу, потому меня с самого детства растили, как солдата: вешали лапшу на уши про патриотизм, уважение к вышестоящим, честь, волю, харизму. Все до банальности просто — из меня воспитали инструмент, орудие для поддержки национальных интересов. Новопришедших гвардейцев же никто не воспитывал, потому они упираются и бунтят, оказавшись в гвардии, и я их прекрасно понимаю. Другого выхода нет, потому король просто обращается к своей силе и с помощью «шиирацу» стирает их воспоминания и вставляет новые, внушая, будто они с рождения были созданы для службы в гвардии.

— А если они не хотят? Почему он силой заставляет их подчиняться?

— Это уже не нашего ума дело, Аой, но я предполагаю, что твой отец — просто козел.

— Эмили, тебе опасно так выражаться, — предостерегла я ее.

— Не забивай голову, — расслабленно лепетала она, — он тебе доверяет и в душу не лезет, а я с ним никогда не пересекаюсь.

— А вдруг он захочет залезть мне в голову? — испугалась я.

— Аой, смирись с тем, что в его глазах ты — плакса без стержня, которая от одного только вида отца трясется в страхе, не говоря уже об абсолютном подчинении любому приказу.

— Ты обижаешь меня такими словами, — совсем раскисла я.

— Прости, не хотела тебя обидеть, — опомнилась Эмили. — Для меня ты всегда будешь моей дорогой подругой, несмотря на то, что ты плакса. Я всегда выслушаю и поддержу тебя.

— Спасибо, — улыбнулась я, — ты тоже очень дорога мне, Эмили.

— Ну вот и чего драму на пустом месте разводить? — она старательно вытирала слезы с моих щек. — Успокойся, Аой, на свете не сыскать человека добрее, чем ты.

— Наверное, ты права...

Я очень благодарна Эмили за то, что она у меня есть. Эта простая девушка заменила мне Нао, как бы это неправильно не звучало, но это — правда.

— Слушай, я тут вспомнила о том парне на площади, — подскочила Эмили, стараясь разрядить обстановку. — Как там его...

— Ашидо Такаги? — подсказала я.

— Точно, Ашидо Такаги, — она ударила кулаком по ладони. — Круто, что ты его запомнила.

— И почему же ты о нем вспомнила?

— Я просто подумала, вот бы на свете был человек с такими же железными яйцами! — воскликнула она.

— Что за железные яйца? — оторопела я.

— А, точно, ты же не знаешь о яйцах, — опомнилась Эмили. — Вот тебе и воспитание принцессы... Ну, так вот, о чем я, этот парень не побоялся нагло выйти на площадь на глазах у Котая и всего города! Я же тоже там была, а еще там были Фридрих, мой отец, Эдвард и Камиль, и все мы в ступоре стояли, будучи ошарашенными от такого поступка!

— Ну, и?

— Честно говоря, я им восхищаюсь, если бы такой человек повел за собой отряд из

людей со способностями, то они бы с легкостью дошли до самого тронного зала.

— Ну, дошли бы они, а что бы этот парень сделал папе?

— В этом и загвоздка — ничего, — тяжело вздохнула Эмили. — К тому же, он давно уже в могиле, но в память врезался так, что никак выбить не получается.

— Как думаешь, я бы смогла стать такой смелой, как он?

— Кто знает, Аой, может ты однажды встанешь во главе заговора против собственного отца, — она как-то многозначно улыбнулась.

— Н-нет, я не могу... Он ведь — мой отец, к тому же моих сил не хватит, чтобы дать ему отпор.

— Как и моих, — Эмили опустила голову. — Придется смириться и жить, как прежде, среди людей, которые тебе не дороже врагов.

— Эмили, — мямлила я, — а если я надумаю сбежать... Ты сбежишь вместе со мной?

— Можешь в этом не сомневаться, только для начала сама решишь.

— Я уже твердо решила, — неуверенно поговорила я, старясь выглядеть убедительно.

— погоди, ты не шутишь?

— Это не шутки, Эмили, — опровергла я. — Я хочу увидеть Нао, если она все еще жива.

— Ты же понимаешь, что Котай будет в ярости, если узнает, что ты сбежала из дворца ради встречи с ней?

— Я все понимаю, но...

— Я не смогу тебя прикрыть, Аой, — перебила меня Эмили.

— Знаю, я не буду тебя в это втягивать, Эмили...

— Поступай, как считаешь нужным, но учти, что я буду очень за тебя переживать.

— Знаю, прости меня...

— Не извиняйся, я все понимаю, — подбадривала она, — в этом дворце ты — словно птица в клетке, все время рвешься на волю, но люди вокруг не дают увидеть мир.

— Ты ведь такая же, как и я, — подметила я.

— Хуже, мое положение ниже и люди со мной не считаются, порой даже банальной вежливости не услышишь, не говоря уже об искреннем уважении. Мне пора, — вдруг оборвала она.

— Постой, ты уже уходишь? — расстроено промямлила я.

— Ты же знаешь, что будет, если я надолго с тобой задержусь. Не подумай, я бы с радостью еще поболтала, но работа ждет.

— Хорошо, Эмили, тогда иди, — тяжело вздохнула я.

— Еще увидимся, Аой, — улыбнулась она напоследок, после чего спешно покинула сады, оставив меня наедине со своими мыслями.

Наверное, я и вправду птица в клетке, ведь сколько бы во мне не было уверенности, насколько бы сильной я не была — никогда не смогу отсюда сбежать и по-настоящему впитать вкус жизни за пределами Парадного района. Тирания отца не дает мне почувствовать себя вольной, способной заниматься тем, что прикажет сердце. Вместо этого я утопаю в повседневной рутине, бегаю туда-сюда, словно доставщик пиццы, терплю неуважение к себе и к моему труду — как же я устала...

Свободного времени осталось немного, но этих часов достаточно, чтобы немного расслабиться, лежа перед телевизором, а потом хорошенько выспаться. Я медленно и отчужденно поднялась со скамейки, решив вернуться к себе в комнату. На выходе из сада мне встретился старик Мао:

— Ну, что? — поинтересовался он. — Хорошо посидели?

— Да, смогла хоть немного выдохнуть, — подтвердила я. — Спасибо вам за содействие, за мной должок.

— Приходи еще, малышка Аой, я всегда тебе рад, — улыбнулся Мао.

— Обязательно приду! — улыбнулась я напоследок, после чего вышла за пределы садов.

Как-то на душе совсем неспокойно, еще и Эмили так резко ушла, я даже не успела повеселеть. Может, она только делает вид, что мы — подруги? Что если на самом деле она мне тоже врет и просто пользуется мной, чтобы откосить от работы? Вглядываясь в ее желтые глаза, которые были еле видны под локонами ее русых волос, я заметила, что Эмили тяжело со мной разговаривать, и она была явно не в духе выслушивать мои проблемы, не говоря уже о том, чтобы поддержать.

Медленно петляя по коридорам, я в один момент с кем-то столкнулась и упала на пол. Когда мои глаза поднялись наверх, чтобы посмотреть, в кого я врезалась, то передо мной оказался отец.

— Прости, папочка! Я не хотела! — испуганно кричала я, молниеносно поднявшись с пола.

— Тише, не кричи, — успокаивал он. — Все хорошо, сама-то не ударилась?

— Нет, все хорошо.

— Ну и славно, — улыбнулся он. — Слушай, Аой, я хотел перед тобой извиниться, сегодня я был слишком строг и накричал на тебя на пустом месте. Ты ведь ничего не трогала в лаборатории?

— Совсем ничего, клянусь! Даже пальцем ни к чему не притрагивалась! — снова испугалась я.

— Тише-тише, я тебе верю, — он меня обнял. — Прости, я сегодня совсем на нервах и мне сложно себя контролировать. Люди взволнованы новостью ордена «Юстиция» о грехах одного из наших почетных чиновников, потому дают на верхушку, требуя объяснений, почему мы ничего с ним не сделали, а вместо нас за дело взялся какой-то «Спектр».

— Я ничего об этом не слышала.

— Так, — он взглянул на свои латунные часы, — через двенадцать минут вечерний выпуск новостей, можешь глянуть его.

— Папочка, я хочу у тебя спросить...

— Хорошо, спрашивай, — согласился он.

— Ты любишь меня? — с заплаканными глазами посмотрела я на него.

— Хей, ну чего ты, солнце, конечно, я тебя люблю, ты же моя дочь!

— А... Нао? — с щенячьим взглядом ожидала я ответа.

— Послушай, Аой, с Нао все очень сложно, я не могу тебе точно сказать, люблю ли я ее, но она точно мне не безразлична, — убеждал он.

— Зачем ты меня обманываешь? Ты же сам выгнал ее из дворца.

— Я тебя не обманываю.

— Вот, стало быть, что для тебя значит дочь, — расстроено мямлила я.

— Аой, я устал от разговоров про Нао, — отстранился он. — Говорю в последний раз, ей закрыт путь во дворец, и она никогда больше не вернется обратно.

— Можешь возвращаться к своим делам, не буду более нагружать тебя своими чувствами, — отмахнулась я, освободившись из лживых объятий и устремившись к себе в комнату.

— Аой, просто запомни, что я тебя люблю, — вдогонку проговорил отец.

Мне не хотелось ничего слушать, тем более всю эту ложь. Я с грохотом ворвалась в комнату и заперла дверь на замок, вернувшись в долгожданную тишину наедине с собой и своими переживаниями, где наконец хоть немного успокоилась. Слова папы никак не вылетали из головы — не те, что о любви к дочери, а те, в которых прозвучало что-то про новости.

Я разулась, сбросила с себя платье и бюстгалтер, аккуратно сложив их на край кровати, сняла чулки и как-то отчужденно забралась под теплое толстое одеяло, включив телевизор напротив своего гнезда. Только здесь я могу по-настоящему расслабиться и позабыть о внешнем мире, по крайней мере, до момента, пока не придется засыпать.

— Здравствуйте, в эфире выпуск вечерних новостей, — прогремело вступление ведущего.

Я частенько смотрю вечерние новости, ожидая однажды услышать что-нибудь интересное, но обычно ничего такого не бывает.

— А теперь о главном, — через некоторое время наконец перешел к делу ведущий новостей. — В минувшие будние глава ордена «Юстиция» выступила с шокирующим заявлением, обвинив почетного чиновника при Парадном районе Сильвестра Ремизова в наркоторговле, похищениях девушек и рабовладельчестве, предоставив все требуемые доказательства. В личных имениях гражданина Ремизова поработала оперативная группа, обнаружившая на территории двадцать три тела представителей личной охраны Сильвестра с колотыми и режущими ранениями холодным оружием, а также ожогами четвертой степени. В подвале дома были обнаружены формулы героина и метадона, их производные, а также следы наркотических веществ внутри помещения, похожего на лабораторию. Помимо наркотиков, в подвале обнаружили следы багровых пятен, зубы и кусочки человеческой кожи, принадлежавшие жертвам Ремизова — девушкам, которые уже многие годы числятся пропавшими без вести. Тело Ремизова находилось в том же помещении с характерными ожогами четвертой степени...

Подумать только, какой же ужас. А ведь таким людям доверяют благоустройство города и работу в системе.

— Госпожа Юстиция отказалась брать на себя ответственность за убийство и внедрение в частную собственность, подтвердив свое собственное алиби и алиби всех сотрудников ордена «Юстиция». Виновником кровопролития она обозначила ранее никому неизвестный орден «Спектр», представители которого обратились напрямую к Юстиции, вынудив ее отправить на место преступления гуманитарный отряд, и передали ордену «Юстиция» пострадавших от рук Ремизова девушек, за исключением одной, которую забрали с собой. Личности каждой девушки установлены, среди них присутствуют представители от десяти до тридцати двух лет со следами намеренного насилия. Девушкам уже оказана первая медицинская помощь и они находятся на этапе глубокого лечения с применением препаратов, выделенных лично Дэниелом Фишером, главой третьей исследовательской лаборатории отклонений и патологий. Родственники многих пострадавших уже откликнулись и воссоединились с ними. Орден «Спектр», представители которого до сих пор остаются инкогнито, обвинен в антиправительственной деятельности, дальнейшие обстоятельства выясняются...

Может, я все-таки не зря ждала чуда, пялясь в экран телевизора по вечерам? Эти люди спасли девушек, вырвав их из лап очередного мерзопакостного преступника, которому все

верили и которого восхваляли в сети. Да и не только в сети, я лично с ним пересекалась по рабочим делам, но он казался мне приличным гражданином и светлым человеком — реальность порой бывает обманчивой.

Когда выпуск новостей наконец закончился, не принеся ничего более интересного, я выключила телевизор и расплылась на кровати, готовясь ко сну. Странно, но меня сегодня даже не тянет плакать, подушка останется сухой, а я погружусь в здоровый цикл сна с настроением выше среднего.

— Орден «Спектр», значит...

Глава 27: Любовь против апатии

Как я уже говорил ранее, судьба порой преподносит сюрпризы, иногда совсем уж шокирующие. Такое внезапное появление Лаффи застало меня врасплох, я не был готов лицезреть ту, кто у умер в моих глазах еще в далеком детстве, но она вернулась — мы ее вернули. Я запомнил ее еще совсем маленькой девочкой: дурной, резвой, глупой и ни капельки не привлекательной, но сегодня узрел ее перевоплощение в эталон женской красоты, мои глаза оказались слепыми, разум затуманенным, ведь я даже не признал в случайной незнакомке свою любимую подругу детства, которая скрасила его своей любовью к жизни и всему живому вокруг, включая меня.

Сейчас же Лаффи прикована к кровати, она слаба и вымотана, а я даже не предполагаю, что же ей пришлось пережить. С того момента, как она отключилась, мы оставили ее отдыхать в медпункте, а сами разбежались по своим делам.

На следующий день после вылазки Хорнет вернулась домой с очень уставшим лицом и заявила, что отныне орден «Спектр» заполучил себе имя в Гармонии, а Юстиция дала народу знать, чем же порой промышляют их кумиры.

Несколько часов я провел в интернете, желая узнать, что же из себя представляет этот Сильвестр Ремизов. Перерыл все возможные сайты с его биографией, на что честно скажу — я в замешательстве. Этот человек представлял из себя известного деятеля культуры и был кумиром сирот, ведь он часто посещал такие места, радуя детей своими подарками, но, когда вскрылся факт о том, что Сильвестр оказался насильником и педофилом, это вызвало огромный общественный резонанс. Доверие людей к власти подкосилось, все требовали от короля объяснений, действий в отношении других потенциальных преступников, но верхушка молчала, не желая ничего предпринимать.

Меня волновал факт того, что теперь люди знают о «Спектре», ведь мы еще не настолько сильны, чтобы дать отпор тем, кто может прийти по нашу голову, но Хорнет решила иначе.

— Хватит витать в облаках, я вообще-то с тобой разговариваю, — возмутилась Хорнет.

— Да, прости, о чем ты там говорила? — замешкался я.

— Говорю, нам нужны еще люди, у тебя есть кто-нибудь на примете?

— Кто тебя тянул за язык? — осуждающе проговорил я. — Мы могли подольше посидеть в тени, выйдя тогда, когда наберем достаточно сил.

— Еще раз повторяю, Юстиция согласилась осветить деятельность Сильвестра только при условии, что всю вину за убийства она свалит на нас. У меня не было другого выбора, кроме как взять на себя ответственность за преступления.

— И теперь нас объявили врагом народа, так держать, — ерничал я.

— Это в понимании верхушки и закона мы творим только противоправное, но народ нас поддерживает, ты новости смотрел?

— Смотрел, но разве нам нужна поддержка этих людей?

— Еще как нужна, они деморализуют своих правителей, упрощая нам работу, — пояснила Хорнет.

— Хорошо, дай мне время смириться с тем, что беззаботная жизнь окончена.

— Она и не начиналась, Ашидо. Давай лучше вернемся к вопросу о союзниках.

— Думаешь я силен в этом вопросе? — сомневался я.

— Слушай, Ашидо, это ты привел в «Спектр» практически всех тех, кто сейчас в нем присутствует. У меня нет такого таланта к вербовке людей со способностями, потому я спрашиваю тебя, нет ли кого на примете.

— Это комплимент?

— Воспринимай, как душе угодно.

— Хорошо, тогда могу предложить несколько кандидатур, но не уверен, что они согласятся.

— Нам нужно цепляться за любой шанс, предлагай.

— Алан Ковинский и Милена Гринвуд, я уже пересекался с ними однажды, потому хорошо знаком с их умениями. Они могли бы стать для нас неплохими союзниками, получив взамен убежище.

— Они не так надежны, как хотелось бы, — остановила меня Хорнет.

— Почему же?

— У них слишком детское и глупое мышление, только под ногами путаться будут, я радикально против их присутствия в «Спектре». Можешь еще кого-нибудь предложить?

— Прискорбно, Хорнет, — вздохнул я. — Остался всего один вариант.

— Не томи.

— Девочка по имени Хомура, — поведал я, — в Трущобах ее называют «Ангелом», но я не уверен, стоит ли ее впутывать.

— Ребенок, что ли? — оторопела Хорнет.

— Можно и так сказать, ей всего пятнадцать, потому я сомневаюсь, что Хомура уживется в компании убийц.

— Что она умеет, и где вы с ней встречались?

— Хомура управляет водой, мы с Войд впервые с ней встретились, когда решили отмыть одежду от крови, тогда-то «Ангел Трущоб» и помогла нам.

— Есть хоть какие-то предпосылки того, что она встанет на нашу сторону? — поинтересовалась Хорнет.

— Честно говоря, не знаю, — отрицательно покачал головой я. — Есть только один способ это выяснить — посетить Трущобы и найти Хомуру.

— Придется поручить это тебе, только ты знаешь ее в лицо, так ведь? Просить помощи у Войд в такой ситуации было бы совсем глупо.

— Ты права, как только мы разберемся с Лаффи, я возьму кого-нибудь с собой, и мы отправимся в Трущобы, чтобы отыскать Хомуру.

— Значит, решено, можно пока не греть голову новобранцами, — выдохнула Хорнет.

— Хорнет, у меня появился вопрос, на который ты обязана ответить, — взглянул я на нее исподлобья.

— Спрашивай все, что душе угодно, если твой вопрос не выходит за рамки приличного.

— Как обстоят дела с Эмбер? Она обещала подумать над вступлением в «Спектр», но я упустил момент с окончательным ответом.

— Тут все довольно сложно, — закатила она глаза. — Видишь ли, Эмбер-таки пришла к нам, долгое время помогала и блестяще справлялась с поручениями, но она пропала незадолго до ухода Юмико.

— Хочешь сказать, она нас кинула? — напрягся я.

— Сомневаюсь, на то должна была быть веская причина. Скорее всего эти двое мутили какие-то интриги за нашей спиной, а затем благополучно пустились в бега, ничего не

сказав, — пояснила она.

— Хочешь сказать, вы ничего не знаете об уходе Юмико и Эмбер?

— Совсем ничего, — подтвердила Хорнет.

— А Илия может что-то знать?

— Спроси у него сам, не попробуешь — не узнаешь.

— Мы как раз собирались сегодня поговорить в гостиной, я накупил всяких вкусностей и его любимый «Melon'у Cherry».

— Можешь больше не терять времени, у меня все.

— Тебе больше нечего обсудить? — оторопел я.

— Если у тебя есть желание копаться в расходах ордена — пожалуйста.

— Нет, спасибо, — отстранился я, — откажусь, пожалуй.

— Ну, тогда ступай, потом расскажешь нам о Лаффи и Сальвадоре.

— Окей, я пошел.

Поднявшись с кресла в кабинете Хорнет, я покинул помещение, выйдя на балкон в холле. Забавно, но наши кабинеты находятся вплотную друг к другу, на этом балконе вмещаются сразу три комнаты: наши личные и переговорная, а дальше идут уже привычные закрытые коридоры. Закончив разговор с Хорнет, я сразу же схватился за переговорное устройство, чтобы вызвать Илию:

— Мастер Кишин, вас вызывает глава «Спектра», — с насмешкой обратился я к нему.

— Слушаю, — невозмутимо ответил он в рацию.

— Мы можем поговорить в гостиной?

— Вполне, я подойду через пару минут, — подтвердил он.

— Стоять! — послышался громкий возглас Мисато. — Никто никуда не пойдет, пока все не увидят мой подарок «Спектру»!

— Ты уже готова представить? — поинтересовался Илия.

— Да! — так же громогласно заявила она. — Провозилась бы дольше, если бы не твоя помощь. Итак, приглашаю всех в холл — всех до единого!

— Это стоит того, чтобы отвлекать меня от бумаг? — поинтересовалась Хорнет.

— Конечно! Вы все сейчас обязаны оторваться от своих дел и собраться в холле, потому что вас ждет чудо!

— Хорошо, в таком случае — это приказ вице-президента Ишимару. Всем собраться в холле в течении десяти минут, — проговорила Хорнет.

Забавно, что она называет себя вице-президентом, а меня главой, хотя я, по сути, должен быть президентом «Спектра». Хоть мне и не писаны приказы нижестоящих, я действительно заинтересован тем, что же нам покажет Мисато, потому что она, в самом деле, умеет удивлять.

Я аккуратно спустился с балкона вниз, зацепившись за колонну и спустившись на нижний этаж. Будучи уже внизу, я заметил, как на балконе, откуда я только что спустился, тяжело вздохнула Хорнет и поплелась в сторону лестницы, не желая повторять мой трюк. Какое-то время пришлось стоять в одиночестве, но ребята стали потихоньку подтягиваться: сначала пришли Амелия и Войд, потом мимо нас прошел Илия, сказав, что приглядит за Лаффи, чтобы Ринна тоже смогла увидеть сюрприз, а потом к нам присоединилась Хорнет, но почему-то нигде не было видно Итачи.

— Ну, все в сборе? — произнесла в рацию Мисато.

— Илия в медпункте с Лаффи, а Итачи все еще где-то бродит, — пояснила Ринна.

— Отлично, все в сборе, мы выходим! — прокричала в переговорное устройство Мисато, после чего перед нами громко распахнулась дверь подвала.

Из-за двери показалась сама Мисато, а следом за ней вышла Итачи в той же плотной накидке, закрывающей ее тело до колен. Мы выстроились в рядочек, ожидая того, что же наш единственный инженер сейчас покажет.

— Лицезрите же! Новая Итачи! — очень громко с широкой улыбкой прокричала Мисато, резко сдернув с нее накидку.

Как только тряпка оказалась на полу, все присутствующие погрузились в состояние шока, включая меня, ведь перед нами предстала действительно новая Итачи. Не знаю, как за такие короткие сроки Мисато смогла додуматься до этого и реализовать проект в полной мере, но Итачи махала всем нам своими новыми механическими руками, как у робота.

— Спешу представить вам первую финальную версию киберпротезов! Для создания сие чуда мне пришлось не только прибегнуть к инженерии и программированию, но и к медицине и нейрофизиологии, с чем мне очень помог Илия, потому сюрприз удался для всех, а главное — теперь Итачи снова может жить полной жизнью. Руки крепятся на посадочные площадки, сращенные с ее нервной системой, прилегающие к плоти вплотную. В случае поломки, их можно будет заменить, а теперь я передаю слово Итачи.

— Дорогие друзья, — начала Итачи, — я не могу в полной мере передать всю свою радость, ведь госпожа Хагашида вернула мне руки, от которых я уже успела было отказаться, утратив надежду. Сейчас я действительно счастлива и отныне смогу помогать вам в любом деле, которое вы мне доверите. Потому обращаюсь к госпоже Ишимару, пожалуйста, выделите побольше денег для деятельности Мисато, чтобы она могла помогать нашему ордену в полной мере.

Отличная идея, Мисато, я порой поражаюсь твоей гениальности. Поверить не могу, что эта девушка сделала Итачи новые руки, которые выглядели больше как боевые, нежели рабочие. Если бы кошка была в привычном костюме — мы бы ничего не увидели, но в этот момент Итачи стояла перед нами в одной лишь светло-желтой майке без рукавов, потому ее железные агрегаты оказались на виду целиком. Они представляли из себя самые обычные руки, но с ноткой «стимпанковского» стиля, некоторые места светились каким-то темно-оранжевым цветом. Место крепления протезов находилось на плече, где виднелись погруженные в плоть железяки. Судя по всему, Мисато пришлось избавиться от тех остатков рук, которые были у Итачи, а вместо этого она подарила ей новые.

— Ну, что скажешь, Хорнет? — ехидно улыбнулась Мисато.

— Честно говоря, я поражена, — удивленно хлопала вместе со всеми в ладоши Хорнет. — Если ты способна на такое, то остальное для тебя покажется мелочью.

— Ну, видишь ли, мне пришлось обратиться за помощью к Илии, чтобы безболезненно срастить контактную площадку с плотью и избавиться от остатков рук, а также придать форму металлу. Будь у меня необходимое оборудование, я бы не стала его отвлекать от дел насущных.

— Сколько денег тебе нужно?

— Около одиннадцати тысяч Гармонийских кредитов.

— Это очень много, — подметила Хорнет. — Но, если вложения окупятся, я готова пожертвовать внушительную часть бюджета в твой фонд.

— Значит, договорились? — обрадовалась Мисато.

— Можешь считать себя полноправным главой инженерного отдела «Спектра», —

улыбнулась Хорнет.

— Ура! У нас получилось! Спасибо тебе, Итачи!

— Вам спасибо, госпожа Хагашида, — едва не плача, обняла ее Итачи.

Трогательно зрелище, выводит на эмоции. Какое-то время мы еще болтали одной большой компанией, после чего все разошлись по своим делам: Мисато и Хорнет отправились обсуждать что-то деловое и денежное, Итачи взялась за обучение Войд, Амелия удалилась, чтобы прилечь отдохнуть, а я в компании Ринны выдвинулся к медпункту, чтобы забрать оттуда Илию.

Когда мы наконец переступили порог медпункта, я застал внутри интересную картину, как Илия в дружелюбном тоне разговаривает с Лаффи, прикованной к кушетке. Стоило им нас заметить, так оба сразу же переключили свое внимание с диалога на нас.

— Круто вы придумали с Итачи, — улыбнулся я Илии. — Тебе положена доля за помощь.

— Я уже отказался от денег, — проговорил он, — все лавры должны достаться Мисато. Ты лучше посмотри на это чудо, — Илия указал мне головой на Лаффи.

Она шла на поправку, это было видно по ее игривому и довольному взгляду, который переменялся на трогательный с появлением меня.

— Ну, как ты? — спросил я у Лаффи, присев рядом с Илией на соседнюю с ней кушетку.

— Х-хорошо, — проямлила она. — Аши, это правда ты?

— Да, Лаффи, это я — твой Аши, — широко улыбнулся я.

— Боже, я уже потеряла надежду на то, что однажды снова увижу тебя...

— Как и я. Расскажешь мне обо всем, что успела пережить с тех пор? Уже много лет прошло, мы выросли и стали взрослыми, я даже не узнал тебя поначалу.

— Аши, я не хочу об этом говорить, мне очень больно вспоминать о минувшем. Пожалуйста, забудь обо всем, что было в прошлом — это уже не важно.

— Почему? — с интересом и осторожностью спросил я.

— Прощу, не надо, — умоляла она. — Просто обними меня, как раньше, Аши.

— Ну, хорошо, иди сюда, — подозвал я к себе Лаффи.

Я аккуратно приподнял ее в сидячее положение, уселся рядом, после чего мы расплылись в теплых и крепких дружеских объятиях. Лаффи со всей силы впивалась мне в спину, то ли дело я слышал ее счастливые всхлипы, мелькающие в промежутках между слезами боли.

— Я так рада, что ты со мной, — мямлила она. — Ты очень изменился с тех пор: другие глаза, другие плечи, совсем другой запах, но кое-что в тебе ни капли не изменилось — твое доброе сердце.

— А ты стала куда спокойнее с тех пор, очень преобразилась и повзрослела.

— Хочешь сказать, что я стала привлекательнее как девушка?

— Можно и так сказать, — подтвердил я.

Краем глаза я заметил, как в этот момент перекосило Илию, будто я что-то дурное сказал. Он пилил меня взглядом так, будто я совсем тупой. Ежу понятно, что Лаффи подвергалась насилию, но раз уж я ее единственный друг в этом огромном и жестоком мире, то обязан сказать несколько ласковых слов, чтобы ей стало легче.

— Я очень рада, — Лаффи вглядывалась мне в глаза. — У меня никого больше не осталось в этом мире, кроме тебя. Я люблю тебя, Аши.

— И я тебя люблю, Лаффи, — согласился я, крепко обняв ее.

— Кхм, — послышался звук желая Илии вмешаться в разговор. — Не хочу отрывать вас от трогательного воссоединения, но Ринна, должно быть, ждет капельку искренних извинений.

— О чем ты? — замешалась Лаффи.

— Снова здравствуй, Лаффи, — вклинилась Ринна, усевшись рядом с Илией. — Меня зовут Ринна, если ты правильно помнишь, то ты разбила мне голову об стол.

— И что? — невозмутимо спросила Лаффи.

— Ну, знаешь, я на тебя не в обиде, но не хотелось бы, чтобы друзья ранили друг друга.

— Ты мне не подруга, — отрезала Лаффи.

— Зачем же ты так грубо? — возмутилась Ринна, пытаясь говорить помягче. — Я желаю тебе добра, как и все остальные в этом доме.

— Отвали, я тебе не доверяю, — продолжала отстраняться Лаффи. — Только Ашидо разрешено называть меня своим другом.

— Говори, как хочешь, но тебе еще уйму времени придется находиться в одной комнате со мной. Я планирую подружиться, потому придется смириться и принять меня.

— Ни за что! — завелась она. — Я сказала, что только Ашидо можно находится рядом со мной!

— Хей, Лаффи, успокойся, — вмешался я. — Это не я тебя спас, а Хорнет и Амелия. Лечил тебя тоже не я, а Амелия, Ринна и Илия. Способствовал в операции по спасению тоже не только я, но еще Мисато и Войд, а когда ты вернулась, вкусную еду тебе готовила Итаци, чтобы ты набрала массу и поправилась. Прими их доброту, не упрямясь, или я очень расстроюсь.

— Ты правда расстроишься? — похоже, я нашел нить между ней и остальными.

— Да, потому что все они — мои друзья, как и ты. Здесь нет чужих, все друг другу помогают и стараются друг друга не обижать. Ну, извинись, пожалуйста, перед Ринной.

Лаффи немного замаялась, но по ее лицу было видно, что она раскаивается и пытается подобрать слова, чтобы извиниться.

— Ринна, прости меня, — наконец заговорила она, — я не хотела навредить тебе, просто очень испугалась, оно само получилось.

— Извинения приняты, — улыбнулась Ринна. — Ну, будем подругами?

— Не уверена, что мы можем... но я постараюсь, — согласилась Лаффи.

— Вот и хорошо, чувствуй себя, как дома, мы все тебе рады.

— Отлично, а теперь нам с Ашидо нужно отлучиться, — вмешался Илия.

— Погоди, дай нам минутку, — заспорил я.

— Время пошло.

— Лаффи, пообещай мне, что ты со всеми подружишься, — требовательно посмотрел я на нее.

— Аши, ты просишь о большем, чем я могу тебе дать.

— Это не так сложно, вы ведь с Илией уже подружились? — улыбнулся я.

— Наверное, — сомневалась она. — мистер Кишин понимает меня и у него приятный голос, но я все еще почему-то трясусь от страха в его присутствии.

— Спасибо, — иронично пробормотал Илия.

— Вот, видишь, — говорил я, глядя ее по голове, — заводить новых друзей не так сложно. Я поддержу тебя в любом начинании, а пока отдыхай и набирайся сил, хорошо?

— Уже уходишь? — расстроилась Лаффи.

— Дела ждут, я обязательно найду к тебе позже.

— Я буду ждать, Аши, — с грустным лицом проямлила она.

— Тогда точно приду, веди себя хорошо, — сказал я, поднявшись с кушетки и двигаясь с Илией к выходу.

По глазам Лаффи можно было сказать, что она совсем не хочет меня отпускать. Я тоже совсем не хотел уходить, но если Илия сейчас не расскажет мне о прошлом моей дорогой подруги детства, то потом шанса не будет, потому приходится идти на жертвы.

Мы вышли из медпункта и двинулись в гостиную, зайдя по дороге на кухню, чтобы прихватить с собой закуски и напитки. Уже в гостиной Илия сбросил с себя груз рогатого шлема и плаща, оголив скрытые места своего костюма, и, честно говоря, я не ожидал увидеть у него на поясе целый арсенал из каких-то сумок. Мы оба развалились на диванах напротив друг друга, послышался характерный звук открывающейся банки «Melon'y Cherry». Через пару минут на столе уже расположились все возможные закуски: сырокопченая колбаса, разные сухарики, сырны палочки, а еще какая-то причудливая бутылка.

— Что это? — спросил я, схватившись за нее.

— Виски, — однозначно ответил Илия.

— Ты планируешь напиться здесь со мной?

— Дело не в «напиться», просто мне тяжело будет повествовать о Лаффи на трезвую голову, — пояснил он.

— Давай я запру дверь, будет не очень хорошо, если кто-нибудь увидит нас пьяными.

— Валяй, я пока налью.

Поднявшись с дивана, я подошел к двери и дернул защелку, после чего вернулся обратно в компанию своего единственного соулмейта.

— Держи, — Илия протянул мне шот виски, — опустоши залпом, а потом запивай «Melon'y Cherry» и закусывай — хорошо пойдет.

— погоди, а разве разумно мешать энергетики с алкоголем? — опомнился я, уже держа в руках шот.

— Будь ты обычным человеком, сердце бы отказало после большой дозы, но у тебя в груди такой мотор, что им ковчег запитать можно — не переживай.

— В таком случае, за нас! — поднял я тост.

— За нас! — поддержал Илия, после чего мы сразу же опустошили емкости.

Я еще не пробовал виски, потому удивился тому, что мне сразу ударило в мозг, но напиток от этого противнее не стал, напротив, этот эффект вносит свою перчинку. Какое-то время мы просто пили и закусывали, пока я не почувствовал, что голова уже ходуном ходит, как и у Илии, по всей видимости.

— Ну, думаю, пока хватит, — остановился Илия. — Теперь поговорим о Лаффи.

— Хорошо, тогда можно начать с вопросов? — поинтересовался я.

— Тебе можно все, пока я пьяный, — подтвердил Илия.

— Тогда, расскажи мне, куда пропала Лаффи, когда ей было восемь лет.

— Решил начинать с больного? — пробормотал Илия. — Так тому и быть, слушай. Я был в головах у вас обоих, потому могу сказать, что ты в тот день смотрел на порог ее дома спустя несколько часов после того, как Лаффи похитили.

— Похитили? — уточнил я.

— Именно, это сделали люди Сильвестра Ремизова, они же убили ее родителей и

оставили трупы на пороге. В тот день Лаффи увезли к нему домой, где заперли еще совсем маленькую девочку в подвале с другими. Они утешали ее, хотя прекрасно знали, что с ней будет.

— Он ее изнасиловал, да?

— Не просто изнасиловал, твою мать, — завелся Илия. — Этот ублюдок трахал ее на протяжении девяти лет! Девяти, дери тебя в рот, лет!

— Девяти? — ошеломленно прокричал я.

— Ашидо, видел бы ты, что с ней делали — ты бы сбросился с крыши, уверяю. Сильвестр Ремизов много лет похищал обычных Гармонийских девушек, он отбирал беловолосых из толпы других, потому что они его больше всего возбуждали. Ночью он продавал наркотики, а днем развлекал себя издевательствами над ними, которые порой переходили черту человеческого. Он улыбался, когда находился внутри своей жертвы, пока лезвие бритвы рассекало ее кожу. Остатки его разума ликовали, когда он бил девушек кулаками, после чего на теле оставались огромные синяки, по которым он снова бил, а впоследствии снова и снова. Я стираю себе в порошок зубы, когда встаю на место той молодой и жизнерадостной девушки, которую вместо того, чтобы любить, какой-то урод душил обеими руками до потери сознания, топил в ледяной воде, ломал кости ржавой трубой, а потом оставлял с этими ранами валяться на холодном и грязном бетоне.

— Только не говори мне...

— Лаффи пришлось хуже всего, — вопреки всем надеждам на лучшее, сказал Илия. — Он считал ее идеальной, достойной боли больше остальных, потому все эти девять лет он измывался над ней самыми бесчеловечными способами. У нее была идеальная фигура, красивые волосы и глаза, но на фоне того, что она была слабой и боялась его больше смерти, это все казалось чертами второго плана. Он любил, когда она кричала и умоляла прекратить, звала на помощь и вырывалась, а потом затихала, когда он бил ее по лицу или животу. Когда мразоте уже надоело развлекать себя шаблонным способом, он прибег к еще большему кровопролитию, позвав на помощь дружков.

— Ты ведь о руках и глазах, да? — дрожащим голосом спросил я.

— Подожди, все по порядку, — прервал меня Илия. — Сначала он начал ломать ей пальцы на руках, потом подвешивал ее над полом за шею — и все ради развлечения. Он всегда делал это, считая, что просто добавляет страсти в брачный секс со своими «неофициальными женами». Позже Сильвестр совсем тронулся бошкой и начал давить на глаза большими пальцами, пока они у нее окончательно не отмерли, начав гнить изнутри. Лаффи уже тогда полностью лишилась рассудка и не чувствовала боли, когда он с дружками выдергивал их с мясом без обезболивающего. Руки были тем, чего она лишилась в последнюю очередь, их отрубили так же в процессе грубого секса тупым ржавым тесаком. Если бы я только мог добраться до ублюдка быстрее вас...то устроил бы ему карнавал похуже адского пекла.

— Прекрати, пожалуйста, — умолял я Илию, еле-еле держа себя в руках.

— Глотни еще виски, чтобы затупить чувства, — подсказал он. — Моему языку уже ничего не препятствует, а тебе стоит плеснуть побольше в кровь.

Я согласился с Илией и залпом выпил из бутылки столько, сколько вместилось в рот, после чего в голову ударило так сильно, что я чуть было не упал с дивана на пол, но вовремя подставил руку.

— Продолжай, — приказал я.

— Что ж, раз мы разобрались с тем, что ей пришлось пережить, пора перейти к тому, что она крутила у себя в голове все эти годы.

— И что же?

— Тебя, — утвердительно произнес Илия. — Каждый день она думала только о тебе, представляла, как вернется к своему любимому другу в объятия, и он спасет ее от тирана.

— Она хотела, чтобы я ей помог...

— Можешь поплакать, я и сам на грани, хотя уже много лет не лил слезы. Ты ведь знаешь, что «шиирацу» будто переносит меня в тело жертвы в момент просматриваемых мной воспоминаний, да? Я испытал все это на своей шкуре, все эти годы страданий и пустых надежд, я чувствовал каждое прикосновение, каждый порез и удар, слышал каждое противное слово, и это что-то сломало внутри меня. С такими ранениями Лаффи бы и дня не прожила, но она цеплялась за жизнь, потому что очень любила ее. Из раза в раз маленькие раны затягивались, ее спасал тот незначительный клочок энтропиума где-то в мышцах. Она до последнего верила и цеплялась за жизнь, пока полностью не утратила рассудок, став бездушной куклой, потеряв все эмоции и веру в светлое будущее.

— Прости, я настоял на том, чтобы ты залез к ней голову, — раскаивался я, глядя на него мокрым взглядом.

— Ашидо, я говорил тебе, что не стану лезть к Лаффи в голову, но такую человеческую судьбу даже такой черствый мудака, как я, не может проигнорировать. Я изменил ее воспоминания, вычленив из них практически все, что она помнила об этом ужасном месте и об этом ужасном человеке, теперь она стала немного чище и пришла в себя, потому смогла заговорить с тобой, как прежде.

— Илия, ты правда помог ей вернуть рассудок?

— Я не мог поступить иначе, Ашидо, мне до слез жаль эту бедную девочку, и я хочу, чтобы у нее появился шанс прожить эту жизнь заново, позаботься о ней, пожалуйста.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы она больше никогда не познала ничего подобного.

— Спасибо, Ашидо, — впервые размяк Илия. — Для Лаффи существуешь только ты, а я для нее — чужой, потому никак не могу принести ей счастья, а ты можешь.

— Как много воспоминаний обо мне ты ей оставил?

— Все детство и немного тех, которые давали волю к жизни в лапах Сильвестра.

— Почему ты полностью не стер самую плохую часть?

— Потому что без нее она не сможет реабилитироваться, тем более, что эти воспоминания в любой момент могут вернуться.

— Погоди, разве ты не стер их безвозвратно?

— Ашидо, «шиирацу» неидеальна, если ты будешь напоминать ей о тех событиях — она начнет вспоминать, а вместе с тем начнет возвращаться боль и сознание помутится, потому лучшим решением было немного оставить, чтобы она только частично знала о том, что ей пришлось пережить, будто глядя лишь на вершину айсберга. Если ты начнешь перекрывать дурные воспоминания хорошими — действие «шиирацу» усилится, и она полностью обо всем забудет.

— То есть ты создал почву для ее реабилитации, потому что так результат ее лечения превзойдет обычную чистку памяти?

— Видишь, ты все прекрасно понимаешь, не глупый же.

— Спасибо, Илия, я очень тебе благодарен. В душе ты куда лучше, чем кажешься на

первый взгляд.

— Приму с честью твою благодарность, друг.

— Это все, что ты мог рассказать мне о Лаффи?

— Погоди, еще не все, — опомнился Илия. — Я должен тебе об этом сказать, чтобы ты не добивал ее хрупкое сердце.

— Погоди, о чем ты?

— В медпункте Лаффи сказала, что любит тебя — это не пустые слова.

— Конечно, не пустые, я тоже люблю ее.

— Ты меня не понял, Ашидо.

— А что тут непонятного?

— Хорошо, давай объясню тебе, как взрослому ребенку, — он взял со стола большой бургер и откусил кусок. — Смотри, видишь? Он очень сочный, настолько сочный, что сок от внутренностей пропитывает булочку насквозь и вытекает на руки.

— И что бы это могло значить?

— Лаффи течет от одной только мысли о тебе так же, как этот хренов бургер, — пояснил он.

— Илия, только не говори мне...

— Она любит тебя по-настоящему, и меня пугает то, как на нее повлияло прошлое. До момента, пока я не стер ее воспоминания, она могла только пускать слюни и чавкать с пустой головой, но теперь же с полным восстановлением ее репродуктивной системы, чувства к тебе значительно обострились. Лаффи видит в тебе мужчину и может запрыгнуть на тебя в любой удобный момент, потому будь бдителен. Насилие оказало обратный эффект — она не боится снова оказаться в мужских руках, Лаффи этого сама хочет и только тебя видит в качестве партнера.

— И как мне быть? У меня ведь есть Юмико и я по-настоящему люблю ее.

— Именно поэтому я тебе не завидую, теперь придется плавать в любовном треугольнике, и, боюсь, выматывать это будет сильно, ведь тебе придется концентрироваться на том, чтобы не разрушить отношения с Юмико и сохранить их с Лаффи, не проделав дыру в ее сердце.

— Спасибо, что предупредил, — я склонил голову и подставил под нее руки, осознавая, как тяжело мне теперь будет просто жить.

— Обращайся за помощью, я поддержу в любом вопросе, — улыбнулся Илия.

— В таком случае, я могу начать уже сейчас?

— Ты о чем?

— Илия, я понимаю, что ты готов помочь мне во всем, что касается Лаффи, но есть еще кое-что.

— Ты о Сальвадоре? — прочитал меня наперед он.

— Да, я о нем, этот старик служит ключом к свершению моей мести. Ты ведь знаком с ним, тогда почему бы тебе не рассказать о том, где я могу его отыскать и помочь мне расправиться с ним и остальными? Я не прошу никого убивать, просто используй на нем «шиирацу», чтобы узнать, где прячется Колден, а дальше я сам.

— Тут все не так просто, Ашидо, — отстранился он. — Я могу рассказать тебе о нем все, что душе угодно, но не более, ведь я дал клятву, что не буду вмешиваться в его дела. Это — дело чести, а для меня честь значит все.

— Мне достаточно того, что ты хотя бы дашь наводку.

— Что ж, тогда тебе придется послушать весьма долгую и занятную историю...

Глава 28: Реинкарнация

Первая половина XIII века:

— Где я? Это... Бездна?

Кругом царила лишь мертвая тишина, небосвод разливался холодными красками акварели, именно в этом месте, знакомым еще с юных лет, я умер, истекая кровью на холодной земле где-то на одиноком островке посреди бесконечного ничего. Я еще помню, как сжимал в зубах свое обручальное кольцо, пока мои глаза закатывались и тело покидала жизнь. Ты, наверное, спросишь, почему именно в зубах? Ответ прост — я потерпел величайшее поражение в своей жизни, утратив все: обе руки, семью, а вместе с тем подвел жителей собственной колонии. Именно на моей совести лежала вина за смерти каждого из них, не только потому, что я был недостаточно силен, но и потому, что не научил никого из них выживать. Я слишком много брал на себя одного, выгорая изо дня в день, теряя остатки рассудка и превращаясь в психопата, потому теперь стою здесь — совсем один.

Не знаю почему, но я ничего не чувствую, боль ушла, голое тело сверкало под незримым источником света, мои руки исправно функционировали, разум очистился и к сердцу подступил долгожданный покой — это ли жизнь после смерти?

— Благословенный предвестник, что зовется «Оком Вездесущего», тебе выпала честь поговорить с самой Бездной, — раздался шепот из пустоты.

— И что ты хочешь мне сказать, глас пустоты?

— Внимай же, скиталец, тебе будет дарована великая сила, а вместе с ней и великое проклятие в знак твоей жертвы Бездне.

— О какой силе ты говоришь? — заинтересовался я.

— Силе, что непостижима для сознания обычного человека. Ты переродишься в другом времени среди чуждых тебе темных душ ради великой цели, к свершению которой придется прокладывать путь не только тебе самому, но и с помощью других представителей рода твоего человеческого. Наш дар научит тебя полагаться не только на себя самого, но и обращаться за помощью к другим.

— Что все это значит? — возмутился я. — Мне уже умереть спокойно нельзя?

— Ты сам избрал свою судьбу, Илия Кишин, так начни же все заново и смирись со своим предназначением, ибо тебе дарована сила великого «Парадокса», но в случае твоего поражения, ты постигнешь невыносимые человеку страдания, слившись с Бездной и став единым с нами. Твой час настал, мы будем наблюдать за твоими деяниями, следуй же по своему пути и после смерти, «Око Вездесущего», великий гений алхимии, драконоборец и правитель колонии Сенсус, Илия Кишин!

— Постой! Я не...

Вдруг в ушах прогремел пронзительный звон, от боли я схватился за голову, но она не утихала, а лишь усиливалась с каждой последующей секундой. Я видел, как все вокруг растет в размере, будто мир перестраивается, пока не понял, что это я становлюсь меньше. Свет вокруг становился все ярче и ярче, в глазах мутнело, дыхание учащалось, будто легкие требуют все меньше и меньше воздуха, а ритм сердца усиливался, пока все не дошло до той точки во времени, когда вокруг все затихло и исчезло из реальности.

***

Двадцать семь лет назад, 2033 год:

Яркая вспышка света, глубокий вдох, прилив свежего воздуха, жжение на поверхности кожи — где я?

— Поздравляю, у вас мальчик, миссис Роза! — послышался женский голос.

— О боже, дайте мне его сюда, я хочу на него посмотреть!

Я чувствовал чужие прикосновения, будто лежу в руках какого-то великана, свободно таскающего мое ослабленное тело, пока в какой-то момент кожа не почувствовала приятное тепло и мягкость.

— Вот он, мой малыш! Теперь тебя зовут Август — в честь самого теплого и нежного месяца в году, — произнес приятный женский голос мне на ухо.

Вот оно что, теперь все стало понятно... это — перерождение.

Да, именно так я очутился в новом для себя мире, который кардинально отличался от того, что остался в моей памяти. Можно сказать, что с самого моего появления на свет из утробы матери, я помнил всю свою прошлую жизнь, не без пробелов в памяти, конечно, но в общих чертах точно.

Я родился в самой обычной восточнославянской семье, мои родители принадлежали к русскому народу, с которыми мы когда-то враждовали. Королевство Меления, в котором я прожил всю свою прошлую жизнь, долгое время защищало свою территорию от их набегов, но меня это не касалось, ведь я жил в собственных землях, в интересы которых входило только выживание и наращивание мощи.

Думаю, пришел черед знакомства с моей новой семьей. Владимир Драгович — мой отец и законченный алкаш, которого я презираю с самого рождения, ибо мужского в нем меньше, чем в плаксивой девчонке. Роза Драгович — моя мать, вечно терпящая его побои женщина с добрым и израненным сердцем. Они назвали меня Августом, думая, что я приму такое красивое и говорящее имя, но я-то знаю, кто я на самом деле.

С ранних лет я изо всех сил старался вернуться в цивилизацию, но детское тело не позволяло мне торопиться, потому приходилось ждать, тратя впустую время на разглядывание игрушек в детской кроватке, которые забавно крутились, издавая успокаивающую мелодию. Мама думала, что мне будет интересно глазеть на все ее кривляния и представления, но я, как назло, все время молчал, ни разу не заплакав с момента появления на свет. Самое отвратительное, что мне пришлось пережить за этот период — испражнения под себя, ведь я был еще ребенком, неспособным двигаться так, как двигается здоровый взрослый человек.

Когда мои голосовые связки наконец достигли своей зрелости, первое, что я тогда сказал — «задолбалю». В тот день мама сильно наехала на отца, думая, что это он научил меня гадостям, но этому грошовому полудурку нечему было меня учить. Со временем я научился сидеть, затем ползать и, наконец, ходить.

Дом наш представлял собой какое-то причудливое многоярусное строение, внутри находились всякие разные вещицы и механизмы, назначение которых мне тогда было неизвестно, но стоит отдать должное Бездне, ведь она даровала мне «шиирацу», которым я впервые воспользовался в три полных года, погрузившись в разум матери. От нее я узнал, что на момент моего трехлетия шел уже 2036 год, мир значительно преобразился, алхимия утонула где-то в песках времени, паразиты исчезли с карты мира, драконы вымерли, а королевство Меления даже не вошло в учебник всемирной истории и никак не значилось на карте, но один факт меня все же обрадовал — я все еще в том же мире, но в другом времени.

Благодаря своим неблагополучным родителям, я узнал о том, как сейчас устроен мир,

что в нем считается нормальным и что выходит за рамки нравственного. Здесь я впервые услышал о таком термине, как «ядерное оружие», которое сгубило значительную часть населения в мире, заставив людей бежать на какой-то остров в отдалении от цивилизации, чтобы построить на нем настоящую утопию. Честно говоря, меня пугали все эти новшества, пока я их не понимал, но как только та или иная вещица укладывалась в моей голове, я мог смириться со своей новой жизнью.

В возрасте шести лет, у меня уже достаточно накопилось, чтобы я мог дать отпор отцу и заняться саморазвитием, продолжая познавать мир. В тот день отец снова поднял руку на мать, колотил ее так, будто бьет какую-то бездушную боксерскую грушу, но она продолжала терпеть ради меня — мне это надоело. Прожив недолгую жизнь, я познал новый уровень силы, поняв, что где-то в моих мышцах прячется значительный объем энтропиума, который при достаточной разряженности вызывает болезни и разлагает внутренние органы, а впоследствии отравляет окружающую среду, но этот почему-то гармонировал с моим телом, будто так и должно быть.

Как уже оговаривалось ранее, я был в числе первооткрывателей алхимии и именно я написал «Энтропологию» с нуля, изучив все аспекты этой бесконечной энциклопедии, потому для меня было шоком осознать, что отныне энтропиум не только не оказывает на меня никакого воздействия, но и открывает новые возможности.

Вернемся в тот день, когда я вмешался в процесс избияния матери отцом, схватив нож с кухонной столешницы около раковины, но не для того, чтобы воткнуть его в ногу грозному и величавому отцу, а для того, чтобы показать ему, сколько тысячных кредита стоит его дешевая гордость.

— Август, положи нож, пока не поранился, — прорычал он.

— Мама, — проговорил я детским голосом, — скажи мне, ты хочешь, чтобы этот человек умер?

— Сынок, что ты такое говоришь, — прокряхтела ослабевшая мать.

— Слышь, сопляк, — завелся отец, — ты реально думаешь, что ты можешь убить папку? И это твоя благодарность за то, что я растил тебя все эти шесть лет?

— Мне не за что тебя благодарить, ты находишься на низшем слою общества и приносишь только убытки, оскверняя понятие мужчины своим бесчестным поведением.

— Ты ахерел, Август? Где ты научился таким словам? — он был в ярости, замахнувшись на меня кулаком.

Каково же было его удивление, когда я применил на нем ранее неведомую никому в этом мире способность, называемую «ранмацу», что с Мелийского происходит от комбинации слов «ран» — «идеал, эталон» и «мацу» — «блок, отражение». Я всего лишь подставил руку навстречу удару, после чего никудышный Вовочка Драгович с равноценной силой отлетел от меня в противоположную сторону, рухнув на пол и выпучив глаза так, что те были готовы вывалиться от шока.

— Что за херня? — прокричал он, впервые почувствовав себя слабее кого-то.

— Смотри сюда, придурок, — прорычал я, после чего медленно провел лезвием ножа по своей шее, перерезав сонную артерию, откуда сразу же хлынула кровь.

В этот момент мама до смерти перепугалась, но была не в силах подняться. Я знал, что будет дальше, потому с интересом наблюдал за реакцией родителей, которые ни разу за свою жизнь не видали сверхчеловеческой регенерации, ибо сама ее концепция затерялась где-то в прошлом. Порез затягивался, из раны сочился поток яркой оранжевой энергии, а

моя кровь исчезала, стоило вложить лишь капельку воли.

— Август, что ты такое? — с неведомым страхом произнесла Роза.

— Не зови меня так, я не давал своего согласия на новое имя, потому с самого начала отверг Августа, — проговорил я.

— Он — дьявол! — кричал отец, забившись в угол близ кухонного окна.

— Нет, Владимир, дьявола не существует, — пояснил я. — Люди придумали веру для спасения рода своего, чтобы убедить невинные души не придаваться греху, за которым последует наказание, но Бога нет, как и дьявола — есть только Бездна.

— Умоляю, пощади меня! — жалко лепетал отец.

— Роза, — обратился я к матери, — меня зовут Илия Кишин, когда-то я был человеком чести, а ты дала мне вторую жизнь, и у тебя наконец появился выбор, потому предлагаю сделку. Я могу избавить тебя от страданий, симитировав смерть твоего тирана от несчастного случая, но взамен ты должна будешь сдать меня в детский дом.

— Сынок, Август, пожалуйста, скажи мне, что все это — всего лишь страшный сон.

— Это не сон, мама, я умер еще в XIII веке в возрасте двадцати пяти лет, будучи сильнее и умнее вас обоих, а вместе с тем у меня была честь, а еще была крепкая и неразлучная семья: жена Мария, сын Федор и дочь Майя. Твой муж, Владимир, не более чем червь на моем фоне, который возомнил себя сильным, издеваясь над слабыми — какое жалкое зрелище.

— Кто бы ты ни был, покинь тело моего сына! — приказала Роза.

— Ты тупая, или что? — завелся я. — Сказано же, Августа не существует, есть только Илия в своем новом теле. Последний раз спрашиваю, ты готова со мной договориться?

— Ты хочешь убить его? — расплакалась она.

— Это ультиматум, — пояснил я. — Либо я избавляю тебя от мук, и ты сдаешь меня в детский дом в качестве благодарности, либо вы оба умрете.

Разумеется, я соврал и приукрасил, чтобы у нее не осталось выбора. Мне нужно выйти в цивилизацию без груза за спиной, потому других вариантов я не видел.

— Прости, Вова, — промямлила она. — Куда бы ты не попал, помни, что я люблю тебя таким, какой ты есть.

— Погоди, что ты такое говоришь? Роза! — испугался он.

— Твой ответ — да? — уточнил я.

— Я согласна на сделку, — смирилась она.

В этот момент отец схватил нож с кухонного стола и бросился в мою сторону, думая, что сможет убить меня, но для него все уже было предрешено. Установив зрительный контакт на секунду, я применил на нем «шиирацу», перегрузив его мозг до предела, от чего того настиг внезапный инсульт, который оказался летальным, потому отец с грохотом замертво рухнул на пол прямо передо мной. Мама в этот момент потеряла дар речи, смотря на некогда живое тело своего мужа.

— Инсульт, — пояснил я, — больше не встанет.

— Как же так, я ведь любила его, зачем ты это сделал? — плакала она.

— Не ври сама себе, Роза, — спокойно проговорил я. — В твоих воспоминания сокрыта великая ненависть к этому человеку, а у него в голове была лишь концепция превосходства над тобой. Ты жаждала его смерти, каждый день засыпала с надеждой, что наутро он уйдет из твоей жизни, но из раза в раз судьба поворачивалась к тебе задницей.

— Не ври мне! Я любила его! — спорила со мной мать.

— Смирись, мама, я осуществил твою мечту, теперь ты можешь спокойно жить дальше, избрав для себя достойного человека. Сейчас тобой управляют лишь критические женские инстинкты, ты подчиняешься иллюзиям того, что Вова был для тебя всем, но это не так.

— Илия, так ведь тебя зовут? — уточнила она.

— Да, Илия Кишин, — подтвердил я.

— Наверное, я должна сказать тебе спасибо, ведь ты избавил меня от одного из самых больших страхов, — подступила она к смирению.

— Уж прости, но от страха пауков я тебя не избавлю, — усмехнулся я.

— Как ты узнал? Я ведь никогда не говорила тебе об этом, — удивилась она, вновь показав свою глупость.

— Я же говорил, мне известен каждый фрагмент твоей жизни даже до моего рождения — я знаю о тебе все.

— Вот оно как...

— Теперь твоя очередь выполнить свою часть сделки, осилишь?

— Я буду по тебе скучать, Август, — вновь расплакалась она.

— И я буду, мама...

***

На следующий же день Роза стояла на пороге детского дома в Торговом районе Гармонии, отца увезли через несколько часов после его «случайной» гибели, мама умолчала о моей выходке, боясь показаться сумасшедшей. Глядя на нее, я заметил, что та наконец встала на ноги и почувствовала себя свободной. Подписав все нужные документы, она уже была готова оставить меня, но ей с трудом давалось трогательное прощание с любимым сыном.

— Август, я буду по тебе скучать, ты же заглянешь ко мне в гости, когда подрастешь?

— Можешь не сомневаться, — улыбнулся я, — когда я заполучу себе имя и вновь стану великим человеком — обязательно зайду к тебе на чай.

— Сынок, скажи мне, каким ты был в прошлой жизни? — взгрустнула она.

— Нам не потребуются слова, посмотри мне в глаза, — проговорил я, погрузив внутрь ее сознания свои воспоминания, применив «ширацу».

Я показал ей фрагменты памяти, которые отражали ключевые моменты моей прошлой жизни: рождение, раннее детство бок о бок с братом и мамой, наш уход из дома, мою первую встречу с Марией, наши подвиги в гильдии, жизнь в колонии Сенсус, моего первого убитого дракона, свадьбу, появление на свет моих детей и другие теплые воспоминания. От увиденного она расплакалась, но было видно, что мама рада за меня.

— Ты прожил действительно славную жизнь, Илия, — улыбнулась она, раскисая в объятиях слез.

— И благодаря тебе у меня появился шанс прожить ее снова, — улыбнулся я ей в ответ.

— Ступай, твоя судьба только в твоих руках, Август.

— Прощай, мама...

***

В стенах детского дома меня сразу же встретили местные задиры, которых никто и не думал учить уму разуму, потому они безнаказанно издевались над другими детьми, но с моим приходом все изменилось.

— Ого, новенький, небось кармашки непустые, — глумился надо мной главарь задир возраста лет двенадцати.

— Поработаешь ртом — заработаешь, — дерзнул я.

— Слышь, — он сразу же замахнулся на меня.

Этот сорванец был уверен в своей силе, но столкнулся с тем, что какой-то шестилетний сопляк парировал его удар и нанес ответный, от чего тот скорчился, упав на колени.

— Еще раз увижу тебя, вытрясывающим с других деньги — сломаю руки, — пригрозил я.

— Все-все, я понял, прости меня, прости! — взмолился задира.

Таким образом, я навел порядок в детском доме, в стенах которого скрывалась тонна грехов. Моя сиротская жизнь была лишь прикрытием для того, чтобы спокойно разгуливать по улицам Гармонии, познавая мир вокруг, имея при себе стабильный ночлег. Честно говоря, я не ожидал столкнуться с современной жестокостью и безнравственностью людей — один из наших воспитателей оказался педофилом, на которого никто не силах был пожаловаться, потому я снова проявил инициативу и ублюдка осудили на много лет заключения, а вместо него к нам приставили несколько других нянек, которые были куда человечнее.

Не скажу, что мне было комфортно здесь находиться, ведь подстраиваться под сознание ребенка порой было очень сложно, но я, вроде как, всегда справлялся со своей задачей. Постепенно я вырослел, наблюдая за изменениями своего тела в зеркале по утрам, и, сказать честно, я стал все больше замечать, что мой внешний образ ни капли не изменился в сравнении с прошлой жизнью: все те же черные волосы, которые я старательно отращивал с детства, чтобы убирать их в двойной хвост, те же желтые глаза, от которых я давно отвык с тех пор, как пересадил себе драконьи. Комплекция тела тоже соответствовала прежней, потому я был исключительно рад тому, что Бездна оставила мне частичку чего-то родного.

На восьмом году моей жизни, я впервые столкнулся с новостью о новом наследнике престола, Котае Изуми, который на тот момент уже достиг возраста, с которого может начать управлять делами Гармонии — шестнадцати лет. С его приходом к власти обстановка в городе начала накаляться, люди негодовали и не желали мириться с началом великой тирании, а я разглядел в нем того, кого должен был остановить любой ценой, но мне нужна была не только помощь, но и все мое снаряжение, которое затерялось где-то глубоко в Бездне, валяясь в обнимку с моим трупом на островке, куда можно было попасть только с помощью «энтропогранума». Хотелось поскорее вернуть свое снаряжение, но я не знал, каким образом можно попасть в Бездну, не говоря уже о том, что придется долгое время искать в ней тот самый островок, да и к тому же я все еще был мал, потому все мое обмундирование казалось совсем бесполезным в детских руках.

***

На момент моего двадцатилетия, я уже был достаточно взрослым и полноценным мужчиной, достигнув того позабытого образа, который так запомнился в глазах многих, кто меня знал. Все это время я пытался плыть по течению, просто жил обычной жизнью и искал способ попасть в Бездну, пока маразм Котая крепчал. Его реформа об отлове шепотов не обошла и меня стороной, но все эти люди, которые старались завербовать меня и причинить боль, падали замертво, стоило им со мной пересечься. У меня были не только «шиирацу» и «ранмацу», но и другая способность, аналога которой в мире не существует, а также вполне посредственная сила шепота, к коей я вынужден был обращаться, пока не верну то, что принадлежит мне.

Не знаю, получал ли король доносы об опаснейшем шепоте, убить которого непосильно

никому, но жил я вполне беззаботно, верша собственную справедливость. В этот же год я наконец увидел для себя шанс вернуть все, когда случайно залез в голову обычной старушке на улице, как бы странно это не звучало. Выяснилось, что какой-то сорванец посоветовал ей посетить старика, который нарисует ее портрет, не взяв с нее ни копейки, а бонусом ответит на любой вопрос, каким бы сложным он не был.

Я бы не поверил в подобную чушь, но воспоминания старухи говорили сами за себя. Не знаю почему, но в ее памяти был большой пробел между моментом, когда та пришла к старику, и моментом, когда она вышла из его мастерской, услышав ответ на вопрос о том, как и когда она умрет. Мне повезло, и я появился в тот временной промежуток, когда старушка уже прошла медицинское обследование, результат которого показал рак поджелудочной железы — полное совпадение.

Так я и узнал адрес того, кого мы привыкли называть Сальвадором, мне хотелось задать ему всего один вопрос, на который он вполне мог ответить, дав мне иллюзорный шанс вернуть себе бывшее величие. В один солнечный день я пришел к нему в мастерскую, что находилась на втором главном перекрестке Академического района, после чего сделал уверенный шаг внутрь, не ожидая, какую цену мне придется за это заплатить.

Войдя в мастерскую, я столкнулся с обычным творческим беспорядком в центре большого зала, похожего на церковный, по краям которого были выстроены лавочки со спинками, будто для зрителей, а в центре находился холст с незаконченной картиной. Старика не оказалось внутри, и я подумал было зайти в другой раз, но, стоило мне развернуться, позади показалась кирпичная стена на месте дверного проема, через который я зашел.

Чем больше я озирался по сторонам, тем меньше оставалось от помещения, пока я не оказался в полной пустоте, уединившись с самим собой, тогда и послышалось объемное кряхтение старика:

— Так-так, кто тут у нас, новый гость?

— Выходи, старик. Я слышал, что ты способен ответить на любой вопрос, каким бы сложным он ни был, — проговорил я куда-то в пустоту.

— Ох, конечно, дорогой мой, но сначала тебе придется пройти испытание, — подтрунивал он.

Забавно, но голос старика был настолько объемным, что со всех сторон слышался одинаково.

— Что за испытание? — оторопел я.

— Подожди, солнце, все по порядку, — отстранился он от однозначного ответа. — Меня зовут Сальвадор, я являюсь вестником великого искусства, что зовется «багровой кистью», потому рисую только такие картины, которые отражают всю суть альтернативной реальности, находящейся за гранью нашего понимания. Прямо сейчас ты находишься внутри моей картины, а это значит, что у тебя есть всего два выхода: пройти испытание, которое очистит тебя от грехов и даст новое начало, внеся в жизнь новые краски, в противном же случае — ты умрешь, а я ступой перетру твои внутренности в материалы для краски, которые вскоре заполнят мои тубики, а следом и холст, посвященный тебе.

— Значит, та бабуля, которой ты нагадал рак поджелудочной железы, прошла испытание? — подметил я.

— Ох, ты о леди Грейс? — как-то по-доброму посмеялся он. — Она большая молодец, справилась блестяще, потому и получила ответ на свой вопрос.

— Ты в самом деле способен ответить на любой вопрос? — поинтересовался я.

— Если в этой реальности и существует ответ на твой вопрос — я его найду, — подтвердил Сальвадор.

— В таком случае, скажи сразу, знаешь ли ты о способах попасть в Бездну? Если нет — можешь считать себя мертвым шарлатаном.

— Дитя, ты правда хочешь оказаться в месте, куда не ступала нога живого человека? Я знаю, как можно туда попасть, но ответ ты получишь только после испытания. Можешь не сомневаться, я не обманщик, а всего лишь необычный старик, дающий грешным душам выбор: жить по-новому или умереть, навсегда оставшись на холсте.

— Что ж, Сальвадор, я не трону тебя, если ты сдержишь свое слово, можешь считать это сделкой.

— Нам и вправду важно понимание между друг другом, ведь ты далеко не простой юноша, в твоих глазах сверкает метка высшего разума Бездны. Я понимаю тебя, потому что сам познал нечто, стоящее за гранью жизни и смерти. Твое повторное появление может оказаться серьезной проблемой для меня в будущем, потому я прошу тебя более не вмешиваться в мои дела после прохождения испытания и получения ответа на вопрос, если ты еще не утратил саму концепцию чести.

— Если речь идет о чести — я готов пойти тебе навстречу.

— Что ж, устраивайся поудобнее, — напоследок произнес Сальвадор, после чего единственный источник света погас, и я остался в полной темноте.

Вдруг все вокруг начало обретать краски, из ничего протраивались детали обычного деревенского домика, коих в мире полно, но этот дом был особенным — родным. Все в этих стенах выглядело таким знакомым, навевает воспоминания о моем детстве, которое оборвалось на очень трогательном моменте. Осматриваясь по сторонам, я заметил на кресле-качалке женщину, которая сидела ко мне спиной, но по движениям ее рук я понял, что та старательно что-то вяжет спицами.

В эту секунду мое сердце екнуло, тело пробрало какое-то пронзительное чувство душевной боли, ведь там сидела моя настоящая мама — Марта Кишин. Однажды она связала мне теплый шарф, который я сохранил в своих вещах до самой смерти, в знак моей памяти о маме, которая умерла в тот день.

— Мама? — окликнул я ее.

— Илия, ты так вырос, я скучала, подойди ко мне, сын мой, — подозвала она меня поближе, не оборачиваясь.

Я осторожно сблизился с ней, но она даже не смотрела в мою сторону, а лишь продолжала двигать своими руками, не отрывая взгляда от них. Когда я присмотрелся к тому, что же она вяжет, то увидел, что мама просто раздирает ногтями уже давно сгнившие руки, имитируя свое любимое дело. Увидев это, я отступил назад.

— Куда же ты, сынок, уже совсем позабыл обо мне? — расстроено проговорила мама, поднявшись с кресла.

— Ты не моя мать, монстр, — прорычал я.

— Илия, взгляни на меня, — она развернулась фронтальной частью ко мне, показав ужасающую картину.

Мне было очень тяжело на это смотреть, ведь моя любимая мама выглядела наполовину сгнившей, изуродованной до неузнаваемости. Местами были видны кости, из отмершей кожи порой вылезали живые энтропиумные пиявки.

— Это же я, твоя мама! Илия, ты помнишь, как бросил меня? — она злорадственно и отвратительно улыбнулась. — В тот день ты игрался с котлом вместе с братом, но повел себя неосторожно, погубив всю деревню. Это ты виноват в моей смерти, ты бросил меня гнить под обломками, а сам сбежал! Ты бросил меня, Илия, ТЫ БРОСИЛ МЕНЯ! БРОСИЛ! УМЕРЛА ИЗ-ЗА ТЕБЯ! ЭТО ТЫ ВО ВСЕМ ВИНОВАТ!

— Отвали! — испугался я, ударив эту отвратительную сгнившую имитацию собственной матери. — Хватит копировать маму, она бы никогда такого не сказала!

— Ха-ха-ха-ха, — истошно хохотала жалкая копия. — Илия Кишин, взгляни в глаза всем своим грехам, КАРА НАСТИГНЕТ ТЕБЯ! — прокричало оно, после чего бросилось на меня, но растворилось в воздухе

— Илия, — послышался детский голос откуда-то сзади.

Только я подумал, что кошмар кончился, но стоило обернуться, как передо мной предстал очередной оживший труп, плоть которого была покрыта бесконечным количеством волдырей, а сам он плакал, глядя на меня.

— Ты же еще помнишь меня? — всхлипывал он. — Это же я, Ричард, помнишь?

— Ричард, ты тоже пришел сюда, чтобы сказать, что я виноват в твоей смерти?

— Надо же! — он широко улыбнулся. — Ты еще помнишь! Это ведь из-за тебя я тогда упал в котел! А ты даже не спас меня! Неужели друзья для тебя ничего не значат?

— Ричард...

— Илия, я умер из-за тебя, ЭТО ТЫ ВИНОВАТ В МОЕЙ СМЕРТИ! — в той же манере прокричал труп, бросившись на меня, а затем исчезнув.

Сразу после этого стены дома рухнули, словно были лишь картонным реквизитом, а за ними все это время находилось бушующее пламя, посреди которого собрались все мои изуродованные друзья, ставшие мне родными за долгие годы.

— Смотри, Илия, это из-за тебя горит наш дом, ты не смог защитить никого из нас! — прокричал кто-то из моих колонистов.

— Мастер Кишин, почему вы проиграли? Все мы погибли из-за вашей слабости! — подхватил другой.

— Брат, ты оказался слабаком и погубил всех нас, — послышался родной голос моего младшего брата.

— ЭТО ВСЕ ТЫ ВИНОВАТ! — хором повторяли люди, которых я больше всего любил.

Это очень душераздирающие слова, мне очень тяжело держать себя в руках, я нахожусь на грани нервного срыва, но, судя по всему, все-таки нашел ключ к разгадке.

— Вы правы, я действительно виноват, — спокойно проговорил я, после чего, к моему удивлению, все замолчали. — Это на моей совести лежит смерть многих из вас, но все вы — лишь имитация тех людей, которые были мне дороги. Разгадка лежит на поверхности, я понял это по вашим тупым устами, которые только и делают, что обвиняют меня во всех грехах. Вы хотите, чтобы я признал, что это я виноват, но правда в том, что все вы — продукт моих собственных переживаний, мой внутренний голос, некая расплата за грехи, которые я не могу себе простить.

Я очень тяжело вздохнул, осознавая, что подобрался к разгадке быстрее, чем предполагалось.

— Суть ведь состоит в том, чтобы принять и простить себя — так ведь, Сальвадор?

Ответа не последовало, как и ожидалось, но мне и не нужно было его услышать, чтобы понять, что я на верном пути. Это такой психологический ход, который должен был

заставить меня сомневаться в себе, но гробовое молчание не способно сбить меня с толку, ведь я уже понял суть благодаря одному недостающему пазлу.

Когда-то давно по моей вине погибла наша рыбачка по имени Глория, которая не могла попасть обратно в колонию из-за активных барьеров во время налета разбойников. Я винил себя в том, что поднял их в тот день, закрыв для нее путь к отступлению, хотя толком и не помнил момента, когда именно это сделал, но потом один из моих гвардейцев сознался, что поднял барьеры из-за собственной паранойи, не предупредив меня. Я не находил себе места, думая, что она умерла по моей вине, но, как только настоящий виновник был найден, груз вины растворился.

Картина Сальвадора показала мне многих, но не показала ее, ведь я не винил себя в смерти Глории, а это значит, что ключом к разгадке служило прощение самого себя, а не ожидание того, что тебя простят другие, если ты перед ними извинишься и покаешься.

— Все это время я корил себя, — продолжил я, — изо дня в день вспоминая ваши лица перед смертью. Я винил себя за то, что не смог спасти вас, но теперь я понимаю, что все вы любили меня, и каждый из вас уже давно простил меня — теперь моя очередь простить себя, а за собственные грехи я уже давно расплатился.

Вдруг все вокруг треснуло, словно стекло, к ходячим трупам стали возвращаться человеческие черты, пока все они не приобрели привычный вид. Все присутствующие широко улыбались, глядя на меня, теперь я был окружен действительно любимыми людьми.

— Мы прощаем тебя, Илия, — произнесла мама, стоя напротив меня.

По моим щекам были готовы катиться слезы, она подошла ко мне и крепко обняла, а следом за ней по очереди подходили и все остальные. Теплые объятия укутали мое тело, любовь чувствовалась со всех сторон, я закрыл глаза, пытаюсь не показывать скорбь по ушедшим.

Когда я открыл их, то уже стоял напротив того же холста в центре комнаты, а рядом сидел улыбчивый седой старик, рисующий что-то на другом холсте поменьше, который, по всей видимости, был тем самым Сальвадором. Призраки прошлого пропали, растворились где-то в небытие, а я, можно сказать, пусть и немного, но очистился.

— Что ж, можно считать испытание пройденным? — пробормотал Сальвадор, улыбаясь.

— Да, я признал свою вину и смог простить себя, — вздохнул я, опустив голову.

— Признанная вина уже наполовину искуплена, а принятие себя искупает ее полностью, — сумничал старик.

— Спасибо за спектакль, — саркастично фыркнул я. — Пришла пора ответов, Сальвадор.

— Как и договаривались, мальчик мой, — кивнул он. — Присаживайся, объяснять придется долго. Начнем с того, что...

Какое-то время Сальвадор разжевывал для меня на пальцах то, как можно открыть кротовую нору между реальностью и Бездной, сравнивая определение степени двойной энтропийной разряженности с температурой кофе: слишком горячий обожжет язык, а холодный будет уже совсем не тем. Когда урок был окончен, я приступил к практике, впоследствии чего смог открыть портал.

— Что ж, поехали, — подумал я.

— Прощай, сынок, ступай с миром и не забудь про свою часть договора.

— Даю слово, что не посмею вмешиваться в твои дела в благодарность за то, что ты уже

дважды помог мне, Сальвадор, — пообещал я, после чего шагнул в созданную мной кротовую нору.

Старик сказал, что лучшим способом попасть в конкретное место Бездны будет преставление того, с чем оно связано напрямую. В процессе вторичной разрядки внутреннего энтропиума, я думал исключительно об «энтропогрануме», который хранил в себе координаты моей скромной лаборатории на островке, время на котором практически не идет. Какова же была моя радость, когда я вновь ступил на знакомую твердую почву, когда в поле зрения показались знакомые станки, инструменты и расходники, но самое главное — здесь был мой собственный труп.

Честно говоря, меня чуть не вырвало, когда я посмотрел на мертвое, но довольно свежее тело Илии из прошлого, но радовало то, что оно прекрасно сохранилось, а вместе с ним рядом валялись мои линзы, перчатка, руническое и обручальное кольца, а также мой меч «Костолом». Привычный рогатый шлем «Апостол» тоже отлично сохранился, как и одежда, но самое главное — мои драконьи глаза остались нетронутыми, как и «энтропогранум».

Я, пожалуй, пропущу тот момент, где мне пришлось уже во второй раз пересаживать себе эти глаза, потому сразу скажу, что благодаря успешной сделке с Сальвадором, я смог вернуть себе свое снаряжение, о котором помнил с самого рождения и рос, предвкушая, как однажды снова им воспользуюсь. Именно по этой причине я не могу вмешиваться в дела этого старика, ведь он помог мне простить себя, а потом еще и ответил на мучивший меня долгие годы вопрос.

Забрав все то, что принадлежит мне, я вернулся в реальность, перенастроив «энтропогранум» на другие координаты, после чего в моей жизни начался новый этап, и появилась новая цель — свергнуть с престола Гармонии короля, который был для меня ближе всех остальных врагов, чтобы занять его место и закончить начатое — возродить колонию Сенсус в лице нового государства под названием Гармония.

Вместе с тобой, Ашидо, я достигну своей мечты.

Глава 29: Водоворот отрицаний

С момента нашего с Илией разговора минула ночь, мы уснули в той же комнате в сидячем положении, и, к моему удивлению, он еще спал к моменту моего пробуждения, потому я решил немного пройтись по дому и обсудить с Хорнет то, о чем мы говорили. Честно говоря, половину из услышанного я уже толком не помню — план Илии по спаиванию меня, судя по всему, был направлен именно на такой результат, чтобы скрыть хотя бы некоторые факты из его биографии. Всяко лучше просто напоить меня, чем опять прибегать к «шиирацу».

Кстати говоря, он ранее не упоминал о «ранмацу», но я уже видел эту способность в тот день, когда Илия впервые пришел в орден — тогда он не дал мне себя ударить, используя именно ее. Что касается остального, то теперь мне известно, что этот рогатый чудила некогда был человеком с действительно значимым и большим именем, но однажды все потерял, а добивающим фактором послужило перерождение в новом теле Августа Драговича — ему совсем не идет это имя.

Еле отодравшись от дивана, я неспешно покинул гостиную и направился в кабинет Хорнет, где ее могло и не быть, потому я решил обратиться за помощью к нашему любимому переговорному устройству:

— Хорнет, ты в кабинете? — пробормотал я похмельным голосом.

— Проснулась ласточка, — саркастично произнесла она в ответ. — Я сейчас с Луной, ассистентом Юстиции, обсуждаем не очень хорошие новости, тебе бы тоже послушать, но для начала зайди к Лаффи, ибо она Ринне уже весь мозг тобой вынесла.

— А что за новости? — поинтересовался я.

— Ашидо, давай ты сначала сделаешь, что я сказала, а потом мы все тебе доступно изложим.

— Хорошо, — подтвердил я. — могу взять с собой Илию?

— Его присутствие очень приветствуется, они с Луной уже давно знакомы и нечасто могут позволить себе по-дружески перетереть.

— Принято, до связи, — оборвал я, после чего сменил свой маршрут на путь, ведущий в медпункт.

Намека на другие весьма удивительные новости я не оставил — пусть это будет сюрпризом. Когда дверь заветного медпункта наконец была достигнута, я ступил внутрь, но вместо Лаффи застал удивленные чем-то лица Ринны, пилящей меня взглядом, и Итаци с тарелкой каких-то вкусностей. По прошествии незначительной секунды мне в спину с огромной силой что-то врезалось, от чего я мгновенно рухнул на пол.

— Аши! Ты пришел! — послышался громкий и восторженный голос Лаффи.

Оклемавшись от удара, я лицезрел прямо над собой ее саму в полном здравии без намека на дальнейшую надобность соблюдать постельный режим. Лаффи уселась прямо на меня, и, скажу честно, было крайне тяжело мириться с весом ее бедер, которые вот-вот раздавят мои внутренности.

— Лаффи, встань, пожалуйста, — прокряхтел я.

— М? Тебе не нравится? — оторопела она.

— Я сейчас умру...

— Ладно, уговорил, — она поднялась на ноги, встав напротив меня.

Когда пришел мой черед подниматься, я почувствовал, что все содержимое желудка может в один момент выйти наружу, но сдержал настойчивый порыв, не подав виду о своем дискомфорте.

— Ну, здравствуйте, девочки, — наконец поприветствовал я тех, кто мог лишь наблюдать за этой картиной с изумлением.

— С пробуждением, Ашидо, — сказала Ринна.

— Доброе утро, завтракать будете? — улыбнулась Итачи, слегка приподняв ложку.

— Завтрак? — опомнился я. — С радостью, только, вот, это, наверное, порция Лаффи.

— Дай сюда! — прокричала Лаффи, вырвав из рук Итачи тарелку и столовый прибор. — Аши, садись, будем кушать.

— А может я сам поем?

— Никаких «нет», садись, — приказала она, рухнув на кушетку.

Пришлось смириться, потому я подчинительно уселся рядом с загоревшейся идеей покормить меня Лаффи. Она тут же зачерпнула белое содержимое из тарелки, подставив ложку мне ко рту, что я сразу же проглотил. Это блюдо оказалось довольно сладким и нежным, мне сразу же вспомнился вкус детства — манная каша.

— Вкусно, — улыбнулся я. — Это Итачи приготовила?

— Нет, — опровергла сама Итачи, — кашу готовила Лаффи специально для тебя.

— Пока ты развлекался с Илией, она нам весь мозг вынесла, — вмешалась Ринна, — все утро трындела о том, что хочет покормить тебя манной кашей. Я настаивала на постельном режиме, но Лаффи просто сбежала из медпункта и бегала по всему дому до тех пор, пока не нашла кухню.

— Хей, что за поведение такое? — наехал я на нее.

— Все для тебя, Аши, — широко улыбнулась она, показав свои блестящие зубки.

— Чувствую себя ненужной, — промямлила Итачи.

— Да замолкни ты, иногда нужно брать выходной, — проговорила Лаффи.

— Может ты и права, — вздохнула она в ответ.

По их общению и не скажешь, что у Лаффи все-таки получилось с кем-нибудь подружиться, но негативного фактора не наблюдается — она просто плохо воспитана.

— Слушай, Лаффи, а ты вообще стараешься подружиться с остальными? — поинтересовался я.

— Конечно! — без доли сомнения заявила она. — Я уже хорошо подружилась с Ринной и Итачи, а еще с кошечкой!

— Кошечкой? — вдруг осенило меня.

У нас же была кошка Сильвия, о которой я уже совсем позабыл, поскольку ни разу не видел ее в этом огромном доме с момента возвращения.

— Ну, с той, которая в углу, — Лаффи указала мне ложкой на Сильвию, довольно растекшуюся под стулом, на котором сидела Ринна.

— Ого, давно тебя не видел, шерстяная, — обрадовался я, подзывая ее к себе.

Прискорбно, но как бы упорно я ее не звал, Сильвии было все равно на внимание какого-то там Ашидо.

— Не отвлекайся, я вообще-то кормлю тебя, — возмутилась Лаффи, запихивая мне в рот ложку.

— Ты лучше скажи мне, как ты себя чувствуешь? — поинтересовался я, проглотив очередную порцию.

— Честно, хреново, — пояснила она. — Ты все время где-то ходишь и не находишь времени на меня.

— Я вообще-то спросил про физическое состояние. Не болит ничего?

— Сердце болит...

— Ой, ну хватит уже, уши вянут, — вклинилась Ринна.

— Заткнись, дура, тебе не понять, каково это, — завелась Лаффи.

— Знаете, я, пожалуй, пойду, — еле сдерживая себя, сказала Ринна, после чего встала со стула и поплелась к выходу.

Лаффи действительно перегнула, ведь она ничего не знает о Ринне. Когда Ринна распахнула дверь, то испугалась, встретившись взглядом с Илией, который в этот момент как раз тянулся к дверной ручке. Какое-то время они просто пялились друг на друга, пока Илия не отошел в сторону, чтобы Ринна могла выйти, после чего сам зашел к нам.

— Тут есть медики помимо меня? — первое, что он сказал.

— Нету, — ответила Итачи. — А что такое?

— Похмелье, — пояснил он.

— Могу предложить куриный бульон и водички.

— А говорила, что медиков нет, — улыбнулся он.

— Ну, значит, я тоже своего рода медик. Заходи через час, как раз закончу, если тебе будет достаточно одного окорочка, — проговорила она, уже стоя непосредственно перед ним.

— Вполне, благодарю, Итачи.

— Тебе спасибо за то, что даешь мне почувствовать себя нужной, — она обняла Илию, как-то странно и громко промурчав.

— Обращайся, — ответил он взаимным поглаживанием по голове, после чего Итачи удалилась.

Приятно видеть, что Илия успел наладить отношения со всеми, а не только со мной, чего не скажешь о Лаффи, которая невольно отстраняется от излишнего внимания.

— Опа, чмоня, — неожиданно воскликнул Илия, заприметив под стулом кошку. — Иди-ка сюда, Сильвия.

Честно говоря, я был шокирован предвзятостью этой кошки, ведь она сразу же соскочила с места и бросилась в ноги к Илие, хотя еще пару минут назад игнорировала меня, а он в свою очередь просто уселся на пол и принялся ее тискать. Чего точно не отнимешь у Илие, так это искреннюю любовь к семейству кошачьих, мимо которых он никогда не пройдет.

— Хей, Аши, а давай тоже ее потискаем, — загорелась идеей Лаффи.

— Она сразу убежит, а ты получишь по бошке от рогатого, — подметил я.

— Я вообще-то сейчас без шлема, — возмутился Илия.

— Кстати говоря, шлем ведь носит имя «Апостол», да?

— Запомнил все-таки, — вздохнул Илия. — Верно, этот шлем в свое время сделал меня известным.

— А чей это череп? — поинтересовался я.

— Самоделка из драконьей кости, — пояснил он, — живых носителей такого черепа не существует.

— Слушай, Илия, ты все время говоришь про драконов. Они на самом деле когда-то существовали?

— Можешь в этом не сомневаться, они могут быть живыми и по сей день. Я был тем, кому пришлось убивать драконов ради прогресса.

— Можно тебя кое о чем попросить?

— О чем? — слегка опешил он, не предполагая, что мне от него нужно.

— Покажи мне, пожалуйста, «Костолом», я еще ни разу не видел твоего меча.

— Что предложишь взамен? Если я его сейчас достану, то Сильвия убежит, а я ой как не люблю, когда кошки от меня убегают.

— День разговоров с ассистенткой Юстиции, — вот и мой козырь.

— Забились, — без доли сомнений согласился он, поднявшись на ноги и отойдя от Сильвии в сторону.

Цвет его энергии в самом деле заставил бы кошку обмочиться со страху, ведь он очень похож на огонь — что же творится в душе у этого человека? Пусть я и ожидал увидеть привычное проецирование меча, как у меня, но Илия оказался слишком непредсказуемым, сунув руку в какой-то маленький портал, откуда секундой позже показалась рукоять меча, а затем и сам меч. Это была не какая-нибудь катана, пиратская сабля или золотой клинок придворного убийцы, а вполне обычный по форме своей короткий двуручный меч. Его оттенок говорил о том, что это оружие сделано из того же материала, что и шлем — светло-каштановый.

Илия подошел поближе, протянув мне меч обеими руками. Стоило ухватиться за рукоять, как я почувствовал невероятную легкость этого меча, которая никак не сходилась с его размерами. В теории он должен был весить кило три, но на деле казался вдвое легче, потому орудовать им было проще некуда. Из других примечательных деталей можно было выделить какую-то стекляшку в центре гарды, предназначение которой мне неизвестно.

— Я назвал этот меч «Костоломом» потому, что он, будучи спроектированным из драконьей кости, мог с легкостью разрубать толстые кости своих прародителей.

— Круто, мне нравится твой меч, — искренне восхвалял я такую искусную работу. — А зачем здесь эта стекляшка, для красоты?

— Давай, покажу, — он вырвал у меня из рук меч.

Илия опять отошел в сторону, будто опасаясь того, что может поранить меня каким-то образом. В какой-то момент лезвие меча резко вспыхнуло, окутавшись в беспросветный и плотный огонь.

— Афигеть! — воскликнула Лаффи. — Меч горит!

— Это слой эссенции «игнитио», который гармонирует с разряженным энтропиумом, — пояснил Илия. — Такая комбинация способна разрубить все, что угодно, оставив за собой яркое пятно горячего вмешательства.

— Хочешь сказать, что меч загорается благодаря стекляшке? — опешил я.

— Верно, эффект создает линза в центре гарды, — подтвердил он. — Аналогов этому мечу в мире не существует, поэтому я так боюсь однажды с ним расстаться. Ты доволен увиденным?

— Более чем, спасибо, — поблагодарил я.

— Что касается твоей части сделки, — заговорил он, пряча меч обратно в темно-фиолетовое пятно. — У Луны сегодня выходной, да?

— Честно говоря, не уверен, но Хорнет сказала мне, что у нее есть окошко для того, чтобы вы могли поболтать.

— Хорошие новости, — ухмыльнулся он. — В таком случае я удалюсь на кухню к

Итачи, а потом мы вместе сходим в орден «Юстиция», познакомлю вас поближе.

— Договорились, мне как раз туда.

— Тогда зайди за мной на кухню, как закончишь здесь мурчать с подружкой, — проговорил Илия, уже скрываясь за дверь.

Вот мы и остались наедине, теперь в комнате было совсем пусто, ведь все до единого, включая перепуганную Сильвию, разбежались по своим делам. Я остался один на один с девушкой, которая питает ко мне любовные чувства, от чего мне совсем уж не по себе.

— Теперь можно спокойно доесть, так ведь, Аши? — ехидно улыбнулась Лаффи.

— Деваться некуда, но сначала скажи мне, ты сама-то ела?

— Какая разница? — оторопела она.

— Я отказываюсь есть, если ты ничего не ела, — прорычал я.

— Аши, забудь обо мне, тебе нужно поесть, а я уж как-нибудь перебьюсь.

— Так дело не пойдет, Лаффи, — я скрестил руки в ожидании ее капитуляции. — Либо ты ешь, либо я ухожу.

— Стой! Не уходи, я согласна поесть!

Не хотелось бы прибегать к тому, чтобы манипулировать ей через меня, но ничего не поделаешь, если Лаффи не понимает простых слов. На этот раз с тарелкой в руках пришлось сидеть мне и, скажу честно, кормить подругу детства с ложечки оказалось совсем уж неловко, ведь она все время как-то жадно и развратно засовывала ложку в рот, все время улыбаясь и пиля меня взглядом. Когда манной каши уже и след простыл, оставалось только продолжить диалог.

— Слушай, Лаффи, а ты помнишь того задиру Карла?

— Ты про того, которому я вылила на голову ведро влажного песка, когда он обзывал тебя?

— Ага, про него, — засмеялся я, — тебе еще тогда влетело дома за эту выходку.

— И вправду, — заразилась смехом Лаффи. — Никак не забуду его обиженное лицо.

— Эх, было время, мне тогда хватало таких друзей, как вы с Ральфом, чтобы чувствовать себя живым.

— Что правда, то правда, жаль Ральфа больше с нами нет, — немного поникла Лаффи. — Он был прекрасным другом.

— Знаешь, я думал, что ты тоже умерла, как он, но, когда снова увидел тебя вживую, был по-настоящему счастлив, словно частичка меня в миг вернулась на место, заполнив дыру в сердце.

— Ашидо...

Лаффи как-то резко соскочила с места и опрокинула меня на кушетку, оказавшись сверху. Ее пышные длинные волосы закрыли всю картину вокруг, свисая с головы, перед моими глазами находилось только ее лицо, на котором читались все возможные эмоции.

— Т-ты чего? — опешил я.

— Аши, все это время со мной творили ужасные вещи, и я хочу забыть это, как страшный сон. Помоги мне, пожалуйста, у меня больше никого нет, кому бы я могла довериться.

— Ох, Лаффи, не переживай, я здесь и помогу тебе, — улыбнулся я, — мы все тебе поможем снова встать на ноги.

— Аши, как же ты не поймешь — мне нужен только ты и никто больше. Все эти люди для меня не более чем проходные, они никогда не станут мне настоящими друзьями, а ты —

уже больше, чем просто друг.

— Что ты хочешь этим сказать? — только не это.

— Я люблю тебя, Аши, всем сердцем люблю с самого детства! Прими же мои чувства!

Именно этого я больше всего боялся, она не знает о Юмико и рассчитывает на взаимность, а я не могу вот так просто отказаться от чувств к человеку, зная, что она все еще жива и сейчас где-то в Гармонии. Что же мне делать?

— Лаффи, я...

— Смотри! — перебила она меня, приподнявшись и начав расстегивать пуговицы рубашки.

— Стой! Что ты делаешь?

Я пытался остановить Лаффи, но она закончила начатое и оголила свою женскую изюминку, а затем схватила меня за руку и силой заставила схватить ее за грудь.

— Трогай, Аши, сколько душе угодно, я вся твоя, только прошу, прими мои чувства! — продолжала лепетать Лаффи.

— Остановись! — приказал я, отдернув руку.

В этот момент что-то внутри нее сломалось, она тут же поникла.

— Лаффи, солнце, пойми меня правильно, я не могу! Все куда сложнее, чем ты думаешь, я все еще не готов.

— Тебе нужно время...да? — расстроено промямлила она.

— Я не знаю, просто оставь меня, пожалуйста, — взмолился я.

— Аши, ты делаешь мне больно...

— Прости, Лаффи, я желаю тебе только добра, но я не могу...

Я приподнялся из лежачего положения в сидячее, приобняв Лаффи, которая все еще сдавливала мои ноги своим весом. Она с превосходящей силой вцепилась в меня, чем больше мы так сидели, тем громче становились чувственные всхлипы.

— Ну, чего ты, солнце, успокойся, я рядом, — подбадривал я Лаффи.

— Ашидо, почему? — мямлила она. — Скажи мне правду, ты меня не любишь? Тебе не нравится мое тело?

— Не говори глупостей, Лаффи, я тоже люблю тебя и тело у тебя прекрасное, но я не могу разрываться.

— Я не понимаю...

— Послушай, если я тебя поцелую, ты сможешь хоть немного успокоиться?

— Аши, я...не могу так...

— Я не хочу оставлять тебя здесь одну с дурными мыслями наперевес, давай придем к компромиссу...

Не успел я договорить, как Лаффи впиалась своими губами в мои, обхватив меня своими руками так, чтобы я не смог выкрутиться. Этот поцелуй был страстнее всех предыдущих, в каждое движение языка было вложено невероятное количество чувств, будто не существует больше такого места, куда его можно засунуть. Может, мне и было приятно, но в процессе я думал только о том, что поступаю неправильно, что предаю чувства Юмико. В какой-то момент Лаффи полезла своими руками мне под кофту — теперь уж точно пора остановиться.

Я не стал отдергивать ее, а просто прибег к своей «бестелесности», освободившись из объятий развращенной годами подруги, после чего телепортировался с кушетки прямо к выходу.

— Аши, постой! — все, что я услышал вдогонку.

Какой же я идиот, не способен принять даже простые решения, а сейчас просто убегаю, не желая решать свалившиеся на голову проблемы. Теперь по ночам у меня на душе будут скрестись кошки из-за того, что я бросил дорогого мне человека, оставив ее наедине со своими невзаимными чувствами.

Первое, что пришло в голову — забрать Илию и смотаться куда подальше, потому я с грохотом ворвался на кухню, где тихонько переговаривались между собой Илия и Итачи. Не сказать, что оба были удивлены, будто все уже привыкли к тому, что Ашидо любит наводить кипиш.

— Илия, мы сваливаем! — скомандовал я.

— Какой сваливаем? — возмутился он. — Я жду бульон.

— Потом поешь свой бульон! Лаффи меня сейчас прямо в этой раковине трахнет!

— Что за дела? — удивилась Итачи.

— Послушай, кэп, это твои проблемы, — отстранился Илия, — мне сейчас интересен только бульон.

— Конечно, у тебя же нет таких проблем, что приходится греть голову, чтобы как-то сказать ей о том, что у меня есть Юмико!

— Ашидо, — как-то косо посмотрела на меня Итачи, будто хочет что-то сказать.

— Итачи, может ты мне скажешь, что делать? — громко и нервно спросил я. — Я не могу вот так просто распрощаться с ней только потому, что из ниоткуда нарисовалась моя подруга детства, с порога заявив о чувствах, которые я принять не могу!

— Ашидо, — в той же манере проговорила Итачи.

— Ну, что? — будучи на пике непонимания прорычал я.

Они оба просто молчали и смотрели в мою сторону, не желая ничего говорить. Здесь мне никто не поможет, как бы прискорбно это не звучало.

— Да ну вас, — отмахнулся я, после чего развернулся к выходу, где все это время стояла Лаффи.

Взглянув в ее глаза, я сразу понял, что она все слышала. Лаффи узнала о том, о чем ей знать было не нужно, а теперь я вижу, как разбил ей сердце всего лишь парочкой неаккуратных слов. Она смотрела на меня таким жалобным взглядом, что у меня самого невольно начали трястись руки от осознания.

— Вот оно как, — едва не плача, произнесла она.

— Лаффи, это не то, о чем ты подумала! — попытался оправдаться я.

В ответ она лишь бросилась в бега, неся за собой груз неразделенной любви, хотя это не так, ведь эта девушка никогда не была мне безразлична, напротив, она в свое время внесла в мою жизнь смысл.

— Постой, Лаффи! — кричал я вдогонку, но она не желала меня слушать.

Именно об этом меня собиралась предупредить Итачи, а я ее не послушал, просто накричав на всех с порога кухни, за что мне теперь очень стыдно.

— Какой же я все-таки идиот, — вслух произнес я.

— Забей, — положил мне руку на плечо Илия. — Я поговорю с ней, а ты иди к Хорнет, займись делом, она все равно не захочет сейчас тебя видеть.

— Думаешь, тебя она послушает? — сомневался я.

— Не сочти за грубость, но я хотя бы умею подбирать слова, — с издевкой произнес он.

— Спасибо, — все, что я мог в этот момент ответить.

— Итачи, позови меня, когда бульон будет готов.

— Хорошо, мастер Кишин, — подтвердила она.

Илия спешно поплелся в сторону Лаффи, которая, судя по всему, вернулась обратно в медпункт. Я остался наедине с Итачи, потому поступил должным образом и извинился перед ней, на что та привычно тепло отреагировала. Забрав свою маску у Мисато, которая зашила мне ремешок, я нацепил ее поверх лица, после чего обратился за помощью к Войд, снова отвлекая ее от игры в приставку, но она, как обычно, пошла навстречу и перенесла меня в орден «Юстиция».

Все эти разукрашенные стены, красивые колонны и приветливые люди вокруг казались лишь реквизитом, который не вписывается в мою унылую картину. Голова забита только мыслями о Лаффи, которую я очень подвел, повернувшись спиной в тот момент, когда она больше всего нуждалась в поддержке своим единственным из оставшихся близких людей. Я тихо плелся по коридору к кабинету Юстиции, пока наконец не уперся в привычные огромные двери, перед которыми на этот раз стояли люди в строгих костюмах, будто охраняя главу ордена от ненужных посетителей.

— Ох, господин Тайкон, — заговорил один из них, — госпожа Юстиция сегодня не принимает гостей, она велела направить вас в покои своего ассистента.

— И с какой стати Юстиция сегодня заперлась в кабинете?

— Видите ли, господин Тайкон, дело в том...

Не успел охранник договорить, как двери кабинета распахнулись, и из него вышел высокий мужчина в строгом черном костюме с меховыми вставками, пышной черной шевелюрой и повязкой на глазах.

— Что за тип? — подумал я.

Он как-то демонстративно пялился на бумаги, которые держал в руках, что выглядело довольно странно, пока не заприметил меня, что тоже странно, ведь его глаза закрыты.

— Добрый день, вы к госпоже Юстиции? — поинтересовался он.

— Добрый, нет, я не к ней, Юстиция же не принимает сегодня гостей, — развел я руки в стороны.

— Ох, ну простите, — рассмеялся он. — В последнее время деятельность ордена «Юстиция» находится под строгим надзором высокопоставленных лиц королевской гвардии.

— И что гвардии нужно от этой прекрасной женщины? Она ведь просто помогает людям.

— Нам не нужна сама Юстиция, нам нужны ее «партнеры», а вы, извините, кем ей приходиться? — поинтересовался он.

— Обычный гражданин, полгода назад отморозки спалили мне лицо, потому я вынужден носить маску, чтобы никто не видел моего изуродованного портрета, добиваясь правосудия, — соврал я.

— Вы, гражданин, точно по адресу, — усмехнулся он. — Мне, как полковнику, абсолютно насрать на такие мелочи, а вот госпожа Юстиция вполне способна помочь.

Мне не нравился тон этого ублюдка, тем более, что я вспомнил, где мог видеть его раньше — на Торговой площади в компании короля.

— Господин «как вас там», вы же понимаете, что...

— Гость! Мы уже совсем заждались! — послышался женский голос.

В наш разговор вмешалась та самая ассистентка Юстиции.

— Здравствуйте, полковник Айс! — поприветствовала она некогда неизвестного мужчину. — Вы уже поговорили с госпожой Юстицией? Оставьте, пожалуйста отзыв о встрече.

— Резко отрицательный, — прорычал он. — Запиши себе в блокнот, что Юстиция — конченная сука, а затем проваливай.

Я уже был готов преподать этому мудню урок, но добрая и искренняя улыбка Луны меня остановила — она явно не хотела кровопролития в стенах родного ордена.

— Ваш отзыв учтен, хорошего дня! — произнесла Луна, после чего схватила меня за руку и куда-то потащила.

Через минуту мы уже стояли в стенах ее покоев, где меня за чашкой чая уже ждала Хорнет. Стоило двери захлопнуться, как улыбчивая ассистентка прижала меня к стене и как-то грозно произнесла:

— Ты чуть всех нас не зарыл! Думай головой, прежде чем возникать перед полковником.

— Ох, прости, виноват, — раскаивался я.

— Что ж, раз уж ты наш гость, то присаживайся, будем знакомиться.

— погоди секунду, я должен кое-что передать Кишину.

— Хорошо, — кивнула она.

— Илия, — обратился я в рацию, — прости, если отвлекаю, но я должен тебя предупредить, что в стенах ордена «Юстиция» ошивается хер из гвардии, полковник по званию. Постарайся не светиться, когда пойдешь к нам и, пожалуйста, передай Лаффи, что мне очень жаль и я прошу прощения за свои слова.

— Она тебя слышала, спасибо за информацию, — проговорил Илия, после чего оборвал связь.

Не знаю, как Лаффи отреагирует на мои извинения, но сейчас нужно обсудить кое-что другое.

— Все? — послышался голос Хорнет с другого конца комнаты.

— Да-да, ты хочешь поговорить?

— Притормози, сначала Луна, она очень хотела с тобой лично познакомиться, — Хорнет кинула на меня какой-то грозный взгляд.

— Что ж, тогда, давай знакомиться, — обратился я к Луне.

— Я очень рада, что ты сегодня пришел, — улыбнулась она. — Меня зовут Луна Сальваторис, я прихожусь ассистентом главы ордена «Юстиция».

— Очень приятно, Ашидо Такаги.

— Очень приятно, Ашидо, можно на «ты»? — уточнила она.

— Без проблем, учитывая то, что ты уже успела на меня нарычать.

— Прошу прощения, вся на иголках сегодня, — пояснила она. — Я тут подумала, ты пока располагайся, а меня позовете, когда придет Илия, чтобы мы плодотворно поговорили, а сейчас лучше пообсуждайте с Хорнет дела свои деловые.

— Благодарю, мы тебя обязательно позовем.

Луна покинула комнату сразу же, как договорила, потому мы могли спокойно обсудить с Хорнет то, о чем она сегодня умолчала. Я уселся на стул рядом с ней, скрестив ноги.

— Ну, что за новости? — поинтересовался я.

— Мне начать с хороших или плохих?

— Давай лучше с плохих, вдруг хорошие окажутся настолько хорошими, что плохие на

их фоне будут мелочными.

— Как скажешь, тогда начну с плохих — на нас объявлена охота.

— Какая еще нахрен охота? — опешил я.

— А такая, что король натравил гвардию разноухивать про «Спектр», одного из этих придурков ты уже видел, — пояснила она.

— Это тот, что с повязкой на глазах? — уточнил я.

— Он самый, полковник Эдвард Айс — решает дела конкретно в ордене «Юстиция».

— А кто еще в этом замешан?

— Не знаю, Ашидо, я не располагаю такой информацией.

— И это все плохие новости?

— Вполне достаточно, чтобы заноза в жопе щекотала, — фыркнула Хорнет. — Перейдем к хорошим новостям, орден «Юнити» выделил нам несколько людей.

— Ого, кто эти люди? — удивился я. — Они имеют способности?

— Нет, — отрезала Хорнет. — Простые работяги и некогда влиятельные люди: Шин Дайго — простой инженер в команду Мисато; Николас Райс — спец по информационным системам; Джозеф Даян — известный кандидат докторских наук в области генетики; а еще Наталья Рейх — бывшая глава преступной группировки.

— Наталья? — удивился я, услышав знакомое имя.

— У тебя реально такое неадекватное влечение к женщинам, что ты заметил только ее в числе остальных? — осуждающе посмотрела на меня Хорнет.

— Да погоди ты, дура, я знаю ее!

— И откуда же?

— Работал на нее, когда мы только-только познакомились, — пояснил я.

— Ну, со знакомыми лицами проще найти общий язык, — улыбнулась она, — даже если, блин, это бывшая, а может и нынешняя преступница.

— Она хорошая, только нам придется организовать где-нибудь курилку для нее.

— Какую еще, нафиг, курилку? — возмутилась Хорнет.

— Нанимая сотрудников в незаконный орден, ты должна быть готова организовать им комфортные условия труда.

— Не торопи события, Ашидо, они будут числиться в кругах «Спектра» только после твоего одобрения, потому завтра лично со всеми познакомишься, — пояснила она.

— Хорошо, приму к сведению. Это все?

— Да, мне больше не о чем рассказать, — подтвердила она.

— Значит, моя очередь?

— Ну, давай, рассказывай, что удалось узнать о Сальвадоре.

— С Сальвадором все проще некуда — он годами безвылазно сидит в своей мастерской на одном из главных Академических перекрестков. Мы можем прийти в любое время и выудить у него информацию о Стивене Колдене.

— Хочешь сказать, Илия все это время знал о нем и не удосужился рассказать? — завелась Хорнет.

— Не наезжай на него, Илия пошел с ним на сделку, где условием Сальвадора было не вмешиваться в его черные дела, потому-то наш рогатый союзник не спешил разбалтывать все направо и налево. Я много чего выслушал за этот вечер, потому тебе следует знать, что не стоит портить с ним отношения.

— Так, о чем ты?

— Илия умер в XIII веке и переродился в нашем времени в теле другого человека. В его голове находится огромная кладовая знаний, плавающих за гранью нашего понимания, не говоря уже о его третьей способности, которую я еще ни разу не видел и даже не предполагаю, что она могла бы делать. Он назвал ее силой великого «Парадокса».

— Что ты несешь? Ты серьезно веришь каждому слову этого придурка? — сомневалась Хорнет.

— Говори, что хочешь, но я уверен, что все это — правда. Илия доказал мне, что все его слова о Бездне правдивы, что его теоретические знания об энтропии оказывают чудодейственный эффект на практике, что сильными в этом мире могут быть не только шепоты и ренегаты, но и люди, имеющие голову на плечах, вроде Мисато. С какой стати я должен в нем сомневаться?

— Ладно, думай, как хочешь, но смотри, чтобы твоя наивность потом не сыграла с тобой злую шутку. Что касается Сальвадора, то мы займемся им позже, раз уж он такой домосед, а пока нужно сосредоточиться на кандидатуре Хомуры, к которой ты заявишься в гости на следующей неделе, а пока придется залечь на дно, чтобы дать проблемам в ордене «Юстиция» немного рассосаться.

— Что ж, я солидарен с таким раскладом дел.

— Тогда, я могу удалиться и отоспаться, как следует.

— Сладких снов, Хорнет, — улыбнулся я.

— Ага, какие уж тут сладкие, — довольно фыркнула она, покинув кабинет.

Ну и дела, конечно — мы в полной жопе. Было бы куда проще, не будь во всем этом водовороте проблем давления со стороны Лаффи, но, думаю, мы со всем справимся, тем более, что на очереди пополнение. Я буду стремиться к тому дню, когда «Спектр» наконец возвысится, чтобы бросить вызов всем тем, кого мы сейчас боимся.

Глава 30: Рекруты

Не знаю, как у других, а у меня есть незаменимое умение бездарно растрчивать свободное время впустую, потому час в одиночестве не пролетел за полезным делом — я просто болтал по рации с отлынивающей от работы Амелией, пока меня не отрезвил резкий щелчок, характерный для открывающейся ручки двери.

— Не скучал? — в комнате показался Илия, а вместе с ним внутрь зашла и Луна, которую уже не придется приглашать на душевную беседу.

— Скучал, — поддакнул я, не вложив ни капли искренности в свои слова.

— Зря, — пробухтел Илия.

— Снова здравствуй! — поприветствовала меня Луна, расплываясь в широкой и доброй улыбке.

Вынужден согласиться, что эта девушка в действительности очень притягательна, но не когда стоит бок о бок с человеком, у которого опять по щекам катятся кровавые слезы, к которым я как-то должен привыкнуть.

— Тебе платочек дать? — заботливо подтрунивал я.

— Нет, спасибо, у меня свой, — произнес Илия, демонстративно вынув из кармана некогда белую тряпку, которая на данный момент уже утонула в следах постоянной эксплуатации.

— Опять в глаза лезешь! — возмутилась Луна, схватив его за руку. — Сколько можно повторять тебе, что грязными тряпками лицо не протирают?

— Она не грязная, — спокойно ответил он.

— Что в лоб, что по лбу, — вздохнула она. — Ашидо, подай из верхнего ящика чистый платок, пожалуйста.

— Момент, — я тут же выдвинул ящик, внутри он выглядел не как все остальные, ибо не был забит хламом доверху, все было уложено аккуратно. — На, — я протянул ей платок, который валялся поверх всего содержимого.

— Спасибо, — поблагодарила она, после чего принялась оттирать следы крови с лица Илии.

— Может, я сам? — в какой-то ворчливой манере отстранился Илия.

— Заткнись и прими мою заботу, раз уж сам о себе не заботишься.

За этим было забавно наблюдать, обычно никто не ведет себя подобным образом в присутствии Илии, все относится к нему с уважением и тщательно подбирают слова, но Луна, похоже, пристрастна к иному подходу.

— Вы выглядите, как хорошие друзья, — подметил я.

— Так оно и есть, — в один голос подтвердили оба.

— Будь Луна прохожей с улицы, я бы не стал терпеливо мириться с таким наглым нарушением личных границ, — снова проворчал Илия.

— Хе-хе, — довольнo ухмыльнулась девушка.

В моей свежей памяти хорошо закрепился тот фрагмент, как Илия говорил, что эта кровь — побочный эффект, но я так и не понял, что его вызывает. Как только эти оба закончили, то сразу уселись на аккуратно застеленную кровать. Глядя на абсолютно разных людей порой невольно замечаешь различия в их отношении к окружающему миру: Илия сидит так, чтобы было удобно, даже если поза не совсем ровная, а Луна демонстрирует

окружающим свою подтянутость, без которой ей с таким высоким ростом никак.

Стоит, наверное, подметить, что мы с Илией одинакового роста — сто восемьдесят сантиметров, но он умело создает иллюзию разницы в росте за счет своего шлема, который добавляет поверх еще около сорока сантиметров. Луна же от природы выше нас обоих на полголовы, в компании с такой девушкой по случайности можешь почувствовать себя карликом.

— Ну, раз уж мы уже знакомы, думаю, можем перейти к обсуждению интересной темы, — заговорила Луна.

— Давай, времени у нас теперь много, — согласился я.

— Та самая? — поинтересовался Илия.

— Ага, хочу узнать на каком уровне находится Ашидо, — довольно предвкушала она.

— О чем вы? — поинтересовался я, не понимая намеков.

— Кхм, как ты думаешь, на каком уровне находится твое воображение? — задала вопрос Луна с таким акцентом, будто за ним следует длинный список вариантов.

— Это довольно важный вопрос для шепота, вроде тебя, — подметил Илия, — лично я нахожусь на шестом уровне, хотя когда-то был на седьмом, из-за чего моя жизнь и разрушилась.

— Что еще за уровни? — недоумевал я. — Шестой уровень — это много?

— Шестой уровень представляет из себя неуправляемое сверхвоображение, — начала свой монолог Луна, — когда человеку едва удастся контролировать происходящее. Обычно для людей с этим уровнем воображения свойственны галлюцинации, порой переходящие за черту безопасных для себя и окружающих. Можно сказать, что такие индивиды живут в борьбе за сохранение рассудка.

— Допустим, получается, что Илия не совсем психически здоров? — косо посмотрел на него я.

— А ты думаешь, почему я не использую силу шепота? — ни капли не оскорбившись моим взглядом, ответил он. — Вам всем крышка если я случайно тронусь головой.

— Ну, ты не выглядишь таким нездоровым, напротив, я бы даже сказал, что адекватного в тебе больше, чем во многих других людях.

— Не суди книгу по обложке, Ашидо. Пусть мне и не мерещатся пауки, падающие с потолка, все равно тяжело избавиться от воспоминаний прошлого, когда они были псевдореальными.

— Да ты блефуешь, — возмутился я, — намеренно их выдумывал.

— Хей, вообще-то Илия из-за этого семью потерял, некрасиво так говорить, — вмешалась Луна.

— Да я не верю, что пауки сами собой могут появиться и ползть кусаться, — настаивал я на неосуществимости такого сценария.

— Ты мне не веришь? — с ухмылкой посмотрел на меня Илия.

— Не верю, — подтвердил я, скрестив руки.

— Хочешь посмотреть?

— Хочу.

— Смотри, — произнес Илия, после чего тут же погрузил меня в «шиирацу».

***

Весь диалог мы поддерживали зрительный контакт, потому ему было проще некуда залезть мне в голову. Если говорить о том, что же на этот раз показывает занимательная

жизненная пленка, то передо мной раскрывается вид на своего рода причудливую лабораторию алхимика, где кругом стоят одни котлы и колбы.

Судя по всему, сейчас я нахожусь в теле Илии, предметы одежды и причудливый шлем выдают хозяина — так где же пауки? Я был уверен на счет того, что галлюцинаций можно достигнуть только через психотропные вещества, но стоило хозяину воспоминаний обернуться, как в глаза кинулся огромный рой пауков на потолке.

В этот момент Илия выхватил свой «Костолом» откуда-то из-за спины, стало быть, из ножен, после чего поджег его так же, как в медпункте, и сделал взмах навстречу неожиданным гостям. Пауки же, почувствовав угрозу, зашевелились, начав падать с потолка, издавая при этом противные несвойственные им звуки. Находясь в теле Илии, я отчетливо заметил изменение сердечного ритма — они его действительно напугали.

Пусть рогатый трусишка и пытался отбиваться, но напор пауков, которые в один момент навалились на него числом, заставил Илию свалиться на пол в порыве истощенных криков, а самое ужасное в этой картине то, что я на своей шкуре чувствовал этот бесконечный поток постоянных укусов по всему телу, от чего мне и самому хотелось бы закричать.

Пауки продолжали давить числом, от безысходности Илия начал выпускать огонь из какой-то перчатки направо и налево, не отличая окружающий реквизит от вредителей — это не помогало. Казалось, будто бы эти пауки совсем бессмертны, раз уж даже огонь их не берет.

— Илия! — послышался женский возглас, после которого боль резко утихла, а все пауки в мгновение исчезли.

Еще не очнувшись от произошедшего, Илия прижался к стене, его дыхание не замедлялось ни на секунду — это был настоящий страх, переросший в панику.

— Илия, что случилось? — произнесла подоспевшая вовремя молодая девушка в черно-белом костюме с капюшоном, под которым виднелись короткие русые волосы.

Он не мог ничего ответить, лишь пилил ее взглядом, в котором читался искренний шок, как мне кажется. Отражение испуганного Илии в голубых глазах девушки выглядело столь же пугающим. Она уселась рядом, повернув его лицо к себе, ласково ухватившись руками за щеки.

— Боже, что с тобой? — перепугалась она, глядя на мешок отрицательных эмоций. — Илия, ты весь в пятнах, что это?

— Пауки, Маша! Пауки! — наконец заговорил Илия.

— Где? — опешила она.

— Они...я...повсюду, — мямлил Илия не в силах собраться с мыслями.

— Снова оно? — догадалась девушка, тяжело выдохнув.

— Д-да...похоже, — подтвердил он, после чего глянул в отражение знакомой мне линзы, вставленной в перчатку на левой руке, заприметив явные паучьи укусы с характерными следами выпущенного под кожу яда. — Это уже не смешно, Маша, галлюцинации не могут вредить человеку, так не бывает!

— Тише-тише, — успокаивала его, судя по всему, жена Мария, обняв и поглаживая по спине. — Пойдем, я сделаю тебе очищающую ванну.

***

На этом моменте воспроизведение резко прервалось, мое сознание начало стремительно отдаляться от тех событий обратно в реальность, и, честно скажу, я смог вынести из них все эти ощущения целиком.

— Ну и рожка у тебя, — засмеялся Илия, — ты что, пауков воображаемых увидел?

— Не смешно, — ответил я, все еще прибывая в состоянии дискомфорта.

— Судя по твоему выражению лица, — присоединилась Луна, — можно сказать, что сейчас ты испытываешь трудности в контроле дыхания, температура тела выше обычной, имеется сдавливающее ощущение в груди — ты испугался.

— Все-все, верю я! А теперь заткнитесь оба и давайте вернемся к теме воображения.

Мне совсем не нравилось, как они надо мной смеются. Илия должен был почувствовать тоже самое, когда я ему не поверил, но, если честно, правдоподобностью здесь и не пахнет, но тому нужно поскорее закрыть и больше к ней не возвращаться.

— Ну-с, так уж и быть, больше никаких пауков, — улыбнулась Луна, бросив ехидный и многозначный взгляд на Илию.

— Тебе, наверное, интересно, что же происходит на седьмом уровне? — переключился на меня Илия.

— Можно без видеообзоров? — взмолился я, не желая в очередной раз оказаться в голове у рогатого садиста.

— Тот был для перевоспитания, седьмой тебе в общих чертах опишет Луна, — пояснил он, застыв в ожидании продолжения.

— Так-с, хорошо, слушай, Ашидо, — заговорила Луна. — На седьмом уровне человек сталкивается с истинными галлюцинациями. Можно сказать, что это более запущенная стадия шестого уровня, когда индивид становится опасным и для себя, и для окружающих. Как думаешь, тебе близки эти два уровня?

— А можно озвучить что-нибудь поменьше?

— Вполне. Если прикинуть навскидку, исходя из известной мне твоей силы, то я бы предположила, что тебе свойственен четвертый уровень, так как именно с него начинается воплощение воображаемых объектов шепота, а на пятом уровне достигается совершенство в этом деле.

— Тогда, мне по душе четвертый уровень воображения, — согласился я. — Слушай, Луна, а на каком уровне находишься ты?

— С твердой уверенностью могу заявить, что я крепко засела на пятом, дальше уже продвинуться не могу, — ответила она с какой-то странной улыбкой, закрыв глаза.

— Думаешь, твое воображение хуже, чем у Илии?

— Ответ отрицательный, просто он — психопат, а я — нет, — еще шире улыбнулась Луна.

Меня удивляло, как открыто и прямо говорит Луна об Илии, но его, похоже, это совсем не задевало, но мне бы хотелось уточнить:

— Не обидно? — обратился я к Илии.

— На правду не обижаются, — теперь он выглядел для меня совсем непривычно спокойным, ведь в собственных давних воспоминаниях Илия не был так холоден к окружающему миру.

— Он знает, что я его не осуждаю, — произнесла Луна, вытянув перед собой кулак, будто ожидая чего-то.

— Верно, кент, — подхватил он, слегка ударив своим кулаком в ее, дав начало причудливому приветствию из комбинации движений руками.

— Что ж, пора перейти к теме типов личности! — громогласно воскликнула Луна.

***

Долгое время мы провели за беседой, столько положительных эмоций от разговоров я давно не испытывал, не говоря, конечно, о пауках. Луна оказалась весьма неординарной личностью, способной поддержать диалог с любым человеком. Мне хватило этого времени, чтобы понять, почему эти двое так хорошо ладят — их взаимоотношения построены на уважении друг к другу, к тому же оба достаточно искренне преподносят себя в диалоге.

Когда время уже подходило к ночи, нужно было, к сожалению, уходить, чтобы успеть отоспаться для завтрашнего знакомства с новыми рекрутами, а также напомнить Наташе о том, что я жив и здоров — представляю ее лицо в этот момент.

— Приятно было с вами провести время, заходите еще, — провожала нас Луна, выпроводив к черному входу.

— Обязательно зайдём! — улыбнулся я.

— Не скучай, момент еще будет, — Илия вытянул ей кулак, вызывая ту на уже знакомое приветствие, которое, стало быть, служило и прощанием.

Распрощавшись с Луной, мы пешим ходом двинулись домой, пересекая людные улицы Дипломатического района так, будто никакой угрозы в данный момент не существует. На самом деле — так и есть, ведь мы оба сымитировали вид простых подростков: Илия запрятал свои приبلуды куда-то туда же, где все время прятал меч, а вместе с ними и мою маску.

Путь был далекий, однако на нашей стороне в сегодняшний день было метро, которое не так давно восстановили. Представляю физиономии прохожих, если бы они увидели в вагоне двух фриков в странных костюмах.

— Слушай, Илия, — в промежутке между нашими репликами обратился я к нему, — а тот нимб над головой у Луны, как она может так долго его поддерживать?

— Ты же уже слышал, всему виной хорошее воображение, которым она заставляет нимб держаться на своем месте и не растворяться.

— Ты тоже так можешь? — поинтересовался я.

— Наверное, но мне впадлу так долго акцентировать на чем-то внимание.

— Интересный она все-таки человек, да? — улыбнулся я где-то в темноте улицы без освещения от фонарей.

— Ох, Ашидо, наверное, я должен тебе кое о чем рассказать, — замялся он.

— Что такое?

— Видишь ли, Луна — не совсем человек, — брякнул Илия.

— Как это понимать? — опешил я.

— Об этом знаю только я и Солен, и, думаю, Луна не была бы против и тебе рассказать.

— Не томи.

— Она является не совсем обычным скоплением энергии, однажды воссозданным неизвестным мне человеком. Только не смей думать, что из-за этого Луна — пустая кукла, она — тоже личность.

— Погоди, хочешь сказать, что Луна — это просто энергия, которая умеет разговаривать и мыслить?

— Что-то вроде того, — подтвердил он. — Ее создатель заложил в свое чадо характер, продумал то, что ей нравится и что не нравится, поработал над образом, а впоследствии получился хороший друг.

— Но она ведь выглядит как самый обычный человек, — затерялся я в сути.

— В том-то и дело, — вздохнул он. — Если бы у меня спросили, кто обладает самым развитым воображением на планете, я бы без колебаний назвал имена Сальвадора и

создателя Луны, ибо им дано создавать целые миры, которые способны воплощаться в реальность.

— Слушай, а если создатель Луны умрет, что с ней будет? — на секунду испугался я.

— Не переживай, мы уже обсуждали этот вопрос, — утешал Илия. — Он заложил в нас способность собственными силами поддерживать свое «я», потому его действия более никак не влияют на Луну.

— Это хорошо, — успокоился я, — обидно было бы потерять такого приятного друга.

— Что верно, то верно, — улыбнулся Илия.

Мы оба застыли в неловком молчании, будучи не в силах как-то продолжить диалог, пока мне не вспомнился сюжет с пауками.

— Илия, ты мне доверяешь? — разрушил тишину я своим нелепым вопросом, который должен был послужить стартом для диалога.

— К чему это? — спросил он в недоумении.

— Просто ответь.

— Ну, я делю людей между собой по уровню кармы: у кого-то отрицательная, у кого-то нейтральная, а у кого-то положительная. К окружению с положительной кармой, вроде твоей, отношение соответствующее: лояльность, поддержка, доверие.

— Можно было и проще сказать, — фыркнул я. — Так, вот, о чем я — ты впервые показал мне сегодня свою жену.

— Классная, да? — ухмыльнулся он.

— Наверное, я ведь только на мгновение ее увидел, но этого хватило, чтобы убедиться в том, что ты выбрал правильного человека — Мария много о тебе заботилась.

— Для меня эти отношения окупились не сразу, скажем так, но в результате я получил преданного спутника, принявшего меня даже со всем возможным списком расстройств вроде параноидного, шизоидного и диссоциативного, как привыкли их называть в вашем времени.

— Мне стоит расценивать твои расстройства как шутку? — уточнил я.

— Нет, Ашидо, — пробурчал Илия. — Я знаю, что многие в Гармонии привыкли вешать на себя ярлыки расстройств личности, думая, что это делает их уникальными среди серой массы, но в реальности — это очень страшно. Сейчас я могу спокойно разговаривать с тобой и излагать свои мысли в здравом варианте только потому, что мой разум частично очистился после перерождения в новом теле с нетронутой нервной системой. Пусть на физическом уровне внутри меня преобладает обычный человек, где-то глубоко в недрах разума прячется психопат, которого я не в силах контролировать.

— Илия, ты сейчас обозвал себя ходячей часовой бомбой?

— Можно и так сказать, — тяжело вздохнул он, — именно поэтому мне так нужны сильные союзники, которые в нужный момент смогут меня остановить.

Очень жаль, что наш диалог закончился именно на грустной ноте — у Илии на лице было написано, как он переживает по поводу всего вышесказанного. Преодолев путь от ордена «Юстиция» пешим ходом в комбинации с поездкой на метро, мы наконец дошли до дома, где нас уже ждала Игачи, приготовив на ужин целый шведский стол.

Съев свои порции, мы разошлись по комнатам, дабы отдохнуть к завтрашнему дню, хоть я и не особо за сегодня устал. Перед тем как добраться до кровати, я зашел в гости к Лаффи в медпункт, где еще час просидел за душевным разговором, то ли дело извиняясь за свои проступки. Моя давняя подруга так и не смогла смириться с появлением в моей жизни

Юмико, решив просто нагло выбить меня из ее лап, когда надежда на возвращение блудной возлюбленной иссякнет.

Уже лежа в кровати, я все никак не мог выкинуть из головы Илию, осознавая то, что я начинаю им проникаться. С какой стороны не посмотри, а этот человек слишком закрыт в себе и мало кого подпускает на расстояние вытянутой руки — но меня подпустил. Чем больше мы общаемся, тем больше я ему сопереживаю и тем больше понимаю, что ему нужна помощь, которую Илия принимать не умеет, взваливая все на свои плечи. Я очень рад тому, что у меня есть такой хороший друг, способный понять меня в полной мере, потому я однажды сделаю тоже самое, впитаю в себя всю его биографию через «шиирацу», какой бы прискорбной она не была, а пока, нужно просто уснуть.

***

Утро началось с пинков в бок — это была Хорнет, которая старательно будила любителя крепко поспать. Я прекрасно знал, что сегодня к нам пожалуют кандидаты в сотрудники, но разве можно вот так будить человека?

— Что ты, блин, творишь, охреневшая дура? — возмутился я.

— Вставай, дебил, все тебя уже ждут! — продолжала извиваться Хорнет.

Рядом с ней стоял Илия, который старательно всматривался в процесс, а-ля «я не при делах». Судя по всему, он тоже очень меня ждал, но не решался вторгаться в сон, выжидая того последнего момента, когда придет Хорнет — вот тебе истинное уважение.

— Маска, — Илия протянул мне уже привычную приблуду для лица, за которую я сразу же ухватился.

— Спасибо, куда идти?

— Рекруты ждут тебя в кабинете, — вклинилась Хорнет.

— Ну, чего же мы ждем? — ухмыльнулся я, после чего нацепил маску и ловко спрыгнул с кровати.

Некоторое время мы втроем шли до кабинета, Хорнет вела себя так, будто ребенка воспитывает в процессе нашего диалога, в то время как Илия тактично подсказывал шаблоны поведения в подобных ситуациях. Когда дверь наконец была достигнута, я смело дернул ручку и вошел внутрь, где меня ждали все четверо кандидатов.

— Здравствуйте, господин Тайкон! — в один голос произнесли они.

— Здравствуйте, рекруты, — поприветствовал я. — Отбросим формальности, сейчас я вам объясню, каким образом будет осуществляться отбор, а после мы перейдем к знакомству. Итак, я осведомлен о том, что вы были направлены сюда орденом «Юнити» в качестве потенциальных сотрудников, но финальное решение остается за мной, потому в первую очередь постарайтесь понравиться мне. Больше всего в ордене «Спектр» ценится честность и преданность делу, потому не старайтесь соврать, отвечая на вопросы, ибо в этой комнате у вас все равно ничего не получится. От вас требуется озвучить свое имя и область специализации, а также вредные привычки и необычные факты о себе. Можем начинать после того, как мои коллеги представятся, — я подал знак Хорнет и Илии.

— Меня зовут Хорнет Ишимару, я являюсь вице-президентом и вторым по авторитету человеком в ордене, потому выступаю за главного во время отсутствия на месте господина Тайкона. Впрочем, вы все равно меня уже знаете, потому передаю слово рядом стоящему.

— Что ж, имя мне — Илия Кишин, ко мне вы можете обращаться только как к мастеру Кишину, сегодня я буду выступать для вас неким детектором лжи, потому не пугайтесь каких-нибудь неожиданных ощущений.

Было забавно наблюдать за тем, как напряженно выглядят наши рекруты, впервые столкнувшись с таким нестандартным работодателем.

— Что ж, приступим, — начал я, — только расслабьтесь, не нужно стоять тут так, будто вам пистолет к бошке приставили. Начнем слева направо, представьтесь.

— Шин Дайго, — заговорил высокий мужчина с небольшой бородкой и длинным хвостом за спиной, — работал инженером в крупной компании около пяти лет, специализируюсь в основном на металлообработке, но могу взяться за любое дело, где требуются умелые руки. Вредных привычек не имею, фактов выделить не могу.

— Коротко и ясно, — проговорил Илия, — теперь тебе нужно посмотреть мне в глаза.

В этот момент я отчетливо заметил, как Шин подкосился от вмешательства Илии в его голову, но это слабо его смутило, потому тот остался твердо стоять на ногах.

— Итак, — продолжил Илия, — парень не врет по поводу специализации, но почему-то решил скрыть факт того, что руки-то у него есть, а ума в недостатке. Шин может работать в команде Мисато, но если та все время будет его подпирать и учить — что, скажешь, босс?

— В таком случае оставим финальное решение на совесть Мисато. Шин, после окончания собеседования тебе нужно будет спуститься в подвал к своему начальнику. Изложишь ей все, как есть, а она уж точно скажет тебе, принят ты или нет. Запомни, рыжеволосая девушка по имени Мисато Хагашида — твой начальник.

— Хорошо, — подтвердил Шин, буду работать на совесть.

— Дальше, — скомандовал я, переключив свое внимание на какого-то странного прилизанного парня, который выглядел немного вызывающе.

— Николас Райс, — представился он, поправив длинную русую челку, кончики которой были покрашены в зеленый, — спец по компам, серверам, безопасности и умным чайникам. Из вредных привычек могу выделить нездоровое пристрастие к соленому — обожаю есть чипсы и орешки. Это, кстати, был факт.

— Что скажешь, Илия? — обратился я к своему ассистенту, который в той же манере «просканировал» Николаса, немного изменившись в лице.

— Его навыки действительно впечатляют, но перевесит ли это факт того, что Николас любит хвататься за голые мужские задницы? — недовольно пробормотал Илия.

— Это шутка? — в очередной раз засомневался я в словах Илии, видимо, напрасно.

— Я не шучу, этого пижона можно принять только при условии, что он будет работать в полной изоляции от мужчин, ибо я не хочу случайно подкинуть Итаци работы по стирке ковров, зная, что Николас уже зацепился за меня взглядом.

— Хей, это вообще-то мое дело, на кого и как смотреть! — возмутился Николас.

Илия впервые был готов сорваться на кого-то, но я его остановил, схватив за плечо. Посыл предельно понятен, этот человек действительно способен разложить отношения между маленьким мужским коллективом.

— Ты, видимо, не понял, — произнес я, оставив Илию позади и подойдя вплотную к рекруту. — Помимо нас двоих в ордене нет других мужчин, а ты уже успел показать себя с плохой стороны нам обоим. Я готов принять тебя прямо сейчас, но, если мне поступит хоть одна жалоба на твои пристрастия — ты пинком отсюда вылетишь, если вообще жив останешься. У тебя есть выбор: уйти сейчас или согласиться с условиями — твой ответ?

— А если меня оклеветают? — напрягся он.

— Не смогут, — вмешался Илия, — никто не в силах мне соврать, потому в случае обвинений ты точно окажешься в одной комнате со мной, как и обвинитель.

— Что ж, я согласен на ваши условия, только давайте обойдемся без угроз, — все еще в напряженном состоянии сказал Николас.

— Тогда, вы вместе с Шином пойдете к Мисато, а твоим перевоспитанием займется кто-нибудь другой, — произнес я, уже жалея о том, что дал не очень надежному человеку шанс.

— Им может заняться Эмбер, — вклинилась Хорнет, — она хорошо умеет перевоспитывать. Можешь считать, что у тебя отпуск до ее возвращения, если, конечно, он не продлится вечность.

— Думаешь, можно доверить это дело Эмбер? — поинтересовался я, ведь мы с Эмбер не были лично знакомы.

— С ее резвыми бедрами и чрезмерной обольстительностью Николас быстро забудет об эстетичном прессе мастера Кишина, — усмехнулась она.

— Если он вообще позволит себе не быть пассивным, — глухо фыркнул Илия.

— Так, все, забыли, теперь ты, — я обратился к полному мужчине еврейской национальности с кудрявыми локонами и такой же бородкой.

— Джозеф Даян, приятно с вами познакомиться, господин Тайкон, — в доброй манере улыбнулся приветливый мужчина, немного расположив к себе с самого старта. — Бывший академик в области генетики, с нужным оборудованием могу изменять структуру генетического кода пациента, а без него являюсь высококвалифицированным врачом в любой области, потому могу быть для вас эдаким гарантом совестного здравоохранения, учитывая то, что мне приходилось работать с шепотами в клинике доктора Фишера. Вредных привычек не имею, но, боюсь, вам может не понравиться моя вспыльчивость.

— Что ж, Джозеф...

— Принимай сразу — он чист, — перебил меня Илия. — Только давай договоримся, Джозеф, шаббата в этом доме нет, придется изменить своим религиозным принципам, если к тебе в субботу вдруг приползет полумертвое тело.

— Н-но, мастер Кишин...

— Никаких «но», Джозеф, я прекрасно знаю, что ты давно не придерживаешься еврейских запретов, а просто любишь косить от работы под видом шаббата, потому давай без этого, хорошо?

— Хорошо, мастер Кишин, вы видите меня насквозь, — улыбчиво похихикал он.

— Молодец, будем рады поработать с тобой, — Илия довольно похлопал его по плечу. — Ну, Тайкон, каков ваш вердикт?

— Принят, — утвердил я.

— Тайкон, — обратился ко мне Илия, — я достал из его головы кое-что важное для тебя.

— Слушаю.

— Помнишь Дэниела Фишера из телепередачи? Он является главой третьей исследовательской лаборатории отклонений и патологий, а, значит, приходится тебе врагом.

— Так и есть, в клиниках нету Бога и хороших людей тоже.

— Отнюдь, можешь выбросить это имя из списка врагов, — удивил меня Илия. — Дэниел Фишер в самом деле прекрасный и светлый человек, коих еще поискать нужно. А еще я узнал, что Юмико когда-то тоже была там — проходила обследование по инициативе родителей.

— Ого, вы знаете малышку Юми? — удивился Джозеф. — Она пробыла у нас около

года, такая классная девчонка была, они с Каспером много времени проводили вместе с нами.

— Рад, что вы за ней присмотрели, хотя она мне об этом ничего не рассказывала, — вздохнул я. — Вы сможете увидитесь, когда Юмико вернется, тем более, что работать будете в одной комнате.

— С нетерпением буду ждать возвращения Юмико, а пока, не смею вас задерживать — сейчас же очередь Натальи.

— Ох, я думала вы про меня уже совсем забыли, — очнулось знакомое лицо, которое я очень рад был видеть. — Кхм, Наталья Рейх, когда-то я была главой в преступной группировке под названием...

— «Гидра», — перебил я, уже зная всю область ее специализации. — Затем она распалась, и вы остались без работы, Наталья. Однажды я повстречал вашего босса Уильяма Дэвидсона, тогда-то он мне все и рассказал. Можешь не продолжать, Наташа, ты принята, только дай Илии закрепить твою благонадежность контрольной проверкой.

— Не препятствую, вперед, — улыбнулась она.

— Так-с, — заговорил Илия, последний раз за день просканировав память кандидата, — никаких претензий, человек светлый, только будь добра, объясни госпоже Ишимару почему тебе приходится выкуривать по пачке сигарет в день.

— Это все? — опешила она.

— Ничего более нового из твоей биографии мы не узнаем, ты уже хорошо знакома с нашим боссом и, уверен, он очень хочет с тобой перетереть.

— Я только за, хоть и не знаю, где мы могли пересечься, но сейчас о сигаретах, — начала объясняться Наташа. — Да, я курю и курю много, но не без причин. Судя по всему, среди вас нет ренегатов-неудачников, потому вам следует знать, что иногда на свет появляются люди не с силой, а со слабостью.

— Ты — ренегат? — вдруг осознал я.

— В точку, босс, — подмигнула она. — Изначально я попала в злополучные 30 % мертворожденных детей. Мой отец с горя позабыл о запретах в стенах родильных домов, достал сигарету и закурил прямо в родильном зале. Вы бы видели лица акушерок, когда я вдруг ожила и начала брыкаться, как здоровый ребенок, — Наташа засмеялась. — Как выяснилось, чтобы жить, мне нужен никотин и системные яды из табачных листьев, потому с самого рождения я вынуждена курить, иначе умру.

— Ого, — застыла в замешательстве Хорнет. — В таком случае «Спектр» выделит тебе деньги на сигареты, а вот, что касается курилки, то у нас ее еще нет, потому курить придется на улице, либо в вентилируемой части подвала.

— Я не стану жаловаться на условия, но в любом случае, спасибо вам за заботу о моем «здоровье», — саркастично усмехнулась Наташа. — Ну-с босс, мы закончили, можем поговорить наедине?

— Да, все свободны, — подтвердил я. — Шин, Николас, можете не отчитываться, Мисато передаст нам ответ по рации. Джозеф, твое рабочее место находится в дальней части крыла «А». Добро пожаловать, по комнатам вас раскидает Хорнет, а пока можете познакомиться с остальными.

— В таком случае я пойду по своим делам, — произнес Илия, уже направляясь к выходу.

— Мастер Кишин, стойте! — послышался возглас Николаса. — Я бы хотел

извиниться!

— Отвали, педик, — отстранился Илия, выйдя из кабинета.

Узнаю рогатого, такие проблески старых консервативных устоев у него бывают нередко — я с ними в какой-то мере солидарен.

Закончив собеседование, мы с Натальей уединились снаружи дома, зайдя в переулок подалее от лишних глаз. Она привычно вынула из кармана пачку сигарет, ловко закинула одну из них в рот и принялась поджигать.

— Слушаю, босс, о чем вы хотели со мной поговорить? — заговорила она, освободив губы от груза разговорной помехи.

— Я скучал, Наташа, — где-то под маской улыбнулся я.

— Не поняла, — опешила она.

Я не стал ничего отвечать, а лишь молча отдернул капюшон и медленно стянул с себя маску, оголив радостное от теплого воссоединения лицо.

— Да ну нахрен, — Наташа впала в состояние шока. — Ашидо, это ты?

— Он самый, королева мафии, — я расплылся в искренней улыбке, найдя место для насмешки.

— Охренеть, сколько лет, сколько зим, успела даже упустить момент, когда ты стал совать в глаза цветные линзы. Иди-ка сюда, дай обниму тебя! — она подошла вплотную и крепко вцепилась в меня.

— Я тоже рад тебя видеть, — ответил я теплом, проигнорировав издевку над глазами.

— Подумать только, как так вышло, что я оказалась в подчинении у подчиненного?

— Чудеса случаются.

— Слух, ты же не будешь меня душить? — замялась она.

— В каком плане? — оторопел я.

— Ну, типо, знаешь, я тебя частенько обзывала и гоняла по всяким мелочам. Вдруг ты на меня обижен и захочешь оторваться на мне.

— Да ну, брось, — обнадежил я, похлопав ее по плечу, — ты запомнилась спасителем, с чего бы мне душить человека, который уберег меня от голодной смерти?

— Чики-брики, я рада, что запомнилась тебе хорошим человеком.

— Потому пришло мое время возвращать добро, Наташа.

— Будучи хорошим боссом?

— Именно, добро пожаловать в «Спектр».

Глава 31: Одна большая семья

Собраться вместе есть начало, держаться вместе есть прогресс, работать вместе есть успех — мы наконец добились того, к чему так долго шли. Поначалу орден «Спектр» представлял из себя всего лишь кучку недовольных положением внутренних дел Гармонии сопляков, но сейчас я вижу, что все мы стали сильнее.

За эту неделю наши новые сотрудники уже успели прижиться и показать первые результаты своего труда. Наш подвальный компьютерный клуб превратился в настоящее логово вне сети интернет, ибо Николас постарался и обеспечил нас надежной системой защиты, шифрованием и серверами. Эту комнату оккупировали в основном бездельники, любящие прожигать время впустую за просмотром сериалов или сингплеерными баталиями, но были и те, кто ответственно относился к своей работе, делая для ордена все возможное.

Речь идет о Наташе, она вкладывала всю себя в общее дело, благодаря чему мы узнали много интересных подробностей о наших врагах и о мотивах короля в некоторых грязных делах прошлого. Таким образом мой бывший работодатель стал нашим ведущим координатором, сместив со своего места Амелию, которая не нашла ничего лучше, чем утонуть в озере бездельничества. Решение о приеме Натальи на новую должность одобрили все, ибо та отлично знала город, особенности улиц, значные места и неблагоприятные переулки, пути отхода и хорошие стрелковые позиции, а также свободно поддерживала связи со старыми знакомыми, что позволяло ей с ужасающей эффективностью раскапывать информацию.

Джозеф в основном сидел без работы, но времени зря не терял, то ли дело проводя опросы внутри ордена для формирования индивидуального подхода к каждому потенциальному пациенту. Полезное дело окупилось сразу же, как только в медкабинет заглянул первый пострадавший — Итаци, которая жаловалась на боли в спине. Как выяснилось, она не очень здраво оценила свои силы, таская тяжести, думая, что, раз уж у нее есть крутые стальные руки, никакой нагрузки от этого на позвоночник не будет. Наш дедуля в тот день хорошо скооперировался с Илией и Мисато, договорившись на плановую операцию по вживлению имплантов между позвонков кошечке-киборгу, но никто пока не спешил заниматься реализацией.

Что касается Шина, Мисато все-таки приняла его в свою команду, тогда-то она и выделила в нем главное умение, которое в наших кругах значилось уникальным — выводить из себя главу инженерного отдела. Да, она была недовольна его умственными способностями, каждый раз фыркая мол «вот такие дебилы незаслуженно занимают места гениев». От части я понимаю такое недовольство, ведь Шин имеет высшее образование, которое он получил, будучи студентом-бюджетником, в то время как Мисато пришлось распрощаться с карьерой признанного гения в угоду своим идеалам и принципам.

— Ашидо! — дверь моего кабинета с грохотом распахнулась, взору предстала та самая особа, о которой в данный момент идет речь.

— Только о тебе вспоминал, — ухмыльнулся я, не заметив на ее лице следов непредвиденного бедствия, потому не смог определить, по какому поводу она сюда пришла.

— Что там по Хомуре? — неожиданно спросила Мисато, будучи непричастной к этому делу.

— Ну, — задумался я, — у меня есть около двух часов на то, чтобы вырвать кого-нибудь с рабочего места, после чего мы пойдем к ней в гости — в Трущобы.

— Возьми меня с собой! — радостно что-то предвкушала Мисато, пытаясь спрятать приличный по своему размеру неизвестный аппарат за спиной.

— Откуда такое рвение?

— Во, зацени! — она ловким движением вынула из-за спины какую-то причудливую пушку с неадекватно большим дулом и сферической укрепленной колбой посреди корпуса. — Новая малышка, мне нужно ее протестировать в подходящих условиях.

— Допустим, по кому ты собралась там стрелять? — поинтересовался я, находясь в полной готовности отправить ее обратно в подвал.

— Не по кому, а по чему, товарищ! Она стреляет гелевой пеной, которая быстро раздувается и затвердевает, — пояснила Мисато. — Материал диэлектрический и сам по себе довольно огнестойкий.

— Это что-то вроде монтажной пены? — предположил я.

— Хрень твоя монтажная пена, — возмутилась Мисато, — она хорошо горит и выпускает едкий дым, не говоря уже о том, что режется любым острым предметом. Моя крошка намного круче — любую халупу залатает!

— Хочешь пойти со мной в Трущобы, чтобы помочь людям что-нибудь починить? — звучит странно, но благородно.

— В яблочко, товарищ! Отличная возможность, скажи же!

— А что насчет остальных, кто-нибудь еще желает пойти?

— Nah, не думаю, — отрицательно покачала головой Мисато. — Все заняты своими важными делами. Кстати, Ринна никогда не говорила, что она была потрясным химиком до событий в «GenTask». Ты прикинь, торчит сейчас круглыми сутками с Кишином и донимает его вопросами, а он с удовольствием на них отвечает!

— Проводит время с пользой, — развел я руки в стороны. — В таком случае захватим с собой главную бездельницу, ей все равно нечем себя занять.

— Войд? — попыталась угадать Мисато.

— Ай-ай-ай, что за дедукция у тебя, — удивительно, как она не смогла с первого раза угадать. — Я про Лаффи.

— А-а-а, у нас же есть Лаффи, точно! — опомнилась Мисато, будто видела ее единожды за все это время.

— Готовность через пятнадцать минут — тебе хватит?

— Я тебе что, улитка? Десяти хватит, — ответила Мисато, всем видом показывая то, как она собой довольна.

— Вперед, встречаемся в холле — пойдем пешком.

— Оке, босс, только сам не задерживайся! — удаляясь от меня, прокричала она.

Так-с, теперь нужно найти в себе силы самому встать со стула и спрыгнуть с третьего этажа вниз, но для начала...

— Лаффи, — произнес я в переговорное устройство, — ты идешь со мной и Мисато в Трущобы, ждем тебя в холле.

— Вас тут нет! — послышался недовольный возглас.

Надо же, только позвал, а она уже на месте — все такая же резвая. Поднявшись со своего места, я вышел из кабинета и, встав перед перилами балкончика, заметил в холле томительно ожидающую фигуру Лаффи. Хотел было я спуститься, как вдруг на перилах

неожиданно для меня мелькнуло тело некогда стоявшей внизу девушки, от чего я даже немного испугался и отшатнулся.

— Приветик! — довольно гаркнула Лаффи, сидя на перилах, контролируя равновесие всеми конечностями сразу.

Для меня было неожиданностью то, как активно она стала использовать свою способность, летая по коридорам ордена с бешеной скоростью. Мы уже обсуждали с Илией потенциал Лаффи, он тогда сказал, что с таким маленьким объемом энергии будет крайне сложно создавать вымышленные объекты и регенерировать, но, к счастью, учить девушку телепортации не пришлось — она и до нас ей пользовалась, но с некоторой парой нюансов.

Мы все гадали, как Лаффи не смогла дать отпор своему обидчику, даже умея пользоваться телепортацией, и никто из нас так и не смог докопаться до истины, пока наш любимый рогатик не развеял все выдуманные к тому времени мифы, заявив о том, что Лаффи попросту мыслит иначе и телепортироваться без рук не могла.

Как выяснилось, рисунки на руках Лаффи существуют не просто так — она немашинально поддерживает их через собственную энергию, а они в свою очередь служат ключом для телепортации. Из всех членов ордена суть смогли уловить только Илия и я. С ним все понятно, а в моем случае все благодаря случайно вспомнившемуся фильму, который мы вместе смотрели в детстве. У главного героя «Обезображенного» на руках имелись подобные узоры, данные Богом, которые позволяли телепортироваться, а сами в момент до и после перемещения ярко светились — Лаффи прониклась этим персонажем настолько, что благодаря ему смогла реализовать свою собственную силу. Примечательно то, что она в совершенстве владеет уже заученными техниками так, что все мы в этом плане ей уступаем, но ничего нового та придумать не в силах, ибо по степени оценивания человеческого воображения Луной, Лаффи стоит где-то на первой ступени, если только речь идет не о моем оголенном торсе.

— Готова? — задал я контрольный вопрос, оклемавшись от ее резкого появления.

— С тобой хоть на край света, — широко улыбнулась она.

— Хорошо, ждем Мисато и выдвигаемся.

***

Через некоторое время мы уже пешим ходом двигались в сторону Трущоб через улицы Промышленного района. В этот день я впервые увидел Мисато в одежде с длинными рукавами, под которые она запрятала одно из многих неизвестных мне изобретений, крепящиеся на руки. Если говорить об одежде Лаффи, то та не стала забивать голову возможностью столкнуться с местной грязью — нацепила на себя обтягивающие штаны и майку без рукавов. Стоит отдать ей должное за то, что догадалась хотя бы лифчик надеть, иначе ее грудь неумолимо притягивала бы случайные взгляды.

Цель наших испытаний хорошо улеглась в чехле для гитары, который Мисато выкупила у музыканта в метро еще вчера, потому все мы выглядели вполне естественно и неподозрительно.

Когда Трущобы наконец были достигнуты, оставалось только распределиться между основными и второстепенными задачами, потому я предложил Мисато заняться испытаниями, пока мы с Лаффи ищем Хомуру. Мисато с трепетом приняла предложение, аргументируя свою реакцию тем, что команда должна разделять обязанности между участниками для достижения наибольшей эффективности.

Стоило Мисато скрыться в толпе неотличимых друг от друга местных обитателей, мы с

Лаффи тут же впали в ступор, думая о том, с чего бы начать. В голову не пришло ничего лучше, чем просто задавать один и тот же глупый вопрос проходящим мимо людям в надежде получить хоть какой-то результат.

— Извините, можно задать вам вопрос? — обратился я к седому мужчине, еле плетущемуся по грязной дороге.

— Мотай отсюда, чужак, тебе здесь не рады, — презрительно фыркнул он, после чего демонстративно продолжил свой нелегкий путь.

Стоило ожидать такого приветствия, ведь люди в Трущобах далеко не простые — все с приветом. Бог с ним, стариком этим, у нас впереди целый день, потому рано опускать руки, едва начав опрос.

— Извините, можно вопрос? — обратился я к прохожей девочке возраста Лаффи на вид.

— Что вам надо? — отчужденно спросила она.

— Где я могу найти девочку по имени Хомура, зовущую себя «Ангелом Трущоб»?

— Не знаю такую, уходите, — вновь отстранилась она, спешно удаляясь от разговора.

— Что за дела? — возмутился я, глядя в спину убегающей девушке.

— Чего они тут все такие неприветливые? — задалась тем же вопросом Лаффи.

Какой-то промежуток времени ушел на уличное пустословие, пока мы не осознали, что такой подход абсолютно безнадежен — никакой информации из этой прослойки не выудишь. Я уже хотел было обратиться за помощью к Илии, но вовремя остановился, поняв, что, если буду в любой ситуации звать его на помощь — сам никогда не научусь решать проблемы.

Немного пораскинув мозгами, я пришел к выводу, что проще всего было бы вытянуть информацию из человека в состоянии алкогольного опьянения, ведь такие индивиды практически не следят за своим языком, потому разговорить обычного пьяницу будет проще пареной репы. Мысль в самом деле казалась блестящей, но для ее реализации сначала нужно было отыскать трактир, с чем у нас тоже возникли небольшие сложности:

— Извините, не подскажете, где здесь можно найти трактир? — в сотый раз за день задал я вопрос проходящему мимо человеку.

— Какой еще нахрен трактир? — завелся незнакомец. — Такие места принадлежат нам, жителям Трущоб, а не черни вроде вас двоих! Идите шастайте по своим барам, а к нам не лезьте!

— Что ж, всего доброго, — молниеносно выкинул я, желая поскорее выйти из этого бесполезного и до боли шаблонного диалога.

Что уж тут говорить о какой-то Хомуре, если здешний контингент не способен даже на трактир указать, видя в нас лишь городскую чернь — так жители Трущоб называют всех представителей вышестоящих прослоек. Не могу сказать, отклоняемся мы от плана или все-таки укладываемся во временные рамки, но такое времяпрепровождение сильно выматывает.

Около двух часов мы просто слонялись по улицам, пытаюсь разузнать хоть что-то, пока в поле зрения не мелькнул заветный трактир, к которому мы вышли сами, изрядно потрепавшись и утратив всю надежду на информацию о Хомуре. Скольких бы мы не опросили, а все как один настойчиво отрицали само существование девочки, будто бы ее никогда и не было в этом мире ни для них, ни для нас, но больше всего поражала упертость пьяниц, которые в той же манере наотрез отказывались отвечать на вопросы, даже будучи в таком состоянии, когда сопля сами собой льются из носа, а тело не слушается от слова совсем.

План по опросу выпивших мог с треском провалиться, в очередной раз оставив нас ни с чем, но в какой-то момент довольно трезвый мужчина среднего возраста окликнул меня, после чего подошел на расстояние для диалога.

— Хомуру ищите? — полушепотом пробормотал он, наклонив свою голову поближе ко мне.

— Все верно, нам нужна Хомура, зовущая себя «Ангелом Трущоб», — подтвердил я, вкусив аромат потенциального сговорчивого собеседника.

— Идемте, я отведу вас, — в той же манере сказанул он, после чего поплелся к выходу, подзывая нас за собой.

Мы наконец почувствовали, что нить между «Спектром» и Хомурой оказалась натянута до предела — оставалось только убедить ее примкнуть к нам, но чем дальше мы шли, тем подозрительнее казался этот лысый мужчина. Всю дорогу он молчал, только лишь нервно цокал время от времени, что добавляло в и без того неловкую ситуацию излишнего дискомфорта. В большинстве своем путь пролегал по людным улицам разной ширины, но в какой-то момент наш сопровождающий решил свернуть в узкий переулок, тогда-то я напрягся всерьез, почувствовав неладное.

По мере продвижения между стен появились очертания высокого забора в виде вертикальных стальных прутьев, по которым никто не смог бы взобраться, посередине сооружения виднелась дверь той же стилистики. Я поздно заметил, что таких заборов там было два, к моменту моего осознания дверь перед нами уже захлопнулась, а следом за ней громко хлопнула и та, что стояла позади — нас поймали в клешни.

— Итак, тупые дебилы, перейдем к вопросу ваших карманов, — заговорил мужчина, явно не предполагая, кого же он все-таки загнал в ловушку.

Переднюю калитку захлопнул он, а вот с задней уже помогли дружки, вовремя выпрыгнувшие из окна. Очевидно, этот маневр был спланированной тактикой вымогательства у таких наивных людей, как мы, но вместо денег сегодня бандиты получают только жизненный урок.

— Прямо над вами висит ведро с голодными крысами, — с довольной ухмылкой тыкал пальцем вверх бандит, предвкушая наживу, — один лишь укус, и вы долгие месяцы будете проходить дорогущее лечение, после которого можете и не выжить. Каждый день будет начинаться с симптомов тифа, с каждым потраченным кредитом надежды на выздоровление будет все меньше и меньше, пока ее совсем не останется. Я могу отнестись к вам снисходительно, избавив от страданий, потому предлагаю выбор: деньги или жизнь — что же вы выберете?

— А крысы за яичко больно кусают? — дерзнул я.

— Хочешь проверить, дебил? — прорычал он, резко дернув веревку, поддерживающую ведро, от чего металлическая емкость слегка загремела.

— Да, хочу, скидывай крыс, — ухмыльнулся я, предвкушая свой зловещий план «научи бродягу манерам».

— Что ж, раз ты такой смелый — наслаждайся! — бандит вынул из кармана свою финку, лезвие которой тут же пронеслось по веревке, отправив ведро с крысами в свободный полет.

— Лаффи, наверх! — приказал я, предполагая, как на ней может отразиться укус, который для меня был бы безвреден. Она хорошо поняла меня и тут же вцепилась в прутья забора так, будто росла в семье пауков.

Ведро рухнуло, из него в самом деле вывалились противные вонючие черные крысы, которые сразу же бросились в мою сторону, вцепившись зубами в ногу. Не скажу, что это было приятно, но бывало и хуже — вспомнить только сосульку, разрубившую мое тело напополам.

— Надо же, совсем плевать на жизнь, — промямлил мужчина, глядя на то, как я непоколебимо стою в окружении вредителей.

Я не стал ничего отвечать, а лишь сконцентрировал в своих ногах побольше разряженного энтропиума, который оказал чудодейственный эффект на крыс, заставив их замертво падать на землю. Увидев это, бандит растерялся и лишился дара речи, но то, как я оголил «Нами» и перерубил крепкий стальной замок на разделяющей нас двери, заставило его действительно сильно занервничать. Лаффи тоже не стала просиживать ягодицы и разобралась с остальными, дав мне возможность сконцентрироваться.

— Перейдем к вопросу о яичках, — грозно проговорил я, сократив расстояние, стоя перед некогда довольным собой бандитом, держа в руках последнюю живую крысу.

— Стой-стой! Я дам тебе деньги, забирай все! — вдруг затрясся он так, что грошовые наличные Гармонийские кредиты посыпались из рук.

— Где Хомура? — задал я единственный вопрос, ожидая все-таки получить на него ответ.

— Не знаю! Хоть убей — не знаю!

— Убить говоришь? — улыбнулся я, застыв в прицельной позе с крысой в руках.

— Ладно-ладно, погоди, давай решим все миром! — взмолился он. — Я не знаю, где эта Хомура, но я знаю того, кто знает! Повар по имени Марвин — она работала с ним в уличном общепите!

— Ты уверен в своем ответе? Мой маленький дружок может подсказать, врешь ты или нет, — подтрунивал я над ним.

— Клянусь, говорю правду!

— В таком случае я могу тебя отпустить.

— Ох, мистер, благодарю вас за то, что сохранили мне жизнь! Обещаю встать на путь искупления — мамой клянусь! — неумело врал бандит.

— Что ж, я в тебя поверю, бывай! — аналогично неумело солгал я, бросив в его сторону крысу, которая неслабо припугнула неблагополучного гражданина, после чего двинулся прочь, подав напоследок знак Лаффи.

Секунду спустя прямо перед моим лицом на огромной скорости пролетел короткий и аккуратный клинок, вонзившийся придурку прямо в лоб, прикончив на месте. Я лишь с облегчением вздохнул, получив от него хоть какую-то информацию, а подошедшая в этот момент ко мне Лаффи была в явном замешательстве.

— Думаешь, стоило его вот так убивать? — спросила она.

— Стоило — он этого заслужил, — утвердил я, глянув на некогда живое тело в последний раз. — Вымогание денег у бедных людей таким жестоким способом рано или поздно погубило бы его жалкую душу — идем.

***

Несколько часов плутаний зря не прошли, ведь мы все же получили наводку на Хомуру, сделав при этом доброе дело. Найти палатку общепита было несложно — приятный запах здешних супов за километр притягивал к себе посетителей. Мы с Лаффи сблизилась с оживленной толпой, стоящей перед орудующим поварешкой мужчиной, который, вполне

вероятно, мог быть тем самым Марвином.

— Здравствуйте, Марвин? — обратился я к уличному повару.

В этих местах были довольно распространены палатки с бесплатным питанием для всех нуждающихся, но для получения своей порции приходится долгое время стоять в длинной очереди, а, если ты не вкладывался в общую кастрюлю — будешь вынужден остаться голодным или эгоистично хрустеть объедками дома в одиночестве.

— В очередь, — прорычал мужчина в фартуке с глубокими залысинами, к которому мы обратились.

— Простите, мы не за едой — ищем девочку по имени Хомура.

— Не знаю никакой Хомуры, проваливайте, не мешайте работать.

— Он же врет, — подметила Лаффи.

— Закрой рот, чернь, тебе в Трущобах не рады, — осекся мужчина.

— Следи за языком, — прорычал я.

— Проваливайте, гвардейские шавки! — послышался крик престарелой женщины из очереди.

Меня такие слова задели за живое и я на секунду застыл, но сразу же опомнился, осознав, что все эти люди просто напросто обижены на весь мир, а кто-то вроде нас — как бельмо на глазу. За этот день мы уже успели всем надоесть, потому люди стараются поскорее выгнать нас отсюда. Идея применения насилия утонула вместе с обидой, а я решил все-таки попытаться докопаться до совести неблагодарного, но дружного люда.

— Вы ошибаетесь! Мы не из гвардии! — громко отрицала Лаффи, опередив меня.

— Проваливайте! — продолжала настаивать толпа.

— Произвол! — послышался крик бабули, приближающейся с совсем другой стороны, которая ошеломила нас картиной того, как столь же внезапно появившейся Мисато приходится держать ее под руки. — Что за пустая клевета, народ? Постыдились бы — гости к нам с добром, а вы им клыки показываете!

— С каким еще добром, Нюра? — опешил уличный повар. — Опять нюхают, гады, Хомуру какую-то ищут! В какой раз уже приходят!

— Дебил тупорылый, посмотри на них! — негодовала бабуля Нюра. — Те все в форме были, всюду кулаками размахивали, да пукалками своими во всех тыкали, а тут, вон, девочка мой дом спасла — фонарь тот косою починила! Где совесть твоя, Марвин?

Вот оно как — мы не ошиблись, подумав, что этот человек может быть тем самым Марвином.

— Это правда? — косо посмотрел на Мисато мужчина по имени Марвин.

— Ну, а чего кота за хвост тянуть? — в простенькой манере ответила Мисато. — Фонарь криво стоял, через пару лет раздавил бы избу, а я-то пришла сюда пушку испытать — вот и залатала его, пока не выдерут с корнями.

— Эти двое с тобой? — все еще недоверчиво спросил он.

— Да, — подтвердила она, встав в привычную довольную собой позу, — мой босс и коллега.

— Спасибо, конечно, — отстраненно мямлил Марвин, — храни вас Господь за вашу доброту, но я все равно вам не доверяю — уходите.

Общаться с этими людьми было крайне тяжело, все они давно отреклись от жизни вне проверенного надежного круга, потому мы все равно были бы здесь чужими, даже если бы удалось слиться с толпой.

— Хрен с тобой, Марвин, — пробужтела бабуля. — Я сама познакомлю вас с Хомурой, забудьте про этих, вот, олухов.

— Нюра, спасибо вам, но мы уже знакомы с Хомурой, — раскрыл я небольшую тайну. — В последнюю нашу встречу она пригласила меня в гости, но я не ожидал встретиться здесь с такими неприветливыми людьми, коих она называла семьей — просто скажите, где можно найти эту девушку.

— Ох, милоч, она...

Слова бабули хотел было прервать Марвин и разъяренная к этому моменту толпа негодующих нищих, но всех их опередил сокрушительный по своей мощности взрыв, прогремевший со стороны дамбы. Окружающие нас люди мгновенно запаниковали, поднялся неконтролируемый гул и крики ужаса.

— Лаффи, иди вперед, доложи обстановку! — приказал я, перекрикивая людей.

— Поняла! — молниеносно ответила она, после чего за долю секунды скрылась из виду, устремившись в направлении взрыва.

— Мисато, идем! — подозвал я ее к себе, будучи уже на бегу, тогда-то она без лишних слов побежала вместе со мной.

Двигаться по слякоти было сложно, ноги тонули в грязи, свободно перемещаться, не спотыкаясь и не запинаясь, совсем не выходило.

— Нам нужно подняться на стену! — скомандовал я.

— Как?! — непонимающе проворчала Мисато.

Это было лучшим решением — Трущобы прилегали к городской стене вплотную, потому добраться до дамбы удобнее всего было по нижнему ярусу стены-пристройки, растянувшейся по всему северному периметру района.

— Использую «крюк», только давай быстрее! — приказал я, после чего мы повернули на девяносто градусов в сторону пункта назначения.

Когда стена была достигнута, мы расположились рядом, готовясь к сложному и тяжелому прыжку, тогда-то к нам вернулась Лаффи.

— Аши, плотину прорвало! — прокричала она, едва появившись в поле зрения. — Там какая-то девочка в одиночку сдерживает напор воды!

— Твою мать, — вдруг осознал я. — Это Хомура, нужно ей помочь!

Никто более не мог бы защитить Трущобы от килотонн океанской воды — только Хомура. Действуя под резким наплывом волны адреналина, я зацепился сразу двумя «крюками» за края стены, а затем резко оторвался от земли с висящей на спине Мисато, к весу которой добавлялся груз пушки.

Стоило взобраться на стену, как с нашей позиции уже можно было разглядеть мутную фигуру вдалеке. Не теряя ни минуты, мы пошли на сближение, пока наконец не достигли заветной героини Трущоб.

— Хомура! — прокричал я с расстояния, на котором она могла бы услышать мой возглас.

— Ашидо? — растерялась Хомура, обратив на меня внимание. — Что ты здесь делаешь?

— Потом поговорим, сейчас нужно заделать дыру в плотине, — отрезал я.

— Я не продержусь долго! Если можешь помочь — помогай! — ослабевшим голосом проговорила она.

— Мисато! — обратился я к нагнавшей меня коллеге. — Ты сможешь заделать дыру своей пушкой?

— Там вода — она не даст гелевой пене раздуться и затвердеть! — пояснила Мисато. — Нужно как-то убрать воду с поврежденного места!

— Я не могу, мне не хватит сил, мышцы итак надрываются! — прокричала Хомура.

— Дело только в мышцах? — уточнила Мисато.

— Не только — вода слишком соленая, не могу ухватиться!

— Ты сможешь остановить поток если я нацеплю на тебя экзоскелет? — вдруг осенило Мисато.

— Что-скелет? — непонимающе спросила Хомура.

— Понятно, короче, попытка не пытка, — Мисато резко зашевелилась, сбросив с себя чехол с пушкой, после чего принялась делать тоже самое с кофтой, из-под которой показалось какое-то устройство.

Судя по виду, это был каркасный экзоскелет, крепящийся в основном к спине и рукам. Ловкими движениями Мисато избавилась от лишнего веса и тут же прилипла к Хомуру, мешкаясь и стараясь затянуть ремешки на ее худом девичьем теле.

— Эй, что ты делаешь? Мешаешь же! — возмущалась Хомура.

— Это поможет, с легкостью затолкаешь воду обратно, — обнадеживала Мисато, — наверное!

— Что еще за «наверное»? — оторопела Хомура, проговорив это вслух, в то время как мне и, так полагаю, Лаффи подумалось тоже самое.

— Ашидо! — переключилась она на меня сразу после звукового отклика экзоскелета, оповещающего о своем переходе в рабочий режим. — Подкинь!

Мисато не дала времени подумать, стремительно сближаясь со мной, держа в руках готовую к использованию пушку. Я не придумал ничего лучше, чем дать начальный рывок, подкинув ее руками, подставленными под ногу, а затем впервые совершить толчок наподобие «ранмацу» Илии.

— Хомура, сейчас! — скомандовала Мисато, после чего с бешеной силой впечатала свой ботинок мне в ладонь, отправившись в полет.

Миниатюрная девочка услышала команду и с диким боевым криком вложила все свои усилия в один единственный толчок, который заставил воду на мгновение скрыться в стене, на которой зияла огромная крошащаяся дыра. Я же не позабыл о втором ускорении для Мисато и, вложив всю волю в этот толчок, запустил девушку в полет так, что та почти долетела до верхнего уровня стены.

— Отлично! — послышался довольный возглас Мисато, она сразу же стала неистово палить в отверстие небольшими шариками гелевой пены, которые мгновенно раздувались, стоило лишь коснуться поверхности, заполняя полое пространство внутри стены дамбы твердым и устойчивым материалом.

Пусть героическая инициатива Мисато оказывала действительно плодородный эффект, но в один момент она начала падать, не успев заделать дыру. Я уже был готов ловить ее, импровизируя на ходу, но Лаффи оказалась быстрее, перехватив Мисато в полете и зацепившись вместе с ней за стену каким-то коротким и острым предметом — тем же клинком, вероятно. Еще несколько секунд они что-то обсуждали, но сразу после Мисато отпрыгнула, сделав финальный выстрел, заделавший дыру полностью.

Обидно признавать, но сегодня в центре внимания был не я — эти двое выложились на максимум ради спасения людей, потому заслуживают справедливой награды, только, вот, не дать бы сейчас Мисато умереть от тяжелого приземления на бетон. Скооперировавшись с

Лаффи, мы заняли удобные позиции для того, чтобы гарантированно ее поймать, однако в один момент девушка оказалась в ярких объятиях скопления воды ангельской красоты.

— Могли и не напрягаться — я поймала, — усмехнулась Хомура, стараясь выглядеть бодрой вопреки истощенности, пока возвращает Мисато на землю.

— Да ну твои эти миссии, — заговорила Мисато, обратившись ко мне, стоило ей соприкоснуться с поверхностью. — Хочу пива, иначе точно сегодня умру.

— Могу предложить хороший виски, проверенный лично мной, — умиротворенно улыбнулся я где-то под маской.

— Не-не-не, я не по тяжелому, давай лучше пивка, — отмахивалась она.

— Кхм, могу я узнать ваше имя, храбрая девушка? — вмешалась Хомура, пристально разглядывая мою многогранную коллегу.

— Ох, точно, забыла совсем! Мисато Хагашида, а ты, стало быть, Хомура — да?

— Все правильно, Хомура Эверби, более известная в здешних краях под именем «Ангел Трущоб», приятно с тобой познакомиться.

— О, а меня зовут Лаффи! — вклинилась обделенная вниманием девушка.

— И с тобой приятно познакомиться, Лаффи, — улыбнулась Хомура. — А с тобой, Ашидо, приятно увидится, я уж думала мы никогда больше не встретимся.

— Ну, вообще-то мы пришли за тобой, — пояснил я.

— За мной? Зачем? — оторопела она.

— Есть очень заманчивое предложение, которое следовало бы обсудить.

— Что за предложение? — из ниоткуда раздалось гадкое рычание.

Поначалу я не заметил, но позади нас все это время кто-то находился, и этот кто-то выглядел крайне враждебным. Ни думая ни секунды, я оголил «Нами» и встал напротив неизвестного, загородив остальных своим телом.

— Кто ты такой? — спросил я, надеясь избежать кровопролития.

— «Спектр», — растянуто и презрительно пробормотал неизвестный.

— Еще раз спрашиваю — кто ты? — я едва сдерживал себя, чтобы не напасть первым.

— Калипсо, — коротко и без какого-либо продолжения ответил мужчина в странном черно-красном костюме, закрывающем все его тело, включая лицо.

— Убьем его! — Лаффи бросилась вперед, но воткнулась в мою руку.

— Нет, стой на месте и жди приказа, — остановил ее я.

— Ты, стало быть, нашумевший в рядах верхушки Тайкон, я прав? — уточнил он.

— Да, все верно, — подтвердил я.

— Вот же заноза, — опечалено пробормотал Калипсо. — Я пришел сюда за головой «Ангела Трущоб», а тут нарисовались некоторые трудности. Что ж, в одиночку не вывезу, за сим предлагаю разойтись без кровопролития — прощайте, — сказал он, после чего тот час взмыл в небо, скрывшись в объятиях облаков.

— Черт! — прокричала Мисато. — Босс, зачем ты остановил Лаффи? Она бы убила его и все было бы нормально, а теперь этот клоун разглядел наши лица, которые уже завтра будут висеть на плакатах о розыске!

— Аши, он мог узнать твоё имя! — опомнилась Лаффи.

— Тише-тише, все нормально, — успокаивал я девушек, — мы не знаем, как долго он тут стоял и из гвардии ли Калипсо вообще — окей? Давайте не будем переживать раньше времени.

— Стоило бы, — вмешалась Хомура, — он же за моей бошкой пришел.

— Хей, Хомура, послушай, я пришел сюда с единственной целью — предложить тебе вступить в орден «Спектр» на правах его полноценного сотрудника. Мы могли бы обеспечить тебе защиту — *сарічі*?

— А Трущобы тоже вы защищать будете? — как-то осуждающе посмотрела на меня миниатюрная девочка. — Я уже убивала гвардейцев, отслеживающих меня, и Калипсо исключением не будет. Какие плюсы от того, что я сейчас уйду из дома, бросив всех на произвол судьбы?

— Мы готовим государственный переворот, — пояснил я.

— Чего-чего? — с ошеломленным лицом смотрела она на меня, явно затерявшись в собственных мыслях.

— «Спектр» собирается сместить Котая с трона, чтобы вернуть всем шепотам, ренегатам и геномам свободу, чтобы покарать всех тех, кто безнаказанно разрушает человеческие судьбы, чтобы такие люди, как здесь в Трущобах, могли встать на ноги и почувствовать себя частью Гармонии, а не ее отходами, о которых все позабыли. И нам нужна твоя помощь, Хомура, потому мы и пришли сюда — ради тебя, ради нашего общего желанного будущего.

— Ох, не знаю, что и сказать — умеешь ты задвигать речи, Ашидо, — вздохнула она. — Честно говоря, я наслышана о ваших заслугах. Дайте мне время подумать, обсудить этот вопрос с семьей.

— Мы тебя никуда не торопим, но разве не опасно оставаться в Трущобах, когда за тобой охотится неизвестный враг?

— За меня можете не волноваться, я могу за себя постоять, — отстранилась Хомура. — Если вы и вправду из «Спектра» и намерены пойти против короля — можете уже завтра встречать меня на пороге.

— Лучше не обнадеживай, — вклинилась Мисато. — Вот, держи, — она протянула ей заранее подготовленное переговорное устройство, связь через которое весьма ограничена.

— Что это? — поинтересовалась Хомура.

— «Говорилка», — объяснила Мисато. — Нажимаешь на кнопку сбоку и говоришь. Она настроена на связь только с Ашидо и нашим координатором. Как будешь готова — просто сообщи.

— Х-хорошо, — немного нервничая, ответила Хомура.

— И вот еще что, — вмешался я, — постарайся решить вопрос быстро, потому что мы не сможем защитить тебя, находясь в отдалении, ладно?

— Я постараюсь, — улыбнулась она.

— Аши, я хочу домой! — лепетала Лаффи.

— Все, идем, вопрос уже наполовину решен — можно возвращаться.

— Ура! — запрыгала от радости Лаффи, начав яростно бормотать в общий канал о своем желании в эту же секунду вернуться домой.

— До свидания, Ашидо, Мисато и... Лаффи, — добрым голосом проговорила Хомура.

— Надеюсь, скоро увидимся, — улыбнулась ей в ответ Мисато, после чего побрела в сторону стремительно удаляющейся куда-то Лаффи.

— До скорой встречи, «Ангел Трущоб», — напоследок произнес я.

Только разминувшись с Хомурой, я наконец понял, почему нам сегодня пришлось пройти через столько трудностей. Все жители Трущоб в самом деле настолько объединены общим горем, что ни к кому не подпускают чужаков, будучи и в трезвом, и в пьяном

состоянии, не смотря на условия и потенциальную выгоду, ведь все они — одна большая семья. Трущобы — это воля, независимость и равноправность, где голод и нищета взаимоуравнивают слабых и сильных между собой, призывая помогать друг другу и держаться вместе в радости и горе, ведь именно это делает людей — людьми. Тот мужчина с крысами, конечно, не в счет...

Мы уже показали себя, случайно оказавшись рядом в судный день для Трущоб, которому не суждено было случиться. Глядя на Хомуру, я вижу в ее глазах огонь, вижу неисчерпаемое желание защитить ближних своих, потому не сомневаюсь в том, что она вступит в «Спектр» ради блага своей большой семьи, ради того, чтобы идти с нами бок о бок.

— Мне хочется вам верить, ребята, — так, наверное, она сейчас думает.

Глава 32: Умершие однажды — воскресшие вновь

Прожив совсем недолгую и трудную жизнь в грязи и нищете в один момент начинаешь проклинать Господа за то, что на твою долю выпала именно такая судьба. Изю дня в день приходится пахать ради того, чтобы выжить, попутно пытаешься избежать столкновений с гадкими переносчиками болезней и злыми представителями своего же собственного рода. Все в этих местах жалуется на условия своего существования, мечтая лишь об одном — поскорее выбраться, но мало у кого это получается, потому что все мы вынуждены оставаться в ловушке безысходности, желая всего самого наихудшего тем, кому больше всего завидуем.

Я всегда была особенной, потому что такая точка зрения казалась мне дикой и неправильной, она говорила лишь о человеческой слабости и бессилии перед лицом уготованной тебе доли жителя Трущоб. Пока окружающие меня люди утопали в черной зависти и каждый день плакались друг другу в плечи о том, как они ненавидят всю эту слякоть, я всегда любила Трущобы, подпитывая свою любовь великой мечтой — когда-нибудь спастись самой и повести за собой остальных, принеся в Богом забытое место первую крупицу человеческого счастья.

Будучи совсем маленькой, я крепко убедилась в своей уникальности, открыв для себя неведомую никому ранее способность управлять жидкостями. В тот день бабушка растопила печь и поставила кипятиться воду для привычного семейного ужина, а сама ушла заниматься другими бытовыми делами. Я была очень голодной и все никак не могла дождаться супа, от которого меня отделял целый час времени у плиты, потому что сама взялась за готовку чего-нибудь простенького — жареных яиц.

Родители с самого детства учили меня всему, что умеют сами, готовка тоже не была исключением, потому что после долгих лет практики проблем с пропитанием у меня не было, если в погребе лежало хоть что-то, что можно было приготовить. Достав три яйца и захватив с собой масло, я поднялась обратно на кухню и принялась бегать вокруг печки, обжаривая лакомство на скорую руку.

Когда все было уже готово, я по нелепой случайности из-за собственной неаккуратности локтем зацепила ручку чугунной сковородки, спрыгивая вниз с подставки для особо маленьких членов семьи, тем самым разлив на пол масло. Ругаться бы никто не стал, но не хватало только кому-нибудь упасть из-за моей оплошности, потому что я сразу же двинулась за тряпкой, оставив еду на столе, чтобы исправить то, что натворила.

Когда заветная мокрая тряпка уже была в руках, а я вернулась на кухню, перед взором предстала картина, как бабушка медленной походкой плетется к кастрюле, чтобы продолжить готовку.

— Бабушка, стой, там масло! — прокричала я, пытаюсь предупредить ее, но было уже поздно.

Она поскользнулась, тело устремилось вниз, в той же манере нелепо зацепив рукой емкость с кипятком, вода из которой была готова в миг лишит любимого и немощного члена семьи жизни. Увидев это, я очень сильно испугалась и закричала, выставив перед собой руку, и каково же было мое удивление, когда смертоносная жидкость вдруг повисла в воздухе, так и не соприкоснувшись с огрубевшей морщинистой кожей.

Таким образом по Трущобам разлетелась весть о девочке-ангеле, спасшей собственную бабушку, продлив ей жизнь всего лишь на какие-то пару лет, что сделало меня весьма

популярной и всеми любимой, но у такого статуса была и обратная сторона медали — на меня стали охотиться люди из королевской гвардии. Поначалу в Трущобах то ли дело мелькали чужаки в белых халатах, которые следовали по пути дипломатических решений, но из-за того, как грубо и враждебно их здесь встретили, пряник обернулся кнутом — следующие гости вторглись в наши земли уже с оружием.

Мне было всего десять лет, когда я убила первую группу гвардейцев, пришедших по мою душу в самое обычное весеннее утро, когда я помогала знакомому дедушке с готовкой на уличной кухне. В ночь перед судьбоносным днем шел сильный ливень, потому наутро все дороги оказались залиты водой — сама природа была на моей стороне, благодаря чему я смогла дать отпор и выжить, надолго оставив след присутствия посторонних где-то под землей.

С тех самых пор временами в Трущобах стали мелькать другие группы охотников на ренегатов, потому я была вынуждена обратиться за помощью к другим обитателям Трущоб, чтобы все они признали мою смерть. Родные люди пошли навстречу и даже соорудили своеобразную могилу из камней и палок, увековечив на ней давно прижившееся имя — «Ангел Трущоб». Это сработало и через некоторое время чужаки смирились со своим провалом, оставив меня и Трущобы в покое, будучи не в силах вытянуть из них что-либо еще.

Я была безмерно благодарна всем, кто спас меня от участи тухлого мяса или чего хуже — гвардейской псины. В сердце созрело чувство неисчерпаемого долга, которое еще больше подпитывало любовь ко всему живому вокруг. За долгие годы люди настолько привыкли говорить о том, что Хомуры не существует, что это уже вошло в традицию, потому-то Ашидо и его команде пришлось столкнуться с такими трудностями во время своей миссии, о чем мне поведала живущая на соседней улице баба Ньюра, и, честно говоря, я точно не знаю, как расценивать их столь внезапное появление.

Раз уж в этих краях появился нашумевший в городе «Спектр», а его главой оказался лишь мельком знакомый мне Ашидо, с порога заявивший о намерении завербовать меня — это не просто так. Не хотелось бы этого признавать, но городская чернь принесла в этот район спасение, ведь Трущобы спасла не я, а мы. В одиночку у «Ангела Трущоб» ничего бы не вышло, как и у них, но стоило нам объединиться, как проблема сама собой рассосалась, потому сейчас я искренне верю в благонадежность Ашидо и его людей — но как объяснить это родителям? Я же не могу просто сказать о том, что Трущобы спасла чернь, залатав «случайно» взорванную дамбу, а я наивно им поверила и собралась сбежать из родного дома, оставив всех без защиты — что же делать?

Если так подумать, то появление того типа Калипсо не было случайным. Скорее всего, он решил таким образом меня выманить, подорвав дамбу, ведь только я была способна сдерживать разрушительный поток океанской воды, что сделало бы меня крайне уязвимой. Он знал о моей силе, связях, принципах и слабостях, но не был готов к сюрпризу, который и для меня оказался неожиданным. Калипсо пришел сюда с твердым намерением убить, не поверив в чушь про могилку на заднем дворе, и только благодаря «Спектру» рыбка сорвалась с крючка, из-за чего мне снова приходится мириться с чувством колоссального долга перед спасителями. Подумать только, четыре года прошли в полной гармонии без единого намека на угрозу для жизни, как вдруг с неба свалилась тонна всех возможных проблем и сложных решений.

— Я дома! — прокричала я, ступив на порог собственной дряхлой избы, все еще не придумав по пути план того, как бы покинуть Трущобы, никого не обидев.

— С возвращением, Аврора! — послышался голос отца откуда-то издалека.

— Бесит, — рывкнула я полушепотом, вновь услышав это тупое имя.

— Ох, привет, солнце, как твой день? — на пороге появилась фигура мамы.

— В-все нормально, — замешкавшись, ответила я.

— Хомура, ты чего такая вялая, устала? — поинтересовалась мама, по привычке прислонив ко лбу ладонь, дабы определить, нет ли у меня температуры.

— Немного, отдохнуть бы, — вздохнула я.

— Скажи честно, ты была на плотине? — эта женщина видела меня насквозь.

— Я-я...

— Хомура, ты же знаешь, что это опасно! Зачем ты туда полезла? — наехала она на меня.

— Больше никому! — сразу же завелась я. — Вы бы все погибли, если бы я не вмешалась!

— Дочь, ты же знаешь, что...

— Я хочу спать, все разговоры завтра! — перебила я, устремившись в свою скромную комнатку, стараясь не обращать внимания на происходящее вокруг.

— Постой, давай поговорим! — останавливала меня мама.

— Завтра! Я хочу спать! — напоследок прокричала я, с грохотом захлопнув дверь, за чем последовала тишина.

Тяжело собраться с мыслями, когда родители уже сами обо всем догадались. Сегодня я еще могу спокойно поспать, но уже завтра моей жизни может грозить опасность, потому все вопросы нужно решить так, чтобы следующей ночью я уже была за пределами Трущоб — там, где меня есть кому защитить.

— Доброй ночи, Хомура, — глухо проговорил голос мамы за дверью.

— Доброй, — еще тише ответила я.

Случайному свидетелю разговора может показаться, что мы с родителями часто конфликтуем по поводу и без, но это не так, ведь внутри этого дома царит поистине семейная атмосфера, где каждый любит друг друга и поддерживает в меру возможностей. Я знаю, что мама просто очень переживает за меня, как это было и в давние времена, но сейчас, вопреки неугасающему беспокойству, она все же дала мне возможность отдохнуть и собраться с мыслями, чтобы обсудить все завтра — за это я ее уважаю.

Там на плотине я достигла своего предела, изнунив мышцы так, что сил на остаток дня не осталось, хоть сейчас все еще вечер, который не очень подходит для момента погружения в сон. Тем не менее, многое еще предстоит обдумать, потому я сегодня ложусь рано, чтобы завтра пойти на серьезный шаг — покинуть родной дом.

***

Наутро отрываться от жесткой кровати оказалось не так сложно, как я предполагала. Ночь прошла без происшествий, начать день с переживаний можно было на пять минут позже, ведь это время уйдет на то, чтобы привести себя в порядок. Вынырнув из-под пододеяльника, я тихоходкой направилась к выходу из комнаты, попутно вспоминая все то, о чем вчера успела подумать. На кухне меня уже ждали родители, комнату заполнил запах тушеных овощей.

— Доброе утро, Хомура, — улыбнулась мама, — давай скорее за стол.

— С пробуждением, Аврора, — уже с утра решил меня взбесить папа.

Я тихо села за стол в ожидании своей порции, думая о том, как бы все-таки лучше

начать разговор о моем уходе из Трущоб. Судя по выражению лиц родителей, мое молчание всех настораживало, ведь сама я выглядела отличной от себя прежней, будто на душе лежит какой-то невообразимый груз — так оно и есть.

— Мама, папа, я должна вам признаться, — начала я.

— Да мы уже знаем про плотину, можешь не отнекиваться, — вклинился отец. — Просто давай в следующий раз не будем больше рисковать, хорошо? Ты большая молодец, дочь, но нельзя же в одиночку все решать — пусть кто-нибудь другой за тебя решает все проблемы.

— Вы не понимаете...

— Хомура, мы все понимаем, — заговорила мама, — если не ты, то никто больше Трущобы не защитит. Сотню раз уже это слышали, но какой смысл так себя изнурять?

— Мама, послушай.

— Это ты послушай маму, Аврора, — вмешался отец.

— Никакая я тебе не Аврора, — возмутилась я, устав слушать это изо дня в день, — меня зовут Хомура, хватит уже так меня называть.

— Это для мамы ты Хомура, а для меня — Аврора. Ты носишь прекрасную французскую фамилию Ришелье, к которой имя Хомура никак уж не клеится.

— Никакая я не Аврора Ришелье, а Хомура Эверби!

— Пубертатный возраст, — произнесла мама, переглянувшись с папой.

— Вы вообще меня слушаете? — вздохнула я, уже устав от таких бессмысленных разговоров.

— Хомура, послушай, мы просто хотим, чтобы ты была в безопасности и не лезла туда, где будет больно, потому что если...

— Я покидаю Трущобы! — наконец решилась я, произнеся это так громко, что мой голос заглушил речь мамы.

— Не неси пургу, доча, — рассмеялся отец.

— Ты же шутишь, Хомура? — подхватила мама.

— Я не шучу, у нас появился шанс на будущее! — продолжила я, все еще находясь в состоянии дискомфорта, понимая, что мое решение все равно никто не примет — его скорее засмеют.

— Постой, откуда ты нахваталась этой чуши? — продолжала смеяться мама.

— Да она от этих своих из трактира...

— Помолчи, Норберт, я хочу послушать, — остановила она папу.

Мне уже не нравилось то, как они на это реагируют, думая, что я шучу. Уйти тихо — значит, предать чувства родных, а я на такое не готова, но будь у меня возможность избежать таких разговоров — точно бы ей воспользовалась.

— Ты серьезно, Хомура?

— Да, мама, я ухожу, потому что моей жизни угрожает опасность, — пояснила я.

— Какая еще опасность? Гвардия отстала от тебя еще четыре года назад, с чего бы вдруг опасаться чего-то? Плотину же вчера не гвардия взорвала — зачем им это?

— Еще какая гвардия, — опровергла я ее выводы, — там был самый настоящий псих, который взорвал ее только ради того, чтобы выманить меня.

— Ой, всякую херню собираешь, — отстранилась мама, — так и скажи, что мы с папой тебя напрягаем и тебе дома не сидится.

— Да нет же! Послушайте! Я говорю правду!

— Хомура, ну какая еще гвардия? — все еще недоверчиво спросила мама. — Ты, вот, ересь какую-то придумываешь, лишь бы из дома скорее смотаться.

— Да ну вас! — совсем отчаялась я. — Если вы хотите, чтобы я сдохла — пожалуйста, мечтайте, сколько влезет! Но я не собираюсь умирать, оставляя Трущобы без надежды! У нас наконец-то появился шанс на будущее, а вы сейчас специально затыкаете меня, не желая слушать дочь, возможно, в последние минуты жизни! Еще вчера я могла умереть на этой долбаной дамбе, если бы не «Спектр»! Сегодня я тоже могу умереть, но моим родителям все равно, они почему-то не хотят слушать собственную дочь в критическую минуту!

— Не повышай голос! — сорвался папа.

— Да почему же вы такие бесчувственные? — размякла я, чувствуя, что вот-вот заплачу.

— погоди, Норберт, она не врет! — наконец опомнилась мама. — Хомура, солнце, ну ты чего?

— Чего-чего, больно мне от вашего поведения!

— Радость моя, ты уже давно не плакала — что случилось? — спросила она, придвинувшись на стуле поближе.

— Говорю же, гвардия снова на меня вышла и в этот раз они намерены убить меня любыми средствами, а я не хочу умирать! Если бы не «Спектр» вчера, я бы уже лишилась головы! Они предложили мне место в своем ордене, где я буду в безопасности, потому-то я и собираюсь уйти, даже если совсем не хочу — ради Трущоб, потому что я нужна этим людям живой!

— Не будь такой наивной, Хомура, вдруг они тебя обманывают?

— Не обманывают! — возразила я. — Дамбу не я заделала, а они! Впервые за много лет Трущобы спасла не я, а кто-то другой!

— Хомура, нам с папой очень тяжело тебе поверить, давай ты просто...

В этот момент разговор прервал громкий стук в дверь, оставив безнадежный разговор незаконченным.

— Бегом в комнату, — приказала мама, — чую что-то неладное.

— Х-хорошо, — согласилась я, после чего тут же подпрыгнула из-за стола и забежала в свою комнату, прикрыв дверь так, чтобы в ней осталась небольшая щель.

Мама осторожно подошла к двери, выдохнула, готовясь имитировать свое обычное приподнятое настроение, после чего дверной замок щелкнул. Я лишь мельком могла заметить неизвестного, но яркое красное одеяние бросалось в глаза так, что его ни с чем нельзя было спутать.

— Здравствуйте, — послышался незнакомый женский голос, — «Ангел Трущоб» проживает в этом доме?

— Добрый день, а вы из гвардии? — поинтересовалась мама.

— Нет, я не из гвардии.

— Как же, уважаемая? Такую одежду носят только высокопоставленные служащие гвардии, — подметила мама, голос которой в этот момент был полон переживаний.

— Мы сейчас говорим не обо мне, — отрезала гостья, — Хомура Эверби здесь?

— Да, конечно, на заднем дворе уже как четыре года лежит в могиле, — соврала мама.

— В могиле говорите? А это тогда что? — она развернула бумажку, держа ее в правой руке, которую я могла отчетливо разглядеть, потому что та попадала в поле зрения целиком.

В этот момент мое сердце ушло в пятки — бумажка оказалась плакатом о розыске, на котором виднелся мой портрет, да не какой-то старый, где я совсем юная, а абсолютно

свежий, с чертами лица, характерными для девушки подросткового возраста.

— Хомуры дома нет, как же, — фыркнула она, — у вас бровь дергается, стол накрыт на троих, а в недавнем разговоре хорошо прослеживался высокий девичий голосок, не особо подходящий сожителю — где она?

— О чем вы говорите, Хомуры здесь не...

— Позвольте, — перебила незнакомка, оттолкнув маму в сторону, после чего настырно вошла внутрь дома.

— Хомура, беги! — вдруг истошно закричала мама.

Я была готова дать отпор вторженке прямо в доме, но сразу поняла, что та мне не по зубам, ведь эта светловолосая высокая девушка носила самый настоящий мундир высшего гвардейца, коих во дворце можно было по пальцам пересчитать. Времени на раздумья не было, я сразу же бросилась к окну, выпрыгнув из него наружу, приземлившись на острую Трущобную щебенку голыми стопами.

От такого приземления я немного подкосилась, но звук с грохотом открывшееся двери отрезвил меня, заставив бежать, несмотря на боль. Следом за дверью разлетелось и стекло, откуда показалась фигура серьезно настроенной убийцы.

— Стой! — приказала она, надеясь на то, что я просто сдамся.

Так началась самая настоящая погоня, в которой я бы с треском проиграла из-за своих худых и коротких ног, но я знала эти улицы намного лучше, чем какой-то чужак, потому умело скрывалась в переулках, однако эта женщина даже не думала отставать.

Вдруг я вспомнила то переговорное устройство, которое досталось мне из рук Мисато, тогда я решила было прибегнуть к запросу помощи от «Спектра», но неожиданно для себя осознала, что оставила его в своей комнате.

— Надеяться на них тщетно — мне нужна вода, — с такой мыслью я изменила свой курс, отказавшись от безлюдных переулков в угоду людным улицам.

Выбежав на грязную дорогу, где была большая толпа народа, я сразу же принялась рыскать глазами в поисках воды, но к моей неудаче вокруг было все, что угодно, но не вода.

— Да постой ты, сука, я хочу поговорить! — вновь послышался ее голос, не внушающий ни капли доверия.

На мою удачу люди заметили преследователя, гнавшего за всеми любимой девочкой, которую знает и уважает каждый в Трущобах, потому те стали кидаться на нее, подставляя подножки и врезаясь, всеми силами стараясь выиграть для меня время, но она все никак не поддавалась, откидывая их в стороны и продолжая преследовать меня.

Наконец по дороге встретилась закрытая бутылка воды, которую я сразу же схватила и свернула вместе с ней в переулок, обнаружив для себя шанс скрыться от преследователя. Завернув за угол, я сразу же принялась бегать глазами по открытым окнам, пока одно такое не попало — бинго. На ходу открыв крышку бутылки, я тотчас вынула из нее все содержимое, которого было немного, но вполне достаточно для того, чтобы оттолкнуться. Собрав перед собой небольшие платформы, я молниеносно запрыгнула на них, отправив себя в полет, по результатам которого мне удалось зацепиться за скат окна, в которое я закинула себя, используя всю ту же воду.

— Спасена, — подумала я, усевшись прямо под окном в коридоре привычного низкосортного мотеля, еле сдерживая неистовую отдышку.

Снаружи послышались характерные для бега звуки, которые постепенно перешли на умеренный шаг, будто она что-то заподозрила. Не знаю почему, но мой инстинкт

самосохранения подсказывал прятаться не под окном, а у потолка, потому я медленно и тихо подняла себя повыше, закрепившись именно там, а исходящие с улицы звуки говорили о том, что гвардейская шалава оказалась достаточно умной для того, чтобы понять невозможность такого сценария, при котором маленькая девочка добежала бы до конца длинного переуллка за такой короткий промежуток времени — это мой косяк.

— Хомура, ты же здесь, да? — вдруг заговорила она, на что я никак не ответила, стараясь всеми силами стереть следы своего присутствия. — Выходи, мне всего лишь нужно с тобой поговорить, правда — дело в «Спектре», — пояснила она.

Честно говоря, «Спектру» я верю куда больше. Если так подумать, раз уж она о них заговорила, значит их лица теперь тоже на плакатах — надо было сразу прикончить Калипсо.

— Здесь! — вдруг раздался резкий возглас, напугавший меня.

Прямо подо мной показалась голова — она догадалась о возможном сценарии побега, заглянув в окно, но немного прогадала, смотря вниз, а не наверх, но меня напрягала размытость ее способности, которая каким-то образом поддерживала незнакомку в воздухе на высоте третьего этажа. В этот момент я могла бы спокойно проткнуть ей голову, но что-то останавливало: вдруг она не врет и пришла просто поговорить, а может, эта девушка как-то парирует атаку, и я окажусь в тупике?

— Мимо, — недовольно цокнула она, после чего вылезла из окна и вернулась в переулок, а затем спокойно куда-то зашагала.

Я хотела было выглянуть, но оказалась настолько напуганной, что не смогла, тогда-то шаги прекратились, а затем вновь начались от начальной точки под окном, будто бы два разных человека шли в одну сторону по очереди. Свесив из окна водяную нить, начало которой примыкало к глазу, а конец болтался снаружи, я взглянула на обстановку, не заметив следов постороннего присутствия. Удлинив нить насколько это возможно, я так же заглянула в другие окна, на крышу, а также просмотрела окружение на выходе из переуллка, где и заметила девушку, недовольно плетущуюся по широкой дороге.

Не знаю, что в этот момент мной двигало, но я выпрыгнула из окна, смягчив падение при помощи воды, после чего бросилась к выходу из переуллка в поисках первого попавшегося человека, пока не наткнулась на паренька моего возраста.

— Хей, слушай! — отдернула я его. — Видишь женщину в красном? Иди за ней и передай, что «Ангел Трущоб» будет ждать на плотине в полночь!

— Это ты «Ангел Трущоб»? — изумился он.

— Потом автограф дам — действуй!

— Принято, командир! — воскликнул юноша, бросившись следом за женщиной из гвардии.

Возможно, этот поступок был опрометчивым, но мне не давал покоя тот факт, что она и вправду могла быть не из гвардии, однако преподнесла это совсем неправильно, став врагом в моих глазах. Мои шансы умереть в этот день заметно выросли в сравнении со вчерашним — опасность грозит даже в собственном доме, куда я вернуться не могу, даже если там лежит переговорное устройство. Что ж, остается только дожидаться эту девушку на плотине, где мы все и решим: либо умру я, либо умрет она.

***

С момента погони прошло уже довольно много времени, на улице было уже совсем темно — близилось к полуночи. Все это время я пряталась в компании таких людей, к

которым не ходит никто и о которых никто не говорит, а сейчас уже около часа сижу здесь — на плотине. Это место было выбрано неслучайно, поэтому я сейчас так спокойна. Ох, вот и она — девушка в красном мундире тихо шагала по поверхности плотины, с каждой секундой подходя все ближе ко мне — пора бы поговорить.

Я поднялась из сидячего положения и замерла в ожидающей позе, будучи готовой к чему угодно, но, вопреки опасениям, она лишь тихо подошла на расстояние для диалога.

— Мелкий не соврал, — усмехнулась она.

— Давай не будем тянуть резину, говори кто ты и что тебе от меня надо, — настояла я.

— Разумно, меня зовут Нао, я пришла сюда только потому, что увидела тебя в числе разыскиваемых среди членов «Спектра».

— Так ты все-таки из гвардии...

— Я не говорила, что из гвардии, — цокнула она, нахмутив брови. — Скажи мне где они, и я оставлю тебя в покое.

— А что, если не скажу? — рискнула я дерзнуть, желая понаблюдать за ее реакцией.

— Выбью из тебя силой, сломаю руки и ноги если придется, — пригрозила она.

— Попробуй, тупая сука, — эта провокация должна была подтолкнуть ее на использование способности, чтобы я смогла сложить хоть какое-то впечатление о силе противника.

Все произошло именно так, как я предполагала — девушка по имени Нао в этот же момент резким движением вытянула руку вперед, мгновенно подняв меня в воздух так, будто схватила какой-то другой огромной и незримой рукой, при этом ее пальцы характерно светились цветом ее голубых глаз, не говоря уже о том, что я вся целиком светилась как радиоактивный гриб.

— Ты не хочешь решать вопрос без насилия? — спросила Нао.

— Что тебе надо от «Спектра»?

— Мне нужна их сила и влияние, — пояснила она.

— А у них ты разрешение спросила?

— Я бы спросила, да только одна мелкая швабра языком не шевелит!

— Я тебе не мелкая, мне пятнадцать! — прокричала я, устремив сразу два потока воды в сторону Нао, которые она постаралась заблокировать, но, что меня поразило — не смогла, оказавшись в секунду до ниточки промокшей.

Я сразу же смекнула, что Нао попросту не способна удержать жидкости, но при этом с твердыми телами справляется на «ура» — у меня все в точности, да наоборот. Ключом к победе в прямом столкновении было отделение меня от оппонента стеной воды, чтобы та не смогла применить на мне свою способность.

— Попалась! — радостно крикнула я, поместив себя в пузырь, полностью закрывающий все тело.

— Ты меня слушаешь или нет? — возмущенно прокричала Нао, после чего постаралась пробиться сквозь пузырь, но попытки оказались тщетными.

В ответ я лишь перешла в нападение, поочередно запуская в нее водяные снаряды, от которых Нао неплохо уворачивалась, но теперь — игры кончились, ибо меня не просто так зовут «Ангелом Трущоб»! Сконцентрировавшись, я собрала вокруг себя побольше воды, после чего запустила два непрерывных потока в сторону Нао, имитируя предыдущие атаки. После того, как она увернулась, я сразу же прервала атаку и захватила жертву в большую водяную сферу, лишив доступа к кислороду.

С этого момента все уже было кончено — я зря испугалась, не предполагая, какой же ничемной на самом деле окажется ее сила. Если бы с самого начала мне были известны ее слабости, раскрывшиеся в первые секунды столкновения — не пришлось бы убежать. Если бы Нао смогла докопаться до сути моей способности, ей бы все равно это не помогло.

Тем временем Нао в ускоренном темпе теряла воздух, все сильнее брыкаясь в объятиях водяной ловушки, пока я не заприметила на ее лице просьбу остановиться. Что ж, думаю, будучи бессильной, ты все мне изложишь так, как это есть на самом деле. Освободив кролика из сферы, я по-настоящему почувствовала свое превосходство, не говоря уже о преимуществе, которое было у меня с самого начала: дамба с огромным количеством воды и высокая ночная влажность воздуха.

— Ну ты и садистка, — пробурчала она, откашливаясь после пережитого, будучи с ног до головы промокшей.

— Готова рассказывать правду? — грозно произнесла я.

— Признаю, Хомура, ты победила, но, справедливости ради, я с самого начала говорила только правду, а ты, тупая мымра, не удосужилась просто послушать! — возмутилась Нао.

— И что же я должна была услышать?

— Я повторю, а ты постарайся внять хоть одно слово, окей?

— Я слушаю.

— Начнем с того, что я не из гвардии — заруби это себе на носу, чем хочешь, но просто, сука, запомни это.

— Тогда почему ты в мундире высшей гвардии? — недоверчиво поинтересовалась я.

— Украла, очевидно, — пояснила она.

— Откуда? Кто бы пустил тебя во дворец, где ты бы добралась до этой формы, чтобы благополучно ее вынести на себе из Парадного района? Не думаешь, что мне сложно в это поверить?

— Хомура, — обратилась она ко мне, смягчив свой тон настолько, что он уже казался совсем непривычным. — Послушай меня, пожалуйста, и постарайся поверить во все вышесказанное, потому что мне незачем тебе врать — ты мне нужна для того, чтобы я могла связаться со «Спектром». Мне больше не у кого просить помощи.

— Я тебя слушаю, Нао, — все еще недоверчивым тоном произнесла я.

— Что ж, — она сделала глубокий вдох и выдох, после чего продолжила, — вернемся к началу, меня зовут Нао Изуми, когда-то я жила во дворце и была старшей дочерью действующего короля Гармонии Котая I, пока тот не выгнал меня из дворца из-за одной маленькой оплошности. Парадный район я покинула с одной лишь вещью — этим долбаным мундиром. Он выбросил меня на улицу без гроша, вынудив выживать в нищете и годами вынашивать план мести, для реализации которого мне нужен «Спектр».

— Звучит искренне, но ты упускаешь из виду одну деталь — у короля всего одна дочь, — опровергла я ее слова.

— Вас «молодых» приучили думать, что это так, — вздохнула она. — Черт с тобой, можешь не верить — мне все равно, но я прошу тебя, выведи меня на «Спектр», у меня для них есть очень ценная информация, которой владею только я, как принцесса и законная наследница престола.

— Хочешь сказать, это все — правда? У короля в самом деле все это время была еще одна дочь в изгнании?

— Чистая, — подтвердила она. — Для закрепления могу сказать, что я узнала об этом

ордене по телевизору, после чего всеми способами старалась нарыть информацию, но все было тщетно, пока сегодня утром в стенах города не появились плакаты о розыске. Первым числился потенциальный глава «Спектра» Тайкон, личность которого до сих пор неизвестна. Следом за ним шла беловолосая красноглазая девушка, личность которой также не установлена. А вот рядом с ними виднелись уже конкретные индивиды: Мисато Хагашида — известный самозанятый инженер, а по соседству ранее считавшаяся мертвой Хомура Эверби, более известная под псевдонимом «Ангел Трущоб». Из вас двоих я выбрала тебя, Хомура.

— Что же, получается, ты пришла сюда только для того, чтобы найти меня, предположив, что я состою в «Спектре»? — оторопела я.

— А разве нет?

— Не совсем, Нао, — замялась я. — Они предложили мне место сотрудника, но я еще не дала своего согласия на вступление в орден.

— А ты вообще готова в него вступить? — как-то многозначно посмотрела она на меня.

— Для начала скажи мне, подруга, ради чего ты живешь? Я, например, ради блага Трущоб — а у тебя есть мечта?

— Есть — захерачить отморозка на троне, — ни капли не стесняясь и ничего не боясь, прорычала Нао.

— Стало быть, наши цели совпадают, — улыбнулась я. — Давай вместе вступим в «Спектр» и когда-нибудь наведем этого мракобеса!

— Хомура...

— Ты со мной или как? — задала я контрольный вопрос.

— Твою мать, я в деле! — согласилась Нао, расплывшись в искренней счастливой улыбке.

Глава 33: Дилемма принятия

С раннего детства я очень любила просто жить и впитывать аромат детства, исходящий из каждого укромного уголка нашего бескрайнего мира, все казалось таким интересным и неизведанным, кругом таились тайны, изведать которые было смыслом моей жизни, пока весь детский энтузиазм не утонул в проблемах взрослой жизни.

— Что-то не так, Лия? — непонимающе посмотрела на меня Итачи, будто увидела на лице какое-то угрюмое выражение.

— Нет-нет, все нормально, продолжайте, — замешкалась я, осознав, что немного мешаю процессу обучения.

— Тетя Итачи, а это что такое? — заинтересованно проговорила Войд.

— Это капибара, ее еще называют водосвинкой — самый большой грызун на нашей планете.

— Оно из класса пресмыкающиеся? — уточнила Войд, надеясь на то, что окажется права.

— Нет, капибара не пресмыкающиеся, она относится к классу млекопитающих, потому что вскармливает свое потомство молоком — прямо как мы, люди, — пояснила Итачи.

— Значит, я тоже млекопитающее?

— Ну, не совсем, — замаялась Итачи, не зная, что ей на это можно ответить. — Мы сами не знаем, к какому классу ты относишься, Войд.

За этим было забавно наблюдать, ведь в глазах у Войд горит именно тот детский энтузиазм, которого мне так не хватает. Она жаждет учиться, и, как говорит ее незаменимый мастер Итачи: «учится с ужасающей скоростью». С тех самых пор, как это существо привел к нам в дом Ашидо, она многое освоила: базу английского языка, на котором сейчас вполне свободно разговаривает, не считая небольших проблем с временами и употреблением предлогов; математику уровня пятого класса, а также основы этикета и общепринятые моральные принципы, благодаря чему наконец-то вписалась в компанию окружающих ее людей.

— Что, к тебе снова взывает Хорнет? — вдруг обратилась ко мне Итачи.

— Да, дела ждут, я, наверное, пойду, — улыбнулась я, стараясь не выдать своего недовольства.

— Зайдешь к нам после миссии? Войд очень нравится с тобой заниматься, я даже немного завидую.

— Конечно, мне тоже нравится убивать с вами время, но сейчас нужно работать — когда уж получится, — развела я руки в стороны, постепенно удаляясь от этих пташек в сторону выхода.

— Удачи вам там! — вдогонку прокричала Итачи.

— Удачи! — подхватила за ней Войд, голос которой едва просочился через уже закрытую дверь.

Какой бы привычной не была повседневная суета и как бы хорошо ты к ней не была приспособлена — сюрпризы будут всегда. Только я успела прижиться и разобраться с расписанием на день, как вдруг вернулся босс с его сворой идиотов, заявив о том, что они теперь «излишне популярны», в связи с чем мы вынуждены немедленно привести план по поимке Стивена Колдена в исполнение, начиная с его дружка Сальвадора. За долгие годы у

меня накипело достаточно для того, чтобы удушить ублюдка собственными руками, ради чего я готова идти хоть в адское пекло, но, вот, к старику в гости совсем не хочется.

— Амелия на месте, — заявила я, едва шагнув на порог кабинета Ашидо.

— Как раз вовремя, мы уже собираемся, — заговорил он.

— Тебе стоит послушать план операции, — вдруг вмешалась Хорнет.

— И что за план такой, что ты вдруг решила не идти? — осуждающе проговорила я.

— Мне там нечего делать, к тому же не я решала, кого стоит брать, а кого нет, — пояснила она. — Ашидо строго распорядился допускать к миссии только характерных особ, которым есть, что спросить у Сальвадора. Желающих оказалось не особо много — только Ринна и Лаффи, но вторую брать мы не будем, ибо характер у этой девушки нулевой. Если ты сама готова — милости просим.

— Спросить, говоришь? — задумалась я, осознавая, что у меня в самом деле есть один такой вопрос, безответность которого и по сей день удручает.

— Если верить словам Илии, которому я целиком и полностью доверяю, — вклинился Ашидо, — Сальвадор может ответить на любой интересующий тебя вопрос, если ты пройдешь его испытание, суть которого мне неизвестна, а сам Илия ее напрочь позабыл. Именно поэтому у тебя все еще есть возможность отказаться, если факт неизвестности сильно пугает.

— Я пойду, — уверено заявила я, все еще сомневаясь где-то в глубине разума, но, как говорится, лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть.

— Отлично, в таком случае объявляю сбор на этом же месте через десять минут, постарайтесь подготовиться за отведенное время и, пожалуйста, не мелькайте перед глазами у Лаффи — она не должна знать о том, что миссия уже началась.

— Принято! — в один голос прокричали мы с Ринной.

— Хорошо, по коням.

Судя по всему, нам с Ринной не нужно было время на подготовку, а вот Ашидо куда-то вышел. Несколько минут спустя на пороге кабинета появились новые лица — Войд и Наталья, которых он привел с собой, судя по всему, для того, чтобы быстро добраться до точки назначения, подобрав при этом оптимальное место высадки.

— Короче, лучше всего высадиться тут, — Наталья ткнула пальцем в специальный планшет, купленный Мисато для упрощения работы Войд, указав на то самое место, которое я никак бы не увидела со своей перспективы. — На этой крыше вас никто не увидит, хоть она и выходит на главный перекресток Академического района — это слепая зона гвардейских патрулей, но внизу вам лучше быть поаккуратнее. Сам Сальвадор предположительно находится здесь — это помещение не имеет вывесок и в него практически никогда никто не заходит.

— Понятно, — подтвердил Ашидо, — Войд, справишься?

— Нужно на крышу здесь? — уточнила она.

— Да, именно здесь, — подтвердил он.

— Заходите, — проямлила Войд, открыв в центре кабинета портал, из которого в коем-то веке не подул ветер.

Десять минут оказались формальностью, ведь Войд все равно нас поторопила, из-за чего мы были вынуждены шагнуть по ту сторону черной пелены, не успев даже собраться с мыслями.

***

Уже через мгновение вся наша команда оказалась на заветной крыше, после чего Ашидо сразу же подошел к краю для того, чтобы осмотреться, при этом подозвал нас поближе.

— Вон, видите? — он указал на коричневую дверь на противоположной стороне улицы, которая на фоне всего остального выглядела совсем уж незаметной. — Спустимся вниз и спокойно перейдем дорогу — я сниму маску, чтобы не притягивать к себе любопытные взгляды.

— Ага, хорошо запрятался, — выдавила из себя нелепый смешок Ринна.

— А как мы спустимся вниз? — спросила я, даже не рассматривая варианта с тяжелым приземлением.

— Спрыгнем, очевидно, — послышался до боли неуместный голос позади.

— Сука, — полушепотом рыкнул Ашидо, после чего развернулся для проведения воспитательной беседы. — Лаффи, какого черта ты тут забыла?

— Пошла с вами на миссию, — пояснила она, явно не понимая того, как сильно она сейчас нас подставляет.

— Операция сорвана, дамы, Лаффи все испортила, — в том же недовольном тоне сказал Ашидо.

— Ничего я вам не испортила, не надо на меня кричать!

— Босс, пусть идет с нами, — вмешалась Ринна, стараясь утихомирить этих двоих.

— Ага, чтобы старик ее в краску перетер? Ну уж нет, я не готов вот так просто потерять человека.

— Почему ты во мне сомневаешься, Аши? — расстроилась Лаффи. — Возьми меня с собой, обещаю, я выложусь на полную и не стану тянуть вас вниз!

— Черт с тобой, делай, что хочешь — мне тебя не переубедить, — сдался Ашидо, устремившись на другую сторону крыши, которая выходит в переулок.

— Ура! Я снова на операции! — радостно голосила Лаффи.

— Заткнись! — одернула ее Ринна. — Будешь так орать и нас заметят!

— Ой, простите.

Именно такой цирк в рядах нашего ордена больше всего меня напрягает — все новопришедшие слишком легкомысленны и безответственны, они совсем не похожи на нашего лидера, которым я в некой мере восхищаюсь, не похожи на Хорнет, которая вечно спокойна как удав, а в голове хранит тонну мыслей о тех делах, которые только она может решить.

— Будем прыгать, — скомандовал Ашидо. — Мы с Лаффи спустимся сами, а тебе, Ринна, придется спускаться с грузом.

— Не проблема! — подтвердила Ринна, тотчас подхватив меня на руки так, что от неожиданности я даже немного вскрикнула, после чего, судя по всему, покраснела как помидор.

В этот момент Ашидо зацепился своим «крюком» за край и начал скользить вниз, пока Лаффи уже довольно ждала его на поверхности.

— Ну, закрой глазки, — подтрунивала надо мной Ринна.

— Прыгай уже, дура, или я...

Не успела я договорить, как на огромной скорости полетела вниз, в страхе растекшись в объятиях крепких рук Ринны. Приземление выдалось довольно громким — она, не смягчая падения, с огромной силой впечаталась стопами в асфальт, от чего тот потрескался и немного провалился. К сожалению, человеческое тело обделено гидравликой, потому от

такого спуска меня тряхнуло так, что я на секунду почувствовала, как душа покидает тело.

— Все в порядке? — с улыбкой спросила Ринна.

— Ты спрашиваешь это у трупа, — прокряхтела я.

— Ой, ну загнула! Вставай на ноги и вперед, — произнесла она, опустив меня на землю и шлепнув по ягодицам, что, конечно же, немного не к месту.

— Хватит дурака валять — мы на задании, — грозно проговорил Ашидо.

Мне очень хотелось сказать что-нибудь грубое Ринне за нарушение личных границ, но босс был прав — мы на задании, потому места разногласиям в команде нет и быть не должно. Пока я приходила в себя, он снял маску и капюшон — как ни странно, она теперь была против него.

Следующим шагом было простое пересечение улицы, с чем мы справились блестяще, оказавшись перед заветной дверью, но входить никто почему-то не спешил, а Ашидо и Лаффи как-то резко перекосило, будто их током ударило.

— Стоять, что-то тут не так, — вдруг остановил он нас, после чего тут же схватился за переговорное устройство. — Илия, на связь.

— Слушаю, — послышался голос Илии из «говорилки».

— Ты не говорил мне, что Сальвадор устраивает для шепотов вечеринки — тут их несколько десятков и все заметно сильнее меня. Что за херня, Илия?

— Не парься, я в свой последний визит почувствовал тоже самое — внутри только Сальвадор, — обнадежил нас мастер Кишин.

— Тогда откуда там так много следов энтропиума? — в легком ошеломлении возмутился Ашидо.

— Повторяю, внутри только Сальвадор, один из следов точно принадлежит ему. Как только войдешь — узнаешь, что за следы энтропиума так тебя беспокоят. Конец связи.

— Да что же за день такой, — пробормотал Ашидо, поняв, что Илия просто оборвал связь.

— Думаешь, пора сворачивать операцию? — вмешалась я.

— Нет, другого шанса может и не быть — идем.

Тяжелая и дряхлая деревянная дверь предательски заскрипела, наша шаткая и не очень сплоченная команда оказалась внутри странного и убитого помещения: кругом лишь обсыпавшаяся штукатурка, многолетняя пыль, паутины и гнилые доски, готовые в любой момент развалиться. Та комната, в которой мы сейчас находимся очень напоминает своим видом притвор православного храма, отделяющий нас от среднего зала. Честно говоря, тяжело поверить в то, что в каком-то простом административном здании когда-то располагался действующий храм, ведь их всегда строили отдельно, выделяя при этом большой участок земли именно для того, чтобы создать условия для ведения службы.

— Что бы ни было за этой дверью — будьте готовы столкнуться с большими сложностями, — разрушил тишину Ашидо. — Шанс развернуться и уйти все еще есть, и это по большей степени относится к тебе, Лаффи.

— Никуда я не уйду! — возмутилась она, приняв позу недовольного ребенка, притопнув ногой для большей эмоциональной окраски.

— Лаффи, я просто хочу, чтобы ты вернулась домой живой, понимаешь?

— Вот и вернусь живой, хватит разговаривать со мной как с ребенком.

— Не говори потом, что я тебя не предупреждал, — вновь смирился Ашидо. — Ринна, Лия, готовы?

— Так точно, босс! — подтвердила Ринна.

— А ты, Лия? — переспросил он, заметив, что я замялась.

— Немного нервничаю, — пояснила я.

— Ты можешь уйти.

— Нет, — резко и громогласно ответила я, — все нормально, не думайте обо мне — я со всем справлюсь.

— Хороший настрой. Что ж, открываю, — сказал Ашидо, после чего всем своим весом навалился на большую дверь, которая с тем же противным скрипом отворилась.

Войдя внутрь, мы оказались в среднем зале храма, внутри которого не было ничего кроме скамеек с раскиданными на них художественными принадлежностями и мольберта в самом центре комнаты. Нужного нам человека среди бесконечного бардака не было, операция не задалась с самого начала, но, что меня все же немного напрягает — о каких следах энтропиума переговаривались Илия и Ашидо?

— Слушай, босс, здесь никого нет, — заговорила я, обратившись к стоящему передо мной Ашидо.

— Я знаю.

— Что еще за «я знаю»?

— Ты здесь одна, Амелия.

— Ага, конечно, а еще ты, Ринна и Лаффи, — произнесла я, обернувшись в сторону девочек, которые еще секунду назад стояли позади нас, но сейчас их там уже не было. — А-ашидо?

Когда же мой взгляд вернулся к фигуре Ашидо, его тоже уже не было на своем прежнем месте — они все будто исчезли, растворились прямо в воздухе, оставив меня один на один с неизвестным врагом.

— А-ашидо? Ринна? Л-лаффи? Где вы? — не на шутку испугалась я, от чего глаза начали бегать по всей комнате, стараясь зацепиться хоть за что-то.

— «Мир, каким он и должен быть» — так называется моя картина, — послышался голос из пустоты, доносящийся одинаково со всех сторон.

— Кто ты? — прокричала я.

— А разве вы пришли не ко мне, малышка Амелия? — подтрунивал неизвестный. — Это же я — старик по имени Сальвадор. Я с нетерпением ждал вас, дети мои.

— Где они, чертова развалюха?

— Спят сладким и дивным сном, как и ты, — пояснил Сальвадор. — Но, знаешь, порой даже самые сладкие сны оборачиваются сущим кошмаром, смысл которых бывает тяжело уместить в маленькой человеческой голове. Раз уж ты нашла в себе смелость не отступить — придется заглянуть глубоко внутрь собственного сосуда.

— Пройти испытание, да? — уточнила я, хотя и без того прекрасно знала о том, что могу оказаться в такой ситуации.

— Ты полностью права в своих предположениях, Амелия. Это испытание будет достаточно тяжелым для тебя, но не переживай, ведь вне зависимости от результата итог испытания изменит твою жизнь, сделав ее лучше.

— А что будет, если я провалюсь?

— Фокусник никогда не раскрывает секретов своих трюков — так ведь будет совсем неинтересно, а?

— Ты ведь ответишь на любой мой вопрос, если я пройду испытание?

— Конечно, дитя, я всегда отвечаю на заданные вопросы, какими бы сложными они ни были, не считая, конечно, тех, что о сути человеческого бытия. Довольно разговоров, тебя уже ждут, не потеряй себя в лабиринте утопленных чувств, — напоследок произнес Сальвадор, голос которого растворился сразу же после этой фразы, а вокруг меня все потемнело.

Не знаю, что происходит и через что предстоит пройти, но в данный момент перед глазами лишь крошечная темнота, в которой совсем ничего не видно. Какое-то время я наощупь двигалась в никуда после того, как идея с освещением пути собственным огнем с треском провалилась.

— Лия, — послышался до боли знакомый голос, окликнувший меня откуда-то из темноты.

Я прекрасно знала того человека, которого только что услышала, потому прямо сейчас совсем не верю в происходящее — мертвые ведь не могут вернуться к жизни. Постепенно черная завеса растворялась, обретая форму и краски, пока я не оказалась в родной и близкой к сердцу собственной квартире, где когда-то жила, пока в моей жизни не произошел переломный момент.

— Лия, — повторил голос, исходящий из детской комнаты.

Я осторожно шагнула по скрипящему дряхлому полу навстречу источнику, оказавшись перед дверью в свою комнату. Слегка толкнув приоткрытую преграду, я осторожно заглянула внутрь, лицезрев перед собой знакомые плюшевые игрушки, вечно незаправленные кровати, рисунки на стенах и тонну фантиков от конфет, вываливающихся из-за стола, но никакого намека на живое присутствие внутри не было — откуда же исходит этот голос?

— Лия, — вновь послышался он уже в непосредственной близости, после чего я отчетливо почувствовала на своих плечах длинные мужские пальцы, принадлежавшие человеку за моей спиной.

От испуга я отшатнулась и ввалилась в комнату, издав при этом громкий ошарашенный звук, ведь такого способа заявить о себе ни один человек не мог предугадать.

— Л-лео? — наконец заговорила я, увидев своего любимого младшего брата, стоящего прямо в дверном проеме.

— Здравствуй, сестренка, — улыбался он.

— Нет-нет, быть не может, — в невероятном отрицании мямлила я, будучи не в силах смириться с тем, что сейчас вижу перед собой.

— Что такое? Ты покраснела, ха-ха, — посмеялся он, напомнив мне об одной из моих черт, которая с детства не нравилась — краснеть в любой неловкий или эмоциональный момент.

— Т-ты мертв, Лео, не прикидывайся живым — я все равно не поверю.

— Конечно, Лия, все нормально, я в самом деле мертв, как и мама — все благодаря тебе.

— О чем ты говоришь, брат?

— Лия, солнце, помнишь, как мы вместе кормили дворовых котят? А как мы пытались выловить рыбу из колодца? Как мы играли, представляя, что ты — моя мама, а я — твой сын? Помнишь все эти прекрасные мгновения, которые давно минули?

— Помню, Лео — все помню до мельчайших подробностей. Я и ты всегда были близки, нам не нужны были друзья, потому что кровные узы скрепляли брата и сестру куда сильнее.

— И что же разрушило нашу любовь? — с долей издевки проговорил он.

— Школа, — ответила я, стараясь верить в то, о чем говорю.

— Лия, моя дорогая сестра, ты ведь врешь сама себе, не так ли?

— Я не вру.

— Позволь напомнить, что ты пошла в школу тогда, когда я только-только появился на свет. Ты хочешь обмануть меня, говоря, что самый лучший период моей жизни оборвался на том моменте, когда мама пристроила меня совсем в другую школу — это ведь твоя вина.

— О чем ты говоришь, Лео?

— Амелия, ты ведь могла ходить ко мне в гости, пока я жил у нашей тети, ты могла поддерживать со своим младшим братом связь, которую мы так старательно строили те долгие семь лет, но ты выбрала другой путь — почему? Почему ты променяла нас с мамой на чужака, которому было плевать на тебя?

— Я вас никогда бы ни на кого не променяла! Зачем ты меня очерняешь? — вдруг завелась я, в глубине души чувствуя, что Лео во всем прав.

— Вспомни тот трудный год, когда мама еще была беременна, ты тогда работала в ее магазине, не покладая рук, зарабатывая деньги вместо нее, чтобы мама смогла выносить меня и родить в срок здорового доношенного ребенка. Что же с тобой случилось? Куда делось то детское рвение, способное свернуть горы ради семьи?

— Лео, я...

— Заткнись! — вдруг закричал Леонхардт настолько громко, что мне на секунду стало действительно страшно. — Наша мать была больна, она перенесла лучевую болезнь и на всю жизнь осталась инвалидом, а ты, тупая шалава, променяла собственную семью на мужика, который с самого начала только и хотел, что воткнуть тебе нож в спину!

— Лео, зачем ты на меня кричишь? — едва не плача, промямлила я.

— Потому что наша мама заботилась о тебе, имея даже вторую степень лучевой болезни, а ты этого не ценила. Чем старше ты становилась, тем больше разум затмевался, а в тот момент, когда я пошел в школу и покинул родной дом, ты решила, что можешь жить свободной жизнью одна и бросила мать умирать!

— Это не так! Я не знала, что мама может умереть, честно!

— Можешь передо мной не оправдываться, Лия, я все равно никогда тебя не прощу. Душу греет лишь тот факт, что ты получила заслуженное наказание за свои грехи, потому теперь всегда будешь одинока, не смотря на все свои никчемные усилия!

— Какого черта, Лео? Я думала ты любишь меня! — уже находясь на грани истерики прокричала я.

— Я? Люблю тебя? Да я проклинаяю тот день, когда впервые увидел твое лицо, которое мерещится мне до сих пор, даже когда мое мертвое тело неподвижно гниет в гробу!

— Л-лео...

— Ты за все заплатила, сука — напомнить тебе, как это было?

— Н-нет, пожалуйста, не надо!

— Вот! Полюбуйся! — он вынул откуда-то из-за спины несколько плотных бумажек, которые кинул мне прямо в лицо. — Ты же прекрасно помнишь эти фото, да, маленькая шлюха?

Я посмотрела на пол, куда только что упали эти бумажки, обомлев от увиденного как в первый раз — это были мои обнаженные фото, которые когда-то разрушили всю мою жизнь. Именно из-за них я утратила всю репутацию в школе, именно из-за них все парни начали

меня сторониться, а учителя косо смотрели вдогонку и отводили взгляд при прямом столкновении. С того самого дня и началась эта черная полоса жизни, похожая на проклятие, которое будет преследовать меня до самого гроба, изо дня в день напоминая о себе.

— Амелия Акина, ты тогда училась в средних классах — помнишь? Втюрилась в какого-то ублюдка, который вскружил тебе голову своими лестными словами о бесконечной любви и жизни на берегу Гавайев! Сбежала из собственного дома, бросив маму умирать, не сказав мне ни слова, из-за чего мне пришлось жить в неведении о том, что ей осталось всего ничего! Что ты рассчитывала получить? Деньги, мужчину, секс, будущее? Это все был обман, Лия, а ты получила то, что заслужила — ничего. Он просто одурманил тебя, сделал какие-то жалкие несколько фотографий, из-за которых теперь ни один парень не взглянет в твою сторону, зная, какая ты на самом деле шалава! Это проклятие будет преследовать тебя до конца жизни, никто больше тебя не полюбит, никто не даст счастья, никто не поможет в трудную минуту — и в своих ошибках виновата только ты сама. Ты виновна в смерти мамы, виновна в смерти брата, виновна в своей разрушенной репутации, виновна в крахе бизнеса Акина, виновна в собственной похоти! Что ты можешь сказать в свое оправдание, сестра?

— Что я могу сказать? — отчужденно пробурчала я. — Мне есть, что сказать, а начну я с того, что пошел-ка ты в задницу, Леонхардт Акина!

— Как ты смеешь? — возмутился Лео.

— Закрой рот и слушай! — отрезала я. — Да, я в самом деле целиком и полностью виновата во всем вышеперечисленном, но, вспомнив слова Ашидо и послушав твою фальшь — я все поняла. Пусть он и не знал о сути испытания, в голове крепко накрепко засел пункт о характерности испытуемого, а я все гадала, зачем же нужны такие требования для операции. Теперь я все поняла, ты — всего лишь инструмент Сальвадора, который должен вывести меня на чувства и заставить признать каждое слово — но знаешь что? Ты врешь, специально врешь мне для того, чтобы сбить с толку — я это поняла на том моменте, когда ты заговорил о фотографиях. Мой любимый брат никогда бы не произнес всех тех гадостей, которые я слышала, он бы взял свои яйца в кулак и задал бы трепку гаду, посмевавшему осквернить его кровную сестру!

Глядя в глаза самозванцу, я прекрасно понимала, что иду по верному пути, ведь тот молчал, внимая каждое мое слово, будто я в самом деле почти подобралась к сути испытания — дело за малым.

— Знаешь, Лео, каким бы противным и мерзким ты не был, я всегда видела в тебе только светлую сторону, всегда любила и никогда ни на секунду не забывала о наших узах. Ты прав в том, что я ради своей личной жизни бросила маму, что из-за моей наивности вся жизнь пошла под откос, что магазин мамы обанкротился только из-за меня, но все эти жизненные моменты вовсе не ставят крест на моем будущем. Только сейчас я по-настоящему поняла, что все, в чем ты меня обвинял — это ложь, которая была бы правдой только в том случае, если бы эти слова исходили из моих собственных уст. Это я всегда винила себя в этом, только я видела в себе девушку, которую никто не способен принять и полюбить, в то время как все вокруг твердили обратное, включая тебя. Только лишь я одна виновата в том, что так одинока, но благодаря тебе... нет, благодаря Сальвадору, который заставил меня столкнуться с самой собой лицом к лицу, благодаря Ашидо, который дал мне стимул жить ради мести, благодаря Хорнет, которая делила со мной все невзгоды, будучи самым близким для меня человеком — благодаря им я снова почувствовала себя живой. Они дали мне

понять, что только я одна препятствую своему счастью, в то время как другие стараются вытянуть меня из пучины наружу. Думая об этом, я понимаю, что мне не хватает только прощения от самой себя, потому говорю об этом прямо сейчас — Амелия Акина, я прощаю тебя, какой бы гнилой внутри ты не была.

Договорив, я заметила, что слезы уже обсохли, а Лео смотрел на меня с широкой и доброй улыбкой, а рядом с ним стояла мама. Только-только я перестала плакать, слезы тут же водопадом потекли по щекам вновь, не останавливаясь ни на секунду.

— Амелия, дочь моя, — заговорила мама, — я тебя прощаю за все. Я не могу держать на тебя зла, ведь какая я тогда мама, если ненавижу собственное дитя? Иди по своему жизненному пути с высоко поднятой головой, ты заслуживаешь счастья в той же степени, что и все другие люди на нашей огромной планете Земля. Я люблю тебя, Лия.

— Мама...

— Лия, сестра моя, ты молодец, — заговорил Лео, заметно изменив свой тон на более мягкий. — Человеческие грехи нельзя смыть, их можно только отпустить, так отпусти же это тягостное чувство вины, которое тянет тебя вниз — ты ведь на самом деле очень даже красивая.

На этом моменте меня будто проткнуло колом — таких искренних слов я еще ни разу в жизни не слышала, а первыми стали именно те, что донеслись из уст родного брата, заставив меня наконец почувствовать себя самой обычной девушкой.

— Лия! Лия вставай! Слышишь меня? — донесся голос Ашидо откуда-то из пустоты.

Что ж, похоже, испытание можно считать пройденным. До чего же все-таки больно признавать свою вину, чтобы впоследствии ее отпустить. Значит, в этом и есть суть испытания Сальвадора — понять и простить?

— Ох, очнулась, как гора с плеч, — проговорил сидящий в маске напротив меня Ашидо, сменивший вид растворяющихся в воздухе родных своим собственным.

— А-ашидо! — наконец оклемалась я, закричав что есть мочи, вцепившись ему в одежду и начав истошно рыдать.

В этот момент я даже не думала о том, что мараю кофту своими соплями, мне просто хотелось выплакать все, что накопилось внутри за эти долгие годы.

— Все хорошо, поплачь. Тебе ведь тоже пришлось нелегко, а? — Ашидо приобнял меня одной рукой, в то время как второй ласково поглаживал по спине, но я в этот момент совсем не чувствовала страха, как раньше, напротив, рядом с ним я чувствовала себя в безопасности, в тепле и под надежной защитой.

Еще какое-то время я надрывисто плакала, но вскоре успокоилась, после чего наконец нашла в себе силы осмотреться, дабы понять, где мы вообще сейчас находимся. Я точно не помню, в какой именно момент оказалась внутри испытания, но знаю наверняка — я была на ногах, а очнулась уже сидя на скамейке в компании Ашидо. Ринна и Лаффи тоже были тут, но они находились будто бы во сне на таких же скамейках, по всей видимости все еще в процессе испытания. Кстати говоря, босс ведь тоже справился с ним, раз уж сидит здесь со мной.

— Ашидо, ты прошел испытание? — спросила я, говоря все еще заплаканным голосом.

— Да, и, честно говоря, это было ужасно, — ответил он.

— Не расскажешь, так ведь?

— Личная жизнь человека не должна касаться других, но ты ведь моя хорошая подруга, так ведь?

— Да, Ашидо, так и есть, — согласилась я, испытав искреннюю радость и впервые за много лет почувствовав себя счастливой от таких простых слов.

— Не буду описывать в подробностях, но могу сказать, что Сальвадор заставил меня простить себе убийство родителей, простить то, как я бросил Коннора умирать от рака, простить себя за смерть семьи Ишимару, Леонхардта, Каори и Хандзо, простить себя за то, что не уберег Лаффи и за собственную слабость.

— Ох, — я не смогла выдать из себя ни слова, осознав, какими ничемными кажутся мои проблемы на фоне его тяжелой судьбы. — Ашидо, ты большой молодец, немногие бы выдержали все то, что тебе пришлось пережить.

— Спасибо, Лия, такие слова греют душу, — размяк он. — Знаешь, мне было очень тяжело смотреть на горы трупов и слушать тонну всех возможных обвинений в свой адрес, как и тебе — но мы справились, потому мы оба заслуживаем похвалы. Молодец, Лия, ты просто большая молодец.

— А-ашидо, можно тебя кое о чем попросить? — вдруг опомнилась я, встав со скамейки и легонько приподняв его в стоячее положение.

— О чем же?

— Тебе это, должно быть, не понравится, но я хочу знать, заслуживаю ли я человеческого счастья.

— Еще как заслуживаешь, но я что-то никак не могу уловить суть твоих намеков, — опешил он.

— Ашидо, скажи, пожалуйста, как я выгляжу? — я замерла в ожидании.

— Ну, вполне естественно, ярко и привлекательно, — ответил он, все еще, по всей видимости, не понимая меня, даже не предполагая, сколько девичьего счастья заложено в такие слова.

— Ашидо, я сейчас сделаю что-то, что ни тебе, ни Юмико не понравилось бы, потому прошу хотя бы на секунду забыть о том, что она у тебя есть — ради меня, хорошо?

— Тебе от этого станет легче? — с долей сомнения спросил он.

— Я буду знать, что все это время ошибалась и на самом деле заслуживаю быть любимой, — проговорила я с дрожащими руками и красным от напряжения лицом.

— Хорошо, делай, что должна, — согласился он.

Аккуратными движениями я убрала капюшон, сняла с лица Ашидо маску и, отложив ее в сторону, ласковой хваткой взялась за его щеки, позволив себе впервые за двадцать три года расплыться в нежном и искреннем поцелуе с парнем, который с самого начала смог увидеть во мне красивую девушку, душу которой изранили те, кто на него совсем не похож.

Знаешь, Ашидо, на моем месте любая девушка была бы счастлива, ведь твоя снисходительность и любовь к друзьям притягивает к тебе добро.

— Спасибо, Ашидо — большое человеческое спасибо.

Глава 34: Искусство — это смерть

— Как же здесь все-таки темно, — подумала я, оказавшись в полной незримости и одиночестве, хотя еще секундой ранее находилась в окружении сокомандников.

Смею предположить, что испытание уже началось, и мне оно уже не нравится, ведь приходится двигаться наощупь и ломать голову по поводу того, что оно вообще из себя представляет и есть ли у меня шансы выбраться отсюда живой.

— Алло, есть кто живой? — прокричала я в пустоту, но ответа, очевидно, не последовало.

Бесит. Сколько еще времени нужно убить на то, чтобы найти выход? Как я знаю, Илия Кишин уже проходил это испытание и справился с ним, но у него ведь есть ночное зрение — а мне-то как выкручиваться, если даже зажигалки в кармане нет? Светиться как радиоактивный гриб я не умею.

На самом деле такая обстановка очень сильно нагнетает и не дает сконцентрироваться на важной цели, выводя на неприятные и навязчивые мысли, не говоря уже об ощущении одиночества.

— Эй, — кто-то неизвестный похлопал меня по плечу, стоя позади.

Я тотчас обернулась, но в такой темноте разглядеть неизвестного никак бы не вышло, однако я все еще могла почувствовать его осязательно, но любые попытки наткнуться на инкогнито заканчивались одинаково тщетно.

— Эй, тетя, я здесь! — послышался высокий детский голосок, исходящий откуда-то снизу.

— Что? — оторопела я, озираясь по сторонам, все еще не понимая, откуда исходит этот голос.

В какой-то момент темнота стала рассеиваться, и пелена сменилась вполне привычным видом среднего зала храма, войдя в который я как раз и затерялась в крошечной тьме.

— Ой, кто это у нас тут? — наконец заметила я маленькую девочку, стоящую в непосредственной близости и глазеющую на меня большими заинтересованными красными глазами.

— Здравствуйте, тетя! — заговорила девочка с забавными косичками, характерными для младшекласников.

— Здравствуй, солнышко! Что ты здесь делаешь? — спросила я, стараясь делать вид, что гляжу на нее, пока фактический взгляд бегал по комнате в поисках остальных.

— Я пришла сюда ради кары! — улыбнулась она.

— Ого, что за кару ты ищешь? — поинтересовалась я, подумав, что та где-то потеряла родителей, вспомнив о значении слова «кара», говорящем о, наверное, башкирских родах.

— Я ищу кару для Ринны Регер! — довольно воскликнула она.

— Не шути так, — нервно посмеивалась я, все больше подбираясь к осознанию, что что-то здесь не так.

— Это не шутки! Тетя Ринна заслужила справедливой кары!

— О чем ты говоришь, малышка? — не на шутку перепугалась я.

— Тетя, наклонитесь, пожалуйста, — она подзывала меня характерными легкими взмахами ладоней.

Из-за своей любви к маленьким детям я не смогла бы отказать, потому сразу же

откликнулась и наклонилась, тогда девочка собралась прошептать мне что-то на ухо. Придвинувшись боком головы к ее губам, я замерла в ожидании того, что она заговорит, но та почему-то молчала, пока я в один момент не почувствовала резкую и острую боль в глазах, от чего сразу же отшатнулась и упала на пол, схватившись за лицо.

— Что это? — истошно прокричала я от того, что нащупала какой-то посторонний предмет, торчащий прямо из глаз.

Боль была ужасная, обзор снова замылился, погрузив меня обратно в темноту, которую я, судя по всему, уже начала панически бояться. Такое неожиданное ранение заставило меня по-настоящему испугаться — я схватилась за инородный предмет, узнав в нем большие металлические ножницы для шитья, которые сразу же вынула.

— Ну же, давай, — приговаривала я в ожидании регенерации, пока зрение наконец не вернулось.

Не знаю, кого стоит благодарить за то, что мои глаза смогли излечиться, даже когда я из-за паники сильно сомневалась в таком исходе, но стоит отдать должное этой силе, потому что любой другой на моем месте сразу лишился бы глаз и остался инвалидом на всю жизнь.

— Маловато, — вновь заговорила девочка.

— Это ты сделала? Зачем? Какое плохое зло я тебе причинила?

— Ты убила маленького ребенка, — пояснила девочка.

— Никого я не убивала, — спокойно ответила я, не понимая, о чем идет речь.

— Ага, как же, — фыркнула она, — а меня тогда кто убил? Разве не ты?

— О чем ты вообще говоришь?

— Помнишь того дядю, который хотел помочь тебе? Большой толстый дядя в «Вишневом» сквере? Серое пальто, огромные галоши...

— Что ты хочешь мне этим сказать?

— Ты была пьяна, Ринна, — осуждающе проговорила девочка, поставив мне ногу на спину, пока я все еще была прикована к полу. — Он же просто хотел помочь, отвести тебя к себе в маленький частный домик, накормить до отвала и дать ночлег, а ты просто избивала его до потери сознания.

— Да, было такое, но никакого ребенка я не убивала!

— Ты не помнишь этого Ринна, но вина за содеянное все равно лежит где-то глубоко в твоём сердце — или нет? Насколько же ты на самом деле бездушная?

— Девочка, что ты...

— Ринна, ты в самом деле убила маленькую девочку — меня. Избитый тобой добрый дядя практически замертво рухнул на землю, придавив собственную дочь тяжелой тушей, из-под которой она бы не смогла выбраться. Ты ушла и оставила меня умирать от удушья, хотя могла поднять его и спасти тем самым невинное дитя. Чем я заслужила такой участи? Что плохого сделал тебе мой папа, что ты убила его собственную дочь?

— Я... помню...

— Видишь, грешница — ошибки всегда напоминают о себе, даже когда ты уже почти позабыла. Мой папа был бесплодным, всю свою жизнь он мечтал завести ребенка, и эта мечта однажды исполнилась, когда тот был уже стар. Этот человек не смог смириться с тем, что собственным лишним весом убил родную кровушку, весь остаток своей жизни винил себя в том, что, если бы он не был таким толстым — все могло бы быть иначе. Он так и не признал твоей вины, а теперь вынужден тлеть на одной из картин Сальвадора — это все твоя

вина, две погубленные жизни тебе этого не простят.

— Это не правда — ты лжешь, — отрицала я, в глубине души понимая, что такой сценарий имел место быть, ведь я правда избивала того мужчину, а вместе с ним в тот день была девочка.

— Это правда, Ринна, — послышался до боли знакомый голос, — признай, что ты убила ребенка.

— Артур? — опомнилась я, обернувшись в сторону источника звука.

— Ты и меня убила, Ринна, — с презрением смотрел на меня возлюбленный, которого я любила больше собственной жизни.

— Артур, прости меня! Я хотела тебя спасти и не смогла, прости!

— Тебе нет прощения, Ринна, — отстранился он. — Даже если бы я простил тебя — остальные бы продолжили желать смерти. Вот, например, Каори, — он показал пальцем куда-то в сторону.

— Привет, подруга, — вдруг заговорила женская фигура, в которой я сразу же признала свою подругу Каори. — Артур ведь прав — это из-за тебя гвардия сожгла типографию.

— Это не правда! Ее сожгли намного позже моего последнего визита!

— Это правда, Ринна, ведь если бы не ты, Ашидо Такаги не пришел бы в типографию, его бы не узнала женщина на входе и не вызвала бы гвардию — это все твоя вина.

— Позор, — раздался громкий бас, который мог принадлежать только одному человеку — моему отцу Роберту. — Моя дочь оказалась не простой оборванкой, выбравшей жизнь в низшей прослойке, а самой настоящей убийцей.

— Папа...

— Хочешь сказать, что ты совсем не чувствуешь вины за содеянное? — вновь заговорил Артур, сверля меня взглядом своих бесконечно голубых глаз.

— Чувствую, — смирилась я, — вы во всем правы, все эти грехи лежат только на моей совести и ни на чьей больше.

— Ринна, ты ведь помнишь те времена, когда еще училась в школе, а? Тот самый период юношеской ветрености — завязку нашей любви.

— Помню, Артур, все помню, — подтвердила я, чувствуя, что уже не контролирую слезы.

— Это ведь я сделал тебя такой, — вдруг поник он. — Ты потеряла голову от любви и видела перед собой только то, что хочешь видеть — меня. Тогда в «GenTask» ты могла спасти меня, но не стала, из-за чего я умер, и последняя здравая частичка твоего сознания утонула в пучине безумия, из которого проросли и остальные грехи. Ты начала пить, курила по пачке сигарет в день и даже пробовала тяжелые наркотики, хотя всю свою осознанную жизнь придерживалась позиции спортивного и здорового отношения к своему организму — а все потому, что я был тебе дорог настолько, что весь остальной мир на моем фоне выглядел совсем серым и безжизненным — пустым. С тех самых пор, как я умер, все думаю — а был ли иной выход? Если бы тогда я всадил иглу не тебе в шею, а себе — что бы тогда изменилось? Эти люди смогли бы и дальше жить обычной жизнью и стремиться к своему счастью, или весь этот кошмар повторился бы? Стал бы я жить дальше или мне пришлось бы уподобляться тебе, становясь безразличным ко всему живому чудовищем?

— Артур, не вороши прошлое, оно ведь уже давно минуло.

— Ринна, дело не во мне — я ведь умер. Дело здесь только в тебе и только ты во всем виновата, а я — лишь послеобраз, который должен напомнить тебе о твоих грехах.

— Кажется, теперь я все поняла, — вдруг осознала я, почему все они меня в чем-то обвиняют, не обходя стороной даже то, чего я не помню.

— И что же ты поняла, Ринна Регер?

— Прежде чем скажу, мне нужно удостовериться. Где та маленькая девочка, которую я убила? — спросила я, стараясь найти ее в толпе обвинителей.

— Я здесь, — откликнулась она, стоя ко мне чуть ли не вплотную.

Я присела рядом с ней на корточки, желая все-таки разузнать кое-что очень важное, что могло помочь мне докопаться до сути испытания Сальвадора. Теперь я точно понимала, что нахожусь в нем, ведь в реальном мире все мертвые люди уже давно лежат в гробу.

— Скажи мне, радость моя, что стало с твоим папой после того, как ты умерла?

— Зачем тебе это знать? Ты же бездушная, — фыркнула девочка, в очередной раз напомнив мне о собственном «я».

— Отнюдь, я спрашиваю тебя именно потому, что мне не все равно — хочу докопаться до истины, хочу знать, что пришлось пережить этому человеку после столь ужасной утраты.

— Правда?

— Правда.

— Что ж, он сейчас в куда лучшем месте, чем все мы — на картине. После моей смерти папа не мог найти себе места, все время калечил себя и думал о самоубийстве, но даже его слабенькую человеческую душу можно было спасти. Тогда-то он и пошел к старику Сальвадору — попытать удачу в испытании и попробовать принять себя, но он не смог. Вспоминая детское тело в маленьком гробике и тонну пролитых слез на похоронах, он так и не простил себя, потому теперь тоже мертв, но его душа все еще где-то живет — где-то в мире грез, где все его желания и мечты сбываются, где нет никаких раздоров, нету боли и печали — там, где не существует страданий.

— Попалась! — громогласно рявкнула я, наконец поняв, как отсюда выбраться.

— Что? — оторопела девочка.

— Ты сама все мне сказала, растяпа! — радостно лепетала я. — Он не смог принять твою смерть и простить себя, даже если сам был не виноват. Это и служит ключом к испытанию: не простишь себя — умрешь! Теперь я все поняла!

— Ничего ты не поняла, Ринна, — вмешался Артур.

— Еще как поняла, фальшивка! Все вы здесь ненастоящие! Ты, кстати, тоже проболтался, Артур.

— Я? — опешил он.

— Ага, на том моменте, когда сказал, что нужен только для того, чтобы напомнить мне о собственных грехах, — пояснила я.

— И какой из этого всего следует вывод?

— Вывод таков, что я, в самом деле, виновата, и все эти смерти лежат на моей совести только потому, что я сама виню себя в содеянном. Но то, что уже минуло и чего уже не вернуть, будь то пропитые деньги или человеческая жизнь — это все уже не так важно, ведь я давно вас отпустила — всех, кроме тебя, Артур. Ты был прав, когда говорил, что кроме тебя для меня в этом мире ничего больше не существует, но даже этот период давно прошел, ведь теперь у меня есть настоящие друзья и бесподобный лидер, который поможет мне отомстить за твою смерть, а это значит, что я добьюсь справедливости и тогда наконец смогу отпустить тебя — только лишь за этим я сегодня сюда пришла. Мне не в чем винить себя, если будущие свершения перекроют все прошлые грехи, потому я, Ринна Регер, прощаю

себя за все! Я отпускаю все совершенные грехи и клянусь перекрыть их добром, чтобы жить, ни о чем не жалея!

— Ринна...

— Артур, лучше уходи — ты ненастоящий и мне тебе нечего сказать, но, знаешь, если ты в силах передать мои слова настоящему Артуру, скажи ему, что я согласна и... очень люблю его.

— Хорошо, я обязательно все ему передам, — он расплылся в невероятно яркой и прекрасной улыбке, за которую я так его полюбила когда-то давно...

— Тетя Ринна! — одергивала меня маленькая девочка. — Обещаешь делать только добро?

— Обещаю, солнышко, буду стараться ради тебя! — улыбнулась я.

— Хорошо, я прощаю тебя, тетя Ринна, — улыбнулась девочка.

Как ни странно, все в этот момент начали странно светиться, будто-то бы исчезая.

— Я прощаю тебя, дочь, — пробормотал отец.

— И я прощаю тебя, подруга, — подхватила Каори.

— И я тоже... прощаю тебя, любимая, — напоследок произнес Артур, растворившись где-то в небытие.

***

Ощущения собственного физического тела наконец вернулись, я смогла открыть глаза, оказавшись в самой настоящей и неподдельной реальности, ведь в зазеркалье запаха пыли не существует. Испытание прошло так, будто это был один большой кошмарный сон, но, проснувшись, я почувствовала, что мне стало по-настоящему легко, будто бы тяжкий груз вины наконец спал с плеч, открыв для грешной души новые горизонты.

Немного осмотревшись, я заметила фигуру Лаффи, лежащую на скамейке в том же положении, в котором была я, когда проснулась — все еще проходит испытание. За ней вдалеке сидел какой-то старик с палитрой, старательно вырисовывая что-то на холсте толстой кистью — Сальвадор, по всей видимости.

Продолжая осмотр, я наткнулась на фигуру Ашидо, который стоял ко мне спиной, а за ней виднелись кусочки одежды Амелии, тоже твердо стоящей на своих ногах. Оба были на левой стороне зала между скамейками, в то время как мы с Лаффи ютились на правой.

— Хей, голубчики! — окликнула я их, подскочив с места, после чего пошла на сближение.

Они меня заметили и оба повернулись навстречу, только вот Амелия стояла там с таким красным лицом, будто часа три висела вверх ногами где-то на ветке дерева.

— Справилась, а? — улыбнулся Ашидо, когда я наконец подошла поближе.

— Такая херня эти ваши испытания! — возмутилась я, хотя на самом деле так не думала.

— И не говори, — согласился он.

Глядя на Амелию, я заметила, что та очень сильно нервничает: взгляд всюду бежит, но на мне точно не задерживается; сжимает рукой низ юбки, а еще неестественно елозит пальцами ног, которые хорошо видно в той обуви, которую она носит.

— Чего разнервничалась, сложно было? — обратилась я к ней.

— Д-да, очень неприятно, — подтвердила Амелия, не вложив в свои слова ни капельки убедительности.

— Она тебе что-нибудь говорила? — поинтересовалась я у Ашидо.

— Лучше не знать, — отстранился он.

— Кислые вы, ребята, — вздохнула я. — Слушайте, а там ведь Сальвадор сидит, да? — я указала пальцем на загадочного старика-художника.

— Идем, нам есть, о чем с ним поговорить, — приказал Ашидо, тут же протиснувшись между мной и скамейкой.

Мы с Амелией пошли следом, все больше чувствуя дискомфорт от сближения с некто, выглядящим так, будто он находится на грани жизни и смерти. Подойдя поближе я могла хорошо рассмотреть человека, одетого в старей деловой костюм с жилеткой вместо пиджака соломенного цвета, он весь был в пятнах краски. Сам старик был, очевидно, седым с лысой макушкой, хотя остальных волос на его голове было в излишке, включая бороду.

— Здравствуйте еще раз, гости, — поприветствовал он нас каким-то добрым и приятным голосом престарелого человека.

— Сальвадор, я полагаю? — уточнил Ашидо.

— Он самый, дитя мое, — подтвердил Сальвадор, даже не отрываясь от картины. — Вы ведь пришли сюда за ответами на мучащие вас вопросы, да?

— Да, это так.

— Что ж, придется подождать последнего участника испытания, а пока я хочу вам кое-что показать — идемте, — он с тяжестью поднялся со своей деревянной табуретки, отложил в сторону принадлежности для рисования и поплелся в сторону маленькой лестницы, которая в привычных храмах была приспособлена для подъема к алтарю на высоту пары-тройки ступенек.

Поднявшись на солею, мы приблизились к массивным шторам, за которые разваливающийся на ходу старик сразу же нырнул, вынуждая нас тоже пройти внутрь. Ашидо был первым, кто без задней мысли прошел за шторы, а за ним уже последовала я, потянув за собой Амелию, которая могла бы перепугаться и не пойти.

Стоило только мельком глянуть на то, что находится за шторами, сразу стало как-то не по себе. Перед нами была действительно большая комната с тусклым освещением, внутри которой все было забито ненакрытыми картинами, стоящими на мольбертах так, будто здесь все время проходит какая-то выставка.

— Так вот откуда все эти следы, — вдруг осенило Ашидо. — Это были не шепоты, а картины...

— Все верно, Ашидо Такаги, — подтвердил Сальвадор, — это от них исходит та энергия, которую ты так отчетливо почувствовал еще на входе.

— Ты знал о том, что мы придем?

— Нет, но почувствовал вас, когда вы подошли достаточно близко.

— Я совсем не понимаю, — Ашидо выглядел напряженным. — Почему внутри этих картин так много энтропума, а внутри вас, Сальвадор, практически ничего нет?

— Ох, дитя, тебе еще многое предстоит узнать об устройстве нашего мира. Взгляни на картины — что ты видишь?

Старик говорил какими-то загадками, хотя я все равно немного понимала, о чем идет речь. На картинах были изображены портреты людей, а вокруг них какая-то абстракция — везде разная. Все они выглядели очень реалистично, будто бы человек, с которого он срисовывал, сидел тут неделями ради собственного портрета, который все равно остался бы здесь. Вспоминая о том, что сказала та маленькая девочка, я чувствую, как ужас пробирает до костей, ведь в том случае, если это правда — это очень тяжело уложить у себя в голове.

— Портреты людей, — ответил Ашидо.

— Именно, мальчик мой, — подтвердил очевидное старик. — А как ты думаешь, что в них такого особенного?

— Честно говоря, не знаю.

— Эх, никаких новых ответов, — вздохнул Сальвадор. — Эти картины по сути своей уникальны, ведь внутри них содержится целый мир — страна грез, где все подчиняется человеку, заключенному в холсте.

— О чем вы? — спросила Амелия, совсем не понимая сути, в то время как Ашидо, судя по выражению лица, вполне осознавал истину.

— Вы трое уже прошли мое испытание и смогли простить себя, сбросить тяжкий груз вины, который тащится следом в любую погоду сквозь время и пространство, обременяя и обрекая на страдания. Никто из вас никогда более не сможет попасть на один из этих мольбертов, а вот те люди, которые так и не смогли смириться с тяжестью на плечах, которые были не в силах простить себя — они теперь здесь со мной, навеки заперты внутри собственных портретов, где отныне живут счастливо, забыв о тех проблемах, что преследовали их по жизни.

— Но... как можно заключить человека в картину? — заикаясь, проговорил Ашидо, находясь в явном ошеломлении.

— Все просто, — ни секунды не думая ответил Сальвадор. — По окончании испытания с провалом человек не возвращается в реальность — к тому моменту он уже мертв. Я изымаю внутреннее сознание своего дитя и бережно храню его до тех пор, пока картина не будет готова. То тело, что принадлежало жертве судьбы при жизни, я полностью перерабатываю в материалы для красок, которые потом сливаются с холстом, рождая для человека мир его потаенных и очевидных желаний, где душа может получить то, чего не получила при жизни, а его прекрасное лицо надолго увековечивается в стенах этого храма.

— Поверить не могу, — отчужденно мямлил Ашидо. — Все эти картины — люди? Неужели каждый портрет принадлежит человеку, умершему на испытании? Их ведь здесь около полусотни!

— Именно так, Ашидо Такаги.

Пока эти двое разговаривали, я внимательно просматривала лица умерших. На холстах были изображены и дети, и взрослые, где-то были престарелые люди и гвардейские служащие, на одном даже была собака породы лабрадор, но больше всего взгляд зацепил портрет человека, которого я хорошо запомнила благодаря сегодняшнему дню.

— Что с тобой, Ринна? — одернула меня Амелия. — Ты вся трясешься, все нормально? Ты знаешь этого полного мужчину?

— Н-нет, не знаю, — соврала я. — Все хорошо, Лия, просто немного устала.

— Понимаю тебя, мы все сегодня очень устали. Вернемся домой и хорошенько отдохнем, а сейчас постарайся хотя бы немного прийти в себя.

— Угу.

— Пойдем, — она приобняла меня и положила руку на плечо, уводя подальше от портрета с подписью «Фредерик, безнадежный отец Фредерики».

Не могу смириться с тем, что я виновна в смерти ребенка, но испытание как-то прошла, будто оно нужно только для того, чтобы заставить человека поверить в то, что однажды он сможет себя простить.

— Ну, думаю, можем перейти к вопросам, — заговорил Сальвадор, стоило нам

вернуться в компанию.

— Погоди, старик, ты же говорил, что мы ждем последнего участника, — опомнился Ашидо. — А как же Лаффи?

— Боюсь, она не сможет получить ответ на свой вопрос.

— Что все это значит?

— Ашидо, твоя подруга детства с самого начала не была готова к этому испытанию, — пояснил он. — Девочка получила слишком много боли от жизни, при этом сама не причинила никому такой боли, за которую могла бы себя винить.

— Она...

— Лаффи Харуна сейчас на грани срыва — она не пройдет испытание.

— Н-нет, — голос Ашидо задрожал, — нет, она не может умереть, так нельзя!

— Таковы правила, мальчик мой, — спокойно ответил Сальвадор. — Искусство — это смерть, а смерть есть новое начало. Ей будет лучше, если я нарисую ее портрет.

— Отмените испытание! — приказал Ашидо. — Я не дам своей подруге детства вот так умереть!

— Нельзя отменить испытание — его можно только пройти или провалить.

— Лаффи! — прокричал он, после чего бросился обратно в средний зал, скрывшись за шторами.

Мы устремились вслед за ним, выбежав в ту же комнату, где была Лаффи, после чего столкнулись с действительно пугающей картиной.

— Лаффи, проснись! Ну, вставай же! — кричал Ашидо, неистово тряся бессознательную подругу, которая все никак не подавала признаков жизни.

За этим было очень страшно наблюдать, осознавая, что твоя подруга в любой момент может умереть — или уже давно мертва. Сила Сальвадора стоит за гранью нашего понимания, и как вытащить человека из лап того, чью силу не понимаешь, никто не знает.

— Вытащи ее! — Ашидо оголил свой меч, направив его на выходящего из-за штор Сальвадора.

— Не могу, — сказал старик, идя навстречу.

— Я сказал, вытащи ее!

— Смирись, ей уже конец, — пробормотал Сальвадор. — Лучшее, что ты сейчас можешь сделать — позволить мне нарисовать для нее дивный мир.

— Для Лаффи на свете нет дивного мира, если в нем нет меня!

— Ну, так я и тебя в нем нарисую, только ту версию, которая ее не отвергнет, — осекся старик.

— Я убью тебя! — в ярости прокричал Ашидо, перейдя на бег, после чего подпрыгнул и занес меч для удара, устремив его в сторону Сальвадора, но в последний момент остановился, едва не коснувшись шеи.

— Что-то не так? — спросил старик, который даже усом не повел.

— Она ведь умрет, да? — едва сдерживая слезы спросил Ашидо.

— Убьешь меня — она тоже умрет.

С каждой секундой мой рассудок помутнел все больше — теперь я точно не знаю, что делать. Неужели Лаффи просто умрет, а мы, горе друзья, даже не сможем ничего сделать? Не уверена, смирился ли Ашидо, ведь я не могу прочитать то, что находится у него в голове, пока он бездумно ходит по кругу, то ли дело хватаясь за голову.

В какой-то момент наш босс перестал убиваться и начал внимательно осматриваться по

сторонам.

— Вижу, — вдруг произнес он, разрушив действительно напряженное молчание. — Девочки, по команде! — прокричал он, после чего вытянул перед собой руку, стоя на линии между Лаффи и Сальвадором.

— НЕТ! — вдруг истошно заорал старик.

— Сейчас! — Ашидо схватился за что-то неосязаемое в воздухе, как тут же из его кулака вылетели ярко-синие всплески энергии, которые не спутаешь ни с чем.

Я мгновенно поняла, что нужно сделать, потому сразу же схватилась за стоящий у стены арматурный прут, затем замахнулась и отправила его в полет. Секунду спустя он уже глубоко вошел в голову Сальвадору, его мозг вылетел из черепной коробки и распластался по полу, руки задергались, ноги стали подкашиваться.

— Мертв, — подумала я, но тот вдруг растворился, превратившись в ту же самую синюю энергию, после чего та улетела куда-то за шторы.

В этот момент Лаффи резко проснулась и закричала так, будто только что появилась на свет. Из ее глаз полились слезы, нашу подругу трясло так, словно от удара током — она ничего не понимала и старалась разом выплеснуть все навязчивые эмоции. Будь мы в другой ситуации, накричали бы на нее, но сейчас, когда сознание говорит о том, что мы только что спасли ее от неминуемой смерти — все просто рады, что Лаффи осталась жива.

— Лаффи! — окликнула ее я, перейдя на сближение.

Хотелось бы спросить, все ли у нее в порядке, но жалобный вой и бесконтрольно льющиеся сопля говорили лишь о невозможности такого сценария. Ашидо же ничего не говорил, он просто тихо уселся рядом и принялся поглаживать ее по голове, прижав дорогого сердцу человека к груди собственными объятиями.

— Между человеком и картиной есть нить, — неожиданно начал пояснять Ашидо. — Это довольно тонкая нить из энтропиума, связывающая испытуемого с испытанием, находящимся в картине в центре — так оно и началось, мы просто оказались в одной комнате с картиной и попались в капкан. Схватившись за связующее звено, я очень сильно рисковал, но все обошлось — Лаффи теперь в безопасности.

— Это было некрасиво, — послышался голос Сальвадора, исходящий из картины, что все это время стояла в центре среднего зала перед рядами скамеек.

За то время, что Ашидо старался утихомирить Лаффи, она уже достаточно успокоилась и вернулась в реальность, наконец поняв, что теперь в ей ничего не угрожает.

— Посиди тут, булочка моя, — произнес он, оставив ослабевшую Лаффи на скамейке, в то время как сам подошел к картине.

Он просто встал напротив, держа в руках меч, и стоял настолько неподвижно, что с нашей перспективы казалось, будто босс находится под гипнозом.

— Это ведь было ненастоящее тело? — наконец заговорил он.

— У меня нет тела, — ответила картина голосом Сальвадора, после чего ее тут же рассекла пополам катана Ашидо.

Две половины холста рухнули на пол, мольберт рассыпался на части, а из картины вылетел сгусток энергии, скрывшись, как и все остальные, за шторами, а наш босс устремился следом за ним. Я не могла просто стоять в стороне и наблюдать, как тот, кто должен командовать, выполняет за нас всю работу.

Зайдя за шторы, я столкнулась с тем, что Ашидо просто стоит на входе и практически не двигается, но, судя по всему, находится в полном здравии.

— Хочешь убить меня, Ашидо Такаги? — прохрипел Сальвадор. — Для этого тебе придется уничтожить все картины в этом здании. Ты уверен, что сможешь лишить счастья людей, чьи судьбы уже давно разрушены такими как ты?

Я видела, как колеблется Ашидо, не имея сил для того, чтобы решить, как же ему все-таки лучше поступить: убить Сальвадора, высвободив души давно умерших людей, которые сейчас, должно быть, счастливы, или уйти, оставив безумного художника в живых. Такой выбор для человека означает дилемму о меньшем из двух зол, где ты можешь легко ошибиться, сделав неправильные выводы о последствиях, потому что я помогу ему принять то непростое решение, к которому склоняюсь сама.

— Ашидо, — я взяла его за руку, стараясь уберечь от поспешного решения. — Лаффи уже пришла в себя, ее жизни ничего не угрожает. Пожалуйста, пойдем домой — хватит на сегодня погубленных душ.

— Ты права, — тяжело вздохнул он после длинной паузы. — Идем домой, оставим его.

Я рада, искренне рада тому, что он послушал меня и принял правильное решение. Этот поступок со стороны лидера говорит о многом, но в первую очередь о том, что Ашидо способен не только вести за собой, но и в нужный момент уступить место тому, кто в подобной ситуации справился бы лучше — это и значит быть командой.

— Правильность своего решения определяйте сами, — вмешался Сальвадор, а я, как человек чести, все еще настроен ответить на ваши вопросы.

— Никакого подвоха? — сомневалась я.

— Никакого, — подтвердил он. — Я не в обиде на вас за пробитую голову и разрубленную картину, ведь я прекрасно понимаю, почему вы так со мной поступили — опыт работы с человеческим нутром.

— Задавай, Ринна, а я пока позову Амелию, — скомандовал Ашидо, направившись в сторону среднего зала, оставив меня один на один с действительно опасным явлением.

— Ну, Ринна Регер, я слушаю твой вопрос.

— Ты точно способен на него ответить?

— Я уже знаю, о чем ты спросишь, потому что ответ мне заранее известен.

— Что ж, тогда ответь мне, кто отдал приказ на зачистку в «GenTask» — конкретное имя.

— Прямой приказ на зачистку в «GenTask» с условием устранения всего внутреннего персонала отдал никто иной, как сам генерал Джонатан Морроу, руководствуясь тем, что королю Гармонии Котаю I не нужны в рядах гвардии и в числе гражданского населения носители «Гена X», поскольку те являются потенциально опасными для действующего режима, как и «GenTask», производящие препарат, способный сделать из человека неконтролируемый и неубиваемый инструмент. Для полноты картины скажу, что сам король не одобрил такого решения, однако его приказ об изъятии препарата и закрытии лаборатории был передан генералу неправильно, из-за чего ты и потеряла своего мужа.

— Значит, я все это время несправедливо винила Котая в смерти Артура? Хочешь сказать, что он ни в чем не виноват, и именно Джонатан Морроу ответственен за его смерть?

— Нет, Ринна, в его смерти повинен тот, кто исковеркал приказ Котая, из-за чего Джонатан организовал операцию с неверными целями и способами их достижения.

— Кто он? Кто этот человек, что исковеркал приказ, назови его имя!

— Прости, Ринна, твой вопрос был не о том, кто донес до генерала ложные сведения, а о том, кто этот приказ отдал — я на твой вопрос ответил.

— Так же нельзя! Ты на него не ответил, шарлатан! — обижено и злобно прокричала я, как в этот же момент к нам вернулись Ашидо и Амелия, а вместе с ними была и Лаффи, еле стоящая на ногах, молчавшая так, будто воды в рот набрала.

— Тише, Ринна, мы все слышали, — вклинился Ашидо. — Все хорошо, у нас есть Илия, который ради тебя заглянет в голову к Джонатану Морроу и скажет, кто его подставил. Сейчас, пожалуйста, дай нам спросить.

— Хорошо, босс, я вам поверю, — смирилась я, хоть и была так близко к отгадке тайны, которую распутываю уже слишком долго.

— Касаемо вашей подружки Лаффи, — продолжил Сальвадор, — на ее вопрос я отвечать не стану, поскольку та не прошла испытание. В таком случае очередь за тобой, Ашидо.

— Фух, — вздохнул он, подготавливаясь, — выдай мне всю информацию о Стивене Колдене: где он сейчас находится, и кто у него есть из союзников.

— Вопрос поставлен правильно, вы быстро учитесь, — с издевкой произнес Сальвадор, подколов этими словами только меня. — Стивен Колден, все еще являющийся действующим главой четвертой исследовательской лаборатории аномальных явлений, в данный момент на постоянной основе работает в офисе компании «Vostok.inc» в собственном отделе генных модификаций на основе аномальных воздействий. Является VIP-персоной, потому находится под постоянной охраной представителя высшей гвардии под оперативным позывным «Калипсо». Сам Стивен практически не располагает посторонними связями за пределами гвардии, не считая коллег по прошлой и нынешней работе, но внутри нее имеет одного довольно влиятельно союзника — Джонатана Морроу.

— Это все или есть, что дополнить? — уточнил Ашидо.

— Этого достаточно для того, чтобы свершить твою месть, Ашидо Такаги.

— Подумать только... Колден, «Vostok.inc» и Калипсо — какая ирония. Благодарю — теперь очередь Амелии.

— Амелия Акина, я слушаю твой вопрос.

— Знаете, Сальвадор, — замялась Лия, — мне кажется, что я уже получила ответ на свой вопрос.

— Бывает и такое, что ответ лежит на поверхности, так ведь?

— Даже стыдно немного из-за этого — но! — вдруг вскрикнула она. — Я хочу задать другой вопрос, который уже долгое время мучает Ашидо.

Слова Амелии на секунду ошеломили нас, никто и не мог подумать, что она пожертвует своим вопросом ради кого-то еще.

— Знаете, мы все пришли сюда с эгоистичной целью получить ответы на невероятные по своей сложности вопросы, но только Ашидо задал такой вопрос, ответ на который был важен не столько для него, сколько для всего «Спектра» — для большинства из нас. Сальвадор, прошу тебя дать ответ на мой вопрос — где сейчас находится Юмико Таканаши?

— Лия, — пробормотал Ашидо, изменившись в лице.

— Я знаю, что для тебя это важно, Ашидо, — улыбнулась она.

— Хм, Юмико Таканаши, — заговорил Сальвадор. — У этой девушки нет постоянного места дислокации, она все время перемещается и не сидит на месте, но могу сказать, что Юмико жива и вынуждена помогать девушке по имени Эмбер Роуз, потому что обязана ей жизнью. Как только Юмико выполнит свою задачу — точно вернется обратно домой, потому как сама об этом мечтает изо дня в день.

— Так она с Эмбер! — воскликнула Амелия. — Как же я рада, что Юмико жива! А ты, Ашидо, что скажешь?

— Знаешь, я много чего мог бы сказать, но скажу только одно — Ашидо улыбнулся, в этот момент он выглядел так, будто ему стало капельку легче ходить по этой брэнной земле. — Спасибо, Лия — большое человеческое спасибо.

Глава 35: Миром правит покер

Каждому ребенку и взрослому в нашем мире прекрасно знакомо понятие нищеты, но все ли знают, что приходится пережить человеку для того, чтобы все потерять? По большей степени в своих бедах виноват сам человек, поскольку пренебрегает теми шансами выкарабкаться, которые ему подкидывает жизнь. Я всегда считала, что любой нищий рано или поздно найдет свое место в мире и однажды будет развезжать на бежевом кабриолете с парой оболстительных дамочек наперевес, пока не столкнулась с тем, что может как и сделать индивида сказочно богатым, так и лишить его всего: денег, родных, имущества и будущего.

Речь идет, очевидно, о покере, да и не только о нем — об азартных играх в целом. Делая ставку ты вынужден откусывать кусочек того, что имеешь на руках, и в этом деле решающим фактором выступает способность вовремя остановиться, чтобы не перегнуть палку в предвкушении куша, который может и не достаться. Судьбу твоей ставки по большей степени решает удача, но есть и некоторые лазейки, повышающие шанс на успех, однако даже они порой играют против тебя в случае, если крупье накинули на лапу, или твой противник оказался мультимиллиардером.

Сомневаться в скупости богатых и глупости бедных нет смысла — первые с жадностью отберут все, чем располагают вторые, так еще и в долги вгонят по самые уши. Но этот азарт — это и есть то, что заставляет играть. Именно перед лицом огромной потери ты чувствуешь себя так паршиво, как никогда не чувствовал, но в противовес встает ощущение невероятного драйва от предвкушения огромного выигрыша — за это я и люблю покер.

— Когда мы уже придем? — устало и недовольно пробормотала Юмико.

— Цыц, цыпа, всему свое время! — рявкнула на нее я.

— Напомни-ка, почему я до сих пор за тобой таскаюсь? — она остановилась и замерла в ожидании, снова залепетав на эту тему.

— Потому что ты обязана мне жизнью, — улыбнулась я в своем стиле.

— Тебе стоило пройти мимо и не помогать мне, чтобы я потом не теряла времени на какую-то херню, Эмбер.

— Расслабься, все чики-пуки — ты почти свободна, хотя мне даже немножечко обидно, что ты не очень дорожишь тем временем, которое провела со мной.

— Ага, — фыркнула Юмико, — я бы посмотрела, как ты сидишь на диванчике и с очень довольной физиономией и ждешь, пока твоя подружка за соседней стеной вдоволь натрахается.

— Да брось, — отмахнулась я, — всего-то один раз такое было.

— Один раз, да — в остальные разы пришлось сидеть на полу, — что же она всем так недовольна.

— Слушай, почему бы тебе тогда не присоединиться к нам в следующий раз? Не моя же вина, что ты не хочешь участвовать в тройничке, — подколола я Юмико, зная, что ей такой формат шуток не очень нравится.

— Обойдусь, — отстранилась она.

— Все еще по бойфренду своему убиваешься? — уточнила я, надеясь услышать необычный ответ.

— Отвянь, — вновь она меня отшила.

— Юми, ты — дура. В мире столько прекрасных горячих парней и таких чикс как мы с тобой, а ты уже год живешь в воздержании — это тупо. Забудь ты о нем, дай волю ручкам и вдохни полными сиськами! — сказав это, я схватилась за ее грудь, стараясь хоть как-то подбодрить эту унылую рожу, но Юмико тут же отмахнулась, да еще и с такой силой, что мне на секунду стало больно.

— Хватит, — грозно прошипела она. — Я уже не одну сотню раз просила не донимать меня по этому поводу. Повторяю в последний раз — никаких тройничков и воли сисек, ясно?

— Ладно, — смирилась я, после чего демонстративно сунула руки в карманы и продолжила свой маршрут.

Пусть со стороны наш диалог больше похож на дружескую неразбериху, в которой присутствует доминант-дониматель и рецессив-жертва, но за этот долгий год мы так и не смогли стать хорошими подругами, хоть мне и хочется верить в обратное. С какой стороны ни глянь, а Юмико — хорошая девушка, ее внутреннее «я» куда лучше моего, потому в некоторой мере я ей восхищаюсь, а вместе с тем все никак не могу понять, почему же эта девушка выбрала путь кровопролития и верности трупу.

— Слушай, Юми, а ты уверена, что вывезешь все это? — спросила я, обернувшись прямо на ходу и продолжив путь спиной вперед.

— Что именно? — уточнила она.

— Ну, борьбу за свободу, мясо, одиночество, меня в конце концов.

— Вывезу, — однозначно и не очень искренне ответила Юмико.

— Все вы так говорите, — вздохнула я, — а потом другим приходится наблюдать за тем, как вы ломаетесь и приходите к саморазрушению. Чем хуже жизнь без обязательств? Ты говоришь, что вам, шепотам, не хватает свободы, но ты сама загнала себя в такие рамки, в которых нет ничего, кроме единственной недостижимой цели. Разве не лучше просто получать удовольствие от жизни и следовать за любой мимолетной мечтой, забывая о ней сразу же, как только поймешь, что это не твое.

— Какой смысл в такой жизни? — непонимающе спросила она, в очередной раз скорчив свою глупую недовольную физиономию.

— Да ты глянь на меня, — я остановилась, встав в такую стойку, в которой каждый сантиметр фронтальной части моего образа будет виден идеально. — В основе моей жизни лежит только кайф и эмо-стайл, я ни в чем себе не отказываю и живу в свое удовольствие — потому-то и счастлива, в отличие от тебя.

— Ага, — она опять фыркнула, — именно поэтому мы сейчас идем бить морду твоему обидчику — потому что ты проживала каждый будний день как последний, в итоге оказавшись в таком тупом положении.

— Слушай, это уже дело принципа, — пояснила я. — Мне плевать на те деньги, которые он мне задолжал, я пришла отомстить за грязный поступок.

— Как его там зовут?

— Гарольд какой-то там, — я развела руки в стороны.

— И это все, что ты узнала за чертов год? — снова завелась Юмико.

— Вообще-то за три, — с довольной ухмылкой поправила я.

— Безнадега, — она уже изрядно вымоталась от моей компании.

Юмико не понять, каково это — не иметь настоящих друзей. В какой-то мере я ей даже завидую, ведь у этой девушки есть не только парень и хорошие друзья, но и твердые

принципы, от которых она не отказывается даже под давлением лестных и мотивирующих слов — безнадега, да.

За эти девятнадцать лет жизни у меня было много людей в окружении, все они прошли со мной через смех и горе, но я никогда не чувствовала, что они для меня что-то значат. Посидев ночь в веселой компании, наутро я уходила уже с другим лицом — буквально. Каждый жаркий секс заканчивался побегом, а потом снова начинался уже с другим партнером, иногда даже с несколькими сразу, но я все равно сбегала вновь и вновь. Один лишь случай смог разорвать безнадежную петлю в цикле извечных побегов — появление Юмико.

Мы встречались и раньше, но именно этот день стал закрепляющим фактором в наших дружеских взаимоотношениях. Если я еще правильно помню, в тот вечер шел какой-то праздник и эта девушка на нем оказалась в центре внимания. Пока я не вступила в «Безымянный» орден, Юмико не делилась причинами своей притягательности для гвардии, но в какой-то момент я все-таки разузнала о деталях того дня.

Когда-то в ордене был еще один человек, которого звали Ашидо — бойфренд Юмико, от которого она, наверное, была без ума настолько, что согласилась пойти с ним в самое пекло, которое и стало его могилой. Он тогда бесследно пропал вместе со своим кровным врагом, которого все они называли Хандзо, и оба в конечном итоге так и не объявились.

— Юмико, — прервала я неловкое молчание, — а ты не могла бы рассказать мне подробнее о том, что случилось в тот день до того, как ты меня встретила?

— Ты уже все знаешь, — отстранилась она.

— Я знаю, что было до и после, но сюжет в промежутке между этим мне неизвестен.

— Просто поболтать хочется, да? — Юмико видела меня насквозь.

— Да, пожалуйста.

— Ну, раз уж ты способна на «пожалуйста», я тебе напомню, — наконец перевернулась она в лице. — После того, как Ашидо исчез за куполом Хандзо, я осталась там совсем одна: без поддержки, без связи, без шансов на выживание. В прямом столкновении с любым из тех, кто стоял на площадке бок о бок с королем, я бы не выжила — оставалось только бегство. Котай оказался на удивление снисходительным и дал мне десять секунд на получение форы перед отрядом гвардейцев, которой я воспользовалась сполна, но этого было мало.

— Дай угадаю, дальше ты просто бежала через переулки, пока не наткнулась на меня? — попыталась я угадать.

— Ну ты кэп, — усмехнулась Юмико, — метишь прямо в очевидное.

— А потом я тебя спасла — это было очень мило! — я снова пристала к ней с объятиями.

— Ты просто сыграла на моей совести, коза драная, — Юмико отпихнула меня, как обычно. — Я бы и без твоей помощи справилась, скрывшись в канализации в одиночку.

— Обижает.

— Сделаешь нормальное лицо, и я, может быть, поверю, — опять отмахнулась она, прекрасно понимая, что я утрирую.

Честно говоря, мне на самом деле немного обидно, что Юмико так обесценивает мою помощь, хотя я очень хотела в тот момент ей помочь, даже если бы этот поступок был бескорыстным.

Мы пересеклись с Юмико в переулке, я тогда приняла образ рядового гвардейца для

того, чтобы спокойно разгуливать по улицам, не думая о возможных неприятностях, но они все равно нашли меня. Когда я проходила через переулок, то наткнулась на бегущую навстречу девушку, облик которой казался больно знакомым, и только когда она занесла в моем направлении «Нит», я вспомнила это лицо.

Еще тогда я могла умереть, если бы не перевоплотилась обратно в привычную Эмбер, лунное сияние которой заставило Юмику остановиться. Поняв, что ее преследует гвардия, я попросила девушку довериться мне, после чего моя кожа вновь скрылась под толстой формой гвардейца, а едва знакомая мне девушка оказалась прижатой моим собственным коленом к земле.

Через какие-то считанные секунды гвардия все-таки нас настигла, но самое забавное в этой ситуации было то, что они реально купились на такой дешевый трюк. Когда я подозвала к себе остальных, чтобы те помогли повязать Юмику, стоило лишь на секунду потерять бдительность, как холодное лезвие моего складного клинка тотчас перерезало им глотки.

Уверена, Юмику и сама бы справилась, но этот случай заставил меня почувствовать, что между нами проскочила искра, давшая начало новой дружбе, которую я наконец-то могла назвать настоящей. Не знаю, поступают ли так друзья, но я отыгрываюсь на ее совести и чувстве долга, из-за которых Юмику так долго ютится в моей компании, будучи обязанной помочь мне в одном дельце.

— Почти пришли, — заговорила я, заприметив характерные детали знакомого химического завода.

— Наконец-то, — с облегчением промямлила она.

Не могу винить Юмику за то, что она бывает груба и чрезмерно прямолинейна. Изо дня в день я наблюдаю за тем, как моя подруга страдает, даже не испытывая желания искать источники минимального удовольствия — вот же упертая. Ко всему прочему добавляются мои довольные стоны по ночам и идиотские подколы, которых никак не избежать. Хотелось бы ей все высказать о том, как она мне на самом деле дорога и как я благодарна за этот год, что мы провели вместе — по большому счету только вдвоем, однако пока еще рано выкладывать все карты.

Наконец мы дошли до территории завода, которая на первый взгляд казалась совсем безлюдной — это не так. Здесь расположились очень плохие по своей натуре люди, жертвой которых я и стала однажды, а если точнее — их босса Гарольда, кинувшего меня на деньги и не только.

— План предельно прост, — начала я говорить, стоя близ массивных дверей в один из цехов, — мы заходим, ты даешь всем по заднице и находишь мне Гарольда. Только не вздумай его случайно загасить! Как только я разберусь с этим человеком — ты свободна.

— Тебе придется заплатить высокую цену за мои побегушки, — дерзнула Юмику.

— Заплачу, как подобает — иди.

Схватившись за стальные двери, мы потянули их в противоположные стороны друг от друга, в конечном итоге открыв путь внутрь, где нас ожидал вид на огромное количество различных емкостей для промышленных химикатов, включая даже открытые «тарелки» диаметром в три метра, над которыми располагались переходные мостики — точно по адресу, детка.

— Куда дальше? — спросила Юмику, глазам которой было не за что зацепиться.

— Сейчас узнаем, — я выхватила свой клинок и принялась бить рукоятью по первой попавшейся металлоконструкции, звук от которой равномерно расходился по всему цеху.

— Что ты творишь? — возмутилась Юмико. — Нас же заметят!

— Поэтому и стучу, — улыбнулась я.

На звук практически сразу вышли люди, которые не особо походили на местных работяг — скорее на членов мафии: все в брюках, рубашках, жилетках, костюмах, а на ногах блестящие туфли.

— Наш визит явно не входил в планы производства, ха-ха, — усмехнулась я.

— Ну и что ты надела? — Юмико уже была готова развернуться, как мне показалось.

Пусть мой поступок и кажется глупым, но я сэкономила нам уйму времени, потому рассчитываю на благодарность после того, как все это закончится.

— Убить нарушителей! — послышался едва различимый возглас издалека.

Неудивительно, эти люди с самого начала не были готовы на плодотворный разговор, потому придется прибегать к насилию. В этот момент разбросанные по всему цеху индивиды выхватили оружие и приняли боевую стойку. Я сразу же почувствовала опасность и бросилась к укрытию в виде большой металлической емкости, которые повсеместно используются при литье металла.

— Твой выход, Юми, — с ухмылкой проговорила я, укрываясь от свистящих в воздухе пуль.

В ответ Юмико даже ничего не сказала, она просто встала из укрытия и в этот момент все ее тело покрылось то ли щупальцами, то ли камнем, то ли праздничной гирляндой — она спрятала все свое тело за плотной броней. Удивительно, но те пули, которые при попадании должны были пробивать тело человека насквозь, не жалея и кости, с характерным отзвуком сплющивались и падали на пол, не оставив на теле Юмико ни царапины.

— Никого не жалея, — приказала я. — Можешь рассчитывать на мою помощь.

— Окей, — Юмико вышла навстречу нашим противникам и принялась кромсать в кашу тех, кто первым попался на глаза.

Ну-с, за дело, Эмбер, — подбодрила я сама себя, сидя в укрытии, после чего приступила к процессу перевоплощения.

Эти темно-фиолетовые хлопья уже успели стать родными за долгие годы — каждое перевоплощение сопровождается тем, что кожа трескается и отслаивается от тела, в то время как одежда подобно пластилину ежесекундно меняет свою форму и структуру, пока не обретет задуманный вид, гармонично слившись с остальными чертами человеческого тела.

Сейчас же я перевоплощаюсь в нечто иное, потому-то с каждой секундой становлюсь все меньше и меньше, тело кардинально перерабатывается, одежда преобразуется и сжимается до минимальных размеров, на совершенно другой коже стремительно появляются волосы, формируя плотный шерстяной покров — еще минута и я стану кошечкой по имени Эмбер.

Пока я старательно занималась своими делами, Юмико уже успела перебить десяток ошарашенных вооруженных ублюдков, а делала она это даже без помощи «Нит», ломая кости голыми руками, пробивая головы насквозь одним лишь легким касанием кулака. Как она сама объяснила такой подход к делу — тяжело управлять руками, когда все тело с ног до головы защищено увесистым материалом, воссозданным из некой энергии Бездны. Жаль, что мне все равно не понять сути ее способности, ведь я не являюсь шепотом и даже близко не представляю, что приходится делать для грамотного использования своей силы — ей тоже не понять моего стиля.

Закончив с перевоплощением, я наконец была готова вступить в бой, потому

молниеносно вылетела из укрытия, устремившись на те самые переходные мостики, откуда безнаказанно стреляли выряженные в клоунов преступники. Сблизившись с жертвами я первым делом бросилась одному из них на голову, где крепко накрепко зацепилась за строгий костюм, после чего приступила к процессу расцарапывания лица, стараясь нанести как можно больше урона. С таким телом легко было добиться задуманного, ведь мои когти были больше и острее, чем у обычной кошки, при том мышечная масса позволяла двигаться быстрее.

После удачного попадания в глаз я заставила жертву начать беспорядочно стрелять во все стороны, словно он стал управляемой турелью, потому без особых сложностей выкосила еще парочку стоящих рядом.

— Он здесь! — прокричала Юмико, заприметив среди остальных того самого Гарольда, которого было легко отличить от остальных из-за его пижонской склонности носить белый строгий костюм.

Хотелось бы мне сказать, что я на подходе, но кое-кто слабо предусмотрел наличие у кошки кошачьих голосовых связок, а не человеческих, потому все, что я смогла из себя выдавить — одно громкое «мяу».

Глядя на Гарольда, я заприметила, что он уже был готов пуститься в бегство, но Юмико ловким движением руки вперед схватила беглеца своим «крюком». Как вчера помню момент, в который Юмико научилась применять такую способность, слизав ее с техники неизвестного из телевизора. Возвращаясь к Гарольду, теперь можно было о нем ненадолго забыть, потому что с открытым переломом даже такой крепкий амбал далеко не убежит — займемся мелочью.

Уверенности в силе было в излишке до момента, пока мне в бок все-таки не попала пуля, из-за чего ноги подкосились, и я с грохотом рухнула с переходного мостика вниз. Юмико сразу же заметила, но помогать не спешила, все еще разбираясь с остатками сил противника, а самой большой проблемой были именно те, кто продолжал стрелять сверху. Жаль, что Эмбер не смогла выполнить свою задачу и забрать больше нескольких человек, но Юмико, похоже, это мало волновало, потому как та просто повредила крепления мостика «крюками», из-за чего он с адским металлическим треском упал вниз, не оставив ни одному присутствующему шансов выжить.

— Ну, котя, как ты? — заговорила Юмико, когда наконец добила последнего человека, который мог представлять хоть какую-то угрозу.

— Так себе, — смогла ответить я писклявым человеческим голосом, поскольку процесс перевоплощения уже давно пошел обратно к человеку после падения, но все еще не был закончен.

— Где болит?

— Понятия не имею, — слотнула я. — Пуля попала в кошку, а сейчас перед тобой человек — «попробуй найди ранение» называется.

— Значит, приступим к общему лечению, — Юмико тотчас всадила мне под кожу несколько своих щупалец, которые были больше похожи на какие-то провода-ответвления от брони, приступив к закачиванию своей гадости внутрь меня — никак не привыкну к этому стилю лечения.

Не скажу, что было как-то стремно или неприятно, скорее даже хорошо, ведь боль постепенно утихла, благодаря чему у меня появилась возможность грамотно закончить перевоплощение. Какое-то время я все еще приходила в себя, пока наконец не вернула

первоначальный образ эмо-стайл Эмбер.

— Ну-с, перейдем к кульминации, — ухмыльнулась я, подскочив с места.

— Вижу тебе уже лучше, — пробормотала Юмико.

— И не говори, — я была рада не столько быстрому восстановлению, сколько этому дню, который наконец-то наступил.

Когда в цехе все утихло, звуки выстрелов прекратились, грохот от буйной Юмико утих, и Гарольд оказался с вывернутой костягой наружу ногой на полу — мы были готовы повеселиться.

— Кто вы такие? — испуганно голосил он, стоило заметить наше приближение.

— А ты сам как думаешь, Гарольд Геккер? — подтрунивала я, присев с оголенным лезвием складного клинка рядом.

— А что я могу думать? Я же вас впервые вижу! — испуганно лепетал он.

— В самом деле в первый раз? — продолжала я издеваться. — А если так? — сказав это, я вновь начала перевоплощаться, но не в какую-нибудь кошку, а в то, чем на самом деле являюсь.

Мало кто знает, но настоящая Эмбер вовсе не выглядит как стильная кукла в черных шмотках с упругими ягодицами. У настоящей меня нету гладкой и ласковой кожи, нету красиво зачесанной прически и ярких ресничек. Никто никогда не видел меня такой — даже Юмико, с которой я всегда была откровенна и от которой ничего не утаивала в одном из десяти случаев. Один лишь Гарольд Геккер видел настоящую Эмбер Роуз, потому как сам сделал ее такой.

— Ты, — наконец осознал он, когда во время перевоплощения начали проявляться промежутки знакомого лица.

— Эмбер, что ты делаешь? — спросила Юмико, не понимая, почему с каждой последующей секундой мой образ утопает в полной противоположности.

— Смотри, Юми, сейчас ты увидишь настоящую Эмбер, — по мне и не скажешь, но я действительно была очень напряжена, пока говорила эти слова.

Когда перевоплощение наконец было закончено, перед всеми присутствующими взору предстал самый настоящий урод, человек без данной ему от природы красоты. Забавнее всего было смотреть на два разных лица, одно из которых страшилось увиденного, а второе искренне не понимало, что перед ним находится.

— Видишь, Юми? — вздохнула я.

— Эмбер, это ты? — непонимающе посмотрела на меня Юмико.

— Да, только без фальши и приукрашивания, — пояснила я. — Когда-то давно я была самой обычной девушкой с самыми обычными человеческими чертами, пока не сыграла с ним в покер, — я указала на Гарольда. — С тех самых пор мой настоящий образ выглядит именно так: выжженная кожа, всюду затяжки, волос на голове совсем нет, не говоря уже о когда-то существовавших бровях и ресницах. Если бы не моя способность, я бы навсегда осталась изгоем, но благодаря ней я могу почувствовать себя такой же, как и все.

— Эмбер, ты ничего мне об этом не говорила, — Юмико переменилась в лице, которое было единственной частью тела, не скрывающейся в данный момент под броней.

— Конечно, не говорила, — улыбнулась я своей уродливой улыбкой. — Все потому, что ты мне дорога, Юми, а то, как ты отнесешься ко мне после такого показательного выступления, страшит своей непредсказуемостью. Что ты видишь, Юмико? Кто сейчас стоит перед тобой?

— Эмбер — моя подруга Эмбер, — без доли сомнения заявила она.

— В самом деле? — все еще сомневалась я, боясь, что после долгого периода лжи она от меня отвернется. — Ты уверена в том, что этот урод перед тобой — твоя подруга Эмбер?

— Какая вообще разница как ты выглядишь? — одним лишь предложением Юмико вывела меня на чувства. — Человек — это не то понятие, которое строится по одному пункту. Человек — это совокупность многих черт, которые у тебя есть, а на внешность многим людям было бы все равно, будь ты хорошим другом, коим и являешься, когда находишь в себе силы уважительно относиться к окружающим.

— И как мне это воспринимать? — оторопела я.

— Воспринимай это как факт того, что я от тебя не отвернулась, — она закинула мне на плечо свою увесистую руку, улыбаясь так, будто даже не издевается.

Честно говоря, я правда не знаю, что она пыталась этим до меня донести, но это ни к чему, ведь одно я поняла точно — Юмико не бросит меня, даже после того, как столкнулась с настоящей мной.

— Что тебе от меня надо, Эмбер? — вклинился Гарольд, который уже успел заплевать собственную бороду в процессе разговора. — Тебе нужны деньги? Я дам вдвое больше, чем задолжал!

— Ты, видимо, совсем не понял, — я отстранилась от Юмико и переключилась на него, снова присев рядом на корточки. — Мне плевать на твои грязные деньги, сколько бы их там не было. Только лишь из принципа я собираюсь наказать тебя за то, что ты со мной сделал.

— О чем она говорит? — вмешалась Юмико, требуя ответа от Гарольда.

— Ну, расскажи ей, — подталкивала я, тыкая лезвием клинка прямо в открытый перелом.

— Расскажу-расскажу, только перестань! — вопил он от боли, пока я не остановилась, дав возможность говорить. — Слушай, это было простое недоразумение!

— Недоразумение? — вопросительно проговорили мы с Юмико одновременно.

— То есть то, что ты тогда проиграл все движимое и недвижимое в покер и решил вместо расставания со своим имуществом просто облить меня кислотой, называется недоразумением? — завелась я.

— Послушай, я...

— Заткнись! — оборвала я, пнув его ногой в голову. — Ты просто ничтожен, раз не можешь признать грязь внутри себя пороком! Все эти три года ты просто наслаждался жизнью, оставшись при деньгах, будто бы никогда никому их не проигрывал! Сколько еще людей пострадало от твоих рук? Скольких ты оставил за чертой бедности? И это твое раскаяние? Недоразумение?

— Я...

— Можешь не оправдываться, — опять перебила я. — Раз ты считаешь, что можно не платить деньги тому, кто по твоей вине стал уродом — я сделаю тоже самое.

— Что ты задумала? — обомлел он.

— Помнишь я тебе задолжала три кредита за коктейль? — злорадственно улыбнулась я.

— Эмбер, нет... только не говори мне, — Гарольд был готов впасть в панику.

— Юми, зажги елочку! — скомандовала я, указав на одну из «тарелок» вблизи, к которым она сразу же пошла размеренным медленным шагом.

— Нет! Нет! — вопил Гарольд.

— Сомневаюсь, что перерублю, — заговорила Юмико, едва подойдя к емкости с

кислотой. — Предлагаю изменить подход.

— На какой же? — вопросительно ахнула я.

— День купания, — Юмико подошла к Гарольду, после чего крепко схватила его за шиворот смокинга, потащив по гладкому полу навстречу смерти.

— Отпусти меня, я все тебе отдам! Слышишь, Юмико? Пожалуйста, Эмбер не имеет никакого права так со мной поступать! — продолжал брыкаться он.

— Не имеет права, говоришь? — задумалась она. — А ведь дело говоришь, нам всем нужно соблюдать права человека.

— Да-да! У нее нет права на убийство, а у меня есть право на жизнь!

— У нее в самом деле нет права на убийство, — Юмико как-то многозначно улыбнулась. — А у тебя есть даже несколько прав: лежать, сосать и умирать.

— Юмико, что ты? — не успел он договорить, как она с размаху запустила тело далеко не самого благополучного гражданина в чан с кислотой.

Едва коснувшись содержимого чана, тот начал истошно вопить, но даже среди громких воплей хорошо различались звуки всплесков кислоты, говорящие о том, что он хорошо проводит время внутри.

— Ха-ха, гори-гори ясно! — засмеялась я, видя, как ненавистный ублюдок получает по заслугам.

— Жестоко, — вздохнула Юмико.

— В самом деле — жестоко, — согласилась я, глядя на то, как человека покидает жизнь, о чем говорили постепенно утихающие крики.

Честно говоря, я не хотела бы слышать таких страданий, потому что потом еще долго будет мучать совесть за совершенное злодеяние. Спасибо Юмико за то, что она все сделала за меня, ведь я не смогла бы довести дело до конца и в один момент остановилась, не желая доводить до мученической смерти.

— Что теперь? — спросила Юмико, как только крики прекратились и к нам подступила гробовая тишина.

— Ты свободна, — с небольшой долей грусти произнесла я.

— Оно того стоило?

— Мучительная смерть Гарольда — не думаю, дружба с тобой — определенно, даже если она вскоре закончится.

— Хочешь сказать, что ты растягивала время только потому, что хотела разделить его со мной? — вздохнула Юмико, осознав истину.

— Да, — я опустила голову, чувствуя раскаяние, — прости меня за это. Мне просто не хватало хорошей подруги, потому я совсем не хотела тебя отпускать, ведь ты смогла ей стать. Мне было очень приятно провести с тобой это время, даже не смотря на твой холод и безразличие, которые ничего не значат на фоне того, что ты до самого конца меня не покинула. Сейчас же ты свободна, Юмико — можешь идти, я более не имею права тебя удерживать.

— Эмбер, неужели ты думаешь, что я способна вот так просто уйти? — она улыбнулась.

— Оставаться точно не станешь, — с тяжестью выдохнула я. — У тебя есть те, кто давно ждет и возлагает на тебя большие надежды, а я весь год только и делала, что паразитировала и использовала в корыстных целях.

— Но ты ведь своего добилась?

— Добилась, но какой ценой, — размякла я.

— Моя очередь, — Юмико ухмыльнулась, после чего подошла ко мне, схватила за руку и насильно куда-то потащила.

— Что ты делаешь? — опешила я.

— Теперь ты мне должна за свершенную месть, потому обязана вместе со мной вернуться в «Безымянный» орден и работать на Хорнет как минимум год.

— Что за корыстная гадость?

— Око за око, сучка, — произнесла Юмико, расплывшись в искренней доброй улыбке.

Глядя на нее я все поняла — Юмико с самого начала могла в любой момент уйти, но не стала. Я думала, что она просто имеет слабый характер и сильно переживает из-за смерти Ашидо, но на самом деле она все это время притворялась с одной лишь целью завербовать меня в орден — вот же сука. Это была одна большая миссия, которая дала «Безымянному» ордену не только ценного сотрудника, но и возможность Юмико расслабиться в компании со мной, воспользовавшись шансом отстраниться от всего, что происходит вокруг.

Я не могу ее винить, ведь мы обе расплатились друг с другом взаимными корыстными поступками, потому теперь у меня нет выбора, кроме как пойти с ней, ведь Юмико сделала для меня куда больше, чем я для нее.

— Зуб за зуб, — напоследок проговорила я, выразив свое непоколебимое согласие.

Глава 36: Секрет черствого сердца

С момента моей первой встречи с Хомурой прошло всего ничего — одна бессонная ночь. Честно говоря, я, будучи весьма сильной персоной с грамотной боевой подготовкой в рядах королевской гвардии, совсем не ожидала, что какая-то маленькая девочка с синдромом спасателя вдруг отделает меня так, будто все эти годы вынужденных тренировок силы и воли прошли зря.

Конечно, дело вовсе не в том, что я слабая, ведь моей силе нет равных, а Хомура ни одним пунктом не может быть сильнее — просто так сложились обстоятельства. Я, к превеликому сожалению, не могу управлять жидкостями, как это делает она, потому по сей день имею одну большую слабость, которая раскрывается в бою именно с такими противниками.

— Повтори-ка, Нао, кто ты там такая? — переспросил у меня молодой паренек в маске, который, как я сама поняла, был здесь большой шишкой.

— Старшая дочь Котая I, — повторила я, презрительно фыркнув из-за привычки смотреть на людей свысока.

— Во дела! — оторопел он, схватившись за голову, — Хорнет, ты ей хоть капельку веришь?

— Нет, — сию секунду ответила девушка, которую я довольно хорошо знала, не предполагая, что она в самом деле имеет отношение к «Спектру». — Только рогатый может это подтвердить — зовем его?

— Мастер Кишин, вас вызывает Тайкон, — проговорил парень, судя по всему, в переговорное устройство, запрятанное под капюшон. — Нам нужно твое «шиирацу», жду в кабинете — продолжил он после небольшой паузы.

— «Шиирацу»? — задумалась я, стараясь скрыть свое недоумение.

Это ведь одна из способностей моего отца, позволяющая читать мысли, лишь мельком взглянув человеку в глаза. Я думала, что только он ей владеет и использует эту грязную тактику для разоблачений повсеместно, однако в мире существует еще один человек — занятно и малость пугающе.

— Мастер Тайкон, что там с моей кандидатурой? — вклинилась Хомура во взрослый разговор, будучи не силах более стоять и молчать.

— С тобой мы уже давно разобрались, Хомура — ты принята, — Тайкон развел руки в стороны, запрятав под маской ухмылку, характерную для босса, нанявшего выгодного для компании сотрудника.

— В самом деле? — обрадовалась она. — А что будет входить в мои обязанности?

— В основном боевые операции, но, если ты умеешь что-то еще — милости просим, — пояснил он.

— Я неплохо готовлю, хотя и с остальным бытом отлично справляюсь.

— Так, а еще чем-нибудь владеешь? Технические знания, медицинский опыт или обширные связи имеются?

— Н-нет, — замялась Хомура. — А они сильно нужны «Спектру»?

— Понятно, — утвердительно кивнул Тайкон. — В таком случае тебе сейчас лучше всего спуститься на первый этаж в холл, где поблизости находится кухня. Там на постоянной основе суется наш незаменимый повар Итачи — тебе к ней. Если потеряешься, можешь

просто спросить дорогу у любого проходящего мимо — мы все здесь дружелюбные и не обделены функцией помощи.

— Все, поняла, — подтвердила Хомура. — Я могу идти?

— Да, конечно, — кивнул он.

— Хорошо, не буду вам мешать, — улыбнулась Хомура и покинула кабинет, оставив меня одну в окружении сомнительных персон.

— Хомура, стой! — прокричал Тайкон, будто что-то забыл дополнить.

— Да-да, я все еще здесь, — дверь приоткрылась и из-за нее показалось то же лицо.

— После разговора с Игачи спустись в подвал к Мисато — тебе бы надо как-нибудь носить с собой воду. Обратись к ней с этим вопросом ради себя.

— Хорошо, — вновь улыбнулась Хомура и скрылась за дверью.

Никакой организации — всюду вольные сотрудники, которых босс держит разве что в варежках, позабыв о самой концепции ежовых рукавиц. Едва Хомура ушла, ручка двери снова щелкнула и в кабинет вошел весьма странный тип в шлеме, который своими рогами мог соскребать потолок, будь они чуть больше. С моей перспективы он должен был быть ниже меня, но эти палки из головы прибавляли роста, выставляя его двести двадцать сантиметров против моих ста девяноста.

— Высокая, — ухмыльнулся неизвестный, войдя вглубь помещения.

— Это Нао, — заговорил Тайкон. — Она утверждает, что является старшей дочерью Котая, что, разумеется, ничем не подтверждено — источники говорят иначе.

— У короля всего одна дочь — Аой, — вмешалась Хорнет.

— Давай уже, используй свое «шиирацу», — подталкивала я рогатого.

— Ни к чему, — отстранился он. — Я тебя прекрасно знаю, Нао Изуми — располагаю всей твоей биографией с раннего детства, потому даже без «шиирацу» могу подтвердить, что ты говоришь правду.

— И что ты этим хочешь сказать? — возмутился Тайкон. — Желаешь поручиться за достоверность этой информации?

— Можешь не сомневаться, — в спокойном тоне ответил он, после чего переключил свое внимание на меня и подошел поближе. — Мы с тобой куда ближе, чем ты думаешь, Нао, — проговорил он тихим голосом.

— Отвали, изврат, — отстранилась я.

— Грубо, — все, что он сказал перед тем, как выйти из комнаты.

Что еще за «мы с тобой куда ближе, чем ты думаешь»? Я этого придурка вижу впервые в жизни, а он уже в ухажеры заделался.

— Что это за тип? — поинтересовалась я, буквально распиливая Тайкона взглядом.

— Это один из сильнейших сотрудников «Спектра» — Илия Кишин, — объяснил он. — Раз уж он тебе доверяет, значит, я тоже могу тебе доверять, как и все остальные.

— Ты это говоришь ради моей информации? — фыркнула я.

— Отнюдь, ее бы из тебя спокойно мог вытянуть Илия, а я всего лишь нашел повод представиться тем, кем меня привыкли видеть в «Спектре».

— Ну, и?

— Кхм, — начал он, — мое настоящее имя — Ашидо Такаги, называй меня именно так, но только в стенах этого здания.

— Какой сюрприз, — отстраненно проговорила я, — главой «Спектра» оказался именно тот тип, о котором мой отец так много отзывался в прошлом году.

— Это о многом говорит, — слегка преисполнился он. — Вернемся к вопросу об информации — где она?

— Вот, — я кинула на стол флешку, — на ней имеется подробный план дворца и списки госслужащих с личными досье, если у вас конечно здесь не каменный век и где-то в подвале имеются компьютеры.

— Они стоят именно в подвале, — усмехнулся Ашидо.

— Я могу идти?

— Даже не спросишь, принята ли ты? — удивился он.

— Это очевидно, — проговорила я, выйдя из кабинета.

Не нравятся мне все эти разговоры, чувствую себя так, будто сделала плохую ставку, вступив в «Спектр». Сомневаться в боевых способностях этих людей нет смысла, но, боюсь, они заметно уступают отцу и его шайке, хотя этот рогатый, Илия вроде, мог бы заставить некоторых из них попотеть, раз уж он владеет «шиирацу».

Отдав флешку с информацией новому боссу, я сбросила груз излишней ответственности, по сути своей переложив ее на других. Теперь можно уже перестать ежесекундно нервничать, таская с собой эту хрень, и немного расслабиться.

— Здравствуй, новенькая? — послышался женский голос позади.

Погрузившись в свои мысли, я даже не заметила, как прошла мимо кого-то и не обратила на них внимание, спускаясь по лестнице. Обернувшись, я застала перед собой парочку рыжеволосых девушек, которые рядом друг с другом смотрелись как сестры — совсем не похожи на нас с Аой.

— Нао, — однозначно ответила я.

— Очень приятно, Нао, — улыбнулась неизвестная в простеньком спортивном костюме. — Меня зовут Наталья, если ты состоишь в боевом отряде, то я буду твоим координатором на каждой миссии. А рядом со мной наш главный инженер Мисато.

— Мисато, да? — опомнилась я. — Вы с Хомурой уже пересекались? Это такая маленькая деревенщина с...

— Не нужно объяснять, — остановила меня Мисато, — мы с Хомурой лично знакомы. Что ей было от меня нужно?

Точно, они же обе висели на плакатах.

— Сделай для Хомуры что-то вроде баллонов, чтобы девчуля имела доступ к воде где угодно.

— Это просьба самой Хомуры? — уточнила Мисато.

— Приказ Ашидо, — поправила я.

— Одной бутылкой пива не обойдешься, — поникла она. — Тупорылый Шин все по несколько раз закосячит.

— Придется закатить вечеринку с целым ящиком, — вклинилась Наталья.

— А, эм, — на секунду замялась я.

— Что такое? — опомнилась Наталья.

— М-можно мне с вами?

— Не вопрос, подруга, — радостно улыбнулась Мисато, — ждем тебя вечером в подвале!

— Раз уж ждете — приду, — спокойно ответила я, пытаюсь скрыть радость под привычной маской.

— Тогда до вечера, нас еще дела ждут, — напоследок сказала Наталья, после чего обе

девушки продолжили свой путь наверх.

Я не стала ничего говорить, лишь молча проводила их взглядом. Приятно осознавать то, что здесь есть с кем расслабиться.

— Ну-с, до вечера еще есть время, надо бы прогуляться, — подумала я, продолжив свой путь к выходу.

***

Да, мне не хватало именно размеренной прогулки по улицам Торгового района для того, чтобы наконец сбросить тяжкий груз, который я все эти годы носила у себя на плечах. Почти семь лет прошли в поисках союзников для свершения мести, но только за приметив «Спектр» я поняла, что у всех нас наконец-то появился шанс избавиться от ублюдка, которому на троне делать нечего.

За долгие годы одиночества я окончательно очерствела, утратив все человеческие чувства, нужные для поддержания здоровых отношений с людьми. Говоря простыми словами, в глазах других я — тупая сука, которая печется только о себе и привыкла грубить каждому вне зависимости от их положения. Так-то оно так, но я склонна верить, что это — всего лишь маска, которую я надеваю в качестве защитного механизма.

Основанием для сомнений в очевидном служит моя подлинная и непорочная любовь к младшей сестре Аой, которая не заслужила такой жизни и такого грязного отношения к своей особе со стороны не только слуг, но и собственного отца.

Остальные же люди для меня ничего не значат и не стоят даже гроша, если не возвысятся за счет чего-то благого или удивительного, как это сделала Хомура, отодрав меня так, будто я для нее была лишь тренировочным манекеном. С того дня девчонка из Трущоб, в самом деле, выросла в моих глазах, заставив проникнуться своими принципами.

На первый взгляд та кажется слабачкой, которую можно сломить одним лишь касанием мизинца, но это вовсе не так. Жизнь в нищете дала мне представление о действительно сильных людях, следующих за зовом сердца, идущих вперед навстречу недостижимой цели, которая заставляет их с каждым днем все больше расти — я и сама такая.

С таким взглядом на вещи невольно зарождается и иное восприятие того, к чему ты ранее относился иначе. В моем случае речь идет именно о слабаках, которые привыкли только лить слезы и вымаливать помощь у сильных, мешая самим себе усвоить полезный урок и начать что-то делать в своей никчемной жизни. Когда-то и мы с Аой были такими, изо дня в день рыдали в обнимку, лежа голышом под толстым одеялом на большой мягкой кровати в тепле на самом верху королевского дворца, делая паузы лишь на просмотр фильмов, но только поспав на картонке в Трущобах, я утратила способность плакать, как это было раньше.

Сейчас же я могу просто и беззаботно ходить по улицам Торгового района, чтобы расслабиться, но получить наслаждение от обычных будних тяжело, ведь мне их не с кем разделить.

— Помогите! — вдруг послышался неожиданный детский крик откуда-то из переулка.

— М? — вслух промычала я, повернувшись к источнику.

Я не привыкла откликаться на зов о помощи, особенно в том случае, когда человек взывает к окружающим беспричинно. Дети делают это особенно часто, из-за чего взрослые порой слепо воспринимают образовавшуюся вокруг них проблему, обвиняя не тех, кто на самом деле виноват. В этот момент я почувствовала себя тем самым взрослым двадцатипятилетним прохожим, которому придется разнимать сцепившихся между собой

детей, а потом выяснять, кто на кого напал и кто кому больше всех, однако крик точно был девичьим, тем более звучал он единожды — что-то здесь не так.

Удивительный случай — Нао откликнулась на зов о помощи и прямо сейчас двигается к источнику шума вглубь переулка, в котором нет ни окон, ни дверей. Чем ближе я становилась к источнику, тем больше голосов там различалось, среди которых были и разъяренные мужские.

Когда я подошла уже совсем близко, то остановилась на углу, стараясь сохранять политику непричастности до тех пор, пока не выясню, есть ли в этой ситуации угроза для жизни.

— Деньги, сука, нам нужны деньги! — кричал один из, так полагаю, двоих присутствующих мужчин.

— Отпустите, пожалуйста, у нас нет денег! — глухим голосом кричала плачущая девочка.

— Что же у них там происходит? — подумала я, все еще стараясь не вмешиваться.

На этом моменте мне вспомнилась одна важная деталь, которая в этой ситуации оказалась как раз кстати. Многие знают о наличии на углах переулков больших зеркал, которые обычно развешивают в супермаркетах в отделах с алкоголем для предотвращения краж. Находящиеся на выходе из узкого прохода зеркало висит там с одной лишь целью — помочь гвардии отследить беглеца, если тот решит скрыться, забежав в закоулок.

Недолго думая я просто оторвала это зеркало от стены с помощью своей силы, после чего решила использовать его в качестве инструмента для наблюдения за происходящим в глубине переулка, где сейчас раздаются громкие крики. Всего я смогла разглядеть три человека, двое из которых были мужчинами, похожими на бандитов в привычных для них кофтах с капюшоном, а третьей персоной была та самая девочка. Она выглядела совсем беспомощной и незащищенной, умоляя о том, чтобы обидчики оставили ее в покое, только вот факт того, что она говорит не только о себе, а о ком-то еще, меня напрягает.

— Нам нужны деньги! — продолжал настаивать бандит. — Ты совсем тупая или как?

— Пожалуйста, мы же дети! — умоляла девочка. — Что мы вам плохого сделали?

— Вы — ничего, а вот ваши безмозглые родители задолжали целое состояние. Они, кстати, уже мертвы! — злорадственно фыркнул он. — Если у вас тоже нет денег, чтобы вернуть долг, придется расплачиваться иначе.

— Что вам нужно?

— Да так, братишку твоего сдадим на органы или продадим какому-нибудь старику-извращенцу, а тебя оставим себе, чтобы развлекаться, когда будет совсем грустно.

— О чем вы говорите? Зачем так поступать? — глядя на нее можно было заметить, как та дрожит от страха, так еще и старается подбирать слова.

— Так и сделаем! — проигнорировал бандит, схватив девочку за руку, но она тут же что есть мочи укусила его так, что тот взвыл от резкой боли.

— Сука! — он выхватил из штанов пистолет и направил бедолаге на голову.

Увидев это, я поняла, что больше не могу игнорировать происходящее и оставаться непричастной, потому с грохотом уронила зеркало на землю и выбежала из-за угла.

— Хей! — прокричала я, стараясь обратить на себя внимание, но было уже поздно.

Прогредел выстрел, громкий звук вылетевшей из дула пули разнесся по всей улице, но то, что последовало за ним, заставило меня на секунду впасть в ступор. Станным было уже то, что он пальнул из огнестрельного оружия, а не из пневматического, лишь на момент я

подумала, что из-за своей манеры стоять в стороне на моих глазах погибло невинное дитя, но все оказалось куда интереснее.

Стоило бандиту выстрелить в девочку, он тотчас с ужасающей силой и невероятным отзвуком громче порохового взрыва отлетел в стену, будто бы отдача пистолета оказалась настолько сильной, что могла отправить стрелка в полет. За один лишь выстрел послышалось аж три громких звука, где третьим был удар о кирпичную стену, которая сразу растрескалась — мужчина умер мгновенно и без лишних слов. От этой картины я пришла в такое невероятное замешательство, что просто встала на месте, не зная, что делать дальше, пока не заметила вдруг зашевелившегося партнера бандита.

Он молниеносно выхватил пистолет, собираясь закончить начатое товарищем, но теперь никто не мог дать ему отпора, ведь необычная девочка мертвым грузом рухнула на землю, будучи не в силах и дальше сопротивляться, но его, судя по всему, мало это волновало — нужно было просто ее пристрелить.

Едва обидчик нажал на спусковой курок, пистолет в его руках разлетелся в разные стороны, разорвав руку в клочья. Не думая ни секунды, я тотчас подхватила того и подняла в воздух, лишив возможности к передвижению и, соответственно, сопротивлению.

— Ты еще кто такая? — разъяренно прокричал он.

— Девушка, остановившая пулю прямо в дуле, — пояснила я, дав ему понять, что разорванная кисть руки вовсе не была случайностью.

— Т-так ты из гвардии? — испугался бандит, осознав, что сегодня явно не его день. — Что тебе надо?

— Умри, — однозначно ответила я, усилив давление на грудную клетку, из-за чего за какие-то ничтожные несколько секунд его торс сдавило так, что внутри все перемешалось в кашу, только лишь ребра повылезали наружу, проткнув грудные мышцы насквозь.

Кровь полилась водопадом, тело некогда живого бандита превратилось в безжизненный кусок мяса, который с мерзкими всхлипами рухнул на землю, стоило мне ослабить хватку. Теперь она в безопасности, потому можно спокойно поговорить и выяснить, на каком основании эти люди вымогали деньги у ребенка, даже не думая ее жалеть.

Повернувшись в сторону девочки, я немного удивилась, заметив рядом с ней мальчика, который был еще меньше — первоклассник на вид. Так вот почему девчуля говорила во множественном числе — я просто напросто не заметила еще одного присутствующего из-за того, что тот скрывался за углом в глубине переулка.

— Как вы? — спросила я у находящегося в сознании мальчика, подойдя поближе.

— С-спасибо, тетя, — ответил он.

— Не благодари, — отстранилась я. — Что с ней, ранена? — спросила я, желая перевернуть лежащую на земле девочку на спину, но на секунду остановилась, заметив кровь, льющуюся из ушей.

— Тетя, у вас кровь, — подметил мальчик, подсказав место, откуда она идет, тем, что указал пальцем на свое ухо.

Прислушавшись к словам мальчика, я прикоснулась к своему правому уху, почувствовав, как из него вытекает что-то жидкое, что в самом деле оказалось кровью. Стоило немного расслабиться и в ушах почувствовалась неприятная боль и навязчивый звон. Глянув на бандитов, я заметила тот же феномен, потому предположила, что всем нам просто выбило барабанные перепонки от громкого звука, однако уши мальчика были целыми — видимо, он успел их чем-то прикрыть или оказался в какой-то глухой зоне.

— Как тебя зовут? — обратилась я к нему.

— Кирей, Кирей Минагава, — ответил он, немного растерявшись.

— А это? — я указала на девочку.

— Моя сестренка, Мива, — объяснил он.

— И как так вышло, что она только что размолотила крепкого мужчину? — с интересом внутри и гадким взглядом снаружи спросила я.

— У сестренки есть сила — она сильная! — гордо заявил младший брат.

— Не особо, — подумала я, вспомнив, как Мива истошно рыдала, умоляя о пощаде, вместо того, чтобы сразу их убить.

Было бы неправильно бросить их тут и уйти, ведь даже такая соплячка как эта девочка смогла пересилить себя и дать отпор — когда-то и я была такой же. Глядя на эту черноволосую полторашку в красивом темно-синем платье сердце кровью обливается. Пока я думала, как бы лучше поступить, девочка зашевелилась, придя в сознание.

— Сестренка, ты очнулась! — обрадовался мальчик.

— Кирей? — промямлила она, даже не заметив моего присутствия. — Все хорошо? Ты не ранен?

— Ты нас спасла! А еще нам помогла эта тетя! — он указал едва очнувшейся сестре на меня.

— Тетя? — оторопела она, после чего повернулась в мою сторону и тут же отшатнулась, вцепившись в Кирея так, будто я сейчас обоих сожру.

— И что это за реакция? — возмутилась я, глядя в испуганные бесконечно глубокие синие глаза.

— Пожалуйста, отпустите нас, мы просто защищались! — вдруг закричала она, судя по всему, приняв меня за гвардейскую особу — никак к этому не привыкну.

— Долой соплю, — приказала я, — ты идешь со мной.

— Н-нет, я никуда не пойду, — испугалась она.

— Брось, перед тобой бродяга, а не гвардеец, — объяснила я. — Ты, Мива, подняла слишком много шума, здесь больше нельзя оставаться.

— Мива? — опешила она. — Кирей, ты что, опять все перепутал? — произнесла она полупшепотом, думая, что я не услышу этого с поврежденной перепонкой.

— Ой, — вдруг осознал Кирей, что натворил.

— Эхо, меня зовут Эхо! — вдруг засуетилась Мива.

— Эхо Минагава? — уточнила я, на секунду задумывавшись о том, что Мива могла быть образована от сокращения фамилии Минагава — вот же подстава от младшего брата.

— Да, все верно, Кирей все напутал! — оправдывалась она.

Честно говоря, мне было абсолютно плевать кто она и как ее зовут — я просто проходила мимо и решила помочь, однако ситуация довольно занятная.

— А как вас зовут? — поинтересовалась Эхо.

— Нао, — представилась я, — фамилию не спрашивай — идем, — я подхватила ее под руку и подняла на ноги, потащив прочь из переулка.

Большой оплошностью было то, что я не взяла с собой переговорное устройство, которое по сути мне должен был выдать Ашидо, а может это должна была сделать Наталья как координатор или Мисато как главный инженер — хрен поймешь, какая у них там система. В любом случае было бы удобнее запросить подмогу, чтобы не пришлось возиться с этим детским садом, но, увы, придется ковылять до здания ордена пешком — благо я не

сильно далеко от него ушла.

— Куда мы идем? — суетилась Эхо, еле перебирая ногами.

— В безопасность, — пояснила я.

— В какую еще безопасность? — возмутилась она.

— Туда, где вам обоим могут помочь, а теперь заткнитесь, пока я вам зубы не вышибла, — отрезала я, продолжив наш путь.

***

Всего через двадцать минут ходьбы мы уже ступили на порог «Спектра» где нас встретила странная горничная с чертами кошки, которую я раньше не видела.

— Добро пожаловать, — поприветствовала она. — По какому вопросу вы пришли в имение Ишимару?

— Зови босса, у нас тут небольшой казус, — объяснила я, искоса показав на компанию малолеток.

— Сейчас я позову госпожу Ишимару, — засуетилась горничная.

— Какую еще Ишимару, — остановила ее я. — Зови Тайкона, тупица.

— Простите, не понимаю, о ком вы, — растерялась она,

— Зови-зови, Итачи, она из наших, — послышался голос Хомуры, которая просто проходила мимо.

— Хорошо, — смирилась Итачи, которая из диалога запомнилась лишь поваром. — Мастер, вы срочно нужны нам в холле, — проговорила она в переговорное устройство, прикрепленное к одному из четырех ушей — забавно.

Не прошло и минуты, как по массивной колонне спокойно скатился наш общепризнанный босс, мягко приземлившись на пол в непосредственной близости.

— Кто это? — вопросительно проговорил он.

— Подобрала на улице, из них выжимали деньги и пытались убить, — объяснила я.

— Хорошая работа, Нао, — похвалил меня Ашидо, — отправим их в орден «Юстиция», в наши обязанности не входит уход за жертвами бандитов. Только надо бы сначала промыть им голову.

— погоди, кэп. Девчуля отразила пулю, не поведя усом, а потом еще и одного из бандитов впечатала в стену так, что тот на месте умер. Как насчет припарковать ее здесь?

— Серьезно? — опешил он. — Как тебя зовут?

— Эхо, — очень тихо и стеснительно представилась она.

— Эхо, значит, — задумался он. — Ты у нас, стало быть, ренегат?

— Что такое ренегат? — непонимающе спросила Эхо.

— Ладно, — смирился босс, — заходите, будем решать вопрос с остальными, — он взял девочку за плечо и передал в руки Итачи, а сам после этого повернулся ко мне. — А ты, Нао, лучше поди отдохни — только сегодня вступила в орден и уже успела сделать доброе дело.

— Окей, — согласилась я, устремившись туда, куда с самого начала собиралась пойти — в подвал.

Спустившись вниз по длинной лестнице, которая казалась бесконечной, я наконец оказалась на месте назначения, где уже во всю пировали не только Наталья и Мисато, но и двое все еще незнакомых мне мужчин.

Усевшись в дружелюбной компании, я сразу же схватилась за пиво и принялась его распивать. Все присутствующие встретили меня непривычно тепло, я быстро познакомилась с парнями, один из которых работал с Мисато, он назвался Шином, а второго звали Николас

и, честно говоря, я давно не чувствовала себя так хорошо.

Конечно, с едва знакомыми людьми нельзя обсудить свои проблемы и поделиться переживаниями, но даже в комфортной обстановке можно немного расслабиться и забыться, вкусив не только эффект алкоголя, но и ощущение потенциальной дружбы, потому в этот вечер я отдала всю себя для того, что заработать себе имя.

***

Когда дело уже близилось к ночи, я была уже довольно пьяна, но на ногах все еще твердо стояла, будучи способной пересечь Тихий океан при соответствующем желании, которого хватало только для похода за заржавевшей игрушкой — моим чакрамом.

— Ты куда? — окликнула меня Хорнет уже около выхода из здания.

— Прогуляться, — пробормотала я.

— Какой еще прогуляться? — возмутилась она. — Что там такого на улице, что тебе приспичило идти туда посреди ночи во время патрулей? Ты, знаешь ли, не такая уж и незаметная, Нао.

— Отвали, сучара, я иду за чакрамом, — огрызнулась я, после чего просто скрылась за дверью.

Путь предстоял далекий — в центр Дрянного района, куда можно было легко добраться с помощью метро без лишних пересадок, потому я сразу же двинулась именно туда. Даже будучи не совсем трезвой я благополучно добралась до станции в Торговом районе и села на поезд, после чего успешно пересекла половину города и высадилась как раз в центре нужного мне района.

На руку отлично играет факт того, что незнающие меня люди видят в яркой прохожей гвардейскую суку, с которой лучше просто не пересекаться, а знающие отличают печально известную Нао Изуми, которая когда-то жила во дворце и гордо носила свою фамилию. Даже после изгнания люди продолжают узнавать меня, хоть пресса и пытается замылить все факты моего существования, внушая простому люду то, что у Котая есть всего одна дочь — моя младшая сестра Аой. Однако всем прохожим в этом городе глубоко плевать на местную знаменитость, потому все стараются меня игнорировать, из-за чего я могу спокойно расхаживать по Гармонии в этом ярком красном мундире, не опасаясь ни чьей кары.

Добравшись до нужной улицы, я свернула в переулок, где и был запрятан чакрам. Меня всегда забавляла человеческая тупость, которая в комбинации с недостаточной настойчивостью делала это место в действительности особенным. Здесь располагались два здания, которые прилегали друг к другу настолько плотно, что между ними нельзя было пройти, но некая щель все же присутствовала, куда я и запрятала свой чакрам, который в полной безопасности и неприкосновенности пролежал здесь долгие годы вплоть до сегодняшнего дня, когда пришло время его вытаскивать.

Воспользовавшись телекинезом, я крепко ухватила за хорошо ощущаемый обруч и потянула его на себя, тогда-то и показалось мое особенное оружие, выкованное лично мной в дворцовой кузнице из довольно редкого в наших краях сплава титана, алхимической латуни и астронита с добавлением марганца. Такой сплав делал металл невероятно прочным, но при этом он был легок настолько, что по своему весу был едва тяжелее меди. К тому же я сделала его модульным и складным, потому он мог с легкостью разделяться на несколько составных частей и складываться до размеров не больше тарелки. Теперь, когда я забрала вещь, принадлежащую мне по праву, для которой спустя много лет появилась работа — можно возвращаться.

Вернувшись на станцию в Дрянном районе, я села на тот же поезд в обратном направлении, благополучно доехав до станции в Торговом районе. Занятно, но металлодетекторы в метро никак не реагировали на «тарелку» во внутреннем кармане мундира — вот это я называю безопасностью.

За время этой долгой поездки длиною в пару часов я немного вымоталась, но в перевес уже успела протрезветь, потому теперь ступала на землю твердо и координировано, не теряя равновесия.

К моему удивлению в метро было довольно безлюдно — даже охранники отсутствовали, будто здесь готовили какую-то засаду или произошла неожиданная чрезвычайная ситуация.

Дойдя до лестницы, ведущей на поверхность, я глубоко вздохнула, набрав в легкие побольше свежего воздуха, которого так не хватало под землей, после чего стала подниматься по ступенькам.

— Нао, — окликнул меня женский голос, доносящийся со спины, который казался слишком уж незнакомым.

— М? — я обернулась, заметив перед собой никого иного, как саму Аой Изуми, мирно гуляющую по Гармонийскому метрополитену.

Ее неожиданное появление сильно меня удивило, ведь я даже не могла предположить, что Аой реально способна выйти из своей комнаты. Голоса своей младшей сестры я даже не узнала, ведь в последний раз мы виделись слишком уж давно, и он успел немного сломаться, не говоря уже о другой манере речи.

— Что ты здесь делаешь, дура? — прошипела я.

— Нао, сестра, как же я рада тебя видеть, — глаза Аой уже были на мокром месте, едва мы успели взглянуть друг на друга.

В этот момент мне будто бы что-то вонзилось глубоко в сердце — подступило какое-то неприятное чувство вины и отчужденности в одном флаконе.

— Уходи, Аой, тебе нельзя здесь находиться, — отвернулась я.

— Нао, я пришла за тобой, давай вместе вернемся во дворец и будем жить, как это было раньше.

— Как раньше уже не будет, сестра, — я опустила голову, осознавая, какие бесценные времена мы упустили. — Лучше скажи, как ты меня нашла?

— Услышала о том, что тебя видели в Торговом районе, — объяснила она.

— Хочешь сказать, ты просто караулила меня в метро, полагаясь только на мельчайший шанс встретиться? — опешила я.

— Это не первый мой побег из дворца, — Аой улыбнулась, даже не предполагая, что я в этот момент чувствую. — Папа ни о чем не знает, потому у меня не будет проблем по возвращении домой.

— А кто сказал тебе, что проблем не будет если ты притащишь меня с собой? — наехала я на нее, поражаясь безграничной наивностью сестры.

— Все будет хорошо, Нао, я уговорю отца принять тебя и простить, — Аой сама не понимала, какие глупости говорит.

— Послушай, солнце, я не могу вернуться.

— Почему же? Ради тебя я готова к любому наказанию, только бы ты вернулась обратно...

— Аой, не будь так наивна. Отец выгнал меня из дворца за какую-то жалкую разбитую линзу, коих у него в лаборатории более полусотни. Это лишь вопрос времени, когда ты

вылетишь оттуда следом за мной. Думаешь он в самом деле тебя ценит, любит? Думаешь у него остались хоть какие-то чувства к собственной дочери, которая провела семь лет на улице? Этот ублюдок заслужил всего самого наихудшего, потому я сделаю все, чтобы вернуться во дворец только ради того, чтобы сесть за пустой трон.

— Нао, не говори так, у тебя все еще есть шанс.

— К черту, Аой, я никуда с тобой не и пойду и точка! — завелась я, повысив голос.

— Зачем же ты кричишь? Я сказала что-то обидное? — размякла она, не понимая, чем вызвана такая реакция.

— Ты все такая же сопливая дура, — презрительно проговорила я, — все ноешь и ноешь в своей комнате и веришь в лучший исход для нас обоих, но, Аой, взгляни реальности в глаза — у тебя нет будущего, если ты продолжишь плакаться в подушку!

— Нао...

— Отец всегда видел в тебе только инструмент, в который нужно вкладываться, разрушая саму личность только ради того, чтобы потом это окупилось, и ты делала все, что он прикажет. Если бы я тогда не стала огрызаться, он бы не выбросил меня на улицу — все потому, что я упала в его глазах, нашла в себе силы возразить, а это значит, не оправдала ожиданий. Мы с тобой абсолютно одинаковые, но я уже давно выросла, а ты по сей день остаешься безнадежным куском дерьма!

Аой не смогла смириться с моими словами и с корнем вырвала прикрученный к полу сборщик информации о разыскиваемых преступниках, после чего с огромной силой запустила его в меня, ожидая проучить за такие грязные слова, однако я с легкостью поймала его на лету и отправила обратно. Моя сестра оказалась не совсем безнадежной и смогла изменить траекторию полета, впечатав большую коробку в стену.

— Аой, послушай, — произнесла я, вырвав кусок плитки из ближайшей стены, сымитировав снаряд.

— Что послушай? — вдруг закричала она. — Зачем ты говоришь мне все эти гадости? Разве я для тебя ничего не значу? Нао, ради тебя я сбежала из дворца не один десяток раз! Жаждала этой встречи каждый день жизни после того, как ты ушла! И что я теперь слышу? Ты тупая соплячка, Аой, безнадежный кусок дерьма! Знаешь сколько раз я уже это слышала? Каждый долбаный день из раза в раз я вынуждена выпитывать эту мерзость из уст дворцовых шавок. Я надеялась, что хотя бы ты понимаешь меня и не станешь осуждать за слабость, но ты оказалась хуже всех — все потому, что ты врешь! — она замолчала, утратив силы для продолжения своего крика души.

— Я люблю тебя, Аой, честно, — едва не плача проговорила я, стараясь соответствовать своему сучьему тону и поганому образу. — Все эти годы я мечтала однажды снова обнять тебя, почувствовать тепло единственной родной душонки в этом конченном мире, но я не могу.

— Почему же, Нао? — с заплаканным лицом проямлила Аой.

— Потому что я стала другой, — в этот момент сдерживаться уже не получалось, образ суки трескался прямо на глазах. — Я не могу просто вернуться и жить как раньше, пусть даже в твоих объятиях. Мое сердце требует мести, и не я одна точу зуб на нашего отца, потому мы просто не можем друг друга понять. Прямо сейчас я уйду к тем людям, с которыми у меня есть шанс выкарабкаться, но я хочу, чтобы ты хорошо меня услышала — ладно?

— Я тебя слушаю, Нао.

— Прости меня, Аой, — я наконец-то расплакалась. — Я люблю тебя и хочу, чтобы ты просто была счастлива, потому сделаю все, чтобы наши мечты осуществились, даже если придется стать твоим врагом. Пожалуйста, вернись во дворец и забудь обо мне, даже если сердце обливается кровью и хочется кричать — я приду за тобой, когда настанет час расплаты.

— Нао, и ты прости меня, — наконец заговорила Аой после небольшой чувственной паузы. — Я и вправду безнадежная соплячка, потому поверю в тебя, как в эталон человека, к которому стремлюсь. Просто пообещай мне, что однажды ты вернешься и мы вместе сбежим куда-нибудь далеко, где никто не разрушит наше счастье — обещаешь?

— Обещаю, — с трясущимися руками прорычала я. — А теперь уходи, тебе опасно здесь находиться.

— Хорошо, до встречи, сестра. Я люблю тебя! — напоследок прокричала Аой, бросившись прочь вглубь метро.

— До встречи, сестра, — проямлила я, оставшись наедине с собой и своими навязчивыми мыслями.

С какой стороны не посмотри, а мы в самом деле очень похожи. С раннего детства Аой всегда росла бок о бок со мной, на момент ее рождения мне было уже восемь. Я всегда присматривала за сестрой и берегла ее, но меня саму никто не собирался беречь, потому по вечерам мы вместе запирались в комнате и плакали друг другу в волосы — две безнадежные плаксы без будущего.

Я всегда любила Аой и ценила, какой бы она не была, но сейчас, когда уже выработалась привычка смотреть на слабаков свысока, я лишь сочувствую ей, а масла в огонь подливает ощущение того, что я ничего с этим поделать не могу. Радует одно — она все-таки подружилась со своей силой, потому в крайнем случае сможет себя защитить, но я надеюсь, что Аой никогда в жизни более не придется использовать свою способность.

Данная нам сила создана с одной целью — отбирать человеческие жизни, заливая кровью чистую и непорочную землю под ногами, и, раз уж выбора нет, я буду проливать кровь тех, кто покушается на счастье других.

Энергия Бездны — далеко не дар. Это проклятие, которое пропитывает людей изнутри, рано или поздно доводя тех до симптомов «багровой лихорадки», от которой уже давно страдает мой отец.

Если моих сил и сил моих союзников будет достаточно, чтобы разрушить порочный круг — я его разрушу.

Глава 37: Черви Гармонии

Непредвиденное появление Эхо для всех нас стало сюрпризом — никто не ожидал, что Нао, едва успев прижиться в компании парочки человек, вдруг решит пойти на подвиги и совершит опрометчивый поступок, приведя детей с улицы прямо в сердце врага государства номер один. Тем не менее наличие у этой девочки способностей ренегата делает ее потенциальным бойцом в кругах «Спектра», но мы еще не знаем наверняка, способна ли она прибегнуть к насилию, которое порой переступает черту.

Вчера вечером я не стал нагружать девочку расспросами, вместо этого отправив их с Киреем хорошенько отдохнуть в пустующей комнате на третьем этаже. Разумеется, сегодняшней Ашидо, вопреки минувшей наивности, обратился к Илии за тем, чтобы убедиться, что Эхо нам не враг — опасаться нечего, как он сам сказал. Юная незнакомка оказалась самым обычным подростком без каких-либо тараканов в голове, факт чего меня очень напрягает, ведь даже если ее способности ренегата окажутся весьма кстати — я не хочу впутывать в дела ордена невинное дитя.

— Чего задумался? — развеяла мои мысли Мисато.

— Да так, ничего, — отстранился я. — Вернемся к вопросу разведки — что мы имеем?

— Арсенал скудный, — фыркнула она, — видишь ли, даже имея деньги не всегда со всем укладываешься по времени. Сейчас у меня на руках только дешманский австралийский квадрокоптер, но стоит отдать должное установленной на нем камере — хорошая.

— Микрофон имеется?

— Шакальный, но нам этого хватит.

— Допустим, а насколько он громкий?

— Наваливает как турбина самолета, — пояснила Мисато, нелепо усмехнувшись над собственным сравнением. — Такого хватит разве что на один вылет, но, полагаю, нам этого будет достаточно.

— Плохая идея — Колден сбежит, если его охрана засечет дрона, — подметил я.

— Хей, брось, — Мисато грубо похлопала меня по плечу, — «Vostok.inc» — это же крупная робототехническая компания, у которой есть завистники и конкуренты вроде меня, желающие выкрасть уникальные технологии и скопировать запатентованную продукцию, присвоив себе работу других после небольшой доработки. Они даже не подумают на какой-то там «Спектр»!

— А ведь ты права, — согласился я, немного подумав над ее словами.

— Но есть небольшая загвоздка — эдакая дилемма на часик свободного времени.

— Какая? — заинтересованно произнес я, облокотившись на руку.

— У дрона нету функции трансляции с камеры на другие устройства, — Мисато развела руки в стороны. — Придется вручную склепать передатчик, чтобы можно было вывести картинку на монитор в командном центре.

— Его ремонт уже окончен? — удивился я.

— Чего там ремонтировать-то? Да и о каком ремонте ты говоришь, если это был монтаж, который я своими собственными руками осуществляла.

— В таком случае позови меня, как закончишь с приготовлениями.

— Куда же ты? — оторопела Мисато. — Я хотела еще потрындеть.

— Мне нужно разобраться с Эхо.

— Это та мелкая, которую вместе с младшим братом вчера привела Нао?

— Она самая.

— Ладно, иди уж, я тут одна погрузу: буду сидеть наедине с пустыми бутылками из-под пива на кресле, которое усыпано металлической стружкой.

— Не драматизируй, — отмахнулся я, удаляясь из подвала, — бывай, Мисато.

— Оке, я позову тебя, когда все будет готово! — прокричала вдогонку она.

Отлично, сегодня уже можно будет наконец-то напомнить себе, как выглядит этот жирный осел в белом халате, с которым мы не можем расчитаться уже долгое время. Бьюсь об заклад, он работает там только потому, что эта компания очень важна для Гармонии и находится под серьезной защитой гвардии — хорошо устроился.

Побывав у Сальвадора лишь единожды, я совсем перестал верить в то, что они со Стивеном когда-то ладили. Хандзо говорил, что их шайка садистов состоит из трех человек, но старик с такими явными идеалами совсем не вписывается в компашку психопатов. Больше всего я боюсь, что моя ненависть к доктору окажется неоправданной, потому стараюсь сохранить ее до тех пор, пока не смогу выбить из него всю дурь, но сделать это надо так, чтобы не только я был удовлетворен, но и чтобы народ Гармонии смог лицезреть последние минуты жизни волка в овечьей шкуре.

Вскоре нам предстоит разведать обстановку в компании «Vostok.inc», а затем, исходя из полученных сведений, заняться тщательной подготовкой к операции, однако, пока есть время, следует поговорить с Эхо, чем я сейчас и займусь.

Покинув подвал, я сразу же устремился на третий этаж, где почти все комнаты числились свободными, не считая моей личной, что находится в ответвлении от кабинета.

— Доброе утро, Ашидо, — поздоровалась со мной проходящая мимо Хомура.

— Доброе, — ответил я, как ты? Успела уже с кем-нибудь наладить контакт?

— Конечно, — она улыбнулась, — здесь достаточно приятных собеседников, с которыми можно хорошо поболтать, не считая Нао, конечно же — та еще сучка.

— Да уж, впечатление от общения с ней такое себе, — вздохнул я, осознавая, что эта дама оказалась первой, кто меня совсем ни во что не ставит, а лишь делает вид, что ей не все равно на кого-то кроме себя любимой. — Позволь поинтересоваться — кто из наших сотрудников тебе особенно понравился?

— Хм, — задумалась Хомура, — я хорошо поладила с вашей горничной Итачи — она в самом деле очень приятный собеседник, тем более, когда у нас есть общие темы для разговора. Кстати говоря, я еще успела поладить с Эхо — она хоть и не особо разговорчивая, но даже так девчонка выглядит мило.

— Когда вы успели наболтаться? — опешил я.

— Воробушки привыкли обсуждать свои дела по утрам, — ехидно ухмыльнулась Хомура.

— Ладно, — утвердительно ответил я. — Где она сейчас? В той же комнате, где и должна была оставаться?

— Да, конечно, — подтвердила она. — Она оттуда не выйдет, пока ты не разрешишь. Я уже пыталась выгащить ее прогуляться, но та настаивала на том, что не стоит неожиданно сбегать и заставлять мастера нервничать.

— Верно мыслит — мне сейчас совсем не до побегушек.

— Ты сейчас идешь к ней? — поинтересовалась Хомура.

— Да, будем решать дальнейшую судьбу детишек с улицы.

— Что ж, в таком случае не буду вас отвлекать — она тебе понравится! — проговорила Хомура, после чего продолжила свой путь по лестнице вниз.

Дойдя до второй лестницы, я начал подниматься наверх, сгорая от невообразимой заинтересованности в собеседнике. Когда комната в коридоре крыла «А» наконец была достигнута, я постучался в дверь, ожидая ответной реакции.

— Кто там? — послышался голос Эхо изнутри.

— Это Тайкон, я могу войти?

— Да, конечно, заходите, — проговорила она, уже встречая меня с порога комнаты.

Стоило двери отвориться и передо мной раскрылся вид на милую картину того, как приятная на вид юная девушка играет со своим младшим братом в шахматы, что уже выглядело довольно необычно, ведь в большинстве своем мои приближенные предпочитают не растрчивать время на глупости вроде настольных игр.

— Доброе утро, Эхо, Кирей, — поприветствовал я.

— Здравствуй...

— Доброе утро! — прокричал Кирей, перебив своим возгласом сестру.

— Тише! Так нельзя — надо иметь уважение к старшим, тем более к дяде, который нам помог, — полусшепотом читала нотации Эхо младшему брату. — Простите его, мастер Тайкон.

— Не бери в голову, солнце, я не кусаюсь, — улыбнулся я, чего они не могли увидеть за маской. — Нам нужно поговорить о твоём дальнейшем будущем, а Кирей пока побудет в компании Итачи, хорошо?

— С вашей уважаемой горничной? — уточнила она.

— Да, а мы пока передислоцируемся в гостиную.

— Хорошо, — согласилась Эхо. — Кирей, побудь с тетей Итачи, пока я разговариваю с дядей, ладно?

— А шахматы? — расстроено проскулил он.

— Потом доиграем, только не мухлой! — пригрозила Эхо.

— Есть сэр! — воскликнул он. — Обещаю не двигать фигуры!

— Вот и славно, — улыбнулась она, поглаживая Кирея по голове.

За этой парочкой было приятно наблюдать — глядя на Эхо я вижу будущую маму, старательно ухаживающую за своим ребенком. Благодаря такой картине зарождается уверенность в том, что в мире все же существуют добрые и ответственные родители, хоть они и прячутся среди внезапно повзрослевших детишек.

— Итачи, — заговорил я, обращаясь в переговорное устройство, — говорит босс, у тебя появилось ответственное задание.

— Слушаю, мастер, — утвердительно отчиталась о своем присутствии Итачи.

— Пригляди за Киреем, пока его сестры не будет рядом, хорошо?

— Какое прекрасное задание! — вдруг восторженно прокричала Итачи. — Я захвачу с собой парочку развивающих книжек и Сильвию, чтобы мы весело и продуктивно провели время!

— Развлекайтесь, — умиротворенно улыбнулся я, — конец связи.

Еще вчера я заметил, как наша кошко-горничная смотрит на Кирея так, словно на самую сладкую в мире конфетку, которую так хочется попробовать, но босс-надзиратель не дает воли для реализации своих задумок. Чего-чего, а искренней и глубочайшей любви к детям от Итачи я не ожидал, ведь та ни разу не оставляла ни намека на одну из своих явных черт.

— Идем, Эхо, Итачи будет здесь уже через пару минут, — подозвал я девушку, стоя у выхода из комнаты.

— Хорошо, — Эхо подчинительно поплелась следом за мной, сделав небольшую остановочку перед дверью. — Не переживай, братик, я ненадолго, — после этих слов она вышла из комнаты.

Мы наконец могли выдвинуться в сторону гостиной, куда сразу же и направились, но по пути я заметил, что Эхо очень напряжена в моем присутствии и буквально дрожит, при этом стараясь не выдавать себя, даже если эмоции льются через край.

— Расслабься, чего ты так трясешься? — спокойно утешил я Эхо, ласково погладив по спине.

— Я-я...я н-не...

— Просто заходи, — перебил я, открыв дверь гостиной.

Оказавшись внутри, мы сразу же заняли места на диванах напротив друг друга, но, даже оказавшись в уютном мягком гнездышке в окружении хороших людей, Эхо испытывала некий дискомфорт, с которым все никак не могла совладать.

— Что такое? Я тебя чем-то напрягаю? — наконец заговорил я, устав наблюдать за ее тревожным молчанием.

— М-мастер Тайкон, не подумайте ничего такого, вы меня совсем не напрягаете.

— Ладно, в таком случае мы можем поговорить?

— Угу, — неуверенно и отчужденно промямлила она.

— Тогда скажи мне, как так вышло, что вам с Киреем угрожали вооруженные люди, судя по всему, из мафии? Что вы такого натворили?

— Мы ничего такого не сделали...

— Но ведь должна же быть какая-то причина, так? Мафия в Гармонии имеет достаточно чести, чтобы не трогать детей.

— Дело не в этом...

— Так скажи мне, в чем была ваша с Киреем вина?

— Мастер Тайкон, мы можем поговорить о чем-нибудь другом? — отстранилась Эхо.

— Слушай, я все равно узнаю все подробности твоей жизни от одного из моих подчиненных, мне просто нужно кое в чем убедиться, — немного размыто проговорил я, планируя все-таки разузнать, не представляет ли она опасности для ордена.

— А если я вам все расскажу, вы позволите мне остаться здесь? — с надеждой в глазах промямлила Эхо полупшепотом.

— В каком плане?

— Простите, мне не стоило говорить таких глупостей, — засуетилась она. — Я уйду сразу же, как только вы меня отпустите.

— погоди, ты серьезно хочешь остаться? — опешил я.

— Нет-нет, глупости, вы меня неправильно поняли! — отрицала она, хотя еще секундой ранее говорила обратное.

— Эхо, — вздохнул я, — мне не очень хочется сейчас звать портативный детектор лжи, потому, пожалуйста, будь добра разговаривать со мной предельно честно — я ко всему отнесусь нормально, даже если это в твоём понимании самая несуразная глупость.

— Правда?

— Меня обижает твоя неуверенность в словах.

— Простите, я не хотела. Мы с Киреем очень благодарны вам за спасение и ночлег,

потому хотели бы остаться здесь еще на какое-то время. Взамен я готова делать все, что в моих силах!

— В твоих силах ответить на заданные вопросы?

— Д-да.

— Тогда, давай ты просто расскажешь мне о себе, а потом мы вместе решим, что с вами делать?

— Хорошо, я могу говорить?

— Да, давай.

— Ну, наверное, стоит начать с того, что меня зовут Эхо, а моя фамилия — Минагава, очевидно, ха-ха, — немного нервничала она. — Сейчас мне четырнадцать полных лет, а моему младшему брату Кирею скоро будет шесть. Думаю, стоит немного рассказать о родителях, чтобы вы понимали, почему мы оказались в лапах у мафии.

— Стоило бы, продолжай.

— Стыдно признавать, но они были торчками, — пояснила Эхо.

— Наркоманы? — оторопел я.

— Д-да, — замялась она. — Если бы у Кирея не было старшей сестры, он бы давно умер с голоду в своей комнате, где нет ничего, кроме матраца и плесени в углу.

По выражению лица Эхо можно было сказать, что для нее это весьма болезненная тема — девочка с трудом выговаривает слова и находит в себе силы для диалога.

— Стало быть, твои родители задолжали мафии? — постарался угадать я.

— Все верно, — подтвердила она. — Становится больно от мысли, что мама и папа за дозу были готовы родных детей продать мафии.

— Как я понимаю, у них все сложилось наихудшим образом.

— Наверное, — вздохнула Эхо. — Когда ситуация накалилась настолько, что к нам на порог стали ломиться люди и требовать деньги, я сбежала из дома, забрав с собой Кирея — нам нельзя было там оставаться. Сейчас от семьи Минагава остались только мы, и я не знаю, то ли радоваться этому, то ли лить слезы от горя утраты.

Глядя на Эхо, я испытывал смешанные чувства — она то ли дело цеплялась руками за все, что можно схватить, а когда надоедало, девочка крайне грубо чесала руки, стараясь делать все, что угодно, лишь бы не заплакать в моем присутствии.

— Солнце, — заговорил я, после чего встал со своего дивана и пересел поближе к Эхо, слегка приобняв ее, — пойми, потеря родителей не так значительна, как ты ее себе представляешь. Я тоже потерял семью, да еще и самым ужасным из всех возможных способов. Жизнь продолжается и нужно цепляться за любую возможность выжить, понимаешь?

— Я итак цепляюсь, мастер, — отчужденно всхлипнула она. — Разве вам самому не грустно?

— Еще как грустно, Эхо, — вздохнул я. — Но, знаешь, у меня есть нечто большее, чем родня, которую я не выбирал.

— И что же? — заинтересованно спросила она.

— Друзья, — улыбнулся я, ощущая собственную безмерную благодарность.

— Д-друзья? — Эхо глазела на меня странным взглядом, пока наконец не заговорила. — У меня нет друзей — не могу сказать, что понимаю вас.

— Совсем никого? — удивился я, после чего мы оба затихли.

В этот момент я вдруг осознал, что прекрасно понимаю чувства Эхо, ведь у меня самого

не было друзей и приходилось много убиваться по поводу их отсутствия, но стоило парочке человек занять место в сердце, так теперь удивляюсь тому, что у кого-то в этом мире может не быть друзей — какая ирония.

— Эхо, — развеял молчание мой внезапный возглас, — а ты знаешь, что в дружбе самое главное?

— Н-нет, — очевидно промычала она.

— Доверие, — объяснил я. — Мы бы могли с тобой стать хорошими друзьями, но для этого придется обменяться секретами

— Что вам от меня нужно? — вдруг напряглась Эхо.

— Гляди, — я подскочил с места, встав напротив девочки, после чего скинул с себя капюшон и освободил лицо от маски, — видишь? Это мое настоящее лицо, которое помимо тебя видели только сотрудники ордена, — как ты это воспринимаешь? Смогла бы довериться человеку, который только что раскрыл тебе один из своих самых потаенных секретов?

— Д-да, наверное, — замялась она.

— Вот и мне нужно тебе доверять, — пояснил я, склонившись к Эхо. — Расскажи о своей способности, и я позволю тебе остаться здесь на неопределенный срок без платы за аренду комнаты.

— Правда?

— Никакого обмана, — улыбнулся я. — Ты мне очень интересна как человек, и я готов пойти навстречу, став не только твоим другом, но и путеводной звездой — что скажешь?

— Звук, — однозначно проговорила она.

— Звук? — переспросил я, не понимая, к чему это вообще было.

— Звук, — снова повторила она, после чего ненадолго затихла, пока не поняла, что стоило бы продолжить мысль. — Еще будучи совсем маленькой я стала замечать, что мои уши различают куда больше звуков, чем у других людей. Даже сейчас я отчетливо слышу биение вашего сердца и мельчайшие вибрации кровеносных сосудов.

— Погоди, ты серьезно? — честно говоря, я на секунду впал в состояние шока.

— Мастер Тайкон, вы мне не верите? — с грустным лицом промямлила Эхо.

— Нет-нет, не подумай, просто я впервые слышу о суперслухе.

— Вообще-то это не совсем суперслух — звук в целом подчиняется мне всем своим естеством. Да, я могу услышать что угодно и где угодно при условии, что других громких источников шума рядом не будет. Допустим, если где-то в горах потеряется человек, я смогу услышать его шаги с любой точки в радиусе десятков километров.

— А как это помогло тебе отразить пулю? — немного затерялся я в понимании.

— Говорю же — звук подчиняется мне! — обиженно пробормотала Эхо. — Выстрел из пистолета — тоже звук, и он был настолько громким, что смог отразить пулю и убить того человека, стоило лишь немного его усилить.

— Хочешь сказать, что ты отразила пулю и запустила мафиози в стену одной лишь звуковой волной? — я был действительно поражен.

Если так подумать, то Эхо в самом деле могла отразить пулю, при том сделала она это точно немашинально. Как всем известно, в этом мире скорость звука куда больше, чем скорость полета девятимиллиметрового снаряда, потому за то время, пока пуля летела, Эхо уже успела поглотить звуковую волну от порохового взрыва, при том еще и смогла обратить ее против стрелявшего в куда более сильной и разрушительной форме — потрясающе.

— Слушай, Эхо, а не могла бы ты продемонстрировать мне что-нибудь? — сторя от любопытства ерзал я на месте.

— Ну, могу сделать так, — она выставила перед собой руку, средний и большой палец на которой были соединены в ожидании щелчка пальцами, который уже секунду спустя прозвучал настолько громко, будто это был выстрел с дробовика.

— Вау! — воскликнул я, все еще стараясь оклематься от звона в ушах. — На такой звук сейчас весь орден сбежится — вот это способность, Эхо!

— Его никто не услышал, — спокойно ответила она, — только до ваших ушей дошла эта звуковая волна.

— Серьезно?

— К-как вам? — ожидающе промямлила она, предполагая, что мне понравилось.

— Честно говоря, я очень впечатлен — у тебя большой потенциал, Эхо, — улыбнулся я. — Не хочешь вступить в ряды ордена «Спектр» как полноправный сотрудник?

— П-простите?

— Послушай, солнце, эта сделка выгодна нам обоим: я получаю ценного сотрудника, а ты получаешь кров и кучу новых друзей.

— Д-друзей? Вы думаете, я смогу с кем-нибудь здесь подружиться?

— Брось, Эхо, ты уже подружилась не только со мной, но и с Хомурой, которая заходила к тебе утром.

— Вы про ту девочку в клетчатом платье? — опешила Эхо.

— Да, она сегодня очень хорошо о тебе отзывалась, — улыбнулся я.

— Стало быть, у меня появились друзья? Хомура и...

— Ашидо, — перебил я, — зови меня Ашидо.

— Это ваше настоящее имя? — уточнила Эхо.

— Никаких «вы», теперь ты можешь обращаться ко мне на «ты», ведь мы с тобой друзья, так?

— Не так я себе представляла дружбу... Даже как-то... непривычно.

— Расслабься, разумеется крепкая дружба не появляется с бухты-баракты, она зарождается годами, потому можешь считать, что мы просто дали ей начало, carichi?

— Д-да, я все понимаю.

— В таком случае ответь мне на вопрос, что бы ты сейчас выбрала: остаться с нами или покинуть орден, позабыв обо всем, что здесь произошло?

— Я хочу остаться с вами, мастер Ашидо, — с незримой каплей сомнения ответила она.

— Уверена? — переспросил я, надеясь на то, что она все-таки не передумает. — Ты ведь будешь жить бок о бок с преступниками и убийцами, а если уйдешь, появится возможность начать жизнь заново.

— Начать заново? — как-то многозначно фыркнула Эхо. — Без гроша на руках и под прицелом у мафии? Нет уж, спасибо, я лучше буду работать на преступников, чем бегать от них, но у меня есть условие.

— Какое? — с интересом спросил я.

— Вы готовы обеспечить моему младшему брату все условия для жизни, пожалуйста? — проговорила Эхо, пытаясь внушить мне, что ради такого сотрудника я должен идти на большие уступки, но почему-то в самом конце она замялась — забавно.

— Не умеешь ты вести дела, девочка, — усмехнулся я.

— Н-наверное, вы правы, — отстранилась Эхо, но я все равно прошу вас сжалиться и

посочувствовать Кирею, ведь он всю свою жизнь прожил в семье наркоманов в таких условиях, в которых даже животных не держат. Мастер, я буду готова делать все, что вы от меня потребуете, только, пожалуйста, пусть мой брат наконец узнает, как должны жить нормальные люди!

Услышав это, я не стал ничего отвечать, а лишь широко улыбнулся, глядя в глубокие и бесконечно синие глаза. На этот раз нам достался действительно светлейший и добрейший человек, которого совсем не хочется портить, заставляя проливать кровь. Степень моей лояльности по отношению к Эхо за этот короткий диалог возросла до предела, потому я готов принять ее в наши ряды просто задаром, только бы вырвать этот огонек из беспросветной тьмы Гармонии.

— Не переживай, Кирей будет жить в своей собственной комнате, за ним будет ухаживать Итаци: кормить, поить, учить, поддерживать — все, чего ему не дали родители, даст «Спектр» в куда большем объеме.

— Хорошо, я согласна вступить в «Спектр», но можно кое-что подправить?

— Что именно?

— Я хочу делить комнату с Киреем пополам, пока он не подрастет — мне так будет спокойнее.

— Будь по-твоему, — согласился я. — Каков твой финальный ответ, Эхо?

— Я согласна, — наконец улыбнулась она.

— Вот так бы сразу, — заразился я широкой улыбкой. — Добро пожаловать, Эхо, почувствуй себя как дома. Раз уж разговор окончен, ты можешь идти, — сказав это, я поднял девушку с дивана и уже был готов проводить к выходу, но она остановилась.

— Мастер Ашидо, — стеснительно проговорила она. — А мы не могли бы еще с вами поговорить? Мне очень не хватает простого общения с людьми.

— Конечно, я с радостью проведу с тобой время, если буду не занят.

— Буду ждать, — напоследок натянуто улыбнулась она, покинув гостиную.

Вау — ничего более сказать не могу. Я в самом деле привык к общению со сверстниками и теми, кто меня на порядок старше, но сегодня по-настоящему почувствовал каково это — значится человеку наставником. С какой стороны ни посмотри, а Эхо глазеет на меня в точности так же, как я смотрю на Илию — как слабое дитя на своего безмерно мудрого учителя. Неужели рогатый дед чувствует тоже самое? Или он уже привык везде совать свое мудрое слово и благодарность из уст ближних не пробуждает в нем чувств? Кто знает...

Одно лишь пугает — осознание того, что в Гармонии есть люди, готовые разрушать человеческие судьбы и портить гордое имя города. Чувствую, что одним лишь свержением короля «Спектр» не ограничится. У нас уже есть счеты с героями в белых халатах, за улыбкой которых скрываются монстры, и речь идет не только о Стивене Колдене, но и о других уродах. Сейчас у меня в голове вертится одна навязчивая мысль, которую следовало бы обсудить.

— Наташа, Хорнет, мне нужно кое о чем с вами поговорить, жду в своем кабинете, — проговорил я в переговорное устройство, после чего сразу же двинулся по коридору к месту назначения.

Через десять минут томительного ожидания обе девушки уже сидели за столом напротив меня, потому мы были готовы к обсуждению.

— Итак, вы, наверное, спросите, ради чего же я вас здесь созвал, — заговорил я.

— Не томи, — торопила меня Хорнет.

— Я немного поговорил с Эхо и теперь ясно понимаю, что в Гармонии во всю процветает наркобизнес, и, боюсь, Сильвестр был далеко не единственным поваром. Судя по его состоянию, спрос на наркотики удовлетворяется в полном объеме, но меня пугает факт того, что барыги готовы трясти деньги даже с детей, из-за чего можно предположить, что продают они свой товар не только взрослым.

— Хочешь сказать, у «Спектра» появилась новая работа? — уточнила Наталья.

— Именно, а самое пугающее в этом деле то, что нам не за что ухватиться. Не хотелось бы подкидывать тебе лишней работы, но нам нужна информация о любых потенциальных дилерах. Схватим хотя бы одного — выйдем на остальных, с чем нам очень поможет Кишин.

— Работу координатора и информатора довольно тяжело совмещать, знаешь ли, — вмешалась Хорнет. — Если мы собираемся распределить силы между главной целью и борьбой с наркобизнесом, придется возвращать Амелию на прежнюю должность.

— Если потребуется — так и сделаем. В любом случае нам нужно заработать себе имя, и у меня уже есть отличная идея, добавив к которой борьбу с наркотиками, мы значительно улучшим свою репутацию.

— Значит, в мои новые обязанности будет входить внедрение в наркотрафик? — уточнила Наталья.

— Найди хотя бы одного дилера — этого будет достаточно. Уверен, что с твоими связями это будет не так сложно, верно?

— Да, это в моих силах, — ухмыльнулась она.

— Хорошо, мы вернемся к этому вопросу позже, а сейчас у меня есть отличная новость для Хорнет.

— И какая же? — заинтересованно спросила Хорнет.

— У «Спектра» новый сотрудник — Эхо согласилась присоединиться к нам при условии, что мы обеспечим уход за ее младшим братом.

— И какой в этом смысл? Не лучше было бы сплавить ее Юстиции и не возиться с мелочью?

— Не говори так, Хорнет, — грозно пробурчал я. — Пусть все в этом ордене так или иначе настроены творить добро, немногие из нас в самом деле такие мягкие и пушистые, какими хотят казаться. Эхо же представляет из себя эталон сотрудника «Спектра», к которому до этого был ближе всех я. Ее способность будет очень полезна, при том ей вовсе не обязательно пачкать руки в крови — это сделаем мы.

— И что это за способность такая? — с долей сомнения в полезности моего решения спросила Хорнет.

— Скажем так, прямо сейчас она слышит все, о чем мы с вами говорим, — пояснил я.

— Это что-то вроде суперслуха? — на этом моменте я почувствовал некое дежавю.

— Можно и так сказать. В любом случае она будет нам полезна уже в ближайшее время — на операции по захвату Колдена.

— Какую роль ты хочешь ей доверить, Ашидо? — вклинилась Наталья. — Думаешь использовать девочку в качестве локатора внутри офисного ведра?

— Именно, — подтвердил я. — С ее помощью мы без проблем найдем Стивена и сможем заранее предсказать попытку побега, но ей потребуется серьезная защита.

— Ашидо, ты должен понимать, что мы собираемся ворваться в крупнейшее здание Гармонии в самом центре Торгового района, где будет куча лишних глаз и до куда гвардии

легко добраться по главной улице. Мы должны подойти к операции максимально ответственно и учесть все нюансы, если хотим выйти сухими из воды, — предостерегала Хорнет.

— Притормози, все вопросы мы обсудим на общем собрании в командном центре, как только Мисато закончит с приготовлениями к разведке, окей? Сейчас я хотел обсудить только наш потенциал в борьбе с наркотиками.

— Потенциал есть, но для его реализации мне нужен напарник — кто-то способный внедриться в уличную банду, — требовательно посмотрела на меня Наталья.

— Кто-то вроде Эмбер? — предложила Хорнет.

— Кто такая Эмбер?

— Один из ветеранов «Спектра», скажем так, — весьма удачно подобрала слова Хорнет. — Если верить словам Сальвадора, в скором времени она должна здесь объявиться.

— Давайте так, дамы, — вклинился я, — будем считать нашу кампанию открытой по возвращении Эмбер, а пока придерживаемся того же плана — есть возражения?

— Я согласна, — без доли сомнения произнесла Хорнет.

— Да, думаю, так будет лучше, — аналогично согласилась Наталья.

— Хорошо, собирайте всех в командном центре — скоро начнем. Все должны быть уже на месте к моменту, когда мы с Мисато войдем внутрь.

Выдав приказ, я сразу же вышел на связь с нашим главным инженером, которая уже была готова к разведке, нужно было лишь перетащить все оборудование в командный центр — какой прекрасный момент я выбрал.

Наконец-то близится развязка моей мести, которая подпитывала монстра внутри меня все это время, но, честно говоря, я уже не чувствую, что, свершив свою месть, получу упокое. Стивен правда совершил много грехов не только по отношению ко мне, но это именно он сделал меня тем, кем я сейчас и являюсь — основателем ордена «Спектр» и его главным голосом. Меньше всего хочется благодарить его за это, но я понимаю, что именно он подтолкнул меня на этот путь, как это сделал его напарник Хандзо. Не скажу, что такая жизнь мне по душе, но стоит отдать им должное, ведь благодаря всего какой-то парочке отморозков я стал одним из опаснейших шепотов Гармонии, но даже так я все еще могу из них кое-что вытянуть.

Копаясь в делах пациентов лабораторий, я впервые услышал такой термин как «багровая лихорадка». Пункт об этой болезни мелькал чуть ли не в каждой медицинской карточке, и я тоже не был исключением — болен на ранней стадии, но прискорбнее всего было то, что, даже опираясь на знания предков о разломе, на их исследования в области энтропологии, начало которой было положено еще восьмью веками ранее, я совсем не понимал сути и последствий этой болезни, хотя именно влияние энтропиума значилось в «багровой лихорадке» ключевым.

Что это за болезнь и какие у нее побочные эффекты неизвестно никому, ведь эта информация хорошо засекречена, однако по общепринятому вселенскому закону все тайное рано или поздно становится явным, как бы усердно это не скрывали.

Как только Стивен Колден попадет мне в руки, я задам ему очень и очень много вопросов, уйти от ответа на которые не выйдет.

Глава 38: Прогулка по востоку

Спокойную и приятную обстановку сменил бушующий хаос и шум, скопление людей в одной комнате действительно превышало привычное мне количество живых душ на квадратный метр, потому управляться со всеми было довольно сложно. Еще часом ранее все были заняты своими делами, а сейчас мы готовимся к проведению крупнейшей в истории ордена операции, начало которой положит именно разведка, ради которой все мы здесь собрались.

— Попрошу внимания! — прокричал я в сторону зала, но меня, очевидно, никто не услышал.

Наши сотрудники хорошо заболтались, некоторые вели себя чрезмерно громко, перебивая не только фоновый шум остальных присутствующих, но и того, кого они должны слушать в первую очередь — меня. Пусть мы с Мисато долгое время провозились с подключением дрона к командному центру и его дальнейшей проверкой на работоспособность в полном объеме, все равно это не повод терять концентрацию и кричать на весь зал.

— Может, запустим в них ракету? — усмехнулась Мисато, симитировав эдакий «прицел» из сложенных друг на друга пальцев.

— У нас есть ракеты? — спросил я, прекрасно зная, что нет.

— Будут, — многозначно ответила она.

— Надо бы чем-нибудь привлечь их внимание, — продолжил я, сделав вид, что не услышал этого.

— Протестим звук с колонок?

— Да, отличная идея, врубай.

После этих слов Мисато сразу же вцепилась во встроенный в длинную трибуну компьютер, шарясь в нем в поисках подходящего звука, пока в зале не прозвучал громкий гудок грузовика. Стоило этому разрушительному по своей натуре явлению пронестись по комнате, как все присутствующие наконец обратили на меня внимание.

— Оригинально, — похвалил я Мисато.

— Ваш выход, босс, — она похлопала меня по плечу и отошла на заранее подготовленное для себя любимой место.

Очень приятно было в этот момент слиться с тишиной и внимательными взглядами с сидячих мест — можно было начинать.

— Итак, дорогие сотрудники «Спектра», вы, наверное, желаете знать, зачем же я вас всех здесь собрал. Ответу однозначно — мы планируем крупную операцию по захвату спорной персоны, находящейся под хорошей защитой в компании «Vostok.inc». Мне важно присутствие каждого из вас, чтобы мы могли определиться с командой, которая будет участвовать в операции, и обсудить все нюансы, которые могут сыграть с нами злую шутку. Перед началом я бы хотел провести переключку — приступим.

Очень приятно было слышать собственный голос из колонок без помех. Сегодня я мог говорить спокойно, не опасаясь за конфиденциальность сказанной информации, ибо громкий звук не выходит за пределы комнаты, а все это благодаря инициативной скромняге Эхо.

— Амелия, — прокричал я, начав читать имена с листа бумаги.

— Здесь! — послышался голос нужной персоны.

— Войд, — ответа не последовало, но я отчетливо видел, как присутствующие пихали ее в бок.

— Здесь! — наконец дала о себе знать Войд.

— Хорошо, — пробурчал я. — Джозеф.

— Здесь!

— Илия, — проговорил я, за чем опять не последовало ответа. — Черт бы тебя побрал, рогатый, — его нигде не было видно, потому пришлось обратиться к залу. — Где Илия Кишин?

— Я стою рядом с тобой, debil, — послышался ворчливый возглас в непосредственной близости.

— Надо, наверное, давать о себе знать, умник, — фыркнул я, после чего продолжил. — Лаффи.

— Я тут, Аши! — громче всех прокричала Лаффи.

— Мисато здесь, — подумал я про себя, — Нао.

— Полное присутствие.

— Наталья.

— На базе!

— Николас.

— Здесь!

— Ринна.

— Здесь!

— Хомура.

— Здесь!

— Хорнет.

— Здесь!

— Шин.

— Здесь!

— Эхо тоже присутствует, — проговорил я про себя, — вроде все, не считая Итаци, которая занята своими делами, ибо делать ей здесь нечего.

Надо же, внутри ордена практически незаметно для меня закипела жизнь. Конечно, я предполагал, что нас набралось уже достаточно много, но все эти люди обычно были разбросаны по всему зданию и редко сходились в одном месте, а сегодня я вижу перед собой совсем иную картину, что не может не радовать.

— Все в сборе — отлично. Войд, подойди сюда, — уроки Итаци не прошли зря, ее единственная ученица овладела языком достаточно, чтобы откликнуться.

— Ко мне, Войд, ко мне, — переключила ее на себя Мисато, дабы разъяснить, что от нее потребуется.

Пока девочки шушукаются по поводу транспортировки, я могу спокойно начать свою небольшую речь и ввести зрителей в курс дела.

— Итак, перед собой вы видите командный экран, за которым придется пристально следить до тех пор, пока я вас не выпущу из этой комнаты. С минуты на минуту Мисато выпустит в полет дрона, камера которого будет транслировать картинку прямо сюда. По окончании трансляции мы сможем пересмотреть запись и определиться с требованиями к операции, потому ваша инициатива высказаться приветствуется — приступаем?

— Да, мы готовы, — ответила Мисато, словив на себе мой взгляд.

— Отлично, начинаем, — стоило дать команду, как Войд тут же открыла портал, в который Мисато закинула тот самый «дешманский квадрокоптер», после чего гуманоид довольной походкой вернулся на свое место.

Очевидно, картинка на экране появилась не сразу, ведь дрон за секунду переместился от нас на несколько километров вглубь Торгового района, из-за чего связь оборвалась, что вынудило его прибегнуть к попытке переподключения — эта часть операции была самой ответственной, ведь собрать всех вместе, чтобы смотреть на тайм-аут дрона, было как минимум по-идиотски.

Около минуты я нервно вглядывался в надпись «Reconnecting...», пока та наконец не сменилась заветной «Connection complete», после чего на экране раскрылся вид на ничем не примечательную крышу здания. С радостным возгласом от удачного сопряжения Мисато схватилась за пульт и подняла дрона в воздух, отлетев от крыши на достаточное расстояние для того, чтобы можно было разглядеть здание.

— Кхм, на экране перед вами находится офис компании «Vostok.inc», — начал я. — Ее основателем был человек по имени Юлий Ист, давший начало Гармонийской робототехнике и микроэлектронике еще до рождения Торгового района. Данное здание по своей величине уступает только королевскому дворцу и по высоте одной лишь Академической башне, что делает его крайне заметным среди жилых домов.

И вправду, строение представляет собой многоэтажное здание на двадцать пять этажей, две тысячи работников в нем трудятся не покладая рук пять дней в неделю. Территория компании по большей степени пустует, сберегая место для будущих стоянок, когда в Гармонии наконец появятся машины как основной вид транспорта.

— Целью операции является человек по имени Стивен Колден, — продолжил я. — Мисато, фото на экран, — мой «ассистент» сразу же уловил, поместив жабий портрет в углу трансляции. — Полудурок в белом халате некогда руководил собственной исследовательской лабораторией и многим из вас он уже очень хорошо знаком, потому причины нашей вражды неведаяющим я объяснять не буду. Что важнее — он нужен нам живым и невредимым, однако схватить того будет непросто по двум причинам: первая — мы не знаем, где конкретно он находится, а вторая — внутри полно гвардейцев и не исключено, что среди них может быть кто-то посерьезнее рядовых.

— Вопрос! — раздался возглас Нао из зала. — А как мы собираемся искать его в таком большом офисе?

— Хороший вопрос, Нао, — отреагировал я, обрадовавшись тому, что меня все-таки внимательно слушают. — У нас на этот случай есть несколько вариантов: шпионаж, штурм и тихое внедрение — что из этого стоило бы разжевать?

— Объясни мне, кто из нас способен вести себя тихо? — в яблочко выстрелила она.

— Верно подмечено — среди нас нет хороших шпионов, а внедрение в компанию традиционным путем займет много времени, которого у нас нет. Обращаюсь к залу — у вас есть идеи, как нам отследить Колдена, или придется устроить кровавую баню с применением Ринны?

— Я согласна! — вдруг прокричала Ринна.

— Заткнись, машина смерти, — перебила ее Хорнет. — Ашидо, у меня есть предложение.

— Слушаю.

— Не так давно мы с тобой говорили о способности Эхо — она ведь может слышать Колдена с любой точки здания, верно? — сказав это, Хорнет переключилась на Эхо, которая неоднозначно восприняла ее пристальный взгляд и замкнулась в себе, не желая отвечать на вопросы.

— Эхо, — заговорил я. — Ты могла бы помочь нам в этом деле, или придется рассчитывать на кого-то другого? — ответа не последовало.

— Будем рассматривать альтернативы? — вмешалась Хорнет.

— Предлагай.

— Как насчет хламовой живности? — предложила она что-то, сказав это так, что никто не понял, о чем идет речь.

— Это? — непонимающе и отстраненно спросил я.

— Я про роботов, — пояснила она, — Мисато и Шин ведь способны собрать для ордена парочку маленьких шпионов?

— Да, но на это уйдет время, и выделить на изготовление парочки таких штук его придется немало, — откликнулась Мисато.

— Сколько времени потребуется? — поинтересовался я.

— При полной отдаче от Шина и участия Илии, если на руках будут все нужные ресурсы — несколько дней.

— Хорошо, рассмотрим как вариант, есть еще предло...

— Я помогу, — вдруг послышался в ушах голос Эхо, перебив говорящую Хорнет, который, судя по всему, никто кроме меня не слышал. — Мне несложно найти человека в большом здании.

— Тихо! — скомандовал я залу, прервав их оживленные обсуждения. — Эхо согласилась помочь, вопрос закрыт.

Все присутствующие вдруг переключились на нее, чего Эхо точно не оценила, потому мне пришлось вмешаться.

— Не пишите ее взглядами — ей некомфортно, — объяснил я. — Вы должны быть сконцентрированы в первую очередь на мне, окей? — в ответ я получил согласные кивания, отставшие от истинного интроверта.

Немного сложно работать в ордене с индивидуальным подходом к сотрудникам, однако в таких взаимоотношениях плоды с лихвой перебивают ожидания.

— Эхо, если тебе есть, что сказать — скажи только мне, а я передам это залу.

— Есть, — вновь прозвучал ее голос. — Я согласна пойти с вами при нескольких условиях: мне будет обеспечена защита, мне не придется никого убивать, вы приложите усилия для того, чтобы я услышала голос нашей цели хотя бы единожды, дабы его запомнить.

— Тебе нужно слышать голос Стивена, чтобы ты могла его отследить? — уточнил я.

— Да, этот пункт лежит в основе эхолокации — если я смогу отправлять звуковые волны той же частоты и обертонов, как у голоса цели, то по времени задержки возвращения отраженной волны можно будет определить точное местоположение, едва он скажет хотя бы одно слово.

— А если проще?

— Если проще — как только цель скажет хоть слово, я зацеплюсь за него, и он уже никуда не уйдет.

— Хорошо, я тебя понял, Эхо. Илия поможет с пунктом о голосе Колдена — мы на тебя

рассчитываем.

— Угу, — кивнула она.

— Вопрос решен, — обратился я к залу. — Отслеживанием Стивена займется Эхо, но взамен она потребовала надежную защиту. Кто готов взять на себя ответственность за ее жизнь?

— Я готова! — прокричала Ринна. — С хорошим авангардом никакая защита не нужна!

— Окей, ну расчистишь ты путь, а если кто-то выпрыгнет на нее из засады? — Ринне стоило это предполагать.

— Это уже проблема второго телохранителя, — отмахнулась Ринна. — Не мне одной же ее защищать, верно?

— Хорошо, — смирился я с тем, что она права, — кто еще готов войти в команду?

— Позвольте мне поучаствовать в операции, — вдруг заговорила Хомура, чьей инициативы я совсем не ожидал. — Мисато уже закончила изготовление баллонов, потому мое участие в качестве телохранителя будет крайне эффективным, не так ли?

— Мне стоит чего-то опасаться? — уточнил я у Хомуры, ожидая, что она вполне может получить непредвиденное ранение или сдаться на полпути.

— Я выложусь на полную, — уверенно заявила она, — можете не греть голову на мой счет, мастер.

— Приятно иметь таких инициативных людей в окружении, — похвалил я Ринну и Хомуру. — За такой короткий срок мы уже определились с командой, что не может не радовать. К слову, я тоже участвую в операции в первых рядах, потому плавать в океане неопределенности никому не придется, — сказав это, я замер в ступоре, думая, что еще можно сказать внимательно слушающему залу, пока не вспомнил про то, что мы находимся в процессе разведки, и все это время позади меня что-то происходило. — Мисато, есть чем поделиться? — очнулся я.

— Да, босс, — откликнулась она. — Я немного полетала вокруг и поглазела в окна, и наши опасения подтвердились — внутри помимо обычных работяг полно рядовых гвардейцев.

— Как насчет залететь внутрь? — предложил я.

— Ага, еще бы настезь открытую форточку найти, — фыркнула Мисато. — Они, блин, привыкли все в душняке сидеть. Кстати говоря, дрон уже давно заметили — они суетятся от постороннего присутствия.

— Нас это не должно пугать — всекут шваброй и успокоятся, а нам потеря дешевого дрона по карману не ударит.

— Опа, — вдруг дернулась Мисато, заметив открытое окно, в которое сразу же залетела.

Так дрон оказался внутри помещения где-то в районе пятнадцатого этажа, кругом кипишилось много народу и все они были явно возмущены внезапным вторжением, вынуждая нас держаться ближе к потолку, под которым располагались множественные технические линии вроде вентиляции и проводки, что значительно затрудняло передвижение.

— Ало, что за детский сад? — возмутилась Мисато. — Какого хрена у них тут только скукота смертная, что за отдел-то такой? Где все секретные разработки? Это что, компания клоунов?

— Угомонись, будет еще время пошариться. Сейчас нам важно оценить то, насколько

они защищены — видишь кого-нибудь не из рядовых?

— Да тут только дебилы, которые не могут взять пушку в руки и пальнуть по дрону — кругом же персонал, бу-бу-бу, — хихикала Мисато. — Я, короче, полетела на этаж выше.

— Давай, — согласился я, после чего дрон устремился в сторону лестницы, дверь на которую оказалась закрыта.

— Бляха, придется снова через окно, — прокряхтела Мисато, но едва она успела развернуться, как вдруг послышался скрип лестничной двери.

— Стой, дверь! — окликнул я ее.

— Опа, дебил выходит, — опомнилась она, подлетев поближе, но каково же было наше удивление от того, что мы мельком увидели.

Пусть Мисато и молниеносно нырнула в узкую щель, угла обзора камеры хватило для того, чтобы запечатлеть умника, решившего открыть дверь — это был Стивен собственной персоной, мы не ожидали встретиться с ним так быстро. Уже будучи на лестнице нам пришлось развернуть дрона, чтобы убедиться в том, что мы только что увидели, а он все это время просто стоял в дверном проеме и пилил взглядом незнакомого оператора.

— Вот и попался, зайчик, — на моем лице проскочила довольная ухмылка.

— Ха-ха, погоди-ка, сейчас чутка поверну, — вдруг рассмеялась Мисато.

— Зачем? — оторопел я.

— Там надпись ржачная, — пояснила она, а затем слегка повернула дрона боком к Стивену и, стоило насмеяться вдоволь, через пару секунд Мисато благополучно вылетела в удачно открытое окно на лестничной площадке.

— Что за надпись там была? — заинтересованно спросил я.

— Ха-ха, не поверишь, я написала на боку дрона...

Смех Мисато прервала неожиданная картина того, как дрон внезапно закрутился и начал пикировать вниз, будто кто-то его все-таки сбил — это было ожидаемо для меня, но, судя по всему, неожиданно для Мисато. Никто не расстроился от утраты маленького разведчика, ведь мы уже получили всю нужную информацию в более чем достаточном объеме, потому можно считать, что начало операции положено.

— Хоть бы камеру пожалели, — заговорил стоящий рядом и молчавший все это время Илия.

И вправду, видимо, в нее и попали, о чем говорило треснувшее стекло. Какое-то время мы наблюдали за неконтролируемым падением дрона с высоты, пока тот не впечатался в землю, разлетевшись на осколки, хотя камера к нашему удивлению неплохо сохранилась, удобно расположившись на поверхности.

— Все, можно заканчивать трансляцию и разносить дрона, — с долей грустинки пробурчала Мисато, передвинувшись на своем стуле с колесиками поближе к трибунному компьютеру.

Мы уже позабылись и были готовы свершить задуманное, как вдруг люди в зале засуетились, пытаясь что-то мне сказать, тогда-то я обернулся обратно к экрану, увидев перед собой кое-что неожиданное — знакомое лицо.

— О-о-о, это же тот клоун из Трущоб, — аналогично заметила его Мисато, глядя на эти запугивающие медленные движения в процессе того, как он вглядывался в камеру.

— Вырубай, не хватало нам еще, чтобы нас отследили, — скомандовал я.

— Оки, — подхватила Мисато, обрубив трансляцию и запустив таймер самоуничтожения дрона.

Да уж, у нас нарисовалась небольшая проблемка, с которой я надеялся не ни коим образом не сталкиваться. По заинтересованным и слегка напуганным взглядам можно было понять, что всем хочется знать, кого же они увидели на трансляции последним, но мне нужно было разложить все по полочкам.

— Итак, господа и господессы, пойдём по порядку. Мисато, будь добра, человека с лестницы в студию, — приказал я, после чего на экране появился весьма четкий снимок Стивена Колдена, полностью подтверждающий слова Сальвадора, в которых мы до последнего сомневались.

Этого человека ни с кем не спутаешь: он весьма полный, щеки раздутые, на лице виднеется многолетняя щетина, под глазами мешки, поверх скатавшегося свитера надет характерный белый халат, а под ними нелепые брюки и старые туфли.

— Перед вами находится никто иной, как Стивен Колден — цель захвата. Тип сам по себе довольно скользкий и хитрый, но я сомневаюсь, что появление нашего дрона заставило его ягодицы сжаться, тем более, что у него есть такой крутой союзник.

— Мне переключить на последний кадр? — опередила меня Мисато, на что я утвердительно кивнул головой.

— Здесь вы можете увидеть еще одну гадость — это Калипсо, — объяснил я, указав на персону с экрана. — Не так давно мы с ним познакомились лично, из-за чего сейчас мелькаем на плакатах о розыске. Как вы могли увидеть, он не просто проходил мимо, а буквально спустился с неба на землю и, уверен, именно он сбил дрона — вот и самая большая заноза в заднице, ставящая под угрозу всю операцию. Судя по всему, именно ему приказано охранять Стивена.

Кроме этого пункта присутствовало кое-что еще, что никак не давало мне покоя.

— Мисато, так все-таки что было написано на дроне? Он мог бы нас вычислить по маркировке? — спросил я, опасаясь внезапного раскрытия ордена.

— Да нет, вроде, там было написано только «отсоси, лох», ха-ха, — усмехнулась она, стараясь подавить порыв.

— Ни капли не удивлен, Мисато, — протянул я.

— А кто такой этот Калипсо? — спросил голос из зала.

— Честно говоря, я практически ничего о нем не знаю, кроме того, что тот умеет летать и служит в гвардии, имея при этом звание не ниже элитного гвардейца.

— Я знаю, — вклинулась Нао, — позвольте?

— Да, конечно, выходи сюда, — подозвал я инициативную даму, которая в скором времени заняла мое место на трибуне.

— Как многие из вас уже знают, я и сама когда-то принадлежала к королевскому дворцу и тесно взаимодействовала с гвардией, потому прекрасно знаю человека под псевдонимом Калипсо, — поведала она. — Это не просто элитный гвардеец, а человек из числа тех, кто дослужился до звания высшего гвардейца, коих во дворце можно по пальцам пересчитать. Не знаю, что бы вы дегенераты без меня делали, но благодаря мне у «Спектра» имеется вся доступная информация о его силе.

— Допустим? — недовольно фыркнул я.

— Как Ашидо уже подметил, Калипсо умеет летать, при том владеет он этой способностью в идеале, но есть еще кое-что — «бесподобный мрак».

— Что еще за «бесподобный мрак»? — опешил я, впервые услышав об этом.

— Его фирменная способность, — пояснила Нао. — «Бесподобный мрак» по принципу

работы схож с вдруг лопнувшей лампочкой в подвале, где не было других источников света. Говоря простыми словами, вам всем конец, если вы попадете под действие этой херни.

— А есть какие-нибудь способы выкрутиться?

— Если ты умеешь ориентироваться в комнате без окон и дверей в полной темноте — выживешь. При условии, конечно, что он не присунет тебе во время слепого шастанья по округе.

— Это не должно так работать, — вмешался Илия. — Калипсо ведь шепот, так?

— Верно, — подтвердила Нао.

— Сравнение с лампочкой абсурдно, ведь в таком случае он не смог бы ориентироваться внутри собственной способности — это не просто вырубание света. В голову приходит только такой вариант, при котором Калипсо затмевает пространство вокруг цели собственной энергией, которая не дает фотонам проникнуть в область действия и при этом позволяет ему ориентироваться относительно искажений энтропийных частиц, вышедших из состояния покоя.

— Другими словами? — недовольно посмотрела на него Нао.

— Другими словами внутри «бесподобного мрака» вы будете как крот в норе, однако сам Калипсо будет двигаться свободно и видеть вас с любой перспективы.

— Это очень опасный противник, — подметил я. — Илия, как ты сам думаешь, кто из нас смог бы дать ему отпор?

— Практически все при должной сноровке, однако у меня есть предложение получше, чтобы не перенапрягать состав.

— Что ты задумал?

— Я уговорю кое-кого помочь нам, — уверенно заявил Илия. — Этот человек справится с таким противником куда лучше, чем каждый из нас. Можешь считать вопрос об устранении Калипсо закрытым, однако стоит все равно подготовиться к тому, чтобы отряду штурма хватило сил выгнать его наружу.

— Как скажешь, мы отработаем слепые зоны, — согласился я. — Одно лишь меня волнует — кто этот человек, о котором ты говоришь?

— Ты с ним уже знаком, при том сам прекрасно знаешь, почему нам стоит сохранять его инкогнито — давай обойдемся без вопросов?

— Окей, а кому придется его ловить, если тот отступит и решит улететь?

— Не переживай — все схвачено, — обнадежил меня Илия, хотя в его слова верилось с трудом.

— Хорошо, я тебе доверюсь, — произнес я, найдя в себе силы отбросить сомнения, которые еще ни разу не оправдывались.

— Забились?

— Забились.

Честно говоря, я даже не догадываюсь, о ком говорит Илия, тем более не догадываюсь, почему приходится скрывать его личность, но этот мужик еще ни разу меня не подводил, потому на него можно положиться, даже если не сильно хочется.

— А ты сам не хочешь пойти, черт рогатый? — фыркнула на Илию Нао.

— Нет, спасибо, мне важно скрыть факт своего существования от внешнего мира настолько, насколько это возможно, — отстранился он.

— Зассал? — продолжила наезжать Нао.

— Я тебе зубы сейчас выбью, собака, — вдруг завелся Илия.

— Попробуй.

— Так! — вмешался я. — Иди на свое место, Нао, пока он тебе реально шею не свернул

— это приказ.

В ответ Нао лишь презрительно цокнула и покинула трибуну, недовольно усевшись на свое место среди остальных зрителей. Да уж, с такой вредной сучкой рядом сложно уживаться — она же реально никого ни во что не ставит, даже на меня порой гавкает.

На повестке оставался только один нерешенный вопрос.

— Хорнет, — проговорил я по направлению к залу.

— Слушаю, — откликнулась она, поднявшись с места.

— Ты говорила, что на днях выкупила пакет акций у трикотажной фабрики, так?

— Все верно, у фабрики «Бархат», — подтвердила Хорнет.

— А ты не могла бы сделать у них небольшой заказ на четверых?

— Заказ какого плана? — непонимающе проговорила она, после чего вышла из числа зрителей и приблизилась к трибуне.

— Нашему ордену нужна форма для сотрудников одного типового вида, под которой можно полностью скрыться, не исключая и лицо, — объяснил я.

— Да, я могла бы это сделать, но, боюсь, будучи под пристальным наблюдением со стороны гвардии было бы не очень резонно делать заказ от имени Ишимару.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Я сделаю! — вклинилась только что подошедшая Наталья. — Чего сложного в заказе костюмов на преступную группировку, хах? Всучил черный паспорт и накинул на лапу — вопрос решен.

— Точно справишься? — уточнил я.

— Конечно, нам ведь нужны костюмы на Эхо, Хомуру, Ринну и...

— Сто четыре, шестьдесят девять, сто тринадцать, — опередил нас Илия на несколько фраз, не дав мне и слова сказать о том, что четвертый костюм предназначается неизвестному сокоманднику, который, судя по комплекции тела, является женщиной. — Рост сто девяносто пять, если это так важно, — дополнил он.

— Как предусмотрительно, все вплоть до сантиметра запомнил, — удивилась Наталья. — Так, хорошо, в таком случае замеры у остальных я возьму по окончании собрания и сегодня же закажу, но перед этим мне нужно знать, какого рода костюмы заказывать.

— Полностью черный с капюшоном верх длинной ниже пояса, — начал я, — под ним какие-нибудь свободные или обтягивающие штаны на усмотрение того, кто будет носить. Ботинки тоже типовые, чтобы были как у Нао — они крайне удобны. Финальным штрихом пусть будут закрывающие лицо маски, пока что подойдет любой временный вариант. Главное в конечном итоге получить удобные штотки для последующего стабильного ношения — заказывайте на один-два размера больше.

— Предлагаю нам с Хорнет заняться этим вопросом — есть возражения, босс? — Наталья уже была готова вылететь из комнаты и взяться за дело.

— Не имею — вперед, можете прямо сейчас уходить.

— Погоди, Ашидо, нам есть, что еще обсудить? — поинтересовалась Хорнет.

— Думаю, нет, — промычал я, — остальные детали мы обсудим прямо перед операцией.

— В таком случае стоило бы устроить массовый замер всех присутствующих.

— Предлагаешь мне всех отпустить?

— Да.

— погоди секунду, я подумаю, — произнес я, сразу же начав прогонять в голове события последнего часа: с командой определились, уровень угрозы установили, Стивена за жопу схватили — кажется, все. — Да, сейчас я объявлю об окончании собрания.

— Давай, ковбой, — Наталья хлопнула меня по плечу, а сама вместе с Хорнет отошла к двери.

— Кхм, попрошу внимания, — вновь обратился я к уже распустившемуся залу. — Сегодняшнее собрание можно считать оконченным, участников операции я приглашу на повторный сбор после того, как ваши индивидуальные костюмы будут готовы — сейчас же попрошу всех пройти за Хорнет и Натальей для заказов этих самых костюмов. Всем спасибо!

Услышав эти слова, все присутствующие стали подниматься со своих мест и потихоньку стягиваться к выходу, где их уже ждали, но, только увидев вываливающихся из дверей людей, я вспомнил, что среди них есть и те, кто может выступить против костюмов.

— Хей-хей! — прокричал я в микрофон. — Костюмы обязательны для всех и я каждого заставлю их носить, слышите? Никаких исключений!

Надеюсь, мои слова дошли до всех — куда проще было бы определить заинтересованность сотрудников в костюмах, пока те были здесь, а не толпились в коридоре.

— Ты выбирал, основываясь на своем образе? — поинтересовался все еще стоящий рядом Илия.

— Да, наверное, — подтвердил я, потому что он попал прямо в яблочко.

— Прости уж, я не готов выбрасывать стариковские шмотки ради костюма Ашидо 2.0 — куда лучше сохранить свою индивидуальность.

— Эти костюмы нужны в первую очередь для того, чтобы наши рожи не висели на плакатах — я ведь все еще числюсь тем, чья личность не установлена.

— А мне нравится, можно почувствовать себя боссом, — вклинилась Мисато. — Если бы я с самого начала такой носила, не пришлось бы сейчас ныкаться в подвале.

— И то верно, — согласился я. — Спасибо за сегодня, Мисато, не знаю, что бы мы без тебя делали.

— Ой, ну не надо мне тут вот этого, — отмахнулась она. — С тебя ящик пива, оки?

— Он стоит как твой квадрокоптер.

— Ага, полностью окупает затраты, — улыбнулась Мисато так, будто с самого начала знала, что все так закончится.

— Забились. Иди, тебя уже ждут, — подгонял я Мисато, стараясь оторвать ее от электроники командного центра.

— Ладно-ладно, иду, — смирилась она, после чего поплелась к выходу, в конечном итоге скрывшись за дверью.

Глядя ей вдогонку, я понимал, что без Мисато мы в самом деле были бы беспомощной кучкой неучей, да и не только без нее — у нас есть и другие не менее важные люди в ордене. С некоторыми из них, конечно, сложно совладать, но это не делает их кардинально отличными от остальных, что те вдруг заслуживают иного отношения к себе — нет.

— Илия, — обратился я к последнему оставшемуся в комнате человеку. — Ты ведь говорил о Луне, да?

— Какая дедукция, — передразнил он меня.

— Думаешь, хорошая идея запрягать ее делами, которые не касаются ордена

«Юстиция»?

— Это в ее интересах, — вздохнул Илия. — Пусть наши силы и различаются — цели остаются неизменными.

— Не боишься потерять ее?

— Она уже большая девочка, сама со всем справится, — спокойно ответил он. — Но, если вдруг что-то пойдет не так — я вмешаюсь, ибо Илия Кишин потерял слишком многих, чтобы и впредь оставаться в стороне.

— Ты так уверен в ее силе? — все еще сомневаясь в правильности этого решения, пробурчал я.

— Луна Сальваторис куда сильнее, чем ты ее себе представляешь, Ашидо.

Глава 39: Белая ночь

Этот день настал — момент долгожданной расплаты. Чем ближе мы становились к заветной дате, тем сильнее трепетало сердце, переполненное ненавистью, что уже давно затмила светлый взгляд на привычные вещи.

Мы были готовы выступать в любую секунду сразу после того, как командный сбор будет окончен, однако торопиться в этом деле было нельзя. Сейчас же в командном центре в полном составе присутствуют мои сегодняшние сокомандники: Ринна, Эхо и Хомура, томительно ожидающие свои персональные костюмы, а также еще несколько людей для заполнения комнаты и развлечения себя в бездейственную минутку.

Не очень приятно осознавать, но именно костюмы так тормозят процесс, ибо простыней у нас на всех не хватит, чтобы ускориться, потому приходится ждать появления Натальи с долгожданними тряпками под рукой.

— Слушай, Илия, а где Луна? — вдруг заговорил я, подметив, что одного члена команды все еще не хватает. — Ты же говорил, что все схвачено, и она нам поможет.

— Я свои слова назад не брал, — как-то отстраненно и недовольно ответил он. — Хватит гнать, она придет.

— Будем надеяться, что ты не пустослов.

Меня в самом деле напрягает такой подход, когда я как командующий операцией совершенно не в курсе, где находится член моей команды и чем он занимается — сложно рассчитывать на людей в таком положении.

Спустя некоторое время поистине тягостного ожидания дверь командного центра с грохотом распахнулась, и внутрь шагнула крайне воодушевленная чем-то Хорнет наперевес с большой шуршащей пачкой аккуратно сложенных костюмов.

— Принимай подачу! — воскликнула она, бросив пакеты на стол.

— Очень оперативно, — фыркнул я. — А почему их принесла ты, а не Наташа?

— Она занята разгрузкой остальных, — пояснила Хорнет. — Давай-давай, распаковывай — тебе должно понравиться.

— Хм, — последовав ее подстреканиям, я тотчас схватился за пакеты, достав оттуда приятные на ощупь костюмы из какого-то мягкого, но достаточно плотного материала.

— На нашивку смотри! — подсказала Хорнет, устав наблюдать за тем, как мои глаза бегают не по тому месту.

Немного покрутив в руках первый экземпляр, я обнаружил ту часть, которая сильно выделялась на фоне черного костюма своей яркой белой палитрой, там виднелся весьма интересный рисунок.

— Что это? — поинтересовался я.

— Это наш новый логотип! Вчера я случайно наткнулась на артбук Юмико, где и нашла его — тебе нравится? Юми давно мечтала нацепить на себя костюм ордена с этой нашивкой, еще в школе все время об этом трындела.

— Крылатый череп с нимбом, хах? — Юмико знает толк в дизайне. — Мне нравится, блин, выглядит очень круто.

— Хвала небесам, — облегченно вздохнула Хорнет, — теперь я спокойна. Пришлось идти на риск, пришивая ее на плечи, потому что я не могла заранее знать, оценишь ли ты ее вклад.

— Нет, правда, мне очень нравится, Юмико хорошо постаралась, однако мне хотелось бы узнать из какого материала сделан костюм.

— Точно, совсем забыла, — опомнилась она. — Все сделано из габардина — и верх, и низ. Габардин — это такая ткань, которая хорошо держит форму и не мнется, сама по себе плотная и из-за характерного плетения хорошо отталкивает воду. Как видишь, у нас тут имеется две пары штанов: одни обтягивающие, другие посвободнее — на вкус и цвет. На фабрике настояли на утеплении флисом, потому что уже начинает холодать, и я согласилась. Что касается обуви, мы поговорили с Нао и закупили уже готовые «Старсы» из хлопка и текстиля со вставками из натуральной кожи, которые она сама носит. Что скажешь, Ашидо?

— Скажу, что ты похожа на консультанта из магазина одежды, — с видимой насмешкой произнес я.

— И все же? — она немного скорчилась от моей нелепой шутки.

— Мне нравится — отличная работа.

— Вот и славно, — улыбнулась Хорнет. — Стало быть, тряпки понравились, тогда тебе осталось только оценить маски и можно устраивать показ мод с молодыми моделями, — она многозначно подмигнула.

Нащупав среди костюмов что-то твердое, я вынул наружу ничто иное, как первый прототип маски ордена «Спектр» сероватого оттенка с довольно минималистичным и красочным дизайном, в котором лаконично соединились изначально задуманные мной черты безгласности и загадочности. Честно говоря, лишь мельком взглянув на нее, я сразу же пропитался чувством благодарности Хорнет за ее инициативу в создании образа на основе моих собственных предпочтений в комбинации с давними идеями Юмико — результат вышел прекрасным, оправдав все ожидания.

— Bravo, — это было первым словом, пришедшим в голову, — просто bravo, прекрасная работа, — похвалил я молчаливо ожидающую отзыва Хорнет.

— Поглядите-ка, боссу можно угодить, — ухмыльнулась она. — Эти маски изготовлены целиком из полипропилена, а линзы из полупрозрачного поликарбоната. Мне эти слова ни о чем не говорят, но Ринна сказала, что изготовители неплохо постарались.

— Все верно, — вмешался Илия, — полипропилен сам по себе легко обрабатывается, принимая любую форму, оставаясь после затвердевания довольно крепким и стойким к температуре. Что касается линз, то для них материал тоже подобран неплохо — такой обычно используют в солнцезащитных очках, но в нашем случае он еще и с оптическим покрытием — просто и эффективно, жаль пулю не выдержат.

— Раз уж даже рогатый умник все одобрил, думаю, можно примерять, а? — Хорнет не сиделось на месте, по одному лишь взгляду на нее можно было понять, как та желает лицезреть плоды своего труда.

— Конечно, — согласился я.

— Дамы, попрошу всех подойти, — подозвала она к нам уже давно одичавших от скуки девушек.

На зов сбежались все присутствующие, жадно схватившись за собственные костюмы. По их лицам можно было понять, что всем понравились уготованные им типовые образы с разницей только лишь в росте, однако у Ринны на лице читалась фальшь, будто бы та натягивает улыбку.

— Ну что, команда? — воскликнула Ринна. — Бегом переодеваться!

— Куда? — непонимающе спросила Хомура, кинув на нее странный взгляд.

— Можете переодеться здесь, — вмешался я. — Мы с Илией не станем подглядывать.

— Правда? — недоверчиво уточнила Эхо.

— Даю слово, — заверил я.

— Так, все, дамочки, время поджигает, — подгоняла их Хорнет, выталкивая с трибуны. — Скоро уже надо будет выдвигаться, а вы еле булками шевелите.

Стоило девушкам спуститься вниз, мы с Илией тотчас схватились за стулья и развернулись в обратную сторону, устремив свои взгляды прямо в монотонную стену с большим экраном. Однажды кто-то сказал мне, что большая часть нашей жизни уходит на ожидание одевающейся женщины — эти слова звучали слишком правдиво, чтобы пропускать их мимо ушей, потому я предприимчиво заранее спрятал под трибуной складной столик и шахматную доску.

— Доставай, кэп, — скомандовал Илия.

— Ни слова больше, — подхватил я, после чего рука нырнула в тайник, и уже через секунду перед нами стояла опора для последующей напряженной партии в шахматы.

— Черные, белые? — коротко уточнил Илия.

— Я дам тебе ходить первым, — довольно произнес я, схватившись за кучу черных фигур.

— Как смело, — ему, очевидно, понравились мои уступки.

— Слушайте, парни, — вклинилась Хорнет, стоящая позади за трибуной, — вы реально даже не собираетесь смотреть на женщин в нижнем белье? Даже не попытаетесь?

— Ашидо слишком хорошо воспитан, а я просто на дух не переношу женщин, — ухмыльнулся Илия, не поведя и усом в сторону Хорнет.

— Да уж, какие тут у девочек шансы с такими амебами, — недовольно фыркнула она, что мы, конечно же, проигнорировали.

Добившись грамотной расстановки фигур на доске, мы наконец приступили к игре: шаг пешкой, шаг другой, конь покидает стартовую клетку, слон противника уже успевает поставить мне шах. С самого начала партия предзнаменовала жесткое противостояние, потому мы оба с головой погрузились в процесс.

Таким образом за шахматами прошло около пятнадцати минут, на доске осталось меньше половины фигур, и никто все еще не планировал сдаваться, но, похоже, нам все равно пришлось бы сойтись на ничьей, ведь девушки уже успели переодеться и сейчас настаивают на том, что на них стоит обратить внимание.

— Господа девственники, — настойчиво щелкала пальцами Хорнет, стараясь всеми способами отвлечь нас от игры, — вас ожидает парад няшек, будьте добры проявить хоть каплю заинтересованности.

— Отвали, женщина, — отстранился Илия.

— У нас вообще-то операция, — подметил я, желая все же закончить партию на том моменте, на котором мы остановились.

— Точно, — опомнился он. — В таком случае оставим все, как есть, и доиграем по возвращении. Если кто-то посмеет хоть пальцем прикоснуться к этой доске — ждите кровопролития.

— Сдалась нам твоя доска, — Хорнет закатила глаза.

— Окей, я согласен на такой расклад, — поддакивал я, тем временем бегая взглядом по уже вырядившимся членам команды. — Вау, я и не предполагал, что они сядут на вас так хорошо.

— Я как будто в мешок для мусора залезла, — возмутилась Ринна. — Зачем вообще подкрашивать ресницы, если вся эта красота пропадет под маской?

— Угомонись, на них итак никто не смотрит, — подтрунивающим голосом съехидничала Хомура.

— Что бы ты смыслила в искусстве, мелочь, — обижено пробурчала Ринна.

— А мне нравится, — вмешалась Эхо. — В этом костюме можно легко спрятаться от ненужных глаз, этот образ по душе каждому интроверту.

Ну, хотя бы Эхо нашла в себе силы высказаться, дав нам достаточно оснований для одобрительных киваний, потому дальнейшие обсуждения можно отпустить.

— Что бы кто ни говорил, а выглядите вы очень круто, — это был самый настоящий комплимент от Ашидо Такаги. — С такими костюмами нам удастся сохранить анонимность, а в нерабочее время вы сможете носить что угодно и где угодно, если, конечно, ситуация позволяет.

— Не как у меня, да? — Хомура попала прямо в яблочко.

— Именно, разыскиваемым лучше оставаться в коконе. Что ж, девушки, нам пора выдвигаться, все готовы?

— Прямо сейчас? — опешила Ринна.

— Время уже вечернее, — пояснил я, — если пойдем туда сейчас, то попадем как раз в промежуток между сменами, когда рабочего персонала в здании практически нет.

— Ну и чего вы ждете? — впутался Илия.

— Ничего, — отрезал я, — мы выдвигаемся, зовите Войд.

***

Наконец спустя множество обсуждений, суетливой беготни и бессонницы, план был приведен в исполнение. Мы были отлично подготовлены, не считая отсутствия коммуникации с Луной, потому по большей степени приходилось рассчитывать на себя до тех пор, пока Калипсо не окажется на улице.

Если говорить о нашем плане, то все предельно просто: Ринна находится в авангарде, расчищая путь впереди, я же продвигаюсь в следующем ряду, дочищая то, с чем она не справилась, попутно не подпуская никого к Эхо, которую в свою очередь очень ответственно охраняет Хомура. Кстати говоря, эта миниатюрная девочка взяла с собой на миссию аж два огромных баллона с жидкостью, весом как минимум в тридцать кило. Перед началом операции я попробовал поднять хотя бы один, но из-за неудобной формы и внушительного веса тот никак не поддавался, однако Хомуре это не помешало таскать через плечо сразу два таких, надежно скрепленных между собой кожаными ремешками — у меня нет слов.

Вернемся к плану с множеством неопределенных переменных — нашей главной целью служит захват Стивена Колдена, на пути к которому находится дюжина рядовых гвардейцев, а в самом конце нас ждет его личный телохранитель — Калипсо. Если я правильно помню, этот человек отказался сражаться с нами в Трущобах именно потому, что нас было четверо. Сегодняшняя команда тоже собрана из четырех человек, потому я куда меньше переживаю о прямом столкновении с ним, чем о возможности побега Стивена.

Едва шагнув по ту сторону портала, мы оказались в самом центре Торгового района перед одним из самых величественных зданий Гармонии — офисом компании «Vostok.inc». Она было настолько огромным, что человеческое присутствие перед городским великаном было сравнимо с муравьем около холодильника. Иронично — четыре муравья собираются разворошить муравейник.

— Следуем плану, — скомандовал я, когда мы уже достаточно приблизились к главному входу.

— Принято, — откликнулась Хомура, построив вокруг себя и Эхо незримую защитную сетку, значимость которой мы заранее обговорили.

— Нам правда стоит убивать гвардейцев? — вдруг замялась Эхо.

— Они сами выбрали свою судьбу, — ответила Ринна. — Рядовые гвардейцы куда хуже носителей — они избрали кровопролитие по собственной воле, малышка, не стоит их жалеть.

— Понятно, — вздохнула Эхо.

— Тебя никто не заставляет убивать, — вмешался я. — Просто сделай то, что должна, хорошо?

— Да, я все сделаю.

Хорошо, можно сказать, мы удачно определились с командой, потому я все-таки надеюсь на успех операции, тем более, что меня теперь есть кому прикрыть.

— Хей, поднять руки! — прокричал один из двух стоящих на входе гвардейцев, направив на нас пушку. — Вход дозволен только персоналу, мы имеем право открыть огонь в случае угрозы — уходите!

Не став ничего отвечать, я мгновенно оголил «Нами» и после одного рассчитанного рывка перерезал глотку его напарнику, в конечном итоге вонзив плавающее между складками плоти лезвие в грудь стоящему рядом гвардейцу. Все произошло настолько быстро, что за эту долю секунды не прозвучало ни единого выстрела, не говоря уже о том, что они не успели предупредить своих. Я бы сказал, что доволен собой — работа профессионала.

Разобравшись с тупнями на входе, мы были готовы войти внутрь, но для этого нужен был пропуск. Я решил просто порыться в карманах лежащих рядом трупов, однако Ринна опередила меня, вломившись внутрь силой — она просто парой сильных ударов заставила толстую металлическую дверь прогнуться. Дыра оказалась достаточно большой, чтобы все могли пролезть, но, как мы все знаем, за громким вторжением всегда следует сигнал тревоги.

Тихо войти не получилось, оставалось только выкручиваться, следуя изначальному плану: кромсать, бить, метать. Едва мы прошли вглубь коридора на первом этаже, гвардия выпустила град пуль навстречу вторженцам, но мы с Ринной, вопреки ожиданиям противника, без особых усилий пробились через оборону, а Хомура в свою очередь с легкостью отразила летящие в ее сторону снаряды. Эти люди преграждали путь к лифту, но теперь, когда все они искромсаны в салат, можно спокойно войти внутрь и насладиться расслабляющей музычкой.

— Прощу, — пригласительным жестом указал я дамам на вход в лифт.

— Благодарю, джентльмен, — заигрывающим голосом проговорила Ринна.

Как только остальные вошли в лифт, я тоже спешно нырнул внутрь, сразу же тыкнув на кнопку пятнадцатого этажа, где мы в последний раз видели Стивена Колдена.

— Госпожа Сайленс, — обратился я к Эхо по ее свежему позывному, — как там обстоят дела с отслеживанием?

— Цель находится на семнадцатом этаже в кабинете на западной стороне здания — он нервничает.

— Еще бы, — усмехнулся я, — скоро сама смерть засунет ему косу в жопу.

— В кабинете есть еще один человек, но я не могу разобраться, о чем они разговаривают — сигнал тревоги мешает.

— Калипсо, я полагаю.

— Как думаешь, у нас есть шансы? — с долей сомнения поинтересовалась Ринна.

— Если мы все-таки попадем под действие «Бесподобного мрака», внутри все будут сами за себя. Главное в полной незримости не ранить никого из сокомандников — постарайтесь быть осторожнее.

— Разделимся, — предложила Хомура.

— Каким образом? — оторопел я.

— Мы с Сайленс выйдем на пятнадцатом этаже для того, чтобы поднять шум, а вы с Молотом выйдете на семнадцатом. Я вполне могу атаковать и защищаться одновременно, связь у нас есть — реализуем?

— Да, хорошая идея, молодец, — согласился я.

— Окей, за работу, — довольно воскликнула Ринна.

Пока лифт еще находится в движении, мы с моей напарницей по этажу выбрались на его крышу через люк в потолке, дабы эффект неожиданности от внезапных гостей был куда эффектнее. Едва двери пятнадцатого этажа открылись, послышались звуки выстрелов, но увидеть то, что там происходит, нам было никак, однако, судя по незатихающей атмосфере перестрелки, Хомура справляется на «ура». Никогда бы не подумал, что маленькая девочка способна пойти на убийство, но слова «либо ты — либо тебя» все прекрасно подтверждают.

— Нам выше, — подметила Ринна, после чего принялась карабкаться по аварийной лестнице вверх.

Я пустился следом за ней, тогда-то мы поднялись на два этажа выше, где и должны были находиться наши главные на сегодня враги.

— Молот, ты не могла бы...

— Сейчас выбью, — с полуслова поняла меня Ринна, не успел я даже договорить о том, что хочу увидеть громкое проникновение с использованием грубой силы.

Через мгновение та уже отпрыгнула от стены на противоположной стороне от дверей, с бешеной силой врезавшись в преграду, которая со свистом слетела с предназначенного для нее места, выпав наружу вместе с Ринной. Я не стал ждать и тотчас прыгнул следом за ней, оказавшись в устланном пылью светлом офисном помещении, в котором присутствовали разве что тараканы — мертвая тишина, не считая глухого грохота с нижних этажей.

— Что за херня? — опешил я.

— Т-с-с-с! — заткнула меня Ринна. — Это неспроста, не думаешь?

— Что-то тут не так, — к разуму вдруг подступило напряжение.

Кругом в самом деле не было ни души, но я сомневаюсь, что все это благодаря предложению Хомуры — она не могла стянуть на себя все силы так, что на ключевом объекте защиты никого не осталось.

— Либерти, у вас все нормально? — проговорил я в переговорное устройство.

— Да, уже заканчиваем, — ответила она. — У вас там как дела?

— Странно, у нас на этаже совсем никого нет, — объяснил я. — Спроси у Сайленс, что она слышит.

— На вашем этаже все еще находится наша цель, — вдруг заговорила Эхо. — Других источников шума я отсюда не слышу, у вас там не должно быть никого, кроме цели и телохранителя.

— Принято, конец связи.

Как это понимать? Колден в самом деле остался здесь наедине со своим телохранителем? Он настолько в нем уверен?

— Молот, иди по коридору в западную часть здания, но ничего не предпринимай, ладно? Попробуй вычислить нужный нам кабинет, подслушав разговоры — Калипсо не учит генома.

— А ты что будешь делать?

— Обрежу тросы обоих лифтов.

— Принято, жду тебя на точке захвата, — Ринна тихим шагом побрела в нужную сторону.

Стоило ей скрыться за углом, я спокойно и размеренно принялся за дело: занялся уже висющим на уровне пятнадцатого этажа лифтом, поскольку мне не пришлось бы выбивать двери. Свесившись над пропастью, я одним ловким взмахом катаны перерубил оба троса, после чего лифт с ужасающим скрипом устремился вниз, пока в длинной вертикальной шахте не послышался грохот от тяжелого приземления. Ту же операцию я проделал и со вторым лифтом, однако перед этим пришлось приложить немало усилий для того, чтобы открыть никак не поддающиеся двери — дело сделано, теперь сбежать из здания можно только по лестнице.

Закончив с одним из важнейших стратегических решений, я устремился в сторону Ринны в западную часть офиса, пока все-таки не настиг ее в положении, в котором люди обычно кого-то подслушивают.

— Как успехи? — поинтересовался я, подойдя поближе.

— Т-с-с-с! — вновь прошипела она. — Послушай, — Ринна насильно прислонила меня ухом к одной из дверей, за которой слышались оживленные разговоры, в которых мелькал до ужаса знакомый голос.

— Бинго! — полушепотом воскликнул я, после чего мы с Ринной победно отбили кулачки. — Сайленс, Либерти, стягивайтесь к нам, приступаем к захвату, — такова была моя команда, сказанная в рацию.

Встав в удобное положение, я был готов в любую секунду ворваться внутрь, но только убедившись в готовности Ринны, принялся исполнять задуманное. Через мгновение моя нога уже столкнулась с тонкой деревянной дверью, которая тут же слетела с петель и рухнула внутрь кабинета. Едва за ней показали очертания мебели, я тотчас телепортировался вглубь комнаты как можно ближе к стулу, где по моим предположениям находился Колден, а следом за мной в комнату вбежала и Ринна.

План казался неожиданным и безупречным, однако кабинет оказался пуст, а на том месте, откуда раздавались голоса, на столе лежал самый обычный кассетный диктофон, запись голоса с которого играла достаточно громко, чтобы мы на нее купились.

— Нас облапошили! — вдруг прокричал в рацию я. — Колден подсунул в кабинет диктофон, его здесь нет!

— Мастер Тайкон, я была почти уверена, что это он! — начала оправдываться Эхо. — Клянусь, я не знала, что это запись! С такого расстояния нельзя точно сказать, кто находится внутри!

— Тише-тише, я тебя ни в чем не виню, — успокаивал я. — Послушай, нам очень нужно его найти. Ты не могла бы сконцентрироваться на этом? Запись уже выключена, гвардейцы усмирены — никто тебе не помешает.

— Хорошо, я постараюсь.

— Ладно, возвращайтесь вниз по лестнице — нельзя позволить ему сбежать, иначе мы...

Посреди реплики меня прервал образ летящего навстречу с огромной скоростью красного пятна, на что я не успел отреагировать — оно врезалось в ребра, и мы вместе впечатались в большое окно, растрескавшееся и разлетевшееся на осколки мгновенно, но это не помешало продолжить полет.

— Тайкон! — прокричала вдогонку испуганная Ринна.

Пусть я и был ошеломлен произошедшим, все равно нашел в себе силы зацепиться «крюком» за край здания, едва мы покинули его территорию, от чего нападавшему пришлось столкнуться с резким противодействием, из-за которого тот потерял контроль полета и вдруг отцепился от меня.

Оказавшись в воздухе в состоянии свободного падения, я сразу же устремился вниз, и лишь благодаря «крюку» все еще оставался шанс выжить, если тело врежется в стекло, а не в несущую стену, способную мгновенно раздробить кости. Устремившись навстречу преграде, я мог лишь молить о благополучном исходе, но, когда наконец очнулся, когда здравый ум взял верх над отчужденностью, в последний момент я отцепился и на огромной скорости врезался в стекло, попав обратно внутрь здания.

Приземление было действительно тяжелым: в первую же секунду я сломал ноги, а затем, продолжив произвольное движение кувырками, по инерции пробил стену между кабинетами и общей рабочей зоной, а следом за ними и перегородки между офисными кабинками, в конечном итоге распластавшись на полу неизвестного этажа с торчащими наружу костями и порубленными осколками стекла вещами.

— Тайкон, как ты? Ответь мне, я хочу знать, что ты жив! Пожалуйста, ответь! — рация разрывалась от криков Ринны.

Хотелось бы мне ответить, только сил ни на что не хватает, я могу лишь бессильно валяться на полу, стараясь просто поднять руки.

— Что случилось, с мастером все в порядке? — послышался голос Натальи, которая не должна была вмешиваться.

— Ничего не в порядке! На нас напали! Думаю, это был Калипсо, он выкинул Тайкона из окна!

— Погоди, босс разбился?

— Да нет же! Он...

— Черт вас дери, я жив, блин! — перебил я, наконец сумев нажать на кнопку.

— Хвала небесам! — облегченно проговорила Ринна. — На каком ты этаже? Я сейчас спущусь и уведу тебя. Нам куда важнее, чтобы мастер остался жив — сворачиваемся!

— Никакого сворачиваемся! — вдруг неистово закричал я, после чего все замолчали. — Дайте мне минуту, чтобы залечить раны, а сами ищите Колдена! Он не должен уйти!

— Мы нашли его, мастер! — послышался голос Эхо. — Цель выдала себя после вашего падения — он сейчас на шестом этаже в той же западной части, а вы, судя по длине волны, на пятом!

— Отлично, берем говноеда в клешни! — приказал я, после чего попробовал подняться, но тут же с грохотом рухнул на пол от того, что кости ног снова вылезли наружу.

— Группа «Б», поджимайте сверху, я спущусь по шахте лифта и буду теснить снизу! — скомандовала Ринна.

— Действуйте, я скоро присоединюсь, — нужно дать ранам залечиться.

Никому не понять, каково это — остаться живым после падения с семнадцатого этажа. Пусть я немного утрирую, но правда все равно на стороне реальности, ведь эти увечья не залечиваются так быстро, как того хочется мне, потому приходится ждать, пока все вправится на свои места, но первым делом я все же стараюсь залечивать ноги, чтобы появилась возможность вернуться к команде.

— Эм, вы в порядке? — послышался незнакомый голос.

Я тотчас переключился на источник, лицезрев перед собой чернокожего мужчину, которого уже видел по телевизору на программе Гидеона.

— Ах, да, все нормально, — отмахнулся я.

— У вас кости торчат, — подметил весьма догадливый Руто Биобаку.

— Мы взяли его! Цель у нас! — послышался голос Хомуры через некоторое время моего нелепого молчания. — Молот, ты где?

— Я уже тут! — прокричала она, после чего я услышал знакомый звук выбитых дверей лифта этажом выше.

— Скажите мне кабинет! — вмешался я.

— Шесть-одиннадцать! — подсказала Ринна.

— Хорошо, ждите! — приказ был краток и понятен. — Слушай, Биобаку, ты не мог бы подсказать, где здесь кабинет пять-одиннадцать? — удивительно, но я принял решение забраться на этаж выше, выпрыгнув в окно, хотя сам только что чуть из-за этого не умер.

— Д-да, конечно, — нервно мямлил Руто. — Прямо по коридору туда, — он указал мне пальцем в правильную сторону.

— Спасибо, — наконец поднявшись, я устремился по направлению к нужному кабинету.

Каково же было удивление этого парня, когда прямо перед ним истекающий кровью человек вдруг соскочил с места и просто ушел, хотя его ноги только что были сломаны пополам. Вломившись вовнутрь, я был готов подняться по короткому пути, но в таком деле нужна была помощь команды.

— Выбейте стекло! — скомандовал я, и через пару мгновений за окном мелькнули падающие вниз осколки.

Увидев это, я тотчас прошелся лезвием «Нами» по стеклу в кабинете пять-одиннадцать, а затем с разбегу выпрыгнул наружу. Тело развернулось уже в полете, крепкая хватка двумя «крюками» за потолок помогла мне подняться и нырнуть вниз заветного кабинета, где меня уже ждали остальные.

Оказавшись внутри, я наконец мог расслабиться, ведь заветный Стивен Колден в самом деле находился перед нами — сидел в углу, поджав от страха хвост, надеясь на то, что герой-телохранитель решит все за него.

— Прыток кабан в беге, да на поворотах заносит, — передразнил я его, вспомнив одну очень печальную историю.

— Т-ты, — испуганно промямлил хриплый голос.

— Заткните ему рот, — приказал я. — Мы уходим, нам здесь больше нечего делать...

Следом за моими словами все внезапно начало темнеть, будто во время солнечного затмения, когда на землю попадает меньше света, чем ночью. Другими словами, я прекрасно понимал, что сейчас происходит.

— «Бесподобный мрак», — прошептал голос из ниоткуда, перешедший в насмешку с наступлением полной темноты.

Еще секундой ранее я стоял посреди большого кабинета, но сейчас вокруг настолько темно, что это создает иллюзию монотонности окружающей среды, будто в ней нет ничего, однако картина на стене отчетливо прощупывается именно там, где она и должна быть. Значит ли это, что Калипсо просто лишает своих врагов зрения, не изменяя при этом пространство?

— Опрометчиво было соваться в лапы врага, «Спектр», — прокряхтел уже хорошо знакомый нам Калипсо, но я совсем не понимал, откуда исходит этот голос.

— Отдай Колдена, и тебя никто не тронет, — заговорил я.

— Отдать Колдена? Без проблем — забирайте, мне этот старый дурак не нужен.

— Ты же шутишь? — аналогично опешил я.

— Не шучу, Тайкон, — опроверг он. — Мне совсем наплевать на то, что случится со старпером, потому вы можете его забрать, если сумеете после этого уйти живыми.

— Что все это значит?

— А то значит, что ты меня очень задел, Тайкон, — пояснил Калипсо. — Помнишь? В Трущобах мне нужна была только девчонка, но ты зачем-то встал на пути. Это прямое оскорбление, потому для вас есть только один вариант — смерть.

Едва Калипсо договорил, как вдруг в темноте прогремел громкий звук, за которым последовало что-то вроде ускоренных шагов.

— Не трогай ее! — вдруг прокричала в темноте Эхо.

— Надо же, девочка, что видит в темноте — неприятно, — недовольно пробормотал Калипсо.

— Уходи! Я знаю где ты, вижу и слышу каждый шаг — тебе нас не одолеть!

— Видишь и слышишь, говоришь? — он в странной манере усмехнулся. — А так?

За словами ничего не последовало, будто Калипсо ничего и не делал, потому я не понимал, что вообще происходит, и где находится враг.

— Я не слышу шагов! Ничего не слышу! — вдруг закричала Эхо. — Я не знаю где он!

— Получай! — в этот раз уже Хомура дала о себе знать. — Думаешь, тебе никто не ответит, если будешь летать? Для начала капли из воздуха высоси, умник.

— Самое натуральное уродство, — процедил Калипсо, будучи на грани того, чтобы сорваться. — Вы мне надоели, я ухожу.

Тьма наконец-то рассеялась, и, судя по всему, случилось это по его воле. Честно говоря, сейчас я был по-настоящему напуган, словно маленький ребенок, боящийся темноты, а если точнее — того, что в ней скрывается. С таким противником недалеко и до фобии темноты.

— Буду выкашивать по одному — крайне жестоко, — продолжил он, левитируя в воздухе за разбитым окном. — Вы мне уже осточертели, животные.

— Бросаешь хозяина? — усмехнулся я.

— Мне не интересна эта букашка, я не собираюсь тратить на него время, — отстранился Калипсо. — Что касается вас, «Спектр», мы продолжим позже, а сейчас я вынужден с вами попрощаться...

Трогательное прощание прервалось на полуслове из-за того, что тело Калипсо скрылось из поля зрения так, будто его что-то сбilo. Сразу же после этого я подбежал к окну, желая все-таки разузнать, куда он делся, но кругом царила лишь мертвая ночная тишина, улицы вокруг казались абсолютно пустыми, не говоря уже о том, что перед самым офисным

зданием не было ни души.

Секундой погода перед глазами наконец появилось движение — это был Калипсо, который с грохотом впечатался в бетон на территории здания, запачкав и изорвав свое бесподобное ярко-красное одеяние. Каково же было мое удивление, когда следом за ним с неба спустилась очень яркая высокая фигура девушки, легко и грациозно ступив на поверхность.

— Ого, кто это? — непонимающе промямлила стоящая рядом со мной Эхо.

— Наш союзник, — пояснил я, улыбнувшись где-то под маской.

— Если мы оставим ее одну, она справится? — вклинилась Ринна.

— Она уже большая девочка, сама со всем справится, — ответил я, просто процитировав Илию. — Войд, открывай портал — мы возвращаемся.

Удачи тебе, Луна.

***

— Вовремя, — подумала я про себя.

Надо же, додумались мои друзья из «Спектра» предупредить об операции тогда, когда одного из участников уже ранили — что за стыд. Хорошо хоть я появилась именно в самый подходящий момент, когда враг не ожидал внезапной атаки.

— Уважаемый, вы, стало быть, зовете себя Калипсо? — заговорила я с тем, кого только что впечатала в землю.

— Возмутительно! — прошипел неизвестный. — Да как ты смеешь? Ты вообще знаешь, кто я такой?

— Нет, но я спросила.

— Имя мне — Калипсо! Безмолвный актер в пучине мрака! Одинокий путник в...

— Ой, надо же, и впрямь Калипсо! — залепетала я, обрадовавшись тому, что все-таки угадала, не подумав о том, что перебила его.

— Да чтоб тебя...ух...своими действиями ты подвергаешь меня изумлению!

— В самом деле? — удивилась я.

— Назови свое имя, невоспитанное чудовище!

— Очень приятно, невоспитанное чудовище, меня зовут Фирия, — подколола я уже вышедшего из себя Калипсо.

— Да чтоб ты провалилась! Впитай! — поднявшись с земли, он бросился навстречу и сделал замах, но я с легкостью ушла с траектории удара.

Удивительно, но после неудачной попытки атаковать на месте удара осталась большая черная дуга, будто это какой-то послеобраз удара, способный нанести урон задолго после предшествующего. Пусть он и промахнулся, это не остановило обиженного и обозленного Калипсо, потому удары продолжились, однако я столь же удачно от них уворачивалась.

— Мерзавка, — он наконец остановился, поняв, что его атаки бесполезны. — Что тебе от меня нужно?

— Не пойми меня неправильно, я ничего против тебя не имею, но мне нужно тебя нейтрализовать, — объяснила я, широко улыбнувшись под тесной маской, которую мне заботливо вручил Илия.

— В таком случае я отвечу взаимностью, — неожиданно для меня он поклонился. — «Бесподобный мрак», — произнес Калипсо, после чего пространство вокруг затмило черной беспросветной пеленой, чернее которой я, наверное, никогда ничего не видела.

Так вот что за способность, о которой говорил мне друг! Я нахожу такое применение

довольно интересным, если бы оно не было направлено на убийство людей — это же грех.

— Ха-ха, я тебя совсем не вижу! — превознесла я, все гадая, где же он сейчас находится.

— Вот и славно, Фирия, я убью тебя быстро и безболезненно — будь благодарна за мою снисходительность.

— Убьешь? — спросила я.

— Убью! — прорычал он.

— Обещаешь? — уточнила я, все еще сомневаясь.

— Обещаю, точно убью тебя! — закрепил Калипсо.

Что ж, господин Калипсо, вы сами себя закопали этими словами, потому что Луна Сальваторис не бьет тех, кто этого не заслуживает. Пусть я и нарушила свои же правила в тот момент, когда напала первой, однако это было ради спасения друзей, а сейчас, когда вина доказана и грех на душу взят — можно не сдерживаться.

— «Белая ночь», — ласковым и приятным голосом проговорила я.

Что же такое эта «Белая ночь»? Это свет искупления, который видят только те, кто перешел черту дозволенного, решив, что они могут распорядиться людскими судьбами так, как вздумается. Я была создана с одной лишь целью — вернуть в этот бранный мир добро, пути достижения которого безграничны за одним маленьким исключением — мне запрещено убивать.

Едва Фирия лучезарная произнесла заветные слова, безграничная тьма озарилась светом ангельского гнева, что рождается ради великой кары над грешными душами.

— Что это? Что ты делаешь? — засуетился Калипсо, не понимая, почему его «Безграничный мрак» рассеивается в лучах «Белой ночи».

— Да поглотит тебя пламя отмщения за все свершенное зло — это суд.

— К-как...ярко, — непривычно мягко мямлил он. — Мне больно, в самом деле больно, я чувствую, как свет обжигает кожу.

— Смирись.

— Н-нет, говорю же, мне больно...перестань...

— Смирись.

— Мне больно! БОЛЬНО, ГОВОРЮ ЖЕ, БОЛЬНО! — вдруг начал истошно кричать Калипсо, схватившись за лицо, спрятанное за маской.

Чем дольше он впитывал свет, тем сильнее кричал. Поначалу лучи лишь создавали легкие блики на его маске, но постепенно они стали не только освещать монстра из темноты, но и буквально сжигать одежду. Раз уж он схватился за лицо, «Белая ночь» уже поразила глаза — следующим пунктом будет все лицо, как в знак завершения карательного очищения. Знаете, мне это даже немного...нравится.

— Прекрати! Остановись, прошу тебя! Я прошу прощения, прости! — взмолился Калипсо, утопая в свете обжигающих лучей.

— Нет тебе прощения, умри, — спокойно проговорила я, усилив сияние настолько, что его было видно не только с любой точки города, но и, вероятно, с ближайшего континента.

— Хватит! — меня вдруг одернул неизвестный, помешав довести процесс до конца.

Я хотела было возмутиться, но узнала в незнакомце Илию. Не знаю, откуда он появился и зачем, но это помешало мне закончить начатое, потому что я очень недовольна таким вмешательством и даже немного расстроена.

— Зачем ты остановил меня? — возмутилась я, слегка повысив голос.

— Перестань — ты не убийца, — спокойно проговорил Илия, после чего положил руку

мне на плечо. — Взгляни, что ты наделала.

Последовав совету друга, я обратила взор на Калипсо, увидев перед собой ослабевшего, свернувшегося в калачик бедолагу, лицо которого обгорело до такой степени, что теперь он не будет выглядеть как прежде, не говоря уже о том, что этот человек более портрет матери не увидит из-за выжженных светом «Белой ночи» глаз. Не будь на жертве одежды, минутой ранее он бы уже умер.

— Т-ты прав, с него хватит — я не убийца, — промямлила я, чувствуя искреннюю вину за содеянное.

— Он же меня не увидел? — уточнил Илия.

— Не думаю, что хоть кто-то что-то увидел, — опровергла я. — Ты же не ранен, да? Свет не навредил тебе?

— Все в порядке, именно для таких случаев у меня имеется щит, — он улыбнулся. — Идем домой, ты хорошо постаралась.

— Хорошо, пойдем, — согласилась я, лишь мельком взглянув на свою жертву в последний раз.

Нам и вправду стоит сохранить ему жизнь? С одной стороны, Калипсо ведь может вернуться, если мысль о мести затуманит его разум, но, с другой стороны, он все равно не сможет нормально видеть, потому можно считать, что противник нейтрализован и более не побеспокоит моих друзей, а, соответственно, более не придется греху.

— Подонки, я вернусь за вами, — напоследок прокряхтел он.

Надеюсь...не придется...

Глава 40: Багровая лихорадка

Как гром среди ясного неба в ордене «Спектр» с раннего утра прогремели шаги. Едва солнце показалось из-за горизонта, многие присутствующие уже бодрствовали, сопровождая заинтересованными и в какой-то мере осуждающими взглядами нашего долгожданного гостя. Наверное, в здании городской полиции царит та же обстановка, когда в него заводят неуловимого преступника, что годами скрывался среди обычного люда Гармонии: кругом лишь презрение, неисчерпаемая злоба и ни капли жалости по отношению к провинившемуся.

— Добро пожаловать, Стивен, — хотел бы я сказать, но никто не был рад его присутствию в холле, включая меня, ведь ему уготовано место получше.

Горе доктор еле ковылял за нами, то ли дело спотыкаясь по пути в подвал — его ноги все время подкашивались в сопровождении тяжелой бесконечной отдышки. Труднее всего было преодолевать лестницу, по которой Ринне пришлось тащить доктора волоком, когда терпение в конец иссякло.

Когда заветная низина наконец была достигнута, можно было вздохнуть с облегчением, ведь все самое трудное уже позади — остается лишь разговорить его, с чем я и сам вполне справлюсь.

— Все свободны, с меня вкусный обед, — улыбнулся я, обратившись к своим любимым сокомандникам. — Маленьким выпивку не даю, даже не мечтайте.

— У нас планируется кое-что поинтереснее, — отмахнулась Ринна, — оставь деньги себе.

— Ты о чем? — заинтересованно спросил я, провожая взглядом уходящую девушку.

— Ля-ля-ля, ля-ля-ля, — пролепетала она, скрывшись на лестничной площадке как и все остальные.

— Надо же, секретничает, — подумал я про себя.

— Ничего не знаю, ха-ха, — отмахнулась Хомура, столкнувшись со мной взглядом. — Нам тоже ничего не надо, мастер, просто дайте немного отдохнуть.

— Идите — вы заслужили.

— Удачи, босс, — напоследок произнесла Хомура, после чего взяла за руку Эхо и увела ее за собой наверх.

Хотелось бы мне знать, что же все-таки скрывает Ринна, но сейчас стоит заняться делом, ведь моя миссия все еще не окончена, однако ее финал теперь куда ближе, чем во вчерашний день.

— Топай, Стивен, — приказал я, отворив тяжелую железную дверь.

— Ладно-ладно, иду, — поддался он, после чего той же усталой походкой нырнул внутрь.

Так мы и оказались на нижнем уровне подвала, куда еще ни разу не ступала моя нога. Если верить словам хозяйки дома, в глубине под землей с самого начала находилось всего несколько больших помещений, среди которых присутствовало очень нужное мне — одиночная камера, которая хорошо походила на карцер, или, как его сейчас любят называть — штрафной изолятор.

Едва я шагнул за порог, как сразу же встретился взглядом с неизвестным мне человеком преклонного возраста, сидевшим за столом в компании с одним лишь компьютером.

— Кто таков будешь? — заговорил он, едва увидев меня.

— Это я должен спрашивать.

— Госпожа Ишимару не давала распоряжений впускать сюда кого-либо, — пояснил он. — Покиньте помещение, или мне придется применить грубую силу.

— Ты, стало быть, не знаешь, кто твой босс? — наехал я на него, облокотившись на стойку с решеткой.

— Я...

— Впусти его, Торин, — послышался голос Хорнет откуда-то из колонок внутри помещения. — И не смей более перечить своему боссу, если не хочешь отсюда вылететь.

— Боссу? — опомнился он. — Ах, так вы и есть господин Тайкон. — Перед вами новый надзиратель Торин Мак Лохлейн, — объяснился он. — Прошу прощения, впредь такого больше не повторится, входите.

— Надеюсь, Торин, — проговорил я, после чего в комнате раздался громкий звук, сигнализирующий о том, что магнитная дверь перед нами открыта.

Забавно осознавать, что многое происходящее в ордене проходит мимо моих ушей. Пусть я и доверяю своим друзьям, но сокрытие карцера с собственным нахальным надзирателем было слишком.

Стоит отдать должное тому, кто застраивал это помещение, ведь отдельная небольшая комната с охраной для него была весьма кстати. Эти четыре стены делились пополам перегородкой с решеткой, где сидел Торин, образуя тем самым проходной пункт.

Войдя внутрь, я оказался в не очень длинном коридоре, усеянном десятком персональных комнат, на входе в которые везде имелось устройство для пропускных карт — у меня как раз такая была. С тех самых пор, как Мисато стала главным инженером, в здании ордена стали появляться и такие новшества, начиная с двери в ее огромную мастерскую. Если мой пропуск работает на ее дверь, значит, обязан сработать и здесь.

— Молись, чтобы эта дверь открылась, — прорычал я в сторону Колдена, шарясь по карманам в поисках карточки.

Когда заветный пропуск наконец был найден, я тотчас прислонил его к пропускному устройству, после чего прозвучал уже знакомый характерный писк, а дверь отворилась.

— Вот твой новый дом на ближайшие дни, — усмехнулся я, швырнув внутрь тушу уже достаточно измученного доктора, а затем вошел следом и заперся с ним наедине.

Более года ушло на то, чтобы просто выловить хитрого ублюдка Колдена, а сейчас я наконец-то могу собственными силами заставить его говорить, потому что бежать отсюда некуда, не говоря уже о том, что его никто не спасет.

— Хех, уютная комната, — иронично посмеялся Стивен, пытаясь скрыть свой страх.

— Ну? — я уселся рядом на корточки, стараясь всем своим видом напрягать его еще больше. — Самое время поговорить, ты так не считаешь?

— Д-да, наверное, — замешкался он. — Может, ты все-таки снимешь маску, Ашидо? Я ведь уже давно узнал тебя, так к чему же теперь прятаться?

В ответ на это я продолжил пилить доктора незримым взглядом из-под маски, а вскоре после того, как напряжение на его лице показалось удовлетворительным, я скинул с себя капюшон и отдернул ремешок маски, тем самым освободив лицо от ненужного в данной ситуации аксессуара.

— Ты сильно вырос, Ашидо, я запомнил тебя совсем другим.

— Обойдемся без лести, Стивен, — отстранился я. — Ты знаешь, что мне от тебя

нужно.

— Догадываюсь, но не мог бы ты уточнить? Ты злишься на меня из-за родителей и друга?

Не прошло и секунды, как Колден получил удар кулаком в лицо, от чего сразу же рухнул на пол и застонал где-то между кряхтением.

— И это все? — завелся я, соскочив с места и схватив его за воротник. — Больше нечего сказать? Прости, Ашидо, я поступил неправильно и фактически закопал всех, кого ты любил! А как же другие люди, а? Все те дети, которых ты убил? Ты не думал, что у них могла быть семья, мечты? Такова ценность жизни, да? Можно вот так просто взять и лишить человека всего по собственному желанию? Я с тобой говорю, Стивен Колден! — сказав это, я оттолкнул доктора от себя и отошел в сторону. — Неужели ты и вправду решил, что можешь решать за других, какая судьба их ждет?

— Послушай, Ашидо, я...

— Что послушай? — перебил я. — Мне не нужны твои жалкие оправдания — мне нужны ответы. Если хочешь дожить до обеда, тебе лучше постараться отвечать на все, о чем я спрошу. Ты меня понял, сукин сын?

— Х-хорошо, я на все отвечу, — согласился он, понимая, что в такой ситуации у него нет другого выбора, кроме как сдаться и постараться сотрудничать.

— Первый вопрос, — вновь усевшись рядом на корточки, заговорил я. — Какие у вас с Хандзо были отношения? Что этот ублюдок для тебя делал?

— Ах, Хандзо, — съехидничал Стивен. — Мы с ним, как бы так сказать... утилизировали негодных пациентов.

— Утилизировали, хах? Так теперь называется канибализм?

— Такаги, я знаю, что тебе тяжело это принять, но всему есть объяснение! — оправдывался Колден. — Да, он в самом деле жрал людей, но все это было не просто так!

— А зачем по-твоему он их жрал?

— Ашидо, он...

— Рот, — спокойно оборвал я Стивена на полуслове. — Вопрос был о том, что связывает вас с Хандзо. Остальное я хочу знать уже после того, когда ты на все это ответишь.

— Хорошо, будь по-твоему, но, пожалуйста, пообещай выслушать меня, когда мы закончим. Мне есть, о чем рассказать, и в твоих интересах это послушать.

— Ладно, — согласился я. — Ну так?

— К вопросу о Хандзо, — замялся он. — Я встретил этого человека, когда шел на работу через глухомань Дипломатического, — объяснил он, затронув то место, недалеко от которого располагается участок генерала Кафки и орден «Юстиция». — Он напал на меня на пустыре перед мостом через ливнесток, все время что-то говорил о том, какой я на вид аппетитный и как во мне много энергии. С первого же взгляда я понял, что подвергся покушению шепота, да и к тому же на голову от замороженного, потому решил подыграть, предложив сотрудничество.

— И ты предложил ему другое живое мясо, — презрительно фыркнул я.

— Не стану оправдываться — так и было, и его очень заинтересовало мое предложение. Поначалу это был бесконечный цикл шантажа в стиле «не покормишь — сам поем», но вскоре наши отношения переросли в напарнические и мы разработали свою стратегию ведения терапии, а ты по случайности стал неотъемлемой ее частью.

— Ммм? — непонимающе промычал я. — В каком именно плане я стал частью вашей

терапии?

— Пойми, Ашидо, у меня не было к тебе предвзятого отношения — ты был из числа многих подобных, кто был практически обречен.

— Поясни.

— Позволь задать встречный вопрос, чтобы я смог правильно ответить на твой.

— Задавай.

— Это ведь ты убил Хандзо, да? — Стивен попал прямо в яблочко. — Что он сказал тебе перед смертью? Было ли что-то такое, что задело тебя?

— Все подробности уже не вспомню, — замялся я. — Он рассказывал о том, как я попал в клинику и по какой причине, о своей голодной жизни в Трущобах. Немного поведал о вашей шайке садистов, но в общих чертах совсем немного из того, что могло объяснить некоторые поступки.

— Понятно, — вздохнул Стивен. — Тогда, пожалуй, начнем с того, что нас связывали исключительно деловые отношения, ни о каких дружеских не могло быть и речи. Я просто списывал неизлечимых пациентов и отдавал их ему.

— Не ври мне, Стивен, — остановил я доктора. — Неизлечимыми ты называешь тех, кого сам накачивал ядами как меня? Так это теперь называется? Заруби себе на носу, хитрый лис, у меня есть человек, которому невозможно солгать, и, если он опровергнет хоть одно из твоих слов, можешь не надеяться избежать пыток скальпированием.

— Опять шантаж? — вздохнул он, пытаясь здраво мыслить в сложившейся ситуации. — Ладно, для меня все итак уже кончено — ты лишил меня всех союзников.

— Тогда говори, зачем ты накачивал меня ядами?

— Чтобы ты стал сильнее, Ашидо, — пояснил он, сказав ровно то же, что и Хандзо.

— Зачем? Чтобы накормить напарника? Ты никогда не занимался лечением, да, Стивен?

— Это неправда, — опроверг он. — Да, я нарушил клятву Гиппократата, но все равно не отступился от лечения: кого-то поднимал на ноги, а кого-то губил.

— И по каким таким критериям ты решал, кому жить, а кому умереть?

— «Багровая лихорадка», — как-то отстраненно произнес он.

— «Багровая лихорадка»? — оторопел я, услышав о ней уже не в первый раз. — Что тебе известно о ней?

— Я могу ответить на все твои вопросы разом, но только если ты позволишь мне говорить, Ашидо.

— Говори, но, если мне не понравится твой ответ — сам знаешь, что будет.

— Что ж, давай начнем с самого начала — с момента, когда я впервые ступил на порог больницы. Ты, вероятно, не знаешь, что раньше я работал в государственной больнице в Академическом районе практически рядом с Парадным кольцом. Я окончил престижный ВУЗ, после которого прошел самый высокий уровень медицинской аккредитации и устроился на работу врачом анестезиологом-реаниматологом в детскую реанимацию. Честно скажу, я всегда хотел спасать людям жизни, не чтобы потом слышать в свой адрес множество благодарностей и получать бесчисленное количество подарков, а чтобы просто помогать тем, кто в этом нуждается, потому-то решил встать на самое ответственное место — туда, где решается судьба ребенка. Именно там я стал таким, это место сломало меня, приведя на тот путь, на котором мы с тобой встретились.

— Это ты так душу изливаешь? — фыркнул я.

— Это очень важно, Ашидо. Мне нужно рассказать тебе все, чтобы ты понял мои мотивы. Я не пытаюсь заставить тебя сочувствовать.

— Ладно, продолжай.

— Эх, — как-то тяжело вздохнул Стивен. — Проведя в этой больнице меньше года, я успел заработать себе репутацию. Все эти благодарные улыбки маленьких детей всегда трогали меня до глубины души, но в один день все изменилось. Однажды к нам в реанимацию попал мальчик восьми лет по имени Миша, его родители были очень обеспокоены тем, что их ребенок в таком маленьком возрасте сходит с ума и калечит себя, будто бы в его тело вселился демон. В мои обязанности не входила нейрохирургия, потому я не мог заниматься его лечением. Этот мальчик проходил долгие курсы реабилитации различными препаратами, которые выписал психиатр, но нам нужна была хирургия — никак иначе. Когда все стало совсем плохо, наш нейрохирург пригласил меня попристутствовать на операции по восстановлению привычных функций мозга, чтобы я мог в случае врачебной ошибки устранить ее последствия. Именно в этот день я сломался, став тем, кто я есть.

— Что там произошло?

— Во время операции мальчик вдруг отошел от наркоза и схватился за чертов зажим, которым просто искромсал себе горло. Никто этого не ожидал, все были ошеломлены произошедшим, включая меня, а Миша умер на месте, лишив себя всех возможностей выкарабкаться из лап смерти. Если бы в операционной не велось видеонаблюдение, мы бы уже были в тюрьме. Только лишь спустя месяц после этого я узнал, что он был болен «багровой лихорадкой» четвертой стадии — его уже нельзя было спасти.

— Хочешь сказать, что Миша просто тронулся бошкой в восемь лет? Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

— Я говорю правду, Ашидо, ведь мы оба ей больны, если ты не знал.

— И как ты это определил, умник? — съерничал я.

— Я был твоим лечащим врачом, потому прекрасно знаю, о чем говорю. Едва ступив на порог ты уже находился на второй стадии болезни. Говоря простым языком — в скором времени и для тебя все могло бы закончиться.

— Рассказывай дальше, я хочу знать все.

— Хорошо, — промычал Стивен. — После случая с Мишей я начал внедряться в тему «багровой лихорадки», задавал много вопросов вышестоящим людям, пока на мой зов не откликнулась первая исследовательская лаборатория влияния разлома, патологоанатом из которой ранее определил причину смерти мальчика. Они согласились взять меня на работу в качестве исследователя болезни, где я мог изучать влияние «багровой лихорадки» на организм человека. Три долгих года я трудился, не покладая рук, пока не получил достаточно знаний для организации собственной лаборатории и по-совместительству клиники. Тогда-то я обратился напрямую к нашему королю, Котаю I, дабы он выделил деньги на строительство и обустройство лаборатории, и какова же была моя радость, когда дворец передал достаточно средств для реализации. Так и появилась четвертая исследовательская лаборатория аномальных явлений, названная в мою честь.

— Ты в самом деле был настроен лечить людей от этой болезни?

— Да, Ашидо, ради этого я и организовал собственную клинику и назвал ее так, чтобы вероятность встретиться с больным ей была выше обычной, но, знаешь, никто не ожидал, что больных окажется так много.

— Насколько много?

— Восемь из десяти наших пациентов были больны, — пояснил он. — «Багровая лихорадка» — это проклятие Гармонии, которое лежит на большей части населения, а самое страшное, что ее практически нельзя вылечить.

— То есть те неизлечимые пациенты, о которых ты говоришь, были больны ей настолько сильно, что не заслуживали жизни?

— Погоди, это еще не самое шокирующее, — отмахнулся он. — Я же не сказал тебе, по каким критериям мы решали, что делать с пациентами.

— Я слушаю.

— Ты же знаешь, что дворец отбирает в свои ряды носителей силы?

— Шепотов, ренегатов и геномов без права на отказ, — блеснул я знаниями.

— Все верно, — усмехнулся Стивен. — Пусть я и имел собственную клинику, все равно был обязан подчиняться требованиям к госслужащим, среди которых был пункт о том, что потенциальных носителей нужно сдавать гвардии. Если бы я и вправду следовал всему, чему должен, то ты бы уже давно служил королю, как и другая внушительная часть населения, потому мне пришлось пойти на хитрость.

— Какую такую хитрость?

— В тайне ото всех я делил пациентов на пригодных для службы потенциальных носителей, здоровых и тех, кто вскоре умрет. Со всем этим нам помогал слабенький яд паралича, который мы вливали в кровь всем новопришедшим. Если пациент последующие три дня с онемевшими конечностями валялся на койке, он считался непригодным для службы и все основания полагать, что он является носителем, отпадали, но, если же он приходил в себя раньше положенного — это точно был шепот, как ты сам, Ашидо.

— Вы с самого начала знали? — завелся я. — В первый же день влили ребенку в вены яд, чтобы развеять догадки?

— Не спеши, это работало только на шепотов и некоторую часть ренегатов. Перед процедурой с ядом пунктом ниже в списке стояло определение наличия «багровой лихорадки». Ты, вероятно, не поверишь, но ее поиском занимается психиатр. Помнишь, ты уже проходил через такого?

— Да, я помню, буквально в первые дни пребывания пришлось разговаривать с женщиной по поводу того, что меня гложит.

— Это была Моника — наш доверенный психиатр. Именно она поставила диагноз — вторая стадия «багровой лихорадки». Эту болезнь называли так потому, что в конечном итоге она всегда приводит к кровопролитию вне зависимости от пола, возраста, иных психических расстройств и прочего — всегда. На первой стадии симптомы полностью совпадают с депрессивным расстройством: плохой сон, аппетит, проблемы с концентрацией, усталость и хронический болевой синдром. На этом этапе очень тяжело отличить болезнь без лабораторных анализов, потому пациент всегда был вынужден сдавать их, когда Моника не могла поставить точный диагноз. На второй же стадии человек становится более склонен к какой-либо радикальной позиции и обычно наотрез отказывается принимать аргументы, обратные своим взглядам. У кого-то это были мысли о необходимости геноцида, а у кого-то это была просто безмерная любовь к кофемашинке с порой переходящими за границы абсурдного действиями.

— Ты говоришь, я был болен «багровой лихорадкой» второй стадии. Как Марина смогла это определить? Что я сказал ей такого, что она смогла поставить диагноз?

— Твой страх перед собственными глазами, — объяснил Стивен. — Ты искренне верил,

что именно из-за них у тебя в жизни столько проблем, что соседские дети ненавидят тебя только потому, что ты от них отличаешься. Это — твоя радикальная позиция. Ты ведь никогда не верил никому, кто говорил, что это не так, верно?

— Да, наверное, — на этом моменте я серьезно задумался о том, что он прав, ведь я в самом деле в это верил, но почему же тогда сейчас все иначе? Неужели после того, как цвет глаз изменился на голубой, я наконец поверил, что красноглазое чудовище было лишь выдумкой?

— Видишь, Ашидо, не такой уж я и плохой, — улыбнулся Колден.

— Хер тебе, — осекся я. — Моя позиция не изменится — слишком уж много ты сделал плохого для этого города, потому нет тебе прощения, Стивен Колден.

— И снова правда на моей стороне, — ухмыльнулся он. — Сейчас ты уже на третьей стадии, мальчик мой.

— А что происходит с больным на третьей стадии? — заинтересовано пробурчал я.

— На третьей стадии «багровой лихорадки» человек переходит с радикальной идеи на радикальные действия. Тот пациент, что очень любил кофемашинку, в конечном итоге женился на ней, а потом пришел в больницу с обожженным половым органом.

— Серьезно? — честно говоря, я был ошеломлен тем, что так бывает.

— Видишь, насколько все серьезно? Ты стал убийцей, Ашидо, на твоих руках кровь многих невинных людей, как и на моих. Я знаю, что ты убивал гвардейцев, но знаешь ли ты, что многие из них не были ни в чем виноваты и ни разу не совершали ничего плохого?

— Они все виновны и все в ответе за путь, который сами избрали.

— Твоя новая радикальная позиция, угадал? — он снова усмехнулся, что меня неслабо взбесило, потому я с размаху пнул его ногой в лицо, от чего некогда сидячий на коленях Стивен с грохотом упал на пол.

— Не тебе меня судить, мразь! — прокричал я.

— Знаю, — откашливаясь, промямлил он. — Мы с тобой такие разные, но когда речь заходит о болезни, всех нас можно грести под одну гребенку: тебя, меня, твоих друзей, родственников, госслужащих, докторов, пожарных, полицейских, гвардейцев — да даже сам король ей болен! Ты, должно быть, не знаешь, но я и сам нахожусь на третьей стадии, потому нам обоим осталось недолго жить — ничего уже не важно, Гармония обречена и в этом нет нашей вины.

— Гармония будет обречена только тогда, когда всем будет все равно, что в ней происходит!

— Взгляни правде в глаза, Ашидо, — Стивен поднялся с пола и уставился на меня. — Мы все больны и, так или иначе, умрем. Третья стадия в один момент становится запущенной — это последний момент жизни человека, за которым следует четвертая стадия истинного безумия. Ты сам скоро в этом убедишься, как я убедился на примере маленького невинного дитя.

Мне было нечего сказать, все, что я мог в этот момент сделать — уткнуться в стену и замолкнуть, не в силах признать, что Стивен в моих глазах может стать вторым Хандзо. Если так произойдет, я поступлю так, как должен поступить — убью его, как когда-то убил Хандзо, переполняясь ненавистью и презрением вкупе с сочувствием.

Если Стивен Колден в самом деле говорит правду, мне будет крайне тяжело ее принять, особенно факт того, что не только я болен «багровой лихорадкой», но и мои дорогие друзья.

— Пришла пора рассказать о том, о чем ты спросил в самом начале, — заговорил

Стивен. — Ты можешь называть меня кем угодно и думать обо мне как хочешь, но тебе нужно знать все, потому что я чувствую себя виноватым.

— Ага, поверил, — отмахнулся я, не желая слышать ничего о вине.

— И все же, — продолжил он. — Мы направляли потенциальных носителей с первой и второй стадией «багровой лихорадки» во дворец на службу королю, среди них в редких случаях попадались здоровые, но я не мог отпустить их, чтобы те однажды узнали о своей силе. Пациенты с третьей стадией оставались в клинике до конца своей жизни, как бы это прискорбно не звучало. Если бы мы их не утилизировали, то, что произошло с тобой, происходило бы постоянно, потому нельзя было допустить кровопролития. Лучшим решением проблемы стало сотрудничество с Хандзо и Сальвадором, о котором ты, должно быть, уже слышал — так ведь?

— Слышал, я даже был у него в мастерской, но так и не понял, как он был с вами связан, — пояснил я, упустив момент о том, что Илия тщательно скрывает от нас правду.

— Справился с испытанием, значит, — смиренно потупил взгляд в пол доктор. — Мне тоже однажды пришлось принять и простить себя. Ты знаешь о «мирах грез» — картинах, что спрятаны за плотными шторами?

— Знаю — эти картины нарисованы останками человека, который в них заключен, плавая в своих несбыточных мечтах.

— Именно, Ашидо, — подтвердил Стивен. — И ты даже не задумался о том, кто эти люди? Как они туда попали?

— Что ты хочешь этим сказать? — заметался в мыслях я.

— К Сальвадору не каждый день заглядывают гости, знаешь ли. Многие из тех людей, что заключены в картинах, болели «багровой лихорадкой» четвертой стадии. Мой хороший друг Сальвадор всегда давал им возможность достигнуть своего счастья в другом мире, даже не спрашивая их мнения — он итак знал, чего хотят эти бедолаги. Честно говоря, я уважаю его куда больше, чем Хандзо, ведь с такими стойкими принципами он всегда был намерен спасти тех, кого не мог спасти я, даже будучи больным настолько же, насколько больны его жертвы.

— Значит, вы все-таки поставляли ему живые трупы, — вздохнул я, опустив голову.

— Не вини его ни в чем, Сальвадор куда достойнее всех нас, ведь он всегда руководствовался исключительно великодушными побуждениями, чего не скажешь о Хандзо. Этот сорванец всего-то хотел жрать и становиться сильнее, ему было все равно, чье мясо протолкнуть в гортань. Он, кстати говоря, тоже был болен — третья запущенная. И, знаешь, этому парню так досталось от жизни, что я не могу его ни в чем винить, потому что...

— Мастер Кишин, не могли бы вы спуститься в карцер? — вдруг проговорил я в переговорное устройство, перебив Стивена.

— Иду, — однозначно ответил он.

— Передай Торину, чтобы впустил — приказ Тайкона.

— Я бы и сам вошел, — отмахнулся Илия, после чего оборвал связь.

История Стивена звучит очень правдоподобно, но я не могу быть в этом уверен, пока не услышу из уст Илии Кишина заключительный вердикт.

— С кем ты говорил? Вы что, собираетесь убить меня? — занервничал Стивен.

— С твоим персональным детектор лжи, — объяснил я. — Молись, чтобы все, что ты мне сказал, оказалось правдой. Или ты не боишься смерти?

— Не боюсь, — Стивен опустил голову, — для меня все уже давно кончено, и я ни о чем не жалею, не считая того, что погубил тебя.

— Ты раскаиваешься? — оторопел я, заметив изменения на его лице, будто бы жирный маньяк вот-вот заплачет.

— Знаешь, я виню себя за то, что сделал с тобой, потому что это было только на моей совести и ни на чьей больше. За пару месяцев до твоего прихода мы с Хандзо стали накачивать потенциальных шепотов ядами, чтобы их организм испытывал больше потребности в регенерации, тем самым делая носителей сильнее. Пока тебя не было, все шло гладко и Хандзо был доволен такими пациентами куда больше, чем остальными, но это безнаказанное кошунство не могло длиться вечно. Он хотел сожрать тебя, а я исполнял — травил ребенка, который не мог дать сдачи. В тот момент, когда ты вырвался из кресла, я понял, что моей карьере пришел конец. Это я заставил тебя убить родителей, но, справедливости ради, смерть Леонхардта Акина и членов семьи Ишимару — это личная инициатива Хандзо, — прискорбно, что Стивен так и не пустил слезу.

— Знаю, — вздохнул я. — Он уже извинился передо мной и понес заслуженное наказание. Только твои извинения мне не нужны, оставь при себе и умрешь вместе с ними на глазах у всей Гармонии, как в знак искупления.

— Можно тебя кое о чем попросить в благодарность за то единственное доброе дело, которое я сделал для тебя?

— О чем ты? — непонимающе спросил я.

— Твоя мама — она с самого начала этой истории была больна «багровой лихорадкой» второй стадии, а твой отец третьей.

— Это многое объясняет, — задумался я. — Например, почему они решились сдать меня в клинику и почему отец выдрал глаза собственного сына.

— Твоя мать жива, — вдруг заявил Колден.

— С чего бы это? — опешил я. — Своими собственными руками я искромсал ее до состояния мяса, мама не могла выжить.

— Тем не менее, Ашидо, она жива, и все это только благодаря мне, — поведал Стивен. — В обмен на эту услугу я хочу попросить тебя о быстрой смерти без мучений — ты согласен?

— Я подумаю, — пробормотал я, после чего послышался звук открывающейся двери.

— Каковы распоряжения, босс? — заговорил только что вошедший внутрь Илия.

— Скажи мне, что он говорит неправду, — приказал я.

— Что ж, — Илия присел на корточки рядом с сидячим на коленях доктором, уставившись ему в глаза, тем самым, видимо, применив «шиирацу».

— Подумать только, — вдруг обомлел Стивен, — «Вездесущее Око»...

— «Кишин», если точнее, — поправил Илия. — Уже знакома, да?

— Поверить не могу, — замешкался Колден. — Лишь единожды я столкнулся с этими глазами. Никогда бы не подумал, что встречу с ними вновь. Это ведь было «шиирацу», да?

— Если ты знаешь эту технику, тогда ты прекрасно знаешь, что сейчас произошло, — рогатый смотрел на него так, будто запугивает.

— Знаю, прекрасно знаю, — подтвердил Стивен.

— И каков же вердикт? — вмешался я.

Илия медленно поднялся с места и подошел ко мне вплотную, уставившись тем же напрягающим взглядом.

— Все, о чем вы сейчас говорили — чистейшая правда, — однозначно ответил Кишин. — Это все?

— Да, можешь идти, — после слов Илии я обомлел, сердце забилося как бешеное, я даже почувствовал, как меня бросило в холодный пот, хотя казалось, что под одеждой достаточно горячо.

Стоило Илии выйти из карцера, мы со Стивеном замерли в молчании, судя по всему, пребывая в шоковом состоянии — и я, и он. Тревожное молчание висело на протяжении нескольких минут, пока я не оклемался от столь шокирующей и пугающей информации.

— Стивен, ты в самом деле сейчас говорил только правду? — заговорил я.

— Я ни секунды не врал тебе, Ашидо, — с раскаивающимся взглядом ответил он.

— И про мою маму... Это тоже была правда?

— Она сейчас лежит в палате четыреста восемь в знакомой тебе клинике. Ты можешь в любой момент прийти и проведать ее. Твоего отца, к сожалению, уже нельзя было спасти.

— Понятно, — вздохнул я.

— Этого достаточно, чтобы я заслужил быстрой смерти?

— Добро, — ответил я, двигаясь по направлению к двери. — Прощай, Стивен.

— Береги себя, Ашидо Такаги, — слышались слова Стивена, прозвучавшие вдогонку в щель закрывающейся двери, после чего хлопок железной преграды разделил нас.

Подумать только, в голове не укладывается то, что я сегодня узнал из уст своего главного врага. Раз уж Илия заявил, что все сказанное сегодня было чистейшей правдой, то у Гармонии в самом деле большие проблемы, и это вовсе не король, не его продажные гвардейские шавки, не наркобизнес, не бандиты на улице, не мафия и не неблагополучные госслужащие, а лишь одна опаснейшая болезнь — «багровая лихорадка».

Не я один ей болен, другие дорогие мне люди тоже больны. Только лишь сейчас я задумался о том, что даже сотрудники «Спектра» не смогли избежать той участи, что нам уготовала судьба. Хорнет слишком инициативна, ее действия порой куда радикальнее моих — третья стадия. Мисато возомнила себя величайшим инженером, что достоин куда большего, чем все остальные, и при этом делает огромные успехи — третья стадия. Юмико решила, что все беды города лежат исключительно на совести короля, и отказывается принимать контраргументы, готовясь вершить переворот — минимум вторая. Амелия твердо убеждена в своей неполноценности — минимум вторая. Лаффи думает исключительно обо мне и отвергает всех остальных — минимум вторая. Ринна в погоне за мстостью после смерти мужа стала кровожадной машиной смерти — третья. Нао готова пойти на что угодно, лишь бы отомстить отцу — третья. Итачи любит детей настолько, что не считает, будто в целом мире есть что-то важнее — минимум вторая. Эхо слишком замкнута в себе и испытывает сложности в общении — минимум первая. Хомура готова пролить любую кровь ради блага Трущоб — третья.

Но больше всего меня пугает Илия Кишин — он очень многое скрывает, имеет крайне радикальную позицию волка-одиночки, готов убить любого, кто встанет на пути, даже собственного друга, если взгляды вдруг разойдутся, а ко всему этому добавляются наши с ним и Луной разговоры о воображении человека и о безумии Илии в прошлом — третья запущенная стадия?

Не знаю, можно ли отнести сюда Войд, но если бы она в самом деле была больна, то этого гуманоида можно было бы причислить к истинно безумной — четвертая стадия.

Нельзя и обойти стороной наших врагов: Хандзо всегда думал, что миром правит сила,

и, чтобы выжить, нужно расти, пожирая людей — третья, и умер он, скорее всего, уже будучи на четвертой. Калипсо имеет странную привычку прятать брань за красивыми речами — минимум вторая. Сальвадор обладает непробиваемыми принципами, служит только искусству и крайне радикально относится к судьбам обреченных людей — третья запущенная или даже четвертая.

Не знаю, какую именно позицию имеет Котай, но теперь я опасаясь, что он может быть крайне опасен, если его стадия находится хотя бы на третьем пункте.

Да даже мои собственные родители всегда боялись меня только лишь потому, что были больны, потому вопрос о том, можно ли осуждать их за то, как они со мной поступили, находится под сомнением.

Конечно, пока ничего не доказано, я не могу делать поспешные выводы, но теперь, начиная с этого дня, я по-настоящему напуган. Если все мы так больны, если каждый больной человек рано или поздно умрет не своей смертью в литрах крови — Гармония обречена утонуть в безумии.

Откуда же взялась эта «багровая лихорадка»? Почему все мы ей болеем и почему до сих пор нет никакого лекарства, способного избавить народ Гармонии от неизбежных страданий?

Теперь мне по-настоящему страшно.

Я очень...боюсь...

Глава 41: Не все подарки бывают ожидаемыми

Долгое время человечество спорило на тему того, почему же люди так боятся темноты, почему же простая нехватка света заставляет маленьких детей бросаться в дрожь, а взрослых нервничать — ответ всегда лежал на поверхности. Всему виной предрассудки, что веками порождали неверное представление действительности в головах суеверных людей, которые бояться разве что своего собственного воображения.

Я же нахожу в темноте упокоение, ведь мрачный уголок без проводки хорошо формирует почву для размышлений, где никто не в силах помешать процессу копания в себе. Плавая взглядом в густых чернилах, раскинувшись в удобной позе на кровати и пытаясь уснуть, человек так или иначе думает о правильности своих решений, последствиях поспешно подобранных слов, а иногда к этой нелепой компании лишних переживаний добавляются мысли о крови.

Наверное, я единственный человек во всем ордене, кому досталась комната без окон, и в такой атмосфере порой бывает сложно себя отвлечь, в особенности тогда, когда время измеряется в золотых слитках. Я уже не могу как раньше усесться за компьютер и скрасить вечер прекрасным сюжетом или веселой динамичной пострелушкой — нет. Это все уже давно минуло, мои давние интересы всего за год растворились в песках времени, и, честно скажу, я сильно тоскую по тем временам, когда все было таким беззаботным: никто не преследовал, ничто не напрягало, мера ответственности едва превышала нижнюю планку, а мысли о том, что с моих собственных локтей капает невинная кровь, никогда не посещали ветреную подростковую голову.

— А-ши-до, а-ши-до, вста-вай! — приговаривал знакомый голос, пытаясь вырвать меня из объятий прекрасного сна.

Не люблю я такое наглое вмешательство в чудесный сонный мир шепота, где не поют птицы и не дует ветер, где небо обделено солнечными лучами, так раздражающими рецепторы глаза, где нет ничего, кроме тебя самого.

Иногда нам всем нужно такое место, чтобы просто побыть наедине и как следует все обдумать. Еще вчера Стивен Колден поведал мне об ужасной правде, которую я никак не могу принять по сию минуту. Кто бы на моем месте смог закрыть глаза на болезнь близких людей? Разве есть на свете такой человек, кто готов лишиться всего, сдавшись в лапы судьбы? Даже если есть — это точно не я. Даже если лекарства от «багровой лихорадки» не существует — это значит лишь то, что никто всерьез не старался ее вылечить, как бы прискорбно это не звучало.

— А-ши-до, проснись, ты нам нужен, — продолжал лепетать назойливый голос в пустоте, пока наконец не одержал вверх над моей упертостью, вытянув спящего красавца из дивного сна.

Открыв глаза, я столкнулся взглядом с Хорнет, которая старательно донимала меня, делая все возможное, чтобы не дать как следует отоспаться, и начала она с включения света.

— Отстань, Хорнет, я хочу еще поспать, — отстранился я, закинув на лицо толстое мягкое одеяло, что тотчас скрыло лентя в непробиваемом для фотонов коконе.

— Какой поспать? — возмутилась она, после чего схватилась за одеяло, стараясь его отодрать. — Ты вообще знаешь, какой сегодня день?

— Пятница, — вяло ответил я.

— А если подумать получше? — продолжила донимать меня Хорнет, испытывая терпение по максимуму.

— Тридцатое сентября, вроде, — ответ походил на правдоподобный, однако я все еще не мог вспомнить, что же такого важного должно было сегодня произойти.

— Ну? — пропыхтела назойливая девушка. — Ты реально не понимаешь?

— Да что тебе надо? Отстань, дай поспать.

— Отдирайся давай, соня, нам без тебя не справиться, — Хорнет все еще не угомонилась.

— Да встаю я, встаю, — пришлось смириться с поражением, поднявшись в сидячее положение. — Подожди за дверью.

— Нет, — отрезала Хорнет. — Ты снова закутаешься в одеяло и придется по новой отскрести от кровати, поэтому я лучше прослежу, чтобы ты оделся и вышел в коридор.

— Я вообще-то в трусах — не стыдно?

— Могу отвернуться, если ты у нас такой неженка, — фыркнула она. — А знаешь что, держи, — Хорнет схватила с соседней кровати небрежно раскиданные черные вещи, протянув их мне. — Жду тебя через минуту в коридоре, постарайся не уснуть.

— Совсем не чувствую себя боссом, — промямлил я, выхватив шмотки из ее рук, после чего Хорнет улыбнулась и молча покинула комнату, оставив меня наедине с дилеммой.

С одной стороны, я мог бы продлить свой отдых, но теперь уже точно не уснул бы, с другой стороны, меня в самом деле убивало от интереса к тому, что сегодня за день, раз уж Хорнет сама лично ворвалась в мою пустую берлогу, не дав и шанса откиснуть подольше.

— Эх, к черту, — пробужтел я, собравшись с мыслями, а затем неспешно стал нацеплять на себя любимую одежду.

Когда ноги наконец оказались в штанах, тело в кофте, а стопы в носках, я скрыл заспанное лицо за маской и нырнул в ожидающие на пороге хозяина ботинки. Едва шнурки затянулись, сонное состояние отступило прочь, а вместо него разум пропитала бодрость.

Открыв дверь своей комнаты, я ловким движением выключил свет и перебрался в кабинет, а затем сразу же, не думая ни о чем более, дернул ручку двери, ведущей в коридор.

Стоило лишь мельком выглянуть наружу, как в лицо тотчас выстрелила цветная хлопушка, и как только ошметки металлизированной ленты освободили обзор, я удивился настолько, что потерял дар речи.

— С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, с днем рожденья, дорогой Ашидо, с днем рожденья тебя! — громогласно и в один тон прокричали все мои друзья, собравшиеся вместе прямо у порога кабинета, нацепив на головы детские пестрые колпаки и расположившись вокруг маленького Кирея, держащего в руках небольшой знакомый мне бананово-шоколадный торт.

— С девятнадцатилетием вас, мастер Тайкон! — радостно поздравил меня Кирей.

— О боже, — все, что я мог в этот момент сказать.

Честно говоря, ребята застали меня врасплох, ведь во всем этом круговороте проблем и вечной суеты я совсем позабыл о собственном дне рождения, который так любил отмечать в детстве, наступление которого предвкушалось маленьким ребенком аж за несколько месяцев. Это утро напомнило о тех временах, когда сверкание свечей на торте придавало празднику свою особенную атмосферу — прямо как сейчас.

— Спасибо, ребята, я очень это ценю, — дополнил я, подумав, что первоначального

удивления было недостаточно.

— Надо же, о собственном дне рождения забыл — ну ты и растяпа, — подтрунивала Ринна. — Быстрее загадывай желание, пока свечи еще горят!

После слов Ринны Кирей подошел ко мне поближе, протянув тарелку с тортом вверх, чтобы я ее перехватил. Стоило искрящейся вкусоности оказаться в руках, я сразу же замялся, думая над тем, чего же я больше всего хочу.

— Ребят, а вы помните, можно ли загадывать больше одного желания? — немного замялся я, подумав, что это могло прозвучать глупо.

— У каждого человека есть такое желание, которое сильнее всех остальных, — заговорил совсем не вписывающийся в эту компанию Илия. — Что первым пришло в голову — то и загадывай.

— Как всегда мудро, мастер Кишин, — усмехнулся я.

— Как всегда пожалуйста, мастер Тайкон, — ухмыльнулся он в ответ.

Теперь все было понятно — девочки скрывали от меня именно этот сюрприз, и им пришлось отказываться от подачек, чтобы организовать вечеринку — очень приятно, знаете ли. Переглянувшись с присутствующими, я наконец собрался с мыслями.

— Я желаю, чтобы «багровая лихорадка» исчезла из этого мира любой ценой — навсегда, — проговорил я у себя в голове, а затем ловко подул на свечи, потушив все разом.

Как только огонь сменился на легкий дымок, коридор захватили звуки аплодисментов и довольных завываний в знак поддержки моего скрытого ото всех желания.

— Аши, что ты загадал? Скажи мне! — заинтересованно притерлась рядом Лаффи.

— Не-не-не, — оттаскивала ее Мисато. — Желание не сбудется, если он его всем расскажет.

— А если только мне — на ушко? — продолжала настаивать моя давняя подруга.

— Тоже не сбудется, — однозначно ответила Мисато, тем самым успокоив порыв Лаффи, и смирилась она на удивление быстро.

— Перейдем к пожеланиям! — прокричала Хорнет, переключив на себя все внимание. — По традициям начинает самый старший.

— Это я! — довольно помахал рукой Джозеф, стоя где-то позади остальных.

— Притормози, дружок, ты после нас с Войд, — остановил его Илия, что выглядело крайне забавно, ведь нечасто увидишь, как вполне молодой человек заявляет, что он старше доктора с морщинами, не говоря уже о совсем юной девушке рядом. — Давай, Войд.

— Всего самого лучшего, Ашидо, — пробурчала она, изо всех сил стараясь не ошибиться в словах.

— Спасибо, Войд, очень хорошее пожелание.

— Ашидо, вот тебе мое пожелание, — начал Илия сразу после нее. — Всегда иди по тому пути, который избрал для себя, и не смей оглядываться назад. У тебя есть прекрасные друзья — твои единомышленники и надежные союзники, которые всегда поддержат на тернистом пути. Для достижения успеха нужны лишь терпение, целеустремленность и воля, которые у тебя итак имеются, потому остается лишь верить в себя и в своих ближних. Иди по этой дороге с высоко поднятой головой как лидер, достойный называться таковым. С днем рождения, друг.

— Спасибо, Илия, это очень теплые слова, — преисполняясь благодарностью, проямлил я.

— Ашидо, — заговорил Джозеф, сгорающий от нетерпения высказаться, — я очень тебя

уважаю, не только как босса, но и как человека, а это в наше время большая редкость. Тяжело совместить в одном человеке эффективного командующего и снисходительного друга, но ты с этим справился. Я хочу пожелать тебе сил, чтобы ты мог сохранить свое «Я» с большой буквы и остаться столь же уважаемой персоной. С днем рождения, мастер Тайкон.

— Спасибо, Джозеф, мне очень непривычно и оттого крайне приятно слышать это из твоих уст, — ответил я.

— Теперь моя очередь, — вклинился Шин. — Мастер, скажу все коротко и однозначно — вы очень крутой мужик, действительно сильный духом и способный вести за собой. Оставайтесь таким всегда, с днем рождения!

— Благодарю, Шин, все коротко и понятно, — где-то под маской проскочила улыбка. — Кто следующий?

— Я, полагаю, — откликнулась Нао. — Прости, у меня туговато с пожеланиями, потому скажу в своем стиле — чтобы *** стоял и деньги были.

— Нао! — возмутилась Хорнет, подумав, что такое пожелание было неприемлемым.

— Все нормально, — я положил на плечо Хорнет руку, дав понять, что даже такое пожелание многое для меня значило. — Спасибо, Нао, нам в самом деле не хватало чего-то такого простого и эффектного.

— Можно пропустить меня? — заговорила Амелия после небольшой паузы. — Мы с Итачи планировали прочитать стих, но она куда-то отошла.

— Ничего страшного, я вас обязательно послушаю, — улыбнулся я. — Что ж, в таком случае пропустим их.

— Наша очередь, — опомнилась Хорнет, подозвав к себе Ринну. — Мы немного посоветовались и решили сделать тебе подарок от нас двоих. — Сказав это, она как-то неожиданно оторопела, взгляды в меня так, будто я кого-то только что убил.

Не знаю, что именно произошло, но Ринна глядела на меня так же, и оттого было совсем неясно, что происходит, пока я наконец не догадался, что девочки, да и не только они, смотрят на что-то позади меня. Обернувшись назад, я увидел перед собой три фигуры, идущие по коридору к нам навстречу, среди которых была не вовремя пропавшая Итачи. Взглянув на них единожды, я подумал, что мне показалось, но уже через пару секунд я осознал, что выгляжу именно так, как сейчас выглядят остальные.

Едва они подошли поближе, я распознал в одной из фигур ту самую девушку, по которой долгое время убивался, которую изо дня в день ждал, стараясь сохранять огонь в сердце, не давая ему угаснуть. Эти голые плечи, яркая белая палитра одежды, говорящая о чистоте и идеальности человека, что ее носит, эти элегантные ноги в высоких ботинках, эта знакомая с давних пор улыбка, скрывающая в себе бурю эмоций — она вернулась.

— Всем привет! — поздоровалась она, подойдя поближе. — Хорнет, Лия, Илия, рада вас видеть! Много же здесь людей собралось, пока мы были заняты делами — мастер делает свое дело, да, Хорнет? — эта прекрасная девушка кинула на нее ехидный взгляд.

В ответ на это Хорнет просто промолчала, глядя на гостей все тем же стеклянным взглядом, хотя на этот раз ее правый глаз нелепо подергивался.

— Ну чего вы такие кислые? Неужели не рады меня видеть? — продолжила лепетать девушка. — Должно быть, мне стоит представиться. Кхм, меня зовут Юмико, я из числа ветеранов «Безымянного» ордена, и, честно сказать, меня крайне удивляет, сколько вас здесь собралось за время нашего отсутствия.

— Всем приветик! — заговорила неизвестная мне девушка, одетая практически в моем

стиле, но больше с уклоном в подчеркивание собственной элегантности. — Меня зовут Эмбер, я тоже из числа этих «ветеранов», буду рада со всеми подружиться, в особенности с мальчиками!

Эмбер, значит? Это та самая девушка, с которой я так и не успел познакомиться лично. Откровенно говоря, выглядит она сногсшибательно: черные вещи хорошо подчеркивают фигуру, при этом отлично гармонируют с ее короткой прической того же цвета с зачесом на бок, а яркие фиолетовые глаза создают некий контраст на фоне монотонности. К тому же она этим не ограничилась, украсив себя татуировкой паука на левой фронтальной стороне шеи, ремешками, что крепятся к поясу штанов, так еще и крестом, что сразу кидается в глаза, болтаясь на уровне небольшой груди.

— Что за взгляд, Хорнет? Разве так глава приветствует своих давних друзей? — возмутилась Юмико. — Ты бы хоть «привет» сказала, или что-нибудь на подобии «рада вас видеть». Я как бы вернулась, потому жду...

— Вообще-то, — перебила ее Хорнет, уткнув искоса палец на меня, так и показывая, что Юмико упускает главное из виду, — вот наш мастер.

— Ох, — опомнилась она. — Не буду расспрашивать, по каким таким критериям ты поставила его на свое место. Что ж, как я могу к вам обращаться, мастер?

— Тайкон, — однозначно ответил Илия, что стоял позади меня, ожидая развязки столь неожиданного сюжетного поворота.

— Что ж, мастер Тайкон, повторюсь, меня зовут Юмико Таканаши, я специализируюсь на лечении и в совершенстве владею катаной, хотя в последнее время больше предпочитаю кулаки, — сказав это, она немного занервничала, поскольку столкнулась с моим отчужденным молчанием. — Хорнет, почему он так на меня смотрит? Я что-то не так сказала?

— Как бы тебе намекнуть, Юми, — заметалась Хорнет, боясь сказать лишнего.

— А что за праздник? — вклинилась Эмбер, подойдя поближе к Эхо, которой я передал торт. — Ого, день рождения? Кому-то сегодня исполнилось девятнадцать? Покажите мне именинника!

— Он здесь, — заговорила Ринна, указав на меня аналогично Хорнет.

— Надо же, тридцатое сентября, — ахнула Юмико. — День рождения Ашидо тоже был в этот день, но мы так и не успели его отпраздновать, — сказав это, она немного поникла, и это многое говорило о том, какие чувства девушка в себе носит.

— Опять этот Ашидо, — возмутилась Эмбер. — Кто-нибудь скажите уже ей, что он не вернется.

— Заткнись, — дерзнула Юмико, после чего последовала нелепая пауза, которая оборвалась на том моменте, когда ей вновь стало не по себе от того, как я пилю ее взглядом, не говоря ни слова. — Может хватит так на меня смотреть? Скажите хоть что-нибудь.

Думаю, достаточно с меня находится в прострации от того удивления, которое только что пришлось испытать. Мне хватило этого маленького намека на то, что Юмико меня не забыла и что я все еще ей дорог, несмотря на факт практически достоверной смерти Ашидо в прошлом. Было бы иронично загадать желание о возвращении возлюбленной, задуть свечи и увидеть ее уже через пять минут в добром здравии.

Поняв, что намеки мало чем помогают, я медленными движениями схватился за капюшон, продолжая параллельно с этим молчать. Стоило пышным волнистым черным волосам выглянуть из-за укрытия, Юмико что-то почувствовала, кардинально изменившись в

лице, будто узнала в стоящем перед собой новоиспеченном мастере призрака прошлого. Когда же единственной деталью, закрывающей лицо, осталась только маска, я теми же медленными движениями схватился за ремешок, ослабив его достаточно, чтобы разрушить собственную маскировку и представить взору напряженно ожидающей девушки того, кого она больше всего хочет видеть.

Едва лицо именинника предстало пред гостью, ее сердце пронзил резкий выстрел бурных эмоций, метаящихся где угодно внутри, но снаружи все выглядело так, будто случилось что-то непоправимое, однако в один момент та все же проронила слезу.

— Ашидо, — произнесла она, глядя глубоко в мои столь же заплаканные от трогательного воссоединения глаза, что все это время скрывались под маской неизвестного.

— Юмиго, — ответил я знакомым с давних пор голосом самого что ни на есть достоверного Ашидо, выложив все скрытые эмоции прямо перед ней.

— Н-но как? — замешкалась она. — Я думала, что ты умер.

— Нам обо многом предстоит поговорить.

Это было действительно трогательно, чувства так и рвались наружу, но мы не могли обсуждать наши судьбы в присутствии остальных, и Юмиго тоже это понимала, потому в тревожном и в коей-то мере успокаивающем молчании окружающих мы могли лишь подолгу вглядываться в ежесекундно желаемые лица, растворяясь в умиротворении от того, как все это невероятно сложилось.

Когда скрывать истинные чувства от остальных уже не представлялось возможным, мы сблизилась настолько, что между телами едва оставался сантиметр, расплывшись в жарком чувственном поцелуе, в который обе стороны вложили все свои чувства, желая все-таки вспомнить, каково это — любить и быть любимым.

Увидев это, наши дорогие друзья достаточно прониклись чувствами возлюбленных, наконец найдя момент для того, чтобы поаплодировать. Каждый присутствующий человек хлопал в ладоши, наблюдая за процессом. Кто-то делал это громче остальных, например, Ринна и Эхо, кто-то тише, вроде Амелии и Нао, но только лишь одна Лаффи совсем не сопереживала происходящему.

Ей было обидно и тошно, и все мы прекрасно понимали почему, ведь она с самого детства вкладывалась в меня всем сердцем, а сейчас я всадил ей нож в спину, позволив себе прямо на глазах у отвергнутой девушки поцеловаться с другой. Не в силах наблюдать за этим, Лаффи со слезами на глазах тихо сбежала от нас, желая разобраться в своих чувствах в одиночестве, из-за чего мне теперь придется сильно переживать и корить себя за то, что так грязно от нее отвернулся.

— Подумать только, какой жаркий поцелуй! — молола языком на фоне Эмбер, притираясь к Илии. — Хочешь такой же, а?

— Обойдусь, — отстранился Илия. — Предлагаю рассмотреть другие варианты: дед, дурак или гей — выбирай.

— А гей — это который? — заинтересованно бегала глазами по присутствующим она.

— Худой в рубашке с красной бабочкой, Николас, — пояснил он.

— Люблю перевоспитывать таких, ха-ха. Если вдруг надумаешь пожмякать кого-нибудь — я всегда рядом.

— Угу, — отстраненно промямлил он.

Уже давно оборвав поцелуй, мы с Юмиго в обнимку стояли и наблюдали за тем, что происходит вокруг, то ли дело смеясь с реакцией девочек, строя теории, что же у них сейчас в

голове.

— Это ведь ты их привел? — уточнила Юмико, предполагая, что это так.

— Практически всех, — объяснил я.

— Как много красивых конкуренток, — прошипела она.

— Не переживай, я верен только одной.

— С днем рождения, Ашидо, с твоим первым днем рождения в компании со мной, — усмехнулась она, стараясь отойти от темы. — У меня есть особенный подарок.

— Брось, мне достаточно того, что ты к нам вернулась.

— Нет уж, ты этого заслуживаешь, потому позволь мне сделать свой вклад, — сказав это, она переглянулась с Хорнет, но я так и не понял, что Юмико хотела этим сказать.

— Дамы и господа, попрошу внимания! — вдруг воскликнула Хорнет, уловив намек подруги. — Прошу всех пройти в гостиную на вечеринку! Оставим наших голубков ненадолго наедине!

За ее словами последовала бурная реакция веселых вскриков, в потоке которых нельзя было ничего различить. Ребята лояльно отнеслись к просьбе и устремились в сторону гостиной, то ли дело желая мне всего самого наилучшего вдогонку. Некоторые из них подошли поближе и лично поздравили не только с днем рождения, но и с тем, чего не ожидал никто, особенно отличилась Эхо, которая в один голос с младшим братом произнесла что-то вроде: «совет да любовь», а следом за ней к нам подошел Илия и неожиданно обнял обоих, даже удосужившись повесить шлем на перила, чтобы случайно не стукнуть никого по голове твердой драконьей костью.

Когда все наконец разошлись, мы остались с Юмико наедине в мертвой тишине без постороннего присутствия, тогда-то она попросила меня показать, где сейчас находится моя комната. Я немного удивил девушку, шагнув всего на пару метров к двери собственного кабинета, что было крайне непривычно для нас обоих.

— Ночуешь в кабинете? — усмехнулась Юми.

— В пещере, — поправил я, распахнув двери внутрь своей комнаты.

Войдя внутрь, мы разулись, я включил свет и уселся на кровать, ожидая, когда Юмико, с интересом смотрящая по сторонам, наконец опомнится и заговорит со мной. Комната же в самом деле выглядела интересно, она по форме своей представлялась двумя прямоугольниками, что образовывали собой угловое помещение. Справа от двери находились две односпальные кровати и стол с компьютером, а перед ней виднелись всякого рода шкафы, полки с книгами и моя персональная душевая кабинка.

— В самом деле пещера, — вновь усмехнулась она. — Как люди вообще живут без окон?

— Сладко и беззаботно, — улыбнулся я.

— Что ж, — Юмико неожиданного для меня хлопнула дверью и схватилась за выключатель, после чего свет в комнате погас, а мы остались один на один с единственным источником освещения — непогашенным с прошлого вечера ночником.

— Что ты делаешь? — поинтересовался я, но, не успев ничего сказать, уже оказался зажат ляжками внезапно напрыгнувшей на меня из темноты девушки.

Такое нестандартное нападение сбило меня с толку, заставив молча лежать под весом Юмико, которая как-то странно вглядывалась в оторопевшее от происходящего лицо.

— Это мне в тебе и нравится, — ухмыльнулась она, оперевшись руками мне на грудь. — Такой милый и непорочный, словно котик, что впервые пробует кошачью мяту.

— К-кошачью мяту? — опешил я, немного заикаясь.

— Ты знаешь, чего я хочу, — довольно посмотрела на меня Юмико, пододвигаясь все ближе к губам. — Вот твой подарок.

Не скажу, что я был готов к близости, на которую она сейчас намекает, ведь за все это долгое время воздержания и многолетнего стресса, я совсем позабыл о концепции отношений между мужчиной и женщиной. Неужели то, чего я так открыто желал еще несколько лет назад, завидуя людям настолько, что невольно пропитывался к ним неприязнью, наконец свершится?

Юмико ласково взяла меня за плечи, ее хватка была сравнима с мягкими кошачьими лапками, которые требуют от хозяина внимания. Один лишь момент и наши губы вновь соприкоснулись, напомнив о давно позабытых эмоциях первого раза, когда никто еще не знает, каково это — целоваться. Ощувив на себе знакомое тепло, когда губы страстно трутся друг об друга, я ответил Юмико взаимностью, приобняв ее за талию и прижав к себе поближе, чтобы мы могли в полной мере прочувствовать все это вновь.

Удивительно то, как любовные чувства меняют отношение к процессу, как простые движения языка партнера приносят незабываемое удовольствие. Эти неумелые попытки синхронизироваться добавляют в поцелуй свою особенную изюминку, делая связь еще крепче с каждым мазком слюны по коже, по которой сразу же пробегает холодок, стоит лишь на секунду прерваться. Утопая в объятиях девичьего языка, невольно замечаешь, как это начинает нравиться, будто какой-то десерт, что становится вкуснее с каждой последующей ложкой, и тебе вовсе не хочется, чтобы он в один момент закончился.

Стоило нашим губам оторваться друг от друга, к сознанию подступило непреодолимое желание продолжить, но прекрасные виды уже достаточно возбужденных и легкомысленных партнеров завораживали настолько, что хотелось смотреть бесконечно. Юмико... ее тяжелое дыхание, переполненное чувствами позабытой любви, ее горячая кожа, что способна согреть даже в самые холодные зимы, ее беспредельно глубокий взгляд, украшаемый аквамариновым светом ночника, что образует внутри этих бесподобных глаз бескрайний океан цветов, которыми так хочется любоваться. Уверен, она смотрит на меня так же, вглядывается в мельчайшие детали, которые в повседневности кажутся естественными, а в процессе близости выглядят совсем другими — приятными, родными, завораживающими...

Когда ее пальцы наконец коснулись моей кофты, я немного вздрогнул, ощутив на себе прикосновение чуть более холодной кожи, что током разошлось по всему телу, вызвав неопределенный порыв эмоций, который мы привыкли называть удовольствием. Юмико была намерена лишить меня возможности прятаться под трикотажем, и я безмолвно согласился посодействовать в этом деле, подняв руки в положение, при котором оголить торс не составит труда. Теперь прикосновения ощущались совершенно иначе, ее пальцы чувствовались на моем теле так, словно часть самого меня, словно что-то такое, без чего реальность становится серой.

Последовав моему примеру, Юмико покладисто схватилась за черный пояс своего любимого кимоно, ее ловкие движения с легкостью развязали узел, что препятствовал процессу, после чего преграда бесшумно приземлилась на пол, а передо мной раскрылся вид на два завораживающих шара, истинная красота которых сокрыта под ее кружевным черным бюстгальтером, который едва выглядывает из-под распахнувшегося предо мной кимоно.

Подумать только, сейчас все воспринимается совершенно иначе. Когда-то я уже видел Юмико в нижнем белье, но тогда все было лишь на уровне природных инстинктов и

представить то, что находится под одеждой, я мог лишь прибегнув к своей собственной фантазии. Сейчас же она сама идет навстречу, открывает не только дивные виды на собственное женское тело, но и свое собственное сердце, которого я так или иначе смог достичь.

— Нравится? — с многозначным и очаровательным взглядом спросила Юмико, взявшись за края мешающих процессу краев кимоно, раздвинув их так, чтобы все было видно.

— М-можно? — проямлил я, вытянув перед собой руки, ожидающие разрешения прикоснуться.

— Сначала расстегни, — хихикнула она, а затем взяла мои кисти своими, протянув руки за спину, где находилась застежка, что отделяет нас от продолжения.

Нащупав на спине место, что соединяет левую и правую часть бюстгалтера, я крепко схватился за крючок, пытаюсь освободить грудь своего партнера от лишнего груза, но с каждой секундой все больше понимал, что у меня ничего не получается.

— Ты забавный, — улыбнулась Юмико. — Помочь?

— погоди, я сам, — попытки продолжились.

— Не стесняйся, давай грубее, — подсказала она, глядя на меня в доброй манере насмевающимся взглядом.

Последовав совету, я приложил чуть больше усилий, и неожиданно для меня бюстгалтер поддался, крючок слетел с крепления, а то, что моментом ранее находилось в руках, тотчас выскользнуло.

— Молодец, так держать, — похвалила меня Юмико. — Дальше я сама.

Не успев договорить начатое, она скинула с себя кимоно, отбросив подальше вглубь комнаты, а следом за ним ловко вытянула руки вперед, по которым одновременно скатились обе лямки, освободив грудь. Бюстгалтер отправился туда же, куда и все остальное, а сама Юмико выставила грудь вперед, всем видом показывая, что она совсем не стесняется показывать себя парню, которого любит.

— Можешь потрогать, — смиренно наклонила голову Юмико, ожидая моих действий.

В ответ на вызов я робкими движениями схватился за безмерно мягкие груди, которые по ощущениям в руках напоминали собой детские антистрессы. Мои пальцы то ли дело сталкивались с этой невероятной упругостью вкупе с вполне стойкой и приятной глазу формой. Теперь я точно понимал, что груди второго размера вполне достаточно, чтобы погрузиться в руку полностью, а вместе с тем в полной мере ощутить на себе прикосновения жадных и озабоченных пальцев возбужденного парня.

Не уверен, чувствует ли она мои прикосновения так, как я это себе представляю, но лицо Юмико выглядит довольным. Какое-то время я просто их мял, наслаждаясь новыми ощущениями, но, вспомнив несколько трюков из взрослых фильмов, неожиданно взялся за соски двумя пальцами обеих рук, от чего девушка неожиданно глухо вскрикнула.

— А если я так? — вдруг возмутилась она, после чего сию секунду вцепилась пальцами уже в мои соски, однако я не почувствовал ничего необычного, кроме знакомых ощущений, когда тебя просто щипают за кожу.

— Не работает, — ухмыльнулся я, повторив тот же трюк.

— Ну держись! — воскликнула Юмико после очередной уже знакомой мне реакции, соскочив с кровати и принявшись стягивать с меня штаны.

Сказать честно, я был удивлен ее напористостью, ведь Юмико с легкостью лишила мои ноги единственной защиты, а после успешного оголения сама же схватилась за собственные черные кружевные трусики, молниеносно сбросив их на пол. Все произошло настолько быстро, что я не успел ничего разглядеть, а Юмико в момент, пока я бегал глазами по заветным местам женского тела, схватилась уже за мои трусы, которые столь же быстро оказались за пределами места, которое должны закрывать.

Теперь мы были уже полностью оголены, и не могу сказать, что это не смущает, ведь показывать свое тело кому-то всегда постыдно, в особенности тогда, когда хочешь понравиться человеку любой ценой — как сейчас. Усевшись на меня сверху в ту же позу, Юмико вновь прижала практически беззащитного парня к кровати всем своим весом, но теперь все это ощущалось совсем иначе: я почувствовал то, какая она между ног мягкая и мокрая, будто кто-то шутки ради подложил ей в трусы сливочное масло, которое теперь растекается и по моему достоинству. Поначалу она уселась спешно и неумело, но, когда поняла, что парень по имени Ашидо целиком в ее власти, сразу же приняла более пригодную позу для процесса, который мы привыкли называть сексом.

— Весьма кстати, что у шепотов там не растут волосы, — подметила она, стараясь как можно больше напрягать меня своей ехидной улыбкой.

— Да, весьма кстати, — согласился я, не ощущая ни намека на покалывания свежесбритых волос, что было огромным плюсом, ведь всем нам в разы приятнее лицезреть что-то эстетичное и соприкоснуться с гладким, нежели заставлять себя игнорировать такие детали.

— Ну-с, не сдерживай себя, — произнесла Юмико, а затем уже знакомой «женской» хваткой взялась за мой член.

Я вновь был поражен наповал, ибо эта девушка предпринимала любые действия непредсказуемо и быстро, не оставляя и шанса подумать. Я отчетливо чувствовал, как погружаюсь внутрь — куда-то вглубь, где очень скользко и тепло, а вместе с тем довольно мягко, будто в объятиях одеяла, и как-то... узко. Пусть Юмико и планировала сделать все быстро и неожиданно, она практически сразу сломалась и снизила обороты, отчего стало в разы приятнее проникать в обитель женской очаровательности. Каждый сантиметр, оказавшийся внутри, ощущался для нее так сильно, что по комнате то ли дело пролетали стоны, вырывающиеся из уст некогда уверенной в себе девушки. В момент, когда я целиком оказался внутри, Юмико наконец немного расслабилась и затихла, не считая тяжелой отдышки, что сопровождала многозначный довольный смех.

— Это оказалось труднее, чем я ожидала, — посмеивалась она, вновь оперевшись на мою грудь. — Дай мне минуточку, хорошо?

— А если не дам? — на этот раз уже я взял на себе инициативу посмеиваться над партнером, поскольку нащупал слабое звено в сознании Юмико — она совсем не готова к отдаче.

— А? — опешила она.

Схватившись за ягодицы девушки, я прижал ее к себе, тем самым положив начало процессу, который мне с самого начала уже достаточно понравился. Юмико была ошарашена и какое-то время меня останавливала, пока в один момент не затихла.

— П-позволь м-мне, — прерывисто промямлила она, заставив меня остановиться, а после абсолютно неожиданно ударила меня в нос щелбаном.

Этим она сбила меня с толку, а сама в этот момент перехватила инициативу и начала

двигаться, и движения эти были не просто уверенными — она по-настоящему влилась в процесс. Бедра двигались вверх-вниз, по комнате проносились смущающие склизкие звуки, характерные только для подобной близости, не говоря уже о страстных столах, которые можно было услышать даже с коридора. Юмико склонилась поближе ко мне, ее светлые локоны волос свисали вниз, закрывая все вокруг так, что мне оставалось лишь смотреть на ее бесконечно смущенное лицо, переполненное удовольствием. Все это было совсем в новинку: как стенки ее влагалища на меня давят, как прогибается кровать под весом двух переполняемых азартом людей, этот странный запах, похожий на мускус, что используют в парфюмерии — да все это ощущается так, будто до этого я был слеп, будто прожил свои девятнадцать лет в неведении, не зная ни пункта о том, как человеку может быть хорошо.

— Юми, я сейчас, — спустя несколько минут я почувствовал нечто, ведущее к финалу того, что мы здесь развели.

— погоди, я тоже, — перебила она, после чего отклонилась из привычного положения назад так, что теперь я мог все видеть.

Она продолжила двигаться, поддерживая себя руками сзади, пока я мог лишь лежать и наслаждаться процессом, но с каждой секундой та двигалась все быстрее и быстрее, пока мы оба не достигли своих лимитов.

— Сейчас! — прокричала она, не останавливаясь.

Почувствовав, что я уже на пределе, сдерживаться более не представлялось возможным, потому пришлось сдаться. Едва внутри Юмико почувствовались пульсации, мы оба остановились, расплывшись в довольных несдерживаемых столах. Она дергалась так, будто что-то только что ударило током, и это возбуждало еще сильнее, от чего у меня на лице сама по себе проскочила улыбка, впоследствии переросшая в смех.

Когда пик удовольствия от процесса стих, Юмико с горем пополам приподнялась из положения наездницы, а затем ослабленно рухнула рядом со мной к стенке около кровати.

— Ахренеть, — это было первым, что я услышал перед тем, как она рассмеялась вместе со мной.

Какое-то время мы просто лежали рядом друг с другом и пялились в потолок, то ли дело посмеиваясь с того, что только что произошло, и, скажу честно, я в каком-то веке был чем-то доволен. Через несколько минут Юмико наконец утихла и перестала подергиваться, а после просто обняла меня, уютно уложившись половиной тела сверху.

— Это было что-то с чем-то, — заговорила она.

— Да уж, ну ты и выдала, — усмехнулся я, все еще пребывая в шоке.

— Ты прости меня, мне очень было это нужно, — вдруг начала извиняться Юмико, думая, что сделала что-то плохое. — Чувствую себя неисправимой извращенкой.

— Нужнее, чем мне? — опешил я, не понимая, что бы это могло значить.

— Наверное, — промямлила она. — Знал бы ты, как паршиво было бегать хвостиком за Эмбер.

— А что с ней не так?

— Ох, лучше не знать, — отстранилась девушка, — но я скажу тебе. Видишь ли, Эмбер такая распутная, что ни дня без члена не может провести — он у нее на завтрак, обед и ужин, иногда даже на полдник. Ты бы смог спокойно пить чай в своей комнате, пока за стеной постоянно стонет твоя подруга?

— Я тебя понимаю, можешь не продолжать, — улыбнулся я, начав гладить Юмико по голове. — Это называется завистью, которая рождается из воли. Изо дня в день тебя

преследует искушение, но ты остаешься верен тому единственному, в которого вложил все, что у тебя есть. Ты ведь тоже верила в меня? Верила в то, что я вернусь?

— Ашидо... когда мы с тобой разминулись, я ни секунды не могла принять твою смерть. Так ведь не бывает, чтобы близкий человек ушел, не оставив ни намека на возвращение?

— Бывает, — пробормотал я, — но не в моем случае.

— Ты очень изменился с того момента, когда мы с тобой виделись в последний раз, и я вовсе не о глазах говорю. Эта ухмылка — ее раньше не было. Что такого произошло в Бездне, из-за чего ты так изменился?

— Я убил Хандзо.

— Как гора с плеч, — тяжело вздохнула Юмико. — Хорошо, что этот тип больше нас не беспокоит.

— Это верно, — согласился я. — Знаешь, он много чего интересного рассказал, и это и вправду немного изменило меня, однако цели остаются прежними и ценности неизменны, как и моя любовь к тебе, Юми.

— Хочешь сказать, что мы с тобой — те самые два слюнтяя, которые бегают друг за дружкой даже тогда, когда все кажется безнадежным?

— Ха-ха, они самые, — согласился я, рассмеявшись.

— Ха-ха, — аналогично рассмеялась Юмико.

Еще минуту мы без умолку смеялись, пока наконец не затихли, глядя друг другу в глаза с неисчерпаемой радостью от того, что мы друг у друга есть, о чем говорила широкая нестягивающаяся улыбка.

— Я воспользуюсь душевой кабинкой? — неожиданно спросила Юмико, приподнявшись из лежачего положения.

— Боишься, что девочки будут тебя вынюхивать? — ухмыльнулся я.

— Угу, сам посмотри, — сказав это, она поднялась с места и развернулась ко мне своей откровенной стороной в положении на карачках, тогда-то я лицезрел причину — мое семя навязчиво вытекало изнутри.

— Понял, — однозначно проговорил я, дав понять, что не стану препятствовать. — Пользуйся ей, когда угодно — теперь она и твоя.

— Надо же, спасибо, — передразнила меня Юмико, соскочив с места и устремившись по направлению к заветному душу.

Походка выглядела весьма довольной, потому я был искренне рад, что все так сложилось, что год друг без друга еще больше укрепил связь таких наивных дебилов, как мы с ней. Эти отношения обещают быть плодотворными и чувственными, а это значит, что одна из моих давних мечт наконец начала осуществляться.

— Ашидо, — окликнула она меня, уже стоя возле кабинки.

— Что?

— Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Юмико.

Глава 42: Делая ставку, будь готов потерять все

— Ах, этот прекрасный вкус тающего во рту ежевичного пирожного, каждый кусочек которого, проваливаясь в желудок, заставляет чувствовать себя вольной птицей, что парит высоко в небесах, не думая ни о чем более, кроме следующего взмаха крыльями, — хотелось бы мне так сказать, если бы я не заедала вкусным десертом свое великое горе.

Эта тупая сука по имени Юмико, какого черта она вообще о себе возомнила? Я до последнего верила и надеялась, что эта стерва затеряется где-нибудь в подворотне, чтобы ее руки никогда и ни при каких обстоятельствах не дотянулись до Ашидо — увы. Все сложилось именно так, как не должно было сложиться, произошло именно то, чего не должно было произойти!

— Тупая сука, тупая сука, тупая сука, тупая сука, тупая сука, — приговаривала я вслух, сидя за уютным столом в своей любимой кондитерской с самыми вкусными десертами на подник.

Как ты вообще посмела? Прямо у меня на глазах! Свои грязные губы! Ты поцеловала его прямо у меня на глазах! Будь моя воля, я бы на месте прикончила тебя, Юмико Таканаши, проткнула бы твой грязный рот голой рукой так, чтобы зубы посыпались с обратной стороны черепа!

— Нельзя, — вдруг остановила я ход своих мыслей, стараясь сохранять самообладание. — Ашидо возненавидит меня, если так поступлю.

Что же делать? Столько лет я любила этого человека, мечтала выйти за него замуж, родить ему прекрасных детей и прожить счастливую семейную жизнь как самая лучшая жена и самая лучшая мама — что же пошло не так? Почему ты выбрал ее, а не меня? Разве Юмико лучше?

— Лаффи, неважно выглядишь. Что-то случилось? — окликнула меня постоянная работница кондитерской, с которой мы успели неплохо сдружиться благодаря моим частым визитам.

— Ах, Руби, — опомнилась я, заметив недюжинную заинтересованность. — Все нормально... просто... я немного устала и уже совсем ничего не понимаю.

— Ох, хорошо, — вздохнула Руби. — Зови, если буду нужна, — сказав это, она поставила на стол еще несколько пирожных, которые я заказывала ранее, а затем тихо поплелась прочь к стойке кассира.

Эта молодая девушка работает здесь официанткой с давних пор. Поначалу кондитерская была самой обычной общественной столовой, но после подписания торгового договора с Австралией в городе стали появляться вкусные новшества, которые довольно неплохо раскупались, тогда-то владелец переоборудовал ее под кондитерскую, заметив интерес молодежи ко всем видам сладостей. По словам Руби, она только недавно поступила в частное музыкальное училище, потому приходится подрабатывать, чтобы иметь возможность оплатить учебу, не говоря уже о больной матушке.

Боюсь представить, что было бы, будь у нее те же проблемы, что и у меня сейчас — бремя неразделенной любви. Будь я такой же, точно смогла бы принять отказ, ведь никто из мальчиков не любит плоских девочек, тем более вечно витающих в облаках, а не в их бесподобии. Выглядит она не самым лучшим образом: короткая каштановая стрижка с зачесом набок, самые обычные серо-зеленые глаза, да и ресниц толком нет, потому

приходится носить накладные.

Чем же я хуже Юмико? Что в ней есть такого, чего нет во мне? Эта девушка проигрывает по каждому существующему пункту! У меня самое утонченное и несравненное лицо, не требующее ни капли макияжа для того, чтобы скрыть изъяны! Самая сексуальная фигура, параметры которой едва отходят от идеальных! Самая чистая и гладкая кожа, без единой волосинки, не считая головы, на которой виднеется пышная стильная шевелюра, способная сразить любого! Да даже если не брать во внимание внешние факторы — мой внутренний мир настолько идеален, что на всей планете не сыщешь никого более преданного и любящего! Почему же ты отвергаешь меня, Ашидо?

— Почему? — пробурчала я себе под нос, резко засомневавшись во всем, о чем только что подумала. — Чего-то точно не хватает...

Что бы это могло быть? Что-то такое, что упускается из виду.

— Твой счет, — вновь послышался голос Руби, присутствия которой я даже не заметила, от чего немного напугалась.

— Ах, да, спасибо, — ответила я, стараясь всеми силами не выдавать своих переживаний.

— Благодарим за визит в «Камелию Крим», воздушного вам дня! — произнесла она напоследок, после чего опять строго по шаблону развернулась и устремилась подальше от меня.

— Постой, Руби, — окликнула я ее, воодушевившись спонтанной мыслью поговорить.

— А? — опешила она, а затем, придя в себя, подбежала обратно ко мне и застыла рядом.

— Мы можем поговорить? — поинтересовалась я, глядя в ее лицо взглядом самого настоящего зомби.

— Д-да, конечно, — согласилась Руби, — только позволь мне отчитаться перед хозяином...

— К черту, — перебила я, — садись!

Услышав это, Руби в ступоре застыла, не понимая, что делать дальше, но в конечном итоге все-таки пришла в себя и уселась рядом со мной на один диванчик, нарисовав при этом у себя на лице такую кислую мину, которую никто не смог бы повторить.

— Что такое? — замаялась Руби, нервно скрестив руки под столом.

— Мне очень нужно услышать твое мнение, и я надеюсь, что это в самом деле поможет, — объяснилась я, положив ей на плечо руку.

— Давай попробуем, — неохотно промямлила она.

— Слушай, Руби, — начала я, — можешь, пожалуйста, сказать — ты когда-нибудь кого-нибудь любила?

— Чего? — она еще сильнее отстранилась. — Это очень неожиданный вопрос, не могу сказать, что я готова на него ответить...

— Пожалуйста, — приговаривала я, находясь в практически безнадежном состоянии сдерживания.

— Ну, да, когда-то я очень любила одного мальчика в школе, но мои чувства к нему были взаимными, поэтому...

— ВОТ! — вдруг воскликнула я, обратив на нас внимание всех посетителей.

— Тише! Ты чего раскричалась? — запаниковала Руби.

— Продолжай, — скомандовала я, желая узнать все подробности.

— Н-ну, — вновь замялась она, — мне долгое время пришлось мириться с чувством собственной безнадежности, будто я чем-то хуже тех девочек, с которыми он водился, но сейчас все уже хорошо.

— Хорошо? — снова завелась я. — Вы поженились? Кольцо на твоём пальце — обручальное? Как это произошло? Что ты для этого сделала?

— Лаффи, успокойся, — тяжело вздохнула она. — Это не обручальное кольцо, а декоративное из эпоксидки, и оно не на безымянном пальце, а на среднем.

— Что же, вы не стали жениться?

— Нет, — однозначно ответила Руби. — Со временем я усомнилась в этом человеке и ни капли не пожалела о том, что все так сложилось. Сейчас я в каком-то смысле одинока и не ищу себе пару, потому что и без того проблем хватает. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Усомнилась? — немного удивилась я. — Как ты вообще могла? Разве он для тебя вообще ничего не значил?

— Лаффи, я не хочу говорить о своей личной жизни, — отстранилась Руби. — Раз уж ты хотела поговорить, может, сама лучше расскажешь о том, почему на подносе до сих пор больше половины пирожных?

— Ах, да, — опомнилась я, осознав, что немного перегнула. — Я хотела спросить твоего совета, но уже не уверена, что услышу то, что хочу услышать. Видишь ли, человек, которого я с самого детства люблю больше жизни, выбрал другую — какую-то грошовую суку, которая вовсе его не достойна. Увидев их поцелуй собственными глазами, я тотчас расплакалась и сбежала сюда, а теперь сижу среди десятков лучших пирожных и не могу ни одно из них съесть, как бы сильно себя не заставляла. Может, ты скажешь, что во мне не так?

— Так вот в чем дело... Знаешь, тебе не стоит так об этом переживать, ведь жизнь не заканчивается на одной неразделенной любви. Раз уж твой возлюбленный выбрал другую, значит, она в чем-то тебя превзошла, и это что-то оказалось ключевым в его выборе.

— И что же это? — завелась я. — Чем она лучше меня?

— Дело даже не в ней, а в том, кого ты любишь.

— Ни за что! Он ни в чем не виноват! Этот парень лучше любого другого парня, никто никогда с ним и близко не стоял! Если кто-то и виноват в моих неудачах, так это та шлюха, что соблазнила его! — вдоволь накричавшись, я затихла, с грохотом врезавшись в стол и начав истошно рыдать, пуская сопли прямо на поднос.

В какой-то момент на спине почувствовалось ласковое прикосновение, такое легкое и едва ощутимое — ни с чем не спутаешь женскую руку. Пусть она и поглаживала меня время от времени, это ничем не могло помочь справиться с болью, которую я сейчас испытываю.

— Послушай, Лаффи, — вдруг прошептала Руби. — Тебе нужно смириться и отпустить его. Я знаю, что ты скажешь: «да что ты вообще знаешь», «но я же люблю его», «хренова помощница» — это все такая ерунда. Любая впервые влюбившаяся девочка слепа как крот, верит только в собственную фантазию и отказывается принимать реальность, но если она такая, к чему же вот так страдать? Отпусти его, Лаффи, ты очень красивая девушка, в разы привлекательнее меня и многих других, потому по жизни не пропадешь. Прими то, что он тебя не любит, и найди кого-нибудь такого, кто ответит взаимностью...

— Какой в этом смысл? — всхлипывая, промямлила я, захлебываясь в собственных соплях. — Кому я вообще нужна? Только и слышу в свой адрес слова «шлюха», да «шалава».

Все мужчины, знающие о моем прошлом, сторонятся меня. Только лишь он по-настоящему все понимает и не осуждает меня за ту судьбу, которую я не выбирала, и только он мне нужен.

— Лаффи, в мире полно мужчин, которые способны закрыть глаза на твою половую жизнь в прошлом. Только представь себе: вот вы выходите к алтарю, он надевает на тебя кольцо, вы вместе уходите в закат, а потом ты рожашь ему прекрасных детей, и вы счастливо живете вместе.

— Этому не бывать, — оборвала я.

— Почему же, испокон веков у всех нормальных людей были одинаковые шансы завести семью, каждый...

— Я бесплодна, — слова Руби прервались печальной правдой.

— Ох, — она резко затихла.

— Мой доктор сказал, — продолжила я, скрыв имя Джозефа, — что после того, что со мной сделал тот человек, я больше не могу иметь детей, как бы сильно этого не хотелось.

— Соболезную, Лаффи. Думаю, мне лучше...

— Знаешь что? — внезапно я перестала лить слезы и резко подняла голову. — Иди ты нахер со своими советами!

— Лаффи...

— Я добьюсь своего любой ценой! Не нужны мне твои тупые советы! Что ты вообще смыслишь в любви, когда сама ни разу так не любила? Отпусти, смирись, как же... Подавись, сучара, я назло тебе добьюсь его сердца, чего бы мне это не стоило! — сказав это, я столкнула Руби с диванчика на пол, чтобы выбраться, а затем стремительным шагом двинулась к выходу.

— Ну и проваливай, неудачница! — прокричала она вдогонку, распластавшись на полу. — Я тебя поддерживаю, советую, а ты поступаешь как самая настоящая мразь! Пусть тебе твой бойфренд сам скажет, какая ты мерзкая и назойливая! Слышишь, Лаффи?

В этот момент мне было все равно, что она говорит, но эти слова так или иначе смогли дойти до моих ушей, чего нельзя было избежать.

— Мерзкая и назойливая, хах? — усмехнулась я, на секунду задумавшись о том, что в этом как раз может крыться суть проблемы.

Уже через секунду двери кондитерской распахнулись, и я оказалась на свежем воздухе где-то в глубине Торгового района. Безысходность и депрессия сменились чувством уверенности и какой-то невообразимой легкости, но расслабляться было рано. В этом мире есть только два человека, способных сказать мне, что на самом деле чувствует Ашидо и что препятствует нашей взаимной любви — сам Ашидо и мастер Кишин.

Зная Ашидо, он точно не пойдет в этом вопросе навстречу, поскольку не захочет говорить правду, а как обычно попытается выкрутить все так, чтобы никого не обидеть. Было бы правильнее спросить у него прямо, но ведь сегодня его день рождения, да и не хотелось бы мне навязываться со своими чувствами к парню, который, вероятно, весь остаток дня проведет в компании новой подружки.

Остается только один вариант, и не такой уж он выгодный в сравнении с первым, ведь Илия сам по себе такой человек, который слишком уж редко заинтересован в чьих-то делах больше, чем в своих собственных, но, справедливости ради, тогда, когда я еще формально была прикована к койке, именно он поддержал меня, пока Ашидо был занят делами ордена. Существует маленькая вероятность того, что Илия Кишин сможет пойти навстречу и

рассказать правду, если я смогу уговорить его помочь — решено.

Все, что мне нужно сделать — вернуться в «Спектр» и уговорить мастера Кишина рассказать все о тех чувствах, которые Ашидо испытывает по отношению ко мне, будь то теплые или холодные, ведь я обязана знать, с чем бороться, чтобы в конечном итоге достигнуть человека, которого люблю.

***

Вернувшись назад к ордену, я вошла с тыльной стороны здания, оказавшись в привычном коридоре крыла «Б», оставалось лишь перебраться к месту проведения праздника в том же крыле в комнату мероприятий, которая представляет собой несколько соединенных помещений, находящихся на противоположной стороне от кухни, войти в которые можно из холла.

Выйдя в холл из коридора, я столкнулась взглядом с Итачи, которая с довольным видом несла на место проведения несколько бутылок алкогольных напитков.

— Ох, мисс Харуна, не поможете? — прокричала она, заметив меня.

Помогать совсем не хотелось, однако мне невыгодно было разлагать обстановку, потому я смиренно согласилась и перехватила две бутылки, которые нарушали весь баланс пирамиды в ее, казалось бы, непоколебимых руках.

— Куда нести? — уточнила я.

— Просто пойдем со мной, не надо убегать вперед, — предостерегла Итачи.

Я снова согласилась, потому пришлось медленным и аккуратным шагом следовать за кошкой ко входу, где нас совершенно неожиданно встретили те, с кем мне совсем не хотелось в этот момент встречаться.

— Рад, что ты вернулась, — произнес Ашидо, едва наши взгляды пересеклись. — Итачи, отнеси две бутылки в зал с покером, две в приватную зону, а остальные на общий стол, Юмико тебе поможет.

— Давай сюда, я донесу, — скомандовала Юмико, которая еще секундой ранее злорадственно липла к моему возлюбленному, а сейчас уже протягивает руки за бутылками.

— Конечно, держи, — ответила я, стараясь не выдать своей злости и презрения так сильно, как никогда в жизни еще не старалась.

Едва бутылки оказались в руках у Юмико, она вместе с Итачи скрылась в веселящейся толпе, а мы с Ашидо остались наедине у самого входа в комнату мероприятий, тогда-то он выдал на своем лице что-то похожее на жалость.

— Лаффи, мы можем на секунду выйти в холл? — попросил он, делая все более страдальческий вид, от чего у меня даже немного екнуло в груди.

— Д-да, конечно, — согласилась я, после чего мы оба скрылись от остальных за непробиваемой резной деревянной дверью, которую пришлось за собой закрыть.

— Слушай, я очень перед тобой виноват, — начал он. — Ты даже представить себе не можешь, как мне сейчас паршиво говорить об этом, но я бы хотел извиниться.

— За что? — непонимающе спросила я.

— Лаффи, я видел, как ты сбежала с праздника, и после этого весь период до твоего возвращения очень переживал. Я прекрасно понимаю, что ты в тот момент почувствовала. Тебе, должно быть, мерзко сейчас слушать мои извинения?

— Н-нет, что ты...

— Я просто хотел сказать, что очень сожалею о том, что все вот так вышло, потому хотел бы как-нибудь на днях выбраться с тобой в город, чтобы мы могли провести время

вместе, как это было когда-то давно.

— Ты приглашаешь меня на свидание? — мое сердце вдруг забилося так быстро, будто что-то вот-вот свершится.

— Не уверен, что это свидание, — замылся он. — Просто хочу напомнить тебе, что ты мне не безразлична.

— Аши...

— Ты согласна? — уточнил он, ожидая одобрения, что хорошо было видно по все еще непривычным голубым глазам.

— Да, я согласна, — переполняясь радостью, ответила я.

— Хорошо, тогда давай на сегодня забудем обо всех обидах и хорошо проведем время, ладно?

— Д-да, но сначала мне нужно решить кое-какой вопрос, — отмахнулась я, думая, как же все-таки грамотнее подобраться к Илии.

— Я могу помочь? — поинтересовался Ашидо.

— Тут нужен кто-то очень умный, — подловила я его, впервые сказав что-то такое, что могло мне помочь.

— Что ж, обратись к Илии, — он купился. — Правда они сейчас играют в покер, потому не уверен, что стоит отвлекать. Если тебе нужно разобраться в чувствах, лучше обратись к Ринне.

— Хорошо, спасибо, — улыбнулась я.

— Постарайся отдохнуть, — напоследок сказал он, после чего отворил дверь и скрылся где-то внутри.

Пора действовать — мастеру Кишину придется смириться с моей настойчивостью, а иначе я проиграю эту войну. Ступив на порог вечеринки, я сразу же стала бегать глазами по дверным проемам, располагавшимся внутри одной большой комнаты, пока глаз не зацепился за один такой, внутри которого виднелся знакомый зеленый оттенок, характерный только лишь для игрального стола.

С легкостью пробравшись через оживленных и уже даже немного пьяных девушек, я оказалась именно в той комнате, куда и собиралась идти изначально.

— Фолд, — произнесла сидящая за столом Хорнет, сбросив свои карты.

— Вскрывается, — скомандовал Илия.

— Две пары! — выкрикнула Эмбер, запустив на стол комбинацию из цифр пять и восемь.

— Круто, а у меня сет, — довольно ухмыльнулся Илия, сбросив две шестерки.

— Твоя взяла, умник, забирай свои девятьсот фишек! — как-то озлоблено прошипела Эмбер.

— Не привыкла проигрывать?

— Да ты на лаки, алло!

— Давай следующую, отыграешься еще, — продолжал ехидничать Илия.

В ту же секунду, как я вошла, голова затрещала от того, что здесь происходит, однако, судя по всему, они уже закончили.

— Мастер Кишин, — заговорила я. — Мне нужно с вами поговорить, это очень важно.

— По поводу? — уточнил он.

— Это очень важный и личный вопрос, — пояснила я, уже чувствуя, что шансы утекают.

— Сейчас не самое лучшее время для разговоров — у нас игра, — отстранился Илия. —

Если тебе так нужно поговорить, будь добра дождаться момента, когда мы закончим.

— Дай «шайбу», — вклинулась Хорнет, обращаясь к Эмбер.

— На, — та в ответ кинула ей какую-то серую фишку с надписью, и, судя по всему, им всем вовсе не было интересно мое присутствие.

— А если я выиграю, вы поговорите со мной? — проговорила я, от чего все трое внезапно оторопели.

— Ты правила хотя бы знаешь, деточка? — съерничала Эмбер.

— Н-нет, — замялась я.

— Ну и о чем может быть речь? Иди, гуляй, покер не для...

— Я согласен, — перебил ее Илия. — По поводу правил не переживай, все расскажем и покажем самым наглядным способом.

— Ты серьезно? — как-то многозначно посмотрела на него Эмбер.

— Да, — однозначно ответил он.

Честно говоря, в этот момент я начала сильно переживать, ведь правила покера мне совсем неизвестны, а как в нем выиграть и подавно. Усевшись в качестве четвертого игрока на удобный мягкий стул, я замерла в ожидании того, что произойдет дальше, тогда-то мастер Кишин жестом показал себе на глаза и я мельком пересеклась с ним взглядом, и именно в этот момент вновь почувствовала на себе действие «ширацу», после которого голова будто стала тяжелее: то ли от ума, то ли от вмешательства в личное пространство.

— Теперь все понятно? — переспросил он, ожидая ответа.

— Выигрывает тот, у кого самая сильная комбинация, верно? — уточнила я.

— Верно, ставлю двадцать пять, — произнес Илия.

— Пятьдесят, — подхватила Эмбер.

Стало быть, игра началась — с этого момента можно рассчитывать только на свою удачу.

— Окей, раздаю, — пробурчала Хорнет, после чего на столе стали появляться скрытые карты, пока наконец у всех их не оказалось по две.

Теперь, когда нижний и верхний порог начальных ставок определен, пришла пора пре-флопа — на этом этапе ставки могут значительно повыситься, и, если ты чувствуешь, что не вывезешь, можно сбросить карты, признав свое поражение, что мне вообще не подходит.

— Двадцать пять, — подхватила я.

— Рейз сто, — внезапно сделала ставку Хорнет, превысив тем самым значение вдвое, чем было у Эмбер.

— Так, значит, — фыркнул Илия. — Рейз двести, — он повысил ставку еще вдвое, тем самым вынуждая нас либо сбросить карты, либо уравнивать ставки.

— Черт с тобой, колл, — Эмбер сравняла ставку до двухсот.

— Колл, — я тоже сравняла ставку.

— Колл, — Хорнет поступила аналогично.

Этап пре-флопа закончился с общей ставкой в двести фишек, далее торги продолжаться не собирались, при этом никто из присутствующих не сбросил свои карты, а это значит, что среди нас навряд ли есть кто-то такой, у кого на руках мусор. По крайней мере среди нас нет такого, кто стал бы идти ва-банк с ширпотребом. Итак, теперь пришла пора самого действия — флопа, а у меня на руках сейчас имеются карты девятки буби и дамы буби, а ведь это весьма неплохой расклад для комбинации с одинаковыми мастями.

— Итак, общие карты, — Хорнет начала выкладывать на центр стола карты по

одной, — десять крести, десять буби, восемь буби.

В этот момент я осознала, что на столе уже находится четыре карты одной масти, а это значит, что у меня есть шанс на флеш — это такой расклад, при котором у игрока на руках оказывается пять карт одной масти. Пусть игра только началась и об исходе может говорить лишь скрытый потенциал, однако по лицу Эмбер уже можно было сказать, что она довольна этой партией.

— Чек, — Илия пропустил ход, не желая делать ставку.

— Бет, — Эмбер выдала ехидный смешок, — сотка поверх.

Это очень некстати, что она решила сделать ставку на флопе — Эмбер готова побороться за банк и обокрасть нас, и в такие моменты никто не поймет, блефует она или настроена серьезно.

— Не смотри на меня так, будто сейчас в карты подглядывать будешь, — с какой-то издевкой произнесла она, уловив на себе пристальный взгляд драконьих глаз.

— Я обещал не мухлевать, — убеждал Илия. — Лаффи, твои действия.

— Рейз, триста — это был блеф.

Я в самом деле решилась пойти на блеф, чтобы заставить Эмбер усомниться в собственном преимуществе, хотя даже не знаю, что у нее на руках. Разумно предположить, что, раз уж на столе лежит две десятки, у нее может быть третья, а это уже минимум сет. Фактически, я уже в пролете, поскольку ни одна из видимых карт не дублирует того, что лежит у меня на руках.

— Как с вами играть вообще, — прошипела Хорнет. — Колл.

— Колл, — подхватил Илия.

— Колл, — Эмбер закрыла этап торгов на флопе.

Теперь можно было переходить к следующему раунду — терну, когда в банке уже лежала ставка аж в две тысячи фишек. На этом этапе к общим картам добавляется еще одна, а следом снова стартует круговорот торгов, и я очень надеюсь, что никто не собьет доверчивую меня с толку своим уверенным блефом.

— Дама пики, — Хорнет выложила на стол четвертую карту.

— Чек, — Илия пропустил ход.

— Чек, — Эмбер тоже пропустила.

— Чек, — мне тоже пришлось пропустить, ведь какой смысл повышать ставку, когда с появлением на столе дамы из шансов у меня появилась только возможность сбросить пару.

— Чек, — Хорнет закрыла этап торгов, впереди оставалось самое интересное.

Ривер — последняя общая карта на столе и самый напряженный этап, ведь именно в момент перед вскрытием происходит все самое неожиданное, будь то бесконечный рост ставки вверх или внезапный сброс карт, потому на этом фрагменте игры никогда точно не предскажешь, кто в итоге одержит победу.

— Валет буби, — Хорнет выложила на стол последнюю карту, при этом улыбнувшись настолько злорадственно, что мне стало не по себе.

— Поднимайте-поднимайте, мне больше достанется, — подстрекал Илия, сидя с тем же довольным видом.

— Ну-с, что по ставкам? — вклинилась Эмбер.

— Бет, двести пятьдесят, — Илия задал начальную ставку.

— Рейз, пятьсот, — Эмбер удивила всех своим внезапным повышением.

— Рейз, тысяча! — выкрикнула я, поняв, что на их фоне выгляжу слишком неуверенной,

хотя у меня сложилась комбинация из пяти карт одной масти — флеш, что вполне могло бы выиграть эту партию.

— Вы серьезно? — ворчливо спросила Хорнет.

— Давай-давай, старуха, — подпинывала ее Эмбер, махая обратной стороной карт, так и дразня оппонента.

— Колл, — Хорнет сравняла ставку, не желая ее повышать.

— Колл, — Илия тоже сравнял.

— Рейз, пять тысяч! — прокричала Эмбер, встав на ноги и начав махать картами во все стороны.

— Ну какие пять тысяч? — снова обомлела Хорнет, заметно упав духом.

— Лаффи? — Эмбер обратилась ко мне, желая услышать, что же я предприму.

— Рейз, десять тысяч, — за этими словами последовала крайне глупая улыбка.

— Да ну вас нахер, — Хорнет скинула свои карты на стол, тем самым покинув игру и потеряв свою ставку, — фолд.

— Ха-ха-ха, жаба слилась! — глумилась над ней Эмбер.

— Колл, — спокойно произнес Илия, сравняв ставку до десяти тысяч.

— Какой колл? Ты реально сказал колл? — удивилась Эмбер.

— Твои действия? — ехидно откинулся на спинку стула он.

— Рейз, двадцать тысяч! — Эмбер снова повысила ставку.

— Давай уже уговорим ее, — произнесла я, желая поскорее закончить игру, — колл.

— Колл, — подхватил Илия, положив конец торгам, которые за раунд подняли общую сумму банка с двух тысяч до шестидесяти трех, включая весьма неуместную ставку Хорнет.

Пора, сейчас все решится, и, если у этих двоих окажется что-то слабее флеша — победа за мной.

— Вскрывайся, артист! — приказала Эмбер, глядя на Илию.

— Стрит! — громогласно воскликнул он, выбросив на стол червового короля и девятку крести, тем самым собрав комбинацию из последовательности карт от восьми до дамы и от девяти до короля одновременно.

На одну лишь секунду я перепугалась, подумав, что он все-таки обошел меня, но потом вспомнила, что стрит стоит пунктом ниже флеша, а это значит, что при поражении Эмбер победителем выйду я.

— О нет, стрит! — наигранно испугалась Эмбер. — А, впрочем, — она сбросила на стол карты, среди которых были десять пики и восемь черви, — фулл хаус!

— Н-нет, — едва слышно промямлила я.

Как же так? Фулл хаус складывается из комбинации пары и сета, и Эмбер с самого первого раунда умудрилась организовать себе чистую победу, ради которой не пришлось бы даже блефовать. Мой флеш стоит на один пункт ниже фулл хауса, а это говорит о том, что я проиграла.

— А у тебя что, Лаффи? — окликнул меня Илия, пиля пристальным взглядом.

— Вот, — я повторила за остальными и с грустным лицом сбросила свои девятку буби и даму буби на стол, — флеш.

— Че-е-е-е? — внезапно заорала Эмбер. — Да быть такого не может! Ты мухлевала!

— О чем ты? — непонимающе спросила я, словив на себе не только до ужаса удивленный взгляд Эмбер, но и точно такой же от Илии и Хорнет.

— Посмотри на карты внимательнее, — подсказал Илия, перед этим жестом заткнув

бушующую Эмбер.

Последовав его совету, я принялась разглядывать карты: на общем столе находятся десять крести, десять буби, восемь буби, дама пики, валет буби. У меня в руках находятся девять буби и дама буби. Из этих карт складываются две комбинации: пара дам и флеш — пять карт одной масти бубей. Наверное, минуту я пристально вглядывалась в карты, пытаюсь понять, что же такого произошло, что вызвало такую бурную реакцию, но так ничего и не поняла.

— Я... не понимаю.

— Вспомни мой стрит, — вновь подсказал Илия.

— Стрит? — задумалась я. — Стрит — это комбинация из последовательности пяти карт.

Самая маленькая карта на столе — восемь. Если отсчитывать от восьмерки, получается, что у меня складывается последовательность: восемь, девять, десять, валет, дама — как у Илии, однако какой в этом смысл, если сложившийся флеш лучше стрита.

— У меня тоже стрит, — подметила я, все еще не понимая.

— Именно, — подтвердил Илия, — стрит из карт одной масти, а это — стрит флеш.

— Стрит флеш? — удивилась я, после чего к сознанию резко подошло понимание того, что мне выпала вторая по силе и редкости комбинация карт, которая оказалась сильнее не только стрита Илии, но и фулл хауса Эмбер.

Погодите, я в самом деле только что победила?

— И что я могла сделать со своим сетом? — прошипела Хорнет, нервно качаясь на стуле.

— Поздравляю, Лаффи, — улыбнулся Илия. — Ты выиграла не только плодотворную беседу со мной, но и шестьсот тридцать Гармонийских кредитов.

— Я в самом деле выиграла? — мне все еще не верилось в собственную победу.

— Шарлатанка! — кричала все еще бушующая Эмбер.

Пока я находилась в шоке от произошедшего, мастер Кишин осторожно подошел поближе, взял меня под руку и куда-то повел. Я плелась за ним подчиняющимися шагами, минуя толпу веселящихся друзей, а потом длинный коридор, пока наконец мы оба не оказались снаружи — на тыльной стороне ордена «Спектр».

— А? — опомнилась я, ощутив холодок, пронесшийся по коже.

— Ничего не говори, я знаю, что тебе хочется услышать, — произнес Илия.

— Х-хорошо, — согласилась я.

— С чего бы начать, — он на секунду замялся. — Знаешь, в твоём сердце собрано огромное множество всех возможных чувств — и все они искренние. В этом твоя сила, Лаффи, ведь каждое теплое слово из твоих уст будет правдивым, как и каждое скверное. Ашидо тоже знает это и относиться к тебе со всем возможным теплом, но не может ответить взаимностью. Как ты думаешь, почему?

— Не знаю, — отстранилась я. — Думаю, потому что мне чего-то не хватает, чтобы он полюбил меня.

— Он итак тебя любит, глупышка, — Илия положил мне на голову руку и принялся ласково поглаживать волосы, но эта хватка была совсем другой, не такой, как у Руби — мужской, грубой, но такой... приятной. — Ашидо всегда испытывал к тебе взаимные любовные чувства, с самой первой встречи, и очень ревновал тебя к Ральфу, в котором видел соперника. Он не может ответить взаимностью только лишь по одной причине, и это не твоя

вина, не Юмико и не его.

— А чья... это... вина? — непонимающе промямлила я.

— Нашего общества, Лаффи, — объяснил он. — В Гармонии по заветам первого короля Сето все находится в гармонии, в балансе и правильности, потому никто по сей день не признает многоженства, которое влечет за собой кризис. Детей воспитывают так, что у них может быть лишь один спутник по жизни, браки регистрируют только для разнополых пар и только при условии, что у этих людей не будет никого другого. В случае с Ашидо, он просто оказался не в том месте не то время, как и Юмико, как и ты...

— Что все это значит? — едва не плача, спросила я.

— Еще в детстве Ашидо хотел сделать тебе предложение, но ты сама знаешь, чем все это закончилось. За те девять лет, которые вы прожили в разлуке, он уже смирился с твоей смертью, начал новую жизнь с новыми принципами и новой тяжелой ношей, которую так или иначе пришлось бы с кем-нибудь делить. Тогда-то и появилась Юмико, которая показала ему всю твердость своих намерений, вложив в него достаточно чувств, чтобы получить равноценную отдачу, и она получила то, что хотела — спутника жизни.

— Почему не я? — слезы уже катились по щекам, ведь принять то, что говорит Илия, с каждым словом было все сложнее.

— Лаффи, если бы Ральф сейчас вернулся, желая построить с тобой семью, как думаешь, ты смогла бы ответить ему взаимностью?

— Н-нет, — сомневаясь, ответила я, не зная, как это воспринимать.

— Видишь, — он улыбнулся. — Ашидо не отвечает тебе взаимностью из-за своей преданности и совести, а не из-за того, что ты себе накрутила. Любой бы на его месте поступил так же. Нельзя просто выкинуть в реку фамильное кольцо, выудив из нее кольцо подороже, ведь после этого так или иначе придется страдать. Ответив тебе взаимностью, он предаст не только чувства Юмико, но и свои собственные, и из-за этого велика вероятность, что Ашидо оступится на своем пути, возможно, утянув за собой остальных.

— Ты хочешь сказать мне тоже самое, что и Руби, — отмахнулась я, не желая признавать правду.

— Стоит перед ней извиниться, знаешь ли. Руби отнеслась к тебе, как подруга относится к подруге, она искренне хотела поддержать и помочь решить все так, чтобы тебе самой стало лучше. Ты можешь не согласиться со мной, но я скажу тоже самое — отпусти его, Лаффи.

— Легко тебе говорить, сам, небось, не любил никогда человека так сильно, как я люблю Ашидо!

— Сама посмотри, — произнес Илия, а затем тотчас погрузил меня в «шиирацу».

Я видела, как горит его сердце, я слышала, как звучат свадебные колокола, я узнала крики будущей мамы, я чувствовала боль утраты, я сопереживала существованию без любимого человека. Мария Кишин — он в самом деле любил ее, и даже спустя много лет не может позволить своему сердцу впитать любовь другого человека... Илия, мы с тобой... так похожи...

— Береги себя, Лаффи, у нас впереди публичная казнь, советую немного отдохнуть и собраться с мыслями, — напоследок произнес он, скрывшись за тяжелой железной дверью.

Ашидо, ты в самом деле так страдаешь? Какой же я была дурой, все это время только и делала, что вешалась на шею, да размахивала грудью, даже не пытаюсь добраться до корня проблемы.

Если такова твоя ноша, я пойму, но все равно не отступлюсь от своей мечты. Как я и сказала — ставка на все. Однажды мои старания окупятся, и мы будем вместе, а пока, наверное, стоит и вправду извиниться перед Руби...

Глава 43: Единственный и неповторимый

Грязный и пыльный воздух, вечная сухость, драки на улицах за гроши, постоянный моральный упадок у здешних обитателей, которые стараются жить не столько ради самой жизни, сколько ради мимолетного удовольствия — наркотиков.

— Золотая жила, хах, — подумал я про себя, твердо ступая по родной земле.

Каждый маленький домик таит в себе определенную и уникальную семейную историю, но на улицах будние протекают совершенно иначе — они выглядят куда более живыми и насыщенными. Легко понять, каково это, жить в халупе с назойливыми предками, что вечно пьянствуют и при первой возможности лупят своих детей, но я никогда не пойму тех имбецилов, которые никак не могут найти в себе сил вырасти и дать отпор, как это когда-то сделал я.

— Как думаешь, сколько Маэстро сегодня отсыпит? — вдруг заговорил мой напарник, выдернув из чувства ностальгии.

— Какая разница, Яша? — отстранился я. — Хоть кило, хоть два — мне все равно. Одно я знаю точно — Маэстро зажрался и сегодня отсыпать придется только его долю на мою половину весов.

— Узнаю Камыша, — ухмыльнулся он.

Этот человек с вульгарной зализанной наверх прической рядом — мой друг Яша, или Яков Козловский. Уже как десять лет мы неразлучны, и он относится именно к той прослойке, которую я на дух не переношу. Еще в детстве мы начали свою криминальную карьеру, как это делают все, стартуя с улиц собственного района, но Яша оказался слишком мягкотелым и сопливым, да и сиплый голосок оказался некстати. Это помешало расти дальше, потому с тех самых пор, как меня насильно загребли в гвардию, он лишь хвостиком бегаёт за своим бесподобным и единственным другом вместо того, чтобы заняться личной жизнью.

Пусть я его и не сильно уважаю, но других друзей у меня нет, как и близких людей, потому что никому из граждан Гармонии доверять нельзя, даже если очень хочется.

— А если нам не хватит одного рюкзака? — снова залепетал он.

— Яша, сука, хватит ныть, — осекся я. — Дедок еще ни разу не варил больше, чем мы смогли бы унести.

— Ладно, — вздохнул он. — Слух, а почему он взял себе кликуху «Маэстро»? Это же жесть тупо звучит, как будто какой-то жонглер в цирке. Как по мне, «Камыш» звучит куда круче — как глава банды.

— Определенно, — согласился я. — Маэстро не силен в подаче себя партнерам.

Кличка «Камыш» зародилась еще в давние времена, когда мы впервые поймали на улице какую-то молодую девчулю и по очереди ее поимели. Яша в шутку ляпнул что-то вроде «не затеряйся в камышах», а уже после все это переосмыслилось и стало восприниматься иначе — как что-то родное.

Меня зовут Камиль Шевцов, и именно из такой комбинации имени и фамилии складывается звучащая и легко запоминающаяся кличка «Камыш».

— Почти пришли, — заговорил я, заметив силуэт варочной лаборатории Маэстро.

— Куда мы вообще идем? — затупил Яша, оглядываясь по сторонам. — Он прячет ее где-то в Трущобах? Место-то отличное, учитывая то, сколько вокруг вони и грязи.

— Хах, не поверишь, где он ее заныкал, — рассмеялся я, глядя на физиономию напарника. — Этот сучара переступает все границы морального и топчет правила этики.

— В каком смысле?

— Смотри, — мы остановились, и я показал пальцем на весьма необычное здание.

— Крематорий? — опешил Яша. — Нахера нам в крематорий? Ты меня поджарить собрался?

— Тупица, — сказав это, я тотчас ударил его кулаком в плечо, от чего Яша забавно схватился за будущий синяк, закричав так, будто через пару секунд умрет. — Мы пришли, обалдуй, давай внутрь.

Да, мы реально пришли в крематорий, который располагался на самой окраине города. Рядом находились только свалка и слякоть Трущоб, здание стояло практически вплотную к стене — идеальная нарколаборатория. Все побочные продукты от производства выпускаются за стену, как и было запланировано по законопроекту о застройке мусоросжигателей и крематориев — вредные вещества должны были выпускаться за стену, чтобы не вредить экологии внутри города. Иногда даже кажется, что король с самого начала был на стороне наркобарыг.

Ступив на порог, мы встретились со знакомой женщиной, которая привыкла называть себя сотрудником приемной. Весит эта дама за сотню, потому неудивительно, что от нее несет противнее, чем от горящих трупов.

— Здравствуйте, слушаю вас, — заговорила она.

— Сдристни, жаба, — произнес я, просто пройдя мимо.

— Эй, постойте, туда нельзя! — вдруг закричала она, выбежав из-за стойки. — Не мешайте работникам делать свое дело, а иначе я вызову гвардию!

В ответ на это я легким движением правой руки выхватил из ножной кобуры свой рычажной дробовик и направил его на назойливую жируху, от чего та мгновенно заглохла и затряслась как сучка.

— Еще слово, мразь, и эта дробь окажется у тебя между глаз, — пригрозил я. — Додумалась же перечить высшей гвардии, корова.

Как и ожидалось, человек, на которого направили ствол, не способен выдавить из себя ничего более — она просто окончательно замолкла и вернулась на свое место.

— Так-то, — ухмыльнулся я, после чего мы с Яшей двинулись дальше вглубь здания.

Место назначения располагалось в подвале, где обычно сжигают трупы, но мы пришли сюда не за этим, потому просто невозмутимой походкой проскользнули мимо печей в другое крыло крематория, оказавшись перед заветной дверью.

— Фу, как же здесь стремно, мне не нравится, — ерничал Яша.

— Угомонись, сопля, — заткнул я напарника, а затем пальцем надавил на тугую кнопку звонка в дверь.

— Заходи, — послышался низкий мужской бас, после которого дверь тотчас отворилась.

За стеной нас уже ждал сам Маэстро — высокий мускулистый старикан в костюме химзащиты. Кругом располагались все возможные приبلуды для варки: склянки, центрифуги, пипетки, мешки с порошками и куча всего другого. Условия здесь, конечно, были не ахти, но мне было все равно, ведь не я определяю качество продукта.

— Сегодня четыре кило и восемьсот шестьдесят один грамм, — однозначно проговорил Маэстро. — Можешь упаковывать, Камыш.

— Маловато, — перекосясь я, глядя на десяток небольших прозрачных пакетов.

— Не гони, умник, сколько есть, — завелся он, после чего сделал короткую паузу, заприметив в компании со мной Яшу. — Это еще что за хер?

— Хер здесь только ты, старпер, а это — мой напарник Яков.

— И зачем ты привел его сюда? Разве это не только наше дело?

— Позвольте, Маэстро, — вклинился Яша. — Мы работаем вместе и мне следует знать, кто поставщик и что мы продаем.

— Камыш, — окликнул меня Маэстро, — ты разве не говорил этому горе барыге, что мы продаем?

— Говорил, просто он не видит разницы между традиционным и синтетическим героином, — пояснил я.

— Дилетант, — рассмеялся старик. — Синтетический героин — это наше будущее, а та херь, которую варят из морфия, не достойна ни капли внимания. Мой продукт продается куда активнее и вставляет так, что наутро не помнишь из какого ты мира.

— Другими словами, — вмешался я, — синтетический героин в сотни раз активнее, одной дозы хватает для того, что привыкнуть и захотеть еще, а если перебрать, взяв оригинальную дозу, сразу откинешься.

— Золотая жила, хах! — воскликнул Маэстро. — Эти торчки готовы продать хату за дозу, а мы превращаем это желание в деньги!

— Вау, — Яша застыл на месте, восхищаясь Маэстро.

Не уверен, что стоит им восхищаться, ведь этот старый хрыч поднялся только потому, что Сильвестр ушел с рынка — он производил в разы больше, качество так не страдало, и ко всему прочему добавлялся еще и метадон.

— Поговорим о моей доле, — вдруг нахмурился Маэстро. — Работа сложная, ресурс мало, а денег на них не хватает. Как насчет поднять ее с двадцати одного процента до двадцати семи?

— Еще чего, — мгновенно отказал я. — Твоя доля снижается до семнадцати процентов.

— С какой стати? — возмутился он. — Я ради чего тут корячусь, а, Камыш?

— Ты производишь меньше, чем требует рынок, — объяснил я. — Это решение не обсуждается.

— А что ты будешь делать, если я вдруг перестану варить? — он решил выдвинуть ультиматум.

Услышав это, я ненадолго замолк, изобразив на лице недюжинную серьезность, которая добавляла в диалог элемент устрашения. Когда между его морщин проскользнула затерянность, я наконец заговорил.

— Слушай сюда, клоун, ствол и право стрелять по людям здесь есть только у меня и деньги тебе приношу я. Если ты вдруг решишь перестать варить, я просто найду нового повара, а Маэстро сгорит в печи собственного крематория. Ты меня понял, сука?

— Н-но...

— Пошли, Яша, — оборвал я, уже погрузив в рюкзак сегодняшнюю партию.

Без лишних слов мы покинули крематорий, выйдя на улицы города к привычной широкой дороге, огибающей Гармонию по кругу. Теперь, когда карманы набиты товаром, пришло время магии на чистом воздухе.

— Слушай внимательно, Яша, — заговорил я. — Барыжить будем только в Дрянном по сто двадцать пять кредитов за грамм, не меньше. Можешь только поверх накинуть, торчки не

пожалуют денег.

— Почему только в Дрянном? — оторопел он. — Мы же всегда толкали наркоту в Трущобах и Торговом, ведь в этих местах она раскупается с дикой скоростью.

— Знаю, но нельзя, — верно, нельзя. — Сейчас в этих районах гвардия пытается отыскать кого-то из «Спектра», и я не хочу, чтобы Котай случайно узнал, что один из его доверенных высших гвардейцев торгует наркотой. Ладно я — это всего лишь удар по репутации, но тебя на месте убьют, если заметят.

— Раньше такого не было, — подметил Яша. — Мы просто раздавали товар в открытую, как те придурки, что продают воду из-под крана в бутылках.

— Говорю же, все изменилось, и всему виной этот конченный «Спектр».

— Да уж, та еще заноза в жопе. А что такое вообще этот «Спектр»?

— Кучка клоунов, — объяснил я, стиснув зубы от неприязни. — Просто какое-то сборище детей, состоящее из носителей. А я, как ты уже знаешь, кромсаю таких без пощады — только дай команду, от цели останется фарш.

— Ха-ха, не сомневаюсь, Камыш, — Яша похлопал меня по плечу. — Ты уже всем показал, чего стоишь. Подумать только, даже Маэстро ободрал до трусов. Обычно большая часть выручки достается повару, а ты просто взял и снизил его и без того бомжатскую долю до минимума — вот это я понимаю, человек дела!

— Хах, спасибо, кореш, — улыбнулся я. — Что ж, у нас впереди много работы — идем.

***

Оказавшись в Дрянном районе, который располагался совсем поблизости, мы принялись за дело. Потратив несколько часов на реализацию, я вспомнил, как же все-таки поистине прекрасно делать деньги на торчках, ведь все эти люди так или иначе в скором времени сдохнут, потому готовы платить за каждый грамм столько, сколько я сам прикажу, а ко всему прочему добавляется психологический фактор, заставляющий потребителей молчать.

Речь идет о том, что я по сути своей являюсь единственным крупным Гармонийским дилером, и с конкуренцией до сих пор не сталкивался, не считая городской мафии, которая до дрожи в коленях боится влезть на мою территорию после парочки стычек. Исходя из вышесказанного следует, что, пока я жив, люди будут платить сполна и никто не заложит своего единственного поставщика и его напарника даже под дулом пистолета.

— Уже кило и двести грамм разошлось, — радостно залепетал Яша. — Сколько мы успели поднять?

— Почти сто девяносто тысяч, — ухмыльнулся я.

— Ахереть! — воскликнул Яша. — А если точнее?

— Сто восемьдесят шесть тысяч пятьсот двенадцать, — уточнил я, после чего выхватил из кармана свой смартфон, планируя залезть в калькулятор.

— Все как обычно, да? — переживал напарник, опасаясь, что рано или поздно я его кину. — Шестьдесят на сорок?

— Все верно, — это его обнадежило. — С вычетом доли Маэстро у нас остается стс пятьдесят четыре тысячи восемьсот, из которых шестьдесят одна тысяча девятьсот двадцать твои.

— Ну мы и урвали, а! — продолжил прыгать от радости Яша.

— И не говори, — умиротворенно опустил голову я.

Вдруг как гром среди ясного неба на телефоне раздался звонок, и звонил мне никто

иной, как сам Эдвард Айс — вышестоящий по службе противный королевский подлиза, значащийся полковником, который по совместительству неплохо меня прикрывает. Раз уж он звонит лично, это значит, что дело срочное, либо я опять где-то накосячил.

— Шевцов, — проговорил я, приняв вызов.

— Это полковник Айс, ты нам нужен, Камиль, дело срочное, — как и предполагалось.

— Че надо, Эдвард? — возмутился я. — У меня вообще-то дела есть. Это приказ короля или опять твоя идея?

— Прямой приказ Его Величества, — пояснил он. — Хватит толкать героин, дуй во дворец.

— В чем дело-то хоть? — поинтересовался я, не желая по пустякам отвлекаться от полезного дела.

— Калипсо пришел в себя, — поведал Эдвард. — Он все еще бредит и мотает сопли на кулак, и мы не можем его допросить без твоей помощи — нужны особые методы.

— Ладно, скоро буду, — согласился я, после чего сбросил вызов.

Очень некстати этот клоун проснулся именно тогда, когда я не хочу отвлекаться на дела гвардии, будто специально старался все испортить.

— Тебе пора, да? — слегка грустным голосом пробормотал Яша.

— Это ненадолго, продолжай барыжить, — однозначно ответил я. — Как закончу с делами, наберу.

— Давай, Камыш, удачи, — улыбнулся он.

— Бывай, — попрощался я, передав другу рюкзак с остатками наркоты и деньгами, после чего в ускоренном темпе двинулся по направлению ко дворцу, срезая через глухомань Дипломатического.

Не знаю, сколько уже лет подряд приходится выпрашивать у короля машину, но он все никак не может выделить таковую, иной раз отмазываясь в стиле «сейчас не время». Что касается внеплановой работы — это отличная возможность еще больше поднять свою репутацию, чтобы шанс остаться безнаказанным за очередной косяк возрос хотя бы на пункт.

Стало быть, посмотрим, что же там происходит.

***

Уже через двадцать минут я шагнул за порог Парадного района, оставалось только преодолеть десяток бесконечных лестниц, которые все никак не могут заменить лифтами, заставляя таких бесподобных служащих как я испытывать все ресурсы человеческого тела на прочность — благо проблем с этим не возникает. Двери тронного зала предстали перед глазами еще через пятнадцать минут, тогда-то я наконец мог дать себе отдышаться.

— Долго, — послышался недовольный хрип генерала Морроу, которого я даже не заметил, приблизившись к цели вплотную.

— Ну, прости, бабуля, — ухмыльнулся я.

— Отставить хамство, боец, — сморщился он от злости. — Идем, тебя уже заждались, — сказав это, Джонатан отворил двери и мы зашли в тронный зал дворца.

Не перестаю восхищаться тем, сколько сил и ресурсов вложили в одну комнату: на входе фонтаны из золота, кругом величавые колонны, подпирающие увесистый потолок с роскошными люстрами разве что своим видом, к трону ведет длинный красный ковер, аккуратно уложенный четко на каждой ступени, а в конце помещения раскрывается прелестный вид на Гармонию через огромное круглое окно, которое скорее можно было бы

назвать смотровой площадкой, нежели окном.

Поднявшись вместе с Джонатаном по лестнице, я встретился взглядом с томительно ожидающей толпой, где были практически все крупные шишки дворца: наш король Котай Изуми вместе со своей дочерью Аой, его преданный генерал Фридрих Кафка, полковник Эдвард Айс, а также парочка знакомых гвардейцев моего уровня.

Среди них был хорошо знакомый мне Инь Шень — лысый и крайне бородатый китаец, известный своей техникой «одного пальца», удар которым мгновенно парализует противника. Все бы ничего, но его сила основана не на древних навыках китайских мастеров боевых искусств, а на геноме «ХВ91-54», потому уважением по отношению к узкоглазому деду я обделен.

Рядом с ним стоял весьма педантичный и осторожный по своей натуре Майерс, которого по иронии зовут Бенедикт Майерс — самый нормальный из этой кучки идеалистов парень с каштановыми волосами и красными глазами, любящий носить строгий костюм. Насколько мне известно, Майерс обычно командует патрулями и является самым обычным шепотом, коих здесь как собак нерезаных, однако использует лук, что сам создает из энергии Бездны — как примитивно.

Еще там была необычайной красоты девушка по имени Виви, способная подчинять себе ветер. Ее красные волосы так и манили к себе, в голубых глазах так и хотелось утонуть, и это я еще не затронул большие сисяндры, торчащие из-под белого элегантного одеяния. Все бы ничего, но она по натуре своей была противнее самой отбитой старухи, потому чтобы сблизиться с ней единожды, мне пришлось бы стрелять по коленям и немножечко в голову.

Последним присутствующим был никто иной, как тот самый красноречивый отчужденный полудурок, что зовет себя Калипсо. Он просто валялся на красном ковре в ногах у Котая, все время мыча и подергиваясь. За этим было больно наблюдать не столько из сочувствия, сколько из жалости.

Да уж, эта кучка клоунов со способностями никогда не сравниться со мной, ведь всего в этой жизни я добился собственным умом и находчивостью, даже без грязи в крови, и при том по сей день не уступаю по силе никому из них.

— Мой Король, Шевцов прибыл по вызову, каковы указания? — еле выдавил я из себя лестные слова, сблизившись с толпой.

— Отставить формальности, Камиль, — отрезал Котай, — нам без тебя не справиться.

— Я слушаю.

— Эдвард, — окликнул он стоящего рядом полковника.

— Кхм, — замялся Эдвард, однако уже через секунду заговорил. — Видишь ли, Камиль, у нас возникла небольшая проблема. Несколько часов назад Калипсо пришел в себя и заговорил с придворным доктором, он выглядел абсолютно вменяемым, потому Его Величество приказал допросить придурка, но, ступив на порог тронного зала, тот вдруг тронулся головой и проглотил язык, будто чего-то или кого-то панически боится.

— А в чем проблема использовать «шиирацу»? — непонимающе спросил я.

Услышав это, король перекосячился так, будто я его чем-то задел, однако не стал ничего предпринимать и гнаться на меня, а лишь опять косо подмигнул своему подлизе Эдварду, на что тот сию секунду зашевелился, схватив беспомощного Калипсо за плащ и подняв его с пола. Он сдернул с головы капюшон, откуда показались длинные седые иссушенные волосы и то, что многое объясняло.

— Свет... свет... Фирия Богоподобная, носитель Божьего слова, — вдруг забредил

Калипсо.

— Ясно, — ответил я, заметив пустой стеклянный взгляд где-то под обожженными веками и текущие изо рта слюни.

Было неожиданно увидеть под маской не привычный беспросветно черный зрачок, а полностью белые глаза, потерявшие своей пигмент вследствие ничего иного, как утраты зрительных функций.

— Итак, тебе нужно задать пару вопросов, и я очень надеюсь получить на них ответ, — объяснил король. — Кто это сделал и что стало с целью, которую он защищал — все просто.

— Мой Король, я могу допросить Калипсо и выудить из него информацию, но для этого потребуется Ваше однозначное разрешение. Дайте добро, и я приступлю.

— Рассчитываю на тебя, Камиль Шевцов, — это было не однозначно, но этого было достаточно.

Едва Котай произнес эти слова, все присутствующие отступили на несколько шагов назад от сидящего на коленях беспомощного Калипсо, оставив мне место для действий.

— Божественный свет! Мрак гниет в объятиях Божьего служителя, свет несет в себе кару! — лепетал сошедший с ума Калипсо. — Внемлите, грешные, внемлите! Кара идет!

— Отлично, — ухмыльнулся я, после чего тотчас ударил Калипсо ногой в голову, от чего тот рухнул на пол и истошно закричал. — Мастер Шень, зажмите ему вену выше локтя.

— Есть, — отреагировал он, мгновенно скрутив еле живого Калипсо, приложив палец на указанное место, чтобы я мог в полной мере показать себя, как гения допросов с многолетним опытом, не пропитым по сей день.

Нырнув рукой под небольшой синий плащ, я достал из кобуры свое секретное оружие, приведя его в действие нажатием кнопки, чтобы нагреть содержимое внутри. Когда все было готово, и сыворотка правды томительно ожидала проникновения в вену, я принялся за работу, схватив Калипсо за левую руку. Задрав широкий рукав, я оголил руку и аккуратным ловким движением ввел иглу ему в вену, приспустив курок для того, чтобы вещество влилось внутрь, а потом тотчас выдернул ее наружу, чтобы не перебрать с дозой.

— Что это? — поинтересовался Котай, не понимая, что я делаю.

— Вам, наверное, стоит знать, — заговорил Эдвард. — Камиль использует в качестве «сыворотки правды» чистый синтетический героин, а также применяет его в бою с шепотами. Наркотик действует на шепотов несколько иначе, но в общих чертах эффект оправдывает себя, поскольку во время эйфории сознание притупляется и использовать силу не получается, что кардинально меняет расклад сил в пользу Камилля.

— Вводится наркотик через емкость с иглой, что выстреливается из транквилизаторного пистолета, — перебил я. — В зависимости от дозы эффект отличается, но я обычно использую крайне большую, чтобы мгновенно обезвредить цель, однако в большинстве случаев носитель все равно просто умирает от передозировки. Этот метод неидеален, поскольку приходится целиться в места с наиболее активным кровообращением вроде бедренной артерии, шеи или солнечного сплетения, однако еще ни разу не подводил.

— И откуда же ты берешь героин? — нахмурился король, заподозрив меня в чем-то.

— Сам варю — это просто, — объяснился я, стараясь не выдать себя.

— Камиль, — грозно прорычал он, — посмотри-ка мне в глаза.

На этом моменте вся моя карьера могла бы оборваться, а вместе с ней в Бездну ушло бы и самое дорогое — жизнь. Я прекрасно понимал, что если проигнорирую прямой приказ, меня тотчас поставят на место Калипсо, потому пришлось подчиниться, посмотрев прямо в

глаза человеку, которого все боятся — даже я.

Сияющий желтый взор в промежутке между золотыми украшениями нагнетающе пилил прямо в душу, однако за те полминуты, которые он смотрел на меня, действие «шиирацу» так и не ощутилось, но я продолжал смотреть, не отрываясь ни на секунду.

— Хорошо, продолжай, — наконец успокоившись, проговорил Котай.

— Пронесло? — задумался я. — Неужели и вправду пронесло? Он не стал лезть мне в голову?

Когда-то давно я заметил, что при использовании «шиирацу» в глазах короля мелькает едва различимый рисунок с кольцами, но иногда бывали и такие случаи как сейчас, из чего я вывел некоторую закономерность — смотря в глаза предмету своего интереса, Котай ожидает увидеть не то, что от него скрывают, а сам факт того, что от него нечего скрывать. Другими словами, если человек отказывается смотреть, значит, он что-то скрывает, и это вызывает подозрения, а если подчиненный вдруг на всем своем характере уставится прямо в глаза, которых до дрожи в коленях боится, это значит, что он не только полностью открыт своему повелителю, но и готов принять наказание за все свои оплошности — это меня и спасло.

— Это все, Инь, отойди, — скомандовал я.

Как только Инь отошел, открыв доступ для героина к мозгу, я принялся наблюдать за реакцией Калипсо на наркотик, которая полностью соответствовала тому, что я хотел получить.

— Свет... он меня иссушает... выжигает все изнутри... Я — грешник, нет мне прощения за все содеянное, пусть будет суд... верховный небесный суд, — немного успокоившись и затерявшись в реальности мямлил он.

— Приступим! — воскликнул я, а затем сразу же ударил коленом в нос беспомощного Калипсо, после чего выхватил из кобуры дробовик, приставив его к голове несчастного. — Смотри, сука, к твоей голове приставили пушку! Стоит только спустить курок и мозги разлетятся по полу! Ты умрешь, Конрад Форд, умрешь!

Я прекрасно знал, как наркоманы реагируют на угрозы — они сразу начинают паниковать, но делают это не так, как обычные люди. Видя на уставшем лице нотки блаженства и чувство защищенности, наблюдая за тем, как Конрад теряет нить, связывающую его с предметом собственного бреда, я подбирал момент, чтобы надавить.

— Хочешь умереть, Конрад, хочешь? — продолжал я. — Твой убийца прямо здесь, палец лежит на курке и в любую секунду может сорваться!

Обращение по имени тоже было частью угроз, привносящей в процесс неоценимый вклад.

— НЕТ! — истошно закричал он. — НЕ УБИВАЙ МЕНЯ, Я ХОЧУ ЖИТЬ ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НАДО!

Именно такая реакция была мне нужна — он напуган и не может ничего с этим поделать. Калипсо прекрасно понимает, что его жизнь в моих руках, даже находясь не только в состоянии эйфории от действия наркотика, но и в собственном бреде. Пришло время тянуть за ниточки, а делаю я это лучше любого другого человека в Гармонии.

— Ты не хочешь умирать? — снизив тон, сопереживающим мягким голосом проговорил я, не стягивая улыбки.

— НЕ ХОЧУ! НЕ ХОЧУ! ХОЧУ ЖИТЬ! — все еще кричал он.

— Дробовик хочет поговорить с тобой, Конрад, он очень зол и может убить тебя в

любой момент. Ты поговоришь с ним?

— Д-да, да, я поговорю с ним! — поддался, хах.

— Первый вопрос, мистер дробовик очень хочет знать, кто тебя покалечил.

— Я... Божий свет, это был Божий свет! — все еще отчужденно отвечал он.

— О нет! Дробовик хочет выстрелить! — припугнул я Калипсо, прекрасно зная, что сейчас он снова закричит и еще больше сломается.

— НЕТ! НЕ СТРЕЛЯЙ! — как и ожидалось.

Близится развязка, цель почти полностью сломалась и готова идти на переговоры, лишь бы сохранить себе жизнь.

— Он не будет стрелять, если ты ответишь, — приговаривал я. — Твой единственный шанс выжить — начать отвечать на вопросы. Милый-милый Конрад, давай же, я же хочу тебе помочь, ты сможешь, давай. Кто тебя так покалечил?

— Это была девушка, — наконец заговорил он. — высокая девушка с яркими-яркими крыльями... Она летала так же быстро как я, но она... она... оказалась сильнее... «Белая ночь» победила «Бесподобный мрак», свет делал больно... кожа вся горела... Фирия... она звала себя Фирией...

— И что, она сама тебе наваляла или был еще кто-то? — уточнил я, ожидая выдать королю больше информации, чем он сам уже слышал.

— Еще... были еще, — продолжил он. — Богиня воды... маленькое дитя, что даже во мраке чувствует меня, она не дала себя убить... защищалась... как зверь, загнанный в угол...

— Хомура Эверби? — вклинился генерал Джонатан Морроу.

— Маленькое-маленькое дитя, — не умолкая продолжал говорить Калипсо, — такое худое... слабое... но с сильным сердцем и волей к жизни...

— Точно она, — подметил Эдвард.

Так, хорошо, теперь у нас есть немного больше полезной информации. Чувствую, если получится вытянуть что-нибудь еще, кто-то получит весомую премию и еще больше возвысится в глазах короля.

— Кто еще там был? Дробовик хочет знать все, — продолжил я допрос.

— Еще дитя... маленькая девочка... слышит, но не видит... Я не мог ходить, только летая скрывался от ее несравненного слуха...

— Слепая? — задумался Эдвард.

— Как она выглядела? — уточнил я, понимая, что этой информации недостаточно.

— Черная... вся черная... только лицо белое... и та, что крошила стены одним ударом... тоже черная и... белая... Только один был черным... чернее «Бесподобного мрака»...

— Кто? — уже сам король потерял терпение, слушая растянутую и невнятную речь.

— Знаю... точно знаю... человек с плакатов... черный парень... он не умер, даже упав с высоты... командир... глава... король...

— Тайкон, — презрительно проскрипел зубами Котай.

— Он забрал его, — продолжил Калипсо. — Забрал... цель...

— Достаточно! — приказал король. — Этого хватит.

— Есть, — подчинился я, отбросив от себя Конрада и отойдя на метр. Конечно, информация была довольно расплывчатой, но даже я до всего догадался, не говоря уже о короле, который все знает и все видит.

— Камиль, убей его, — внезапно прошипел Котай, сложив руки крест-накрест в ожидании действий.

— Папа! — закричала ошарашенная Аой. — Зачем его убивать?! Он ничего плохого не сделал!

— Стреляй, — король просто проигнорировал ее.

— Ни слова больше, — ухмыльнулся я, а затем вновь приставил к голове Калипсо дробовик, который на этот раз уже не станет ничего слушать.

— Н-нет... нет, — задрожал Конрад.

— Ничего личного, дробовику не понравились твои ответы, — произнес я, после чего спустил курок.

Прозвучал громкий выстрел, от которого у многих присутствующих заложило уши, дробь врезалась в хрупкую естественную преграду, которая не могла не поддаться разрушительной силе оружия. Некогда сидящий на коленях беспомощный Калипсо с грохотом рухнул на изящный красный ковер, кровь, куски мозга и черепа хаотично разлетелись вокруг, в голове седого бедолаги зияла дыра, из которой стремительно сочлились те внутренности, которые не попали под удар, от чего были вынуждены кашей вываливаться вслед за тем, с чем раньше были едины.

Кому-то такое зрелище покажется неприемлемым и душераздирающим, как малышке Аой, что не выдержала и со слезами на глазах сбежала из тронного зала, в душе проклиная своего отца за его безмерную жестокость, которую все мы привыкли оправдывать словами «не мы такие, жизнь такая». Я как никто другой усвоил этот урок, будучи еще подростком, потому теперь живу по принципу «либо ты, либо тебя», но это не работает в реалиях службы в гвардии, ведь пути назад нет, когда над тобой стоит грозный тиран, готовый вот так просто приказать другому более покладистому служащему пробить твою голову из собственных соображений. Если такова моя судьба и иного выхода нет, придется строить из себя собачку на поводке только лишь для того, чтобы избежать худшего.

— «Спектр» становится реальной проблемой, вы так не думаете? — разгневанным и еле сдерживающимся голосом проговорил король, отвернувшись от нас и уставившись в большое окно, сложив руки за спиной.

— Ваше Величество, мне следует подытожить? — обратился к нему Эдвард, желая разжевать неведаящим то, что мы услышали.

— Будь добр, — позволил ему говорить Котай.

— Итак, уважаемые служащие, — начал он. — Из предсмертной речи Калипсо следует, что важную цель защиты по имени Стивен Колден похитила организация, зовущая себя орденом «Спектр». Судя по всему, похитителей было пятеро, среди них был некто Тайкон и Хомура Эверби, известная под псевдонимом «Ангел Трущоб», а также трое неизвестных девушек. Первая, по нашим предположениям, выделяется слепотой, как и я сам. Вторая обладает большой физической силой, а третью по всем пунктам можно назвать «альтернативным Калипсо». Все они носят схожую одежду черно-белой палитры и скрывают свои лица, что немало похоже на подход террористической организации. На данный момент эти люди из потенциально опасных переросли в действительно опасных и в наших интересах бросить все силы на их ликвидацию.

— Поддерживаю, — вклинился Морроу.

— Постойте, — замешкался Кафка. — Мы же не можем вот так переходить к действиям, основываясь лишь на догадках. Зачем «Спектру» понадобился Стивен Колден? Этот человек был ведущим специалистом в области исследования «багровой лихорадки», он в самом деле помогал не только простым людям, но и нам с вами.

— Все очевидно, — перебил генерала Котай, отчего все в миг замолкли. — Как мы знаем, Колден поставлял во дворец будущих гвардейцев, и, очевидно, у него были свои враги среди носителей, которые так или иначе связались со «Спектром». Поскольку вылечить «багровую лихорадку» не представляется возможным, они не смогли бы использовать его в качестве подпольного доктора, потому в скором времени просто убьют.

— Вы уверены, Ваше Высочество? — сомневаясь, пробормотал Майерс. — Думаете «Спектр» стал бы похищать важного для дворца человека из побуждений мести? Разумнее было бы убить его там же, где они встретились лицом к лицу.

— Кто знает, Майерс, — отстранился он. — В любом случае Стивен нам больше не нужен и цепляться за его персону нет смысла, а вот «Спектр» привлек к себе достаточно внимания, заинтересовав даже меня.

— Что прикажете делать, Ваше Высочество? — спросил Эдвард.

— Камиль, — Котай почему-то обратился ко мне, — у меня есть для тебя важное задание и я очень надеюсь, что на этот раз косяков не будет.

— Внемлю каждому Вашему слову, Мой Король, — я мгновенно приклонился, оперевшись на колено, тем самым выказав свое наигранное безмерное уважение.

— Недавно в Торговом районе засветился один из сотрудников «Спектра», их техник Мисато Хагашида. Я хочу, чтобы ты нашел ее и выследил, где они укрываются. Под словом «выследил» я предполагаю никаких убийств и никаких похищений, потому что, сделав это, ты просто разворошишь осиное гнездо — нужно действовать аккуратно и четко. Все понятно?

— Выследить местоположение базы «Спектра», не трогая при этом Мисато Хагашиду — верно?

— Я очень надеюсь, что ты все правильно понял, — пробормотал он. — Майерс отправится в Торговый район с тем же заданием, но действовать вы будете по-отдельности. Что касается остальных, Инь и Виви, поручаю вам сопровождение грузового судна в Австралию, все инструкции получите завтра в порту. Кафка, можешь вернуться к своим делам. Морроу и Айс, вам поручено заняться подготовкой к послезавтрашнему празднику, и начать лучше с ковра перед тронном. Всем все доступно?

— Так точно! — в один голос воскликнули все присутствующие, включая меня.

— Честь и слава, солдаты! — прокричал Котай.

— Честь и слава, Ваше Величество! — подхватили мы.

— Вольно, — приказал он, дав возможность уйти.

Наконец-то все это закончилось, все мы тихим шагом покинули тронный зал, не считая пары человек, которые потащили на выход труп Калипсо. Не могу сказать, что мне его жаль, ведь Конрад не был кем-то особенным и не выделялся из толпы ничем, кроме своего ярко-красного плаща, однако такой исход удручает. Его убили не потому, что он не справился со своей задачей, а только исходя из того, что более этот человек гвардии полезен не будет, напротив, он стал опасен.

Только на четвертой стадии «багровой лихорадки» человек способен так бредить, и она протекала у него еще и в легкой форме, о чем говорила покладистость даже в состоянии отчужденности. Как показала практика, большинство шепотов, больных на запущенных стадиях, не могут ясно мыслить и контролировать себя, потому переходят в состояние безумства и тогда-то начинается кровопролитие.

Калипсо уже было не спасти, и я это прекрасно понимал, потому в тот момент, когда

нужно было выстрелить коллеге в голову, я ничего не чувствовал: ни сожаления, ни страха, ни зазрений совести.

Куда важнее следующее мое задание, сильно мешающее любимому делу. Если я правильно помню, эта девушка Мисато приходится той рыжей фурией с плакатов, потому найти ее не составит труда, однако сама суть задания полностью идет вразрез с принципами работы Камыша, ведь я привык убивать и наслаждаться тем, как жертвы страдают. Глядя в их лица, на то, как они умоляют о пощаде, находясь под кайфом — это поистине прекрасно.

Я вполне способен обойтись и без убийств, если так требует король, но следить за человеком до самого убежища, к тому же молодой горячей девушкой — как бы не сорваться.

Как бы не сорваться...

Глава 44: Честь и слава, Гармония!

— Раз, два! Раз, два! Раз, два! — приговаривали во всю расшумевшиеся гвардейские барабанщики, что вели за собой показательный строй.

Вечер праздника обещает быть весьма интересным, учитывая то, как много времени ушло на подготовку состава и размещение украшений по всей площадке, что возвышается высоко над уровнем моря в далекой изоляции от простолюдинов.

Сегодня отмечают день основания королевского дворца, притом юбилей, и как всегда пригласили на него только привилегированных госслужащих с VIP-статусом и всех представителей нынешней гвардии среднего служебного положения и выше. Мне повезло и я-таки смогла попасть на праздник, будучи капитаном по званию, чему очень даже рада, ведь этот вечер пройдет в компании Аой, а такое случается нечасто, однако даже на месте под солнцем на ясном небе иногда проскальзывает неуместная грозовая туча.

— Скорее бы начало, надоела вся эта суета, — пробухтела та самая туча по имени Джонатан, что одним лишь своим видом напрягает достаточно сильно, чтобы испортить все настроение. — Это Ваш девятый год на месте рядом со мной, принцесса?

— Все верно, генерал, — подтвердила Аой. — Уже в девятый раз придется смотреть на весь этот скучный марш, ожидая столь же скучных выступлений с танцами и песнями на сцене.

— Что поделать, — отмахнулся он. — Мы должны чтить традиции и делать все так, как велит Его Величество Котай, однако мне, в отличие от Вас, очень даже нравятся подобные мероприятия.

— К сожалению, я не разделяю вашего воодушевления.

Даже не знаю, радоваться или плакать, ведь, с одной стороны, это мой первый год на смотровой площадке, где обычно стоят самые высшие чины бок о бок с королем, с другой стороны, я надеялась провести этот вечер в компании без противных и грозных стариков, но стоит отдать ему должное, ведь лишь благодаря отцу я стою здесь, а не на уровне рядовых, что в данную минуту истощают все силы, отдаваясь предпраздничным тренировкам.

Отсюда в самом деле раскрывается живописный вид на Гармонию, хотя по задумке архитекторов внимание должно было акцентироваться на том, что находится ровно под смотровой площадкой, а именно небольшая округлая площадь с трибунами по краям и сценой в середине, где повсюду развешаны сияющие украшения в виде разного рода блестяшек и светильников. Поначалу никто даже не думал украшать по сути своей гвардейский парад, однако в последние годы дворец стал вести прямую трансляцию происходящего для того, чтобы даже самый простой люд вроде обычных граждан или обитателей Трущоб мог позволить себе взглянуть на экраны телевизоров, что нередко можно встретить в барах или на широких улицах Гармонии.

— Что скажешь, Эмили? — внезапно обратился ко мне отец.

— Честь и слава, генерал Морроу! — воскликнула я, будучи застаной врасплох неожиданным вопросом.

— Честь и слава, капитан Морроу! — подхватил он. — Похвально, но я не приказывал отдавать честь, а лишь поинтересовался, нравится ли тебе на смотровой площадке.

— Ох, — опомнилась я, — здесь действительно чудно, заметно лучше, чем на трибунах внизу.

— Вот и славно, — улыбнулся отец, после чего отвернулся обратно к площади, продолжив наблюдать за происходящим.

У нас в семье редко бывает что-то вроде «отбросим формальности», отец постоянно строит из себя какую-то важную шишку, коей и является, что очень мешает формированию отношений отец-дочь, и это заметно отражается на мне в первую очередь, ведь ему все равно, что думает его ребенок.

— Два сапога — пара, — подумала я, вспомнив, что Аой тоже приходится как-то сосуществовать с таким же отбитым отцом.

С какой грани не посмотри, а нам обеим было бы лучше за чертами Парадного района среди действительно душевного народа, а не взаперти внутри дворца.

— Начинается, — окликнул нас генерал, подзвав поближе к себе.

Время подходило к восьми вечера, на улице уже темнело и праздничные огни горели намного ярче на темном фоне, создавая невероятный контраст. В этот момент на сцене собирались выряженные в деловую одежду люди, что зададут мероприятию стартовую атмосферу, а мы сможем хорошо разглядеть их с экранов над сценой, которые обычно можно увидеть только на состязаниях по боксу прямо над рингом.

Когда камеры были готовы, все стояли на своих местах и часы пробили долгожданные восемь, праздник начался.

— Граждане Гармонии! — голосила ведущая с экрана, стоя в середине утопающей в огнях пиротехники сцены. — Сегодня первого октября две тысячи шестьдесят первого года наш великолепный город уже в тридцать пятый раз отмечает день возведения королевского дворца, что стоит высоко над уровнем моря, освещая Гармонию всем своим великолепием! Именно в этот день две тысячи двадцать шестого года в Парадном районе впервые открыла свои двери величественная цитадель, что уже много лет служит домом для десятков тысяч служителей гвардии, тысяч слуг, королевской семье и, конечно же, Его Величеству Котаю Изуми I! С этой минуты праздник можно считать открытым, и начнется он с торжественного марша нашей гордой королевской гвардии!

Закончив свою речь, ведущая широко улыбнулась в камеру, после чего кадр переключился на заранее подготовленный строй, ждущий своего хода с минуты на минуту, и только мы одни, служители гвардии, могли увидеть, как девушка с трясущимися руками покидает сцену и скрывается где-то позади нее. Стоило начальнику парадного расчета дать команду в такт играющей на фоне музыки, как правые ноги подчиненных тотчас оторвались от земли, и рядовые гвардейцы синхронно зашагали по своему маршруту, огибая площадь по кругу.

— Тот во втором ряду начал с левой ноги, а рядовой в четвертом ряду с краю оступился — какой позор, — схватился за голову отец. — Сколько не тренируй это мясо, а все без толку.

— Да ладно тебе, никто этого даже не заметил, — подбодрила я его.

— Ага, как же, — фыркнул он, — раз уж я заметил, народ точно заметит. Кто вообще придумал вести трансляцию? Раньше мы просто перевоспитывали этих позорников, а теперь приходится сразу исключать их из состава. Кому, как не тебе знать, что оступившийся рядовой говорит о себе и о своем командире, Эмили?

— Ваша правда, генерал Морроу, — согласилась я, хотя ни капли не разделяла таких абсурдных взглядов, ведь это вовсе не значит, что оступившийся рядовой не попадет по мишени на стрельбище. Они не безнадежны, но отец этого не понимает.

Глядя на то, как он корчится от неприязни, я немного отошла назад и подозвала к себе Аой, подхватив ее под руку, после чего мы обе сместились в сторону подальше от генерала.

— Что такое? — непонимающе спросила Аой.

— Давай свалим отсюда, — предложила я. — Мало того, что скука смертная, так еще и он стоит ворчит, не замолкая. Перекусим где-нибудь, потрещим, что скажешь?

— А если отец узнает и будет в бешенстве? — испугалась она.

— Сама знаешь, он придет только к середине праздника — мы успеем.

— Эмили, может не стоит? — настаивала Аой, метаясь между желанием и страхом.

— Предлагаешь остаться здесь и упустить шанс?

— Я...

— Что за херь?! — вдруг воскликнул генерал Морроу, вероятно, снова заметив какой-то косяк.

— Решайся, Аой, — продолжила подстрекать я, стоя к ней вплотную.

По глазам было видно, что эту девушку все время стесняет страх, который она все никак не может побороть, метаясь между тем, что надо, и тем, что жаждет сердце. Давая время на размышления, я больше закапывала себя, ведь все мысли Аой в рациональную сторону всегда приводят к одному результату.

— Ваша Светлость, взгляните! — прокричал отец, не на шутку чем-то перепугавшись.

Увидев это выражение лица, я поняла, что случилось что-то действительно неожиданное, раз суровый и вечно холодный старик выпучил глаза так, что они в любую секунду готовы были выпасть наружу. Вернувшись к огражденному краю смотровой площадки, я уставилась на площадь и сразу заметила то, что никак не вписывалось в общую картину: запаниковавшие зрители, стоящая в ступоре гвардия, валяющаяся на плитке оборванная погасшая гирлянда, а в самом центре событий мелькало огромное овальное пятно, растянувшиеся по всей сцене, словно стеной. Оно было беспросветно черным в середине, словно смоль, но при отдалении от центра темнота сменялась ярко-фиолетовым свечением, которое на границах оказалось настолько плотным, что из него порой вылетали яркие хлопья, словно искры из бушующего пламени.

Трансляция прервалась, тогда один за другим из темноты начали показываться столь же темные силуэты людей, но с белыми лицами: один, три, еще три, еще двое — сколько же их там? Пускай все выходили одинаково и естественно, позже на свет появились двое других, тащивших в руках что-то тяжелое. Поставив неизвестное устройство на пол, они принялись в нем копать, и уже через считанные секунды встали в аналогичную остальным стойку.

Я видела, как крутились части устройства, как оно с каждой секундой сияло все ярче, пока наконец не мелькнула вспышка, за которой круговой волной по площади пронеслась ярко-голубая волна, погасившая все источники освещения в округе.

— Сука! — осекся отец, а затем выхватил свой смартфон и принялся нервно нажимать на кнопки, но, судя по реакции, результата это не давало. — Они использовали ЭМИ, мы отрезаны!

— ЭМИ? — испугалась Аой, не понимая, что происходит.

— Электромагнитный импульс, — объяснил он. — Теперь мы без электричества и без связи, нужно как-то вызвать подкрепление!

Пока отец в панике метался с места на место, думая, что делать, мы искоса наблюдали за происходящим на сцене, ведь пятно все еще никуда не пропало, и из него продолжали появляться люди. В какой-то момент в поле зрения показались выбивающиеся из толпы

персоны, среди которых был не только человек, что предстал перед нами в компании громких дронов, но и мужчина в белом халате, которого волоком тащил за собой совсем уж черный неизвестный.

— «Спектр», — полусшепотом промямлила Аой, застыв в одной позе.

Только после ее слов я все поняла — тот человек в черном был главой «Спектра», и стоящую по правой с их перспективы стороны маленькую девушку с баллонами я тоже узнала.

— Тайкон и Хомура Эверби, — пробормотала я, — а также все остальные.

— Пять, десять, пятнадцать, — считала Аой, через секунду неожиданно воскликнув, — шестнадцать!

Если я правильно помню, «Спектр» состоит из людей со способностями, и, если все они сейчас собраны в одном месте — подобраться не выйдет, даже будучи ренегатом как я.

— Вызывайте подкрепление! Че застыли, олухи? — кричал отец, свесившись через перила к ошарашенному гвардейскому составу. — Открыть огонь!

— Мы не можем, генерал Морроу! — ответил кто-то снизу. — Рации вышли из строя и предохранители заклинило!

— Твою мать, пошлите кого-нибудь за помощью! — продолжил подбирать идеи отец.

— Есть, сэр! — подтвердил некто, после чего из строя стали выпадать люди, сбегая с площади внутрь здания, ведущего к казармам и дворцу.

В какой-то момент дроны «Спектра» разлетелись по округе и застыли в одном положении, при котором нос каждого из них был направлен на людей на сцене, тогда-то на экране внезапно появилась картинка, но это был не естественный цифровой кадр, а то, что выводилось через портативные проекторы дронов, сияя четко даже на черном фоне.

— Народ Гармонии, — заговорил Тайкон, портрет которого мелькал на экране не только перед нашими лицами, но и, вероятно, на экранах всего города, притом помимо него самого в кадр также попадали несколько других членов «Спектра» и тот самый мужчина в белом халате. — Вы знаете, кто я, знаете, кто мы, но не многие из Вас знают, кто этот человек, что сейчас сидит пред Вами на коленях.

— Какого черта? — снова залепетал отец.

В этот момент я поняла, что это наш шанс выйти с ними на контакт, потому отдернула Аой, чтобы привлечь внимание и сблизилась губами с ее правым ухом.

— Отвлеки его, — скомандовала я, говоря как можно тише. — Сделай это, Аой, сейчас!

— Н-но...

— Давай! Это наш шанс, — закрепила я, после чего стала тихо отступать в сторону так, чтобы отец ничего не заметил.

Оказавшись за спиной, я взяла опору на перила, выхватила из внутреннего кармана свой блокнот, страницы которого были скреплены пружиной, и сразу же принялась писать послание, вкладывая в каждую букву максимум осторожности и минимум лишней информации.

— Генерал Морроу, смотрите! — зашевелилась Аой. — Это же «Спектр»! Я знаю того парня в черном, а еще та девушка с баллонами!

— Смелые сучары, — проскрипел зубами он. — Должно быть, среди них есть и остальные разыскиваемые.

— Но... Где же они? Никаких примечательных деталей, я не могу определить, кто из них Хагашида и та беловолосая девушка.

— Та, что с антенной за спиной — Хагашиды, — подметил отец. — Нельзя прощать им такого нахальства! «Спектр» сполна заплатит за все!

К этому моменту диалога все уже было готово, Аой хорошо постаралась и выиграла достаточно времени, чтобы я могла не только с нуля настроичить целый лист, но и аккуратно вырвать, а потом свернуть бумагу в несколько раз. Оставалось лишь подгадать момент, чтобы передать послание «Спектру», потому я вернулась на место и привычно встала рядом с генералом, лицезрев то, что та черная пелена уже пропала.

— Как долго придется ждать подкрепление? — поинтересовалась я, стараясь не выдать того, что все это время лишь краем уха слушала этих двоих.

— Боюсь, будет уже поздно, — снова соскалился Морроу. — Придется послушать, что они нам скажут.

Тем временем Тайкон пялился прямо на нас, не отводя взгляда ни на секунду и чего-то выжидая. Даже из-под маски я чувствовала этот сверлящий взгляд, что нагнетал обстановку все больше и больше. В один момент он наконец вновь взглянул в камеру, а затем продолжил свою речь.

— Это — Стивен Джонсон Колден, прославленный врач анестезиолог-реаниматолог, глава четвертой исследовательской лаборатории, названной в собственную честь, а также не только государственный преступник, но и бесчувственный убийца, — сказав это, Тайкон переключился на нас. — Вам бы следовало послушать, генерал, — усмехнулся он.

— Сопляк! — сорвался отец, будучи не в силах проигнорировать насмешку.

— Мы уверены, — продолжил Тайкон, — среди граждан Гармонии есть люди, чьих детей, родителей, возлюбленных или дорогих друзей не стало в один роковой день, и жизнь их оборвалась именно в злополучной клинике Колдена. «Неизвестная болезнь», «онкология», «несчастный случай» — многие из Вас могли наблюдать эти слова в графе о причине смерти, но все это не более, чем наглая ложь. Стивен из собственных побуждений отбирал из числа пациентов людей, пригодных для службы в гвардии, а затем отсылал их во дворец. Сам по себе подход к судьбе больного является бесчеловечным и недопустимым, посягающим на самое дорогое, что есть у человека — свободу и жизнь. Однако это еще не самое шокирующее, ведь под пунктом жизнь мы подразумевали то, что некоторые из его пациентов, вне зависимости от состояния здоровья и пригодности к службе так или иначе оставались в клинике до самой смерти, и именно Стивен Колден способствовал тому, чтобы человек побыстрее попал в могилу.

— Кто вообще поверит в эту чушь? — ворчал отец, не желая признавать правдоподобности слов Тайкона.

— Орден «Спектр» здесь именно для того, чтобы раскрыть Вам глаза на правду, которую Вы заслуживаете знать, — в том же темпе продолжил он. — Доктор Колден накачивал пациентов ядами, не разбирая среди них виновных или невиновных, детей или взрослых — он делал так, чтобы они никогда не смогли покинуть стен клиники. В конечном итоге пациенты, находясь на грани жизни и смерти, расходились в двух направлениях: на съедение безумному каннибалу Хандзо, числящемуся без вести пропавшим с момента прошлогоднего юбилея со дня заключения «Австралийского пакта», и в мастерскую к столь же безумному художнику Сальвадору, который использовал их внутренности в качестве материалов для краски. Справедливости ради стоит отметить, что у Сальвадора были иные, более снисходительные методы «утилизации», ведь тот давал жертве возможность погрузиться в мир грез, где он будет чувствовать себя счастливым, что полностью

противоречит кровожадным методам совместной терапии этой троицы.

— Надо же, — задумалась я. — «Спектр» в самом деле намного больше заинтересован во внутренних делах Гармонии, чем сам король и его подчиненные.

— Стивен был, есть и будет трусом, он действовал из собственных побуждений, чувствуя свою власть над простыми людьми, и сегодня своими собственными руками я свершу суд над злодеем, что принес в Гармонию горечь и слезы, оборвав жизни невинных людей.

Договорив, Тайкон внезапно в сопровождении ярко-голубого свечения создал из воздуха меч, как это делают многие шепоты, а после поднял его над головой, готовясь нанести удар. Именно в этот момент я поняла, что многого не знала о том, что происходит за пределами стен Парадного района, поняла, что в моих силах помочь этим людям вершить свое правосудие, которое мы привыкли клеветать преступлениями. Если правда в самом деле на стороне ордена «Спектр», я готова пойти с преступниками бок о бок по головам, лишь бы однажды Гармония засияла в лучах славы и справедливости, став спасением для людей, потерявших надежду, а не их цинковым гробом.

— Время действовать, хватит сидеть сложа руки, — проговорила я про себя.

В вечерней темноте засверкали разряды тока, смотровая площадка озарилась ярким желтым свечением, исходящим от меня, нога твердо ступила на перила, и тело устремилось в полет — верно, пора действовать.

— Эмили! — прокричал вслед отец, впервые испугавшись за мою жизнь.

— Эмили! — в той же манере, но куда искреннее воскликнула Аой, переживающая за нас обеих.

Оттолкнувшись от края смотровой площадки, я с огромной скоростью полетела навстречу неопределенности, поставив на кон все, что у меня есть: честь, дружбу, семью и жизнь.

Через считанные секунды я уже с грохотом приземлилась на поверхность площади в нескольких метрах от сцены, тогда-то Тайкон остановился, не успев нанести удар, переключив свое внимание на меня, однако все остальные все так же непоколебимо стояли на своих местах, исполняя отведенные роли.

— «Спектр»! — прокричала я, стараясь выглядеть угрожающе, пуская небольшие молнии в пол, словно с минуты на минуту взорвусь.

— Капитан Морроу, стало быть, — заговорил он, попав в точку. — Вам следовало бы...

— Молчать! — его слова оборвались моим воплем. — Вы заплатите за эту выходку сполна, своими собственными руками я перебью каждого!

План был неидеален, все зависело от внимательности и догадливости сотрудников «Спектра», а также от моей убедительности. Стоя перед глазами у всего города, мелькая на экране каждого телевизора и компьютера, я должна была сделать все, чтобы остаться незамеченной. Стреляющие в пол яркие молнии делали свое дело, создавая на экранах световое искажение, а я тем временем продолжала угрожать, нервно постукивая пальцем по свернутой бумажке, которую только что достала из внутреннего кармана.

Судя по тому, как Тайкон опустил голову, он заметил то, что я хочу до них донести. Заприметив что-то необычное, он зажал рукой микрофон, что болтался на шее, после чего подал подчиненным знак — думаю, можно переходить к кульминации.

— Умри, Тайкон, умрите все! — истошно прокричала я, а затем оторвалась от земли и бросилась в сторону сцены, засияв еще ярче, чем секундой ранее.

На секунду мне показалось, что эти люди окажутся не в силах защитить своего лидера, но все догадки и переживания буквально смыло сразу же, как я почувствовала сильное противодействие. Поняв, что происходит, было уже поздно что-то предпринимать — на воздухе мелькнули едва различимые блики, следом за которыми показалась рябь все это время стоящего здесь водяного купола, который тотчас стянулся в одно место, заключив меня в беспросветной жидкой тюрьме.

Я была поражена столь оперативным решением, ведь они могли обезвредить меня, только убив, однако эта девушка Хомура, она поняла мою слабость и поймала в ловушку. Находясь в воде, я не могла использовать способность, которая мгновенно убила бы своего носителя ударом тока, что быстро распространится в жидкости с примесями — вы молодцы, ребята.

Бултыхаясь в водяной сфере, с каждой секундой теряя все больше воздуха, я продолжала размахивать бумажкой. Пусть это было сложно, в какой-то момент что-то неведомое вырвало послание из рук, и бесподобная тюрьма лопнула, словно пузырь на ветру. Я снова рухнула на землю, но на этот раз уже была полностью мокрой и нейтрализованной, словно крыса в луже электролита или смертник на электрическом стуле.

— У нас недостаточно оснований, чтобы убивать тебя, Эмили Морроу, — заговорил Тайкон. — «Спектр» так не поступает.

В ответ на это я лишь оскалила зубы, имитируя ненависть к говорящему, хотя сама в этот момент прониклась к нему еще большим уважением. Было крайне тяжело поддерживать озлобленную мимику, наблюдая за тем, как та самая бумажка вместе с другими водяными потоками возвращалась к девушке с баллонами — очень хотелось выдать себя, расплывшись в счастливой улыбке.

— Подкрепление уже идет, вы все здесь подохните! — снова продерзила я, подав очередной знак, что им стоило бы поспешить.

Вдруг на плече почувствовалась крепкая хватка женской руки, от чего я немного напугалась — это была Аой. Используя свою силу шепота, она спустилась со смотровой площадки на обломке перил, тогда-то и подхватила меня и с тем же лживым оскалом молча устремилась обратно.

— Молодец, — похвалила она меня, впервые за долгое время стянув с лица образ забитой в угол девчонки.

Все прошло идеально, я смогла обдурить гвардию и передать «Спектру» наше с Аой сообщение, к тому же осталась жива, и все это благодаря правильным людям, на которых сделала ставку. Вернувшись на смотровую площадку, я без сил рухнула с обломка перил на пол, все еще стараясь не радоваться тому, что в этот момент произошло. Отец почему-то молчал, не отрываясь глядя на происходящее снизу, позабыв о существовании дочери. Скорее всего, он сейчас прокручивает в голове только то, как я перед всеми опозорилась — жди понижения по службе, Эмили, ха-ха.

— Что ж, продолжим, — прозвучал голос Тайкона из колонок. — Стивен Джонсон Колден, гласом народа я приговариваю тебя к смертной казни. Приговор привести в исполнение! — прокричал он, а затем встал в ту же стойку, готовясь свершить правосудие.

И вот, катана устремилась вниз, одно ловкое движение заставило весь город замереть в напряжении. Голова связанного доктора с закрытыми повязкой глазами и ртом оторвалась от тела, упав в ноги палачу, что целиком и полностью попало в объективы камер, погрузив свидетелей публичной казни в молчание. Глядя на людей в черных костюмах через

сломаннные перила, я чувствовала душевный подъем, который, наверное, почувствовали все, кто одобряет действия «Спектра».

— Народ Гармонии, примите же смерть преступника и благословите души людей, которых он погубил, — склонив голову, сказал Тайкон. — Орден «Спектр» всегда был, есть и будет на Вашей стороне, потому я, его глава Тайкон, прямо сейчас раскрою главные цели организации, ведь у нас нет от Вас секретов.

Все присутствующие встали в гордую стойку, сложив за спинами руки, они выглядели именно так, как и должны выглядеть служители народа, так, как должен выглядеть каждый гвардеец и сам правитель нашего государства. Собравшись с мыслями, Тайкон заговорил:

— Первая цель — наказать всех, кто посягает на свободу и жизни обычных граждан! Вторая цель — навсегда изничтожить Гармонийский наркобизнес! Третья и самая главная цель — лишить Котая I трона, поставив на его место нового милосердного короля, который проявит к своему народу искреннюю человечность! Честь и слава, Гармония!

— Честь и слава! — подхватили его сторонники, прокричав в один голос.

Все было подумали, что на этом заключительная часть подошла к концу, но по всей площадке, если не по всему городу, стали раздаваться голоса разных людей, сливающиеся в один, и все они повторяли за человеком, чей портрет никто более не забудет.

Честь и слава! Честь и слава! Честь и слава! — эти слова не были чем-то, исходящим из уст тех, кого можно было услышать с моей позиции четко и ясно, не были фонограммой с колонок, не были шумом громкоговорителя — они звучали из ниоткуда и звучали везде.

Мужчины, женщины, дети, старики — все они поддерживали «Спектр», все они были разными и ни один не был похож на предыдущего. Это нельзя было назвать подделкой, все выглядело так, будто каждый человек Гармонии слышит каждого подобного себе в любой точке города.

Когда речь наконец была окончена и трансляция прервалась, на сцене вновь появилось большое пятно, и люди «Спектра» по одному стали скрываться за черной пеленой вместе с дронами, пока на сцене не остался один лишь труп казненного доктора, символизирующий решимость, непоколебимость и недюжинную наглость самых крупных преступников Гармонии за все время.

Столкнувшись с улыбкой Аой, я нашла в себе силы подняться и взглянуть на бесподобной красоты звездное небо. Когда-нибудь оно станет по-настоящему чистым, а до того момента придется через многое пройти.

— Они оказались очень смелыми, — заговорила Аой. — Вот так прийти в самое сердце врага, испортить праздник и пролить кровь прямо в Парадном районе — враги номер один, да?

— Теперь к ним будет особое отношение, дворец не простит людей «Спектра», особенно после того, как они заявили, что готовят переворот, — подметила я, после чего переключила внимание на генерала Морроу, который все еще стоял у перил, застыв в одной позе. — Что думаешь, отец?

— Ты, — прошипел он.

— М? — непонимающе промычала я.

— Как ты посмела...

— О чем ты, отец? — не на шутку перепугалась я, действительно не понимая, что с ним не так.

В этот момент генерал Джонатан Морроу резко развернулся, выхватив из кобуры под

черным пальто свой барабанный «Эндфилд», а после мгновенно направил его на меня. Прозвучал громкий выстрел, звуки порохового взрыва разлетелись по всей площади, пуля с разрушительной силой врезалась мне в шею. В этот момент я почувствовала, как разорвались кожные покровы, как куски мяса разлетелись по полу, к разуму подступило осознание, что мой собственный отец всадил в родную дочь пулю, не сомневаясь в своем решении ни секунды.

Почувствовав острую боль и то, как кровь водопадом хлынула из раны, я хотела было закричать, но смогла выдавить из себя лишь едва различимое кряхтение. Схватившись за рану обеими руками, я без сил рухнула на твердую плитку, чувствуя, что не могу дышать.

— Эмили! — закричала Аой, наконец поняв, что только что произошло.

Она тотчас склонилась над моим телом и застыла в ступоре, не зная, как мне помочь. На лице принцессы виднелась самая настоящая паника, тот самый страх потери близкого человека затуманил рассудок, заставив бедную девочку лишь смотреть на то, как умирает ее единственная подруга.

— Что ты наделал? Зачем ты выстре...

Слова Аой прервались пинком генерала принцессе в голову, и удар был настолько неожиданно быстрым и сильным, что та мгновенно приземлилась рядом со мной. Отец был в ярости, он обо всем догадался и решил сразу же избавиться от предателей, потому не остановился, ударив Аой единожды, а уселся на нее сверху и принялся избивать кулаками. Я видела, как тоненькие девичьи ручонки стараются защитить лицо, но они быстро сдались под напором непрекращающихся ударов. Кровь летела во все стороны, гладкая кожа прелестной девы обливалась багровыми пятнами, а крики о помощи никто не был в силах услышать — это конец для нас обеих.

— Предатели! Конченные куски дерьма! Как вы могли предать свою семью?! — приговаривал он, продолжая избивать ослабевшую Аой.

Все было кончено, мы сами раскопали себе могилы, и получили заслуженное наказание, хотя я все еще не могу свыкнуться с мыслью, что для моего отца на первом месте всегда стояла не дочь...

— Морроу! — послышался знакомый голос, когда мои глаза уже начали закатываться. — Что за херня? Ты совсем с ума сошел?

— Они предали нас! — объяснился отец, перестав бить Аой и поднявшись на ноги. — Эмили что-то передала «Спектру», а принцесса об этом знала, но ничего не сказала! Они предали короля, предали нас, Эдвард!

— погоди, в самом деле? — замешкался полковник Айс.

— Твою мать, да! — Джонатан проскрипел зубами так, что уши чуть не заложило. — Доложи королю, он должен знать о том, что Эмили и Аой — предатели!

— погоди, ты реально поднял руку на королевскую дочь? — спросил Эдвард, выдав в своих словах какую-то злорадственную насмешку.

— Ты меня не слышишь, Айс? Это приказ, сука, исполняй! — скомандовал отец.

— Именем короля, — прошипел Эдвард, после чего пол озарился красным свечением, действительно пугающим и олицетворяющим лишь истинную ненависть, — я приговариваю тебя к смерти!

Среди мутных очертаний в глазах отчетливо мелькнула картина, как отец снова хватается за свой пистолет, однако использовать его он не успел — голова слетела с плеч, один лишь меткий удар и жизнь генерала Морроу оборвалась, а тело разделилось на две

части, одна из которых сразу же улетела вниз, обогнув перила, а вторая отправилась вслед за ней уже через несколько секунд. Теперь все вокруг по-настоящему затихло, были слышны лишь звуки нашего с Аой предсмертного хрипа, мешающие спокойно умереть.

— Держись, малышка, — Эдвард бросился ко мне и расположился рядом, достав что-то из кармана.

К тому моменту мои руки не могли более удерживать рану, я умирала от потери крови, но после слов полковника Айса на шее почувствовалось прикосновение, и чем дольше я его чувствовала, тем больше понимала, что силы возвращаются, пока наконец не смогла вздохнуть полными легкими. Резко оторвавшись от земли, я приняла сидячую позу, стараясь понять, что сейчас произошло. В глазах потемнело, голова закружилась и кровь резко прилила в мозг, но мне не было плохо — нет, напротив, я будто сошла с лодки, что ведет в загробный мир, и встала сушу, где обитают живые. Рана на шее исчезла, кровотечение остановилось, однако небольшая слабость все еще присутствовала — он залечил меня!

— А как же? — немного оклемавшись и придя в себя, я вспомнила про Аой, но, обернувшись, уже застала ее в добром здравии и полной отчужденности, будто во время сильной простуды.

— Ваша Светлость, как Вы себя чувствуете? — заботливо поинтересовался Эдвард, сидя рядом и придерживая ее руками.

— Н-нормально, — ответила Аой голосом истинного мертвеца. — С-спасибо... Эдвард...

— Это мой долг — защищать принцессу, — смиренно проговорил он. — Приберегите силы, не разговаривайте. Давайте лучше сюда, — Айс подхватил Аой на руки и перетащил ее к целым перилам, аккуратно усадив так, чтобы можно было восстановиться.

Следом за ней он перебрался ко мне, сделав тоже самое, а после просто уселся напротив, вздохнув с облегчением. Поверить не могу, что Эдвард не внемлил моему отцу, что он оказался настолько преданным королю и его семье, не потерпев выходки генерала, и сам при этом поднял меч на вышестоящего по званию — на своего командира.

Еще несколько минут мы молча сидели и пилили друг друга взглядом, на лице полковника мелькала весьма странная и пугающая улыбка, которая в комбинации с повязкой на глазах выглядела так, будто перед нами сейчас находится самый настоящий псих.

В какой-то момент я услышала шаги — кто-то шел по коридору, ведущему к смотровой площадке. Наклонив голову на бок, я взглянула на очередного гостя, застав перед собой никого иного, как Его Величество собственной персоной.

— Это же, — я заметила кровавые слезы, что текли из глаз Котая, а это означало, что он сейчас крайне зол.

— Что здесь произошло, Эдвард? — заговорил король, чей голос звучал так, будто он готов в любую секунду лишить человека жизни за ответ, который его не устроит.

— Ваше Величество! — Эдвард подскочил с места и приклонился, оперевшись на колено и уперев кулак в пол. — Генерал Джонатан Морроу предал нас, он в конец сошел с ума и набросился на принцессу! Капитан Эмили Морроу постаралась ее защитить, но сама получила пулю! Я подросел вовремя и отрубил голову предателю. Еще минута, и жизни девушек тотчас бы оборвались! Благодаря той перчатке, что Вы мне дали, Аой и Эмили остались живы — я исполнил свой долг, как Ваш преданный слуга!

— Предал? — переспросил Котай.

— Да, Мой Король, судя по всему, он был заодно со «Спектром», — Эдвард нагло врал

королю в лицо, сомнений в этом не было.

Не знаю почему, но полковник прикрывает нас, хотя сам, судя по всему, уже обо всем догадался. В чем смысл этих действий, он на нашей стороне?

— Аой, это так? — король переключил свое внимание на дочь, желая услышать подтверждение.

— Да, — на этом моменте Аой расплакалась, дыхание сбилось и голос стал похож на завывание, — он хотел убить меня, папочка!

После этих слов Котай проскользнул мимо меня и уселся рядом с принцессой, приобняв ее так, как меня никто никогда не обнимал, даже собственный отец.

— Все хорошо, солнце, все позади, — успокаивал он, поглаживая рыдающую дочь по спине. — Ты молодец, раз смогла защитить себя до прихода Эдварда, я горжусь тобой, Аой.

Глядя на них, я и сама невольно заплакала, хотя меньше всего в жизни люблю пускать слезы. В этот день я многое поняла — не только то, что дружеские узы порой оказываются крепче семейных, но и то, что все это время в клетке была не только Аой. Сегодня я потеряла отца, как когда-то потеряла мать, а потому осталась сиротой до конца жизни, но я ни секунды не пожалела о том, что сделала ставку, которая так или иначе что-нибудь забрала бы у меня. Единственное, что по сию секунду гложит — вопрос о том, почему я сама не смогла дать отпор отцу.

— Как ты, Эмили? — разбил тишину внезапный голос Котая, что положил руку мне на плечо.

Я не стала ничего отвечать, а лишь в той же манере, что и Аой, расплакалась, словно маленький ребенок, у которого отобрали конфету. Глядя в сияющие желтые глаза, никто не смог бы сдержаться в такой ситуации, однако на фоне бесконечного водопада слез на моем лице проскользнула умиротворенная улыбка, рушащая всю картину и приводящая ее в состояние неоднозначности.

— Все хорошо, ты большая молодец, — похвалил меня он. — Благодаря тебе моя дочь осталась жива, и я очень тебе благодарен, Эмили, потому с этого дня можешь с гордостью носить звание майора. Надеюсь, что в будущем ты будешь заслуженно стоять на месте своего отца, но не как предатель, а как золотой человек.

— Честь и слава... Ваше Величество, — проямлила я, стараясь найти место для благодарности.

— Честь и слава, майор Морроу, — улыбнулся он, похлопав меня по плечу.

Не знаю, что и думать — он так добр по отношению ко мне даже тогда, когда я всадила ему нож в спину. Он не стал относиться ко мне, как к человеку долга, а вместо этого поблагодарил по-людски, из-за чего теперь я ночами спать не смогу.

— Эдвард, — вновь заговорил король, — ты тоже повышен — займешь место Морроу на должности генерала, рассчитываю на тебя.

— Честь и слава, Ваше Величество! — Эдвард тотчас приставил к голове руку.

— Честь и слава, генерал Айс, — подхватил Котай. — А сейчас будь добр, позаботься о том, чтобы девушки получили должный уход и как можно быстрее пришли в себя.

— Есть! Будет исполнено! — однозначно ответил Эдвард.

Все закончилось, король молча скрылся в темноте длинного коридора, а мы чудом остались живы. Не уверена в том, что сейчас скажу, но я думаю, что кому-то сегодня очень крупно повезло. Никто не ожидал, что Эдвард подставится под удар, не только соврав королю, но и лишив жизни единственного свидетеля, на чьей стороне была правда. Конечно,

Котай мог бы и сам узнать о произошедшем с помощью «шиирацу», но, судя по всему, он уже использовал свой козырь. Кровавые слезы — это они спасли нас... Король уже использовал что-то, помешавшее ему докопаться до истины своими силами, и только поэтому афера удалась, но теперь у меня появилось много вопросов, на которые так просто ответ не получишь.

Что тобой движет, Эдвард Айс? Кто же ты — друг или враг?

Глава 45: Закон взлетов и падений

Едва утренние лучи просочились через плотные шторы ордена, окутав пространство вокруг жизнью, везде уже стоял шум и гам, суэта не стихала ни на секунду, и для всех этих вечных телодвижений была весьма обоснованная и в действительности значимая причина — еще одна небольшая победа.

Вчера я впервые поучаствовала в масштабной операции вместе со всеми остальными членами ордена, и повел нас за собой как всегда Ашидо, которым я не перестаю восхищаться, изо дня в день пропитываясь любовными чувствами все сильнее. Слушая то, как смело он излагает свою позицию перед лицом всей Гармонии, будучи со всех сторон окруженным гвардейскими силами, наблюдая за решительными действиями и его кристальной прозрачностью по отношению к народу, я буквально таю.

Не уверена, что в тот день от меня была хоть какая-то польза, ведь ради успеха операции пришлось только стоять, внушая зрителям факт нашей силы. Хомуре повезло немного больше, и она смогла показать свою силу, наглядно продемонстрировав ее на примере капитана Морроу, которая за считанные секунды оказалась полностью обезвреженной — чем больше думаешь об этом, тем больше пропитываешься завистью.

— Попрошу внимания! — воскликнул стоящий рядом со мной Ашидо.

— Внимание, господа, внимание! — подхватила я, не став упоминать дам, ибо они все еще мне не нравятся, как бы сильно не хотелось это изменить.

В ответ на наши слова толпа утихла и каждый присутствующий переключил свой взгляд на нас, наострив уши и приняв ожидающую речи стойку.

— Все слушают? — огляделся Ашидо, стоя в центре лестницы и стараясь найти в толпе затерявшегося слушателя, однако не смог, потому сразу же продолжил. — Что ж, дорогие члены «Спектра», спешу поздравить всех с очередной небольшой победой!

В ответ на возглас раздались пламенные аплодисменты, наши друзья тотчас заглушили все вокруг своими хлопками в ладоши и изредка проскальзывающими свистами.

— Мы смогли, друзья! — продолжил Ашидо, когда вой немного стих. — Сейчас, когда весь этот недюжинный стресс позади, я безмерно благодарен каждому из вас, ведь вы смогли пересилить себя и свой страх, смогли выйти в свет в самом сердце врага, ступая следом за мной. Пойди я туда в одиночку, все могло закончиться плачевно, но, стоя бок о бок с товарищами, я чувствовал себя защищенным, словно за каменной стеной. Спасибо, большое всем спасибо!

— Честь и слава, Гармония! — в один голос воскликнули слушатели.

— Ой, да ладно вам! — покраснел Ашидо. — Я на ходу это придумал, не надо теперь дразнить меня при первом удачном случае!

— Честь и слава, Гармония! — продолжили подтрунивать остальные.

— Минутка статистики! — вклинилась в гам Наталья, выбежав из толпы к нам на лестницу, расположившись рядом с боссом.

— Ах, да! — опомнился Ашидо. — Сегодня ночью мы немного покопались в интернете, и Наташа очень кстати собрала для ордена ценную статистику, оправдывающую наши действия. Прошу, Наташа, приступай.

— Кхм, — замялась она, но почти сразу же пришла в себя, — исходя из данных, полученных от различных издательств в блиц-опросах населения, можно сказать, что всего

за ночь рейтинг доверия «Спектру» возрос на семнадцать процентов, в то время как рейтинг доверия дворцу упал аж на двадцать процентов! Это огромный успех, уважаемые, ведь сейчас наш рейтинг почти достиг отметки в сорок процентов!

— Сорок процентов? — задумалась я, стараясь работать извилинами в поднявшемся шуме. — Практически половина населения одобряет действия ордена, даже с учетом кровопролития. Неужели все настолько устали от лжи и несправедливости?

— Мастер Тайкон, а что насчет прибавки к зарплате? — выкрикнула из сборища людских ресурсов Мисато, ожидая только положительного ответа.

— Все вопросы к Хорнет, — отстранился он, — но лично я одобряю повышение на несколько процентов.

— Ура! — закричала во весь голос Мисато, прыгая на месте от радости.

Глядя на нее, я немного затерялась в непонимании, думая о том, почему эти люди так пекутся о деньгах, когда в жизни есть вещи и поважнее. Дружбу и любовь за деньги не купишь, все это достигается лишь на основе чувств и норм морали, в то время как деньги лишь ее разрушают. Хотелось бы сказать, что здоровье тоже не продается, но у нас есть железное опровержение по имени Ринна, которой по счастливой случайности «Ген X», стоящий миллионы кредитов, достался бесплатно, тем самым вытянув практически мертвую девушку в мир живых.

— Повторюсь еще раз, — продолжил свою речь Ашидо, — я безмерно всем вам благодарен, потому сегодня мы организовали эдакую «закрытую вечеринку» со всем набором развлечений для красочного утра, дня, вечера и ночи! Сегодня у всех выходной, потому можете оторваться по полной, но для начала — приглашаю всех на общее фото!

— Общее фото, уважаемые! — повторила Хорнет, прихлопывая в ладоши для привлечения внимания. — Ну же, все к лестнице, давайте-давайте!

В ответ на призыв все присутствующие стали выстраиваться в два ряда, где первый стоял на полу перед лестницей, а второй расположился на несколько ступеней выше. Очевидно, Ашидо занял место в самом центре, где его будет видно полностью как главу ордена. Мне очень хотелось оказаться рядом с ним, но места по бокам заняли вечно притирающаяся к моему возлюбленному Юмико и мистер «я здесь самый важный» Илия. Рядом с Юмико расположились ее давние подруги Хорнет и Амелия, к Илии сразу же, словно собачка, пристала Эмбер. Еще дальше от центра оказались наши мелкие собратья вроде Хомуры, Войд, Эхо и Кирея.

Наблюдая за тем, как люди выбирают места, я заметила, что все подстраиваются поближе к своим фаворитам, если на то есть возможность. Так, например, Итаци умудрилась подлизаться к Кирею, а Шин на заднем ряду устроился в компании своего вечно позитивного начальника Мисато.

— Торин, не стесняйся, — заговорила Хорнет, — давай сюда.

— Нет, спасибо, госпожа Ишимару, сторожу не место в кругу остальных, — отстранился Торин.

— Давай без этого, мы все ждем, — настояла она.

Под грозным взглядом вышестоящего Торин смирился и подчинительно поплелся к лестнице, расположившись с самого края второго ряда рядом с Николасом и Натальей, как это сделала Ринна с другой стороны, а перед ним в это время как раз занял свое место Джозеф. Мне же досталось не самое лучшее, но и не самое худшее место — в центре второго ряда сразу за Ашидо. Казалось бы, так близко к заветному парню, но, как назло, рядом

оказалась Нао, всем видом показывающая, как ей неприятна моя компания.

— Нао, не думаешь, что лучше спуститься? — обратилась к ней я. — Ты слишком высокая и совсем не вписываешься.

— Отвали, Лаффи, я встала сюда, чтобы забирать на себя все внимание, — фыркнула она.

— Как знаешь, — прошипела я, стараясь не реагировать остро.

Казалось, что все уже расположились, когда даже Сильвия оказалась в ногах у мастера Кишина, однако некоторые индивиды все еще стояли в стороне, не желая присутствовать на общем фото.

— Солен, Луна, давайте к нам! — выкрикнул Ашидо.

— Нет уж, — ухмыльнулась яркая дама, которую, вроде как, все называли Юстицией. — Мы здесь в качестве гостей, а не сотрудников «Спектра», потому не можем присутствовать на общем фото.

— Как это? — возмутилась Хорнет.

— Госпожа хотела сказать, что нам как членам ордена «Юстиция» нецелесообразно находится на общем фото сотрудников другого ордена, — вмешалась Луна. — А вот на фото хороших товарищей попристутствовать можно.

— Мы вас сфотографируем, а потом сами присоединимся для фото в небольших компаниях, — подмигнула Солен, после чего взялась за фотоаппарат на штативе.

Наконец договорившись, мы могли выбрать подходящие позы для фото. В компании членов «Спектра» хорошо различались люди разного темперамента: кто-то стоял сложа ручки, а кто-то старался привлечь как можно больше внимания, как это делала я. Забавнее всего было смотреть на Войд, которая все еще адаптировалась к жизни в обществе, стараясь копировать поведение остальных.

— Улыбочку, фотаю! — скомандовала Солен. — Раз, два, три!

Послышался характерный для фотокамеры щелчок, прозвучавший в одну секунду с мелькнувшей вспышкой, а это означало, что можно было расслабиться.

— Отличный кадр, все получились! — радостно воскликнула Луна.

— Что ж, — заговорил Ашидо, — вечеринку можно считать открытой, развлекайтесь!

Когда наконец можно было отдаться празднику по полной, все молниеносно разбежались по разным углам, собравшись в небольшие компании по интересам: кто-то сразу схватился за алкоголь, кто-то внимательно рассматривал свежее фото, кто-то очень прилежно уселся в кругу любителей литературы, а кто-то просто решил скрасить время за разговорами. Одна из таких компаний сразу зацепила мой взгляд, ведь помимо Ашидо в ней находились только приятные люди: Илия, Солен и Луна, потому спустя несколько минут бездвижного вкопанного стояния в отдалении я все-таки решила пойти с ними на сближение.

— Ха-ха, так и было, — первое, что я услышала из уст Илии, оказавшись рядом.

— Ох, Лаффи, здравствуй, — поприветствовала меня Солен. — Как твои дела?

— Здравствуйте, госпожа Юстиция, можно к вам? — робко поинтересовалась я.

— Конечно, солнце, и давай без формальностей, — улыбнулась она. — Просто Солен, хорошо?

— Хорошо, Солен, — улыбнулась я в ответ.

— На чем мы там остановились? — уточнил Ашидо, потеряв нить разговора.

— Ты спросил о том, как мы провели время с теми, кто не пошел с вами, — подсказал

Илия.

— Ах, да, точно. Так что там было? Скука смертная?

— Не, совсем не скучно было, — опроверг Кишин. — Итаци до посинения замучила Кирея, а мы с Николасом сидели в командном центре и, считай, кино смотрели.

— И как тебе наше кино? — поинтересовался Ашидо.

— Девять из десяти, — улыбнулся он.

— А за что балл снизил?

— За ЭМИ-устройство на фоне, оно весь вид портило, — пояснил Илия.

— По-другому никак, ха-ха, — рассмеялся Ашидо. — Мы запрягли Шина и Торина его тащить, хотя Ринна могла бы и в одиночку справиться.

— Кстати об этом, — вклинилась Солен. — Вы реально взяли с собой тучу людей без способностей?

— Нам нужно было создать эффект толпы, — объяснил Ашидо. — Не важно были у них способности или нет, все мы стояли на сцене в одинаковых костюмах и мало различались, потому зрители не смогли бы определить их среди остальных.

— Гениально, мастер Тайкон, ничего не сказать, — похвалила его Юстиция.

— А ты почему не пошел, Илия? — спросила Луна.

— Ты же знаешь, мне нельзя было там присутствовать, — вздохнул он. — Кто выдает свои козыри раньше времени?

— Хочешь сказать, тебя узнали бы даже в костюме? — столь же непонимающе смотрела на него Солен.

— Была и такая вероятность, — замялся Илия. — У меня могла потечь кровь из глаз, и, если бы она вытекла из-под маски — все могло закончиться не так хорошо.

— А почему она должна была потечь? — поинтересовалась я, вспомнив, как однажды уже видела такое явление при нашей первой встрече в медпункте.

— Давай не будем об этом, Лаффи, пока еще рано, — отстранился он. — Лучше расскажи нам о своих впечатлениях от первой большой вылазки.

— Было очень страшно! — вдруг заголосила я. — Там было очень много людей и все они — враги. Глядя на то, как Ашидо держится перед ними и как ни одна из голосовых связок его не подводит, я буквально вся горела внутри! Аши, как ты вообще можешь вот так спокойно говорить, когда все вокруг угрожает жизни?

— Привык, наверное, — смущенным от комплиментов голосом ответил он.

— Это называется «у меня в штанах стальные яйца»! — ухмыльнулся мастер Кишин.

— Илия! — Луна тотчас вlepила ему подзатыльник, от которого тот даже не дрогнул. — Где твои манеры?

— Простите-простите, — улыбочиво отмахнулся он.

— Мастер Кишин, можно вопрос? — обратилась я к нему, желая разузнать некоторые аспекты образа этого человека.

— Слушаю.

— Эта одежда вам очень идет, — подметила я, глядя на непривычный глазу костюм, состоящий не из запомнившихся старомодных элементов, а из обычных модных подростковых вещей. — Почему вы не носите его на постоянной основе?

— Ха-ха, давай отвечу, — очень тепло и по-доброму посмеялся Илия. — Тот костюм, в котором ты привыкла меня видеть — это образ Илии из прошлого, по которому я стал известен, хотя во многом это было благодаря шлему. Для меня он значит куда больше, чем

обычные модные шмотки, но иногда просто устаешь все время строить из себя важную персону и хочется чего-то простого вроде комбинации «змеенышей» с кроссовками и легкой куртки черной палитры. Мне очень приятно слышать, что ты находишь такой образ привлекательным.

— И не вру! — залепетала я. — В этом образе вы с Аши очень похожи!

— То-то я думаю, что же в моем костюме такого особенного, — пробубнил он.

В этой компании в самом деле царила дружественная и приятная атмосфера, хоть я практически и не взаимодействовала с Солен и Луной ранее. Сейчас мне кажется, что эти двое весьма тактичны и по-своему добры, а это значит, что мы могли бы подружиться уже по моей собственной инициативе, а не по принуждению.

— Слушай, Лаффи, — окликнул меня Ашидо, взяв за плечо.

— Чего? — оторопела я.

— Как бы так сказать, — замялся он. — Сегодня я хотел пригласить тебя провести где-нибудь время только вдвоем. Я чувствую себя виноватым во многом и считаю нужным немного проветриться и поговорить. Ты согласна?

— ДА! — однозначно ответила я, ощутив, как сердце в миг забилося как бешенное от одной идеи совместного времяпрепровождения наедине с Ашидо.

— Готов пожертвовать праздником ради прогулки? — вздохнула Солен.

— Цыц, многоуважаемая, — заткнул ее Илия. — Лучшее, что ты сейчас можешь сделать — войти в положение и смириться.

— Кто-то сказал, что я наезжаю? — затерялась она. — Напротив, если Ашидо намерен провести время с Лаффи, даже несмотря на то, что сам организовал праздник для своих подчиненных — не значит ли это, что она ему очень дорога?

— То и значит, — подтвердил Ашидо, от чего у меня еще больше потеплело в груди.

— Могу только выказать уважение, — улыбнулась Солен. — Мы тут как-нибудь уживемся без тебя, а за все казусы ответственность будет нести Хорнет.

— Кто-то сказал Хорнет? — послышался возглас приближающейся дамы.

Стоило мне оглянуться к источнику шума, как в поле зрения показалась не только Хорнет, но и не очень приятная особа — Юмико.

— Только о тебя вспоминали, — ухмыльнулась Юстиция. — Как там дела на фронте?

— Ты об остальных? — замешкалась Хорнет. — С ними все нормально, некоторые уже по пятой стопке через себя пропускают.

— Это кто у нас такой алкоголик? — грозно пробурчал Ашидо.

— Все те же самые, — сострила в ответ Ишимару. — Мисато, Эмбер, Нао и Шин.

— Сегодня можно ведь, — вклинилась Луна, думая, что их за это кто-то накажет.

— Можно, — подтвердил Илия. — Я бы тоже от парочки не отказался.

— Употребление алкоголя вредит печени и желудку! — блеснула знаниями Луна. — Я не пью алкоголь и тебе тоже не советую.

— А еще вредит сердцу и нервной системе, — продолжила тезис Юмико. — Повышается риск развития рака горла, гортани и пищевода, не говоря уже о том, что человек развивает в себе зависимость, хотя шепотам это не грозит.

— Какие у вас великие познания в медицине, мисс Таканаши, — подтрунивала над ней Солен.

— Могу рассказать, чем чревато поддержание образа сучки как у Нао, — улыбнулась Юмико.

— Мы итак все знаем, — усмехнулся Илия.

Едва речь зашла о медицине, у меня в голове созрел весьма коварный план, чтобы побыстрее сплавить Юмико подальше от этой душевной компании и в потенциале задать почву для моих дальнейших планов.

— Мисс Таканаши, вы — медик? — поинтересовалась я, стараясь делать максимально глупый вид.

— Можно и так сказать, — подтвердила она. — Вообще в ордене по сути своей из медиков есть не только я, но и мистер Даян на пару с мастером Кишином, однако мне лучше всего удастся излечивать нуждающихся.

— Какая удача! — радостно воскликнула я. — Мы можем сейчас дойти до медкабинета? По дороге расскажу о моей проблеме.

— А в чем проблема рассказать о ней здесь? — прогудела Хорнет.

— Врачебная тайна! — отстранилась я, рыкнув на нее.

— Ладно-ладно, — смирилась госпожа Ишимару. — Юми, будь добра, если тебе не сложно.

— Хорошо, — согласилась Юмико, широко улыбнувшись. — Пойдем, Лаффи, расскажешь, что тебя беспокоит.

План был неидеален, однако сыграть на чувствах врача было не так сложно, потому я с легкостью вынудила девушку оторваться от остальных и пойти со мной вглубь коридора, тем самым оставив нас наедине. С самого начала я даже не планировала идти в медпункт, дела обстояли несколько иначе, потому что и без Юмико всем прекрасно известно, что от моей болезни лекарства не существует.

— Ну, Лаффи, в чем же дело? — поинтересовалась она, когда мы прошли уже половину пути.

— Думаешь, врачу под силу вылечить самую страшную для девушки болезнь? — тяжело вздохнула я.

— Это какая такая болезнь для девушки считается самой страшной?

— Бесплодие, — немного замявшись, однозначно ответила я.

— Ты в самом деле бесплодна, Лаффи? — обомлела Юмико. — В какой момент ты это поняла?

— Когда проходила обследование у мистера Даяна, — объяснила я. — Он говорил что-то про яйцеклетки, но я ничего не поняла, кроме слов о том, что навряд ли когда-нибудь смогу иметь детей.

— Не вешай нос, солнце, — улыбнулась Юмико. — Это обычным врачам не по силам лечить бесплодие, а я могу!

— Правда? — оторопела я.

— Конечно, только придется ответить на пару вопросов. Не стыдись и не бойся — я же врач.

— Угу, — робко и вяло согласилась я.

— Скажи мне, как у тебя обстоят дела с циклом — он вообще идет? — это был первый вопрос, суть которого я вообще не поняла.

— Каким циклом? — переспросила я, ожидая понять, о чем вообще идет речь.

— Ты не знаешь о менструальном цикле? — как-то многозначно посмотрела она на меня.

— Что это? — было все еще не понятно.

— Да уж, запущенный случай, — пропыхтела Юмико. — давай объясню. Тот цикл, о котором мы сейчас говорим, есть у каждой здоровой девочки и начинается он еще до подросткового возраста. Сколько тебе сейчас лет?

— Скоро восемнадцать будет, — ответила я.

— Плохие новости, Лаффи, — вздохнула она. — У меня он идет уже с одиннадцати лет. Во время цикла матка женщины подготавливается к беременности и каждый месяц оттуда наружу выливается эндометрий и лишняя кровь. Если ты даже об этом не знаешь — это значит, что твой организм не в курсе своей биологической функции.

— Я ничего не поняла.

— Другими словами, твое тело считает, что тебе не нужны дети, — упростила Юмико.

— Понятно, — в миг поникла я. — Говорю же, это никак не вылечить — даже тебе не по силам.

— Все мне по силам, — отмахнулась она. — Надо просто вмешаться в дела твоего организма и объяснить ему, что значит быть женщиной.

Разговор пошел совсем не в то русло, ведь я изначально не планировала излить душу тому, от кого всем естественном желаю избавиться. С трудом верится во все эти обещания врача, ведь они сдерживаются лишь в редких случаях. Все это звучит как попытка задобрить меня, расположить к себе и с легкостью выкинуть, в будущем надавив на больное.

— Знаешь, Юмико, — прошипела я. — Пускай я не могу иметь детей, но даже так не откажусь от своей любви к Ашидо. Я буду для него самой заботливой женой на свете, которой он сможет гордиться.

— Это уже не тебе решать, Лаффи, — вздохнула Юмико. — Сердцу человека не прикажешь, тем более за Ашидо никто ничего не сможет решить, особенно в вопросе того, кому оставаться верным.

— Вот еще! — закричала я, схватив девушку за руку, после чего силой впечатала ее в стену, плотно прижав предплечьем и подставив к боку свой клинок. — Отвали от Ашидо! Он принадлежит только мне и я не позволю вам создавать семью прямо у меня на глазах!

— Лаффи, убери нож, — приказала Юмико, покрыв место возможного удара чем-то плотным вроде брони. — Я тебе не враг и зла не желаю, напротив, хочу помочь и избавиться от страданий.

— Заткнись! — преисполняясь ненавистью, прокричала я. — Что ты вообще знаешь о любви? Думаешь можно вот так просто появиться из ниоткуда и вцепиться в губы? Ты вообще когда-нибудь по-настоящему любила? Я с самого детства люблю Ашидо, все время думаю только о нем и о том, как мы однажды будем вместе, но он отвергает меня, и это все только по твоей вине!

— Лаффи, успокойся, это его выбор, — продолжала она делать невинный вид. — То, что ты сейчас делаешь, ситуацию не исправит. Я тоже люблю его и не собираюсь отступаться только потому, что ты приставила мне лезвие к животу, однако если сам Ашидо вдруг заподозрит что-то неладное, первой под удар попадешь ты, тем самым убив себя в его глазах.

— Именно поэтому я собираюсь любыми средствами заставить тебя отступить, — все так же злобно прорычала я. — Рано или поздно ты все равно сдашься и оставишь нас, а со мной он быстро о тебе позабудет.

— Этому не бывать, Лаффи, — спокойно ответила Юмико.

— Почему же? Думаешь тебе хватит воли сопротивляться? — усмехнулась я, чувствуя

свое превосходство.

— У нас будет ребенок, — в грустном тоне и тихо произнесла она.

Как только эти слова донеслись до моих ушей, вся картина будущего в миг рухнула, моя уверенность мгновенно сменилась отчаянием, словно я потерпела самое большое поражение в своей жизни. Пусть эта змея столько твердила о своей благожелательности, сейчас она ударила по самому больному для меня месту, в самую критическую точку девичьего сердца.

Не силах продолжать напор, я смиренно ослабила хватку и выпустила Юмико из лап, а сама с подкашивающимися ногами отшатнулась в сторону, ощутив, как из глаз невольно полились слезы.

— Прости, Лаффи, — сложив руки на груди, прошептала она, — я должна была сказать правду.

— Ни слова больше, сука, — взвыла я, а затем бросилась прочь — подальше от всего этого.

Пробежав до конца коридора, молниеносно преодолев несколько этажей по лестнице, я тотчас ворвалась в свою комнату и что есть мочи вцепилась в кровать. Обхватив подушку обеими руками, согнулась в позе обиженного на жизнь ребенка, заливая ее слезами горя, что не переставая водопадом выливались наружу. Комнату заполняли крики боли, но та боль была не физической — душевной. Сердце, которое еще десятью минутами ранее расплывалось в тепле, сейчас разрывается от тяжести неразделенной любви.

— Как же все так обернулось? — только это крутилось в голове. — Почему, Ашидо? Если человек волен выбирать, почему ты выбрал именно ее?

Думая над тем, что говорила Руби, что пытался донести до меня Илия, что в конечном итоге сказала Юмико — я совсем перестала что-либо понимать. Кругом лишь боль и страдания, ложь и вражда, весь этот мир обернулся против меня одной, словно я — козел отпущения. Почему именно мне приходится расплачиваться за все? Почему я должна это впитывать?

Если Бог в самом деле существует, при первой же встрече с ним я отвечу тем же, чем он меня наградил. Нет ни одного существа на всем белом свете более лицемерного, чем творец, что нас создал.

***

Некоторое время спустя я наконец успокоилась, перейдя из стадии отрицания к состоянию полного опустошения. Не знаю, сколько часов прошло с момента нашего разговора, и тем более не имею не малейшего представления, потерял ли меня хоть кто-то.

— Лаффи, ты на связи? — послышался голос Ашидо в переговорном устройстве.

Едва услышав его голос, я тотчас подскочила с кровати, а затем сразу же схватилась за кнопку, желая ответить.

— Д-да, слушаю, — проговорила я в рацию, стараясь скрыть факт того, где все это время была и в каком состоянии.

— Ты же не забыла о том, что у нас сегодня что-то вроде свидания?

— К-конечно, Аши, я все помню, — уверяла я, в горе позабыв о том, где и с кем должна была провести время.

— Смотри, — продолжил он. — Сейчас в общем канале Хорнет зачитает письмо от капитана Морроу, потому предлагаю тебе быстренько приодеться попримечнее, и сразу после этого мы выдвинемся в путь.

— Попримечнее? — что бы это могло значить.

— Ну, знаешь, — замылся Ашидо. — В «Спектре» все уже привыкли к тому, что ты ходишь с полуголой грудью, но на улице это будет притягивать слишком много внимания, учитывая то, что мы оба в государственном розыске. Подбери менее броскую одежду, пожалуйста.

— Хорошо, я постараюсь.

— Давай, Лаффи, мы начинаем, — напоследок сказал он, оборвав связь.

Не знаю, как работает девичье настроение, но едва услышав голос возлюбленного и команду переодеваться, я бросилась к шкафу в поисках подходящих вещей. Судя по всему, Юмико ничего не сказала Ашидо о нашей стычке в коридоре, ведь тогда бы он точно переживал за то, что происходит внутри, казалось бы, не такого шаткого окружения.

Вдруг в переговорном устройстве послышался голос Хорнет, о котором Аши уже предупредил:

— Итак, слушатели, сейчас я прочитаю послание от капитана Морроу, которое она лично передала нам на вчерашней операции, — начала Хорнет. — «Уважаемый «Спектр», меня зовут Эмили Морроу, я значусь капитаном четырнадцатой роты элитной гвардии, а мой отец Джонатан Морроу приходится для дворца генералом, потому я очень рискую, когда пишу эти строки. Перейдем к делу — во дворце с каждым днем все беспокойнее, верхушка сильно обеспокоена Вашими действиями, потому они готовы выделить дополнительные силы и перейти от нейтрализации к ликвидации. Из хороших новостей могу отметить, что моя персона и наследница престола Аой Изуми разделяем Ваши взгляды и одобряем Ваши действия, как и многие другие лояльные дворцовые слуги, но все мы вынуждены скрываться, боясь оказаться изменниками. На этой бумаге я стараюсь донести до Вас то, что мы уже являемся Вашими потенциальными союзниками и в переломный момент встанем на Вашу сторону, если орден гарантирует исполнение задуманного. Честь и слава, «Спектр». С уважением, Эмили Морроу».

Эту речь я слушала лишь краем уха, пока подбирала себе подходящую одежду. В глаза бросилась белая блузка и стильная женская жилетка, а вместе с ними очень лаконично в образ вписывалась беретка, которая очень классно смотрелась с распущенными волосами.

Нацепив на себя все вышеперечисленное, впервые нырнув ногами в кожаные сапоги, я сразу же выбежала из комнаты и устремилась в холл, где в этот день был организован банкетный зал для всех желающих. Перепрыгнув через перила, я мягко приземлилась на пол, использовав способность, а уже там застала самый разгар веселья.

Компании кардинально перемешались, многие присутствующие уже катались по полу, остальные же все еще твердо стояли на ногах с бокалами вина. Ашидо находился в одной из таких компаний, где помимо него были еще Илия, Ринна, Юмико и Джозеф — именно туда мне было нужно, но подходить совсем не хотелось.

— Я помню тебя еще совсем маленькой, чувственной и бойкой девчонкой, — смеялся мистер Даян, общаясь с Юмико. — Вы с Каспером были такими неразлучными, словно с рождения знакомы. Скучаешь по нему и по доктору Фишеру?

— Еще как скучаю, — улыбнулась она. — Хотелось бы увидеться, когда все это закончится...

— Лаффи, — внезапно выкрикнула Ринна, заметив меня и перебив Юмико. — Иди сюда!

Не в силах отказать после того, как меня уже заметили, я пошла на сближение, оказавшись рядом не только с друзьями, но и с врагом номер один, вид которой сразу

переменился, едва она на меня взглянула.

— Вау, я еще ни разу тебя такой не видел, — удивился Ашидо, впитав мой новый чудный образ, хотя и сам в этот момент предстал предо мной в строгом костюме.

— Видишь, не обязательно носить открытую одежду, чтобы на тебя смотрели как на прелестную даму, — ухмыльнулась Ринна. — Ты очень красивая, Лаффи, носи почаще этот костюм.

— Поддерживаю, — согласился Илия, скрестив руки и одобрительно кивнув.

— Отлично выглядишь, Лаффи, — произнесла Юмико, стараясь изо всех сил делать невинный вид.

— Что ж, дамы и господа, — заговорил Ашидо. — Вынужден отлучиться — развлекайтесь!

— Хорошо вам провести время! — напоследок улыбнулась Юмико, после чего мы с Аши покинули здание ордена, выйдя с тыльной стороны.

***

Наконец мы оказались наедине, шли бок о бок куда-то в неизвестном мне направлении, и я то ли дело старалась подобраться к Ашидо поближе, держа его за руку. По лицу парня было видно, что он немного смущен, но никакой отталкивающей мимики на лице не проскальзывало, потому я была уверена, что мы хорошо проведем время вместе. По дороге он много раз извинялся за что-то, но я ничего не слушала, будто игнорируя фоновый шум.

— Мы пришли, — улыбнулся Аши, вдруг остановившись.

— «Камелия Крим»? — удивилась я, впав в искреннее замешательство.

— Твоя любимая кондитерская, вроде, — объяснил он.

— Д-да, так и есть, но...

— Давай, — подтолкнул меня Ашидо, — посидим, покушаем пирожные, поболтаем — ты же так этого хотела, Лаффи.

— Очень хотела, — согласилась я, — но есть небольшая проблема.

— Какая? — оторопел он, не понимая моего нежелания заходить внутрь.

— Здесь работает моя хорошая подруга по имени Руби, и не так давно мы с ней поссорились. Я тогда наговорила ей кучу гадостей и было бы некрасиво вот так прийти к ней, чтобы усесться за стол и наслаждаться без каких-либо извинений.

— Чувствуешь себя виноватой?

— Да, — тяжело вздохнула я. — Давай поступим так — ты зайдешь внутрь и купишь парочку пирожных на свое усмотрение, а я подожду здесь.

— А дальше что? — затерялся он. — Пойдем в другое место?

— Наверное, — задумалась я. — Неподалеку отсюда находится парк, где можно посидеть в беседке на возвышении. Что думаешь?

— Туда и пойдем, — улыбнулся Ашидо. — Смотри не потеряйся, пока я стою на кассе.

— Не потеряюсь — иди, — улыбнулась я в ответ. — Буду ждать в переулке за углом, чтобы сильно не бросаться прохожим в глаза.

— Хорошо, — согласился он, после чего шагнул в сторону входа, скрывшись за дверью.

Я, как и было озвучено, зашла в длинный и не особо широкий переулок. Людей здесь не было, потому можно было спокойно постоять наедине со своими мыслями, однако мысли эти были не из лучших. Я все думала о том, как все сложится дальше, что мне делать с Юмико и как построить жизнь с выгодой для себя и для Ашидо. Насилием делу не поможешь, да и договориться не получится, ведь все закончится плачевно и Аши в конечном

итоге просто возненавидит меня. Это очень тяжело — носить под сердцем груз любви, которой не суждено расти, как бы сильно я этого не хотела.

Как и сказал Илия, я оказалась не в том месте, не в то время, только вот из-за чего — совсем не помню, словно часть моей памяти куда-то пропала. Тот отрезок жизни между ранним детством и тем, что происходит сейчас — он словно в тумане. Я помню, как пережила нечто ужасное, ударившее по рассудку настолько, что весь мир после этого казался одним большим адом, но совсем не помню, что именно пережила.

Одно известно наверняка — все расцвело с его появлением, что тогда, что сейчас. Ашидо дал мне повод жить, совершенствоваться и социализироваться, а взамен я стала его клинком и хотела бы однажды стать спутником жизни, но с каждым днем огонь все тускнеет, будто наша связь — это маленькая лодочка в океане с пробитым дном, которая постепенно тонет. Приходится не только заделывать дыры, но и вычерпывать воду, а делать это одной крайне сложно, ведь сколько не пытайся, два дела одновременно в одиночку не сделать.

Через некоторое время за спиной послышались шаги — это точно была мужская нога, ступающая осторожно и легко. В ней я сразу узнала Ашидо, который уже возвращался с покупками, предвкушая продолжение прогулки, но появился он в тот момент, когда я вновь немного поникла. Не желая показывать ему свою грустную мину, я резко развернулась, когда он подошел поближе, нарисовав на лице немного лживую, но счастливую улыбку.

— Продолжим, Аши, — воскликнула я, обернувшись, но тот, кого я застала перед собой, был вовсе не мой возлюбленный.

В эту же секунду в переулке раздался глухой хлопок, что-то твердое с огромной силой врезалось мне в плечо. Только увидев зависшую в воздухе кровь и опметок собственной руки, стремительно сближающийся с землей, я все поняла — только что прозвучал выстрел, и стрелок намеренно целился именно в меня, а это значит, что он пришел по мою голову.

Не думая ни секунды о боли, я сразу же отпрыгнула в сторону и постаралась телепортироваться подальше, но ничего не выходило. За долгие годы я привыкла иметь в своем арсенале обе руки и перестроиться на использование способности одной рукой так быстро не представлялось возможным, потому я, словно впервые взявший в руки молоток ребенок, застыла на месте в тщетных попытках сбежать. Я видела, как мерцает рисунок на руке, но не понимала, почему не могу ничего сделать, мне впервые стало до дрожи в костях страшно.

Следом за первым выстрелом последовал второй, и попал он уже во вторую руку, которая так же легко оторвалась от тела, приземлившись где-то у стен переулочка, тогда-то я без сил плашмя рухнула на землю.

— Ха-ха, надо же! — закричал неизвестный. — Искал медь, а нашел золото! Посмотрите-ка, это же та деваха с плакатов о розыске! Я нашел тебя!

Ни разу в жизни я не видела этого человека, а он уже принялся стрелять по мне. Судя по всему, этот ублюдок был из гвардии, раз уж он заговорил о розыске. Если бы я послушала Ашидо и скрыла свой образ получше, все могло сложиться иначе, а сейчас остается лишь надеяться на то, что он меня спасет.

— Так-с, белые волосы, красные глаза, рисунки от плеч до кистей под рукавами — не ошибся, — продолжил глумиться он.

Этот человек выглядел совершенно иначе, не так, как выглядит Ашидо. Его волосы были светлыми, практически пепельными, но больше цвета блонда, глаза голубыми, а ухмылка

зловещей. Даже будучи в броской одежде черно-бело-синей палитры в виде обычного делового костюма с накидкой на подобии плаща, он смог подобраться ко мне так близко...

— Чего молчишь, ягодка? Язык проглотила? — дерзил он.

— К-кто ты... такой? — спросила я, лежа на полу так, что сил повернуться даже не было.

— Как кто? — оторопел он. — Твоя кара, позывной «Камыш», высшая гвардия.

— Камыш...

— Да-да, молодец, легко запомнила, а теперь ответь-ка, — сказав это, он уперся мне коленом в поясницу, расположившись сверху и наклонив голову практически вплотную к лицу, — что же такая красивая девочка в одиночку делает в безлюдном переулке?

— Н-не твое...

— Дело? — перебил он, закончив фразу за меня. — Ты какая-то кислая, чего руки опустила? Может помочь взбодриться?

Следом за этими словами его рука нырнула мне под юбку, тогда-то я почувствовала прикосновение к сокровенному месту, которое тщательно берегу для Ашидо.

— НЕТ! — внезапно закричала я, найдя в себе силы сбросить Камыша.

Не потерпев такой выходки, он тотчас ударил меня прикладом своего оружия по голове, от чего в ней все затрещало, и картина перед глазами вдруг поплыла в разные стороны, а силы с концами меня покинули.

— Смотри какая недотрога, — продолжил глумиться надо мной Камыш. — Я таких люблю, давай-ка перейдем к воспитанию.

Воспользовавшись моей слабостью, гвардеец стянул с ног трусы и уже через несколько секунд я почувствовала на себе проникновение. Было больно, очень больно, а хуже того — было страшно. В этот момент я как никогда боялась умереть, ведь столько всего неисполненного останется позади, когда я стану мстительным призраком, переполненным горем. С каждым его движением становилось все больнее и страшнее, но это была лишь вершина айсберга, потому что я начала вспоминать...

Тот отрезок жизни, который ранее был в тумане, вдруг наполнился красками кроваво-красного оттенка, цветами безнадежности и отчаяния. Я вспомнила все, вспомнила, кем я была, и кто меня такой сделал. Я поняла, что от меня пытались скрыть, чтобы я могла жить обычной жизнью без оглядки, но теперь ужас вернулся. Снова чувствуя эту боль, снова плавая в чувстве страха и мольбах о помощи, я вынуждена безвыходно терять себя.

С самого начала я была грязной, никто бы никогда не смог признать Лаффи обычным человеком, а все это по вине одного помешанного ублюдка. Я никогда бы не смогла добиться сердца человека, которого люблю, потому что он знает, через что я прошла, потому избегает и презирает, делая вид, что этих чувств в нем нет. Но Ашидо ни в чем не виноват, ведь он — самый обычный человек, живущий по своим правилам, в отличие от меня. Я привыкла быть чьей-то собачкой, привыкла бегать за хозяином на поводке, не в силах однажды вырваться и жить так, как прикажет сердце.

Если такова моя кара — значит я ее заслужила. Прости меня, Ашидо, я такая никчемная и слабая. Все время пытаюсь казаться лучше, чем есть на самом деле, но все это в бестолку. Прости меня, Юмико, я только и делала, что препятствовала вашему счастью, будучи ведомой собственными эгоистичными желаниями, разрушая то, что вы пытаетесь построить. Теперь у тебя больше нет конкурентов, никто не помешает этой любви, потому все теперь будет хорошо. Ваш ребенок вырастет столь же прекрасным, как и его родители, а вы надолго

останетесь вместе и добьетесь всего, чего желаете, а я... наконец упокоюсь...

— Уф, ну ты и бревно, — фыркнул незаметно для меня закончивший измываться Камыш. — Держи контрольный, — сказав это, он сделал еще один выстрел в спину, пробивший меня насквозь, — покойся с позором, ха-ха.

Теперь шансов выжить точно не было — я потеряла слишком много крови и осталась с дырой в груди. Обидчик с довольным лицом покинул переулок, притопывая так, будто еще одна невинная дева попала в его список растленных мучениц. Сейчас меня могло спасти лишь чудо, и это могла быть ненавистная мне Юмико, но, лишившись обеих рук и возможности двигаться, я никак не смогла бы нажать кнопку на переговорном устройстве, чтобы позвать на помощь.

Все так... печально. Воли к жизни совсем не осталось, сейчас есть лишь апатия и желание поскорее сомкнуть глаза, растворившись в собственной смерти. Если и есть жизнь после смерти, мне светит только пенсия в пышном саду где-нибудь на прекрасном одиноком облачке вдали от остальных людей.

Но все, чего я желала, останется в мире живых, все мои мечты уже разрушены и в раю не найдется ни единого уголка, где бы я могла найти свое счастье. Жаль мы так и не смогли провести время вместе...

Прости меня, Аши, я не смогла...

— Лаффи? — послышался заглушенный голос Ашидо в отдалении переулочка, который стал последним звуком, услышанным мной при жизни.

Найди свое счастье без меня, Ашидо...

Глава 46: Прощание

В день нашей незначительной, но весьма приятной победы, сотрудники «Спектра» с головой погрузились в веселье, позабыв обо всем происходящем за стенами пока еще безопасного убежища. Я, как человек, познавший на себе многие радости и невзгоды жизни, не делаю поспешных выводов и смотрю на ситуацию трезво, находя в ней некоторые нюансы. Зная короля Гармонии и будучи способным предугадать ход его мыслей, я хорошо понимаю, что мы не только поставили его в затруднительное положение, как планировалось, но и разворошили осиное гнездо, потому с этого дня все кардинально изменится не столько для «Спектра», сколько лично для меня.

— Мастер Кишин, — обратилась ко мне уже практически выпавшая из реальности Юмико, — а какая природная эссенция содержится в алкоголе? Думая о том, что вы говорили ранее, в голову не приходит ничего такого, что нельзя было бы объяснить простой химией.

— Ты думаешь в правильном направлении, — подсказал я. — Химия и алхимия во многих аспектах пересекаются, хоть и не являются одним и тем же, потому, очевидно, эссенция внутри напитка определяется его составом. Так, например, если виски производят из зерновых культур вроде ржи и ячменя, одной из составляющих будет растительная эссенция.

— А как тогда объяснить результат брожения? — непонимающе посмотрела на меня она.

— Расщепление, — пояснил я. — Сложная эссенция вроде растительной просто расщепляется на более простую и может образовать совершенно другую. Производные растительной эссенции в процессе брожения просто складываются в своего рода дурман, отсюда и появляется эффект алкоголя. Спиртовые дрожжи в этом случае больше служат катализатором, нежели основой.

— Звучит как альтернативное обоснование простых манипуляций с солодом, — вздохнула Юмико. — Я как-то больше склоняюсь к стандартам химии, ведь ее хотя бы расписывают в учебниках.

— Почитай «Энтропологию», Юмико, — усмехнулся я. — Та же химия, но написана лично мной.

— Не уверена, что у меня будет на это время, — отстранилась она.

— Это очень интересная книжка! — вклинилась в разговор Луна. — Пусть я ничего не поняла, но было очень интересно!

— Записки сумасшедшего, ха-ха, — внезапно засмеялась Солен, тыча в меня пальцем.

— Не смешно, — в один тон и одну секунду пробормотали мы с Луной.

Куда не глянь — везде большой потенциал. Наблюдая за тем, в каком русле и с какой скоростью развивается нынешняя молодежь, я вгоняю себя в тоскливое состояние, однако нахожу утешение в той компании, которой хоть и немного, но доверился. Многие из присутствующих достаточно добились в столь юном возрасте, некоторые персоны вроде Мисато опережают сверстников на несколько голов, как когда-то я на пару с братом опережал шарлатанов, выдающих себя за гениальных магов.

— ВОЙД!! — как гром среди ясного неба в переговорном устройстве раздался истошный крик Ашидо. — ПОРТАЛ НА МОЮ ПОЗИЦИЮ — СЕЙЧАС!!

— Что случилось, Ашидо? — схватилась за ухо Юмико.

— ВСЕ МЕДИКИ В КАБИНЕТ! БЫСТРЕЕ!! — продолжил вопить он, не слушая никого из нас.

— Какого хрена? — затерялся я, предчувствуя неладное.

Несколько секунд спустя в холле показались очертания портала, тогда-то все замерли в ожидании, не понимая, о чем пытался сказать наш лидер, и, вот, из пелены показалась рука, а следом за ней плечи, но те были не продолжением рук в черных рукавах, а лишь остатками привычных конечностей. Не тратя ни секунды на объяснения, Ашидо, держащий на руках свою бесценную подругу, тотчас рванул вдоль по коридору в направлении медпункта, и, только когда на полу показались багровые пятна, следующие за ним, мы наконец все поняли.

— Твою, сука, мать, — прорычал я и кинулся следом за ним, обронив свой бокал с вином, который мгновенно разлетелся на мелкие осколки, столкнувшись с твердым полом.

Впервые за многие годы жизни я перешел на бег, появляющийся только в критических ситуациях, когда каждая секунда на вес золота. За считанные секунды тело скрылось за углом, а затем продолжило свой путь следом за Ашидо.

— Юмико, Джозеф, срочно в медпункт! — скомандовал я на ходу, прокричав в переговорное устройство.

Следуя по кровавому следу, что привел меня прямо к дверям медпункта, я тотчас нырнул внутрь и застал перед собой шокирующую картину: девушка, что всего час назад переполнялась радостью и предвкушала прогулку с возлюбленным, теперь безжизненно растворялась где-то на пересечении мира живых и мертвых, и именно в этот момент ее жизнь зависела в первую очередь от меня. В глазах Лаффи не было ни проблеска сознания, они казались стеклянными и пустыми, ее губы замерли в одном положении и стремительно теряли пестрый пигмент, как это делала фарфоровая кожа, в миг ставшая совсем бледной, а в самой середине тела, где находился живот, зияла дыра, кровь из которой водопадом лилась на белую нетронутую простынь медицинской кушетки.

— ЧТО ВСТАЛ? — столь же громко, панически боясь, прокричал Ашидо. — ПОМОГИ ИЛИЯ!

— Отойди! — приказал я, после чего бросился к потерпевшей.

Расположившись рядом, я сразу же принялся нащупывать любые намеки на жизнь, но признаков биения сердца уже не было, легкие не наполнялись воздухом, а тело не реагировало на прикосновения. Поняв, что Лаффи находится уже за три версты от критического состояния, я схватился за ручки стеклянного шкафа, где хранились все наши медикаменты, достав оттуда нашатырный спирт и вату, а следом за ними выхватил из ящика стола медицинский фонарик.

— Что ты делаешь, придурок?! — осекся наблюдающий за мной Ашидо. — Лечи ее! Ты же медик!

— Закрой рот, кусок дауна, — вспыхнул я, будучи не в силах проигнорировать такие слова. — Я делаю все, что в моих силах!

Стараясь сохранять хладнокровие, я вернулся к едва живому телу и продолжил попытки оживления, но смоченная нашатырем ватка не давала результата — Лаффи абсолютно никак на нее не реагировала, вгоняя меня в состояние легкой паники. Пусть я уже почти было потерял надежду, все равно продолжил процесс, включив фонарик и приставив его к глазу пострадавшей, однако и он никак не реагировал на яркий свет, от которого здоровый зрачок в мгновение сузился бы.

— Ашидо, что произошло? — послышался голос вошедшей в кабинет Юмико, едва стоящей на ногах.

— Юми, быстрее! Помоги Илии! — взмолился Ашидо, но, едва увидев ее в пьяном состоянии, тут же переменялся в лице. — Какого хера, Юмико? Ты что, пьяная?

В этот момент руки Ашидо неестественно задержались, зубы заскрипели, а сам парень вцепился в воротник ничего не понимающей девушки, планируя выместить на ней всю свою горечь и злобу.

— Ты хоть понимаешь, что здесь происходит?! Лаффи умирает, а ты, будучи единственным нормальным врачом, надралась как сука и посмела прийти сюда? Я не пущу тебя к ней! Ни при каких условиях!

— Л-лаффи? — запинаясь, дергающимся от страха голосом промямлила Юмико. — О боже...

— НЕТ! — взвыл он. — Слышишь? Не дам!

— Пусти ее, Ашидо! — приказал я. — Мне нужна помощь!

— Уйди! — Юмико силой оттолкнула парня и бросилась к телу, расположившись рядом со мной.

К этой секунде в кабинет подтянулся мистер Даян, которому тяжело было появиться вовремя из-за излишка веса, но благо он хотя бы пришел, а потому я могу сконцентрироваться на тех остаточных шансах, которые у нас все еще имеются.

— Джозеф, сюда! — прокричала Юмико, подзвав к себе последнего доктора.

— Господи, что произошло? Доложите ситуацию? — прохрипел Джозеф, встав рядом.

— Не дышит, пульса нет, зрачки не реагируют, нашатырь игнорирует, — пояснил я.

— Так, что нам тогда остается? — замялся он. — Лаффи уже... мертва.

— Рано делать выводы, — отрезал я. — Подключите к ИВЛ, массируйте сердце напрямую через дыру в животе — постарайтесь сохранить ее состояние как можно дольше.

— Понял, — однозначно ответил Джозеф. — А что вы собираетесь делать, мастер Кишин?

— Мне нужно мое оборудование — без него я здесь бесполезен.

— Хорошо, мы все сделаем, — подтвердила Юмико. — Я буду вливать в нее энтропиум для стабилизации состояния и ускорения заживления.

— Ни в коем случае! — оборвал я. — Даже не думай влить в нее хотя бы частичку — тогда она точно умрет!

— Почему? — непонимающе спросила она. — Я уже многих так лечила и еще ни разу никого не подвела! В прошлый раз именно это ей помогло!

— Я сказал не смей, — грозно прорычал я. — За работу, коллеги, выложите на максимум.

— Так точно! — в один голос произнесли Джозеф и Юмико, после чего принялись осуществлять задуманное, а я, планируя заглянуть в лабораторию, двинулся на выход в коридор.

За дверью меня встретили любопытные и напуганные взгляды других подошедших, среди которых были только самые трезвые: Солен, Луна, Ринна и Хорнет, но едва в мой адрес послышался вопрос о том, что же происходит в стенах кабинета, как из-за двери на меня набросился взбешенный Ашидо, схватив за воротник, как он сделал это с Юмико.

— Уходишь, урод? — первое, что он сказал.

— Что ты делаешь, идиот? — оторопел я.

— Ты бросаешь ее? Ты серьезно просто уходишь, оставляя Лаффи в руках бухой Юмики и Джозефа? Ты хоть знаешь, как она дорога мне?

— Убери руки, — приказал я, дав единственный шанс избежать ответной реакции.

— Убрать? — прошипел он. — Давай убери! — после этого Ашидо в самом деле ослабил хватку, но за опустившимися руками последовал прямой удар в челюсть, который стал для меня самой настоящей неожиданностью.

В этот день я опрометчиво снял кольцо, думая, что в стенах «Спектра» ничего не угрожает жизни, но теперь, когда в ответ на искреннее желание помочь я получаю плевок в лицо, сомнения берут верх и, кажется, я немного теряю контроль над собой.

— Что еще за лаборатория? За кого ты меня держишь? — продолжил свой лепет сгорающий от ненависти Ашидо, пока я молча пилил того многозначным взглядом. — Можешь валить куда угодно, если так хочешь, но не нужно для этого врать и строить из себя умника, когда в реальности гроша не стоишь!

Этого было достаточно, чтобы вывести меня из себя — теперь уже поздно цепляться за шансы. Стиснув зубы от грязных слов, я ответил на удар тем же точным и сильным ударом в челюсть, но не остановился, ударив единожды, а продолжил избивать Ашидо до тех пор, пока силы не покинут его, на что тот отреагировал однозначно, уйдя в защиту.

— Хватит! — увидев то, как обстановка накаляется, Ринна, постаралась влезть между нами, чтобы разнять, но сама оказалась под ударом.

— Не вмешивайся! — прокричал Ашидо, оттолкнув ее в сторону.

Бой продолжился, удары пролетали один за другим, но именно мои чаще нему попадали, из-за чего Ашидо в один момент схватился за меч, желая покончить с этим любой ценой, даже если эта цена унижительна для честного человека. Завидев лезвие, нацеленное только на то, чтобы покалечить, я всерьез испугался. Стоило лишь мельком почувствовать угрозу, все спящие инстинкты в миг проснулись, сердце забило быстрее, а разум затуманился, отстранившись от всего, что находится вне нашего боя.

Дав Ашидо сделать лишь пару взмахов мечом, я увернулся, а затем оборвал комбо, схватив того за правую руку, мгновенно сломав ее в области локтя, когда следом за этим нанес сокрушительный удар по левой ключице с разворота. Отрезав пути нападения, я продолжил натиск, нырнув за спину, где нанес сильнейший удар по позвоночнику, что тотчас разделился напополам. Когда парень оказался бессилён, завершающим этапом стал бросок через бедро, который полностью нейтрализовал вмиг обезумевшего Ашидо.

— Возьми себя в руки, кусок дерьма! — прокричал я, усевшись на ослабевшую тушу сверху и схватив его за шею, в то время как вторая рука улеглась на лицо с угрожающе выставленным большим пальцем на уровне глаз. — Я хочу помочь Харуне и собираюсь сделать все для этого возможное, а ты прямо сейчас путаешься под ногами и ноешь как сука!

— Да что она для тебя вообще значила? — пробормотал он. — Ты это делаешь только ради себя одного, лицемерная мразь!

— Ашидо! — прокричал я, дополнительно ударив придурка в лицо. — Лаффи была частью нас! Она была не просто твоей плюшкой-подружкой, а частью одной семьи, которую мы зовем «Спектром» — она была личностью! Я делаю это не ради тебя, не ради себя, а ради нее, потому прямо сейчас, несмотря на твой мразотский гон, я собираюсь продолжить попытки вернуть ее в мир живых, но если ты еще хоть раз подумаешь броситься на меня с мечом — я сразу убью тебя, не поведя и бровью! Ты понял?

— Убей — если это не пустые слова, — фыркнул он, после чего демонстративно

плюнул мне в лицо кровью.

— Какой же ты все-таки даун, — тяжело вздохнул я, отпустив Ашидо из собственных лап.

Сейчас, когда весь пар выпущен и кости обидчика переломаны, я могу мыслить здраво, ведь этот спонтанный всплеск эмоций, который очень опасен для шаткого рассудка, не может мной управлять — да, так и есть. Всем присутствующим и без объяснений понятно, что потеря Лаффи стала для молодого парня спусковым крючком, и сейчас он сам не понимает, что творит, особенно в отношении меня. Как бы того не хотелось, я запомню все сказанное и сделанное сегодня, что послужит огромным минусом в будущих переговорах, но тем не менее — прошу.

— Хорнет, — окликнул я стоящую рядом девушку, убирая с лица постыдное пятно.

— Д-да? — отстраненно проямлила она.

— Проследи за тем, чтобы Ашидо больше никому не навредил — отрежьте ему руки и ноги, если придется. Сейчас мне нужно сконцентрироваться на Лаффи, пока ее смерть еще не подтверждена.

— Сделаем все возможное, Илия, — подтвердила она.

— Спасибо, — напоследок сказал я.

Честно говоря, вся мотивация что-либо делать внезапно пропала, но, вопреки собственному нежеланию, я взял себя в руки и выхватил из кармана «Энтропогранум». Бросив устройство в воздух посреди коридора, сразу же вошел в открывшийся перед всеми портал, значительно отличающийся по своей природе от того, что создает Войд — не только цветом, но и свойствами.

***

Шагнув по ту сторону пелены с темно-фиолетовым обрамлением, я оказался в самом близком для меня месте на всем белом свете — в собственной лаборатории посреди безграничной Бездны. «Энтропогранум» служил ключом, открывающим портал лишь в одну точку и возвращающий своего владельца обратно туда, откуда он вошел, и выглядело это устройство как обычный резной кубик, помещающийся в ладони, сделанный из энтропита, который по сути своей был ничем иным, как кристаллизованным энтропиумом, больше смахивающим на легкий металл.

Когда-то в этом месте проводились долгие опыты и эксперименты, а сейчас лаборатория пуста, и труп ее хозяина лежит в самом центре одинокого островка посреди мрачной и молчаливой Бездны. Здесь все существует вне времени, ведь даже спустя восемьсот лет мой труп так и не разложился, что натолкнуло на идею о том, как поступить с Лаффи, однако на фоне неопределенности существует ряд нюансов — теории подтверждаются только на практике.

Недолго думая над собственной идеей, я начал собирать личные вещи, а следом за ними захватил алхимические очки и ящик лабораторных принадлежностей, среди которых были склянки с чистой жидкой эссенцией. Будние дни грамотного лекаря давно минули, но способность вытаскивать людей из таких передряг, которые смертным даже не снились — не растерялись.

Таким образом в арсенале алхимика в отставке оказались все привычные средства защиты, потому я мог без задней мысли спокойно вернуться в медпункт, дабы провести над безжизненным телом ряд манипуляций, которые не обещали быть плодотворными, гарантируя лишь сохранность тела.

***

Покинув лабораторию тем же путем, я вновь оказался посреди коридора крыла «А», где находились все те же люди в тех же самых позах с теми же самыми выражениями лица, словно не прошло и пары секунд, как я вернулся — именно за это можно любить отдаленные уголки Бездны. Не тратя ни секунды на разговоры, я спешно вошел в комнату, где находилась Лаффи. К этому моменту мои «коллеги» уже успели подключить девушку к аппарату искусственной вентиляции легких, однако никто из них не решался совать руку в кучу мяса ради того, чтобы та однажды смогла вдохнуть сама хотя бы единожды.

— Почему никто не делает массаж? — наехал я на них с ходу.

— Илия, это бесполезно, — вздохнула Юмико, — она даже под ИВЛ не подает признаков жизни. Что мы можем с этим поделать?

— Давай, — выкрикнул я, закинув на стол вблизи с кушеткой увесистый ящик, а затем сразу же уселся рядом с Лаффи, — открывай ящик, бери малый шприц и ищи пробирку с красной жидкостью — на ней написано «Vitae essentia».

— Что ты задумал? — оторопела она.

— Джозеф, перчатки, — скомандовал я, на что получил мгновенную реакцию в виде требуемых перчаток.

Разорвав упаковку и натянув на левую кисть защитный слой резины, я тотчас запустил руку внутрь дыры в животе, проталкивая ее как можно дальше к сердцу, минуя при этом плотный слой внутренностей, пока не добрался до цели. Крепко схватившись за сердце, я принялся делать гармоничные сдавливающие движения, имитируя привычное сердцебиение, тогда-то на мониторе мелькнул пульс.

— Нашла? — окликнул я Юмико.

— Тут много красных пробирок! — прокричала она, затерявшись всего лишь в трех склянках.

— Самая яркая в первом ряду, — подсказал я. — Джозеф, подай из этого же ящика очки, нацепи мне их на голову!

— Да, мастер Кишин! — подхватил он, выхватив их с самого видного места, после чего принялся старательно натягивать их мне на голову.

Эти очки не были простыми — они показывали уровень и тип содержащийся в чем-либо эссенции. С их помощью я мог определить то, насколько жива Лаффи и жива ли она вообще, а следом за этим простроить оптимальный вариант восстановления. Едва в глазах мелькнул фиолетовый тон линз, я уже мог увидеть то, насколько все плохо, однако среди одного большого «плохо» ясно виднелось одно маленькое «хорошо».

— Ее мозг все еще жив! — подметил я, взглянув на уровень содержащейся в теле эссенции. — Юми, набери в шприц двадцать две сотых миллилитра и подай мне!

— Да, сейчас! — откликнулась она, тут же схватившись за пробирку и вставив в нее иглу через резиновую затычку.

Когда все было готово и в правой руке оказался наполненный нужной эссенцией шприц, я слил лишние сотые миллилитра, будучи готовым всадить иглу.

— Какая у нее группа крови? — уточнил я, продолжая массировать сердце.

— Третья отрицательная, — подсказал Джозеф.

— Отлично, возьмите ручную помпу и жгут, будем переливать.

— Кто будет донором? — замешкалась Юмико, не понимая, в чем вообще состоит моя идея.

— Я, — ответ был однозначен, и исходил он из уст стоящей за нашими спинами Хорнет, — у меня универсальная группа — давайте.

В условиях скоординированной командной работы мы могли добиться удивительных результатов. Уже через минуту дрожащая от напряжения Хорнет сидела на стуле с катетером в вене, будучи готовой к переливанию, но в такой патовой ситуации, когда у реципиента отсутствуют руки, пришлось всадить иглу прямо в сердце, пробив грудную клетку.

— Приступайте! — скомандовал я, притом сам в это время старательно целился иглой шприца с эссенцией в трубку, дабы совместить между собой кровь Хорнет и жидкую «жизнь».

— Пульс слабый, дыхание стабильное, изменений не наблюдается, — держала в курсе Юмико, монитора изменения на экране, пока Джозеф старательно качал кровь ручной помпой.

Я прекрасно знал, что делаю и какие у этого будут последствия для человека в предсмертном состоянии, но совсем не ручался за результат в случае с практически мертвым человеком, единственной живой частью которого остался мозг. Это не было лечением, не было реанимацией, пациент не находился в коме и не был полностью безжизненным — этот случай в моей медицинской практике значился уникальным и оттого в каком-то смысле захватывал дух, однако все шло не так радужно, как того хотелось.

— Она залечивается! — обомлела Хорнет, заметив то, как рана на животе начинает затягиваться.

— Рано радоваться, это нам только помешает, — отрезал я. — Дыра заполняется новыми тканями за счет недостающей эссенции, которую я восполнил, но, если к моменту ее полного заживления сердце девушки не забьется само — мы проиграли.

— И что же нам делать? — запаниковала Юмико, в секунду утратив веру в благополучный исход.

— Остается только надеяться, — тяжело вздохнул я.

Еще несколько минут прошли за тщетными попытками оживить труп, кровь переливалась в ускоренном темпе, все поврежденные места Лаффи затягивались на глазах, уровень ее жизненной силы стабилизировался и даже кожа приобрела первоначальный оттенок — но все в бестолку. Как бы мы не старались, мертвых к жизни не вернуть, как бы сильно того не хотелось. Сейчас, когда для руки более не осталось места, чтобы продолжить искусственное кровообращение, я вынул ее из груди девушки, смирившись со своим поражением, ведь сердце так и не забилося, вопреки всем призрачным надеждам.

Стоило прекратить процесс, как монитор сразу же монотонно запищал, говоря об отсутствии пульса. Все мы замерли в одном положении, опустив головы, осознавая, что более ничего не можем для нее сделать — Лаффи мертва.

— Что ж, похоже, теперь уже ничего не поделаешь, — проронив слезу, проговорила Юмико.

Прости, солнце, даже мне не удалось тебя выгнать. Надеюсь, по ту сторону жизни тебе будет лучше, чем в реальном мире, который принес лишь боль и страдания, будто бы избрав для себя того, на кого должны свалиться все земные беды. Возможно, Бездна окажется снисходительна и даст потерявшему дитя второй шанс, но за это придется заплатить слишком большую цену, и когда ты о ней узнаешь, будет уже поздно.

***

Несколько часов спустя, когда о смерти Лаффи уже было объявлено, «Спектр»

организовал первые в истории ордена похороны, решив придать тело девушки земле на возвышении Гармонийской горы, где уже ранее были захоронены Анна и Леонхардт Акина — где-то в тиши под одиноким деревом с качелей. Некогда скромное место для уединения стало чем-то символичным, будто участком высшего покоя для тех, кто его заслужил.

Наш лидер Ашидо Такаги был вне себя и до последнего не мог принять смерть бесценного сердцу человека, оттого и свалил вину за ее смерть на медперсонал, но больше всего досталось именно мне, как наглецу, возмнившему, что он может перечить влиятельному мальчишке. Коротко говоря, мне не позволили присутствовать на похоронах бок о бок с остальными, потому пришлось сидеть в стороне, витая в собственных мыслях, которые были отнюдь не самыми лучшими.

Проведя посмертный осмотр и проанализировав ранения девушки, мы были шокированы обстоятельствами ее смерти, ведь пришедший по ее голову человек определенно знал, за кем и для чего пришел. Я могу лишь строить догадки, ведь «шиирацу» не работает на тех, кто не смотрит в глаза, а Ашидо сам не в курсе того, что там произошло. Исходя из того, что в наши руки девушка попала уже без рук — их она лишилась в первую очередь, и произошло это вследствие прямого попадания из огнестрельного оружия. Мы поняли это по шарикам дроби, которые вываливались наружу в процессе заживления тканей. Нападавший изначально не дал своей жертве шансов сбежать, не оставил ей ни малейшей возможности защитить себя этим мелким подобием клинка.

Самым страшным фактом было то, что Лаффи изнасиловали прямо перед смертью, а это значит, что она, вероятно, преодолела барьер «шиирацу» и вспомнила все, что было до того, как мы впервые встретились. Смерть в страданиях, когда сердце переполняет душевная боль воспоминаний о зверских моментах из жизни, о лицах людей, причинявших тебе боль, о тех грустных словах отвержения — это самый страшный сценарий. Неудивительно, что девушка не собиралась приходить в себя, даже когда тело целиком восстановилось и жизненная энергия восполнилась — в реальности есть только боль.

— Илия, чего грустишь? — вырвала меня из мыслей внезапно подошедшая вплотную Луна.

— Да так, — вздохнул я. — Думаю о том, как Лаффи могла бы прожить эту жизнь, если бы судьба не оказалась к ней так жестока.

— Да уж, очень тяжело отпускать людей на тот свет, — она положила мне на плечо руку. — Ребята просили передать тебе спасибо за то, что помог организовать для нее гроб — если бы не ты, девочке пришлось бы гнить в земле.

— Пожалуйста, — еще тяжелее вздохнул я.

— Брось, Илия, — улыбнулась Луна. — Ты сделал все, что мог. Нельзя жалеть о том, что уже случилось, когда от тебя ничего не зависело.

— Спасибо за поддержку, Луна, но мне сейчас лучше побыть одному — хорошо?

— Точно? — уточнила она.

— Тебе лучше побыть с остальными, — проговорил я, многозначно взглянув на нее.

— Хорошо, — еще шире улыбнулась Луна. — Мы с Солен покинем вас после похорон, поэтому... увидимся как-нибудь!

— Увидимся, — улыбнулся я напоследок, проводив глазами свою заботливую подругу.

Не знаю, как все сложится дальше, учитывая то, как сильно все пали духом, потеряв одного человека, даже осознавая, что с такой масштабной целью потери неизбежны. Видя то, как Ашидо вел себя в критической ситуации, я всерьез задумался о том, что будет, когда я

наконец раскрою свой единственный секрет, тем более после того, как говорил, что никогда не лгу. Останусь ли я один, когда они узнают о нем? Обо мне? Смогут ли эти юнцы смириться с неотвратимостью «Парадокса»? Бьюсь об заклад, Такаги решит, что я всех использовал и разорется как ребенок — будь, что будет, но пока не время об этом думать. Куда важнее персона Лаффи, выбивающаяся из всех правил природного баланса, а виной тому этот феномен... Как человеческий мозг может оставаться живым спустя долгие часы после смерти?

Даже сейчас, когда мертвое тело безжизненно ютится в гробу в окружении людей, которые ее любили, я вижу лишь спящую искру, которая в любой момент может угаснуть навсегда, и лишь Бездна знает, какая судьба для нее уготована.

Пусть все уже потеряли надежду, пусть все прямо сейчас утопают в океане слез горечи — я не пролью ни слезы, потому что еще ничего не кончено. Лаффи — лишь начало, за которым последуют и другие потери, пока мы не достигнем заветного финала, а до того я сам для себя поклялся сделать все возможное для свершения собственной эгоистичной цели, даже если ради этого придется пойти наперекор всем принципам общепринятой морали.

Поставить на кон все — вот мое кредо. Даже если остальные отступятся от меня, даже если на пути придется разрушать жизни и осквернять, убивать и терять — я не отступлюсь.

Однажды мы снова станем одним целым, вестник Фуку, а до того еще предстоит пройти долгий и тернистый путь...

Глава 47: Старый друг

Поговаривают, что неумение принять потерю — одна из форм безумия, и я охотно в это верю, однако порой у человека нет иного выхода кроме как крепко ухватиться за остаточные воспоминания и двигаться дальше, намереваясь выжить любой ценой и сохранить в себе память о ближнем.

С момента смерти Харуны прошло около трех недель, и все это время я тщательно наблюдала за атмосферой внутри ордена, а она, отнюдь, была не самой лицеприятной. С того самого дня работа перестала кипеть и все мы, за исключением команды Мисато, осознанно залегли на дно, стараясь смириться не столько с уходом сотрудницы на тот свет, сколько с тем, что после нее осталось. Речь идет, разумеется, о нашем лидере Ашидо, а также о моей единственной настоящей подруге Юмико — оба все это время находились в состоянии тяжелейшего морального упадка, который выражался не только в виде затворничества, но и в приступах истерии на пару с агрессией, что характерно больше для первого, ведь именно он воспринял случившиеся чрезвычайно эмоционально.

Я, как человек, внутри которого таится неочевидная эмпатия, прекрасно понимаю его чувства и от части разделяю, даже не имея ни малейшего представления о той связи, которая между ними образовалась. Глядя на то, как лидер целыми днями убивает время сидя за компом в комнате без окон, не подпуская к себе никого, питаюсь раз в неделю во время скрытных рейдов на кухню, я все больше утопаю в этой чернухе, от чего неизбежно изматываюсь наравне с остальными чувствительными персонами.

Что касается Юмико, она определенно что-то скрывает, стараясь изо всех сил избегать любых разговоров о Лаффи. Разумно было бы предположить, что она таким образом старается прийти в себя и избавиться от угрызений совести за то, что пришла на помощь, будучи пьяной, не имея возможности не только помочь, но и мыслить здраво. Однако, вопреки поверхностным предположениям, я склоняюсь к мысли, что все не так просто. Зная подругу до мозга костей, я догадываюсь, что под маской раскאיивающейся за свой проступок скрывается нечто иное, подкрепленное теми же чувствами.

Хотелось бы верить, что все образумится само собой, но такой бездейственный подход безнадежен, потому я решила взять ситуацию в свои руки и немного разрядить обстановку, чтобы задать некий старт для дальнейшего восстановления.

— Можно войти? — прошептала я, постучав в дверь кабинета босса и слегка ее приоткрыв.

— Заходи, — пробурчал Ашидо.

В любой другой день он мог бы и не пустить меня, однако сегодня все обстояло иначе — Такаги взялся за работу, обнаружив в себе невероятное желание отомстить, но тот почему-то предпочитал вести свое расследование в одиночку, не подпуская никого на расстояние вытянутой руки, в особенности мастера Кишина.

— В чем дело, Эмбер? — спросил он, сидя за столом в центре комнаты, не став выжидать, пока я заговорю первой.

— Тут такое дело, — с ходу замялась я, хотя еще секундой ранее была в себе уверена, — хотела предложить тебе немного развеяться. Как насчет...

— Нет, — оборвал он. — Не хватало мне еще, чтобы и тебя пристрелили. Сиди дома и не выходи, пока все не уляжется.

На этом моменте уже можно было упасть духом, но я не собиралась сдаваться и решила настоять на своем.

— Ашидо послушай, — начала я, — никто не знает наших лиц, тем более моего — даже ты. Нам определенно нужно вылезти из того дерьма, в котором сейчас находимся по голову. Сидение здесь ничего не изменит, твои чувства будут сжирать тебя изнутри, и, если все остальные продолжат это игнорировать — нас рано или поздно найдут, застав в ордене не опасных преступников, а кучку крикливых детей, которые сами не поняли, во что залезли.

— Что ты хочешь этим сказать? — возмутился Ашидо, скрестив руки.

— А то, что слезами горю не поможешь. Раз уж ты ступил на этот путь — идти нужно до конца. Лаффи была лишь началом, любой из нас может последовать за ней, и, если на каждом последующем будет одно и то же — мы просто себя закопаем.

— Во-первых, — прошипел он. — Лаффи была не первой, до нее напрасно лишились жизнью Леонхардт и семья Ишимару, и горевали мы по ним ровно так же, как и по ней. Во-вторых, ты даже не предполагаешь, как эта девушка была мне дорога. Она была для меня всем — дороже друзей, дороже идеалов, дороже собственной матери.

— И что? — осеклась я. — Думаешь, если будешь лить по ней слезы, все вдруг станет радужным? Возьми яйца в кулак и надери зад тому, кто это сотворил, как ты сделал со Стивенном и Хандзо. Найди уroda и отомсти ему!

— А я что по-твоему делаю? — вскрикнул Ашидо. — Я бы прямо сейчас вырвал ублюдку глаза и затолкал в задницу, да только у нас нет никаких зацепок, способных привести к убийце.

— Есть, — мое уверенное заявление разлетелось по стенам кабинета вспышкой надежды.

— Не подавай мне слепых надежд, — вздохнул босс, не оценив услышанного.

— Они не слепые! — улыбнулась я, когда тотчас рухнула перед ним на стол, облокотившись на руки. — Я долго думала и нашла способ выйти на него! Ты удивишься, насколько все на самом деле просто!

— Удиви меня, — снова вздохнул он.

— Тогда слушай, — довольно ухмыльнулась я, после чего сразу же приступила к разъяснениям. — Лаффи убили в Торговом районе, так?

— Так.

— Это произошло в тот момент, когда ты покупал пирожные в кондитерской, так?

— Так.

— Поскольку кондитерская была менее чем в пятнадцати метрах, ты бы почувствовал, если бы тот был шепотом, который значительно сильнее тебя.

— Так.

— Отсюда вывод, что нападавший не был шепотом, ведь ни он, ни ты не почувствовали друг друга. Лаффи тоже не заподозрила ничего неладного, хотя она была крайне слабым шепотом — ее застали врасплох. Скорее всего этот человек вовсе не имеет способностей, раз пользуется огнестрелом, либо его способность находится на том же уровне, что и моя.

— Думаешь?

— Звучит разумно, — поддакнул он. — Тогда, как он вышел на Лаффи?

— Тут тоже все достаточно просто, — смекнула я. — Помнишь, как капитан Морроу говорила о том, что дворец готов перейти к решительным действиям? Бьюсь об заклад, эти черти организовали в районе патрули, а Лаффи просто оказалась не в том месте, не в то

время. Ее легко было узнать по таким ярким чертам, потому-то глаз убийцы сразу за нее зацепился.

— Итого, что мы имеем, — заговорил Ашидо. — Нападавший состоит в гвардии, притом не в числе рядовых, раз пользуется пороховой дробью, а не пневматикой. Вполне возможно, что он работает в Торговом районе и выискивает любых подозрительных людей, похожих на тех, кто сейчас висит на плакатах, к тому же — скорее всего работает не один.

— Именно, — подтвердила я. — Лучшим способом найти подлеца будет ответный рейд. Не найдем убийцу — найдем его подельников.

— Это очень опасно, учитывая то, что среди них может быть шепот, способный почувствовать меня, — подметил Ашидо.

— Ага, и ты без проблем расправишься с ним, потому что он будет слабее, — вновь ухмыльнулась я.

— А если все пойдет не по плану? — фыркнул он.

— Вот, — сию секунду на столе показались странные ремешки, выброшенные из моих рук, похожие на ошейники, — новое изобретение рыжей фурии.

— Что это? — оторопел босс.

— Это устройство возврата, или как его любит называть Мисато — «бэкдор». Как я сама поняла, на «ошейнике» присутствует устройство с большой кнопкой, нажатие на которую мгновенно возвращает тебя домой.

— Оно уже протестировано?

— Конечно — могу показать.

— Валяй.

Подойдя к Ашидо сбоку, я без усилий отодрала того от кресла и вывела из кабинета к балкону, где сразу же принялась старательно застегивать «бэкдор» на шею. Как только все было готово, я демонстративно склонила свой подбородок к кнопке, тем самым нажав ее, тогда-то в глазах мелькнула вспышка, и я оказалась нигде иначе, как в центре холла.

— Как тебе? — крикнула я, обращаясь к стоящему на высоте трех этажей Ашидо.

Его ответ был не таким воодушевленным, потому я ничего не услышала, а сразу после глухого телефона босс в привычной манере скатился по колонне вниз, сразу же начав расспрашивать.

— Как оно работает? — это был первый вопрос.

— Ну, — замешкалась я, — если описывать точно, то устройство наделено каким-то сканером, который в течении секунды полностью обозначает границы тела и передает информацию Войд, включая точные координаты. Мисато очень долго парилась над принципом работы и тренировала Войд круглые сутки, пока процесс не дошел до автоматизма. Когда все было готово, она немного доработала эргономичность, сделав «бэкдор» в виде ошейника. Знаю, это немного напрягает, но так ты сможешь вернуться в безопасное место даже если тебе отрубят все конечности, просто нажав на кнопку подбородком.

— А если я буду держать его в руках? — уточнил он. — Это сработает?

— Да, сработает, — ухмыльнулась я.

— Даю десять минут на сборы, — раздался неожиданный приказ, — встретимся в глубине переулка возле крыла «Б».

— Что? — непонимающе залепетала я. — Куда? Что мы собираемся делать?

— Устроим патруль, — пояснил Ашидо. — Ты же этого хотела, да?

— Д-да, конечно, — победно захихикала я, понимая, что смогла магическим образом воодушевить потерянного босса.

Сказав это, он стремительно двинулся наверх, приступив к собственным сборам, а я в это время просто расплылась в гордости за саму себя.

***

По прошествии обозначенного времени в переулке послышались шаги, а следом за ними из-за угла показался совсем непривычный и в какой-то мере стильный Ашидо. Все привыкли видеть друга в вечно черной одежде без какого-либо намека на разнообразие, но в этот раз он предстал предо мной в яркой белой футболке с пестрым холодным принтом, поверх которой была надета серая жилетка. Образ дополняли суженные джинсы и белые кроссовки с завышенной подошвой — вау.

Увидев меня, он затерялся в непонимании и, извинившись, просто прошел мимо, будто мы никогда и не были знакомы — люблю такую реакцию на перевоплощение.

— Ты куда, ковбой? — подтрунивала я. — Рейд отменяется?

— Эмбер? — оторопел он, развернувшись.

— Она самая, ха! — ухмыльнулась я, глядя на до жути смешную физиономию.

Любой бы на его месте повел себя так же, ведь я не была в своем привычном образе, вместо этого кардинально его изменив. Впервые за многие годы тело покрывал стильный сарафан соломенного цвета с рисунком в виде маленьких белых цветочков, на ногах были сандалии, а под рукой пустая сумочка, и это я даже не затронула самое главное, а именно длинные красные волосы аж до попы, которые гармонично сочетались с малахитовым цветом глаз. Разумеется, черты лица тоже слегка изменились, но в основном затронуты были только скулы и брови, ставшие не такими выразительными, какими были до этого.

— С ума сойти, — обомлел Ашидо. — Не знал, что ты способна и на такое.

— Я и мужиком могу стать при желании, — усмехнулась я. — Но, знаешь, девушкой быть круче, не только в плане секса, но и по своему месту в обществе.

— Могу только позавидовать, — вздохнул он. — Идем?

— Идем.

***

Спустя некоторое время мы уже во всю разгулялись по улицам Торгового района, которые были как всегда оживленными и полными красок. Говоря начистоту, я была одной из немногих, кто мог спокойно бродить где угодно без оглядки, чего не скажешь об Ашидо, который изрядно нервничал, но старался не выдавать себя, имитируя обычное бытие обычного человека.

— Главное помни, — заговорил он, — здесь мы — самые обычные люди, ничем неотличимые от остальных. Просто вышли на совместную прогулку, чтобы разделить время. Почувствуешь опасность — используй «бэкдор».

— Знаю-знаю, — улыбнулась я, — только вот мне не приходится притворяться.

Ступая по главным улицам, мы всматривались в любых подозрительных прохожих, но на наше зло никого необычного в глазах не мелькало. Иногда на пути встречались рядовые гвардейцы, иногда пьяницы, бывали даже те, кто носит на себе костюмы пушистых зверей и фотается с людьми за деньги, но никто из них не давал ни единого намека на причастность к нашему убийце — это либо умелая маскировка, либо наше невероятное невезение.

— Как думаешь, они маскируются или действуют открыто? — задалась вопросом я, взглянув на сногшибательно выраженного Ашидо.

— Явно открыто, — прорычал он. — Раз уж нападавший додумался открыть огонь среди бела дня — он даже не думал скрываться.

— В таком случае нет смысла высматривать тех, кто привлекает меньше всего внимания?

— Высматривай, чего уж, — вздохнул он, — мало ли.

— Слушай, — вдруг окликнула его я после небольшой паузы, — а что ты чувствовал, свершив месть?

— В каком плане?

— Ну, знаешь, я много слышала о том, что даже свершив месть, человек не находит утешения и еще больше теряется в самом себе, — сказав это, я немного поникла.

— Даже не знаю, — замялся Ашидо. — Когда этих двоих не стало, я немного пришел себя и успокоился, но с тех самых пор каждый день думаю, поступил ли я правильно, отобрав их жизни. Они может и не стали бы плохими парнями, если бы жили в другом месте и в других условиях — могли быть простыми людьми и жить мирно. Жизнь в Гармонии сделала их такими, и я боюсь, что сам однажды стану монстром, если все еще им не стал.

— Ох, мне знакомы эти чувства, — опустила голову я.

Вспоминая эпизод с собственной мстью, я все думаю, был ли иной выход? Тот человек пусть и обезобразил меня, но даже так, я не утратила своей возможности выглядеть так, как только захочу, и лишь забрала жизнь в обмен на то, чтобы успокоить капризное девичье эго.

— Что касается мести за Лаффи, — заговорил Ашидо, — я знаю, что она не принесет мне покоя, но оставлять убийцу безнаказанным и позволять ему спокойно существовать бок о бок с мирными людьми — нельзя.

— Наверное, ты прав, — согласилась я.

В этот момент Ашидо как-то неожиданно напрягся, за приметив что-то необычное. Взглянув по направлению его внимания, я и сама увидела в толпе странного типа, который сразу после драки с неизвестными гражданами решил откупиться деньгами в качестве извинений, и сумма была отнюдь не маленькой — латунный кредит, номиналом в сотню.

— Будь наготове, я не чувствую в нем энтропиума, — приказал Ашидо.

— Ясно, — подтвердила я.

Ход босса был крайне странным, ведь тот делал вид, что просто проходит мимо вместе со мной, хотя сам пристально пилит взглядом незнакомца, не скрывая своего интереса. В тот момент, когда мы подошли достаточно близко, тот обратил на нас внимание и молниеносно преградил путь, встав напротив, от чего я немного занервничала. Мы ожидали чего угодно, но, вопреки всем возможным опасениям, незнакомец внезапно заговорил вежливым тоном.

— Простите за беспокойство, молодежь, — усмехнулся он. — Вы случайно не видели в округе придурковатого типа в синем плаще?

— Нет, не видели, — ответил Ашидо.

Оказавшись в этой ситуации, я впала в самый настоящий ступор. Подозрительный тип казался еще более подозрительным вблизи, не столько из-за красных глаз, сколько из-за своего поведения. Ранее мы его не видели, потому не могли точно определить принадлежность к гвардии, бойцы которой в большинстве своем носят однотипную одежду, а не строгий костюм каштанового цвета в тон волос.

— Точно не видели? — переспросил некто. — Он ведет себя очень вызывающе и привлекает слишком много внимания.

— Говорю же, не видели, оставьте нас в покое, — повторил Ашидо.

— Ладно-ладно, простите за беспокойство, — вновь усмехнулся он и сразу же отстал.

Казалось бы, разговору конец, однако неизвестный, сделав вид, что уходит, возвращаясь к своим делам, внезапно развернулся и взмахнул рукой. От неожиданности и испуга Ашидо сию секунду рухнул назад, приземлившись на ягодицы, а я в этот же момент громко вскрикнула, подумав, что дело идет к драке. Взглянув на то, что было в руках у незнакомца, я заприметила необычную вещь — стрелу, наконечник которой ярко сверкал под лучами солнца. Поняв, что сейчас произошло, я переключила свое внимание на Ашидо, на лице которого виднелся свежий порез в районе левой щеки, из которого вяло сочилась кровь, растекаясь по коже.

— Что за херня, мужик? — воскликнул Ашидо.

Ответа не последовало, наш инкогнито просто стоял в одном положении и пристально пялился на босса, не отводя взгляд ни на секунду, пока наконец не переключил внимание на меня.

— Девушка, позвольте мне удостовериться в том, что вы не один из разыскиваемых преступников.

После этих слов он подошел ко мне вплотную, уставившись прямо в глаза и, не услышав требуемого ответа, просто схватил меня за руку и тотчас сделал грубый надрез на большом пальце правой руки тем же наконечником стрелы. Уставившись на вытекающую кровь тот замер в одном положении и простоял так около минуты, пока наконец не отпустил меня из своих грубых лап.

— От лица высшей гвардии приношу свои искренние извинения за содеянное, — внезапно приклонился он. — Меня зовут Бенедикт Майерс, позывной «Майерс», вы можете написать на мое имя жалобу и отправить ее на рассмотрение во дворец, но я предлагаю разойтись мирно, — сказав это, он вынул из кармана все тот же латунный кредит, предложив его в качестве извинений.

— Не бери ничего! — вскрикнул Ашидо. — Уходим от этого психа!

— Грубо, — вздохнул он.

— Жди жалобу, придурок! — напоследок прокричал Ашидо, уводя меня подальше от Бенедикта.

Честно говоря, я совсем ничего не поняла, но одно было ясно наверняка — это шепот, который, судя по произошедшему, по силе был равен Ашидо, раз уж они оба друг друга не почувствовали. В руках Майерса никак не могло оказаться стрелы, которой еще секундой ранее не было — это многое объясняет.

— Что это было? — испугано произнесла я.

— погоди, отойдем подальше, — оборвал Ашидо, продолжая уводить меня.

Когда мы наконец преодолели пару кварталов, можно было немного расслабиться и понять, что произошло на той улице, потому я сразу принялась расспрашивать своего напарника, ожидая получить ответы.

— Ашидо, пожалуйста, скажи мне, что ты понял, чего он этим пытался добиться. В чем был смысл кидаться на людей на улице и извиняться деньгами?

— Этот сукин сын умен, хах, — усмехнулся он.

— Чего? — опешила я.

— Я только что чуть снова не засветился на каждом углу города, сейчас объясню, — сказав это, Ашидо немного перевел дыхание и собрался с мыслями. — Он хотел взять нас на

неожиданности, действуя только из интуиции. Когда Майерс замахнулся на меня стрелой, он планировал, что я испугаюсь и сразу отвечу, а раны залечатся — это бы сразу меня выдало. Если бы он сделал порез не стрелой, а чем-то из того, что было под рукой, я бы так быстро не догадался и не смог бы выйти сухим из воды.

— Я все еще не совсем понимаю.

— Он знает, как устроены шепоты, потому-то и сделал неглубокий порез, который подобные мне залечили бы за секунды. Это очень гениальный способ вычислять шепотов, но Майерс действует в ущерб собственной репутации. Я понял его тактику и перенаправил свою энергию подальше от щеки, чтобы не дать ей залечиться.

— Даже не знаю, что сказать, — замялась я.

— Ничего не говори — ты была права, — прошипел Ашидо. — За три недели взаперти я так ничего и не добился, а лишь единожды выйдя на улицу уже получил наводку на одного из высших гвардейцев. Сегодня объявим всем о том, что удалось разузнать, и там же опросим Нао — вдруг ей тоже что-то известно.

— Нам нужно вернуться домой сейчас же, — заметалась я. — Если Майерс что-то заподозрил, он будет следить за нами до дверей ордена. Предлагаю зайти в какое-нибудь глухое место и использовать «бэкдор».

— Нет, — отрезал Ашидо. — Пойдем в противоположную сторону, чтобы сбить его с толку, а затем вернемся — вперед.

Я была в замешательстве от такого плана, но звучал он куда разумнее, чем мой. Конечно, веры в то, что за нами следуют наблюдатели, было мало, однако шанс не равен нулю, учитывая то, как сильно «Спектр» встал поперек горла дворцу.

***

Еще около часа прошло за пустыми скитаниями по улицам Торгового района в разных направлениях в отдалении от нашего привычного микрорайона. Мы старались вести себя естественно и даже имитировали здоровые повседневные прогулки влюбленной парочки, где парень-абьюзер вечно динамит свою любвеобильную даму. Все казалось до чертиков интересным и непримечательным, пока в какой-то момент Ашидо не изменился в лице, перестроив довольную лыбу в напряженную мину.

— Что такое? — спросила я, желая все-таки узнать, от чего тот так себя ведет.

— Не оборачивайся, — приказал он, — за нами следят.

— Сколько их? — хладнокровно произнесла я.

— Скорее всего двое, но они как-то... связаны, — отстраненно пробормотал Ашидо.

— Связаны? — переспросила я, ожидая услышать хоть какие-то объяснения.

— Наверное, — затерялся он, пытаясь собраться с мыслями. — Я чувствую всего один источник энергии, запас которого больше моего, но он какой-то... переменчивый, словно преследователей двое и идут они друг с другом за ручку.

— Что будем делать?

— Пройдем квартал и свернем в переулок, затем зайдем удобную точку и устроим засаду, — объяснил он.

— Засаду? — перекосилась я, не ожидая от него такой глупой идеи. — Нам нужно скрыться, а не напасть! Давай просто уйдем!

— Нельзя, — оборвал он уже в который раз за день, от чего я вновь почувствовала себя девочкой на побегушках. — Если мы просто уйдем, то не увидим их лиц, а это нам не на руку. Заметят — убьем, не сможем — сбежим.

— Ладно, — сдалась я, — делай так, как считаешь нужным, мне-то не страшно спалить свое лицо.

— За дело.

Сойдясь на одном не очень разумном плане, мы приступили к его реализации. По мере того, как пересекался квартал, уверенность в преследовании возрастала, поскольку расстояние между нами и таинственным наблюдателем не увеличивалось — сомнений быть не могло, мы уже на крючке.

В какой-то момент Ашидо плавным движением свернул в переулок, поведя меня за собой, а сам по мере углубления в него стал подавать в рацию команды.

— Войд, — заговорил он, — первый портал на мою позицию, второй на десять метров выше и на пять метров западнее, закрывай сразу же, как только мы выйдем.

— Поняла, — ответила Войд, после чего перед нами появился портал.

— Ты что, тащишь нас на крышу? — удивилась я, не ожидая, что засада окажется именно такой.

— Меньше слов — больше дела, — рыкнул он, толкнув меня в портал.

По ту сторону пелены оказалась самая обычная плоская крыша трехэтажного дома. Стоило мне ступить на нее, как Ашидо тотчас вылетел следом, заняв удобную позицию, откуда можно наблюдать за происходящим. Таким образом мы крепко окопались на высоте, ожидая появления очередного незнакомца.

— Как ты думаешь, он меня чувствует? — разрушил тишину Ашидо, произнеся это едва тихим голосом.

— Ты о чем?

— Ну, почему я его чувствую и пытаюсь скрыться, а он продолжает следовать за нами, будто тоже чувствует меня? Шепоты не могут чувствовать точного местоположения более слабого, он словно двигается вслепую и идет именно туда, куда ему нужно, и, если их все же двое, неужели они общими усилиями выслеживают жертву?

— Покуда мне знать, умник, — съерничала я.

— Такое просто невозможно в природе шепотов — это противоестественно, — прорычал он. — Тихо, идет!

В этот момент мы оба замерли в ожидании, пока в переулке не послышались буквально мышинные шажки, словно по земле ступает либо карлик, либо профессиональный вор с многолетним стажем. По мере его продвижения вглубь шаги становились все тише, пока в один момент полностью не оборвались.

— Заходим в спину, — скомандовал Ашидо, а затем схватился за переговорное устройство. — Войд, обратный портал.

— Поняла, — в привычном и уже заученном формате ответила Войд.

Времени на раздумья было мало, потому мы оба оперативно устремились в портал, вернувшись обратно вглубь переулка, но вышли именно за углом, чтобы не получить неожиданной атаки. Когда все четыре ноги твердо ступили на землю, а портал закрылся, Ашидо приказал держать «бэкдор» наготове, а сам взял на себя инициативу первым предстать перед лицом врага.

Стоило завернуть за угол, как нас уже встречали взглядом, и этот некто был один. К превеликому удивлению в переулке не оказалось никого сверхброского и представительного, как те люди, с которыми мы уже знакомы, никого такого, кто внушал бы хоть каплю напряжения, а вместо того посреди окружения из бетона стоял самый обычный мальчик,

загнанный в угол в безлюдном переулке, который заканчивался тупиком.

На вид тот ничем не отличался от самого обычного ребенка возраста начальной школы, за исключением той зловещей атмосферы, что витала вокруг и исходила из него самого: мертвый взгляд исподлобья, темная палитра одежды, сверлящие взглядом глубочайшие фиолетовые глаза, скрытые под сальными темно-каштановыми волосами, а в дополнение ко всему в его руках сжималась жуткая изорванная плюшевая игрушка енота, утопающая в пыли и грязи, левое ухо которой было с корнем вырвано, как и правый глаз, а на месте рта образовалась ужасающая улыбка, сотканная из швейных швов.

— Ах, это всего лишь ребенок, — вздохнул с облегчением Ашидо, ослабив хватку на рукояти своей катаны. — Как тебя зовут, малец?

В ответ ничего не последовало, мальчик продолжал стоять на месте и с каждой секундой сжимал игрушку все сильнее, от чего у меня даже мурашки по спине пробежали.

— Он какой-то жуткий, — пробурчала я, не желая более оставаться с этим маленьким бесом в одном переулке. — Уходим, я не думаю, что он причастен к гвардии.

— Посмотри на него, — расслабился Ашидо. — Он сам не понял, за кем и почему шел.

— Ты проклят, — послышалось детское хрипение с другого конца переулка.

— Да что ты говоришь, — усмехнулся Ашидо. — Смотри, Эм, все нормально.

Едва Ашидо приблизился на пару шагов, ребенок тотчас сжал енота изо всей силы, явно испугавшись за свою жизнь, хотя его лицо этого не выдавало. Следом за дерзкой попыткой Ашидо сблизиться с юнцом, из-за его спины показались черно-фиолетовые щупальца, которые в ту же секунду пошли на сближение с моим напарником, нацелившись только на одно — убить.

Ашидо даже не понял, что ему грозит смерть, и именно в этот момент остался жив лишь благодаря чуду, ведь несколько щупалец остановились буквально в сантиметре от его головы. Завидев это, я тотчас выхватила из сумочки свой складной клинок, лезвие которого оголилось с целью ответить на угрозу, однако я даже не предполагала, как с ним можно сблизиться.

Ашидо на угрозу среагировал однозначно и отпрыгнул назад, уйдя в глухую оборону. Не знаю, что у него в этот момент было в голове, но, судя по всему, он решил обратиться за помощью.

— Эмбер, вызывай Юмико, ситуация крайней опасности! — прокричал босс. — Возьму мелкого на себя до тех пор, пока не придет подмога.

— Юмико? — спросил маленький сталкер, слегка сбросив с лица нотки утрашения, однако он не стал менее устрашающим, поскольку щупальца все еще витали в воздухе, будучи готовыми наброситься в любую секунду.

— Не думай, что после такого уйдешь отсюда нетронутым, — прорычал Ашидо. — Говори, зачем ты шел за нами, если хочешь жить!

— Зачем? — оторопел ребенок. — В тебе живет кошмар, а я пришел, чтобы избавиться тебя от него.

— И каким же образом?

— Убив, — ответ был однозначен.

— Сегодня не твой день, мальчик, — ухмыльнулся Ашидо.

— Скажи мне, незнакомец, — вновь заговорил мальчик. — Тот человек, о котором ты только что говорил — Юмико Таканаши?

— Кто знает, — отстранился от ответа он.

— Если ты ее друг, то ты и мой друг, — внезапно переобулся «эксперт кошмаров». — Друг моего друга — мой друг.

— Не думай, что смог меня обмануть, сорванец, — прошипел Ашидо.

В этот момент в переулке мелькнула знакомая черная пелена портала, его границы засверкали ярко-фиолетовыми хлопьями, отделяющимися от источника и растворяющимися в воздухе. Из темноты показалось белое одеяние, и уже через секунду из него полностью вышла Юмико.

Едва девушка столкнулась взглядом с мальчиком, оба замерли в мертвой тишине, и мимика их лиц выдавала момент трогательного воссоединения, словно некогда близкие люди спустя долгие годы встретились вновь, тогда-то Юми наконец разрушила тишину и произнесла:

— Каспер?

***

Да, именно так в круг сотрудников ордена попал мальчик, который звал себя Каспер Тирбах, он был одним из тех единичных людей, с которыми Юмико поддерживала крепкую и тесную связь, потому ему можно было довериться, ибо все остальные и так уже здесь находятся за исключением доктора Фишера. Ашидо не сразу поверил в происходящее, но в итоге смирился с новыми лицами в ордене, впервые за долгое время не став настаивать на том, чтобы проверить мальчика с помощью «шиирацу». Предстояло еще о многом с ним поговорить, но куда интереснее было то, что произошло по мере нашего возвращения домой.

Ашидо организовал собрание, на котором были все те же люди, там он рассказал о случившемся и просветил остальных касаясь личности Бенедикта Майерса, о котором Нао, к сожалению, ничего не знала. К тому же он затронул и того некто, которого описывал гвардеец, но по нему мы более не имели никакой информации, кроме той, что тот ведет себя вызывающе и носит костюм — смутные приметы. Казалось бы, он должен быть нашим врагом и единственный доступный приговор для высшей гвардии — смерть, однако босс приказал не спешить с выводами и лучше разобраться в том, как он связан со дворцом, какую работу выполняет для короля, и не является ли Майерс одним из тех потенциальных союзников, о котором нам говорила Морроу.

Выслушав длинную речь и проверив ее достоверность, я с чистой душой пошла отдыхать, пока в один момент прямо в дверях личной комнаты меня неожиданно не остановила Хомура, сделав самое серьезное лицо из всех тех, которые я до этого видела.

— Эмбер, мне нужна твоя помощь, но никто не должен ничего знать о том, о чем мы сейчас поговорим.

Глава 48: Мир тесен

Порой некоторые случайные встречи застают людей врасплох, как это случилось вчера в тесном и в какой-то мере опасном переулке. Тот странный мальчик с грозным взглядом из тени и весьма странной манерой общения оказался тем самым некто, которого неоднократно упоминали в своих откровениях Юмико и мистер Даян, потому-то я быстро согласился на дружеское перемирие между нами, едва лишь услышав его имя из уст возлюбленной, однако исключительного доверия тот все еще не вызывал.

Недолго думая, мы доставили Каспера в самое сердце ордена, несмотря на то, что я был против этой идеи, но что мы парни можем перед лицом настойчивой и непоколебимой девушки. Я очень хотел, чтобы мальчик прошел привычную проверку на благожелательность и откровенность через «шиирацу», но, учитывая наши с Илией последние стычки, обращаться к нему за помощью совсем не хотелось, даже если бездействие несет за собой неоправданный риск.

Если уж говорить о Бенедикте Майерсе, то этот человек ведет себя слишком уж многозначно, потому нельзя с точностью определить, для чего или для кого тот отлавливал на улице шепотов, поскольку в последнее время новостные агентства не оглашали никаких итогов гвардейской охоты, будь то стычка или чья-нибудь смерть. Лично я настроен верить в то, что этот парень несет в себе угрозу, и ничего хорошего от его персоны ожидать не стоит.

— Доброе утро, — произнес я, приоткрыв дверь в еще недавно пустующую комнату, где сейчас во всю кипела оживленная дискуссия.

— Доброе, Ашидо, заходи скорее, — улыбнулась мне Юмико, пригласив присоединиться.

Войдя в комнату, я заприметил сидящего на кровати Джозефа, а напротив него как раз находился новый хозяин комнаты — Каспер. Мальчик все так же сидел в обнимку со своей игрушкой, которая ни на секунду не выпускалась из рук, будто дороже нее у юного проказника ничего нет.

— Доброе утро, мастер, — поздоровался со мной Джозеф, широко улыбнувшись, после чего переключил свое внимание на мальчика. — Каспер, поздоровайся с Ашидо, будь приличным.

— Зачем? — оторопел он.

— Каспер! — вдруг вскрикнула Юмико. — Ашидо — очень хороший человек и очень дорогой для меня друг. Если ты будешь ерничать и плохо себя вести, вы будете ссориться, и мне от этого будет очень плохо и обидно!

— Правда? — притих он, слегка опустив голову.

— Еще как, — демонстративно фыркнула Юмико, стараясь манипулировать ребенком на уровне дилетанта. — Ты же не хочешь, чтобы я грустила?

— Не хочу, — пробормотал Каспер.

— Тогда, пожалуйста, постарайся не замыкаться в себе и попробуй со всеми здесь подружиться, чтобы у нас не было с тобой проблем, оки?

— Хорошо, я понял, — смирился он. — Здравствуйте, Ашидо.

— Здравствуй, Каспер, — улыбнулся я, застав настоящие чудеса манипуляции.

Смотреть на то, как некогда злобный и отчужденный мальчик смиренно подчиняется воле единственной подруги и старается вести себя подобающе обычному ребенку, было

крайне забавно.

— Ну-с, у меня еще есть некоторые дела, — съехидничала Юмико, — засим, предлагаю вам немного поболтать, а я, пожалуй, пойду.

— Возвращайся быстрее, — протянул Каспер, который в этот момент стал хоть каплю похож на ребенка.

— Конечно, вернусь так скоро, как смогу, — напоследок улыбнулась девушка, скрывшись за дверью комнаты.

С этого момента в помещении оставалось лишь три человека, и я был решительно настроен на плодотворный диалог с мальчиком под строгим надзором мистера Даяна, который тоже был ему небезразличен. Усевшись рядом на полу в позе лотоса, я уставился на своего собеседника, который нестандартно в сравнении с другими детьми своего возраста стал пилить меня тем же пристальным взглядом, не отводя глаз ни на секунду и даже не моргая.

— Что ж, давай знакомиться, — улыбнулся я. — Меня зовут Ашидо Такаги, в здании ордена нет никого главнее меня.

— Каспер Тирбах, — робко ответил он, протянув руку, чтобы пожать, на что я ответил достаточно дружелюбно.

— Сколько тебе лет, Каспер? — спросил я, не в силах установить точную цифру.

— Одиннадцать, — однозначно ответил он.

— Для одиннадцати лет ты ведешь себя весьма странно, — подметил я.

— Это вы так из-за Морфи? — оборвал мальчик, явно сделав отсылку на своего плюшевого енота.

— Нет-нет, ты не подумай...

— Все нормально, — вновь перебил он, — простым людям тяжело понять Морфи, и только я один понимаю его.

— Ладно, — произнес я, решив отпустить этот момент.

Со стороны могло показаться, что я из тех людей, которые ведут диалог с душевнобольными, потакая им в каждом слове и в каждой фантазии, лишь бы втереться в доверие.

— Его зовут Морфей, — вмешался Джозеф. — Они неразлучны с самого детства — с тех самых пор, как Каспер попал к нам в лабораторию.

— А как это произошло? — поинтересовался я.

— Это очень трогательная история, — замялся Джозеф. — Видишь ли, Каспер лишился своей семьи в возрасте трех лет — совсем малыш. Его отец Конрад хотел спрятать сына от гвардии куда-нибудь подальше, потому обратился за помощью к доктору Фишеру.

— А почему его отец решил спрятать ребенка от гвардии? Что ему угрожало?

— Видишь ли, мальчику по наследству передалась некая сила, из-за которой нам нередко приходилось мириться с кошмарами во сне, пока Каспера не переселили в персональную комнату в отдалении от остальных, — пояснил Джозеф. — Ты и по себе прекрасно знаешь, что грозит носителям силы, потому можешь понять, на чем основывался Конрад, отрывая свое чадо от сердца.

— Да уж, — вздохнул я. — Прекрасно тебя понимаю, Каспер, мне пришлось пройти через то же, но в разы хуже. Тебе, должно быть, было очень одиноко...

— Со мной были Морфи и Юми, — улыбнулся мальчик. — С ними я никогда не скучал.

— Кстати об этом, — внезапно опомнился я. — Мистер Даян, каким образом Каспер

умудрился познакомиться с Юмико?

— Это тоже довольно печальная история, о которой порой тяжело вспоминать, — отстранился он. — Тебе хочется знать обо всех подробностях жизни этой двоицы?

— Очень, — однозначно ответил я. — Юмико ничего не рассказывала мне о себе и все ее прошлое для меня словно в тумане. Никакой биографии, никаких воспоминаний, одно лишь твердое убеждение в том, что во всех наших бедах виноват король, и в том, что он должен за все понести наказание. Все, что мне на данный момент известно наверняка — в какой-то момент жизни она осиротела и с тех самых пор стала совсем другим человеком.

— Что ж, если ты так хочешь об этом знать...

— Да, пожалуйста, — перебил я, сгорая от нетерпения.

Честно говоря, я даже не мог себе представить возможность узнать о личности девушки из уст другого человека, который по счастливой случайности оказался рядом, будучи готовым изложить все подробности биографии девочки-тени. Она ведь в самом деле ничего о себе не рассказывала, то ли от того, что я никогда не спрашивал, то ли от того, что сама изначально не собиралась обсуждать эту тему.

— Юмико попала к нам в лабораторию по той же причине, что и Каспер — ее родители привели маленькую девочку к доктору Фишеру только лишь для того, чтобы спрятать чадо от гвардии. Ей тогда было столько же, сколько сейчас Касперу — одиннадцать. Тебе Ашидо, полагаю, было столько же, когда ты попал к Стивену Колдену.

— Верно, — произнес я, немного поникнув от внезапно нахлынувших дурных воспоминаний.

— Тебе, должно быть, знакомы эти чувства, — вздохнул Джозеф.

— К сожалению, — еще тяжелее вздохнул я. — В тот период не было никаких красок кроме серой палитры вокруг, все казалось таким... пустым и бессмысленным. Мне думалось, что родители меня предали и пустили все на самотек, не найдя лучшего решения, кроме как избавиться от сына.

— В случае Юмико все обстояло несколько иначе, — продолжил Даян. — Родители очень любили ее и в самом деле хотели всеми силами уберечь, и у них был на то повод. Видишь ли, девочка еще в раннем возрасте поняла, что может залечивать раны разной сложности, с которыми порой даже высококвалифицированные врачи не справлялись, потому-то ее дом и персона стали пользоваться бешеной популярностью, будучи востребованными у всех слоев общества разных возрастов и идеологий. Такая популярность сделала их богатыми, все называли Юмико «девочкой-чудом» или «юной целительницей», любили и почитали вплоть до того момента, пока на ее семью не обратила внимание гвардия — тогда-то все и пошло наперекосяк.

— Они решили забрать ее, да? — предположил я.

— Правильно мыслишь, Ашидо, — подтвердил Джозеф. — В один день гвардейский отряд нагло вломился на территорию дома семьи Юмико, они пришли туда с ордером на ее вербовку, потому шанса защитить ребенка без применения насилия не было, но что могут обычные гражданские, когда им в лицо тычут винтовками.

— Ничего, — немного поник и непроизвольно соскалился я.

— А вот и нет, — улыбнулся он. — Народ встал на сторону целительницы и разъяренная толпа набросилась на гвардейцев, дав Юмико возможность уйти. Располагая большими средствами, ее родители находили уйму возможностей скрываться от взора дворца, пока наконец не вышли на нас. Третья исследовательская лаборатория отклонений и

патологий стала новым домом для Таканаши, и взяли мы ее под крыло абсолютно бесплатно, не содрав с бедных гражданских ни копейки.

— Это была инициатива доктора Фишера? — уточнил я.

— Его в первую очередь, — кивнул Джозеф. — Дэниел никогда бы не отвернулся от ребенка, которому нужна помощь, а брать за доброе дело деньги было бы кощунством, потому-то мы стали для нее новой семьей бескорыстно.

В этот момент я всерьез задумался о возможности завербовать доктора Фишера в ряды «Спектра», ведь у этого человека, стало быть, колоссальные связи и огромная степень неприкосновенности, как та, что была у доктора Колдена. С ним у нас было бы куда больше возможностей и лазеек, играющих на руку, не говоря уже о том, что Дэниел мог бы привести в орден и других потенциальных союзников.

— Нам нужен доктор Фишер — на свете не так много столь доброжелательных и светлых людей, как он.

— Поверь, Ашидо, там ему безопаснее, чем здесь, — оборвал Джозеф. Возвращаясь к теме Юмико, могу сказать, что тот день стал в ее жизни переломным. В первые же дни пребывания в клинике, девочка подружилась с четырехлетним Каспером, подходить к которому практически никто не решался за исключением пары-тройки людей из персонала, однако она закрыла глаза на его пугающую ауру и даже попросила нас переселить ее поближе к нему.

— Я помню тот день, — внезапно заговорил Каспер. — Мне было не очень одиноко в компании с Морфи, ведь он всегда меня слушал и был рядом, но не всегда отвечал и подавал хоть какие-нибудь признаки присутствия. Когда же появилась Юми, все вокруг стало таким красочным и веселым — она стала моим первым настоящим другом. Кстати говоря, это она придумала Морфи имя, которое мне очень понравилось.

— Морфей, да? — вдруг осознал я, вспомнив истоки этого имени. — Это же греческий бог сна и кошмаров?

— Он самый, — немного посмеялся Джозеф, — у нас в лаборатории было множество книг, одна из которых была посвящена греческой мифологии. Каспер всегда называл свою игрушку просто «друг», пока Юмико не придумала ему имя, основываясь на маленькой особенности Каспера.

— Это не моя особенность! — возмутился Каспер. — Это Морфи мешает всем нормально спать, а не я!

— Да, точно, забыл, — отмахнулся Даян, сделав невинную улыбку.

— Стало быть, придется переселить тебя подальше от остальных? — подметил я, предполагая, что разговоры о ночных кошмарах могут быть не такими уж беспочвенными, ведь именно сегодня один такой мне приснился.

— Предлагаю дальнюю комнату крыла «Б», — проявил инициативу Джозеф. — Если прилегающие к ней комнаты будут пустовать — ни у кого не будет проблем со сном.

Идея в самом деле была блестящей, хоть мне и не хотелось идти на такие уступки только лишь из опасений, что какая-то плюшевая игрушка может создавать столько проблем. К тому же я точно не знаю, имеет ли хоть какой-то смысл держать Каспера здесь и подвергать той опасности, которая грозит каждому из нас. Сможет ли этот мальчик себя защитить?

— Слушай, Каспер, а можно поговорить с Морфи? — если кукла в самом деле разговаривает, я могу поверить в то, что в ней сокрыто нечто иное, чем просто набивка.

— Он не разговаривает с чужаками — только со мной, — отстранился Каспер.

— Ладно, — смирился я, еще больше убедившись в том, что все вышесказанное не более, чем простые детские фантазии. В таком случае, не мог бы ты побольше рассказать о Юмико? Как вы проводили время вместе? Что она о себе рассказывала?

— Мы много играли и разговаривали, скучно никогда не было. Поначалу Юмико всегда приходила ко мне в комнату в свободное от процедур время, но потом с концами переселилась, став проводить его со мной еще больше. В ту пору нас разлучал только сон, и спала она на удивление крепко, не видя никаких кошмаров, на которые все так жалуются.

— Хочешь сказать, она подружилась с Морфи?

— Не знаю, — вздохнул мальчик. — Пусть Морфи и не мешал ей спать, он все равно не хотел разговаривать с Юмико, как бы сильно я не пытался его уговорить.

— Вам было хорошо вместе, да? — улыбнулся я.

— Да, было, — ответил Каспер, но той же улыбки на его лице не наблюдалось. — Она всегда улыбалась со мной и казалась счастливой, но, наблюдая со стороны, я замечал, что Юмико выглядит грустной и все время о чем-то думает, погружаясь глубоко в себя. Наверное, она просто не чувствовала себя собой без меня.

— И да, и нет, — вклинился Джозеф. — Ты уже большой мальчик, Каспер, и теперь, думаю, можно рассказать о том, почему она была такой.

— Почему? — загорелся Каспер, предвкушая услышать разгадку.

— Да, ты от части прав, что без тебя ей было плохо и грустно, но первопричиной такого морального упадка у Юмико стала ее потеря родителей.

В этот момент клубок запутанной биографии стал распутываться на ниточки, когда я мог провести параллели между тем, что мне известно, и тем, что осталось за кадром. Вспоминая наше первое знакомство с Илией, я отчетливо вижу тот момент, когда он влез ей в голову и после произнес что-то вроде: «когда-нибудь ты их отпустишь». После слов Джозефа все встало на свои места, и теперь я абсолютно уверен в том, что Юмико таит глубоко в сердце порезы от потери семьи, и переживает их уход даже по сей день, не желая делиться своими скрытыми чувствами ни с кем. Опрометчиво было со стороны Илии вторгаться в личную жизнь девушки, которая не хочет о ней говорить. Возможно, даже сейчас она особо озлоблена на него, но никак не выдает этого, нося на лице маску вечно приветливой и исключительно доброй девушки.

— Какой она была? Ее семья? — спросил я, желая знать все.

— Ох, семья Блэквуд, — на секунду замешкался Джозеф, сразу же придя в себя. — Эти люди были самыми обычными гражданами Гармонии. Отец Дилан всю жизнь работал токарем на заводе, а ее мать Стефани была медсестрой в больнице на окраине Академического района. Ты, должно быть, не знаешь, но настоящее имя Юмико — Юлия Блэквуд.

— Она сменила его из соображений собственной безопасности? — попробовал угадать я, не видя других вариантов, почему же девушка представилась совершенно иначе.

— Это была не ее инициатива — мы поспособствовали, — объяснил мистер Даян. — Все те, кого укрывает наша лаборатория, обязаны носить отличное от изначального имя и фамилию, чтобы у дворца не было возможности выйти на тех, кого преследуют. Со сменой документов нам очень помогала госпожа Юстиция, обходя все возможные бюрократические камни, излагая все так, чтобы вопросов не оставалось. Каспера, кстати, на самом деле зовут Эрвин Форд — сын Конрада Форда.

К этому моменту я уже успел проникнуться той несправедливостью, которая выпала на мою долю, ведь те, кого я так близко знаю, попали под крыло к самым доброжелательным людям в Гармонии, в то время как я был вынужден выживать и мириться с одиночеством в одном из самых отвратительных и мерзопакостных мест в городе. У доктора Колдена всегда был выбор, и выбрал он тот путь, который пресекал все рамки морали. Он мог быть таким же, каким был доктор Фишер, но почему-то решил, что добро — это не для него.

— Мистер Даян, — вздохнул я, надеясь наконец услышать то, что на данный момент беспокоило больше всего, — скажите, что же все-таки случилось с родителями Юмико?

— Их отправили под трибунал за укрывательство шепота, — однозначно ответил он, — казнили на гильотине на глазах у всего города в первые месяцы пребывания девочки в клинике. Все те пять долгих лет жизни в лаборатории Юмико изо дня в день вспоминала своих маму и папу: то, как они ее любили, сколько сил в нее вкладывали и сколько надежд она не успела оправдать. Хотелось бы видеть иную судьбу для этой бедняжки, но результат ты и сам наблюдаешь — в шестнадцать лет Юмико ушла от нас и уселась в уютном домике где-то в центре Дипломатического района, откуда сразу же с новыми документами и новой жизнью пошла в школу. Зная то, какой боевой настрой она имела в перерывах между долговременными страданиями — я предполагал, что девушка встанет на путь насилия.

— И мы ей в этом потакаем, — поник я, уставившись в пол.

— Не грузи себя лишними мыслями, Ашидо, — произнес Джозеф, встав с кровати и положив мне руку на плечо. — Теперь вы — ее новый дом и новая семья. Она желает лишь отомстить за разрушенное детство и разорванную связь. Говоря простыми словами, Юмико имеет те же мотивы, как многие из вас, потому в твоих силах сбросить тяжкий груз с плеч в первую очередь самому, и тем самым помочь этому дитя обрести себя заново.

— Я... очень хочу помочь ей, — промямлил я, все думая о том, сможем ли мы в конечном итоге добиться задуманного, или все разом падем пред силой дворца.

— И у тебя есть для этого силы, друг мой, — подбадривал Джозеф. — Продолжай действовать, набирай союзников и делай шаги к нашей цели. У тебя есть поддержка и сильные плечи под боком, а также парочка слабых вроде меня, но, отнюдь, не бесполезных. К тому же у меня на примете есть один человек из высшей гвардии, который без колебаний встанет на нашу сторону, едва мы скажем ему, что Каспер теперь под нашей защитой.

— Кто он? — вдруг оторопел я, даже не предполагая, что у нас могут быть очевидные союзники из высшей гвардии.

— Его зовут Конрад Форд — отец Каспера, как ты можешь понять, — пояснил он. — Я знаю этого человека уже много лет и немного отслеживаю его продвижение по службе. Сейчас он уже должен быть в высшей гвардии, имея недюжинное доверие со стороны короля и остальных сослуживцев.

— Погоди-погоди, — прервал я, уловив одну значительную подсказку о том, как нам на него выйти, потому сразу же обратился к сидящему рядом мальчику. — Каспер, твоя сила передалась тебе от отца? Покажи мне ее.

— Что именно тебе показать? — замялся Каспер.

— Сделай вот так, — в этот момент в качестве показательного примера я собрал свою энергию в области ладони, на которой показался отчетливый сгусток плавающего голубого свечения. — Давай же, покажи мне.

Повторив все те же действия за мной, мальчик вытянул вперед руку, показав ладонь, в которую постепенно отдельными потоками стала стекаться беспросветная черная энергия с

проблесками цвета, наиболее похожего на фиолетовый. Когда же в руках Каспера показался тот же сгусток, он был больше черным, нежели фиолетовым, из чего я сделал не столько предположение, сколько однозначный вывод.

— Его отец — Калипсо, — произнес я, сам с трудом веря в то, что только что сказал.

— Думаешь? — сомневался Джозеф.

— Подумай сам — «бесподобный мрак» Калипсо очень схож по своей природе с особенностью Каспера. Я еще ни у кого кроме этих двоих не видел черной энергии, даже моя собственная, имея пепельный оттенок, не была настолько темной.

— Вы знаете моего папу? — внезапно подскочил с места Каспер, уставившись на меня.

— Не могу сказать точно, но предполагаю, что да, — ответил я, вспомнив нашу последнюю встречу. — Твой папа сейчас жив и, полагаю, здоров, потому мы в скором времени можем помочь семье вновь воссоединиться.

— Я совсем его не помню, — протянул Каспер. — Как он выглядит?

— Конрад носит маску рядового гвардейца и красный плащ, под которым скрывается черная простенькая одежда, — поведал я, не имея в запасе большей информации. — Мы не знаем, кто скрывается под маской, потому не могу точно сказать, по каким признакам ты поймешь, что это он.

— Если я не узнаю папу — он узнает меня, — улыбнулся мальчик. — Спасибо, мастер Ашидо, если вы сможете мне вернуть отца, я буду всю жизнь вам помогать!

— Да ладно, брось, — улыбнулся я, приложив к его голове руку, — просто постарайся со всеми здесь подружиться, в особенности с мальчиком по имени Кирей. Вы с ним примерно одного возраста и, уверен, имеете общие интересы.

— Ты уверен, что мы подружимся? — замешкался Каспер, словно сам в себе сомневается. — Я же немного странный и выгляжу пугающе.

— Не переживай — я был таким же, — еще шире улыбнулся я. — Со временем все образумится и люди к тебе потянутся, будут называть хорошим другом и даже любимым. У тебя вся жизнь впереди, Каспер.

— Хорошо, я поверю, — улыбнулся он, пусть и с натяжкой.

— В таком случае, можешь уже сейчас начинать познавать «Спектр» изнутри. Если будут проблемы — сразу зови меня, — проговорил я, провожая мальчика к выходу из комнаты.

— Хорошо, мастер Ашидо, — пробормотал он, после чего робкой походкой покинул комнату.

Теперь в комнате остались лишь мы с Джозефом, который сегодня повысил мой уровень лояльности к себе многократно, едва лишь поведав о подробностях жизни Юмико, которые ранее мне были неизвестны, к тому же, дав небольшую надежду на нового союзника. Пусть Калипсо и не очень мне симпатизирует из-за своей небольшой «чокнутости», тем не менее отказываться от возможности завербовать человека из высшей гвардии было бы глупо.

— Значит, нашей следующей целью для вербовки будет именно Калипсо, да? — уточнил Джозеф.

— Очень надеюсь на то, что мои догадки верны, — задумался я. — Учитывая наш прошлый опыт, было бы разумно встретиться с ним тем же составом, что и в прошлый раз, либо захватив с собой мисс Сальваторис.

— А если вы ошиблись, мастер? — скрестив руки, пробурчал он.

— Убьем, — без доли сомнений ответил я. — Пока у нас на руках есть только один козырь в отношении Калипсо, и, в случае если он не является Конрадом Фордом, иного выхода не остается.

— Что ж, поступайте так, как считаете нужным, — в той же манере проговорил Джозеф. — Только постарайтесь позаботиться о благополучии этих двоих, ведь если все сложится надлежащим образом — вы получите самых преданных союзников до конца жизни.

— Я очень постараюсь, мистер Даян.

— В таком случае, пожелаю вам удачи, а мне пора бы вернуться на пост, — напоследок сказал он, двинувшись на выход в коридор вместе со мной.

Когда мы оба уже оказались в коридоре, я взглядом провожал уходящего к дальней лестнице добродушного мужчину, решив в один момент сказать то, что позабыл произнести.

— Джозеф, — окликнул я его.

— Чего? — отреагировал он, обернувшись.

— Спасибо! — вдогонку прокричал я.

— Всегда пожалуйста! — улыбнулся он, после чего продолжил путь.

Думая о том, в каких порой трудных жизненных ситуациях оказываются люди, я нахожу в себе силы идти с ними бок о бок, думая не только о своем благополучии, но и о тех судьбах, которые могут сложиться куда лучше с моей помощью. В моих силах вернуть Касперу отца, которого мне самому так не хватало в детстве, чтобы они могли прожить эту жизнь так, как полагается.

Что касается Юмико, я не принесу ей упокоения, если помогу свершить месть за родителей, однако при таком исходе все остальное встанет на свои места и повторных случаев с печальным разлучением больше не повторится. Охота на носителей будет первой в списке реформ на отмену, за которой последуют крупные законопроекты по реабилитации населения после удара в спину со стороны короля. Мои дети не будут в числе тех, кому придется рисковать жизнью и проводить свои будние, витая в облаках среди мыслей о том, как им лучше поступить, чтобы просто выжить.

Впереди у нас самый напряженный период существования, ибо «Спектр» постепенно выходит на финишную прямую и удар по дворцу уже не за горами. Нужно лишь сохранить настрой и в решающий день свершить то, чтобы было так давно задумано.

Глава 49: Закулисье

Ах, этот аромат пыли и металлической стружки, плавно витающий в воздухе, это склизкое ощущение смазочной жидкости на пальцах, которая в миг способна превратить бледную нежную кожу в комок шероховатого нечто, пугающего любого чистоплотного человека. Вечная тусклая атмосфера с единственным ярким источником освещения, окружающим лишь тебя самого, словно ты тот единственный огонек, способный принести не только пользу обществу, но и самому себе, получив при этом не столько умиротворение от похвалы за работу, сколько от самого процесса, хотя и пара приятных слов явно не бывают лишними. Шрамы на пальцах, свежие порезы, многолетние мозоли: это и пугает простаков-новичков, а для меня и других энтузиастов это — смысл жизни. Немногие разделяют позицию, которой предана я, мол не пристало девушке копаться там, где есть место только мужчинам, получившим свои грубые и умелые руки от природы.

— Руки сами собой не вырастают откуда надо — их нужно учить, — проямлила я про себя, широко и умиротворенно улыбнувшись куда-то в пустоту.

Эта вскользь прозвучавшая едва понятная фраза хоть и мельком, но привлекла внимание моего напарника, тщательно старающегося повторять рисунок сварочного шва, что был отображен на мятой и грязной бумажке, которую я дала ему в начале рабочего дня.

— А? — пробормотал Шин, на секунду оторвавшись от процесса и стянув с лица большую маску с причудливым стеклышком в центре, позабыв убавить мощность газового потока.

Его испачканное лицо выдавало признаки непонимания, характерные для старательного работника, который в какой-то момент не расслышал команду начальника и тотчас растерялся, боясь переспросить, однако у нас с Шином были не такие напряженные взаимоотношения, чтобы тот опасался гнева вышестоящего.

— Газ выруби, если не варишь, — проворчала я, грозно взглянув на растяпу.

— А? — вновь переспросил он, так и не расслышав ни слова из того, что я только что сказала.

Закатив глаза и недовольно прорычав в воздух, я аккуратно закинула гайковерт на прилегающую к стремянке подставку для инструмента, после чего пустилась по ступенькам вниз, шагая так громко, что в ушах невольно звенело. Подойдя к знакомой коробке, зовущейся инверторным сварочным аппаратом, я сию секунду схватилась за ползунок, отвечающий за подачу аргона к электроду, оборвав его нерациональную растрату на воздух, вместе с тем убавив питание самого устройства до минимума. Стоило процессу затихнуть, как в помещении стало в разы тише, будто некогда бурная река в мгновение высохла, оставив после себя лишь мирные и недвижимые камушки, что лежат на дне и никого не беспокоят своим присутствием.

— Теперь слышно? — исподлобья спросила я, обратив свой озлобленный взор на не только тупого, но и глухого Шина.

— В разы лучше, ха-ха, — нелепо посмеялся он, почесывая приоткрытый затылок под маской, что мертвым грузом висела на макушке. — Так что вы там говорили, начальник?

— Говорю, не трать попусту газ! — наехала на него я. — Хорнет опять придет с претензиями, что мы сосем из нее деньги!

— А-а-а, — вдруг осенило его, — хорошо, не буду, — после этого Шин хотел было

вернуться к работе, но снова поморщился, словно в голове что-то щелкнуло, — а до этого вы что говорили?

— Она говорила, что ты дебил! — выкрикнул издали Николас, распластавшийся во весь рост на пыльном старом диване, служившем для нас единственным местом отдыха.

— Тебя спросить забыли! — прокричал в ответ Шин, ни капли не оскорбившись подколом.

Глядя на этих двоих, я всегда невольно улыбалась, даже в моменты, когда те всячески старались друг друга обругать. Со стороны это выглядит как рабочая ссора и личная неприязнь, но я-то знаю, что ребята просто стараются хоть как-то держаться в тонусе, потому-то иногда разряжают обстановку, напоминая о себе.

— Покажи шов, — произнесла я, обратившись к Шину, на что тот отреагировал однозначно, улыбнувшись и подозвав к себе.

— На оценочку, — еще шире улыбнулся он, предвкушая похвалу еще на моменте, когда я поднималась по ступеням вверх.

Оказавшись на высоте пары метров, я обратила свой взор на промежуток между двумя титановыми пластинами, на которых виднелись характерные сварочные дуги, которые выглядели именно так, как и должны были выглядеть.

— Ну как? — поинтересовался Шин, сгорая от нетерпения в ожидании критики.

— Если всеку кувалдой — не отвалится? — ухмыльнулась я, проверяя уверенность Шина в своей работе.

— Все на совесть, — без доли сомнения ответил он.

— Вижу, — умиротворенно согласилась я, услышав достаточно.

В этом некогда одиноком подвале, где все кругом вечно завалено всяким хламом, который только я одна называю творческим беспорядком, всегда было одиноко и пусто. Обычно в чередке повседневной рутины толком не замечаешь, как летит время и в каком положении над землей находится солнце — только часы напоминают о том, когда пора спать. Работая до изнеможения, я нахожу в себе силы вставать снова и снова, лишь бы закончить то, над чем тружусь изо дня в день, однако в моменты перерывов нередко прихожу в упадок, вспоминая о том, что в ордене нет никого такого, кто разделял бы мой энтузиазм.

Именно так всегда было, и я думала, что так и будет, пока к нам не пришли эти двое. С их появлением в жизни появились те краски, которых так не хватало одинокой девушке-инженеру, голова которой вечно забита только работой. Пусть Шин и бестолковый, но, отнюдь, не безнадежный — он быстро учится и впитывает передаваемый ему опыт как губка, хоть и через пинки с моей стороны. С ним я могу чувствовать себя в своей тарелке, имея возможность при желании обсудить рабочие дела за кружкой горячего кофе в небольшой перерыв, и разделяя то время, что нам дано, за совместным трудом.

Что касается Николаса, то он тоже играет немалозначимую роль, разряжая обстановку одним лишь своим присутствием, даже если это простое бездельничество в обнимку с ноутбуком. Помимо всего прочего, он неплохо владеет языками программирования, потому я без проблем могу поручить ему ту работу, которую обычно делала сама, тратя вдвое больше времени на разработку и реализацию задуманных проектов.

— Продолжай в том же духе, — похвалила я Шина, похлопав по плечу, на что тот отреагировал достаточно тепло.

Сказав это, я жестом подала команду продолжать, а сама в это время аналогично

схватила за свой инструмент, продолжив закручивать фиксаторы поверх предыдущего сварочного шва, который был сделан уже лично мной.

— Слух, Мисато, — вдруг окликнул меня Шин, притом мимика его лица выдавала искреннее непонимание, — а зачем мы вообще делаем эту махину?

— Как зачем? — оторопела я. — Ордену дополнительные боевые единицы явно не будут лишними.

— Но... разве этот трехметровый робот может что-то противопоставить тому, с кем мы враждуем? — еще больше опешил Шин, глядя на одну из лучших моих задумок. — Будь мы в другом мире, где мечи не режут титан, а пули не пробивают стекла — можно было бы назвать его «войном будущего».

— Всяко лучше, чем махать своими руками, — вздохнула я, вновь сбросив гайковерт на подставку и усевшись на верхушку стремянки. — Представь себе тот момент, когда рядом не окажется никого, кто мог бы нас защитить — что тогда делать? Зажаться в угол и молить о пощаде? Я уж лучше сама лично сяду в кабину и навалю болванам, лишь бы остаться живых.

— Тогда, лучше подумай о том, как бы себя защитить, чтобы кабина не стала твоей могилой, — вмешался Николас, говоря куда-то в другую от нас сторону.

— Уже подумала, — привычно ухмыльнулась я. — На днях мы как раз обсуждали с мастером Кишином возможность установить внутрь такой источник энергии, который смог бы питать генератор щита и всю остальную конструкцию без прочих источников.

Вспоминая то, о чем мы говорили, я смутно представляю себе возможность внедрения какой-то «природной» приبلуды в цепь питания, однако если такая возможность и вправду может быть реализована — почему нет? Чистый и мощный, долгосрочный и надежный источник энергии — о чем еще может мечтать инженер?

— И куда мы планируем его установить? — уточнил Шин, еще смутнее представляя себе картину итогового продукта.

— Вместо аккумуляторов на спине, — пояснила я. — Если все правильно рассчитать, то по размеру эта штука не превысит объема обычного чайника.

— Что за источник такой? — заинтересовано проговорил Николас, оторвавшись от монитора и обратив свой взор на меня.

— Линза, как я понимаю, — с долей сомнения ответила я, ожидая, что думаю в правильном направлении, — на подобие тех, что он носит в сумке на поясе. Однако в этом деле есть пара нюансов.

— Каких? — поморщился Шин, боясь очередной сногсшибательной идеи.

— Во-первых, линза должна иметь доступ к воздуху, чтобы выкачивать из него энергию, пропуская в цепь питания, во-вторых, я не знаю выходного тока линзы, потому к ней будет сложно подобрать трансформатор, а в-третьих, она должна быть защищена, поскольку является самой хрупкой частью конструкции — палка о двух концах, однако.

— И что ты предлагаешь? — спросил Шин, а затем сам после короткой паузы заговорил, не дав мне начать. — Лично я предлагаю сделать для нее гнездо с фиксатором и спрятать линзу под плотной изогнутой полукругом титановой пластиной с предварительно просверленными отверстиями.

— Звучит разумно, — подхватил Николас, сделав задумчивый вид, — с одной стороны, мы защитим ее от прямых ударов в спину, а с другой стороны, обеспечим стабильный приток извне, что куда лучше, чем с одним отверстием, и ненамного хуже, чем с открытым

доступом.

— Хм, — задумалась я, удивляясь тому, что им в голову иногда приходят умные мысли. — Предлагаю вариант еще лучше.

— М? — в один миг промывали оба парня, явно заинтересовавшись моей идеей.

Честно говоря, я все еще толком не была уверена в том, в чем заверяет меня самопровозглашенный алхимик, однако почва для попыток скрестить инженерное дело с алхимией все же имелась, ведь я сама лично видела, на что способно это непостижимое ремесло в руках искусного мастера.

— Сделаем небольшую обманку, — заявила я, цепляясь за самую разумную на сегодня идею. — Ваше предложение с титановой пластиной остается в силе, но я думаю, что было бы валиднее слегка выпрямить этот самый «полукруг» и сделать его более плоским на местах забора воздуха, добавив туда систему циркуляции, которую мы тоже спрячем.

— Под чем, боюсь спросить? — уточнил Шин, даже не предполагая, что я задумала.

— Хе-хе, — широко улыбнулась я, предвкушая те лица, которые уже через секунду увижу. — Повесим на спину два баллона со сжатым воздухом, а пространство между ними оставим свободным — там-то и будет пластина с отверстиями.

— Чего? — оторопел Николас. — То есть ты предлагаешь сделать вид, что эти «баллоны» несут в себе какую-то ценность, а на деле являются обычной пустышкой для отвлечения внимания от линзы?

— В яблочко, товарищ! — улыбнулась я, указав на него пальцем так, как делают только уверенные в себе люди.

Как обычно, самые умные мысли и непробиваемые аргументы приходят в голову именно Мисато — то есть мне. Гибкость, фантазия и уверенность в себе и своих идеях: именно этих черт не хватает моим скромным ученикам, чтобы стать достаточно самостоятельными, дабы вести свою деятельность независимо от меня. Ашидо поступил разумно, отдав роль начальника инженерного отдела именно мне, а не какому-нибудь простофиле с двумя корочками, которых он добился, умея только лишь искать ответы на билеты в интернете.

— Будь у нас такой лидер во дворце, я бы не осталась самозанятой бездомной девчонкой без друзей и семьи на несколько лет, а сразу бы заняла свое заслуженное место в рядах госслужащих, — подумала я про себя, пока мысль сама собой не оборвалась вместе с осознанием того, что лучше места, чем сейчас, я и не могла себе представить.

Тихо, уютно, дружелюбно, перспективно и вознаграждаемо — именно эти плюсы давал мне «Спектр», но, помимо всех достоинств, имелся один существенный недостаток, а именно факт того, что мы числимся преступниками. Даже дети, живущие в здании ордена, не останутся безнаказанными, если мы потерпим поражение, не говоря уже о нас троих, кого ждет только смерть на гильотине. Тут уже остается только выбирать: либо сражаться, либо бежать.

— Может, горячего кофейку? — предложил Шин, приблизившись достаточно, чтобы вырвать меня из собственных мыслей.

— А давай! — улыбнулась я, выставив руку на высоте плеч для нашего фирменного крепкого рукопожатия.

— Вот это по-нашему! — подхватил Николас, выкрикнув все с того же дивана.

Перерыв с психологической разрядкой через пустую болтовню о всяком — именно этого не хватает гениям-одиночкам.

— Я заварю, а ты пока отдохни, — улыбнулся Шин, легонько подтолкнув меня в сторону дивана.

Стоило мне сорваться с места и устремиться к дивану, Шин уже зашагал в сторону скромной кухни в одном из наземных помещений, стоящих на балках, сбрасывая с рук засаленные и огрубевшие рабочие перчатки. Мельком взглянув в его сторону, я отвернулась и умеренным шагом двинулась в сторону дивана, дабы выгнать оттуда уже достаточно отдохнувшего Николаса.

— Как вы можете пить кофе без сахара? — возмутился он, едва я подошла поближе.

— Бодрит, знаешь ли, — объяснила я. — Нет ничего лучше черного кофе без сахара после тяжелой работы руками.

— Бред, — вздохнул он, закатив глаза, — в кофе должно быть молоко и сахар, а еще лучше добавить в него сиропов, лишь бы не чувствовать этот гадкий привкус.

— На вкус и цвет товарищей нет, — пожалала я плечами. — С таким кофе можно разве что уснуть на полу, а не взбодриться.

В самом деле, нежным натурам вроде Николаса не понять, зачем люди пренебрегают вкусом ради эффекта. В любой другой ситуации он предпочел бы прямо противоположное, как, например, съесть шоколад вместо свиной отбивной с острым чили.

— Давай не о кофе, — отмахнулась я, после чего присела рядом с диваном на корточки, не став выгонять Николаса с пригретого места. — Как дела на личном фронте, ковбой?

— В каком смысле? — растерялся он.

— Как там с Эмбер? — улыбнулась я. — Есть прогресс?

— Ах, ты об этом, — опомнился Николас. — Потихоньку...

— Что, она убедила тебя в надобности переобуться? — еще шире улыбнулась я.

— Что за вопросы такие? — внезапно покраснел он, замаявшись так, что лицо приобрело совсем новый и незнакомый вид.

— Ути, как мило, — расплылась я, осознавая, что начинаю нагло его дразнить. — Неужели влюбился?

— Отстань, Мисато, — фыркнул он, отвернувшись, — я не в духе отвечать на это.

Таким я его в самом деле видела впервые, будто пред взором предстал совсем другой человек, или, скорее, другая его сторона, о которой никто ранее и не знал, не считая наглой охмурительницы Эмбер.

— Ох, неужто придется спросить у нее самой? — продолжила передразнивать я, желая знать все подробности.

— Даже не думай! — оборвал он, покраснев еще больше, словно помидор. — Все, что угодно, но к Эмбер даже на милую не подходи! — сказав это, Николас сделал небольшую паузу для того, чтобы успокоиться, после чего робко произнес, — Я сам все расскажу...

— Ага, давай, — подпинывала я его, желая не столько узнать подробности, сколько получше изучить эту сторону Ника. — Мне начать задавать вопросы?

— Только не грязные, пожалуйста, — Николас сразу же провел черту, через которую не нужно переступать.

— Хорошо, начну, — ухмыльнулась я в предвкушении. — Что за связь между вами образовалась?

— Как сказать, — замаялся он. — Эмбер дала мне кое-что понять, чего я не понимал раньше.

— Вот этим? — на этом моменте я демонстративно подхватила свою грудь,

спрятавшуюся под майкой, и слегка приподняла ее вверх.

— Я же просил без этого, — возмутился он, нахмурившись так, будто смотрит на таракана в столовой. — Впрочем, ты правильно подумала. Говоря начистоту, я просто не знал, что бывают такие девушки, к которым легко подкопаться, вроде нее. Теперь приходится жить с чувством, что я в какой-то момент оступился из-за своей неполноценности.

— Ник-Ник, — покачала я головой, — неужели ты не додумался сначала подружиться с кем-нибудь противоположного пола, чтобы узнать получше о том, что девушкам нравится в парнях?

— Да вам лишь бы деньги и мускулы, — фыркнул он. — Никто не смотрит на интеллект и внутренний мир, даже если я этим богат. Благо она не такая как все остальные — этим все сказано.

— Эх ты! Не понимаешь таких простых вещей...

— А что мне нужно понимать? — непонимающе спросил Николас.

— Девушкам не нужны никакие деньги и мускулы, — улыбнулась я. — Мы ровно такие же, как и вы, парни — нам нужно лишь внимание и уверенность в том, что мы чего-то стоим, которую парень вполне может дать, если он просто добр и любит по-настоящему.

— Если все так, как ты говоришь, почему тогда никто на меня даже не смотрит? — Николас все еще придерживался своего ошибочного мировоззрения. — Все внимание приковано к красавчикам Ашидо и мастеру Кишину, а я все время болтаюсь в стороне.

— Потому что они уже успели показать себя с хорошей стороны, — объяснила я доступнее некуда. — В то время как они поддерживают контакт со всеми сразу, ты тихо стоишь в стороне, словно пугало в поле. Проявляя внимание и знакомясь с окружающими, человек располагает к себе — это основа дружбы, а уже за ней стоит нечто большее, если люди нащупают нить. Думаешь, как у вас с Эмбер все завязалось? Она просто проявила инициативу и наглость, насильно присосавшись к тебе, и ты ее не отверг — разве я не права?

— В этом есть смысл, — задумался он. — Я ведь подружился с вами только потому, что мы сплочены общим делом, из которого вытекают параллели. Работали бы мы в разных областях — могли никогда и не заговорить.

— Вот, видишь, — умиротворенно улыбнулась я. — Ты просто немного асоциален, отсюда и вытекают все остальные проблемы. Я тоже такая, потому что в одиночестве работаю куда продуктивнее и концентрироваться легче, но порой хочется пожертвовать плюсами от работы в одиночестве ради таких разговоров на перерыве, или ради того, чтобы отругать Шина за очередную оплошность.

— Какую оплошность? — как гром среди ясного неба надо мной раздался возглас Шина, от которого я тотчас подпрыгнула.

Этот негодяй умудрился подкрасться со спины и напугать меня — так делают только черти в человеческой шкуре. Уверена, он сделал это не специально, но это не оправдывает Шина, ведь тот мог бы шагнуть погромче, дабы я была в курсе приближения со спины — но, увы.

— Напугал, блин! — вскрикнула я, нахмури брови и взглянув в эти безобидные глаза, в которых читалось только что-то вроде «я тут не при чем».

— Извините, мисс Хагашида — ваш кофе, — Шин протянул мне белую кружку, из которой валил характерный для горячего напитка пар.

— Ладно, прощен, — мгновенно переменилась в лице я, схвативший за долгожданный

напиток. — Благодарю, подмастерье.

— Всегда пожалуйста, — в доброй манере улыбнулся он. — Ну-с, о чем вы тут говорили?

— Да так, — схватилась за голову я, выражая неведение, — о быте и немного о личном, хе-хе.

— Секретничаете, значит, — сморщился Шин.

— Ни в коем случае, — посмеялась я, делая невинный вид. — Присоединяйся, у нас тут интересная тема — человеческие взаимоотношения.

— Может, хватит об этом? — фыркнул Ник, не желая продолжать разговоры об Эмбер и девушках в целом, когда рядом находится Шин.

— А что, боишься, что мы засмеем тебя за искреннюю любовь к Эмбер? — произнес Шин, подколов друга даже без моей наводки на тему.

В этот момент я готова была засмеяться во весь голос, но решила сдержать смех, от чего в комнате послышался характерный звук.

— Вы уже это делаете! — разозлился Николас. — Хватит, я больше не хочу разговаривать на эту тему. Давайте лучше обсудим концепцию этого долбанного робота.

— Стоило бы, — согласился Шин.

— Не особо хочется обсуждать работу во время перерыва, — вздохнула я.

Сейчас в самом деле совсем не хочется думать и вообще хоть как-то шевелить мозгами, ведь перерывы не для того созданы, чтобы продлевать рабочее время — они должны создавать в нем окно, хотя иногда все же есть некий энтузиазм развивать и продумывать проект в любую доступную минуту.

— Мисато! — послышался высокий девичий голос, приближающийся к нам со стороны входа в подвальное помещение.

Поначалу я даже не поняла, кто это говорит, ведь владелицу голоса не было слышно достаточно четко, не говоря уже о том, что она скрывалась за кучей коробок со всяческим мусором и нужными производству вещами вроде расходников и инструментов. Только лишь когда девушка подошла поближе, и из-за преград показался лоскут клетчатого платья, я поняла, кто меня ищет.

— Ку, Хомура, — поздоровалась я, стоило ей с нами сблизиться. — Какими судьбами?

— Привет, Мисато, — столь же тепло и приветливо проговорила Хомура. — Здравствуйте, Шин, Николас.

— Здравствуй, — ответил Шин.

— Приветики, — подхватил Ник.

— Позволь обратиться, Мисато, — заговорила она.

— Да-да, внимательно слушаю, — на этом моменте я уже сгорала от любопытства, по какой же причине эта девчонка пожаловала на закрытую вечеринку фанатов рабочих комбинезонов.

— Мы можем отойти? — робко спросила она, указывая пальцами куда-то в сторону.

— Именно тогда, когда я пью кофе, — сморщилась я, уже готовясь ко вкусу холодной непереносимой жижи.

— Не волнуйся, я ненадолго, да и кофе твой перед уходом разогрею, если успеет остыть, — мило улыбнулась Хомура.

— Забились, — ухмыльнулась я, после чего с грохотом поставила свою кружку на чайный столик близ дивана, впоследствии последовав за гостьей.

Хомура сразу же повела меня в сторону склада через неосвещенный участок подвала, где было очень легко на что-нибудь напороться, но, вопреки ожиданиям, мы дошли до полок вполне благополучно. Я все размышляла, пришла ли она сюда по своей инициативе, или у нас в ордене вдруг образовались магнитные бури, мешающие передать информацию по голосовому каналу.

— Ну, так? — напрямую спросила я, оперевшись на складскую полку, когда мы обе остановились под одинокой тусклой лампочкой.

— Мисато, помнишь нашу первую встречу в Трущобах? — заговорила Хомура.

— Конечно, мы встретились на дамбе, — подтвердила я, не понимая, к чему она клонит. — А почему ты спрашиваешь?

— Видишь ли, ты тогда прицепила ко мне ту штуку, из-за которой я стала сильнее, — немного растерявшись, продолжила Хомура.

— А-а-а, так тебе нужен экзоскелет, — наконец меня осенило. — Что, открыла в себе новые недостатки?

— Не совсем, — скрестила она пальцы, еще больше замявшись от этой, как ей казалось, глупой просьбы. — Просто я хочу потренироваться в его использовании и испытать свои силы. Будет же куда лучше, если я окажусь полезнее, чем сейчас?

— Не принижай себя, солнце, — улыбнулась я. — Конечно, бери, что хочешь, но пообещай вернуть, если он мне пригодится, когда не смогу что-нибудь поднять.

— Безусловно! — ни секунды не сомневаясь, воскликнула Хомура.

— Пойдем, я его отрою, — махнув рукой, подозвала я девушку за собой.

Если память не изменяет, он должен быть где-то в зоне коробок с нужными ненужностями, при условии, что ничьи гадкие лапы не посмели соваться туда, куда соваться не велено. Двигаясь в сторону заветного напольного склада, я ловко схватила с поверхности одной из запечатанных коробок большой полицейский фонарик, дабы осветить себе путь. Когда же заветная куча была достигнута, я почти сразу застала еще не успевший запылиться с момента прошлого использования экзоскелет, лежащий на самом верху импровизированного склада.

— Посвети мне, — попросила я Хомуру, передав ей тяжелый фонарик, который та не сразу удержала, немного подкосившись под его весом.

Оперевшись на одну из коробок, я нырнула руками к заметному устройству, аккуратно вынув его наружу. Раньше пользоваться им приходилось куда чаще, пока у меня не появились две пары крепких рук, потому теперь надобность в нем отпала, пока на вид хрупкая девочка о нем не вспомнила — ей он нужнее.

— Держи, — я протянула Хомуре дискообразную штуку, из которой торчал каскад крепких прутьев из стали Гадфильда. — Инструкция нужна?

— Да, желательно, — скромничая, промямлила она.

— Секунду, — сказав это, я нырнула в глубокий карман рабочих штанов, нащупав в нем свой большущий блокнот, в котором сразу же принялась искать самодельную инструкцию, перелистывая страницы.

Когда заветная писанина была найдена, я ловким движением вырвала лист, отделив его от своих деревянных собратьев, впоследствии протянув Хомуре.

— Ты что, сама ее написала? — оторопела она, вглядываясь в буквы на бумаге.

— А как еще, это ведь лично мое устройство — лень было делать что-то по стандартам, да и принтера у меня на тот момент не было, — пояснила я. — Подчерк разберешь?

— Вполне, — однозначно ответила Хомура.

— Это все?

— Да, — широко улыбнулась она, после чего неожиданно меня обняла. — Спасибо, Мисато!

— Ой, да что ты, — от внезапных объятий я растерялась. — Обращайся в любое время суток — помогу, чем смогу.

— Буду знать, — напоследок взглянула на меня Хомура снизу-вверх. — До встречи!

— Ага, пока-пока! — с долей умиротворения и небольшой радостью проговорила я, провожая уходящую девушку взглядом.

Весь обратный путь лежал через ту же темноту, и я даже не обратила внимания, куда Хомура положила фонарик, что я ей дала, потому возвращаться к парням пришлось наощупь, стараясь не воткнуться ни во что смертельно опасное. В какой-то момент я немного заплутала, хоть и видела тот источник света, к которому стремлюсь, и именно в это мгновение, когда проход среди коробок найти не удавалось, до ушей донесся весьма занятный диалог.

— Твоим же оружием, ага, — довольно глумился над Шином Николас. — Признай, она тебе нравится.

— Даже не знаю, — замялся Шин.

— Не знаю, не знаю — сам себе хотя бы честно скажи, — пробормотал Ник.

— Ты не так понял, — вздохнул собеседник, — она однозначно мне симпатична, ведь Мисато — хорошая девушка. Вопрос в том, достоин ли я ее, или гожусь только в гномы-помощники...

— Ого, — подумала я про себя, — что за интриги за спиной у одинокой девочки-инженера.

Решив немного посмеяться, я стала тихим шагом подкрадываться со спины Шина к столу, где стояла моя кружка недопитого кофе, который, вероятно, уже остыл. Николас сразу заметил мое приближение, но, решив подействовать в разоблачении, не стал выдаватьмышь, что скоро окажется вплотную. Схватив со стола кружку, я столь же тихим шагом подкралась сзади, встав в стойку, ожидающую момента, когда Шин обернется и застанет перед собой неожиданный сюрприз.

— Почему ты прямо не скажешь ей о своих чувствах? — продолжил свою аферу Николас.

— Потому что боюсь оказаться отвергнутым, очевидно, — вздохнул он. — Только представь себе атмосферу, которая между нами образуется: неловкое молчание, дрожащий голос и попытки избегать друг друга.

— Не попробуешь — не узнаешь, — улыбнулся Ник. — Мисато сама так говорила, потому ей приятно было бы увидеть, что ты усвоил один из уроков.

— Давай пока подождем, — отстранился Шин. — Хочу быть уверен в том, что заранее предреку, а иначе...

В этот момент в комнате послышался хлюпающий звук, прервавший речь практически на ее логическом завершении. Шин аналогично мне испугался и буквально подпрыгнул на месте от осознания, что кто-то за его спиной спокойно отпивает свой кофе.

— Горячий, — пробормотала я, вглядываясь в кружку.

— А, эм, — Шин сию секунду встал на месте как вкопанный, — как давно ты тут стоишь? — его голос неловко дрожал и лицо покраснело, выдавая на себе то, что все

вышесказанное — правда.

— Минуту, наверное, — отчужденно и непричастно произнесла я. — Секретничаете, мальчики?

— Да нет, чего уж, — отмахнулся Шин, будто ничего и не было.

— Да-да, Наташа, сейчас буду, — неумело и фальшиво лялякал Николас, схватившись за рацию, держа целью лишь одно — оставить нас наедине.

— Эй, ты меня подставил! — вдруг осенило Шина, но было уже поздно что-либо скрывать.

— Простите! Наташе срочно нужен Николас Райс! Ничего не поделаешь! — напоследок пролепетал Ник, после чего довольной походкой скрылся за коробками.

С этого момента мы в самом деле остались наедине, от чего Шину стало максимально некомфортно, особенно под моим прямым ехидным взглядом, вглядывающимся прямо в душу. Честно говоря, я впервые слышала подобные слова в свой адрес, ведь до этого парни не проявляли ко мне никакого интереса, за исключением дружеского, потому-то всегда приходилось общаться с ними на одной волне — не более. Сейчас же я и сама не знаю, что думать и что говорить, но никакого ощущения неправильности или стеснения не присутствует, будто все и должно было так сложиться.

— Ты все слышала, да? — тяжело вздохнул Шин.

— Каждое слово, — подтвердила я.

— И... что теперь? — замялся он, сгорая от стыда разоблачения.

— Повторишь мне это в лицо? — улыбнулась я, играючи хлебнув из кружки еще один глоток горячего кофе.

— Чего уж тут скрывать, — произнес Шин, опустив голову, — ты итак все уже слышала. Скажу честно, а там — будь, что будет, — набравшись уверенности, которой так не хватало, он заговорил, с тяжестью выдавливая из себя такие простые слова. — Знаешь, Мисато, мне с тобой всегда было так хорошо и спокойно... Я и во влажных мечтах подумать не мог, что найду девушку, чьи интересы так тесно пересекаются с моими. Мало того, ты оказалась значительно умнее и способнее меня, заставив чувствовать себя так, будто я не в своей тарелке, но с каждым днем, по мере того, как я учился и впитывал твой опыт, я понял, что... влюбился.

— Ого, — улыбнулась я, после чего снова отхлебнула из кружки, что уже превратилось в настоящую забаву.

— Знаю, это звучит глупо и мне до тебя еще далеко, — вздохнул он. — Ты, должно быть, считаешь, что я простой олух...

— Так и есть, — подтвердила я, продолжая делать напрягающий вид, — ты дурак и простофиля.

— Так и знал, — с грустным лицом промямлил он.

— Но это вовсе не значит, что мой ответ — «нет», — произнесла я, широко улыбнувшись.

— Чего? — опешил он.

— Знаешь, — заговорила я, посмотрев куда-то в сторону, — мне было очень одиноко здесь взаперти. Порой не хватало кого-нибудь такого, с кем можно обговорить детали очередного проекта и найти в нем изъяны. Ты прав, думая, что я опережаю тебя умом, и что дуракам в жизни приходится нелегко, но быть дураком — вовсе не грех, и уж тем более не приговор.

— Мисато...

— Мы учимся, Шин, — продолжила я, уставившись на него, — растем и крепчаем, и рано или поздно наступает тот момент, когда хочется сбежать от всего этого и прижаться простым человеческим прихотям, будь то кружка кофе на перерыве или простая человеческая любовь. «Горе от ума» — так называют этот феномен, и я от него в какой-то мере страдаю.

— Значит ли это, — Шин немного затерялся, пытаюсь выдавить из себя хоть слово, — что ты принимаешь мои чувства?

— Иди сюда, глупыш, — улыбнулась я, отставив свою кружку в сторону и легонько схватив Шина за воротник.

Одно лишь мгновение, и высокая крепкая туша сблизилась со мной на ничтожно малое расстояние. Пользуясь своими закаленными в стали руками и властным нравом, я силой склонила парня пониже к себе, после чего наши губы слились в одном мимолетном, но таком чувственном поцелуе. Говоря без лукавства, он был для меня первым, ведь ранее умную девочку не волновали какие-либо мирские заботы, она лишь хотела посвятить себя любимому делу, даже если вся жизнь пройдет мимо и не останется ничего, кроме упоминаний о ней в учебниках истории нашего безумно красивого города.

Все это казалось вершиной мечтаний и тем, к чему стоит стремиться, пока одна случайная встреча не перевернула всю мою жизнь вверх дном, пока один единственный человек не доказал мне, что признания можно добиться своим собственным путем, не обходя и всего того, что свойственно обычным людям. Нужно лишь верить и стремиться к своей цели, жить маленькими признаниями на пути к одному большому, который станет не столько конечной целью всей жизни, сколько одной из ее бесконечных ступеней.

Умные люди всегда служили для нас ориентиром — испокон веков они наставляли других и давали им шанс понять, чего же на самом деле те хотят получить в самом конце. Даже для таких гениев, как я, всегда найдется другой человек поумнее, способный перевернуть давно устоявшееся представление реальности, как для многих из нас нашелся Ашидо.

Теперь же моя очередь быть тем самым маяком и ориентиром для человека, который еще не понял, для чего был создан и по какому пути идти. Мое дело — наставить, а там он уже сам для себя решит, что считать важным, а что нужным.

Если же говорить о том, что мне нравится в дураках, чего нет у остальных — так это их доброта и неумение врать.

Глава 50: Единственный верный план

Не так давно за порог одинокой Гармонии, лежащей в самом сердце бесконечного Тихого океана, среди вечно спокойной водной глади и ее ласкающего бриза, шагнула оранжевая пора. Вечно суетливый народ мелькал перед глазами уже не в легкой синтетике и летних сарафанах — появились новые элементы одежды, такие как кофты с длинными рукавами и штаны до пят, скрывающие те участки тела, которые уже нельзя было порадовать приятным и теплым ветерком. Еще месяц и в город придет зима, а зимы у нас теплые, ведь мы живем в пекле экваториальной страны, хоть и не можем об этом утверждать из-за некоторых маленьких аномалий: в белый период все же выпадают некоторые осадки, хоть и в небольших количествах, зато даже в самый разгар снежной бури температура за окном не падает ниже минус пяти.

— Забавно, — подумала я, переключив свое внимание на Хомуру, тихо попивающую свой чай по другую сторону стола, — закрыла торс теплой темно-коричневой кофтой, а ноги решила не жалеть, оставив их мерзнуть под короткими джинсовыми шортами.

В данный момент мы мирно ютились в компании друг друга на широких диванчиках одной популярной кафешки, где всегда было много народу, от чего мне было слегка некомфортно — не столько за себя страшно, сколько за хрупкую девочку напротив. Ее лицо знает полгорода, а она настолько уверена в себе, что не побоялась тащиться в гущу любопытных лиц в один из самых густонаселенных районов.

— Горячий, — протянула я, отхлебнув из кружки глоток нежного кофе, из-за чего слегка обожгла язык.

— Растяпа, — улыбнулась Хомура. — Чего уж не просишь меня остудить напиток?

— Стараюсь выглядеть естественно, — вздохнула я, дав понять, что не стоит устраивать шоу магии в стенах с кучей свидетелей.

С каждой минутой ожидания я все больше погружалась в мысли о том, что у нас ничего не выйдет, а мне потом по самые уши влетит от босса за столь опрометчивую и наглую выходку. Хомура же была уверена в себе на все сто и просто оттягивала момент удовольствия посиделками в недоступном для детей Трущоб кафе, предвкушая результат сегодняшней вылазки.

— Ты такая красивая сегодня, — промычала она, одаривая меня своим пристальным и в какой-то мере завистливым взглядом.

— Всегда такая, — нелепо посмеялась я, разведя руки в стороны. — Хочу быть уверенной в том, что в ответственный момент не оттолкну от себя собеседника, спасибо.

— Везет тебе, — невинно улыбнулась Хомура, скрывая зависть за миной добродушной девчонки. — Я бы многим пожертвовала за возможность приобрести побольше массы.

— Не стоит, — отмахнулась я. — Честно говоря, душевного равновесия не добиться одной только яркой внешностью. Лучше уж быть такой миниатюрной куколкой, чем притягивать к себе внимание одних лишь любителей женской эстетики. По большей части среди них нет кого-то такого, кто мог бы в полной мере оценить внутренние качества девушки.

— Легко тебе говорить, — пробормотала она, откинувшись на спинку дивана. — Эти слова настолько же правдивы, насколько правдивы откровения богачей о том, что «счастье за деньги не купишь».

Глядя на нее, я понимала, что Хомура испытывает некоторые трудности с мужским вниманием, которого у нее в недостатке. В глазах мужчин она, должно быть, воспринимается как ребенок, или того хуже — худощавая доска. Неплохо было бы спросить у парней нашего ордена, что они думают о девушке из Трущоб, которая все время ускользает из виду, словно тень, которую никто не замечает.

— Ты так из-за этого переживаешь? — вымолвила я, непроизвольно сжав в руках кружку.

— Немного, — вздохнула Хомура, прищурившись, после чего сделала небольшую паузу, продолжив свою мысль совсем в другом тоне. — Меня больше беспокоит благополучие жителей Трущоб.

— А остальные? — поморщилась я.

— А остальные сами по себе заживут лучше, если даже низший слой познает вкус качественного кофе и жизнь без плесени по углам.

— Сильно, — подумала я, просто улыбнувшись и оставив лишние слова за кадром.

Прошла всего неделя с момента, когда Хомура подошла ко мне со своей глупой и безрассудной просьбой. Поначалу я даже не поверила в ее мотивацию творить всякого рода гадости за спиной у собственного неформального босса, однако, выслушав и подумав головой, я все-таки решила сделать ставку. Редко встретишь на улице такого человека, который имеет смелость бросать вызов своим врагам, притом сам тщательно продумывает все мелочи плана в экспресс-режиме, чего не скажешь о медлительном Ашидо, который по большей мере надеется на крепкие плечи своих союзников.

Пусть он и имеет в себе уйму лидерских качеств, будучи способным вести за собой людей и идти в первом ряду, Ашидо все еще не научился гибко мыслить и правильно анализировать происходящее вокруг. Им правят эмоции, и делают они это не так, как должны делать. Со стороны мои слова могут показаться лицемерными, ведь я не сильно от него отличаюсь, однако спешу парировать это тем, что я изначально не собиралась выбиваться в лидеры и кем-либо командовать.

Что касается Хомуры, она могла бы собственноручно вести дела «Спектра», будь у этой девушки хоть немного заинтересованности не в своих собственных делах и судьбах жителей Трущоб, а и в остальных гражданах Гармонии. Ее гнев направлен именно в то русло, куда и должен быть направлен, а именно в реализацию собственных идей и маленьких шажков навстречу к единой цели.

— Пойдем, время подходит, — внезапно вырвала она меня из мыслей, взглянув на часы, висящие под потолком на одной из перегородок кафе.

— Что поделать, — вздохнула я, с тяжестью оторвавшись от дивана и оставив на столе посуду от легкого утреннего перекуса.

Впереди были несколько часов очень ответственной и тяжелой работы, от которой даже, возможно, зависят наши жизни. Пока я собиралась с мыслями на пути к выходу из кафе, Хомура легкой и непринужденной походкой вышла из помещения, словно на свете нет ни единого страха, который был бы ей близок — завидная смелость. Таким образом мы оказались на широкой и людной дороге Торгового района, поток людей на которой ни на секунду не затихал, будто каждый пешеход по несколько раз проходил один и тот же маршрут.

— Нам разве не опасно здесь находиться? — замялась я, нагнав Хомуру и взяв ее за плечо.

— Расслабься, — спокойно ответила она, — рабочий день дневной патрульной гвардии только начался, потому нам ничего не угрожает в ближайшие двадцать минут.

— А потом? — пробормотала я, почувствовав неладное.

— А потом уже мы станем угрозой для гвардии, — улыбнулась Хомура, взглянув на меня снизу-вверх.

В этот момент я все еще колебалась, думая, стоит ли дальше содействовать девушке, когда с каждой минутой желания становилось все меньше, а страх нарастал, приближая меня к панике. Однако в глубине души я понимала, что только мне под силу помочь ей, и, если Хомура решит исполнить собственный план в одиночку — она просто умрет.

— Обсудим детали плана еще раз? — предложила я, чтобы убедиться, что все звучит идеально.

— Сюда, — Хомура указала пальцем на переулок, в который мы и свернули.

Этот переулок сам по себе был небольшим, кругом была кладка строительных блоков, характерная только для стен домов Торгового района, виднелась которая только с перспективы между самих домов, ведь лицевая их часть всегда выглядела прилично и аккуратно. Обычно в таких местах нет посторонних, а окна редко выходят на сторону переулка, потому они стали излюбленным местом всяких преступников, подобных нам.

— Мне заново все озвучить? — заговорила Хомура, остановившись в месте без лишних ушей.

— Погоди, — замешкалась я, — давай послушаешь то, что осталось в памяти, а затем заполнишь пробелы.

— Давай, я слушаю, — согласилась она.

Начало терапии по возвращению памяти положено, осталось только напрячь извилины и изложить все детали. Эта вылазка была рассчитана на двоих, потому я должна была в идеале знать все тонкости и возможные варианты развития событий, чтобы мы добились успеха.

— Итак, — начала я, — мы сегодня на захвате цели. Наша цель — Бенедикт Майерс, или, как он сам себя называет — Майерс. От меня требуется всего навсего украсть его внешность, предварительно дав тебе возможность скрутить гада.

— Все проще некуда, Эмбер, — пропыхтела Хомура. — В этом виде тебя видел только сам Майерс, и ты тогда ушла с поля брани невредимой и чистой, что играет немаловажную роль.

— Он будет расслаблен в присутствии человека, в котором обзнался, верно? — уточнила я.

— Именно, — подтвердила она. — От тебя требуется завязать диалог и напомнить ему, кто ты такая и где вы виделись в последний раз. Постарайся увести его в тихое место или хотя бы оставь этот диалог без внимания людей, чтобы я смогла вмешаться и обездвигить Майерса.

— А как мне понять, что ты рядом? — подметила я. — Вдруг расположение будет неудобным и я останусь без поддержки.

— Я буду передвигаться крышами и переулками, — объяснила Хомура. — С тем экзоскелетом, что достался мне от Мисато, я без проблем смогу вовремя прийти на помощь — только дай знак, где ты находишься.

— В случае провала ждем на «бэкдоры», верно? — напоследок уточнила я.

— Давай постараемся избежать провала, — оборвала она. — Если мы не схватим его,

Майерс догадается, что вы с Ашидо причастны к «Спектру». В таком случае мы явно не сделаем лучше, а только усугубим ситуацию и оставим в живых потенциально опасного противника. Кстати об этом, напomini его детали.

— Ну, — задумалась я, вспоминая о тех мелочах, которые на собрании Ашидо затронул лишь вскользь, — каштановые короткие волосы с зачесом набок, красные глаза, строгий костюм. В качестве оружия использует, по всей видимости, лук или арбалет.

— Хм, — задумалась Хомура. — В теории он не представляет большой опасности. Все зависит от того, насколько искусно Майерс владеет своим оружием и как гибко применяет способности.

— Будет туго, если тот умеет телепортироваться или делать некоторые части тела нематериальными — придется действовать быстро и неожиданно ввиду недостатка информации, — проговорила я, начав немного верить в успех операции.

— В любом случае в первую очередь береги себя и отталкивайся от обстоятельств, — улыбнулась Хомура. — У нас все получится, Эмбер, главное верить в успех и стараться выжать из себя максимум.

— Я постараюсь, — с тяжестью вздохнула я, сумев изобразить на лице улыбку.

— Тогда — вперед, — скомандовала девушка.

С этим настроением мы выдвинулись по заранее озвученным точкам в поисках цели. Если верить логике и дедукции Хомуры, гвардия шла на удаление от ордена и постепенно приближалась к границам Торгового района, плавно переходя на территорию Академического, потому вылавливать подлеца стоило именно в этой части города, где мы сейчас находимся, прочесывая в первую очередь главные улицы. Вывод о местоположении не пришел сам собой — именно Хомура догадалась, в каком направлении двигаться, оттолкнувшись от ранее произошедших событий. Так, например, если Лаффи распрощалась с жизнью в небольшом отдалении от ордена, то наша первая встреча с Майерсом случилась уже ближе к центру района. Исходя из тенденции двигаться в направлении к Академическому, мы примерно рассчитали время и место следующего патруля, а затем заранее переместились поближе к месту его начала.

Сейчас же я в полной боевой готовности двигаюсь по одной из таких широких улиц, вылавливая взглядом знакомую персону. Страх все еще присутствует, но он образован лишь из опасений, не имея под собой достаточных оснований.

— Готовность, прием? — спросила я, обратившись в ручную рацию, которую мы заранее закупили в одном из магазинов, чтобы не оказаться на одной частоте с орденом.

— Баллоны при мне, — откликнулась Хомура. — Я иду следом, держи в курсе любых подозрительных деталей или опасений.

— Принято, конец связи, — ответила я, продолжив свой маршрут.

Озираясь по сторонам, я робко двигалась вперед, постепенно уставая от постоянной необходимости держать ухо востро и глаза раскрытыми. Даже после получаса плутаний ничего нового в поле зрения не появлялось: все те же люди, те же дома и фонарные столбы, лишь иногда мимо проходили рядовые патрульные гвардейцы. Хотелось было уже сдать, но неожиданно для меня в глазах мелькнула знакомая картина — какой-то дотошный гражданин пристает к случайным прохожим и достает нелепыми расспросами, каждую секунду чем-то запугивая.

— Вот идиот, — подумала я, — использует те же трюки.

С этого момента можно было приступить к кульминации операции, но я не спешила

бросаться к гвардейцу, вместо этого собираясь с мыслями в сопровождении тяжелого дыхания, пока наконец не нашла в себе силы подойти.

— Вижу цель, прием, — проговорила я в рацию.

— Где? — мгновенно активизировалась Хомура.

— Прямо по улице, метров сорок от меня, видишь?

— Да, — подтвердила она.

— Я иду, держись рядом, — скомандовала я, последовав на сближение.

Следом за решительными словами последовали решительные действия, ноги шагали сами собой, минуя считанные метры до опасного и непредсказуемого Майерса, пока я не оказалась совсем уж близко. В этот момент опасения подтвердились — это был именно Майерс, который в привычной манере извинялся перед очередными жертвами, откупаясь деньгами. Сколько же этот чудила их уже спустил?

— Сконцентрируйся, Эмбер, — приказала я сама себе в голове, — включи всю свою женскую обольстительность, сделай его!

Немного собравшись с мыслями, я была готова действовать, потому сразу же схватилась за рацию и, прячась в толпе слегка ошарашенных от происходящего людей, подала команду Хомуре.

— Дома тридцать два и тридцать четыре — вставай между.

— Принято! — воскликнула она. — Удачи, Эмбер.

Сказав это, я пошла на сближение с Майерсом, имитируя робкую и неуверенную походку скромной девушки. На этом моменте он уже откrestился от прохожих и принялся высматривать новую жертву, потому сразу же заметил мое приближение, от чего слегка насторожился, запрятав правую руку за спиной, стало быть, пряча за ней стрелу — как очевидно.

— Здравствуйте, мистер Майерс, — столь же невинно проговорила я, сделав замаявшийся вид.

— Мы знакомы? — оторопел он, не понимая, почему я сама подошла.

— Да, наверное, — ответила я. — Не уверена, что можно назвать это знакомыми, но мы уже виделись с вами раньше.

— Я вас не помню, девушка, — оборвал он, выдавая на лице самую настоящую ложь, ведь девушку с яркими длинными красными волосами, пышной грудью и столь же цветастыми малахитовыми глазами нельзя было просто выкинуть из памяти.

— А мне казалось, между нами что-то промелькнуло, — сделала я обиженный вид.

— В каком плане? — замялся он. — Вас во мне что-то зацепило?

— Бинго, — подумала я, после чего заговорила. — Знаете, мистер Майерс, вы очень красивый молодой человек, к тому же состоите в гвардии и на вид такой сильный и твердый характером... Вам не помешало бы иметь под рукой девушку, которой есть что сказать.

— К чему вы клоните, мисс? — насторожился Майерс. — Если вы говорите с комплиментах, то мне они не нужны — не тратьте мое время, — на этом моменте он хотел было развернуться и уйти, но я его остановила.

— Вы не понимаете, Майерс, речь идет об информации.

— О какой такой информации? — вдруг снова обратил на меня внимание Бенедикт.

— Ох, заинтересованы? — улыбнулась я. — Мы могли бы поладить, а взамен я могу кое о чем рассказать.

— Не томи, — нахмурился он.

— Мы можем отойти? Вон к тому дому, чтобы прохожие не подслушивали. Они и без того слишком любопытно на нас смотрят, — подметила я.

— Хм, к дому? — задумался он, плавая в поисках подвоха.

С моей стороны умно было подзвать его именно к дому тридцать два, ведь тот находился в непосредственной близости к переулку, в котором находится Хомура, а диалог рядом с ним вместо походки в сам переулочок не вызывал излишних подозрений.

— Ладно, давайте, — согласился он, после чего мы оба отошли к назначенному дому.

Этот человек был весьма аккуратен в общении, хотя изначально так себя не позиционировал, потому встал подальше от переулочка, предполагая, что я не та, за кого себя выдаю — скользкий тип, тот еще и параноик.

— Так о чем вы, мисс...

— Лилия Тэтчер, — представилась я, взяв из головы первое попавшееся имя.

— Ох, Тэтчер, — удивился он, — у вас красивая фамилия одного талантливого политика двадцатого века. А не могли бы вы показать свои документы?

На этом моменте вся операция могла пойти под откос, если бы не предусмотрительная Эмбер, которая магическим образом всегда носила с собой кучу различных паспортов, не принадлежавших ей ни коем образом. Мало кто об этом знал, но мне приходится воровать подлинные паспорта для легального соответствия своей внешности, потому и на имя Лилия Тэтчер у меня имеется документ с соответствующим портретом.

— Вот, — протянула я документы, достав их из отдельного кармана сумочки, в котором лежали именно нужные, будучи отделенными от остальных. — Только на возраст, пожалуйста, не смотрите!

— Двадцать четыре года, хах, — усмехнулся он.

— Просила же... Я слишком стара для вас, да? — пришлось вновь имитировать обиду.

— Это не играет особой роли, мисс Тэтчер, — ухмыльнулся Майерс. — Мне нужно было просто убедиться в том, что вы не представляете опасности.

— Обидно, знаете ли, — отвернулась я.

— Прошу меня простить, — раскаялся он, сложив руку на груди и протянув паспорт обратно. — Можно называть вас просто Лилия?

— Конечно! — сделала я радостный вид.

— В таком случае, Лилия, о какой информации шла речь? — заинтересованно спросил он.

— Можно мне называть вас Бен? — ехидно хихикнула я.

— Конечно, — согласился Майерс.

— Знаете, Бен, моя информация в самом деле того стоит, но я не хочу просто так ей раскидываться. Понимаете, о чем я?

— Сколько? — однозначно спросил он.

— Нет-нет, речь не о деньгах, что вы, — отмахнулась я. — Видите ли, мне уже двадцать четыре, а я все еще одинока, хотя на вид, вроде, ничего так. Вы можете дать мне почувствовать себя девушкой? Хотя бы на небольшой срок, очень вас прошу!

— Ты предлагаешь мне стать твоим суженным взамен на информацию? — еще больше оторопел Майерс, начав жадно меня разглядывать.

— Как бы странно это не звучало — да.

— А тот черноволосый парень? — внезапно вспомнил он об Ашидо.

— Ох, нет, мы с ним просто коллеги, работаем консультантами в магазине одежды, —

одернувшись от неожиданности, оправдалась я.

— Хм, — задумался Майерс. — То-то я думаю, вы так ярко разодеты. К тому же, у вас красивые формы, Лилия. Думаю, я могу дать вам шанс, потому хорошенько подумаю над предложением — но сначала информация.

— Обещаете подумать? — обрадовалась я, сделав исключительно восторженный вид.

— Да, обещаю, — улыбнулся он. — Говорите, Лилия.

— Информация, да, — задумалась я, подбирая слова для наживки. — Что ж, скажу прямо, я видела в этой части района девушку с плакатов — ту, что из Трущоб.

— Вы про Хомуру Эверби? — уточнил он.

— Да, речь о ней, — подтвердила я.

— Где вы ее видели?

— Она сидела в кафе «Тайм» на улице Цвета, пила кофе с какой-то девушкой и, возможно, до сих пор там сидит. Ее свисток так нелепо болтался на плоской груди, ха-ха! — посмеялась я.

— Это, действительно, важная информация, думаю я могу... Погоди-ка, — Майерс внезапно переменялся в лице, — откуда ты знаешь, что у Эверби на груди есть свисток?

— Так ведь все же знают, ха-ха, — нелепо посмеялась я, поняв, что только что попалась на собственной глупости.

— Кто ты? — вдруг в руках Майерса засиял большой лук, появившийся из ниоткуда, как появляются любые предметы, созданные шепотом, и лук этот был направлен прямо на меня, пока его тетива с характерным звуком натягивалась. — На плакатах видно только портрет лица, там нету свистка. Откуда ты знаешь про свисток?

— Я же его видела, мистер Майерс! — внезапно опомнилась я. — Я тоже была в этом кафе и все прекрасно видела! Уберите, пожалуйста, ваш лук!

— Ответ неверный, — соскалился он. — Если бы ты видела и не лгала мне, то сразу бы так сказала, а не сослалась бы на то, что все об этом знают, — Майерс поймал меня на ошибке, теперь уже нельзя было отталкиваться от плана с мирным вариантом развития событий.

— Вы все не так поняли! — начала оправдываться я, медленно отходя в сторону переулка. — Давайте сейчас уберем эту штуку и поговорим спокойно!

Он не спешил идти следом за мной, почуяв неладное, однако вид Майерса с каждой секундой менялся, будто тот опасается не того, что может быть в переулке, а того, что я могу через него сбежать. Люди же вокруг стали сдавать назад, предчувствуя заварушку, потому улица стала постепенно очищаться от лишних глаз.

— Кто этот парень с черными волосами? — задал он очередной вопрос. — Вы оба в этом замешаны? Какие у тебя цели, стерва?

— Ничего такого, мистер Майерс, я чиста и благожелательна! — продолжала оправдываться я, начиная паниковать, ведь в этот момент появилась самая большая угроза моей жизни.

— Ты идешь со мной! — приказал он, бросившись в мою сторону.

Лишь благодаря тому, что нас разделяла пара метров, я успела вовремя среагировать и перейти на бег в момент, когда тот ослабил хватку на тетиве, потому мне удалось добежать до угла и шмыгнуть в переулок, где я практически сразу столкнулась взглядом с засевшей в западне Хомурой.

— Справа! — прокричала я ей, после чего тотчас бросилась на пол, чтобы не помешать

ответному удару.

В эту же секунду в переулке мелькнули большие потоки воды, устремившиеся прямо в ту сторону, откуда я убегала. Едва прошла секунда, как из-за угла показался Майерс, он сразу же заметил угрозу и хотел было отпрыгнуть назад из переулка, но вода настигла его быстрее, чем тот успел что-либо сделать. Оказавшись в крепкой хватке физически неправильной и странной воды, Майерс был не в состоянии мгновенно выбраться и ускользнуть, потому Хомура, пользуясь моментом неожиданности, потянула мерзавца вглубь переулка и с бешеной силой впечатала того в стену напротив меня, от чего крепкие бетонные блоки в миг потрескались и деформировались внутрь.

— Сейчас! — прокричала Хомура, дав команду закончить начатое.

Неожиданное нападение и удар о стену дезориентировали Майерса, ему нужно было время прийти в себя, даже если это какие-то незначительные секунды. Воспользовавшись слабостью противника, я подскочила с земли на ноги и бросилась на сближение, стараясь настигнуть цель как можно быстрее. Оказавшись вплотную, я была готова действовать, потому сию секунду вцепилась правой рукой в лицо Майерса.

Теперь уже для него выхода не было — все кончено, ведь самой главной целью операции было именно соприкосновение моей руки с его лицом. В любой другой ситуации Майерс мог дать отпор, пока я применяю способность, но, будучи в связывающих объятиях девочки из Трущоб, гвардеец не имел и шанса выбраться.

В переулке послышались характерные потрескивания, какие бывают у одинокого костра в ночной тишине, моя ладонь засияла тусклым фиолетовым цветом, от лица Майерса стала отслаиваться кожа, а мое тело почувствовало, как в него проникает очередная жертва, что станет моей новой личностью.

Да, именно так девушка по имени Эмбер обрела для себя образ — я никогда не могла меняться по собственному нраву и мелочным прихотям. Все эти люди, которые живут внутри меня, когда-то имели свою собственную внешность и были личностями, пока по их душу не пришла я. Лилия Тэтчер тоже была среди них, обычная девушка Гармонии стала жертвой безобразного монстра только лишь из-за своей красоты, которую я у нее отняла, не обойдя стороной и документы. Было бы неплохо собрать из себя идеал, но на свете нет ни единого человека без изъянов, а сборную солянку на себе не организовать.

Меня не беспокоят муки совести только из-за того, что способность не убивает свою жертву, а лишь погружает ее в длительный сон, который продлится до тех пор, пока я не вернусь к телу вместе с его подлинным лицом. Настоящей кармой за грехи может быть лишь моя смерть, ведь после нее все те, кто живет внутри меня, разом проснутся и продолжат жить своей собственной жизнью, даже не предполагая, что обидчик понес наказание.

Когда наконец процесс был окончен, треск затих, как и Майерс, безжизненно свесивший свои руки, минутой ранее державшие меня за предплечье. Оторвав от лица Бена руку, я увидела привычный окаменелый портрет, имитирующий то лицо, которое однажды принадлежало владельцу, но не несущее в себе той красоты, что ему была свойственна.

— Все? — окликнула меня Хомура.

— Да, — однозначно ответила я.

— Уходим! — скомандовала она, вынув из кармана «бэкдор».

Стоило Хомуре ослабить хватку, тело Майерса упало за землю, а сама девушка тотчас схватила его за плечи, приподняв в сидячее положение, желая унести тушу с собой в орден, чтобы избежать неприятных последствий и дать нам возможность разговорить его. Я же

повторила все вслед за Хомурой, и мы в одно время нажали на кнопки.

***

Всего лишь мгновение, сопровождаемое яркой вспышкой и странным хлопком, и мы оказались на пороге ордена «Спектр», с тяжестью рухнув на твердый пол, мягкости которому лежащий на нем яркий красный ковер совсем уж не добавлял. Майерс тоже оказался здесь, потому наше предположение о том, что вместе с собой с помощью «бэкдора» можно утащить не только себя самого, но и кого-то еще, оказалось верным.

Стоило нам осмотреться, как в поле зрения показались знакомые лица, среди которых были Ашидо и Итачи, и глава выглядел больно уж странно, словно на его глазах кто-то неожиданно умер. Глядя на нас многозначным взглядом, Ашидо молчал и глухо хрипел, а после чего и вовсе схватился за правый бок. Простояв так еще некоторое время, продолжая поддерживать тишину, он все-таки оторвал руку от бока, и на ладони показалась кровь.

— Хорнет, — вдруг отрывисто заговорил он в рацию, — организуй транспорт гостя из холла в карцер, приставь к нему охрану, дело срочной важности, — договорив, Ашидо переключил свое внимание на нас, а после грозно произнес. — Объяснитесь в медпункте.

Слово за слово, в холле начали собираться люди, не понимая, что здесь происходит, а босс, взмахнув рукой, подал нам знак следовать за ним. Таким образом пришлось идти за еле ковыляющим Ашидо в сторону медпункта, который мы-таки смогли настигнуть, пусть и не так быстро.

— Мистер Даян, нужна ваша помощь, — произнес Ашидо, едва войдя внутрь.

— Конечно, Ашидо, присаживайся, — улыбнулся Джозеф, указав на кушетку.

Пройдя вглубь медпункта, Ашидо занял свое место и искоса уставился на нас, словно мы в его видении враги номер один.

— Когда успел пораниться? — спросил у него Джозеф. — И почему пришел ко мне, не став излечиваться самостоятельно?

— Там что-то есть, — ответил Ашидо. — Какой-то осколок или что-то вроде того. Вытащите, пожалуйста, потому что я не хочу копаться в собственных кишках.

— Обезбол? — уточнил мистер Даян.

— Желательно, — подхватил босс.

Таким образом в комнате начался процесс извлечения чего-то из брюшной полости Ашидо. Кругом царила мертвая тишина, и мы с Хомурой боялись произнести лишнее слово, ожидая того, что произойдет дальше, пока он сам с нами не заговорил.

— Майерс в отрубке?

— Да, он в отрубке, — подтвердила я. — Еще очень долго не очнется, а если точнее, пока я сама не решу, что надо просыпаться.

— Хорошо, — вздохнул он. — А теперь объясните, какого хера это вообще было?

На этом моменте я совсем проглотила язык, не думая, что смогу оправдаться, однако Хомура, вопреки моим ожиданиям молчать, заговорила.

— Мастер, мы с Эмбер решили провести негласную операцию, основываясь на тех возможностях, которыми располагаем. Следуя дедукции и тщательно проанализировав прошлые стычки, мы смогли определить место и время следующего появления Майерса, а затем решили взять его живьем.

— Вы реально решили напасть на высшего гвардейца, не поставив в известность меня? — вспыхнул Ашидо. — А если бы операция провалилась? Он видел Эмбер в этом образе, видел меня и, полагаю, видел тебя, Хомура. Они бы догадались, кто прячется за

маской, стоило Майерсу только свистнуть в мою сторону. Вы понимаете, насколько безрассудно поступили?

— Понимаем, — в один голос ответили мы.

— Что же с вами делать, — тяжело вздохнул он. — Вы молодцы, девочки, но так поступать нельзя. В следующий раз обязательно расскажите мне о ваших намерениях, потому что в один день может так не повезти, и весь наш орден накроется медным тазом.

— Прости, Ашидо, — раскаиваясь, промычала я.

— Все нормально, Эмбер, все уже позади, — отчужденно ответил Ашидо. — Что там с осколком, Джозеф?

— Секундочку, почти, — пробурчал мистер Даян, уже доставая из кучи мяса спрятавшиеся содержимое, и удивился, осознав, что только что попало ему в руки. — Ого, взгляните, мастер Тайкон.

Он выставил перед лицом Ашидо странный осколок, от чего тот удивился еще больше, словно неожиданному сюрпризу на дне рождения.

— Это...

— Слаговая пуля, — подметил Джозеф. — Такие используют в дробовиках, охотничьих и рычажных винтовках.

— Это что получается, — задумался Ашидо. — Вы вернулись в орден через «бэкдор», притащив с собой пулю? Кто в вас стрелял?

Собственными глазами увидев пулю, я обомлела, даже не заметив, что что-то подобное в самом деле произошло, и только сейчас поняла, что тот странный хлопок не был звуком, издаваемым «бэкдором».

— В нас никто не стрелял, — ответила Хомура, — я даже не представляю, откуда она могла там взяться.

— Кажется, я поняла, — заговорила я, решив донести до окружающих свою догадку.

— Что ты поняла? — вновь с грозным видом посмотрел на меня Ашидо.

— Хомура, — обратилась я к девушке, так и не понявшей, как нам сегодня повезло, — любая из нас могла умереть, мы просто вовремя ушли и только благодаря этому остались живы.

— К чему ты клонишь? — непонимающе спросила Хомура.

— Кто-то выстрелил в нас, но промахнулся, а пуля попала в промежуток между тобой и Майерсом, потому «бэкдор» посчитал, что она является частью тела, переместив ее в холл, где та попала в живот Ашидо.

— Да ладно, — обомлела Хомура.

— Я знаю только одного человека, стреляющего из оружия, которому принадлежит эта пуля, — соскалился Ашидо.

— Убийца Лаффи, — подхватил Джозеф. — Я прав?

— На все сто процентов, — прорычал Ашидо. — Значит, именно напарник Майерса убил ее, тот неадекватный псих в синем плаще, как он его описывал...

В этот момент Ашидо выглядел необычайно озлобленным, словно вся скрытая ненависть собралась в одном месте, и лицо приобрело такие дикие черты, которые скрыть попросту невозможно.

— Идите с карцер, объясните ситуацию Хорнет и Торину, а затем можете отдыхать, — приказал он.

— Хорошо, — согласилась Хомура, проследовав к выходу.

— Еще раз, прости нас, Ашидо, — напоследок сказала я.

— Все нормально, вы дали мне уверенность в том, кого искать, — отмахнулся Ашидо.

— Ладно, — улыбнулась я, после чего последовала за Хомурой.

Скрывшись за дверь, я столкнулась с девушкой, на лице которой сияла непробиваемая злорадственная улыбка, смысл которой не удавалось понять, однако это выглядело так, словно Хомура довольна исходом сегодняшней вылазки.

— Я надеюсь, ты услышала приказ Ашидо о том, что не стоит больше безрассудствовать, — предостерегла ее я, опасаясь, что Хомура еще что-нибудь учудит.

— Ох, я только начала, — столь же пугающе улыбнулась она.

Что же у тебя в голове, девочка из Трущоб...

Глава 51: Пик безрассудства

Если правильно объяснить людям «зачем», они всегда найдут способ «как» — еще в далеком детстве мне неоднократно приходилось слышать эти слова от уличных проповедников, что слонялись по грязным улицам Трущоб с единственной верной целью поднять дух здешних обитателей и вырвать их из повседневной рутины в реальность, на которую следует обратить внимание.

Я всегда умела убеждать, заставляла людей полагаться на собственные идеи, порой выходящие за рамки разумного, в которые самой с трудом хотелось верить. Именно так случилось и с Эмбер, ведь я смогла подстрекнуть ее поучаствовать в захвате Майерса, смогла убедить в том, что без нее мне не справиться, а детали операции продуманы настолько тщательно, что об угрозе жизни и речи быть не может — все это ложь, очевидно.

Я верила только в свои силы, только в свою идею, а Эмбер была ключом для следующей негласной вылазки, планируемой начаться в кратчайшие сроки после захвата Майерса. Все пошло совсем не по плану в момент, когда Ашидо словил пулю за нас, отругав за самовольность по самое «не хочу», однако, если на мою напарницу предостережение повлияло именно так, как и должно было, то мой огонек в сердце парочка слов погасить была не в силах.

Скажу сразу, было действительно сложно уломать Эмбер довериться мне еще раз, вложить всю свою волю в одну единственную операцию. Только лишь потому, что все прошло достаточно гладко, и мы вышли из ситуации победителями, она нашла в себе силы для повторного вызова дворцу, но на этот раз от нее практически ничего не зависело, кроме моей собственной жизни, с которой я вполне была готова расстаться, если моя жертва внесет достаточный вклад в будущее народа Гармонии.

Сейчас, когда с момента прошлой операции прошло две бессонные ночи, минувшие за литрами крепкого кофе и часами безостановочных мыслительных процессов, мы были готовы приступить к реализации, разумеется, скрыв все от остальных.

— Не нравится мне все это, — проворчала грубым мужским басом сидящая на бетоне Эмбер, прокручивая в руках гвардейский значок.

— Всего одна операция, Эмбер, — спокойно ответила я, — все будет хорошо.

— Мне точно влетит, когда Ашидо обо всем узнает, — вздохнула она.

— Если результат перекроет вложения — нет.

— Ты вынуждаешь меня целиком полагаться на тебя, — поморщилась Эмбер, все еще будучи не в восторге с самого начала дня. — А что, если все пойдет не по плану? Ты же понимаешь, что собираешься сделать?

— Я все уже взвесила, Эмбер, хватит грузить меня своими предостережениями, — отмахнулась я, будучи не в духе сегодня передумать.

— Я просто переживаю за тебя, Хомура, — промямлила она, опустив голову. — Пойти туда без баллонов, без поддержки, без плана «Б»... Кто же тебе поможет, если ситуация выйдет из-под контроля?

— Ты мне поможешь, — улыбнулась я, уперев руки в боки. — Просто сделай то, что от тебя требуется, а дальше я уже сама со всем разберусь. В любом случае, «бэкдор» тоже на моей стороне и в критической ситуации точно поможет.

— Видит Бог, мне это аукнется, — хрипящим голосом проговорила она.

Время было не на нашей стороне — с каждой минутой ситуация усугублялась, и нужно было дать знать о себе как можно быстрее, пока было еще не слишком поздно.

— Если ты готова — идем, у нас много работы, — однозначно заявила я.

— Что с тобой поделаться, — фыркнула она, после чего поднялась на ноги.

Честно говоря, я не была до конца уверена в том, что все пройдет гладко, и опасения мои основывались не на собственных неучтенных сюрпризах, а на способности Эмбер сыграть ту роль, которая ей уготована. Говоря простыми словами, Майерс не был случайной жертвой — это я выбрала его в качестве одного из многих козырей в собственной игре. Мы схватили его не ради преимущества для «Спектра», не ради того, чтобы допросить и вытянуть из него важную информацию, а в качестве визитной карточки во дворец.

Да, вы не ослышались, я в самом деле собираюсь проникнуть во дворец, пользуясь теми благами, что мне предоставила Эмбер, украв внешность одного из доверенных высших гвардейцев. Проблема заключалась не столько в проникновении, сколько в способности моей напарницы поддержать образ практически неизвестного нам человека, не выдав себя в ответственный момент.

Я была действительно ошеломлена, когда некогда стройная и привлекательная молодая девица в миг обратилась в высокого элегантного мужчину, а ее тонкий голосок стал настолько низким, что прежний даже сымитировать не представлялось возможным — полное сходство, не иначе. Все должно было обстоять так, будто плененный Бенедикт Майерс сумел вырваться из лап похитителей, забрав у одного из них жизнь, а у другого свободу — то есть у меня. Брать во внимание факт того, что у Майерса на то не было ни малейшего шанса, никто не будет — все должны поверить в наш сценарий, и именно от успеха этой маленькой аферы зависит все дальнейшее продвижение.

— Приступим, Эмбер, — скомандовала я, — действуем строго по плану.

— Не помню, чтобы тебе давали слово, нищевродка, — подхватила Эмбер, уже вжившись в свой новый образ.

— Отлично, — ухмыльнулась я, — идем.

***

Через некоторое время мы уже пешим ходом сближались с огромными воротами Парадного района, служащими единственным входом внутрь этой неприступной крепости. Всего таких было четыре, и располагались они по четырем сторонам света для простоты и удобства. Такие пропускные пункты в основном выделялись именно огромными пятиметровыми дверьми, которые большую часть времени стояли неподвижно и под замком, однако помимо них по сторонам также имелись и другие входы куда меньшего размера для персон, вроде Майерса и ему подобных.

У Северных ворот нас уже встречали сотрудники Парадного КПП, которых предстояло преодолеть, дабы пройти внутрь района. Они мало чем отличались от рядовых гвардейцев, однако символ с восклицательным знаком на спине и красная повязка на плече отлично выделяли их на фоне остальных служащих.

— Смирно! Поклон! — зашевелился, судя по всему, командующий КПП, заметив наше приближение.

— Вольно, — скомандовал Майерс, которого мне всей душой хотелось назвать Эмбер, но таким образом можно было столкнуться с ошибкой восприятия и выдать себя в самый неподходящий момент. — Сообщите Его Высочеству, что Майерс прибыл с пленником из «Спектра».

— Есть! — подхватил сотрудник КПП, дав знак одному из своих подчиненных исполнить приказ, а сам в это время бросился открывать дверь.

Начало операции было положено, дверь отворилась, и мы с визитной с карточкой проникли внутрь Парадного района. Далее предстояло лишь около тридцати минут ходьбы до дворца, а следом за этим час бесцельных блужданий по коридорам, если никто не соизволит нас проводить. Плавая в тревожных мыслях и изредка обсуждая детали плана, мы таки дошли до дверей дворца, или, как его еще называют, цитадели, где нас встретили очередные гвардейцы, но на этот раз все обстояло иначе, и двери сами собой распахнулись, а люди ни слова не произнесли в сторону вышестоящего по службе, лишь подчинительно преклонившись.

Едва мы вошли внутрь дворца, на пороге нас уже встречала весьма необычная персона, с которой еще не приходилось лично пересекаться.

— Хороший улов, мистер Майерс, — в доброй манере улыбнулся старик, которого все знали, как генерала Фридриха Кафку. — Вижу, вы сегодня в добром здравии и скверном настроении. Неужто чем-то не довольны?

— Пришлось туго, скажем так, — отмахнулся Майерс.

— Вижу, мистер Майерс, — спокойно ответил он. — Еще бы денек, и вас отметили бы в кандидатах увековечить свое имя на мемориале славных павших гвардейцев, однако, к всеобщему удивлению, вы вернулись сюда целым и невредимым, да еще и с пленником. Поздравляю, солдат!

— Честь и слава, генерал! — воскликнул Майерс.

— Честь и слава! — подхватил Кафка.

— Благодарю вас, генерал, — слегка преклонился мой напарник, — а теперь будьте добры сопроводить нас до тронного зала.

— Разумеется, идемте, — согласился Фридрих.

Таким образом мы оказались в компании генерала, атмосфера рядом с которым с каждой секундой сгущалась все сильнее, будто в тумане, что становится все темнее с заходом солнца. Со стороны он выглядел безмерно добрым и все время улыбался, однако я уже давно научилась не доверять подобным персонам, ибо внешность бывает обманчива.

— Мистер Майерс, — внезапно заговорил он, — вы не считаете, что стоило бы удвоить охрану пленницы, пока мы идем к тронному залу? Зная способность этой девчонки, я опасаясь, что она может что-нибудь учудить. Фонтаны мы уже отключили, но все же...

— Сука, — в душе закричала я.

Было очевидно, что гвардия попытается изолировать меня от воды, чтобы избежать непредвиденных ситуаций, однако я до последнего надеялась, что они не додумаются высушить те фонтаны, которые так ярко мелькают на фотографиях тронного зала в интернете.

— Нет нужды, генерал, — отстранился Майерс. — Видите устройство, которое болтается у нее на шее? — он указал на «бэкдор», который все это время оставался при мне, на что Фридрих сразу же обратил внимание. — С этой вещицей девушка ведет себя крайне покорно, лишь бы не испытать той пронзающей боли повторно.

— Хах, не знал, что вы разбираетесь в электронике, — усмехнулся Фридрих.

Очевидно, Майерс соврал, чтобы отвести внимание от «бэкдора» самым нестандартным для того образом. С этого момента все нераскрывшиеся подозрения в миг отпали, а я все еще могла в любой момент вернуться домой, как и Эмбер.

Некоторое время спустя мы вышли на финишную прямую, о чем нам дал знать сам генерал, насмехаясь над моей усталостью от долговременной ходьбы по бесконечным коридорам и лестницам своими короткими ножками — как смешно, придурок.

— Дальше я сам, — отстранился Майерс. — Благодарю за содействие, генерал.

— Обращайся, солдат, — ухмыльнулся старик. — Уверен, после сегодняшнего дня тебя ждет повышение. Ну-с, не прощаюсь, — напоследок произнес он, похлопав Майерса по плечу, после чего развернулся и тихой походкой устремился по лестнице вниз.

С этого момента начиналась самая кульминация, нервишки от предвкушения которой так и шалили, да и не только у меня самой. В конце длинного блестящего коридора, устланного широким красным ковром, находился тронный зал, который было видно аж отсюда из-за высоких резных колонн, выпирающих на фоне других стен, что кидались в глаза с любой точки обзора.

— Ты все еще этого хочешь? — в очередной раз предостерегла меня Эмбер в обличии Майерса. — У нас еще есть шанс повернуть назад.

— Уже поздно сбегать, когда мы зашли так далеко, — отстранилась я. — Сделай, что должна, а я уж как-нибудь сама справлюсь.

— Ладно, — тяжело вздохнул Майерс. — Как только я покину тронный зал, ты будешь сама по себе. Постарайся тянуть время как можно дольше, пока я не закончу свою часть плана.

— Знаю, — дрожащим голосом ответила я, — рассчитываю на тебя.

— Что ж, вперед.

Делая робкие шаги, эхо от которых разлеталось по всему этажу, мы выдвинулись навстречу своему главному врагу. Едва нога ступила на твердый пол перед большими сияющими дверьми, которые скорее были похожи на ворота, мое сердце забило так, словно с минуты на минуту выпрыгнет наружу. Мы были готовы ко всему, следовали плану практически с идеальной точностью, но страх все равно нарастал, чего я не испытывала уже долгие годы своей бедной жизни.

— Готова? — спросил Майерс, положив руки на тяжелые двери.

— Приступим, — ответила я дрожащим и прерывистым голосом.

В этот момент в коридоре раздался скрип, тяжелые двери поддались весу Майерса и отворились. Пред нами раскрылся вид на безумной красоты просторное помещение, каждый квадратный метр которого говорил сам за себя. На потолке виднелись сияющие дворцовые люстры, освещающие живописные фрески, белые стены каждые три метра разделялись высокими позолоченными колоннами. Сам зал делился на две части, одна из которых находилась ниже другой и прилегала ко входу — именно здесь находились те самые знаменитые королевские фонтаны. Вторая же часть зала находилась на возвышении, и путь к ней пролегал через невысокую лестницу по центру, где по краям от нее находились полутораметровые возвышения. Именно там находилось главное достояние зала — королевский трон, прямо за которым раскрывался потрясающий вид на всю Гармонию через огромное округлое окно.

Как и ожидалось, вблизи трона стоял и сам король — Котай Изуми I, вид которого нисколько не уступал окружению: искусное синее королевское одеяние с роскошным мехом, белая дворянская рубашка с золотыми пуговицами и драгоценными камнями в их центре, гладкие штаны, упирающиеся в высокие причудливые сапоги, а в дополнение ко всему блестящая корона на голове, мелькающая контрастом над пышными черными волосами, под

которыми скрывается коварный и лицемерный портрет.

Все в этом помещении можно было назвать сияющим, кроме единственной серой на вид девушки — дочери короля. Мы уже были с ней негласно знакомы, но в реальности я представляла Аой совершенно иначе. Пусть ее длинные синие волосы в комбинации с разного цвета сияющими глазами выделялись на фоне всего прочего, она выглядела так, словно мышь, застрявшая в мышеловке.

— Ваше Высочество! — с ходу воскликнула Эмбер. — Бенедикт Майерс прибыл!

— Рад видеть тебя в добром здравии, Майерс, — играючи ответил король. — Не томи, докладывай.

— Есть! — отреагировал Майерс. — Спешу сообщить, что в ходе моего последнего патруля, я подвергся нападению двух членов организации «Спектр». Им удалось обезвредить меня и схватить, однако, очнувшись, я застал нападавших врасплох и смог дать отпор. Перед вами сейчас стоит...

— «Ангел Трущоб», я знаю, — оборвал Котай. — Что со второй? Той, что с красными волосами?

— Лилия Тэтчер мертва, Ваше Высочество, — объяснился Майерс.

— Ты проигнорировал мой приказ не убивать членов «Спектра»? — грозным пронзающим взглядом озарил король Майерса.

— Никак нет, Ваше Высочество! — воскликнул гвардеец, за коего выдавать себя становилось все сложнее. — Это была вынужденная мера самообороны. Поступи я иначе, точно распрощался бы с жизнью, однако при таком раскладе мало того, что остался жив, еще и захватил Эверби в плен.

— Понятно, — протянул Котай, смирившись с таким ответом. — Хорошая работа, Майерс, в коем-то веке хоть кто-то меня порадовал. Ступай, возьми выходной, я выдвину твою кандидатуру на звание полковника.

— Честь и слава, Ваше Высочество! — мгновенно подхватил Майерс.

— Честь и слава, солдат! — прокричал король.

На этом моменте ключевая роль Эмбер была исполнена, потому она могла спокойно уйти, сохранив свою жизнь. Благодаря ее грамотно подобранным словам, я смогла подобраться к врагу так близко, как никто до меня еще не подбирался, однако расслабляться было еще рано, ведь это — лишь начало.

— Береги себя, Хомура, — смиренно и отчужденно полусшепотом проговорил Майерс, удаляясь из тронного зала.

— Постараюсь, — где-то глубоко в мыслях промямлила я, свыкаясь с обстановкой, в которой неизвестно как оказалась.

Двери тронного зала вновь зашумели, и через некоторое время мой единственный напарник скрылся за тяжелой преградой, оставив меня наедине с самой собой в самом сердце врага. С этого момента действовать нужно было осторожно, полагаясь лишь на себя и свои силы, потому я, собрав всю волю в кулак, усмирила маленького зверька, что забился в угол где-то глубоко внутри, выставив напоказ того, кем всегда хотела себя видеть.

— Что ж, Хомура Эверби, — заговорил Котай, — признаюсь, неожиданно увидеть тебя здесь собственной персоной.

— И Вам не хворать, Ваше Величество, — прорычала я, сжав кулаки.

— Довольно дерзко для маленькой девочки, «Ангел Трущоб», — глумился он. — Вижу, ты явилась сюда без единого намека на синяки и царапины, будто самовольно и без какого-

либо сопротивления сдалась в руки моего подчиненного только ради того, чтобы попасть на личную беседу.

— Вы очень проницательны, господин Изуми, — ухмыльнулась я.

— Пожертвовала напарницей ради переговоров? — продолжил издеваться король. — Что за переговоры такие, ради которых можно кем-то пожертвовать? Пришла говорить от лица всего ордена?

— Я буду говорить за себя и свой народ, — дерзнула я, начав постепенно набираться уверенности.

— Свой народ? — незаметно для меня оторопел Котай. — Что конкретно входит в это понятие? Отбросы Трущоб?

— И не только, — фыркнула я, не потерпев таких грязных слов. — О них я буду говорить в первую очередь, однако, к Вашему сведению, в понятие «народ» входят не только жители Трущоб, но и остальные граждане Гармонии.

— Ты забываешься, Эверби, — нахмурился он. — Народ Гармонии подчиняется только своему правителю и конституции, и ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

— Это Вы забываетесь, Ваше...

— Молчать! — сию секунду оборвал Котай, уставший терпеть мою дерзость. — В Гармонии нет места изменникам, и это лишь чистое везение, что ты до сих пор не под лезвием гильотины. Поумерь свой тон, грязная девчонка!

— Отец, — вмешалась Аой, выговорив слова так, словно долго взвешивала, стоит ли вмешиваться, — позволь ей высказаться. Мы до сих пор точно не уверены в мотивах «Спектра» и в их безрассудных действиях. Она могла бы объяснить нам, в чем заключается их неприязнь к тебе.

— Ты предлагаешь мне смириться с наглостью и выслушать ее? — неуверенно пробормотал он.

— Пойми, нам же будет лучше, если ты пожертвуешь крупицей гордости ради информации, — осторожно произнесла Аой.

В этот момент король в самом деле задумался, стоит ли ему продолжить слушать какую-то грязную оборванку, или сразу отправить ее на эшафот.

— Твоя удача, «Ангел Трущоб», — произнес он после короткой паузы. — Я готов тебя выслушать, но учти, что каждое неаккуратное слово ляжет на мою половину весов.

— Учту, Ваше Величество, — прошипела я.

— Тогда, говори, Хомура Эверби, что движет лично тобой и всем орденом, к которому ты принадлежишь. Я хочу знать все вплоть до мельчайших деталей.

Наконец-то, спустя долгие годы я получила шанс быть услышанной. Много крови было пролито на этом пути, много слез было пролито на грязную землю, и все это не оказалось напрасным. Сейчас я могу высказать королю в лицо все, что накопилось глубоко в сердцах потерявших всякую надежду граждан. Трущобы гордились бы тобой, Хомура.

— Сложите корону, господин Изуми, — с уверенной ухмылкой проговорила я.

— Что ты сказала? — оторопел Котай.

— Как и было упомянуто ранее, я говорю от лица всего народа Гармонии. Мы устали от Вашего кровавого правления, людям не нужен такой король, который не заботится о благополучии своих граждан, а только лишает их мечт и закрывает рты каждому смелому возразить.

— И много ты знаешь о королях, девочка? — усмехнулся он. — Там, где ты родилась,

люди не знают законов, никто не в курсе того, как работает система, в которой они живут. Так, откуда же тебе и твоим «белым» друзьям знать о том, как правильнее поступать «черни»?

— Пусть мы и не знаем системы, — отстранилась я, — изо дня в день мы сталкиваемся с ее жестокостью. Пока одни живут припеваючи, другие стараются выжить и достучаться до тех, кто их не слышит — до собственного короля в конце концов. Игнорируя нищету и преступность, вы сами закапываете собственную систему правления. Люди за стенами видят лишь свет надежды в названии «Гармонии», но что мы имеем в реальности? Дети, умирающие в стенах исследовательских лабораторий, нищие, умирающие в грязи, процветающий наркобизнес, разрушающий жизни и экономику, бесчинство на улицах города кровожадных маньяков, бандитов и мафии, продажных госслужащих, пользующихся своей неприкосновенностью, как им вздумается, а также гордую королевскую гвардию, которая построена на костях тех, у кого были свои планы на жизнь и свои собственные мечты, которые разрушили именно Вы.

— Ты обвиняешь меня в том, что лежит и на совести вашего ордена, Эверби, — парировал король. — Резня в лаборатории Колдена, поджог типографии с множеством жертв, испорченный юбилей «Австралийского пакта», гвардейские потери в Трущобах, диверсия на дамбе, нападение на «Восток», публичная казнь в памятную дату, трупы на широких дорогах Гармонии. Это я еще не сказал о прилюдном очернении короля и Гармонийской гвардии, а ведь это самая настоящая измена родине.

— Половина из перечисленного никак не относится к ордену «Спектр», — опровергла я. — Все то, что повлекло за собой человеческие жертвы, было вынужденной мерой на пути к нашей общей цели. Поджог типографии совершила гвардия, убийства внутри нее тоже на их совести. Последствия диверсии устраняла лично я при поддержке всех тех, кого вы оклеветали преступниками и чьи портреты развесили по всему городу. Сильвестр Ремизов, Стивен Колден, Хандзо и им подобные заплатились жизнями за свои грехи против народа Гармонии. Мы хотим лишь мира, равенства и свободы, а не жизнь под гнетом лицемерного и слепого короля.

Глядя на выражение лица Котая, я прекрасно понимала, как задеваю его жалкое эго, однако, помимо злобы на почве моей наглости, в его глазах мелькало что-то отдаленно напоминающее непонимание, словно король и сам запутался в том, что делает и что говорит. По окончанию этого диалога мы замерли в мертвой тишине, лишь сверля друг друга пронзительными взглядами, пока отчужденная Аой за всем этим наблюдала, сжимая в руках свое аккуратное одеяние, стора от напряжения.

— Предлагаю компромисс, «Ангел Трущоб», — наконец произнес Котай после длительной паузы. — Полагаю, мы оба в этом диалоге открыли для себя те стороны, о которых не знали. Отношения между дворцом и народом натянуты лишь по той причине, что мы живем в неведении о жизни друг друга.

— И что за подачку вы там себе надумали? — дерзнула я.

— Следи за словами, Хомура, когда сам король предлагает тебе решить вопрос раз и навсегда, — проскрипел зубами он. — Мы можем пойти друг другу навстречу в борьбе с одной общей проблемой. Если тебя это не интересует, можешь прямо сейчас сказать «нет» и отправиться в недры Гармонийской темницы.

— Я слушаю.

— Что ж, — замаялся Котай, — в твоих интересах прямо сейчас изложить мне всю

доступную тебе информацию об ордене «Спектр»: личности, способности, технологии, местоположение, союзники. Взамен я сниму с тебя все обвинения и поклянусь короной, что сделаю все возможное для того, чтобы уравновесить внутреннюю политику в сторону народа Гармонии, избавившись от прямых и косвенных угроз по отношению к простым гражданам. Твой ответ?

— И ни слова про гвардию на костях, не говоря уж о собственной персоне, — вздохнула я. — Именно по этой причине мы против вас ополчились — никто не хочет жить в страхе оказаться куклой среди других гвардейских кукол. Не спросите, почему мой ответ — «нет»?

— Говори прямо, «Ангел Трущоб», — прорычал он.

— У бесподобного короля Гармонии нет того главного качества, которое нашлось в обычном мальчишке — убедительности, — пояснила я, испытав гордость за того, кому доверилась.

— Если же в твоём видении я такой неубедительный, — нахмурился король, — почему же ты сама взяла инициативу в свои руки и явилась в самое сердце врага без какой-либо поддержки? Прийти сюда в одиночку достойно уважения, если, конечно, прямо за дверью сейчас не стоит толпа озверевших нелюдей.

— Почему я пришла сюда одна, спрашиваете, — на секунду задумалась я, ухватившись за ответ, который всегда лежал на поверхности. — Потому что нашему лидеру не хватает мотивации действовать — он работает осторожно, старается избегать жертв и тщательно продумывает каждый свой шаг, не замечая при этом такого простого пути, по которому решила идти я.

— Думая о том, смелая ты или глупая, я нашел для себя ответ, — вздохнул Котай. — Думаю, говорить больше не о чем, — произнеся это, он нырнул рукой в карман своего одеяния, вынув оттуда нечто похожее на кожаную перчатку.

Это был плохой знак, который говорил лишь о том, что диалог не получит продолжения, а я, к превеликому сожалению, еще не выиграла Эмбер достаточно времени. Вспоминая о том, чему меня всегда учил Ашидо, чему всегда были привержены жители Трущоб, и чему я всем своим естеством была верна с самого рождения, я понимала, что ни в коем случае нельзя сдаваться — цепляйся за жизнь и свои идеалы до конца, Хомура, потому что в твоих силах достигнуть заветного «Эверби».

— Навредишь мне, оставив хотя бы след, — соскалилась я, — «Спектр» сразу же начнет действовать, и тогда уже не останется варианта с мирным решением конфликта.

— Хомура-Хомура, ты так наивна, — искренне глумясь, улыбнулся король. — Думаешь, кучка детей со взрослыми игрушками могут бросать вызов дворцу? Могут бросать вызов мне?

— Это не просто кучка детей, — свысока ответила я, даже стоя ниже того, кто привык смотреть на всех сверху. — Время покажет, а я буду первой, кто бросит вызов по-настоящему.

В этот момент в тронном зале раздался странный звук, становящийся все громче и громче, словно что-то приближается. Считанные секунды спустя в тех высушенных дочиста фонтанах, в которых не должно было присутствовать ни капли воды, прогремел хлопок, следом за которым вся эта утонченная красота в миг разлетелась на куски, а из подведенных к ним труб вырвались неугомонные потоки бурлящей под высоким давлением воды, что тотчас расплескалась по всей нижней половине помещения, погрузив меня в то место, которое я могла бы назвать своим домом.

— Да! — воскликнула я, поняв, что не зря положила на Эмбер.

В этом и заключался наш план — заставить врагов думать, что я беззащитна без своих баллонов и воды в тронном зале. Другими словами, мы должны были снизить их бдительность, что позволило подобраться к королю настолько близко, насколько это возможно, а затем, в решающий момент, когда никто не ожидает подвоха, вернуть ситуацию под контроль, дав мне доступ к воде. Сейчас, когда я смогла протянуть время до решающего момента, Эмбер уже добралась до технического этажа и повысила давление в водопроводе до максимума, от чего в тронный зал в миг хлынули десятки литров воды.

— Попляшем, Котай! — ухмыльнулась я, буквально растворившись в той воде, что уже успела собраться под ногами.

Никому ранее я еще не показывала этой способности, потому что король и его дочь стали первыми, кто лицезрел «Ангела Трущоб» во всей красе. Все они ожидали тех примитивных и визуально видимых, оттого и предсказуемых атак, но я оказалась не такой простой. Как мы все знаем, тело взрослого человека в среднем на шестьдесят процентов состоит из воды, в то время как мое молодое достигает отметки примерно в восемьдесят процентов. Еще издавна примитивные микроорганизмы могли собираться воедино, образуя собой единый организм, составляющие которого живут в постоянном симбиозе друг с другом. Поскольку большая часть моего тела состоит из воды, которая беспрекословно мне подчиняется, я могу без задней мысли расщеплять все оставшиеся составляющие тела, обманывая всю мировую анатомию тем, что выдаю живые клетки за примеси.

Становясь самой что ни на есть лужей, я способна сохранять свою способность мыслить, обеспечивая контакт между всем тем, что теперь живет отдельно. Это делает меня фактически бессмертной для физических атак, выводя все прежние возможности на новый уровень, с которым горе королю теперь придется столкнуться лицом к лицу.

— Что за? — осекся король, потеряв меня из виду, сделав совсем отличное от прежнего лицо, утратившее всю уверенность.

— Сюрприз? — посмеялась я, издавая звуки в виде ряби, что разлеталась по неожиданно успокоившейся воде. — Тяжело терять преимущество, да, господин Изуми?

— Ты была здесь не одна, ха-ха, — наконец осознал Котай, посмеявшись над собственной недалёковидностью. — Это было частью твоего плана, не так ли?

— Именно, — подтвердила я. — Теперь, когда преимущество на моей стороне, диктовать условия буду я, и поверьте, прежней снисходительности уже не будет.

С каждой секундой по мере заполнения зала приливающей водой, все вокруг стало кардинально меняться: против всех законов физики жидкость постепенно заползала на стены, на потолок, растекалась по полу, заполняла воздух, делая его влажным — все больше и больше условий играли мне на руку. В какой-то момент и сам король оказался в луже, что посмела нагло промочить его причудливые кожаные сапоги с мехом, а вместе с ним в клетке оказалась и Аой — его «единственная» дочь.

— Хочешь, чтобы я испугался и сложил корону? — ухмыльнулся Котай. — А у тебя кишка не тонка, Хомура.

— Это были старые условия, Ваше Высочество, — прошипела я. — Придется встретити свой закат в собственном троне.

— Что ж, нападай, — еще шире улыбнулся он, словно многие годы ждал для себя возможности развлечься.

Не став долго думать, я перешла в наступление: из воды стали появляться копыя,

направленные на персону Котая. Их длины должно было хватать для того, чтобы поразить цель, к тому же извивающаяся природа, подобная щупальцам, делала их крайне смертоносными, не говоря уже о шипах, однако даже со всеми вышеперечисленными условиями король умудрялся уворачиваться от атак, словно за его спиной стоял многолетний боевой опыт, откуда и возникал вполне резонный вопрос — где же он овладел такой гибкой реакцией?

В процессе того, как мои атаки проходили мимо, Котай внезапно перешел в ответное наступление, заморозив несколько водяных копий разом. Да, он именно заморозил их, и сделал король это, используя ту самую перчатку, что минутами ранее надел на левую руку. В этот момент я поняла, что теперь придется остерегаться ответных атак и действовать осторожнее, ведь попасть под ледяной поток неизвестной мне магии означает мгновенную смерть.

Наблюдая с потолка за происходящим снизу, я с каждой секундой придумывала все более изощренные способы нападения, но ни один из них не достигал своей цели. Все больше и больше атак были направлены на сторающего в удовольствии от процесса короля, к ним добавлялись и всякого рода иглы, летящие с разных направлений, водяные лезвия, попытки поймать жертву в пузырь — но все тщетно, он уворачивался и отражал каждую, пока одна из атак все же его не достигла.

Одинокая игла, летящая в отдельности от остальных, подобно каждой другой, с бешеной силой врезалась прямо в шею Котаю. В этот момент я уже было подумала о том, что эта борьба на истощение по своему преимуществу склонилась на мою чашу весов, однако и эта атака не дала результата. Лишь яркая вспышка, подобная искре в оголенной проводке, мелькнула в том месте, куда попала игла, впоследствии распавшаяся на одинокие капельки, упавшие на пол к своей вечной родне.

— Защитился? — промелькнуло у меня в голове. — Неужели это какой-то щит, не дающий мне его ранить?

К черту — даже если этот щит способен отражать неожиданные атаки, я все равно могу вечно над ним издеваться, пока вода продолжает приливать и мое местоположение остается нераскрытым. Тебе не выйти отсюда живым, Котай Изуми — ради этого я пожертвую всем, что у меня есть.

— Аой, сверху! — внезапно прокричал он, увернувшись от очередной атаки.

— Да! — отреагировала Аой, сию секунду вытянув руки к потолку.

— Черт! — опомнилась я, поняв, что пора передвинуть свое тело в другое место, но, вопреки ожиданиям выйти сухой из воды, я потерпела неожиданный крах.

Тяжелая ноша внезапно взвалилась на плечи, словно слон, решивший покататься на маленькой девочке. В этот момент я отчетливо почувствовала, что стала притягиваться к земле намного сильнее, чем раньше. Из тонкого слоя воды на потолке показалась голова, а за ней плечи, туловище, а потом и ноги — я падала, в самом деле просто падала с потолка, будучи не в силах удержать себя на прежнем месте или куда-либо уйти, словно гиря, которую пытаются поймать одинокие пылинки на воздухе.

Поняв, что хвататься за потолок более не представляется возможным, я была готова упасть в ту лужу, что находится внизу, а перед этим и нанести еще одну неожиданную атаку. Как следует взвесив все «за» и «против», я нащупала в воздухе нити, ведущие к возможности повторно напасть, потому сразу же, не думая ни секунды над углом и силой атаки, выпустила несколько игл одновременно из разных точек комнаты, которые точно должны

были поразить короля, а вместе с тем и обезвредить Аой, которая выбрала не ту сторону конфликта.

Иглы вылетели со своих мест, устремились прямо туда, куда я их направила. Одна лишь секунда и... внезапная боль, прознающее чувство того, как внутренние органы вдавливаются друг в друга под действием прямого удара.

— Что это? — подумала я в тот момент, когда совсем не ожидала ответной атаки.

Несколько ребер в миг треснули, осколки костей вонзились в грудные органы, легкие сдавило настолько сильно, что не удавалось даже вдохнуть, а в дополнение ко всему прочему я почувствовала, как мое тело с той же скоростью полетело совсем в другую сторону. Пересекая на своем пути ласкающие кожу капельки воды в воздухе, чувствуя на себе легкий ветерок, я с огромной силой врезалась в большие двери тронного зала, что тотчас слетели с петель и разлетелись на осколки в самом центре, а я, не думая останавливаться, пролетела в сокрытую за ними стену, врезавшись еще и в нее, после чего наконец могла спокойно упасть на пол.

Тело с тяжестью рухнуло на твердую плитку, по всему коридору разлетелся неестественный звон, заглядывающий в самые отдаленные уголки бесконечного королевского дворца. Я лежала на полу без каких-либо сил продолжать свое сражение, в котором, как я думала, одержу верх. С этого момента энтузиазму не было продолжения, смелось полностью себя исчерпала, а вместо нее разум заполнил страх, пронзающий тело сильнее, чем те осколки ребер, что сейчас разрывают мои легкие.

— Нужно... бежать, — догадалась я, после чего попыталась нажать на кнопку «бэждора».

Именно для этих целей он был создан — спасти человека тогда, когда ему грозит неминуемая смерть, однако на этот раз он не сработал. Сколько бы я не старалась жать на кнопку, ничего не происходило: ни вспышки, ни звука. Только лишь через полминуты тщетных попыток сбежать я поняла, что ошиблась еще в самом начале.

— Ах... вода, — по лицу прокатились слезы, когда я наконец осознала, что сама отрезала себе путь к отступлению.

Какой же я была глупой в тот момент, когда позволила себе утащить «бэждор» в воду, в которой сама находилась. Под действием вынужденной электрокоррозии устройство пришло в негодность, а я этого даже не поняла... Вариант сбежать все еще оставался, если бы рядом со мной была хоть капля воды, чтобы дотянуться до всего остального, потому я с тяжелым грузом вины и бесконечно сжирающим разум страхом наивно ожидала, пока лужа вытечет за пределы тронного зала, но, вопреки всем остаточным надеждам, та замерзла прямо у меня на глазах, а тоненький лед в миг треснул под знакомым кожаным сапогом.

Едва взглянув на короля, я все поняла: беспросветные черные глаза, зрачок которых неестественно светился в ярко-оранжевом узоре из пересекающихся вокруг хрусталика колец, а из самих глаз наружу сочилась кровь, стекаясь по щекам к подбородку, откуда капала вниз. Эта атака, ставшая для меня роковой, мелькнула настолько быстро, что шанса увернуться не было изначально. Думая об этом, я невольно вспоминаю, как смогла отразить молнию, которая должна была ударить в меня. Это было на дамбе, когда шел один из сильнейших ливней в истории Гармонии, который можно было назвать штормовым. У меня была лишь секунда, чтобы предсказать момент раската и воздвигнуть вдали громоотвод, с чем я смогла справиться, но этот случай...

— Что будем с ней делать? — спросила перепуганная Аой, глядя на практически

бездыханное тело.

— Посмотрим, еще не вечер, — спокойно ответил Котай. — Она еще может оказаться полезной.

Его лицо казалось таким холодным, словно черствее человека на свете не сыскать, сколько бы ты не старался. Неудивительно, что дочь не рискнула встать против отца, ведь при подобном сценарии ее могла постигнуть та же участь, но факт того, что именно Аой стала моим худшим врагом, отбивал все надежды ее переубедить.

— Вот оно — истинное безрассудство, — подумала я, невольно вспомнив слова Ашидо.

Не знаю, почему я возомнила себя той, кто мог бы бросить вызов всей системе, против которой приходилось бороться всю жизнь. Все выходит в точности так, как и сказал король — я оказалась вовсе не смелой вершительницей истории, а лишь глупой ее пешкой на бесконечной шахматной доске Гармонии. Пройдут годы, и люди забудут обо мне и о моем бессмысленном вкладе, если только я не останусь в памяти тех людей, которые старались меня остановить и уберечь от подобной судьбы.

— Простите, ребята, — глубоко в душе сердце разрывалось, пока снаружи мелькали лишь слезы горечи. — Уверена, вы добьетесь своего, и Гармония станет тем местом, которое я всегда хотела видеть не только во влажных мечтах...

Как бы там ни было, а на этом моя история подходит к концу. Одно лишь гложет — Эмбер придется многое выслушать на мой счет.

Глава 52: Парадокс Кишин

Что ни день, то эмоциональный аттракцион, справляться с которым становится все сложнее, ибо каждую последующую выходку своих злейших врагов предугадать практически невозможно, не говоря уже о подчиненных, которые не способны выполнять элементарные задачи, что им поручают — то убьют кого-нибудь, то разгромят что-нибудь. Одно лишь радует — никто особо не самовольничает, руководствуясь собственным видением ситуации, как это сделала Эверби, решившись вторгнуться не куда-то, а именно в мой собственный тронный зал.

Нужна большая смелость, чтобы противостоять врагам, однако для такой искренности, которую выразила Хомура, в словах нужна куда большая смелость. Честно говоря, я был поражен тем, как она высказала все свое недовольство прямо мне в лицо, как никто до этого не делал. Даже все те люди из ордена «Спектр» решили действовать из-под тишка, диктуя свои абсурдные условия где-то за спиной короля, рассчитывая на то, что останутся безнаказанными — признаю, им удалось от меня ускользнуть в тот раз, но это вовсе не значит, что все окажется таким же радужным при следующей нашей встрече. Что касается Хомуры, то я бы назвал ее отличной от всех остальных, ибо в теле худой девочки сокрыто куда больше секретов, чем в ком-либо другом, не говоря уже о ее непредсказуемости.

Остается только гадать, что было у нее в голове в тот момент, когда Хомура решилась на личную встречу, ибо я испытал некоторые трудности с применением «шиирацу», которые никак не могу объяснить. Дело в том, что при первой и каждой повторной попытке влезть в голову «Ангела Трущоб», я каждый раз сталкивался с провалом, видя в глазах жертвы собственный взор, словно отражение в зеркале. Этот феномен не давал ни единого шанса докопаться до правды и узнать, где находится этот загадочный орден, и кто в нем состоит, а главное — кто им руководит.

Еще вчера я убедился в том, что эти люди настроены серьезно, сделав вывод из того, чем была снаряжена Эверби, что она говорила и что делала.

— Сложите корону, хах, — усмехнулся я, проговорив куда-то в потолок, — еще чего, «Спектр»...

Поначалу никто даже не заметил, что под кофтой «Ангела Трущоб» все время нахождения во дворце скрывался самый настоящий экзоскелет, качество которого поразило даже дворцовых механиков. Спешу предположить, что в его разработке и создании замешана Хагашида, которая, ко всему прочему, сделала и тот странный прибор, которым Хомура хотела воспользоваться в последний момент нашей схватки, перед тем, как потеряла сознание. Проанализировав его схему, дворцовые инженеры сделали однозначный вывод, назвав устройство сканером, который должен был передать массив данных куда-то за пределы дворца, но никто так и не смог ответить, куда эти данные должны были попасть, и для чего конкретно они предназначались.

— Отец, — окликнула меня Аой, вырвав из потока беспорядочных мыслей.

— Чего? — отреагировал я, отвернувшись от окна в тронном зале в сторону дочери.

— Ты же не собираешься ее убивать, правда? — взволнованно спросила она.

— Наверяд ли, — спокойно ответил я. — Было бы неплохо завербовать Хомуру, но, боюсь, она даже под дулом пистолета не встанет на нашу сторону, потому остается только воспользоваться остаточной частью ее потенциала.

— Она тоже тебя впечатлила, да? — осторожно произнесла Аой, опасаясь, что такие слова могут меня задеть.

— Нисколько, — соврал я, сделав непоколебимый вид. — У Хомуры характер война, коего порой не хватает даже прославленным гвардейцам, но она выбрала не ту сторону, даже имея возможность направить свою силу и решимость в полезное русло.

— Ты о службе в гвардии? — догадалась Аой. — Тяжело представить ее на одной линии с Айсом, Шевцовым, Майерсом и остальными.

— Тем не менее, — продолжил я, думая об утраченном потенциале. — Эти люди как раз входят в число тех, кто служит дворцу бескорыстно и добросовестно, другими словами, они не соответствуют понятию Хомуры о гвардии, построенной на костях — имеют свое мнение, работают по своим принципам, подчиняются слову короля добровольно. Если бы каждый гвардеец исполнял свой долг так, как это делают они, осознавая ту опасность, которую носители представляют для общества, мне не пришлось бы идти на такие радикальные меры.

— Но... разве это хорошо? — замялась она. — Вот так просто отнимать у людей свободу только из-за их потенциальной опасности?

— Ты не понимаешь, Аой, — тяжело вздохнул я, — никто не понимает. Если бы у носителей была свобода, Гармония давно погрузилась бы в хаос, ибо бесконтрольность несет за собой разрушение. Я уже давно убедился в том, что рабочей анархии не существует, что добрый и мягкотелый король никогда не построит сильное государство.

На этом моменте в голове стали всплывать навязчивые воспоминания, от которых хотелось поскорее отмахнуться, ибо все давно минуло, и от прошлого ничего не осталось, кроме дурных последствий, отразившихся на моем собственном мировоззрении.

— Без сильного государства нет смысла в сильном короле, ибо он падет первым, а вместе с тем и остальных за собой утянет, — еще тяжелее вздохнул я.

В этом мире все устроено иначе, все кажется таким незнакомым и странным, потому приходится подстраиваться под реалии того времени, в котором приходится жить, но, когда ты, казалось бы, уже привык и нашел свое место, навязчивые мысли снова берут верх, напоминая о том, что ты здесь один... в обители самозванцев.

— Ваше Высочество! — послышался женский возглас со стороны входа.

Обернувшись к источнику шума, я застал в дверях Виви, ожидающую ответной реакции на обращение. В ее глазах читалось непонимание, словно молодая девушка пришла обратиться за советом к старшему наставнику.

— В чем дело, Триумф? — поинтересовался я.

— У меня доклад от сотрудников эшафота, — пояснила она. — Все готово, мы можем начинать уже к восьми часам вечера.

— Отлично, приставьте к «Ангелу Трущоб» майора Морроу в качестве охраны, выведите ее на площадь не раньше, чем за десять минут до начала, — приказал я. — Ты тоже будешь с ней сегодня, Виви, а когда та окажется в гильотине, можете занимать свои места в числе зрителей.

— Полагаю, мне придется предварительно высушить там все хорошенько, — предположила Вивиана.

— Верно, — подтвердил я. — За работу, солдат.

— Честь и слава, Ваше Величество! — воскликнула она.

— Честь и слава! — подхватил я, после чего Виви скрылась за потрепанными дверями,

которые разрушила, казалось бы, такая легкая туша, раны которой пришлось залечивать лично мне.

Раз уж все было готово, впереди была очень ответственная часть дня, потому работы было не в проворот, особенно для меня, когда настанет черед королевского слова. Если описывать ближайшие планы коротко, у нас была призрачная возможность выманить «Спектр», сыграв на человеческих чувствах и репутации ордена. Для них будет сложно сделать правильный выбор, который так или иначе понесет за собой потери: либо репутация, либо союзник, либо глава.

Они, должно быть, прекрасно понимают, что я далеко не глупец, потому будут действовать осторожно. Многие выводы из вчерашнего дня дали нам возможность предсказать поведение не только Тайкона, но и всего ордена, потому я настроен лицезреть только спелые плоды своего труда, ведь именно Хомура дала понять, что пришла во дворец как минимум с одним союзником. Этот некто помог ей вернуть преимущество в схватке и, скорее всего, провел во дворец.

— Бенедикт Майерс, — с ходу подумал я, стараясь догадаться, в чем здесь крылся подвох.

Этот человек был одним из самых совестных гвардейцев во всем дворце, он не мог просто так продать нас в обмен на обещания «Спектра». В голову лезет только мысль о том, что кто-то заставил его подчиняться собственной воле, приказав действовать по ту сторону баррикады, но у дворца нет данных о ком-то с подобной способностью. Одно ясно наверняка — Майерс все еще у них, и «Спектр» планирует пользоваться гвардейцем любыми доступными способами, как ранее они уже воспользовались его возможностью спокойно перемещаться в пределах дворца.

— Отец, ты ведь не будешь ее убивать? — вновь обратилась ко мне Аой с тем же глупым вопросом.

— Если вложения оправдаются — нет, — объяснил я. — Нам нужен только глава «Спектра», его подчиненных убивать ни к чему, если все они самовольно сдадутся. Наказанием будет лишение свободы, чего они, судя по всему, больше всего боятся.

— Поклянись мне, что не убьешь ее, — настойчиво пробормотала она.

— Я не буду клясться в том, чего могу и не исполнить, — отстранился я, кинув на нее грозный взгляд, говорящий о том, что более эту тему поднимать не стоит.

— Нет, — отрезала Аой, — пообещай мне, что не будешь убивать Хомуру!

— Чего ты к ней так прицепилась? — оторопел я.

— Она борется не за свой орден, а за свой народ, — пояснила дочь, — потому не заслуживает такого несправедливого наказания.

— С каких пор смерть на гильотине не является справедливым наказанием за покушение на короля? — прорычал я.

— С таких, что я верю в твою человечность и снисходительность к людям, которые ступили не на тот путь, — промямлила Аой, чуть ли не плача. — Отправь ее в тюрьму, заставь работать на шахте, но, молю, не забирай у нее жизнь.

Глядя в эти щенячьи глаза, переполненные сочувствием к врагу, я в самом деле терялся в реальности, не понимая того, что сейчас слышу.

— Если пообещаю не убивать «Ангела Трущоб», ты отстанешь? — отчужденно и недовольно пробурчал я.

— Да, — протянула Аой, вытирая слезы.

— В таком случае обещаю, что Хомура останется жива.

— Точно? — переспросила она, ожидая, что я повторю свои слова.

— Я же сказал, обещаю, — еще недовольнее проговорил я.

На этом моменте в периферийном зрении мелькнула мужская фигура, стоящая на входе в тронный зал, заставив меня обернуться в сторону очередного гостя.

— Чего тебе? — прорычал я, обратившись к молчаливо ожидающему Эдварду.

— Не хотелось бы вас отвлекать от личных разговоров, — замялся генерал Айс, — но у нас все готово, ждем только Вашей команды.

— Хорошо, Эдвард, — утвердительно покачал головой я, после чего взглянул на наручные часы. — Собирайте народ, готовьте оборудование — я выйду через двадцать минут.

— Принято! — откликнулся Эдвард, а затем сию секунду скрылся в коридоре.

Что ж, время подходило к кульминации, впереди стояла сложнейшая преграда, которую так или иначе пришлось бы преодолеть. Хомура во многом меня обвинила, даже в том, что не лежит на моей совести, а это значит, что весь «Спектр» заблуждается в своих умозаключениях, выставя меня тем, кем я не являюсь. Вопрос состоит лишь в том, кто стоит за всем этим, подстраивая все под дворцовые мотивы?

— Приведи себя в порядок, Аой, — проговорил я, взглянув на заплаканное лицо дочери. — Жду тебя на эшафоте, будешь лично следить за тем, чтобы я исполнил обещание.

— Хорошо, отец, — промямлила она, после чего робкими шагами устремила к выходу из тронного зала.

Что же мне с тобой делать, Аой Изуми, и что мне делать со всеми теми напастями, которые так мешают просто почувствовать себя нужным...

***

Через некоторое время на эшафоте уже собралось достаточно людей, чтобы создать впечатление реальной показательной казни. Трибуны по краям были забиты тысячами людей, перед которыми стояли еще столько же гвардейцев разной степени выслуги, будь то рядовые или вышестоящие. На этой внушительной по своим размерам площади в самом центре располагались несколько гильотин, к одной из которых была прикована и Хомура Эверби. Нам пришлось задействовать собранные на скорую руку шокеры с датчиками влажности на случай, если девушка попытается сбежать, к тому же, они активируются и в тот момент, когда лезвие гильотины устремится вниз, потому «Ангелу Трущоб» остается лишь надеяться на то, чтобы наш план сработал именно так, как и должен сработать.

— Волнуешься? — протянул я, глядя в глаза скованной мученицы сверху вниз.

— Ни капли, — прошипела она. — «Спектр» придет за тобой, Котай. Твое падение уже не за горами — можно начинать лить слезы скорби по трону.

— Ага, уже начал, — усмехнулся я. — Мне нужно именно то, чего ты сейчас больше всего желаешь — «Спектр».

— И ты его получишь, сука, — прорычала она.

— Знаю, — напоследок произнес я, отойдя от гильотины на место своей неформальной трибуны, где уже стояла Аой.

План был предельно прост, но загвоздка состояла в том, насколько хорошо я составил психологический портрет Тайкона. Исходя из того, как много он говорил о народе Гармонии и скорейшей смене власти на пути к процветанию, я даю ему возможность получить все и сразу: короля собственной персоной, возможность самовыразиться на камеру, а также шанс

сохранить свою репутацию миротворца, вырвав из лап деспота драгоценного безрассудного союзника. С другой же стороны, это очень рискованный шаг для «Спектра», на который они могут и не решиться, испугавшись того количества людей, которое здесь собралось, не говоря уже о моей персоне. «Орел и решка» — так я мог описать весь спектр результатов сегодняшнего дня, и только лишь от моего слова зависят все дальнейшие изменения шансов, которые могут перевесить и не на ту сторону.

Взглянув на часы в последний раз, я зафиксировал время начала показательной казни, потому сразу дал знак своим подданным начинать.

— Тишина! — послышались возгласы ответственных за дисциплину на эфашоте.

— Обратный отсчет до прямой трансляции, — прокричал оператор, — десять секунд, отсчет пошел!

Что ж, Тайкон, самое время начать думать.

— Граждане Гармонии! — заговорил я по прошествии десяти секунд, уловив знак оператора, оповещающий о начале. — Внемлите слову вашего короля! Сегодня в столь спокойный и пасмурный день, я спешу сообщить, что ко всеобщему шоку, вчера на меня было совершено покушение прямо в стенах тронного зала, и лишь благодаря Ее Сиятельству принцессе Аой Изуми королю Гармонии удалось выжить, а преступник оказался в оковах.

Начало было положено, оставалось только тянуть время достаточно долго, чтобы дать возможность Тайкону принять решение и начать действовать, потому говорить следовало не только красиво и долго, но и убедительно.

— Страшная сила проникла во дворец под ясным небом, монстр в человеческом облике показал свои клыки тому, кто всегда старался поддерживать благополучие граждан Гармонии, вкладывая всего себя в общее дело, чтобы семьи жили спокойно, чтобы люди жили в достатке и могли позволить себе все самые непростые блага, чтобы никто не голодал и не был обделен возможностью реализовывать себя так, как того хочется. Этот человек совершил большой грех, вторгнувшись во дворец и подняв свою руку на короля, как когда-то это сделал другой смельчак, поплатившийся за свою попытку свергнуть монарха жизнью.

На этом моменте кадр должен был смениться на Хомуру, о чем оператор тоже меня оповестил, включив зеленый индикатор на той камере, которая ведет прямую трансляцию с места событий.

— Перед вами сейчас находится Хомура Эверби, также известная под псевдонимом «Ангел Трущоб». Эта маленькая худощавая девочка на вид из себя не представляет никакой опасности, но это не так. За невинной детской улыбкой скрывается кровожадный убийца, забравший множество жизней доблестных гвардейцев в пределах Трущоб, а также других невинных граждан за их пределами. Именно на ее совести лежит одно из самых тяжелых преступлений в истории Гармонии — покушение на короля.

Мне было сложно растягивать речь, ибо я не был так силен в словах, как многие люди из моего окружения, однако нужно было выложиться на максимум, чтобы повисить свои шансы на успех.

— Граждане Гармонии, мой дорогой народ, я всегда думал о том, что же движет таким зверством и заставляет людей идти на такие поступки, но сейчас, когда годы минули, я наконец понял, в чем ошибался. В чем же, Ваше Величество, спросите вы, а я вам отвечу — в своей снисходительности. Даже когда мне удалось пережить предыдущее покушение, преступник отделался быстрой смертью, так и не успев понять, в чем состоял его грех и в чем он был не прав — его имя осталось за кадром, внешность и биография так и не вышли в

народ, и лишь один факт покушения отложился в памяти граждан. В этом и состояла моя ошибка — не дать понять остальным, подобным ему, что в нашем мире нет места тем, кто посягает на благополучие Гармонии, кто находит в себе силы бросить вызов величественному дворцу, его гордой гвардии и светлому народу нашего прекрасного города.

Сделав короткую паузу, я продолжил свою речь, атмосферой которой уже успел проникнуться целиком.

— Сегодня пред вами всем своим естеством предстанет преступник, который так и не понял, что у сильного народа нельзя отобрать сильного короля, что нельзя безнаказанно вторгнуться во дворец и поднять руку на портрет Гармонии, олицетворяющий ее сиятельство, гордость и непоколебимость. Она лишится головы на этой гильотине в знак того, что у Гармонии нет слабостей, ради того, чтобы никто более никогда не посмел сотворить того же, чтобы никто и никогда не поддался греху так, как поддалась она, чтобы...

На этом моменте речь прервалась, и некогда стоящий в лучах славы я, проникающийся собственными убеждениями, застыл на месте в непонимании — лезвие гильотины сдвинулось с места, тяжелый лист острого металла устремился вниз, пока по всему эшафоту не раздался металлический звон, застывший в ушах каждого, кто здесь находился, включая меня самого. Это стало полной неожиданностью и шоком для всех нас, ведь король даже не успел закончить речь и огласить приговор, а преступник уже получил свое наказание.

Еще большей неожиданностью стала картина того, как посреди огромной и людной площади показалось странное округлое пятно, внутри которого все выглядело так, словно там находилось закулисье, завешанное непроглядной пеленой, а по краям этой пелены искрились тысячи ярко-фиолетовых огоньков, звук которых напоминал рабочий шум в цехах Промышленного района. Из пелены показалась черная мужская фигура, которая с огромной скоростью выскочила наружу, на секунду растворившись в воздухе среди голубого плавающего свечения, выйдя из этого состояния в самой что ни на есть близости к гильотине.

Когда до меня наконец дошло осознание, я увидел перед собой того самого Тайкона, который постарался спасти жизнь своего дорогого союзника и, полагаю, друга, подставив под лезвие гильотины собственный меч. Этот металлический звон прозвучал именно из-за того, что они друг с другом столкнулись, помешав лезвию закончить начатое и скрыться в отведенной для нее щели, с концами перерубив все ткани и кости шеи. Чем больше я вглядывался в картину, тем больший ужас она наводила, ибо даже под маской Тайкона все эмоции были предельно понятны.

— Оборвать трансляцию! — громко приказал я.

Пусть лезвие и остановилось, столкнувшись с мечом, это не помешало ему достигнуть шеи «Ангела Трущоб». Острый как бритва металл с легкостью разорвал мышцы, на полу показалась кровь, что безостановочно выливалась наружу, растекаясь по плитке. Остатки ее шеи всеми силами старались удержать тяжелую голову, позвоночник еле справлялся, а ткани под действием тяжести сами собой невольно рвались прямо на глазах у Тайкона, вызывая при этом самые пугающие и неотвратимые чувства потери близкого человека. Он лишь успел поставить под голову левую руку, чтобы хоть как-то удержать остатки Хомуры на весу, пока правая рука всеми силами старалась удержать меч, чтобы лезвие не провернулось в положение, при котором гильотина выполнит свою функцию полностью.

Да, я добился своего и вынудил Тайкона показаться, но какой ценой...

— ТЫ ОБЕЩАЛ! — истошно закричала Аой. — ОБЕЩАЛ НЕ УБИВАТЬ ЕЕ!

— Я...

— ТЫ СОЛГАЛ! — еще громче закричала она, не дав сказать и слова, после чего из глаз водопадом полились слезы. — КАК ТЫ МОГ ТАК ПОСТУПИТЬ?

Я мог только молчать и слушать ее крики, стараясь прийти в себя после произошедшего. На лицах людей тем временем читалось непонимание, гвардейцы ожидали приказа, а остальные просто застыли в ужасе, но больше всего пугал именно Тайкон, который все это время молча вглядывался в безжизненные глаза девочки из Трущоб...

Пелена все никак не пропадала, пока из нее не показалась еще одна черная фигура — это была девушка, о чем я догадался по походке. Она была одета в тот же костюм, что и на площади: белая маска, черная одежда и накидка с капюшоном поверх. Едва девушка вышла из портала, она тотчас вытянула вперед руку и неожиданно для меня одним движением сдавила лезвие гильотины до состояния груды металлолома, а затем выбросила ее куда-то в сторону толпы, после чего продолжила ломать все то, что мешало телу Хомуры покинуть объятия своего убийцы.

— Нао? — вдруг опомнилась Аой, на секунду застыв в одном положении.

Когда все было кончено, девушка ласково положила на плечо Тайкона руку, выражая свои соболезнования, лишь добавляющие горечи в осознание утраты.

— Унеси ее, — приказал Тайкон, сидящий всего в пяти метрах от меня.

Едва услышав приказ, она принялась беспрекословно его выполнять, подхватив безжизненное тело Хомуры незримой силой, и потащив его обратно в сторону пелены. Именно на этом моменте я убедился в том, что перед нами была именно Нао, ведь никого более с такой силой в Гармонии не сыскать, и, честно говоря, я совсем не ожидал увидеть ее на стороне «Спектра». По мере того как моя собственная старшая дочь продвигалась к portalу, она сбрасывала с себя все то, что закрывает лицо: сначала капюшон, а затем и маску, что с глухим отзвуком рухнула на землю. Показался злобный оскал, блестящие светлые волосы развивались на ветру, голубые глаза смотрели в мою сторону, осуждая каждый сантиметр моего тела и все то, что нельзя было измерить. Не произнеся ни слова, она лишь кинула в мою сторону оскорбительный жест, после чего вместе с телом Эверби скрылась за пеленой, а следом за ними в ту же секунду нырнула и Эмили Морроу. Майор воспользовалась своей силой, благодаря чему смогла на огромной скорости ворваться в закрывающийся портал, растворившись в воздухе в ту же секунду, не оставив за собой ничего.

— Опрометчиво, майор Морроу, — подумал я. — Куда бы они не ушли — это место станет твоей могилой.

Один лишь Тайкон остался на том же месте, его переполняла злоба и невероятное желание пролить мою кровь на этом же месте, и все это читалось по одной лишь позе, в которую он встал.

— Котай, — проскрипел зубами он, сжимая в руках катану, что секундой ранее еще была в гильотине.

— Мне нечего тебе сказать, Тайкон, — ответил я в напряжении, понимая, что тот не стал бы меня слушать ни при каких условиях, в особенности если бы я сказал, что не отдавал приказ приводить в действие гильотину.

— Решим все здесь и сейчас, — прорычал глава «Спектра», схватившись за меч обеими руками.

Не думая ни секунды над своими шансами, Тайкон собрал всю волю в кулак и сделал

выпад в мою сторону, лезвие его катаны засветилось ярче ночных фонарей, а руки сжали рукоять крепче тисков. Зная поведение шепотов, которые владеют телепортацией, я без проблем мог предсказать, откуда он появится, но Аой меня опередила: ноги мужчины подкосились, его тело устремилось вниз, с грохотом врезавшись в непробиваемую землю. В таком положении он и застыл, не имея никакой возможности пошевелиться под страшной силой гравитации, вдавливающей тело в поверхность.

— Ваше Высочество! — прокричал кто-то из толпы перед трибуной.

— Не вмешивайтесь! — отдал я однозначный приказ, нарушение которого не потерплю.

Теперь все внимание было сосредоточено на таинственном инкогнито, что точит на меня зубы больше, чем кто-либо в Гармонии. Я все гадал, что за человек скрывается под маской, и сегодня появилась возможность наконец раскрыть все карты, особенно с учетом того, что маска оказалась не такой крепкой, как та земля, с которой пришлось столкнуться: пластик треснул, а стекло невольно посыпалось.

— Достаточно, Аой, — скомандовал я, дав дочери понять, что более вдавливать его в землю не нужно.

Хотелось подойти вплотную и сдернуть остатки маски, выбросив ее прочь, но, вопреки моим ожиданиям сделать все именно так, как и задумывалось, Тайкон сам одернул ремешок с головы, освободив лицо, а затем уставился мне прямо в глаза, и, честно говоря, такой злобы я еще нигде не видел.

— Теперь все встало на свои места, да? — с озлобленной ухмылкой проговорил Тайкон, выразив насмешку.

— Ашидо Такаги, кто бы мог подумать, — наконец осознал я, увидев знакомое лицо, которое так хорошо запомнилось в прошлом году. — За всем этим стоял именно ты, а я даже не догадывался.

— Сюрприз, ублюдок, — прошипел Ашидо.

Глядя в его глаза, я хотел знать все подробности того, как все могло обернуться подобным образом, но сила вновь отвергла меня — снова эти глаза, снова отражение, а не киноплёнка с воспоминаниями. Что-то явно было не так, словно Бездна меня отвергает...

— Знаешь, сейчас ты выглядишь совсем иначе, чем год назад, — подметил я, не признав новый цвет глаз. — Стало быть, тот псих Хандзо сейчас мертв, и ты вышел победителем из схватки. Понравилась Бездна?

— Ты следующий, — угрожающе проговорил он, проигнорировав вопрос.

— Что ж, — тяжело вздохнул я, — в последнее время ты стал большой занозой в заднице, Ашидо Такаги, твои действия и действия твоего ордена понесли за собой такие последствия, которые придется расхлебывать годами.

— На это уйдет меньше времени, чем если бы мы расхлебывали твои, — дерзнул Такаги.

— Ты об этом не знаешь, Тайкон, — соскалился я. — Я по горло сыт тобой и твоим орденом, потому уйди с честью, умерев от руки короля — я сам лично тебя прикончу.

— «Спектр» припомнит тебе это, и он не умрет с моим уходом, — уверенно произнес Тайкон. — А я не сдамся!

— Учту, а теперь прощай, Ашидо Такаги, — прорычал я, вынув из кобуры под одеянием свой клинок «Фуку», после чего готовился нанести удар, плотно закрыв глаза, что следом за этим стали медленно приоткрываться. — Парадокс Кишин!

В эту же секунду Ашидо попробовал подняться на ноги, но не успел — его тело застыло

в неподвижном состоянии, в котором никто не смог бы мне противостоять. Все то, что находилось вокруг, в миг затихло, толпа по каждую сторону эшафота замерла, словно тысячи статуй все это время были свидетелями моего сияния. Мир погрузился в мертвую тишину, небо стало темным, тучи светлыми, теплые и холодные краски этого брэнного мира приобрели новый контраст, засияв краше, чем выглядят в привычном понимании мироздания. Лучи света застыли в воздухе, ветер, что развивал волосы, внезапно затих, слезы Аой больше не скатывались по нежным женским щекам, пока из моих глаз тихо сочилась кровь, капая с подбородка на землю, что полностью выбивалось из общей картины. Сейчас, когда наступил черед кары, в этом мире не существует ничего, кроме меня, даже времени — это и есть «Парадокс Кишин».

Твердо ухватившись за рукоять «Фуку», я медленными шагами начал сближаться с жертвой. Один лишь порез, одно лишь ранение в шею — и Тайкон навеки выпадет из памяти граждан Гармонии. Мне всего лишь нужно отделить его головной мозг от спинного, заставить сознание потерять контроль над энтропиумом внутри, чтобы он умер мгновенно. Уже спустя пару шагов, я твердо решил закончить начатое и сделал выпад навстречу Такаги, но что-то меня остановило.

Это можно было назвать лишь инстинктом, предчувствием надвигающейся опасности — но что может угрожать человеку, который живет вне часовых и минутных стрелок? Что может ранить нестареющего повелителя времени? Ответ был лишь один, и я до последнего отказывался в него верить.

В замершем мире, где все стоит на своих местах и ожидает возможности вернуться в цикл времени, с неба внезапно что-то упало, с огромной силой вонзившись в землю прямо передо мной, заставив меня отпрыгнуть на безопасное расстояние, прикрыв лицо скрещенными руками. Стоило отскочить назад, все вокруг стало терять контраст, мир становился серым, пока в один миг время не пошло своим чередом — это значило лишь то, что сил для повторного использования «Парадокса» у меня не осталось — почему?

Убрав от лица руки и освободив себе обзор, я лицезрел такую картину, которую не ожидал увидеть ни в одном из самых кошмарных снов — из земли торчал меч, и был он не простым мечом, а тем, что делают из драконьей кости. Его лезвие обвивало беспорядочно бушующее пламя, оранжевая линза в середине гарды сияла так, что глаза хотелось прищурить, а та поверхность, которая пала жертвой удара, в реальном времени с каждой секундой все больше плавилась от жара, способного расплавить даже камень.

Следом за мечом на землю приземлился и человек, не издав и звука от падения, но сумев заставить воздух вокруг в бешенстве всколыхнуться. Черный плащ скрывал под собой многолетние доспехи с резным глазом на груди, по которым стучала латунная цепочка из колец, скрепляющая плащ. Эти доспехи на плечах в виде пластин с пышным мехом... эта кожаная перчатка на левой руке с фиолетовой линзой... это кольцо на среднем пальце правой руки... этот шлем, имитирующий пасть рогатого клыкастого зверя... этого не может быть... я не верю...

Только лишь когда он повернулся в мою сторону, только лишь когда я увидел это лицо, по которому стекались те же кровавые слезы, вытекающие из черных глаз с несколькими оранжевыми кольцами и длинным вертикальным зрачком, я наконец все осознал — Илия Кишин.

— Немало воды утекло, Бартон, — первое, что он произнес, взглянув на меня исподлобья.

— Не смей произносить это имя, — прорычал я, соскалив зубы так, как никогда ранее.

— Уходи, Ашидо, — произнес Кишин, поднявшись на ноги и вполоборота взглянув на испуганное и затерявшееся лицо Тайкона, который еще секундами ранее выглядел уверенным в себе.

— Нет, я, — хотел было возразить Ашидо.

— Делай, что я сказал, — оборвал Илия, чьи слова звучали как просьба, в которой нет места отказу.

— Береги себя, — смирился Ашидо, после чего в момент исчез, засияв тем же цветом, какой был и у портала, из которого все они вышли.

Глядя на то, как мой единственный шанс окончательно разделаться с Тайконом ускользнул, я пришел в ярость, но не мог ничего с собой поделаться, ведь передо мной стоял именно тот человек, которого я мог по-настоящему испугаться.

— Значит, ты и вправду отказался от имени, — сказал Илия, отвернувшись куда-то в сторону.

— Это не может быть правдой, — прошипел я, все еще не веря в то, что вижу перед собой. — Это, должно быть, шутка какая-то...

— Папа, кто это? — испуганно произнесла Аой.

— Не скажешь дочери правду? — спокойно и непоколебимо с некоторой долей осуждения проговорил Илия.

— Папа? — спросила она, не понимая ничего из того, что сейчас происходит.

Я не знал, что говорить, не знал, что делать и уж тем более, что со мной после этого будет. Сейчас передо мной стоял тот, о ком не должно было остаться никаких воспоминаний, тот, чье лицо должно было утонуть в песках времени, но стоило только Илии вновь появиться перед глазами, я снова все вспомнил.

— Пришел убить меня? — спросил я, не понимая его мотивов защищать Ашидо.

— Отнюдь, Бартон, — опроверг он, — я просто хочу вернуть брата.

— Не лги мне, фальшивка! — завелся я, перейдя на крик. — Ты с ними заодно! Помогаешь «Спектру» и хочешь свергнуть меня! Прикидываешься им, чтобы сбить с толку!

— Прекрати, — спокойно проговорил Илия.

— Чего ты ждешь? — уже неконтролируемо кричал я. — Давай, нападай!

— Прямо в компании твоих дружков, хах? — усмехнулся Кишин. — Семейные разборки не должны выставляться напоказ, тем более, что шансы не будут равны, пока ты пользуешься копиями своих клинков.

— Ты слишком уверен в себе, умник, — дерзнул я, не поняв, откуда он знает про то, что клинки «Цернунн» и «Фуку» являются лишь копиями прежних клинков, которыми я когда-то пользовался.

— Я все о тебе знаю, — пояснил он. — Даже больше, чем ты сам, и мне это не нравится.

— Не нравится, что я лучше, да? — ухмыльнулся я, почувствовав свое превосходство. — Неужто завидуешь?

— Здесь нечему завидовать, — отстранился Илия. — Ты оступился, Бартон, выбрал не тот путь и попусту растратил свою честь. Я не хочу, чтобы ты прошел по тому же пути, что и я. Не хочу, чтобы Гармония сгорела в пламени собственного правителя, как когда-то сгорела колония «Сенсус».

— И что ты сделаешь? — вновь усмехнулся я. — Помешаешь мне?

— Я спасу тебя, Бартон, — пояснил он. — Спасу от самого себя, и «Спектр» мне для этого не понадобится — только дай подобраться поближе.

— Говори, что хочешь, фальшивка — я не верю не единому твоему слову.

— Тебе придется принять то, что я вернулся, — смиренно улыбнулся Илия.

Глядя в это лицо, переполненного благими и светлыми намерениями, я невольно испытывал рвотный рефлекс. Тонна лжи, фальши и лицемерия — все это скрывалось под маской благонадежного члена семьи, приверженности к которой не существует, как и самого рода, о котором он говорит. Какими бы продуманными не были трюки «Спектра», я ни за что не поддамся и не ослаблю бдительность, ведь в этом мире ни у кого нет права меня осуждать!

— Взять его! — внезапно приказал я. — Убить на месте!

— Да! — отреагировали мои подчиненные, сию секунду сорвавшись с места и ринувшись вперед.

Рядовые взвели оружие, элитные гвардейцы готовились к атаке, а высшие тотчас повели за собой остальных. У фальшивки не было и шанса выжить, не было ни намека на шансы вернуться домой, но, вопреки ожиданиям преимущества и быстрой смерти врага, я столкнулся с собственным оружием.

— Парадокс Кишин, — произнес он, после чего все вокруг стало приобретать те же краски, что и в моем собственном мире.

И вновь мертвая тишина легла на эшафот, все люди замерли, а ветер утих — время остановилось, и движимыми в мире «Парадокса» остались только мы вдвоем. Он лишь глядел на меня, сверлил пристальным взглядом и о чем-то думал, пока я пытался успокоить свое сердце, что бешено билось в груди, не понимая, как справиться с такой эмоциональной нагрузкой.

— Я вернусь за тобой, Бартон, — проговорил Илия, не отводя глаз. — Ты не станешь своими демонами, брат.

— Посмотрим, — фыркнул я.

— До скорой встречи, Бартон, — напоследок сказал он, после чего вынул из земли свой меч и бросился к краю эшафота.

В том направлении, куда двигался Илия, находился обрыв, где расстояние до земли превышало двадцать метров. На этом моменте я поймал себя на мысли, что его нельзя было отпускать, что нужно захватить Кишина любой ценой, потому последовал за ним. Стоило тому сблизиться с обрывом, он обернулся и отдал прощальную честь в своем привычном стиле, а после мертвым грузом устремился вниз. В эту же секунду все вокруг потускнело, время восстановило свой ход, а я на бегу на половину тела свесился с обрыва, надеясь уловить хотя бы направление, в котором Илия будет уходить, но там его уже не было, словно тот растворился прямо в воздухе, телепортировавшись куда-нибудь далеко.

В поле зрения остались лишь тысячи Гармонийских домов, дорог и развилок нашей любимой и величественной Гармонии. Глядя на них, я уже не испытывал тех теплых чувств, что были раньше, ведь теперь мне угрожали не только устоявшиеся враги, но и один единственный человек, способный бросить мне вызов по-настоящему. Из этого дня можно сделать много выводов, но несмотря на то, что истинная личность Тайкона вскрылась, вопросов оказалось еще больше, чем раньше, а ответы на них навряд ли дадут о себе знать. Этот человек, что выдает себя за моего брата-близнеца — он может быть кем угодно, но только не Илией, ведь он умер много лет назад, забрав с собой и меня. Может ли быть такое,

что по одной земле ходят сразу два повелителя времени? Два владельца вездесущего ока? Это многое объясняет, в особенности то, почему я не мог залезть в голову к Эверби и Такаги — это блок «шиирацу», который на них поставил Илия.

Есть много факторов, о которых придется думать сутки напролет, но больше всего меня пугает именно то, что мне остается только гадать, почему гильотина сработала не по моей команде, а куда раньше положенного. Кто-то хотел, чтобы люди увидели момент смерти, который был мне на руку, как правителю, который хочет избавиться себя от покушений, но именно эта картина еще сильнее настроила «Спектр» против короля и дворца в целом.

Возникает чувство, что меня снова кто-то подставил... и он совсем рядом...

Глава 53: Правда

В глазах блеснула яркая вспышка света, заставив прищуриться от резкого перехода с темного и мрачного эшафота обратно в теплый и уютный орден, переполненный, хотелось бы мне сказать, дружелюбными и позитивными людьми, однако в сегодняшний день все были неестественно напуганы, словно на «Спектр» в миг рухнуло стихийное бедствие, наводнив каждый укромный уголок ужасом и страхом, пробирающим до костей от одной лишь мысли о том, что будет дальше. Мое сердце все еще билось с бешеной силой, кровь наполняла каждый капилляр, разогревая тело до невыносимых температур, словно меня заперли в одной комнате с диким зверем, готовым разорвать добычу в любой момент, не поведя и усом, и это ощущение преследует до сих пор, даже тогда, когда, казалось бы, я уже в безопасности.

— Этого не может быть... Этого не может быть... Этого не может быть, — из раза в раз прокручивал я у себя в голове, все больше и больше опасаясь за наши жизни.

Там, на эшафоте, я столкнулся с тем, с чем не был готов встретиться лицом к лицу, и речь идет не о персоне тирана, стоящего выше своего народа, а о картине, которую пришлось лицезреть в самых что ни на есть ужасающих красках. Как бы я не пытался успеть вовремя вмешаться в процесс казни, ее начало застало врасплох, ведь лезвие гильотины рухнуло на тонкую шею Хомуры абсолютно неожиданно, и мне лишь чудом удалось подставить под нее меч, но это не спасло девочку. Глядя на то, как загорелая грязная кожа краснеет, как на глазах рвутся остатки мышц слабенькой шеи, а на пол все быстрее и больше капает багровые пятна, я пришел в такой ужас, с которым никогда ранее не сталкивался. Ее безжизненные глаза смотрели в мои, умоляя о помощи, и все, что я мог сделать — подставить руку под тяжелую голову, что так хотела поскорее оказаться на земле, оторвавшись от тела.

Если бы не Нао, вовремя пришедшая на помощь, я бы так и не сдвинулся с места, замерев в позе потерявшего всякую надежду человека. Она, как и многие другие, очень помогла всем нам, однако мы все равно вернулись домой не с маленькой победой, а с большими потерями: Хомура практически потеряла голову, лицо Нао с этого дня тоже окажется на плакатах в первых рядах, а я лишился внушительной части здорового рассудка, из-за чего отныне не смогу так же эффективно вести дела ордена — я боюсь.

— Илия еще не вернулся? — задумался я, вспомнив о том, как блестяще и вовремя этот человек появился на эшафоте.

Только лишь в этот момент я по-настоящему понял, что там произошло, когда Тайкон должен был лишиться головы. Илия спас меня, но цена за жизнь маленького человека оказалась слишком высока, ибо он лишился того, что заставляло нас вслушиваться в каждое слово — доверия. Едва в памяти всплыло это имя, которое он произнес, я сразу понял, кем все это время был король, и почему наш сильнейший союзник так не хотел его смерти. Все это время Илия врал нам, он скрывал от нас свои семейные узы, а «Спектр» такого не прощает.

— Ашидо, скорее в медпункт! — послышался возглас сближающейся со мной Наташи из коридора крыла «А».

Она, как и все мы, была очень перепугана и напряжена, оттого суетилась больше обычного, пока я без сил сидел на коленях в центре холла, стараясь хотя бы немного прийти в себя.

— Все хорошо? Ты не ранен? — спросила Наташа, на ходу рухнув на колени в непосредственной близости, положив руку мне на плечо. — Идти сможешь?

— Помоги мне, — едва понятно пробормотал я, стараясь встать на ноги.

В ответ на просьбу Наташа подхватила меня под плечо, благодаря чему я наконец мог подняться.

— Доложи ситуацию, — произнес я, когда мы наконец тихим шагом устремились в сторону медпункта.

— Все очень плохо, — ответила она. — Джозеф и Юмико борются за жизнь Хомуры, но они оба боятся что-либо предпринимать. Им нужна твоя помощь, Ашидо.

— Придется идти быстрее, — проскрипел я зубами, после чего вырвался из-под опоры.

Стоило на секунду оказаться на ходу, как я с тяжестью врезался в стену, будучи не в силах ровно держаться на дрожащих ногах.

— Не изматывай себя, дойдем без спешки! — предостерегла Наталья.

— Ты не понимаешь, — прошипел я в ответ, — это вопрос жизни моего друга.

Собрав всю волю в кулак, я постарался перейти на бег, пока ноги наконец не стали твердо ступать на поверхность. Таким образом ослабевшему главе ордена удалось добраться до заветных дверей, за которыми скрывался тот самый ужас, о котором я бы хотел вовсе не вспоминать, однако, как и было сказано, Хомура — мой друг, и я не оставлю ее в беде, если могу хоть чем-то помочь.

— Нет, ты не будешь вливать в нее энтропиум! — разъяренно кричал мистер Даян.

— Пока ты со мной споришь, Хомура умирает! — столь же злобно воскликнула Юмико. — У нас больше не за что зацепиться, нужно сделать хоть что-то!

— Тихо! — с порога заткнул я всех присутствующих. — Каково ее состояние?

— Не дышит, пульс слабый, — проговорила весьма неожиданная для меня персона, с которой ранее мы встречались лишь единожды.

— Насколько слабый? — уточнил я.

— Варьируется между пятнадцатью и двадцатью ударами в минуту, — ответила Эмили.

Глядя на то, что происходит внутри медпункта, я видел лишь бардак, где каждый пытается убедить другого в своей правоте, в то время как Хомура стремительно теряет признаки жизни.

— Говорю же, нам не нужно дожидаться Кишина! — продолжила Юмико. — Я не хочу быть той, кто добьет Хомуру своим бездействием!

— К черту Кишина! — воскликнул я, сгорая от злости. — В чем ваша проблема, а? Вы же медики, мать вашу!

— А в том, что она просто умрет, если Юмико зальет в нее энтропиум! — ответил Джозеф. — Нужен другой способ!

— Какой еще способ? — вмешалась Юмико. — Нужно цепляться хоть за что-то! Лучше уж сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть!

— Что ты несешь вообще? — еще больше разозлился Джозеф. — Тебе вообще плевать на ее жизнь? Просто очередной пациент, да?

— Молчать! — истошно прокричал я. — Всем заткнуться и успокоиться!

В ответ на мой возглас все вокруг затихло, и в комнате воцарилась поистине гробовая тишина, прерываемая разве что цифровыми отзвуками биения еле живого сердца. В этот момент я отчетливо понимал, что ситуация неизбежно ведет к смерти Эверби, потому все нужно брать в свои руки.

— Вспомните то, как мы вылечили Лаффи, — заговорил я, зацепившись за первый попавшийся момент из прошлого. — Тогда мы напоили ее несколькими маленькими порциями крови Юмико, в которой содержался энтропиум.

— Ага, только у Лаффи был свой, который мы просто дополнили, — казалось бы, отрезала Юмико.

— Здесь есть банка? — опомнился я. — Дайте мне банку крови!

Очевидно, присутствующие замерли в непонимании, однако одна из немногих приличных и сдержанных персон по имени Хорнет все же зашевелилась, достав из небольшого холодильника в углу баночку с красным содержимым, после чего, минуя живые помехи на своем пути, протянула ее мне.

— Если у тебя есть идеи — вперед, — произнесла она.

Схватив банку, я тотчас открыл ее и стал опустошать до дна, пока изо рта то ли дело вытекала некоторая часть содержимого. Глядя на меня, все замерли в непонимании, пока я в самом деле отталкивался от единственной доступной идеи, стараясь не терять времени. Едва приток крови остановился, я отставил банку в сторону на первую попавшуюся столешницу, а сам замер в одной неподвижной позе, закрыв глаза и стараясь сконцентрироваться на том, что происходит внутри. Удивительнее всего смотреть за картиной приходилось новенькой, на что она могла протянуть лишь короткое:

— Какого...

Не могу ни во в чем упрекать Эмили, ведь у нас здесь всегда своя атмосфера.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Хорнет.

— Помолчи, пожалуйста, — оборвал я, избежав ответа, — дай сконцентрироваться.

Время шло на минуты, но я не тратил его впустую, как это делали остальные. Никто так и не понял, чем я занимался в такой ответственный момент, но лишь благодаря мне появился реальный шанс вернуть Хомуру к жизни. Наблюдая за тем, как по телу растекается тот слабенький остаточный энтропиум из крови Юмико, я сделал вполне однозначный и оправданный вывод.

— Юмико, влей в нее энтропиум.

— Ты с ума сошел? — воскликнул Джозеф.

— Все получится, если сконцентрировать поток вокруг ранения, — пояснил я. — Когда мы залечивали Лаффи, энтропиум растекался по всему телу и регенерация шла медленно, а девушка не получала негативных эффектов только потому, что имела собственный внутренний энтропиум, превышающий объем вливаемого внутрь.

— Другими словами? — уточнила Юмико.

— Если медленно влить энтропиум в область шеи, она залечится, и кровотечение остановится полностью, однако придется всосать в себя остатки, чтобы избежать побочных эффектов.

— Я поняла, Ашидо, — смиренно ответила Юмико, после чего с недюжинной уверенностью в моем выводе взялась за дело.

Секунду спустя множество знакомых всем щупалец присосались к коже шеи Хомуры, проникнув поглубже внутрь. Мне тяжело было смотреть на девочку, чьи легкие дышали только благодаря аппарату, на то, как грубо спорят наши единственные медики, стараясь вернуть ее к жизни.

— Джозеф, помоги мне, — окликнула мистера Даяна Юмико, — сними повязку и стяни порез, чтобы тот закрылся.

— Бьюсь об заклад, мы совершаем ошибку, — проворчал он, но все-таки вызвался помочь.

Все это время я внимательно наблюдал за процессом, стараясь не упустить ни одной мелочи. Юмико старалась очень аккуратно следовать моей наводке, и у нее действительно получалось понемногу затягивать рану, но никто не мог точно сказать, что происходит внутри. Когда же процесс был окончен, а шея приобрела свой привычный вид с небольшим намеком на шрам, Юмико оторвала руку от места, подверженного лечению, в тот же момент выдохнув с умиротворением.

— Получилось, — прошептала она, не сдерживая своей радости.

— Еще рано, Таканаши, — ворчливо произнес Джозеф, — сердцебиение очень слабое, через пару минут ритм остановится и Хомура окончательно потеряет признаки жизни.

— Используем дефибриллятор? — предложила Юмико.

— Доставай, только быстро, — приказал он.

В этот момент Юмико бросилась к шкафчику с оборудованием, стараясь найти среди него заветный дефибриллятор, пока Джозеф оголял худое подобие груди девушки. Времени было мало, нам оставалось лишь заново завести сердце Хомуры, вернув его обычный ритм, однако я все меньше и меньше верил в успех, сгорая от ненависти к нашему общему врагу.

— Не тратьте время на поиски! — воскликнула Эмили, приблизившись вплотную к телу Хомуры.

— Что ты задумала? — замешкался Джозеф. — Отойди от нее!

— Говори, каким должен быть разряд, — скомандовала она, подворачивая рукава — Я сделаю это быстрее и лучше.

— Уйди, не ме...

— Джозеф, — заговорил я, оборвав его на полуслове, — делай так, как она говорит.

Очевидно, ему не понравилась идея, но времени у нас теперь точно не было, ведь оно шло уже не на минуты, а на секунды.

— Начнем с двухсот джоулей, — подсказал мистер Даян.

— Сколько это в вольтах? — уточнила Эмили.

— Доверили неучу, — возмутился Джозеф. — Четыре тысячи на пять сотых ампер.

— Поняла, жду команды, — уверенно произнесла Морроу, приложив ладони к груди Хомуры.

В комнате засияли яркие желтые разряды, окутывающие руки Эмили — она была готова начать в любую секунду, мирно ожидая распоряжений. Не могу точно сказать, как ей удалось так просто влиться в наш орден и оказаться в непреступном медпункте, однако эта девушка искренне желала помочь. Сейчас «Спектру» как никогда не хватает надежных союзников, потому мы готовы принять столь сильного ренегата в свои ряды, а ее репутацию подкрепит сегодняшняя инициатива.

— Готовность, — произнес Джозеф, — разряд!

Едва эти слова пронеслись по комнате, мелькнула яркая вспышка, а тело Хомуры подскочило вверх от той нагрузки, что к нему приложили.

— Еще, пять тысяч на пять сотых, — скомандовал Даян.

— Поняла!

— Готовность, разряд!

И снова та же картина, не дающая никаких результатов.

— Шесть. Готовность, разряд!

Я уже было полностью смирился и потерял всякую веру, но тут случилось нечто поистине неожиданное и чудесное — после разряда в семь тысяч сердце Хомуры забилося быстрее. Та штука, что показывает пульс, начала издавать звуки с меньшей периодичностью, из-за чего на лицах наших медиков показалась непробиваемая счастливая улыбка.

— Получилось! — вскрикнула Юмико. — У нас получилось!

Именно она радовалась больше всех, буквально прыгая на месте, после чего и вовсе вцепилась в Эмили, захватив ее в свои объятия, благодаря за помощь. Все это было, конечно, очень хорошо, но Хомура все еще не реагировала на происходящее вокруг, а лишь безжизненно лежала на операционном столе. Стеклообразные глаза смотрели в одну точку, легкие двигались лишь благодаря аппарату, а руки рефлекторно вздрагивали от остаточных ударов током.

— Почему она не приходит в себя? — с долей сомнения протянул я, обратившись к Джозефу.

— Судя по всему, какое-то время девушка пробудет в коме, — холодно и однозначно произнес он.

— Насколько долго? — испуганно проговорил я.

— Не знаю, — пожал плечами Даян. — Всяко лучше, чем окончательно умереть. Сейчас ее состояние стабильно, пульс превышает минимальную норму, потому остается только следить за дальнейшей поправкой и надеяться на лучшее.

— Она поправится? — с опаской спросила Хорнет.

— Сейчас жизни Хомуры ничего не угрожает, мисс Ишимару, — спокойно подбодрил он. — Будем ждать.

— В таком случае рассчитываю на вас, — улыбнулась она.

— Конечно, сделаю все от меня зависящее, — в ответ улыбнулся Джозеф.

Наконец можно было вздохнуть с облегчением, ведь весь этот кошмар, переполненный страхом и непониманием, закончился, оставалось лишь разобраться со всеми остальными факторами, препятствующими нормальной жизни. Хомура была одной из немногих, кто заставил меня переломать всю мебель в собственном кабинете, ведь я был бесконтрольно зол, узнав, на что пошла эта девушка, а вместе с тем по сию минуту продолжаю корить себя за то, что не стал следить за этими двумя.

Эмбер поступила правильно, сознавшись в том, что Хомура в очередной раз провернула у нас за спиной, но ее главная ошибка заключалась в другом — она не помешала тому, что в итоге случилось, а вместе с тем скрыла от меня факт самовольничества до самого неподходящего момента, когда мы уже не могли ничего поделать. Конечно же, я вспылал, избил Эмбер до состояния фарша, если можно так сказать, и извиняться за это не собираюсь, ведь именно на ее совести лежит грех, искупать который придется немалое время.

Сейчас же Эмбер уже долго сидит у себя в комнате в одиночестве, заливая подушку слезами и пачкая кровью, не подпуская никого к себе, лишь бы побыть в одиночестве и осмыслить все произошедшее. Пусть и немного, но меня гложет совесть за произошедшее, но иногда нужно уметь не поддаваться угрызениям, если хочешь уберечь тех, кого любишь.

— Мастер Тайкон, я полагаю? — заговорила Эмили, расположившись рядом и вырвав меня из собственных мыслей.

— Да, ты не ошиблась, — ответил я.

— Могу я попросить вас уделить мне немного времени? — аккуратно поинтересовалась она. — Понимаю, момент не самый подходящий, но...

— Идем, — оборвал я, поднявшись на ноги и устремившись к выходу из медпункта, в то время как Эмили последовала за мной.

Таким образом мы оказались в коридоре и какое-то время молча плелись в сторону холла, пока я не остановился, оперевшись на стену практически в конце длинного помещения.

— О чем ты хотела поговорить, Эмили? — спросил я, исподлобья взглянув на девушку.

— Хотелось бы мне представиться, но мы, можно сказать, уже знакомы, — неловко посмеялась она. — Знаете, Тайкон, я бы очень хотела стать обладательницей возможности вступить в орден «Спектр», но, очевидно, для этого потребуется ваше разрешение как главы.

— Не утруждай себя разговорами на «вы», — улыбнулся я, — все мы здесь как одна семья.

— Значит, я могу называть вас Ашидо? — аккуратно уточнила Эмили.

— Верно, — еще шире улыбнулся я. — Спасибо тебе, Эмили, ты очень помогла нам сегодня. Не вижу причин отказывать в желании присоединиться к благому делу, только придется пройти небольшую проверку на искренность.

— Через «шиирацу», да? — совершенно точно предсказала Эмили. — Хотелось бы избежать подобных проверок, ибо меня все еще пробирает страх перед этими глазами, однако, если того требует орден — я согласна.

— Мне и самому не хотелось бы обращаться за помощью к этому паршивцу, — фыркнул я. — Когда Кишин вернется в орден, придется вынудить его уйти.

— Почему?

— Давай не будем об этом раньше времени, — отстранился я, отвернувшись в сторону. — Лучше расскажи мне, как тебя приняли и с чем пришлось столкнуться, оказавшись на вражеской территории.

— Ничего специфического, — пожалала плечами Эмили, — вы ведь все уже знаете обо мне и, полагаю, прочитали то письмо. Должна сказать, я в самом деле уважаю всех, кто здесь находится, а мисс Эверби и вас даже больше остальных.

— Это еще почему? — непонимающе спросил я.

— Ну, — замялась девушка, что касается Хомуры, то таких сильных, проницательных и характерных девушек мало где встретишь, а с тобой ситуация обстоит несколько иначе, ибо я — твоя большая фанатка.

— Фанатка?

— Да, именно фанатка, — улыбнулась Эмили. — Видишь ли, мы с Аой еще с прошлого года восхищались твоей смелостью и делами, даже не предполагая, что ненавистный королю Тайкон окажется тем же человеком, что и тот смельчак годом ранее. Это подкрепило твой авторитет в народе еще больше.

— Это ребята рассказали тебе обо мне?

— И да и нет, — пояснила Эмили. — Видишь ли, трансляцию казни так никто и не оборвал. Зевака-оператор совершил большую ошибку, за которую его хорошенько накажут, а народ благодаря этому увидит истинную сущность не только короля Гармонии, но и того самого Тайкона, которому верят.

— Говоришь, Аой тоже на нашей стороне? — с долей сомнения пробормотал я. — Она ведь и сломала мою маску вместе с грудными костями, помешала атаке на Котая и не стала предпринимать каких-либо попыток с нами связаться.

— Не корите ее, пожалуйста, — чувственно промямлила девушка. — Аой сама не

понимает, что делает, словно ребенок, застрявший в теле взрослого. Принцесса искренне желает избавиться от короля вашими руками, но вы должны понимать, что человеку бывает сложно откреститься от кровных уз. Это ведь ее отец в конце концов.

— Но ты ведь смогла предать своего отца, генерала Морроу, — подметил я.

— Не успела я его предать, Ашидо, — тяжело вздохнула Эмили. — Это он меня предал, не как генерал капитана, а как отец дочь, за что и лишился головы.

— Погоди, — я на секунду запутался, не понимая, к чему она клонит, — Морроу мертв?

— Эдвард отрубил ему голову, — объяснила Эмили. — А затем залечил мои почти что смертельные раны и отмазал перед королем. Не вмешайся тогда Эдвард, все могло закончиться плачевно.

— Ты о том мужчине с повязкой на глазах?

— Да, я о нем, — подтвердила она. — Сейчас Айс стоит на месте Морроу, и я до сих пор не знаю, что у него в голове, однако предполагаю, что Эдвард на нашей стороне, только преследует какие-то свои цели.

— Хочешь сказать, у нас имеется еще один потенциальный союзник? — задумчиво пробормотал я.

— Возможно, только...

Слова Эмили оборвались характерным отзвуком «бэкдора», исходящим со стороны холла. Очевидно, мы молниеносно отреагировали на этот феномен и выскочили из-за угла поближе к источнику, где и лицезрели того, кого ждали больше всего и кого больше всего не хотели видеть. Едва он поднялся из преклоненного на колени положения на ноги, сразу обратил свой взор на меня. Увидев эти беспросветно черные глаза с яркими кольцами вокруг зрачка, из которых непрерывно сочилась кровь, капая на пестрый красный ковер, в памяти всплыла картина того кадра, который мелькал в момент использования «шиирацу» — полная идентичность. Это не была особая техника шепотов — виной всему глаза, которые Илия так тщательно от нас прятал, будто не хотел жертвовать доверием со стороны тех, кому и сам пытался довериться.

— Ашидо, — заговорил Кишин, — собери всех в командном центре.

— С какой стати ты теперь выдвигаешь требования? — возмутился я.

— Это не требования, а просьба, — холодно проговорил Илия. — Пришло время рассказать правду, и я хочу, чтобы все о ней знали. Майор Морроу, вас тоже попрошу присутствовать.

— Раз уж речь зашла о правде, будь готов выложить все, — нахмурился я.

— Так тому и быть, буду ждать.

***

Уже через десять минут весь орден находился в пределах одной комнаты, не считая Джозефа, следящего за состоянием Хомуры, и Эмбер, мотающей соплю на кулак в зоне домашнего ареста. Детей тоже ситуация обошла стороной, потому Каспер и Кирей закрылись где-то в здании, заняв себя очередной интересной игрой. В командном же центре, заняв свои сидячие места, все то ли дело перешептывались, будто не понимая, что их ждет в ближайшие минуты, пока я мирно ожидал начала в компании Хорнет и Войд, столько же молчаливо пялящихся куда-то в стену, пока наконец в центре событий не показалась ожидаемая всеми персона.

Зайдя в двери и поднявшись по ступеням, Илия расположился возле трибуны. Сегодня он выглядел одновременно и полностью подавленным, и сгорающим от чего-то хорошего,

однако на лице присутствовала лишь полная серьезность. Сняв свой шлем и положив его на приборы рядом с трибуной, Илия замер в ожидании тишины, на что все отреагировали однозначно, внимательно устремив свой взор на оратора.

— Перед началом моего признания, хотелось бы перед всеми вами извиниться, — заговорил Илия, когда все были готовы слушать. — Поскольку все вы мне безмерно дороги, я не хотел бы оказаться в чьих-то глазах предателем или лжецом, потому собираюсь окончательно поставить жирную точку в собственной биографии.

— Лжецом, хах, — фыркнул я у себя в голове, — ты уже им оказался, Кишин.

— Начнем по порядку, но для этого мне придется заново представиться, — сказав это, он сделал короткую паузу, собираясь с мыслями, после чего продолжил. — Меня зовут Илия Кишин, сын Зигфрида Кишина из потомственного рыцарского рода, а также простой деревенской женщины по имени Марта. Я родился в 1199 году в королевстве Меления, что находится где-то на территории современной Дании, а умер в 1224 году от рук своего злейшего врага. Сейчас перед вами стоит самая что ни на есть реинкарнация человека из прошлого: я имею те же воспоминания, ту же внешность и характер, но вместе с тем и новую силу, зовущуюся «вездесущим оком». Изначально я искренне верил, что являюсь единственным носителем этих глаз в новом мире с новыми людьми и возможностями, но однажды трещину в сознании дал один единственный человек.

В середине своей речи о биографии Илия вывел на экран изображение человека, который был хорошо нам знаком — король Гармонии Котай Изуми.

— Перед вами сейчас находится человек, которого все ошибочно считают приемником первого короля Гармонии Сето Изуми — Котай Изуми, однако он вовсе не тот, за кого себя выдает. Хорошенько посмотрите на экран, затем на меня, после чего вы заметите неявные сходства, говорящие лишь об одном — на троне в Гармонии сидит не кто-то, а мой кровный брат-близнец по имени Бартон, или скорее его аналогичная реинкарнация, поскольку Бартон умер в тот же день, что и я.

В этот момент по залу разлетелся шепот, люди переговаривались ежесекундно, пребывая в шоке не только от того, что слышат, но и от того, что все это выглядит правдоподобно. Что касается меня, больше всего мне хотелось услышать, по какой причине Илия все это время скрывал от нас правду.

— Мастер Кишин! — послышался возглас Мисато из зала. — Вы хотите сказать, что раз являетесь братом-близнецом короля, то Нао и Аой на самом деле тоже носят фамилию Кишин, а вы значитесь дядей для обеих девушек?

— Именно так, Хагашида, — подтвердил он.

— Ну и херня, — тихо возмутилась сидящая за мной Нао. — Еще один родственничек объявился.

— Продолжим, — оборвал Илия, переключив все внимание обратно на себя. — Говоря о «вездесущем оке», стоит разобрать те способности, которые оно дает, чтобы вам было проще понять мои мотивы. Первая — «шиирацу», что можно перевести как «взгляд в душу». С этой способностью многие из вас уже знакомы, потому не вижу смысла копать глубже. Вторая — «ранмацу», представляет из себя «идеальное отражение», благодаря которому можно полностью заблокировать удар и перенаправить силу этого же удара обратно. Это, безусловно, очень сильные способности, но больше всего внимания стоит уделить именно третьей, которая называется «Парадоксом Кишин», что можно дословно перевести как «парадокс вездесущего ока», как бы иронично это не звучало. Многие замечали на моем

лице кровавые слезы, точно так же, как и на лице короля — это является побочным эффектом использования «Парадокса», а сама способность позволяет, внимание, останавливать время.

В ответ на столь громкое заявление весь зал залепетал разной громкостью, люди стали подскакивать со своих мест и неразборчиво что-то выкрикивать. Какое-то время вся эта суэта продолжалась в неутихающем темпе, пока общим трудом Илии и Хорнет все наконец не успокоились, дав возможность Кишину продолжить.

— Вспомните нашу первую встречу, — робко проговорил Илия. — Это касается Ашидо Юмико, Хорнет, Амелии и Итачи. Тогда я пришел к вам самовольно, поскольку благодаря «шиирацу» узнал о зарождающемся ордене «Спектр» от старого врага по имени Хандзо, благодаря которому вышел на Ашидо. Я не был прямым участником в конфликте, а лишь наблюдал со стороны за действиями ордена, давая подсказки в каком направлении двигаться, — договорив, Илия обратил свой взор на меня и продолжил. — Вопрос к тебе, Ашидо Такаги. Как бы ты отреагировал на информацию о том, что я являюсь братом-близнецом короля? Что король способен останавливать время и двигаться внутри «Парадокса» так, как ему вздумается? Стал бы ты идти по тому пути, по которому следуешь уже больше года? Стал бы ты набирать столько людей, зная, что все они скорее всего умрут? Стал бы ты доверяться мне, зная то, что знаешь сейчас?

— Довериться тебе было ошибкой, Илия Кишин, — прорычал я. — Мы в самом деле доверились тебе и были готовы бороться за общее дело. Я лишь не понимал причин, по которым ты отказываешься от идеи свергнуть короля путем его смерти. Сейчас же я прекрасно понимаю, что ты действуешь только в своих интересах и используешь нас в качестве боевой единицы. Думаешь, тебе есть место в ордене после такого?

— Ты безусловно прав в том, что я преследую свои цели, но вместе с тем я так же разделяю цели ордена, который за это время уже успел стать мне родным, потому мысль о том, что вы мне нужны только в качестве боевой единицы, ошибочна. Пусть ты и не ответил на все заданные вопросы, главное уже было сказано — вы доверились мне. Только лишь благодаря тому, что я скрыл свою собственную сущность и личность короля Гармонии, «Спектр» разросся до тех масштабов, которые мы видим сегодня. Только поэтому нас поддерживают десятки предприятий, ордены «Юстиция» и «Юнити», народ в конце концов. Я дал вам смелость действовать вопреки страху, жить не пустыми надеждами и мольбами, а реальными возможностями. Пойми, Ашидо, поймите все, сейчас «Спектр» уже не какое-то сборище обиженных на режим детей, все мы — бойцы, готовые бороться за свою свободу и идеалы.

— Но как нам бороться, когда внутри ордена такой разлад? — оборвала его Хорнет. — Думаешь, нам по силам справиться с самовольничеством таких людей, как Хомура? Неутихающей злобой и грубостью отдельных индивидов? А что нам делать с детьми, которых пришлось во все это втянуть?

— Я понимаю твой страх, Хорнет, — спокойно ответил Илия. — Но, знаешь, люди на то и люди, чтобы забывать все обиды и объединяться перед лицом одной большой опасности — именно так была построена Гармония. Подвиг Хомуры пусть и кажется абсурдным, но она дала нам почву действовать, дала возможность Ашидо и мне заявить о себе всему народу Гармонии, потому ее действия не останутся неоправданными — мы докажем всем, что Хомура не просто так рискнула своей жизнью. Я помогу вам свергнуть короля, и сделаю это собственными руками, а вы позаботитесь обо всем остальном, ибо иного варианта у нас нет.

Если я уйду из ордена, ни у кого из вас не останется возможности победить Бартона, а я лишусь своих единственных настоящих друзей.

— Я хочу, чтобы ты ушел, — дерзнул я. — На то мы и орден, чтобы бросать вызов тем, кому боятся возразить остальные. Уходи, Илия, забудь обо всем, что здесь когда-либо происходило, забудь о нас и никогда более не возвращайся — как-нибудь без тебя справимся.

— Ты уверен в своих словах, Ашидо? — в грустном тоне произнес Илия.

— Так будет лучше и для тебя, и для меня, — вздохнул я.

— Что ж, в таком случае, благодарю всех за внимание и то время, которое мы разделили вместе — глубоко в моем сердце все осталось прежним. Спасибо, орден «Спектр», пусть Ашидо и говорит мне обо всем позабыть — я вас не забуду. Прощайте.

Сказав это в чувственном тоне, Илия поклонился и тихим шагом устремился на выход из командного центра, не позабыв при этом захватить свой вульгарный рогатый шлем. Не скажу, что я жалею об его уходе, но, как и было сказано, всем от этого будет лучше, ведь нельзя так просто восстановить доверие между людьми, тем более в тот критический период, в котором приходится поддерживать в ордене жизнь. Я не могу так просто отказаться от своей первоначальной цели, не могу сражаться на одном поле боя с тем, кто может воткнуть нож в спину в самый неподходящий момент, потому отпущу тебя на растерзание судьбой, какой бы жестокой в реальности она не была.

— Стоять! — очень громко воскликнула Эмили.

Очевидно, девушка сразу привлекла к себе все внимание, включая уходящего Кишина, который вдруг остановился и повернулся в сторону Морроу.

— Что с вами не так, люди? — возмутилась она. — Пусть мы толком и не знакомы, мне очень неприятно видеть такие двойные стандарты внутри ордена, ради которого я предала дворец! Задумайтесь! Вы готовы идти против могущественнейшего человека в Гармонии! Готовы сражаться за свободу и свои идеалы, но не готовы возразить собственному главе? С какой стати Ашидо решает за всех? И это вы называете семьей? Разве вы тоже хотите, чтобы Кишин ушел? Чтобы ваш драгоценный и столь же сильнейший союзник, преданный ордену вопреки вашему же недоверию, просто ушел по щелчку пальца одного человека? Ашидо, очнись! Илия спас тебе жизнь! Бартон убил бы тебя, если бы Илия не вмешался! Что было бы с народом Гармонии, потерявшим бесценную надежду и веру вместе с потерей того, кому они верят? Ты говоришь Кишину, что он слишком эгоцентричен, но разве вы не одинаковы? Разве сейчас ты не думаешь только о себе, не хочешь выгнать его только потому, что он противен лично тебе? Разве оно того стоит? Стоит того оборвать все связи с человеком, не спросив у других, что они о нем думают? Лично я горжусь, что я на свете есть такой человек, как Илия Кишин, потому буду первой, кто проголосует за то, чтобы он остался в ордене!

Сказав это, Эмили подняла вверх руку настолько, насколько могла, чтобы каждый присутствующий отчетливо ее видел.

— А я-то думал, что мы поладим, Эмили, — тяжело вздохнул я. — Думаешь кто-то в самом деле поддержит твои возгласы?

— Обернись, Ашидо, — спокойно проговорила она, широко улыбнувшись.

Последовав совету, я обернулся назад, и в этот момент перед глазами раскрылась ошеломляющая картина того, как позади меня стали поочередно подниматься руки, и было их настолько много, что с каждой секундой я все меньше и меньше чувствовал себя ценным в этом кругу самых хороших друзей. Амелия, Юмико, Ринна, Мисато, Наталья, Николас,

Шин, Джозеф, Итаци, даже Торин — все они высказались за то, чтобы Илия остался. Едва я развернулся посмотреть на остальных, как застал перед собой Войд в той же позе.

— Ты тоже с ними? — обратился я к Хорнет, которая все еще не подняла руку.

— Знаешь, Ашидо, — тяжело вздохнула она, — Эмили ведь права. Я тоже хочу, чтобы Илия остался с нами, — сказав это, Хорнет подняла руку вверх.

Одна лишь Нао не хотела повторять за остальными, но что она может против большинства?

— Победа большинства! — выкрикнула Эмили. — Илия, слышишь? Ты можешь остаться, потому что мы не хотим, чтобы ты уходил!

— А что мне остается? — широко улыбнулся Илия, подзывая присутствующих руками. — Идите все сюда!

В ответ на призыв, люди стали подпрыгивать со своих мест, бросаясь во всеобщие объятия, в центре которых находился человек, которого я минутой ранее почти было выставил за двери навсегда. Поверить не могу, что слово главы ордена ничего не значит для тех, кто ему подчиняется — разве так бывает на свете? Разве последнее слово не должно быть за мной? Неужели я сейчас нахожусь в том же положении, что и король Гармонии? Можно сказать, теперь мне знакомы те чувства, которые он испытывает, когда народ отворачивается от своего правителя.

— Чего сидишь? — окликнула меня Юмико, дернув за руку. — Давай к нам!

— Отвали, мне тошно от вас, — отстранился я.

— Вставай, сукин сын, будешь обниматься, — настояла Юмико, сумев отодрать меня от кресла.

Не знаю, как вообще воспринимать то, что произошло сегодня. Такого стресса я еще никогда не испытывал, и не уверен, что испытаю когда-нибудь снова. Может оно и к лучшему, что Илия в конечном итоге остался в ордене, но никто точно не знает, как все сложится дальше: судьба ордена, судьба братьев Кишин, судьба Гармонии и моя собственная судьба...

Душу греет лишь мысль о том, что нам наконец открылась правда.

Глава 54: Эхо-терапия

Вчерашний день запомнился всем не в самом лучшем тоне, о чем хорошо говорили разнообразные эмоции, играющие на лицах сотрудников «Спектра» разными оттенками одной палитры. Они выглядели так, словно стараются поскорее обо всем позабыть и отвлечь себя чем угодно, лишь бы привести в порядок чувства и разложить свой внутренний мир обратно по полочкам. Сейчас тяжелее всего приходится главным сторонам конфликта, ибо эти двое, судя по всему, не сильно спешат возобновлять треснувшую в неудачный момент дружбу. Ашидо всеми возможными способами старается обходить Илию стороной, даже когда тот нацелен только на то, чтобы снова расположить его к себе.

В моих силах помочь ребятам создать приятную и дружественную атмосферу, но смелости для этого все никак не получается найти — я опасаясь наговорить лишнего — слов, способных еще больше усугубить ситуацию, если не навредить мне самой.

— Эх, люди такие сложные, — тяжело вздохнула я, выбрасывая очередную карту в общую колоду.

— Сестренка, ты сбросила синюю на красную! — тотчас возмутился Кирей.

— Правда? — нехотя пришла я в себя, обратив внимание на то, что секундой ранее сделала.

На мягкой кровати среди кучи разноцветных карт лежала и моя свежая, которая никак не вписывалась в рамки честной игры. Все выглядело так, будто взрослая и хитрая девочка старается поймать младшего брата на ошибке и обвести вокруг пальца, но на деле я просто ушла глубоко в себя и совсем позабыла о том, что мы сейчас во что-то играем.

— Ты прав, прости, — отчужденно произнесла я, забрав карту со стола и заменив ее красной.

Что еще остается замкнутой в себе девочке, когда обстановка вокруг похожа на клубящиеся черные тучи с неутихающим ливнем? Конечно, спрятаться где-нибудь в тишине с парочкой детей, желающих провести побольше времени с кем-нибудь постарше. Кирей как и многие другие дети всегда тянется за теми, кто его больше всего впечатляет. Поскольку вариантов не так много и выбирать не из чего, старшей сестре приходится отыгрывать роль наставника и наставлять малыша в любых вопросах, но как же тяжело все время что-то советовать и чему-то учить, когда и самой хочется кому-нибудь высказаться.

— Выглядишь паршиво, — бесчувственно произнес сидящий рядом Каспер.

— Спасибо, — промямлила я.

— Не подумай, я не хотел тебя обидеть, — внезапно замешкался он.

— Знаю, — по комнате пронесся тяжелый вздох. — Я хотела сказать, спасибо, что заметил.

— А-а, пожалуйста, — опомнился Каспер, после чего замолчал, продолжив выкидывать карты.

О чем же ты так беспокоишься, сестренка? Почему даже дети замечают что-то неладное в твоём состоянии во время партии в, казалось бы, веселую детскую карточную игру? Может, хватить сидеть здесь сложа руки и тухнуть, словно рыба под палящим солнцем? Может, стоит набраться смелости и сделать хоть что-то?

— УНО, — глухо пробормотал Каспер.

Одно лишь слово, и вся мотивация тотчас пропала, будто ее изначально не было. Кто

научил тебя быть такой слабой и нерешительной?

— Мальчики, обед готов! — раздался приятный женский голос, последовавший за скрипом двери.

— Ура! — радостно залепетал Кирей, едва заведя глубоко любимую горничную и по совместительству второго человека из списка «самых любимых».

— Сегодня у нас на обед вкусная жареная горбуша! — улыбнулась Итачи. — Отказа не принимаю!

— Я не ем рыбу, — отрезал Каспер.

— Ешь, — грозно проскрипела зубами горничная, заметив враждебность к предмету своего искусства.

— Она вонючая, — продолжил ерничать мальчик.

По глазам Итачи было видно, что такие сложности с детьми она испытывает впервые, потому не знает, как себя вести и какие меры воздействия использовать. Каспер далеко не самый приятный и приличный ребенок — оно и неудивительно, ведь виной всему плохое родительское воспитание или полное его отсутствие. Где вообще его родители? Благо Кирею удалось избежать трансформации во вредину и грубияна под строгим надзором старшей сестры.

— Ладно, посидишь недельку без еды, а потом будешь умолять меня пожарить тебе горбушу, — слова Итачи звучали так, будто она проиграла бой, но планирует выиграть войну.

— Ага, — бесчувственно произнес Каспер, как бы провожая озлобленную и обиженную горничную на выход.

Следом за вялым и бессмысленным разговором последовала тишина, Кирей лишь крикнул что-то вдогонку и скрылся за дверью, уйдя вместе с Итачи обедать на кухню. С этого момента в комнате остались только два поистине асоциальных человека, не способных и слова выдать в сторону друг друга, однако Каспер сумел удивить меня тем, что менее чем через минуту внезапно заговорил:

— Я соврал, — слова резко вырвались и столь же резко растворились, а я даже не успела ничего понять.

— Чего?

— Я соврал — мне очень нравится красная рыба, — повторил он.

— Тогда почему ты не пошел с Итачи? — оторопела я.

— Потому что я не могу смотреть на то, как ты сидишь без дела и прожигаешь время впустую, витая в своем мирке, — пояснил Каспер.

— Я настолько плохо выгляжу?

— Морти говорит, что ты слабая и нерешительная, — столь же бесчувственно проговорил мальчик.

— Понятно, — вновь тяжело вздохнула я.

На каком моменте я оступилась, если даже ребенок упрекает меня за слабость?

— Именно поэтому мы хотим тебе помочь, — с натяжкой улыбнулся Каспер.

— Как?

— Знаешь, я видел твои сны и знаю, что тебя беспокоит, а также знаю, что может подтолкнуть и прибавить смелости, но придется немного довериться, чтобы все прошло гладко.

— Почему твои слова звучат так, будто мне придется рисковать, — осторожно

подметила я.

— Возможно, я не так выразился, но сути это не меняет, — пробормотал Каспер. — Расскажи мне, что ты хочешь сделать и что мешает набраться смелости.

— Боюсь, ты не сможешь мне помочь, Каспер, — отстранилась я.

В самом деле, принимать советы от ребенка — это верх абсурдности положения. Не знаю, что и думать, когда самой в голову ничего не приходит, а на помощь является только маленький мальчик.

— Вместо того, чтобы пытаться тебя убеждать, я просто выскажу свою мысль, а ты сама уж решишь, прислушаться или проигнорировать.

— ...

— Твое заикненное состояние держится еще со вчерашнего вечера, а это значит, что эмоциональный аттракцион внутри ордена оказал на тебя большое давление. Дай угадаю, ты очень хочешь вмешаться и помирить этих двоих, но боишься еще больше напортачить и все испортить, я прав?

— ...

— Как я и думал, — вздохнул Каспер. — К твоему сведению, Илия и Ашидо относятся к тебе теплее, чем друг к другу, а потому никто из них не стал бы отказывать в разговоре, даже если речь пойдет не о самой приятной теме. Тем не менее, своим бездействием ты делаешь только хуже, чем если бы прямо сейчас пошла и поговорила с ними. Недаром в народе веками живет истина: «лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть».

— Что ты хочешь этим сказать? — робко промямлила я.

— Просто пытаюсь до тебя достучаться и дать понять, если попытаешься — хуже не будет, а вот лучше вполне может быть, — улыбнулся мальчик. — Ну-с, пойду пообедаю, не очень хочется расстраивать Итаци.

Договорив, Каспер спокойно поднялся со своего места и тихим ходом скрылся за дверью, не выпуская из рук любимую плюшевую игрушку. Весь период разговора он выглядел совсем бесчувственным, даже в те моменты, когда старался искренне улыбаться — все эти чувства казались одновременно и фальшивыми, и самыми настоящими, потому я наверняка не знала, хочет ли он в самом деле мне помочь, или просто насмехается над человеческой слабостью и закомплексованностью.

Тем не менее, даже спустя десятки минут после разговора, я все время прокручивала в голове слова мальчика, сопоставляя с реальными фактами. Он безусловно был прав в том, что ко мне все здесь относятся с добром, не считая Нао, но почему же это мешает мне внести свой вклад в создание дружественной атмосферы внутри ордена? Чего ты боишься, Эхо?

— Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть, да? — продолжала повторять я, внушая себе хоть каплю уверенности.

Точно, может я и не сделаю лучше, но даже так — надо хотя бы попытаться. Разве кто-то в столь прекрасном месте способен прогнать меня, если я приду с добрыми намерениями? Разве желание помирить людей между собой хоть раз кому-то вредило?

Ну, держитесь, мальчики! Вас ждет серьезный разговор!

***

Через некоторое время я уже стояла перед дверями кабинета нашего мастера, все еще колеблясь и стараясь не отступить в самый ответственный момент. Тревожные мысли все время мешали и не давали постучать в дверь, каждый раз я откладывала момент по минутам,

взвешивая все «за» и «против», пока наконец через пятнадцать минут нерешительного и глупого стояния под дверью не соприкоснулась костяшками пальцев с деревянной поверхностью.

— Кто? — в ответ раздался нервный возглас, так и говорящий о своей неготовности принять гостей.

Слегка испугавшись, я замерла на одном месте, не издавая ни звука. Глубоко в мыслях хотелось ответить, но тело не слушалось, а язык не шевелился, пока уже сам Ашидо не провернул дверную ручку, открыв дверь прямо у меня перед лицом.

— А-а, это ты, Эхо, — умиротворенно проговорил он, столкнувшись со мной взглядом, — заходи, не стой на пороге.

Таким образом мы оказались внутри кабинета, Ашидо сразу же уселся в свое кресло и откинулся на спинке, в то время как я «проползла» к рядом стоящему стулу, на который и уселась в позе первоклассника на своем первом в жизни уроке.

— Что-то хотела? — заговорил Ашидо, устав наблюдать за гробовым молчанием.

— Я?.. Я хотела сказать... что... эм...

Что ты делаешь? Разве за этим ты сюда пришла? Сидеть и мямлить себе под нос неразборчивые слова? С таким настроением ничего не добьешься, не говоря уже о том, что с глупым видом сбежишь и спрячешься где-нибудь в темном углу. Даже сейчас Ашидо смотрит на тебя в полном непонимании, не зная, что сказать, чтобы не спугнуть. Разве он может сделать что-то плохое по отношению к тебе? Соберись, сделай это!

— Мастер, — наконец заговорила я, сделав глубокий вдох и усмирив внутренние переживания, — я хотела поговорить насчет ваших с мастером Кишином взаимоотношений.

— Не самая лучшая тема для разговоров, Эхо, — отстранился он, едва услышав первое упоминание об Илии.

— Знаю, но прошу вас, хотя бы выслушайте меня, — взмолилась я, выдавая на лице все свои переживания. — Ради этого разговора я больше десяти часов собиралась с мыслями.

— Десяти часов? — оторопел Ашидо. — Тебя так задело вчерашнее происшествие?

— Н-нет, не в этом дело, я лишь хотела сказать, что...

— Эхо, ты не подумай, я вовсе не держу на тебя зла, — перебил Ашидо. — Мне важно, чтобы ты не чувствовала вины за то, что подняла руку или чего-то не досказала. И не обращай ко мне на «вы», я тебе не папочка и не начальник, а в первую очередь друг, хорошо?

— Друг? — тихо промямлила я.

— Конечно, — с улыбкой на лице подтвердил Ашидо. — Если бы я на каждого из вас был обижен и считал виноватыми, как бы мы могли называть себя орденом?

— Одна большая семья, да? — вдруг вспомнилось мне, что мастер однажды так говорил.

— Именно, Эхо, ты все правильно говоришь, — вновь улыбнулся он.

— В таком случае, разве Илия не может быть частью семьи? — спросив это, я со стыдом на лице отвернулась, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

— Не пойми меня неправильно, Эхо, но Илия сам виноват в том, что я к нему так плохо отношусь. Ты бы смогла сохранить свою лояльность к человеку, который весь период дружбы только и делал, что врал?

— Не знаю...

— Я не смог, — тяжело вздохнул Ашидо. — Знаешь, я очень ценю концепцию дружбы и

всех своих приближенных, потому что именно они вытянули меня из того омута, в котором приходилось тонуть, но есть на свете такие люди, которым чужды внутренние переживания других. Я хорошо понял мотивацию Илии, но этот человек мог решить все иначе и сохранить дружбу, однако предпочел поставить семейные узы выше всех остальных. Не могу осуждать, но и простить не могу, ибо друзья так не поступают, а если жизнь вынуждает пойти на отчаянные меры, что ж, так тому и быть, пусть живет своими идеалами и добивается своих целей, но я этого не поддержу.

С каждой секундой в голове все пустело, все мои аргументы и тщательно подобранные слова куда-то исчезли, а им на смену пришел ступор, выражающий себя в пустом молчании и бессилии перед человеком, который имеет куда больший опыт общения с людьми, чем у меня.

— Не знаю, что и сказать, — промямлила я, едва не плача.

Разумеется, Ашидо заметил это и спохватился, подумав, что наговорил лишнего, хотя его вины в том, какие эмоции я показываю людям, не было. Это и значит быть слабым — оказываться ведомым сильными людьми и все время кому-то подчиняться, но больше всего подобные мне люди прогибаются под собственные ограничители, не дающие жить полноценной жизнью.

— Ты чего? Я что-то не так сказал? — переживающим голосом спросил Ашидо. — Прости, если мои слова прозвучали грубо и напугали тебя, я вовсе не хотел...

— Это вы меня простите, — наконец заговорила я. — Мне очень хочется помочь и вернуть все, как было, но я никак не могу справиться с мыслями и донести все то, что хочу сказать. У меня никогда не было настоящих друзей, до того момента, пока я не попала в «Спектр». Поначалу я думала, что могу использовать вас для того, чтобы спрятать Кирея и самой укрыться подальше от внешнего мира, но, когда ко мне стали проявлять знаки внимания, я наконец поняла, каково это — иметь друзей.

— ...

— Именно из-за своей замкнутости и того положения, в котором мы жили, я совсем упустила тот момент, когда у людей появляются первые друзья. Я не знаю, что говорить, чтобы люди не злились, не знаю, что говорить, чтобы выразить свою благодарность, не знаю, что говорить, чтобы люди простили тебя за серьезный проступок. В голове один туман, пустые надежды и переживания, которые в конечном итоге выливаются в слезы от осознания собственной никчемности и бессилия перед проблемой, которую очень хочется решить.

— ...

— Я просто хочу, чтобы все стало как раньше, чтобы вы жали друг другу руки при встрече, громко кричали, напившись алкоголя, спорили о каких-то глупых вещах, но все равно оставались друзьями, потому что иметь друга — это прекрасно. Друзья созданы для того, чтобы поддержать и суметь помочь в трудную минуту, чтобы разделять мирное время за веселым делом, а в тяжелые времена встать бок о бок. Разве вы не такие? Разве Илия рисковал собой ради собственных целей? Не ради вас, мастер? Разве может плохой друг все время находится рядом и оставаться верным тем, кто считает его другом? Все ли так безысходно, или есть шанс все вернуть?

На этом моменте я вдруг осознала, что отключилась от реальности и говорила без умолку, выдавая все свои самые ненужные мысли, что доносились до ушей, которым их лучше было не слышать. Как обо мне теперь будет думать Ашидо? Я снова все испортила...

— Простите, пожалуйста... я не хотела, — с горящим лицом и переполняясь стыдом, промямлила я, замкнувшись в себе еще сильнее, потеряв какое-либо желание говорить.

В ответ на мои откровения Ашидо замолчал и лишь тихо пилил взглядом, в котором читалось непонимание и, наверное, осуждение за все вышесказанное. Скорее всего, после этого разговора я и на милю не подойду к этому кабинету, снова запрусь в комнате с детьми и буду играть во все самые дурацкие игры, лишь бы отвлечься от реальности, от которой даже музыка уже не спасает. Подумать только, не так давно мы бок о бок сражались с гвардией, и там я чувствовала себя в разы увереннее, чем в разговоре один на один в мрачном тусклом помещении, где царит лишь гробовая тишина.

— Ты хороший друг, Эхо, — внезапно заговорил Ашидо, широко улыбнувшись и положив мне руку на голову.

От такой реакции я быстро потеряла нить, которая связывала меня со здравым смыслом. Почему он так сказал? Разве я не наговорила лишнего? Почему я сейчас сижу здесь с заплаканным лицом и смотрю ему в глаза? Что со мной не так?

— Хватит плакать, солнце, ты все правильно сделала, высказав мне свои переживания, — нежно проговорил Ашидо. — Как ты думаешь, что больше всего красит человека перед другими?

— С-смелость, наверное, — предположила я.

— А вот и нет, — опроверг Ашидо, — именно доброта и неподдельная искренность реальнее всего описывают внутренний мир человека. Поэтому я назвал тебя хорошим другом, ведь во время того, как ты говорила, я понимал, что все эти слова исходят от сердца, а потому поддельными быть не могут. В обычных условиях ты вечно витаешь в облаках и с трудом выговариваешь простые предложения, но сейчас, когда столько всего было сказано практически без запинок, я могу полностью понять тебя и довериться всем тем словам, что, казалось бы, вырвались случайно.

— С-спасибо, мастер, — поблагодарила я, склонив голову в стыдливой позе.

— Не называй меня так, мы же друзья в конце концов.

— Хорошо.

— Лучше скажи мне, что ты хотела до меня донести, раз уж целенаправленно пришла сюда ради одного разговора — только честно. Обещаю, что я не стану злиться, обижаться и осуждать тебя за что-либо. Мне правда очень хочется знать.

— Я, наверное, так не могу...

— Не бойся, все хорошо, я правда очень хочу знать, во что ты вкладываешь столько усилий.

— Только если пообещаете выполнить мою просьбу, — робко промычала я.

— Зависит от просьбы, я не могу ничего обещать, если не знаю, что от меня требуется, — отстранился Ашидо.

— Я прошу вас прислушаться к словам Илии, если он решит пойти навстречу ради примирения, либо постараться самому восстановить дружеские взаимоотношения.

— Насчет собственной инициативы не могу ничего обещать, однако, ради тебя, если Илия решит что-то до меня донести, обещаю его выслушать.

— Правда? — искренне удивилась я, не ожидая одобрения со стороны Ашидо.

— Правда, — улыбнулся он, пусть и с натяжкой. — Ты, должно быть, пришла сюда именно за этим, но мне почему-то кажется, что это не все. Есть ли еще что-то такое, чего тебе нужно от ордена?

— Я хочу... чтобы вы все стали моими друзьями, — нерешительно произнесла я, запинаясь между словами. — В особенности вы с Илией — я хочу узнать вас обоих получше, хочу стать вашим другом.

— Ха-ха, не сомневайся, у тебя уже получилось, — рассмеялся Ашидо. — Все хотят иметь таких милых и хороших друзей, как ты.

Милых? Хороших? Такой меня видит Ашидо? Разве со стороны я не выгляжу как какая-то загнанная обществом в угол девчушка? Что говорят в таких случаях, как сейчас? Ах... точно...

— Спасибо большое, мне приятно слышать подобные слова.

— Не благодари, это все в порядке вещей, — отмахнулся Ашидо. — Ты уже разговаривала с Илией?

— Еще нет, — пробормотала я, скрестив кисти от резкого напряжения. — Идти к нему было страшнее, чем к вам, потому я решила начать с того, что будет полегче.

— Что ж, тогда теперь следует пойти к нему, потому что со мной ты уже разобралась. Главное не бойся, Илия может и не добрее, но точно тактичнее меня, потому выслушает и даст однозначный ответ.

— Мне снова придется переживать эти чувства...

— Не бойся, Эхо, — подбадривал Ашидо, — у тебя есть магическая способность располагать к себе людей, да такая, что мужское сердце точно екнет. Иди, не стоит терять времени на раздумья, все получится!

— Не думаю, что...

— Давай-давай, — подстрекал он, стараясь отодрать меня от стула, к которому я, казалось бы, приклеилась намертво, — он будет рад твоей компании и тому, что кто-то вдруг решил проявить инициативу.

— Почему вы так в этом уверены? — протянула я, робко ступая в сторону выхода в сопровождении мастера.

— Потому что я прямо сейчас очень рад тому, что мы с тобой поговорили, — напоследок произнес Ашидо, после чего медленно прикрыл дверь. — Удачи!

Так я снова оказалась в коридоре, то ли с победой, то ли с не с таким уж и удручающим поражением, однако разговор прошел на удивление хорошо. Ранее я не могла себе позволить так долго и откровенно с кем-то разговаривать, но сегодня... даже вспоминать страшно.

Что ж, впереди еще один трудный сюжет, но сейчас я чувствую себя капельку лучше и уверена, что смогу...

***

Всего через несколько минут я уже стояла перед дверями в комнату мастера Кишина. Обычно он не остается в своей комнате и проводит время где-то в другом месте, однако с того момента, как Хомура оказалась в коме, Илия все время находится здесь. Кто знает, что поспособствовало такому решению, однако я предполагаю, что он не только хочет вовремя прийти на помощь девушке, если что-то пойдет не так, но и будет способен защитить нас, если вдруг что-то случится. Думая о Хомуре, хочется снова увидеть ее в добром здравии и приподнятом настроении, потому что мне нравилось с ней общаться. Это ли называется переживаниями о друге?

Раздался стук, по комнате разнесся звук, предвещающий о внезапном госте. На этот раз я не стала долгое время собираться с мыслями, а просто постучала с мыслью «будь, что будет». В ответ на это дверь отворилась, и передо мной показался Илия собственной

персоной, однако вид его был не самым радостным: глаза прищурены, усталая мимика, расслабленное состояние — словно только что проснулся.

— Заходи, — однозначно произнес он, приглашая внутрь.

Только лишь когда дверь отворилась полностью, я могла лицезреть то, чего многие из ордена не видели — Илию в домашней одежде. Он был в самой обычной черной майке и простеньких серых штанах, голые руки хорошо блистали своей мускулатурой, хоть и не особо большой, но довольно эстетичной. Зайдя вглубь комнаты, он уселся на кровать и схватился за кружку с каким-то горячим напитком.

— Выключатель справа от тебя на уровне пояса, можешь включить свет, если в темноте будет некомфортно, — подсказал Илия, глядя на то, как робко я заползаю следом.

— Вам тоже комфортнее без света? — аккуратно поинтересовалась я.

— Как-то спокойнее что ли, — задумался он, одобрительно кивнув. — Будешь чай с малиной?

Я все гадала, что же в этой кружке, думая, пьет ли мастер Кишин кофе, или это какой-то необычный чай. Ответ не заставил себя ждать, ибо Илия встретил меня довольно приветливо, развеяв все вопросы.

— Мастер Кишин, я к вам по делу, мы можем присесть и... поговорить? — робко пробормотала я.

— Конечно, садись, куда угодно, я тебя слушаю, — согласился он.

Воспользовавшись предложением, я медленно подобралась к кровати и уселась рядом, стараясь соблюдать дистанцию. Честно говоря, здесь я почему-то чувствовала себя куда лучше, чем в кабинете Ашидо, поскольку не только атмосфера, но и сам собеседник внушали какое-то необычное спокойствие, словно на одинокой лавочке в парке под светом единственного тусклого фонаря.

— Можешь не смотреть в мою сторону, если буду напрягать своим видом, — Илия заговорил первым, и начало было довольно странным.

— Вы меня не напрягаете...

— Отлично, — ухмыльнулся он. — Так, о чем ты хотела поговорить?

— С чего бы начать, — замялась я.

В этот момент в голове снова все опустело, как и тогда в кабинете Ашидо. Еще секундой ранее вся речь была структурирована и продумана, я знала с чего начать, как развивать и чем закончить, однако сейчас все снова куда-то испарилось, а я как дура застыла в позе первоклашки, не зная, что говорить.

— Можешь не утруждать себя раздумьями о том, как завязать разговор, — заговорил Илия. — Я могу использовать «ширацу», если не возражаешь.

— Пожалуйста, давайте обойдемся без этого, — отчужденно проямлила я. — Мне просто хотелось попросить вас об одолжении.

— Слушаю.

— Я... как бы это правильнее сказать... очень переживаю за ваши с мастером Тайконом отношения... и вижу, какое напряжение сеется вокруг вас двоих, потому...

Речь получалась отрывистой, мысли едва сплетались между собой, я снова потеряла нить разговора, даже не успев его начать.

— Очень хочу сделать все возможное, чтобы вас помирить, но не знаю, какие слова подобрать и как совладать с самой собой, когда лишние переживания и страх перед другими людьми мешают высказываться и добиваться задуманного, — продолжил за меня Илия, чем

очень удивил.

Я была буквально поражена наповал тем, как ловко и проницательно этот человек продолжил мысль за меня, высказав все разом и настолько точно, что после такого сил продолжать вообще не осталось.

— Д-да, все правильно, — робко промямлила я, испытав недюжинный дискомфорт и стыд за свою несобранность.

— Не стоит стыдиться своей асоциальности, Мива, — продолжил он, — это вовсе не грех, ведь ты не потакаешь ей, а стараешься влиться в общество и жить внутри него — это достойно уважения и равноценной отдачи.

Я не могла вставить и слова, он будто насмеялся надо мной, однако на самом деле Илия пытался расположить к себе и показать, что он и без слов понимает, зачем я пришла и чего добиваюсь. Все это вызывало совсем иной дискомфорт: не тот, что вызван слабостью и непониманием происходящего, а тот, что появляется от осознания того, как глупо выглядит собственное лицо перед собеседником. Я, несомненно, очень рада тому, что не придется пересиливать себя в этом разговоре, но все равно испытываю некоторый стресс...

— Вы назвали меня... Мивой, — с тяжестью произнесла я. — Это ведь мое настоящее имя, и немногие о нем знают — только самые близкие. Не подумайте, я не против, но все же...

— Не удивляйся тому, что сейчас слышишь — я все о тебе знаю, — дернув бровью, вымолвил Илия.

— Ах... точно...

На этом моменте я наконец поняла — мастер Кишин уже использовал на мне «шиирацу», потому вполне может знать о таких мелочах, как мое имя и характер, даже если раньше мы не общались. Хотелось бы и мне иметь такую способность.

— Мастер Кишин, — заговорила я после короткой паузы, — каково это, знать все и обо всех? Помогает ли это вам заводить новых друзей, поддерживать и сохранять дружбу?

— Не так уж и радужно, как ты думаешь, — проговорил он, уперевшись взглядом в потолок. — С одной стороны, ни у кого нет от тебя секретов и можно не изворачиваться разными способами ради информации любого рода, но с другой стороны, очень больно держать у себя в голове все то, что досталось от других.

— Что значит «больно держать в голове то, что досталось от других»?

— Говоря простыми словами, я не просто знаю о тебе все, но и, можно сказать, уже побывал в твоей шкуре. Я знаю, каково это, когда у тебя нет никого рядом, не на кого положиться и некому высказаться. Когда приходится много думать и взвешивать, чтобы просто поговорить с человеком, даже если знаешь, что он никогда тебя не осудит и не станет держать злобу. Весь этот стресс для других людей может показаться глупостью, тебя просто оклеветают социопатом и будут игнорировать, задавая себе все те же однотипные вопросы. Почему у нее нет друзей? Друга же легко завести. Почему она не может говорить так, как все? Несложно ведь балаболить то, что срывается с языка.

— ...

— Мы живем в обществе, и оно, отнюдь, не самое приятное, — произнес Илия, тяжело вздохнув. — Будь у меня выбор, я бы с радостью отказался от своих способностей и вернулся к обычной жизни. Думаешь, мне нравится вот так просто копаться в жизни людей?

— Нет, наверное... Может эта способность и полезна, но если все обстоит так, как вы говорите, должно быть, это правда больно... я имею в виду прожить не свою собственную

жизнь...

— Так оно и есть, — подтвердил Илия. — Я бы хотел узнать о твоих секретах из твоих уст, а не так, как вышло в итоге. Совсем ведь неинтересно, когда человеку не приходится раскрываться — это мешает укреплять связь.

Стоило ему замолчать, в комнате воцарилась гробовая тишина. Илия лишь пилил своим стеклянным взглядом стену и периодически сжимал в руках кружку едва теплого чая. Глядя на него, я все думала, что же находится в голове у этого человека и какой он вообще. Если так поразмыслить, я совсем ничего не знаю о Кишине, вижу с ним редко и мы практически не разговариваем, в то время как он знает обо мне все. Неужели все эти откровения основаны только на угрызаниях совести за то, что он чувствует себя так, будто мы в неравном положении, или же это... нечто другое?

— Мастер Кишин, — наконец заговорила я, собравшись с мыслями.

— М? — вопросительно промычал он, повернувшись в мою сторону.

— Вы и о них знаете, да? — осторожно поинтересовалась я.

— О них? — непонимающе переспросил Илия.

— Понятно... забудьте...

Значит, он либо не знает о них, либо прикидывается, чтобы я не сгорела в пламени собственных эмоций. Не знаю, можно ли верить словам о том, что Илия знает все, ведь у меня есть и такие секреты, о которых не знает никто, кроме меня самой. А что, если он знает? Должно быть, думает, что это выглядит отвратительно... Гадость, противная самому естеству человека, тем более на теле молодой девушки... Я и о друзьях во влажных снах мечтать не могла, а о замужестве даже не задумываюсь, ведь нет на свете таких людей, способных полюбить кого-то с такими неестественными изъятиями...

— Ты ведь о тех штуках, которые пытаешься спрятать? — внезапно заговорил Илия.

— Не понимаю, о чем вы...

— Я и о них знаю, Мива, — спокойно произнес он. — Знаю о том, как тяжело ходить в душ и прятаться под длинными волосами, опасаясь, что можешь их когда-нибудь лишиться.

— Пожалуйста, давайте не будем об этом, — отстранилась я, ощутив на себе то, как сердце в миг стало биться быстрее, а лицо быстро покраснело от самого пробирающего стыда и страха, буквально сгорая на воздухе.

Он все-таки знает о них... Или того хуже, даже видел собственными глазами в моей памяти! А самое страшное в этой ситуации то, что я не имею ни малейшего представления о том, что Илия об этом думает. Ашидо ведь сказал, что тактичность этого человека не позволяет другим думать иначе, чем так, как он все преподносит. Может ли быть такое, что мастер Кишин просто старается не задеть меня, в то время как сам пересиливает свое чувство отвращения?

— Хватит думать обо мне так, словно я какой-то изверг и просто стараюсь казаться хорошим, — вздохнул он так, будто предсказывает каждую последующую мысль. — Я вовсе не считаю их отвратительными, напротив, эта маленькая деталь делает тебя отличной от остальных — и это вовсе не плохо и уж тем более не отвратительно.

— П-правда? — робко промычала я, едва выдавливая из себя слова.

— Ох, солнце, тебе еще так много предстоит над собой работать, — умиротворенно улыбнулся Илия. — Пойми наконец, что вся сила и красота человека собраны в одном месте, — сказав это, он указал пальцем на сердце, — здесь. Ты можешь показать их мне, и я честно скажу, что думаю. Тебе станет легче, если все будет выглядеть так, будто ты доверила

мне свой секрет по собственной воле, а не так, что я нагло его выкрал прямо из головы.

— Хотите сказать, что... если я покажу их, вы не осудите?

— Не попробуешь — не узнаешь.

— Для меня этот шаг будет самым смелым за всю жизнь, — отрывисто и дрожа пробормотала я, боясь сказать хоть слово. — Боюсь, я не смогу...

— Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть, — улыбнулся Илья, протянув правую руку ко мне.

Эти слова... и снова я их слышу... Почему? Что со мной не так? Почему этот человек внушает столько доверия? Его улыбка пусть и немного, но смывает тот страх, который несетя следом через годы. Этот комплекс преследует меня с самого детства, с того момента, когда я осознала, что что-то не так... что я не похожа на других... Почему он так спокойно говорит об этом? Почему он выражает готовность посмотреть на место, на которое я и сама смотрю с отвращением? Почему...

Сама не знаю как, но я нашла в себе смелость протянуть руку, которая так приятно легла в объятия большой мужской ладони — никогда не испытывала ничего подобного. Робкими и дрожащими движениями я встала с кровати на ноги, а затем указала на спину, прося о помощи, чтобы расстегнуть молнию на платье. Почему я это делаю? Тело совсем не слушается... Я не хочу, чтобы он смотрел... Не хочу, чтобы кто-то видел...

И вот, молния с легкостью разошлась в стороны, плечам стало легче от того, что хватка ткани на них ослабилась. Пусть я и отвернулась, заинтересованный взгляд чувствовался отовсюду, все внимание было приковано ко мне. Длинные волосы легли на грудь, открыв возможность свободно смотреть в тыл, рукава медленно скатились вниз, и перед Илией раскрылся вид на мою оголенную спину.

— Прошу вас... говорите шепотом, — тихо промямлила я, буквально дергаясь от напряжения.

— Можно прикоснуться? — осторожно поинтересовался Илия.

— Д-да, только осторожно...

Не зная того, что ждет меня дальше, я продолжала стогать от стыда и пытаться спрятаться куда-нибудь глубоко в недры своих навязчиво позитивных мыслей, но одно лишь нежное прикосновение вернуло меня обратно в реальность. Я чувствовала, как его палец движется по спине, с каким интересом он скользит вдоль этих бугров, отчего становилось еще больше не по себе, но в перерывах между страхом я отчетливо ощущала себя... расслабленной?

Почему? Почему я сейчас стою в темной и прохладной комнате, испытывая жар по всему телу? Почему этот человек касается пальцами самого сокровенного и интимного места моего тела? Почему я доверила кому-то столь страшный и хранимый в тайне секрет? Но ведь он... правда заинтересован. Илия не отшатнулся от одного только вида, а продолжает смотреть... Неужели именно так он показывает, что я ему не противна? Он правда считает это нормальным?

— Ты называешь их «лишними ушами», — шепотом произнес Илия, от чего я тотчас вздрогнула. — В самом ли деле они выглядят так, как ты о них думаешь?

— А разве нет? — с надеждой в душе спросила я.

— Они похожи на кости, подобные лопаткам, — начал описывать Кишин. — Четыре длинных бугорка, растянувшиеся от верхней части спины до талии, которые выглядят странно на женской спине, которую все привыкли лицезреть гладкой...

Так я и думала, он тоже считает их неправильными. Чем я только руководствовалась, когда доверила свой секрет кому-то...

— Но, знаешь, Мива, — оборвал Илия, не дав мне возможности утопать в пессимизме дальше, — они выглядят эстетично.

Эстетично? Он только что сказал эстетично? Неужели мне не послышалось? Эстетичная? Моя спина? Это не может быть правдой...

— Твои «уши» похожи на мышцы, которые развились до такой степени, что теперь выпирают. Со стороны ты выглядишь хрупкой, но, если посмотреть с моей перспективы, можно и не признать этого факта. Это... красиво...

— К-красиво? — переспросила я, впервые услышав что-то столь приятное.

— Да, — повторил Илия, — очень красиво.

На этом моменте произошло то, чего ни я, ни Илия и вовсе не ожидали — я расплакалась. Слезы сами собой полились по щекам, но то была не горечь, а радость... Всю свою жизнь я считала себя отвратительной, а сегодня впервые услышала слова одобрения...

— Хочешь посмотреть, как они выглядят внутри? — сквозь слезы промямлила я, желая услышать все, что он думает.

— Если позволишь.

— Смотри...

Следом за моими словами по комнате пронесся хлипкий звук, все те четыре бугра, которые внешне привлекали Илию, медленно раскрылись. Со стороны они были похожи на сложившиеся жучьи лапки, которые изо всех сил стараются прикрыть то, что находится под ними. Когда те наконец оторвались от спины, перед глазами парня предстали четыре углубления, они были склизкими на вид и больше по своему покрытию походили на внутренние органы, ткани которых отличаются цветом и нежностью в отличие от кожного покрова — одним словом, это было противно.

— Очень чувствительные, да? — поинтересовался он, проговорив это еще тише, чем раньше.

— Ага, — робко ответила я, — когда на слизистую попадает вода, я чувствую острую боль, за которой следует воспаление, а если рядом прозвучит что-то громкое, оттуда пойдет кровь и меня будет преследовать ощущение глухоты даже тогда, когда, казалось бы, все слышно. Это такие же уши, как и у остальных людей, но больше и неестественнее.

— Удивительно, я еще ни разу не видел ничего такого настолько близко, — нежно проговорил Илия.

— Пожалуйста, расскажи мне, что ты о них думаешь, — аккуратно попросила я, все еще заливаясь слезами.

— Выглядят очень интимно, — в доброй манере усмехнулся Кишин. — Когда твои уши открыты, они похожи на короткие крылья.

— Крылья? — оторопела я. — Скорее на жучьи лапы...

— Можно и так сказать, однако даже так они не портят впечатления о тебе. Это вовсе не та вещь, которая должна создавать комплексы и заставлять переживать. Для меня твои «лишние уши» выглядят красиво и необычно, потому постарайся не убиваться лишней раз по этому поводу — оно того не стоит.

Услышав достаточно, я в ускоренном темпе сложила «лапки» обратно, а сама, толком не разобравшись в своих чувствах, развернулась и просто молча вцепилась в Илию, расплакавшись еще сильнее. В ответ на это Илья аккуратно приобнял меня в ответ, и его

прикосновения вновь почувствовались на той самой спине, которую я впервые в жизни кому-то показала. Не знаю, понимает ли Илия то, насколько важно для меня было услышать что-то столь приятное, но с этого дня я больше не буду чувствовать себя так, как чувствовала раньше, ведь мне есть кому показать их снова, есть с кем поделиться переживаниями. Это ли называется настоящей дружбой? Но ведь со стороны мы никогда не выглядели как друзья... Так почему же я пошла на такой отчаянный шаг? Почему я решилась?

— Я поговорю с Ашидо касаясь нашего примирения, как ты того хотела, — внезапно заговорил Илия.

— Спасибо, — тихо промямлила я, — за все спасибо.

— Лучше называй меня просто Илией в качестве благодарности, хорошо?

— Можно? — сомневаясь, робко уточнила я.

— После такого — точно, — улыбнулся он.

— Хорошо, Илия, — умиротворенно произнесла я, уперевшись ему в грудь.

— А еще было бы неплохо, если бы ты заходила сюда почаще — обычно никто не беспокоит меня, пока приходится торчать в комнате, а провести вечер за дружеским разговором куда приятнее, чем тухнуть в одиночестве.

— Только если обещаешь не называть меня Мивой при всех!

— Ха-ха, обещаю, — рассмеялся Илия.

Так и подошла к концу моя неожиданная вылазка, которой могло и не быть, если бы не внимательность Каспера, благодаря которой я узнала, что такое поддержка и откровения в рамках дружбы. За один день я добилась большего, чем за всю жизнь, обрела смелость, которая раньше и не приснилась бы, а также душевное спокойствие, которое раньше рушилось от одной только мысли о комплексе, умершем сегодня.

Выйдя с красным лицом в коридор, я тихим шагом с искренней улыбкой на лице пошла в свою комнату, дабы переварить все случившиеся и привести себя в порядок, но по дороге встретила с Ашидо, реакция которого на покрасневшее лицо не заставила себя ждать.

— Что с тобой, Эхо, все хорошо? — испугано спросил Ашидо.

— Да, мастер, у меня все хорошо, — с улыбкой на лице проговорила я.

Спасибо вам всем.

Глава 55: Перемены

Громкий шум аплодисментов с самого утра разрывал командный центр, будто в этот день произошло что-то поистине хорошее. Так оно и было, ведь в самом центре внимания находились два самых противоречивых человека, которые еще вчера избегали друг друга, а сегодня уже жмут друг другу руки в знак уважения, словно ничего и не произошло, хоть осадочек и остался. Бьюсь об заклад, Илия пошел на это не столько из-за Эхо, сколько из личных побуждений, что заметно отличается от моих мотивов, ведь мне, как мастеру, хотелось сохранить атмосферу внутри ордена и избежать разлада, но, если все в конечном итоге оправдает надежды, можно будет закрыть глаза на грехи прошлого, ибо нет среди них таких непростительных, о которых нельзя позабыть.

Очень тяжело соответствовать лику главы, когда множество факторов извне стараются тебя сломать: приходится терпеть ложь и непонимание, а также стараться не противиться отдельным персонам ради всеобщего благополучия. Запутавшись в своих чувствах и эмоциях, я наговорил много лишнего своему рогатому наставнику, и лишь благодаря совокупности факторов, среди которых были инициатива Эхо и нежелание Илии подливать масло в огонь, мне удалось реабилитироваться и многое переосмыслить.

Все это время Кишин был с нами, он всеми силами старался помогать ордену и в то же время оставался непричастным к делам всей структуры, пока дело не дошло лично до Бартона, а если точнее — до точки невозврата, когда свои мотивы и секреты было уже не удержать в тайне. К тому же смерть Лаффи лежит не на его совести, а на душе убийцы, который все еще не понес наказание за содеянное. Илия хотел помочь, а я лишь путался под ногами и пытался вставить свое никому ненужное слово, отчего больше помешал, чем помог. Если так поразмыслить, мы имеем одну общую цель, стараемся достичь ее во что бы то ни стало, различаются лишь подходы к делу.

У меня не было любящей семьи, из-за чего я не до конца понимаю мотивы Илии оставлять брата в живых. Неужели они настолько близки друг другу, что не станут скрещивать мечи при любом удобном случае? Разве король не из тех людей, которые готовы пойти на что угодно, лишь бы устранить всех противников, мешающих работе системы? Если оно так, то Илия для него является врагом номер один, а орден «Спектр» стоит на втором плане, даже представляя ту серьезную опасность, которую мы внушили обществу.

В любом случае, думать о взятии дворца еще рано, хоть у нас и есть множество козырей, среди которых не только второй «Парадокс», но и факт инкогнито большей части сотрудников, информация о силе которых так и не просочилась за пределы стен ордена. Нужно наращивать силы и разрабатывать план, чтобы избежать лишних потерь и добиться желанного, однако никто точно не знает, насколько долго мы сможем скрываться в стенах одного из самых обычных домов, зарегистрированного на имя семьи Ишимару.

Исходя из всего этого, мы должны были начать предпринимать шаги к последующему развитию ордена, но идей на то было мало, потому первой разумной идеей стало обращение за помощью к Солен и ее ордену. Она вполне могла дать совет или направить нас на путь меньшего кровопролития, потому никто не стал терять времени. Стоило нам с Илией извиниться друг перед другом на глазах у остальных, следующим пунктом в планах был именно поход в орден «Юстиция», потому мы сразу приступили к делу.

Мне не очень нравилась эта затея, но выбора не оставалось.

***

Где-то в середине дня задуманное воплотилось в реальность, когда при помощи Войд мы переместились прямо в покои Луны Сальваторис. Благо девушки не оказалось на месте, ибо было бы крайне неприятно застать ее здесь в неподходящем положении. Почему именно в покои правой руки Солен? Все просто — никто не мог гарантировать безопасность внепланового посещения, ибо раньше мне уже приходилось сталкиваться с гвардией внутри, казалось бы, неприступного здания надежного союзника.

— Ну-с, дело за малым, — заговорил Илия, закончив рассматривать окружение через дверную щель, — идем.

Выйдя за двери скромной комнаты, мы аккуратными шагами двинулись на сближение с заветным круглым кабинетом, пока наконец не оказались вблизи длинного коридора, в котором по-прежнему стояли знакомые нам охранники. Эти люди вовсе не были чем-то вроде преграды, напротив, они знали нас обоих и могли без вопросов впустить внутрь, однако я прекрасно понимал, что даже так не стоило попадаться им на глаза, чтобы не давать возможности гвардии доказать причастность Юстиции к делам преступников, затеявших государственный переворот.

— Что будем делать? — полупшепотом спросил я, выглядывая из-за угла коридора.

— Что находится за этой стеной? — поинтересовался Илия, стуча костяшками по предмету своего внимания.

— Откуда мне знать? — возмутился я. — Ты бываешь здесь чаще, чем я.

— Понятно, — вздохнул он. — Полагаю, что-то вроде архива.

— Чего ты прикопался к этой стене? Разве нам не нужно как-то попасть в кабинет?

— А я разве не об этом думаю? — многозначно пробормотал Илия. — Хочешь, покажу фокус?

— Что еще за фокус? — оторопел я, потеряв всякую нить его мыслей.

— Смотри.

Сказав это, Илия нырнул рукой в поясную сумку, достав из нее какую-то странную линзу, цвет которой походил на палитру способности Войд, однако стекло было несколько темнее. Ловко орудуя той в руках, Кишин натянул знакомую перчатку без пальцев на кисть и тотчас вставил в нее линзу, а после произошло нечто удивительное: в левой руке фокусника возник своеобразный сгусток энергии в форме плавающего шара, который Илия тут же бросил в стену, а на месте соприкосновения двух объектов показалась дыра — да, именно дыра. Стена буквально исчезла, открыв нам вид на множество стеллажей с бумагами, тесно упирающихся друг в друга. Сказать, что я удивился — ничего не сказать. Еще секундой ранее здесь стояла стена, а сейчас на ее месте оказался проход, границы которого сверкали цветами линзы и выглядели крайне опасно.

— Чего встал? — с упреком проскрипел Илия, после чего схватил меня за руку и силой протащил по ту сторону стены.

Едва мы оказались в архиве, свет от «фокуса» угас, а на месте дыры снова оказалась стена, из-за чего все вокруг резко потемнело, утратив единственный источник освещения.

— Дойдем до конца архива, и кабинет Солен будет по ту сторону стены, — невозмутимо произнес Илия.

— Ну и фокусы у тебя, — выдал я нелепый смешок.

— Понравилось? — ухмыльнулся он.

— Полезно, — ответил я тем же.

Двигаясь по темным закоулкам архива, мы-таки добрались до его заветного края, умудрившись уронить парочку бумаг с полок, чего никак нельзя было избежать. Одна лишь преграда оставалась на пути к девушке-спасительнице, или скорее женщине — не знаю, сколько ей на самом деле лет, но выглядит она уже немолодо.

— И чего мы ждем? — спросил я, глядя на то, как Илия втупую бегаёт глазами по серому бетону.

— Ты сам говорил, что надо быть осторожными, Ашидо, — непоколебимо произнес он, продолжая делать то, что делал.

— Пялиться в стену — это и есть осторожность?

— Я вообще-то смотрю на то, что внутри, — объяснился он.

— «Око» даёт и такие способности?

— Ага, только работает криво, дальше нескольких метров не вижу.

Наконец перестав втыкать в стену, Илия повторил трюк с «червоточиной» — я бы назвал её именно так. Стоило стене скрыться где-то по ту сторону реальности, перед взором предстала одиноко сидящая в своем кресле Солен, которая, едва завидев нас, тотчас подскочила с кресла и выхватила откуда-то пистолет, явно крупнокалиберный на вид, направив дуло на нас. Для шепота в боевой готовности эта штука не представляет опасности, однако я был расслаблен, и выстрел в голову мог стать критическим.

— Воу-воу, это же мы! — заметался я, подняв руки вверх в знак своей покладистости.

Лишь взглядевшись во внезапных гостей, Солен все поняла, после чего опустила дуло, в то время как лицо её приобрело такие осуждающие черты, которых я ранее не видел.

— Какого хрена вы творите, идиоты? — первое, что она сказала.

— Помощь нужна, — невозмутимо проговорил Илия.

— А через дверь нельзя было войти? — столь же резко прошипела она. — Садитесь, придурки.

Наконец успокоившись, Солен медленно зашагала в сторону своего кресла, а затем демонстративно рухнула в него в ожидающей позе. Недолго думая, мы с Илией прошли вглубь кабинета, усевшись на единственные два стула напротив. С этого момента можно было начать разговор.

— Тихо, я говорю первой, — внезапно оборвала Солен, едва я успел приоткрыть рот. — Вам дано ответить только на один вопрос — какого лешего вы здесь забыли?

Её тон явно говорил о том, что девушка не в духе разговаривать, а мы, судя по всему, совершили какой-то большой грех.

— «Спектру» нужна помощь ордена «Юстиция», — однозначно ответил я.

— И ради этого вы приперлись лично, будучи самыми разыскиваемыми преступниками Гармонии?

На этот вопрос было уже не так просто ответить, во многом благодаря тому, что я не мог подобрать слова для того, чтобы объясниться. С одной стороны, опасно было использовать привычные методы связи, а приватные каналы между орденами все еще не были налажены, однако приходить сюда лично было куда более глупым решением.

— Ладно, — наконец выдохнула Юстиция, — чем могут быть полезна?

На этом моменте моя голова совсем опустела, ибо Солен ожидала ответа от кого-нибудь из нас, а Илия в это время молчал, словно ожидая моей инициативы. Собрать слова воедино удавалось с трудом, что-то мешало мне сосредоточиться и донести мысль до собеседника, словно я никогда в жизни не разговаривал с людьми и впервые испытывал подобный опыт.

— Ашидо, — внезапно окликнул меня Илия, — ты будешь говорить, или мне все сказать за тебя?

— Я сам, — разум наконец востребовался от одной только мысли о том, как Кишин говорит от лица главы. — Солен, нам нужны союзники.

— Союзники? — оторопела она. — Разве вам недостаточно поддержки с моей стороны и от предприятий? Не хватает финансирования?

— Не в этом дело, — оборвал я. — Нужны бойцы — те, кто сможет встать бок о бок в решающий момент.

— Ну, а я тут при чем? — еще больше замешкалась Солен. — Мой орден не держит бойцов, мы помогаем людям и только... Не считая, конечно, парочки темных делишек на стороне.

— Речь идет об ордене «Юнити», — прояснил я, наконец выйдя на нужную тему. — Насколько мне известно, только ты лично знаешь их главу и местоположение базы, поскольку вы уже в достаточно доверительных отношениях, проверенных годами.

— Хм, — задумалась она, — эти ребята еще ни разу напрямую с вами не работали. Та девушка... Наталья, вроде бы, она же из «Юнити»?

— Да, все верно, — подтвердил Илия. — Как раз-таки она и подсказала нам, к кому можно обратиться за помощью.

— А спросить у нее о местоположении базы или о способах связаться с боссом не судьба?

— Наташа всегда работала удаленно и через посредников, — пояснил я. — По крайней мере, Хорнет так сказала.

— Понятно, — тяжело вздохнула Солен, после чего схватилась за ручку и маленькую бумажку, вырвав ее из стопки. — Хрен с вами, сейчас напишу адрес.

— Спасибо, Солен, — улыбнулся Илия.

— Притормози, — вдруг оборвала она, — эта бумажка достанется вам только при нескольких условиях: первое, вас здесь не было, второе, «Спектр» и «Юстиция» никогда и нигде не пересекались, третье, я ничего не говорила вам о «Юнити». Доступно?

— Как будто есть другой выход, — протянул я в недовольстве.

— Будем считать, что мы договорились, — Солен протянула мне бумажку, на которой был адрес по улице «А» где-то в Академическом районе. — Рассчитываю на вашу совесть и ответственность, особенно в том вопросе, чтобы случайно не обронить где-нибудь такую важную информацию.

— Спасибо, госпожа Юстиция, — слегка улыбнулся я, глядя на уставшее лицо Солен.

— Ах, вот еще что, — опомнилась она. — У них принято опознавать друг друга по жесту «единства». Для этого нужно вытянуть указательный и средний палец обеих рук, а затем сложить их вот так — крест-накрест.

— Разве нам это пригодится? — оторопел я. — Мы не в «Юнити».

— Скажешь тоже самым простым сотрудникам, и тебя мигом оттуда вышвырнут, — предостерегла Солен.

— Учту, — однозначно сказал я. — Спасибо, Солен, мы у тебя в долгу.

— Можете прямо сейчас вернуть долг тем, что свалите далеко и надолго.

— А если понадобится связаться? — вопросительно наклонил голову я.

— Мы с Хорнет решим этот вопрос, — открестилась Солен. — А теперь, валите уже, выйдете через черный ход.

— Еще раз спасибо, Солен, — напоследок поблагодарил я. — Идем, Илия.

После благополучного диалога, из которого удалось извлечь для себя пользу, мы выдвинулись по указанному адресу, покинув орден «Юстиция» еще через парочку плотных стен, в конечном итоге оказавшись на тыльной стороне здания.

— Что теперь? — я заговорил первым, разглядывая вырисовавшиеся на бумаге буквы и цифры. — Ты хоть раз был там? Где находится эта улица?

— Не дай соврать, это где-то вблизи южной границы Академического, — задумался Илия. — Либо западная, либо северо-западная улица от кольца.

— И как нам пробиваться практически через весь район?

— Ну а ты сам как думаешь? — как-то многозначно посмотрел он на меня.

— Дай-ка подумать.

Насколько я помню, в этом районе находится ливнесток. Если идти на восток, в конечном итоге точно в него упрушься, а если следовать вдоль на юг, то такими темпами вполне возможно выйти прямо к Академическому району.

— Как насчет двигаться вдоль ливнесточка? — предложил я. — Неудобно будет, конечно, перебираться на другую сторону без мостика, но всяко лучше, чем мелькать у всех перед глазами. А дальше пойдем крышами и переулками, ибо иного варианта у нас нет.

— Не поверишь, — ухмыльнулся Илия. — Я хотел предложить тоже самое.

— Тогда в путь, не будем терять времени.

***

Уже через двадцать минут мы были по ту сторону ливнесточка, практически на пороге заветного района. Не скажу, что было легко перебраться через него, но и сложно, отнюдь, не было. Оставалось лишь пересечь район как можно более скрытными методами, чтобы случайно не оказаться в поле зрения гвардии. Наше благо, что здесь практически не проводят патрули — гвардия сконцентрировалась в Торговом и Парадном районах. Чего они только не сделают, лишь бы поскорее с нами расправиться и обезопасить дворец во избежание уже третьего нападения со стороны «Спектра».

Нырнув в ближайший переулок, мы выдвинулись навстречу «Юнити».

— Слушай, Илия, — в перерыве между движениями заговорил я.

— Чего? — откликнулся он.

— Ты не в обиде на меня за те гадости, которые я успел наговорить?

— Обижаются только девочки, Ашидо, — протянул Илия. — Мужчины делают выводы. Лично я сделал и не могу сказать, что как-то озлоблен на тебя, или что-то в этом роде.

— Понятно, — выдохнув, сказал я.

— Ты ведь из-за Эхо решил прислушаться ко мне?

— Наверное, — неоднозначно ответил я, почесав затылок. — Все-таки она большая молодец, раз решила вмешаться. Мы могли бы и не примириться, если бы не она.

— Интересно, почему...

Следом за этим последовала неловкая пауза, мне было действительно стыдно за свое поведение, но это вовсе не значило, что я признаю себя полностью виноватым. Осадок, как говорится, остался, и он немного мешает поддерживать прежнее отношение к человеку, который не очень-то и располагает доверием.

— Илия.

— Что?

— Я хочу знать твои мотивы, — осторожно пробормотал я. — Мы ведь для тебя вовсе

не родные, а лишь временные союзники. Разве ты не собираешься уйти в закат, когда все кончится?

— Возможно, но я не смотрю так далеко в будущее, — ответил Илия. — В «Спектре» очень много приятных людей, которые уважают меня и даже любят, однако, если брат по какой-то причине вынудит меня уйти — я уйду.

— В каком смысле вынудит? Ты уже готов бросить всех и встать на сторону дворца?

— Ты неправильно меня понял, Ашидо, — вздохнул он. — Я говорю о том, что даже если весь этот кошмар закончится, народ может не принять Бартона. Не ты один желаешь ему смерти, а я не могу допустить того, чтобы он умер. В этом случае придется покинуть Гармонию и усесться где-нибудь на континенте — там и займусь его перевоспитанием.

— Неужели вы настолько близки, что ради одного человека ты готов бросить всех остальных? — где-то глубоко в душе возмутился я, сам не зная, почему. — Разве оно того стоит, Илия?

— Мы — близнецы, Ашидо, — тяжело вздохнул Кишин, словно я не понимаю банальных вещей. — Оба росли без отца и матери, всегда поддерживали и любили друг друга, росли вместе, работали, сражались, влюблялись и даже умерли в один день. Никого ближе этого человека у меня никогда не было, и только он один до самого конца за меня держался, какие бы сложности не вставали на пути. Хоть Гармония и стала для меня почти что новым домом, ради Бартона я готов пожертвовать своим будущим в ней.

— А если он не примет твои чувства? Если Бартон до победного будет стоять на своем и противиться? У нас просто не останется выхода, кроме как убить его.

— Не сомневайся, я приму правильное решение, — с болью в глазах проговорил он. — Найду любой другой выход, лишь бы избежать смерти для этого человека, ведь на свете есть такие вещи, которые могут быть куда страшнее.

— Например? — с интересом спросил я. — Мученическая смерть? Жизнь в пытках?

— Еще хуже, — протянул Илия. — Тело Бартона может и умрет, но его душа навсегда останется запертой в Бездне. Представь себе эту участь: бесцельно слоняться по бесконечному холоду, утратить все свои человеческие чувства и эмоции, став каким-то жалким подобием себя прежнего — это и есть проклятие «Вездесущего Ока».

— Проклятие «Вездесущего Ока»? — оторопел я. — Хочешь сказать, что с тобой будет тоже самое, если умрешь?

— Да, именно, — прерывистым голосом произнес он.

— Ох, — все, что я мог сказать в этот момент.

Так вот почему Илия так опасается за брата — даже он не заслуживает такого наказания, если эти слова не являются ложью. Боюсь представить, каково это, когда опасаясь за свою жизнь еще больше, когда приходится изо дня в день думать, взвешивая риски.

— Ашидо, — вдруг заговорил Илия, вырвав меня из собственных мыслей.

— ...

— Я просто хотел извиниться за то, что не смог спасти Лаффи.

— За что ты извиняешься? — возмутился я. — Это мне нужно извиняться за то, что все время мешался и втупую поливал тебя грязью. Смерть Лаффи должна лежать не на твоей совести, потому что ты хотел помочь, и это не твоя вина, что все так обернулось.

— Тем не менее, грех для алхимика с огромными познаниями в медицине вот так просто отпустить человека на тот свет. Да и не только Лаффи, я многих не смог уберечь, и,

боюсь, это еще не раз повторится.

— Ты слишком много на себя берешь.

— Возможно, но иногда приходится...

Речь Илии оборвалась, не успел он и предложения договорить, а сам Кишин замер на месте, словно чего-то опасается. Остановив меня рукой, тот стал оглядываться по сторонам, а затем из ниоткуда выхватил знакомый мне «Костолом». Едва рукоять показалась из оранжевого пятна в воздухе, меч уже был в руках у рогатого и сиял ярким пламенем — тогда-то Илия и произнес:

— У нас гости.

И в самом деле, в этом, казалось бы, безлюдном переулке показались фигуры в темной одежде с желтыми полосами: ни один, ни два, а десятки фигур. Они преградили нам путь, показавшись в поле зрения не в таком уж и приветливом тоне, в то время как другие люди позади перекрыли путь к отступлению. Ко всему прочему добавились стрелки на крыше пятиэтажки, которые сразу же взяли нас на прицел.

— Какого хрена? — промелькнуло у меня в голове.

Каким образом гвардия умудрилась поймать нас в клешни? Они преследовали нас, или это одна из многих заранее подготовленных засад? Нужно что-то делать!

— Уходим! — скомандовал я, потянув руку к «бэкдору».

— Нет! — глухо прорычал Илия, схватив меня за руку. — Это организованная и тщательно спланированная атака, гвардия не могла так легко зажать нас в переулке без чьей-то помощи. Возможно, где-то неподалеку находится их командир.

— И что ты предлагаешь? Дать им бой?

— Похоже на то, будь готов атаковать.

Примечательно было то, что гвардия не начинала стрелять — они чего-то выжидали. В толпе то ли дело мелькали выбивающиеся из массы люди, которые носили отличную от рядовых одежду и были без масок, либо в более причудливых. Неужели это элитная гвардия, которая собрана из тех шепотов, которым не удалось уйти от участи служащего дворца? В какой-то момент один из таких шагнул вперед, он выглядел совсем как обычный рядовой, но без маски: каштановые волосы, причудливые усы, агрессивный настрой.

— Так-так-так, кто это у нас тут? — заговорил он. — Это же Ашидо Такаги и Илия Кишин собственной персоной! Какая удача неожиданно застать вас в полном одиночестве!

— Даю вам минуту на то, чтобы уйти, если жизнь дорога, — с угрозой произнес Илия, обращаясь ко всем гвардейцам сразу, но преимущественно к впереди стоящему.

— Ага, щас, — рассмеялся неизвестный. — Ламберт, Джереми Ламберт, капитан девятой роты элитной гвардии, — представился он. — Грех отпускать такой куш прямо из-под носа. Неужели вы думаете, что сможете легко уйти?

Начиная с этого момента, нового знакомого конкретно понесло — он явно злорадствовал от того, что «поймал» нас, видимо, предвкушая повышение по службе.

— Ашидо, — внезапно окликнул меня Илия, — я смогу забрать половину, включая Ламберта и стрелков — остальные на тебе.

— Хорошо, только будь осторожнее с теми, которые в другой форме.

— Это шепоты? — предположил Илия.

— Скорее всего, — подтвердил я.

— Жди команды.

Все еще находясь в полной готовности, Илия терпеливо слушал насмешки Ламберта, а

сам в это время, подобно мне, всматривался в окружение: где можно укрыться, от чего оттолкнуться и что уронить.

— Гвардия, убить их! — наконец прокричал капитан.

Едва услышав команду, я тотчас спроецировал «Нами» и хотел было отпрыгнуть в сторону, как до ушей донеслись слова Илии, послужившие сигналом к действию:

— Парадокс Кишин!

Едва уши успели распознать сказанное, воздух в переулке всколыхнулся, словно что-то быстрое и большое менее чем за секунду пересекло переулок десятков раз. Лужи крови мелькнули в небе, обугленные внутренности солдат разлетелись в разные стороны, впечатавшись в твердый бетон. Даже довольный собой Ламберт полег за какое-то считанное мгновение... Грохот был такой, будто от выстрела противотанкового ружья — это ли следствие того, что Илия практически одновременно перерубил два десятка людей? Бартон тоже обладает такой силой? Если так подумать, среди гвардейцев были шепоты, и, глядя на то, как их располовиненные тела вместе с отделившимися головами разлетаются в разные стороны, я невольно задумался, что могло быть со мной там... на эшафоте...

— Долой пустые мысли — бой еще не окончен! — прокричал я у себя в голове.

Собрав волю в кулак, я крепко ухватился за рукоять катаны и бросился навстречу ошеломленным гвардейцам позади. Едва завидев меня, они схватились за оружие, но предпринимать что-либо было уже поздно. Совершив несколько продуманных бестелесных скачков, я-таки настиг группу обидчиков. Первый удар пришелся прямо в шею одного из них, а второй с разворота попал в грудь стоящему рядом. Продолжив свой натиск, я отпрыгнул в сторону и тотчас телепортировался к следующему ближайшему противнику, лишив того сначала руки, а затем и головы.

Еще несколько рядовых пали один за другим, пока мой натиск не остановил резкий взмах мечом, который мне удалось заблокировать. Это бы один из немногих гвардейских шепотов, который выжидал удачного момента для атаки, однако удар так и не достиг цели. Уйдя из-под удара, я нанес ответный, прицелившись в бедро, однако шепот смог его парировать и ответил равноценным по силе ударом, задев мое плечо.

— Хотя бы тебя с собой заберу! — прокричал шепот.

— Это ты так из-за царапины разогрелся? — подумал я про себя. — Придется смириться с тем, что сейчас будет.

Слегка отскочив назад, я приклонился к земле, закинув лезвие катаны за спину, готовясь к быстрому и сокрушительному удару. Собрав часть энергии в лезвии и заставив его колебаться, я резко сорвался с места, сделав выпад навстречу противнику. Шепот явно ожидал этого удара, и вполне мог его успешно заблокировать, ибо тот был примитивным и слишком смелым — на таких обычно и ловят неумелых фехтовальщиков. Однако, вопреки надеждам солдата, в этой ситуации спасти могли не столько способности и боевой опыт, сколько удача.

— Сечение! — прокричал я в боевом тоне, после чего наши мечи соприкоснулись.

Лезвие «Нами» врезалось прямо в середину его меча. При обычных обстоятельствах на мою долю пришлась бы достаточная сила, чтобы выбить из равновесия, однако катана не отскочила обратно — она с легкостью перерубила оружие противника, а затем настигла и его самого, перерубив все внутренние органы от плеч до поясницы, задев ключицы, ребра, легкие и, возможно, печень. Обессиленный поверженный шепот с грохотом рухнул на землю, оставалось лишь добить его, что я и сделал, перерубив со спины позвоночник в

области шеи.

Что же сейчас произошло? — мог бы спросить любой независимый зритель, на что я бы ответил однозначно.

Все орудия шепотов сделаны из энтропита — затвердевшего состояния энтропиума, потому любым другим металлом их сломать было бы невозможно, ведь прочнее энтропита не существует ничего на всем белом свете, однако и он не идеален. В бою на мечях из одного материала побеждает тот, чья конструкция оружия окажется правильнее, но есть и способы обойти эти формальности. Именно с этой целью я разработал такой совершенный прием, как «сечение» — его суть заключается в том, что я нивелирую воздействие оружия противника энтропиумом, окутывающим лезвие собственной катаны, которое в свою очередь благодаря принудительным вибрациям значительно усиливает атаку и вынуждает простые природные материалы буквально рассекаться под действием удара. Сомневаться в боевых умениях солдата я бы не стал, потому не могу винить его за то, что тот не знал о возможности проводить такие приемы — жаль только, что он уже не усвоит этот урок.

Стоило отвлечься от павшего в бою гвардейца и обернуться в сторону остальных, как я застал перед собой занимательную картину того, как рядовые с подкашивающимися ногами пустились в бега — их было всего двое. Недолго думая, я вцепился в ногу одного из них «крюком», отчего тот мигом упал на землю, однако второй продолжал бежать.

— Нужно его догнать, нельзя дать ему уйти! — подумал я в этот момент, добив первого.

Едва в голову пришла мысль броситься вдогонку, перед глазами мелькнула яркая фиолетовая вспышка, из-за которой я невольно прищурился, а открыв глаза застал перед собой уже кричущего, буквально падающего с ног гвардейца. На его теле сияло фиолетовое пятно, которое буквально «пожирало» внутренности, или скорее это было похоже на процесс ускоренного гниения.

— Где-то я уже это видел, — промелькнула беглая мыслишка в голове.

— Это был последний, — слышался возглас Илии со спины.

Обернувшись, я застал перед собой отмахивающегося от отдышки Кишина. Глядя ему в лицо, я снова лицезрел ту ужасающую картину, как черные беспросветные глаза со светящимися кольцами вокруг зрачка смотрят мне прямо в душу, или же куда-нибудь поглубже. Кровь привычно стекалась по щекам, слабо говоря о той боли, которую испытывает Илия, но громко говоря о том, что произошло за последние пять минут.

— Хорошая работа, рогатый! — улыбнулся я, ребячески выставив вперед кулачок.

— Ты тоже был неплох, — в ответ ухмыльнулся Илия, отбив кулачок.

— И что теперь?

— Думаю, стоит вернуться домой и рассказать остальным о том, что сегодня случилось.

Бросим идею с «Юнити» до подходящего момента.

— Да, ты прав, идем.

Хотелось было закончить этот день на ноте приятной победы, но в переулке внезапно раздались хлопки. Не простые хлопки, а самые настоящие размеренные аплодисменты.

— Что еще за херня? — подумал я в этот момент.

Когда мы оба обернулись к источнику шума, то были, слабо сказать, ошарашены от вида того, кто издавал те самые хлопки. Этот человек был хорошо мне знаком, поскольку мы уже дважды встречались: один раз косвенно, другой — лично. Черный строгий костюм из плотного материала с пышным мехом на воротнике, столь же пышные черные волосы и повязка, скрывающая глаза — Эдвард Айс.

— Bravo, господа, bravo, какой завораживающий бой! — нахваливал он. — Столько крови, что бедным дворникам неделю придется все оттирать.

Не знаю почему, но я почувствовал угрозу, оттого сразу перешел в боевую стойку, ибо мы не знали, чего можно от него ожидать, тем более тогда, когда Эдвард так нагло над нами насмехается.

— Илия, можешь использовать «Парадокс»? — спросил я, ожидая прикончить мерзавца одним ударом.

— Я уже использовал его — нужно время, чтобы воспользоваться силой снова, — объяснил Кишин. — Я буду держать его на прицеле, давай выясним, что ему нужно.

— Ладно, — однозначно ответил я.

Илия в самом деле взял Эдварда на прицел, выставив вперед левую руку с той самой линзой, которая стреляет неким подобием молнии, впоследствии разлагая жертву изнутри, однако Айс не спешил пугаться. Конечно, он навряд ли видит, что в него кто-то целится, но как иначе он бы увидел наш бой? Бьюсь об заклад, этот мужик скрывает под повязкой не только свою слепоту.

— Вот она какая, сила «Парадокса», — продолжил Эдвард. — Впервые вижу эффект настолько близко. Недаром король так опасается на ваш счет, мастер Кишин.

— Ты видишь сквозь слепоту? — уточнил Илия.

— Лишь очертания, ха-ха, — посмеялся Айс. — Вы, как шепоты, должны понимать, как мне это удается.

— Что тебе от нас нужно, полковник? — прокричал я. — Подраться хочешь?

— Не полковник, а генерал, — тяжело вздохнул он, — а вообще, отнюдь, Такаги, зачем мне драться с друзьями? Напротив, у меня для вас кое-что есть. Точнее, для тебя, Ашидо.

— Только не думай, что мы вдруг подружимся, — прошипел я.

— Я и не предлагаю дружбу — лишь сотрудничество, — договорив, Эдвард нырнул рукой под костюм, достав оттуда какую-то причудливую папку с документами.

Я примерно понимал, к чему клонит этот мужик, но стоит ли ему доверять? Вдруг он вонзит мне что-нибудь в грудь, как только я подойду поближе?

— Ашидо, — окликнул меня Илия.

— Что?

— Возьми папку, я буду наготове.

Взять папку? Seriously? Ты готов вот так просто подойти к одному из опаснейших людей во дворце ради какой-то папки, в которой может быть любое фуфло?

— Ну же, Такаги, я вам не враг, — продолжил подзывать Эдвард.

— Почему ты просто не бросишь ее? — опешил я, все еще осторожничая.

— Не уверен, что бросить ценную информацию на пол было бы уважительно по отношению к моим потенциальным союзникам, — красноречиво пробормотал генерал.

— Настолько ли он ценная?

— Для меня — нет, для дворца — самая обычная, для тебя — да, — пояснил Эдвард.

На этом моменте я был уже крайне заинтригован — что за информация такая, которая может быть интересна только мне? Судя по тому, что Эдвард никак не выдавал агрессивного настроения, он в самом деле собирался сделать свой шаг к сотрудничеству с нашим орденом. Найдя в себе силы поверить, и уже проклиная себя за опрометчивую неосторожность, я подошел к мужчине на расстояние полуметра, вытянув руку к папке. Мои движения были осторожными, а ноги были готовы в любой момент отскочить назад.

— Ну же, бери, я не кусаюсь, — продолжал подстрекать Эдвард.

Как только моя рука легла на папку и пальцы ее обхватили, генерал спокойными и размеренными движениями убрал руку с документа, а сам даже слегка отошел назад в знак своего дружелюбного настроения. Я поступил аналогично, и таким образом мы разошлись примерно на то расстояние, на котором были и до этого.

— Открой ее, — подсказывал Эдвард.

Не став долго думать, я открыл папку, и перед глазами показалось нечто похожее на личное дело гвардейских служащих: личная информация, фотография, номера документов и даже особые черты характера.

— Камиль Шевцов, кто это? — поинтересовался я, не припоминая никого такого из прошлых встреч.

— Мы зовем его «Камыш», — объяснил Айс. — Он — высший гвардеец, а также никто иной, как убийца вашей беловолосой подруги.

Убийца Лаффи? Он? Но откуда мне знать о том, что Эдвард говорит правду, а не просто пытается натравить нас на кого-то ради того, чтобы не марать руки?

— Почему я должен поверить в эти слова?

— Сам рассуди, Такаги, — улыбнулся Эдвард. — Можешь даже перелистнуть на шестую страницу, где собрана информация об используемом им оружии.

Последовав совету, я-таки перелистнул страницу и обомлел. В описании вооружения говорилось о парных рычажных ружьях, одно из которых стреляет слагами, а второе дробью — а ведь именно эти снаряды были внутри покалеченной Лаффи. Неужели Эдвард не врет? Он просто так взял и свалился с неба, дав нам наводку на ублюдка, которого я так хочу прикончить?

— А теперь к сути моего предложения, Такаги, — вновь заговорил Эдвард. — Как вы уже могли понять, я придерживаюсь позиции революции и планирую свергнуть короля с его позиции на троне, однако одному мне это не по силам, а внутренние боевые единицы дворца не располагают доверием по отношению к себе. Вы уже убили всех свидетелей, как я и планировал, потому можно говорить об этом спокойно. Что касается Камыша — его смерть нужна не только мне, но и вам. Этот человек представляет серьезную угрозу заговорщикам внутри дворца, простому народу Гармонии и, разумеется, ордену «Спектр». Этот скромный дар с моей стороны, надеюсь, послужит первоначальным гарантом чистоты моих намерений.

— Ты хочешь купить нас одним документом? — возмутился Илия.

— Почему же одним? У меня на руках полный план дворца, включая прилегающую территорию, полное расписание патрулей и их маршруты, личная информация представителей высшей гвардии, а также осведомленность дворца о «Спектре». Разве вам не нужно такое большое количество информации в обмен на простую возможность сотрудничать с орденом?

— Ты должен понимать, Эдвард, что мы не можем так легко поверить генералу из рядов злейшего врага, — проскрипел я.

— А если я скажу, что предыдущий генерал Джонатан Морроу умер от моих рук? Что я уберег королевскую дочь Аой Изуми и ее драгоценную подругу майора Эмили Морроу от разоблачения?

Последовала нелепая пауза, мы могли лишь молча пялиться на Эдварда.

— Чего вы так на меня смотрите? — оторопел он. — Да, я в курсе того, что эти двое

находятся в заговоре против дворца. Мы все время работали порознь, однако это не помешало мне вмешаться в ситуацию, чтобы сохранить факт заговора в тайне. Майор Морроу, кстати говоря, может подтвердить мои слова, если вы, конечно, не убили ее в день показательной казни.

— Понятно, — протянул Илия. — Дай нам пару минут на то, чтобы все обговорить.

— Как пожелаете, — согласился Эдвард. — Не я же здесь в большинстве.

Отойдя в сторону, мы с Илией сразу попытались связаться с орденом. Ответная реакция не заставила себя ждать, и у микрофона послышался голос майора Морроу:

— Да, я слушаю, — произнесла она в рацию.

— Эмили, мы только что встретились лично с Эдвардом Айсом, — однозначно проговорил я.

— Чего? — по-настоящему оторопела Эмили.

— Он предлагает сотрудничество и заверяет, что ему можно доверять, и что он находится в сговоре против дворца. Не расскажешь нам, как Эдвард помог вам с Аой? Это он убил Морроу?

— Черт бы его побрал, Эдварда этого, — прошипела Эмили. — Я все вам расскажу лично, потому что это долгая история. Могу только сказать, что да, это он спас нас и убил моего отца. Если бы не Эдвард, я бы уже скопытилась от выстрела из пистолета папы, а если бы и выжила, точно оказалась бы на эшафоте. Боюсь представить, какую бы трепку задал Аой Котай...

— То есть, ты ему доверяешь?

— Не скажу, что прям доверяю, но если он в самом деле намерено пошел на сближение со «Спектром», то должен был что-то дать в качестве аванса за свою благожелательность.

— Да, так и есть.

— Что ж, в таком случае, решение остается за вами. Я не могу решать за весь орден, а глава у нас ты, Ашидо.

— Спасибо, Эмили.

— Обращайся, мастер, — довольно ответила Эмили. — Я передам информацию Хорнет.

На этом моменте связь оборвалась, а мы остались в том состоянии, когда приходится метаться между «за» и «против». Эдвард же продолжал стоять на одном месте и терпеливо ожидать. Вернувшись на прежнее место, мы готовы были вынести вердикт, который дался нам не так-то просто.

— Что надумали, господа? — Эдвард заговорил первым. — Готовы поверить мне, или сделанного для «Спектра» все еще недостаточно?

— Добро, — одновременно произнесли мы.

— Что ж, — довольно ухмыльнулся Айс, — пусть наше сотрудничество с этого момента будет только взаимовыгодным и плодородным.

Подумать только, ни с того ни с сего из ниоткуда появляется сам генерал, предлагая нам свою персону в качестве союзника. Все это звучало слишком заманчиво, чтобы поверить, однако Эдвард сделал достаточно для того, чтобы нельзя было высказать ничего против. Особенно трогает момент с документами, ведь Айс не соврал, когда сказал, что они для меня будут намного важнее, чем для кого-либо, ведь именно человек из этого личного дела отнял жизнь у моей любимой подруги детства. Теперь я знаю о нем все, вплоть до мельчайших подробностей, и, клянусь, месть себя ждать не заставит.

Ты поплатишься за все содеянное, Камьш.

Глава 56: Ценности

С момента нашего личного знакомства с Эдвардом прошло несколько дней. Этот человек оказался куда более приятным и многообещающим, чем на первый взгляд, когда у меня о нем сложилось весьма ложное впечатление, ибо застал я его не в самом лучшем расположении духа. Желания подпускать генерала из рядов врага слишком близко совсем не было, однако пришлось пересилить себя ради общей цели, и вложения в конце концов оправдались. Посетив орден лично, Эдвард выдал нам тонну информации обо всем, что знал сам, включая все обещанное в небезызвестном переулке Академического района.

Именно на этом моменте все наши сомнения по поводу персоны генерала развеялись и орден стал воспринимать Эдварда как своего верного союзника, ведь тот вкладывал себя всего в общее дело, однако информация о Камыше так и осталась за кадром. Я знал о многих черных пятнах в биографии гвардейца, знал о его вооружении, внешности, предпочтительной одежде и дурных привычках, но не знал, где бы можно было его подловить и заставить ответить за причиненную боль.

Единственным вариантом на данный момент была частная церковь, отстроенная где-то в глубине здания глухого переулка Академического района, на подобие той, в которой по сей день ведет свою деятельность Сальвадор. Эдвард поведал о том, каким богохульным способом Камиль почти каждое воскресенье использует церковь в своих интересах, и именно тогда я наконец полностью убедился, что тот аморальный ублюдок, забравший жизнь у Лаффи, и Камыш — один и тот же человек. Все дело в том, что церковь эта была, отнюдь, не убежищем для желающих исповедоваться, а самым настоящим рассадником наркотиков, в центре которого стоял именно Шевцов. Отчаянные люди приходили к нему, словно к пастырю, лишь бы утолить свой наркотический голод, а Камыш в свою очередь всегда отвечал на черные желания людей сомнительным добром. Настоящий же служитель церкви, на чье имя она была зарегистрирована, совсем не высказывал ничего негативного по поводу оборота наркотиков внутри, напротив, он поддерживал Камыша и отстегивал свою долю, а после продолжал свою жизнь припеваючи.

Как бы там ни было, пока Камыш находится вне зоны досягаемости «Спектра», потому мы не можем ничего поделать до ближайшего воскресенья — тогда-то я возьмусь за него лично.

Все эти мысли посещали меня во сне, а если точнее, в той самой привычной пустоте, которая, если честно, изрядно уже поднадоела. Поначалу я думал обо всем, что случилось за последние дни, но со временем поток мыслей плавно перешел на личность Эдварда. Он казался мне странным, каким-то неправильным и эталонным одновременно, но больше всего беспокоила навязчивая идея разобраться в его слепоте. Генерал как-то сказал нам, что может видеть очертания окружения, будучи полностью слепым, и все в это поверили, за одним лишь исключением в лице Илии.

Говоря коротко, рогатый совсем не доверял Айсу, пусть и закрывая глаза на его присутствие в самом сердце ордена, однако сомнения полностью отпали в тот момент, когда Эдвард сам показал нам, что скрывается под повязкой. Этот сюжет стал аргументом, поскольку взгляд Эдварда казался совсем стеклянным и безжизненным, не говоря уже о том, что глаза полностью утратили свой пигмент и предстали перед Илией в серых мертвых тонах — даже Вайд на его фоне выглядела живее.

Благодаря открытости и доброжелательности Эдвард завоевал доверие «Спектра», Илия тоже сдался и принял факт того, что у нас просто появился новый союзник, а я в свою очередь целиком отдался мысли о том, как этому человеку удастся жить полной жизнью со своей слепотой. Именно поэтому несколько часов свободного времени улетели на то, чтобы опробовать себя в шкуре слепого — я добивался того же результата, проецируя «Нами» во сне, а затем пытаюсь разглядеть катану с закрытыми глазами. Поначалу результат удручал, и мне хотелось было сдаться, однако в один момент осознание все-таки снизошло.

Суть этого трюка была крайне проста: выпустить из тела некоторую часть энтропиума в виде волны, которая по возвращении, столкнувшись с преградой, передаст все данные о размере, удаленности от центра, природе и форме объекта — своего рода сонар, управлять которым не так уж и сложно. Таким образом, мне удалось полностью лицезреть «Нами» со всеми ее зазубринами и царапинами, созданными искусственно, потому сегодняшнюю тренировку можно было считать оконченной.

— Ашидо, — послышался женский голос в тишине, — просыпайся, Ашидо.

Кажется, пора просыпаться. Интересно, по какому поводу меня в каком-то веке кто-то решил разбудить?

***

Открыв глаза, я застал перед собой Хорнет, тихо сидящую на краю кровати в томительном ожидании моего пробуждения. На ее лице виднелись очевидные нотки печали, словно случилось что-то такое, о чем нужно было немедленно сообщить.

— С пробуждением, — промямлила она.

— Доброе утро, Хорнет, — откликнулся я, сказав это заспанным голосом. — Зачем ты меня разбудила? Есть какие-то новости?

— У нас очень плохие новости, — столь же робко пробормотала она, ерзая руками друг об друга, словно всеми силами старается сдержать слезы.

— Что за новости? Что-то случилось? — уже не на шутку испугавшись, замешкался я.

— Я не знаю, как сказать об этом, но ты должен знать...

— Не томи, говори.

— Хомура... умерла, — уже напрямую ответила Хорнет.

Едва услышав это из уст девушки, я тотчас замер в одном положении, сердце забилося быстрее, а разум погрузился в непонимание. Я чувствовал, как тело покрывается слоем холодного пота, как что-то ужасное проносится по рукам и ногам... Что? Хомура? Это не может быть правдой... Она не могла вот так умереть, ведь Джозеф изо дня в день убеждал всех, что девушка идет на поправку, и ничего не представляет угрозы ее жизни. Что могло пойти не так?

— Ты, должно быть, шутишь, — все еще не веря, пробормотал я.

— Над такими вещами не шутят, Ашидо, — голосом, исполненным боли, проговорила Хорнет. — Все это — реально.

— Как это произошло?

— Приведи себя в порядок, медики обо всем расскажут, — отстранилась девушка. — Я подожду за дверью.

Сказав это, Хорнет поднялась с кровати и скрылась за дверью. Мне же понадобились какие-то считанные минуты на то, чтобы одеться и нагнать девушку в коридоре, откуда мы и выдвинулись к медпункту.

***

По дороге то ли дело приходилось сталкиваться с бодрствующими сотрудниками, которые всем своим видом выражали искренние соболезнования, отчего на душе становилось все более тошно, ведь сомнения сами собой отпадали от одного только взгляда на людей вокруг. Неподдельность эмоций Хорнет добавляла особую каплю отчаяния в ситуацию, даже если она всеми силами старалась их скрыть.

— Мастер! — послышался возглас со спины.

Обернувшись, я застал перед собой обеспокоенную Эхо. В ее глазах мелькала надежда, пусть и непонятно, какого рода, перебиваемая тонной слез, однако, ради достижения своих целей, она должна была обратиться именно ко мне.

— Что такое, Эхо? — спросил я.

— Простите, — заговорила она, — понимаю, просьба очень глупая, но мне нужно попасть в медпункт. Мастер Кишин не дает войти внутрь, говорит, что мне нельзя смотреть, а я так не могу! Вы ведь идете туда, да? Прошу, возьмите меня с собой.

— Хочешь в последний раз взглянуть на Хомуру? — предположил я.

— Да, — кивнула она, — я только сейчас узнала о том, что произошло.

— Хорошо, разберемся, — тяжело вздохнул я, приложив к голове руку, — идем.

— Спасибо, Ашидо, — снова кивнула Эхо, после чего мы вместе продолжили путь.

Уже вблизи медпункта стали виднеться фигуры, среди которых были Илия и Юмико, обсуждающие что-то между собой. Они не сильно задумывались о том, как будут выглядеть на людях, потому оделись во все самое простое и непримечательное. Стоило подойти поближе, эти двое переключили внимание на нас, и взгляды их ничем не отличались от остальных, разве что у Илии тот был чуть более бесчувственным. Стоило подойти, как ответной реакции не оказалось — они молча пилили меня взглядом, даже не думая начинать объяснять ситуацию, пока откуда-то из глубины комнаты нас уже встречало истошное завывание.

— Это правда? — устав от ожидания, спросил я.

— Правда, — опередила все Хорнет, едва они успели приоткрыть рот. — Откуда им знать, что я тебе сказала. Заходи, Ашидо, я подожду здесь, не хочу смотреть.

— Ладно, — согласился я, после чего перевел взгляд на Илию. — Эхо тоже может войти.

— Это вопрос или утверждение? — нахмурился он.

— Прости, но мы не в той ситуации, чтобы это было вопросом, — слегка грубо ответил я. — Позволь девушке в последний раз взглянуть на свою подругу.

— Очень не советую, — предостерег Кишин. — Из дружеских побуждений и заботы о юношеской психике.

— Спасибо, — вклинилась Эхо, — но я хочу посмотреть.

— Что поделать, — вздохнул Илия. — Заходите, Джозеф ждет.

Стоило получить одобрение, я сразу же вошел внутрь, а следом за мной в комнату просочились сама Эхо и Юмико. С самого порога в глаза бросилась картина того, как бездыханное тело Хомуры в лежачей позе ютиться в компании рыдающей Эмбер, свисающей с койки, в то время как Джозеф устало лежал на столе, закрывшись руками. Атмосфера внутри была поистине ужасной, и, если до этого верить в смерть Хомуры не хотелось до победного — сейчас уже не было аргументов против. Ее конечности уже успели окоченеть, кожа приобрела поистине бледный оттенок, маски на лице уже не было, а приборы оказались отключены. Маленькая девочка навсегда покинула этот мир, и лишь ее

приоткрытые стеклянные глаза напоминали о некогда кипящей жизни, глядя куда-то в потолок.

— Джозеф, — окликнул я доктора.

— Ах, Ашидо, наконец ты пришел, — очнулся он, тотчас поднявшись со своего стула.

Я подошел поближе к Даяну, пока Эхо молчаливо располагалась вблизи тела подруги, стараясь всеми силами сдержать эмоции.

— Что здесь произошло? — этот вопрос был первым, прозвучавшим внутри стен медпункта.

— Как видишь, непоправимое, — тяжело вздохнул Джозеф. — Хомура умерла где-то в районе шести-семи утра, пока все спали. Причиной смерти стали кислородное голодание и последующая смерть мозга.

— Как это могло произойти? — возмутился я. — Она же была под ИВЛ!

— Ашидо, — окликнула меня Юмико, — смотри.

Стоило повернуться в сторону девушки, как я застал ее держащей в руках два куска разорванного провода в обеих руках. Он был так небрежно разделен, словно не каким-то острым предметом, а чем-то тупым и шершавым.

— Это тот провод, через который прибор ИВЛ был подсоединен к сети, — объяснила Юмико. — Илия сказал, что такие повреждения характерны только для укусов грызуна.

— Хочешь сказать, его перегрызла какая-то крыса? — с долей скрытого гнева спросил я.

— Она, — заговорил Джозеф, представив виновника смерти Хомуры лично, держа за хвост крысу на уровне плеч.

Это была самая обычная черная крыса, которая, судя по всему, не пережила удара током, поплатившись за свою выходку сразу после того, как совершила непоправимое.

— Мне нет прощения за то, что позволил крысе оказаться в медпункте, — опустил голову, проямлил мистер Даян. — Вина за смерть девушки лежит только на моей совести, потому я готов понести любое наказание как врач, не выполнивший своего долга.

— Нет! — внезапно истошно закричала Эмбер. — Это я виновата в смерти Хомуры! Если бы я тогда ее остановила, Хомура не попала бы на койку! Вы просто разгребали все то дерьмо, которое заварила я!

— Эмбер, пожалуйста, не надо, — тихо промолвила Эхо.

— Что не надо? — еще истошнее прокричала девушка. — Тебе ли знать, каково это, носить на плечах груз вины за смерть подруги?

— ...

— Хомура только и делала, что думала о других, она никогда не заботилась о себе. Если бы я поняла это раньше, вам бы не пришлось так рисковать жизнью: не было бы никакой казни, дворец бы не узнал об Ашидо и Илии! Какой же я была дурой, зачем только полезла во все это, вместо того, чтобы остановить ее... Почему я ничего вам не сказала?

— Эмбер, остановись, ты не виновата, — на этот раз уже я решил вмешаться, хоть и не исключал того, что по большей части мы оказались в этой ситуации именно благодаря ей.

— В самом деле, ты не могла знать, что все так обернется, — подхватила Юмико.

— Не оправдывайте меня! — прошипела Эмбер. — Ашидо не мог избить меня просто так — он был озлоблен и оправданно считал меня виноватой. Я все уже давно взвесила и твердо убеждена, что вина за смерть Хомуры лежит на мне и только на мне. Ни мистер Даян, ни та бесполезная кошка, ни крыса, ни кто-либо другой не виноват в том, что

случилось! Кроме меня...

— Эмбер, пожалуйста, — продолжила свои попытки успокоить девушку Эхо. — Думаешь, Хомуре на том свете по нраву смотреть на то, как ты над собой измываешься? Прими правильное решение, смирись с тем, что произошло. Простись со своей подругой и скажи ей спасибо... Это лучшее, что ты можешь сделать...

— Я не могу, — всхлипывая, ответила Эмбер. — Разве Хомуре нужны мои извинения? Добрые слова на прощание? Какой смысл строить из себя хорошую подругу, когда в реальности эта подруга ее и погубила. Я ненавижу себя за то, что совершила...

— Эмбер, Эхо права, — согласился я, — постарайся успокоиться и...

— Лучше бы я умерла вместо нее, — вдруг снова замычала она.

— Эмбер...

— Заткнись, — вдруг вновь закричала девушка. — Ничего не говори, мне и без того тошно! Сидите и спорьте дальше о том, кто виноват, вместо того, чтобы признать правду! К черту этот орден, с меня хватит! — с этими словами Эмбер подорвалась с места и бросилась к выходу, толкнув стоящую на пути Юмико в стену.

— Эмбер! — успела прокричать ей вдогонку Юми, но та уже скрылась в коридоре.

— Юмико, не надо, — вполголоса произнес Джозеф. — Ей лучше побыть одной.

Глядя на то, какие за собой последствия несет смерть Хомуры, я почувствовал на душе огромный упадок, словно в один день судьбы многих из нас переменились. Кто мог подумать, что все вот так обернется.

— Эхо, как ты? — спросил я, видя то, как сильно девушка переменилась в лице после разговора с Эмбер.

— Все хорошо, не переживайте обо мне, — отмахнулась она. — Ей сейчас куда тяжелее, чем мне, — сказав это, Эхо прикрыла веки девушки своей миниатюрной рукой, а затем легонько поцеловала ее в лоб. — Спасибо за все, Хомура, мы похороним тебя вместе, подобно герою, и ни за что не забудем.

Со слезами на глазах Эхо оторвалась от койки и двинулась к выходу из медпункта, лишь на секунду остановившись около меня.

— Спасибо за помощь, Ашидо, — с этими словами девушка вышла в коридор.

С этого момента в комнате оставались лишь медики и я сам. Атмосфера здесь царил поистине ужасная и неотвратимая, в голову лезли все возможные навязчивые мысли, но сложнее всего было сдерживать внутренний гнев, который нельзя было выпустить на кого-либо рядом. Илия научил меня различать виноватых и тех, кто не должен быть козлом отпущения, потому я не хочу больше подвергать единственных близких людей гонениям со своей стороны.

— Как думаешь, Джозеф, — заговорил я, встав рядом с койкой. — Разве крыса могла вот так перегрызть провод? Зачем она это сделала? Почему именно ИВЛ?

— Не знаю, мастер, — вздохнул он. — Эта крыса должна была быть крайне настырной, чтобы привести в негодность такой толстый провод, но это беспокоит меня меньше всего.

— А что больше всего?

— Джозеф считает, что крыса должна была умереть от первого контакта с проводом, — вмешалась Юмико. — Пусть мы и нашли ее мертвой на месте преступления, сомневаюсь, что животное могло дожить до конца, что оно могло полностью перегрызть провод.

— Это просто мысли вслух, — оборвал Даян. — Не придавай этому особого значения.

— Ладно, — тяжело вздохнул я. — Напишите медицинское заключение, приложите к

нему всю историю болезни, причины возникновения, ход лечения и причину смерти. Мы должны передать тело ее семье и как следует объясниться — даже не думайте врать.

— «Отдаляйся от лжи» — так говорит Тора, — пояснил Джозеф. — Религия не позволит мне скрыть правду от ее родителей.

— Хорошо, это благородно. Однако... скрыть свою личность от лишних глаз не противоречит твоей религии?

— Думаю, так будет лучше, да, — согласился Даян.

— Подготовьте тело, завтра перевезем его в Трущобы, а сейчас мне нужно обсудить все остальные детали с Хорнет.

— Хорошо, мы все сделаем, — кивнула Юмико.

— Только, пожалуйста, не нужно искать виноватых, — предостерег я. — Нам нельзя в такой ответственный период существования ордена сеять в нем хаос.

— Мы тебя поняли, Ашидо, — подтвердил Джозеф. — Иди уже по своим делам, дай немного прийти в себя.

— Хорошо, берегите себя, — произнес я.

Перед тем, как уйти, я проделал все то же, что и Эхо, ведь возможности попрощаться с Хомурой у нас уже может и не быть. Поцеловав девушку в лоб, я тихо произнес «спасибо», после чего тихим шагом покинул медпункт.

На выходе оказалась одна лишь Хорнет, которую не сразу удалось заметить, поскольку девушка ожидала не вблизи помещения, а в самом отдалении коридора около лестницы, сидя под окном и прислонившись к батарее. Только сблизившись с ней, я заметил, с каким убитым лицом она сидела. Там хватало места для еще одного человека, потому я в той же манере, не говоря ни слова, тихо распластался рядом в той же позе, уперевшись спиной в батарею, к которой еще не подвели отопление.

Несколько минут пролетели в сопровождении гробовой тишины, Хорнет то ли дело всхлипывала, но даже эти признаки не давали отличить ее от ходячего мертвеца. Нужно было разрядить обстановку, потому я заговорил первым:

— Ну, что будем делать?

Ответа не последовало, девушка все так же бесчувственно пялилась куда-то вдаль, словно не замечает меня.

— Хорнет, я понимаю, тебе больно, но нам нужно решить вопрос с Хомурой, — продолжил докучать я. — Если ничего не сделать, ее семья будет убита горем еще сильнее...

— А ты не думал, как мы скажем ее семье о гибели дочери? — наконец заговорила Хорнет.

— Это я и хотел обсудить.

— Обсудить, хах, — с болью в голосе усмехнулась она. — Представь себе картину, как ты стоишь перед ними и пытаешься придумать себе оправдания. Это ведь мы виноваты в том, что вплели ее во все это.

— И что бы я не говорил, все равно останусь в их глазах крайним, — продолжил я, прекрасно понимая, чего ожидать.

— Думаешь, ты готов принять на себя этот удар?

— Не знаю, — вздохнул я. — Один лишь человек на моей памяти мог вот так просто возложить на свою совесть все, что угодно.

— И этот человек убил мою семью, — предугадала Хорнет.

— К сожалению, это правда.

После моих слов мы оба замолчали, снова погрузив коридор в тишину. Я не знал, что говорить, не знал, как воспринимать то, что происходит вокруг. Можно сказать, я был целиком и полностью раздавлен происходящим вокруг, был готов в любой момент сдаться, но прекрасно понимал, что в таком случае всем нам придет конец.

— Это так тяжело, — наконец развеяла тишину Хорнет, — жить с осознанием того, что люди вокруг тебя умирают, и ты не можешь ничего с этим поделать. Скольких близких мы уже потеряли в погоне за свободой? Сначала Кагеяма, затем Леонхардт... Лаффи... Хомура... и это всего лишь за год. Что будет дальше, Ашидо?

— Не знаю, Хорнет, — тяжело вздохнул я. — Время никого не щадит. Я еще помню тебя вспыльчивой и эмоциональной, помню то, как ты боялась нас потерять и изо всех сил старалась уберечь от опасностей, тогда ты хотя бы изредка улыбалась, а сейчас... Сейчас выглядишь совсем убитой...

— Я устала, Ашидо, — уже со слезами на глазах произнесла Хорнет. — Устала от всего этого. Каждый день подобен кошмару, каждый день я пытаюсь сбежать, но все время возвращаюсь, сама не знаю, зачем. Живу в страхе и стараюсь лишней раз не думать о том, что происходит, но эти мысли все равно настигают, приводя с собой страх. Я боюсь потерять вас... Чем больше людей приходит в «Спектр», тем больше этот страх разрастается. Мы ведь не были такими, поначалу в ордене царила только приятная атмосфера и жизнелюбие. По крайней мере, до тех пор, пока ты не исчез.

— Я всех вас подвел в тот день, заставил переживать и мириться с потерей. Знаешь, в Бездне я мечтал лишь о том, чтобы вернуться домой. Я не думал о сражениях и о нашей цели, хотел только поскорее вернуться назад — туда, где меня любят и ждут...

— И все это время тебя ждали, даже смирившись с утратой. Скажу честно, мне пришлось тяжелее всего в первое время. Я даже пробовала убить себя, лежа в ванне, но Амелия вовремя почуяла неладное и вмешалась. Если бы не она, я бы умерла в тот день.

— Я был так тебе дорог?

— Столько времени уже прошло, а ты так и не понял, — вздохнула Хорнет. — Я родом из богатой семьи, Ашидо. У меня никогда не было настоящих друзей, только те, кто дружил со мной в корыстных целях... Но потом появилась Юмико, которой было все равно на мой достаток и происхождение. Затем Леонхардт, а в конце концов и ты. Пусть с Лео мы были не так близки и не очень много общались, тебе я доверила многие свои секреты и собственную судьбу. Вы стали для меня новой семьей после смерти дяди, единственной опорой и надеждой — неудивительно, что я к вам привязалась и столько переживаю. Ты мне как брат, Ашидо, родной и близкий... любимый...

— Не могу сказать того же, но ты точно мне небезразлична, Хорнет, — слегка растерявшись, ответил я.

— Я уже привыкла к тому, что ты все время врешь сам себе, — спокойноотреагировала Хорнет. — Можешь ничего не говорить, я итак сама все знаю. То, как ты любишь всех нас, замечаю не только я. Ты ведь... тоже боишься кого-нибудь потерять?

— Очень, — недолго думая, ответил я. — До сих пор не могу поверить в смерть Хомуры. Где-то глубоко внутри меня все кипит, я хочу выместить на ком-нибудь эту боль, но не знаю, куда деваться... Это жизнь, Хорнет, каждый из нас вынужден так или иначе в роковой день лишиться близкого человека. С одной стороны, мы должны сказать спасибо за все то время, которое смогли провести вместе, с другой же, боль утраты может не отпускать годами, копиться в глубинах души и разрывать изнутри, даже если покойный не хочет, чтобы

кто-то из-за него страдал. Не хочу этого признать, но Хомура не первая и не последняя. Еще ничего не кончено, и смерти могут продолжиться.

— Тогда, за что мы сражаемся, Ашидо? — с красными глазами и залитыми слезами щеками, спросила девушка. — Ради чего мы переживаем все эти смерти?

— Я не знаю, Хорнет, — пробормотал я, опустив голову. — Хотелось бы сказать, что за свободу, но мы были бы куда свободнее, будучи запертыми в стенах Гармонии, а не в собственном ордене.

— И все же, если нам удастся свергнуть короля... Что делать дальше?

— Найти нового короля и начать воплощать свои мечты, — единственное, что в этот момент пришло мне в голову. — Жениться, завести детей, начать свой бизнес, податься в искусство, уехать куда-нибудь подальше...

— Возможно, твои слова имеют смысл, — вздохнула Хорнет. — Я бы хотела наконец найти свою любовь и выйти замуж, как все самые обычные девушки. Роду Ишимару все равно уже конец, так к чему мне придерживаться семейных традиций и поддерживать свой статус аристократа. Я хочу быть счастливой, а не обремененной.

— И ты ей будешь, Хорнет, — наконец улыбнулся я. — Мы уж как-нибудь тебе поможем со всем справиться.

— Можешь начать с посттравматического синдрома, — в ответ улыбнулась она.

— И его победим, только перед этим придется кое-что довести до конца.

— Думаешь, мы справимся?

— Мы как никогда близки, Хорнет, — почти уверенно произнес я. — Как только все будет кончено, ребята смогут вздохнуть полной грудью и заняться своей личной жизнью. И ты тоже сможешь.

— Придется не только верить, но и работать.

— Это верно, — широко улыбнулся я.

— Пока это еще возможно, я хочу сказать тебе спасибо, Ашидо, — тихо произнесла Хорнет, после чего придвинулась поближе и приобняла меня.

— За что?

— За все, тупица.

— Сама тупица.

— Нет, ты.

— Ладно уж, будь по-твоему, — проговорил я, ответив на объятия взаимностью.

Оглядываясь на нас прошлых, я невольно улыбаюсь, вспоминая то, что приключилось за эти полтора года. Несмотря на все сложности и потери, мы всегда были близки и держались друг за друга, помогали в трудную минуту, вместе принимали сложные решения, выпивали, развлекались... Особенно теплые воспоминания в голове именно о Хорнет — наша первая встреча оказалась побоищем, и кто бы мог подумать, что всего спустя год мы вот так будем в обнимку сидеть у батареи где-то в углу огромного здания стоимостью в сотни тысяч кредитов. Хочется сказать спасибо всем тем, кто был, есть и будет, высказать им множество теплых слов, лишь бы передать всю свою любовь, как и сказала Хорнет, пока еще не поздно, но в эту минуту мои слова могли прийти только до одного человека, потому я, недолго думая, произнес:

— Спасибо, Хорнет.

Глава 57: Вина

Вчерашний день закончился не на самой приятной ноте, ко всеобщему трауру по ушедшей Хомура добавились лишние переживания по поводу того, как преподнести ее бездыханное тело семье и подобрать правильные слова для того, чтобы объясниться. Немногие могли вытаскивать на себе такую непосильную ношу, однако, вопреки ожиданиям возложить всю ответственность на мастера ордена, Нао выдвинула инициативу самолично передать дочь родителям. Это было обосновано тем, что они и без того точат зуб на «гвардейскую шавку», и хуже уже не будет.

Поначалу я думал, что доверить тело Нао могло быть ошибкой, однако та вернулась с вполне перевариваемыми новостями. Разумеется, эти люди не могли поверить в ту картину, которую видели перед глазами, проклиная всех, кто каким-либо образом участвовал в жизни Хомуры и пусть даже косвенно был причастен к ее смерти, однако те в свою очередь поблагодарили орден за всю предоставленную информацию и тело, переданное в руки практически без визуальных дефектов, не считая шрама на шее. Этот шрам хорошо скрывал факт позорной смерти от крысы, выводя на передний план чуть менее позорную кончину от лезвия гильотины.

Нам удалось проводить девушку лишь мельком, перед тем как она отправилась домой. Последним желанием Хомуры и мечтой всей ее жизни была свобода, реальная возможность выбраться из Трущоб и начать новую жизнь там, где есть люди, а не только бедняки. Выпить кофе в дорогой кофейне, прогуляться по зеленым паркам Торгового района, побывать в местных музеях... Мы могли помочь, могли преуспеть и осуществить мечту девочки, но теперь эта большая мечта воплотима в реальность лишь посмертно.

— Хомура, — тихо прошептал я, глядя в пустоту, — ты ведь наблюдаешь?

Ответа, как и ожидалось, не последовало. Возможно, призраки и в самом деле существуют, но поговорить с ними во сне было весьма опрометчивой затеей с моей стороны.

— Хватит, Ашидо, не кори себя, — приговаривал я, — ты сделал все, что мог.

Во сне дурные мысли так и лезли в голову, не давая ни минуты покоя. Нужно было проснуться и дать себе возможность развеяться, пока еще не совсем утонул в этом омуте отчаяния. В конце концов люди приходят и уходят, и не нам решать, кому и когда пора затеряться в песках времени.

***

Глаза приоткрылись, через призму мутного взора показалась фигура девушки — это была Юмико. Ее внешний вид не внушал ничего хорошего: хмурый взгляд, сомкнутые веки, робкая поза и редкостная отстраненность. По ней было видно, что та глубоко переживает по поводу случившегося, как и все мы. Один лишь вопрос крутился в голове — почему Юмико сидит здесь и молчит, и как долго она тут находится?

— Юми, — произнес я, дабы привлечь к себе внимание.

— Ох, Ашидо, — опомнилась она, тотчас изменившись в лице. — Утра. Как ты себя чувствуешь?

— Приемлемо, — вздохнул я, приподнявшись и приобняв девушку. — Пришла навестить меня?

— Да, — робко ответила Юмико. — Я тут подумала, а не прогуляться ли нам немного? В последнее время мы уделяем мало внимания друг другу.

— Ты же знаешь, Юми, — чуть тяжелее вздохнул я, приложив голову к плечу девушки, — работа, работа и еще раз работа. Мне бы хотелось просто отдаться вольному ветру и полететь с ним куда глаза глядят, пройтись с тобой по каждой городской улице, но, увы, мы заперты в клетке.

— Я не прошу тебя таскаться со мной по городу, просто выдели крупицу своего времени на то, чтобы мы могли выпить вместе, пожалуйста.

— Ты приглашаешь меня в бар?

— Угадал.

— С вашего позволения, — протянул я, дав понять, что мне нужно встать с кровати, чтобы одеться.

Стоило Юмико подняться на ноги, я ленивыми движениями отодрался следом за ней. Некоторое время ушло на то, чтобы привести себя в порядок, пока наконец я не смог покинуть комнату в компании девушки. Стоило оказаться в коридоре, как Юмико в давно позабытой манере подхватила меня под руку и ласково потащила в сторону лестницы. Обычно я спускался через крыло «А», однако в этот раз пришлось идти по стороне крыла «Б», что оказалось в некоторой степени непривычно, особенно когда девушка провела меня через дальнюю лестницу, словно стараясь как можно больше растянуть прогулку до нижнего этажа.

Оказавшись в холле на первом этаже, мы собирались было нырнуть в зону отдыха, где не так давно наконец оборудовали бар, как вдруг в глаза бросилась весьма необычная картина — на длинном коридорном балконе второго этажа стояли Наталья и Николас, оперевшись на перила, и второй явно был чем-то сильно огорчен, а девушка в свою очередь жестами выдавала попытки утешить парня.

— Он что, плачет? — подумал я про себя. — Впервые вижу, как Ник плачет.

— Не бери в голову, — отдернула меня Юмико. — Они сами разберутся.

— Погоди, дай я хотя бы спрошу, что случилось, — протянул я, выпутавшись из объятий.

— Ашидо, мы вроде шли выпить, — как-то грозно и обидчиво зыркнула на меня девушка.

— Всего минута, — взмолился я, в то время как ноги сами зашагали в сторону парочки.

— Ашидо! — вдогонку крикнула Юмико, голос которой исполнялся злобы.

Чего она завелась-то? Что я делаю не так? Если человеку в самом деле кто-то или что-то навредило в стенах моего собственного ордена, я должен хотя бы знать, в чем здесь дело, разве нет? С такими мыслями я ловко запрыгнул на второй этаж, используя колонну в качестве опоры для «крюка».

— Хей! — окликнул я парочку.

— Здравствуй, Ашидо, — отреагировала Наташа.

— Здравствуйте, мастер, — подхватил Николас, не успев отделаться от всхлипов.

— Что случилось? Горе какое-то? Я еще не видел тебя таким.

— А ты еще не в курсе? — спросила девушка.

— Не в курсе чего? — опешил я, заподозрив неладное.

— Прямо по коридору, — протянула Наташа после тяжелого вздоха и короткой паузы, указав в сторону крыла «А», — не пропустишь.

— Ладно, — растянуто и в замешательстве проговорил я, после чего последовал наводке и устремился в ту сторону.

Стоило приложить минимум усилий для того, чтобы осмотреться, как в поле зрения попала сидящая вплотную к стене Хорнет в той же позе, что и вчера. Мне хватило этой картины для того, чтобы сделать вывод о том, какая плохая ситуация ожидает впереди. Сложнее всего было признать не факт того, что в стенах ордена приключилось очередное несчастье, а смириться с мыслью о том, что Юмико целенаправленно уводила меня подальше от этого места. Что она хотела от меня скрыть?

Стоило приблизиться к злополучному месту, я тотчас столкнулся взглядом с Хорнет. Ее лицо переполняло отчаяние, слезы на щеках уже столько раз высохали, что на свету можно было разглядеть отчетливые глянцевые дорожки. Она не могла выдать из себя ни слова, а лишь бесчувственно пялилась на меня, не способного сказать ничего в ответ. Окна в коридоре оказались открытыми настежь, везде шумел сквозящий ветер, а впереди была только одиночная комната, в которой и крылась разгадка.

Пусть к голове прилило уже достаточно отягощающих ощущений, я все равно нашел в себе силы зайти внутрь. Не проговорив ни слова, я разминулся с Хорнет и шагнул в приоткрытую дверь. В нос сразу ударил пусть и не резкий, но достаточно противный запах, подобный тухлому яйцу. От неожиданного эффекта я резко прищурился и закрыл нос рукавом, а когда глаза наконец приоткрылись, впереди оказалось нечто ужасное.

Из коридора открывался вид на широкую спину Илии, копошащегося в каком-то блокноте, однако куда больше внимания привлекала затянута в форме петли веревка, висящая под потолком. Все это могло показаться бессмысленным, если бы не мерзкий запах и тонкие ноги в коротких черных носках, лишь мельком бросающиеся в глаза где-то на уровне пола, стараясь укрыться за фигурой парня. К этому моменту я все еще не был готов к худшему, потому волна страха и неподдельной злобы сию секунду настигла сознание, и я не знал, что с этим делать. Хотелось закричать, выплеснуть наружу все то, что скопилось внутри, но я лишь продолжал молча и робко двигаться вперед, пока Илия меня не заметил.

— Девушки не хотели, чтобы ты видел, — недовольно проговорил он вполголоса. — Но раз уж ты здесь — смотри.

Сказав это, Илия слегка отошел в сторону, открыв вид на поистине трогательную душу картину: посреди комнаты на одинокой кровати на спине лежало бездыханное тело девушки в легком голубом топе и коротких джинсовых шортах, ее поза казалась совсем неестественной, короткие волосы сложились венником, половина тела свисала с кровати, левая рука лежала на груди, а правая ютилась на уровне головы, ее кожа была бледной и чуть синеватой в области лица, а ко всему прочему добавлялось синевато-фиолетовое вдавливание на шее, которое говорило лишь об одном — повешение.

— О, Господи, — протянул я в этот момент, тотчас схватившись за голову от резкой нахлынувшей боли.

Илия же несколько не удивился моей реакцией и лишь молча сопровождал каждое действие своим пристальным вниманием, пока наконец не выдохнул, заговорив:

— На столе лежит записка, — подсказал он. — Это важно, поэтому постарайся найти в себе силы для того, чтобы прочесть.

Последовав совету, я тихими и робкими движениями приблизился к маленькому угловому столу, на котором лежала слегка смятая, развернутая бумажка с текстом, написанным от руки черными чернилами. Мне уже приходилось видеть этот эстетически приятный и грациозный почерк, но лицезреть его в последний раз оказалось куда более тяжким испытанием. Взяв в руки записку, я принялся читать:

«Друзья, если вы читаете это, то я уже мертва. Эти слова будут последними в моей жизни, потому прошу, не держите на меня зла за то, что я совершила. Наверное, все это прозвучит глупо, но я по сей день не могла смириться с грузом вины, который так внезапно свалился на плечи. Из дня в день мое состояние ухудшалось, становилось все сложнее себя контролировать, пока ситуация не достигла точки невозврата. Всю свою жизнь я думала, что поступаю правильно, что могу двигаться вперед подобно листку на ветру, следовать по течению, ни о чем не заботясь и думая только о себе. У меня была семья, заботливые родители, были любовники и друзья, но кто бы из них не уходил из моей жизни, я всегда с легкостью отпускала, словно мы никогда и не представляли ценности друг для друга, словно мимолетный период должен был рано или поздно закончиться. Только лишь с появлением Юмико все изменилось — именно тогда я впервые испугалась, что могу остаться без подруги, что могу ее потерять... Не знаю почему, но она стала для меня первой, кем я начала по-настоящему дорожить, кого полюбила и поклялась уберечь, и чью жизнь я чуть сама было не разрушила. Я должна была изменить свое отношение к людям, должна была стать для них особенной, однако этому не суждено было случиться. Орден «Спектр» мог стать для меня домом, все его обитатели могли стать моими друзьями, и я благодарю Господа за то, что этого не случилось, ведь я облажалась. Все это время я только вредила тем, кто находился рядом со мной, травила их, сама того не понимая. Пусть Юмико оказалась сильной и все обошлось, пусть ее настрой не угас, а отношения остались в целостности и сохранности — Хомура так не повезло. Я погубила ее своей глупостью, из-за чего изо дня в день страдала, желая себе смерти с того самого момента, как мы с ней в последний раз разминулись. Не знаю, считала ли она меня подругой, но я верила, что мы можем ими стать. Мне нравилось проводить время с Хомурой, восхищаться ее блестящим умом и закреплять в себе те человеческие тонкости, которые я в свое время упустила. Можно сказать, с Хомурой я могла почувствовать себя особенной... Она была такой молодой и красивой, пусть худенькое тело и не привлекало парней, она была подобна ангелочку, спустившемуся с небес: такая чистая, улыбчивая и добрая, а вместе с тем решительная, смелая и непреклонная. Хомура была гордостью не только своих родных Трущоб, но и всей Гармонии. Если бы малышка дожила до дебюта, в ее честь можно было бы воздвигнуть памятник, как символ свободы... однако этому не суждено было случиться — все кончено. Уверена, ты сейчас читаешь это, Ашидо. Прости, если мои слова приносят тебе боль. Не вини себя ни в чем, ведь ты всегда был прав на мой счет и еще ни разу не ошибался. Знаю, ты презираешь меня за то, что я сделала, и будешь еще больше презирать за то, что сделаю вскоре. Спасибо тебе за то, что был моим другом, ведь даже несмотря на все разногласия, ты всегда им оставался, всегда показывал, как тебе дороги окружающие, не выделял среди них лучших и худших. Ты — надежда и свет Гармонии, ее путеводная звезда на пути к свободе, люди любят тебя и готовы идти следом, каким бы тернистым не был путь. Скажу честно, в тот день, когда мы впервые встретили Майерса, с тобой я наконец почувствовала себя не пустым местом, ведь тогда совершила нечто хорошее. В тот день я не прошла мимо и помогла, всего лишь по-человечески отнеслась к другу и впервые за долгое время почувствовала себя человеком. Я думала, что, если и дальше буду так поступать — добро вернется и жизнь встанет на круги своя, но мне не стоило помогать Хомуре... Не стоило... Я должна была ее остановить, но снова облажалась. Как бы там ни было, я вас не достойна, орден «Спектр». Возможно, вы скажете, что я совершила ошибку, что ничего непоправимого не произошло, однако я сделала свой выбор — легкий путь стал для меня искуплением. Здесь я — чужая, а

за пределами ордена — никто. Спасибо за все, что сделали для меня, и простите за то, что сделала я. Можете сделать с телом все, что угодно: выбросить, сжечь, утопить, похоронить. Но, прошу, не хороните меня рядом с Хомурой — не хочу осквернять ее тело. Спасибо и простите. Прощайте, Эмбер Роуз.»

Наконец дочитав, я с тяжелым чувством опустошения выпустил бумажку из рук, обронив ее обратно на стол. Все это время я с грузом колоссального сочувствия вчитывался в последние слова Эмбер, всеми силами стараясь сдержать слезы, но ни моргание, ни утирание капель не помогали, в конце концов оставив меня в убитом на вид состоянии.

— Как же так, Эмбер? — промямлил я, обернувшись и взглянув на бездыханное тело, лежащее на кровати.

На ее лице больше не было того игривого выражения, ее глаза больше не сверкали на свету... Никто и предположить не мог, что Эмбер потребуется всего ночь на то, чтобы решиться на такое. Почему я не придумал значения ее состоянию? Почему я утешал Хорнет, вместо того, чтобы уберечь от самоубийства Эмбер? Или же я сделал все правильно? Возможно, Хорнет тоже об этом задумывалась...

— Тяжело, да? — заговорил Илия.

— А ты сам как думаешь? — натянуто дерзнул я.

— Полагаю, что да.

— В точку, кэп, — пробормотал я. — Неужели смерть Эмбер для тебя не столь трагична?

— Я привык, Ашидо, — вздохнул Илия. — Знаешь, по ушедшим людям нельзя горевать, даже если они были тебе дороги. В наших силах смириться и отпустить — ни к чему удерживать их души в мире живых.

— Не могу сказать, что разделяю твою позицию, — отстранился я, стараясь не смотреть на тело Эмбер. — Такими темпами мы просто о них позабудем.

В самом деле, о скольких людях мы позабудем, если смерти продолжаться? Разве так плохо помнить и скорбеть о тех, кого потеряли? С каждым днем вопросов все больше, а ответов нет, как и сил просыпаться на следующий день. Сейчас я очень истощен, не могу мыслить здраво, принимать решения и руководить — мне нужна помощь.

— Илия, могу попросить тебя об одолжении? — заговорил я, выдержав паузу.

— Иди, Ашидо, я разберусь здесь, — заранее согласился он.

— Даже не спросишь, куда я собираюсь пойти?

— Это не важно, — слегка нахмурил брови он. — Я вижу, как тебе тяжело находится в этой комнате. Оставь работу кому-нибудь бесчувственному вроде меня. Я верю, что ты не настолько глуп, чтобы пуститься во все тяжкие.

— Спасибо, — проговорил я, положив Илии руку на плечо в дружеской манере, — но это не все.

— М? — задумчиво спросил он.

— Прощу, пригляди за остальными, особенно за Хорнет. Боюсь, как бы они ничего с собой не натворили.

— Орден настороже, Ашидо, — утешил меня Илия. — Никто не хочет, чтобы ситуация с Эмбер повторилась.

— Хорошо, — чуть успокоившись внутри, ответил я. — Меня не будет до позднего вечера.

— Я передам, чтобы никто тебя не беспокоил.

— Спасибо.

Договорив, я тихим шагом вышел из комнаты, столкнувшись в проходе с Юмико. Она была явно огорчена тем, что не смогла скрыть от меня факт смерти Эмбер, но я был куда больше зол из-за предпринятой попытки. Молча пройдя мимо девушки, я оказался в коридоре, миновал сидящую в той же позе у стены Хорнет, а вскоре покинул здание ордена, ибо сегодня я собирался кое-кого навестить.

***

Шло время, день сменился вечером, а на улицы легли сумерки. Не озираясь по сторонам, я смелыми шагами ступал по холодному сырому асфальту — дожди участились в последнее время, добавляя в атмосферу вокруг свой собственный нелицеприятный вклад. Вид по бокам напоминал о недалеком прошлом: глубокий ливнесток пусть и не полностью, но был забит сточной водой, старающейся поскорее покинуть это Богом забытое место. Двигаясь вперед, я ребячески стучал пальцами по перилам, пока ограждения моста не оборвались, а за ним не показалось большое здание с единственным освещенным входом в виде прозрачных дверей.

Едва нога шагнула за порог, в глаза бросились знакомые виды белых стен, утаивающих в себе информацию о немислимом числе человеческих судеб. Теперь здесь все было не так оживленно, никто не бегал по коридорам и не ругался за место в очереди. Лишь одинокая молодая девушка стояла на ресепшене, перебирая в руках какие-то бумаги. Она до самого конца меня не замечала, пока мы не оказались на расстоянии менее метра.

— Здравствуйте! Вы попали в ГИЛН№ 4! Чем могу помочь? — едва девушка договорила, на ее лице показался шок, да такой, словно в один миг человек уже успел распрощаться с жизнью.

— Подскажите, Мария Такаги все еще лежит в палате четыреста восемь? — поинтересовался я.

— В-в-вы, — испуганно пробормотала она, заикаясь, явно узнав во мне на шумевшую всюду персону.

— Да, Ашидо Такаги, также известный под псевдонимом Тайкон, глава преступной группировки «Спектр», — опередил я, даже не пытаясь как-то скрыть свою личность. — Вопрос остается неизменным — Мария Такаги все еще лежит в палате четыреста восемь?

— Минутку, — девушка демонстративно уткнулась в компьютер, усевшись на кресле, однако в ее действиях наблюдалось что-то такое, что идет вразрез с тем, что я от нее ожидаю.

— Не стоит, — предостерег я, уловив, как та тянется к кнопке тревоги под столом — это был первый раз, когда сонар Эдварда мне помог.

Девушка, очевидно, остановилась, еще больше перепугавшись, отчего в ступоре замерла в одном положении, пялясь на меня и не зная, что делать.

— Я здесь не для того, чтобы кому-то навредить, однако если вы нажмете на кнопку, начнется кровавая баня, а мне бы не хотелось убивать людей на глазах у собственной матери, — договорив, я тяжело вздохнул, подав девушке знак, что жду от нее ответной реакции.

— Марию Такаги перевели в четыреста тридцатую палату, — наконец заговорила девушка. — В данный момент она проходит нейролептическую терапию и активно принимает антидепрессанты. Боюсь, только лечащий врач может с ней говорить — опасно вступать в диалог с проблемным пациентом.

— В ее случае в принципе опасно вступать со мной в диалог, — пробормотал я. — Благодарю, можете вызвать гвардию, если вам от этого будет лучше, но, прошу, дайте хотя бы двадцать минут форы.

— Угу, — вяло и робко ответила девушка, провожая уходящего меня взглядом.

Теперь я знал, где ее искать, потому, недолго думая, сразу двинулся в сторону палаты. В этот день мне совсем не хотелось скрываться — я действовал открыто, не опасаясь ничего. Именно таким образом я оказался в лифте, где в компании парочки столь же перепуганных сотрудников клиники добрался до верхнего этажа. Покинув лифт, я в замешательстве остановился на месте, стараясь поймать глазами хоть какой-то намек на то, в каком направлении двигаться, в конечном итоге устремившись направо, перемещаясь между палатами по возрастанию номеров, пока не уткнулся в палату четыреста тридцать по левой стороне коридора.

Оказавшись перед дверью, я мгновенно замер, стараясь собраться с чувствами. Наверное, так и простоял бы до ночи, если бы в реальность меня не вернула полноватая женщина, в приступе шока уронившая какие-то бумаги. Если завидев меня, она так перепугалась, должно быть, тоже узнала. Недолго думая, я преклонился к полу и помог собрать в кучу разлетевшиеся бумаги, после чего любезно протянул владелице.

— Спасибо, — переполняясь непонимания, пробормотала она.

— Мелочи, — отмахнулся я. — Мария Такаги здесь лежит? — спросив это, я указал пальцем на дверь прямо перед лицом.

— Да, — протянула женщина. — А вы, я полагаю...

— Сын, — однозначно ответил я.

— Что ж, я ее лечащий врач, — пояснила доктор. — Не стану вмешиваться, но вынуждена предостеречь — постарайтесь говорить потише и надолго здесь не задерживайтесь.

— Постараюсь.

— Всего доброго, мистер Такаги, — напоследок произнесла женщина, а затем спешно удалилась.

В этом здании отчетливо наблюдалось разность восприятий. Судя по всему, девушка с ресепшена боялась меня и посчитала нужным вызвать гвардию, в то время как эта женщина, скорее всего, просто проигнорировала случай, словно меня здесь никогда и не было. Как бы там ни было, я наконец добрался до сюда, потому пора получить то, за чем пришел.

Ладонь легла на ручку двери, которая с характерным звуком провернулась, отворив дверь. Стоило мне заглянуть внутрь, как перед глазами показалась фигура: худая, ослабевшая, седая... Она словно доживала свои последние дни, будучи прикованной к койке. Она смотрела в окно, и лишь длинные ломкие волосы встречали гостя. Только сын мог узнать в этом человеке свою мать, и я ее узнал...

— Доктор, — внезапно тихим голосом заговорила она, — у меня снова болит голова, нужно принять таблетки...

— Мама, — столь же тихим голосом проговорил я.

Едва мои слова донеслись до ее ушей, женщина обернулась, замерев в непонимании. Ее карие глаза за считанные секунды налились слезами, а челюсть задрожала, словно все людские эмоции моментом решили вырваться наружу, но вместо этого я услышал лишь тихое:

— Ашидо, сынок, это ты?

Я в той же степени не мог поверить в происходящее — уверен, мы оба и думать не могли о том, что когда-нибудь снова встретимся. Я застал ее врасплох тем, что сам пришел, а она меня тем, что выжила в тот день.

— Да, мама, это я, — едва не плача, проговорил я.

Закрыв дверь и пройдя внутрь, я подхватил первый попавшийся под руку стул, протаскивая его за собой до койки, после чего уселся напротив, приняв самую робкую позу из тех, которые когда-либо в жизни принимал.

— Ашидо, сынок, дай взгляну на тебя, — снова залепетала мама, вытянув ослабевшие руки поближе к лицу. — Ты так вырос с того дня, но что же с твоими глазами... они...

— Я больше не тот Ашидо, которого ты знала, мама, — отстраненно произнес я. — Больше нет красноглазого монстра... Хотя, знаешь, с голубыми глазами я может и меньше на него похож, но сейчас все обстоит еще хуже, чем в детстве.

— Не надо, сынок, не говори так, — причитала мама, — ты не виноват в том, что стал таким... Я не имею права просить у тебя прощения за то, что мы с Джиро сделали со своим сыном, но если тебе будет легче, можешь во всем обвинять нас...

— Я пришел сюда не за этим, — вновь отстранился я.

— Тогда, зачем ты пришел, Ашидо? — спросила она. — Что такого тебе нужно от больной матери, которая тебя бросила?

— Не знаю, мама, — тяжело вздохнул я. — Сам не знаю почему, но я подумал о тебе, когда мне стало совсем плохо. Мои друзья продолжают умирать, гвардия охотится за мной, и надежда с каждым днем угасает. Я совсем потерял, не знаю, что делать и как продолжать верить... Меня загнали в угол, мама.

— Ты боишься? — ласково проговорила мама.

— Нет, не боюсь, — однозначно ответил я, — по крайней мере на свой счет. Я боюсь потерять все, что у меня осталось, боюсь потерять тех, кто мне дорог. Ты, должно быть, уже знаешь, во что я впутался за последний год...

— Знаю, — спокойно ответила она, опустив голову.

— Я стал убийцей, мама, — с болью в голосе промолвил я. — Стольких людей погубил... До этого дня я верил, что борюсь за свободу, но разве можно назвать убийцу героем, как меня называют другие? Примут ли люди свободу, добытую кровью, если у меня все получится? Мне и завтра придется снова убить человека, так к чему вся эта лесть о геройстве?

— Не вини себя ни в чем, Ашидо, — ласково заговорила мама. — Ты не сам стал таким — это мы сделали из тебя монстра. Мне стоило умереть в тот день от твоей руки — это бы стало заслуженным искуплением, но если я могу сейчас что-то для тебя сделать, то обязательно сделаю. В конце концов я же твоя мать.

— Если ты и в самом деле хочешь помочь, поведай мне о причинах, по которым мне пришлось все это пережить, — исподлобья пробормотал я. — Все ведь могло быть иначе, да?

— Кто знает, Ашидо, — тяжело вздохнула она. — Во всем виновата эта болячка — хотелось бы мне так сказать, но и нашу с твоим отцом вину нельзя исключать.

— Ты знала о том, чем болеешь?

— Доктор Колден поведал мне, — пояснила мама. — «Багровая лихорадка» — так ее называют. Мы с Джиро были больны, с трудом понимали и обжевывали в голове все то, что творим, и тогда зверское отношение к сыну не казалось чем-то плохим, напротив, мы

думали, что поступаем правильно.

— И что же заставило тебя разглядеть правду? — с долей издевки сказал я. — Неужели какая-то регрессия?

— Ты заставил, Ашидо, — спокойно ответила мама. — Посмотри сюда, и сам все поймешь.

Худыми и дрожащими руками мама схватилась за свой белый пациентский халат, тогда-то на месте, где должна была быть оголенная грудь, показался огромных размеров шрам, по виду своему закрученный в спираль, словно что-то большое когда-то насквозь пробило ей торс.

— Помнишь, сынок? — спросила мама, взглянув на меня жалобным взглядом. — В тот день ты набросился на нас с папой. От Джиро остались только куски, а мне не повезло выжить в тот день. Лишь чудом ты не задел сердце, но все остальные органы сильно пострадали, из-за чего я теперь вынуждена сидеть на строгой пожизненной диете, не говоря уже о куче всевозможных лекарств. Колден буквально собирал меня по кускам, будто специально хотел продлить все эти страдания... Одно лишь радует — с того дня «багровая лихорадка» меня больше не беспокоила. Я взвесила все, что успела натворить за свою долгую жизнь, и ужаснулась настолько, что отголоски грехов прошлого по сей день приходят в кошмарных снах... Только благодаря тебе я осознала, что натворила.

— Зачем же ты терпишь эти страдания? — с болью в груди произнес я. — Разве стоит того корить себя за то, что уже минуло? Хотя я и по сей день ненавижу вас с отцом, все равно давно смирился с тем, что произошло, нашел друзей, возлюбленную — она, кстати, недавно сказала мне, что беременна.

— Видишь, Ашидо, — мама наконец улыбнулась, пусть и с трудом. — Ты сам ответил на свои вопросы. Я хочу видеть твои успехи, сынок, даже если ты меня ненавидишь и презираешь, я все равно каждый день гляжу в телевизор в надежде услышать хоть какие-то новости о тебе и о твоих похождениях. Вы уже думали о том, как назовете? Девочка или мальчик?

— Пока рано об этом думать, да и срок еще маленький, — отмахнулся я. — Я даже не уверен, что буду для своего ребенка хорошим отцом. Если за этот год ничего не решится, мы будем обречены жить в страхе, превосходящем по силе нынешний.

— Будешь, не сомневайся, — уверенно произнесла мама. — По крайней мере ты воспитаешь своих детей не так, как мы воспитали тебя.

— Наверное, ты права, — тяжело вздохнул я.

— Ашидо, я должна тебе кое в чем признаться, — внезапно помрачнела мама.

— В чем же? — заинтересовано спросил я.

— В твоей судьбе виноваты не столько мы с твоим отцом и нашей общей болезнью, сколько другой человек.

— Какой еще человек?

— Ты помнишь что-нибудь из далекого детства? Промежуток до трех лет от роду?

— Честно говоря, этот период для меня в тумане, — вздохнул я.

— Так я и думала, — еще тяжелее вздохнула мама. — У тебя был брат, Ашидо — точная копия: высокий, красивый, мускулистый. У него были такие же черные волосы и такие же красные глаза, разве что черты лица отличались, только имени все никак не могу вспомнить...

— У меня никогда не было брата, мама, — нахмурившись, пробормотал я.

— Был! — вдруг вскрикнула она. — Близнец! Он был таким же, как и ты... но старше... Близнец... старше на много лет... Красноглазый... странный... пугающий... все его боялись, он задирали других детей, убивал дворовых кошек... резал свои руки...

— Мама, что ты такое говоришь? — оторопел я, став замечать явные отклонения в поведении.

Что-то пошло не так, она резко переменяла тон со спокойного и раскающегося на озлобленный и одержимый, словно псих, вспомнивший о чем-то поистине для себя важном.

— Точно... Это же он во всем виноват! — продолжила завывать мама. — Он сделал нас такими! Мы не хотели, чтобы ты стал таким же! Из-за него ты стал чудовищем! Это он виноват! Он! Он! Он!

— Прекрати! — прокричал я, но она никак не отреагировала, продолжив выкрикивать одно и то же.

На этом моменте мама совсем потеряла голову, она дергалась на месте, совсем не контролируя себя, кричала одно и то же, полностью игнорируя мое присутствие, словно одержимая или душевнобольная... Приборы вдруг стали разрываться, пульс сильно участился, а в коридоре послышался шум.

— Готовность! Светошумовая! — раздались голоса.

Гвардия — первое, что пришло в голову, и они собираются закинуть в палату к доживающей последние дни женщине светошумовую гранату... Недолго думая, я спроецировал «Нами», а затем бросился в сторону двери. Под резким напором преграда слетела с петель. Я уже знал, где находятся гвардейцы и сколько их — сонар сделал свое дело. Едва оказавшись за дверью, я воспользовался растерянностью гвардейцев, отрубив руку тому, кто сжимал в кулаке гранату, перехватив ту в полете и отправив вдоль по коридору, пока в нем не блеснула вспышка. Она оказалась настолько яркой, что свет разлетелся по всему коридору, заставив сомкнуть веки не только меня, но и весь гвардейский состав.

Воспользовавшись шумихой и снова прибегнув к сонару, я бросился вглубь палаты, двигаясь по очертаниям, пока наконец не достиг окна. В ту же секунду внутри комнаты раздался звук разбившегося стекла, тяжелая туша выбила преграду своим весом, и я устремился вниз с высоты четвертого этажа. Не очень удачное приземление закончилось переломом, даже после попытки смягчить падение перекатом, и, лишь оказавшись на земле, я нажал на кнопку «бэkdора». Столь же яркая вспышка, и тело переместилось обратно в орден — я в безопасности.

То, что произошло сегодня, не вписывается ни в какие рамки разумного. Не успел я смириться с кончиной Эмбер, как ко всему прочему добавились новые факты из собственной биографии, которые только ухудшили положение, пусть я и ожидал обратного эффекта. Возможно, мама лишь бредила, оказавшись под влиянием внезапно проснувшейся «багровой лихорадки», однако теперь ее слова не дадут мне покоя. Старший брат? Если это правда, почему я совсем ничего о нем не помню? Разве он когда-либо существовал? Снова вопросы, снова нет ответов...

Не знаю, как теперь двигаться дальше, как мириться с потерями и искать мотивацию действовать, но я чувствую, что судьба всей Гармонии лежит на плечах «Спектра». Город скрывает в себе куда больше, чем мы можем себе представить, его судьба темна и беспросветна, и лишь мы можем разогнать тьму.

Мы должны... я должен...

Я смогу, мама...

Глава 58: Похоронный вальс

Часы едва пробили полдень, улицы наполнились яркой жизнью середины воскресного дня, в который детвора всегда беззаботно выбегает из домов на прогулку, пока их родители отдыхают после продолжительной рабочей недели. Лишь легкий холодок, пробирающий все тело из-за пасмурной и ветреной погоды, не дает по-настоящему впитать атмосферу выходных, однако детей непогодой не остановишь. Я чувствую себя тем же ребенком, как и много лет назад, словно в том периоде жизни, когда ничто не могло нарушить планы. Разница лишь в тогдашних и нынешних чувствах, и могу с точностью сказать, что сегодня преобладает лишь исключительная ярость.

Пока люди занимаются своими делами и отводят мирскую суету на второй план, пока мои друзья ютятся в компании друг друга в тесном богатеньком домике, я с четким осознанием исхода сегодняшнего дня ступаю навстречу врагу, который играючи отнял жизнь у моей прекрасной подруги. Ноги ступают без задней мысли, ничто не пытается меня остановить, никто не препятствует мести, напротив, все знают, что в мире достаточно людей, без которых всем было бы лучше.

Капли крови стекают по рукам, капая с локтей на чистую землю, слезы то ли дело хотят вырваться наружу, но даже они не бесконечны, ибо иссыхают вместе с внутренним миром человека. Я черствую, теряю эмпатию, забывая, каково это, иметь те же чувства и эмоции, как у других людей. С того самого дня, как умерла Лаффи, я сильно выгорел, из-за чего могу лишь имитировать прежние переживания, ведь то, что раньше было слезами горечи, сегодня стало жаждой крови.

— Знакомое лицо, — неуместно протянул Илия, глядя на меня исподлобья.

— Ты знаешь, почему я так выгляжу, — прошипел я, слегка соскалив зубы.

Противиться помощи было бы глупо с моей стороны, потому ради достижения успеха пришлось взять с собой Кишина. Что бы там не произошло, он мог бы быть полезен, вне зависимости от сложившейся ситуации.

Через некоторое время бесконечной ходьбы по Академическому району мы наконец остановились. Эта прогулка выдалась безопасной лишь благодаря Эдварду, который организовал крупные рейды в других районах, ограничив число и значимость патрулей по дороге к нашей цели — и вот, она достигнута.

— Церковь Святого Иоанна, — протянул я, вглядываясь в табличку на входе. — Если все так, как сказал Айс, боюсь представить, что ждет Камыша после смерти за его проделки в священном месте.

В самом деле, перед нами находилась церковь, расположившаяся внутри одного из жилых зданий, заняв, разумеется, большую его часть. Именно здесь каждое воскресенье гнусный гвардеец утолял жажду оступившихся на жизненном пути бедолаг, которые вместо Преподобного избрали не самого лучшего наставника. Впрочем, Отец тоже не отличался боязнью к Богу, отчего самовольно участвовал в каждой денежной операции, проводимой напарником, отстегивая свою часть доли за предоставленную торговую площадку — самое настоящее богохульство.

— И как таких людей мир носит, — пробормотал под нос я.

— Это доказывает то, что Богам либо чужды наши судьбы, либо мы веруем не в тех Богов, — снова подхватил Илия. — Не имею права сомневаться в чужой вере, однако

полагаю, что католики сильно заблуждаются.

— В кого же ты веришь, раз говоришь такие вещи? — нахмурившись, проговорил я.

— Это имя нельзя произносить вслух — простой человек не сможет, — отмахнулся Илия. — Забудь, у нас есть дела поважнее.

— Ты прав, — согласился я, — вперед.

Отворив двери церкви, мы оказались в притворе, однако это место слегка отличалось от того, что я видел у Сальвадора. Пусть у старика все было завалено хламом и на многих вещах лежал плотный слой пыли, та церковь не выглядела столь мрачно, как эта. Кругом царила поистине гнетущая атмосфера, свет еле просачивался через щели и падал откуда-то с потолка. Внутри оказалось неожиданно холодно, словно зашел в какой-то склеп, а не в католическую церковь. Сам же притвор оказался довольно пустым, словно не использовался уже много лет, потому мы, недолго думая, распахнули двери в средний зал.

Едва преграда отворилась, навстречу сию секунду устремился почти что сбивающий с ног поток свежего воздуха. Впереди раскрывался вид на огромный зал, вдоль которого до самого алтаря расположились бесконечные пустые лавочки для посетителей, всюду по краям мелькали высокие колонны, растянувшиеся по всему периметру зала. Вдали комнаты на фоне большого резного креста виднелись две фигуры, активно переговаривающиеся между собой. Первого легко было узнать — это священник, о чем говорит его примечательное черное церковное облачение. По виду он мало чем отличался от других стариков: такой же седой, полулысый и сутулый, потому второй привлек куда больше внимания. Рядом со священником стоял некто молодой и высокий со светлыми, практически пепельными волосами, на теле его виднелся строгий костюм: рубашка, галстук, брюки, жилетка, туфли — словно на важную конференцию собрался. Поверх всего этого находилась темно-синяя накидка, под которой хорошо скрывалась плечная кобура. Аналогичные находились и на обоих бедрах, будучи больше и заметнее невооруженным взглядом. Никаких сомнений — перед нами находится тот самый Камиль Шевцов.

— Посетители! — выкрикнул он, завидев нас и подозвав поближе.

Еле сдерживая себя, я зашагал навстречу, пока мы не оказались на том месте, где заканчиваются ряды лавочек.

— Надо же! — вновь заговорил Камиль. — Это же Тайкон и мистер Кишин! Какая честь встретиться с вами лично.

— Долой треп! — оборвал я, оскалив зубы в порыве внезапно нахлынувшей ненависти. — Говори, это ты убил Лаффи?

— Ну чего же ты, Ашидо, не нужно кричать, — с насмешкой пробормотал Шевцов, после чего неожиданно схватился за рацию и принялся в нее лепетать. — Тайкон, церковь Святого Иоанна, запрашиваю поддержку, Шевцов.

— Не стоит, — с грозным видом прервал я, показав ублюдку то, что полностью подрывает его планы, — тебе не пробиться.

— Как подло, — протянул Камыш, завидев в моей правой руке глушилку, которую я тотчас передал Илии для сохранности.

С первых же секунд диалога этот человек дал понять, что не питает к нам никакого уважения и с радостью разделался бы с обоими. Меня могло бы это задеть, если бы я пришел не за одним единственным ответом на вопрос, мучающий по сей день.

— Спрашиваю еще раз, Камыш, — исполняясь ненависти, исподлобья прорычал я. — Это ты убил Лаффи?

— Может и да, а может и нет, — усмехнулся он, — я не запоминаю тех, в кого стреляю. У мишеней нет чувств, не говоря уже о личности.

— Во что вы опять ввязались? — вдруг заговорил священник, произнося слова глухо, словно с трудом. — У нас неприятности?

Этот ублюдок играет со мной, не испытывает страха или раскаяния, только бормочет о своем и насмехается, подобно Хандзо, но я глубоко сомневаюсь, что за этими насмешками кроется что-то более глубокое и непонятное, напротив, Камыш не похож на того, кто умеет фальшивить, ведь даже сейчас его голубые глаза выдают азарт, которым он питается, выводя меня из себя.

— Раз такие пироги, — вновь заговорил Камыш, после чего неожиданно для всех выхватил из кобуры на правом бедре свое оружие и, выдержав небольшую паузу на то, чтобы вздернуть рычаг затвора, выстрелил в голову священнику, — ты мне больше не нужен.

— Нет! — выкрикнул я, наблюдая за тем, как в сопровождении застывшей в воздухе лужи крови тело некогда живого священника падает на пол.

— Упс! — тотчас воскликнул Шевцов. — Единственный свидетель только что умер — какая жалость!

— Ублюдок! — сию секунду завелся я. — У меня уже достаточно поводов убить тебя!

— Кишка не тонка? — снова презрительно усмехнулся Камыш.

Сомнений быть не могло, именно он убил Лаффи. Это презрительное отношение к людям, безразличие к чужим судьбам и отсутствие понятия ценности человеческой жизни в совокупности образуют собой Камыша. Он из тех людей, кто творит зло намеренно, прекрасно различая грань между дозволенным и недозволенным, и это его забавляет. Наконец-то месть за отнятое будущее Лаффи свершится...

— Илия, — зарычал я, — что бы ни случилось, ни в коем случае не вмешивайся.

— Уверен? — с долей сомнения протянул Илия.

— Это мой бой и моя месть, поклянись честью, что не вмешаешься, пока мое сердце бьется — если оно остановится, считай, ты сдержал обещание.

— Тогда, докажи, что это не пустые слова, — одобрительно кивнул Илия. — Клянусь честью, я не буду вмешиваться.

Илия остался позади в объятиях пыльных лавочек. В моих глазах засиял огонек, нога твердо ступила навстречу противнику, катана сжалась в тесных объятиях грубых мозолистых ладоней. Каждая секунда предвкушения заставляла меня чувствовать себя... странно, словно происходит что-то такое, чего не должно происходить, но мне становилось... легче.

— Посмотри на себя, — рассмеялся Камыш, — думаешь у тебя есть шансы? Ты ничего не мне не сделаешь без рогатого!

— Умри! — сию секунду прокричал я, сделав стремительный выпад с места, преодолев за мгновение несколько метров и замахнувшись на цель.

Едва «Нами» материализовалась и устремилась навстречу шее, лезвие с тяжестью врезалось в металлическую часть дробовика Камыша, который, воспользовавшись моей первой ошибкой, перенаправил удар в другую сторону. Я хотел было восстановиться после удара, но не успело лезвие соскользнуть с длинного дула, как я почувствовал резкую боль в левой ноге — Камыш выстрелил из второго дробовика, вынудив его в тот момент, когда успешно парировал атаку. Бой только начался, а я уже был пойман на ошибке и лишился левой ноги почти по колено, в то время как Камыш нашел для себя окно, позволившее отскочить в сторону и занять более выгодную позицию, что он и сделал, предварительно

кинув в пол какую-то банку, из которой мигом хлынула тонна непонятного непроглядного вещества, похожего на то, что содержится в дымовых гранатах.

Очевидно, ему нужно было выдерживать дистанцию между нами, не подпуская меня на расстояние прямого удара, однако вблизи у него было значительно больше преимущества за счет разрушительности атак. Эти чертовы дробовики не оставляли ни шанса сблизиться с оппонентом и не подставиться под атаку.

— Что такое, Ашидо? — послышался смех откуда-то с неизвестного направления, звуча со всех сторон одинаково. — Ты, кажется, собирался отрубить мне голову.

— Не думай, что можешь спрятаться от меня в дыму! — вскрикнул я, озираясь по сторонам в поисках источника звука.

— Я уже это сделал, — вновь рассмеялся Камыш. — Погляди на себя, бой только начался, а ты уже уселся на месте, лишившись ноги и единственного преимущества.

В этот момент я подумал о сонаре, потому сразу воспользовался одной из самых полезных способностей на сегодняшний день, однако дальность его оказалось ограниченной из-за того, что часть энергии уходила на залечивание ноги.

— Нет, — вдруг прозвучал в голове голос разума, — он хочет, чтобы я его искал, хочет, чтобы я атаковал, забыл об обороне.

С этой мыслью сонар тотчас оборвался, а я прибегнул к одной из своих древнейших техник, пользоваться которой в полной мере приходилось нечасто — сейчас самое время. Глубоко вдохнув и сконцентрировавшись, я выпустил вокруг себя некоторую часть внутреннего энтропиума в форме купола, закрывающего со всех сторон.

— Сконцентрируйся, Ашидо, — приговаривал я у себя в голове. — Сейчас нельзя действовать спонтанно, нужно обдумывать каждый шаг. Треть энергии на защиту, треть на лечение и еще треть для возможности сменить позицию.

В моем положении все казалось действительно безнадежным: один я посреди непроглядного дыма, сижу в критически уязвимом положении, оперевшись на одну ногу, пока вторая восстанавливается, не зная о том, где мой противник и в какой момент тот атакует. Эта ситуация поистине сильно щекотала нервишки, однако сдаться или принять судьбу, уготованную врагом, могло бы расцениваться как истинная бесчестная слабость.

— Бам! — послышался вскрик в тишине, следом за которым последовал хлопок.

Сразу после я резко почувствовал на себе ощущение вторжения, словно что-то преодолевает выставленный мной барьер, стремительно двигаясь навстречу. Тело зашевелилось само, руки потащили за собой тяжелую катану, пока в один момент, развернувшись практически полностью, я не отбил пулю, что с бешеной силой врезалась в лезвие меча и отлетела в сторону, спасая мой мыслительный центр от неминуемой гибели. Да, я только что отразил пулю, летящую в голову, вспомнив тренировки тех времен, когда орден боялся пуль больше, чем кого-либо другого. Выстроить защиту оказалось правильным решением, ведь если бы я попытался найти Камыша в дыму, этот выстрел мог стать смертельным.

— Ого, — вновь послышался голос в дыму, — немногим удавалось повернуть подобное.

— Впечатлен? — фыркнул я.

— Нисколько, — столь же безразлично фыркнул Камыш. — С этого момента форы не будет.

— Форя? — оторопел я. — А разве она была?

В этот миг Камыш полностью затих, затерялся в дыму настолько, что не было слышно ни звука, кроме звона падающих на пол жетонов метро, бросаемых им ради отвлечения. Пусть моя нога практически залечилась, оставаться в том же положении было критически опасно, даже если все силы уходят на защиту. По мере того, как я в состоянии полной концентрации оборонялся, прозвучали еще несколько выстрелов, каждый из которых был успешно парирован, кроме последнего. Если до этого момента пули были монолитными и легко парировались, эта оказалась дробью, многие шарики которой достигли своей цели и ранили меня в грудь, плечи, руки, шею и даже голову. Если бы выстрел был произведен вблизи, все могло закончиться плачевно, однако расстояние нивелировало всю разрушительную мощь дроби, что говорило о том, что Камыш без риска для жизни проверил теорию о том, чем меня можно задеть — хитрый ублюдок.

Раны быстро восстановились, а вместе с тем и нога полностью залечилась — можно было перейти в нападение. В голову сразу пришла мысль о том, что Камыш ожидает любую прямую атаку, потому нужно не только найти его в дыму, но и выбрать абсолютно неожиданный угол атаки, чтобы не подставиться под выстрел.

— Игры кончились, — прошипел я, запустив сонар, не забыв о концентрации на защите.

Пара мгновений и в поле зрения показалась фигура, скрывающаяся за колонной — в этот момент Камыш пополнял боезапас. Быстро закончив дело, он равноускорено пустился на противоположную сторону алтаря, не издавая ни звука, однако теперь я отлично его видел и мог напасть в любой момент, если бы внезапно подувший ветер не вынудил действовать быстрее. Дым рассеивался, мое единственное преимущество утекало, потому я, недолго думая, приготовился атаковать и лишь выжидал удобный момент, который практически сразу представился. Прозвучал выстрел — это снова была дробь, однако на этот раз расстояние между нами оказалось меньшим. Исходя из прошлого опыта, заблокировать это не было смысла, потому я тотчас прибегнул к телепортации, устремившись вверх в тот же момент, как поле защиты зафиксировало прошедшую через него дробь.

Думать приходилось быстро, к тому же фигура Камыша вышла из поля зрения внутри сонара, стоило мне подняться повыше, потому видеть ее я мог лишь по очертаниям, появляющимся среди рассеивающегося дыма.

— Вот он — шанс, — подумал я, выждав момент.

Притянувшись к стене крюком, я уткнулся ногами в твердую колонну, а затем что есть мочи оттолкнулся навстречу цели, готовясь атаковать. Эта атака должна была оказаться неожиданной, но при должной реакции ее все еще можно было заблокировать, потому я решил сразу лишиться Камыша этой возможности.

— Сечение! — прокричал я где-то у себя в голове, лишь бы не выдать атаку.

Расстояние уменьшалось, последовал замах, и дым за пару мгновений до сближения рассеялся, заставив мое сердце вздрогнуть от той картины, которую пришлось увидеть, ведь едва серый тон сполз с фигуры Шевцова, перед моим лицом показалось дуло дробовика, направленное прямо наперерез атаке. Он улыбался, но словно не от того, что поймал меня, а от того, что заранее знал, как я поступлю...

— Нужно увернуться! — подумал я в этот момент. — Нет, нужно парировать! Если закрыть дуло, дробь не успеет разлететься до неблокируемого состояния!

Последовав спонтанной мысли, я оборвал действие «сечения», вывернув катану так, чтобы заблокировать как можно больше дробинок, но не успел — прогремел выстрел, тяжелые металлические шарики разлетелись в стороны, и лишь пара из них столкнулась с

лезвием катаны, в то время как другие с тяжестью врезались в мою грудь... прямое попадание. Те же чувства, что и тогда, на мосту: звуки трескающихся ребер, хлюпанье разрывающихся органов, разлетающаяся всюду кровь...

Едва дробь коснулась моего тела, Камыш отпрыгнул в сторону, и я, вдобавок к первой травме, врезался в твердый пол, оказавшись в таком состоянии, в котором при всем желании не смог бы сопротивляться, а вдобавок ко всему рядом рухнули куски стекла, упав сверху от того, что некоторые дробины разбились окна на потолке. Некоторые воткнулись в меня, некоторые разбились об пол, усыпав все вокруг маленькой стеклянной крошкой.

— Как предсказуемо, — ухмыльнулся Камыш, подойдя ко мне вплотную, словно насмехаясь над теми крупными гордостью, которые у меня остались.

Я все еще мог нанести удар, все еще мог справиться с силами, но Шевцов пошел на опережение, вонзив нож в мою правую ладонь, держащую катану. Пронзительный вопль разлетелся по церкви, и тем сильнее он становился, чем больше Камыш шевелил лезвием, разрывая ткани ладони как можно сильнее. Тело и без того болело, шарики сдавливали органы изнутри, кровь в огромных количествах выливалась наружу — настолько сильно, что уже через полминуты я лежал в луже.

— Больно, хах? — снова усмехнулся он, словно только глумиться над всем людским горазд. — Это результат твоих ошибок, Ашидо. Ты слишком шумный, да и гибкости на поле боя не хватает. Мой совет мог бы пойти на пользу, но твоя жизнь закончится здесь, возможно, мучительно, а, может, в момент — зависит от моего настроения, а оно у меня сегодня игривое.

Достав что-то похожее на пистолет из плечевой кобуры, Камыш зашевелился, прикурив сигарету и усевшись так, чтобы моя раненая рука оказалась зажатой, а на здоровой тот задрал рукав. В какой-то момент я почувствовал на предплечье легкую колкость, и только когда Шевцов закончил свою нелепую процедуру, я догадался, что это была игла.

Пару мгновений спустя, меня настигло нечто непонятное: боль ушла, мышцы расслабились, в глазах все миготало помутнело, словно я ощутил на себе приближение смерти, но это было чем-то иным, чем-то непохожим на то состояние, которое я испытывал в самом начале своего пути убийцы. Мой мозг переставал думать, восприятие затупилось настолько, что я с трудом понимал, вытекает ли моя кровь наружу, залечивается ли тело, двигаются ли конечности... Следом за всеми этими странными ощущениями нахлынула резкая волна приятных — настолько приятных, что я тотчас позабыл о том, где сейчас нахожусь и какая цель предо мной стоит. Было крайне тяжело думать и осмысливать, быстрое и нестабильное дыхание громом отдавалось в ушах, пульсации сердца стали слышны со всех сторон и так глубоко, словно я вернулся в утробу матери.

— Что происходит? — подумал я в этот момент. — Что он вколол мне? Яд?

Сконцентрироваться не получалось, сколько бы я не уделял внимания ранам, мозг быстро переключался на что-то другое, на любую мимолетную мелочь, будь то мысль или фрагмент из реальности.

— Теперь ты полностью обезврежен, — спокойно и без насмешек проговорил Камыш.

— Ч-ч-что... т-ты...

— Ты такой жалкий, Ашидо, — оборвал Камыш, широко улыбнувшись мне прямо в лицо. — Стоило иметь в виду, что меня не просто так зовут палачом для шепотов, прежде чем идти на схватку. Ты недооценил противника и оказался аутсайдером, а я просто завалил свою очередную жертву. Глупый ребенок, возомнивший себя героем... И это все, на что

способен глава «Спектра»? А что из себя тогда представляют остальные, если ты такой слабый?

— Ч-ч-что...

— Что-что? — глумительно воскликнул Камиль. — Хочешь знать, что было в ампуле?

Героин.

Мне с трудом удавалось воспринимать то, что говорит Камыш, но я все равно четко различал ключевые слова, услышав среди них и причину моей слабости.

— Жизнь такая сложна штука, да, Ашидо? — ухмыльнулся он. — Она ускользает тем быстрее, чем сильнее ты хватаешься за нее. Это нормально, ведь каждый об этом знает, однако есть люди, подобные тебе, которые сражаются за свои жизни, теряя их раньше, чем могли потерять, если бы не вставали на этот путь. До сколько ты мог бы дожить, как думаешь? До тридцати точно, а если бы был покладистым или хитрым — до самой старости мог дотянуть. Что с тобой не так? Почему ты барахтаешься, даже будучи в пасти у зверя? Как ты умудряешься держаться на плаву, когда все вокруг пытаются тебя утопить?

Сказав это, Камыш поднялся с места и уставился на ожидающего в стороне Илию.

— Ты все еще не собираешься помогать другу?

— Я поклялся честью, что не вмешаюсь, пока Ашидо еще дышит, — однозначно ответил Илия.

— Честь, хах, — усмехнулся Камыш. — Все вы тут такие честные, и никто даже не подозревает, как сильно эти пустые идеалы тянут вниз.

— Бесчестному выродку не понять, каково это, иметь говорящее имя, — фыркнул Кишин.

— Никакой свободы, Кишин, — вздохнул Шевцов. — Ты обременен своей честью, как и Ашидо своей тупостью. Думаешь, ты не будешь однажды вот так бессильно барахтаться на полу в луже собственной крови?

— Кто знает, может и да, а может и нет, одно я знаю точно — если сердце Ашидо остановится, ты лишишься головы меньше, чем за секунду.

— Ашидо уже не смог, пусть даже если сильно хотел, его смерть — дело времени. Не думаешь, что уже пора бы навредить мне?

— Мне и не придется, — ухмыльнулся Илия.

— Я бы не был так уверен.

— Ашидо, — Илия внезапно окликнул меня, малость приведя в чувства, — вспомни, зачем ты сюда пришел и ради чего сражаешься. Этот человек убил Лаффи, твою драгоценную и любимую подругу, самым бесчеловечным образом осквернив ее тело. Ты собираешься вот так просто с этим смириться?

— Ах, точно, — внезапно залепетал Камыш, — твоя подружка...

— Борись, Ашидо, не опускай руки, — продолжал приговаривать Илия. — У тебя в крови всего лишь крупички вещества, всего лишь вторженец, подобный вирусу, которого можно изгнать.

Слова Илии доносились до меня обрывками, но я понимал, о чем он говорит и что пытается до меня донести, но как же быть? Что я могу против наркотиков? Они полностью парализовали не только тело, но и мозг, оставили меня без шансов на спасение, и в этот момент я ощутил реальное отчаяние от того, что призвал Илию не вмешиваться. Я боюсь умереть... Мне нельзя умирать в такой ответственный период... Нет! Мне нельзя умирать потому, что я хочу жить, хочу дойти до конца и отомстить за Лаффи!

— Как, говоришь, ее там звали? — продолжил глумиться Камыш. — Лаффи? Та беловолосая девчонка с упругой задницей? Ох, не завидую тебе, если ты не успел поиметь ее при жизни... Хотя перед смертью она вела себя как самое настоящее бревно — не удосужилась даже двинуться.

— Ашидо, не позволяй ему выливать эту грязь! Соберись! — громко прокричал Илия.

— Мои дела доставляют мне удовольствие, Ашидо, — вновь широко улыбнулся Камыш, глядя мне в глаза, стеклянный взгляд которых тупился лишь в одну точку. — Для меня не существует морали, у меня нет человеческой души, а лишь та, которая существует ради того, чтобы грешить. Я не боюсь умереть, если умру в удовольствии, а твоя глупая и полуживая рожа, старающаяся смириться с происходящим, заставляет меня трепетать! Может, я и был когда-то таким же, но никто из нас не способен взлететь, не попробовав при жизни пройтись. Это и значит быть свободным — позволять себе то, чего не могут позволить другие. Если я хочу нажать на курок — я нажму на него, в этом и заключается принципиальная разница между той свободой, которую может позволить себе каждый, и тем, за что борешься ты. Ты жалок, Ашидо, простой тупорылый мальчишка с задатками шепота, которого уделал простой человек со стволом. Мне тошно от одной только мысли о том, что ты хотел бросить вызов королю, которого даже я боюсь — дядя Камиль только что избавил тебя от грандиозного позора.

Хватит! Я больше не могу это слушать! Каждое слово Камыша раздается в голове громом, выводит меня из себя и заставляет сгорать от ненависти, однако, именно это меня отрезвляет. Как и сказал Илия, героин — всего лишь вторженец, которого можно изгнать. Пусть мне это и не дастся так легко, я просто обязан попытаться, чтобы заставить Камыша заплатить за все, что он сделал раньше, и за все, что было сказано сегодня. Сконцентрируйся, Ашидо!

— Ты мне кое-кого напоминаешь, — заговорил Илия, чем успешно отвлек на себя Шевцова.

— Папочку? — ловко подколол его Камыш.

— Именно, — спокойно ответил Илия. — Он был таким же отребьем, но в отличие от тебя, у него были твердые убеждения и честь.

Давай, Ашидо! Илия старается выиграть тебе время, сконцентрируйся! Попадая в вену, героин направляется к мозгу, где поглощается, вызывая те ощущения, которые я сейчас испытываю — нужно вывести его! Но как мне это сделать? На ум приходит только вариант через кровь, однако те дыры, которые сделал во мне Камыш, совсем не подходят — придется все делать самому.

Нащупав на полу кусок стекла, я несобранными и дрожащими движениями приблизил стекло к горлу. Собрав все силы и волю в одном месте, я что есть мочи надавил острым концом на часть шеи, где находилась яремная вена — самый эффективный способ вывести героин.

— Гляди-ка! — воскликнул Камыш. — Твой дружок не выдержал и решил покончить с собой! Подумать только, взял яйца в кулак только ради того, чтобы перерезать сонную артерию!

Смейся, ублюдох. Пусть все выглядит так, будто я стараюсь убить себя, но в реальности в пределах этого здания до конца дня умрет только один человек — это будешь ты, Камыш. Вся энергия в теле наконец снова стала мне подчиняться, пусть и с натяжкой. Я не знал состава героина, не знал, на что он распадается и как усваивается, но я знал, что умнее меня

в этом теле может быть только энтропиум, потому собрал его в голове и сконцентрировался на мысли, что в мозге находится что-то инородное. Как и предполагалось, ощущение реальности постепенно возвращалось, умиротворение растворялось, покой отходил на второй план, пока в один момент я не почувствовал, что полностью отрезвился.

Недолго думая, я перенаправил выделенную энергию от мозга к заранее надрезанной яремной вене, представив, как эта гадость выходит наружу вместе с остальной кровью, а следом за этим с немного меньшей концентрацией очистил всю систему кровообращения от остатков. Ощущая то, как героин с тяжестью и излишней вязкостью выходит из моей шеи, я стал обдумывать следующие шаги действий.

Камыш сейчас думает, что я умираю, что я беспомощен и не могу ничего предпринять, потому любая атака окажется неожиданной, если правильно выбрать момент, однако, чтобы этот момент представился, нужно продолжать имитировать состояние под дозой, а также ограничить лечение ран — залечить только внутренние, оставив наружные сиять голубыми сгустками ровно так же, как было до этого. Когда я нападу, он может оказаться готовым к атаке и отразит ее, или чего хуже — произведет выстрел и попадет. Насколько я заметил, Камыш еще ни разу не промахнулся, потому рассчитывать на уворот и парирование не стоит. Что же делать? А что если...

— Он уже не дышит, Кишин, — вдруг заговорил Камыш. — Засранец отдал свою жизнь ни за что, а ты продолжаешь стоять на месте, как вкопанный.

— И? — невозмутимо ответил Илия.

— Что и? Если я прямо сейчас засажу тебе пулю в голову, ты даже с места не сдвинешься? — сказав это, Камиль направил на Илию ствол.

— Сейчас! — подумал я, тотчас соскочив с места.

Не скажу, что было легко подняться на ноги: острая боль от недолеченных органов, несобранность от послекусия героина. Все это давило на меня, но было не в силах остановить, ведь я уже твердо решил убить гнусного гвардейца, и ничто отныне меня не остановит — никаких ошибок, никакой пощады.

Бросившись навстречу Камышу, я сделал замах катаной, наплевав на боль от дыры в кисти. Не успев настигнуть врага, я уже допустил ошибку, но сделал я это нарочно, не помешав себе застать его врасплох. Даже не успев обернуться, Камиль уже попытался заблокировать удар, и почти смог, однако лезвие все же настигло его, перерубив мышцы правого плеча до костей и соскользнув вниз.

— Тварь! — все, что успел в тот момент выкрикнуть Камыш, прежде чем отпрыгнуть в сторону.

Он планировал набрать расстояние и снова заработать преимущество, но я не мог ему этого позволить, потому следовал за каждым шагом, продолжая производить атаки. Лезвие «Нами» летало из стороны в сторону, Камыш безуспешно старался уйти или заблокировать удары, но они то ли дело настигали его, нанося небольшие, но множественные увечья, пока в один момент я не решил, что пора с ним кончать.

— Куда? — воскликнул я во время очередного его уворота, поймав танцора за ногу «крюком».

Очевидно, он тотчас упал на живот, а я сразу же бросился с мечом на него сверху, но промахнулся, дав возможность Камышу перевернуться и совершить выстрел левой рукой, который пришелся мне в нижнюю часть живота. Как и предполагалось, ударная сила дробовика отбросила меня назад, а Шевцов в это время воспользовался неразберихой и

набрал приличное расстояние между нами, встав в непосредственной близости к алтарю.

Пусть мне и было очень больно, тело само поднялось на ноги, а благодаря усиленной концентрации раны залечивались куда быстрее обычного, потому я без особого труда залечил не только старые, но и новые увечья.

— Я не сомневался в тебе, Ашидо, — улыбнулся Илия.

— А я верил в тебя, Илия, — столь же широко улыбнулся я, вполоборота взглянув на него. — Спасибо, что не бросил меня и не предал своего обещания.

— Будешь должен.

Да, именно благодаря Илии я нашел в себе силы бороться. Дело за малым.

— Сучий ты выродок, Такаги, — залепетал Камыш, крича с расстояния около пятнадцати метров. — Я-то думал, что ты уже скопытился, а вся эта показуха была только ради того, чтобы напасть исподтишка.

— Только не говори мне, что я застал тебя врасплох, — ухмыльнулся я.

— Должен признаться, ты первый, кто смог так быстро оправиться от героина — обычно мои жертвы умирали до наступления такой возможности.

— Я — не они, и не умру до тех пор, пока не достигну своей мечты. Я хочу жить и не могу вот так просто умереть. С этого момента ошибок больше не будет — следующий мой удар станет последним для тебя, Камыш.

— Тоже самое могу сказать и тебе, Такаги — следующее мое попадание будет в голову. Да начнется же похоронный вальс!

— Давай потанцуем!

Прокричав это, я бросился на сближение с врагом, но на этот раз наперед знал все его шаги. Камиль носил в кобурах два дробовика: правый был заряжен слагами, левый дробью. Я сделал вывод об этом, когда заметил, что вдаль он стрелял из правой руки, а вблизи использовал левую, однако то ли дело перебрасывал их из рук в руки в зависимости от ситуации, однако сути это не меняет — он правша. В момент моего нападения с высоты он выстрелил дробью из правой руки, поскольку не собирался промахиваться, а последний выстрел совершил дробью из левой, поскольку я был достаточно близко и не было ни смысла, ни времени менять их местами. Отсюда следует вывод, что Камиль рассчитывает преимущественно на правую руку в критических ситуациях — как сейчас. Он попытается убить меня, выстрелив именно из правой руки.

С этой мыслью я продолжил свое наступление, и в этот момент начали раздаваться выстрелы — Камыш стрелял слагами из левой руки. Первая пуля пролетела мимо, а вторую я успешно отразил — моя защита против одиночных целей совершенна. Третий выстрел также был успешно парирован, как четвертый и пятый, а следом за ними уже не оставалось времени на последующие — мы сблизились на расстояние двух метров.

Адреналин сделал свое, и Камыш, даже будучи серьезно раненым в плечо, собрал все силы в одном месте, смог нацелиться правой рукой мне на голову. С самого начала в его планы входило подпустить меня поближе, чтобы сделать один единственный выстрел из ведущей руки, в котором он мог быть полностью уверен, который точно настиг бы меня, а все остальные выстрелы из левой руки были лишь для отвлечения внимания. Сейчас все время вокруг словно замерло, две фигуры застыли в положении, ожидающем смертельного удара.

С одной стороны, дуло дробовика практически утыкалось мне в голову — с такого расстояния дробь могла бы гарантировано разорвать мозг в клочья и оставить тело без

возможности залечиться. Простыми словами, через мгновение я могу полностью умереть, что касается и Камыша. Он замер в одной позе, не желая сдвинуться ни на миллиметр, ведь этот человек настолько уверен в своих силах и способностях, что не имеет ни намека на заднюю мысль — он не собирался отступать с самого начала. С другой же стороны находится лезвие моей катаны — «Нами» в положении колющего удара меньше чем через секунду вонзится Камышу куда-то в область лица. Я выбрал именно колющий удар потому, что он намного быстрее настигнет цель, и у него не будет возможности отразить его.

Именно в этот миг решались наши судьбы, и только лишь с осознанием того, что все уже случилось, судьба избрала победителя. Прозвучал выстрел, за которым последовало нелепое предсмертное кричание проигравшего. Что же произошло? Кто победил? Я скажу вам — тот, кто заранее знал, как будет действовать противник.

Лезвие «Нами» столкнулось с челюстью гвардейца, выбило несколько зубов, а затем вошло глубоко в полость рта, показавшись снаружи уже на тыльной стороне шеи, вонзившись внутрь по самую гарду. А какой же вред причинил выстрел? Не знаю — он прошел мимо. Это произошло только потому, что я прекрасно знал, что планирует Камыш. С самого начала он отвлекал меня слагowymi выстрелами издали, используя левую руку, чтобы подпустить на фатально близкое расстояние. Он хотел закончить все выстрелом в голову, используя ту руку, в которой был уверен на 100 % — и у него почти получилось.

Камыш попал в мою ловушку — я заставил думать его, что все идет по плану, но в последний момент чутье гвардейца его подвело, выстрел не настиг жертву, а пролетел мимо, будучи парированным таким банальным явлением, как простая «бестелесность»...

— Это конец, Камыш, — соскалив зубы, проговорил я, глядя на то, как жалко он сейчас выглядит с мечом во рту, сидя на коленях в ногах у Христа. — Смотри на Кишина.

Сказав это, я схватил Шевцова за голову и силой принудил его взглянуть на Илию, лишь бы тот успел использовать на нем «шиирацу» до момента, когда Камиль умрет.

— Смотри в глаза, — приговаривал я, стараясь держать под контролем нахлынувшие садистские мысли.

По прошествии нескольких секунд я снова повернул Камыша к себе, желая высказать ему кое-что перед смертью.

— Прими этот жест в знак искупления, Камиль. Мой клинок создан с целью принести в Гармонию мир, с целью пролить кровь моих врагов и заставить их заплатить за все, что они совершили при жизни. Ты убил не только мою любимую подругу, но и множество других невинных людей, включая священника. Ты разрушил множество судеб, лишил многих граждан будущего и все это время оставался безнаказанным. Не испытывал угрызений совести, ни секунды не сомневался в своих убеждениях, продолжая бесчинствовать, но, как и бывает всегда, кара настигла тебя.

Даже сейчас я не видел в его глазах раскаяния — он лишь глухо посмеивался в мою сторону, не в силах показать смешок снаружи из-за лезвия в глотке.

— Я, Ашидо Такаги, приговариваю тебя к смерти, — рука крепко обхватила рукоять, тело приняло стойку, — ТАК СГИНЬ ЖЕ!

Лезвие дернулось, его острые грани мигом рассекли мягкую плоть и хрупкие кости — верхняя часть головы оторвалась от тела и рухнула на пол, а следом за ней и само тело оказалось прижатым к земле. Я же не испытывал сожаления, глядя на дергающийся в конвульсиях торчащий из дыры в шее язык, не дрожал и не колебался, напротив, с самого момента, как нога перешагнула порог, я был нацелен только на одно — убить, каким бы

жестоким образом не пришлось это делать. Лишь с холодом в сердце и безграничной ненавистью к врагу я мог сражаться, не озираясь на мелочи, не думая о прошлом, настоящем и будущем — я собирался убить, и ничего не должно было мне помешать.

Взглянув в отражение окровавленного меча, я мельком заметил по ту сторону красноглазого монстра, но эта картина быстро сползла, напомнив мне, что эта часть моей жизни осталась где-то в прошлом, а сейчас на месте Тайкона стоит устоявшийся образ голубоглазого Ашидо.

Такими маленькими шагами мы выкосим весь дворец, в конечном итоге добравшись и до самого короля, а там — будь, что будет.

— Идем домой, Илия, — с натянутой улыбкой на лице, произнес я, взглянув на Кишина, однако картина перед глазами оказалась нелицеприятной.

Он по-прежнему стоял на том же месте, но в отличие от прошлого образа, тот заметно побледнел и замер в одном положении. Его лицо выдавало то ли ужас, то ли ошеломление, однако ни то, ни то не предвещало ничего хорошего.

— Что такое? — опешил я. — Что ты увидел?

Услышав меня, Илия пришел в себя и довольно неожиданно бросился прочь, да так быстро, что я даже понять не успел, что он убегает.

— Стой! Куда же ты? — прокричал я вслед, но эти слова так и не достигли его.

Не знаю, что бы это могло значить, но, чтобы Илия вот так бесчувственно и молчаливо сбежал, не подав и намека на то, что видел и что осознал — не к добру это. Впрочем, у меня все равно нет сил его догнать — сам решит, что ему делать, не маленький ведь уже, а для того, чтобы объясниться, время всегда найдется.

Люди говорят, что месть — это блюдо, которое подается холодным, но также поговаривают, что месть не приносит упокоения. Не знаю, как там у других, а я, свершив ее и взяв на душу очередной грех, впервые за долгое время почувствовал себя так хорошо, как давно не чувствовал. Пусть тебя это и не вернет, Лаффи, я сделал то, что должен был, потому теперь ты можешь быть спокойна — твоя душа свободна.

Я сделал это для тебя, Лаффи, я убил его ради мести, принеся упокоение многим душам, которых он погубил.

Одно лишь беспокоит — неужели и мне придется однажды за все ответить?

Глава 59: Пора выбирать, на чьей ты стороне

Легкий ветерок, ночное небо над головой, закрытое плотными тучами, скрывающими за собой множество звезд, раскиданных в неведомых космических далях. Тяжелый груз на душе и утомляющие своей глубиной мысли обо всем человеческом, что окружает меня. Глаза слипаются в ощущении извечного утомления, дыхание сбивается от постоянного внутреннего конфликта, а руки то ли дело сжимаются в кулаки по некой дурной привычке, так надоедливо въевшейся в голову.

Вчера Ашидо многое доказал своей решимостью, показал в деле свое мастерство владения освоенными навыками — проще говоря, выложился на полную и предстал передо мной в лучшем виде, чего не скажешь обо мне. Что это вообще было? В тот момент я, должно быть, выглядел крайне глупо, или чего хуже, смахивал на сумасшедшего, хотя, впрочем, это происходит не впервые.

— Надо бы извиниться и все объяснить, — подумал я в этот момент, а затем решительно взялся за рацию. — Ашидо, это Илия, свяжись со мной, когда будет возможность — нужно поговорить.

Мгновенного ответа не последовало, как и ожидалось, последним в рации прозвучал ее нелепый треск, пропавший сразу же, как я договорил. Не удивлюсь, если Ашидо не захочет со мной разговаривать, однако объясниться рано или поздно все же придется, только бы ожидание это не длилось слишком долго — не хочу себя накручивать в такой ответственный период, особенно зная, чем это может обернуться.

— Илия! — внезапно раздался заветный возглас Такаги по ту сторону линии связи. — Как я рад тебя слышать!

— Ох, Ашидо, — мгновенно отреагировал я, — прости, вчера я...

— Не стоит, — тотчас оборвал он. — Глядя на тебя в тот момент, я подумал, что преследовать будет глупо, да и сил на то не оставалось. Просто скажи, с тобой все в порядке?

— Да, все нормально, — обнадежил я, хотя и приврать немного пришлось.

— Хорошо, расскажешь обо всем дома, возвращайся поскорее.

— Не могу, — отстранился я, — не сейчас.

— В чем дело, Илия? — опешил Ашидо. — Ты ведешь себя слишком странно.

— Не пойми неправильно, Ашидо — я в глубоких сомнениях, — пояснил я, дав небольшое вступление к своей мысли, пусть все еще не успел подобрать слова. — Не хочу пугать тебя преждевременными выводами, но, боюсь, Шевцов был лишь пешкой в одной большой игре.

— О чем ты? Что было у него в голове? — еще больше заинтересовался Ашидо, что выдавал его тон.

— Руками Камиля Эдвард кое-что спрятал от Бартона, и тем самым сильно помог ордену и Гармонии в целом, однако я опасуюсь, что видел не все, что должен был — он и от меня укрыл правду. Я был в музее, Ашидо, забрал то, что этому зданию не принадлежит. Что-то здесь не так... странное чувство...

— Илия, я плохо тебя слышу, повтори, что ты только что...

— Ашидо? — чуть громче, чем обычно, сказал я, поняв, что связь только что оборвалась в сопровождении сильных помех, разделив меня с орденом.

Как много Ашидо успел услышать? Почему связь пропала именно сейчас? Это какие-то случайные помехи или же попытка намеренно разорвать все контакты между членами ордена? В любом случае, приходится оставаться настороже даже в полном одиночестве и думать обо всем, что происходит вокруг. Я должен вернуться в «Спектр», должен обсудить с остальными все то, из-за чего так кипит голова. Не успела мысль дойти до реализации, в тишине, изредка прерываемой потоками ветра, послышалось гудение рации.

— Кишин! — голосил знакомый человек, лишь бы привлечь побольше внимания. — Срочно ответь, дело крайней важности!

— Ты, — прорычал я в ответ, сняв с пояса примитивную двухканальную рацию, которая была только у человека по ту сторону линии, а также у нас с Ашидо, — у меня к тебе есть пара вопросов.

— Отлично! — отреагировал Эдвард. — Вопросы потом, а сейчас ты должен выслушать то, о чем я тебе скажу, — сразу после этого Айс продолжил говорить, не дав вставить и слова, будучи крайне взволнованным. — Гвардия направляется в Дипломатический район, большая часть силовой структуры дворца покидает Парадный район! Это ваш шанс, Кишин, у «Спектра» есть реальная возможность занять цитадель!

— Притормози! — оборвал я. — С какой стати ты решил, что я в это поверю? Я был в голове у Шевцова и видел, как ты лично приказал ему спрятать его! Какого черта происходит, Эдвард?

— Не время для раздора, Илия! — озлобленно вскрикнул Айс. — Я был вынужден пойти на это, чтобы он ему не достался! Поверь, мы на одной стороне и действуем в общих интересах! Где ты сейчас?

— Могу сказать только, что высоко. Зачем тебе знать это? — вновь отстранился я.

Конкретно в этот момент я располагался на склоне крыши Академической башни, с которой вполне можно было наблюдать за происходящим внутри Парадного района. Было бы глупо с моей стороны так просто выдать свое местоположение, потому объяснение «высоко» неплохо вписалось в ситуацию своей расплывчатостью.

— Тогда, можешь и сам взглянуть, — пояснил Эдвард. — Со стороны западных ворот прямо сейчас движется огромное гвардейское войско. Видишь?

Последовав совету, я устремил взор на те самые западные врата, застав ошеломляющую картину. Эдвард не соврал — тысячи гвардейцев разного служебного положения колонной двигались в сторону Дипломатического района. Их темную форму с желтыми полосами можно было увидеть с любой высокой точки города, лишь слегка приглядевшись, и мало кто мог остаться в неведении о происходящем.

— Что происходит? — тотчас прокричал в рацию я. — Какого хрена творится, Айс?

— Теперь ты готов слушать, а? — с долей издевки, саркастически фыркнул Эдвард. — Я соврал королю о том, что знаю, где находится «Спектр», вынудил его поверить в то, что мы можем сломить вас одним рейдом, если бросим на эту операцию большую часть своих сил! Я рискнул всем, что у меня есть, повел за собой гвардию, лишь бы у вас была возможность свершить революцию и свергнуть Котая! Сейчас или никогда, Илия!

— Черт бы тебя побрал, Эдвард! — от резко нахлынувших эмоций, прокричал я в ошеломлении. — Как долго ты сможешь удерживать их?

— Не более часа, — однозначно ответил он.

— Мне хватит этого времени, но потом понадобится помощь «Спектра», — проговорил я, будучи готовым начать действовать в любой момент. — Мы отрезаны, связи нет, и я не

знаю, как подать знак остальным. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Я свяжусь с Ашидо, не думай об этом! — обнадежил Эдвард. — Направляйся во дворец и задай трепку Котаю!

— Почему ты можешь связаться с Ашидо, а я не могу?

— Они запустили глушилку, но частоты гвардейских линий связи не глушатся! — объяснил Айс. — Нам повезло, что эти рации оказались у вас двоих. Времени мало, Кишин скажи мне, что я должен передать Ашидо!

— Передай ему, чтобы он собрал всех, кто может драться, а затем незамедлительно повел их за собой во дворец. Они должны занять все стратегически важные точки, пока я решаю вопрос с королем в тронном зале. От их вклада зависит судьба всей Гармонии!

— Передам все слово в слово! — подтвердил Эдвард. — А теперь, давай, доберись до дворца как можно скорее, я не смогу долго скрывать от них правду! Вперед, Кишин, я верю в вас! Честь и слава, Гармония!

— До связи, генерал, — произнес я, после чего рация затихла.

Время не ждет, у нас появился шанс расставить все точки и навсегда решить проблемы Гармонии... нет... у меня появился шанс сплести семейные узы обратно. Права на ошибку нет, Эдвард слишком многим рискует, да и Ашидо не простит меня, если мы упустим такую возможность. Я сыграю свою роль и сделаю все, что в моих силах, взяв на себя человека, равному по силе которому больше не существует — кроме собственного брата.

Дождись меня, Бартон, пришло время серьезно поговорить о твоём будущем.

***

Уже в скором времени барьер Парадного района был преодолен, впереди оставались какие-то считанные сотни метров до цели, и сердце с каждой секундой колотилось все сильнее — давно не чувствовал ничего подобного. Стуки ботинок о плитку глухо разносились по пустующим проходным на территории дворца, ветер колыхался от ловких и целеустремленных движений, пока я наконец не достиг высокой отвесной стены цитадели. Идти напролом через главный вход казалось опрометчивой затеей, поскольку дворец пустовал не настолько, чтобы никого не оказалось снаружи и внутри, а ведь эти люди могли стать серьезной преградой на пути к Бартону — время играло не на нас.

Заприметив с улицы приоткрытое широкое окно на втором этаже, я собрался с силами и молниеносно запрыгнул внутрь, оказавшись в помещении, похожем на дворцовую кухню. Сегодня она пустовала, продукты даже не вытаскивались с полок холодильников, новые поставки не разгружались и даже никакого сторожила внутри не оказалось. Недолго думая, я аккуратно прокрался вдоль комнаты до двери, выходящей в коридор, а затем быстрыми, но уверенными шагами пустился вверх по лестнице. Очевидно, план дворца хорошо укладывался в голове и всплывал при каждом скользком упоминании о мысли, в каком направлении двигаться.

Все шло на удивление хорошо и время расходовалось рационально, пока я случайно не столкнулся с двумя людьми в гвардейской форме на переходе с лестницы в коридор этажа, на котором находился тронный зал. Мое появление, стало быть, удивило гвардейцев, поскольку те не ожидали вторженцев.

— Нельзя, — подумал я, едва мысль о «Парадоксе» всплыла в голове, — это для него.

Хотелось было расправиться с невольными свидетелями, однако те, даже будучи напуганными, не подавали никаких признаков намерения сопротивляться, напротив, они даже как-то холодно отреагировали на внезапного гостя.

— Вас ожидают, — хрипло проговорил гвардеец из-под маски, указав в направлении тронного зала.

Удивлению моему не было предела, ведь Бартон не мог знать о том, что я приду к нему лично и совсем один — что-то здесь определенно не так. Неужели ловушка? Пусть доверять гвардейцам совсем не хотелось, я опустил меч, которым еще мгновение назад мог срубить голову любому из этих двоих, а затем спокойным и размеренным на вид шагом устремился в указанном направлении, не ослабляя бдительности по отношению к сзади стоящим, однако, вопреки собственной паранойе, я оказался нетронутым до самых дверей в тронный зал.

Смирившись с мыслью о том, что гвардейцы были лишь проводниками, я выкинул меч куда-то в сторону, и он как обычно растворился в воздухе. Следом за этим, руки с долей страха от непредвиденности будущего легли на высокие тяжелые двери с зияющей в центре дырой от недавнего применения грубой силы, а затем преграда поддалась и отворилась, раскрыв вид на красоты королевского дворца.

Красный ковер сопровождал до самого трона, изысканные фонтаны просыхали без дела по обе стороны от центра, кругом было светло от ярко блестящих люстр под потолком. Первым делом в глаза бросилась робко стоящая на возвышении принцесса, руки которой то ли дело сжимались в кулаки и столь же быстро переходили в ладони. Стоя по левую сторону от меня, она пристальным взглядом сопровождала каждое движение, не говоря ни слова, но нагнетая всю ситуацию так, что дыхание невольно спирало. Чуть дальше по правой стороне располагался тот, за кем я пришел — Бартон стоял близ ковра сразу за лестницей на полтора-два метра вверх, пристально разглядывая что-то вдали, пока наконец не заговорил.

— Я ждал тебя, Илия, — отчетливо произнес он, повернувшись в мою сторону.

Сомнений отныне быть не могло, ведь он с самого начала рассчитывал встретиться лично, во что бы то ни стало увидеть меня и разрешить все недопонимания, наверное.

— Бартон, — исподлобья проговорил я.

— Не думаю, что ты пришел на экскурсию, — ловко подметил он. — Должно быть, ради меня постарался. Ты так одержим мной, Кишин?

— Ты знаешь, зачем я здесь, брат.

— Брат? — очень тихо и робко промычала Аой, обратив внимание сначала на меня, а затем на отца, стараясь визуальнo сравнить нас между собой.

В ответ на мои слова Бартон лишь отвернулся и медленно зашагал в сторону огромного округлого окна, встав к нему практически вплотную, принявшись вглядываться куда-то вдаль. Следом за ним последовала и Аой, однако та отошла не так далеко от прежнего места, не забыв подозвать меня головой, чтобы подошел поближе. Собравшись с мыслями, будучи в неловком непонимании, я столь же медленно, подобно этим двоим, поднялся по ступеням наверх, остановившись сразу же после них.

— Как ты думаешь, Кишин, что находится за стеклом? — заговорил Бартон, ни на секунду не отрывая взгляда от окна. — Что лежит по ту сторону этой комнаты?

— Гармония, — спокойно проговорил я, не понимая, как грамотнее вести диалог, когда брат так нагло старается трактовать собственный монолог.

— И не только, Илия, — усмехнулся он, — целый мир лежит за стенами дворца. Безграничный и безумно красивый, жестокий и беспощадный мир, принадлежащий мне одному.

— Не много ты на себя берешь, Бартон? — возмутился я.

— Ни много, ни мало — то, что по праву заслуживаю. Тебе ли судить меня, самозванец?

— Ты совсем не похож на себя прежнего, брат, — с долей разочарования проговорил я.

— Как и ты не похож на моего брата, — грозно прорычал Бартон, после чего наконец развернулся и столь же медленно пошел мне навстречу. — Твои глаза, бесспорно, подделкой быть не могут, самое настоящее Вездесущее Око, дарованное Бездной, но это тело, лицо, повадки, дешевая гордость — какой из тебя пародист, если не получается обмануть меня? Думаешь, я ждал тебя ради того, чтобы ты добился своих целей, какими бы гнусными они не были, сыграв на моих чувствах?

— Я не лгу тебе, Бартон, — опроверг я, пусть и не очень убедительно, но воистину искренне. — Я пришел спасти тебя, брат.

— Спасти? — вновь усмехнулся он, остановившись на месте напротив. — От чего? В этом мире мне ничего не угрожает, ведь он целиком и полностью подчиняется моей воле. Бездна даровала мне силу, которая и не снилась никому более на всем белом свете, однако, каково же было мое удивление, когда я встретил тебя. Не могут по одной земле ходить два повелителя времени, особенно если один из них пытается подкопаться поближе такими грязными методами.

— Тебе ли говорить о грязи? — внезапно закричал я. — Взгляни вокруг, Бартон! Гармония стала одним тонущим кораблем за период твоего правления! Черт бы с ней, этой Гармонией, меня волнует твое будущее, брат. Коли народ не колышет, прислушайся хотя бы к родной крови! Демон захватил твое сердце, как однажды захватил мое, ты полностью утратил здравый смысл и самовольно смываешь краски того мира, в котором живешь! Зачем тебе все это кровопролитие? Ты ведь никогда не был столь кровожадным... Очнись, брат!

— Хватит твердить одно и то же! — подхватил Бартон. — Ты мне не брат!

— Не говори таких вещей, Бартон, — с резко уколотившей в сердце болью, промолвил я. — В этом мире я — твой единственный верный союзник. Я не брошу тебя и не отдам во власть демонов, даже если будешь упираться. Остальным же чужды твои чувства, никто не беспокоится о судьбе, которая тебе уготована. Я хочу помочь, Барти, так почему же ты меня отвергаешь?

— Барти? — внезапно прорычал брат, исполняясь первобытной яростью. — Не смей меня так называть! Хватит этой фальши! Ты нереален, Илия, твои слова не извратят моих убеждений, сколько бы ты не старался!

— Почему ты думаешь, что я лгу?! — снова закричал я. — Какого черта тебе еще надо, чтобы поверить в мою искренность?! Вспомни детство, вспомни все, что было между нами!

— Ничего мне от тебя не нужно, лжец! — поравнялся по тону Бартон. — Нашего общего прошлого не существует, ты давно мертв и затерялся в песках времени. Каждая мельчайшая деталь твоей персоны лишь имитирует моего брата! Даже этот чертов меч пытается меня обмануть — он настолько же реален, как мои клинки, которые я просто скопировал!

— Это реальный «Костолом», брат, — пояснил я, не надеясь, что это его убедит. — Я забрал его с собственного трупа!

— Мне осточертела твоя ложь! — еще громче закричал Бартон. — В этом мире нету места нашему прошлому, здесь нет орудий из костей драконов, здесь нет ни драконов, ни родственной крови. Этот мир подчиняется тем же законам, но он совершенно другой: люди здесь другие, время другое, устои совершенно отличаются от наших! Кругом лишь бесчестные и корыстные звери, жалкие и жадные, мягкотелые и пустоголовые! В этом мире нас никогда не существовало, Мелении никогда не было на карте мира!

— Она была, Бартон! — возмутился я, услышав достаточно гадостей. — Как ты можешь

вот так просто отбрасывать воспоминания и отказываться от прошлого? Бездна извратила тебя, брат!

— Как ты не поймешь, Илия! — соскалив зубы, прошипел он. — Я был там! Своими собственными ногами ходил по земле, где должен был быть наш дом! Ни Мелении, ни Тулии! Сенсуса не было на том месте, где сейчас лежат руины Эбельтофта! Ни в одной книге мира не упоминается о существовании нашего королевства, словно его никогда и не было, будто вся моя жизнь оказалась дурным сном, а я сумасшедшим!

— Меления существует! — возразил я. — Мы живем в том же мире, Бартон, ходим по той же земле и подчиняемся тем же законам, но в другом времени и с другими людьми. Я могу все доказать, если ты хотя бы попробуешь выслушать!

— Довольно этой ереси! — оборвал Бартон. — Я надеялся разобраться в твоих мотивах и решить вопрос мирно, но ты просто не оставляешь мне выбора, копируя брата и выдавая себя за него настоящего! — сказав это, он демонстративно развернулся и сблизился с тронном, аккуратно усевшись в него в надменной позе, уперев кулак в щеку, а затем холодно произнес. — Аой, убей его.

— Что? — сию секунду опешила девушка.

Не знаю, что и думать в такие моменты, ведь только Бартон всегда мог противиться моему красноречию. Он всегда слушал меня и внимательно относился к нашим узам, однако, если дело доходило до его собственных твердых убеждений, брат никогда никому не верил и полагался только на себя, и в эти моменты он из раза в раз оставался невыносимым до тех пор, пока мне не удавалось его наконец убедить, порой прибегая к силе. Похоже, это снова повторяется, и механизм воздействия за все эти годы не изменился, пусть даже если Бартон изо всех сил пытается забыть себя прошлого.

— Так, значит? — нахмурился я, сжав руки в кулаки. — Придется выбить из тебя все дерьмо.

— Аой, — чуть громче повторил Бартон.

— Отец, — крайне испуганно воскликнула девушка, — я... я...

— Это просто самозванец, Аой, — грозно прошипел брат. — Просто сделай это ради меня, решишь самостоятельно хоть раз в жизни.

По лицу принцессы было хорошо видно, как сильно она метается между «за» и «против», какой массивный внутренний конфликт преодолевает, чтобы просто подчиниться воле отца и исполнить его лицемерный приказ. Много лет она провела взаперти с человеком, полностью потерявшим всякие прошлые убеждения, старающимся действовать во имя себя одного, пренебрегая не только народом, но и чувствами собственной дочери. Семейные узы стали для Бартона обузой, и он решил от них отказаться, стал тем, кто воспринимает дочь как инструмент, а не живую частичку себя и продолжением нашего общего рода.

Ты ведь и моя семья, Аой Кишин, и, даже не зная тебя, я уже испытываю нечто теплое, чувствую себя обязанным защитить столь измученное дитя от ужасов этого мира. Ты ничего из этого не заслужила, не сделала ничего такого, за что можно было бы так корить себя при первом же подвернувшемся случае. Если уж твоего отца без рукоприкладства не убедить, то хотя бы тебе еще не поздно вправить мозги.

— Аой, — спокойно окликнул я девушку, на что она сразу же обратила внимание, — подумай хорошенько и реши для себя, что тебе дорого и чего сердце желает больше всего. Вечно бегать от себя все равно, что пытаться выловить из пруда камень — пока не решишься

замарать руки, ты его не достанешь.

— Что вы такое говорите? — дрожащим голосом, промямлила Аой.

— Сделай правильный выбор, солнце, и я поддержу тебя вне зависимости от того, каким он окажется, — слегка ухмыльнулся я, пусть и натянуто, а затем вынул из ниоткуда свой «Костолом». — Пора выбирать, на чьей ты стороне.

— Убей его, Аой! — заголосил Бартон, соскочив с трона. — Ну же, давай!

По щекам девушки покатались слезы, дрожащие губы издали едва слышный измученный выдох, ее подкашивающиеся ноги в миг окрепли и приняли грациозную твердую стойку, руки сдвинулись с мертвой точки и стали подниматься ввысь. В этот момент она принимала самое важное решение в своей жизни, старалась изо всех сил не сломаться под давлением пристальных взглядов, пока наконец не решилась.

— Я... сделаю это, — глухо приговаривала Аой, и голос ее казался совсем неестественным: озлобленным, даже гневным, словно из груди в миг вырвалось все, что так давно копилось внутри. — Я сделаю это!

Ее зубы стучали друг о друга, брови сомкнулись в одном гневном облике, лицо исказилось, а слезы с каждой секундой лились все сильнее, но я прекрасно понимал, что эти чувства несут за собой долгожданное облегчение. Фигура девушки засияла двумя цветами: синим и розовым. Ее ладони мертвой схваткой вцепились в принятое решение и девушка наконец сдвинулась с места.

— ДАВАЙ! — расплывшись в улыбке, прокричал Бартон.

— А-А-А-А!!! — истошно закричала Аой, сделав резкое движение руками.

Какое-то мгновение и в тронном зале послышался громкий треск стекла, звуки крошащегося бетона разлетелись по всей комнате, а следом за ними всюду пронесся поток озверевшего воздуха. Казалось, что время вокруг замедлилось, словно для того, чтобы можно было во всей красе разглядеть происходящее до мельчайших подробностей. Грациозное и решительное движение девушки сопровождало ее мертвую хватку, чудовищная сила гравитации в миг переломила всю ситуацию, и лишь я один видел то, как она в этот момент была счастлива.

Трон в миг перевернулся, опрокинувшись на спинку, а тело Бартона в момент отправилось в полет, с тяжестью врезавшись в огромную стеклянную преграду, так легко рухнувшую под весом человека. Он даже не успел ничего понять, когда дочь приняла решение оторваться от отца и наконец поступить так, как хотела она. Звук нахлынувшего ливня сразу же привел нас обоих в чувства, и в этот момент я вспомнил, ради чего сюда пришел. Это было очень завораживающе, поразительно блистательно и смело, не говоря уже о том, сколько силы было вложено в один единственный удар, однако этого было мало для того, чтобы убить Бартона — да и я не позволил бы. Нужно довести начатое до конца, особенно теперь, когда шансы равны — именно с этой мыслью я бросился к окну, желая настигнуть брата как можно скорее.

— Правильный выбор, Аой, — сказал я, мельком столкнувшись взглядами с девушкой.

Разминувшись с Аой, я тотчас подпрыгнул, едва сблизившись с дырой в стене, уперся ногами в остатки некогда неподвижной рамы наверху, отскочив по направлению вниз как можно сильнее. В момент тело устремилось навстречу земле, до которой нужно было лететь около сорока метров, капли дождя, словно снаряды, врезались в лицо, не успевая достигнуть низин. Выпрямившись как можно более обтекаемо, я набрал такую огромную скорость, что почти нагнал Бартона, вяло сближающегося с преградой.

В какой-то момент мы практически одновременно столкнулись с землей, преждевременно выпрямив свои тела так, чтобы минимизировать ущерб от падения. Пусть даже так, бетон под ногами под действием бешеной силы треснул, вокруг мгновенно поднялась пыль, и я, не дав ей возможности рассеяться, нанес удар первым, выскочив из облака. Меч тотчас настиг цель, по улице разлетелся глухой звук скреживания мечей, в миг с которым сразу последовал раскат грома и вдалеке блеснула молния.

Под ногами виднелись блики от глубоких луж в момент сильнейшего штормового ливня, вся Гармония была словно на ладони с того места, на котором мы стояли. Одна из главных округлых стен Парадного района, вплотную прилегающая к цитадели, удерживала на себе двух безумцев. Мне даже показалось, как задрожали перила, ограждающие границы стены, колебания которых вносили некую серьезность в это сражение. Здесь было достаточно места для того, чтобы свободно вести бой, ведь на то и создавались смотровые площадки, чтобы вмещать в себя как можно больше.

Медлить было нельзя, потому сразу после удара, я тотчас отскочил назад, приняв стойку с возвышенным над плечами мечом по левой стороне, будучи готовым ко всему, и Бартон поступил аналогично. Так мы разминулись на расстояние около десяти метров, застыв в пугающих и поистине завораживающих позах. В руках у брата виднелись парные клинки в обратном хвате, но то были не клинки-близнецы, а словно что-то такое, больше походящее на незаконченную материализацию оружия шепота. Они сияли ярким желтоватым цветом, искрились и заливались волнами энергии, словно сам свет подчиняется воле Бартона. Не знаю почему, но у меня на душе в этот момент было очень спокойно, словно бушующий океан застыл в неподвижном штиле.

— Как это понимать? — будучи переполненным злобой, прорычал Бартон.

— Даже Аой считает, что ты не прав, — спокойно ответил я.

— Этот день станет для тебя последним, самозванец, — угрожающе произнес брат.

— Докажи мне, что не растерял навыков, — без единой ухмылки сказал я.

— Илия! — прокричал он, бросившись на сближение.

Всплески воды захлестнули поле боя, ботинки расплескивали все вокруг при каждом шаге, и во время напора Бартона их было особенно много. Нацеленный на убийство, он сразу же совершил выпад навстречу, попробовав пробиться через защиту, но я ловко отразил удар, за которым последовало множество других. В отличие от меня брат полностью полагался не только на прежние навыки, но и на свою силу шепота, которую я всей душой презирал и применения которой старался избегать.

— Я знаю твой стиль, Бартон, — в процессе боя между пролетающими мимо ударами прокричал я. — Каждое твое движение, каждый взмах и каждое сокращение мышцы.

— Заткнись! — тотчас оборвал он, мгновенно вывернувшись в необычную для меня позицию.

В момент, когда я замахнулся, Бартон пригнулся и нырнул под правую руку, сумев нанести удар в область печени, но это движение дало серьезную осечку, из-за которой тот открылся, однако тот быстро осознал неправильность своих действий и отступил.

— Значит, это кольцо у тебя на руке не для показухи, — произнес Бартон, отскочив в сторону и замерев на месте.

— Ты сделал его хорошим, брат, — ухмыльнулся я. — Настолько, что сам пробить не можешь!

— Не смей надо мной насмеяться! — вновь закричал он, бросившись в бой.

Это кольцо на моей правой руке, плотно сидящее на среднем пальце — подарок Бартона, доказывающий, что наше прошлое имеет место быть. Руническая защита — так он окрестил эффект от кольца, которое могло защитить своего владельца от трех смертельных ударов. Пусть защита и была крайне эффективной, мы оба знали, как ее обойти, потому находились в равных условиях, хотя я бы сказал, что клинками орудовать проще, чем двуручным мечом, даже если он легок. Исход боя уже давно был предрешен, это лишь дело времени — дожидаться, пока Бартон не сломается, пока наконец не признает, что перед ним стоит настоящий человек, а не самозванец, коим он меня окрестил.

Последовал очередной удар, который я умело парировал, нанеся ответный, так и не достигший цели, столкнувшийся с той же преградой. Тем временем Бартон продолжал натиск, и удары его настолько часто пробивались через мою защиту, что в один момент сила рун покинула меня. Поняв, что защита пала, Бартон незамедлительно подпрыгнул ввысь, сменив клинки на огромный молот прямо в полете, устремив всю разрушительную силу его удара на меня.

— Ранмацу! — прокричал я, выставив левую руку навстречу молоту.

Оружие в миг отскочило обратно, вся его мощь возвратилась атакующему, а я остался невредимым, выиграв достаточно времени для того, чтобы кольцо успело восстановить один из трех уровней защиты. Бартон же снова отскочил в сторону и замер, жадно рассматривая меня, словно выискивая то, за что можно зацепиться.

— Ты такой же, как и он, — спокойно проговорил Бартон. — Эгоцентричный, способный, внимательный и щадящий. Почему же ты сражаешься не в полную силу? Боишься навредить мне или просто не можешь скопировать техники Илии?

— Я уже говорил тебе, Бартон, — столь же спокойно проговорил я. — С самого начала в мои цели не входила твоя смерть. Я хочу, чтобы ты признал, что оступился, чтобы смирился с демоном внутри и позволил мне избавить тебя от него. Мы с тобой — единое целое, брат. Я хочу сплести наши узы обратно в тот узел, который когда-то разорвался.

— Оставь меня в покое! — истошно закричал Бартон. — Ты ни капли не понимаешь! Не знаешь меня и не можешь помыкать мной так, как тебе вздумается! Почему даже после смерти ты преследуешь меня?!

— Потому что я люблю тебя, брат, — пустив скупую мужскую слезу, проговорил я. — У меня больше никого нет, только тебе я мог бы вверить свою жизнь.

— Ты уже вверил однажды, и смотри, чем все обернулось! Мы хотели построить свой мир, но с грохотом пали ниц! Я ненавижу тебя за то, что ты со мной сотворил!

— Знаю, Бартон, — с долей раскаяния, пробормотал я. — Это моя вина, что Сенсус пал я оказался недостаточно сильным для того, чтобы всех защитить. Все время взваливал все на свои плечи и верил, что сам со всем справлюсь, но как же я тогда ошибался.

— Илия! — снова закричал брат. — Твоя вина не только в том, что ты пренебрегал нами! Своей фигурой ты всегда затмевал остальных, оставлял позади и обрекал на страдания! Знаешь, каково мне было?

— Теперь знаю, — подтвердил я. — Глядя на то, во что ты превратился, я по сей день скорблю по тем временам, когда у нас было все хорошо. Наше прошлое не будет забыто, и его ценные уроки не пройдут даром. Я раскаиваюсь, Бартон, несю на себе тяжкий груз вины и ни коим образом не горжусь тем Илией, которого ты запомнил.

— Хватит пудрить мне мозги! — уже с той же слезой прокричал Бартон. — Хватит притворяться Илией! Я больше этого не вынесу!

С этого момента все стало по-настоящему серьезным, ведь Бартон не только выхватил с пояса кожаную перчатку с голубоватой линзой, но и клинки-близнецы: удлиненные изогнутые кинжалы с отверстиями, подобными тем, что есть у кунаев, только в середине между лезвием и рукоятью — красная и зеленая линзы, Фуку и Цернунн. Он был на грани, и я прекрасно это чувствовал, этот человек не мог принять затаившиеся глубоко чувства, потому твердо решил разделаться со мной, как с призраком прошлого, от которого вскоре и следа не останется. Разумеется, я ответил на порыв тем же, потому сразу снарядил левую руку перчаткой, но с другой линзой — оранжевой, создающей огонь.

Столкновения взглядов хватило, чтобы бой снова завязался, но на этот раз Бартон дрался намного агрессивнее, однако на эмоциях читать его движения было легче, но проще драться от этого не становилось. Я должен был пристально следить за его правой рукой, чтобы не подставиться под смертельный удар, в то время как пренебрегал левой, открываясь для всех остальных не менее сильных и неожиданных атак.

Все время натиска Бартон из раза в раз менял тактики наступления: то уворачивался, то давил напором, то атаковал издали ледяной техникой линзы, то не давал отойти ни на шаг. Со временем я приспособился к каждому виду атак, потому ход битвы переломился на мою сторону, открыв возможность для ответного нападения, но сколько бы я не старался его настигнуть, щит восстанавливался быстрее, чем тот терял его заряды. Я старался атаковать мечом, использовать пламя из линзы в виде огненных шаров, но все в бестолку.

— Я всегда завидовал тебе, Илия! — в порыве гнева вырвалось у Бартона. — Ты всегда был впереди, а я тащился следом, будучи обузой для тебя. Каждый раз я убивался из-за собственной слабости, глядя на то, как ты растешь и продолжаешь от меня отрываться! Каково это, сражаться с тем, кого ты никогда не воспринимал всерьез, на равных?

— Бартон, я...

— Попался! — воскликнул он, сделав такое лицо, словно только что победил окончательно.

Выкрикнув это, Бартон зажал лезвие моего «Костолома» между своими клинками во время очередного скрещивания, а затем неожиданно выкинул их в воздух вместе с мечом, тем самым обезоружив нас обоих. Завязался кулачный бой, который был скорее оттягиванием момента возвращения оружия, ведь каждый удар, что настигал цель, не поражал ее, вне зависимости от силы и точек, в которые мы били друг друга — щит все еще восстанавливался быстрее, чем терял свои заряды.

В какой-то момент после множества быстрее ударов наши щиты взаимно разрядились, открыв нас обоих для ударов — тогда-то в воздухе блеснули падающие меч и клинки. Как и полагается сильным войнам, мы постарались помешать друг другу схватиться за них, продолжив наносить удары, однако даже в самом разгаре сражения все же успели одновременно схватиться за рукояти, и именно в этот момент решался исход боя: щиты пали, оба замахнулись для своего последнего удара.

У Бартона были клинки, потому ему было сложнее нанести критический и правильный удар — приходилось целиться в одну из самых уязвимых точек, и я не знал, в какую именно, потому пришлось предугадывать на ходу. Его замах был с левой руки и обратным хватом — довольно сложно и обречено на провал. Исходя из этого, я предположил, что Бартон ударит по бедренной артерии, но этот удар не будет основным, а скорее вступительным к добивающему. С моей стороны было бы правильнее отступить, но я, видя то, как сильно он открылся ради одного удара, решил закончить все на месте, целясь в левую ключицу. В этот

момент мной двигала мысль о том, что удар двуручным мечом в зону столь уязвимого сплетения полностью лишит Бартона возможности впредь пользоваться левой рукой и обезвредит окончательно, перекрыв дыхательные пути и заполнив их кровью из легкого — пора решить, кто выйдет из боя победителем.

Как и ожидалось, Бартон собирался ударить именно туда, куда я предположил, потому задней мысли не последовало и решающий момент настал. В тот миг, когда лезвие «Костолома» уже практически настигло цель, уже было поздно осознавать, какую критическую ошибку я только что допустил — правая рука Бартона вынырнула из-под королевского одеяния и оказалась прямо на траектории полета меча, в то время как я не был готов сменить угол атаки.

— Ранмацу! — очевидно, он собирался использовать его.

Последовал звук всколыхнувшегося ветра, «Костолом» тотчас отскочил в противоположную сторону от ключицы, однако отдача оказалась не такой большой из-за того, что я перед ударом слегка уменьшил его силу, но это не помешало ударной волне отбросить меня назад. Вовремя сориентировавшись, я собрал достаточно энергии в левой руке, чтобы нанести по Бартону сокрушительный удар огнем, столь же сильно отбросивший его в сторону от того, что пришелся тот в плечо, на которое он попытался перенаправить всю силу удара.

Так мы и разминулись, снова оказавшись на расстоянии друг от друга, выиграв момент на то, чтобы перевести дух. Судя по тому, что только что произошло, Бартон один получил урон, однако этого было недостаточно для того, чтобы сломить столь сильного противника. Пусть его одеяние на месте ожога выгорело дотла, пусть ожог на правом предплечье оказался серьезным и проникающим вглубь мышц, Бартона это нисколько не напрягло, потому он быстро восстановился под действием лечащего амулета и внутреннего энтропиума, смешавшихся вместе.

— Первый удар за мной, Бартон, — выдохнув, проговорил я.

— Последний будет за мной, — ухмыльнулся он. — Посмотри, в каком же плачевном положении ты оказался.

Последовав совету, я тотчас выделил внушительную часть своего внимания на то, чтобы осмотреться, пока в один момент не обомлел от внезапно нахлынувшего страха. Мое тело блесело в багровой палитре, свободная эссенция окутывала каждый миллиметр тела, стараясь из него сбежать, но въедающаяся сила той линзы, которая сотворила это, не могла ее отпустить.

— Н-нет, — едва слышно, переполняясь пробирающим до костей страхом, промямлил я.

В этот момент я прекрасно понимал, что вскоре произойдет. На фрагменте одного из переломных моментов нашей дуэли Бартон вовсе не собирался атаковать меня, напротив, он хотел, чтобы я отступил. Я совершил ошибку, попавшись на «Ранмацу», отчего был вынужден отскочить в сторону и попробовать задеть брата, пока шансы еще оставались. В этот момент он, воспользовавшись ограниченностью моего обзора, вложил всю веру в один удар и выпустил в мою сторону ударную волну из клинка Фуку, которую я не увидел из-за огня и выделяемых им газов. Заикленность на правой руке выбила меня из колеи и заставила подставиться, однако теперь я гадаю, почему он не сделал этого раньше, если Фуку игнорирует руническую защиту, как и первородный энтропиум.

Я прекрасно знал, что тот, кого задел клинок Фуку, скорее всего, не проживет и минуты. В этом и заключалась главная загвоздка клинков-близнецов — по отдельности они

ничего из себя не представляли, однако вместе в руках умелого война те могли поразить любого противника и сделать эту схватку для них фатальной. Неужели моя смерть последует за взмахом Цернунна?

Клинок Фуку был таким, что в центре располагалась красная линза — накопитель болезней и проклятий, впитывающий в себя все самое нечистивое из воздуха. Ее редко удавалось использовать, и практической эффективности линза не имела, но Бартон нашел способ сделать из нее оружие разрушения, добавив к ней клинок Цернунн... Эссенция роста и плодородия служила катализатором для проклятия, нависшего над жертвой, постепенно истощающего ее, потому две эссенции, столкнувшись в пределах одного тела в достаточном количестве, запускали цепную реакцию колоссальной разрушительной силы, разрывая жертву изнутри не просто на куски, а превращая ее в самую настоящую кашу, разлетающуюся во все стороны сразу. Другими словами, один клинок дает начало, а другой добивает.

— Прости, Илия, — без единой издевки и даже с некоторой долей уважения произнес Бартон. — Боюсь, ты более не можешь продолжать. Скажу честно, ты был достойным противником, и я очень рад, что мы сегодня сразились.

— И что теперь, Бартон? — склонив голову, спросил я.

— Закрой глаза и я подарю тебе быструю смерть, самозванец.

— Ты так и не поверил, — слегка усмехнулся я. — Что ж, похоже, я проиграл.

— Должен признаться, я почти поверил в то, что ты был настоящим. Будь у тебя чуть больше аргументов, я бы уже корил себя за все содеянное.

— В самом деле? — еле сдерживая себя, спросил я.

— Ты этого уже не узнаешь, — напоследок сказал Бартон, замахнувшись Цернунном. — Прощай, Илия.

Сидя на коленях и ожидая смерти, я наблюдал за высокой фигурой Бартона, которая собой закрывала рассветающий горизонт. Дождь постепенно утих и в некогда ночной глуши раздались утренние щебетания птиц. Это яркое свечение на фоне багрового неба должно было стать последним, что я увижу перед тем, как навеки погружусь в проклятие. Шанса уйти нет: «Шиирацу» не подействует на Бартона, «Ранмацу» не заблокирует волну Цернунна, использовать «Парадокс» не имеет никакого смысла против человека с теми же глазами, да и убежать не получится, ведь он догонит меня, не говоря уже о том, чтобы увернуться и отразить — это конец. С этими тревожными мыслями я сомкнул глаза и смирился, лишь тихо проговорив:

— Прости, Барти.

Послышался взмах, в воздухе проскользнули характерные для волны эссенции звуки, а следом за ними раздался громкий треск. Открыв глаза, я столкнулся с невероятной картиной: яркая зеленая волна эссенции разошлась по разные стороны от меня, столкнувшись с большим куском бетона, упавшим откуда-то сверху. Часть эссенции все же достигла тела, и цепная реакция в момент нанесла мне серьезные увечья, однако они и вровень не вставали с тем, что ожидало меня в ином случае. Стоило камню столкнуться с землей и разлететься на осколки, за ним показалась еще одна поразительная картина того, как Бартон отшатнулся от резкого и сильного удара, пришедшегося прямо в него подобной каменной конструкцией.

Взглянув наверх, я увидел нечто — картину, как синевласая девушка, чьи локоны развиваются на ветру, медленно спускается вниз, будучи обволакиваемой яркой розовой

энергией шепота, словно ангел, пришедший на помощь тому, кого оберегает. Это была Аой, и она только что спасла мне жизнь тем, что вмешалась, и решение это не было чем-то спонтанным — она твердо решила помочь. Я понял это как только взглянул в глаза принцессы, которые более не были разноцветными — на их место встали поистине прекрасные розовые зрачки, светящиеся даже на рассвете. Что ж, раз уж судьба оказалась ко мне благосклонна и подослала на помощь девочку, я не могу сегодня умереть — тем более от рук любимого брата.

— Вы в порядке? — спросила она, едва коснувшись ногами земли.

— АОЙ!!! — в ярости закричал Бартон. — ПАРАДОКС КИШИН!

Волна Вездесущего Ока тотчас настигла нас обоих, и лишь считанные мгновения оставались до того, как время остановится. Бартон собирался отрезать меня от Аой, а я не мог ему этого позволить.

— Парадокс Кишин! — прокричал я, сделав тоже самое.

Разница была лишь в том, что Бартон собирался удержать Аой в «Парадоксе», в то время как я позволил ей в нем передвигаться. Как и ожидалось, это сработало.

— Давай, Аой! — выкрикнул я, едва завидев, как она свободно двигается в пределах «Парадокса». — Сбей ему щит!

— Да! — согласилась Аой.

Недолго думая, девушка раскрошила тот камень, что рухнул на меня, а осколки его использовала как снаряды, которые огромным числом бросились навстречу Бартому, заставив того впитывать все, что в него летит, пока я отсчитывал момент, в который он окажется наиболее уязвимым. Стоило кольцу потерять половину своей силы, я бросился навстречу брату, готовясь нанести решающий удар. Как следует замахнувшись, я на ходу бросил в него «Костолом», целясь куда-нибудь в область торса, и Бартон ловко отбил летящий снаряд в сторону с характерным глухим отзвуком кости, однако тем самым он поступил ровно так, как я и хотел. Следом за этим левая нога уперлась в землю, я быстро развернул тело и что есть мочи ударил Бартона правой ногой в торс, который он прикрыл обеими руками. Из-за большой силы удара брат оказался откинут назад, проскользив на ногах несколько метров, успешно заблокировав очередной удар, но следующий он уже не мог ни отразить, ни предсказать.

Лезвие с бешеной силой вонзилось в грудь в районе верхних ребер, поразив левое легкое и выйдя острым концом наружу. В тишине, внезапно воцарившейся после удара, послышалось ослабевшее кряхтение почти что смертельно раненого Бартона, потому он, будучи не в силах продолжать, исполняясь слабости, рухнул на колени в достаточно глубокую лужу, растекшуюся по всей поверхности смотровой площадки. Недолго думая, я сблизился с ним на предельно близкое расстояние, схватив того левой рукой за плечо, а правой взявшись за рукоять меча, торчащего из груди.

— Хах, доволен собой? — хриплым голосом пробормотал Бартон, пиля меня взором своих черных очей.

— Ничего не говори, будет больше, — предостерег я.

— Какой прок от этой пустой заботы, если все равно убьешь, — тяжело вздохнул он. — Позволь спросить перед смертью... Аой, почему?

Его родная дочь в этот момент выглядела убитой, как и Бартон, который уже во всю готовил себя к тому, что придется умереть с тяжким грузом на душе. Пережившие предательство обычно быстро мирятся с произошедшим, но отпустить так и не решаются,

оканчивая жизнь на моменте, когда не стоило ее обрывать.

— Отец, — опустив голову от стыда и вины за предательство, промямлила Аой.

— Почему... Аой?

— Сделай для себя выводы сам, брат, — оборвал я. — Ты пренебрегал судьбами своего народа, не обойдя стороной и собственную дочь.

— Убей уже меня, — еще более ослабевшим голосом взмолился Бартон. — Хватит этих пламенных речей — я сыт ими по горло.

— Так легко сдаешься? Это на тебя не похоже — мой брат до самого конца не сдавался, какие бы трудности не стояли на пути. Посмотри внимательно, Бартон, — подсказал я, глядя на меч, глубоко вонзившийся в грудь брата. — Не узнаешь его?

Устремив свой взор на меч, он стал пристально его разглядывать сквозь прищуренные глаза.

— Это же, — внезапно осенило брата.

— Да, Бартон.

— «Калейдоскоп», — он его узнал, как и ожидалось.

— Именно, брат, — наконец улыбнулся я. — Меч-имитатор «Калейдоскоп», созданный для того, чтобы превзойти «Костолом». Я нашел его в музее среди складированных экспонатов из того места, где раньше находился Сенсус. Можешь даже не пытаться убедить себя в том, что и он скопирован с оригинала, ведь ни я, ни ты доподлинно не знаем, в чем заключается его секрет.

В самом деле, этот меч был выкован в Сенсусе, но не руками близнецов, а самым обычным любознательным капитаном гвардии, которого все звали просто «Лис». Меч этот был особенным и в чем-то в самом деле превосшел «Костолом», ведь в то время как мой меч мог лишь скользить по драконьим костям, как по маслу, «Калейдоскоп» делал все то же самое, но при этом был сделан из другого материала и оказался способен принимать любую форму, которую владелец считал удобной, а в обычном виде представлялся как вычурный синевато-белый клинок чуть меньшей длины, чем одноручные мечи того времени, отчетливо мелькая тремя разноцветными линзами в центре лезвия, идущими в ряд: белая, синяя, красная. Секрет «Калейдоскопа» так и остался в тайне, и я бы не смог создать его копию, даже имея на то желание.

— Это ли не значит, — заговорил Бартон, но вдруг оборвался на полуслове вместе с тем, как я резко выдернул «Калейдоскоп» наружу, закричав от боли.

Сразу же после того, как инородный предмет был удален из раны, я сменил линзу в перчатке на красную, но не на ту, что собирает в себе болезни, а на ту, что восполняет жизненную силу. Приложив руку к ране на груди, я принялся медленно и аккуратно залечивать Бартона в сопровождении красочного свечения того же цвета.

— Что ты делаешь? — возмутился Бартон.

— Лечу тебя, очевидно, — подметил и без того понятное я.

— Зачем?

— Потому что ты мне дорог, брат, — широко улыбнулся я, — дороже, чем кто-либо в этом мире. Знаешь, ты говорил, что все время завидовал мне и всегда терялся позади, утопал в страданиях и только и делал, что корил себя за слабость. Барти, я никогда не считал тебя слабым, ведь мы всегда шли бок о бок через все трудности, которые вставали у нас на пути. И в горе, и в радости, мы с самого рождения были неразлучны, достигая всего вместе, а не порознь. Может, я иногда и вырывался вперед, но ты быстро нагонял брата, как и в случае

наоборот. С того дня, как мы появились на свет, всю жизнь друг за друга держались, пока смерть нас не разлучила.

— Илия...

— Я знаю, каково это, когда глаза уже сомкнулись и ты принял свою судьбу, но Бездна вдруг решила, что этих страданий недостаточно. В тот день мы оба потеряли все, но только не друг друга. Мы должны были снова встретиться здесь, в Гармонии, найти друг друга и слиться в одно целое, сплести разорванные узы обратно во что бы то ни стало. Лишь с этой мыслью я продолжал жить все эти годы, представляя, как мы снова соприкоснемся лбами в знак признания.

— Какой же ты идиот, Илия, — с кровавыми слезами из уже обычных и бесподобных желтых глаз, прохрипел Бартон.

— Пусть лучше идиот, чем предатель или братоубийца, — выдохнул я, невольно пролив ту же кровавую слезу радости, вытекающую из драконьих очей.

— Прости меня, Илия... Я такой идиот... Еще больший придурок, чем ты.

В ответ на это я лишь молча подхватил брата за шею, после чего подставил свой лоб. Как и ожидалось, Бартон прекрасно понял меня, и мы вновь слились в старом добром братском соприкосновении лбами, сомкнув веки, в которое вкладывалось куда больше чувств, чем в простые слова.

— Не кори себя, Бартон, — взяв того за руку, приговаривал я. — Держи, это твое.

— Что это? — слегка удивившись и не успев понять, что оказалось у него в руках, спросил брат.

Стоило рукам Бартона нащупать настоящие клинки-близнецы, он тотчас разрыдался еще сильнее, пусть и пытался всеми силами себя сдерживать, и у него даже немного получалось благодаря маскировке багрянцем от Ока.

— Это принадлежит тебе по праву, и я не могу держать их у себя, — вновь улыбнулся я. — Твои клинки-близнецы с ее личным автографом.

— Черт бы тебя побрал, — утерев нос, усмехнулся он. — Умеешь ты выводить на чувства, брат. Прямо по живому ударил.

— Прости-прости, — замялся я.

— Аой, иди сюда, пожалуйста, — подозвал к себе дочь Бартон.

— Ах? — от испуга подпрыгнула девушка.

— Не бойся, Аой, — улыбнулся я, столь же приветливо подзывая к себе. — Все кончено.

Отреагировав на призыв, девушка аккуратно сблизилась с нами, присев на колени в огромную лужу рядом с отцом, который почти сразу же схватился пальцами за ее нежные шелковистые волосы, а затем любяще приобнял, держа за плечи.

— Прости меня, солнце, я во многом был ошибался и теперь хорошо это понимаю, — с натянутым, но искренним раскаянием произнес Бартон.

— Папа...

— Надеюсь, ты просишь меня, и мы будем жить как прежде... нет — намного лучше, как дружная и неразлучная семья. Тем более, что у тебя теперь есть не только я и Нао, но и дядя Илия.

— Нао, — опустив голову, промямлила Аой. — Разве ей есть место в нашей семье?

— Я верну ее во дворец, обещаю, — очень чутко отреагировал Бартон, еще сильнее обняв Аой.

— Странно, — подумал я. — Еще мгновение назад он грозился расправиться со мной, а

сейчас сидит задницей в луже, как ни в чем не бывало, словно взаправду в сердце демоны копались, пока я не выгнал их этим мечом.

Эта мысль была абсолютно спонтанной и глупой, но даже так она заставила меня обратить взор на тот клинок, что проткнул грудь Бартону, а уже на его лезвии я заметил нечто странное.

— Чего? — оторопел я, задавшись уймой вопросов у себя в голове.

На лезвии «Калейдоскопа» в следах крови лежал не очень большой, но и не маленький паук, который, судя по всему, был уже мертв.

— Илия, — окликнул меня Бартон, на что я сразу же отреагировал, — признай, если бы Аой не вмешалась, я бы утер тебе нос.

— Несомненно, — с натяжкой улыбнулся я, пытаюсь не думать о пауке, пока меня вдруг не осенило.

— Эх, если бы Эдвард вернулся во дворец с «Семенем» за день до этого, все могло быть иначе, — вскользь протянул Бартон.

— Бартон? — испуганно, замерев в страхе, проскрипел я.

— Что такое? — непонимающе спросил он.

— Мы крупно облажались, брат, — в мгновение осознал всю тягость ситуации я, после чего переключил внимание на принцессу. — Аой, пригляди за ним!

На этом моменте я тотчас подорвался с места и бросился в сторону севера по окружности смотровой площадки. Вода под ногами разбрызгивалась во все стороны, пока я не уткнулся в тупик в виде обрыва, наконец остановившись на месте. Стоило взглянуть в сторону запада и все в момент стало понятно, сразу после того, как в глаза бросилась все та же колонна гвардейцев, но идущая по направлению вовсе не туда, куда намеревалась, а совсем в ином направлении — к Разлому.

В этот момент я все понял, закрепив фактом о том, что люди из «Спектра» за этот период здесь так и не появились. Все это время нас водили за нос, в том числе и меня с Бартоном. Теперь же Гармонии грозит совсем другая опасность, которая по своей разрушительности колоссально превосходит безобидного по сравнению с ней Бартона.

— Успею за тридцать минут, если буду сильно спешить, — подумал я. — Бежать до ордена бесполезно — впустую растрочу ценное время. Нужно срочно подать сигнал... Надеюсь, ты его увидишь...

Собравшись с мыслями, я сконцентрировал часть энтропиума в руках, воссоздав большой и размашистый лук, который сверкал и искрился аналогично клинкам брата, но чуть более темного цвета оранжевой палитры.

— Давно же я тобой не пользовался, старый друг.

Крепко ухватившись за рукоять левой рукой, я схватился за иллюзорную стрелу правой, постепенно оттягивая призрачную тетиву назад, пока вокруг стрелы не образовались четыре округлые отметки, говорящие о мощности выстрела.

— Ваш час настал, «Спектр», — проговорил я, отпустив стрелу.

Длиннейший дуговой луч мигом устремился в сторону гвардейской колонны, да и был он настолько ярким и большим, что с любой точки Гармонии можно было увидеть. К тому же, настигнув цель через десяток секунд, стрела заставила место своего соприкосновения с землей засиять еще ярче. Как бы там ни было, сейчас все зависит именно от вас — именно с этой мыслью я спрыгнул вниз, желая как можно скорее добраться до Разлома.

Твое время пришло, Ашидо.

Глава 60: Время пришло

День, что послужит новым началом для Гармонии, настал. Каждая секунда, подобно крупнице песка, неумолимо падала вниз внутри огромных песочных часов времени, внушая собой символично утекающие остатки сомнений и страха. Каждый из нас знал, зачем мы здесь собрались, каждый знал, через что нужно пройти, чтобы наконец достигнуть того, во что мы все верим. Скоро все закончится, нужно лишь дождаться и внести свой вклад...

— И долго нам еще тут торчать? — возмущенно фыркнула сидящая на краю высотного здания Нао, не отводя взгляда от неприступной цитадели.

— Терпение, Нао, — спокойно ответил я. — Никто не в восторге от того, что приходится ждать, но таково желание Илии.

Я тоже глубоко переживал за него, хотя девушка скорее пеклась о возможности отомстить отцу за разрушенное будущее, однако, как бы эти мысли сами собой не навязывались, я не хочу винить ее в том, что она обесценивает вклад Кишина в общее дело.

— Ашидо, — окликнула меня стоящая позади Хорнет. — Что конкретно сказал Эдвард?

— Он лишь передал слова Илии и немного объяснил ситуацию, — пояснил я. — Не в моих интересах утаивать от вас информацию, потому слушайте внимательно, чтобы не пришлось повторять. Илия с минуты на минуту должен подать сигнал, после чего мы должны ворваться в цитадель и перевернуть все вверх дном, пока генерал выигрывает для нас время.

— Почему мы не можем пойти туда прямо сейчас? — слегка опешила Юмико. — Даже если Кишин так зациклен на брате, что не готов подпускать нас ближе — разве никто более не станет им мешать?

— Сомневаюсь, — вмешалась Эхо. — Это только их дело, и навряд ли его брат мог допустить чье-либо вмешательство.

— Эхо права, — согласилась Нао, встав на ноги и отойдя от края ближе к нам. — Зная своего отца, могу сказать, что он бы не допустил чужого вмешательства.

— В таком случае нам остается лишь слепо ждать и надеяться, что Илия подаст сигнал? — недовольно пробормотала Хорнет.

— Ашидо, гляди! — внезапно вскрикнула Войд, которая все это время лишь стояла в стороне и слушала, указав пальцем в сторону дворца.

Этот оранжевый свет, что ярко расходился во все стороны, было сложно не заметить, ведь он был виден не только с крыши самого высокого здания на севере Гармонии, на котором все мы и расположились, но и с любой другой точки города, будь то любой глухой переулок или сырой подвал с парой замыленных окон. Сомнений быть не может — это именно тот сигнал, подать который мог только он.

— Готовность — минута! — тотчас выкрикнул я. — Войд, будь готова открыть каскад порталов на эшафот, смотровые площадки и дворцовые коридоры! Как только окажемся в Парадном районе, постарайтесь отбить склады и опорные пункты, а также казармы, КПП и командные структуры!

— Постой, Ашидо, — вклинилась Эмили, не отводя взгляда от луча в небе, — посмотри внимательнее.

Устремив взор на этот же луч, я стал пристально его разглядывать, пока не заподозрил того же подвоха, на который пыталась указать девушка. Этот самый сигнал был похож на

летающий вдаль снаряд, какого бы рода он ни был, и этот самый снаряд не просто летел в произвольном направлении, а будто пытался о чем-то предупредить.

Лишь когда луч достиг цели, только когда ослепительная вспышка с западной стороны города захлестнула небо, я смог разглядеть то, о чем нас пытался предупредить Илия. Тысячное гвардейское войско стремительно двигалось все глубже и дальше на запад, поднимаясь в гору по одной из немногих ведущих туда дорог.

— Илия, ты же не хочешь сказать, что...

— Они идут к Разлому, — догадалась Нао, разглядывая происходящее в бинокль.

— Айс уводит гвардию глубже на запад? — оторопела выхватившая из рук Нао бинокль Хорнет. — Он же сказал, что будет вести их вглубь Дипломатического, выигрывая нам время. Неужели у него больше нет возможности водить их за нос?

— Не в этом дело, Хорнет, — догадался я, соскалив зубы. — Если Илия подал сигнал именно в том направлении, зная, что весь город увидит этот луч, значит, за нос водят здесь только нас.

— Ашидо! Они ускорились! — заметно занервничала девушка.

— Планы меняются! — выкрикнул я. — Войд, открой портал как можно ближе к Разлому — нельзя допустить, чтобы гвардия до него добралась, какой бы цели они не хотели достигнуть!

— Ты с ума сошел? — возмутилась Ринна. — Это наш шанс свершить переворот!

— Успокойся, Ринна, — вмешалась Эмили. — Даже если мы займем цитадель, врагов от этого не убавится. Гвардия задавит нас числом по возвращении и все сделанное нами окажется впустую. Не хотелось признавать этого, но за каждым тронem стоит нечто большее, чем король. Меня не покидало ощущение, что Эдвард не тот, за кого себя выдает.

— Эмили права, — согласилась Юмико. — Раз уж Илия смог подать сигнал, то их бой уже окончен, а наш только начинается. На вашем месте я бы доверилась Кишину и последовала именно туда, куда он указал.

— Что ж, — наконец заговорил я. — Коли такова наша роль — стоит довериться и пойти туда, что бы нас там не ожидало. Войд, открывай портал.

— Хорошо, Ашидо, — одобрительно кивнула Войд, после чего на крыше засиял огромный портал, способный вместить в себя всех и сразу.

— Не будем терять времени, «Спектр», — нахмурился я. — Вперед!

***

По ту сторону портала раскрывался поистине дивный вид на бесконечные зеленые поля, заканчивающиеся высокими и пышными деревьями. Отсюда можно было увидеть всю Гармонию, устремив взгляд далеко на восток, где и располагался город, за которым сиял бесконечный голубой океан, воды которого внушали долю спокойствия. На фоне багрового рассвета город сиял поистине великолепно, в домах только начинал зажигаться свет, люди вставали с кроватей и нехотя плелись умываться, готовясь к своей повседневной рутине. Матери будили своих детей в школу, их мужья грациозно затягивали галстуки на шее, дворовые кошки готовились полакомиться колбасами уличных торговцев, ожидая начала рабочего дня.

Глядя на всю эту красоту, я понимал, что в моих силах защитить не только себя и своих друзей, но и будущее этого прекрасного города, ведь если бы остальные чудеса света не были разрушены войной, Гармония могла стать восьмым чудом, и эта заслуга по праву принадлежит людям, которые ее построили.

Позади нас находился большой комплекс, огораживающий огромное неестественное пятно в воздухе, похожее на порталы Войд, однако это самое пятно, зовущееся Разломом, было куда больше и острее в гранях, словно сама Бездна захотела отобрать у нас этот мир. Стоя здесь я чувствовал, как потоки энтропиума проникают вглубь моего тела, сливаются с энергией, что таится внутри — очень странное чувство.

— Мы на шаг впереди, — заговорила Эмили. — У нас есть время подготовиться, чтобы дать им отпор.

Гвардии, в самом деле, нигде не было видно, а это означало, что мы оказались здесь очень вовремя, чтобы выиграть хоть какое-то тактическое преимущество.

— Аши-до, — ослабевшим голосом захрипела Войд, стоящая позади.

Стоило мне обернуться, как я застал поистине ужасающую картину. Войд рухнула на колени и схватилась за голову так, словно та сейчас взорвется, ее лицо приобрело такие испуганные черты, каких я никогда ранее не видел. Всем своим видом та показывала, как болезненно приходится заглушать ту боль, которую она сейчас испытывает. Жалобный голосок еле прорезался сквозь оскаленные зубы, будучи готовым вырваться в любую секунду.

— Войд, что с тобой? — испугался я, тотчас присев рядом на колени и взявшись за ее плечи.

— Больно! — истошно закричала Войд. — Мне очень больно! Эта боль невыносима! Голоса! Очень много... Они хотят что-то сказать!

— Послушай, Войд, — старательно и ласково постарался успокоить ее я. — Тебе не нужно сражаться и испытывать эту боль. Возвращайся в орден и побудь с остальными и расскажи им о том, что происходит, а мы тут как-нибудь сами справимся, хорошо?

— Н-но... я...

— Не нужно себя пересиливать, — улыбнулся я, став поглаживать Войд по голове. — Я вижу, как тебе больно, и не хочу, чтобы ты испытывала эту боль дальше. Это не твой бой, потому прошу, оставь это нам.

— Ашидо...

— Мы обязательно вернемся домой, когда это закончится.

— Обещаешь? — жалобным взглядом пронзила меня Войд.

— Войд, я...

— Пообещай мне, что вернешься живым! — настойчиво прокричала она, вытянув вперед мизинец. — Пообещай, что не умрешь!

На этом моменте в сердце что-то кольнуло. Впервые кто-то настолько сильно обо мне беспокоился, хотя, возможно, я просто раньше этого не замечал. Это обещание могло остаться несдержанным, однако оно придавало сил для того, чтобы сражаться, и в эту секунду я был очень благодарен Войд за то, что она появилась в моей жизни.

— Обещаю, — тихо проговорил я, после чего мы скрестили мизинцы в знак данного обещания.

— Я буду ждать, Ашидо, — искренне улыбнулась Войд.

После этого она с тяжестью поднялась на ноги и молча скрылась в портале, лишь мельком кинув переживающий взгляд в мою сторону. По глазам гуманоида, у которого еще не так давно не было обычных человеческих чувств, было видно, как сильно она за этот период выросла. Мы стали для Войд семьей, а я заменил ей то ли брата, то ли отца, за что теперь она мне очень благодарна. Умереть в этот день было бы самым большим предательством для хрупкого сердца, и давать такое сложное обещание было глупо с моей

стороны, однако, пока она верит в меня, я буду стараться выжить и победить, чего бы мне это не стоило.

Поднявшись на ноги, я снова взглянул на город, но теперь в поле зрения показалась и та бесчисленная гвардия, идущая сюда. Среди множества солдат была видна большая гусеничная машина, расчищающая путь для колонны огромным ковшом, сносящим на своем пути всю ту красоту, которую годами создавал наш народ, а на вычурном кресле под небольшим навесом на крыше этого монстра сидел различимый за километр Эдвард.

— Стоять! — послышались голоса позади.

Навстречу нам выбежали гвардейцы, которые, судя по всему, стояли на охране комплекса вокруг Разлома.

— Это закрытый объект, если вы не покинете территорию комплекса незамедлительно, то будете убиты на месте!

Как и предполагалось, на нас направили пушки. Было ожидаемо столкнуться с кем-нибудь вблизи Разлома, однако для обеих сторон было пагубно вступать в конфликт, но, если так требуют обстоятельства, нам придется расправиться с ними по-быстрому, даже если эти люди просто выполняют свою работу. С этой мыслью я оголил меч.

— погоди, солдат, — внезапно вмешался в ситуацию человек в форме капитана, опустив дуло винтовки в пол.

Это был высокий мужчина с небольшой бородкой и зачесанными набок волосами песчаного цвета, а также очень красивыми и глубокими глазами цвета аквамарина.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Не стану лукавить, — заговорил я, как представитель своих людей. — Меня зовут Ашидо Такаги, а это — люди ордена «Спектр», главой которого являюсь я.

— Вы разыскиваете по всей Гармонии, господин Такаги, — нахмурился капитан. — Назовите хотя бы одну причину, по которой я не должен вас убивать.

— У нас в запасе уйма причин остаться в живых.

— Даже не будь вы опаснейшими преступниками, мои люди все равно открыли бы огонь, ведь доступ к этому объекту имеет только Его Величество Котай, исследовательская группа и их личная гвардия со мной во главе.

— Значит, человек позади и тысячное гвардейское войско тоже не имеют к нему доступа? — нахмурился я.

— О чем вы? — оторопел он.

— Хорнет, дай ему бинокль, — приказал я.

В ответ на это Хорнет ловко бросила его капитану в руки.

— Смотрите внимательно, капитан, — подсказал я. — Эти люди идут сюда только с одной целью — им нужен этот Разлом. Только «Спектр» и ваша небольшая гвардия стоит у них на пути. Если мы сейчас сцепимся друг с другом, то сильно облегчим задачу генералу, и Бог знает, что ждет Гармонию, если их планы осуществляются.

— Почему вы думаете, что я в это поверю? — отстранился капитан. — Вполне возможно, что король выдал им достаточно полномочий для того, чтобы добраться до сюда. Они вполне могли прийти и за вами, а не за Разломом и тем, что он нам дает.

— Король пал, капитан, — однозначно ответил я. — Котая больше нет, и кроме вас никто более не может официально присутствовать на территории комплекса.

— Я не могу поверить в такой наглый блеф, — вновь отстранился он, хотя доля сомнений в своих собственных убеждениях все же промелькнула.

— Ваше дело, капитан, — спокойно ответил я. — Однако в ваших интересах довериться мне и работать сообща. У меня и моих людей нет мотивов приходить сюда ради корыстных целей. Мы хотели лишь сразиться за право на жизнь, хотели добиться свободы и свергнуть короля, но даже сейчас, когда «Спектр» так близок к победе, остается одна единственная преграда, которая угрожает не только идеологии ордена, но и всей Гармонии. Я безумно люблю это место, верю в себя и в каждого жителя этого прекрасного города, потому готов отдать жизнь за то, чтобы Гармония получила второй шанс.

Да, именно этого я желаю всем сердцем, и капитан должен понять.

— Это ли то, за что борется «Спектр»? — спросил он.

— Да, капитан, — искренне улыбнувшись, ответил я. — За право жить в этом городе и не бояться, что тебя убьют. За право самому выбирать свою судьбу и следовать по пути, который выберешь сам.

— Ха-ха-ха, — внезапно рассмеялся капитан. — Тяжело вам пришлось с такими идеалами, господин Такаги. Опустить оружие!

Сию секунду гвардия подчинилась, винтовки устремились в пол, а я замер в непонимании.

— Капитан Дорн Кастелланос, — произнес он, протянув мне руку. — Знаете, Такаги, я давно ждал, что кто-то такой, как вы, появится в нашем Богом забытом городе. Коли вы не лжете, судьба нас рассудит, а до тех пор я встану на сторону тех, кто искренне желает защитить Гармонию.

— Капитан! — внезапно выкрикнул гвардеец позади. — Это государственная измена, мы имеем право убить вас!

— Взгляните правде в глаза, — спокойно проговорил Дорн. — Вас уже пустили на пушечное мясо, приставив охранять Разлом, а сейчас дворцовая гвардия нацелена отобрать то, что мы поклялись защищать. Такаги прав, сцепиться здесь означает смерть не только для всех нас, но и для десятков тысяч невинных жизней. Не знаю почему, но я хочу вам верить.

— В самом деле, что с тобой не так, мужик? — возмутился уже другой гвардеец. — Ты видишь, что происходит вдалеке? Думаешь, они сюда чай попить идут?

Пусть гвардейцы и заспорили между собой, я был рад тому, что господин Кастелланос увидел во мне то, чего не видели другие. В этом бою численность имеет значение, даже если этих людей будет немного, однако ни он, ни я, ни наши люди доподлинно не понимают целей Эдварда, о которых еще предстоит узнать.

— Они остановились, — внезапно окликнула меня Нао, подбежав поближе и передав бинокль.

Мельком взглянув в него, я и сам убедился в том, что гвардия стоит на месте. Стоило рассмотреть ситуацию внимательнее, я столкнулся взглядом с Эдвардом, который в горделивой и довольной собой позе, сидя на удобном кресле на крыше гусеничной машины, пилил меня тем же пристальным взглядом в бинокль. Стоило нам заметить друг друга, он вынул из-под плаща рацию, а затем заговорил.

— А ты смелый, раз решил встать у меня на пути, — проговорил Эдвард в рацию. — Или, может, обычный глупец.

— Эхо, — сию секунду окликнул девушку я. — Ты можешь сделать так, чтобы остальные тоже слышали?

— Конечно, сейчас, — кивнула она, после чего в наглядной концентрации сомкнула глаза.

— Эдвард, — соскалив зубы, ответил в рацию я. — Ты обманул нас.

— Ничего личного, Ашидо, мне пришлось использовать тебя, — с насмешкой произнес Айс.

— Зачем, Эдвард? Разве у нас не общая цель? Разве ты не хотел добиться того же, чего желал «Спектр»?

— Вы были лишь игрушками в моих руках, инструментом, с помощью которого я мог добиться своих целей, — все так же горделиво произнес он. — Я предполагал, что и сейчас ты встанешь у меня на пути, потому подготовился, и, поскольку близнецы уже вышли из игры, дело за малым. Советую сказать своим близким парочку ласковых слов, потому что этот день станет последним для всех вас.

— Значит, ты с самого начала планировал избавиться от нас, когда мы станем ненужными, — с ненавистью к собственной глупости проговорил я. — Коли таково твое решение, я убью тебя ради будущего Гармонии, какие бы гнусные цели ты не преследовал.

— Я и не ожидал иного ответа, — усмехнулся Эдвард. — Через пять минут гвардия начнет наступление. Используй это время с умом, Ашидо. Ах, да, поскольку и остальные это слышат, хочу передать привет капитану Кастелланосу. У вас все еще есть шанс сложить оружие и подчиниться, в противном случае вы все будете убиты ради моей цели. Конец связи.

В эту секунду голос в рации затих, и на душе воцарилось чувство проникающего страха, от которого я всеми силами старался отбиться, как и остальные стоящие со мной бок о бок люди.

— Капитан, — заговорил я. — У вас есть выбор, и я настаиваю на том, чтобы...

— Ни слова больше, Такаги, — оборвал Дорн. — Я услышал достаточно для того, чтобы довериться «Спектру». Обидно признавать это, но все это время я сражался не на той стороне. Еще не поздно сделать выбор, и я встану на вашу сторону ради Гармонии, как и те люди, которые еще минутой ранее в вас сомневались.

— Спасибо, капитан, — улыбнулся я.

— Что ж, мне нужно произнести речь для своих людей и обсудить тактику, — тяжело вздохнул Кастелланос. — Советую сделать тоже самое.

— Удачи, Дорн, — взяв капитана за плечо, произнес я.

— И тебе удачи, Ашидо, — с доброй усмешкой подхватил он, после чего ушел вглубь комплекса.

Однажды я где-то прочитал, что уважение к противнику лежит в основе ведения войны. Умение признавать поражения и правильно оценивать как и собственные силы, так и силы противника лежит в основе победы. Пусть нас мало, пусть шансы невелики, они все еще не равны нулю, потому мы сразимся за свое будущее, выложившись на полную. Мой долг состоит в том, чтобы повести этих людей вперед, дать им поверить в собственного лидера и самих себя, потому сейчас стоит произнести речь, которая, возможно, станет последней.

— Орден «Спектр»! — громко заголосил я. — Дорогие друзья! Все мы здесь собрались не просто так, а ради великой цели, за которую боролись, боремся и будем бороться! Каждого из нас однажды обесценили, каждому из нас навредила та Гармония, которая существует сейчас, но в наших силах изменить этот мир к лучшему! Пройдя этот долгий путь бок о бок со всеми вами, я обрел нового себя, научился жить так, чтобы всегда оставался выбор. Гвардия хотела отобрать нашу свободу, хотела сломить нас и закопать поглубже в песках времени, но мы не сдавались! Много крови было пролито на тернистом пути, много

слез пролито по ушедшим, но все это не окажется напрасным! Ради своих любимых, ради невинных жизней, протекающих в страхе, ради будущего Гармонии мы должны сразиться в последний раз! Не стану врать, я тоже боюсь, но это вовсе не повод отступить в такой ответственный момент! Наш враг силен, но и мы не из грязи слеплены! Мы — орден «Спектр», путеводная звезда для потерянных душ, надежда Гармонии и ее оружие! Мы — голос народа, защитники слабых и тех, кто в нас верит! Коли такова судьба тех, кто решил ей противиться, мы встретимся с ней достойно! Ребята, наш крик наконец был услышан, наши руки стали тверды и непоколебимы, так сразимся же со своим врагом за будущее Гармонии! Я верю в вас!

Странное чувство, словно все то, что таилось внутри долгие годы, в момент вырвалось наружу, словно мой крик и вправду был услышан. Хотелось бы по-детски расплакаться в этот момент, но слезы отступили на второй план, а вместо них на лице расплылась улыбка. Я всегда верил, даже когда падал на землю и, казалось, больше не встану, я все равно вставал и продолжал верить, пока не оказался здесь. Я больше не один.

— Ребята, — все-таки со слабыми всхлипами горечи промямлил я. — Знаю, неправильно говорить это после такой речи, но я боюсь потерять вас. Моим идеалом всегда была возможность человека самому сделать свой выбор, потому было бы неправильно отправить вас на верную смерть, не дав возможности прожить эту жизнь по своим правилам. Знайте, у вас есть выбор, вы можете уйти, если дорожите своей жизнью, и я не буду вас останавливать, а лишь с благодарностью провожу в закат, ведь вы — самое лучшее, что случилось со мной в жизни. Я очень люблю вас и дорожу всеми, потому повторяюсь... Если кто-то хочет уйти — уходите.

— Идиот! — внезапно выкрикнула Юмико, ударив меня кулаком по голове.

— За что? — оторопел я, схватившись за затылок.

— Надо было вот так портить речь, а? — продолжила возмущаться она. — Взгляни на тех, кого ты был готов назвать семьей! По-твоему, они способны отступить и бросить тебя? Хоть кто-то из них?

— Она права, Ашидо, — улыбнулась Хорнет. — С самого начала мы знали, на что идем, и были готовы отдать свои жизни за идеалы ордена. Даже когда тебя не было рядом, мы продолжали бороться и верить, наращивали связи, становились сильнее, пока не оказались на этом месте. Твое рождение было предначертано судьбой, чтобы бросить ей вызов. Ты сплотил всех нас под одним флагом, дал надежду на будущее и повел за собой. Кто бы что ни говорил — ты был лучшим и останешься им до конца. Я с тобой, Ашидо.

— Хорнет...

— Воистину идиот, — столь же искренне улыбнулась Амелия. — Мой брат верил в тебя, и, бьюсь об заклад, сейчас он очень жалеет о том, что все вот так обернулось. Знаешь, проведя с тобой все это время, я наконец поверила в то, что заслуживаю простого человеческого счастья, а хороший человек примет тебя со всеми теми минусами, которые ты пытаешься спрятать. Поначалу я даже не думала, что надолго задержусь в ордене, но со временем поняла, что все вы заменили мне ушедшую маму и Леонхардта. «Спектр» стал для меня новой семьей, и я готова сразиться с кем угодно ради защиты своих родных. Я с тобой, Ашидо.

— Лия...

— Они правы, Ашидо, — подхватила Ринна. — Пусть нас и немного, но все мы выбрали этот путь ради себя, а ты был тем, кто подтолкнул каждого из нас на ту тропу, по которой

все мы боялись ступить в одиночку. Я была не единственной, кто просто желал отомстить, но со временем жажда мести переросла в нечто большее. Я хочу жить в мире, где есть надежда, которую ты нам дал, хочу помнить о том, что мы сделали друг для друга и совершать добрые дела вновь и вновь, даже если ради этого придется проливать не только чужую кровь, но и свою собственную. Спасибо за все, что ты для меня сделал. Я с тобой, Ашидо, до самого конца.

— Ринна...

— Мастер, — пришел черед Эхо, — нет, Ашидо. Я очень благодарна тебе за то, что ты дал мне шанс на будущее. Всю жизнь мне приходилось бороться и выживать, а вместе с тем все время беспокоиться о том, кем вырастет мой брат. Вы дали нам кров, дали еду и стали новой семьей. У Кирея наконец появился первый друг, а вместе с тем обычная заботливая девушка по имени Итачи заменила ему маму, которой так не хватало детскому сердцу. Если бы не Нао, в тот день я могла и не повстречать тебя, Ашидо, могла остаться одиноким бойцом в жестоком мире мафии и наркобизнеса, но вы вытащили меня и дали почувствовать себя человеком, а не пустым подобием себя самой. Теперь у меня есть причина бороться, причина пожертвовать собой в благодарность за все то добро, которое мне дали обычные люди. Может, это и звучит так, будто мне не страшно умереть, но я готова сразиться и пасть в борьбе за свою собственную жизнь, которую я хочу прожить полноценно, чтобы в потом рассказывать детям о том, какие на свете бывают удивительные люди! Это моя жизнь и мой выбор, потому я выбираю вас, «Спектр»! Я с тобой, Ашидо.

— Эхо...

— Мива, — поправила Эхо. — Мое настоящее имя — Мива.

— Хорошо, Мива, — искренне со слезами на глазах улыбнулся я.

— Кхм, — вклинилась Нао, — не люблю такие откровенные речи, но, пожалуй, добавлю от себя крупицу. Не знаю, как это отразится на вашем мнении обо мне, но хотя бы раз в жизни я постараюсь быть честной. Изначально вы должны были стать для меня проводником во дворец, где я могла бы отомстить отцу за то, как он со мной поступил, однако со временем все стало меняться. Я уважала лишь Хомуру за ее боевой дух и стремление защитить Трущобы, однако, проведя долгое время в «Спектре», я поняла, что стала из раза в раз возвращаться к вам не как на работу, а как в собственный дом. Мне нравилось выпивать в компании Ника, Шина, Мисато и Эмбер, нравилось разделять время с людьми, которые мне не противны. Пусть вы и выглядели слабаками, сегодня я вижу совсем иную картину. Многие храбро отдали свои жизни за идеалы ордена, сражаясь не только с общим врагом, но и сами с собой. Ни одна гвардейская шавка не имеет столько чести, сколько заложено в голове у простого ребенка, которого я каждый день встречаю в коридоре. Что касается тебя, Ашидо, ты дал мне понять, что корень моей мести лежит не в тронном зале, а в этом проклятом городе. В наших силах изменить его, чтобы не допустить повторения этой истории, создать для наших детей тот мир, в котором они смогут беззаботно проживать свои будние, не оглядываясь назад. Возможно, даже мой отец не так плох, как я о нем думаю, хотя, впрочем, я могу об этом и не узнать. Спасибо за все, что вы сделали для меня, и простите за все то, что сделала я. Живи вечно, «Спектр», а я пойду за тобой даже в адское пекло.

— Нао...

— Не смотри на меня так, — в момент покраснела девушка. — Я не ради тебя это делаю!

— Честность красит человека, — улыбнулась Хорнет. — Знаешь такую поговорку?

— Иди на хрен! — вот это уже наша Нао.

— Позвольте и мне вставить слово! — размахивая рукой, прокричала Эмили. — Ашидо, у меня на душе лежит много того, что хотелось бы тебе передать, но время поджимает, потому скажу кратко. В тот день, когда ты привел «Спектр» на смотровую площадку, я впервые поверила в то, что мы сможем изменить свои судьбы. Даже в глазах запертой в клетке Аой загорелся огонек надежды, а внутри меня вспылала жажда свободы. Я была рождена в семье Морроу, где отец желал лишь наследника, которым будет гордиться — бездушную куклу, слепо подчиняющуюся своему королю и каждой его прихоти, но я всегда хотела иметь свой собственный выбор. Ты дал мне этот выбор, и моя мечта наконец осуществилась, потому я готова столкнуться лицом к лицу с любой опасностью, выложившись на полную! Как и сказали другие, «Спектр» — это не просто опасная группировка. «Спектр» — это семья, в которой существует не только любовь и разлады, но и вера друг в друга. Если бы внутри каждого гвардейца было заложено тоже самое, мы бы никогда не одержали верх, однако все они идут вперед по чужой воле и в первую очередь пекутся только о своей шкуре. У них нет лидера — лишь гнусный начальник, пускающий всех на убой. Именно поэтому даже таким малым числом мы превосходим их в силе — потому что мы вместе и потому, что у нас есть сильный лидер. Я с тобой, Ашидо.

— Спасибо, Эмили, — вновь улыбнулся я.

— Видишь, дурашка? — широко улыбнулась Юмико. — Все мы с тобой до конца, и это не просто так. Я была первой, кто повстречал тебя на этом пути, первой, кто увидел в тебе потенциал, потому сразу влюбилась. Без тебя я была лишь маленьким человеком, мечтающим о сладкой жизни и мести за родных, но я не была готова сражаться. Я стала твоей путеводной звездой и спутником жизни, а ты моим клинком. Именно поэтому мы сейчас стоим здесь, именно поэтому я ношу в животе твоего ребенка. Я люблю тебя, Ашидо, и буду любить до последней капли крови, потому нам нельзя сегодня умирать, ведь впереди еще столько всего непрожитого, столько всего неувиденного и непрочувствованного, что и жизни не хватит, чтобы все это впитать. Мы выбрали то будущее, за которое стоит побороться, и я уверена, что за нашим подвигом последует золотой век, а нашим детям будет чем гордиться — так давай же вместе пройдем по этой тропе! Ради всех нас! Ради Гармонии!

— Юмико, ты правда готова поставить под угрозу жизнь нашего ребенка? — засомневался я. — Я не хочу подвергать...

— Я уже все решила, Ашидо, — оборвала она, пронзив меня твердым и непоколебимым взглядом. — У этого ребенка не будет будущего, если я сейчас уйду. Беременность должна не забирать у меня мечту, а создавать стимул идти дальше. Коли ты веришь в меня, прими мое решение.

— Вижу, тебя уже не переубедить, — усмехнулся я, утерев слезы. — Вы правы, ребята, мы должны сражаться, чтобы создать будущее, в которое верим. Уверен, остальные сказали бы тоже самое, потому у меня более нет причин сомневаться. Ради всех живых, кто верит в меня, я сражусь с нашим врагом. Юмико, Хорнет, Амелия, Войд, Ринна, Эмили, Нао, Мива Шин, Мисато, Наташа, Николас, Торин, Итачи, Илия, Кирей, Каспер, Джозеф, Солен, Луна Дэниел! Я тоже верю в вас! Леонхардт, Кагеяма, Каори, Артур, Хомура, Эмбер, Лаффи и многие другие! Ваши жертвы не будут забыты! Хандзо, Стивен, Камиль, Сальвадор, Калипсо, Котай! Я сражусь за то, чтобы Гармония никогда более не породила подобных вам! Аой, я

сражусь за то, чтобы таким, как ты, не пришлось жить в клетке! Ради всех отцов и матерей, ради всех детей города, я приму на себя удар черной стороны этого прекрасного мира! А с тобой, Эдвард, я сражусь ради себя!

— Наступают! — послышался крик капитана Кастелланоса.

— Время пришло, — сказав это, я поднял в воздух «Нами», дав начало этому судьбоносному сражению. — Вперед «Спектр»! За Гармонию!

— За Гармонию! — в унисон воскликнули остальные.

Глава 61: Ловец снов

В то же время, орден «Спектр»:

Смелость — это качество, данное исключительным людям, способным столкнуться с любыми сложностями, даже если не могут с ними совладать. Сострадание — способность сочувствовать другим людям, словно себе самому. Благодетель — это человек, сердце которого исполнено любовью к другим, человек, который заботится о других, не требуя ничего взамен. Страх — это наша защитная реакция в моменты сомнений, делающая нас живыми. Любовь — это нечто, стоящее за гранью, необъяснимое чувство, которое можно лишь испытать, но не объяснить. Свобода — это возможность выбора.

Люди похожи на механизмы, внутри которых живут и таятся одни и те же шестеренки, но все они работают по-разному. У кого-то есть склонность к насилию, другие же боятся раздавить ногой муравья. Кто-то желает всех земных богатств, а кто-то готов жить в бедности. И я все задаюсь вопросом, что же делает нас людьми? Почему одних мы называем людьми с большой буквы, а других клеветаем бесчеловечными, если при рождении все мы одинаковы и один лишь сосуд отличается?

Проживая свою жизнь, человек сталкивается со многими трудностями, делающими его сильнее, и, наоборот, припеваючи удовлетворяет свои прихоти, считая, что ему дозволено все. Что есть добро и что есть зло? Кого мы можем назвать добрыми, а кого злыми? Кого умными, а кого глупыми?

У всех нас есть одна дорога со множеством развилок, и в основе этого пути лежит выбор. Судьба создана для того, чтобы оправдать правильность или неправильность того или иного выбора, и многим становится легче от того, что они во всем винят ее.

Благодаря Ашидо я задумался, чем же являюсь на самом деле. Чего бы я хотел от своей жизни, будь у меня выбор? С самого рождения за меня все решали другие, никто не объяснял мне разницу между тем или этим, пока этот вопрос не стал мучительным. Сейчас я чувствую себя пустым, словно кукла, которой все время дают указания, которой из раза в раз командуют, и такая жизнь мне не нравится.

— Каспер, хватит спать, — послышался голос в тишине. — Самое время просыпаться и уносить ноги, пока еще не слишком поздно.

— Ах, это ты, Морфи, — полусонным голосом проговорил я, протирая заспанные глаза.

— Давай же, отрывайся от кровати и беги, пока они не нашли тебя, — продолжал настойчиво приговаривать Морфей.

— От чего бежать? — опешил я.

— Хватит задавать глупые вопросы, — слегка разозлилась кукла. — Делай то, что я тебе говорю, а иначе нам обоим придется несладко.

— Что происходит? — подумал я. — Что-то случилось.

Резко соскочив с кровати, я принялся одеваться в привычные вещи: черная кофта с капюшоном, короткие шорты и кроссовки тридцать шестого размера, под которыми нелепо скрывались разноцветные полосатые носки.

— Давай быстрее! — вновь заговорил Морфей. — Ты как девка одеваешься!

— Сейчас-сейчас, — отмахивался я, пока наконец не оказался полностью одетым.

Схватив с тумбы близ кровати свою плюшевую игрушку, я тотчас бросился в коридор, взявшись за дверную ручку. Стоило лишь потянуть дверь на себя, как та неожиданного и

громко распахнулась, а в лицо ударил резкий запах гари. Как только глаза открылись, я застал перед собой картину того, как на моих глазах пылают длинные красные шторы на окнах. Стоило выйти из комнаты и оглядеться вокруг, как я наконец догадался, что происходит.

— Пожар? — спросил я, немного испугавшись.

— Видишь, осел! — возмутился Морфи. — А я что тебе говорил? Беги отсюда скорее!

— А как же остальные? — оторопел я.

— Забудь о них, — бесчувственно проскрипел Морфей. — Они нужны были только для твоей безопасности. Хотя я и сам могу тебя защитить, как и всегда защищал. Бросай их и беги.

— Но так ведь нельзя, Морфи! — чуть ли не плача прокричал я. — Они были так добры ко мне! В последний раз я видел такую доброту в клинике доктора Фишера! Разве можно их вот так бросить?

— Они сами тебя бросят, когда решат, что ты им не нужен, — этот плюшевый енот был непробиваем. — Только я был всегда с тобой и всегда буду, Каспер.

В этот момент я находился в глубоких сомнениях. С одной стороны, Морфи был прав и просто хотел уберечь меня от опасности, как всегда делал это, но, с другой стороны, я не мог бросить тех, кто был ко мне так добр все это время. Разве эти люди заслуживают предательства?

В эту секунду в коридоре раздался едва слышный кашель, доносившийся откуда-то со стороны кабинета мастера. Пусть я и не был готов принимать сложных решений, ноги сами потащили тело в ту сторону.

— Что ты творишь? — снова возмутился Морфи. — Я же сказал, что нужно убежать! Почему ты меня не слушаешь?

— Заткнись, Морфи! — оскалил зубы я.

— Ах, так! — обижено фыркнул он. — Ну и справляйся сам со всем! Я не буду тебе помогать!

Сказав это, кукла затихла, словно ничего живого в ней нет. Теперь игрушка со стороны выглядела именно так, как ее видят другие.

— Ну и хрен с тобой! Сам справлюсь!

Добежав до источника звуков, я наткнулся на ослабевшую девушку, прижавшуюся к стене, кашель которой то ли дело разлетелся по коридору, словно гром под проливным ливнем. Стоило подойти поближе, как я узнал в ней Наташу, и эта самая девушка была не в самом лучшем состоянии: из-под спортивной кофты через дыры сочилась кровь, стекая на пол. Если бы не кашель, я бы подумал, что она уже мертва.

— Эй! — окликнул ее я. — Тетя Наташа, что с вами случилось?

— К-каспер? — ослабевшим голосом произнесла она. — Что ты тут делаешь? Спрячься где-нибудь, или лучше беги куда подальше от этого места...

— Я не могу так поступить! — прокричал я, после чего постарался зажать одну из ран. — Все будет хорошо!

— Брось это дело, мальчик, — в странной манере усмехнулась Наташа. — Меня уже не спасти, слишком уж много крови я потеряла. Ты очень поможешь мне, если хотя бы сам выживешь, чтобы моя душа после смерти не чувствовала вины за погубленного ребенка.

— Не говорите, вам будет только больнее, — настойчиво продолжал пытаться я, даже не зная основ первой помощи.

— Сюда! — слышались мужские крики со стороны крыла «Б».

Следом за ними в коридоре стали показываться высокие фигуры в черной форме с желтыми полосами. В один миг они нас окружили и наставили оружие, все время о чем-то переговариваясь.

— Мы же не можем убить ребенка? — спросил один из присутствующих. — Пусть сгорит, так хотя бы не мы будем виноваты!

— Приказ есть приказ, — отстранился другой. — Даже этот ребенок опасен, а нам велено убить каждого в этом здании и спалить все дотла! Огонь!

В эту же секунду прозвучали выстрелы, а следом за ним последовали хрипы и склизкие звуки, подобные тем, какие бывают на кухне во время готовки. Мгновение спустя на пол стали падать тела, один за другим они замертво соприкасались с полом, пока последний из этих людей не оказался там же, где и остальные. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть те же щупальца, которые всегда приходят на помощь, когда мне грозит опасность. Они и в этот раз пришли, а это значит, что Морфи снова соврал, что не будет меня защищать — что с ним поделаешь.

— Каспер, твои глаза, — немного испуганно промямлила Наташа, над телом которой я сидел, но ее лицо сразу же сменилось умиротворенным, а пистолет, который она держала в руках, желая меня защитить, с грохотом упал рядом. — Мне не стоило о тебе беспокоиться, ведь это ты меня защищаешь, а не я тебя.

— Наташа...

— Теперь ты знаешь, что здесь произошло, — с тяжестью вздохнула она. — Гвардейцы как-то нашли нас и решили все тут разнести. Возможно, некоторые еще живы и нуждаются в помощи.

— Я помогу им, — уверенно произнес я.

— Ты спасешь много жизней, и они будут тебе благодарны, как сейчас благодарна я, потому слушай внимательно. Сперва спустись в кабинет Джозефа и помоги ему, затем найди Итачи и Кирея. Постарайся вывести их или спрятать в безопасном месте, а уже потом следуй за остальными.

— Я понял, — кивнул я, будучи готовым уйти, но Наташа ухватилась за кофту.

— Каспер, прошу, передай Ашидо мои последние слова, когда весь этот ужас закончится, — уже более ослабевшим голосом прокряхтела девушка.

— Я слушаю.

— Я была счастлива, работая с тобой, Ашидо, — со слезами на глазах проговорила Наташа. — Теперь иди, Каспер, не думай обо мне.

— Я вас не забуду, Наташа, — напоследок сказал я, после чего бросился к лестнице.

Как все могло так обернуться? Весь этот мир вокруг меня стал бушующим пламенем и разрухой, из-за которой почему-то что-то болит в груди. Неужели меня тронули предсмертные слова Наташи? Все это время я убивал людей, не испытывая никаких эмоций, и даже эти гвардейцы ничего во мне не пробудили, однако смерть одного единственного человека заставила все внутри перевернуться. Что со мной происходит? Неужели именно это испытывают люди, чьи близкие внезапно уходят? Это ли называется скорбью, вслед за которой должны идти слезы?

Как бы там ни было, сейчас от меня зависят жизни других людей из этого ордена, потому нужно поспешить и найти их как можно скорее, а затем разобраться, почему на нас напали и хотят всех убить. С этой мыслью я быстро достиг первого этажа, а затем свернул в

сторону кабинета доктора Даяна. Лишь короткие детские ноги подвели в такой ответственный момент.

Стоило подбежать поближе к заветному месту, как вблизи двери показалась лужа крови, ведущая внутрь. Думать о плохом не хотелось, но в этот момент мое сердце замерло. Медленными шагами я поплелся внутрь, ступая в багровое пятно детскими кроссовками, пока перед лицом не показалась ужасающая картина. Посреди комнаты на животе лежало большое тело доктора Даяна, к которому, словно тропа, вел кровавый след через всю комнату. Его спина была залита пятнами того же цвета, по всей ее длине зияли дыры от пуль.

Не веря в происходящее, я рухнул на колени в лужу крови, а по щекам покатились слезы. Если Наташа до этого подавала хоть какие-то признаки жизни, Джозеф лежал неподвижно и бесшумно, отчего с каждой секундой мне становилось все больнее.

— Доктор Даян, — испуганным и дрожащим голосом окликнул его я. — Это же глупая шутка, да? Этого не может быть взаправду...

Сколько бы я его не звал, он лишь молчал и столь же неподвижно лежал на полу. Лишь красный свет от моих глаз освещал это тусклое помещение.

— Он мертв, прими это, — послышался голос Морфея. — Этого не обратишь и ничего с этим не поделаешь. Остается только смириться и жить дальше.

— ЗАТКНИСЬ! — истошно закричал я. — ОН НЕ МЕРТВ!

Морфи был прав, но я до самого конца не хотел верить в происходящее. Поднявшись с колен и кинувшись к телу Джозефа, я всеми силами старался перевернуть его, чтобы взглянуть в это лицо еще хотя бы один раз.

— Очнись же! Пожалуйста! Не притворяйся! — продолжал кричать я, толкая Джозефа, но это было тщетно.

Сколько бы я не пытался, он не хотел вставать. Сколько бы я не просил, он не хотел откликаться. Сколько бы надежд я не вкладывал, все они тут же рушились, словно карточный домик. Как же... больно...

— Пожалуйста, вставай, — жалобным детским голосом умолял я, уткнувшись ему в спину и безостановочно плача, пока в один момент в глаза не бросилось кое-что.

В руках доктора была какая-то бумажка, которую он продержал в ладони до самой смерти, не выпуская ни на секунду. Слабыми детскими руками я разжал ладонь и вытащил ее, а после и сам взглянул. Это была фотография, да и не какая-то случайная, а очень старое фото, на котором были совсем маленький я, маленькая Юми, доктор Фишер и сам доктор Даян. В углу фотографии от руки было написано: «Моя семья. 2051».

Едва увидев эту фотографию, я впервые расплакался настолько сильно, что мой крик невозможно было сдержать. Истошные вопли разлетелись по всему зданию, мои руки сжались в бесконечной ненависти к тем, кто сотворил это с человеком, которого я любил. Почему? Почему это должно было случиться?

Только сейчас я наконец осознал, что такое любовь.

Лишь теряя дорогого сердцу человека, мы понимаем, как сильно любили его при жизни. Лишь улавливая теплые воспоминания с этим человеком, мы проливаем слезы горечи по его утрате. Джозеф был тем, кто любил меня до самой смерти, даже учитывая то, что он не был мне ни отцом, ни братом, ни кем-либо еще. Ему просто нравилось играть со мной, следить за тем, как я расту, получать в свой адрес те искренние редкие теплые слова, которые я мог себе позволить произнести вслух. Он любил меня не потому, что его обязали любить, а

потому, что он сам так хотел.

Я любил тебя так же, как и ты меня, Джозеф. Нет! Я любил тебя сильнее, чем ты меня. Зачем же ты вот так уходишь, не попрощавшись? Почему ты не сказал мне ничего напоследок, как это сделала Наташа для Ашидо? Как ты мог вот так поступить со мной?

— Тебе больно? — заговорил Морфей.

— Да, — исполняясь горечи, промямлил я.

— Тебе одиноко?

— Да.

— Ты злишься?

— Да.

— Ты хочешь отомстить тем, кто сделал это с ним?

— Да.

— Ты хочешь разорвать их?

— Да.

— Стоит ли мне помогать тебе, Каспер?

— Помоги мне, Морфей.

— Как пожелаешь, дитя.

В этот момент по комнате стала расползаться темнота, все вокруг тонуло в черной беспросветной пелене. Сердце переполняла боль утраты одного из тех немногих, кого я искренне любил. Теперь я заставлю их испытать ту же боль, заставлю утонуть в страхе и утоплю в кошмаре собственными руками. Я покажу им, какими беспощадными могут быть люди.

— Это здесь, скорее сюда! — послышались крики гвардейцев из коридора.

Громкие шаги приближались к этой комнате, и уже через мгновение толпа гвардейцев заглянула внутрь, замерев в непонимании.

— Ребенок? — оторопел один из них, даже не думая снимать меня с мушки.

— Я заставлю вас заплатить за то, что вы сделали, — сквозь ненавистный оскал прорычал я. — Утоните в кошмаре, погрузитесь в самый страшный сон, пути назад из которого уже не будет. Я стану последним, кого вы увидите перед смертью, потому хорошо запомнить лицо человека, имя которому «Ловец снов».

— Огонь! — закричал один из гвардейцев, после чего остальные принялись стрелять.

Стоило очереди из винтовки раздаться, она тотчас затихла вместе с тем, как черные щупальца в мгновение пронзили всех, кто попался на глаза. Их предсмертные хрипы бальзамом легли на уши, их стоны звучали подобно колыбельной, их падающие на пол тела приносили спокойствие, но этого было недостаточно для того, чтобы заглушить мою боль.

Сейчас уже по всем трем этажам расползлась тьма, и теперь я отчетливо вижу каждого, кто пытается от меня укрыться, вижу каждого, кто виновен в моей горечи. Каждый здесь умрет от моей руки, а их крики о помощи и мольбы о пощаде не будут услышаны. Это ли называется мстью?

— Кошмар идет за вами.

***

Некоторое время ушло на то, чтобы прикончить оставшихся в живых гвардейцев, и лишь после того, как огонь внутри меня утих, в здании снова раздался треск огня, разрушающего то место, которое я мог назвать домом. Все еще со слезами на глазах, совсем позабыв о том, что должен сделать, я бесцельно поплелся на кухню, вспоминая о тех нежных ароматах,

которые исходили оттуда, что сейчас перебивались заполнившим здание дымом.

Стоило мне подойти ко входу, как сразу раздался громкий женский крик, а из-за угла выскочила девушка, замахнувшаяся рукой в мою сторону. Не знаю почему, но я даже не испугался этого, учитывая то, что удар оказался слишком высоко, чтобы меня задеть.

— Каспер? — ошарашено спросила девушка. — Что ты здесь делаешь? Ну-ка быстро сюда, я тебя спрячу!

Она не дала мне ни секунды для того, чтобы прийти в себя, а лишь схватила под руки и затащила вглубь кухни, захлопнув дверь ногой. Не знаю почему, но я и не думал защищаться, ведь этот голос казался до боли знакомым.

— Вот и все, теперь ты в безопасности! — довольно заголосила девушка. — Что бы ни случилось, боевая горничная Итачи тебя защитит!

— Итачи? — на секунду задумался я. — Точно, она же все это время заботилась обо мне, кормила, играла со мной, учила всяким взрослым вещам.

— Смотри, Кирей тоже тут! — вновь окликнула меня Итачи.

— Привет, Каспер! — немного замямшись, подхватил Кирей. — Не бойся, Итачи защитит нас!

Точно, теперь я вспомнил... Эта девушка была для меня словно мама, которую я совсем не помню, а Кирей стал первым, кого я мог назвать другом.

— Ну же, чего ты молчишь? Испугался настолько сильно, что не можешь говорить? — заботливо суежилась рядом Итачи. — Давай спою тебе песенку!

Точно, Джозеф был не единственным человеком, которого я любил. Значит, если люди делают для тебя добро, а взамен ты хочешь отплатить тем же — это и называется любовью? Значит ли это, что они тоже меня любят? А, может, не только они? Все это время я думал, что только Морфи нуждается во мне, но это не так. Эти люди, которые меня окружают, все они хотят мне только добра, заботятся и стараются уберечь. Никогда раньше не испытывал этого чувства...

— Итачи, я люблю тебя! — внезапно выкрикнул я, вцепившись в девушку так, словно готов любого за нее разорвать, как сделал это за доктора Даяна.

— Ну, что ты, солнышко, — смиренно улыбнулась она. — Я тоже люблю тебя, Каспер, все будет хорошо.

— Кирей, тебя я тоже люблю! — столь же импульсивно вцепился в него я.

— Что на тебя нашло? — оторопел он.

— Ты тоже меня любишь? Правда ведь? — настойчиво пристал я.

— Д-да конечно, — засмутился мальчик. — Но больше так не делай!

Даже без прикосновений я чувствовал это тепло — тепло сердец добрых людей, любящих меня так же, как и я их.

— Точно! — внезапно вскрикнул я, вспомнив о том, что должен сделать. — Итачи, нам нужно спасти остальных! Ты знаешь, где сейчас находится кто-то еще?

— Каспер, не нужно геройствовать! — предостерегла девушка. — Ты уже настоящий герой, раз смог найти нас и выжить. Оставь это дело остальным.

— Я не могу стоять в стороне! Они убили Наташу и Джозефа, и, если я не вмешаюсь, убьют вас и тех, кто все еще жив!

— Каспер, прошу, веди себя тише, — продолжала останавливать меня Итачи. — В конце концов, ты всего лишь ребенок, который не должен был переживать эти ужасы. Знаю, ты хочешь всех спасти, но разве у нас хватит на это сил?

— Хватит! — не сомневаясь ни секунды, прокричал я. — Несколько десятков уже мертвы, и я могу убить остальных. Морфей на нашей стороне!

— Это не игра, Каспер, — сдерживая слезы, говорила Итачи. — Прощу, спрячься и не выходи, пока все это не закончится.

— Меня напрягает то, как она тебя опекает, — раздался голос Морфея, который, судя по всему, не я один услышал.

— Чего? — тотчас опешила Итачи, к фигуре которой поползли те же черные щупальца.

— Я не позволю тебе ее трогать, — тотчас оборвал я, заставив щупальца спрятаться в темноте.

— Ого, противишься мне, мальчик, — немного удивился Морфи. — Впрочем, я все равно еще голоден. Давай выжмем из выживших остальное.

— Каспер, что это? — испугано заговорила Итачи.

— Не волнуйся, со мной ты в безопасности, — улыбнулся я, положив на голову девушки руку. — Спрошу еще раз, где мне найти остальных?

— Как же ты вырос, — пустив чувственную слезинку, улыбнулась девушка. — Шин, Мисато, Николас и Торин, должно быть, скрываются в подвале. Мы еще можем их спасти.

— Тогда, не будем терять времени, идем! — решительно произнес я, схватив Итачи и Кирея за руки.

Подойдя к двери, я был готов броситься на любого, кто встанет на пути или косо посмотрит на тех, кого я люблю, но фигура за дверью застала меня врасплох. Стоило преграде отвориться, в проходе показалась она, отчего я тотчас отскочил назад и рухнул на пол.

— Нашла, — прозвучал хриплый и нежный женский голосок.

— Войд! — обрадовалась Итачи. — Как я рада тебя видеть!

— Что здесь случилось? — спросила Войд.

— Сейчас не время для объяснений, нам нужно спасти остальных, — оборвала Итачи. — Твоя помощь очень пригодится.

— Войд! — внезапно выкрикнул я, вцепившись и в нее. — Я тебя люблю!

— Что? — сильнее прочих опешила Войд. — Ашидо говорил, что если любят, надо жениться, а я не знаю, что такое жениться!

— Брось, он сегодня странный, — посмеялся Кирей.

— Ха-ха-ха, — рассмеялась Итачи. — Хватит, Каспер, нужно спасти остальных.

— Знаю, идем.

***

Несколько мгновений спустя мы уже спускались по лестнице вниз, по дороге встретившись с бездыханным телом Торина, который, судя по всему, прикрывал отход остальным, но сам пал жертвой. С ним уже ничего нельзя было поделать, а у остальных еще оставался шанс на спасение, потому мы продолжили путь, пока не услышали звуки оживленной перестрелки. На том этаже, где находился инженерный отдел, в огромной металлической двери зияла дыра, стенки которой еще не успели остыть, а близ нее виднелись трупы гвардейцев.

Стоило заглянуть внутрь, как надежды оказались оправданными: Мисато, Шин и Николас спрятались за укрытием в дальней части помещения, стараясь бороться за свои жизни изо всех сил, сумев продержаться до момента нашего прихода.

— Ребята! Помощь уже пришла! — изо всех сил закричала Итачи, на что обратили

внимание и сами гвардейцы. — Ну же, задайте им трепку!

— Хорошо, — однозначно проговорила Войд, ступив вперед, а следом за ней пошел и я.

Стоило Войд шагнуть за порог, как в помещении засияли яркие следы энергии, словно та незримым мечом рассекает воздух. Головы гвардейцев с тяжестью падали на пол, даже тех, что были похожи на нас двоих, но одной Войд уследить за всем было сложно, потому я тоже присоединился, став протыкать тех, кого не видит она. В какой-то момент последнее тело столкнулось с тяжелым бетоном, а стрельба затихла. Этот кошмар наконец закончился.

— Это был последний, выходите! — прокричал я вдаль, после чего из-за ящиков показались фигуры, которые сразу пошли на сближение.

— Фух, ну и адское пекло! — воскликнула Мисато. — Если бы не вы, ребята, мы могли бы здесь подохнуть! Спасибо!

— Черт бы побрал эту гвардию! — недовольно фыркнул Шин. — Вы с порядке?

— А меня не спросишь? — столь же недовольно возмутился Николас.

— Я и сам вижу, что ты жив-здоров.

— С каких пор пулевое в плечо называется «жив-здоров»?

— Довольно, — оборвала Мисато. — Где Торин, Наташа и Джозеф?

— Они мертвы, — однозначно ответил я, склонив голову к полу.

— Понятно, — столь же болезненно восприняла все Мисато. — Есть догадки, как они нас нашли?

— Ни единой, — помотала головой Итачи.

— Войд, почему ты здесь? — вновь спросила Мисато. — Разве ты не должна осаждать цитадель с Ашидо?

— Ашидо сказал, что Войд не нужно сражаться, — пояснила Войд.

— Если он сейчас во дворце, то мы должны помочь ему! — подхватил я.

— Ашидо не во дворце, — оборвала Войд. — Все сейчас сражаются там, где большая штука, которая делает больно. Как у меня, только больше.

— Разлом, — догадался Шин. — Что пошло не так? Почему орден сейчас у Разлома?

— Ашидо сказал, что Эдвард нас обманул, — пояснила Войд. — Он сказал, что планы меняются.

— Понятно, — тяжело вздохнула Мисато. — Значит, это нападение на его совести, и я не удивлюсь, если этот урод подкинул ордену еще одну причину с ним сцепиться. Если они сейчас у Разлома, то дело принимает серьезный оборот. Я должна отправиться к ним на помощь.

— Тебе не хватило того, что произошло здесь? — завелся Шин. — Хватит гоняться за смертью! Я не хочу, чтобы ты пострадала!

— А кто сказал, что я буду одна? — ухмыльнулась Мисато, указав на того большого робота, которого так долго собирал весь инженерный отдел. — Пора проверить, на что способна эта штука.

— Я пойду с тобой! — вмешался я, всей душой желая помочь.

— Каспер, ты итак хорошо постарался, — ласково проговорила Мисато. — Если бы не ты, никто бы не спас Итачи и Кирея. Ты — настоящий герой, раз способен защитить не только себя, но и своих близких.

— Я... герой? — немного запутавшись, пробормотал я.

— Мы все очень благодарны тебе, — столь же тепло улыбнулась она. — Но это еще не конец. Войд, мне нужно, чтобы ты пошла со мной. С твоей скоростью и моим мозгом

помощь для остальных не заставит себя ждать.

— Я помогу тебе, Мисато, — согласилась Войд.

— Все остальные останутся здесь! — скомандовала Мисато. — Внутри этого помещения безопаснее всего. Оставайтесь здесь до тех пор, пока здание полностью не прогорит и не рухнет. А ты, Каспер, постарайся уж защитить их. Мне больше не на кого положиться.

— Н-но... я хочу пойти с вами! — с надеждой прокричал я.

— Ты уже сделал достаточно, Каспер, — улыбнулась она, став гладить меня по голове. — Мы все обязаны тебе жизнью, и ты сделаешь еще больше, если останешься здесь и защитишь остальных.

— Хорошо, — нехотя согласился я. — Удачи.

— Спасибо, малой! — с радостным лицом воскликнула Мисато.

— Обещай мне, что вернешься обратно, — вклинился Шин, поймав за руку уже карабкающуюся на работа девушку.

— Я вернусь, не беспокойся обо мне, — спокойно произнесла Мисато.

В этот момент они внезапно поцеловались, да так чувственно, что некоторые из присутствующих то ли замерли на одном месте, то ли завистливо отвернулись.

— Все-таки, я люблю тебя, котик мой, — в той же улыбке проговорила Мисато.

— И я люблю тебя, — со скупой слезой на глазах проямлил Шин.

Так вот как выглядит любовь...

— Идем, Войд! — напоследок выкрикнула девушка, запрыгивая в кабину.

— Да! — подхватила Войд.

Стоило звуку пришедшего в боеготовность робота разнестись по комнате, посреди нее открылся огромный портал. Две девушки смело загашали в его сторону, а мы могли лишь сопровождать их взглядом.

— Удачи! — закричала Итаци, следом за которой тоже самое выкрикнул Николас.

— Возвращайтесь живыми! — вдогонку прокричал Шин.

Следом за этими словами, Мисато и Войд скрылись за черной пеленой.

Глава 62: Столкновение

В то же время, когда в небезызвестном ордене «Спектр» царила разруха и остатки отрезанных от мира сил боролись за свои жизни, остальные представители во всю рвались в бой, даже будучи в меньшинстве против подавляющего числа разношерстных гвардейцев, неведомо как идущих за человеком, что смог обмануть всех и сразу. Среди них были такие же люди: молодые, зрелые, военные в возрасте. За черной формой скрывались лица отцов и матерей, чья работа вынудила оставить своих чад на присмотр иных лиц, если тем не доводилось оказаться в детском доме по воле короля, которому никто не был в силах возразить.

Ашидо видел все те ужасы, которые переживали не только сверстники, но и другие жители Гармонии, когда-то верившие в то, что окажутся счастливыми, живущими на райском острове в утопии. Это место рушило судьбы, разбивало семьи на осколки и лишало отдельные личности своих лучших качеств, но не все было так безнадежно. Пусть большинство молча верило в то, что все как-нибудь само образумится, были и те, кто не мог смириться с тем, что все за них уже решено.

Все эти люди были разными, имели разные возможности и мотивы, будь то месть, борьба против несправедливости или нежелание жить в бедности, однако всех их сплотила единая цель — каждый желал жить в мире и был готов отдать жизнь за мечту. В этот знаменательный день именно такие люди собрались воедино, чтобы дать отпор тем, кто их ни во что не ставил, чтобы доказать, что даже самые маленькие по отдельности люди вместе способны перевернуть историю. Кто-то мог стать ведущим магистром медицины, кто-то мог сохранить лидерство в мире адвокатов, кто-то мог продолжить расти по карьерной лестнице в военном деле, но все они выбрали один путь, поверив в идеалы обычного мальчишки.

Эта история рассказывает зрителям не столько о бессмертной доблести и самопожертвовании людей, сколько о возможности каждого отдельного человека достигнуть незабываемых высот через усердие и непробиваемую веру в себя. Честность и доброта способны расположить к себе даже самого отороженного ублюдка, а умение не сдаваться создает из этих качеств надежного лидера. Даже сейчас, когда жизни угрожает опасность, никто из гордого ордена «Спектр» не сдастся, все они движутся в одном направлении следом за тем, в кого рискнули вложиться, а мы, зрители, можем лишь наблюдать и гадать, чем же закончится эта удивительная история.

— Эмили! — выкрикнул Ашидо на бегу, стараясь привлечь к себе внимание.

— Жду команды, — отреагировала девушка.

— Здесь ты самая быстрая, верно? — подметил парень. — Попробуй обойти их со спины — вполне возможно, что среди гвардии есть снайперы, или чего хуже, в арсенале дворца есть и минометы.

— И то, и другое, — подтвердила Эмили. — Я займусь ими, можете на меня положиться!

— Только ни в коем случае не вступай в бой с элитой! — предостерег Ашидо. — Сперва нужно выиграть как можно больше преимуществ!

— Поняла, не будем терять времени! — напоследок сказала девушка, оторвавшись от группы в сторону лесистой окрестности на границе огромного поля боя.

С каждой секундой та становилась все быстрее, а шаги ее сверкали вспышками

маленьких молний, не говоря уже о том, как вся эта разрушительная сила природы выливалась наружу, озаряя все вокруг дерзким желтым сиянием. Лишь пара мгновений минула, и некогда гордая служительница дворца скрылась в едва зеленой осенней листве.

Ашидо все это время провожал союзника пристальным взглядом, думая над планом атаки, пока не обернулся в сторону остальных, застав позади весьма нелицеприятную картину. Пусть многие из ордена уже прошли через ожесточенные бои и закалили свое тело, юная Мива еще не успела нагнать соратников по выносливости. Ее дыхание все сильнее сбивалось, ноги постепенно замедлялись и отставали — еще немного и девушка подставит всех под удар.

— Мива, не истощай себя! — выкрикнул Ашидо, стараясь остановить девушку.

— Все нормально, я справлюсь! — отстраненно с видимым самовнушением оборвала девушка.

— Вернись в комплекс и займи линию обороны вместе с капитаном! — скомандовал парень, выбрав меньшее из зол для Мивы. — Если ты сможешь обеспечить нам связь для переговоров между друг другом, то будешь в разы полезнее в бою! К тому же, мы будем уверены, что гвардию комплекса есть кому поддержать!

— Ты хочешь, чтобы я встала на линию обороны? — опешила Мива. — Я могу создать связь, но тогда не смогу ничем вам помочь здесь!

— Живая ты нам нужнее! — с улыбкой на лице выкрикнул парень, мотаясь между тем, что сзади, и тем, что перед ним.

— Но... ладно, не стану спорить, удачи! — наконец согласилась девушка, резко отступив назад и сменив направление движения на противоположное.

Задачи для двоих уже были объявлены, оставалось решить лишь план прямого столкновения и тактику ведения боя. Обычно на такое отводятся часы времени, если не месяцы, однако общий враг ордена не дал времени на размышления, потому не осталось иного варианта, как придумывать на ходу.

— Лия, у тебя самые сильные по массовости способности, — подметил Ашидо. — Сконцентрируйся на том, чтобы проредить ряды гвардии!

— Сделаю все, что смогу! — отреагировала Амелия.

— Хорнет, твоя кровь очень болезненна для шепотов, старайся отдавать приоритет единичным целям, — приказал парень. — Будешь прикрывать Амелию и брать на себя элиту, если кто-то из них попытается помешать!

— Я тоже об этом подумала, — согласилась Хорнет. — Будем действовать парами, верно?

— Поодиночке никому из нас не выстоять, — вмешалась Нао. — Нужно прикрывать друг другу спины и отыгрывать свои роли — так у нас значительно больше шансов.

— Верно, — утвердительно кивнул Ашидо. — На сколько хватит ваших костюмов?

Речь шла о тех самых вычурных обтягивающих костюмах в узоре сот, в которые были одеты Хорнет и Амелия в день падения одного из крупнейших посредников Гармонийского наркобизнеса и высвобождения его заложниц. С их стороны было крайне предусмотрительно оставить себе столь мощное снаряжение на случай неравного боя.

— Мисато усовершенствовала щиты, теперь их хватит не на несколько пуль, а на несколько десятков таких же, — пояснила Хорнет. — Мы тоже учимся на прошлых ошибках, потому взяли с собой почти все оставшиеся пробирки с кровью, перелив содержимое во флаги.

— Думаешь, фляги выдержат прямое попадание? — засомневался Ашидо.

— Если пройдет по касательной — опасаться нечего, — спокойно ответила девушка. —

К тому же у нас их мало того, что по три на поясе, так еще и в движении не так просто попасть.

— Я рад, что вы подумали о самозащите, — улыбнулся парень. — Однако, если почувствуете угрозу жизни — сразу же отступайте.

— Не беспокойся о нас, — успокоила Амелия, — мы давно уже не маленькие девочки.

— Хорошо, полагаюсь на вас! — утвердительно кивнул Ашидо.

Распределение ролей для половины участников минуло, как и та половина расстояния, стоявшего между противоборствующими силами. Еще немного и произойдет столкновение, потому думать нужно быстрее.

— Я возьму на себя ту же роль, что и у Амелии, — недолго думая, проявила инициативу Нао. — С регулярной гвардией проблем не будет, снарядов можно не опасаться, однако внезапная атака может оказаться некстати. Кому можешь доверить защищать меня, Ашидо?

— Я буду! — громко воскликнула Ринна. — Против шепотов, скорее всего, не выстою, но смогу выиграть время для того, чтобы ты отреагировала. За спину можешь не опасаться, принцесса!

— Хах, мне нравится твой настрой! — ухмыльнулась Нао. — Такой вариант уместен, лидер?

— Думать так же, как думают другие — это и есть орден «Спектр», — подхватил улыбку Ашидо.

— Тогда, осталось решить за нас двоих, — вклинулась Юмико. — Ни у тебя, ни у меня нет массовых атак, только приоритетно одиночные. Какие роли будем отыгрывать?

— Возьмем на себя элиту и попробуем пробиться к Эдварду, — объяснил Ашидо.

— Думаешь, стоит идти напролом? — засомневалась девушка.

— С твоей броней и лечением, а также моей скоростью и «сечением», мы отлично сыграемся в пробивной силе. Как только вступим в бой, спрячься за броней и следуй строго вперед, расчищая мелочь. Я возьму на себя окружение и элиту, постараюсь убивать быстро и одним ударом, чтобы не снижать темп, пока не доберемся до Эдварда.

— Ашидо, мы не можем вступить с ним в бой, когда вокруг столько солдат! — запаниковала Юмико.

— Его гордыня не позволит другим вмешиваться в бой, — пояснил я. — Не знаю почему, но я предельно понимаю то, как он мыслит. Эдварду важно показать превосходство и сломить нас, а не просто выкосить по-одному, поэтому стоит ожидать боя без прочих, а также тонну издевок. С другой стороны, он может снова вонзить нож в спину, потому нужно оставаться настороже.

— Ошибочные выводы могут стать нашей могилой, — продолжила сомневаться девушка.

— На то мы и «Спектр», чтобы верить в несвершимое — так было, есть и будет, Юми, — уверено произнес Ашидо.

— Что ж, я поверю тебе, — наконец согласилась она. — Постарайся уж не налажать.

В этот момент в ушах каждого из этой ударной шестерки прозвучал звон, который столь же внезапно затих, а следом за ним раздался голос.

— Связь налажена, — произнес нежный и слегка истощенный женский голос. — Когда вступите в бой, говорите друг другу «прием», чтобы не препятствовать остальным — я

усилю голос так, чтобы остальные могли слышать.

— Отлично, Мива! — не скрывая радости, воскликнул Ашидо. — Теперь все могут меня слышать?

— Даже я слышу, — заголосила Эмили из пустоты, уже сбежавшая достаточно далеко. — Теперь смогу отчитаться о ситуации и предупредить о своем возвращении.

— Капитан Кастелланос тоже на связи! — раздался мужской басс. — Такаги, вы уже обсудили план?

— Все схвачено, Дорн, — подтвердил Ашидо. — Повторяю для всех — мы с Юмико пойдем напролом к Эдварду и займемся элитой, потому в бой вступим первыми! Хорнет и Амелия зайдут по левому флангу, Нао и Ринна по правому! Эмили обойдет со спины и лишит гвардию снайперов и минометчиков! Мива останется на линии обороны вблизи комплекса и обеспечит нам связь! Что планирует делать гвардия комплекса?

— Оставь на нас прорвавшихся через первую линию! — откликнулся Дорн. — Здесь есть пулеметы и лазеры, а также ваша девушка, которая в себе излишне уверена.

— Я прослежу, чтобы никто не смог подойти к Разлому! — перебила капитана Мива. — Пусть я и не так вынослива, как все вы, но все равно смогу разобраться как и с обычными солдатами, так и с элитой.

— Капитан! — вновь прокричал Ашидо. — Не допустите того, чтобы девушку ранили! Она — ваше главное оружие в этой обороне!

— Я понял, долой разговоры, за дело! — оборвал Дорн. — Вы столкнетесь в течении минуты!

— Понял, конец связи, — по привычке кивнул Такаги. — Ребята, на случай, если что-то пойдет не так, знайте, я рад, что однажды повстречал вас! Свобода и выбор, «Спектр»!

— Свобода и выбор, «Спектр»! — подхватили остальные, издав боевой клич в унисон.

На этой ноте приготовления были завершены, строй «Спектра» слегка изменился в знак того, что скоро придется столкнуться в бою с врагом. Ашидо и Юмико слегка вышли вперед, а ответственные за фланг разошлись подальше от центра. Эмили на тот момент уже почти достигла цели и пошла на сближение с ближайшими гвардейцами, заходя со спины. Пробужденная сила шепотов озарила своим светом невысокую траву, казалось бы, бесконечного поля. Воздух словно застыл в ожидании, а солнце на секунду скрылось за облаками, словно сама вселенная стояла на стороне наших героев.

В какой-то момент в пустоте засвистели пролетающие мимо пули, раздался грохот многотысячных шагов, и стороны баррикад наконец столкнулись лицом к лицу. Ашидо первым оголил свой клинок и бросился в толпу озверевших от напряжения гвардейцев, разом перерубив полдесятка смельчаков, решивших идти в первых рядах. Кровь размашистыми всплесками разлетелась в воздухе, а затем с выраженным хлипким звуком соприкоснулась с землей. Следом за ним в бой вступила Юмико, покрыв все тело непробиваемой энтропийной броней, что внушала ужас в каждого впередистоящего своим грубым переплетением темных волокон, освещаемых изнутри чем-то ярко-зеленым, словно фонарь, заключенный внутри проросшего дерева. Внутри нее можно было не опасаться ранений или неожиданных атак. Ее меч «Нит», грациозно пронесшийся по толпе гвардейцев, казался легче, чем когда-либо еще, а яркий зеленый луч, продлевающий лезвие катаны, достигал противников на столь внушительной дистанции, что рассчитать ее попросту не представлялось возможным. Стоило девушке выйти вперед, как та дала возможность Ашидо отступить за спину, чтобы воплотить план именно так, как он был задуман.

Еще несколько секунд спустя прозвучал первый мощный взрыв — преисполнившаяся в собственной силе Амелия вкладывала много мощи в поразительные по массовости удары, заставляя гвардейцев пятиться назад, если тем удавалось каким-то чудом не сгореть заживо. Ее способность за этот срок возросла с уровня небольших огненных шаров до взрывов колоссального разрушения, потому девушка по праву заслужила место в лидерах по массовому поражению. Солдаты с криками выходили из-под завесы, а Лия продолжала двигаться вперед. Один лишь вид сгорающих дотла снарядов во время полета внушал ужас в сердца врагов.

Хорнет же не отставала от своего авангарда и старательно варьировала между уцелевшими и атакующими, не только прикрывая спину Амелии, но и помогая той расчищать путь. В последний раз Ашидо видел ее в бою настолько давно, что не мог поверить в то, что видит сейчас. Если раньше девушка не могла управиться с одним мечом, то в этот день она смело и уверенно орудовала сразу двумя, умудряясь уследить не только за подругой, но и за собой. Вокруг тела девушки витала кровавая завеса из множества потоков, блокируя пули, а другими взмахами крови та совершала ответные удары, дотягиваясь до туда, до куда обычный меч не достал был.

На правом же фланге все было не таким разрушительным, но столь же эффективным: Нао выкладывалась на полную, неестественно двигая пальцами так, словно те живут своей собственной жизнью и думают собственной головой. Ее большие пальцы были отогнуты и оставались на месте, помогая в защите путем отлавливания пуль в воздухе и обнуления их скорости, в то время как остальные сосредоточились на атаке. Восемь небольших по размеру округлых лезвий разделившегося чакрама, светящиеся ярким голубым цветом, подчинялись командам и поочередно, а иногда и одновременно, поражали всех в зоне видимости. Пусть это был не взрыв и не размашистая атака, но гвардия перед глазами убавлялась подобно насекомым, попавшим в облако аэрозоля.

Пусть Нао и сама справлялась со своей задачей, она не могла за всем уследить, потому пришлось доверить защиту Ринне. Хоть многие и опасались за ее эффективность из-за того, что девушка сильна лишь в ближнем бою и городской среде, однако та проявила смекалку и отняла у лежачих парочку огнестрельных. С двумя автоматами в руках Ринна превратилась в настоящую машину для убийств, которую не берут никакие пули, глухо падая на землю от столкновения с поистине железной кожей. Стоящие вдали сталкивались с градом пуль, а подошедшие слишком близко лишались возможности двигать конечностями или даже дышать, но только в случае, если им повезло не впитать всю мощь тех ударов, что крошили кости и разрывали органы.

Все эти люди могли свободно отдаться страсти к бою лишь благодаря Эмили, которая в миг настигла затаившихся в ожидании снайперов. Ничего не подозревающие гвардейцы затаились в листве и тихо ожидали начала боя и хорошей возможности нанести неожиданный удар, однако сами столкнулись с тем, чего не могли и предположить. Молниеносными движениями и грамотными атаками на бегу, когда на счету каждая секунда, девушка мгновенно лишала гвардейцев жизни, то ли вонзив лезвие боевого ножа в глотку, то ли поразив цель мощным разрядом тока, сжигающего цель изнутри — лишь природное восприятие изредка подводило. Один за другим враги убавлялись, но впереди было еще много работы, ведь Эмили только начала огибать ту дугу поддержки, которую образовали войска. Дальше по курсу находились те самые минометчики, которые еще даже не успели развернуть орудия для атаки, которые они, возможно, так и не успеют привести в

боевую готовность. Пусть действия Эмили и выглядят грамотными, они могли оказаться простыми скитаниями в поиске добычи, если бы не Мива, которая старательно подсказывала девушке местоположение врагов, усиливая звуки шелеста кустов и переговоров, которые стали для снайперов последними.

Хоть связист и не внушает героизма, эта малышка в истории Гармонии оказалась настоящим героем, принявшим на себя удар отовсюду и сразу. Сидя на коленях в траве, Мива вслушивалась во все, что происходит на поле боя, и эти звуки для нее были хуже агонии: выстрелы, крики боли, звон металла, гул бесчинствующей энергии, что изредка разбавлялись звуками природы, будь то утреннее щебетание птиц или ласковый ветерок, дующий навстречу. В один миг она отбросила все: страх, крупички гордости и сомнения, а все ради того, чтобы сконцентрироваться на помощи друзьям. Ее «лишние уши» в этот день не были надежно спрятаны где-то за густыми локонами волос или под одеждой, напротив, они дрожали и вслушивались, словно живые антенны, чувствующие то, что нельзя услышать человеческим ухом. Весь этот ужас давил на девушку и буквально разрывал изнутри, вынуждая кровь неестественно стекать по гладкой спине вниз.

Дорн же оказался человеком слова и не предал надежд ордена выйти из боя, будучи преданными всеми. Командуя небольшой группой умелых гвардейцев и парочкой шепотов, тот доблестно защищал комплекс от преодолевших первую линию обороны врагов. Люди практически сразу валились с ног, когда их поражал шквал пулеметов, а если тем удавалось подойти ближе, в дело вступали мощные лазеры, разрубающие цель пополам. Лишь благодаря остаткам гордости и капли разумности этих ребят, Мива могла сосредоточиться на тех, кто сейчас впереди.

Такова сила меньшинства — все вместе и все помогают друг другу. С единой целью люди способны на все, что угодно, даже на, казалось бы, невозможное, как это было на этапе застройки Гармонии, ведь подобные ей города не строились меньше, чем за десятки лет. Лишь идеальное общество способно достигнуть небывалых человеческих высот и получить в награду благословение, но с рождением алчности в сердцах многих появляется трещина. Таков мир — не все люди живут в системе, и точно не каждый желает добра остальным. Эгоизм, зависть, тщеславие и гордыня порождают угрозу, разрушают то, над чем так долго старались другие, и со временем этот феномен превращается в бесконтрольное течение зла, создавая собой парадокс из «Инь» и «Янь».

Все мы рождаемся одинаковыми, но боль в сердце по-разному влияет на ту личность, которая сформируется вскоре: кто-то не хочет, чтобы другие испытывали ту же боль, а кто-то, напротив, желает, чтобы его боль познал весь остальной мир. «Все мы разные, но все вместе» — это вовсе не возможная реальность, а идея утопии, и все мы лишь фигуры на шахматной доске мироздания, а в шахматах, как всем известно, есть только черные и белые.

***

Спустя несколько минут кровопролитной схватки, что ощущались часами, появились первые результаты и первые сомнения. Боевой отряд столкнулся с сопротивлением, которое ранее с легкостью подавлялось, потому усилился в обороне, и эта ответственность в первую очередь легла на плечи Хорнет, Ринны и Ашидо.

— Справа шепот! — предупредила Юмико, отбиваясь от толпы, будучи приглушенной слоем брони.

— Вижу! — тотчас отреагировал Ашидо, бросившись навстречу атакующему. — «Сечение»!

Нападавший быстро распрощался с жизнью от неожиданного удара, который невозможно было заблокировать. На горячее тело Такаги легла тяжелая отдышка от нехватки кислорода, который восполнялся уже не тем воздухом, в котором стыл запах крови, а тем энтропиумом, который поддерживал жизнеспособность сосуда. Ни для кого не секрет, что парню приходилось дышать в разы больше, чем остальным, ведь череду бесконечных движений, за которыми и разумом не поспеешь, приходилось поддерживать ежесекундно, чтобы не распрощаться с жизнью в момент долгожданного вздоха.

— Прием, это Юмико, доложите ситуацию! — прокричала Юмико, голос которой был слышен гораздо отчетливее.

— Прием, это Эмили! — раздался первый возглас. — Я на подходе к минометам, снайперы на левом фланге устранены, остается только правый!

— Лия, у тебя что? — продолжила расспрос девушка.

— Прием, это Хорнет, — заговорила другая, голос которой часто прерывался треском. — Лию глушит звуками взрывов! Мы продолжаем наступление в том же темпе, ранений нет!

— Хорошо, Нао! — наконец вмешался в разговор Ашидо, которому даже не пришлось говорить «прием», чтобы быть услышанным.

— Прием, это Нао, — откликнулась девушка. — У нас все отлично, не отвлекай!

— Продолжайте в том же духе! — вновь вставила слово Юмико. — Мы скоро настигнем Эдварда. Будьте готовы стянуться ближе к центру!

— Принято! — одновременно отреагировали все.

Бой выглядел неравным, но смелость и умение работать в команде давали ордену «Спектр» преимущество, по крайней мере, пока они не подобрались слишком близко к месту, где была сосредоточена высшая гвардия и сам Эдвард. Эта цель уже не казалась такой невозможной, но силы у людей далеко не бесконечны, как и стойкость для умения сопротивляться. Нужно было закончить все быстро, лишить гвардию командования и поводов продолжать это бессмысленное кровопролитие.

— Ашидо! — внезапно очень громко заголосила Мива. — Тебе нужно это услышать!

— В чем дело? — опешил я, заподозрив, что кто-то добрался до комплекса так же, как и Эмили до спины гвардейцев.

— Эдвард хочет поговорить! — пояснила девушка. — Я сделаю так, чтобы вы слышали друг друга.

Через считанные секунды в голове у Ашидо послышался смешок, какие выдают только плохие парни, не ставящие ни во что окружающих — про гордыню было в точку. Он сразу понял, что Айс издевается над ними, даже с тем шоу, которое для него устроили. В сердце Ашидо проснулась скрытая злоба, он яростно стиснул зубы, не ослабив хватки на рукояти, продолжая сражаться.

— Полезная способность, не находишь? — усмехнулся Эдвард.

— погоди еще немного, и я до тебя доберусь! — сквозь злобу проскрипел Ашидо.

— Доберешься до меня? — с той же усмешкой протянул он. — А я и не прячусь, Такаги. Думаешь, я здесь сижу в страхе с поджатыми коленками и жду, когда эти тряпки с винтовками сделают дело? Вы так яростно сражаетесь за иллюзорный шанс одержать верх, но разве это не бессмысленно? Кого здесь можно назвать извергом и опасностью для Гармонии: меня или вас?

— Закрой рот! — громко прокричал Такаги. — Твое предательство не будет прощено, и

я не пощажу тебя, как бы сильно не умолял! Только дождись, Эдвард!

— Знаешь, иногда нужно кого-то предать, если иного выхода нет, — спокойно сказал Айс, выдав на себе нелепый зев. — Ты и твои люди не из тех, кого можно вечно дергать за ниточки. Я могу поведать о своей цели, ради которой не стыдно вонзить нож в спину, но здесь так шумно, что и поговорить толком не получается...

— Нам не о чем разговаривать!

— погоди, Ашидо, — прервал Эдвард, не скрывая тех же издевок. — Речь идет о возможности сразиться со мной без пугающих под ногами собак. Разве ты не хочешь лично расправиться со мной? Это весьма заманчивое предложение: я окажу услугу твоим людям, оставив гвардию без командования, а ты окажешь услугу моим людям, сохранив им жизнь.

— С какой стати я должен верить тебе? — недоверчиво прорычал Ашидо. — Прикажешь своим людям атаковать меня, когда ослаблю бдительность!

— С этого момента мне незачем врать, — спокойно ответил Айс. — Вся эта ложь была ради одной цели, от которой сейчас меня отделяет маленькое сборище детишек, еле стоящих на ногах в бою против рядовых. Я готов позволить тебе перед смертью услышать все откровения, ибо я буду искренне честен в этом бою.

— Глупо, Эдвард, — прошипел Ашидо. — Глупо с твоей стороны питать такие надежды.

— Что ж, позволь доказать тебе твердость моих намерений и чистоту слов, — как-то слишком уверенно произнес Эдвард, после речи которого последовал отклик гвардейской рации. — Прекратить огонь по девушке в броне и черноволосому парню! Приказ генерала Айса — я запрещаю атаковать их, пока сам жив, и этот приказ не будет отменен до тех пор, пока во мне теплится хоть капля жизни! Ослушавшиеся будут отправлены под военный трибунал и осуждены за государственную измену!

По мере того, как слова доносились до ушей членов «Спектра», бой продолжался по всем фронтам, однако в один момент гвардейцы близ Ашидо и Юмико, даже будучи в полном боевом настрое, поочередно сложили оружие, опустив его в пол. Некоторым не повезло натолкнуться на мысль о ненужности стрелять за секунду до смерти, но сделанного уже не воротишь, как и разрубленного не сошьешь обратно. Наши двое героев тоже затихли, словив на себе взгляды признательности за сохраненную жизнь, однако что-то в этой ситуации все еще настораживало.

— Видишь, Такаги? — вновь заговорил Эдвард. — Теперь никто из них вас не тронет до тех пор, пока я не умру, исключая, конечно, высшую гвардию, которой был дан приказ убить вас в любом случае без права на его отмену кем-либо. Теперь у тебя есть выбор: продолжить свой путь до цели и столкнуться не только со мной, но и с готовыми бороться за свои жизни гвардейцами, даже послушавшись генерала, не говоря уже о тех, кто может оказаться сильнее, либо поверить в мои слова в единственный честный день и удалиться куда-нибудь в тихое место, чтобы сразиться лично. Можешь и девушку прихватить — вдвоем у вас больше шансов.

— Клянись жизнью, что не соврал, — настоял Ашидо.

— Клятвы — лишь инструмент для тех, кто готов скрыть свою ложь любой ценой. Я готов ей поклясться, но не вижу в этом особого смысла. Я предоставил тебе возможность, Ашидо, и тебе решать, как правильное поступить.

— Значит, ты не ручаешься за правдоподобность своих слов.

— В любом случае, только ты ответствен за это решение, потому выбирай, пока я летящей походкой удаляюсь в случайном направлении. Увидимся там, коли найдешь в себе смелость. Дамочка, прошу более не подслушивать.

На этом моменте голос стих, но ситуация не переменилась: пока остальные сражались и громили все, что видят на пути, Ашидо и Юмико лишь молча стояли в окружении гвардии, даже не думая атаковать — настолько Эдвард им авторитетен, если, конечно, его цель не предполагала собой полное принуждение. Все это казалось странным, чертовски сомнительным и безнадежным, но сердце подсказывало: «Иди».

— Мива, что еще ты услышала за это время? — заговорил Ашидо. — Эдвард утаил от меня что-то еще? Скрыл людей в чаще леса или устроил ловушку?

— Он лишь передал еще один приказ о том, чтобы никто за ним не следовал, а продолжал выполнять поставленную задачу, — пояснила Мива. — Я отчетливо слышу его спокойные шаги среди активной толпы, да и идет он туда, где Эмили уже все зачистила.

— Ничего не слышишь в той стороне, куда он идет? — все еще осторожничал Такаги.

— Ничего подозрительного: только маленьких животных и шелест листвы. На левом фланге все в самом деле спокойно, а вот на правом отчетливо слышны переговоры и прочая суета. Не хочу ни к чему подстрекать, но я не вижу угрозы.

— В таком случае мы пойдем за ним, — подхватила Юмико. — Нельзя упускать такой шанс, даже если это ловушка.

— Будьте осторожны, я не смогу отвлекаться на вас и пренебрегать остальными, — предостерегла Мива. — Никто не сможет помочь и вмешаться... Как только вы уйдете, я исключу эту зону из области сонара и сконцентрируюсь на текущей задаче.

— Спасибо, Мива, я очень ценю твою помощь, — поблагодарил Ашидо.

— Ребята уже в курсе происходящего. Идите строго на север, Эмили подменит вас сразу же, как закончит на фланге. Удачи, Ашидо, Юмико.

Голос затих, и лишь звуки неутраченной бойни сопровождали пару в этот кровопролитный день. Перед Ашидо стоял трудный выбор: остаться на месте и воспользоваться возможностью еще больше проредить врага, либо встретиться с корнем всего зла, который командует остальными по неведомым причинам. От этого выбора зависела не только его собственная судьба, но и жизни людей, которые доверились Ашидо и вступили с ним бок о бок в неравный бой против всей силовой структуры Гармонии.

В голове Ашидо поселились сомнения, но он хорошо понимал, что может все закончить собственными руками. Нужно было лишь поверить в то, что остальные смогут продержаться до его возвращения.

С тяжким грузом на душе и трясущимися руками, которые в миг окрепли в момент принятия решения, Ашидо сказал:

— Идем, Юмико.

Глава 63: Эдвард Айс

В неизменной тишине глубокой чащи зеленой части поднебесной Гармонии царила поистине спокойная атмосфера, изредка разрушаемая взрывами и истошными криками вдалеке. Совсем где-то рядом горела неувядающая осенняя трава, пока спрятанная под ее хрупкими кончиками почва пропитывалась свежей человеческой кровью. Лишь рассветающее небо на горизонте напоминало о текущей где-то за пределами бойни привычной жизни, о кипящей суеде в черте города и за его пределами, и эта беззаботность в любой момент могла обернуться трагедией.

Среди сотен деревьев и пышной растительности две пары ног стремительно двигались в направлении подалеже от ужаса позади навстречу куда большему, давя по дороге одинокие полуживые цветы, так желавшие однажды увидеть солнце, веками затмеваемое их старшими сородичами. Здесь не было ни тропы, ни природных знаков, способных наставить чужаков на нужный путь, но эти двое шли тем путем, который могли знать только они сами — своим собственным.

Через какое-то время за размашистыми молодыми кустами показалась просторная поляна, залитая светом солнца, словно прибежище для заблудших в глуши, и одним таким это место уже оказалось занято. Черный слепец стоял у ствола одного из поваленных непогодой деревьев, разглядывая увядающую листву, будто проводя ее в последний путь своим потусторонним вниманием. Его пальцы скользили по симметричным узорам, а мысли витали вокруг того, что живо внутри, но мертво в глазах окружающих.

— Только увядая, они начинают цепляться за жизнь, — тихим голосом промолвил он. — Для этих бедняг все давным-давно потеряло всякий смысл, но они продолжают тянуться к солнцу, которого даже не видят, словно слепая надежда способна привести к спасению.

Едва договорив, мужчина резким движением сорвал одинокий лист с дерева и смял в комок, а затем выпустил то, что от него осталось, в последний полет, который закончится вместе с соприкосновением земли с чадом, которое она сама породила и взрастила, чтобы однажды принять обратно.

— Вы чем-то похожи на эти листья, но, как и они, не имеее прочей цели в жизни, кроме как бороться за то, что в итоге окажется ненужным и будет вскоре забыто, — вполголоса проговорил Эдвард. — В вечном хаосе всегда есть выбор, а в борьбе за право выбора его лишаются те, у кого он всегда был.

— Последствия окупают убытки, — ответил Ашидо, не дрогнув перед метафорой врага. — Даже у клинка есть своя цель, и она всегда совпадает с волей владельца. Пока одни пылятся на дальней полке, другие утопают в крови, служа крепким рукам, что их держат.

— Острому клинку незачем пылиться в ножнах, как и ржавому незачем кому-то служить, — парировал Эдвард. — Вижу, тебе хватило смелости прийти сюда.

— Ты знаешь, зачем мы пришли, — заговорила Юмико.

— Ваши намерения мне ясно видны, но что касается вас самих, то слепота затмевает взгляд на мою цель, — с затянутым вздохом проговорил генерал. — Ашидо, ты ведь хочешь узнать, ради чего я сражаюсь?

— Не особо хочется искать оправдания твоим действиям, когда мои друзья сражаются за идеалы ордена, пока мы тратим время здесь, — отстранился Ашидо. — Однако я бы хотел

иметь больше причин для того, чтобы убить тебя.

— В этом и разница между нами, Такаги, — продолжил Эдвард. — Мне незачем тебя убивать, если не будешь стоять на пути, а тобой управляет природная жажда мести, словно у льва, чья добыча досталась другому. Ты лишь заполняешь дыру в сердце, как и я, но у всех эта пустота выглядит по-разному, и для каждой подходит свой пазл.

— Моим пазлом станет твоя голова, — проскрипев зубами, протянул Такаги.

— Знаешь, Такаги, — вновь вздохнул Айс. — Я встречал многих людей за долгую жизнь, и все они чего-то боялись, но ты еще ни разу не показал своего страха, как и твои люди. Думая об этом, я решил, что любой ценой заставлю твое лицо исказиться от ужаса, и эта картина станет моим пазлом, потому я заставлю тебя испытать страх перед самим собой.

— Коли ты все давно для себя решил, покажи, чего стоишь, — уверенно произнес Ашидо, медленно вынув из ножи пустоты свой клинок, направив в сторону Эдварда.

— Лучше всего за мечника говорит его меч, — утвердительно опустил голову Эдвард, повторив те же действия за Такаги.

Так среди зеленых пейзажей засиял красный свет, в сопровождении которого в руках у слепца появился тяжелый изогнутый клинок с утяжеленным в некоторых местах лезвием, на месте гарды которого зияла идеально округлая дыра, внутри которой пылало красное пламя, олицетворяющее беспредельную жажду крови.

— В этом бою нам незачем сдерживаться, — полушепотом произнес Ашидо, обратившись к спутнице.

— Знаю, — кивнула Юмико, а затем постепенно покрыла тело броней, твердо сжав кулаки на рукояти меча. — Мы должны победить, сделаем это быстро.

— Да, — подтвердил Такаги.

Время замерло, воздух словно остановился на месте, наблюдая за взглядами обеих сторон, ожидая начала боя.

— Нападайте, — нахмутив брови, скомандовал Эдвард.

В эту секунду земля под ногами разлетелась в разные стороны от резкого рывка черноволосого парня, что со скоростью молнии бросился вперед. Звон энтропита разлетелся по мирному и спокойному лесу, искры неведомой энергии засверкали в месте скрестившихся мечей. Пусть выпад и был сильным, Эдвард ловко парировал удар, а затем резко отпрыгнул назад, но натолкнулся на внезапно появившуюся позади Юмико, которая уже занесла меч для удара. Реакция противника повергла девушку в шок в момент, когда тот пригнулся под пролетающим мимо лезвием, а затем ловким движением сбил девушку с ног ударом по внутренней части колена.

— «Сечение»! — раздался громкий крик, следом за которым ярким синим цветом засияла катана, несущаяся прямо к шее Эдварда.

Этот удар был идеален, он направлялся в критически уязвимую точку человеческого тела, и ни одна преграда не могла остановить разрушительный удар, рассекающий любой известный миру материал. Казалось, в этот момент исход боя был предрешен, но очередной звук столкновения поставил в дуэли лишь запятую, а не жирную точку. «Нами» остановилась о непробиваемое лезвие «Кё», нивелировавшее всю мощь, вложенную в удар.

— Что? — замер в непонимании Ашидо.

— Ты и не предполагал, что я тоже так умею? — злорадственно улыбнулся Эдвард.

Оступившись в самый ответственный момент, Ашидо тотчас отпрыгнул в сторону, как и Юмико, которая не могла более выигрывать преимущество после неудачной атаки. Эдвард

же медленными движениями приподнялся на ноги из сидячего положения, замерев в стойке с широкой улыбкой.

— Теперь вы понимаете, почему я не прячусь за чужими спинами? — самодовольно фыркнул он. — Простыми вибрациями энтропиума на концах лезвия меня не одолеть.

— У нас припасено еще множество козырей, — ухмыльнулся Ашидо, подхватив боевой настрой. — Не расслабляйся!

Последовал повторный натиск, но на этот раз Такаги пытался настигнуть цель не одной мощной атакой, а шквалом менее сильных, но более гибких и прицельных атак, однако каждая из них с тем же успехом блокировалась. Юмико тоже всеми силами старалась наваливаться на цель, даже пренебрегая защитой, но из-за недостатка маневренности никак не могла достигнуть Эдварда, который ловко уходил из-под взмахов мечом, даже не думая подставлять лезвие для парирования.

— Как он может так сражаться, будучи слепым? — подумала она в этот момент.

Конечно, подставить меч получалось не всегда, потому подушкой безопасности служили маневренные движения, устремляющие Эдварда подальше от ударов, хотя некоторые почти настигали мужчину, задевая лишь локоны волос.

— Может, мне пора бы и самому начать атаковать? — широко улыбнулся Эдвард, после чего последовал взмах.

Если бы тот ничего не сказал в момент удара, Ашидо мог быть уже мертв, ведь острый и тяжелый энтропит пронесся по самой границе головы, рассекая кожу в области щек. Удар был настолько сильным, что не мог быть заблокирован, настолько точным, что не мог быть предугадан, настолько быстрым, что не мог быть замечен глазом обычного человека.

И снова Ашидо пришлось отступить, отпрыгнув назад, будучи впервые задетым в процессе схватки. По его левой щеке скатилась капля крови, замерев на подбородке, а в разуме парня затаилась мысль о том, что он может уступить в бою, однако это ощущение посещало голову Такаги не впервые, и каждый раз оно было ложным, а парень выходил из схватки победителем. Пока в сердце теплилась воля, а внутри кипела кровь, Ашидо и подумать не мог о том, чтобы проиграть.

— Юми, построение «Д», — однозначно проговорил он.

— Да, — утвердительно кивнула стоящая в стороне девушка.

Очередной выпад начался с грамотного парирования Эдвардом и ответного удара, который Ашидо смог заблокировать, однако эта атака была направлена не на достижение цели, а на то, чтобы дать Юмико возможность сменить позицию, чем она и воспользовалась. Теперь парень и девушка находились рядом, потому могли реализовать план. Суть построения «Д» заключалась в очевидных одновременных атаках с разных сторон, которые можно было предсказать, но нельзя было заблокировать.

С уверенным взглядом пара бросилась в атаку, начав ее ударами с разных направлений, где лишь один можно было вовремя заблокировать. Реакция Эдварда вновь застала врасплох своей молниеносностью вместе с тем, как оба удара были заблокированы так, что лезвие «Нами» врезалось в конец «Кё», а лезвие «Нит» остановилось об его рукоять, следом за чем последовал удар кулаком в лицо Ашидо, а затем последовал столь же быстрый удар мечом по броне, вынудивший Юмико отшатнуться в сторону.

Пусть пара и оказалась дезориентированной, даже со скоростью Эдварда последующая атака заняла достаточно времени, чтобы вернуться в строй и продолжить натиск, однако синхронные движения сменились спонтанными и несыгранными, отчего заблокировать их

оказалось легче. Десятки ударов, десятки отзвуков энтропита в тихой роще, и колыхания ветра прекратились, вынудив стороны разойтись и замереть в отдышке, хотя Эдвард, казалось, даже не напрягался.

— С такой скоростью вам меня даже не задеть, — разочаровано и с усмешкой произнес Айс. — Именно такого уровня силы я желал достичь, но даже так, после вас ее будет еще больше.

— Что ты задумал? — выкрикнул Ашидо, будучи не в силах сохранять хладнокровие. — За что ты вообще сражаешься?

— Ого, наконец в тебе проснулся интерес! — рассмеялся Эдвард. — Все ради силы, Ашидо. Все эти годы я мечтал стать лучшим из лучших и теперь ясно вижу плоды упорного труда.

— Силы можно добиться и без обмана! — с ненавистью в сердце соскалился Такаги. — Зачем предавать кого-то ради этого? Разве сильными не становятся ради других целей? Разве можно назвать желание утолить гордыню своей единственной целью?

— Ты слишком слеп для того, чтобы судить меня, — парировал Айс. — Сила — лишь инструмент, позволяющий стоять выше других. Я не просто жажду силы, а желаю стоять выше кого-либо, избавиться от всех своих врагов одним лишь страхом перед моей силой, и только тогда можно будет перестроить этот паршивый мир под свой лад.

— Твоя слабость в том, что ты один.

— Разве это можно назвать слабостью? — смутился Эдвард. — К чему мне лишние рты, которые нужно кормить?

— Это ты слеп, Эдвард, — склонив голову и нахмутив брови, прошипел Ашидо, — не только буквально, но и в любом другом смысле. Всегда найдется рыбка покрупнее, а, возможно, даже не одна.

— Ты правда веришь в то, что я слеп? — снова рассмеялся Эдвард. — Смотри.

В этот момент генерал демонстративно упер меч в землю, а свободной рукой ухватился за повязку на глазах, ловким движением сдернув ее с головы и отбросив в сторону, а затем медленно приоткрыл глаза, сокрытые под густой черной челкой, за которыми показалась совсем иная картина, чем та, которая врезалась в память Ашидо. На месте некогда серых и мертвых зрачков показалась пронзительно красная радужка, смотрящая сквозь тело прямо в душу, и внушала она лишь картину поистине зловещего человека.

— К-красные? — внезапно оторопела Юмико. — Но ты же...

— Слепой? — усмехнулся совсем иной Эдвард. — Как же легко было вас обмануть!

— Как ты это сделал? — скрывая недоумение, спросил Ашидо.

— Мы же шепоты, Такаги! — взбудоражено ответил Айс. — Нам дана безграничная сила и тонна возможностей! Нужно лишь уметь ей умело распоряжаться, и тогда ты будешь непобедимым!

С каждой секундой на душе становилось все тяжелее, словно тяжкий груз неуверенности давит на плечи. Пока Ашидо сдерживал внутренние переживания о поражении, Эдвард воистину наслаждался видом искореженных от недоумения лиц, словно такие моменты и заставляют его двигаться вперед.

— Сила, Ашидо, вовсе не безгранична, — продолжил Эдвард. — Она ограничена сосудом, который попросту не может вместить больше. Однако я прекрасно понимаю, что любые лимиты можно преодолеть, даже если факты говорят об обратном. Вы слишком ничтожны для того, чтобы это понять, не говоря уже о том, чтобы заставить меня в себе

усомниться и проиграть.

— Не недооценивай нас! — вновь прокричал Ашидо, будучи задетым за живое. — Я лучше тебя знаю о преодолении собственных лимитов!

— Если ты так просвещен в этой теме, может, расскажешь, зачем простому шепоту мог пригодиться Разлом? — бросив ехидный взгляд, проговорил Эдвард, но, не услышав ответа, решил сам его дать. — По ту сторону находится сама Бездна, которая служит нам источником силы. Я был там и даже видел самого Хроноса, но он счел меня недостойным своего внимания, потому огонь внутри разгорелся еще сильнее. Я достигну этого Разлома во что бы то ни стало, дабы забрать то, что принадлежит мне по праву.

— Хотел бы я сказать, что эта сила сделает тебя безумцем, — тяжело вздохнул Ашидо, — но ты им уже стал.

— Считаешь меня безумцем, хах? — усмехнулся Эдвард. — Сама Бездна просится в наш мир, но все, что она может сделать против сил этой реальности, так это оставить частичку себя — именно эта частичка сделает меня бессмертным.

— Я этого не допущу.

— Все уже давно решено за тебя, Ашидо. Даже без «семени» я достаточно силен, чтобы выиграть этот бой, не хватает одной лишь маленькой детали.

— Какой? — с озлобленным взглядом спросила Юмико.

— Азарта, — злорадственно ухмыльнувшись, поведал Айс. — И именно вы сейчас все мне его пробуждаете! ЗАЩИЩАЙТЕСЬ!

Едва успев договорить, Эдвард бросился в атаку, нанеся сокрушительный удар по лезвию «Нами», которое еле выдержало столь мощный удар только благодаря эффекту «сечения», заставив Ашидо отступить на несколько метров, но следом за этим тот же удар настиг Юмико, отчего меч той мгновенно переломился пополам, а тяжелое лезвие «Кё» врезалось в броню на груди, раздробив ее на мелкие осколки, которые под давлением вонзились в плоть девушки.

Лишь мельком почувствовав серьезную угрозу, девушка мгновенно отступила, избежав последующих ударов лишь потому, что Ашидо помог выиграть время, переведя на себя все внимание очередным нелепым натиском. В тот момент Юмико поняла, что не сможет ни ударить противника, ни заблокировать атаку, дробящую броню, потому приняла решение освободиться от тяжелых оков в пользу мобильности.

Раны от собственных осколков брони быстро зажили, а заново спроецированный меч тотчас устремился в сторону Эдварда, который не был готов сразу к двум ловким мечникам, отчего отступил в сторону.

— Аши, я не могу сражаться в броне, — соскалив от злости зубы, пробормотала Юмико. — Мы должны атаковать вместе и быстро, не оставляя ему ни шанса увернуться!

— Даже не думай подставляться! — в ту же секунду возмутился Такаги. — Я не смогу тебя защитить, если останешься без брони.

— Не думай о защите, сконцентрируйся на атаке — я сама справлюсь! — заверила девушка. — Верь в меня, Ашидо!

— Ты уверена? — все еще сомневаясь, промямлил парень.

— Иначе нам не победить.

— Хорошо, сделаем это! — выкрикнул Ашидо.

— Да! — подхватила девушка.

На этот раз оба были полностью сконцентрированы на атаке и понизили свою защиту

до минимума, желая во что бы то ни стало лишить Эдварда преимущества, о котором они даже и не догадывались. Один лишь человек в бою против двоих показывал себя с самой зверской стороны, но разум его был холоден и расчетлив, словно предугадывая и рассчитывая каждый последующий шаг для себя и для своих оппонентов.

В бою с Хандзо совместные атаки могли заставить врага врасплох, но с Эдвардом эта тактика уже не казалась такой успешной. Он мог следить сразу за всеми и поддерживать в напряжении, даже при учете того, что сам генерал ни разу не запыхался в активном бою, словно сдерживается и не видит угрозы. Он лишь смеялся в лицо своим врагам, видя в бою возможность разыграть в себе азарт.

— Слабо! — выкрикнул он во время очередного столкновения «Нами» и «Кё».

Движения были подобны змеиным, удар походил на влетевший на полной скорости грузовик, а воля была сравнима по силе со всем орденом «Спектр» вместе взятым, а, может, даже больше.

— Медленно! — насмехался он, маневрируя между ударами.

Казалось, этот бой безнадежен, но в один момент ситуация полностью переломилась вместе с тем, как Ашидо и Юмико вошли в раж, начав двигаться плавнее и нанося удары не только точнее, но и менее предсказуемо. Комбинации из режущих и колющих взмахов оказалось труднее парировать, следить за двумя достаточно быстрыми противниками становилось сложнее, пока в одну секунду Эдвард не оказался полностью открытым.

Нанеся прямой удар сверху, Ашидо предугадал то, как Эдвард попытается сбросить лезвие «Нами» вниз, заставив его проскользнуть по мечу под давлением рук, однако он совсем не ожидал, что по мере сближения с землей «Кё» окажется скованным «крюком», которым Такаги в процессе ухватился за меч, оставив Айса без возможности не только парировать последующий взмах Юмико, но и собственную атаку с разворота, нацеленную прямо на шею. Это решение было крайне рискованным, ведь враг мог не только расщепить меч и собрать его заново, но и отступить сторону, однако пара была готова к такому, не оставив Эдварду и шанса уйти из-под атаки.

— Это конец! — твердо ухватился за шанс Ашидо, занеся «Нами» для своего последнего удара.

Яркий синий свет захлестнул зеленую рошу, грациозные и отточенные движения парня устремили лезвие навстречу шее Эдварда, в то время как Юмико в сопровождении того же зеленого сияния нацелилась на возможный отход генерала, будучи готовой прервать любое его действие. Одно лишь мгновение, и «Нами» с бешеной разрушительной силой соприкоснулась с нежной плотью, рассекая все на своем пути, пока не прошла насквозь по намеченной траектории, завершив удар с чувством исполненного долга за отнятую жизнь последнего из оставшихся злодеев.

Даже когда меч, казалось бы, отсек мужчине голову, с лица Эдварда ни на секунду не сползала улыбка, напротив, та становилась еще шире и безумнее, словно от предвкушения долгожданной смерти. Лишь когда удар состоялся и блеск растворился в дневном свете, Ашидо замер в одном положении, не веря в собственную победу, и у него были на то основания...

На лице героя показался ужас, по всему телу пронеслась волна холода, зрачки сузились, а глаза неожиданно широко раскрылись, челюсть отвисла и рот по собственной воле замер в ошеломлении, погрузив Ашидо в самый худший кошмар из тех, который он мог себе представить. Пусть лезвие «Нами» и прошло по траектории удара, пусть оно точно задело

шею Эдварда, с которой должна была тотчас слететь голова, тот остался невредимым.

Пронзительным и злорадственным взглядом тот молча пялился на замеревшего в страхе героя, его улыбка растянулась на все лицо, выдав именно тот азарт, которого генерал так желал достичь, и лишь в этот момент Ашидо понял, что на самом деле произошло. Это была «бестелесность», но весь ужас от осознания был вызван не тем, что ему удалось сохранить с помощью нее жизнь, а тем, что этой способностью нельзя было заблокировать «сечение»... В том и заключалась суть удара Ашидо — оставить противника без единого шанса выжить, но на этот раз ничего не сработало, словно Эдвард блокировал весь собранный на лезвии беспорядочный энтропиум, который мог бы с легкостью лишить его шансов на регенерацию, блокирование или уворот, не говоря о спасении. Это стояло за гранью сознания Такаги...

— Да, именно это я хотел увидеть! — растянуто и надменно, с исключительным презрением к оппоненту, горделиво прорычал Эдвард.

— АШИДО! — в тот же миг послышался женский крик, следом за которым в парня не всей скорости влетела Юмико, покрыв свое тело броней.

Сразу после резкого столкновения оба упали на землю, чудом избежав смерти, ведь в этот момент девушка спасла Ашидо от неожиданного удара. Из-за спины Эдварда с правой стороны показалась паучья лапа полностью красного цвета, нависшая над плечом, с конца которой капала свежая кровь. Когда девушка обернулась в сторону врага, лишь приглядевшись, Такаги заметил, как сильно раздробилась броня Юмико в области левой лопатки. Было очевидно, что Айс задел ее той атакой, которой должен был убить Ашидо, и лишь благодаря броне рана оказалась несмертельной, а лишь серьезно покалечила девушку, которая в тот момент спасла избраннику жизнь.

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — раздался неожиданный истерический смех психопата и уст Эдварда. — КАКИЕ ЖЕ ВЫ ЖАЛКИЕ! Столько усилий ради того, чтобы единожды меня задеть, а все впустую!

Ашидо мог лишь молча смотреть и испытывать пробирающий до костей страх от осознания собственной слабости перед врагом, с которым в самых кошмарных снах не мог бы столкнуться.

— Ужас от осознания собственной беспомощности — это именно то, что пробуждает во мне азарт! — продолжил Эдвард. — Ради таких лиц я готов вечность расти и терпеть все самые унижительные издевательства, готов снова впасть в образ покладистого мальчика ради того, чтобы полностью изничтожить достоинство тех, кто считал себя выше меня! Посмотрите на себя! Вы можете только с открытыми ртами валяться в грязи, хотя еще минутой ранее находили в себе смелость сражаться! Ломать, унижать и топтать гордость тех, кто меня недооценивал — это поистине прекрасно!

— Ты псих, — дрожащим голосом промямлил Ашидо.

— Я выше всех вас! — внезапно снова закричал Эдвард. — Годами я взращивал план, годами вылизывал сапоги королю, лишь бы задобрить его дешевое эго. Изо дня в день я строил из себя покладистую собачку и ждал момента, когда наконец смогу мокнуть всех в дерьмо! Котай думал, что его авторитет несокрушим и что его окружают надежные люди, которые готовы без колебаний отдать жизнь за него, но он даже не подозревал, что все это время за его спиной один человек дергал всех за ниточки и рушил репутацию целого государства, делая из него козла отпущения! И вы, орден «Спектр», как никогда кстати оказались полезны для моего плана! Вы идеально отыграли свою роль сторонников революции и забрали на себя все внимание, пока я продолжал подливать масло в огонь!

Ашидо, это ты стал ключом к моей победе, это ты привел Гармонию к ее закату, ведь уже сегодня я ее уничтожу, а взамен обрету такую силу, которая никому и не снилась!

— Зачем тебе все это? — едва не плача, спросила Юмико.

— Я уже говорил, что все это ради силы и ради того, чтобы отныне и навсегда создать себе почву для того, чтобы видеть в глазах людей страх от одного только упоминания моего имени! Средства и последствия не важны, ведь даже после полного уничтожения Гармонии у меня останется целый мир для моей бесконечной игры в «кошки-мышки». Я стану Богом, и никто не сможет меня остановить!

— Ашидо, очнись, мы не можем этого допустить! — внезапно зашевелилась Юмико, по глазам которой скатывались слезы то ли от страха, то ли от чувства собственной беспомощности, то ли от всего сразу. — Если мы сейчас умрем, то никто не спасет остальных — они тоже погибнут! Наша мечта умрет вместе с нами, Ашидо!

— Ты как никогда права, Таканаши Юмико, — усмехнулся Эдвард. — В этом мире нет никого, кто мог бы меня остановить. Только король представлял серьезную угрозу плану из-за своей способности останавливать время, и я хотел, чтобы вы помогли мне от него избавиться. На мою удачу из ниоткуда объявился братец нашего горе правителя, и «Спектр» оказался ненужной игрушкой, место которой на мусорной свалке. Парой красивых слов я убил двух зайцев одним выстрелом, заставив близнецов сцепиться между собой, но, думаю, даже без этого руками ордена я мог вынудить Котая вымотаться от использования способности и спокойно прикончить. Так или иначе все карты уже выброшены и остается только довести дело до конца, пока еще есть время. Вы мне больше не нужны.

— А-А-А-А-А! — с громким воплем на Эдварда внезапно набросилась Юмико.

Пусть Ашидо все еще не мог прийти в себя, будучи обманутым тем, в кого имел глупость поверить, но больше всего героя терзал тот факт, что он и все те, кого он мог назвать семьей, стремились к одной цели лишь по прихоти одного мерзкого монстра, слепо следуя его плану до точки невозврата. Все это время Ашидо раздувал пламя и жег за собой мосты только ради того, чтобы не осталось пути назад. Будучи охваченным пламенем и страхом, Такаги сжигал сдерживающие его цепи только ради того, чтобы снова в них оказаться, сделав прошлое недостижимой мечтой, хотя раньше им было будущее. В тот момент он лишь хотел вернуть все, как было, чтобы прожить мирную жизнь и сбросить груз ответственности на кого-то такого, кто мог справиться лучше, чем он.

— Это конец, — со слезами на глазах простонал Ашидо, впервые говоря эти слова не кому-то, а себе самому.

— Ашидо, вставай! — вновь послышался крик Юмико. — Прошу тебя, вставай, не оставляй меня!

Пока девушка тщетно пыталась достучаться до последней живой клетки парня, Эдвард лишь потешался над ее нелепыми ударами, даже не блокируя, пока те проходили насквозь, не нанеся ни царапины. Пусть они были в разы яростнее и сильнее, чем раньше, будучи наполненными той горечью и страстью жить, которая просыпается лишь в загнанном в угол звере, все было впустую. Слезы ручьем разлетались по воздуху, надежда неумолимо утопала в небытие, пока Ашидо мог лишь молча наблюдать за тем, как его возлюбленная из последних сил пытается ухватиться за остатки веры, но это не могло продолжаться вечно.

В один момент Эдварду надоела назойливая девчонка, и он одним ловким движением руки выбил «Нит» из крепкой хватки, сломав жертве руку в локте, отправив меч куда-то далеко вглубь поляны, а затем столь же холодными движениями схватил девушку за горло и

вонзил «Кё» глубоко в область живота так, что лезвие прошло насквозь, выйдя наружу полностью окровавленным. Мечта пары оказалась в мгновение разбитой, их совместные воспоминания в миг пронеслись перед глазами умирающей девушки, которая сквозь боль и слезы пыталась вымолвить хоть слово.

Следом за летальным ударом последовали еще две пронзающие атаки паучьими лапами, которые прошли сквозь жизненно важные органы, разорвав сердце и легкие, а затем, посчитав участь девушки недостаточной, Эдвард провернул меч внутри живота, разрубив печень, желудок и почки, а затем резко вынул его наружу, из-за чего изнутри Юмико хлынул водопад крови, а тело без лишнего сопротивления поддалось удару ногой, упав на твердую землю с тонким слоем мягкой травы посреди спокойной и мирной зеленой поляны.

— Юмико, — членораздельно и протянуто застонал Ашидо в ужасе, наблюдая за тем, как тело его любимой девушки сближается с землей.

Глядя на эту картину, Ашидо наполнился всеми самыми болезненными и пугающими чувствами. Прямо у него на глазах враг лишил жизни не только его возлюбленную и самого преданного союзника, но и его собственного нерожденного ребенка, убив того прямо в утробе матери. Такаги даже не успел дать частичке себя имя, как ее уже забрали, разбив на осколки все мечты и надежды, которые он когда-либо питал. Этот слабый мальчик хотел лишь найти себя в этом мире, хотел испытать чувство любви и снова завязать узелок дружбы, прожить жизнь так, как ее проживают другие люди, беззаботно плывя по ручейку, но, даже гребя против течения, он разбился о камень и утянул за собой всех, кого мог назвать родными.

Сильнее всего в этот момент было не чувство горечи, а невообразимая ненависть к себе и всему миру, который всегда пытался отнять у Ашидо все самое ценное, что у него было. Судьба лишила его друзей, лишила свободы и будущего, лишила выбора, и когда, казалось бы, ему удалось ее переиграть, из ниоткуда последовал удар в спину, лишивший дитя любви, друзей и мечты, ради которых он продолжал жить. Этот день полностью разбил сердце Ашидо, он снова сделал из него монстра, от которого мальчик так старательно пытался сбежать. Глядя на свои дрожащие руки сквозь слезы горечи, Такаги видел то, как голубой свет непорочной и чистой энергии сменяется проблесками той красной непроглядной ненависти, которая с рождения его преследовала.

Теперь, когда все кончено и смысла существовать больше нет, когда не осталось сил для борьбы во благо всего прочего мира, остается только одно, от чего Ашидо никогда не смог бы сбежать — ненависть. Проклиная все, во что он верил, сжимая кулаки в ярости, герой медленно поднялся на ноги, а затем схватился за рукоять торчащего из земли меча дрожащими руками, и следом за этим прозвучал истошный крик боли.

— ЭДВАРД!!! — разрываясь от терзаний и ненависти, сдвинулся с места Ашидо, занеся меч для удара такой силы, которой ни один человек не обладает.

В этот удар были вложены все самые сильные чувства, но он лишь споткнулся на середине своего пути, а Такаги получил сильный удар в живот, сила которого пронеслась по всему телу, задев даже душу.

— Жалкий, — приговаривал Эдвард. — Безнадежный слабак.

Насмехаясь над последними частичками живого, Эдвард продолжал избивать парня, испытывая гордость за себя и удовольствие от азарта, который просыпается лишь от вида страданий других людей. Разрушенные судьбы и разбитые сердца, утопленные мечты и загубленные надежды — именно это заставляло Эдварда чувствовать себя живым.

— Плачь, Ашидо, плачь, — продолжал Айс, — ненавидь меня, желай смерти и адской агонии, ведь это я виноват во всем, за что ты испытываешь. Ты ведь хочешь знать обо всем, что я для тебя сделал?

Совершив очередной удар в лицо, Эдвард повалил парня на землю, а затем схватил сидящего на коленях ослабевшего Такаги за волосы, оттянув голову того поближе ко рту, чтобы говорить прямо в ухо, дабы жертва услышала все то, что еще больше ее разобьет.

— Это я отдал приказ расстрелять людей из «GenTask», где убили мужа Регер, — внезапно признался генерал, даже не думая после этих слов останавливаться. — Это я навел тупицу Хандзо на семью Ишимару, где тот вырезал весь оставшийся род Хорнет. Это я отдал приказ сжечь типографию дотла и убить каждую живую душу в здании, где была твоя подружка Каори. Это я пустил под кожу Котая паука, чтобы он стал игрушкой в моих руках, делающей то, что хочу я, даже не подозревая об этом. Это я стал причиной, по которой старшую Изуми выгнали из дворца, а младшая всю свою осознанную жизнь прожила в клетке со змеями. Это я защитил дочь Морроу от ее отца, чтобы тот не разоблачил меня, а она замолвила словечко в «Спектре». Это я отрубил голову Эверби гильотиной, а затем добил ее с помощью крысы в тот день, когда заделался вашим союзником. Это я натравил тебя на Шевцова, чтобы избавиться от лишней помехи и задобрить доверчивого ребенка Ашидо...

— Почему, — потеряв всякие силы, утопая в слезах, промямлил Такаги.

— Ох, подожди, это еще не все, — оборвал Эдвард. — Еще я сказал тебе, что Кишин должен подать сигнал, когда посчитает нужным, хотя он просил немедленно отправить все силы во дворец, а пока вы ждали сигнала, гвардейский отряд пробрался в твой любимый орден и поубивал оставшихся беззащитных котят, спалив все дотла.

— Там же были дети...

— А самая большая моя заслуга в том, что именно из-за меня твои родители ненавидели тебя настолько, что захотели убить.

— Я-я...

— Не говори ничего, Ашидо, — прервал Эдвард, похлопав Такаги по щеке. — Ты уже достаточно сделал, чтобы заслужить покой, и я даже благодарен тебе за то, как сильно ты мне помог, но пришло время уйти... Прощай, Ашидо Такаги.

В этот момент в голове Ашидо внезапно промелькнуло чувство острой боли в спине, а через секунду из груди уже торчал окровавленный конец «Кё», который столь же неожиданно и быстро вышел наружу, а из открытой раны мощным потоком полилась кровь. В глазах потемнело и ощущение биения сердца в миг прекратилось, а тяжелое тело в миг соприкоснулось с землей, оставив Ашидо наедине со всеми теми страданиями, которые ему пришлось перенести через всю жизнь до самой смерти. Лишь легкий осенний ветерок и тихие удаляющиеся шаги сопровождали героя на тот свет, и в свои последние минуты он мог только проклинать весь мир.

Пока оставались последние силы, Ашидо хотел лишь взглянуть в лицо Юмико, хотя бы мельком запечатлеть в своей памяти ее улыбку, даже если придется самому ее сделать окровавленными и практически потерявшими всякую возможность шевелиться руками. Цепляясь за рыхлую землю и подтягивая себя поближе к ней, изо всех сил Такаги пытался приблизиться. Боль пронзала каждый сантиметр тела, кровавый след тянулся по зеленой поляне следом за парнем, пока подушечки пальцев наконец не легли на лицо девушки. Немного подтянувшись и оперевшись на локти, Ашидо в последний раз взглянул на лицо

Юмико, в момент расплакавшись самыми убийственными слезами горечи.

— Юмико... знаешь, ты такая красивая, — из последних сил протянул он, расплакавшись еще сильнее. — Я ведь никогда не говорил тебе этого, да? Все время копался в работе и что-то бормотал о великой цели и благодетели, даже не замечая, что счастье все это время было рядом... Ты ведь всегда верила в меня... Говорила много теплых слов, была рядом и не покидала даже тогда, когда все думали, что я мертв... Прости, я оказался паршивым парнем, предал тебя в тот момент, когда ты больше всего во мне нуждалась... Я обещал всегда быть рядом и защищать тебя, но не смог защитить никого: ни друзей, ни Гармонию, ни нашего ребенка... Я даже себя защитить не смог... Знаешь, если бы у нас была дочка, я бы назвал ее Юзуру, потому что это имя так похоже на твое... Оно такое же ласковое и тоже на букву «Ю»... Прошу, если ты еще меня слышишь, улыбнись в последний раз, чтобы моя душа могла упокоиться после всего, что я сделал и пережил... Молю, всего лишь раз покажи мне свою улыбку... Юми...

Как бы Ашидо не старался, достучаться до возлюбленной, которую покинула жизнь, он был не в силах. Хотелось лишь увидеть ее улыбку, но ослабевшие пальцы не только не дотягивались физически, но и не могли подступиться поближе из-за мысли, что это осквернит ее измученную душу. С тяжелым грузом вины Такаги рухнул на спину рядом с девушкой, замерев в ожидании смерти, пока глаза сами собой закрывались. Так и заканчивается история Ашидо Такаги.

— Ашидо, — послышался тихий и ослабевший нежный голосок.

Услышав свое имя, Такаги внезапно пришел в чувства и обернулся к источнику звука, столкнувшись взглядом с еле живой, но смотрящей на него с улыбкой Юмико. Ее бесконечно глубокие и добрые зеленые глаза были еле открыты, скрываясь под ресницами, из ее рта вытекала кровь, медленно скатываясь по коже и капая на траву, а засаленные и грязные волосы после долгого боя легонько колыхались на ветру.

— Неужели... только перед смертью... ты бываешь честен с собой...

— Прости, Юми! — внезапно, вновь разрыдавшись, взмолился Ашидо. — Прошу прости, я не хотел, чтобы все вот так закончилось... Я очень люблю тебя и буду любить до последнего вдоха, буду помнить твою улыбку и твои добрые глаза... Только молю, пожалуйста, прости меня за все...

— Хватит извиняться, глупыш, — еще более ослабевшим голосом протянула Юмико. — Ты сделал все, что было в твоих силах, и я никогда еще не встречала человека лучше, чем ты... Ашидо, ты никогда не сдавался и шел только вперед, сплотил много потерянных душ своей безмерной добротой и дал нам надежду, и сейчас тебе незачем себя винить...

— Юмико...

— Я очень счастлива, что повстречала тебя, и теперь могу спокойно заснуть, ведь если бы не ты, я могла прожить эту чертовски жестокую жизнь в одиночестве, так и не узнав любви... так и не разделив мечту с кем-то, кто меня понимает... Спасибо, Ашидо, ты сделал меня счастливой, и я очень благодарна тебе за все, что мы вместе пережили... Я люблю тебя...

— Пожалуйста, не оставляй меня...

— Юзуру, да? — в предсмертном стоне издала Юмико. — Мне нравится... это имя...

Голос девушки затих, а на фоне опустевших безжизненных глаз замерла широкая и искренняя улыбка.

— Юмико? — спохватился умирающий в горе Ашидо. — Юмико! Постой! Не уходи!

Пожалуйста, останься со мной! Прошу... не оставляй меня...

Как бы сильно Ашидо не старался, все попытки были тщетны. Девушка больше не слышала его голоса, не видела его лица и не испытывала предсмертного тепла в груди — только холод. Отныне и навсегда любовь всей жизни маленького человека затихла в безмолвии, оставив после себя лишь теплые воспоминания.

Лишь спустя несколько минут пустого молчания, сопровождаемого шелестом листвы и капанием скатывающихся по траве капель крови, Ашидо принял то, что она ушла.

В последний раз посмотрев на красивое небо над собой и тихо произнеся «спасибо», Ашидо положил руку на сердце, и его глаза медленно сомкнулись.

Подобно осенним листьям мы начинаем ценить жизнь, лишь когда увядаем.

Глава 64: Перелом

На фоне мирской суеты безостановочно продолжалась кровавая бойня, земля все больше пропитывалась кровью. В иной ситуации багровая жидкость осталась бы на поверхности и свернулась под действием кислорода, но почва не могла сопротивляться такому огромному количеству крови, которая могла вскоре перерасти в океан, оставив Гармонию в голоде до скончания времен.

Теперь, когда «Спектр» лишился своего лидера, Эдварду оставалось лишь зачистить остатки сил ордена, чтобы спокойно подобраться к Разлому, скрывающему в себе неведомую силу, способную не только подарить человеку бессмертие, но и породить на свет палача, изуверские наклонности которого могли с легкостью обратить весь прочий свет в ужас, напомнив о кошмаре, который хотел забыть каждый на этой планете.

С небольшим облегчением на душе и разогретым азартом, генерал спокойным шагом покинул чащу лесной зоны Гармонии, вернувшись на поле боя в небольшом отдалении от основного места действия. Взглянув на продолжающиеся по сию минуту взрывы, Эдвард недовольтно фыркнул, но после лишь ухмыльнулся и продолжил свой путь, постепенно сближаясь со своими слепыми союзниками и ослабевшими врагами.

— Какова ситуация, Инь? — произнес Айс, выхватив из-под костюма гвардейскую рацию.

— С возвращением, генерал, — тотчас откликнулся старик. — «Спектр» не поддается, они продолжают выкашивать рядовых и понемногу устраняют носителей. Такими темпами мы будем вынуждены задействовать резервы. Разумнее было бы позволить высшей гвардии вмешаться в бой.

— Генерал! — внезапно вклинилась в поток Виви. — Инь прав, нам нужно вмешаться. Я возьму на себя девку, которая все взрывает, только дайте свое одобрение! Моя способность полностью лишит ее преимущества, останется только прикончить.

— Отклоняю, — холодно оборвал Эдвард. — С Акиной гвардия сама разберется, а ты, Виви, возьмишь на себя выродка Морроу, когда она вернется к остальным. Невыгодно ставить тебя в положение один против двоих — так будешь куда полезнее.

— Вы уже знаете о том, что произошло на фланге? — аккуратно спросил Инь.

— Эмили выкосила весь фланг, как я и планировал, — усмехнулся Эдвард. — Эта дилетантка насколько слаба в военной стратегии, что даже не поняла, как выгодно мне было выбросить ее из игры на тех, кому даже ни единого приказа не было выдано, кроме укрепления позиций. Мясо закончилось как раз вовремя, и с минуты на минуту Морроу присоединится к бою, потому я хочу, чтобы Виви взяла ее на себя.

— Принято! — смирилась девушка. — Я избавлюсь от нее.

— Учти, что выпускать Морроу из поля зрения нельзя — причину и сама знаешь.

— Каковы будут приказы для меня? — вновь заговорил Инь.

— В бой не вступай, придерживайся той же позиции и продолжай продвигаться к Разлому, — скомандовал Эдвард. — А еще прикажи этим безмозглым рядовым сконцентрироваться на беловолосой, раз они сами своей бошкой додуматься не могут. Если лишит Акину поддержки от Ишимару, этот бой быстро закончится.

— Принято, не будем терять времени, — утвердительно проговорил старик. — Мне еще нужно что-то знать?

— Пока все, — отмахнулся Айс. — Не болтайте лишнего, ибо эта дрянь Минагава может помешать плану. Остальным я займусь сам, конец связи.

Столь же аккуратно уложив рацию во внутренний карман, Эдвард тяжело вздохнул и на долю секунды замер на месте, пока наконец не возобновил ход в направлении бойни.

— Дело за малым, — подумал у себя в голове он. — Если Эмили выйдет из игры, у моих врагов не останется никого, кто мог бы заставить меня попотеть. Может, Ашидо и можно было поймать на дешевом трюке, с ней это не прокатит — слишком уж сильная способность у Морроу. Что касается остальных, то от них тоже нужно избавиться, чтобы не помешали в самый неподходящий момент. Что ж, за дело, Эдвард Айс.

***

Некоторое время спустя генерал уже аккуратно шагал среди суетящихся гвардейцев на безопасном расстоянии от самого горячего на поле боя, все время думая о том, в каком положении тот находится. С одной стороны, на пути к Разлому стоят лишь преисполнившиеся в самомнении дети, переоценившие свои силы, с другой стороны, будь они такими слабыми, как изначально предполагалось, за время дуэли те уже пали бы. Конечно, удобно было сбросить всю грязную работу на гвардию, живущую только ради сражений и службы королю, однако с тем успехом, который мог наблюдать Эдвард, без собственного вмешательства ситуация не могла сдвинуться с места, учитывая то, что ему так и не удалось продвинуть колонну поближе к Разлому.

С этой мыслью генерал в один момент настиг зону того фланга, где столь же активно и успешно сражались Нао и Ринна. Спокойные и размеренные шаги сменились активными, Эдвард бросился в наступление именно туда, где было жарче всего, ведь этот дуэт не оставлял гвардии ни единой возможности себя ранить, не говоря уже о том, что рядовые толпами падали на землю, будучи настигнутыми пулями или изрезанными до состояния фарша острыми клинками некогда цельного чакрама. Устранить их означало прорвать фланг, и генералу невыгодно было упускать возможность неожиданно появиться, потому он на всей скорости пустился в атаку, пока не застал перед собой занятых сражением девушек.

Один грамотный выпад мог легко отнять жизнь у одной из них, но назло Эдварду в сопровождении действительно громкого свиста ветра мимо пролетело лезвие, и только благодаря своей молниеносной реакции тот смог увернуться, подставившись лишь краем головы, кожу которой, словно бритва рассек клинок чакрама. Внезапная атака не прервалась, и лезвие неожиданно развернулось, но Эдвард оказался готов к попытке поразить себя в спину, потому ловко отбил летящий снаряд мечом, а затем тотчас скрылся в толпе гвардейцев.

— Ты реально думал, что можешь застать меня врасплох, Айс? — самодовольно произнесла Нао куда-то в толпу.

А ведь точно, Эдвард никак не мог сблизиться с кем-то из «Спектра», оставшись незамеченным, ведь та противная и назойливая девчонка около комплекса шептала на уши врагам любую информацию, ходящую в кругу гвардии. Атаковать в лоб в ином случае было бы глупым решением, но со своей «бестелесностью» генерал мог с легкостью расправиться с обеими, однако жажда поиграть в «кошки-мышки» одержала верх, и в голову пришла весьма занимательная идея.

— Прием, Эдвард у нас, нужна твоя помощь, Эмили! — заголосила Нао.

— Буду через пару минут, продержитесь как можно дольше! — откликнулась она, стараясь как можно быстрее добраться до остальных.

Эмили в самом деле уже выполнила свою задачу на фланге, полностью лишив гвардию поддержки снайперов и минометов, однако этот крюк вокруг колонны стоил ей уймы времени и потери преимущества «Спектром», ведь без нее остальные бойцы боролись на истощение, сражаясь уже не ради победы, а ради самозащиты, включая и рубеж обороны комплекса, где стало появляться все больше преодолевших первую линию гвардейцев.

— Прием, Мива, как он вообще смог вернуться живым? — ошарашенно спросила Ринна. — Что с Ашидо и Юмико?

— Не знаю! — нервным и напуганным голосом ответила девушка. — Я не слышу их голосов или движений, ни единого намека на жизнь в том месте, где они должны были сражаться...

— Как же так? — вмешалась в разговор Хорнет. — Они не могли ему проиграть!

— Мива, скажи, что ты их слышишь! — внезапно закричала Амелия. — Можешь забыть о нас и сконцентрироваться на их поиске, но, пожалуйста, скажи, что они живы!

— Я... не знаю...

— Всем тихо! — вклинился Дорн. — Даже если они мертвы, мы должны продолжать сражаться ради Гармонии! Ашидо же не просто так в вас поверил? Я знал этого человека меньше одного дня, и ему хватило этого времени, чтобы убедить нас поставить на кон жизни, а вы тут нюни пускаете! Он отдал все за эту победу, так давайте же сделаем тоже самое!

— Капитан прав, — подхватила Мива. — Мы больше не можем во всем полагаться на него!

— Не умеете вы мотивировать, капитан, — отстранилась Нао, — но вы правы. Мы возьмем на себя Эдварда, стойте на своих местах до конца.

— Да! — одновременно отреагировали остальные.

Казалось, надежда угасает с каждой секундой, ведь тот, кто повел всех за собой в бой, пал первым. Только настоящие лидеры способны отдать свою жизнь за других, пускаясь в бой в первых рядах, и ничто так сильно не мотивирует людей отдавать свои сердца ради победы, как угасшее тепло в груди человека, в которого они поверили. Эдвард прекрасно это понимал, но пылающий внутри врагов огонь лишь разыгрывал в нем интерес увидеть, как будут выглядеть их лица, когда придется столкнуться с землей, потеряв крылья.

Пусть в дуэли Эдварду не пришлось использовать телепортацию, сейчас она была как никогда кстати, ведь чуть ли не каждый его шаг был кристально виден зоркими глазами и слышен чувствительными ушами. Недолго думая, генерал наконец показался из-за спин рядовых, представ перед Нао, которая тотчас отреагировала и выпустила в его сторону сразу несколько лезвий, однако вместо того, чтобы настичь цель, те пролетели мимо, и произошло это не из-за бестелесности, а потому, что тот внезапно растворился в воздухе.

— Исчез? — в панике застыла Нао, хотя еще мгновением ранее была в себе уверена. — Мива, где он? Я не вижу Айса!

— Слева! — тотчас подсказала девушка, но уже через долю секунды, как только Изуми отреагировала на слова, прокричала. — Нет, сзади!

Нао снова оглянулась, но никого не застала перед собой. Стало очевидно, что Айс меняет позицию через телепортацию, но при этом он не оставлял тех следов, которые были у Лаффи или того же Ашидо, напротив, этот трюк казался идеальным.

— Справа! Нет, слева! Перед тобой! Снова справа! — продолжала пытаться подсказать Мива, но пока она произносила эти слова, местоположение Эдварда все время менялось, а

генерал не давал ни единой возможности точно определить его местонахождение и дать «Спектру» вовремя среагировать.

Он делал это не просто так, да и не чтобы дезориентировать противника, а ради того, чтобы заставить тех в себе усомниться и пошатнуться перед его силой.

— Ринна, сзади! — вновь прозвучал голос Минагавы, и на этот раз он дошел до ушей как раз вовремя.

Ринна обладала той же скоростной реакцией, потому быстро проанализировала слова Мивы, резко обернувшись и застав Эдварда в состоянии взмаха мечом прямо перед собой. Очевидно, он выбрал целью именно ее, потому что у девушки нечем было заблокировать удар, который способен не только рассекать металл, но и даже дробить энтропит. Отступить представлялось возможным лишь на какие-то считанные миллиметры, но ввиду отсутствия иных вариантов Ринна приняла решение минимизировать силу удара, подставив правую руку навстречу мечу на уровне головы, сбросив гвардейскую винтовку на землю, чтобы точно остаться в живых и перегруппироваться.

Решение оказалось в данной ситуации самым разумным, поскольку благодаря быстрому анализу Регер удалось скрыть движения головы за рукой, однако ранение все равно оказалось серьезным. «Кё», словно скользя по маслу, с легкостью перерубил кость и лишил девушку кисти, улетевшей куда-то в траву, а вместе с тем конец меча с неизменной скоростью пролетел дальше, разрубив кожу и мышцы щек прямо между верхней и нижней челюстью Ринны так, что у той буквально отвисла эта самая челюсть, которую больше нечем было держать — небольшая цена за спасенную жизнь. Кровь тут же полилась вдоль остатков руки, пока другие ее капли стремительно сближались с землей, не просто капая с подбородка, а буквально стекая ручьем.

— Сукин сын! — неразборчиво и зажевывая слова, прокричала Ринна.

В тот момент Эдвард был готов нанести следующий удар, но вовремя подоспевшая Нао прервала атаку, остановив движение меча на пути к цели своими лезвиями чакрама, вынудив генерала отступить и снова скрыться в толпе.

— Сконцентрируйся! — тотчас скомандовала Нао, встав к девушке спиной, чтобы прикрывать слепую зону. — Только вдвоем мы сможем его одолеть, но мне нужно отбиваться от остальных! Попробуем подловить гада во время очередной атаки, будь готова! — сказав это, Изуми замерла на месте и продолжила атаковать рядовых, но ее смутило то, что Регер никак не отреагировала на слова, потому девушка невольно обернулась и спросила. — Ринна?

Казалось бы, шансы все еще есть и можно в любой момент одержать верх, но стоило только Нао взглянуть назад, как по всему ее телу тотчас пронеслась волна холода. Прямо у нее на глазах Ринна поднялась в воздух, ее тело неестественно изогнулось так, что голова опрокинулась назад, глядя за спину прямо в лицо Изуми. Застывший на лице ужас, узкие и напуганные зрачки между широко распахнувшихся век, мелькающие на фоне ожесточенно отвисшей челюсти, которая, казалось бы, могла коснуться ключицы в любой момент. Такое выражение лица было присуще лишь неожиданно пораженным в бою, и глаза их с того момента могли сомкнуться лишь при помощи рук иного человека.

Секундой спустя тело Регер с грохотом впечаталось в землю, и ужаса в картину добавило то, как отдельно стоящие близ нее ноги медленно подкосились и согнулись, устремившись за телом лишь после его падения. Взгляд мертвеца застыл в памяти Нао, а ее лицо приобрело те же ужасающие черты, ведь в этот день она впервые видела то, как прямо

перед ней умирает нечуждый закрытой душе человек. Девушка видела, как из живота ее подруги медленно вываливается кишечник, как под футболкой растекается лужа крови, а тот, кто секундой ранее настиг жертву в самый неожиданный момент, сейчас стоит в заканчивающей удар стойке, широко улыбаясь от того удовольствия, которое только что получил.

Все случившееся произошло на поле боя за какие-то считанные секунды, но этого времени хватило для того, чтобы Нао трезво оценила все свои шансы и мгновенно отступила. Лезвия ее чакрама практически мгновенно столкнулись друг с другом, образовав собой цельное оружие, каким оно было до вступления в бой. Девушка тотчас запрыгнула на него сверху, поставив ноги на ширине плеч, а затем устремилась в полет. Одной рукой та управляла движениями чакрама, а второй практически молниеносно подхватила тело подруги и потащила за собой.

Гвардейцы могли лишь наблюдать за удаляющейся вдаль девушкой, все еще не имея возможности подстрелить, будучи не в силах преодолеть совершенную телекинетическую защиту.

— Ринна пала! — необычайно громко закричала Нао, словно ей впервые приходилось так надирать голос. — Повторяю, Ринна пала! Эдвард просто перерубил ее пополам!

— Что? — ошарашенным голосом спросила Хорнет.

— Немедленно отступайте! — приказа Изуми. — Разворачивайтесь и бегите назад! Я больше не могу там оставаться и продолжать сражение! С Айсом на поле боя у нас нет ни шанса продержаться! Повторяю, я отступаю! Правый фланг прорван! Хорнет, Лия, я вернусь за вами, когда Ринна будет в безопасности, дождитесь меня, и ни в коем случае не вступайте в бой с Эдвардом!

— Мы отступаем! — подтвердила Амелия.

На этом моменте Нао замолчала, стиснув зубы от невероятного морального упадка, всеми силами сдерживая страх и слезы, которых хотела бы никогда больше не видеть. Чувство собственной беспомощности подливало масла в огонь и терзало на всей протяженности пути назад, словно смельчакам не осталось ничего, кроме как сложить оружие или пасть в бою безрезультатно. Душу грело лишь то, как едва живая Ринна все еще издавала ослабевшие и еле слышимые хрипы, а это означало, что шанс ее спасти все еще есть.

Эта девушка была не из тех, кто мог вот так легко умереть, ведь даже лишившись нижней половины тела, руки и способности двигать челюстью, будучи частично отрезанной от своей неэнтропийной регенерации, она все еще могла дышать, а ее сердце и мозг, даже не смотря на ранения, отлично функционировали, однако в таком состоянии продолжать бой было безнадежно.

Оторвавшись на внушительное расстояние от гвардии, Нао продолжила сближаться с комплексом, задержав взгляд на ослабевшей и еле живой Ринне, немного ослабив защиту в пользу скорости. Ее душу в тот момент терзали не столько сомнения в том, что она делает, сколько в том, правильно ли она поступила с самого начала, и могло ли что-то сложиться иначе. Могла ли она не допустить этой бойни в конце концов?

Пока голова была забита навязчивыми мыслями, девушка не могла почувствовать ничего другого, но лишь падая, та поняла, что и сама скоро умрет. Тяжелое столкновение какого-то снаряда с плечом застало Нао врасплох, сбросив с чакрама, и только тогда Изуми поняла, что не может ни только поддерживать фланг, но и сражаться вовсе.

Взглянув на причину, по которой пришлось сложить руки, она увидела в области ключицы стрелу, и глядя на нее, девушка могла лишь издать нелепую усмешку, следом за которой тела Ринны и Нао громко врезались в землю посреди бесконечного поля, так и не достигнув спасительного рубежа обороны.

***

В это время на левом фланге шла самая настоящая борьба за выживание, ведь даже с приказом отступить у Хорнет и Амелии не стало больше шансов на благополучный отход. Они были единственными, кто в тот момент оставался на поле боя, и не могли ни сдержать поток резко приобретших преимущество и свободу действий гвардейцев, ни элитную гвардию, идущую вперед, ни натиск тех сил, которые решили разом на них навалиться. Если до этого момента шанс отступить все еще представлялся возможным, теперь уже позади врагов было столько же, сколько и впереди, а это означало, что остатки линии атаки оказались в окружении.

Пусть Амелия все еще успешно справлялась с полчищами противников, делая свою работу лучше кого-либо, она не могла вечно истощать ресурсы своего организма, потому взрывы с каждой минутой становились все слабее и слабее. Хорнет тоже хорошо ощущала на себе подступающую слабость, ведь по мере сражения той приходилось все время использовать кровь, отчего подпитка организма кислородом сильно ухудшалась, а на фоне сражения у девушки развивалась анемия.

— Лия, они хотят задавить меня числом, я не могу сдерживать столько разом! — в панике прокричала Хорнет, осознавая, что ей становится все сложнее и сложнее сражаться. — Щит еле держится, они поливают меня градом пуль! Сделай же что-нибудь!

— Пытаюсь! — столь же панически боясь, прокричала Амелия, не переставая отбиваться от основных сил. — Эмили уже на подходе, держись!

В самом деле, на фоне происходящего под плотной дымкой от взрывов не так уж изредка мелькали бьющие в воздух яркие желтые молнии, говорящие о приближении помощи, однако их последняя надежда все еще находилась далеко, да и бежать ей приходилось не по пустой равнине, а маневрируя между гвардейцами. Ее пришествие могло полностью избавить девушек от надобности спасать свои жизни, но до того момента нужно было спасать себя самим.

В какой-то момент посреди боя раздался женский крик боли вместе с тем, как прочный и практически неистощаемый щит Хорнет пал. Причиной ее крика стало попадание пули в правое колено, из-за чего девушка неожиданно подкосилась и рухнула на землю, сумев смягчить падение лишь тем, что оперлась на колени и левую руку, добавив еще больше болевых ощущений в падение. В этот момент она отлично понимала, что подвергает опасности Амелию, потому, недолго думая, пустила все силы в защиту, окружив себя практически непроглядной сферой собственной крови, лишь бы дать щиту перезарядиться, а сама девушка в этот момент схватилась за флягу с последним, что осталось от Юмико, дабы как можно скорее залечить ногу и вернуться в бой.

Поднеся флягу ко рту, та начала жадно и нервно опустошать емкость, пропуская как можно больше содержимого через гортань. В какой-то момент Хорнет ощутила острую боль в груди и неожиданно поперхнулась, обронив флягу на землю и испытав неимоверную слабость, от которой закружилась голова и замылилась картина в глазах, не говоря уже о том, что кровавая сфера была вынуждена вернуться в тело, лишь бы ее сосуд не умер от анемии раньше, чем от пули в голову.

Эффект от «витаминок», конечно, последовал, но ввиду невероятной слабости и истощения, колено залечивалось очень медленно, ведь энтропиум посчитал куда большей опасностью для организма дефицит крови. Любое попадание могло за долю секунды лишить девушку жизни, однако с такой минимальной защитой силы к ней возвращались намного быстрее, пока Хорнет не оказалась готовой встать, но она не знала, что с этой секунды уже больше не встанет.

— Хорнет! — истошно прокричала Амелия, резко встав перед девушкой и загородив собой солнце.

Оказавшись в тени и ошеломлении, Ишимару не сразу поняла, что в этот момент произошло, и лишь через несколько секунд, по мере которых девушки смотрели друг на друга, в животе Амелии показалось лезвие меча. Сразу следом за этим, Акина издала рвотный звук, выпустив в лицо подруги поток крови прямо изо рта, за которым последовал кашель. В этот момент одна жизнь была спасена ценой другой, а тот меч, который должен был поразить беловласую девушку, встретился на пути с совсем иной, а затем столь же холодно устремился наружу, фактически добив раненую Амелию.

Стоило ей освободиться от оков холодной стали внутри, Акина без сил рухнула на землю, оказавшись на коленях, и Хорнет могла наблюдать за этим лишь через проблески света на линзах запятнанных и потрескавшихся очков. Только сбросив с себя очки, она смогла взглянуть на умирающую подругу, которая перед смертью хотела лишь взглянуть на восходящее за горизонтом солнце. Она смотрела на него так, словно ожидает спасения, или чего хуже, старается смириться с поражением, однако через полминуты душераздирающего молчания, изредка сопровождаемого кашлем, Амелия обернулась и взглянула на Хорнет.

— Мы проиграли, — со слезами на глазах, слабым голосом проговорила она, отбиваясь от вытекающей изо рта крови.

Хорнет могла лишь молча смотреть, не имея сил даже выдать из себя слово. Ее тело ослабело настолько, что двигаться не представлялось возможным, хотя еще минутой ранее иллюзия способности драться почти смогла убедить девушку в том, что у них остались шансы на спасение.

— Вы отлично сражались, — заговорил мужчина, который и пронзил насквозь Амелию со спины. — Такой воли к жизни и смелости сражаться до последней капли крови, когда находитесь в меньшинстве против тысяч гвардейцев, во всей Гармонии не сыскать. Сейчас они не стреляют в вас не только потому, что бояться, но и потому, что уважают. Орден «Спектр» — вы потрясающие и ужасающие одновременно войны, и я признаю вас, как и все на этом поле боя, потому позволю обменяться последними словами перед смертью. Мы похороним вас так, как подобает солдатам.

Его лицо выглядело так, словно этот человек за всю свою службу в гвардии ни разу не сталкивался с сильными противниками. Даже сейчас его бровь дергалась в страхе, хоть он и был в безопасности среди пораженных врагов. Амелия же продолжала глазеть на Хорнет, пока в один момент не устремила взгляд в небо, пролив по щекам слезы.

— Знаешь, Хорнет, — заговорила она, не имея возможности отбиваться от прерывающего речь кашля и хрипа. — Я не думала, что для меня все закончится именно так, но я рада, что смогла продлить твою жизнь хотя бы на несколько минут.

— Лия, — наконец нашла в себе силы заговорить Ишимару.

— Нам через столько пришлось пройти, — посреди речи улыбнулась девушка, склонив голову к земле. — Сейчас жизнь кажется прожитой полноценно, и ее финал кажется

правильным, хоть мы и не дошли до конца с остальными. Я могла и не встретиться с вами, могла и дальше убегать от проблем этого города, но выбрала иной путь, и не испытываю ни грамма сожаления за свой выбор.

— Лия, подожди! — внезапно очнувшись и закричала Хорнет. — Сейчас придет Эмили и спасет нас! Рано падать духом, мы еще не проиграли!

— Помолчала бы, — отмахнулась Амелия. — Всегда ты такая противная в ответственные моменты. Попробуй хотя бы раз меня послушать, пока еще могу говорить.

— Лия...

— Я хотела сказать, что очень рада и благодарна, в особенности тебе, Хорнет, — продолжила девушка. — Ты была рядом все это время, капала мне на мозг и изредка говорила теплые слова, но я всегда знала, что где-то глубоко в душе ты испытывала те же чувства. Спасибо, Хорнет, за то, что дошла со мной до конца.

— И тебе спасибо, Лия, — едва сдерживая слезы, все еще полулежа на земле, промямлила Хорнет. — Спасибо за все, что ты сделала для меня!

— Я бы еще многое для тебя сделала, но есть вещи, которые ты должна сделать сама, потому попробуй сделать все в своем духе.

— Амелия? — опешившим взглядом посмотрела на нее Ишимару.

— Попробуй сама себя защитить, — напоследок сказала девушка, а затем вновь устремила взгляд в небо, широко раскинув руки в стороны, но они казались более худыми, чем раньше, как и все остальное тело, на котором свисал костюм, который еще недавно был в обтяжку. Вся эта картина казалась странной, ведь не только Хорнет не понимала происходящего, но и наблюдающие за ними гвардейцы, пока в голове девушки не промелькнуло осознание того, что сейчас произойдет.

— Газ? — приняв себя, в сомнениях пробормотал мужчина-шепот, пока в момент сам не понял, какой опасности подвержен. — ВСЕ НАЗАД!

Следом за его словами некоторые гвардейцы пустились в бег, пока остальные пытались понять, что происходит, даже не подозревая, что уже через мгновение окажутся в могиле.

— Я иду к тебе, братец! — с широкой улыбкой произнесла Амелия, после чего загорелась в свете искры.

— ЛИЯ! — истошно закричала Хорнет, но было уже поздно.

В эту же секунду все вокруг Амелии засияло ярким пламенем, и Хорнет успела лишь выставить перед собой плотный кровавый щит, полностью закрывающий ее от угрозы впереди. Следом за этим по полю пронеслась сокрушительная волна разрушительного выброса колоссальной энергии от взрыва, сотрясая землю. Гигантский гриб поднялся над головами девушек, а все попавшие в радиус поражения гвардейцы за мгновение истлели до костей, не успев издать ни крика, ни писка. Этот взрыв был последним в жизни Амелии, и она вложила в него все оставшиеся силы до последней капли, и мощность взрыва оказалась настолько огромной, что поразила весь фланг, не дотянувшись разве что до пробежавших и отстающих от колонны.

— Что это? — тотчас спросила Эмили, не просто заметив яркую картину, но и будучи практически сбита с ног взрывной волной. — Неужели...

— А-А-А-А-А! — послышались женские вопли в голове у девушки.

В тот момент она поняла весь ужас ситуации, ведь своими глазами наблюдала за тем, что было под силу лишь Амелии, а звук от взрыва, должно быть, полностью лишил слуха

сидящую на другом конце поля Миву. Застыв на месте, та с пробирающим до костей страхом наблюдала за летящим в воздухе пеплом и выбегающими из пламени выжившими гвардейцами. Ее вечно зеленый город превратился в место начала настоящего апокалипсиса, и с каждой секундой все больше костей врезались в почву под ногами, формируя самое больше кладбище там, где сейчас стоит она. Жизнь девушки с этого момента уже не могла быть прежней.

Следом за взрывом в округе раздались странные звуки, и лишь взглянув в сторону комплекса, Эмили поняла, что с горы вниз стремительно движется оползень, который вскоре накроет весь город. Этот день отразился в ее памяти, как день падения Гармонии, но даже так никто из сторон не собирался сдаваться в пользу другой, ведь эта заразительная жадность уже давно сожрала сердца людей.

— Ну привет, майор Морроу! — послышался голос идущей среди дыма девушки, и лишь когда та показалась в видимом проблеске, можно было ее узнать.

— Виви, — скрипя зубами, прорычала Эмили, а затем тотчас пустилась в бега.

— Постой, ну куда же ты! — кричала ей вслед Виви, но со временем возгласы затихли.

Сдерживая всю бурю эмоций внутри, девушка без оглядки бежала к комплексу, раскидывая ногами внутренности павших в бою и спотыкаясь об их головы. Только в кошмаре можно было увидеть что-то подобное, но сейчас оно было наяву, и Эмили могла лишь бежать и бежать, проклиная день, в который родилась, ведь если бы не он, она могла прожить жизнь где-нибудь в мирном месте.

***

Лишь когда дымка немного спала, Хорнет наконец могла вылезти из кокона и оглядеться вокруг, однако ничего живого в радиусе нескольких километров она не застала: кругом лишь трупы, лужи крови, падающий с небес пепел и собственные разбитые очки. А посреди всего этого кошмара в позе с раскинутыми в стороны руками застыла обгоревшая черная фигура ее любимой подруги. Оскверненное тело, которое возможно похоронить лишь в закрытом гробу — таков был ее финальный выбор.

В воздухе витал едва различимый красный дымок, образовавшийся от того, что тепло взрыва выжгло немного крови девушки в процессе, и благодаря этому погибли не только сотни людей вокруг, но и еще столько же погибнут от удушья токсинами, пока все это не выветрится.

С тяжелым грузом на душе и слезами на глазах Хорнет замерла на боку посреди поля боя, понимая, что жить ей осталось от силы несколько минут, ведь за анемией всегда следует пустота. Дрожь и холод навязчиво трясли тело, пока эти ощущения наконец не стихли.

Так в тишине и сомкнулись глаза девушки, мечтавшей однажды стать адвокатом.

***

Постепенно гвардия стала подбираться к комплексу, который больше некому было защищать. С довольным лицом Эдвард бежал впереди всей колонны, опережая их на десятки минут марша, лишь бы первым достигнуть заветной мечты. В это время в его поле видимости промелькнула фигура хрупкой девочки, которая, истекая кровью, всеми силами старалась сдержать оползень, несущийся с горы вниз, кроша камни в осколки и стараясь их замедлить. Ей с трудом удавалось держаться на ногах, но она все равно не сдавалась и продолжала крошить камни, пока в один момент не смогла разделить один огромный поток на множество маленьких, думая минимизировать ущерб, отведя камни подальше от города,

однако оползень чудесным образом остановился, и лишь отдельные огромные камни смогли достигнуть линии комплекса, разгромив своим весом то ли высокие защитные башни, то ли плоскую крышу, вынудив последнюю линию обороны укрыться глубоко внутри, оставив бедную Миву без защиты.

— Прощу, помогите, — приговаривала она, еле стоя на ногах, но стараясь зацепиться за частичку остаточной надежды. — У нас больше не осталось сил сражаться, мы больше не можем защищать Гармонию. Прощу, если хоть одна живая душа в городе может помочь — помощи нам, иначе все мы сегодня умрем. Для меня уже все кончено, но для вас — нет.

Почувствовав мимолетное облегчение, девочка рухнула на землю, застыв в положении на коленях, глядя куда-то вдаль, и она прекрасно знала о человеке, который все это время приближался со спины.

— Доволен? — спросила девушка, стоило Эдварду приблизиться.

Генерал проигнорировал вопрос и подошел поближе, усевшись на корточки прямо перед лицом Мивы, взглянув на нее с непробиваемым холодным выражением лица, которое постепенно расплылось в широкой улыбке.

— Столько людей погибло, столько друзей ты у меня отнял, а тебе все мало! — не имея возможности сдерживать слезы, заскулила Мива. — Что ты за человек такой?

— Ох, дитя, — ласково проговорил Эдвард, пройдясь рукой по щеке девушки, от которой она сразу отдернулась. — Тебе нужно время, чтобы принять то, что все это не имеет никакого смысла. Ваша борьба с самого начала была безнадежной, а ваши жизни не стоили ничего, как и ваша гордость, павшая в один день.

Сразу после своих слов тот подхватил Миву за горло и легким движением поднял девушку над землей, держа ее легкое тело одной лишь левой рукой.

— Может я и умру, но ты все равно увидишь, как эта павшая гордость засияет снова! — с трудом произносила Мива, выдавливая слова через удушье. — Мы будем сражаться за наши мечты, даже если придется потерять все!

— Знаешь, за этот день ты достала меня больше всего, — грозно произнес Айс, усилив хватку на шее. — Все время подслушивала, везде пыталась вставить свое слово и помешать моим планам. Назойливая и противная крыса, прячущаяся за спинами других.

— Ты точно такой же, — проскрипела зубами девушка.

— Слабая и никчемная, — продолжил Эдвард, проигнорировав ее слова. — Неспособная никого защитить, неспособная никому помочь. Жалкая и бесполезная крыса. Теперь тебе никто не поможет.

Пусть способность девочки и могла поставить генерала в затруднительное положение, она не могла даже сопротивляться — настолько ослабела в потоке длительных схваток, принимая на себя удары всех и сразу. Она желала лишь счастья, а получила свой худший кошмар, и теперь ее жизнь находится в руках врага, для которого честь стоит ниже, чем желание позабавиться.

— Где у тебя тут ушки? — с ухмылкой произнес Эдвард, резко всунув палец в нижнее левое слуховое отверстие на спине.

В тот же момент Мива истошно закричала, но крик ее заглушала твердая хватка руки, отчего наружу просачивались лишь хрипы и стоны. Боль была сравнима с адской агонией, ведь более чувствительного места на этом хрупком теле нельзя было найти. Пока его грубые пальцы жестоко царапали девушку изнутри, она всеми силами пыталась вырваться, ведь нестерпимая боль заставляла Миву сквозь слабость двигать руками, однако ничего из этого

не давало результатов, учитывая то, как сильно Эдвард в тот момент хотел ее задушить.

Постепенно изо рта пошла пена, а движения Мивы становились все медленнее и медленнее, пока руки и вовсе не опустились, а всякое сопротивление не затихло. Увидев на лице девушки всякое отсутствие жизни, Эдвард лишь недовольно фыркнул и швырнул беспомощное тело на землю, а сам продолжил свой путь к Разлому, которого почти достиг. Внезапно в тишине раздался громкий кашель и протяжные глубокие вздохи, и Айс, обернувшись, застал картину того, как чудом выжившая Мива в резких и сильных судорогах пытается ухватиться за миллиграммы воздуха, совсем не контролируя своих движений, непроизвольно мочась под себя.

— Ох, выжила, — ухмыльнулся он. — Отлично, я еще помучаю тебя, когда все закончится.

Позабыв о девушке и вернувшись к цели, Эдвард оголил «Кё», собрал в лезвии огромное количество энергии и выпустил одну большую красную дугу в сторону стены, огораживающей территорию комплекса. Преграда, словно карточный домик, в миг рухнула, и за стеной показалось огромное сияющее пятно с острыми гранями то ли сиреневого, то ли ярко-голубого цвета в овражном углублении вокруг него. С нижней его грани отчетливо стекала непроглядно черная вязкая жидкость, которая на свету казалась слегка фиолетовой, а под ней находилось то, за чем и пришел Эдвард.

Это было «Семя Разлома», или, как его еще называют в узких кругах — просто «Семя» Небольшой идеально гладкий шар застывшей на воздухе чистой энергии, помещающийся в руке, внутри которого сокрыта такая неведомая сила, которая, может, и не способна уничтожить мир, но породить того, кто смог бы, вполне способна. Впитать энергию из шара означало заполнить свой сосуд до краев, а когда он расширится для того, чтобы все это уместить и оставить место для роста, то заполнится снова.

Источник безграничной энергии, постоянно подпитывающий жадного шепота, желающего силы — это то, что никогда и ни при каких обстоятельствах не должно было оказаться в руках Эдварда, но сегодня он победил. Этот человек долгие годы не мог найти себя и слепо следовал по течению, пока в один день не решил, что должен стать самым сильным, даже если ради этого придется лишиться будущего весь остальной мир.

— Наконец я здесь, — с искренней радостной улыбкой произнес Эдвард.

Глава 65: Выше головы

Широкими уверенными шагами, переступая через все народные принципы и основы морали, позабыв о ценности человеческой жизни и наплевав на весь прочий мир, Эдвард спускался в неглубокий овраг под Разломом, а затем, достигнув пространства прямо под ним, умиротворенно склонился к земле, взяв в руку тот идеально гладкий шар, зовущийся «Семенем Разлома». Стоило загадочной сфере лечь в руку генерала, он широко улыбнулся, будучи готовым в любой момент рассмеяться. Ступая назад и глядя в недры Бездны, назойливо нашептывающей неразличимые человеческим ухом слова, Эдвард постепенно отдалялся от висящего в воздухе пятна, пока не замер на месте в поистине злорадственной ухмылке.

— Время пришло, — исполняясь гордости, громко залепетал он. — Почти пятнадцать лет я изо дня в день плавал в грязи, вынашивая идеально сработавший план. Теперь меня никто не остановит, никто даже и близко не сравнится со мной по уровню силы, ведь я стану бессмертным! Настал ваш закат, жалкие черви — заполнись же до краев, мой сосуд!

Едва слова Эдварда разлетелись по округе, «Семя» ярко засияло, и через пару мгновений его уже никто не смог бы остановить. Стоя на головах врагов и глядя только вперед без оглядки, Айс возжелал силы, способной погубить весь род человеческий, погрузив мир в хаос и кровопролитные войны, а все ради удовлетворения нарциссизма одного маленького человека.

Казалось бы, надежда давно угасла и злодея уже было не остановить, но посреди ласкового осеннего ветра и утреннего щебетания птиц внезапно раздался хлопок. Уверенный оскал генерала сменился ошеломленной физиономией вместе с тем, как Эдвард с огромной скоростью устремился в противоположную от Разлома сторону, выронив из рук ненадежно лежащее «Семя» куда-то в траву. Его грубые мышцы на своем пути столкнулись с твердой землей, заставив мужчину буквально прокатиться десятки метров до момента, когда паучьи лапы из-за спины смогли найти под собой опору и помочь Эдварду остановиться, как и его меч «Кё», твердо врезавшийся в землю. Стоило мужчине остановиться и замереть в сидячей позе, ухватившись за рукоять меча, в эту секунду в голове Айса все перемешалось, и его костюм впервые за долгие годы замарался в грязи, которая запятнала не только роскошную ткань, но и шаткую гордыню.

— Кто посмел? — с внезапно нахлынувшей яростью в глазах, соскалив зубы, прорычал Эдвард, устремив взгляд в сторону той дыры в стене, которую сам и проделал.

Посреди поднявшейся вокруг пыли, заслонившей обзор на едва видимый Разлом, между обломков стены показалась фигура, медленно сближающаяся с генералом, пока в один момент не появилась возможность разглядеть нападавшего. Из завесы выглянул черный плащ, а за ним показалась мужская нога, твердо ступающая вперед без какого-либо чувства страха, и уже через мгновение предстала фигура мужчины в костяном шлеме, который крепкой хваткой сжимал в правой руке пылающий меч, так хорошо запомнившийся всем, кто его видел.

— Ах, это ты, Кишин, — переменявшись в лице обратно в образ уверенного в себе злодея, с насмешкой произнес Эдвард, поднявшись на ноги. — Я уж было подумал, что наш рогатый друг пропустит все веселье.

В ответ на это Илия ничего не ответил, а лишь бросил в сторону Айса немногословный

взгляд своими черными глазами с проблеском света от колец на зрачке, и по щекам его в тот момент стекали знакомые кровавые слезы, говорящие о том, что явившемуся в последний момент герою пришлось использовать свою сильнейшую способность.

— Твое? — спросил Илия, вытянув перед собой руку в кожаной перчатке, держащую «Семя».

— Ловко придумано, Кишин, — ухмыльнулся Эдвард. — Однако меня этим не запугаешь — все равно эта штука так или иначе окажется в моих руках.

— Только через мой труп, — однозначно оборвал Илия, демонстративно сложив шар в сумку на поясице, застегнув ту на пуговицу.

— Предлагаешь отнять силой? — с той же улыбкой сказал Айс. — Смелости тебе не занимать, учитывая то, как сильно ты вымотан.

Ситуация накалялась, и в любую секунду мог завязаться бой, но тут близ алхимика показалась фигура ослабевшей и утратившей всякую способность сражаться Мивы, которая могла лишь со слезами на глазах пялиться на своего спасителя, постепенно обретая новую надежду. В момент столкновений их взглядов, в груди девушки вспыхнуло необъяснимое чувство, сочетающее в себе облегчение, радость и страх за человека, к которому она была равнодушна. Ей очень хотелось излить душу и рассказать о многом, что здесь случилось, но робкая и еле живая Мива смогла протянуть только:

— Илия...

Едва услышав ослабевший хрип девушки, Кишин ласково улыбнулся, а затем склонился к Минагаве, подойдя поближе и оперевшись на одно колено. Его рука, которая скрывалась под перчаткой с небезызвестной красной линзой, легонько прислонилась к плечу бедняжки, тускло засветившись. Так раны начали понемногу затягиваться, а острая продолжительная боль постепенно сошла на нет, и Мива могла лишь молча смотреть на Илию, не отрывая взгляда ни на секунду.

— Все хорошо, солнце, я здесь, — столь же ласково проговорил он. — Ты сделала все, что могла, а теперь отдохни — больше не нужно сражаться.

— Илия, прошу, помоги, — внезапно заскулила Мива, заливаясь слезами. — Он убил всех, только я осталась... Он убил Ашидо...

— Понятно, — бесчувственно произнес Кишин, но его реальные чувства выдавало выражение лица. — Отойти назад, не хочу подвергать тебя опасности.

Стоило мужчине предостеречь, Мива тотчас поднялась на ноги, которые в миг покинула дрожь, однако те все еще прогибались под весом тяжелого тела. Медленными и ослабевшими шагами та удалялась, оглядываясь назад и плавая в непонимании собственных чувств. С одной стороны, она не хотела оставлять Илию одного против сильного врага, потому что боялась лишиться одного из немногих, кто остался в живых и был ей дорог, но, с другой стороны, только он сейчас мог защитить Гармонию, и девушка со своим желанием помочь оказалась бы обузой, путающейся под ногами.

— Вы закончили? — недовольно фыркнул Эдвард, стоило Миве отойти подальше. — Я мог бы спокойно убить обоих, если бы меня не забавляли эмоции девчонки и твой пустой треп.

— Хватит пускать слова на ветер, — оборвал Илия, вновь схватившись за потухший «Костолом». — Пусть тебе удалось обмануть меня, но в бою один на один шансов выжить уже не будет.

— Думаешь, я испугаюсь таких нелепых угроз из уст слабого куса дерьма? — внезапно

загрубил Айс. — Ты уже исчерпал свое преимущество, оставшись без козыря в рукаве. Кто ты без дара Хроноса, Кишин? Простой человек, не более — такой же, как и все те, кого я убил.

— Не недооценивай меня, — спокойно ответил Илия, глаза которого уже приобрели привычный оранжевый оттенок с вытянутыми зрачками. — Даже без этой силы я был и остаюсь не простым человеком, а талантливым алхимиком. Я буду сражаться в полную силу!

— Давай, удиви меня, Илия! — раззадорено воскликнул Эдвард, скинув с себя плащ с пышным мехом на воротнике и вместе с ним строгий пиджак, оставив на торсе лишь рубашку.

В эту же секунду на землю слетел плащ его противника, освободив плечи, а к левой руке Илии внезапно примагнитилась яркая белая линза, уместившись на верхней стороне кисти в отверстие на поверхности кожаной перчатки, а следом за этим из сумки поочередно вылетели другие линзы разных цветов, расположившись за спиной Кишина в форме окружности на одинаковом друг от друга расстоянии. Со стороны казалось, будто он носит с собой обруч, висящий в воздухе, только вместо монотонной конструкции тот был разбит на десяток разных сфер, начиная с красной и заканчивая фиолетовой. Все это лаконично вписывалось в образ человека с рогатым костяным шлемом в форме неведомого зверя, тело которого подчеркивалось неким подобием современных кофт с длинными рукавами, на которых то ли дело мелькали вставки металлической брони, которую ранее можно было заметить лишь на груди. Теперь можно было беспрепятственно использовать пояс со снаряжением и обрести свободу движений, что напрямую говорило о серьезности Кишина.

Илия хорошо взвесил свои шансы в этом бою и здраво оценил противника. К сожалению, бой нельзя было закончить в первую же секунду, ведь Эдвард был не только талантливым и опасным мечником, способным фехтовать действительно тяжелым клинком, но и поистине загадочным мастером-шепотом, освоившим высшую из подвидов «бестелесности». Тогда, когда, казалось бы, все должно было закончиться вместе с тем, как Айс впитает силу «Семени», Илия потратил чуть ли не последние силы на то, чтобы использовать «Парадокс» и подобраться поближе, однако взмах меча, который должен был отрубить голову, прошел мимо, словно Кишин пытался поразить воздух, а не человека. Все последующие попытки коснуться его тоже не увенчались успехом, и можно было с уверенностью сказать, что этот человек переиграл своим умом сильнейшую способность в Гармонии.

Отбросить врага подальше от Разлома и выбить из его рук «Семя» тоже оказалось задачей не из легких, и пришлось приложить немало смекалки, чтобы реализовать единственную доступную идею. Так Илия выпустил стрелу из своего лука в ту сторону, куда встанет сам, словно пытаясь поразить самого себя, а затем использовал «ранмацу» в тот же момент, когда стрелки часов возобновили свой ход. Идея сыграла на «ура», и ничего не подозревающий Эдвард, даже имея в своем арсенале идеальную защиту, был сбит с ног разрушительной волной отраженной стрелы.

С одной стороны, Илия смог разузнать о потенциале некоторых своих атак, с другой стороны, повторный «Парадокс» всего через полчаса после использования первого лишил его внушительного запаса сил, отчего некоторые мышцы были вынуждены произвольно сокращаться в резких судорогах, не говоря уже об общей слабости организма. Эдвард не лукавил, когда говорил о потере преимущества, ведь в роли его дуэлянта выступал человек, который в ином случае мог решить исход боя сразу после его начала, однако теперь чаша

весов перевалилась на половину Айса, и он прекрасно это понимал.

В этом и заключался план генерала: заставить братьев сцепиться друг с другом, где в лучшем случае кто-то один умрет, а в худшем оба будут вымотаны и неспособны сражаться так, чтобы заставить его попотеть. До этого дня Гармония не видела человека, который мог оказаться умнее Эдварда с его нечеловеческим стратегическим мышлением, и именно это делало противника всего города самым опасным за всю его историю. Комбинация нарцисса и гения в одном теле затмевала бы собой всех остальных, если бы кто-то смог предугадать его план раньше, чем он перешел в воплощение.

Резко провернув «Костолом» на тридцать градусов, Илия заставил того вновь вспылать, а затем, спрятав меч за спиной в боевой стойке, он бросился вперед, совершив сокрушительный выпад навстречу Эдварду. Удар был сильным и точным, заблокировать его не представлялось возможным без использования двух рук сразу, потому Эдвард, недолго думая, остановил удар лезвием «Кё» пошатнувшись от столкновения так, словно столкнулся с грузовиком, испытав на себе жар пламени «Костолома». На этом моменте генерал мог ответить Илие внезапной атакой, и он хотел было замахнуться, уйдя из-под скрещивания мечей, однако перед глазами показалась яркая вспышка фиолетовой молнии, последовавшая откуда-то из-за спины Илии, потому Айс был вынужден мгновенно отступить, воспользовавшись телепортацией, и он лишь чудом избежал попадания, не считая вклада молниеносной реакции.

— Что, боишься? — заговорил Илия, обернувшись в направлении, казалось бы, непредсказуемой телепортации. — Не ты ли минутой ранее называл меня слабаком?

— Хах, я свои слова назад не забираю! — не поддавшись на провокацию, усмехнулся Эдвард, стараясь скрыть свое напряжение.

Теперь оба дуэлянта понимали, из какого теста слеплены их противники. Кричавший о своем превосходстве Эдвард затих, стараясь подобрать в голове надежную тактику боя, где кроме использования всех сил и выжидания подходящего для ответной атаки момента ничего более не подходило. Илия же в этот момент хорошо усвоил боязнь Айса перед его сферами и мечом, ведь те имели схожий принцип работы, который заключался в поражении цели активированной природной эссенцией. Если преимуществом Эдварда была «истинная бестелесность», основанная на манипуляциях с энтропиумом, то вся ее практичность угасала на фоне сил природы. Недаром Разлом может влиять на эту реальность только частицей своей силы, ведь природа не дает ему выпустить внутреннего зверя наружу, вынуждая лишь изредка пробиваться наружу. Именно по этой причине было образовано «Семя», ведь угасший энтропиум, исходящий из Разлома, попросту затвердевает и в виде вязкой жидкости устремляется к земле — природа всегда была сильнее потустороннего.

Сразу после ответа Эдварда, Илия, не давая ни секунды для передышки, снова сделал выпад, но на этот раз Эдвард не стал блокировать, а мгновенно отступил, однако преследователя это не остановило. Кишин продолжал напор, постоянно атакуя врага разными атаками издали, стараясь сблизиться, включая и размашистые огненные дуги огромной разрушительной силы, образуемые взмахами «Костолома». Острые куски льда то ли дело появлялись из ниоткуда и с бешеной силой врезались в землю, разлетаясь на другие мелкие осколки, большие огненные шары вылетали из рук Илии, каждый раз практически настигая врага. Даже большие и крепкие камни порой пытались перегородить путь, вылезая прямо из-под земли, пока потоки режущего ветра все время сбивали с ног, но самой опасной способностью в этом бою был тот самый удар фиолетовой молнией. Дело в том, что эта

линза давала Кишину возможность атаковать практически бесприцельно, делая залп быстрым и точным, а если бы та единожды попала, то заставила бы врага буквально разлагаться изнутри, вызывая гниение и обильное кровотечение, не говоря уже об электрическом ожоге. Для такой атаки приходилось использовать много энтропиума, которого у Илии было в достатке внутри собственного сосуда, комбинируя его с природной энергией и образуя симбиоз разрушительной молнии и сверхплотного энтропиума, что было по силам только уникальной в своем роде алхимической линзе.

Эдвард продолжал уходить из-под атак, задействовав не только базовые способности, но и паучьи лапы, которые помогали справиться там, где не справлялся хозяин. Всего лишь за пару минут боя тот потерял половину своих лап, просто обороняясь, и лицо Эдварда с каждой секундой приобретало все новые ошарашенные черты, которые невозможно было скрыть в честном бою. В какой-то момент тот выиграл для себя возможность внезапно атаковать, потому сразу же телепортировался за спину Кишину и замахнулся мечом для удара сверху, но, так и не достигнув цели, был отброшен резким всплеском туманообразного энтропиума, затаившегося в виде маленьких молний внутри белой дымки.

— Сукин сын! — непроизвольно выкрикнул Эдвард, выпрыгнув из дымки и отдалившись от оппонента.

Постепенно туман сошел на нет, и оба мужчины замерли на своих местах, цепляясь за персоны друг друга.

— Я сделал некоторые выводы, — столь же хладнокровно заговорил Илия. — Ты уворачиваешься от моих атак, потому что они по-настоящему угрожают жизни, и у тебя никак не выходит скрыть этот факт. Даже энтропиумные атаки несут в себе угрозу, ведь в твоём теле заложены лимиты его плотности, не достигающие уровня линзы, как и в моём случае. Этот бой безнадежен — ты падешь в тот же момент, когда мой удар достигнет плоть.

Эдвард не мог ничего ответить на безумно точные и правдивые выводы, он лишь скалился и думал об иных вариантах ведения боя, если не удастся поймать алхимика на неожиданной телепортации.

— Он и вправду очень опасен, — задумался Эдвард. — Признаю, я недооценил способности Илии, полагая, что он всему обязан дару Хроноса, и это суждение оказалось крайне глупым, учитывая то, какой у него боевой опыт и скорость реакции, не говоря уже об умственных способностях. Такими темпами я просто выдохнусь и проиграю, но, если лишу Кишина возможности использовать линзы и подкошу боевой дух — верну себе преимущество.

С этой мыслью Эдвард тотчас бросился в бой первым, попробовав лишить Илию возможности атаковать вдаль, чтобы перейти в ближний бой, в котором шансов не попасть под атаку будет намного больше. Первый удар был ловко отражен, а также последующий, но не тот, что следовал за ними — Илия столь же ловко владел легким мечом, хватаясь за рукоять двумя руками только для того, чтобы заблокировать, однако поддерживать преимущество ему помогал щит, который предоставляло кольцо. Нанося мощные атаки, Эдвард мог поставить себя в более выгодное положение, ведь он вынуждал Кишина пренебрегать атаками линз, что внушительно облегчало задачу, но не давало уверенности в том, что их не последует, а слабыми и быстрыми тот постепенно лишал врага щита, однако тот восстанавливался быстрее, чем спадал.

Илия все еще мог атаковать линзами, и делал это по мере возможностей, когда левая рука оказывалась свободной и дистанции хватало для того, чтобы случайно не попасть по

себе. Комбинация атак настолько хорошо держала врага в напряжении, что Эдвард в какой-то момент проглядел взмах и частично подставился, чудом уйдя от атаки и отступив назад. Глядя на место повреждения и испытывая острую боль в купе с дурным горелым запахом, Айс заметил порез на правой стороне груди, однако это было не простое рассечение плоти, а яркий след от ожога, какой бывает на раскаленном металле, который постепенно терял яркость, открывая вид на поджаренную плоть и обгоревшие лоскуты костюма.

— Неплохо, — впервые за долгое время ухмыльнулся Эдвард. — Мне в самом деле стоило внимательнее следить за мечом. Можно было бы испугаться, но, к твоему сожалению, эта атака должна была меня прикончить — ты солгал.

— Значит, прикончу следующей, — уверено произнес Илия, выставив перед собой меч.

Бой выглядел односторонним, он казался безнадежным и заранее предрешенным, но на этот раз с лица Эдварда широкая улыбка уже не сползала. Генерал снова напал первым, не дав Илии возможности продолжить загонять себя в угол, выйдя на ту же дистанцию для того, чтобы бой велся только на мечах. Взмахи продолжались, звон от столкновений ежесекундно разлетался по зеленому полю, и ни один из оппонентов не собирался уступать другому, пока Кишин снова не подловил Эдварда, занеся меч над головой. Теперь уже этот удар мог быть смертельным, и какие-то ничтожные мгновения отделяли Айса от смерти, но он, несмотря на свое очевидное убыточное положение, резко отступил телепортировавшись назад значительно дальше, чем обычно.

Воспользовавшись очередной возможностью для дальней атаки, Илия вытянул вперед руку и прицелился в Эдварда, и уже когда фиолетовая линза за спиной ярко засветилась, Айс заговорил:

— Попался, — в широкой улыбке до ушей протянул он.

В эту же секунду мелькнула яркая фиолетовая молния, но вместо того, чтобы устремиться в сторону врага, она отклонилась по своей траектории куда-то вверх, и когда Илия понял, что в этот момент произошло, было уже поздно. Эдварду в голову пришла поразительная идея, которой он сразу же воспользовался, выкинув в небо произвольный кусок энтропита. Мысль заключалась в том, чтобы обратиться к законам физики и поведению молнии, которая всегда бьет в ближайший к себе объект, но поскольку энтропит не был обычным металлом, способным послужить громоотводом, а молния не была природной, а скорее сращенной по природе с энтропием, ничего могло не получиться, однако это сработало.

Застав Илию в самый неожиданный момент, Эдвард внезапно телепортировался вплотную, схватив левую руку с перчаткой правой рукой, в то время как левой ногой заблокировал путь для «Костолома», а после он мгновенно ударил Кишина четырьмя оставшимися паучьими лапами поочередно с интервалами в миллисекунды, разрушив щит. Всего трех сильных ударов хватило бы, чтобы лишить Илию защиты, и четвертый прошел уже сквозь нее, вонзившись глубоко в область правой ключицы, лишив оппонента возможности замахнуться мечом, и этот фактор стал решающим. Последним ударом стал точный взмах «Кё», которым Эдвард лишил Кишина левой руки, перерубив ее в области локтя.

Абсолютно непредсказуемый умелый и точный ход набравшегося смелости Айса застал Илию врасплох, потому тот сам неожиданно отпрыгнул назад, умудрившись отступить во время приземления, упав в сидячее положение, избежав лежачего лишь благодаря крепкой хватке за рукоять «Костолома», вонзившегося в землю. Лишившись руки, на которой крепко

сидела перчатка с управляющей белой линзой, Илия полностью утратил контроль над ними, отчего сферы одновременно устремились вниз, потеряв связь с перчаткой, которая лишилась притока энтропиума. Потеря левой руки тоже весьма сильно на нем отразилась, ведь внезапная острая боль буквально пронзила все тело, которое и без того ослабело после использования способностей глаз.

— Хах, не такой смелый уже? — ухмыльнулся Эдвард, почувствовав, как к нему возвращается преимущество. — Посмотри на себя, Кишин, ты только что лишился руки и возможности дальше давить меня своими мерзостными атаками.

— Я-я...

— Что-то? — нелепо глумился Айс. — Я не слышу! Неужели ты сейчас обругаешь меня за то, что я дал тебе отпор в неравном бою? Может, ты просто все это время был жалким и просто изначально не годился мне в противники?

— З-зря... т-ты...

— А, чего? — еле слыша Илию, переспрашивал Эдвард, метаясь в непонимании.

— Ты допустил большую ошибку, — грозно и словно рыча, как дикий зверь, проговорил Кишин, резко подняв голову и взглянув на Эдварда.

В этот момент генерал замер от внезапного шока, на его лице показалось такое выражение лица, какое бывает только на подобных ему. Тело резко вздрогнуло от ужасающей картины, а рука непроизвольно сжалась на рукояти, и в этот момент Эдвард понял, что пробудил спящего зверя. Глаза Илии широко распахнулись, и на месте зрачков снова показались те самые черные глаза с яркими оранжевыми кольцами, а по щекам вновь потекли ручьи крови, да так обильно, что с подбородка падали не капли, а неразрывный поток. Немалозначимым фактом выступало то, что в этот момент ни «шиирацу», ни «ранмацу», ни «Парадокс» не были использованы, словно это озверевшее состояние ничем не подкреплялось. Но страшнее всего на его лице была широчайшая улыбка, какой не бывает даже у самых больных и отмороженных психопатов. Он не выглядел ни злым, ни опечаленным, ни грустным, о чем говорили приподнятые брови, напротив, потеря руки и ощущение боли пробудили в нем искреннюю непробиваемую радость, словно тот сейчас не испытывает ничего, кроме удовольствия.

— Какого хера? — опешил Эдвард, немашинально отшагнув назад.

Не успел Айс и шага сделать, как Илия резко набросился на него, соскочив с места и ринувшись в бой, словно не получал никаких ранений и не слышал подрывающих моральное состояние слов из уст врага. Он двигал рукой свободнее прежнего, словно боль не сковывала движений, замахивался сильнее и точнее, бежал вперед и давил напором уже знакомых врагу огненных дуг так, словно делает это случайно. Он будто все еще прятал за спиной линзы, готовые в любую секунду помочь, но ошметки левой руки в области локтя, из которых безостановочно лилась кровь, говорили скорее о том, что он просто обезумел.

— Что происходит? — задумался Эдвард, всеми силами стараясь не подставиться под атаки. — Я ранил его и лишил линз, но он продолжает атаковать так, словно это пошло не в убыток, а сыграло на руку. Неужели он стал таким из-за боли? Это хрен что, мазохист?

Тем временем напор продолжался, и Эдвард мог лишь отступить назад, даже не пытаясь заблокировать, однако по мере продолжения безумства, генерал мог рассмотреть картину в действительности и понять, что происходит.

— Его атаки сильны и быстры, точны и нацелены только на то, чтобы любой ценой поразить меня, — подметил Эдвард. — Однако он не задумывается о том, чтобы следить за

моими действиями или прибегнуть к защите. Неужели он просто пытается убить, не думая ни о чем другом, наслаждаясь только болью и игнорируя процесс? В таком случае, подловить его будет проще.

Недолго думая, Эдвард перешел в ответное нападение, и к его удивлению, Илия не то что не попытался защитить себя, рассчитывая на перезарядившийся щит — он даже не думал заблокировать. Тупой инстинкт нападения в лоб полностью подчинил себе разум Кишина, сделал из него орудие для убийств, но против умелого и сильного врага Илия в этом бою выглядел подобно тренировочной кукле, способной делать однотипные взмахи и принимать удар. Первый удар Эдварда пришелся в спину, и оказался заблокирован щитом, а Илия сию секунду отреагировал, обернувшись и продолжив наступление.

Этот бой мог продолжаться вечно, но с каждой секундой он становился все безумнее, учитывая то, что Эдвард словно смотрел в зеркало, сражаясь с самим собой в порыве нахлынувшего удовольствия, только его отражение в этот момент не могло принимать здравых решений. Улыбка сама собой сползла, а на замену встала серьезность и неприязнь, от которой хотелось поскорее отмахнуться, потому Айс принял решение закончить этот бой быстро.

Высчитав траекторию очередной атаки Илии, Эдвард ловко подставил «Кё» навстречу, заблокировав удар и резко оттолкнув оппонента теми же поочередными ударами лап, а затем, воспользовавшись дезориентированностью Кишина, он сделал выпад навстречу, собрав всю энергию в мече, как это делал Ашидо, после чего лезвие «Кё» засияло ярким красным цветом.

— Разлом! — громко прокричал Эдвард, замахнувшись навстречу Илии.

Удар был рассчитан на то, чтобы мгновенно прикончить врага, но Кишин неожиданно бросился вперед, снова замахнувшись на Айса, и эта ошибка стала ключом к его поражению — «Костолом» резко столкнулся с «Кё». В иной ситуации все бы сложилось как прежде, но на этот раз пламя легендарного меча с оранжевой линзой в середине гарды внезапно угасло, а его лезвие, выточенное из драконьей кости, расколосось на части, будучи не в силах выдержать такое столкновение. Лишь десяток сантиметров был верен гарде настолько, что остался на своем месте, но сражаться таким оружием уже не представлялось возможным. Одно лишь мгновение, и за разрушительной атакой Эдварда последовала вторая, которая столь же легко отрубила Илии уже правую руку почти в том же месте, полностью лишив того щита вместе с кольцом, оставив немного плоти ниже локтя, а сразу после в грудь алхимика ударила твердая подошва, отправив того на землю.

— Seriously, ты не способен даже здраво мыслить во время сражения, — заговорил Эдвард, показывая на своем лице жалость к оппоненту, хотя еще не так давно он был готов признать Илию действительно сильным противником. — Какой же ты жалкий, Кишин. Ты и твой брат с самого начала в моих глазах были детьми, которым в руки дали игрушки для взрослых. Ради чего ты вообще все это время сражался? Ради чего ты приобрел такой внушительный боевой опыт? Ради чего ты так холодно и расчетливо держал меня в напряжении с самого начала? Чтобы показать это лицо при первом же ранении? В голове не укладывается мысль о том, что я мог тебе проиграть... Настолько никчемных и безумных одновременно людей я еще никогда не встречал.

— Я...

— Заткнись! — внезапно закричал Эдвард. — Почему пока остальные показывают мне страх, ты улыбаешься мне прямо в лицо, даже не видя во мне врага? Даже я не настолько

безумен, как такой безнадежный кусок мусора, как ты. Смирись, без рук ты мне уже ничего не сделаешь, потому я подарю тебе быструю смерть, лишь бы больше никогда не видеть этого лица вновь!

— Это...

— ЗАКРОЙ РОТ! — в ярости закричал Айс, выставив над головой меч для удара.

— Это еще не конец! — внезапно закричал Илия, резко поднявшись с земли и бросившись вперед.

Эдвард прекрасно знал, что Кишину больше нечем атаковать, потому не стал защищаться, думая убить его на подходе, но в следующую секунду произошло то, чего генерал никак не ожидал, ведь тот и не предполагал, что его враг почти пришел в себя после всплеска безумия. Илия внезапно вырвался вперед, оказавшись вплотную в пригнутом на уровне пояса состоянии, а затем резко выпрямился, твердо уперевшись ногами в почву, устремив свою голову навстречу врагу. По воздуху внезапно разлетелась кровь, ноги Эдварда подкосились под весом врага, а атака Илии оказалась настолько неожиданной и непредсказуемой, что с легкостью поразила жизненно важные участки тела. Костяные рога одновременно впились в шею и солнечное сплетение генерала, проникнув глубоко внутрь и разорвав своими ответвлениями все артерии и сосуды, вызвав резкое и обильное кровотечение. Эдвард успел лишь ухватиться за один из рогов и хотел было оттолкнуть Кишина ногами, однако тот его опередил.

Так они и разминувшись, а шлем соскользнул с головы Илии, устремившись следом за Эдвардом, который упал на землю в нескольких метрах от оппонента. Стоило ему приземлиться, Айс сразу же резким движением вынул из шеи рога и отбросил шлем в сторону, испугано схватившись за горло и стараясь всеми силами остановить кровь. Боль была еле переносимой, злоба с каждой секундой все нарастала, не оставив на лице ни намек на некогда довольное собой выражение — безумие врага смыло собственную улыбку.

Постепенно боль утихла, а кровотечение с каждой секундой становилось все меньше по мере залечивания ран, ведь удар был не природного и не энтропиумного характера, а простым физическим проникновением, отчего угрозы собой не представлял. Как только Эдвард залечился, то сразу же поднялся на ноги и, исполняясь ярости, закричал:

— ХВАТИТ УПИРАТЬСЯ! ПРОСТО СДОХНИ!

Действия Илии в самом деле привели Эдварда в ярость, и он был готов прямо сейчас наброситься на ослабевшего и израненного алхимика, чтобы разорвать голыми руками до состояния фарша, однако очередная нелепая картина его остановила. Кишин отныне не рвался в бой и не цеплялся за любые возможности навредить, а смиренно сидел на коленях с опущенной вниз головой. Со стороны могло показаться, что тот принял свою судьбу и был готов умереть, лишь бы враг сжалился и принес ему быструю смерть, но в голове Илии все обстояло гораздо серьезнее.

— Почему... Почему я был так слеп? — задумался он, говоря вслух и глядя в пол, непроизвольно наполняясь слезами. — Все это время я думал, что они погибли из-за моей неспособности всех защитить...

— Поэтому они и погибли, Кишин, — подхватил Эдвард.

— Нет... это не так, — оборвал Илия. — Своими руками я всех убил... Все это время вина лежала на мне...

— Да, именно так и было, — продолжил поддакивать Айс, даже не понимая, о чем бормочет мужчина, но желая подлить масла в огонь, если тот наконец сдастся.

— Морти...

— Морти? — оторопел Эдвард, а затем наполнился зверским желанием избавиться от Илии, схватив его за волосы и подняв голову вверх. — ТЫ ДОСТАЛ МЕНЯ! ПРОСТО СДОХНИ И ЗАМОЛКНИ НАКОНЕЦ!

Пусть Эдвард и думал, что Илия раскаивается за свою слабость и недалёковидность в конце жизни, но он и не предполагал, о чем именно думает Кишин. Когда-то давно все дорогие ему люди погибли, и алхимик винил себя за собственную слабость и невозможность всех защитить, помня лишь то, как он в одиночестве умер следом за остальными, однако память подвела Илию, сокрыв жестокую правду в недрах мозга, которую он осознал только сейчас. Это безумие, которому подвергся Кишин после испытанной боли, преследовало его еще с юности, ведь только боль давала ему почувствовать себя живым человеком, а не пустой куклой, но взамен тот полностью терял над собой контроль, становясь опасным не только для себя самого, но и всех, кого мог назвать родными. Перед собственной смертью он своими руками убил тех, кого любил, даже не осознавая, что вытворял в том момент, а когда перед глазами всплыла та же картина, как и много веков назад, Илия наконец понял, но принять столь горькую правду оказался не в силах, будучи способным лишь корить себя и желать смерти в знак искупления.

Эдвард же в тот день столкнулся словно со своим отражением в зеркале, и это его сильно взбесило, ведь больше всего на свете мы ненавидим людей, которые так на нас похожи. Крепко схватившись за рукоять «Кё», он в последний раз занес меч над головой, желая поскорее отнять жизнь у Кишина, а затем вернуться к осуществлению собственной мечты, к которой был в этот момент как никогда близок.

— Умри! — закричал он, устремив лезвие навстречу шее, но оно неожиданно остановилось, даже не успев начать движение.

Даже не успев понять, что происходит, Эдвард снова испытал пронзительную боль, но на этот раз она оказалась куда более продолжительной и усиливалась с каждой секундой. Тяжелый клинок по правой стороне над плечом оказался зажат между головой нападавшего и обхватившей его отрубленной в районе кисти рукой, в то время как зубы яростно впивались в шею Айсана в области сонной артерии, а челюсть с каждой секундой сжималась все сильнее и сильнее, однако этот рот казался в разы шире, чем у обычного человека. Это была Ринна, или, скорее, то, что от нее осталось — половина тела с тяжестью висела на высоком мужчине, находя опору лишь на остром лезвии меча, который, пусть и шатко, но держал девушку на весу, постепенно разрывая ткани руки и приступая к кости. Челюсть же сжималась не сама по себе, а под действием усилий, прикладываемых левой рукой, которая что есть мочи давила на подбородок, помогая отвисшей челюсти сомкнуться.

Внезапная атака продлилась недолго, ведь Эдвард оперативно отреагировал и откинул голову назад, а «Кё» устремил в том же направлении, перерубив и без того покалеченную руку, вынудив девушку упасть вниз, но перед этим той удалось буквально откусить огромный кусок плоти с шеи генерала, залив всю его рубашку кровью. Стоило ей соприкоснуться с землей, тело тотчас настиг яростный и мощный пинок, из-за которого Ринна отлетела аж на несколько метров, несколько раз перевернувшись и в конечном итоге замерев в положении на животе с ненадежной опорой на руку.

— Илия, вставай! — полуразборчиво закричала Ринна, выплюнул кусок мяса, придерживая челюсть здоровой рукой между тем, как по всему рту расплескалась кровь, меняя ее вид с некогда милой девушки на подобие людоеда.

— ДА ЧТО С ВАМИ НЕ ТАК! — вновь яростно завопил Эдвард, снова занеся меч на головой, придерживая открытую глубокую рваную рану на шее левой рукой.

В этот момент он непринужденно сомкнул глаза, лишь бы никогда больше не видеть никого из этих людей. Отсутствие зрения не помешало бы настичь Кишина, однако Эдвард желал открыть глаза и лицезреть его уже мертвым в окровавленной луже собственных кишкков. Финал был близок и от победы его отделяло одно ловкое движение, которое, несмотря на отсутствие способных помешать, так и не настигло жертву, остановившись на середине пути в сопровождении знакомого металлического отзвука столкновения мечей.

Открыв глаза, Эдвард застал перед собой человека, остановившего «Кё» с такой легкостью, словно какую-то пушинку. Его широкие плечи и крепкие руки надежно держали длинный меч за рукоять и под лезвие с другой стороны, не дрогнув под напором тяжелого лезвия. Его ноги твердо стояли на месте, и в них не было ни намека на страх, к которому так привык Айс. А посреди всего этого уверенного вида предстало замершее в гневе лицо, но не беспорядочном и неконтролируемом, а холодном и нацеленном на результат. Глубокие красные глаза пронзительно сверлили персону Эдварда, не только пугая, но и предзнаменую тот перелом, которого не должно было случиться.

— Ты в порядке, рогатый? — спокойно и заботливо спросил спаситель.

— Ты... спас меня? — непонимающе произнес Илия, стараясь вернуться в реальность, а после посмотрел на знакомую широкую спину.

— Думал, что я мертв, да? — улыбнулся он, даже не думая отворачиваться от Эдварда. — За тобой должок.

В эту же секунду Айс неожиданно отпрыгнул назад, не выпуская меча и рук, замерев на месте в нескольких метрах от этих двоих. Его сердце в миг наполнилось непреодолимым гневом из-за того, что сразу после вмешательства Илии все пошло не по плану, ведь тот не только вырвал у него мечту из рук в последний момент, но и наотрез отказывался умирать на протяжении всего боя. Он впервые в своей жизни напрягся настолько, что испугался собственного поражения, из раза в раз Эдвард пытался и пытался, думал и атаковал, думал и защищался, он все время выигрывал для себя преимущество, но даже так оказался практически сломлен волей врагов и их бесконечным желанием жить.

Их готовность отдать жизни друг за друга и за благо тонущего в грехах города никак не могла уложиться в голове Айса. Они все время шли только вперед, не оглядываясь назад, и даже сейчас, когда, казалось бы, врагов больше не осталось и мечте ничего не препятствует, они продолжают ему мешать.

— АШИДО ТАКАГИ! — наполнившись гневом, истошно закричал Эдвард, словно все его силы удерживать злобу в миг испарились, а холодный расчет ушел на второй план.

— Что у тебя с лицом, Эдвард? — с ухмылкой на лице произнес Ашидо, все также не отрывая взгляда ни на секунду и даже не моргая. — Неужели ты уже не так уверен в своем превосходстве?

— Я убью каждого из вас! — продолжил Эдвард. — И буду делать это медленно, наслаждаясь каждым надрезом и стоном, исходящим из ваших сшитых ртов. Я заставлю вас страдать и молить о пощаде, твари!

— Прости, но сегодня ты проиграешь, — лицо Такаги сменилось серьезным и готовым убить, а острое лезвие «Нами» немногосзначно обратилось в сторону генерала. — И на этот раз ты так просто от меня не отделаешься.

— Убил один раз — убью и второй! — вернув себе ухмылку, прорычал Эдвард.

Эта самая ухмылка спала с лица так же быстро, как позади стоящих впереди мужчин засияло множество ярко-фиолетовых пятен — поочередно вдоль всего поля боя стали раскрываться порталы, а из них понемногу стали проявляться фигуры. Так позади показалась некогда боявшаяся действия разлома и его навязчивого шепота Вайд, следом за ней из-за огромной черной пелены показался большой робот высотой в три человеческих роста, застыв прямо позади Илии, вынудив того обернуться и оторопеть от происходящего. Все больше и больше фигур выходили на свет, принимая сторону спасителей Гармонии, и никто из них не был знаком нашим героям, но все они знали, зачем пришли и ради чего вскоре сразятся.

— Помощь пришла! — громогласно заявила Мисато из кабины робота.

Соскалив зубы, Эдвард почти сразу пустился в бега обратно в сторону почти дошедшей до Разлома гвардейской колонны, понимая, что в одиночку он не способен сразиться с таким числом врагов, даже если они будут слабыми, ведь генерал не привык сражаться против большинства — он сам всегда был в большинстве.

— Мы опоздали? — спросила внезапно появившаяся из портала Юстиция.

— Ребята, — едва не плача, промямлил Ашидо, а затем неожиданно улыбнулся, проговорив. — Вы как раз вовремя.

Глава 66: Славный день

— Проснись, Ашидо, время еще не пришло, — прозвучал ласковый женский голос в тишине, и нежная миниатюрная рука легонько соприкоснулась с щекой героя. — Знаю, ты очень устал и думаешь, что сражаться отныне бессмысленно, но они все еще верят в тебя, как и я верю по сей день. Нельзя оставлять Гармонию на растерзание людьми, предавшими наше общее будущее.

— Уже слишком поздно, — не открывая глаз, ослабевшим голосом протянул Ашидо, но стоило ему мельком взглянуть на загадочную гостью, голос которой казался таким родным и знакомым, на лице замер вид необъяснимого чувства. — Ты же...

— Вставай, Ашидо, давай вместе положим этому конец, — уверено произнесла девушка, протянув руку для того, чтобы парень мог встать. — Пришло время разорвать кокон.

***

Среди выжженных боем и залитых кровью полей, тонущих в потоке падающего наземь с неба пепла, разгоняемого ветром, на единственном едва целом зеленом нетронутым участке понемногу появлялись фигуры, которых становилось все больше и больше. С первого взгляда предсказуемый исход сражения сменился таким, который предугадать не представлялось возможным, принесся за собой новую надежду и предзнаменовав начало нового перелома.

Глядя на Солен и на сотни других людей, Ашидо понимал, что его крик не остался в глуши, и многие пришли на помощь в самый решающий момент, когда любой способный сражаться человек мог полностью переломить ход боя. Пусть внешне он и скрывал свои истинные чувства, парень был безмерно рад тому, что сейчас перед собой видел, заново обретая надежду на победу в этот мучительный для всей Гармонии день, однако неведение о судьбе остальных его друзей нагнетало обстановку, сгущая тучи в душе парня.

— Кто все эти люди, Солен? — спросил Такаги, озираясь по сторонам.

— Это те, кто поверил в наше общее дело, — с улыбкой на лице пояснила Солен. — Среди нас сотни шепотов, ренегатов и геномов, и, скажу без лукавства, для них, как и для меня, будет честью облегчить твое бремя, Ашидо.

— Спасибо, Солен, — улыбнувшись с натяжкой, промямлил Ашидо.

— Это мой долг, Такаги, орден «Юстиция» и все его резервы с тобой, — снова улыбнулась она, не отпуская рукоять своего холодного оружия ни на секунду.

— Что с остальными? — внезапно вмешалась в разговор Мисато, вид которой не внушал ничего хорошего. — На орден напали, Наташа, Джозеф и Торин серьезно пострадали, остальных спас Каспер.

— Не знаю, — опустив голову, промямлил Ашидо, чувствуя вину за то, что оставил друзей на растерзание. — Возможно, они все еще...

— Мертвы, — тотчас оборвал все еще сидящий на коленях в невысокой траве Илия. — Мне удалось застать только Миву, и она сказала, что Эдвард убил всех, включая тебя.

— Но Ашидо ведь не мертв, — откуда-то из-за спин Илии и Солен пробормотал женский голос.

— Только это утешает, — тяжело вздохнул Кишин. — В отличие от меня и нашего подкрепления, ты вернулся как раз вовремя, Ашидо — хотя бы меня успел защитить.

— Я бы не стала делать преждевременных выводов, — снова заговорила девушка, тихо

ступая по осенней траве.

Ее на удивление уверенная походка устремилась навстречу алхимику, а теплая улыбка и яркий наполненный жизнью взгляд красных глаз мелькнул своей необычностью перед сопровождающими взглядами. Образ выглядел крайне знакомым, но что-то выбивалось из общей картины.

— Господи, — все, что в этот момент могла сказать Солен, застыв на месте в состоянии шока.

Девушка в теплом осеннем жилете темно-синего цвета и облегающих темных кожаных брюках подошла к Илию и медленно уселась на корточки, показавшись перед ним в своем лучшем свете.

— Видишь, Илия? — ласково произнесла она, столь же доброжелательно улыбнувшись. — Все напрасно считали меня мертвой, а сейчас с удивлением раскрывают рты. Так почему же мы должны опускать руки и заблаговременно хоронить своих товарищей?

— О, Боги, — с тем же шокированным видом отреагировал Кишин, но мимика его лица сразу же сменилась умиротворенной и поистине радостной. — Я не думал, что моя идея оправдает себя, но не переставал верить, и этот небольшой трюк принес свои плоды... С возвращением, Лаффи.

Лицо ее более не передавало того же юношеского максимализма, мимика не выглядела глупой, а вульгарные хвостики по бокам сменились видом длинных и пышных распущенных волос. Только рисунки, растянувшиеся по всей длине рук, остались прежними.

— Я тоже рада тебя видеть, — широко улыбнулась наполненная прежней жизнью белесая девушка.

— Ты права, нетактично было с моей стороны говорить о наших товарищах в подобном ключе, — раскаиваясь, протянул Илия, а затем немногословно спросил, зная, что Лаффи точно сможет ответить. — Сколько?

— Двадцать пять, — однозначно ответила Лаффи.

— Понятно, — умиротворенно кивнул Илия.

Сказать, что все были поражены и не верили в происходящее — ничего не сказать. Ни с того ни с сего на глазах у всех знавших Лаффи людей из мира мертвых вернулась девушка, которую все давно самолично похоронили, передав тело земле, и все протекающее больше походило на сказку, где лишь два человека знали о причине ее внезапного возвращения.

— Как тебе удалось? — осторожно поинтересовалась Солен.

— Можешь не стараться, — оборвал Ашидо, не отводя взгляда от Лаффи и расплываясь в улыбке. — Она скажет тебе то же самое — «это долгая история».

Внезапно вблизи компании появилась еще одна фигура мужчины на полголовы выше нашего героя. Он был одет в белый халат, клетчатую синюю рубашку и аккуратные серые брюки, чем-то напоминая своим описанием мужа Ринны, ведь они оба имели пышные волосы цвета блонда, а также выразительные голубые глаза.

— Ашидо Такаги, я полагаю, — заговорил он, подойдя поближе к герою и вытянув руку. — Меня зовут Дэниел Фишер, я о вас наслышан.

— Аналогично, доктор, — кивнул Ашидо, протянув кисть для закрепления рукопожатия, скрывая удивление от очередной неожиданной встречи.

— Не будем терять времени — у нас его и без того мало, — невзначай оборвал Фишер. — Моя команда развернет в пределах комплекса пункт оказания первой помощи,

всех раненых прошу транспортировать туда.

— Тогда, начните с Ринны, — подсказал Ашидо, указав на лежащую в невысокой траве ослабевшую и изрезанную девушку.

— Я оттащу остальных раненых! — громко воскликнула все это время висящая в воздухе на своих изумительных и блистательных крыльях Луна.

— Хорошо, за дело! — одобрительно кивнул Дэниел, пустившись в сторону Регер и подзвав жестом остальных медиков, остановившись лишь на секунду близ Такаги, положив тому на плечо руку. — Удачи, мы все верим в вас.

Так доктор спешно покинул компанию героя, следуя своей главной задаче — спасти как можно больше жизней. Никто и не предполагал, что некий знающий в медицине человек неожиданно явится на помощь и приведет с собой целую команду. Да и сам Ашидо в душе не ведал, что сможет лично познакомиться с небезызвестным доктором в своем последнем бою.

— Похоже, я не вхожу в число раненых, — малость обиженно, но с долей смирения проговорил сидящий в траве Илия, медленно поднявшись на ноги после своих слов. — Спасибо, Ашидо, я мог умереть, если бы не вы с Ринной.

— Я не мог этого допустить, — спокойно ответил Такаги. — Ты многое сделал для нас, и уже давно стал частью семьи.

В ответ на это Кишин лишь умиротворенно улыбнулся, как почти никогда не бывает, а затем взглянул вдаль и замер в одном положении, пока внезапно не нахмурился и не заговорил.

— Ашидо, не допускай моих ошибок, — крайне серьезно заявил Илия. — В бою не должно быть чувств, тянущих вниз, иначе не только ты проиграешь, но и других за собой утянешь.

— Спасибо за урок, учитель, — усмехнулся Такаги.

— Я серьезно, — оборвал Кишин. — пока не будет пролита кровь врага, эмоции должны быть заперты под замком. В ближайшее время помощи от меня не жди — руки еще не скоро восстановятся, да и козырей в рукаве не осталось.

— Какой-то ты кислый сегодня, Илия, — забавляясь измученным видом, брякнула Солен.

— У меня отрублены руки, болят все мышцы тела, а в голове словно в бубен бьют, и ты называешь меня кислым, — недовольно фыркнул Кишин. — Что ж, я пойду вглубь комплекса и попробую восстановиться как можно быстрее, чтобы вернуться в бой.

Сказав это, Илия спешно удалился, оставив Ашидо наедине с Солен, которая параллельно своим глупым насмешкам понемногу разрабатывала стратегию боя, не видя иных вариантов, кроме как столкнуться лоб в лоб. С одной стороны, «Спектр» значительно снизил численность гвардии, но, с другой стороны, они все еще представляли угрозу.

— Хэй, давно не виделись, Ашидо, — послышался знакомый юный голос в черед характерных для поля боя звуков.

Обернувшись к источнику, Такаги застал перед собой неожиданного союзника, на которого когда-то имел глупость рассчитывать. Вульгарная синяя одежда хорошо врезалась в память, а внешний вид говорящего все так же не внушал ничего необычного, однако на этот раз Ашидо мог смотреть на парня свысока, видя то, как из раза в раз его лицо не меняется, словно весь период вынужденного роста героя окружающие его люди жили припеваючи.

— Здравствуй, Алан, — поприветствовал Ашидо, сразу же переключившись на человека

рядом. — Здравствуй, Милена.

— Вижу, совсем захворал, — непринужденно улыбнулась Милена, сжимая в руках свой мушкет, лежащий на плече. — Бьюсь об заклад, совсем не ожидал нашей скорой встречи.

— Честно говоря, да, — согласился Ашидо, все еще не понимая, почему эти двое как будто преследовали его с самого начала тернистого пути.

— Позвольте объясниться, молодой человек, — вмешался в разговор высокий старик с седыми волосами и не очень длинной бородкой в форме гвардейского генерала, которого Такаги сразу же узнал. — Мы представляем орден «Юнити», главой которого являюсь я, Фридрих Кафка, а перед вами находятся мои правая и левая руки: Милена Гринвуд и Алан Ковинский.

— Постойте, — внезапно опешил Ашидо. — Вы ведь являетесь одним из Гармонийских генералов.

— Совершенно точно, — кивнул Фридрих. — И именно поэтому я принял сторону правды, видя то, что происходит внутри дворца, куда не мог бы заглянуть простой человек.

— То есть, все это время орден «Юнити» находился под вашим руководством? — столь же ошарашенно спросил Такаги.

— Ха-ха, — будучи не в силах сдержать смешок, улыбнулся Кафка. — Мы были в основном информаторами, действуя в тех же интересах, что и «Спектр», но за неимением сил боялись сделать ход, пока ваше появление не натолкнуло нас на решительный шаг.

— Прости, Ашидо, что не могли сказать раньше, — вклинился Алан. — В тот день, когда мы впервые встретились, ты предложил нам вступить в орден, застав тем самым распахнуть. — Милена отнеслась к идее скептически, но сделала ставку на то, что мы однажды сыграемся.

— Кто бы мог подумать, что мальчишка с улицы превзойдет орден умелых и подготовленных бойцов одним лишь энтузиазмом и желанием жить, — непривычно для себя улыбнулась Милена.

— Другими словами, этот альянс положит конец промыслам нынешней власти, — решительно заговорил генерал Кафка. — «Спектр», «Юнити», «Юстиция» и сотни наших бойцов пришли сюда сразиться на одной стороне ради общего будущего, в котором все смогут жить свободно. Ты заслужил право повести всех за собой, так отдай же приказ нападать, «Клинок Гармонии».

— Не могу противиться такой чести, — одобрительно кивнул Ашидо, устремив взгляд в сторону гвардейской колонны.

Стоя в самом центре событий в качестве путеводной звезды для потерявшего всякую надежду на будущее народа, Ашидо впервые ощутил себя тем, кто мог изменить ход истории. Он не делал ничего сверхъестественного, а только боролся за право жить так, как ему самому того хочется, невольно собирая вокруг себя не только самых близких людей, но и даруя силу и желание сражаться другим людям, которые в свою очередь явились на помощь, дабы отплатить маленькому человеку добром.

— Говори, Ашидо, — тихим голосом произнесла стоящая рядом Мива, взявшаяся из ниоткуда, так и намекая, что сделает все для того, чтобы его слова были услышаны.

Пусть Илия и помог девушке прийти в себя и немного реабилитироваться, однако ей было все еще больно действовать в том же духе, однако Мива, несмотря на отягощающие факторы, изъявила желание помочь в последний доступный раз. Так она вновь раскрыла на всеобщее обозрение свой маленький секрет, сделав так, чтобы не только стоящие позади

люди все слышали, но и чтобы слова Такаги дошли до ушей каждого жителя Гармонии.

— Спасибо, Мива, — ласково улыбнулся Ашидо, лицо которого тотчас сменилось серьезным, а за этим последовала речь. — Жители Гармонии, мои дорогие братья и сестры, отцы и матери, а также их дети, услышьте мой крик! Меня зовут Ашидо Такаги, и устал жить в страхе под гнетом той Гармонии, которую построили наши предки! В наших силах изменить этот город и заставить его восстать из пепла тяжелого прошлого, чтобы породить тот земной рай, который все мы заслуживаем! Все мы устали от войн, все устали от крови и слез, потери близких и жизни в нищете, где каждый день заставлял выживать, а не жить! И даже сейчас война никуда не уходит, словно преследуя и без того измученный народ, но я клянусь своим именем, что заставлю ее исчезнуть — покинуть наш дом навсегда! Шепоты, геномы и ренегаты всегда были частью нашего общества, которое заставили отвергать их столь же людские чувства и заветные мечты, но взгляните вокруг! Те, кого так яростно дискриминировали, сейчас возвышаются на склоне величественной горы, сражаясь за общее будущее Гармонии и за тех людей, которые их окружают! У нас есть сила, и она заключается не в дарах Бездны, геномах и чудовищных мутациях, а в нашем единстве! Запомните этот день как тот, который станет переломным для нашего великого города, и сражайтесь за свое будущее, чтобы больше никогда не оглядываться назад, а идти только вперед с высоко поднятой головой по тропе, отныне озаряемой извечным сиянием нашей непоколебимой гордости! За Гармонию!

— За Гармонию! — в унисон закричали сотни людей, стоящих позади Ашидо.

— Люди, внимайте этим словам! — подхватила Солен, резко вынув из ножен длинную рапиру и устремив ее в воздух. — Этот славный день одарит нас новым началом! Нам подарили надежду, и вера в светлое будущее наконец может себя оправдать, а наши мечи поставят жирную точку в этом кошмаре! Отбросьте все страхи и сомнения, ибо для них настало время уйти и затаиться там, где раньше были улыбки! За Гармонию!

— За Гармонию! — вновь раздался гул оживленной толпы.

— Все мы — бойцы! — уже и сам Фридрих под впечатлением невольно заговорил. — Каждая душа в этом городе всегда сражалась и всегда будет сражаться, какие бы сложности не стояли на пути! Мы преодолели однажды, преодолеваем сейчас, и преодолеем любые невзгоды в будущем! Честь и слава всегда были, есть и будут частью Гармонии, и мы никому не позволим осквернить нашу бессмертную гордость! За Гармонию!

— За Гармонию! — уже куда громче прокричали бойцы, и за спинами стали раздаваться звуки оголенных мечей и шаги, устремившиеся вперед.

— Покажите им нашу решимость! — напоследок прокричал Ашидо, подняв над головой меч и бросившись в бой. — За Гармонию!

Так с места сорвалась переполняемая силой сражаться и желанием жить сотня носителей. Множество шагов зазвучали на поле боя, и были они в разы громче и быстрее, чем у той гвардии, единственной мотивацией сражаться которой была воля их покровителя. Эдвард прекрасно понимал, что теперь не сможет оставаться в стороне и будет обязан задействовать все свои силы и резервы, но над его мечтой в тот момент взяло верх новое неудержимое желание расправиться с парнем, который послужил самой большой преградой на пути. Так, недооценив противника единожды, генерал проиграл свой первый бой, став жертвой собственного высокомерия.

***

Уже через считанные минуты обе стороны столкнулись лицом к лицу, и гвардия

неожиданно дала трещину под напором озверевших носителей. Среди толп сражающихся в активном темпе людей гремели взрывы, разлетались пятна крови и мелькали разные по своей природе вспышки, будь то что-то посредственное или совсем необычное. Мечи скрещивались в дуэлях, длинные холодные лезвия пронзали насквозь и рассекали мягкую плоть, а тела замертво падали на выжженную боем землю, все больше и больше заполняя ее смертью.

Так среди своих собратьев вперед пробивалась и Солен, слегка отставая от первой линии атакующих, но все еще встречая на своем пути ожесточенное сопротивление, с которым девушка весьма достойно справлялась, не получая ни царапины в нередких схватках. Никто бы и не подумал, что один грамотный и харизматичный юрист сможет удержать в руках холодное оружие, размахивая им так, что и заядлый мастер меча не смог бы настигнуть. Так, например, подошедшие на расстояние поражения мгновенно получали колющий удар, лишаящий возможности продолжать бой, ведь в руках грамотного человека рапира становится настолько смертоносной, что противопоставить ее хозяину становится нечего.

По мере продвижения противников становилось все меньше, ведь самое большое внимание отводилось идущим впереди под флагом Ашидо, а также раскатам молний от внезапно вернувшейся в строй Эмили, которая присоединилась к альянсу орденов на моменте столкновения. Солен же старалась поспевать и продвигаться вперед, минуя всех встречных быстрыми и точными ударами, пока в один момент ее рапира не остановилась на месте, так и не достигнув цели.

Удар приходился прямо в сердце рядового гвардейца, но прямо за миллиметр от заветной цели лезвие замерло, будучи зажатым между двумя сморщенными пальцами, неожиданно вынырнувшими из-за спины бедолаги.

— Уходи, боец, — спокойно проговорил мужской голос позади гвардейца, после чего тот медленно отошел в сторону, подняв над головой руки в знак собственной капитуляции.

Стоило рядовому отойти, как перед Солен предстало знакомое лицо человека в возрасте с сияющей лысиной на макушке. Морщинистое лицо лаконично скрывалось под длинной и пышной седой бородой, тянувшейся почти до пупа, а карие глаза с огоньком в зрачках пилили взглядом оторопевшую девушку. Недолго думая, Солен отдернула рапиру назад, лезвие которой с легкостью выскользнуло из объятий противника, а уже после оба замерли как подобает дуэлянтам.

— Назад, госпожа Юстиция! — прокричал молодой паренек, встав перед Клерико и направив в сторону деда копье. — Я возьму его на себя.

— Брось, боец, он тебе не по зубам, — с улыбкой на лице произнесла Солен, отодвигая юношу в сторону. — Продолжай наступление, а я займусь им сама.

Не став спорить, с непонимающим видом на лице парень быстро ушел, оставив этих двоих полностью друг на друга, в то время как остальные наступающие расходились в стороны подобно первому смельчаку, что означало неприкосновенность дуэли.

— Давно не виделись, Шень, — с ухмылкой поприветствовала старика Солен.

— Смелости вам не занимать, мисс Клерико, — столь же играючи произнес Инь. — Какая удача вот так встретиться лично.

— Не для тебя, старпер, — внезапно загубила девушка. — У меня есть уйма причин избавиться от такого законопослушного гражданина.

— Ни к чему лицемерить, Солен, — с серьезным лицом отмахнулся старик. — Коли ты

решила поворошить прошлое, я бы и сам был не против озвучить парочку причин, по которым ты отлично вписываешься в интерьер моей комнаты своей умильной головой.

— Жаждешь отомстить, Инь? — снова ухмыльнулась девушка. — Неужто глубоко обижен?

— Ты все еще помнишь, что натворила в прошлом?

— У меня отличная память.

Эти двое со стороны выглядели так, словно много лет знакомы, но в образе мыслей и одежды значительно расходятся. Так, например, Солен облачилась в сияющие одеяние из комбинации множественного белого, как и старик, однако некоторые детали выбивались из образа: белая рубашка с черным галстуком скрывалась сразу и под коротким жилетом до ребер, и под корсетом, ниже которого растянулась длинная элегантная юбка. Руки девушки скрывали характерные для высоких по своей значимости особ рукава, переходящие в перчатки с наплечниками ордена «Юстиция», а ноги облегалась столь же белыми колготками, уходящими в элегантные ботинки с позолотой. Наконец голубоглазую блондинку с аккуратной заплетенной позади косой до талии дополняла роскошная диадема с драгоценными камнями в цвет глаз, закрепляя образ. В свою очередь Инь не выглядел так напыщенно, скромничая в традиционном белом китайском кимоно с изредка палевыми и коричневыми вставками на швах.

— А ведь мы могли еще долго работать вместе, если бы не твое лживое великодушие, — малость обозленно проворчал Инь.

— Крайне неправильно называть отказ собирать деньги с обедневших людей лживым великодушием, — отрезала Солен. — Тогда я и не предполагала, каким мой напарник может быть жадным на деньги, будучи готовым обобрать любого бедняка до ниточки.

— За такие услуги в кодексе Гармонии предусмотрена плата, которую мы имели полное право взимать, а если у человека нечем было платить, могли и отказать в помощи.

— У «Юстиции» свой кодекс, Инь, — нахмурилась девушка. — Я основала этот орден с целью помочь всем тем, кому больше некуда идти. Тысячи и десятки тысяч людей побывали в моем кабинете, и ни с одного из них я не взымала платы, держась на плаву за счет партнеров и благодарственных сумм, о которых никто не просил.

— Но много ли прибыли принесли тебе твои принципы? — с тем же осуждением приговаривал Шень. — Мы были сказочно богаты до тех пор, пока ты не выставила меня за двери. Я был твоей правой рукой и столь же активно помогал людям. Лишь подход отличался, однако ты сочла наши бесплатные услуги за тяжкий грех в отношении ордена и избавилась от меня.

— Есть вещи, за которые нельзя брать деньги, как и принципы, которые окупаются чем-то иным, — однозначно заявила Солен. — Я всегда получала то, чего желала — слова благодарности и искреннюю доброту, заполняя пустоту внутри себя улыбками людей и протянутой в ответ рукой помощи. На свете есть множество персон, противоположных людским грехам, и я выступаю в роли диаметральной жадности, подобной твоей, как и моя дорогая Луна, что контрастирует с гневом.

— Знаешь, я не жалею, что посвятил себя идеалам Эдварда, — тяжело вздохнул Инь. — В отличие от тебя, этот человек никогда не стоял на месте и всегда стремился к большему, забирая от жизни все то, чего она давать не хотела. Он не только сделал меня богатым, но и подарил новую цель, потому я по сей день следую за своим лидером.

— Он никогда не был лидером, Шень, — заспорила девушка, уперев правую руку в бок,

не выпуская рапиру из левой. — Эдвард использует вас, и это не только заметно со стороны, но и доказано делом. Как только вы окажетесь ему не нужны, Айс тут же выбросит всех и снова останется в одиночестве.

— Это уже не имеет значения, — выдохнул старик. — Я прожил достойную жизнь и ее окончание станет столь же достойным, однако, спешу заверить, что даже не имея моей жадности, ты никак не можешь избавиться от ненаигранного лицемерия. Солен, ты ведь и сама когда-то выбросила меня, так почему же считаешь себя лучшим лидером, чем Эдвард?

— Я никогда не была лидером, Инь, — спокойно опровергла слова старика Солен. — Наш истинный лидер прямо сейчас ведет всех за собой, и я такая же ведомая женщина, как и все следующие за ним. Глупо обвинять в лицемерии человека, который привык жить в образе реалиста и трезво смотреть на вещи.

— Коли ты не чувствуешь угрызений совести по сей день, — Инь внезапно встал в боевую стойку, раздвинув ноги чуть больше ширины плечи и вытянув правую руку двумя пальцами вперед, а левую поджав в районе ребер, — я лишу тебя гордости и разгромлю этот маленький мирок благодетеля в лице ордена «Юстиция».

— С этого и стоило начинать, — умиротворенно кивнула Солен. — Давай положим конец этому извечному конфликту, Инь.

Когда диалог наконец подошел к своему логическому завершению, Солен тотчас сделала выпад в сторону старика, начав с прицельной колющей атаки рапирой в одну из болевых точек, однако удар столь же быстро оборвался на середине пути, вместе с тем как немощный по своему виду Инь ловко сменил траекторию удара, применив лишь те два пальца, которые так и прославили его. Очевидно, мисс Юстиция предполагала подобный исход, потому сразу же перешла в яростный напор тех же прицельных ударов, которые с мельчайшими интервалами вновь и вновь повторялись, следуя навстречу противнику.

Будь у девушки любое другое оружие, преимущество оказалось бы не на стороне Шеня, ведь его коньком всегда и по сей день был ближний бой, в котором тело старика казалось недостижимым для ударов кулаками или тупым предметом вроде рапиры, имеющей минимум заострений на протяжении лезвия. Солен в свою очередь, осознав, что дотянутся до противника тщетно, внезапно выхватила из-за спины барабанный пистолет, а следом за этим в гуще событий прозвучали сразу четыре громких выстрела, которые сложно было не слышать среди глухих хлопков гвардейских винтовок.

Стоило слегка отступить в процессе сражения, как перед лицом девушки показалась весьма ошеломительная картина — три пули оказались крепко зажаты между пальцами правой руки Иня, словно тот вовремя отреагировал и сумел поймать их прямо в полете, однако четвертой нигде не было видно, и лишь после довольной ухмылки старика та показалась прямо между зубов.

— Что ж, — демонстративно выплюнув пулю и сбросив остальные на землю, заговорил Инь, — моя очередь.

Сразу после своих слов, Шень бросился вперед и начал шквал необычно размашистых для человеческих рук атак, практически моментально дотянувшись до правой кисти девушки и выбив из нее пистолет. Блокировать это казалось невозможным, ведь на таком близком расстоянии изгибаться для прямого удара было крайне сложно, к тому же приходилось брать во внимание все движения противника, чтобы не подставиться. Так продолжалось, наверное, на протяжении минуты, пока Солен не увернулась от очередного удара пальцами, встав вполборота, после чего девушка смогла ответить прямым ударом локтя в лицо и

последующей прямой атакой рапирой, однако Инь сумел вовремя отскочить в сторону.

— А ты выросла, девочка, — усмехнулся старик, протирая рукой пот под носом.

— Как и ты, старик, — согласно кивнула Солен. — Совсем не похож на себя прежнего в рамках боя.

— Знаешь, Солен, — столь же довольнo собой улыбнулся Шень. — Меня не просто так называют «парализующий» Инь. Многие в народе знают о технике «одного пальца», удар которым способен лишить жертву возможности двигаться, но немногие знают о «двух пальцах», удар которыми разрывает сердце — тебе предстоит испытать его на себе.

— Звучит интересно, — усмехнулась Солен. — Давай.

Ответ, очевидно, поставил старика в ступор, ведь он ожидал иной реакции, однако, не став питать надежд на вымалывание пощады и тонну извинений, Инь вновь перешел в наступление. Пусть он и до этого атаковал двумя пальцами, теперь эти движения обрели новый подтекст, ведь никому доподлинно не было известно, каким образом производится удар, отчего Солен оставалось лишь подставляться под минимум атак, как она делала и до этого, будучи взаимно недосыгаемой для рук Шеня.

Так завязался бой, в рамках которого противники то ли дело обменивали разными взмахами, постоянно промахиваясь и блокируя встречные угрозы. Этот бой можно было назвать «глухим», ведь на всем его протяжении из чего-то громкого прозвучали лишь выстрелы, а теперь, когда прочих источников шума не осталось, соприкосновения лезвия рапиры и пальцев уже не могли привлечь к себе внимание даже в ночной глуши.

В какой-то момент Солен сменила тактику на режущие атаки. Пускай они были не так эффективны в сравнении с идеей использования рапиры по назначению, но выхода не оставалось, ведь иначе противника не задеть, а так хотя бы царапину оставить можно. Тактика казалась рациональной, однако, судя по всему, Инь именно этого и добивался. По мере сражения блокирующие движения руками сменились постоянными уворотами и уходами из-под взмахов рапирой, и один такой момент стал в бою переломным. Сделав очередной взмах, Солен попыталась достигнуть головы Шеня, но тот резко пригнулся и столь же внезапно устремил пальцы навстречу девушки.

— «Копье Инь», — глухо, но отчетливо прозвучало в потоке окружающего шума.

В эту же секунду указательный и средний палец старика молниеносно столкнулись с телом девушки, задев ее в области сердца прямо под нижним из ребер, словно проникающая атака, призванная минуть все преграды на пути к мягкому жизненно важному органу. Это и была та самая техника «двух пальцев», после применения которой у жертвы не остается ни шанса выжить, и Солен неумолимо оказалась на последней тропе смертных.

Едва атака состоялась, Инь замер на месте и широко улыбнулся, выдав нелепый смешок удовлетворения результатом, ожидая последующих предсмертных кряхтений девушки. Секунды шли, к разуму старика постепенно подкрадывалось злорадствие, однако ожидаемого результата не следовало, пока Шень не ощутил на воротнике своего кимоно за спиной крепкую хватку руки. Неожиданно для ожидаемого победителя тело легко поддалось прилагаемой к нему силе, а затем оказалось отброшенным в сторону ловким взмахом руки, что мгновенно повергло того в шок.

Тяжело приземлившись, Инь тотчас перекатился и поднялся на ноги, устремив взгляд в сторону Солен, которая лишь стояла на месте в застывшем состоянии, слегка склонив голову к земле. На ее лице растекалась широкая и взбудораженная улыбка, словно этот удар пробудил внутри таящиеся многие годы чувства. На секунду можно было подумать, что

техника не состоялась и что-то пошло не так, но внезапно из рук Юстиции выпала ее рапира, которую она все это время крепко держала в руках.

— Какой славный день! — чуть громче, чем обычно, произнесла Солен, все еще глядя в пол, и фраза эта казалось из разряда последних в жизни людей.

— Хах, теперь ты чувствуешь? — наконец с лица старика спали сомнения, и улыбка снова мелькнула. — Сначала у тебя учащается дыхание, потом следует резкая боль в груди и уже через считанные секунды ты падаешь замертво, отхаркиваясь кровью. Считай этот удар искуплением за свои грехи, Солен Клерико.

В ответ на слова старика девушка лишь глухо рассмеялась, стоя в той же позе, пока внезапно не выпрямилась, взглянув на противника так пристально, как ослабевший человек не смог бы.

— Ты так и не понял, Инь Шень, — все больше расплываясь в широкой улыбке, заговорила Солен. — Я бессердечная!

Следующая картина оказалась настолько шокирующей, что у Иня невольно отвисла челюсть, ведь никогда ранее в своей жизни он ничего такого не видел, да и подумать не мог, что правда окажется настолько запрятана в глубине, что догадаться до нее будет невозможно. Солен, крепко схватившись за лоскуты ткани своей одежды, резко разорвала ту по швам, и на глазах у противника среди изорванной ткани показалась грудь, да не такая, какая бывает у прочих девушек, а абсолютно немислимая. Ласковая женская кожа резко обрывалась на месте ключиц, которые раньше скрывала одежда, переходя в черную монотонную конструкцию с нередкими светящимися синими полосами, поверхность которой озарялась яркими бликами солнца.

— Ты... не человек, — внезапно осознал Инь, проговорив это вслух.

— Ты слишком поздно это заметил, Шень, — ухмыльнулась Солен. — Все мое тело соткано искусным мастером из чистого энтропита, руки выглядят человеческими вплоть до плеч, а ноги до таза, но и они являются той же частью конструкции. У меня нет сердца, которое ты так усиленно хотел разорвать, а у тебя нет той души, которая должна быть присущей каждому человеку.

— Чертов робот, у тебя-то откуда может быть душа? — скрипя зубами, возмутился Инь.

— Моя душа лежит в основе этого тела, — поведала Клерико. — Коли хочешь убить меня, придется забрать душу, в то время как мне потребуется всего лишь забрать твое сердце.

— Игры кончились, Солен, я больше не стану поддаваться! — крайне озлобленно прокричал Инь, вновь приняв боевую стойку.

— Ха-ха, какой славный день! — переполняясь радостью, рассмеялась девушка, мгновенно бросившись в наступление.

Теперь уже бой можно было считать рукопашным, ведь рапира так и осталась на земле за ненадобностью и дальше участвовать, ведь теперь и сама Солен могла больше не сдерживаться. Первой же атакой она замахнулась кулаком, но Инь ловко увернулся, планируя ответить ударом пальцев прямо в лицо, однако его рука неожиданно оказалась в объятиях свободной руки девушки, которая крепко схватила того за кисть, оборвав атаку.

— Пусти! — громко закричал Инь, стараясь отбиться, но какие бы удары напрямую не достигали хрупкую руку и тело, Солен даже не дрогнула.

— Кто ты без своих пальцев, Шень? — с ухмылкой на лице протянула девушка, после чего резким движением разом сломала все пальцы руки старика, пощадив разве что большой.

Так поле боя пронзил истошный крик боли, который никак не удавалось унять, ведь Инь вовсе не был бессметным или лишенным боли, напротив, он был таким же простым человеком, как и другие, но лишь немного сильнее за счет своего необычного генома. Сразу за этим последовал сильный удар кулаком в живот, отчего Шень неумолимо согнулся, будучи неспособным оправиться, даже если рука наконец оказалась на свободе.

Не выделив ни секунды на передышку, Солен продолжила избивать старика кулаками, сдерживая всю свою мощь ради того, чтобы не убить жертву раньше времени, пока ослабевший Инь не рухнул на землю. Теперь с его лица спал весь энтузиазм, а злорадствие отошло на второй план, оставив возможность лишь умолять о пощаде, лежа на окровавленной траве и вытягивая вперед руку с переломанными пальцами в целях самозащиты. Опухшее лицо мешало смотреть полным взором, выбитые зубы и вытекающая изо рта кровь не давали спокойно говорить, а все остальные части тела не слушались, оставляя гордого мастера без возможности хотя бы отползти назад.

— Пощади... сжался! — полуразборчивым голосом лепетал Инь.

— Сжалиться? — оторопевшим голосом спросила Солен. — А разве ты испытывал жалость к слабой девушке, когда собирался разорвать ей сердце?

Ловким движением левой руки, Юстиция схватила старика за горло и с легкостью подняла с земли над собой. В голове у мужчины глаза девушки уже не выглядели человеческими и, казалось, никакой речи о совести или снисходительности быть не может, ведь убедить бессердечную машину в чем-то все равно, что пытаться отыскать иголку в стоге сена — по крайней мере стереотипный ум мог так подумать.

— Здесь и рождается лицемерие, Инь, — уже более спокойным голосом произнесла Солен. — Ты всегда считал себя лучше меня, думал, что делаешь свою работу правильнее и что твои убеждения принесут ордену больше пользы, нежели то, что делала я во имя своего кредо. Даже сейчас ты видишь во мне лишь машину, внутри которой нет ничего человеческого, но правда в том, что даже так я куда человечнее тебя. Внутри этого сосуда из энтропита и бесконечного массива энтропиума заложены все человеческие качества и чувства, но лишь одного мне никогда не достичь — жадности. Я кукла, да, но у меня есть цель, есть чувства и право жить, как и у других моих братьев из «Семерки Кара». Прости, но ты плохо вписываешься в рамки тех людей, которым мне велено сочувствовать. Прощай, Инь Шень.

Острая больше внезапно пронзила все тело задыхающегося в руках Солен Иня, и уже через мгновение водопад крови запятнал ухоженное белое кимоно, окрасив его в красный. Человеческая рука, будучи по самые плечи в крови, показалась из-за спины старика, пронзив его грудь насквозь, переломав на своем пути все ребра и вынув на свет то прогнившее черное сердце, которое символично очистило бранный сосуд от его отягощающих демонов. Предсмертные хрипы застыли в воздухе и спешно смолкли, а сердце в тот же миг поддалось напору убийственных по своей силе пальцев, разорвавшись на куски, которые с хлипким отзвуком столкнулись с землей.

— Покойся с миром, — с долей уважения и подавляя презрение, протянула Солен, осторожно вытащив руку из груди и опустив тело старика на землю. — Даже ты заслуживаешь упокоения.

Глядя на мертвое тело не успевшего даже слова перед смертью вымолвить человека, Солен невольно испытывала навязчивые угрызения совести, но лишь благодаря вере в бравое дело они оставались позади, не имея сил сломить, казалось бы, бездушную машину, которая

всю жизнь имитировала человека, справляясь с этой задачей лучше, чем удается многим другим. Мисс Юстиция жила лишь с одной целью — помогать людям, в какой бы тяжелой и безнадежной ситуации они не находились. И один лишь запрет был наложен на ее здравый и непоколебимый разум — табу на любые проявления жадности.

Само существование Солен символизировало собой борьбу человечества против его самых черных грехов, и эта задумка лежала в основе создания подобных ей существ, сотканных одним великим человеком, имя которого никому доподлинно неизвестно. Мастер дал ей жизнь, дал человеческие чувства и свободу, но обязал соблюдать нерушимые заповеди, которые стали не только смыслом жизни, но и инструментом, делающим человечество лучше.

Она всегда помогала другим, помогает и будет помогать, и все это складывается не столько из единственной цели, сколько от той благодетели и улыбок, которые Солен получает взамен. Вложившись в каждого, она всегда получала отдачу, и даже сейчас, когда ставка поставлена на людей, готовых бороться за свои мечты и нести разрушения во имя добра, Юстиция может лишь идти с ними бок о бок, ожидая лучший финал.

— Действительно, славный сегодня день, — с умиротворенной улыбкой произнесла Солен, продолжив свой путь.

Глава 67: Люди

Бой продолжался, не прерываясь ни на секунду ради заветной передышки и возможности расслабиться, что особенно ярко выражалось на постепенно сдающихся под давлением гвардейцев. Не так давно эти хорошо обученные и закаленные тяжелыми тренировками бойцы располагали преимуществом на своей стороне, но в конечном итоге все равно оказались подвержены перелому сил. Гвардия могла быть непобедимой и устрашающей без приукрашиваний, будь у них больше практической части с участием в реальном бою, однако немногим приходилось сталкиваться с кем-то помимо мелких нарушителей или едва пробудивших в себе силу дилетантов.

Представители противостоящей стороны же, напротив, были вынуждены расти и стремиться к вершине только из соображений выживания, и этим они многократно превзошли военную структуру Гармонии. Наверное, альянс орденов особо не задавался вопросом замещения сил после окончания бойни, однако бывшие гвардейские служащие и отступники комплекса прекрасно понимали, что их период доминирования над народом прошел, и теперь сам народ решает судьбу гвардии, выбирая то наказание, которое они заслужили.

Эмили хорошо представляла в своей голове реальные последствия происходящего, ведь за свою недолгую жизнь она успела побывать на обеих сторонах баррикад, испытав на себе природу давления противоборствующих взглядов. Как и генерал Кафка, девушка выбрала для себя иной путь, выбор которого означал предательство и смерть. Сегодня она была как никогда близка к наказанию, выложив на стол все карты и признав себя врагом нынешнего режима, и огонь в сердце уже готов был угаснуть вместе с тем бушующим пламенем «Спектра», затухающим лишь с последними вздохами его бойцов, но с прибытием подкрепления чувства воспылали с новой силой и уверенностью в победе.

Так, двигаясь бок о бок со своими новыми союзниками, Эмили на собственном примере показывала, с какой яростью нужно сражаться, заглушая звуки боя раскатами молний, что беспощадно врезались в незащищенные тела беспомощных гвардейцев. Морроу была одним из главнейших козырей «Спектра», и только сейчас она начала это подозревать, осознавая, что остальные не только не смогли себя защитить, но и сбежать им не удалось. Одно радовало — Ашидо каким-то чудным образом выжил, и уже к этой минуте сумел восстановить силы, чтобы повести людей вперед вновь.

— Потрясающий человек, — подумала про себя Эмили, продолжая продвигаться вглубь.

Гвардейцы падали один за другим, их облаченные в форму тела буквально светились от столкновения с желтой молнией, которая игнорировала столь тонкий защитный пошив, проникая сначала к коже, а следом и к внутренним органам, сжигая их изнутри, словно разогревая человечину в микроволновке. Неудивительно, что девушку сторонились и враги, и союзники, ведь природу молнии трудно предугадать, а неудачно подобранное положение в бою грозит подставиться.

Удивительным фактом о персоне Морроу служит логическое объяснение того, почему молнии вокруг нее всегда передают желтый оттенок. С точки зрения физики такая картина возможна только при взгляде на раскат издали во времена сухих гроз, однако ее цвет обусловлен небольшими расстояниями между носителем и точкой удара, что и вызывает яркий желтоватый всплеск, не говоря уже о том, что атака формируется из множества

мелких разрядов, стекающихся в один.

Очевидно, такому противнику практически никто не мог ничего противопоставить, не считая ныне покойной Хомуры Эверби, потому сама Эмили без задней мысли и предостережений самой себе рвалась вперед и вперед, пока не наткнулась на первые странности, причину которых нетрудно было разглядеть. Коротко говоря, молния игнорировала впереди стоящие цели, соприкасаясь с более дальними, что вызывало много вопросов, ведь, как многим известно, ток стремиться к цели по кратчайшему пути. Выжившие же гвардейцы, недолго думая, поворачивали назад и старались отойти подольше от разрушительной силы, но, вопреки надеждам, натыкались на других представителей вражеских сил, будучи неготовыми принять на себя удар.

Лишь после нескольких неудачных атак Эмили остановилась на месте и осмотрелась, стараясь зацепиться взглядом за кого угодно, лишь бы оправдать свои подозрения видом не вовремя появившегося противника, и этот акт пристального внимания принес свои плоды, но нельзя было сказать, что результат привнес облегчение, ведь посреди гор трупов и все еще живых бойцов стояла персона, которая без прочей активности и излишних телодвижений заставила Эмили стиснуть зубы от злости.

— Нашла, — с ехидной улыбкой на лице проговорила элегантная девушка с длинными красными волосами.

— Хватит преследовать меня! — вспыхнула Морроу, едва распознав насмешки в свою сторону, а затем тотчас перешла в нападение.

Вытянув руку вперед, Эмили быстро зарядила очередную атаку, которая устремилась в сторону врага, однако та желтая молния, которая должна была с легкостью настигнуть цель, снова отклонилась в сторону, столкнувшись не с кем-то, а с одним из представителей союзных сил альянса орденов, отчего тот, будучи не в силах двигаться после внутреннего ожога, упал наземь.

— Что? — ошарашенно произнесла вслух Эмили, даже близко не подозревая, почему могло случиться что-то подобное.

— Крошка, я не могу так просто отпустить тебя, — с той же ухмылкой протянула Виви. — И дело даже не в приказе Эдварда.

— Ты меня из могилы достать готова, тупая сука? — столь же озлобленно заголосила Эмили, сжав в кулаки руки.

— Ох, разве так разговаривают с давними подружками? Я к тебе со всем трепетом, а ты вот так...

— Заткнись! — в очередной раз дерзнула Эмили, приготовившись атаковать.

Следом за словами майора-отступника сверкнули сразу две поочередные молнии, но они столь же неудачно пролетели мимо и столкнулись уже с гвардейцами позади Вивианы, без проблем поразив их, но лишь после трех промахов по основной цели Эмили задумалась о том, кто и каким образом препятствует ей, но девушка напротив опередила доводы Морроу.

— Ты не сможешь задеть меня, как бы сильно не старалась, — усмехнулась Виви, нарисовав на лице вид невинности и девичьего ребячества. — Надо было учить физику в академии, чтобы понимать, почему ты сейчас так бессильна.

— Спасибо за упрек, Виви, — немного успокоившись, проговорила Эмили, — я и сама уже обо всем догадалась.

— Обидно признавать, что даже для тебя найдется рыбка покрупнее, да?

— Не увлекайся, — тотчас оборвала Морроу. — У меня в запасе уйма способов

избавиться от тебя, пока это не сделали другие.

— Могу сказать тоже самое, Эмили, — нахмурилась Виви, слегка склонив голову. — Хватает не только способов, но и причин.

— И каковы же твои мотивы? — невзначай задалась вопросом девушка, не до конца понимая, почему ее давняя подруга так на нее озлоблена. — В какой момент я стала твоим врагом, м? С тех пор, как предала дворец и примкнула к «Спектру»?

— Ох, как же наивно ты заблуждаешься, Эмили Морроу, — натянуло улыбнулась Вивиана. — Я с самого начала видела в тебе врага, и по сей день желаю показать свое превосходство, оторвав тебе голову.

— Хочешь сказать, что наша дружба в академии была ложью? — внезапно закричала Эмили. — Вся эта взаимная поддержка и теплые дружеские отношения были ненастоящими? Совместные прогулки, секреты и соперничество были частью твоей большой лжи?

— Именно, — подтвердила Виви, слегка улыбнувшись. — Только соперничество было искренним, ведь я всегда хотела превзойти тебя и посмотреть свысока на того, кто раньше казался чуть ли не идиолом. Не могу не поблагодарить за все сделанное для меня, но лишь дух соперничества принес свои плоды, и я стала той, кем всегда мечтала быть.

— Тупой сукой? — ловко подколола Морроу.

— Высшим гвардейцем, сраная ты дырка на ножках, — теперь уже сама Вивиана завелась. — Я прошла через адский труд и бесчисленные унижения, но смогла преодолеть все трудности мира, в котором все были против меня. Даже ты со своими привилегиями и блестящим умом не смогла прыгнуть выше майора, а это значит, что я давно победила в нашем бою, и осталось только макнуть тебя лицом в дерьмо, чтобы окончательно воплотить мечту в реальность!

— Привилегиями? — возмутилась Эмили. — Ты называешь мою родословную привилегией? Да что ты вообще знаешь обо мне!

— Достаточно, чтобы ненавидеть и презирать, — однозначно ответила Виви. — Сейчас ты лишь мусор, валяющийся под ногами! О чем я вообще думала, когда заводила с тобой друж...

Внезапно прямо перед лицом Вивианы мелькнула яркая желтая вспышка, за которой хорошо различалось озверевшее от гадкого предательства лицо Эмили, желавшей всем своим естеством заставить бывшую подругу пожалеть о своем выборе. Конечно, натиск оказался крайне неожиданным, но Виви вовремя среагировала и оттолкнула девушку потоком плотного воздуха, отчего Эмили резко потеряла преимущество, однако, даже не успев соприкоснуться с землей, майор выпустила очередной разряд молнии, повторивший судьбу предыдущих.

— Ты вообще бошкой не думаешь, идиотка? — закричала Виви, едва Эмили соприкоснулась с землей. — Молния не преодолеет сухой воздух, тупица!

Эта фраза казалась оскорблением, однако именно такие слова из уст Вивианы убедили Эмили в том, что она думает в правильном направлении. Как и было озвучено, ток предпочитает путь к дальнему объекту, распространяясь в виде молнии по влажному воздуху, как бы игнорируя объект без прямого контакта. Тактика Виви была простой и эффективной — окружить себя наиболее сухим воздухом, влажность которого приближена к нулю, чтобы отгородиться от потенциальных атак, и этот способ ведения боя давал ей полное преимущество и шанс на безоговорочную победу, если бы не отягощающий фактор,

который теперь имел место быть.

Вивиана все еще не была защищена от прямых атак Эмили на расстоянии ближнего боя, где преимущество было уже на стороне соперницы, ведь Морроу не только идеально владела техниками вольного боя, но и, вкупе со своей скоростью и способностью электризоваться, представляла реальную угрозу. Поняв это, Эмили резко сменила тактику ведения боя с дальних атак на ближние, сблизившись с Виви за такой короткий промежуток времени, что та даже писка издать не успела. Последовал удар сразу двумя руками, одна из которых целилась в голову, а другая в область живота, и только владеющий знаниями о природе тока человек понимал, зачем атаковать именно так.

Виви как раз была из числа тех, кто изучил своего противника досконально, потому первая же скользкая мысль о защите пришла в исполнение. Так девушка выпустила очередной поток воздуха к отстающей ноге Эмили, воспользовавшись ее уязвимостью, отчего лишь один удар смог настичь цель, в то время как резкая «подножка» вынудила Морроу в разы тверже опереться на единственную ногу, лишь бы остаться в строю, компенсировав резкое блокирование движений левой ноги и руки.

Удар кулаком пришелся Вивиане прямо в нос, и следом за ним среди звуков боя прозвучал глухой взмах всколыхнувшегося ветра, и резкая ударная волна вновь отбросила Эмили назад, рассекая одежду на фронтальной части до ошметков, задевая даже кожный покров. Стоило девушкам разделиться, Виви вновь усмехнулась, утерев текущую из носа кровь, словно она подставилась не под сокрушительную атаку, а под удар ребенка.

— Даже не думай, Эмили, — предупредила Вивиана. — Я вижу тебя насквозь.

— Впечатляет, — глухо произнесла Морроу, медленно поднимаясь на ноги и прикрывая неглубокие порезы на оголенном животе близ ребер. — Ты хорошо подготовилась к нашему бою — видно давно его запланировала.

— А ты, в свою очередь, оказалась совсем неготовой к столкновению, — упрекнула девушку в глупости Виви, презрительно фыркнув. — Однако, признаю, умение критически думать на ходу ты не растеряла, подруга. Но это все бесполезно, можешь сдаваться и ожидать смерти.

В голове Вивианы все складывалось в ее же пользу, ведь с самого начала боя она не допустила ни одной ошибки, а блокирование последнего удара добавило колоссальной уверенности в победе, ведь Эмили оказалась разбитой. Обе девушки прекрасно понимали, что из себя представляет удар, который не просто так подбирал мишени. Очевидно, Морроу попыталась пропустить ток от одной руки к другой, и он должен был пройти через тело Виви от головы до таза, задев собой все самые важные органы, но разрыв цепи означал полный провал, и красноволосая стерва это прекрасно осознавала, оттого прерванный удар смог лишь сломать переносицу и слегка «щелкнуть» током.

— Мне всего лишь нужно тебя задеть, — с небольшой долей неуверенности проговорила Эмили, настроившись на очередной натиск.

— Можешь попробовать, — напротив, без сомнений ответила Виви. — С этой секунды я больше не буду поддаваться.

Так Эмили бросилась на очередное сближение, используя все преимущества своей скорости, но теперь уже нельзя было подойти вплотную так же просто, как и до этого, ведь на пути ее встречали те же взмахи воздухом, вынуждая обходить и умело маневрировать, отчего сам темп продвижения замедлялся, ведь ценой скорости была замедленная реакция относительно происходящего вокруг. Как бы сильно Эмили не хотела подобраться поближе,

задача становилась все сложнее и сложнее, и пик ее неотвратимости настиг девушку уже практически вплотную, когда Виви резко отбросила нападавшую, настигнув огромным числом острых как бритва взмахов, буквально изрешетив Эмили, которая с тяжестью приземлилась на гору трупов, даже не став проводить тех же неожиданных атак.

— Ты уже достигла своих лимитов, Эмили, — более спокойно и бесчувственно сказала Вивиана. — Будешь продолжать в том же духе, вскоре умрешь от потери крови. Смирись, ты проиграла в нашем соперничестве.

Такие слова оказывали большое давление на ослабевшую Эмили, потому что они были отчасти правдивы, ведь девушка так и не смогла ударить противника сильнее, чем ребенок взрослого, в то время как Виви удалось лишить ее первоначального настроения и сил, ведь все эти воздушные удары нельзя было ничем заблокировать или предсказать. Они были не такими сильными и опасными, но чем больше Эмили подставлялась, тем больше ранений получала, и на данном этапе уже все ее тело было усеяно порезами, из которых обильно сочилась кровь. Порванные колготки, стертая в труху накидка и доведенная до состояния опметков рубашка, длинные и неглубокие порезы на ногах, спине, животе, груди, руках и даже лице: все это говорило о неспособности девушки продолжать бой напрямую. Если та планировала выйти из боя победителем, оставалось только прибегнуть к радикальным решениям.

— Знаешь, Виви, я очень дорожила нашей дружбой и всегда считала, что делаю все правильно, — с намокшими от нахлынувших чувств глазами промямлила Эмили. — Я знала о твоём желании прыгнуть выше меня, знала, как подогреть дух и помогать нам обоим расти, но я даже не подозревала, что все вот так обернется.

— Мы никогда не были равными, Эмили, — все еще презрительно пробормотала Вивиана. — Ты получила свое место по воле отца, которому никто не мог перечить, в то время как я рвала задницу, лишь бы переступить предрассудки о женщине в армии. Он покрывал твои неудачи и всячески способствовал развитию карьеры гвардейца, а я изо дня в день терпела издевательства ото всех, молча впитывала и ночами рыдала в подушку. Сейчас я довольна всем, чего достигла, ведь я собственными силами пробилась на самую вершину Гармонии, оставив тебя позади в твоём никчемном мире привилегий.

— Хах, отчасти ты права, — нервно усмехнулась Эмили, стараясь встать, облокотившись на тело рядового гвардейца, — но в моей жизни все было не так радужно, как ты думаешь.

— О чем ты? — опешила Виви, не подав виду. — У тебя все было на блюдечке, оставалось только жрать и не возмущаться.

— Нет, Виви, все не так, — поникшим голосом отрезала Морроу. — Ты могла лишь следить за тем, что происходит на поверхности, но никогда не пробовала смотреть вглубь. Генерал Морроу был тем человеком, которого я искренне ненавидела, даже несмотря на то, что он был моим отцом.

— А ты, вижу, избалованный ребенок, — ухмыльнулась девушка-гвардеец.

— Пойми, Виви, я тоже могла стоять с тобой бок о бок в рядах высшей гвардии, но именно отец не давал мне шанса показать себя. Все экзаменаторы занижали меня по первому его свисту, все комиссии отклоняли мою кандидатуру на повышение, а все подобные тебе лишь смотрели со стороны и смеялись над моей никчемностью.

— Хочешь сказать, Морроу, который дал тебе будущее, специально препятствовал его же осуществлению? Ты сама себе веришь, Эмили?

— Это правда, — заверила девушка. — Пусть он и дал мне будущее — я его не выбирала. Я всегда мечтала о спокойной жизни там, где моей гвардейской рутины не существует. Все, что у меня было — перспективы будущего генерала, но я никогда не удовлетворяла требованиям отца, который всегда меня принижал, аргументируя это тем, что в конечном итоге из меня вырастет самый лучший наследник, который в разы превзойдет его, даже не смотря на все предрассудки о женщинах, о которых ты говорила.

— И ты решила предательски сбежать от своего будущего в угоду идеалов «Спектра»? — в малом недоумении спросила Вивиана.

— Даже не будь в этом мире «Спектра», я бы все равно сбежала, — соскалив зубы, прорычала Эмили. — Последней каплей стало то, как мой собственный отец всадил мне в шею пулю, лишь мельком заподозрив в предательстве. Даже этот шрам на левом глазу достался мне не в бою, а был нанесен его рукой еще в детстве. В тот день я хорошо усвоила для себя, что не была для него дочерью и родной кровью, а только продолжением рода и марионеткой, которой суждено было занять его место. Для него я была лишь мешком с костями без личности, человеческих чувств и права выбора. Если спросишь о том, жалею ли я о том, какую судьбу выбрала — отвечу «нет». На стороне «Спектра» я могу сразиться за свое право на жизнь и наличие выбора, и никто из этих людей меня не осудит и не назовет аутсайдером. Я сделала свой выбор, Виви, и ни о чем не жалею.

— Даже не знаю, что сказать, — на секунду задумалась Вивиана, стараясь уложить в голове все сказанное. — Очевидно, разойтись мирно не выйдет, поскольку ты предала дворец и в моих интересах рассудить тебя за измену, однако, должна сказать, мне близки твои чувства, куда не лжешь.

— Это уже не имеет значения, — глухо произнесла Эмили, твердо встав на ноги и засияв мелкими разрядами вокруг тела. — Знаю, тебе тяжело поверить в правду после всего, что между нами произошло. Я всегда была рада тому, как ты со своей волей стремительно летишь вверх по карьере, и корила себя за то, что не могу достигнуть того же, но все это в прошлом — пришло время уйти.

— Прости, Эмили, но я не готова прощаться со своей жизнью, — фыркнула Виви, завидев очередную угрозу. — Придется заново все осмыслить уже после твоей смерти.

На этом моменте Эмили уже достигла пика своей яркости, облачив все тело в беспорядочные и большие молнии, которые то ли дело отрывались и соприкасались с землей и лежащими на ней трупами. Даже зрачки в глазах девушки потеряли свой пигмент, став неким подобием прежних, залившись цветом тех же желтых молний. Виви в свою очередь, ожидая прямой и сильной атаки, подхватила откуда-то из толпы несчастного гвардейца и случайную девушку в форме ордена «Юнити». Недолго думая, она разоружила их и выставила в виде щита, направляя удар током через этих двоих куда-то в толпу, не забыв о прежней защите из сухого воздуха, которого стало в разы больше, о чем говорил характерный шум и висячая рябь.

— Нет! Пожалуйста! — заливалась слезами девушка.

— Госпожа Лэнгхольц, что вы делаете? — столь же испугано кричал рядовой гвардеец. — Я же свой!

Очевидно, их крики мало трогали Вивиану, которая хотела защитить лишь себя. Для нее эта атака была очередной выходкой Эмили, но для Морроу, напротив, все должно было закончиться здесь и сейчас.

— Лэнгхольц означает «высокое дерево», да? — спросила Эмили, — иронично.

Знаешь, Виви, я нисколько не сомневаюсь в твоих блестящих знаниях физики, однако, несмотря на ответственную учебу и выдающиеся результаты, один предмет в академии ты всегда игнорировала.

— И какой же? — заинтересовано сморщилась Вивиана.

— Технику безопасности, — однозначно ответила Эмили, после чего по полю боя пронеслась вспышка и последовал грохот.

Вивиана была уверена в своей неприкосновенности до последнего, ведь она учла все тонкости поведения тока, и эти двое бедолаг могли с легкостью уберечь даму от поражения молнией любой силы, перенаправив всю ее мощь в толпу даже не позади, а где-то сбоку, но свою оплошность она заметила слишком поздно. Виви ожидала прямой удар и была к нему готова, но лишь заметив сомкнутые израненные ноги Эмили, она догадалась о том, что сейчас произойдет.

Некогда светящаяся как лампочка Эмили собрала всю свою силу воедино, смеркнув так же быстро, как удар настиг свою цель. Молния сверкнула на поле боя, и устремилась она не куда-то, а напрямик в землю точно под ногами Эмили Морроу, мгновенно образовав вокруг небольшой кратер и осветив землю по направлению движения из глубины, а уже через секунду тело Виви в судорогах замерло на месте, невольно сияя изнутри, и на ее оголенных руках, ногах и шее проявились характерные для пораженных ударом молнии древовидные ожоги. Тела обезоруженных людей тотчас освободились от крепкой хватки и рухнули наземь, избежав любых повреждений и отделавшись лишь испугом.

— Ах, разность потенциалов, — последнее, что произнесла Вивиана, перед тем, как замятво упасть на землю.

Следом за ней в подобную гору трупов упала и Эмили, но ее повреждения визуально не казались такими серьезными, хоть и высокое напряжение, прошедшее через тело девушки, все равно не оставило бы ей шансов на выживание.

— Переборщила, — ослабевшим голосом протянула Эмили, будучи не в силах пошевелиться.

Одежда невольно дымилась от внезапных возгораний, в то время как у Вивианы она буквально горела прямо на теле, заливаясь кровью из лопнувших сосудов и артерий изорванного обезображенного тела. Глаза убежденной в себе стервы невольно закатились, верхний слой кожи отошел от ожогов, обоняние и слух пропали, мышцы потеряли контроль, сердце утратило ритм, а мозг полностью отключился, и уже на этом моменте можно было вне всяких сомнений констатировать смерть.

Почему же так произошло? Ответ лежит в той самой технике безопасности, которую досконально изучала Эмили, и которую в свою очередь игнорировала Вивиана. «При угрозе удара током, распространяющимся по земле или токопроводящей поверхности, покиньте область маленькими шагами или вприпрыжку, но ни в коем случае не разводите ноги» — примерно так звучало это правило. Ошибкой Виви стало ее положение с раздвинутыми ногами, служащее более пригодным для последующих вынужденных перемещений, но теперь эти ноги уже никогда не сомкнутся, ведь из-за разности потенциалов между левой и правой ногой молния преодолела весь путь через ее тело, поразив каждый его уголок, в то время как Морроу отделалась меньшим по мощи ударом, но все равно оказалась пораженной.

Это трюк стал последним выкинутым козырем из рук Эмили Морроу, и она вышла из хватки победителем — но можно ли было назвать это победой? В этот день некогда лучшие

подруги с первых курсов гвардейской академии в чередe человеческого недопонимания сцепились за право на превосходство перед друг другом, хотя их мог ждать совсем иной исход, если бы они раньше пришли к пониманию.

— Эй, вы в порядке? — заголосил рядовой гвардеец, сблизившись с ослабевшей и недвижимой Эмили.

— Стоять! — тотчас вмешалась девушка из «Юнити».

— Что ты делаешь? — возмутился мужчина. — Не видишь, что ли? Она спасла нам жизнь! Хватит тыкать в меня моей же пушкой! Лучше помоги отнести ее в безопасное место!

— С какой стати? Ты же мой враг! — даже не думая отступить, прокричала девушка.

— Уже нет, — спокойно ответил гвардеец, стянув с лица маску, скинув капюшон и представ в виде бородатого русого дядьки. — Меня предали мои же союзники... Теперь я понимаю поступок майора Морроу...

Недолго думая, гвардеец подхватил Эмили на плечи, а затем быстрым шагом устремился в сторону комплекса, где по информации гвардии находился пункт оказания первой помощи. Девушка же, осмыслив произошедшее, вызвалась сопровождать мужчину, защищая от любого вмешательства.

На этом моменте Эмили уже не подавала признаков жизни, лишь вяло болтаясь в руках гвардейца. Она ни о чем не жалела, и этот последний удар был не столько обычной атакой, сколько последним криком в знак скорого прощания с мечтой. Девушка знала, что ради своих желаний придется сражаться, что сделанный за нее выбор не может остаться без последствий и что из гвардии нет пути назад в обычную жизнь. Этот человек был поистине силен духом и сражался до самого конца, пока подступающая смерть не разлучила ее не только с будущим, но и с любимой подругой, которая, несмотря на свою стержность и беспощадность, была не таким уж и плохим человеком.

Жизнь делает нас такими, какие мы есть, и люди невольно влияют на становление каждого человека, но до тех пор, пока есть выбор, все мы в праве сами выбирать свою судьбу. Эмили была той, кому изначально не дали права выбора, но в борьбе за него девушка наконец обрела себя и смогла насладиться теми остатками жизни, которые ей были даны. Она ни о чем не сожалела, ведь впервые за долгое время смогла почувствовать себя человеком, испытав все тепло от внимания новой семьи, которая приняла ее со всеми минусами и позволила быть той, кем она хотела быть, не требуя ничего взамен.

«Спектр» стал спасением для заблудшей души, и даже несмотря на то, что Эмили так и не достигла мечты о мирной жизни в кругу любящей семьи, она была счастлива от того, что хотя бы сделала шаг.

— Надеюсь, я не попаду к тебе в ад, — напоследок протянула девушка, после чего ее глаза навеки сомкнулись.

***

На другом фронте бой шел своим ходом, и среди многих вооруженных до зубов бойцов хорошо выделялась высокая машина смерти, оглушающая всех окружающих звуками выстрелов крупнокалиберного минигана и яростными восклицаниями сидящей в кабине девушки.

— О, да! — голосила Мисато. — Жрите свинец, ублюдки!

Разрушительной мощи никто ничего не мог противопоставить, и девушка словно находилась на собственной игровой площадке, выпуская снаряды один за другим без задней мысли лишь потому, что находилась в самые гуще событий в первых рядах наравне с Ашидо,

за которым попевали лишь немногие. Она была восхищена результатом кропотливой работы над своим самым крупным проектом и радовалась одной лишь мысли о возможности выместить на горе гвардейцах всю свою скопившуюся многолетнюю злобу.

Огромная машина выглядела как робот с подобием человеческих рук и ног, но его голова, в роли которой выступала кабина, словно вдавливалась в грудь робота. Он выглядел совершенным, и имел право называться таковым, ведь это изобретение было первооткрывателем в области скрещивания Гармонийских технологий с трудами алхимиков прошлого, отчего тот работал не на каких-то непригодных для проектов Мисато батареях, двигателях или генераторах, а на чистой природной энергии, преобразующейся в ток благодаря одной из линз Кишина, которая служила самым сердцем машины, будучи спрятанной под толстым слоем брони с редкими отверстиями для лучшего всасывания эссенции.

— Нравится, сучки? — продолжала лепетать девушка. — Меня на всех хватит!

Внезапно прямо перед кабиной мелькнула фигура витающей в воздухе Луны, которая загородила весь обзор и очевидно попыталась что-то донести до ума Мисато, но та не была настроена что-либо слушать.

— Мисато! — зывала Луна.

— Уйди, не закрывай обзор! — возмутилась Хагашида. — Не видишь? Я стреляю по свинкам!

— Мисато, послушай, это очень важно! — настойчиво путалась под ногами девушка, пока занятой инженер наконец не обратил на нее внимание.

— Ну что еще? — спросила Мисато.

— Посмотри назад! — подсказала Луна. — Эта гвардейская машина всех игнорирует и прет напролом к Разлому! Нужно ее остановить!

Мисато оглянулась и застала далеко позади ту самую гусеничную машину с ковшом, которую альянс орденов уже успел прозвать «трактором», окруженную кучей людей, тщетно пытающихся повредить непреступную крепость.

— Ты хочешь, чтобы я разобралась с ними? — уловив намек, уточнила Хагашида.

— Прошу, мы не справляемся! — заверила Луна. — С твоей мощью машина в миг остановится!

— Найди мне замену, скоро буду! — недолго думая, согласилась Мисато, резко развернувшись и пустившись на сближение с «трактором».

Управлять большим роботом было крайне сложно в условиях боя, но его создатель быстро приспособился к типовым движениям, теорию которых сам и создавал. Другой проблемой были препятствующие движению люди, чтобы разогнать которых пришлось включить встроенный рупор:

— В сторону, дайте дорогу, иначе задавлю! — кричала Мисато, продолжая продвигаться к «трактору».

По мере сближения людей становилось все меньше и меньше, а оттого появлялось больше пространства для маневрирования, и уже вскоре Мисато перешла на ускоренный темп, добравшись до пункта назначения за какие-то считанные минуты. Так девушка столкнулась с гвардейской машиной в несколько раз превосходящей по размеру робота, но не внушающей ничего опасного своими маленькими пулеметами в узких щелях на стенках.

— Уходите, я разберусь! — вновь воскликнула в рупор девушка, обращаясь к мелким по сравнению с ней союзникам, которые подобно муравьям на буханке хлеба копошились на

корпусе «трактора».

Недолго думая, люди постепенно очистили место для деятельности подоспевшей машины смерти, пустившись в сторону остальных наступающих, минуя опасность быть пораженными выстрелами из пулеметов, которых не было на тыльной стороне вражеской техники. Мисато же, едва люди оказались на безопасном расстоянии, резко кинулась к фронтальной части «трактора», схватив его левой рукой робота за ковш и подставив правую со встроенным миниганом помочь, в то время как ноги робота твердо уперлись в землю, создав сильнейшее сопротивление движению.

— Выходите по-хорошему, суки! — обратилась к экипажу Мисато. — Коли сдадитесь, я вас не трону. Считаю до десяти: десять, девять, восемь...

Еще какое-то время она считала, однако трактор не только не сбавлял ходу, но и нагло таранил преграду впереди, невольно таща перед собой робота, чьи ноги больше раздирали землю, чем участвовали в опоре. Возмущившись негибкостью гвардейцев, Мисато отпустила ковш и резко сместилась на боковую сторону техники, заприметив на ней толстый каркас антенны. Мысль сама собой пришла в голову, и некогда стойкий металлический прут антенны оказался оторван от корпуса, а затем вонзился в гусеницу по левой стороне «трактора». По воле удачи металлическая конструкция зажевалась между гусеницей, вращающей ее колесами и боковым крылом над ними, лишив машину передвижения.

— Сами напросились! — возмущенно прокричала Мисато, вновь встав напротив.

Сразу после этого царящая меньше минуты тишина разрушилась вместе со шквалом выстрелов минигана в лобовую часть «трактора». Его броня оказалась на удивление толстой и непрístupной, однако девушка и не собиралась зачищать внутренности таким образом. Стоило на листе металла появиться отверстию достаточного диаметра, Мисато всунула в него ствол минигана, и уже на этом моменте можно было считать, что гвардейцы внутри поплатились за свой выбор, вопреки предупреждениям.

— Сайонара, мальчики, — фыркнула Мисато, нажав заветную кнопку на штурвале.

В ту же секунду из длинного дула прямо под самим миниганом хлынул поток пламени, охватившего всю переднюю часть транспорта, постепенно проникая вглубь самых отдаленных уголков, пока уже даже из пулеметных щелей не повалило пламя.

— Вот и доигрались, — столь же беззаботно произнесла девушка.

— Внимание! Критический уровень запаса энергии! — прозвучал женский голос системы оповещения о состоянии робота.

— Че? — оторопела Мисато, не понимая, как такое могло произойти.

— Произвожу экстренное отключение! — напоследок произнес голос.

— Стой, блин, не сейчас же! — запаниковала она, успев лишь нажать на кнопку экстренного открытия кабины.

Как и ожидалось, стекло в металлической раме резко вылетело из своего положения в воздух, приземлившись где-то недалеко, а свет внутри кабины затух вместе со всеми признаками работоспособности машины.

— Какого хрена? — в очередной раз возмутилась Мисато.

Недолго думая, девушка схватилась за самодельный пистолет, чем-то напоминающий немецкий «маузер» времен второй мировой войны, а затем ловко выпрыгнула из кабины, постепенно спустившись по конечностям застывшего робота на землю. Она все гадала о причине экстренного отключения, и ответ на вопрос не заставил себя ждать, ведь прямо в одном из наспинных отверстий робота оказалась стрела, которую ни с чем нельзя было

спутать. По всей видимости она проникла вглубь и повредила линзу, которая служила единственным источником питания робота, оттого он и потерял всякую способность функционировать дальше.

— Надо было ставить сетку, — тяжело вздохнула Мисато. — Кто-то сегодня получит по жопе за свою выходку.

Очевидно, стрела прилетела со стороны комплекса, и попала она в практически стоящего на месте в одном положении робота, оттого логично было предположить, что неумехе-лучнику просто повезло попасть в небольшое отверстие, однако этот факт так напрягал и злил Мисато, что она решила навеститься к обидчику и заставить его пожалеть о содеянном. Так Хагашида с опаской в одиночку стала продвигаться к комплексу и, не столкнувшись по пути ни с каким сопротивлением, благополучно оказалась перед открытой дверью, в ста метрах от которой находился тот самый пункт первой помощи.

Что-то в этой ситуации сильно напрягало девушку, и она опасалась столкнуться с чем-то серьезным, даже предполагая такой вариант, при котором ее нагрудный щит и экзоскелет не спасут от внезапной напасти. Звать раненых на помощь было бессмысленно, потому, приняв во внимание незримую угрозу, Мисато выхватила из кобуры на поясе сигнальную ракетницу, тотчас выпустив из нее снаряд в воздух, оповещая всех союзников о чем-то непредвиденном в комплексе. К тому же нетрудно было догадаться, что сигнал подала именно Мисато, ведь она была одной из немногих, кто додумался взять с собой спасительный красный свет.

Теперь уже можно было не опасаться за собственную безопасность, ведь кто-то в любом случае в скором времени придет на помощь, а пока можно хотя бы идентифицировать нападавшего. С этой мыслью девушка тихо проникла в комплекс Разлома, оказавшись в очереди множества коридоров с моргающим светом от повреждений из-за оползня. Поначалу ничего внутри не кидалось в глаза, а вариантов передвижений было немного, однако вскоре в поле зрения показались первые трупы, принадлежавшие гвардейской команде комплекса Разлома капитана Дорна Кастелланоса, а также неким людям в халатах — по всей видимости, исследователям. Причину их смерти нельзя было точно назвать, но по одиночным точечным смертельным повреждениям можно было выдвинуть предположение, что это дело рук того лучника, который, скорее всего, был к тому же еще и шепотом.

Тела были и в коридорах, и в комнатах, и переваливались через всякого рода стойки, и валялись на лестницах, но больше всего трупов оказалось в некоем подобии командного центра с круглым технологически продвинутым столом в центре, служившим чуть ли не единственным источником освещения. Там находились как минимум человек десять, и никто не подавал признаков жизни. Бесконечные плутания могли бы оказаться тщетными, если бы не внезапно раздавшийся в тишине голос:

— Не стреляйте! — взмолился неожиданно вышедший на свет из-за угла недалеко от стола человек в гвардейской форме в белую полоску, которая была только у команды Кастелланоса.

Он показался перед ней без оружия и с поднятыми руками, заверяя в своей невраждебности, действуя аккуратно и медленно.

— Что здесь случилось? — спросила Мисато, опустив пистолет, как только до ее осознания дошло, кем был гвардеец напротив.

— На нас напал какой-то псих с луком! — объяснил гвардеец, медленно опустив руки, постепенно сближаясь с девушкой для лучшей слышимости.

— Это он всех убил? — продолжила расспрос Хагашида.

— Вы же из «Спектра», да? — подметил мужчина. — Прошу, помогите, этот тип чертовски хорошо стреляет! Он не оставил нам ни шанса!

— И ты сидел в укрытии, поджав хвост, пока твои друзья умирали, — с презрением догадалась Мисато.

— Я до старости лет буду корить себя за это, — поник гвардеец, подобравшись достаточно близко. — Их жертва будет напрасной, если я тоже умру.

— Ладно, потом разберемся, давай на выход...

Не успела Мисато закончить, как гвардеец внезапно бросился к девушке, прижав ее к стене и схватив за правую руку, в которой был пистолет, успевший единожды выстрелить куда-то в потолок, а следом за этим мужчина замахнулся ножом в живот Хагашиды. К его неудаче удар остановился за миллиметр до кожи, столкнувшись с щитом, а девушка, распознав враждебность, недолго думая, схватилась за отвертку на поясе и тотчас вонзила ее в правый бок нападавшему в области печени, отчего тот неожиданно вздрогнул, издав хрип.

— Щит, да? — осознал гвардеец, произнеся это слегка обиженно, но вскоре сменил тон. — Это тебе не поможет.

Сию секунду мужчина схватился за лоб Мисато, не выпуская руку с пистолетом, а затем сильным напором резко вдавил голову девушки в стену позади, ударив ее затылком о тяжелую преграду. От внезапной боли Хагашида выронила из руки пистолет, а это означало, что теперь она не только ограничена в движениях, но и безоружна. Уловив преимущество, гвардеец тотчас подхватил второй рукой голову Мисато, чтобы не только бить ее головой об стену, но и помогать набрать очередное расстояние для удара.

Поначалу у Мисато даже были шансы сопротивляться, ведь экзоскелет прибавлял немало сил хрупкому телу, однако опоры под ногами не было и с каждым последующим ударом руки переставали слушаться, а в ушах все громче звенело. Гвардеец продолжал из раза в раз бить ее затылком об стену, которая уже залилась кровью, и это повторялось не один, а, наверное, два десятка раз, пока веки девушки не сомкнулись, а руки и голова безжизненно не отвисли.

Так попытка помочь обернулась против самой Мисато, и неожиданный враг застал ее врасплох — но почему же человек из команды капитана Кастелланоса вдруг предательски набросился на своих спасителей? Неужели сам капитан был не так чист, как думали люди из «Спектра»? Никто не знал о том, что происходило внутри комплекса, ровно так же как никто не знал о враге, прячущемся в тылу.

Гвардеец же, выпустив из рук безжизненное тело Мисато, которое скатилось по стене к полу в сидячее положение, оставив на ней кровавый след, спокойно и без угрызений совести отошел в сторону, и, встав перед единственной отражающей поверхностью на стене темного командного центра, которая могла послужить зеркалом, быстро сбросил с себя маску.

— Жарковато же в этой форме, — недовольно проговорил он, продолжив снимать остальное.

Стоило гвардейской форме оказаться на полу, в импровизированном зеркале мелькнули красные глаза и серьезное бесчувственное лицо. Незнакомец аккуратно зачесал набок висящую русую челку, поправил воротник белой рубашки и висящий на ней красный галстук, нервно похлопал по месту ранения, на котором уже испарялась кровь и затягивалась дыра в пиджаке, а затем, убедившись в собственной прилежности, сказал сам себе:

— Остался только Дорн.

Глава 68: Воля к жизни

Люди нередко преуменьшают труды работников тыла, и это напрямую сказывается на их мотивации выполнять свой долг достойно и ответственно, однако вера в человечество порой восстанавливается, как в случае кровопролитной бойни в сердце Гармонии. Здесь посреди выжженных и залитых кровью полей на последней линии осенней едва зеленой растительности образовался эдакий медицинский полевой лагерь, собранный на скорую руку из нескольких палаток вместимостью от силы до десяти человек в каждой, где все пространство занимали импровизированные койки в виде каких-то мягких подстилок, а остальную часть оккупировали бесчисленные ящики с медицинским оборудованием не самого лучшего качества, ведь в реалиях скорейших сборов у персонала клиники Фишера не было столько времени, чтобы подготовиться к тяжелой работе серьезнее.

— Доктор, у нас новый раненый! — прозвучал крик Луны в потоке брани и активных переговоров медицинского персонала.

— Ранения? — немногосмысленно спросил Фишер откуда-то из каскада палаток.

— Пулевое в плечо, — пояснила девушка.

— Брось его на землю, у нас все забито! — скомандовал доктор.

— Да как вы можете? — возмутился раненый юноша. — Я чуть не умер в бою, а вы собираетесь бросить меня в траве!

— Не ной, сопляк! — послышался знакомый женский голос вблизи.

В тот же момент в лицо вполне твердо стоящего на ногах раненого прилетел сильный и меткий удар кулаком, от которого парень невольно подкосился и застонал. Такое вмешательство стало неприятным сюрпризом для окружающих, но их ошеломленные лица быстро сменились.

— Ты чего? Разве так можно поступать с ранеными? — возмутилась Луна.

— Пусть прикроет варежку, — непоколебимо дерзнула Нао, отряхивая руку после удара. — Я тоже получила ранение в плечо, да еще и врезалась в землю с высоты пятиэтажки — как видишь, не жалуясь.

— Ох, — на секунду замерла девушка, — рада, что ты в порядке.

— Здесь есть кто-нибудь из наших? — бегло поинтересовалась Нао, озираясь по сторонам.

— Да, в палатке сейчас...

— Спасибо, — в миг оборвала девушка, устремившись к палаткам.

Ошарашенная и сбита с толку Луна могла лишь взглядом провожать грубиянку вдоль полосы мешков с мертвыми телами, а сама в это время лишь тихо извинилась за поведение девушки перед раненым юношей, затем вернувшись к прежней рутине спасителя пострадавших на поле боя. Нао же, нырнув в одну из палаток, тотчас встретила с огромным числом беспомощных бойцов, которые переполняли укромное место своим объемом в несколько раз больше вместимости.

Среди многих однотипных персон в глаза хорошо кидался привычно черный мужчина с обрубленными руками, сидящий в тесноте близ недвижимого тела беловласой девушки, окруженной капельницами. Нетрудно было догадаться, кем были эти люди, потому Нао быстро сблизилась с парочкой, поставив присутствующих в ступор.

— Хорнет, как ты? — с ходу забеспокоилась девушка, присев на колени рядом с ней.

— Бывало и лучше, — растянуто и глухо проямлила Ишимару ослабевшим голосом.

— Не говори, постарайся оставаться в сознании, — предостерег Илия, положив девушке на плечо руку.

— Что с Амелией? — продолжила расспрос Нао.

— Ох, тебе этого лучше не видеть — никогда уже не развидишь, — столь же неразборчиво пробормотала Хорнет.

Вопросов было еще много, но внезапное движение головой Илии, так и намекающее на приглашение выйти наружу, вынудило Нао отступить и последовать за ним. Вскоре пара оказалась за пределами палатки, где и предстояло серьезно поговорить.

— Вижу, даже тебе досталось, — подметила Нао, наконец почтив алхимика вниманием.

— Сам виноват, — отстраненно буркнул Илия.

— Каково состояние Хорнет? — уже в более пригодной обстановке поинтересовалась девушка.

— У нее тяжелая анемия, — поведал Кишин, — говорит, что даже ног не чувствует, и я опасуюсь, что если Хорнет чудом выживет, то ходить уже не сможет. Будь кто-то из ее семьи жив, спасло бы переливание крови, но сейчас мы бессильны и остается только надеяться.

— Ясно, — склонив голову, пробормотала Нао. — Что с остальными?

— Мива и Ринна в соседней палатке, обе сильно вымотаны и ранены, но их жизни уже ничего не угрожает.

— Так все-таки Ринна выжила, — с облегчением выдохнула девушка. — Я думала, что ее мертвое тело затерялось в траве после падения, но она как-то умудрилась опередить меня и добраться до сюда быстрее. Сколько же я провалялась в отключке...

— Она не просто опередила тебя, — усмехнулся Илия. — Ринна спасла мне жизнь, и это надо было видеть — словами не передать.

— Кто взял на себя командование после смерти Ашидо? — столь же дотошно расспрашивала Нао.

— Ашидо, — с каменным лицом заявил Кишин, — он не мертв, а вместе с ним Юстиция и генерал Кафка.

— Мне нужны таблетки от головы, — с видом высшей степени непонимания пробормотала девушка, так и намекая, что на мутную голову все факты не принять. — Так, остались только Юмико и Эмили. Где они сейчас?

— Не могу ничего сказать, — помотал головой Илия.

— Эй, помогите! — послышался громкий крик откуда-то со стороны передовой.

Стоило обернуться к источнику, в поле зрения пары попала такая же странная парочка, состоящая из рядового гвардейца без маски и молодой девушки в слегка коричневатом костюме ордена «Юнити». На собственных плечах мужчина тащил заветное тело Эмили Морроу, и на этом этапе все вопросы о ее судьбе отпали. Стоило привлечь к себе внимание, Нао тотчас ухватилась незримой силой за стоящую на улице медицинскую тележку, мгновенно переломав ту на прутья, которыми вскоре девушка пригрозила подозрительным вторженцам.

— Не надо, он нам не враг! — воскликнула девушка, заверяя в невраждебности гвардейца.

Нао же не спешила разоружаться, но легкий толчок Илии головой в левое плечо вразумил девушку, и она медленно опустила прутья к земле. Так к компании присоединились неожиданные спасители, которые доставили к полевому пункту

бездыханное тело Эмили, расположив его на земле.

— Помогите, она умирает, — взмолился гвардеец. — Нам нужен доктор.

— Я доктор, — утвердительно кивнул Илия. — Проверьте пульс.

— Чего? — опешил гвардеец, но, завидев руки мужчины, быстро догадался, что к чему.

Сдернув перчатку с правой руки, мужчина приложил два пальца сначала к шее, затем к виску и даже ко внутренней стороне на локтевом сгибе, выпрямив конечность майора и засучив изорванный рукав. Прodelав множество телодвижений, гвардеец лишь тяжело вздохнул и отрицательно помотал головой.

— Помогите мне, — скомандовал Кишин, указав на кожаный пояс.

Из-за некой заторможенности растерянных спасителей, дело пришлось брать в свои руки Нао, которая в такт за движениями Илии нырнула сначала в чехол на поясе, достав из него причудливые очки с фиолетовыми линзами и кучей таких же маленьких на рычажках, а затем ловко надела их на голову Кишина. Он в свою очередь подобрался к телу поближе и принялся тщательно рассматривать безжизненную девушку, словно рыская в ее внутренностях, пока, тяжело вздохнув, однозначно не заключил:

— Нет, — с долей горечи произнес он. — Внутренние ожоги задели сердце, и оно остановило свой ход, а пока вы несли ее сюда, мозг окончательно умер.

— Как же так, — скорбяще промямлила девушка из «Юнити».

— Не расскажете, как она получила свои раны? — уточнил Илия.

— Майор Морроу спасла нам жизни, когда та стерва из высшей гвардии, Вивиана Лэнгхольц, воспользовалась нами в качестве живого щита, — поведал гвардеец. — Мисс Эмили ударила молнией в землю и забрала ее жизнь ценой своей — героическая смерть...

— Неудивительно, что она из-за этого погибла, — вздохнула Нао. — Хорошо запомните ее жертву — немногие готовы отдать жизнь во благо других.

— Я навсегда это запомню, — отдав дань уважения и возложив руку на сердце, терзаясь утратой, проговорил гвардеец.

— Мы доставим тело доктору Фишеру, — подхватила девушка. — Большое спасибо за оказанную помощь, не имеем права и дальше вас задерживать. Всех благ, орден «Спектр», кем бы вы ни были.

Подхватив тело девушки на плечи в той же манере, гвардеец освободившейся рукой сдернул с шеи солдатский жетон, позорно сбросив его на траву, и имя Брайан на цинковой пластине уже более не символизировало преданность бойца своей армии. Глядя вслед уходящей паре и ушедшей подруге, Нао и Илия наполнились смешанными чувствами, застыв на месте в ожидании первых слов друг от друга, пока Кишин не взял инициативу:

— Что теперь будешь делать, вернешься на передовую? — аккуратно спросил он, мельком озарив девушку вниманием.

— На передовой без меня обойдутся, буду только мешаться, — отстранилась Нао. — Сейчас меня больше интересует вспышка сигнальной ракетницы около комплекса. Кто ее выпустил и по какому поводу?

— Сигнал? — опешил Илия, что выдавали его приподнятые брови. — Я ничего такого не видел.

— Еще бы ты видел, — недовольно фыркнула Нао. — Если память мне не изменяет, с такой все время таскалась Мисато, да и довод этот смахивает на правду, учитывая то, как застыл ее робот-переросток около той машины. Надеюсь, она успела наиграться новой игрушкой.

— Не хотелось бы вкидывать ложную информацию, но, как мне кажется, она могла пойти только внутрь комплекса, учитывая то, что мы за это время ни разу не пересеклись в полевом лагере, — подумал Илия, поделившись мыслями с девушкой.

— Я проверю, — проявила инициативу Нао. — Так или иначе калекам не место в бою — больше некому.

— Постой, — прервал Кишин, — залезь ко мне в правый карман штанов.

Немного опешив, но все-таки прислушавшись к совету, Нао нырнула рукой в заветный карман, не нащупав там ничего, кроме причудливого латунного кольца с резными рисунками в виде рун. Странная просьба обернулась многозначным намеком в голове девушки, и она с непониманием уставилась на мужчину.

— Надень на любой палец, оно защитит тебя от любых неожиданностей, — в доброй манере с улыбкой на лице подсказал Илия.

— Ладно, — все еще пребывая в оторопевшем состоянии, пробормотала Нао, но-таки надела кольцо на средний палец, и село оно как никогда хорошо благодаря небольшой разнице в размерах пальцев обоих.

— Это рунический щит, который всегда был со мной, — пояснил Кишин. — Не могу же я отправить племяшку в неизвестность не позаботившись.

— Ну, спасибо, заботливый дядя, — сначала с издевкой, а затем с искренней радостью рассмеялась Нао. — Еще увидимся, Илия.

— Бартон бы сделал тоже самое, — напоследок произнес Кишин.

— Чего? — опешила Нао, но не успела она и слова вставить, как удаляющаяся спина Илии ловко нырнула в полевую палатку.

За этот долгий период в компании хороших людей сердце Нао невольно растаяло, и на обозрение окружающих вышла уже совсем другая девушка, которая могла улыбаться и заново открывать в себе вежливость по отношению к людям. Конечно, избавляться от старых привычек и грубиянства с трудом удавалось, но принятые семейные узы и риск расстаться с жизнью во благо будущего Гармонии показали ее с лучшей стороны. Ей было очень приятно ощутить на себе то тепло, которого всегда не хватало, ведь иногда светлая сторона человека скрывается за поступками других людей.

***

Уже через пару минут девушка подобралась ко входу в комплекс Разлома и, недолго думая, сразу нырнула внутрь, столкнувшись с тусклым моргающим светом по всей протяженности темных коридоров. На благо Нао под рукой были те самые металлические прутья от переломанной тележки, но она слегка поскупилась тащить с собой весь комплект, ограничившись всего парочкой ради того, чтобы можно было тащить их в руках и не выдавать присутствие ярким голубым свечением. По мере продвижения вглубь никаких признаков жизнедеятельности по пути не встречалось, пока в поле зрения не появились трупы гвардейцев команды Каstellаноса и уже позже людей в белых лабораторных халатах.

Нао не обратила внимания на характер их ран, но в противовес рассеянности приняла во внимание тот факт, что внутри завелся крысеныш, на плечах которого лежит ответственность за содеянное. Постепенно трупов становилось все больше и больше, пока девушка не застала их пиковое значение в командном центре с круглым столом по центру, однако больше всего внимания привлекло тело, безжизненно сидящее у стены рядом с автоматом для напитков.

Рыжие длинные волосы напрямую говорили о жертве, и Нао мгновенно перешла с шага

на бег, сблизившись с затерявшейся подругой. Стоило подойти поближе, и девушка лицезрела ужасающую картину того, как от головы Мисато по направлению вверх тянется полоса свежей крови до места очевидного удара, или даже множественных ранений головой. Говоря о голове, нетрудно было разглядеть ее состояние даже в потемках, хоть Нао и пришлось немного осветить область удара, подняв парочку локонов волос телекинезом. Среди кровавого месива разглядывались куски раздробленного черепа, неудачно врезающиеся в мозг бедолаге, которая никак не могла отреагировать на попытки ее пробудить, не говоря уже о тихом голосе, нашептывавшем в ухо, да и поза у нее была, отнюдь, не самой естественной — никто бы в сознании не стал так сидеть.

— Мива, скажи, что ты слышишь меня, — с надеждой нашептывала Нао, ругая себя за то, что даже не подумала о том, чтобы предупредить девушку о своих намерениях. — Черт...

Смирившись со своей недальновидностью, Нао стала вертеться вокруг тела, думая, какую позу принять и как подхватить на руки подругу, чтобы не навредить ей еще больше. На первом месте сейчас стоял приоритет спасения Мисато, у которой даже прощупывался вполне приемлемый пульс, и, казалось, ничего такого в помине не было, что могло изменить планы, пока в комнате не раздался звук скрипа двери, которая тотчас глухо захлопнулась.

Едва Нао обернулась к источнику шума, как неожиданно для себя застала ничего не подозревающего мужчину, ступающего по лестнице всего в пару ступеней в сторону того самого стола. Девушка медленно поднялась с места, не успев даже предпринять попытки поднять Мисато на руки, а затем пристально уставилась на незнакомца. Едва он вышел на свет, поправляя галстук, тотчас заприметил неожиданную гостью и столь же недвижимо замер, уставившись на Нао аналогичным образом.

Так могло продолжаться еще какое-то время, но стоило Нао заприметить строгий костюм, русые волосы с зачесом набок и красные глаза, в голове сию секунду всплыл тот самый портрет, который показывал сотрудникам ордена Ашидо в день их совместной с Эмбер вылазки на улицы Гармонии, а мужчина в свою очередь быстро узнал самого известного, но сокрытого от умов гражданских носителя красного мундира. Взгляды тотчас разминулись, и металлические прутья от тележки взмыли в воздух в сопровождении обволакивающего их голубого свечения, отправившись в полет навстречу мужчине, который в свою очередь выхватил из ниоткуда размашистый лук, но, не успев даже натянуть тетиву, был вынужден отпрыгнуть в сторону и перекатиться, увернувшись от пролетевших мимо и вонзившихся в стену прутьев. Стоило ему нащупать опору и разминуться со смертоносными снарядами, мужчина тотчас выпустил в сторону Нао стрелу, которая попала точно в правое плечо девушки, но с треском и необычным желтоватым всплеском энергии отлетела в сторону, а девушка успела нырнуть за укрытие в виде сплошных перил практически вплотную к себе, избежав последующих атак.

— Ах, он же выстрелит в Мисато! — внезапно догадалась Нао, как будто предчувствуя следующий ход врага.

Недолго думая, девушка, сидя спиной к перилам, вытянула левую руку в сторону Мисато, создав перед ней телекинетическое поле для потенциальных снарядов и, бинго, секундой позже в нем оказалась стрела с довольно тонким, но зазубренным и закрученным острым наконечником, застыв в воздухе в состоянии покоя. На фоне произошедшего по комнате пронеслось нервное цоканье, а Нао, пусть и нехотя, ухватила за руки Хагашиды, подтягивая ее тело к себе, стараясь избегать любого контакта головы с землей, а затем подхватила подругу под шею рукой и аккуратно повалила девушку набок, все так же заботясь

о состоянии раненой головы.

— Сукин сын, ты у меня попляшешь! — озлобленно прорычала Нао, будучи готовой навалить врагу в любой удобный момент.

Так она снова вытянула руку в сторону, где некогда лежало тело Мисато, и уже через мгновение прочный металлический корпус автомата для напитков смялся, а его стекло треснуло, вскоре расколовшись на множество маленьких осколков, которые сию секунду с огромной силой и скоростью устремились по направлению к мужчине. Выигранное время позволило Нао подняться на ноги и зацепиться глазами за врага, который в очередной раз с неким трудом увернулся от снарядов, выйдя на очередной залп из стрел. Одна, вторая, третья, четвертая — и вдруг, его руки перестали двигаться, натягивая тетиву, ведь к разуму подкралось осознание того, как ловко девушка в красном мундире отлавливает стрелы прямо в полете, скапливая в своем арсенале, используя оружие врага против него самого.

Нао не заставила долго ждать, и уже сразу после затишья вернула стрелы отправителю, но они неожиданно растворились в воздухе, словно стеревшись в синюю пыль, а мужчина неожиданно дал деру, устремившись в сторону темного коридора близ прежней позиции, не став даже атаковать перед скорейшим уходом. Очевидно, использовать стрелы шепота было плохой идеей, ведь они целиком и полностью подвластны ему, а это значит, что противником Нао был крайне опытный и умный шепот, способный расщеплять энтропиковые стрелы удаленно от себя. К тому же девушка только сейчас поняла, что тот желтый всплеск не был частью энергии нападавшего, а, напротив, скорее ознаменовал то, как щит Илии уберег Нао от внезапного ранения.

— Ну, погоди, гнида, я так просто от тебя не отстану, — соскалив зубы, прорычала Нао.

Девушка уже хотела было пуститься в погоню, позабыв о Мисато, но в голове внезапно раздался женский голос, замедливший движение еще в самом его начале:

— Нао, что происходит в комплексе? — забеспокоилась Мива. — Я слышала лязг металла и дребезг стекла!

— Мива, гора с плеч, — облегченно выдохнула Нао, остановившись на месте и радуясь тому, что случайно достучалась до девушки нестандартным образом. — Здесь Майерс! Тот тип из высшей гвардии, который торчал в карцере «Спектра»!

— Что? — изумленно воскликнула Мива. — Ты не ошиблась? Как он мог здесь оказаться?

— Ошибки быть не может — это точно он, — заверила девушка. — Должно быть, либо рано очнулся и сдристнул, либо прокрался в ряды подкрепления. Ничего другого на ум не приходит.

— Полагаю, это случилось незадолго до начала битвы и нападения на орден, — задумалась Минагава. — В любом случае голову греть сейчас ни к чему — я предупрежу остальных, и кто-нибудь придет на помощь.

— Постой! — внезапно окликнула девушку Нао. — Мисато сильно ранена, она находится в коридоре командного центра, ведущего на выход! У нее раздроблен череп на месте затылка, и она обильно теряет кровь! Я не смогу вытащить бедолагу, потому что упущу гада, и он еще что-нибудь учудит! Прошу, заберите ее отсюда!

— У тебя сейчас безопасно? — уточнила Мива.

— Майерс ушел вглубь комплекса, по пути к Мисато никого нет, — поведала Нао.

— Хорошо, ее заберут медики, — утвердительно произнесла Минагава. — Удачи, Нао.

Голос затих столь же неожиданно, как и появился, и теперь уже мысль о безнадежности

ситуации и факт о предстоящем выборе между подругой и опасным врагом отошли на второй план, потому можно было сконцентрироваться на преследовании. Таким образом Нао вырвала из стены те же два металлических прута, не позабыв проклянуть себя за потерянный чакрам, а затем пустилась вдогонку, мельком заприметив комнату, из которой вышел Майерс, что вынудило на секунду остановиться. Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, Нао столкнулась с видом обычного ухоженного туалета, из которого пробивался резкий запах освежителя, перебивающий зловонье от трупа в углу возле дальней кабинки.

— Чертов педант, — презрительно фыркнула девушка, зажимая нос, после чего захлопнула дверь и продолжила путь.

Майерс в самом деле не просто так имел репутацию крайне педантичного человека в кругу знакомых и даже случайных наблюдателей. Он выглядел ухожено, представительно и даже как-то странно, порой сдувая единичные пылинки с пиджака, но все это казалось какой-то дурной привычкой или брезгливостью, пока люди не поняли, что тот буквально помешан на чистоте. Даже в реалиях боя, раздробив голову практически беззащитной девушке, он сразу после своей выходки принялся разглядывать себя в зеркало, а капельки чужой крови, попавшие на кончики пальцев, так запугали психа, что он не нашел ничего лучше, кроме как бежать в уборную, лишь бы поскорее отмыться и забрызгать комнату освежителем — реально стремный тип.

Так или иначе Нао уже двигалась по коридорам, гадая направление, в котором мог попытаться скрыться Майерс, но каждый неправильный выбор сам давал о себе знать, ведь коридоры рано или поздно заканчивались тупиками или заблокированными дверями, так и подсказывая девушке правильное направление. В конечном итоге Нао забрела в большой офис для отчетной работы с множеством столов и компьютеров, количество которых само собой говорило о серьезности этого места. Постороннего присутствия не ощущалось, но что-то в этом помещении насторожило девушку, вынудив ступать тихо и присматриваться к любой детали, не игнорируя ни единого шороха.

Ход Майерса не заставил себя ждать, и уже через пару мгновений на ничего не подозревающую Нао покосилось высокое и толстое стекло, служащее офисной перегородкой для конференц-зала, которое лишь благодаря излишней внимательности не осталось незамеченным. Ловко вытянув четыре пальца навстречу угрозе и не выпуская из рук прута, придерживаемого большим пальцем, девушка резким сильным толчком отправила стекло в обратную сторону, которое разбилось на мелкие осколки из-за столкновения с рамой, продолжив свой путь вглубь комнаты. Опыт Нао подсказывал, что это трюк не будет единственным нацеленным на поражение врага, потому она резко обернулась и как бы то ли на паранойе, то ли на шестом чувстве выставила вторую руку в том же положении, образовав поле, которое почти сразу же захватило в свои объять очередную стрелу.

— Должен признаться, я еще ни на кого не тратил так много стрел, — прозвучал мужской голос в другом конце офиса откуда-то из темноты.

— До тебя долго доходит, — фыркнула Нао. — Твои жалкие попытки хотя бы задеть меня — тщетны.

— Я вижу, мисс Изуми, — утвердительно произнес Майерс. — Приходится критически думать и готовить ловушки, но и они, полагаю, не очень хорошо справляются, даже несмотря на свою неочевидность.

— Что ты вообще делаешь, Майерс? — со злобным оскалом спросила Нао. — Ты не должен быть здесь.

— Свою работу, — нисколько не подкосившись вопросом, невозмутимо сказал Бенедикт.

— Лижешь жопу Эдварду, как это делают другие? — дерзнула девушка, пребывая в непонимании, как они вообще поддерживают связь.

— Эдварду? — уже более опешившим голосом протянул Майерс. — Не знаю, какую связь ты построила между нами, но я действую исключительно в интересах дворца и нашего короля. Коли почти весь военный состав осаждает комплекс, а противоборствуют им какие-то зазнавшиеся дети, в моей юрисдикции поддержать осаду.

— Значит, ты никак не связан с Эдвардом и кромсаешь сослуживцев по своей воле? — все больше не понимая происходящего, аккуратно поинтересовалась Нао. — Ты вообще уверен в том, что они сделали что-то плохое?

— Чистая интуиция, — столь же уверенно заявил мужчина. — Как видишь, мои догадки оказались верны, раз мы встретились здесь, принцесса-отступница.

— Ты встал не на ту сторону, Бен, — прошипела девушка, уже определив местоположение врага и готовясь атаковать.

— Тоже самое могу сказать и о тебе, Нао Изуми, — парировал Майерс.

— Я больше не Изуми! — внезапно воскликнула девушка, прокричав это так громко, что возглас больше походил на крик души.

Сразу после этого столы в офисе внезапно затряслись, а затем сорвались со своих мест, устремившись навстречу стоящему в темноте врагу. Вилки повытыкались из розеток, кружки недопитого кофе попадали со столов, и в один миг весь офис превратился в месиво, где десятки предметов мебели устремились в одну сторону, словно волна цунами, сметающая все на своем пути. Однако, вопреки надеждам быстро и эффективно прикончить Майерса, скользкая тень отчетливо проскочила мимо лучей света на дальнем выходе из офиса, а мебель врезалась в стену, раскрошив прочный бетон несущих стен и разлетевшись в щепки, оставив комнату в состоянии бушующей пыли из-под столов и разлетевшихся по округе бумаг.

— Теперь я Нао Кишин, — с тем же зверским оскалом и нахмуренными бровями выпалила девушка.

Только сейчас до нее дошло, что означали слова Илии о ее отце, который до момента, разлучившего семью, всегда заботился о дочери и лелеял так, как никого другого. Теперь у нее был козел отпущения, на которого можно было все свалить, и интуиция подсказывала, что тот Котай, на которого так обозлилась Нао и чьего смерти всех душой возжелала, так и останется Котаем где-то в прошлом, а ее настоящий отец, Бартон Кишин, подобно родному брату-близнецу, с тяжестью на душе, теплом в сердце и горечью от собственных неосознанных поступков рухнет дочери в ноги, прося прощения за всю боль, которую причинил ей и Аой.

Решимость переполняла Нао, и она снова бросилась в погоню за близнецом, прокрутив в голове все эти мысли за какое-то мгновение. Добравшись до коридора, девушка даже застала фигуру в костюме, скрывшуюся за одной из многих дверей, что очень хорошо сыграло на руку, ведь с такой своевременной удачей не придется гадать, в каком направлении двигаться. Недолго думая, Нао забежала в приоткрытую дверь и оказалась в лаборатории с бесчисленным числом каких-то центрифуг и склянок, среди которых отчетливо виднелся сам Майерс, бегущий к очередному дальнему выходу.

В то же мгновение металлические прутья устремились вдогонку, следуя строго прямо к

ничего не подозревающей жертве. Так первый прут с грохотом врезался в стену, минуя Бенедикта, однако второй, то ли благодаря расчету, то ли удаче, вонзился прямо во внутреннюю часть правого колена мужчины, мгновенно повалив того на пол прямо на выходе из лаборатории в коридоре с двумя дверьми для дезинфекции, где он мог уже через секунду удачно скрыться, но не тут-то было.

Благодаря удачной атаке, Нао быстро нагнала преследуемого, но на тот момент он уже успел выползти из помещения, и крепкие металлические двери с толстыми окошками из стекла внезапно захлопнулись прямо перед лицом девушки, отчего та с грохотом врезалась в преграду, не сумев вовремя остановиться.

— Какого хрена? — мгновенно возмутилась она, и следом за возгласом захлопнулись вторые такие же двери позади. — Погоди...

— Ха-ха, попалась, — в довольной собой манере очень глухо посмеялся Майерс, голос которого еле просачивался через преграду какими-то окопными путями, возможно, через вентиляцию.

— Это меня не остановит, — спокойно и утратив всякую растерянность, воскликнула Нао, принявшись силой выдавливать дверь наружу, но та почему-то не поддавалась.

— Смирись, теперь ты точно в ловушке, — произнес Бенедикт, почтив девушку видом своего довольного лица в окошке двери, и уже следом за этим комната внезапно начала заполняться какой-то белой дымкой тяжелее воздуха.

— Что это? — испугалась Нао, почувствовав на теле непривычные ощущения.

— Жидкий азот, — поведал Майерс, стянув ухмылку. — Побег из лаборатории грозит экстренной заморозкой. Хотел бы я сказать «ничего личного», но раненая нога явно нарушила мое личное пространство. Прощайте, мисс Кишин.

— Стой, ублюдок! — прокричала вслед уходящему Майерсу Нао, но тот был непоколебим.

Тем временем коридор все больше заполнялся жидким азотом, и шевелить ногами уже не получалось так, как прежде, что неумолимо привносило в разум девушки страх заоченеть до смерти.

— Не сегодня! — не желая сдаваться, прокричала Нао, вновь навалившись на двери всем весом своих сил.

Это было очень сложно, учитывая то, как сильно сопротивлялся крепкий металл, и то, как силы словно утекали с каждой секундой. Нао продолжала давить, уже подступая сознанием к неизбежности, о чем говорили покрывшиеся инеем ресницы и замерзающие на щеках слезы, но воля к жизни оставалась несломимой, и в один момент скрип гнущегося металла. Толстые двери-таки поддались, стекло лопнуло, и листы вместе с болтами стали понемногу прогибаться. От напряжения у девушки даже полопались сосуды на всем теле, не обходя стороной даже глаза, налившиеся кровью, но только благодаря яркой и бушующей активности энтропиума в теле Нао кровь сама собой разогревалась и давление внутри повышалось до такого уровня, что даже жидкий азот за столь длительное время не смог сломить волю принцессы-отступницы.

Когда в двери наконец показалось отверстие достаточного диаметра для того, чтобы можно было протиснуться, Нао скинула с себя любимый красный гвардейский мундир, вяло нырнув внутрь, благополучно вывалившись наружу в крайне ослабевшем состоянии, да настолько, что ноги не просто не могли стоять на месте, но и двигаться, что невольно вынудило девушку замереть на полу, стараясь отдышаться.

— Как-то мне... дурно, — вслух произнесла Нао, борясь с раскалывающейся и ходящей вокруг головой, пока внезапно не затихла.

Воли и сил поначалу хватало для продолжения преследования, но теперь уже, потеряв всякую чувствительность, залившись кровью, будучи неспособной даже встать, Нао закрыла глаза, желая хотя бы ненадолго унять эту слабость и навязчивое ощущение подступающей смерти. На ее благо Майерс даже не подумал о том, что девушка имеет шанс выбраться, потому от врага в комнате за пределами коридора осталось только пятно крови и залитый багрянцем прут, который он небрежно выдернул из ноги и бросил куда пришлось. Так или иначе девушка уже не смогла бы участвовать в бою, но хотя бы избежала участи мучительной смерти от обморожения или вероятности быть добитой.

***

Свершив свой великий побег от действительно опасного противника, Майерс заполучил небольшое окошко, чтобы выдохнуть, но не стал надолго задерживаться на одном месте, продолжив поиски капитана Кастелланоса сразу же, как рана на ноге затянулась. Так, обшарив все прочие из оставшихся малочисленных коридоров и комнат, Бенедикт в конечном итоге вышел на крышу, которая соединялась со стенами комплекса, на которых располагались те самые пулеметы и лазеры для обороны, операторов которых Бен уже заранее зачистил, будучи еще снаружи.

— Ты задержался, — проговорил неожиданный голос, обратившись именно к Майерсу, поскольку никого живого рядом и в помине не было.

— Дорн! — радостно заголосил Бен, раскинув в стороны руки. — А я все думал, когда же ты появишься!

Заветный капитан Кастелланос бесчувственно сидел на смотровом подступе, из-за которого можно было следить за обстановкой со стены, прислонившись к перилам спиной и нервно затягивая сигарету.

— Ну и мерзость, — презрительно фыркнул Майерс, заведя сигарету. — Еще костюм провоняет куревом, если подойду ближе — это твой план?

— Я впервые в жизни взял в рот сигарету, — столь же бесчувственно пробормотал Дорн. — Если хочешь сказать, что она действует на тебя так же, как средство от комаров на мелкую дичь — не давай мне надежду.

— Брось, я просто убью тебя издали, — усмехнулся Майерс. — Даже защищаться не будешь?

— Будь у меня шанс, я бы им воспользовался, — смирившись со смертью, сказал Кастелланос. — Взгляни вдаль, Бен, что ты видишь?

— Бойню, — недолго думая, ответил мужчина.

— Это война, Бен, — поправил Дорн. — Война, в которой нас победили дети.

— Еще ничего не кончено, мужик, — вновь улыбнулся Майерс. — Это для тебя все кончено, а я пока не спешу прощаться с жизнью.

— Тогда возьми яйца в кулак и убей меня, коли настроен серьезно, — бесчувственно дерзнул капитан. — Может, я и не смогу больше сражаться, но я уже сделал все, что мог, а остальное, пожалуй, оставлю молодым.

— Это были последние слова? — с многозначным взглядом спросил Бен.

— Стреляй уже, тряпка.

Не став тратить время на разговоры, а также не желая более гоняться за капитаном, Майерс ловко спроецировал лук и, стоя на расстоянии в несколько метров, принял стойку,

подобную людям на соревнованиях по стрельбе из лука, но сделал он это не для того, чтобы прицелиться, а чтобы запечатлеть лицо человека, которого сейчас убьет. Какое-то мгновение спустя тетива с характерным отзвуком отдернулась, и та смертоносная стрела, форма наконечника которой должна была быть запрещена по соображениям гуманности, пустилась в полет.

Один лишь человек с нездоровыми наклонностями к чистоте смог не только пробраться в самое сердце врага, но и лишит союз орденов единственной поддержки гвардии, принявшей сторону правды, а также вывести из игры сразу двух членов «Спектра», и эта заслуга по своей значимости была второй после Эдварда, заварившего всю эту кашу. Майерс на самом деле не знал, почему он здесь и за что сражается, но это было не важно, куда Бен принес клятву верности дворцу до крышки гроба. Его интересы были его интересами, его враги были его врагами, его идеалы были его идеалами — и этим все сказано. Наверное, Бенедикт Майерс был одним из самых преданных королю гвардейцев, но его недалёковидность и слепое подчинение приказам, даже несмотря на привычное эффективное самовольничество, затмевали ясный взгляд на происходящее вокруг.

Тем временем стрела уже сблизилась с несчастным капитаном, потерявшим в этот день все от работы до лучших друзей, и крышу комплекса озарила белая вспышка. Конечно, белый свет вызвал уйму вопросов, но не успел Майерс задуматься о странной картине, в его правую ногу на огромной скорости врезалось что-то твердое, мгновенно повалив на не такой уж мягкий войлок, и из-за столь неожиданного происшествия вкупе с огромной ударной силой, Бенедикт даже не успел подставить руки, чтобы смягчить падение, врезавшись в крышу лицом.

— Какого? — внезапно озверел он, едва подумав о замаравшемся костюме, вскоре подняв голову.

Перед лицом мужчины предстала девушка низкого роста в темно-синей жилетке и подчеркивающих фигуру черных обтягивающих кожаных брюках с пышной грудью и длинными распущенными белыми волосами, развивающимися на ветру, зрачки которой напрямую передавали враждебность своим красным оттенком. В разукрашенных от плеч до кистей руках она держала огромную косу, склонив ее лезвие к земле, и ту самую стрелу, нацеленную на капитана, но, по всей видимости, так и не достигнувшую своей цели.

— Чего нос повесил? — озлобленным, но нежным голоском проговорила она, обратившись к капитану. — Рано еще сдаваться, всегда есть шанс выжить.

Замерший от неожиданности капитан и слова вставить не мог, особенно от осознания, что его в слабости упрекает совсем юная девушка.

— Ты же, — заговорил Бенедикт, которого застали врасплох.

— Лаффи, — тотчас перебила девушка, — я тоже тебя узнала, Бенедикт Майерс, напарник моего убийцы.

— Хах, только хотел сказать, что ты должна быть мертва, — нервно усмехнулся Бен, на самом деле не понимая, как такое возможно. — Вижу, ты меня уже опередила.

— Видите, капитан? — подловив Майерса на полуслове, окликнула мужчину Лаффи. — Я была уже по ту сторону, но даже дыра от дроби в груди меня не убила, хоть я и была одной из слабейших в «Спектре».

— Но... я...

— Не нужно оправданий, — снова перебила девушка. — Просто примите тот факт, что я вас спасла, будьте благодарны, радуйтесь жизни и нарожайте себе детей, потому что

сегодня вы не умрете.

Ошеломленный яркой и поистине доброй улыбкой девушки капитан вновь замер, боясь что-либо сказать, но в этот момент весь мир в его глазах словно перевернулся. Дорн никогда не любил и не был любимым, и даже свою службу в гвардии прожигал в компании лишь друзей, как делают заблудшие по жизни мужчины, не успевшие построить свою личную жизнь в молодости. Этот день стал для него самым ярким воспоминанием, в котором было все: кровь, слезы, упадок, надежда, потеря, обретение и самое неожиданное — первый всплеск искренних чувств. С первого взгляда капитан беспamięтно влюбился в свою спасительницу и ни на секунду не мог оторвать от нее взгляд, о чем сама девушка, очевидно, не подозревала.

— Перед тем, как я убью тебя, — внезапно вклинился в очаровательную картину Майерс, уже твердо стоя на ногах, — позволь узнать, как тебе удалось выбраться с того света.

— Интересно, да? — невинно улыбнулась Лаффи. — За бесплатно не расскажу.

— Я все равно заберу эти деньги, — скорчившись от непонимания, пробормотал Бенедикт. — Можешь отнять у меня все.

— Кажется, мы не поняли друг друга, — уже сбросив невинность и нахмурившись, прошипела девушка. — Я сделаю с тобой тоже самое, что сделал со мной тот мужчина, и только тогда ты услышишь мою историю.

— Понятно, можешь приступа...

Слово за слово, а речь Майерса практически мгновенно прервалась, и среди залитого облаками восходного неба мелькнул ошметок руки, взмывший в воздух под действием чудовищной силы и скорости, перерубивших плоть и кости так же легко, как нож скользит по маслу. Не успел Бен вникнуть в происходящее, как уже потерял ведущую руку, даже не разглядев момент начала боя. Чудовищная боль даже не сразу подступилась к сознанию, и стоило ей только подать знак во время молниеносного отступления в сторону, уже вторая рука мужчины слетела со своего места, устремившись куда-то подальше, несколько раз подпрыгнув на крыше, которую быстро забрызгала свежая кровь.

Успевший за мгновения стать знакомым взмах косы, рассекающий воздух, снова прозвучал в чередующихся щебетания птиц, и длинное лезвие пронзило Майерса в области живота со спины, выйдя наружу вместе с ошметками кишечника и намотанным на него желудком, а затем столь же ловко вынырнуло наружу, оставив гвардейца без единого шанса на сопротивление. Так девушка за какие-то считанные секунды с бешеным преимуществом полностью нейтрализовала одного из самых умелых и преданных высших гвардейцев, ловко подхватив того на моменте падения, чтобы смягчить падение, осторожно положив мужчину на спину.

Коса растворилась в воздухе, выпустив из себя множество белых искорок, а хрупкие руки Лаффи подхватили под спину беспомощного Бена, аккуратно расположив его на крыше. Сама девушка беззаботно уселась на корточки близ врага, глядя прямо ему в глаза, но почему-то они не внушали страх, напротив, вызывая некое чувство умиротворения, словно она подарила быструю смерть человеку, который ее не заслужил.

— Это я еще тебя пожалела, — без зазрений совести и стыда четко и ясно сказала Лаффи. — В том переулке я с грохотом упала, а тот негодяй еще успел изнасиловать меня. Жаль, что у тебя всего две дырки, а не три.

Уже на этом этапе Бен понял, что оказался безоговорочно сраженным волей девушки,

которой от жизни досталось сполна. Она заслуживала большего, чем просто унижительную смерть от рук бесчинствующего ублюдка, и сейчас у нее был шанс вернуть все, что потеряно, и обрести то, чего Лаффи еще не успела обрести.

— Прости, — все, что в тот момент мог сказать Майерс, стараясь не откашляться. — Я хорошо знал того человека, и никак не мог повлиять на его действия. Возможно, тебе будет легче, если ты узнаешь о том, что никто не одобрил его зверского поступка, а, напротив, каждый единогласно признал последней мразью.

— Правда? — оторопела девушка.

— Хах, ты ведь не знаешь, да? — уже более слабым голосом усмехнулся Бен. — Тот человек, Камиль Шевцов, которого все звали просто «Камыш»... Он был высшим гвардейцем и моим напарником. Говоря начистоту, я всегда избегал возможности совместной работы, и искренне презирал его. Я повидал многих людей на своей памяти, но он... Наркотики, вымогательства, убийства, насилие — он был единственным, у кого не было никаких мотивов или темного прошлого, чтобы оправдать свое зверство.

— Где он сейчас? — вскользь поинтересовалась беловласая дама.

— Лаффи, да? Если тебе станет легче от того, что ты выместила всю злобу на мне, то постарайся насладиться моментом, потому что Камыш уже мертв. Ваш лидер, Ашидо Такаги, вонзил ему в рот катану, а затем срубил всю верхнюю часть головы, оставив на ее месте кучу мяса и болтающийся язык — это была, действительно, красивая месть.

— Вот как...

— У меня осталось мало времени, — подметил Майерс, ощутив на себе чувство скорой смерти. — Ты имела достаточно поводов отомстить, и воспользовалась своим правом сполна, разбив мою гордость за какие-то считанные секунды, хех. Могу я перед смертью узнать о том, как тебе удалось вернуться к жизни?

— Это твое предсмертное желание? — малость поникнув в потоке внезапных чувств, но не растеряв стойкости, спросила Лаффи.

— Да, прошу, позволь мне умереть так, чтобы я пожалел о том, что мог спасти свою сестру, но ничего для этого не сделал, — со слезами на глазах, промямлил Бен.

— Будь по-твоему, Бенедикт Майерс, — охотно согласилась девушка, пребывая в смешанных чувствах от просьбы, которая переросла из любопытства в скорбь. — В тот день я на самом деле умерла, по крайней мере, все так думали. В последний момент веки закрылись, и наступила темнота, за которой ничего не последовало. Тогда я потеряла свою веру в загробные миры и жизнь после смерти, потому что ничего такого не наступило, и я не попала ни в вальхаллу, ни в рай, ни куда-либо еще. Одна лишь пустота была в том месте, где я оказалась, и время в ней текло иначе, словно без явных ощущений, прошел на тот момент час или минута. Я ничего не чувствовала, ничего не видела, ничего не понимала и ни о чем не думала, пока не смогла снова открыть глаза. Тогда я впервые воочию лицезрела Бездну, такую холодную и красивую, небо на которой было не совсем небом, заливаясь то ли синим, то ли голубым, то ли белым, освещаясь со всех сторон одинаково и непонятно чем... Под спиной были твердые камни и ласковая трава, а вокруг стояли всякие разные странные аппараты невесть для чего. Уже поднявшись с земли, как будто впервые попробовав ходить, как это делают младенцы, я нашла на одном из немногих столов рабочие электронные часы и записку, которая все объясняла.

— Что было в той записке? — желая услышать заветные слова, прохрипел Майерс, стараясь не уйти из жизни раньше того, как сможет услышать о тайнах мира сего.

— Она была адресована мне, — продолжила Лаффи. — Имя подписавшегося под ней человека я не могла откопать в своей памяти, не говоря уже о том, что о собственном узнала только с первых строк. Но память со временем вернулась, и я наконец могла узнать, кому именно обязана жизнью — Илии Кишину. Он до последнего цеплялся за любые возможности заставить мое сердце забиться снова, и этот нечеловеческий труд принес свои результаты. Он рассказывал обо всем, что происходило в мое отсутствие, и так я узнала о собственной смерти и о тщетных попытках оживить ушедшую Лаффи традиционными методами от ИВЛ до прямого массажа сердца. Все последующее может показаться зверством и осквернением покойного, но даже после того, как все мои друзья смирились и похоронили мое тело под одиноким деревом на горе рядом с семьей Акина, запретив Илию даже близко подходить к могиле, он своими силами в одну из ночей выкопал мой труп и достал прямо из дешевого фанерного гроба, и все это было, как он говорил, из-за одной только скользкой мысли о том, что мой мозг все еще жив. Именно по этой причине единственным действенным способом убить шепота служит лишение его головы или перерубание позвоночника в области спинного мозга — он может вернуться с того света, как это сделала я. Все мои раны залечили еще до этого, но в сознание тело привел тот свободный и чистый энтропиум Бездны, который все поголовно когда-то считали ядом. Часы, что стояли на столе, показывали реальное время в привычном нам мире, а также день, месяц и год, но был там и второй циферблат, говорящий о том, как долго я пробыла в самой Бездне — двадцать пять лет. Все эти двадцать пять лет я бессознательно лежала в целебной утопии, постепенно наполняясь тем, что было вокруг. Наверное, это и помогло мне за столь долгий срок не сойти с ума, а все эти годы сделали меня не только сильнее, но и заставили по-настоящему ценить жизнь. Поэтому отныне и навсегда я буду сражаться за свои мечты до последнего вздоха, буду возвращаться с того света сколько угодно раз, только бы забрать от этой жизни все самое заветное, чего хочу. Знай, Бен, куда мозг шепота подает хоть малейший признак жизни, для это человека еще ничего не потеряно — Бездна примет дитя в объятия породившей его матери, а ласковый энтропиум здешних краев залечит все твои раны: физические, психологические и даже душевные. Я вышла оттуда совсем другим человеком, и многое поняла. То, как сильно навязывалась людям своей простотой и чистотой в душе, как сильно я пренебрегала остальными, стараясь угнаться только за Ашидо, и то, как много я упустила прежде, чем умереть. Лицемерно, наверное, сейчас говорить о воле к жизни, но я хочу, чтобы вы знали, что надежда есть всегда.

Стоило Лаффи произнести свое последнее слово, в глазах девушки показалось умиротворенное и застывшее в покое лицо павшего в бою гвардейца, который до последнего слушал и восхищался словами и силой личности человека, который обо всем этом ведал. Кто знает, успел ли он услышать те заветные слова, о которых желал услышать, но лицо мужчины говорило само за себя. В последние минуты жизни он не жалел о том, какую сторону выбрал, пролив слезы в последний раз рядом с собственной убийцей, но то были не слезы горечи, потому его смерть не вызывала чего-то неоднозначного и горького, а лишь пропитывала тем же умиротворением. Оторвавшись от тела и протирая невольными нахлынувшими слезами, Лаффи тихим шагом поплелась к спасенному капитану.

— Как вас зовут? — с улыбкой на лице спросила девушка, взглянув на небо вдаль и окликнув замороженного капитана.

— Дорн Кастелланос, — однозначно ответил мужчина.

— Цените жизнь, Дорн, — ласково произнесла Лаффи. — Когда ее у вас отнимут, будет

уже слишком поздно что-то менять. Вы не такой, как я, вы не шепот и не бессмертный, оттого имеете право всего на одну жизнь. Проживите ее достойно и насладитесь ей сполна, будьте смелыми и честными с собой, потому что только так можно умереть счастливым.

— Выходи за меня, — Кастелланос внезапно подскочил с места и ни с того ни с сего заявил о своих намерениях.

— Что? — замерла в шоке Лаффи, обернувшись в сторону Дорна, прикрыв мгновенно покрасневшее лицо руками, лишь бы скрыть принявшее столь смущенный вид выражение.

— Я не самый лучший мужчина, которого можно выбрать, — продолжил Дорн, но благодаря тебе я понял, что всю свою жизнь только и делал, что упускал каждую возможность и терял все, не обретая ничего нового. Говорят, что хорошая женщина способна изменить даже самого плохого мужчину, и лишь мельком увидев тебя, я понял, что ты и есть та самая женщина, которая может дать мне второй шанс.

— Это так внезапно, — стянув руки с лица, уставилась на Дорна девушка.

— Прости, наверное, я просто воодушевился и поверил в себя после твоих слов, но, поверь, сейчас я как никогда честен с собой, — тяжело вздохнул Дорн. Жизнь — это такая штука, у которой нужно искомое отбирать, а не выпрашивать. Я готов сделать шаг, если будет хотя бы шанс наладить свою жизнь.

— Боюсь, мое сердце уже занято, — с паршивыми чувствами отвергла мужчину Лаффи, но секундой погодя, после недлительного молчания, внезапно изменилась в лице. — Хотя, знаете, Дорн... Хватит с меня путаться у людей под ногами и мешать им строить свою личную жизнь — я хочу сама создать свое будущее.

Внезапно девушка набросилась на капитана, и ей пришлось из-за своего маленького роста немного подпрыгнуть и повиснуть у того на плечах, чтобы слиться во внезапном, но чувственном поцелуе. Так в свете утреннего восходящего солнца в единственном тихом уголке Гармонии человеческие чувства завязали собой новый узел, породив надежду на будущее для людей, которые до сего дня могли лишь терять, ничего не обретая. Девушка, которая совсем недавно ребячески влезала в любую компанию и без единой мысли о перспективах только гонялась за единственным близким человеком, смогла заставить сердца, казалось бы, самых черствых людей на планете дрогнуть, отчего первый умер с улыбкой на лице, даже проиграв свой последний бой, а второй так сильно пропитался ее волей, что сам невольно свернул с прежней тропы.

Дорн впервые почувствовал себя кем-то, а не прежним подобием себя самого, он нашел в потаенных уголках души место для смелости, и впервые в жизни прямо заявил о своих чувствах, не запрятав их на дальнюю пыльную полку сознания. Все прошлые представления о мире разрушились, все тяготы ушли прочь, и можно было с уверенностью сказать, что в этой истории победила любовь, но не только та, что связывает человеческие сердца, но и любовь к жизни.

Глядя на закат и держа друг друга за руки, Лаффи и Дорн понимали, что все их кровные враги пали, что гвардия рано или поздно сломается под напором, а их место займут люди, которые отдали свои сердца за общее будущее, в котором найдется место для каждого.

Теперь, когда высшая гвардия пала, остался только Эдвард.

Один в целом мире.

Глава 69: Маленький человек

Сила маленького человека заключается в его умении смотреть только вверх, пока другие делают это свысока — эта мораль стала ключом к началу кровопролития в борьбе за свободную Гармонию, в которой для каждого есть свое место и где каждый может выбирать свою судьбу сам. Ведомые злобой и жадной мести, а, может, исполняясь горечью или энтузиазмом сражаться, люди отдают свои сердца и души, хватаясь за мимолетную возможность заявить о себе, поднимая мечи на тех, кого с самого начала считали врагами. Уже через десятки лет этот случай породит споры о том, можно ли было решить все проблемы мирным путем, не прибегая к насилию, но на данный момент в головах разбитых людей не возникает задней мысли о правильности своих поступков покуда они все еще не сломлены.

Ашидо Такаги был одним из многих подобных ему маленьких людей, но наравне с этим юноша был по-своему уникален. Он тоже боролся за свои мечты и свободу, тоже нес смерть в противовес собственным потерям, но эти идеалы были одновременно и силой, и слабостью парня. Сотни людей шли за ним в бой, тысячи наблюдали за ходом события, десятки тысяч поддерживали, и судьбы сотен тысяч зависели от исхода боя, который вскоре назовут символическим образом, отражая всю красоту и весь ужас произошедшего.

Как же так вышло, что один маленький человек сплотил весь народ перед лицом общей проблемы, став главным символом и идеалом борца за великое имя Гармонии? Как удалось недавно ступившему на тропу взрослой жизни человеку удостоиться имени беспощадного убийцы и врага Гармонии номер один, а также заполучить громкий титул «Клинка Гармонии» в знак его гордой борьбы за то, чтобы его родина стала домом, а не ночлегом? Ответ на этот вопрос кажется простым, но лишь углубившись в проблему можно прощупать в ней нити, ведущие к тому, что можно видеть сейчас — Ашидо вдохновил людей и стал для них спусковым крючком, и никто из них на самом деле не знал, каким в реальности юноша был эгоистом.

Все еще пробиваясь к своему главному врагу, Ашидо без зазрений совести проливал кровь, из раза в раз лишая жизни многих гвардейцев, среди которых были не только преданные дворцу солдаты, возложившие душу и принесшие клятву верности, готовые отдать жизнь за своего короля, но и утратившие веру в правильность своих действий бедняги, которым не было дано шанса развернуться и уйти, чтобы бой продолжался уже без их вклада. Эти гвардейцы все еще имели право жить, имели шанс искупиться и начать все с чистого листа, но шанса заявить об этом им не было дано.

В сердце Такаги пылал огонь, но тот был совсем не тем, что раньше, ведь в своем стремлении быть кем-то Ашидо заблудился в глубинах собственного сознания, начав понимать, что им все это время двигало и сколько грехов пришлось взять на душу, чтобы утолить собственный голод. Он уже не мог так умело скрываться за улыбкой или показывать всем свою злобу, скаля зубы и сжимая рукоять беспощадного меча, отнявшего не одну сотню жизней, напротив, теперь все чувства сошли на нет, словно последние частички сознания запрятались где-то за бесчувственным лицом в глубинах очерстевшего сердца.

Финал приближался, и все это прекрасно осознавали, ведь гвардия больше не могла держать свои позиции, будучи вынужденными отступить во имя собственной сохранности. Этот бой уже не был боем, а скорее походил на схватку стаи хищников с их добычей, где

речи о противостоянии быть не могло, ведь силы одной стороны колоссально превосходили остатки воли своих жертв. Вскоре под давлением меньшинства среди гор свежих трупов и пепла показалась высокая фигура человека, которого можно было с уверенностью назвать главной противоборствующей силой нашего главного героя, ведь эти двое были друг для друга словно отражение самих себя, что нужно было рано или поздно признать.

Эдвард Айс стоял в неестественной для себя стойке, в которой не было прежней уверенности в победе, но все еще оставались силы для того, чтобы дать свой последний бой человеку, послужившему неожиданным и главным препятствием на пути к мечте, которая теперь казалась недостижимой. Едва взгляды красноглазых лидеров разных сторон баррикад пересеклись, оба решительно нахмурились, понимая, что этот бой станет последним, и именно он расставит все точки в этой войне за право построить свои правила.

Можно сказать, что аура этих двоих была настолько жуткой, что никто не хотел сближаться ни с Эдвардом, ни с Ашидо, словно опасаясь быть растерзанным монстром, который следует лишь к одной цели, воспринимая все остальное как мимолетную и незначительную преграду. Откровенно говоря, в умах людей сложилась правильная картина, ведь оба могли с легкостью расправиться с любым, кто помещает в ненужный момент, потому страх людей стал главной причиной неприкосновенности той дуэли, в которой толпа была бессильна.

— Ашидо Такаги, — сквозь злобный оскал прорычал Эдвард, простояв в одном положении и пялясь на парня больше минуты.

— Эдвард Айс, — с той же злобой, но с совсем бесчувственным лицом произнес Ашидо.

Десять ничтожных метров разделяли мужчин, а люди вокруг образовали кольцо, продолжая сражаться, но не желая вмешиваться в решающий бой. Снаружи атмосфера царила боевая и заряженная, но внутри все казалось гнетущим и скверным, и весь мир вокруг невольно замирал, будучи свидетелем происходящего. В чередѣ событий раздавались крики, кровь продолжала заливать землю и покрывать руки убийц, и лишь кровные враги могли наслаждаться ласковым ветерком, развивающим волосы, глядя друг на друга и понимая, что вскоре произойдет. В один момент прозвучал лязг металла, и острые как бритва мечи в момент поднялись ввысь, замерев на уровне головы, глядя на своих противников и невольно бросая блики от солнца в сторону друг друга. Ноги зашевелились, и оба мужчин стали ступать по направлению часовой стрелки, ожидая хода друг друга.

— Мы оба знаем, к чему приведет этот бой, — исподлобья протянул Айс.

— Пришло время расставить все точки, Эдвард, — с тем же взглядом произнес Ашидо.

— Одному из нас сегодня суждено пасть и оставить свои мечты позади, — с осознанием реальности тяжело выдохнул Эдвард, не переставая сжимать рукоять. — Должен признаться, я тебя недооценил, потому совсем не ожидал скорейшего возвращения. Тебе удалось удивить меня, Ашидо, и с этого момента я больше не могу воспринимать тебя как глупого мальчишку.

— Тот удар не смог бы убить, — спокойно ответил Такаги. — Тебе удалось сломить меня и выиграть преимущество, но второго такого шанса уже не будет — я покажу тебе, какими жестокими могут быть люди.

— Не будь так уверен в себе, ведь я мог и специально оставить тебя в живых, — парировал Эдвард. — Можешь гадать сколько угодно, почему я так поступил, но истинная причина без боя не вскроется.

— Значит, придется выбить из тебя все, — уверено произнес Ашидо.

— Если потеря Юмико послужила для тебя спусковым крючком, то я даже немного жалею, что не успел найти никого такого, кто мог бы придать мне еще больше сил фактом своей кончины от рук врага.

— Дело не в ней, а в нас с тобой, — оборвал Такаги.

— Ты винишь меня в том, что я сделал тебя таким? — сомневаясь, спросил Эдвард.

— Нет, — отрицательно прошипел Ашидо. — Я сам стал тем, кто я есть, и на то найдутся причины. Только честный бой рассудит нас и расскажет обо всем, что нужно понять, так давай же покончим с этим, Эдвард.

— Я тоже так считаю, — одобрительно кивнул Айс. — Нападай, когда считаешь нужным, я готов принять любой исход боя, но поддаваться не собираюсь, ибо ты своей решимостью давно доказал, что придется выложиться на полную.

В ответ на это Ашидо мог лишь молча кивнуть, и это стало сигналом к началу боя. Движения по кругу продолжались, сохраняя напряжение и нагнетая обстановку для наблюдателей, ведь с каждым шагом любой прочий ожидал хода одного из враждующих, и именно это навязчивое ощущение непредсказуемости больше всего пугало. Шаг за шагом ожидался ход, вот-вот кто-то должен был броситься вперед, но с каждым разом движения продолжались, словно противники изматывают психику друг друга, однако у Ашидо и Эдварда было свое мнение на этот счет.

Они оба прекрасно понимали намерения друг друга по одному только взгляду, оттого не спешили нападать, концентрируя внимание друг на друге, чтобы быть готовыми отразить даже самый неожиданный удар. От лица Ашидо он лишь старался восстановить дыхание, чтобы навязчивый стук сердца не отвлекал во время боя, а мышцы могли полностью заполняться не только чудодейственным кислородом, но и частичками энтропиума, способного перебросить носителя далеко за пределы собственных лимитов.

Когда наконец дыхание пришло в норму и движения легких стали гармоничными, Ашидо внезапно остановил ход, слегка пригнувшись к земле для выпада, и, пока кровь внутри кипела, заполняя мышцы необходимой энергией, лезвие «Нами» склонилось к земле, раскинувшись за спиной, за чем последовал рывок. В одно мгновение Такаги преодолел десяток метров и молниеносно сблизился с Эдвардом, совершив замах в лоб, нацелившись не столько на поражение врага, сколько на возможность дать бою истинное начало. Яркое облако неестественного энтропиума сопровождало движения Ашидо, и в нем различались сразу два цвета: голубой и красный, что символизировало последнюю стадию внутренней борьбы Ашидо. Стоило тяжелому и твердому энтропиту столкнуться, звон разнесся по всей округе, а вспышка невольно ослепила окружающих.

Эдвард с самого начала ожидал от своего врага лучших и продуманных действий, но, даже зная о возможностях парня, он был поражен тем, как быстро и непредсказуемо Ашидо нанес удар. Любой другой человек не успел бы отреагировать, но Айс в этом бою выкладывался на полную, оттого сумел заблокировать взмах, траекторию которого заведомо не мог предсказать, как и силу вкупе с вложенной волей. Как только мечи разминулись, взмахи продолжились, и были они настолько быстрыми и точными, каких еще раньше никто не видел, оттого бой становился одним из самых красочных и напряженных за все долгое кровопролитное утро.

Лезвие двигалось так быстро, что воздух невольно свистел, рассекаясь мечами, и так было не только у Ашидо, ведь сразу после первого выпада Эдвард перешел в ответное нападение. Его меч был в разы тяжелее и смертоноснее, но орудовать им было сложнее, что

было чревато потерями скорости, однако даже этот факт не менял сути, ведь генерал умело поспевал за всеми действиями оппонента, но все никак не мог его задеть. Ноги врезались в грязь и остатки человеческих внутренностей на земле, руки грациозно двигались по разным траекториям ударов, а кровь на руках, одежде и лицах мужчин высыхала под действием того горячего воздуха, что вынуждено врезался в противоборствующих.

Казалось, что оба так сконцентрированы в этом бою, что никто не показывал никаких эмоций, кроме явной серьезности и здоровой оценки друг друга, как бывает только в самых великих сражениях. Маневрирование между атаками, парирование в критические моменты и ответные удары по мере сражения следовали со стороны каждого, и вскоре ход боя безвозвратно переменился. Ашидо стал применять телепортацию, оттого нередко оказывался в слепых зонах противника, но умение расщеплять и воссоздавать «Кё», как и энтропийные паучьи лапы в купе с молниеносной реакцией всегда спасали Эдварда и не позволяли прикоснуться к себе.

Очевидно, Ашидо требовалось прибегнуть к более выгодным и смертоносным тактикам, если он хотел настигнуть врага, оттого юноша преступил свои лимиты и стал в разы непредсказуемее. Телепортации сменились ложными, и парень стал первооткрывателем такого способа применения телепортации на практике. Суть заключалась в искусственно воссоздаваемых иллюзиях путем телепортации к месту потенциальной атаки, но в это же мгновение следовал другой скачок, а за ним могло быть любое другое число скачков. При такой тактике было легко запутать противника, ведь любое перемещение создает за собой след, как видимый визуально, так и подсознательно ощущаемый резкими всплесками энтропиума, потому каждое воссоздание «пятна» могло быть атакой, и нельзя было точно предсказать, откуда последует удар, когда в одно мгновение тебя окружает несколько таких «пятен».

Эдварду тяжело было признавать, что становится сложнее контролировать ситуацию, но подсознательно он понимал, что некогда утопающий в слезах и отчаянии слабый малец стал внушительно опережать его в скорости, требуя нагонять себя и намного внимательнее относиться к мельчайшим деталям. Недолго думая, Айс и сам перешел в состояние постоянного перемещения, и стычки через парирования и скрещивание мечей стали куда более редким явлением, чем раньше, ведь обоим нужно было сначала выйти на прямой удар.

В одной из таких стычек мечи мужчин снова скрестились, но Эдвард с самого начала планировал провести в процессе атаку одной из паучьих лап. Так, находясь в непосредственной близости к противнику, который в любую секунду мог уйти, он молниеносно произвел удар из-за спины незадолго до соприкосновения мечей, и он столь же быстро оборвался, вместе с тем как Ашидо неожиданно для противника парировал лапу чем-то подобным, словно скопировав одну из принадлежавших Эдварду техник. Из-за спины юноши показалась красно-голубая конечность, которая не походила ни на что, кроме как на вытянутый сгусток энергии, обвиваемый разноцветными движениями, словно лозами, который обрел что-то физическое, способное воссоздать ответный удар.

Одна такая конечность схватила паучью лапу Эдварда, а другая что есть мочи вцепилась в «Кё», чтобы можно было реализовать следующий ход. Неожиданно для Эдварда Ашидо расщепил «Нами» и тотчас воссоздал новую, замахнувшись прямо в область торса генерала, пока его меч бездвижно висел в воздухе, будучи охваченным, и никакое расщепление не спасло бы от удара, поскольку тот с секунды на секунду настиг бы тело. Паучья лапа не смогла бы заблокировать лезвие катаны, которое обвивали те же разноцветные лозы

энергии, намекая на применение «сечения», ведь комбинация точного сильного неожиданного взмаха прочного и тяжелого энтропита, охваченная светом беспорядочной заряженной смертельно опасной энергии, способной лишить жертву регенерации, с легкостью минула бы все преграды.

Оставалось только либо рискнуть репутацией своей сильнейшей способности, либо мгновенно отступить назад через телепортацию, и Эдвард выбрал второе, внезапно исчезнув и выбравшись прямо из лап врага, оказавшись в нескольких метрах от него, что Ашидо нисколько не удивило, ведь сразу за этим последовала очередная атака. Эдвард снова подставил навстречу только что спроецированный «Кё», но стоило мельком подумать о блокировании, «Нами» неожиданно и резко несколько раз изменила свое направление удара, то исчезая, то появляясь, не давая возможности продолжать попытки заблокировать с помощью меча, вынуждая прибегнуть к «бестелесности», что неплохо спасало в такой ситуации прямо до тех пор, пока Ашидо внезапно не отступил назад, замерев в одном положении со склоненным к земле мечом. Эдварду на тот момент тяжело давалось поспевать за противником, и он даже не сразу догадался, что Такаги не собирается атаковать, а лишь с неким презрением нацелен пилить врага взглядом, не выдавая на лице никаких прочих эмоций.

— Исход предрешен, я уже понял твою тактику, — исподлобья заявил Ашидо, стоя к противнику полубоком.

— Могу поверить, — невольно ухмыльнулся Эдвард, стараясь отделаться от отдышки и изумляясь тем, как спокойно и размерено дышит Такаги.

— Твоя бестелесность неидеальна, — подметил Ашидо, внушая серьезность своим видом. — Тебе приходится использовать ее в качестве беглого пятна, которое подставляется под удары и полностью нивелирует их, ведь если покрыть все тело такой защитой, это заметно отразится на всем остальном, что не даст возможности телепортироваться, атаковать лапами, пародировать мое «сечение» и думать в рамках реального боя.

— Думаешь, твоя уверенность в моей неспособности ухватиться сразу за все на что-то повлияет? — отстраненно фыркнул Айс. — Да, мне приходится много думать и анализировать все твои атаки, чтобы оставаться невредимым и иметь возможность атаковать, но только благодаря комбинации всего и сразу мне удастся не подставляться под удары и сохранять темп сражения. Это пятно «бестелесности» все еще парирует каждую наступившую тело атаку, чего тебе не достичь, ведь вся твоя концентрация строится вокруг скорости и возможности атаковать, что делает тело критически уязвимым для атак.

— Сначала присмотришься к своему телу, Эдвард, — подсказал Ашидо. — Я уже не раз задел тебя, и ты этого даже не заметил.

С необычным для себя отсутствием усмешки Эдвард замер на месте, не отводя взгляда от непредсказуемого противника, ожидая внезапной атаки при любой попытке отвести взгляд, однако вскоре, убедившись в том, что Ашидо не станет нападать, желая логически закрепить свои доводы, Айс все-таки оглядел тело. Явных признаков повреждений оно не подавало, однако многие его участки были усеяны маленькими неглубокими порезами, которые даже не чувствовались на фоне общего состояния, лишь мелькая своим видом то на руках, то на груди, то на ногах, то на спине — везде, проще говоря. Очевидно, одежда тоже оказалась повреждена, подсказывая местоположение всех тех порезов, которые смог нанести Ашидо, и Эдвард поначалу не до конца понимал, что этим пытается сказать юноша, пока момент осознания не затмили слова противника.

— Эти порезы приходились на места слепых зон твоей «бестелесности», которая не поспевала за моими движениями, — объяснил Ашидо. — Покуда я могу настигнуть эти участки, ты уже не кажешься таким уж бессмертным. Даже если облачишь все свое тело в состояние защищенности, это будет чревато критической потерей боеспособности, что сильно упростит мне задачу.

— Почему ты так уверен и спокоен, говоря это? — пребывая в легком наигранном непонимании, спросил Эдвард. — Разве ты не ненавидишь меня? Разве само мое существование не заставляет тебя стогать изнутри, желая искромсать меня до состояния фарша?

— Именно потому, что я всем сердцем тебя ненавижу, этот бой должен как можно скорее закончиться, — решительно и уверенно закричал зубами Такаги.

— Тогда дай волю своей ненависти! — внезапно воскликнул Айс, разведя руки в стороны и ухмыльнувшись. — Покажи мне, как сильно ты меня ненавидишь! Кричи, жажди крови и покажи мне ту жестокость, о которой так лепетал, потому что благодаря мне твоя жизнь превратилась в кошмар! Ашидо, я всегда был твоим врагом и останусь им до конца, так почему же ты должен сдерживать свои эмоции в последнем бою?

— Потому что один мудрый человек однажды сказал мне, что в бою нет места эмоциям, — спокойно и бесчувственно ответил Ашидо. — В этот день я решил для себя, что пока кровь врага не будет пролита, я не пущу ни единой слезы и не издам даже самого слабого крика. Только обратив эмоции в силу, а холодный расчетливый разум в оружие, можно достичь идеального баланса и найти в себе силы закончить бой с лучшим результатом.

— Этим миром правит сила, Ашидо, — поумерив свой пыл, произнес Эдвард. — Отдаю тебе честь за то, что не повелся на мои провокации, но ты все еще слаб, ведь весь твой вынужденный рост продлился от силы год, в то время как я неизменно рос и возвышался на протяжении десятка лет. Мой сосуд вмещает значительно больше энтропиума, я распоряжаюсь им в разы грамотнее и мои навыки, как и боевой опыт, возвращены и проверены годами.

— Сила определяется способностью человека меняться, — заспорил Ашидо. — В бок между сильным и слабым выживает наиболее приспособленный, и история не раз это доказывала. Жаль, что ты так этого и не понял, Эдвард, ведь пока ты набирал фору своим умом и неисчислимым лукавством, я лишь боролся за выживание, бесчисленное количество раз находившись на грани жизни и смерти, чем и обеспечил себе умение приспособливаться.

— Мы не такие уж и разные, Ашидо, — тяжело вздохнул Эдвард, взяв меч в обе руки и направив его на противника. — Бросаемся из крайности в крайность, лишь бы иметь возможность почувствовать себя кем-то в этом большом мире, и я все гадаю, почему в конечном итоге мы оказались по разные стороны баррикад, следуя одной мечте.

— Сделай для себя выводы сам, когда наш бой закончится, — отстранился Ашидо, прикрыв глаза, но вскоре и сам подобно противнику взял «Нами» в обе руки и направил в сторону Эдварда. — Я хочу, чтобы ты сам понял, почему твоя сила была твоей главной слабостью, оттого сражаюсь не ради мести, хоть и ведом своей ненавистью к тебе. Пусть все мы были обмануты и даже в конце оказались втянуты в одну из частей плана, пусть многие пали от твоего меча, это не заставит меня опустить руки — пришло время разорвать кокон.

— Ты прав, — одобрительно кивнул Эдвард, — но не в своих слепых доводах, а в том, что пора бы преодолеть все лимиты ради победы. Покажи мне все, Ашидо, и я тоже дам тебе

ощутить пропасть между нами, разрушив все, во что ты веришь.

В этот момент тело Эдварда засияло красным оттенком, который покрыл каждый его миллиметр, словно он в миг превратился в сгусток энергии, оставив всю человечность позади.

— Я покажу тебе, что такое «истинная бестелесность», — сквозь злобный оскал прорычал Айс. — Каков будет твой ход?

В тот момент Ашидо хорошо понимал, что своими доводами вынудил врага прибегнуть к тому, чтобы переступить свои лимиты и облачить все тело в непреступную «бестелесность», что предзнаменовало судьбу ударов «Нами» никогда не достигнуть заветного тела, которое теперь было подобно облаку, бить которое бесполезно. Ситуация казалась безнадежной, но Ашидо знал, на что идет и с кем сражается, потому был готов ко всему.

— Сила шепота — это искусство, а энтропиум — гибкий инструмент, — начал говорить Ашидо, прикрыв глаза, пока его меч обвивали те самые голубая и красная лозы. — Зная, как управлять подвластной носителю бесконтрольной энергией, можно искажать ее в свою пользу. Наш бой — это холст, наши мечи — это кисти, а мы — художники, которые решают ход сражения, и от умения владеть кистью зависит конечный результат картины. Покуда я знаю о твоей силе и слабости, исход боя можно предугадать и изменить в свою пользу, — сказав это, Такаги раскрыл глаза и что есть мочи закричал. — «Гармоника»!

В тот же момент некогда разные в цветах лозы вокруг лезвия «Нами» резко сменились бурным потоком поистине красной энергии, что, исполняясь мощью, отрывалась от меча и бурлящими всплесками колыхала воздух. Казалось, что оружие вот-вот выпадет из рук юноши, но крепкая хватка легко справлялась с непонятной силой, которая взялась из ниоткуда. На секунду Эдвард даже пришел в ошеломление от увиденного и упустил тот момент, когда Ашидо бросился в атаку, однако реакция и в этот раз спасла генерала, а неведомое предчувствие опасности вынудило положиться не на совершенную технику «бестелесности», а на проверенный в сражениях меч, сумевший принять на себя удар и заблокировать всю его мощь, которая, вопреки ожиданиям, не превышала привычного уровня, что давало возможность толстому слою энтропита и собранной в нем энергии отразить атаку.

Это было странно, ведь новая техника не блистала разрушительной мощью, способной прорубать себе путь через любую преграду — нет, напротив, она даже не походила на «сечение», которое, вроде как, было одним из козырей Такаги. Думая над природой видимого и стараясь оставаться в сознательном бою, Эдвард продолжал полагаться на «Кё», хотя еще мгновением ранее планировал оставаться неприкосновенным для взмахов мечом, выигрывая себе преимущество ненадобностью уворачиваться. То ли паранойя, то ли шестое чувство подсказывали, что катана ни в коем случае не должна соприкоснуться с плотью, но это вынуждало Эдварда находиться в заведомо проигрышном положении, и скорейшее соприкосновение само собой объяснило, почему оправдано стоило этого опасаться.

«Нами» с огромной скоростью пронеслась вдоль груди генерала, задев ее лишь кончиком лезвия, но этого хватило для того, чтобы неожиданно хлынула кровь, которой не должно было быть в реалиях протекающего боя. Все произошло настолько быстро, что боль даже не успела отразиться в сознании к моменту резкого отступления Эдварда, однако сразу после того, как можно было увидеть все своими глазами, Айс невольно задался вопросом, как Такаги удалось развеять действие «истиной бестелесности».

— Она должна была быть идеальной, — подумал Эдвард. — Неужели он понял, каким образом мне удастся пропускать мимо даже «сечение»?

— Удивлен? — неожиданно опередил закрывшийся вопрос Ашидо. — Я догадался до этого еще на той поляне, когда мой удар прошел мимо твоей шеи.

— Догадался до чего? — невольно спросил Эдвард, стараясь не выдавать сути своего козыря бездумными репликами.

— В момент соприкосновения меча с плотью, — начал объяснять Такаги, — в это мгновение способность оказывается уже заточенной под конкретный удар, полностью пропуская его мимо тела, даже если в атаке участвует энтропиум. Я все гадал, как тебе это удастся, пока вдруг не осознал — это ведь подстройка, в которой ключевую роль играет сама плотность энтропиума.

— Неужели он понял? — нахмутив брови, снова прокрутил у себя в голове Айс.

— Только более плотный энтропиум способен заблокировать действие менее плотного, что объясняет, почему даже заряженный энтропиумом удар оказывается самым обычным, который без проблем пропускает через себя «бестелесность». Ты заведомо не знаешь, каким будет удар, потому за мгновение до касания твоя аура «бестелесности» определяет сначала плотность энергии на лезвии моего меча, а затем берет более плотное скопление по всей протяженности удара, блокируя действие моего энтропиума. Мне пришлось долго подтверждать свои догадки, и все эти маленькие порезы хорошо показали, что, не зная нужного уровня плотности, я не смогу тебя ранить.

— И поэтому ты решил в бою со мной создать новую технику, основываясь на моих пределах в орудовании плотностью собственного энтропиума, — предположил Эдвард.

— Ты прав, — кивнул Ашидо. — «Гармоника» работает по тому же принципу, стараясь взять плотность выше, чем подготовила для меча «бестелесность». В таком бою тебе остается либо вернуться к выборочной «бестелесности» с тем же бегающим по телу пятном, либо отказаться от способности в угоду остальным боевым способностям, ведь отныне с полным покрытием я без проблем могу создать брешь в твоей защите.

— Какая же ты все-таки заноза в заднице, Такаги, — исполняясь недовольством и злобой, прорычал Эдвард.

— Продолжим, — уверенно произнес Ашидо, приняв боевую стойку и готовясь снова вступить в бой.

Ноги уже было нащупали под собой опору, и тело собиралось вот-вот устремиться вперед, но что-то в окружении, на которое никто в рамках боя не обращал внимания, показалось Ашидо странным. Мир вокруг стал наполняться красками, и воспринималось это буквально, ведь все вокруг заметно прибавилось в контрасте, засияв ярче и как-то более резко, чем раньше, а затем и вовсе замерло: люди постепенно застыли, ветер утих и даже сам Эдвард оказался недвижимым — один лишь Ашидо в целом мире мог сознательно двигаться, пока остальные превращались в недвижимый реквизит. Одно только небо заметно потемнело, будто погрузив утро в ночную глушь, в которой даже шороху не находилось места.

— Что это? — пребывая в непонимании, замер в замешательстве Ашидо.

— Вижу, ты уже догадался, — прозвучал в мертвой тишине мужской голос.

Едва Такаги обернулся к источнику звука, как перед глазами мелькнула фигура знакомого человека, облаченного в яркое синеватое одеяние с пышным мехом, но какое-то мокрое и потрепанное, словно его катали по полу. Глаза отдавали знакомым оранжевым

свечением нескольких перекрестных колец на фоне черной пелены, а по щекам стекала кровь, словно притворяясь слезами. Это был Бартон, который решил в самый неожиданный момент вмещаться в бой, а позади него стояла столь же движимая и на вид живая принцесса Аой. Очевидно, юноша воспринял вмешательство как дурной тон, потому из соображений инстинкта направил меч на внезапного гостя.

— Спокойно, — нисколько не удивившись и даже не дрогнув, уgomонил парня Бартон, вытянув вперед руку в останавливающем жесте, — я тебе не враг, Ашидо.

Немного затерявшись, но поверив в происходящее, Ашидо невольно замер на месте, отбиваясь от навязчивых мыслей убить Эдварда в том состоянии, в котором он сейчас находится, но невероятное желание доказать свое превосходство и убедить в том, что герой вырос, мешали осуществлению.

— Послушай, времени мало, — вновь заговорил Кишин младший.

— Что вы здесь делаете? — слегка соскалившись, проворчал Ашидо.

— Нужно остановить это бессмысленное кровопролитие, — поведал Бартон. — Слишком многое произошло всего за один день, и, если не прекратить бойню, умрут еще много людей. В наших силах остановить вражду между носителями и гвардией.

— И зачем ты говоришь это мне? — все еще метаясь в мыслях, спросил Такаги. — Мы поклялись сражаться и будем стоять на своем до конца!

— Прошу, Ашидо, выслушай, — вмешалась Аой, так и показывая свою благожелательность.

Ашидо не хотелось воспринимать слова человека, враждебность которого проверить не мог, но подсознательно он понимал, что сейчас находится внутри того самого «Парадокса», и Бартон вполне мог бы убить его, будь приверженным прежним взглядам, но зачем-то затаил внутри и позволил оставаться движимым и мыслящим на фоне тысяч статуй. Один лишь осторожный кивок дал понять, что Такаги настроен выслушать, хоть и борясь с нежеланием.

— Я хочу, чтобы ты расправился с Эдвардом, — поведал Бартон. — Он обманул всех: и тебя, и меня, и дорогих нам людей. Сейчас я слишком слаб, чтобы довести дело до конца, и действие «Парадокса» с тремя людьми внутри развеется с минуты на минуту. Мне нужен ты, Ашидо, а я нужен тебе.

— Я все еще не догоняю, — напоследок уточнил ясность намерений Ашидо.

— «Калейдоскоп», — однозначного проговорил Бартон, вынув из-под одеяния маленький бледно-синий клинок, протянув его Такаги. — Этот меч работает по принципу «гармоники», но в отличие от нее, он не истощает ресурсы хозяина, а преобразует энергию из окружения. Меч принимает такую форму, какую ты сам захочешь — оберни его вокруг катаны, и такая комбинация заметно упростит задачу.

— Он в самом деле принимает любую форму? — поинтересовался юноша, разглядывая клинок.

— Не попробуешь — не узнаешь, — утвердительно кивнул Кишин. — Положи этому конец, а мы с Аой остановим это кровопролитие. Как только Эдвард умрет, это война будет окончена, а ты оправдаешь то имя, которым одарил тебя народ. Докажи, что они в тебе не ошиблись, Ашидо.

Договорив, Бартон какими-то ослабевшими движениями устремился в сторону застывших бойцов противоборствующих сторон, и краски вокруг постепенно стали затухать, пока не приобрели самый серый из существующих оттенков. Так время и возобновило свой

ход, вернув прежние цвета в окружающий мир, ветер снова стал колыхать волосы на ветру, а разные звуки, будь то крики, выстрелы или лязг металла, вернулись. Эдвард все так же стоял на месте, ожидая атаки, но едва тот почувствовал, что что-то не так, как сразу же замер, оглянувшись на фигуру Бартона, которая хорошо бросалась в глаза, будучи на расстоянии всего в десяток метров на границе образовавшегося кольца.

Стоило «Парадоксу» развеяться, огромное количество людей тотчас оказались вдавленными в землю чудовищной силой подвластной Аой гравитации, и под раздачу попали все без разбору, вне зависимости от стороны, на которой те находились. Все звуки боя затихли, и лишь странное гудение осталось неизменным, перекрываясь шумом ветра. Только эти двое оставались на ногах, а также Ашидо и Эдвард, что невольно наводило на мысль о продолжении дуэли.

— Прекратите бессмысленное кровопролитие! — закричал Бартон, пытаясь донести свое слово до каждого на поле боя, хоть половина его и не слышала. — Вам больше не нужно сражаться!

Очевидно, крики мужчины очень плохо повлияли на состояние Айса, и он хотел было атаковать того в спину, но вмешательство Ашидо отрезвило генерала.

— Эдвард! — прокричал Такаги, чем привлек внимание. — Смотри только на меня — мы еще не закончили!

Теперь уже нельзя было унять всю затаившуюся внутри Эдварда злобу, ведь его оскал и неподдельная ненависть в миг вылились наружу, и это было отчетливо видно на уставшем лице. Ашидо же, недолго думая, держа в руках «Калейдоскоп», пустил внутрь него энтропиум, как он делал с «Костоломом», расспрашивая у Илии о том, почему тот горит, и, стоило лишь мельком подумать о самой удобной форме, меч засиял, принявшись обвивать «Нами» по всей ее протяженности, пока не слился с ней в единое оружие. Так лезвие меча оказалось перекрытым и одновременно дополненным лезвием «Калейдоскопа», в то время как оставшиеся его части обернулись вокруг гарды и рукояти, как бы частично укрыв катану под неким подобием чехла, особенно запоминающейся чертой которого были три разноцветные линзы на лезвии близ гарды.

— Бартон, сукин сын! — внезапно озверел Эдвард, бросившись в атаку первым.

— «Гармоника»! — мельком успел выкрикнуть Ашидо, как их мечи тотчас снова столкнулись.

На этот раз Айс был настроен любой ценой подобраться к Такаги и нанести как можно больший ущерб, потому как впервые серьезно испугался за свою жизнь. Это доказывало довод о том, почему генерал так усиленно старался не подпускать никого к «Калейдоскопу», ведь тот нес в себе серьезную угрозу и в руках грамотного бойца мог оказаться тем козырем, на фоне которого любые преимущества Эдварда оказались бы ничтожной попыткой выпутаться из ситуации. Едва энтропит снова столкнулся, из-за спины генерала последовала череда атак лапами, но Ашидо ловко увернулся от каждой и отступил в сторону, однако это вовсе не означало, что напор прекратится.

Неожиданно для оппонента Эдвард выпустил сразу несколько разрушительных дуг, какими ранее разбил стену комплекса Разлома, словно карточный домик. Каждое столкновение такой дуги с землей создавало большой след от соприкосновения, отчего появлялись углубления в земле, почва разбрасывалась в стороны, а лежащие на ней трупы тотчас разлетались на мелкие куски, которые в процессе беглых движений Такаги омерзительно забрызгивали одежду и врезались в лицо. На этот раз можно было с точной

уверенностью сказать, что Эдвард достиг пределов своих способностей и собственного зверства, а это означало, что шансы на победу добра как никогда велики, если можно было назвать путь Такаги тропой добряка.

Недолго думая, Ашидо принялся воплощать тоже самое, выпуская красные дуги следом за каждым взмахом «Нами», но они были в разы опаснее, чем те, которыми пытался поразить юношу Эдвард, ведь сила «Калейдоскопа» заметно улучшала плотность энтропиума, вложенную в каждый удар. Поле дуэли залилось бесконечными прицельными красными дугами с обеих сторон, и только сейчас можно было заметить схожесть между враждующими: они оба, сгорая от незримой обычному человеку ненависти, старались бороться за свои жизни и мечты. Лишь непроглядный красный свет от частичек энтропиума, собравшегося воедино, мог в полной мере передать всю бурю эмоций внутри, и эта картина по-настоящему вселяла ужас в сердца зрителей — и не только видом.

В какой-то момент дуги вылетали за пределы кольца и врезались сначала в землю, трупы и камни, а затем и в обездвиженных способностью Аой людей, что вынудило девушку ослабить хватку для того, чтобы незащитные бойцы могли отбежать подальше от происходящего ужаса. Бой повлиял на их умы весьма удачно, и некогда враждующие стороны сплотились под действием мысли о собственном выживании. Никто более не думал о том, чтобы навредить другому, никто не следовал прежним приказам и не стремился никому ничего доказать — все просто бежали прочь, освобождая место кровожадным дуэлянтам. Вышедшие из зоны поражения невольно замирали на месте и продолжали наблюдать за тем, как сильнейшие люди Гармонии сражаются насмерть, и все прекрасно понимали, что победитель будет только один, и именно он ознаменует победу своей стороны.

Эдвард какое-то время продолжал натиск, пока Ашидо не смог нащупать почву для ответного наступления, что вскоре привело к возобновлению ближнего боя на мечах. Переполненные энергией энтропитные лезвия сталкивались друг с другом ежесекундно, не уступая друг другу ни на момент. Никто не мог поразить противника, но оба продолжали яростно биться, не желая уступать, и можно было отметить то, как ловко оба подстраивались под каждую ситуацию. Эдвард прибегал даже к смене формы меча в критические моменты, хотя ему было легче парировать чуть более медленную «Нами», которая, будучи в чехле «Калейдоскопа», прибавилась в весе, что вынуждало Ашидо ответственнее подходить к каждому последующему движению. Паучьи лапы нередко мелькали в процессе сражения, светясь даже внутри облаков поднятой от разрушений пыли, а вместе с ними на фоне нередко светились те же конечности Ашидо, и в неразберихе плотной завесы было тяжело отличить их друг от друга.

Не исключалась и телепортация, предсказать которую друг у друга могли только эти двое, но никак не наблюдатели, хотя появлялась она реже, чем все остальное — в основном в качестве пути отхода или смены позиции, а также для быстрого возвращения в бой. В этом бою первое попадание означало смерть для подставившегося, потому за минуту непрерывных взмахов и обманных маневров ни один из них так и не настиг противника, словно эти двое играли на выносливость, которая Эдварду давалась тяжелее. Почему так? Резонный вопрос всегда требует подробного ответа, и один такой объясняется тем, как умело Ашидо контролирует свое дыхание, заполняя каждый уголок тела кислородом и энтропиумом, что помогает поддерживать тонус мышц и расширять их возможности, в то время как сбивчивое дыхание Айса вынуждает его тело поддаваться напору, все больше

расширяя пропасть между шансами на победу, что значит — конец уже близок.

В какой-то момент во время очередного отступления Ашидо внезапно кинул свой меч навстречу Эдварду, и этот ход так ошеломил врага, что тот впервые за весь ход боя задумался не над тем, что делать дальше, а почему его оппонент принял именно такое решение. Потерять оружие из рук означало остаться безоружным, и это было бы обосновано в том случае, если бы «Калейдоскоп» был частью «Нами», а не отдельным творением, ведь так Ашидо мог бы расщепить меч вне зависимости от результата броска, вернув его себе в руки. У Эдварда было лишь мгновение на то, чтобы полностью проанализировать ход, и он мог бы разгадать его причину, будь на то больше времени, однако в реалиях такого сложного боя решение пришлось принимать на ходу, и генерал решил для себя, что разумнее всего будет отбить меч в сторону и понаблюдать за дальнейшими действиями, не ослабляя бдительности, чтобы иметь возможность внезапно напасть.

Подставляться не хотелось, и отступать в сторону тоже казалось глупой идеей, потому Эдвард, недолго думая, уже подготовился было отбросить меч в сторону, но внезапно осознал, что этого делать не стоит, и произошло это за какие-то ничтожные мгновения до соприкосновения. В голову пришла мысль о том, что победителя определяет «Калейдоскоп», потому Эдвард, пользуясь тем мгновением осознанности, которое вовремя представилось, расщепил «Кё» и изогнулся полубоком, поймав меч прямо на лету, и именно это решение поставило точку в бою. Только когда «Калейдоскоп» оказался в руках Эдварда, вместо радости за перехваченное преимущество тот испытал резкий прилив страха, видя, что внутри «чехла» не было «Нами», а это означало, что бросок с самого начала не был нацелен на поражение врага.

В секундной тишине раздался звук всколыхнувшегося ветра, и тело Эдварда внезапно испытало на себе странное чувство, мешающее ногам пошевелиться. Ашидо нигде не было видно, но его застывшее присутствие хорошо ощущалось за спиной, и только после жалкой попытки генерала обернуться, пришло осознание произошедшего. Как только его голова повернулась назад, послышался хлипкий звук, и тело само собой устремилось к земле, соскальзывая по тому, что раньше было ногами. Уже падая, Эдвард понял, что то странное чувство было моментом полного отделения его верхней части тела от нижней, что вызвал невероятно быстрый, сильный и неожиданный взмах меча. О последующей регенерации и возвращении в бой не могло быть и речи, ведь даже не будь она заблокирована более плотным энтропиумом «гармоники» Ашидо, соединить две части тела воедино не представлялось возможным, а на восстановление с нуля ушло бы так много времени, что он успел бы без особого труда добить своего врага — безоговорочная победа.

В тот момент сам Ашидо, секундой ранее подобравшийся с помощью телепортации за спину противнику и нанеся ему смертельный удар размашистой атакой, перерубившей всю плоть и позвоночник, не встретив никакого сопротивления, минуя мягкие внутренние органы, застыл в одном положении, глядя на отражение собственных глаз на залитом кровью сияющем под светом солнца энтропите.

— Все верно, — не отрывая взгляда от лезвия, протянул Ашидо, — это и есть настоящий я. Ни благодетель, ни спаситель Гармонии, ни признанный лидер, а всего лишь убийца.

Глядя в собственные переполненные ненавистью и подступившейся горечью красные глаза, он видел в отражении лишь убийцу — такого же обычного, как и любой другой человек, точно такого же, как и те, кого приходилось осуждать. Залитое кровью и кусками плоти лицо, утонувшие по локоть в крови руки и ненавистный взгляд в отражении

напомнили Ашидо о том, кем он всегда был и от кого всегда хотел убежать, и осознание своего естества в миг разрушило все его представление о себе и том будущем, за которое он боролся.

— Посмотри на себя, Ашидо, — говорил он сам себе в голове. — Ты всего лишь убийца. Обычный монстр, запертый в темнице собственного сознания, который всю свою жизнь убегал от самого себя и скрывался под маской кого-то другого. Почему же только пройдя весь этот путь бесконечной лжи и кровопролития, ты готов признать, что всю жизнь был эгоистом, пытавшимся унять собственную жажду крови? Зачем ты внушил себе идеал сражения за свободу, если только и делал, что пытался оправданно выпустить поселившегося в сердце демона, что изо дня в день только кричал, желая вырваться наружу? Разве ты был честен с собой, когда силой внушил себе всю эту чушь о великой цели и недостижимой мечте жить по своим правилам и быть свободным? Ты всегда был свободным, Ашидо, у тебя всегда был выбор и право прожить жизнь так, как самому того хочется, но ради чего ты пошел на такие крайности? Ради чего ты потерял столько друзей? Ты правда верил, что поступаешь правильно и делаешь мир лучше, убивая плохих парней, параллельно добавляя в эти разрушения частичку и от себя, а не уменьшая ущерб? Вся эта борьба строилась на эгоистичном желании жить, чувствовать себя кем-то своим в мире чужих, а двигателем всего этого стала неподдельная ненависть и животная ярость, которые и сделали тебя тем, кто ты есть. Ты презирал самого себя и продолжаешь делать это до сих пор, выискивая козлов отпущения, на которых можно выместить злобу, лишь бы временно успокоить шаткое внутреннее нутро. Сначала это были родители, потом Хандзо, Стивен, Бартон и Камыш, а в конечном итоге порочный круг закрыл Эдвард. Он был очередной преградой, которая должна была заставлять тебя двигаться вперед, но что ты будешь делать, когда больше некого будет в чем-то винить?

Соскалив от ярости зубы, Ашидо со всей силы ударил обоими кулаками в землю, склонившись к ней и застыв так, что все тело задрожало, испытав на себе волну необъяснимой душевной боли, что заставляла безнадежно пялиться на собственные окровавленные руки, сжимающие куски грязной и оскверненной земли, пока рядом навязчиво, и, словно насмехаясь над судьбой юноши, лежала катана, служившая ему сначала клинком, а ныне указывая на то, кем он стал.

— Ашидо, — раздалось слабое кряхтение.

Это на секунду привело парня в чувства, и он мгновенно подскочил с места, схватившись за «Нами», а после встал над недвижимым телом Эдварда, или, скорее, над тем, что от него осталось, тыкая лезвием по направлению к лицу. Ашидо в тот момент выглядел испуганным и пребывающим в непонимании, что ему делать дальше.

— Как тебе на вкус победа? — с ухмылкой протянул Эдвард. — Наверное, горд собой и радуешься, что смог достичь цели, навстречу которой так долго и упорно шел.

— НЕТ! — внезапно вспыхнул Ашидо, но сразу после затих, не понимая, почему это вырвалось из его уст.

— Ты выглядишь растерянным, — подметил Айс.

— Знаешь, Эдвард, — после недолгой паузы, немного собравшись с мыслями, но не утратив горького тона, заговорил Такаги, — ты был прав, когда говорил, что мы не такие уж и разные.

— Хех, правда? — небрежно усмехнулся Эдвард.

— Я смог победить только потому, что мной с самого начала двигала ненависть,

которая заставляла двигаться вперед, но только сейчас я задумался о правильности того, через что пришлось пройти. Разве ты не сражался против Гармонии по той же причине? Неужели и ты был тем, кого ненависть заставила встать на этот ошибочный путь?

— Ошибочный, хах, — снова выдал нелепый смешок генерал. — Я готов согласиться с его ошибочностью, ведь если бы я правильно избрал свой путь, то сейчас ни за что не проиграл бы. Что до тебя, то тут я не в праве судить, ведь не проигравший судит победителя, а победитель проигравшего.

— Хочешь сказать, что именно правильный выбор помог мне победить в этом бою? — сомневаясь в себе по всем фронтам, промямлил Ашидо.

— Кто знает, — отстраненно повел бровями Эдвард. — Мне уже нет смысла кому-то что-то доказывать, потому что я потерпел поражение на финишной прямой к осуществлению своей мечты. Я, как и ты, просто хотел почувствовать себя кем-то в этом беспощадном мире кровожадных людей, готовых любого продать за какие-то ничтожные мелочи, способные удовлетворить жалкое эго, но в конечном итоге сам уподобился им.

— Если так подумать, то мы оба не сильно от них отличаемся, — склонив голову, с намекшими от нахлынувшего осознания глазами пробормотал Ашидо.

— В этом ты прав, — одобрительно кивнул Айс. — Мы оба в погоне за своими желаниями преступили границу дозволенного, а теперь посмотри, к чему это привело.

— Даже тошно как-то становится, — с презрением к себе протянул Такаги.

— Ты все еще меня ненавидишь? — спросил Эдвард.

— Больше, чем кого-либо, — подтвердил Ашидо, сжав рукоять катаны в неизмеримой злобе. — Ты принес мне так много зла, что его не получится ни забыть, ни отмыть, и даже твоя смерть не принесет мне покоя — я до конца жизни буду корить себя за взятые на душу грехи и неисправимые ошибки прошлого, пытаясь смириться с тем, что ничего уже нельзя изменить. Я буду проклинать тот день, когда впервые взялся за меч.

— Так или иначе поводов отнять у меня жизнь тебе хватает, — уже смирившись с поражением, сказал Айс. — Если моя просьба будет уместна в такой ситуации, прошу, убей меня быстро.

— Я не могу, — наполняясь слезами, промычал Ашидо.

— Почему? — немного опешив, застыл в непонимании Эдвард.

— Потому что, если я убью тебя, мне больше некого будет ненавидеть! — по щекам юноши потекли слезы, а катана внезапно склонилась к земле. — Всю свою жизнь я только и делал, что искал виноватых, только и делал, что пытался любой ценой заставить этих людей заплатить за всю ту боль, которую они мне причинили, но с каждым разом все больше и больше задавался вопросами, понимая, что даже у самых гнусных отморожков, вроде тебя, могли быть свои мотивы и заветные мечты. Я не хочу верить в то, что на моем пути с самого начала не было черных и белых, что все мы одинаково боролись с врагами внутри самих себя, следуя единственной мечте! Ради чего ты сражался, Эдвард?! Ради чего ты убивал моих друзей?!

— Ради ничего, — склонив голову, ответил Эдвард. — Я поставил на кон все, что у меня было, и в конечном итоге ничего не получил, словно все это было сделано зря. Я столько убил, столько обманул и макнул лицом грязь, но ради чего это было? Ради мимолетной попытки убедить себя в том, что я — кто-то, а не никто? У тебя в этом плане все куда радужнее, Ашидо, ведь ты хотя бы заручился поддержкой народа, обрел титул и стал самым именитым человеком в Гармонии. Мы шли к одной мечте, но выбрали разные способы ее

достижения. Разве я могу похвастаться тем же, что приобрел ты?

— Мы ведь тоже убили твоих друзей, Эдвард, — в мгновение осознав горькую правду, промямлил Ашидо.

— Они не были моими друзьями, — парировал Айс. — Все эти люди были не более, чем простыми пешками на шахматной доске. Еще впервые шагнув на порог дворца, я уже знал, что никто здесь не станет для меня родным, что все они будут лишь инструментами, чувств к которым я не должен испытывать.

— А твоя семья? — спросил Такаги.

— Я давно отрекся от своей семьи, — поведал Эдвард. — Они не были теми, кого можно было любить и называть родными, но был среди них один человек, на которого я ни за что бы не поднял руку. Он был таким же, как я, моим младшим братиком, которого вскоре ожидал тот же кошмар, с которым пришлось столкнуться мне.

— Где он сейчас? — с горечью на лице поинтересовался Ашидо.

— Со мной, — в умиротворенной улыбке произнес Эдвард. — За эти долгие годы он стал поистине поразительным человеком, и я даже жалею, что однажды оставил его одного. Кто знает, может, все сейчас могло быть совершенно другим, если бы я в тот день не ушел служить в гвардию до конца жизни.

— Я позабочусь о твоём младшем брате, Эдвард, — уверенно на вид, но сомневаясь в душе, заявил Ашидо.

— Ха-ха-ха! — внезапно рассмеялся ослабевший мужчина. — Ты такой идиот, Ашидо.

— Чего в этом смешного? — опешил Такаги. — Я хочу найти для себя новый повод жить дальше и хоть как-то сбросить груз вины за все сотворенное собственными руками.

— Ты так ничего и не понял, Ашидо, — снова улыбнувшись, протянул Эдвард. — Я ведь уже говорил тебе, что это из-за меня твои родители так тебя ненавидели, что хотели убить. К тому же, я уже говорил, что не смог бы поднять руку на младшего брата, и именно поэтому не смог убить тебя на той поляне. Сложи два плюс два.

— Постой, — в чудовищном ошеломлении замер Ашидо, не скрывая ужаса на лице.

— Я и есть твой старший брат, Ашидо... Эдвард Такаги, — не стягивая улыбки, прокричал он, будучи и сам не в силах более сдерживать слезы.

— Ты врешь! — внезапно вспыхнул Ашидо, рухнув на колени и вцепившись руками в воротник рубашки Эдварда. — Ты всегда врал, и даже сейчас пытаешься обмануть меня, чтобы вывести на чувства!

— Не в этот раз, — спокойно ответил мужчина. — Я был проблемным ребенком с выраженной психопатией, убивал уличных кошек, избивал соседских детей и все время желал большего. Неудивительно, что мама и папа с опаской смотрели в мою сторону и смогли выдохнуть только тогда, когда я ушел из дома. Тогда я не задумывался о последствиях, но когда впервые повстречал тебя после стольких лет, то с ужасом осознал, что же я натворил.

— Ты лжешь! — продолжал упираться Ашидо. — Они ненавидели меня за красные глаза и странности в поведении! У них были на то основания, потому что с самого рождения я был шепотом! «Багровая лихорадка», которой болели мама и папа, усугубила положение и привела к тем крайностям, которые чуть меня не убили! Ты никогда не принадлежал к этой семье и не можешь говорить о таких вещах!

— Именно потому, что я был частью семьи Такаги, мне известно куда больше, чем тебе, — непоколебимо продолжал настаивать на своем Эдвард. — Они ненавидели тебя за

красные глаза, потому что мои глаза тоже были красными, они ненавидели тебя за странности в поведении, потому я тоже вел себя странно. Ашидо, мама и папа опасались, что ты вырастешь и ступишь на тот же путь, что и я, и они были правы в своих опасениях, потому что в конечном итоге мы все равно встретились и скрестили мечи. Судьба уготовила одному из нас участь братоубийцы, и я не могу винить тебя за это, потому что сам породил в тебе монстра.

— Я не могу в это поверить, Эдвард! — заливаясь слезами, кричал Ашидо. — Как ты не поймешь? Я не могу признать, что все беды в моей жизни были по твоей вине!

— Еще пятью минутами ранее ты говорил иначе, — усмехнулся Эдвард. — Как бы там ни было, теперь все кончено. Ты можешь и не верить мне, но если хочешь сохранить меня в своей памяти как кровного врага, не смотри в семейный альбом — будешь глубоко разочарован.

— Эдвард... Ты правда... был моим братом все эти годы? — уже подступая к смирению, промямлил Ашидо.

— Это ты уже сам для себя решишь, — отстранился Эдвард. — Я бросил тебя и превратил жизнь нашей семьи в кошмар, и мне даже больше нравится тот вариант реальности, в которой мы были просто врагами. Я счастлив от одной только мысли, что после моей смерти у тебя будет будущее, потому что ты был единственным, кого я любил. А теперь, убей меня, Ашидо.

— Что ты такое говоришь? — вновь налившись слезами, закричал Такаги. — После всего, что случилось, ты говоришь мне убить тебя? Как мне после этого жить дальше, Эдвард? Мне больше некого будет в чем-то винить, я больше смогу никого ненавидеть, буду жить в страданиях и муках совести, утратив семью и друзей! Я не могу убить тебя, потому что без тебя я больше не буду собой!

— Значит, я сам, — уверенно произнес Эдвард, внезапно вытянув руку и схватив Ашидо за горло.

— Что ты делаешь? — соскалил зубы юноша. — Прекрати!

Сжавшаяся рука Эдварда в миг засияла красным, и непрерывный поток внутреннего энтропиума генерала устремился в сторону младшего брата, заполняя его сосуд и опустошая тот, которому раньше принадлежал. Прямо на глазах у героя последний из родных по крови людей терял массу и худел прямо на глазах, желая убить себя так, чтобы вся его сила досталась победителю.

— В глубине души мы всегда были одинаковыми, Ашидо, — слабеющим с каждой секундой голосом говорил Эдвард. — Мы оба однажды оступились и теперь пожинаем плоды своего выбора. Следуя общей мечте быть кем-то, один так или иначе остался бы никем, и я хочу, чтобы этим человеком был я, покуда все еще есть шанс перед тобой искупиться. Жаль, что прошлого не воротить, что нельзя изменить выбор и вернуть к жизни всех тех, у кого я ее отнял. Ты должен понять меня, Ашидо, и ты поймешь, ведь не такие уж мы и разные. Сейчас у меня не осталось ни мечты, ни целей, ни людей, которых я мог бы назвать родными — кроме тебя. Я уже за все расплатился, и собираюсь получить то, что заслужил. Живи, Ашидо, продолжай идти вперед и не оглядывайся на прошлое, потому впереди у тебя долгая насыщенная жизнь, а я, пожалуй, достойно встречу со смертью и выплачу свой последний долг.

— ЭДВАРД! — истошно закричал Ашидо, отбиваясь от крепкой руки, которая должна была уже ослабеть, но все еще крепко держалась.

— Я люблю тебя, Ашидо, — напоследок сказал Эдвард, после чего его глаза сомкнулись, а рука безжизненно рухнула на землю, выпустив из своих объятий шею.

— ЭДВАРД! НЕ СМЕЙ УМИРАТЬ! — взмолился утопающий в слезах Ашидо. — Ты проиграл! Я сам в праве выбрать для тебя наказание! Разве не победитель судит проигравшего? Ты не имеешь права решать за меня! Очнись, ублюдок!

Следом за истошными криками последовала пощечина, врезавшаяся в костлявую челюсть, но Эдвард уже не подавал признаков жизни, умерев с каким-то бездушным подобием улыбки на лице.

— Хватит притворяться! — продолжал кричать Ашидо, избивая тело сразу двумя руками в грудь. — Очнись! Не оставляй меня! Хватит! Прошу, хватит! Ты не можешь вот так уйти...

В этот момент на крики прибежал Бартон, показавшись из дымки и лицезрев ужасающую картину, которая тотчас поставила его в ступор, но, придя в себя, мужчина быстро сблизился с озверевшим парнем, подхватив того под руки и стараясь оттащить в сторону.

— Хватит! — приказал Бартон. — Он уже мертв, Ашидо! Прекрати!

— НЕТ! — все еще веря, не желая признавать очевидного, упирался Ашидо. — ОН ЕЩЕ ЖИВ! ПУСТИ МЕНЯ!

— Хей, помогите мне! — чувствуя, что не справляется, позвал на помощь Кишин. — Ты победил, Ашидо! Успокойся!

— НЕТ! ПУСТИ МЕНЯ! ПРОШУ! ПРОСТО ПОЗВОЛЬ МНЕ ОСТАТЬСЯ!

На крики прибежали другие люди, и только общими усилиями удалось оттащить парня от трупа Эдварда, которого он так усердно хотел настигнуть. Там были и гвардейцы, и люди орденов, и даже некогда сидящий на троне Гармонии король, но никто уже не думал о прежней вражде. Эти люди сегодня испытали так много ужаса, столько потеряли, что сил враждовать не осталось, ведь в конечном итоге всех победил один маленький человек.

Этот чудовищный день закончился победой для Ашидо, но можно ли было назвать это победой? В один миг вся его жизнь снова перевернулась. Хоть он и смог увидеть себя настоящего в отражении меча, признав все то, во что всю жизнь отказывался верить, разве теперь ему найдется где-нибудь место? Маленький человек, который хотел только почувствовать себя кем-то, теперь находится на самой вершине — всеми любим и всеми признан. Человек, который хотел заново обрести семью и добиться любых незначительных высот, стал тем, кому в сравнение нельзя было поставить никого. Его не только уважали сторонники, но и боялись враги, он не только нес за собой надежду, разруху и смерть, но и тяжкий груз, который не спал с плеч даже после победы, а только стал тяжелее.

Ашидо Такаги, что в этот судьбоносный день получил титул «Клинка Гармонии», так и не достиг гармонии в собственном сердце. Он принес в свой город новое будущее, дал ему шанс восстать из пепла и заново зацвести пуще прежнего, но вместе с тем он принес за собой разрушения и небывалое кровопролитие. Как история оправдает заслуги человека, который в погоне за свободой пролил реки крови и разрушил тысячи судеб? Как Ашидо оправдает себя, когда ему больше не на ком будет вымещать злобу?

В глазах других людей он был спасителем, но в собственных глазах так и остался монстром, и лишь время способно исцелить эти раны. Он поднялся с самых низов, прошел через адский труд и чудовищные потери, и теперь даже не знает, сможет ли что-то из того, чего он добился, перекрыть все то, что было потеряно в прошлом.

Сжигая за собой мосты, раздувая пламя, вступая в бой с судьбой и будучи охваченным страхом, Ашидо достиг точки невозврата, но один факт остается неизменным.

Маленький человек стал большим.

Глава 70: Живи вечность, Гармония!

Гул постепенно стих, мирская суета отошла на второй план, скрывшись за шторами подступившегося умиротворения, а на смену крикам боли пришли оживленные добродушные разговоры участников сражения между собой. Некоторые приняли все произошедшее за кошмар, который должен был неизбежно произойти, где только чудо возымело достаточно власти, чтобы прекратить кровопролитие. Некоторые так и не смогли смириться с потерей дорогих сердцу товарищей или родных, часами выискивая их изувеченные тела среди тысяч таких же разной степени повреждений: от легких ожогов до состояния фарша, узнать в котором знакомое лицо можно было лишь на подсознательном уровне. И те и другие сходились в одном — никто подумать не мог о том, что им придется пережить, хотя в глубине сознания каждый ожидал худшего финала.

Можно ли назвать тот финал, к которому пришла Гармония, худшим? Время рассудит и расставит все точки — так бы сказали многие. С одной стороны, даже самые, казалось бы, заклятые враги пришли к согласию и приняли тот факт, что теперь на их плечи ляжет ответственность не сохранять тот же порядок вещей на родной земле, а строить новый, который может обернуться то ли заветным раем, то ли куда более страшным кошмаром. Так или иначе чаша весов невольно склонялась в сторону блага ценой крови, и люди хотели верить в лучший исход, даже пребывая в смешанных чувствах, хотя картина того, как беззаботно и без единой мысли о вражде некогда правивший Гармонией король спокойно пребывает в компании возомнивших о себе людей.

Можно долго судить о правильности поступков всего народа Гармонии, осуждать за бездействие обычных людей, винить «Спектр» в поднятии бунта носителей, а «Юстицию» и «Юнити» в поддержке государственного переворота, клеветать короля деспотом и говорить, в какой упадок пришла родина за срок его правления. Можно сбросить все грехи на одинокого генерала, который в своем стремлении к мечте не задумывался, как много зла приносит в обычный мир, и как много еще принес бы в дальнейшем, но факт остается налицо — виноваты все, и притом никто не виноват. Многие спросят — что же стало с главным зачинщиком конфликта? Ему досталось больше всех прочих, ведь за этот долгий тернистый путь, сотканный из слез и страданий, Ашидо Такаги сумел выиграть Гармонии шанс на искупление, но сам он ничего взамен не получил.

Ашидо мечтал о семье и друзьях, и он даже сделал весомые и размашистые шаги навстречу мечте, но в глубине души юноша понимал, что так и не подступился к ней ни на шаг. Своими руками он убил родного отца, своей волей и желанием жить по своим правилам он довел родную мать до сумасшествия, своим мечом он сразил собственного брата, коли слова того были правдивыми, а в заключение под давлением собственной слабости и неподдельного страха, парень оставил позади свою единственную любовь, и она была не единственной, кого постигла та же участь. Многие друзья, вложившие в орден душу и тело, теперь навеки останутся под землей, и этот факт заставляет прокручивать в голове один единственный вопрос. Разве друзья обрекают друзей на гибель?

Сейчас, когда ситуация наконец утихла и бойня сошла на нет, многие участники сражения обеих сторон окружили своим присутствием полевой лагерь, выискивая возможность расслабиться за разговорами, и лишь один Ашидо сидел в полном одиночестве между полевых палаток, скрывшись от любых любопытных глаз. Смерть Эдварда послужила

спусковым крючком для того, чтобы герой задумался обо всем, что за это время произошло, и мысли эти были, отнюдь, не самыми лучшими.

— Ашидо! — послышался женский голос вблизи, в котором можно было распознать Солен, лишь оторвав притупленный в пол взгляд. — Мы тебя обыскались! Что ты тут делаешь?

— Уходи, Солен, — отчужденно и бесчувственно произнес Ашидо.

— Ах, вот оно что, — склонив голову, промямлила девушка. — Должно быть, это тяжело...

— Покуда тебе знать, — столь же натянуто пробормотал Такаги, уставившись в пол. — Я уже в курсе, что ты неожиданно для всех оказалась роботом. Откуда в тебе может быть сострадание?

— Сейчас я могла бы тебя ударить, и это было бы очень больно, — с улыбкой на лице прорычала Солен, усевшись на корточки рядом, — но делать этого не буду, потому что ты — мой друг.

— Разве это имеет какой-то смысл? — неизменно в своей отстраненности продолжал бормотать Такаги.

— Если бы ты умер, мне было бы тяжело принять потерю друга, — не стягивая улыбки, продолжила девушка. — Пойми, Ашидо, все мы однажды кого-то потеряем, и этот момент неизбежно наступит. Мне тоже тяжело осознавать, скольких людей за сегодня не стало, но некоторые дорогие нам люди все еще живы. Твои друзья все еще нуждаются в тебе, Ашидо.

— Что я им скажу? — с намокшими глазами от подступившейся скорби промямлил юноша. — Простите, что отправил вас на верную смерть ради своего собственного блага? Простите, что эта авантюра обернулась ничем для меня и смертью для вас?

— Они сами выбрали этот путь, — внезапно раздался очередной женский голос из-за спины Солен, — и смогут понять.

Это была Луна, которая вкупе со своим высоким ростом загородила единственные одинокие лучики солнца, проникающие в темную щель меж палаток. На лице ее сияла улыбка, которая с каждой секундой все больше пропитывала своим добродушием.

— Все мы сами выбрали свой путь, как это сделал ты, — продолжила Луна. — Не нужно винить себя за то, что заставил людей поверить в себя и сделать шаг. Для тебя, конечно, это воспринимается как предательство, как тяжкий груз вины за невозможность защитить всех и сразу, но для них все произошедшее было тропой становления и обретения себя. Многие умерли с улыбкой на лице, поняв свое счастье просто показаться этому миру в самом ярком обличии на последнем этапе жизненного пути. Думаешь, они сейчас жалеют о случившемся или винят тебя в чем-то, смотря на нас свысока? Отнюдь, их имена навсегда останутся на первых страницах истории Гармонии, и все это благодаря тебе, Ашидо.

— Я могу принять себя, Луна, — заспорил Ашидо. — Сегодня я наконец понял, что мне была уготована роль убийцы и пешки, идущей впереди остальных. Я уже принял свое естество, но не могу смириться с последствиями.

— Они могут быть еще хуже, если ты продолжишь сидеть здесь, — в знак одобрения собственных слов кивнула Луна.

— Она права, Ашидо, — подхватила Солен. — Не время лить слезы по ушедшим — еще ничего не кончено.

— Хорнет была очень рада услышать, что ты жив, — вклинилась Луна. — Она очень хотела бы поговорить с тобой, пока еще может.

Слова девушек задели Ашидо за живое, и в один скользкий момент тот осознал, что поступит поистине предательски, если станет пренебрегать чувствами раненых товарищей, которые рискнули жизнью в бою за общее дело, или, скорее, эгоистичную цель героя, сумев выжить в кровопролитном бою. Прийти к ним и выразить благодарность в самых теплых из возможных известных слов — это меньшее, что он мог для них сделать.

— Наверное, вы правы, — нехотя кивнул Ашидо. — Нельзя оставлять друзей в одиночестве после всего, что между нами произошло.

Решимости хватало разве что на попытку подняться и выйти на свет, но в душе героя по-прежнему царил беспорядок. Девушки же пристально сопровождали взглядами каждое движение, пока Ашидо наконец не вышел из тени, оказавшись на длинной полосе полевых палаток, забитой людьми на каждом углу. В глаза сразу кинулась весьма цепляющая взгляд парочка близнецов, которые внимательно уткнулись в блокнот, лежащий в руках старшего, пока наконец восстановившаяся рука бегло заполняла строками бумагу шариковой ручкой. Едва завидев героя, оба переключили свое внимание и жестом подозвали поближе, на что Ашидо нехотя откликнулся.

— Подсчет жертв? — спросил юноша, сблизившись с близнецами и заприметив большие черные мешки для тел.

— Здесь только самые дорогие тебе люди, как сказал Илия, — подметил Бартон.

— Подойди, Ашидо, помяни друзей и отдай им дань уважения за то, что они для нас сделали, — подсказал Илия.

Прислушавшись к совету, Такаги аккуратно сблизился с ближайшим к себе мешком, слабо ухватившись за молнию на самом его верху, после чего расстегнул его до торса. Перед лицом оказалось безжизненное тело девушки, которая совсем недавно присоединилась к ордену, но уже успела внести своей неоценимый вклад. Поверх ее кожи отчетливо наблюдались древовидные ожоги с нередкими обугливаниями, не говоря уже о том, что вся она побледнела так, как бывает только у мертвецов.

— Эмили Морроу, — вклинился Илия. — Погибла в бою после удара собственной молнии в землю, которая поразила не только ее, но и девушку в соседнем мешке.

— Эмили за недолгую жизнь удостоилась уже второй государственной медали, — подхватил Бартон. — Она была одной из немногих, кого любила и кому доверяла моя дочь. В какой-то мере я ей даже обязан. Жаль, что придется вручать медаль посмертно.

Кинув многозначный взгляд на близнецов, Ашидо вновь повернулся к телу, а затем осторожно наклонился и ласково поцеловал девушку в лоб.

— Спасибо за все, Эмили, я никогда тебя не забуду, — с горечью произнес Такаги. — Покойся с миром.

Застегнув мешок, Ашидо неспешно передвинулся к соседнему, приоткрыв и его, где находилось тело красноволосой красавицы.

— Вивиана Лэнгхольц, — заговорил Бартон. — Некогда лучшая подруга Эмили и ее главная соперница во всем. В глубине души она была очень хорошей девочкой, не смотря на свою наигранную стервозность — чем-то даже Нао напоминала. Мы могли бы избежать такого исхода, но теперь уже не повернуть время вспять.

На этом моменте, неожиданно для героя, Бартон сам склонился к телу и поцеловал девушку в лоб.

— Покойся с миром, Виви.

Стоило лицезреть такую картину, Ашидо наконец смог разглядеть в некогда кровавом

враге человека, который никогда не желал зла для свои подчиненных и для собственного народа. В глазах Бартона горела неисчисляемая скорбь, которую он всеми силами пытался подавить, не показывая окружающим.

— Ашидо, — внезапно заговорил он.

— Что? — немного оторопев, спросил герой.

— Знаю, у меня нет права говорить о таких вещах, — продолжил Бартон, — но я бы хотел извиниться за всю ту вражду, которая между нами образовалась. Я был ведом, делал все против своей воли назло каждому жителю Гармонии, и только Илия смог разглядеть во мне фальшь. Сейчас я испытываю те же чувства, что и ты: виню себя в слабости, терзаюсь из-за собственного предательства близких мне людей, дороже которых у меня никогда не было. Я стал врагом для собственных детей, чуть не стал братоубийцей для дражайшего мне человека, который всегда был моей единственной семьей, и в конце концов нашел себе врага в твоём лице. Я бы хотел искупиться, и сделаю для этого все.

— Не знаю, что было бы уместно говорить в такой ситуации, — отстранился Ашидо. — Я все еще не свыкся с тем, что ты нам больше не враг.

— Это нормально, Ашидо, — одобрительно кивнул Бартон. — Рано или поздно мы придем к пониманию, а пока я могу только просить прощения. Если ты будешь не против, могли бы мы как-нибудь обсудить все произошедшее за чашкой чая?

— Мне понадобится крепкий алкоголь, — пробурчал Такаги.

— Так тому и быть, — согласился Бартон, после чего медленно поднялся на ноги и примкнул к брату, лишь мельком указав жестом на надобность продолжать прощание с друзьями.

Следуя дальше по списку, Ашидо в какой-то момент ухватился за очередную молнию на мешке, но его руку тотчас схватил Илия, лишив возможности расстегнуть молнию.

— Не стоит, — оборвал Кишин старший. — Боюсь, это сильно по тебе ударит.

— Пожалуйста, убери руку, — тактично попросил Такаги.

Стоило замку разойтись, перед глазами оказался обугленный кусок плоти, который только некоторыми формами напоминал некогда здоровое человеческое тело. На нем не было глаз, не было носа или других выпуклостей — только слегка застывший в некоем подобии улыбки рот. От тела все еще исходил жар, ввысь поднимались легкий клубы дыма, и эта картина, наверное, вызывала еще больше боли, чем моря крови, к которым уже пришлось привыкнуть.

— Амелия Акина, — с неловкой запинкой уточнил Илия. — Сгорела заживо в собственном пламени, забрав с собой почти сотню гвардейцев.

— Хватит! — тотчас вскрикнул Ашидо, мгновенно застегнув молнию обратно и отскочив от мешка. — Я больше не могу на это смотреть... Мне еще нужно поговорить с ранеными...

— Иди, Ашидо, — одобрительно кивнул Илия. — Тела никуда не денутся.

Недолго думая, пребывая в смешанных чувствах, Ашидо медленно зашагал в сторону первой попавшейся полевой палатки, минув компанию Солен и Луны, которые только молча наблюдали за происходящим. Легко приподняв штору на входе, герой оказался внутри доверху забитого помещения, где в основном были только люди из альянса орденов, но встречались и обычные гвардейцы, о положении которых говорила лежащая близ выздоравливающих солдатская форма. Присутствие лишь нескольких медиков говорило о том, что ситуация более-менее устаканилась, и жизни людей больше ничего не угрожало,

оттого им оставалось только соблюдать постельный режим и постепенно приходить в себя.

Среди них была и Хорнет, которая подобно остальным лежала на импровизированной койке из каких-то подстилок на холодной земле, где лишь куча грелок спасали от переохлаждения. Девушка выглядела очень слабой, неспособной двигаться или даже говорить, ее кожа побледнела так, словно та готова в любой момент уйти на тот свет, и Ашидо обрадовал тот факт, что он все еще успевал застать ее живой. К тому же, компанию ей составляла столь же ослабевшая, но все еще стоящая на ногах Мива, которая поддерживала подругу в сознании, просто болтая с ней и не давая уснуть. Подойдя к девушке вплотную, Ашидо осторожно уселся рядом и ласково подхватил Ишимару под щеку, на что она неожиданно отреагировала.

— Ашидо, это ты? — спросила Хорнет, тяжелыми и вялыми движениями правой руки ухватившись за кисть Такаги.

— Да, Хорнет, это я, — скрипя зубами от невообразимой волны чувств, промямлил Ашидо. — Я знал, что ты будешь ждать меня, поэтому и пришел.

— Я рада, — с улыбкой на лице пробормотала девушка. — Рада, что ты жив и нам больше ничего не угрожает.

— Как ты себя чувствуешь? — нехотя поинтересовался герой, боясь ударить по больному своей заботой.

— Паршиво, конечно, — недовольно фыркнула Ишимару, — но жить буду. Доктор Фишер сказал, что у меня тяжелая анемия, что телу критически не хватает кислорода и нужно оставаться в сознании, чтобы жить.

— Я стараюсь помогать ей все время правильно дышать, — вмешалась Мива. — Хорнет очень тяжело двигать легкими, но, если этого не делать, ей станет хуже.

— Спасибо, Мива, ты очень нам помогаешь, — одобрительно кивнул Ашидо. — Хорнет, как скоро ты сможешь снова встать на ноги?

— На ноги — наверное, никогда, — тяжело вздохнув, ответила девушка. — В ближайшее время присяду и смогу выпить кислородный коктейль, но не более. Доктор заверяет, что я больше не смогу ходить.

— Прости, это я виноват в том, что с тобой произошло, — сжав кулак от злости к себе, протянул Ашидо. — Если бы я не дал слабину в самый ответственный момент, вы с Амелией могли бы вернуться домой здоровыми.

— Будь реалистом, дурень, — внезапно заспорила Хорнет. — Мы с самого начала вступили в неравный бой, и это был наш выбор. Уже забыл, как сам давал нам возможность развернуться и уйти?

— Разве такое было? — потерявшись в глубинах памяти, замешкался Такаги.

— Так или иначе я сумела сохранить себе жизнь, — с натяжкой улыбнулась девушка. — Тяжело, конечно, осознавать, что впереди у всех нас большие перемены, но, знаешь, весь страх перед неизвестным пропадает в тот же момент, когда я понимаю, что жива.

— Меня тоже это очень радует, — подхватил Ашидо. — Нам больше не нужно сражаться, тебе больше не нужно чем-то жертвовать. Живи, Хорнет, наслаждайся своей новой жизнью и ни в чем себе не отказывай — ты этого заслужила.

— Знаю, глупыш, — широко и искренне улыбнулась Хорнет. — Даже без ног, я уже сейчас чувствую себя живее, чем когда-либо. Спасибо, что подарил нам надежду, без тебя я бы могла так никогда и не решиться на этот отчаянный шаг. Ради ордена я пожертвовала всем своим состоянием и остатками личной жизни, но в конечном итоге все старания

окупились. По крайней мере, я стараюсь в это верить.

— Я сделаю все для того, чтобы ты обрела намного больше, чем имела до встречи со мной, — наполнившись решимостью, пообещал Ашидо, сжав кисть девушки в ласковых объятиях рук.

— Кто бы мог подумать, — в ослабевшей манере усмехнулась Хорнет. — Тогда я думала, что ты своими гадкими намерениями пытаешься обидеть мою дорогую подругу, и гляди, к чему это привело.

— Кто бы мог подумать, — с тем же выражением улыбнулся Ашидо.

— Что стало с Юмико? — неожиданно спросила Ишимару, но, получив в качестве ответа упирающийся в пол взгляд и гробовое молчание, сама все поняла. — В соседней палатке лежит Нао, загляни к ней тоже.

— Хочешь, чтобы я оставил тебя? — многозначно спросил юноша.

— Все в порядке, Ашидо, — неловко усмехнулась Хорнет. — Теперь со мной все будет хорошо, не переживай об этом и не забивай голову лишними мыслями. Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Мы все благодарны, а коли так, будь добр, удели внимание каждому, кто сегодня сумел выжить.

— Хорошо, — умиротворенно кивнул Такаги. — Спасибо за все, Хорнет, отдыхай.

Выпустив из ласковой хватки ладонь девушки, Ашидо медленно поднялся на ноги, напоследок озарив на вид счастливую девушку своим взглядом, а затем устремился на выход, где его неожиданно уже за плотными шторами под светом полуденных лучей остановила Мива, бросившаяся вдогонку.

— Ашидо, можно отвлечь тебя на минутку? — с трепетом и неким внутренним блоком, который только мельком удалось преодолеть, спросила девушка.

— Конечно, я всегда рад помочь таким близким сердцу людям, как ты, — одобрительно улыбнулся Такаги.

— Ну, — немного замявшись от смущающего ответа, промычала Мива, но, собравшись с мыслями, наконец заговорила. — Наверное, было бы правильно сначала поблагодарить тебя за все. Ты же знаешь, что мы с младшим братом росли в семье наркоманов, которые утопали в долгах. Конечно, тогда меня спасла Нао, но именно ты дал мне жилье, заботу и возможность наконец откреститься от прошлого, чтобы начать новую жизнь.

— Это наша общая заслуга, Мива, — улыбнулся Ашидо, погладив по голове девушку, что ту очень смутило.

— Да, ты прав, ведь если бы рядом не было Каспера и Итачи, с Киреем могло случиться что-то плохое, когда меня не было рядом, чтобы его защитить. Я положила на орден и не пожалела об этом, — искренне улыбнувшись, умиротворенно улыбнулась девушка. — Теперь, наверное, можно задать главный вопрос.

— Я слушаю, — внимательно напрягся Ашидо.

— В следующем году мне уже будет шестнадцать, а это значит, что вскоре можно будет выйти замуж, — осторожно и издалека начала Мива. — Знаешь, я такой человек, которому тяжело будет справляться со всем в одиночку, и когда у всех нас будет своя жизнь, я не смогу рассчитывать на помощь так, как было прежде.

— Прошу, скажи прямо, — прервал Такаги, витая в разнообразных мыслях о таком длительном вступлении. — Я не осужу и не засмею тебя, о чем бы ты не просила. Будь честна с собой, или однажды станешь такой же, как я.

— Хорошо, — утвердительно и столь же замято кивнула Мива. — Пожалуйста, скажи,

какие девушки нравятся Илию?

— Это и есть твой вопрос? — неловко усмехнулся от иронии Ашидо.

— Говорил же, что не будешь высмеивать! — чуть ли не плача от стыда, обидчиво проямлила девушка.

— Прости, я вовсе не высмеиваю твой вопрос, — заверил юноша, слегка преклонившись в знак уважения. — Мива, тебе не о чем переживать, не нужно греть голову о том, какие парням нравятся девушки, потому что все мы люди и все хорошие люди хотят однажды сойтись с таким же хорошим человеком. Илия уже достаточно взрослый и эмоционально зрелый, он не гоняется за фигурой и поведением, да и в целом, наверное, за женщинами. Коли хочешь высказаться ему о своих чувствах — скажи прямо, даже если это будет сложно.

— Я так не могу, — взгрустнув, повесила нос Мива. — Пусть между нами и промелькнула искра, мне все еще кажется, что этот человек слишком недостижим для меня, и придется много трудиться, чтобы получить шанс.

— «Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть», — так однажды сказал мне один человек, — блеснул умом Ашидо. — Просто будь честна с собой и выскажи ему обо всем, что чувствуешь. Этот человек не из тех, кто обесценивает или отвергает чувства других — я сам в этом убедился. Будь смелой Мива, ты сегодня вышла на бой с тысячами гвардейцев, и разве какое-то признание дастся сложнее, чем это?

— Наверное, ты прав, — согласилась Мива. — Я попробую, даже если будет очень страшно.

— Молодец, я горжусь тем, как ты выросла, — ласково похвалил недотрогу Ашидо, столь же смущающе погладив по голове.

— Спасибо, за все спасибо, — напоследок поблагодарила Мива. — Не могу тебя больше задерживать, мне нужно быть с Хорнет.

— Конечно, иди, — одобрительно кивнул Ашидо, после чего разминулся с девушкой.

Пришла очередь Нао представить свои боевые ранения, и путь к ее палатке пролегал через компанию близнецов и «двоицы из семерки», как их прозвали знатоки. Минув компанию без прочего внимания и пройдя между черных мешков с телами по единственной неширокой тропинке, Ашидо нырнул внутрь полевой палатки, где почти сразу наткнулся взглядом на сестер, которые очень тепло и откровенно беседовали друг с другом. Девушки заметили его только тогда, когда юноша оказался совсем рядом, что даже немного напугало Аой.

— Пришел-таки, герой наш, — невольно улыбнулась Нао, стоило Ашидо присесть.

— Что с твоими глазами? — спросил Такаги, подметив то, как сильно они налились кровью, словно на месте белка было совсем не то, что должно было быть.

— Не бери в голову, — отмахнулась девушка. — Немного перенапряглась, стараясь не замерзнуть.

— Немного? — возмутилась Аой. — Да у тебя все сосуды полопались от напряжения! Ладно бы только на глазах, но нет — они по всему телу полопались!

— Не надо парить мне мозг, — дерзнула Нао. — Я себя прекрасно чувствую и совсем скоро встану на ноги. Ашидо, погляди лучше на Аой — она чертовски выросла, ты так не считаешь?

Стоило Нао подметить эту деталь, Ашидо пристально уставился на синевласую девушку, глаза которой больше не были разноцветными в знак внутреннего конфликта, а, напротив, обрели красивый единый розовый оттенок, который очень лаконично контрастировал с

волосами. Очевидно, такое внимание смутило Аой, но она была рада, что теперь и другие окружающие подчеркивают то, как сильно девушка выросла по сравнению с тем, что было годом ранее.

— В этой истории всем нам пришлось переступить через себя, чтобы в конечном итоге оказаться здесь, — заговорила Нао. — Подумать только, даже грубость из меня выгнали своим теплом — ох уж этот «Спектр».

— Ашидо, у меня не было возможности познакомиться с тобой лично, но раз уж выпал такой шанс, то я представляюсь, как подобает, — ни с того ни с сего откровенно заговорила скромняшка рядом. — Меня зовут Аой Изуми, или, скорее, Аой Кишин — так будет правильнее. Я бы хотела поблагодарить тебя за то многое благо, которое ты принес в мою семью. Когда-то давно отец выгнал Нао из дворца за мелкую оплошность, и уже тогда все пошло под откос. Ты и твой орден приняли ее даже с таким дебильным характером, посеяли семя раздора между дворцом и народом, благодаря чему наш дядя смог спасти отца от влияния Эдварда и вразумить его раскаяться за все совершенное.

— Представь только, король Гармонии униженно падает в ноги и вымаливает у своих дочерей прощение! — завелась Нао, перебив сестру. — Наверное, я только ради этого жила все эти годы, и благодаря твоей воле, которую переняли другие, наши мечты наконец сбылись.

— Да, — кивнула Аой. — Теперь мы снова вместе, как было когда-то очень давно, и ничего этого не было бы без твоего вклада, Ашидо.

— Вы правда благодарны мне за это? — не веря в слова сестер, засомневался Такаги.

— Все упираешься, да упираешься, — недовольно фыркнула Нао. — Впереди наш ждет новая Гармония! Новый мир, в котором нет места прежнему раздору! Мы сами боролись за него и нет никакого смысла преуменьшать свои заслуги! Мы получили ту власть над собственными судьбами, которой желали, пусть и ценой стольких смертей. Так или иначе, я бы хотела извиниться за все то, что плохого сделала для тебя.

— Я уже давно простил тебя, Нао, — перебил Ашидо.

— Я серьезно, — подчеркнула девушка. — Вам многое пришлось вытерпеть, и я очень благодарна за то, что никто из ордена в конечном итоге не отвернулся от меня и не вышвырнул на улицу, как это было однажды. Я была готова отдать за вас жизнь, и сейчас очень рада, что в самом конце оказалась жива. Теперь я наконец могу снова вернуться в семью и начать жизнь с чистого листа. Ты вернул мне любимую всем сердцем сестру, и заслуживаешь той же любви в свой адрес.

— Это признание? — кокетливо и с насмешкой заголосила Аой.

— Я щас встану, — угрожающе пробурчала Нао.

— Лежи-лежи, — с той же доброй насмешкой успокоила ее сестра. — Ашидо, с твоего позволения, не могли бы мы с Нао побыть наедине?

— Как сами того пожелаете, — пошел навстречу Такаги.

— Не подумай ничего, мы очень рады видеть тебя живым, — объяснилась Нао. — Просто хочется после долгих лет разлуки наконец снова посекретничать с любимой сестрой.

— Я все понимаю, девочки, не буду вас отвлекать, — одобрительно кивнул Ашидо, после чего быстренько поднялся на ноги и устремился к выходу.

— Не забудь заглянуть к Мисато и Ринне — они в следующей палатке, — вдогонку прокричала Нао.

Вновь оказавшись на улице, Ашидо, недолго думая, двинулся к следующей палатке,

застав перед ней компанию из верхушки ордена «Юнити», которые переговаривались между собой и некоторыми гвардейцами. Очевидно, завидев небезызвестного главу «Спектра», они привычно подозвали того к себе, словно тысячу раз так делали.

— Поздравляю, господин Такаги! — заголосил генерал Кафка. — Благодаря вам усилиям, упорному труду, лидерским качествам и несломимой воле обе стороны конфликта наконец пришли к пониманию друг друга! Сердечно благодарю и отдаю вам честь, как войну и новой легенде Гармонии!

— Не стоит, генерал, — отмахнулся Ашидо. — Результат оказался плачевнее, чем я себе представлял.

— Плачевнее? — усмехнулся Алан, выглянув из-за спины высокого генерала и показав свое мальчишечье озорство во всей красе. — Ашидо, посмотри, мы прямо сейчас разговариваем с гвардейцами, с которыми еще парой часов ранее сражались! Они тоже, кстати, люди неплохие, просто оказавшиеся в патовой безвыходной ситуации, которую разрешил ваш с Эдвардом бой.

— В коем-то веке ты говоришь что-то разумное, — с неким легким презрением пробормотала Милена. — Я и не думала, что ты можешь быть таким сильным, «Клинок Гармонии».

— Вспоминая нашу первую встречу, я все думаю, кем же ты стал, — снова вклинился Алан. — Тогда мы видели лишь потерянного мальчишку, который изо всех сил цеплялся за жизнь. Ты даже не думал сопротивляться, когда Милена наставила на тебя ствол, как будто пытался своей силой добра вразумить уличных бандитов! А сейчас что? Ты буквально один из самых сильнейших людей в Гармонии наравне с самим королем! Боюсь представить, что от меня осталось бы, реши мы сцепиться по какому-нибудь поводу!

— Алана хотел сказать, что вы заслужили свой титул, уважаемый, — поправил Фридрих. — Можете рассчитывать на сладкую жизнь, когда вся ситуация устаканится и мы выберем нового короля, а пока, могу я попросить вас от своего имени выслушать слова благодарности от наших солдат?

— Какие еще слова? — опешил Ашидо.

— Речь идет обо мне, многоуважаемый Тайкон, — перевел на себя внимание один молодой гвардеец без маски, которому едва перевалило за пятнадцать. — Я бы хотел поблагодарить вас за то, что вы сохранили мне жизнь. Наверное, вы не помните, но в том кровавом бою вы пнули меня ногой в лицо, вместо удара мечом. Не знаю, было ли это сделано специально или случайно, я все равно благодарен за то, что вы оставили меня в живых.

— Человеку на моем месте нужно извиняться, а не принимать благодарности, — заспорил Ашидо. — Среди пораженных гвардейцев могли быть близкие тебе люди, и мои поступки нельзя называть снисходительными или достойными благодарности, ведь я просто убивал тех, кто стоял на пути.

— Тем не менее прошу, примите мою благодарность, — в завершающем речь тоне произнес гвардеец, после чего замолчал и отошел в сторону.

— Что вы будете делать дальше, генерал? — с опаской поинтересовался Такаги, не зная, что ему самому делать. — Гвардия весь фактически распалась, режим пал, да и все мы обзавелись сомнительной репутацией.

— Расслабься, Ашидо, — уловив напряжение, успокоил Кафка. — После сегодняшнего дня нам остается только перелопатить всю систему, чтобы не устранять старые проблемы, а

просто сделать так, чтобы их больше не было. Я возьму на себя ответственность за создание нового режима, а ты можешь быть свободен и не переживать за наказание или надобность делать что-то еще. Ты уже достаточно сделал, Ашидо, и я тебя уважаю, потому надеюсь не только на плодотворное сотрудничество в будущем, но и на дружбу.

— Добро, Фридрих, — согласился Такаги.

— Что ж, вижу, у тебя весьма забитый план, — напоследок подметил Кафка, после чего указал головой на палатку по левой стороне. — Там сейчас доктор Фишер и двое твоих друзей, и они в крайне плачевном состоянии.

— Что случилось? — испугался Ашидо.

— Спросишь у доктора, — отрезал Фридрих. — Иди.

Последовав совету генерала, Ашидо быстро спохватился и бросился в сторону палатки и, нырнув за шторы, практически врезался в доктора, который шел на выход.

— Ох, Такаги, я как раз за тобой, — с того же испугу слегка заикнулся Дэниел.

— Господи, — протянул Ашидо, едва завидев лежащую под окровавленной простыней Ринну.

— Пойдите, Ашидо, — внезапно остановил юношу доктор, схватив того за плечо. — Миссис Регер сейчас в стабильном и относительно благоприятном состоянии — стоит начать с мисс Хагашиды.

— Прислушайся к доктору, — с дальнего угла комнаты заголосила Ринна хрипящим голосом.

Слегка повернув взгляд правее, Такаги уткнулся в картину того, как рыжеволосая девушка совсем безо всяких движений и признаков жизни лежит на более приличной по сравнению с остальными койке. Ее голова была скрыта под повязкой, и травму выдавало лишь едва различимое пятно пропитавшихся кровью бинтов. Рядом стоял уже знакомый аппарат ИВЛ, сигнализирующий о том, что бедная девушка находится не в том состоянии, чтобы самостоятельно дышать. Вблизи девушки на коленках сидела Итачи, которая тоже взялась из ниоткуда, и, судя по всему, та очень переживала за судьбу девушки.

— Что с ней, доктор? — спросил Ашидо, пребывая в испуганном состоянии.

— Черепно-мозговая травма третьей степени в области затылка, — пояснил Фишер. — Когда люди из моей команды принесли ее сюда, раздробленные куски черепа Хагашиды врезались ей в мозг, и кровь лилась рекой, но, можете не переживать, мы уже извлекли все инородные предметы и наложили повязку.

— Как я могу не переживать, если она не приходит в сознание? — завелся Такаги.

— Мисато сейчас в глубокой коме, повреждения очень серьезные, что может отразиться на ее умственных способностях в дальнейшем. Она по-прежнему реагирует на раздражители, не считая зрачков. Я лично займусь ее лечением и реабилитацией по возвращении в клинику, а пока не могу заранее прогнозировать результат — это зависит от нее.

Постепенно Ашидо подкрался поближе к бессознательной девушке и уселся рядом — напротив Итачи. Хотелось было дотронуться до нее, но какой-то внутренний блок не дал Такаги даже вытянуть руку, заставив лишь тихо смотреть и пребывать в отягощающих чувствах.

— Кто же сотворил с тобой такое? — с тяжестью протянул Ашидо.

— Бенедикт Майерс, должно быть, — заговорила Итачи. — Если верить рассказам Нас и Лаффи, он много кому насолил в комплексе, и Мисато не стала исключением.

— Насколько я знаю, он сейчас уже мертв, — сомневаясь и веря в правдоподобность

собственных слов, замешкался Такаги.

— Да, его убила Лаффи, — подтвердила кошечка. — Приди она немного раньше, или не будь Мисато так уверена в правильности своих действий, все могло быть иначе.

— Прости, Мисато, я не смог бы за всеми усмотреть, — немного раскаиваясь, но понимая, что от действий юноши ничего не зависело, промямлил Ашидо.

— Все хорошо, Ашидо, она тебя не винит и ни на что не обижается, — поддержала Итачи. — Ты обязательно услышишь слова благодарности, когда Мисато проснется.

— Очень надеюсь, что это произойдет, — тяжело вздохнул Ашидо. — Доктор Фишер Юмико тоже где-то здесь?

— Не могу точно сказать, — открестился Дэниел. — В последний раз информация по ее поискам поступала минут тридцать назад. Почему бы вам самому не присоединиться к группе и указать на место, где происходило сражение?

— Я не могу, Фишер, — с тяжестью промямлил Ашидо.

— Почему? — спросила с какого-то перепугу Итачи.

— Потому что боюсь застать ее мертвой, — скрипя зубами и стараясь сдерживать эмоции, заскулил Такаги.

— Ну-ну, иди сюда! — внезапно подозвала парня к себе Ринна, так и желая отвлечь от дурных, но реалистичных мыслей.

Послушавшись и отойдя от прежней компании, Ашидо постепенно подкрался к койке Ринны, аккуратно присев на ее край, сторонясь крови, которой сам был усеян с ног до головы. Сама девушка выглядела здоровой на вид, не считая того, что у нее отсутствовала нижняя половина тела и правая рука по локоть, хотя, стоит отметить, порезы на щеках затянулись и лишь мельком бросались в глаза. Запачканные сальные длинные волосы ласково устилались на подушке, глаза блестели на свету и одновременно как-то необычно угасали, словно Ринна пытается скрыть какую-то внутреннюю боль.

— Все хорошо, Ашидо, Юмико скоро найдут и...

— Не нужно меня утешать, — в миг оборвал Такаги. — Я пришел сюда, чтобы посмотреть на ваше состояние и сказать спасибо за то, что следовали за мной до конца.

— Не стоит, мы сами тебе настолько же благодарны, — заспорила Ринна. — Пришлось немного попотеть, но в конце мы все равно победили. Чувство невероятное! Словно случилось что-то непостижимое!

— И поэтому ты не можешь залечиться, как прежде? — фыркнул Ашидо. — Пылкие чувства мешают?

— Хах, ты же не думал, что я бессмертна, — рассмеялась Ринна. — «Ген Х» чем-то похож на усиленные ствольные клетки, оттого имеет свои пределы, которых я достигла. Не думаю, что смогу залечиться, как прежде, но раз уж кровь больше не течет, есть возможность заменить прежние части тела такими же, как делала Мисато.

— Думаешь продолжить свою жизнь с искусственными ногами и рукой? — осторожно поинтересовался Ашидо.

— Почему бы и нет, — беззаботно подтвердила Регер. — Быть роботом круто: не мерзнешь, не чувствуешь боли, да и двигаться как-то проще. Я не унываю по этому поводу, и тебе не советую — так и до выгорания недалеко.

— Я уже давно выгорел, Ринна, — слегка улыбнувшись, выдал смешок Такаги.

— Ничего, время все залечит, — успокоила парня девушка. — Каспер уже передал тебе последние слова Наташи?

— Даже не знаю, о чем спрашивать в первую очередь: что случилось с Наташей или что тут забыли дети, — скользко и отчужденно пробормотал Ашидо.

— Наташа, к сожалению, не смогла дожить до нашей победы, — тяжело вздохнув, поведала Ринна. — Джозеф и Торин тоже погибли во время осады «Спектра», и лишь благодаря Касперу оставшимся удалось выбраться оттуда живыми. Он сейчас, должно быть, сидит где-то в компании людей «Юстиции» вместе с Киреем, и, наверное, будет лучше, если эти слова передам я.

— Что она сказала Касперу? — замерев в ожидании, спросил Такаги.

— «Я была счастлива, работая с тобой, Ашидо», — повторила Ринна.

— Понятно, — уткнув взгляд в пол и снова скрывая слезы, протянул Ашидо.

— Мои слова были бы такими же, — подхватила какой-то странный настрой Регер. — Раз уж в далекое будущее смотреть бессмысленно, имей в виду, что я так бы и сказала, если бы пришлось уйти молча.

— Хорошо, Ринна, я запомню это на тот крайний случай, которого быть не должно, — кивнув и улыбнувшись в неодобряющем стиле проговорил Такаги.

Внезапно за пределами палатки послышались оживленные вскрики и звуки шагов, которые постепенно сближались с героем, пока в палатке не оказался какой-то обычный гвардеец в маске, выглядевший явно взбудораженным.

— Доктор Фишер, поисковая группа доставила Таканаши в лагерь! — отчитался он в полный голос.

— Юмико? — внезапно подскочил с места Ашидо, желая как можно скорее настичь свою возлюбленную, но какая-то часть подсознания заявила, что неправильно было бы бросать Ринну в таком состоянии.

— Иди уже, горе муженек, — широко улыбнулась Регер, так и читая все мысли Такаги по лицу.

Недолго думая, Ашидо ловко выскочил из палатки, чуть не сбив с ног гвардейца, который даже отойти в сторону не успел, однако вскоре последовал за ним, как и Итачи, которая столь же быстро подорвалась с места. К двоице должен был присоединиться Фишер как ответственный за состояние раненых в бою, но внезапный возглас девушки с угла палатки его остановил.

— Доктор Фишер! Могу я вас попросить о чем-то в последний раз? — привлекала к себе внимание Ринна.

— Да, конечно, что такое? — спросил Дэниел, присев рядом и ожидая услышать жалобы на боль.

— Это моя последняя просьба, Дэниел, — поведала Регер. — Прошу, отнесите к ней со всей серьезностью и решимостью, потому что мне больше не на кого положиться в этом вопросе.

— Я слушаю, Ринна, — согласно кивнул он.

— Я видела у вас на столе тиопентал натрия, — начала объяснять суть просьбы девушка, но вскоре оказалась перебитой.

— Вам больно? — забеспокоился Фишер. — Хорошо, я введу наркоз.

— Сверхдозу, — оборвала Ринна.

— Чего? — опешил доктор.

— Прошу, убейте меня, Дэниел, — взмолилась девушка, по щекам которой внезапно потекли слезы, а единственная рука схватилась за белый халат мужчины. — Я больше никого

не могу об этом попросить, ведь все мои друзья не смогут решиться на такой шаг, а другие люди не смогут сделать это безболезненно. К тому же, я хочу умереть от рук человека, который так сильно похож на моего мужа.

— Ринна, ты чего? — пребывая в состоянии глубокого непонимания, замешкался доктор. — Ты же всего минуту назад горела желанием жить. Откуда такая серьезность?

— Это была ложь, доктор, — пояснила Регер. — Я не смогла бы сказать Ашидо о своих намерениях — ему итак досталось больше всех. Прошу, я просто хочу спокойно умереть, глядя на вас и вспоминая Артура. Знаю, это звучит глупо, но я уже давно решила, но сначала отплачу этим людям добром на то добро, которое они мне дали, и теперь ничего уже не держит меня в этом мире. Я не останусь на всю жизнь инвалидом или стать роботом, который собственных мышц не чувствует.

— А твоя цель в жизни? — продолжал упираться Фишер. — Если ты говоришь о том Артуре, о котором я думаю, то вы всегда хотели создать такой препарат, который будет продлевать жизнь людям. Ты уже показала всю решимость и мощь этого генома на себе, и сейчас хочешь отказаться от вашей общей мечты?

— Эта мечта того не стоила, доктор, — уставилась в потолок Ринна, выпустив из руки халат. — В погоне за бессмертием люди доводят и себя и других до безумия, и я по себе это знаю. Еще до появления «Гена X» Артур расстался с жизнью из-за работы над ним, а я лишилась любимого мужа еще до свадьбы. Новой Гармонии не нужен новый хаос, а мне не нужна жизнь, в которой я уже не смогу быть собой. Единственное, чего я прошу — ввести мне в вену сверхдозу тиопентала натрия, чтобы я могла спокойно уйти. Пойдете ли вы мне навстречу, доктор?

— Мне будет тяжело это сделать, — опустив голову в пол, промямлил Фишер.

— Просто смотрите на мое лицо и делайте, что должны — вас не будут мучать терзания совести, это я гарантирую, — заверила Регер.

— Это твой финальный ответ? — напоследок уточнил Дэниел.

— Да, прошу, — исполняясь решимостью, промямлила Ринна.

Пусть с неким отторжением и смешанными чувствами, доктор Фишер пошел навстречу девушке, осторожно заполнив большой шприц желаемым веществом, и уже через минуту оказался рядом, держа в ладони ее единственную здоровую руку, готовясь ввести иглу. Все это время оба молчали, но Ринна не переставала улыбаться, словно с каждой секундой испытывает не страх перед смертью, а облегчение от того, что ее решение кто-то поддержал.

Немного замешкавшись в процессе, Дэниел постепенно пришел в себя и медленно ввел тиопентал натрия в сверхтерапевтической дозировке в вену девушки, а когда процесс был закончен, тот вынул иглу, забросил шприц куда-то на тумбу с приборами, а сам встал напротив, наблюдая за выражением лица девушки.

— Мне становится легче, доктор, — уже через какие-то считанные секунды произнесла Ринна. — Спасибо вам за то, что решились и помогли мне облегчить ношу. Покуда я еще жива, то буду до последней секунды за все благодарна.

— Покойся с миром, Ринна Регер, — полушепотом произнес Фишер, глядя на счастливое лицо и сохраняя свою невозмутимость только из-за того, что девушка не соврала, говоря о том, что отягощающих чувств не будет. — Твое имя навсегда останется в истории Гармонии, как и имя твоего мужа.

— Спасибо, доктор... Спасибо, «Спектр»... Спасибо, Артур...

Спустя несколько мгновений глаза девушки постепенно сомкнулись, ее голос утих, а

дыхание прекратилось. Приложив пальцы к шее, Дэниел зафиксировал угасание сердечного ритма, и уже через десяток минут мог бы констатировать смерть, но только сейчас он задумался о том, что скажут другие. Коли взял на себя ответственность — придется отвечать. Но пока остается только одно — увидеть лицо той девушки, которую он своими силами взрастил и полюбил, как собственное дитя. Доктор желал лишь увидеть ее такой же, как и всегда — живой.

***

В звуках множественных шагов навстречу поисковой группе устремились много людей, желавших своими глазами увидеть то, что постигло Юмико, и впереди всех как всегда был Ашидо, который, сломя голову, бежал не оборачиваясь, будучи ведомым смешанными чувствами от желания увидеть возлюбленную хотя бы еще один раз до нежелания признавать, что ее уже нет в живых. Стоило подойти поближе к троице гвардейцев и еще несколькими людям из альянса орденов, в руках у одного из таких оказалось бездыханное тело, которое можно было узнать за километр. Девушка безжизненно свисала с рук мужчины, ее кимоно покрылось красными пятнами, которые перетекали в одинокие капельки крови, капающие на землю без остановки. Ее ласковые волосы развивались на ветру, пока сомкнувшиеся глаза недвижимо скрывались под закрытыми веками.

— Дайте мне ее сюда, — первое, что услышали люди из группы, стоило подойти Ашидо поближе.

Вытянув вперед руки под спину и под колени, Такаги перехватил тело девушки и крепкой хваткой прижал его у груди, медленно сползая к земле, пока в конечном итоге не оказался на коленях, все так же сжимая любимую в грубых руках. Сердце героя наполнилось скорбью от осознания, что Юмико больше не дышит, что она больше не может взглянуть ему в глаза и ласковым голосом произнести те заветные слова, которых так не хватает. В глубине души он знал, что это был конец для нее, но все равно продолжал верить и надеяться, что вот уже скоро она вновь откроет глаза, снова положит свою тонкую женскую ручку ему на щеку, а потом скажет, что за время разлуки очень соскучилась, и отныне хочет проводить с Ашидо больше времени, чем приходилось раньше.

Постепенно поисковая группа разошлась в стороны, лишь бы не мешать своим присутствием скорбящему непредсказуемому человеку, а в это время подтянулись остальные следовавшие за героем: близнецы Кишины, Войд, Аой, генерал Кафка, Солен и Луна, Мива капитан Дорн в компании Лаффи, а также сам доктор Фишер, успевший по пути прихватить пару медиков, которые, лишь заведя происходящее, застыли на месте, будучи не в силах подойти поближе. Все они смотрели на спину Такаги, прекрасно понимая, какие эмоции тот испытывает, все время всхлипывая и поглаживая мертвую девушку по голове, заливая ее лицо собственными слезами.

— Прощу, скажи что-нибудь, Юми, — полусшепотом приговаривал Ашидо. — Не уходи, я не хочу, чтобы ты оставляла меня...

Больше всего трагедии в картину привносил факт беременности Юмико, которая уже почти месяц носила в животе ребенка, пусть и не запланированного, но такого желанного. Это мог быть и мальчик, могла быть и девочка, а, возможно, даже двойня, но теперь, когда мама не успевших увидеть свет детей утонула в озере смерти, не оставалось ничего, кроме как скорбеть по утрате, проклиная все то, ради чего все сражались. Ашидо мог бы силой принудить ее остаться, мог бы уберечь от трудностей общего выбора, но он этого не сделал, поверив в решимость и стойкость возлюбленной, которая до самого конца не заставляла в

себе усомниться, чего не скажешь об Ашидо.

— Наверное, это самая тяжкая из всех потерь за сегодня, — тихим голосом пробормотал Бартон. — Насколько она была ему дорога?

— Я был в памяти многих людей и могу сказать, что Юмико была дорога всем, а для него она значила все, — объяснил Илия. — Наверное, не будь на пути Ашидо этой девушки, он мог бы никогда не ступить на этот путь, ведь именно она воодушевила его на то, чтобы бороться против тебя.

— Даже не знаю, как это воспринимать, — многозначно пропыхтел Бартон. — Стало быть, тогда я тоже так выглядел — какое же паршивое чувство.

— Потерять самого близкого человека в самый неожиданный момент означает быть сломленным на долгие годы, — столь же тяжело вздохнула вмешавшаяся в разговор Солен. — Как думаете, можем ли мы сделать что-то такое, что могло бы облегчить его ношу?

— По крайней мере сейчас мы способны помочь лишь тем, что будем стоять в стороне и не вмешиваться, — подумал вслух Фридрих.

Наверное, в такой ситуации было бы правильнее и вправду стоять в стороне, не навязываясь горюющему своими попытками как-то помочь, но нашлась среди толпы такая особа, которая никогда не вписывалась в большинство.

— Чего нос повесили, олухи? — возмутилась Лаффи, встав напротив близнецов. — Разве это называется поддержкой?

— Лаффи, не время буянить, — успокоил ее Илия. — Коли в тебе есть сочувствие к Ашидо, которого мы так уважаем, постарайся хотя бы быть тише.

— Дай сюда очки! — внезапно вскрикнула она, нырнув рукой в одну из поясных сумок Илии, стараясь что-то отыскать.

— Держи, он оставил их в лагере, — вмешался Бартон, протянув девушке небезызвестные в своей роли очки с фиолетовыми линзами.

Недолго думая, Лаффи выхватила из рук Бартона очки, а затем сразу же пустилась на сближение с Ашидо, надевая их на голову на ходу. Оказавшись почти вплотную, она замерла прямо над парой, пристально разглядывая хоть что-то, что могло бы зацепиться глазами, и одна такая деталь ее смутила.

— Что означают червяки в голове? — громко спросила девушка, не переставая вглядываться и не отпуская регуляторы кратности увеличения на оправе.

— Черт возьми, — внезапно спохватился Илия, тотчас бросившись на сближение, на ходу надевая на левую руку кожаную перчатку.

Чего бы он не хотел реализовать — ничего бы не вышло, ведь все линзы, которыми некогда владел алхимик, рассыпались где-то на поле, из-за чего сумка, хранящая в себе десяток стекляшек, оказалась пуста. Казалось, ситуация безвыходная, но Бартон снова вмешался, постепенно поднимая ввысь левую руку в той же кожаной перчатке с коричневой линзой, по мере чего земля близ парочки собралась в одном месте, образовав гладкую на всей поверхности платформу из почвы. Следом за этим, Кишин младший подбежал к Ашидо и уселся рядом с таким лицом, словно происходит что-то экстремальное.

— Положи ее на платформу, — скомандовал Бартон.

— К чему все это? — скорбящим голосом спросил Ашидо.

— Ты же хочешь ее спасти? — заверяя в чем-то невозможном, продолжил подстрекать он, и, увидев нотку одобрения, продолжил. — Сделай это!

Недолго думая, Ашидо последовал совету и поднялся на ноги вместе с телом Юмико, которое спустя пару широких шагов осторожно положил на платформу, полностью выпустив из рук и оставив лежать на едва теплой от алхимического вмешательства земле. В это время Илия уже успел отнять у Лаффи очки, которые сам надел на голову, имея возможность посмотреть на девушку теми глазами, которыми смотрела беловласая бунтарка. Стоило лишь мельком заметить движение в голове, Илия сразу все понял, и был готов вынести свой вердикт о состоянии Юмико, но одна деталь сильно его смутила, что требовало мнения кого-то знающего в сфере алхимии.

— Бартон, взгляни, — попросил он, сняв с головы очки и протянув брату.

Стоило Кишину младшему тоже оказаться в другой зоне восприятия, он аналогично замер на месте, понимая, что хотел сказать старший брат, и даже имея возможность дополнить его теорию.

— Она не мертва, — однозначно заявил Бартон.

— Что? — в унисон воскликнули присутствующие, не понимая, о чем таком говорят эти двое.

— Видишь! — вскрикнула Лаффи, наехав на Илию. — Она вполне могла быть в том же состоянии, в котором была я, и, судя по твоей реакции, так оно и есть! Скажи ему, Илия!

— Ашидо, мы можем спасти Юмико, — с долей сокрытой радости обнадежил Кишин.

— Как? — тотчас прибыл в непонимание Такаги. — Мертвых нельзя вернуть к жизни! Я слушал ее сердце, ритма которого не было, я старался уловить ее дыхание, но его тоже не было! Как такое возможно?

— Вы все похоронили меня, когда я была в таком же состоянии! — снова завелась Лаффи. — Если бы тогда все знали, что делать, я бы сейчас была на ее месте, не имея надобности быть преждевременно погребенной!

— Ашидо, ее мозг продолжает жить, несмотря на те несколько часов, которые Юмико провела в одиночестве уже после предполагаемой смерти, — объяснил Илия. — Эта ситуация поразительно идентична судьбе Лаффи, и теперь мы можем с уверенностью полагать, что раз уж это сработало единожды, может сработать и во второй раз.

— Тогда, если есть шанс вернуть ее мне, сделайте хоть что-то! — взмолился Ашидо.

— Мы сделаем, Ашидо, но тебе придется принять очень сложное решение, — заявил Илия.

— О чем ты? — спросил Такаги.

— В ее теле жив не только мозг, — подметил Кишин младший. — Судя по пятнам энтропиума, вокруг матки образовалось что-то вроде прочного кокона, который ее защищает, исходя из чего можно предположить, что отличная по цвету энергия внутри — это живой плод.

— Коротко говоря, жива не только сама Юмико, но и твой ребенок, — уточнил Илия.

— Какое решение я должен принять? — затерялся в непонимании Ашидо. — Если вы можете вернуть ее к жизни, прошу, сделайте это! Она очень мне дорога!

— Ты не понимаешь, Ашидо, — склонил голову Илия. — Никто кроме меня и Лаффи до конца не понимает, что происходит, поэтому придется объяснить, и из моего объяснения следует выбор. Раз уж ее матка окружена коконом, это значит, что перед смертью Юмико спасала ребенка, а не себя, и даже сейчас она продолжает подсознательно бороться за его жизнь, даже не принадлежа этому миру. Судя по месту удара, который, предполагаемо, нанес Эдвард в живот, лезвие должно было рассечь все внутренности, но матка осталась

цела.

— Она защитила нашего ребенка ценой собственной жизни? — ужаснулся от подробностей Ашидо.

— Полагаю, что так, — согласился Кишин старший. — Я мог бы проделать с ней то же, что и с Лаффи, но в таком случае я не могу гарантировать сохранность ребенка. Если мы поместим Юмико в Бездну через «энтропогранум», уже меньше чем через месяц она будет жива, но вы оба потеряете ребенка, но, если возлюбленная для тебя не будет дороже, чем сын или дочь, мы могли бы извлечь матку и вырастить плод искусственным путем — технологии позволяют.

— Разве нет промежуточного варианта? — взмолился Такаги, рассчитывая хоть на что-то с замахом на большее. — Разве мы не можем спасти и ее и ребенка?

— Теоретически это возможно, но у нас нет ресурсов для реализации на практике, — отстранился Илия. — Чтобы вырвать Юмико с того света, нужно пропустить через ее тело огромное скопление свободных энтропиумных частиц, которые должны быть чище и ласковее, чем у кого-либо из нас. Даже если найдется способ это воплотить, этот энтропиум не должен задеть матку, чтобы не вызвать у плода перегрузку энтропиумом, которая гарантировано убьет его в первые же секунды.

— Другими словами воплотить обе возможности в реальность мог бы чертовски сильный шепот с идеальными навыками контроля энтропиума, — дополнил Бартон. — Я не знал никого такого, кто взял бы на себя такую колоссальную ответственность, даже имея возможность помочь.

— Так или иначе тебе остается только сделать выбор, — продолжил Илия. — Спешить нам некуда, тело еще сутки будет оставаться в неизменном состоянии. Хорошо подумай над своим решением: Юмико или ребенок.

С этими словами оба брата тяжело выдохнули, склонив головы к земле, а после отошли в сторону и уселись на траву в ожидании ответа от Ашидо, на плечи которого свалился самый сложный выбор в его жизни, ведь он не мог однозначно сказать, кто ему был дороже. «За двумя зайцами погонишься, никого не поймаешь», — всем известная поговорка, которая как никогда кстати вписывалась в ситуацию, патовость которой понимали все. Стоит отдать должное тем, кто не стал навязывать герою свое «правильное» или «авторитетное» мнение, оставив тому возможность сделать выбор самому, из-за чего тот с тяжким грузом на душе бесчувственно уселся на землю, словно растеряв все иные чувства, которые делали его живым, оставшись наедине только с одним вопросом, решение которого не позволяет промедлить.

Близнецы же, покуда выпала свободная минутка отвлечься от предстоящей ответственной работы, застыли на месте и молча сидели, пялясь на безжизненное тело девушки. Илия даже необычно для себя сдернул с волос резинку, что придавало им форму позади, дав волосам возможность расслабиться, просто свисая за спиной. Бартон же наполнился смешанными чувствами и воспоминаниями о прошлом, отчего невольно вынул из-под одеяния «Калейдоскоп», став пристально его разглядывать, вспоминая о том, как этот меч появился на свет. В какой-то момент к компании присоединилась Войд, но не для того, чтобы поговорить или посочувствовать, а чтобы попытаться отнять у Кишина младшего привлекательную игрушку.

— Что ты делаешь, блин? — возмутился Бартон, одернувшись от цепких рук гуманоида, которые вскоре пришлось отбивать из-за настырного желания отнять меч.

— «Калейдоскоп» — меч, что должен был превзойти «Костолом», — внезапно залепетала Войд. — Величайшее творение безымянного кузнеца, посох, подчиняющий себе силу энтропиума, гибкое орудие, меняющее форму по воле хозяина. Эта штука — моя!

— Отвали, Лис, достали уже твои выходы, — снова отмахнулся Бартон, но уже секундой позже замер в неподдельном шоке, словно произошло что-то такое, что тотчас перевернуло жизнь с ног на голову.

— Что вы только что сказали? — с той же бурей ужасающих сознание эмоций спросил Илия.

— Какого...

— Бартон, отдай ей меч! — настойчиво приказал Илия, не принимая отказа.

Прислушавшись, Кишин младший протянул «Калейдоскоп» Войд, которая тотчас выхватила его, прижав к груди, словно грудничка, принявшись вертеться из стороны в сторону и лелеять меч, как не бывает ни у одного человека в здравом уме.

— Ты подумал о том же, о чем и я? — спросил Бартон.

— Мы не могли ошибиться сразу вдвоем, — подтвердил Илия. — Войд, скажи нам, откуда взялась эта штука у тебя в руках?

— Как откуда? — опешила Войд. — Из самых преисподней божественной кузни! Где еще могли выковать такое произведение искусства?

— Что происходит? — оторопел уже и запечатлевший глазами зрелище Ашидо. — О чем она вообще говорит?

— Постой, — внезапно осознал Илия, нырнув рукой в сумку и вынув знакомую идеально гладкую сферу. — В теле Войд объем энтропиума просто огромный, а «Семя Разлома», к которому так рвался Эдвард, образовано из чистого энтропиума, вытекающего из Бездны. К тому же, Войд контролирует его так, словно это не просто часть ее тела, а все нервы и клетки, которым даже приказа давать не нужно.

— Ты хочешь доверить ей возвращение Юмико к жизни? — возмутился Бартон. — Это очень плохая идея, брат!

— Не ей, — отрезал Илия. — Ему.

— И тебе понадобится моя помощь, верно? — уже поумерив пыл и догадавшись, что задумал брат, подхватил Бартон.

— Да, давай сделаем это, Бартон, — исполняясь решимостью, кивнул Илия.

В эту же секунду оба близнеца подскочили с земли и встали напротив Войд, пристально уставившись на нее такими взглядами, в которых могло читаться все, что угодно, но больше всего их наполняла решимость. Никто не понимал, что происходит в этот момент, но эти двое так были уверены в иллюзорной догадке, которая пришла в голову им одновременно, что вскоре перешли к действиям.

— Войд, внимательно смотри в глаза сначала мне, а затем Бартону, — подсказывал Илия. — Может быть неприятно, обидно и даже душераздирающе больно, но ты все это должна выдержать, потому что вся надежда теперь только на тебя.

— Зачем мне это делать? — непонимающе спросила Войд.

— Ради Ашидо, — пояснил Илия. — Любые добрые поступки требуют чего-то такого взамен. Вспомни, как много он для тебя сделал, вспомни, как много теплых чувств и новых эмоций он тебе принес.

— Цветы, — вдруг задумалась Войд. — Мороженное... Итачи... друзья... веселье... помощь... любовь... надежда... жизнь...

— Прошу, Войд, помоги ему, — продолжил Илия. — Раз он был для тебя самым дорогим другом, время стать самым дорогим другом для него.

— Я стану! — решительно воскликнула Войд. — Ашидо, я помогу тебе! Помогу всем, чем смогу!

— Отлично, — кивнул Бартон. — А теперь делай так, как сказал Илия.

— Будьте наготове, — предостерег окружающих Илия. — Мы не знаем, чего ожидать.

Так, началось то самое событие, которое распланировали у себя в голове близнецы, но оно с самого начала дало трещину, которая, наверное, послужила больше на благо, чем принесло убытки. Войд тяжело было переключаться между взглядами мужчин, потому она постарается смотреть одновременно на двоих, учитывая то, как близко они стояли друг к другу.

— «Шиирацу»! — одновременно воскликнули братья, после чего тело Войд неожиданно вздрогнуло.

Волна воспоминаний захлестнула гуманоида, среди которых были как самые теплые, так и самые болезненные, и все они сводились к одному — Войд смотрела на себя глазами близнецов, видела себя такой, какой ее запомнили другие, испытывала те чувства, которые, как казалось этим двоим, испытывал человек, которому всегда принадлежало это пустое подобное человеку тело. Она вспомнила все, каждый фрагмент своей жизни, каждое прожитое мгновение, и началось все это с какого-то на первый взгляд бессмысленного лепетания о «Калейдоскопе». Лишь эта скользкая мысль натолкнула Войд на то, что она не могла бы просто так присвоить себе чей-то меч ювелирной работы — это был ее меч. Это она его спроектировала, это она его собрала и всю жизнь носила близ сердца, потому что «Калейдоскоп» был дорог ей настолько, что даже спустя тысячи лет в заточении она о нем не забыла.

Едва действие «шиирацу» развеялось, из глаз Войд впервые в жизни полились горькие слезы, стекая по щекам к подбородку и капая на пол. Ее взгляд казался стеклянным, но в то же время был наполнен жизнью в тысячу раз больше, чем когда-либо еще. Это были истинные чувства Войд, которых она когда-то лишилась, утратив всякое понимание, почему люди плачут и что в этом такого особенного, но сегодня она как никогда прежде все понимала, отчего погрузилась в непреодолимую штормовую волну тяжелых ушедших воспоминаний, и лишь братья-близнецы знали о том, что она сейчас чувствует.

— Как тебя зовут? — осторожно спросил Илия, ласково взяв Войд за плечи.

— Арамис... Лоуренс, — растянуто и вздрогнув протянула Войд, которую уже нельзя было привычно так называть.

— Тише-тише, приди в себя, — успокаивал он. — Помнишь меня? Илия — твой давний друг и товарищ, мы много времени проводили вместе, это мой меч назывался «Костоломом», который превзошел твой «Калейдоскоп».

— Илия... Кишин? — столь же отчужденно мямлил Арамис.

— Да, это я, Лис, — умиротворенно улыбнулся Илия, после чего отошел в сторону и указал на брата. — Смотри, а это Бартон — мой брат-близнец и такой же хороший для тебя друг.

— Бартон... Кишин, «Ящик Пандоры», — точно подметил он.

— Ты помнишь Ашидо? — напоследок спросил Илия. — Тот черноволосый юноша с красными глазами, твой лучший друг в этом мире, который сделал для тебя очень много значимых вещей.

— Ашидо Такаги, — уже более собранным голосом произнес Лис, после чего внезапно приподнял голову и пришел в себя. — Дай сюда!

С большой силой оттолкнув Илию на землю, тот неожиданно выхватил из рук Бартона «Семя», которое брат заранее тому передал, а после быстрым и уверенным шагом Лис зашагал навстречу Юмико, минуя любые преграды одним только устрашающим видом. По дороге он ловко сбросил с себя маленького размера ботинки: сначала с левой ноги, а затем с правой. А уже после быстро расстегнул молнию огромной теплой серой кофты, которая отныне казалась больше отягощающей, чем приятной или стильной, сбросив ее на землю и оставив позади. Очевидно, такая картина повергла всех в шок, и многие уже готовы были взяться за мечи, опасаясь, что ничего хорошего от новой Войд с «Семенем» в руках ожидать не стоит, но почему-то никто не решался подойти.

— Стой, — внезапно остановил решительного гуманоида Ашидо, схватив за плечо, и тот на удивление поддался, замерев на месте. — Кто ты?

— Для тебя — Войд, для друзей — Войд, для близнецов — Лис, а для чужих — смерть, — однозначно и устрашающе прорычал Арамис.

— Что ты собираешься делать? — осторожно поинтересовался Такаги.

— Возвращать долг, — столь же немногославно ответил Лис. — Ты ведь хочешь, чтобы я спас Юмико?

— Хочу, — одобрительно кивнул Ашидо.

— Тогда, отпусти меня и смотри, — скомандовал он. — Ты слишком дорог мне, чтобы проигнорировать крик о помощи. Запомни меня, как Войд, даже если после этого я не смогу быть на нее похож. И спасибо тебе за все, друг.

Разминувшись с Ашидо самым нелепым и странным образом, обнаженный Лис без всяких половых признаков, но столь же напрягающий своим видом, сблизился с телом Юмико и встал сверху, раздвинув ноги так, чтобы она оказалась между них. Какое-то время он старательно обдумывал свои действия, скрывая лицо под плотными иссушенными серыми волосами, пока в определенный момент не обернулся, озарив своим вниманием всех любопытных и растерянных присутствующих.

— Мне нужно пропустить через ее тело чистый свободный энтропиум, минуя матку, правильно? — огласил вопрос Лис.

— Да, но нужно рассчитать количество! — предостерег Илия, крича с расстояния около пяти метров.

— Доверьтесь мне, я смогу вовремя остановиться, — заверил Арамис. — Синевласая девушка, тебя ведь Аой зовут?

— Д-да, — не ожидая такого внимания, задрожала от испуга принцесса.

— Как только я начну, нас обоих вдавит в пол гравитацией, — поведал Лоуренс. — Если память меня не подводит, ты хорошо разбираешься в силе и векторах массовой гравитации. Можешь создать противодействие от поверхности земли к нам?

— Д-да, могу, — кивнула Аой. — Но какой силы оно должно быть?

— Придется думать экстремально, — пробурчал Лис. — Тебе лишь нужно сохранять наше положение на месте — ни выше, ни ниже.

— Выложусь на полную! — уверено воскликнула девушка.

— Что ж, приступим, — однозначно заявил Арамис, после чего поднял левую руку с «Семенем» вверх, а правую осторожно просунул в рваное отверстие окровавленного кимоно, положив ту на голую кожу, чтобы иметь с ней прямой контакт. После глубокого вдоха,

настраивающего на предстоящий груз ответственности, Арамис взглядом уловил готовность вытянувшей вперед руки Аой, а затем незамедлительно приступил к процессу.

Внезапно все вокруг засияло в свете яркой белой вспышки, которая постепенно рассеялась, оставив вид того, как Лис в неизменной позе стоит над телом Юмико, светясь так, словно внутри него заточена гирлянда. В этом свете можно было выделить два отчетливых потока бело-сиреневой энергии, которая текла от «Семени» по рукам к телу Юмико, а затем возвращалась назад, будто замыкая круг циркулирующего чистого энтропиума. Постепенно поток ускорялся, и ноги гуманоида стали погружаться в землю, как и тело девушки, которое слегка накренилось из-за давления, что не могла не заметить Аой, тотчас приступившая к тому, о чем просил неожиданный герой-спаситель. Так в окружении появилась розовая завеса, сигнализирующая о стараниях Аой создавать требуемое противодействие, с чем она блестяще справлялась. Конечно, постепенно становилось все сложнее и сложнее поддерживать баланс, но Аой так старалась, что на изысканной женской коже сами собой мелькнули вынырнувшие от напряжения вены.

Так продолжалось еще несколько минут, пока свет не стал затухать, а то напряжение, которое испытывала Аой, сходило на нет, и в конечном итоге все вокруг снова озарилось лучами полуденного солнца, где зелень уже не казалась голубой от исходящей энергии, а наконец обрела свой привычный оттенок. Едва процесс прервался то ли на успехе, то ли на неудаче, Лис, которого сложно было с непривычки звать иначе, чем Войд, чуть ли не замертво упал на землю, ослабев настолько, что ноги больше не держали тело, а пальцы не могли цепко впиваться в «Семя». Он с грохотом рухнул на спину рядом с платформой, чем сразу привлек к себе тонну внимания, но в первую очередь от близнецов.

Илия и Бартон тотчас кинулись к Арамису, и первым настигнувший его Кишин младший подхватил друга под спину и голову, закинув их на колени вместе с тем, как быстро уселся.

— Что с тобой, Лис? — испугался Илия, присев напротив прямо по направлению взгляда. — Ты можешь говорить?

— Ох, все в норме, — ответил Лоуренс, пытаясь говорить разборчиво. — Перенапрягся чуток, но дело сделано.

— Войд! — подбежал пришедший в себя Ашидо, аналогично испугавшись за жизнь дорого друга. — Ты в порядке? Не ранена?

— Обидно, знаешь ли, когда мужика называют в женском роде, — усмехнулся Лис. — Ладно, оставим Арамиса в прошлом — так всем будет проще. Зови меня просто Войд, как прежде, и старайся не путаться в местоимениях, Ашидо.

— Хорошо, Войд, — одобрительно кивнул Ашидо. — Может, скажешь мне, все ли с тобой хорошо? Я ведь переживаю.

— Со мной все отлично, — довольно ухмыльнулся Войд, — как и с твоей подружкой — взгляни сам.

Стоило Ашидо обернуться, как он застал перед глазами немислимую картину — Юмико с некой тяжестью и непониманием происходящего старательно пыталась подняться ноги, имея лишь силы опереться на локоть и слегка приподняться над землей, пока окружающие, пребывая в невероятном шоке, могли лишь взглядом пилить чуть ли не восставшую из мертвых девушку.

— Ю-юмико? — дрожащим голосом заскрипел Ашидо, но уже через мгновение на его лице мелькнула широкая улыбка, а рот сам собой раскрылся в радости. — Юмико!

Бросившись к возлюбленной, Ашидо тотчас запрыгнул на платформу и уселся рядом, поддерживающими движениями уложив девушку себе на ноги, и та в свою очередь легко поддалась, пребывая в таком уязвимом состоянии, в котором ее легко было обидеть. Стоило парню мельком взглянуть в эти живые зеленые глаза, в нем сию секунду проснулись все самые теплые и счастливые чувства, словно их разлука продлилась целую вечность. Глядя на то, как привычно она моргает, как шевелит бровями и старается заговорить, как пытается протянуть руку к заветному лицу любимого человека, Ашидо за считанные мгновения разрыдался, как маленький ребенок, заливаясь бесконечным потоком слез радости от возвращения Юмико.

— Юмико, это я, Ашидо — твой любимый, — ласково приговаривал он. — Я здесь, теперь все хорошо, нам больше не нужно сражаться и больше нечего бояться! Ты жива, солнце, ты вернулась ко мне и теперь у нас все будет хорошо!

— А-ашидо? — ослабевшим голосом протянула девушка. — Ашидо, это ты?

— Да, Юми, это я, — все больше наполняясь слезами, мямлил Такаги. — Я так рад, Господи, так рад, что ты вернулась! Ничего не говори, просто смотри на меня! Мы победили, Юмико — победили! Мы с тобой выжили и смогли достичь нашей мечты!

— Ашидо, — с тяжестью, но искренне улыбнулась Юмико, положив руку на щеку возлюбленному. — Что здесь произошло, пока я спала?

— Не думай, просто отдыхай, мы теперь в безопасности и тебе больше ничего не угрожает, — продолжал успокаивать Ашидо, поглаживая засаленные светлые локоны волос, наматывая их на пальце от нервного дня.

— Ашидо, наш ребенок... Что с нашим ребенком? — внезапно забеспокоилась девушка, нарисовав на лице все самые искренние эмоции.

— С ним все хорошо! — заголосила стоящая рядом Лаффи. — Ни о чем не переживай, дорогуша! Мы победили, и теперь всех нас ждет новое будущее!

— Ура-а-а-а! — внезапно одновременно закричали стоящие вокруг люди, прыгая с места и радуясь тому, как все закончилось.

Глядя по сторонам, Ашидо и Юмико могли лицезреть то, как многие их друзья горят от радости финала, который им удалось отвоевать своими силами. Кто-то катался по земле, кто-то запрыгивал на других, кто-то слился в нежном поцелуе, а под этим «кто-то» подразумевались Лаффи и Дорн, что своим поведением вызывали негодование. Однако же, в этот день все могли сказать «да» своей новой жизни, в которой отныне открыты все двери для того, чтобы быть тем, кем ты всегда хотел быть. На лицах людей сияют улыбки, их души заполняются теплом и радостью после столь длительного и ужасающего этапа.

Этот день унес многие жизни, и жертвы судного дня Гармонии еще долго будут бельмом на глазу ее репутации, но именно этот вклад породил новое будущее для каждого и новое рождение великого города. Здесь многие обретали себя, многие достигали счастья прямо перед смертью, а кто-то даже сумел обзавестись новой семьей.

Ашидо всегда был в центре, он всегда привлекал к себе наибольшее внимание окружающих, он был, есть и будет, и никуда этот юноша уже сбежит, ведь теперь он назначает свои правила, а не слепо следует тому, что долгие годы для него готовили другие. Так в судьбоносный день и родился «Клинок Гармонии» — самый известный и один из самых уважаемых людей своей родины, который в будущем принесет еще немало пользы не только другим, но и в конце концов себе, ведь эта история была о нем — о человеке, который поднялся с самых низин, о человеке, который никогда не пренебрегал

человеческими чувствами, стараясь найти что-то человеческое в каждом, даже если этот кто-то был врагом. Своей волей он сплотил множество людей, своим добром он породил множество золотых людей и исправил оступившихся, своей любовью он породил новую семью и нового себя.

— Юмико, я люблю тебя, — искренне и ласково, заливаясь слезами, протянул Ашидо, глядя в яркие зеленые глаза своей будущей жены.

— И я люблю тебя, Ашидо, — столь же искренне и постепенно наливаясь слезами ответила Юмико, расплывшись в широкой счастливой улыбке.

***

Некоторое время спустя:

— Прости, Илия, я не смог защитить тебя тогда, и подверг опасности в этот раз, — раскаиваясь, склонил голову Бартон.

— Я тоже не был тебе лучшим братом, — обнадежил Илия. — Нет смысла ворошить прошлое, выискивая виноватых — для нас наступило новое время, и отныне нужно строить все так, чтобы не повторять прошлых ошибок.

— Народ не примет меня, брат. В их глазах я давно стал козлом отпущения, потому я не удивлюсь, если вину за все беды скинут на меня.

— На этот случай у тебя есть я, — улыбнулся Илия.

— И что ты будешь с этим делать? — нехотя поинтересовался Бартон.

— Стану новым королем, очевидно, — не сомневаясь в себе, заявил он. — Тебя запишем в советники, а знакомые нам ордены сделаем государственными. Впереди еще много такого, с чем стоило бы разобраться, имея тот опыт, который остался от Сенсуса.

— Я готов официально передать тебе корону, как доверенному лицу и кровному претенденту на трон, но такие планы масштабны, сначала стоит попробовать начать с чего-нибудь простенького. С чего-то такого, что нам будет не в тягость.

— Например, с Разлома? — подхватил Илия.

— Например, с него, — кивнул Бартон.

— Что будем делать с этой штуковиной? — спросил Илия, обращаясь к брату и глядя на сияющий в разных палитрах Разлом.

— Похоже, придется закрывать, — тяжело вздохнув, смирился Бартон. — Слишком много зла он принес в наш дом, слишком много раздоров посеял.

— Уйдут годы на то, чтобы полностью закрыть его, — подметил Кишин старший.

— Нам некуда спешить, — умиротворенно склонился Кишин младший. — Сделаем это так, как всегда делали.

— Как в старые добрые? — ухмыльнулся Илия.

— Как в старые добрые, — подхватил Бартон.

Так братья в привычной и забытой годами манере подошли друг к другу, взявшись за шею правыми руками, после чего с умиротворенной улыбкой соприкоснулись лбами в знак неподдельной братской любви, сомкнув глаза в знак доверия и неразлучности, какие бы сложности впереди не стояли.

— А меня с собой возьмете? — запрыгнув обоим на плечи, заголосил Лис.

— Как в старые добрые? — уточнили братья.

— Как в старые добрые! — в унисон воскликнула троица.

И вот, удаляясь в закат, трое великих людей, переживших свою собственную историю, стали участниками новой драмы, в которой победил тот, кто должен был победить.

Наверное, сама судьба распорядилась так, что все они должны встретиться вновь даже после смерти, но в реальности остается лишь гадать, какой у этой истории на самом деле подтекст.

Став друг для друга родными и обретя новую семью, все участники истории понимали, что обязаны всем одному человеку, который стал ключом к заветному концу масштабной истории, в которой была и драма, и жестокость, и все то, что делает нас людьми.

Этим человеком был Ашидо Такаги чье имя теперь неразрывно связано с титулом «Клинка Гармонии», и именно он был главным героем с самого начала до самого конца.

Живи вечность, Гармония!

Глава 71: Наследие

С момента последнего и самого кровопролитного сражения за всю историю Гармонии прошло три года, пролетевших так быстро, что, вспоминая минувшее, невольно осознаешь, как глубоко все произошедшее отложилось в памяти. Еще вчера все сжимали в руках рукояти мечей и нажимали на спусковые крючки, а на сегодняшний день все кардинально переменялось и от прежней обстановки не осталось ровным счетом ничего.

Ровно три года назад Гармония переродилась, и все мы не знали, к чему в конечном итоге приведет эта всеобщая авантюра, однако уже в первые месяцы все вокруг постепенно начало обретать краски. На улицах стали мелькать улыбки, дети беззаботно плелись в школу, жалуясь на ранний подъем и неприятное расписание, взрослые в той же манере бегали из дома на работу и с работы домой, но теперь они не выглядели такими изнеможенными, напротив, словно даже обеспечивать свои семьи стало как-то приятнее.

Город начал восстанавливаться, разрушенная инфраструктура постепенно восполнялась новой, и уже через год появились первые высотные жилые панельки, которые могли быть выше даже дворцовой цитадели. Профессия строителя вновь обрела свою ценность, но отныне людям не приходилось горбатиться за привилегии и большую сумму денег, рискуя здоровьем, ведь постепенно в нашем обществе заняла место алхимия, которую во многих слоях внедрили новый король и его преданный советник. Обычные люди орудовали знакомыми немногим перчатками с линзами, таскали всюду за собой бидоны с неведомой жидкостью, и опустошали их, избавляясь от немыслимого плотного содержимого ради стен, потолков и окон. С одной стороны, это внедрение привнесло огромный прорыв во многих сферах и упростило людской труд, но, с другой стороны, это негативно отразилось на наших отношениях с Австралией, ведь отныне они не могли предложить нам ничего более, кроме еды и напитков.

Что за человек стал во главе новой Гармонии, спросите вы, а я вам отвечу. Новым главой государства назначили Илию Кишина, и его кандидатура очень скоро себя оправдала, а уже через год мы могли жить спокойно, не опасаясь повторения того, что пережили в прошлом. Бартон после коротких переговоров добровольно и официально передал свой королевский титул брату, что народ воспринял как дурной знак, однако в день инаугурации нового короля все в миг осознали, что им больше нечего опасаться.

Илия Кишин отказался от короны, когда должен был надеть ее на голову на глазах у всей Гармонии, а вместо этого тот принес клятву и отдал честь своему старому другу — костяному шлему в виде черепа с отломанным рогом. Корону Бартона постигла более достойная участь, чем вынужденное висение на голове — ее переплавили на нужды производства Гармонии, а драгоценные камни извлекли и отправили в оптические лаборатории. Это решение было первым указом нового короля, и все так тепло его восприняли, что более никто не решался высказать что-то против Кишина старшего, однако вопросы к его брату все еще оставались, ведь Бартон не понес никакого наказания за все произошедшее, что невольно разгневало весь люд. Бартон Кишин занял место советника короля, хотя в любом ином случае отправился бы на нары, и лишь добродушие старшего брата могло дать этому человеку второй шанс. Илия всеми силами старался восстановить репутацию брата, и даже сам Кишин младший прилагал все усилия, чтобы конский труд принес свои плоды, и вскоре у них получилось.

Многие проекты по восстановлению Гармонии запускались по инициативе Бартона под его прямым кураторством и пристальным контролем, и один такой проект стал прямым доказательством того, что бывший деспот достоин прощения. Уже к моменту середины 2064 года Трущобы полностью пропали с карты города, а на их месте родился новый крупный артикул — «район Славы». Всего за три года огромной команде строителей под предводительством бывшего короля при его прямом участии удалось искоренить сырость, бедность и голод в чертах лежащих под дамбой земель. На месте грязи и ила появилась аккуратная плитка и твердый фундамент, постепенно вся территория заполнилась трубопроводом и электричеством, появились больницы, пожарные станции и полицейские участки, а старые халупы и разваливающиеся аварийные общежития заменились современными теплыми и комфортными домами, которые быстро заполнились жителями Трущоб, с которых не взяли ни копейки, одарив сверху льготами на бесплатное обслуживание дома и получение среднего и высшего образования в учебных заведениях, которые появились все там же — в бывших Трущобах только для их жителей.

Улицы отныне озаряли фонари, заросшие камышами поля стали живописными парками, а посреди всего этого нового чуда ярче всего выделялся мемориал «Славы и Памяти Гармонии». Это место собрало в себе всю информацию о тяготах двухлетнего периода всеобщего напряжения и упадка с 2059 по 2061 годы. Многие имена остались в памяти Гармонии на длинной доске погибших в период «Шепчущей революции», которую называли таким образом потому, что ее удалось повернуть по большей степени быстро и тихо под предводительством сил носителей. Самый большой людской вклад запечатлели на доске в отдельном месте вблизи памятника с весами, на которых кодекс Гармонии символично перевешивал вонзившийся в чашу меч.

Пусть это место было ключевым символом района Славы, но не главным, ведь мемориал не отражал того, что людям пришлось пережить, некогда выживая в Трущобах, а потому по инициативе «Клинка Гармонии» в самом сердце района был воздвигнут памятник в честь самого известного человека в этих кругах. «Девочка из Трущоб» — так называлась выгравированная из мрамора фигура худощавой девушки, сидящей рядом с голодающей бродячей овчаркой, вблизи которых красовались оригиналы небезызвестных баллонов «Аврора» и «Эверби». Этот же памятник послужил могилой для ушедшей в период «Шепчущей революции» Хомуры Эверби, тело которой придали земле прямо под памятником в ее честь, и даже сам король присутствовал на церемонии прощания, выражая ей уважение и говоря самые теплые слова.

Хомура стала символом борьбы за свободу, и люди ежедневно возносили цветы на ее могилу, которых было так много, что те быстро собирались в горы. Даже родители девочки по достоинству оценили то, что сделали для них не только новые покровители, но и собственная дочь. Только лишившись ее, они наконец забыли все разногласия по поводу имени и фамилии девочки, однозначно согласившись с тем, что она сама выбрала себе имя, а народ запомнил ее такой, какой она с самого начала хотела быть.

Район Славы безусловно был одним из лучших и самых крупных проектов нового государства, но это была лишь одна из немногих реформ, которые быстро всех нас настигли. Уже вскоре после инаугурации Илии, гвардия полностью расформировалась, а все ее служащие возмели право без задней мысли вернуться домой к родным, которые их ждут, но на удивление короля, многие остались, аргументируя свое решение тем, что именно в таком государстве, как новая Гармония, они всегда хотели служить. С того года военные силы

стали добровольным досугом, а не принудительным, как было раньше, и не так давно в гвардию вступил совсем юный Каспер. Мальчику едва исполнилось четырнадцать, но он уже твердо для себя решил, что отдаст тело и душу ради службы в гвардии Гармонии.

Орден «Юнити» в тот год распался, потому как целиком и полностью утратил прежнюю цель, а все его члены разбрелись кто куда, но по большей степени люди вернулись во дворец и заполнили пробелы на разных должностях, которые освободились после массовой чистки верхушки.

Фридрих Кафка ушел в отставку через два года после революции, вложив достаточно в новое начало и убедившись, что теперь мы можем справиться без него, дав старику возможность наконец отдохнуть от своей работы. Он многих курировал, участвовал практически во всем, что происходило в последние годы, а также всесильно защищал честь Бартона, пока все не встало на свои места.

Алан Ковинский вскоре вступил в гвардию и быстро продвинулся по службе, открыв в себе талант к стратегии, что побудило его расти еще выше, мечтая в заветный день дослужиться до генерала.

Милена Гринвуд тоже не обошла гвардию стороной, и стала первым в истории Гармонии инструктором по созданию и эксплуатации огнестрельного оружия шепотов, что уже вскоре принесло свои плоды, внедрив в арсенал дворца людей, способных сэкономить бюджет.

Орден «Юстиция» стал ведущим государственным аппаратом правосудия, заменив верховный и конституционный суды, а также более мелкие суды своими «филиалами». Зная главу этой структуры и целиком ей доверяя, Илия почтил орден всеми возможными правами, осуществив мечту многих его людей.

Солен Клерико заняла должность верховной судьи, полностью сохранив и преумножив свое положение в обществе и в кругу собственного ордена. Она была очень рада узнать, что теперь ее работу признают все, и более не нужно выискивать способы борьбы с жадными и завистливыми врагами, выгребая из ниоткуда деньги на оплату труда ее людей или даже скрывать свою деятельность от вездесущего государства, ведь отныне орден «Юстиция» был под прямой защитой короля.

Луна Сальваторис после всего произошедшего возжелала остаться со своей ближайшей подругой, но Солен настояла на том, что стоит найти в себе силы попробовать себя в чем-то еще, нежели в роли девочки на побегушках у влиятельной тети, и уже вскоре Луна устроилась на работу обычным учителем музыки в одну из самых обычных Гармонийских школ, открыв там же собственный музыкальный клуб для организации внеурочной деятельности. Так, неожиданно для нее самой, обычная человеческая профессия стала для девушки новым призванием, и она твердо решила, что надолго останется на новом месте.

Орден «Спектр» уже через несколько месяцев после революции был близок к распаду, ведь почти все его бывшие члены разбрелись в разные стороны, и лишь единицы остались среди тех, кто был одарен честью служить в государственном ордене, представляющем высшую боевую единицу Гармонии. Он мог бы утонуть в песках времени, оставив после себя лишь разруху, но невиданная популярность потянула людей к человеку, который до конца своих дней остался во главе ордена, и вскоре «Спектр» превратился в такую же обычную структуру, как и все остальные, собрав в себе множество сотен и даже тысяч подчиненных.

Погибшие члены ордена вскоре уютно расположились на мемориале ордена «Спектр», который образовался на месте нашей сторевавшей дотла базы. Строители разобрали обломки и

выгребли оборудование, мебель, личные вещи, памятные безделушки и много чего еще, а вскоре залили бетоном все подземные помещения, в которых некогда были рабочие места, создав на поверхности ровную плоскость без всяких скрытых комнат, где уже могли спокойно организовать кладбище для погибших членов ордена.

Тела Эмбер Роуз, Ринны Регер, Эмили Морроу, Джозефа Даяна, Натальи Рейх и Торина Мак Лохлейна были навеки погребены здесь, где народ смог бы их запомнить и никогда более не забыть. Их могилы расположились рядом друг с другом в один ровный ряд, надгробия отражали имена и их заветные мечты, а в центре располагался памятник в виде нашей признанной эмблемы, на табличке близ которой рассказывалось о самом ордене «Спектр». Амелия и Леонхардт Акина тоже были здесь, но их тела никто не решился откапывать из дорогого сердцу семьи места, где была захоронена их матушка Анна, потому Амелию после революции захоронили там, чтобы она могла остаться в объятиях любящей семьи. Хомура тоже могла оказаться здесь, но она заслуживала большего и вскоре получила свое.

Смерть Ринны очень неожиданно ударила по всем нам, и никто не мог поверить в то, что девушка добровольно отдала свою жизнь в руки доктора Фишера, однако после того, как оба из близнецов это подтвердили, все наши обвинения в миг порушились и доброе имя Дэниела оказалось восстановленным. Было особо тяжело хоронить ту персону, которая смогла все пережить и спасти еще множество жизней, расставшись со своей во имя любви и нежелания оставаться инвалидом. Мы могли лишь хоть как-то оставить ее в памяти и подчеркнуть заслуги при жизни, потому назвали в ее честь улицу в районе Славы и опубликовали найденную в архивах «GenTask» работу ее мужа Артура, скрыв все подробности о реализации проектов, оставив только результат и посмертно наградив обоих той премией, которую получают только самые лучшие.

Сам Дэниел Фишер после этой истории еще больше преисполнился в своем деле, вскоре расширив лабораторию и получив несколько государственных наград. Его работа углубилась в изучение Разлома, но постепенно затихла безрезультатно, поскольку мужчина не мог похвастаться тем, что открыли еще задолго до его рождения. Через два года доктор покинул лабораторию и устроился преподавателем в единственный государственный ВУЗ на новое медицинское направление, начав уделять больше внимания своим приемникам, не забыв о личной жизни и будущей семье, в поиски которой он с головой погрузился.

Труды не заставили себя долго ждать, и уже через полтора года он неожиданно сошелся с принцессой. Аой Изуми на тот момент уже претерпела множество внутренних изменений, наконец достигнув той эмоциональной зрелости, которой давно желала. Девушка покинула дворец почти сразу же, как закончилась революция, устроившись на работу стилистом в один из новых модных журналов, усевшись в уютном домике на границе Академического района, а уже вскоре вышла замуж за очень влиятельного и добродушного доктора. Бартон спокойно воспринял и одобрил этот союз, дав дочери полную свободу действий, чтобы она могла сама распоряжаться своей жизнью и больше никогда не чувствовать себя запертой в клетке. Этот шаг сильно улучшил их отношения, и пропасть между отцом и дочерью вскоре исчезла, вернув теплую ноту в семейные узы, после чего она могла ненадолго принять фамилию Кишин, пока еще не стала Аой Фишер.

Нао Кишин же не особо обрадовала других чем-то выдающимся, напротив, она плотно села на шею и круглыми сутками жила в свое удовольствие в собственной комнате во дворце. Пройдя недолгий курс реабилитации, девушка полностью восстановилась от

полученных ранений, и уже вскоре могла свободно передвигаться где душе угодно в поисках интересных для себя занятий. Она много чего перепробовала, множество раз меняла свой образ и пыталась открывать в себе новые таланты, но так ничего и не нашла за долгие два года, потому из соображений безнадеги отправилась в путешествие через океан, чтобы увидеть мир за пределами стен, и вот уже год ее с нами нет, потому остается лишь гадать, как же у нее там складывается жизнь.

Войд быстро освоился в новом теле и новом мире, став жить свободнее куда раньше, чем мы привыкли относиться к нему, как к мужчине. Его поведение кардинально изменилось по сравнению с тем, каким я его запомнил, но он все равно настаивал на том, чтобы я называл его так, как делал это всегда — просто Войд. Только близнецы называли его Лисом, и они же оказались лучшими друзьями для гуманоида, вскоре назначив того главным государственным алхимиком. Этот мужчина был очень добродушен, открыт и харизматичен, несмотря на женские черты, всюду вливался и везде оставлял след, стремился создать такой образ, в котором его будут знать, уважать и почитать, и уже совсем скоро у него получилось. Собрав ломкие и иссохшие волосы в хвост, покрасив их кончики в фиолетовый и обтянув тело более удобными и броскими короткими шортами с майкой без рукавов, закрыв шею шарфом и обувшись в модные кроссовки, Войд создал того, кого мы теперь помним, и я даже рад смотреть на то, как некогда пустая кукла начинает жить и все больше доказывает, что она была живой и до встречи со мной.

Николас Райс тяжело перенес все произошедшее, тайком подсев на наркотики, стараясь все больше и больше загубить свою молодую душу, пока не осталось ничего, что можно было купить, ведь в первый год после революции Гармонийский наркобизнес удалось полностью искоренить, достав и наказав всех известных «поваров» и распространителей, но лишь одно имя так и осталось в списке непойманных — Маэстро. Лишь пережив длительный период реабилитации, Ник смог увидеть что-то помимо тлена, наконец взявшись за свою жизнь. Лишь недавно он вспомнил о своих выдающихся умениях и устроился на работу в «Vostok.inc», который мы с ребятами чуть сами и не разрушили, где он нашел себе новую девушку, новых друзей и новый стимул жить, постепенно отдалившись от прошлого и начав жизнь с чистого листа.

Шин Дайго тоже пришел в упадок, но все равно продолжал использовать и нарабатывать те умения, которым его научила Мисато, постепенно прыгая все выше и выше по карьерной лестнице. Сейчас он всегда находится рядом, работая инженером на первом в Гармонии заводе машиностроения, планируя создать комфортные условия жизни не только для себя, но и для всех остальных, попутно отвлекаясь от дурных мыслей, которые уже долгое время его гложут.

Речь идет о Мисато Хагашиде, которая так и не вышла из комы за долгие три года, как бы сильно мы в это не верили. Девушка все еще пребывала в бессознательном состоянии на койке в клинике Фишера, пока он не оставил попытки вернуть ее в реальность, передав свою работу другим выдающимся докторам. Лишь Итачи ежедневно навещала свою дорогую подругу и наставника, ухаживая за ней и наблюдая за состоянием. В честь Мисато был назван тот самый государственный ВУЗ, в который она не смогла поступить, и если бы Хагашида сейчас очнулась, то была бы рада утереть нос всем тем, кто в нее не верил и кого она переиграла, не позабыв похвастаться государственной премией за открытие энтропиума как вида электрической энергии.

Итачи, очевидно для других, показывала всю свою любовь, привязанность и

благодарность Мисато, и вскоре она навсегда отказалась от прижившейся любимой работы горничной, найдя для себя новое призвание, которое она называла «возвращением долга и благодарностью». С помощью Илии кошечка переняла всю память Мисато до того самого дня, узнав все подробности о ее жизни, которую словно сама пережила, а также переняв все знания и умения, не исключая даже фамилию. Так Итачи стала Хагашидой — главой государственного инженерного отдела и главным инженером Гармонии. Она принесла колоссальную пользу всем нам, но все свои заслуги присваивала Мисато, какими бы важными они не были. Продолжая совершенствоваться, улучшая свое слабое тело и развивая мозг, Итачи с каждым днем становилась лучше и лучше, ожидая в заветный день сказать проснувшейся Мисато слова благодарности.

Маленький Кирей, которого так старательно выхаживала Итачи, вскоре смог пойти школу, мечтая в будущем стать выдающимся человеком. Только общаясь с ним ближе, я начал понимать, какой большой у этого мальчика потенциал и как он на самом деле добр сердцем, возвращенным любящей сестрой и заботливой добродушной горничной. Теперь Кирей мог жить полноценно в безопасном и отзывчивом обществе, где у него есть возможность быть тем, кем он хочет быть, и этот мальчик стал для многих из нас тем, на кого мы смотрим, чтобы оценить свои старания.

Мива Минагава, наверное, больше всех удивила Гармонийский народ, ведь эта ничем не примечательная скромная городская простушка стала избраницей нового короля. Девушка сильно выросла с момента нашей первой встречи, и сразу после революции нашла в себе силы признаться Илии во всем, что она к нему чувствует, и на ее удивление, но не на наши очевидные догадки, Кишин ответил взаимностью. Обычная девушка, родившаяся в семье наркоманов и бедности, стала героем Гармонии и ее «первой леди». Даже несмотря на свой маленький секрет, который воспринимался у других как врожденное уродство, она смогла испытать любовь и обрести семью, в которой почти сразу сложились теплые доверительные комфортные отношения, и, вот, совсем недавно у них родилась двойня: мальчик Федор и девочка Майя, что сделало девушку еще счастливее. Будучи супругой короля, имея скромное хобби в музыке и деньги на комфортную жизнь, Мива Кишин наконец обрела себя.

Илия Кишин, став королем Гармонии, сильно изменился, но не в худшую сторону. Все мы стали замечать то, как сильно он печется о благополучии всех нас и как сильно пытается не допустить упадка, минуя все возможные убытки. Этот образ наконец показался всем настоящим, ведь под давлением человек не может скрывать свое настоящее «Я». Он стал лицом нашего дома, одним из тех, кого почитали и восхваляли: мудрый и чуткий король, надежный, ответственный и верный муж, любящий отец и брат, а также обычный хороший человек. Под его предводительством многое изменилось в лучшую сторону, но больше всего приближенных восхищало то, как они с братом и Войд стремятся построить для себя новое будущее, работая вместе над тем, до чего не допустят других. Так, например, эта троица уже три года усиленно пытается навеки закрыть небезызвестный Разлом, выкачивая из него ту энергию, которая отвечает за материализацию в нашем мире, и, скажу честно, я был очень удивлен, узнав, что это злополучное пятно уменьшилось почти на 19 % за этот период. Остался ли в Илии боец, спросят многие, а я однозначно заявлю, глядя на сломанный меч на кожаном поясе — да.

Бартон Кишин, если не говорить о заслугах перед народом, сильно вырос в глазах остальных, став для нас не только другом, но и родным человеком, отчего я по сей день продолжаю удивляться, вспоминая то, как мы враждовали. Сейчас он продолжает отдавать

всего себя ради других и в особенности ради брата-близнеца, но это порождает волнения по поводу того, сможет ли он когда-нибудь обустроить свою жизнь, или так и будет вечность носиться за комфортом для остальных. Он вернул к себе доверие дочерей, защитил честь и достоинство, показал всем, что не был плохим человеком, и если отныне будет, то это не на его совести, потому теперь он стал частью нашей большой семьи.

Лаффи после революции, подобно другим, покинула «Спектр», и уже в скором времени вышла замуж за капитана Дорна Кастелланоса, который на тот момент уже ушел в отставку. Сменив имя на Лаффиелла, чтобы соответствовать новому статусу, она открыла свое частное детективное агентство, утащив за собой мужа, и дела их быстро пошли в гору благодаря методике «Охотник и Жертва», где Дорн был охотником, а Лаффи жертвой. Агентство заимело колоссальную популярность и процент раскрытых дел о похищениях людей после проделанной ими работы достиг отметки в 97 %. Новая семья стала для Гармонии хорошим союзником, и уже меньше, чем через год, у них родилась дочь, которую супруги назвали Сесилией. Ей достались самые красивые черты от матери и отца, и теперь оставалось только обеспечить девочке хорошее будущее и воспитание, с чем Лаффи безусловно справится, ведь на данный момент она стала действительно умной, мудрой и стабильной женщиной, которой отныне можно лишь гордиться.

Отдельного внимания заслуживает персона Хорнет Ишимару. Сразу после окончания революции она покинула орден и стала жить своей жизнью прямо во дворце, словно начав ее заново. К сожалению, из-за особенности крови девушки мы не смогли бы вернуть ей потерянные ноги, потому до конца своих дней она осталась прикованной к инвалидной коляске. Всем хотелось сочувствовать и жалеть Хорнет, но она отмахивалась и стояла на том, что с такой жизнью ей не в чем сочувствовать, а потеря ног — лишь небольшая цена за желанное будущее. Эта сильная характером девушка во всем искала плюсы, даже если выглядела угрюмо, словно хочет снова кого-то убить, продолжая искать для себя интересные занятия, пока с головой не погрузилась в писательство. Ее первая книга «Внутри и Снаружи» стала бестселлером и быстро завоевала сердца людей, рассказывая о биографии самой Хорнет и о том, как она вела свою борьбу, будучи одной из ветеранов ордена «Спектр». Постепенно девушка все больше набирала популярность, продолжая писать, но в один момент та приняла одно радикальное и очень сомнительное решение. Хорнет умерла в 2063 году во время родов, от которых ее ограждали все доктора, но девушка знала, на что идет и чего хочет, потому заведомо попрощалась со всеми родными и друзьями, опасаясь, что все может закончиться в родильном зале. Она попросила похоронить себя на мемориале «Спектра», если что-то пойдет не так, и опасения не оказались беспочвенными, ведь Хорнет не выдержала родов, успев лишь подарить жизнь своему малышу, которого назвала Тимьян Ишимару. Этот мальчик должен был стать продолжением ее рода, потому ему сохранили фамилию матери, учитывая то, как сильно Хорнет старалась скрыть информацию об отце ребенка, хотя внешние сходства с матерью напрямую говорили о том, как ответственно она подошла к выбору.

Хороший финал ждал даже тех, кто когда-то был нашим врагом, и речь идет именно о старике Сальвадоре. В то время, как многие давно погибли, он продолжает жить и заниматься своим делом без вмешательства других в работу, но мы не могли оставить все так, как есть. Его работа была опасна для общества, даже если тот делал ее с благими намерениями, потому Илия принял решение депортировать Сальвадора из Гармонии вместе со всеми картинами и группой дипломатов, которые помогут ему прижиться на новом месте,

где старик сможет продолжить свою деятельность, не мешая Гармонии отстраиваться с нуля.

Сейчас, когда вокруг воцарился мир и люди почувствовали себя комфортно, я стою здесь, на одинокой горе посреди весенней зеленой травы, пока ласковый ветерок развивает отросшие за годы волосы. Глядя на город с высоты, я вижу то будущее, которое желал получить, будущее, за которое мы боролись, за которое я боролся. Ашидо Такаги стал символом революции, стал человеком с единственным титулом «Клинка Гармонии», стал самым известным человеком во всей Гармонии и самым влиятельным, но все мы прекрасно понимали, что я добился этого, пройдя по головам и пролив реки крови. Убийца не должен иметь такой чести, но коли она мне дана, нужно оправдывать свое имя и жить дальше, стараясь свыкнуться с прошлым. Я все еще являюсь главой «Спектра», все еще принимаю людей и руковожу другими, но я уже совсем не тот человек, которым был когда-то.

В тот день я поклялся, что никогда больше не возьмусь за меч и не заберу ни одной жизни, в какой бы ситуации не находился, и эта клятва стала моим кредо, а жизнь постепенно начала налаживаться. Мы с Юмико поженились и переехали в ее старенький дом в Дипломатическом районе, отмыли его от тонны пыли и привели в порядок, выбросив старую мебель и построив внутри уютное семейное гнездышко. Эта девушка изменила мою жизнь и теперь является моей любящей и верной женой, с которой мы вместе пережили множество невзгод и доказали друг другу, что можем быть самой крепкой и неразлучной семьей.

— Папочка, когда мы уже пойдем? — прозвучал ласковый детский голос.

— Еще минутку, Юзуру, — улыбнувшись, ответил я, озарив взглядом дочь.

Стоящая позади меня и держащая за руку маму красивая девочка — наша дочь Юзуру. Этот ребенок с самого своего появления на свет завоевал мое сердце, и отныне я готов всеми силами защищать и поддерживать ее в любом начинании, любить и одарять родительской заботой, ведь помимо героя Гармонии, я еще и отец. Юзуру достались мои объемные черные волосы и мамины сияющие бесконечно глубокие и добрые зеленые глаза, а также из ниоткуда появились милые веснушки, так и говорящие о том, какое же у нас родилось чудо. Ее появлением на свет я обязан многим, ведь если бы все было иначе, я бы сейчас не испытывал тех теплых чувств, которые переполняют меня изо дня в день.

Положив цветы на скромную могилку, я невольно бросил взгляд на табличку, на которой были выгравированы имена Джиро, Марии и Эдварда Такаги. Сердце пронзительно кольнуло, но вскоре нахлынувшие чувства утихли.

Сейчас у меня больше не осталось никого из прежней семьи: мама умерла в психиатрической клинике, а отца и брата я убил своими руками. Эдвард не врал, когда говорил о нашей семье, ведь в нашем старом доме на одной из дальних пыльных полок я нашел семейный альбом, где было общее фото, говорящее само за себя. Можно сказать, вся моя семья была обречена утонуть в крови, и с моей стороны было бы лицемерно остаться в живых, однако я старательно выбрасываю эти мысли из головы, ведь теперь у меня есть новая семья: любящая и верная жена Юмико, любимая дочь Юзуру и наш приемный беловласый мальчик Тим, которого мы будем растить, как собственное дитя.

Пусть на Эдварда и свалили все грехи Гармонии, которые не только спасли репутацию Бартона, но и смогли объяснить еще много чего произошедшего, я считаю это несправедливым. Теперь его все ненавидят, в школах рассказывают о том, каким он был отвратительным человеком и как много зла принес в наш дом, и лишь я один могу

продолжать любить его после всего, что между нами произошло. Здесь, на месте семейной могилки, его тело может быть погребено и пребывать в безопасности, ведь только мы знаем о том, где он находится.

Теперь у нас впереди новая жизнь и новая цель, потому я буду тем, кем должен сейчас быть. Мы победили судьбу и завоевали свое будущее, мы пролили реки крови и выжили, чтобы начать все с нуля в новом мире, где не будет места тому, что было однажды. История Ашидо Такаги подходит к концу, и этот финал спустя скоротечные три года можно с уверенностью назвать хэппи эндом.

— Пойдем, Юзуру, Сесилия, наверное, уже заждалась, — встав на ноги и взяв дочь на руки в обнимку, ласково произнес я.

— Ты больше не плачешь, — внимательно подметила Юзуру.

— Мне больше незачем плакать, — столь же ласково ответил я.

— Почему? Случилось что-то хорошее? — ехидно подмигнула Юмико.

— Потому что теперь я по-настоящему счастлив.

Больше книг на сайте - Knigoed.net